

ГЕРЦЕН И ЗАПАД

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Основу документальных публикаций настоящего тома составляют материалы из собраний Амстердама, Женевы и Парижа, ранее входившие в так называемый Архив семьи Герцена.

Главная тема книги — Герцен и Запад. Это один из основных вопросов биографии автора «Былого и дум», поскольку формирование его мировоззрения и вся его деятельность проходили под влиянием факторов русских и западноевропейских.

В первом разделе — Герцен и национальные культуры западноевропейских стран — публикуется переписка Герцена с иностранными деятелями. Среди корреспондентов и адресатов представлены имена: Т. Карлейля и Д. Коуэна — для Англии; Ф. Фрейлигграта и К. Фогта — для Германии; Д. Маццини и Ф. Орсини — для Италии; Л. Блана, В. Гюго и П. Ж. Прудона — для Франции и др. Письма печатаются в группировках по национальному признаку адресатов и корреспондентов. Каждой группе предпослана статья, в которой дается общая характеристика взаимоотношений Герцена с национальной культурой и современной ему общественно-политической жизнью каждой данной страны. Серии этих статей и публикаций предпослана проблемная статья. В ней ставятся некоторые общие кардинальные вопросы, относящиеся к теме «Герцен и Запад». В частности, раскрывается роль, которую сыграл западноевропейский опыт в разработке Герценом проблем революции и социализма.

Среди документальных источников второго раздела — Из истории русской революционной эмиграции — публикуются еще не бывшие в нашей печати дневники старшей дочери Герцена Натальи Александровны и большое письмо Бакунина, посвященное критике и отрицанию пресловутого нечаевского «Катехизиса революционера».

Третий раздел — «Архив Герцена и Огарева». Он занят одной обширной работой. В ней впервые на основе всей возможной полноты источников воссоздаются сложная история и судьба рукописного наследия издателя «Колокола».

Четвертый раздел — «Публикации и сообщения». В нем печатаются материалы, связанные с отдельными эпизодами жизни и деятельности Герцена на Западе.

В томе 140 иллюстраций.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГЕРЦЕН И ЗАПАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ

РЕДАКЦИЯ
Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН, К. Д. МУРАТОВА,
П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. М. РОЗЕНБЛЮМ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 5

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ГЕРЦЕН И ЗАПАД

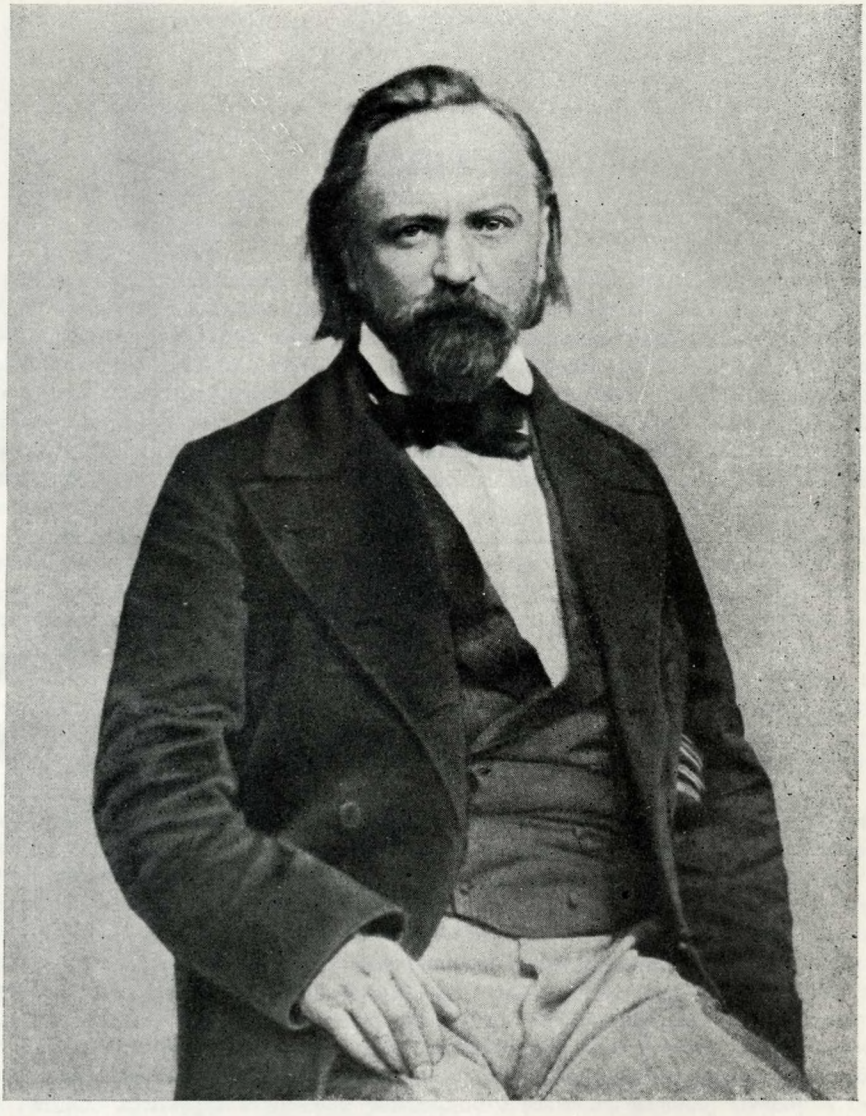
ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
С. А. МАКАШИН, Л. Р. ЛАНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 5

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Л $\frac{4702010000-270}{042(02)-85}$ IV.84.349

© Издательство «Наука», 1985 г.



ГЕРЦЕН

Фотография. Лондон, 1852—1853

Музей Герцена, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Эта книга продолжает серию томов «Литературного наследства», посвященных Герцену и Огареву, их окружению и эпохе. Два первых тома серии (39-40 и 41-42) вышли в 1941 г. Документальный фонд их составили материалы советских архивов. Четыре последующих тома (61, 62, 63 и 64) появились в 1953—1958 гг. В них опубликованы так называемые «пражская», «софийская» и «нью-йоркская» коллекции Герцена и Огарева (из них первые две находятся ныне в СССР). Там же опубликованы и отдельные группы эпистолярных текстов из архивных собраний Амстердама, Будапешта, Кракова, Лондона, Милана, Праги и Рима.

В настоящем томе, а также в подготовляемом следующем печатаются материалы еще трех герценовских коллекций, находящихся за рубежом,— «амстердамской», «женевской» и «парижской» *. Вместе с названными выше коллекциями, а также с рукописями, еще задолго до революции поступившими от наследников Герцена в московский Румянцевский музей («Комната людей 40-х годов») — ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина,— эти собрания составляют в своей совокупности все содержание так называемого *Архива семьи Герцена*. Хранившийся после смерти автора «Былого и дум» у его старших детей и пополнявшийся ими, этот огромный архив, вобравший в себя также бумаги Огарева, долгое время находился в Лозанне у дочери Герцена, Натальи Александровны. В целом, однако, сложная история архива более чем за шестидесятилетнее пребывание его у членов герценовской семьи оказалась историей его постепенного распада на ряд крупных частей, «коллекций», оказавшихся в разных странах Западной Европы, а также в США.

Поискам и собиранию материалов Архива семьи Герцена «Литературное наследство» отдало несколько десятилетий целенаправленных усилий. В настоящее время это дело большой важности для изучения истории русской общественной мысли, революционного движения и литературы можно считать в общем завершенным, хотя дальнейшие поиски рукописного наследия Герцена и Огарева (особенно Герцена) должны продолжаться. Герцен был связан с таким числом разнообразных деятелей многих стран, сотрудничал в таком количестве иностранных органов печати, что новые находки за рубежом его писем, а быть может, и произведений его пера представляются не только вероятными, но и несомненными. Это обстоятельство не колеблет, однако, того, что фундаментального значения задача перемещения из-за границы в Советский Союз — частично в подлинниках, частично в фотокопиях — всего богатейшего Архива двух выдающихся деятелей русской культуры и русской революции *в основном* решена. Оговорка необходима вследствие того, что история Архива знает немало случаев передачи материалов в другие руки, а также необъяснимых пока утрат.

По своему основному содержанию рукописи «амстердамской», «женевской» и «парижской» коллекций распадаются на четыре части. Часть первая — рукописи произведений Герцена и Огарева, вторая — материалы, относящиеся к международным связям Герцена; третья — к истории русской революционной эмиграции 1860-х — начала 1870-х годов и четвертая — к семейным и дружеским отношениям Герцена и Огарева, к их «личным» биографиям. Материалы второй и третьей частей составляют главный документальный фонд настоящего тома — «Герцен и Запад». Материалы первой и четвертой частей публикуются в подготовляемом следующем томе — «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей».

С выходом в свет двух названных томов будет решена не только собирательская, но и издательская задача по отношению к этому выдающемуся архивному собранию — задача публикации *всех* его материалов, представляющих научный и общественный интерес. *Всех* — это значит

---

* Публикации материалов «амстердамской» и «парижской» коллекций начались еще в т. 64.

и тех рукописей, тексты которых уже появились в зарубежных научных изданиях — в частности в женевском сборнике «Autour d'Alexandre Herzen» (Librairie Droz, 1973) и в парижском трехмесячнике «Cahiers du Monde Russe et Soviétique» (1970-е годы). Однако публикации этих рукописей в нашем издании осуществлены не по печатным источникам (всюду указываемым), а по фотокопиям с амстердамских, женевских и парижских подлинников и сопровождаются статьями и комментариями советских авторов. Сохраненный же в нескольких случаях исследовательский аппарат иностранных публикаций пересмотрен авторами для издания в «Литературном наследстве» и кое в чем существенно дополнен или, напротив, сокращен.

Все иноязычные тексты Герцена и Огарева воспроизводятся как на языке оригинала, так и в переводе на русский. Впервые публикуемые письма разных лиц, адресованные Герцену и Огареву, также даются на двух языках. Что же касается иноязычных писем к Герцену и Огареву, которые уже воспроизводились в иностранных изданиях, то они печатаются только в русских переводах, со ссылками на место первой публикации.

Главная тема настоящего тома — *Герцен и Запад*. Ею определяется одна из основных проблем всей биографии Герцена, поскольку формирование и эволюция его мировоззрения, его идейные поиски происходили под влиянием взаимодействия факторов русских и западноевропейских. Проблемы этой, относящейся также ко всей истории раннего русского социализма, касались многие авторы, начиная с Плеханова, с одной стороны, и Р. Лабри — с другой. Но в большинстве работ суждения о западноевропейских влияниях на идейное развитие Герцена выносились на основании ограниченных, разрозненных и преимущественно русских источников — главным образом на основании свидетельств самого Герцена в «Былом и думах» и других его произведениях.

Только теперь, на основе того огромного количества новых фактов, которые приведены в известность документально-архивными публикациями последних десятилетий у нас и за рубежом, прежде всего на страницах «Литературного наследства», затем тридцатитомного Собрания сочинений и писем Герцена, а также посвященной ему, еще не завершенной «Летописи жизни и творчества...», перед герценоведением и сопредельным с ним огаревоведением открылись возможности не только для изучения отдельных, еще недостаточно освещенных вопросов, но и для широких научных обобщений. Этими возможностями воспользовалось и «Литературное наследство» в своих новых «герцено-огаревских» томах.

Первый раздел — *Герцен и национальные культуры западноевропейских стран — Переписка с иностранными деятелями*. Публикации в нем не ограничиваются рамками воспроизведения еще не бывших в печати или изданных только за границей писем Герцена из его переписки с иностранными деятелями. Письма печатаются в группировках по национальному признаку корреспондентов. Каждой группе предпослана развернутая статья. Задача этих статей — дать серию обобщенных характеристик взаимосвязей Герцена с национальными культурами и современной ему общественно-политической жизнью ряда крупнейших стран Западной Европы. В статьях приводятся и обобщаются относящиеся сюда главные факты, либо остававшиеся до сих пор разрозненными и не осмысленными в их совокупности, либо вовсе до сих пор неизвестными. Возглавляет эту серию «национальных» статей и эпистолярных публикаций предшествующая им статья «Герцен и Запад». В этой статье раскрывается роль, сыгранная западноевропейским опытом в разработке Герценом проблем революции и социализма. Изучению интернациональных интересов и связей Герцена посвящен также ряд публикаций четвертого раздела. Преломление в творчестве и деятельности Герцена опыта западноевропейской жизни — один из важных источников формирования того богатства международных связей революционной России, о котором говорил Ленин.

Второй раздел тома — *Из истории русской революционной эмиграции*. Документальные источники и сопровождающие их исследования двух первых работ раздела относятся к таким значительным эпизодам этой истории, как полемика Герцена с Бакуниным по славянскому вопросу и скандинавская линия в деятельности Герцена и Огарева, связанная с польским восстанием 1863 г. и с попытками издателей «Колокола» создать дополнительный революционный фронт на северных рубежах России. Первая тема разработана на основе вновь найденной статьи Бакунина 1867 г. в неаполитанской газете «Libertà e Giustizia», вторая — на архивных материалах (включая письма Герцена) Шведской королевской библиотеки в Стокгольме. Последняя работа второго раздела посвящена «нечаевщине». В ней впервые собрана воедино вся главная документация, относящаяся к «нечаевской истории» 1870 г. и к участию в ней Огарева, Бакунина и дочери Герцена, Натальи Александровны. Здесь, в частности, публикуется еще не бывший в нашей

печати ее дневник и огромное письмо Бакунина к С. Г. Нечаеву, посвященное критике и отрицанию его пресловутого «Катехизиса революционера», — предвестник разрыва их отношений. Разработка данной темы имеет не только научное, но и политическое значение. Имена Нечаева и Бакунина часто используются за рубежом тенденциозно. Задача советских исследователей заключается в том, чтобы документально показать, как русские революционеры, современники Нечаева, в их числе Г. А. Лопатин, но также и сам Бакунин, выступали против его аморальных псевдореволюционных действий, против шантажа, обмана и беспринципности в революционном движении. Публикуемые материалы во многом выполняют эту важную задачу.

Третий раздел тома — *Архив Герцена и Огарева*. Он целиком занят одной, но обширной работой. В ней впервые, на основе всей возможной сейчас полноты источников, воссоздается сложная история и судьба рукописного наследия издателей «Колокола», оставшегося после их смерти за границей. Это одна из важных итоговых работ в герценоведении, на его источниковедческом участке.

Четвертый раздел — *Публикации и сообщения*. Он состоит из ряда публикаций и статей, относящихся к некоторым более частным вопросам и эпизодам жизни и деятельности Герцена на Западе.

Собирание материалов «амстердамской», «женевской» и «парижской» герценоведческих коллекций осуществлено «Литературным наследством» путем обменов копиями документов между зарубежными и советскими архивами. В результате этих обменов, проходивших на протяжении 1950-х — начала 1980-х годов, редакция получила несколько тысяч фотокопий рукописей и переписки Герцена и Огарева, а также биографических и других документальных материалов. Все полученные материалы переданы на постоянное хранение в соответствующие фонды тех архивных учреждений, которые участвовали в обмене. Руководил всеми работами по организации и проведению обменов С. А. Макашин. С советской стороны в обмене приняли участие: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина — заведующая Отделом рукописей С.В. Житомирская и заведующий Отделом иностранного комплектования и международного книгообмена Б. П. Каневский; Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — заведующий Отделом рукописей и редких книг А. С. Мыльников и заведующая Отделом международных обменов И. Ф. Григорьева; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства — директор С. Т. Плешаков и заведующий Отделом внешних сношений Главного архивного управления при Совете Министров СССР М. Я. Капран; Центральный государственный архив литературы и искусства — директор Н. Б. Волкова. Из зарубежных архивистов в обмене участвовали: Национальная библиотека в Париже — старшие хранители Отдела рукописей J. Porcher и M. Thomas; Международный институт социальной истории в Амстердаме — его директора последовательно—проф. A. Rüter, проф. Fr. de Jong, д-р J. B. van da Leeuw и заведующий Славянским отделом д-р L. van Rossum; Публичная и Университетская библиотеки в Женеве—почетный профессор Женевского университета S. Stelling-Michaud и хранитель Отдела рукописей F. Monnier. Большую помощь при обмене материалами с Национальной библиотекой оказала «Литературному наследству» Т. А. Бакунина-Осоргина (Париж). Ей редакция обязана также сообщением ряда ценных сведений, относящихся к истории и судьбе Архива семьи Герцена.

Всем названным учреждениям и лицам редакция приносит глубокую благодарность.

Собирание материалов Архива семьи Герцена было бы невозможно без активно благожелательного отношения к этому делу со стороны старших членов этой семьи, живших в Версале и Париже.

С благодарной памятью называем здесь имена ныне уже покойных внуков и правнуков Герцена, оказавших нам наибольшую помощь и содействие,— Жермены Шарль Рист, Жанны Моно д'Анфу, Эдуарда Моно-Герцена и Леонарда Риста. По инициативе последнего, а также его брата, ныне здравствующего Ноэля Риста, «Литературное наследство» было приглашено в 1970 г. присутствовать в Париже при вскрытии в Национальной библиотеке пакета с рукописями из архива Герцена, закрытого наследниками до столетия со дня смерти. И они же способствовали получению «Литературным наследством» разрешения Национальной библиотеки на снятие копий со всех рукописей пакета и на их публикацию. В этом деле значительная помощь была оказана также проф. Анри Гранжаром. Ряд материалов, как текстовых, так и изобразительных, хранившихся у Леонарда Риста, а также у Сержа Герцена (Швейцария), был получен при посредстве их московской кузины Н. П. Герцен.

Первичное археографическое изучение и описание материалов, полученных из Амстердама, Женевы и Парижа, осуществлены, после передачи этих материалов в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, С. В. Житомирской.

Помимо материалов, полученных редакцией «Литературного наследства» из-за рубежа в составе перечисленных выше обширных коллекций, в томе публикуются разрозненные письма и целые циклы писем Герцена и к Герцену — главным образом его переписка с представителями западноевропейской революционной демократии — французской, английской, немецкой, итальянской, шведской, финской и др., выявленная в зарубежных и советских архивохранилищах, музеях и библиотеках (Париж, Безансон, Лондон, Бонн, Стокгольм, Мюнхен). Среди корреспондентов Герцена здесь фигурируют такие имена, как П. Ж. Прудон, В. Гюго, Л. Блан, Г. Кинкель, Ф. Фрейлиграт и др. Некоторые из этих документов были опубликованы в зарубежной печати уже после выявления и подготовки их текстов для настоящего тома «Литературного наследства».

Иллюстрации к тому подобраны Т. Г. Динесман и И. М. Рудой.

Рукопись тома рецензировали Б. С. Итенберг, З. В. Смирнова и И. С. Черноуцан.

Редакторы тома С. А. Макашин и Л. Р. Ланский.

ГЕРЦЕН И ЗАПАД

ИДЕЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКОГО МЫСЛИТЕЛЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Статья А. И. Володина

I

Герцен— выдающийся деятель отечественной культуры, писатель, сыгравший, по словам В. И. Ленина, «великую роль в подготовке русской революции» [1]. Преданный сын своего народа, Герцен вместе с тем был лишен каких бы то ни было националистических предрассудков. «Да, в наш патриотизм входит общечеловеческое, и не токмо входит, но занимает первое место...» — убежденно писал он в середине 1840-х годов (II, 407). И это убеждение Герцен пронес через всю свою жизнь.

Проблема соотношения национального и общечеловеческого, обычно выступавшая в общем контексте философско-исторических размышлений Герцена в своей конкретной, особенной форме, а именно как проблема отношения России к Западу,— одна из центральных в его творчестве. Это имело свои глубокие причины.

Именно в «эпоху Герцена», символическими границами которой можно считать восстание декабристов 1825 г., с одной стороны, и Парижскую коммуну 1871 г.— с другой, происходит интенсивное приобщение России к группе исторических — в гегелевском смысле этого слова — народов: бывшая «периферия» все зримее притягивается к центру мировой истории, даже втягивается в него, оказывая все более сильное воздействие на судьбы общеевропейской цивилизации (было ли такое воздействие в том или ином случае положительным или отрицательным — это уже особый вопрос). Процесс «европеизации», обуржуазивания России — явление и неоднозначное по своим тенденциям, и далеко не одномерное. Это и рост ее экономических связей со странами Запада; это и возникновение внутри страны хозяйственных, социальных и политических институтов капиталистического типа, объективно родственных западноевропейским, хотя и не всегда связанных с ними генетически; это и развитие, так сказать, международной активности российского самодержавного государства, одно время занявшего даже вакансию «жандарма Европы»; это и, одновременно, растущая солидарность русских и европейских демократов и революционеров; это и интернационализация культурной, духовной жизни страны, возникновение и бурный рост внутри русского национального сознания того его компонента, который основоположники марксизма называли «всеобщим сознанием той или другой нации» [2]. В сущности об этом последнем обстоятельстве писал еще в 1937 г. С. А. Макашин, отмечавший, что «замечательное поколение строителей русской культуры, родившихся в десятилетие между взятием Бастилии и 18-м брюмера,— поколение, к которому принадлежали Пушкин, Грибоедов, Пестель, Чаадаев, Рылеев, Вяземский, Н. Тургенев,— осознает себя деятелями не только русской, но и всеевропейской истории и культуры, хотя и на русском ее участке. Русскую национальную культуру они вполне сознательно — и это их характерная черта — строят как одну из великих европейских национальных культур, в тесном общении с ними, с учетом и творческой переработкой их опыта» [3]. Герцен, родившийся через двенадцать лет после переворота 18 брюмера и принадлежавший уже в значительной степени к иному поколению деятелей русской культуры, не в меньшей мере, чем его предшественники, выступает как мыслитель и художник европейского склада и масштаба.

Скажем больше: творчество Герцена было не только проявлением отмеченного выше приобщения России к мировому духовному производству, но и, что для нас еще более важно, активным двигателем процесса вовлечения России в общеевропейскую культурно-интеллектуальную жизнь.

Судьба поставила Герцена лицом к лицу с современным ему западноевропейским миром. Половину своей сознательной жизни, с 1847 до 1870 г., он находился вне родины, проживая ве

Франции, Италии, Англии, Швейцарии... Никогда не порывая духовной связи с отчизной, Герцен на протяжении долгих лет осуществлял великую историческую миссию — миссию своеобразного посредничества между Россией и Западом. Его деятельность в годы эмиграции — символическое выражение крепнущих взаимосвязей и растущего единства российского и международного освободительного движения, интернационализации мирового революционного процесса.

Творчество Герцена — мыслителя и писателя — не только находится на уровне высших достижений современной ему западноевропейской культуры, оно во многом европейское и по своему содержанию, а в определенной мере также и по выражению: Герцен печатался на многих европейских языках, некоторые же из его статей, книг и написаны были первоначально по-французски, другие продиктованы по-немецки. Наиболее значительные сочинения Герцена олицетворяют собой процесс взаимопроникновения лучших, передовых традиций русской и западноевропейской социально-философской мысли и художественной литературы.

Во многих произведениях Герцена нашли оригинальное воплощение его напряженные раздумья над проблемой, столь сильно волновавшей умы и сердца многих его соотечественников,— проблемой совпадения и несовпадения исторических путей, а точнее говоря, грядущих судеб России и Запада.

Сравнительно слабое развитие буржуазных начал в русской действительности 1830—1860-х годов составляло объективную основу для постановки вопросов: а нельзя ли России миновать насыщенный кровавыми столкновениями путь развития, проделанный странами Западной Европы? Стоит ли повторять их печальный опыт (а «печали» капитализма обнаруживали себя на Западе все более явно)? Нет ли иных, особых, соответствующих национальным традициям, путей к будущему? Русские мыслители самых разных мировоззрений, но объединенные общим беспокойством о будущем своей страны, проявляют именно в это время предельную активность в осмыслении проблемы «Россия и Запад». Амплитуда решений — громадная. Сами решения подчас настолько сложны, что выстроить их в один ряд — по политическому или какому-либо иному признаку — просто невозможно. Чаадаев... Гоголь... Белинский... Хомяков... Достоевский... Салтыков-Щедрин... Тютчев... Чернышевский... Писарев... Чичерин... В этом практически бесконечном ряду, одну «закраину» которого составляет космополитическое «западничество», а другую — националистическое «русофильство», Герцен — одна из важнейших фигур.

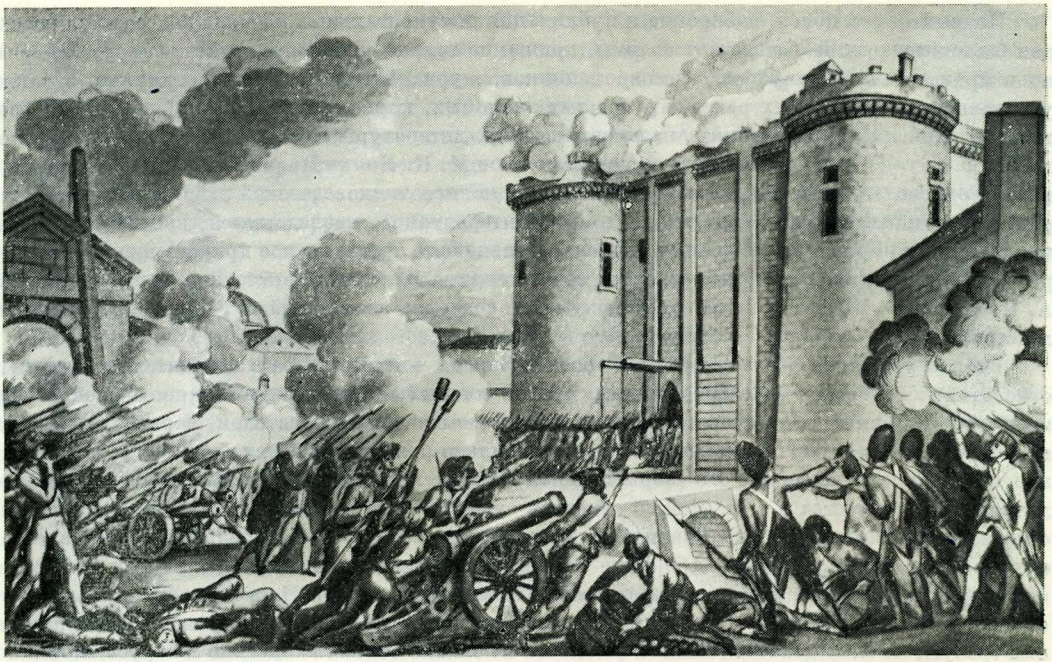
Не случайный факт, хотя и всего-навсего только внешнее обнаружение глубинных процессов: именно в эпоху Герцена появились и вошли в литературный, да и в житейский обиход понятия «западничество», «славянофильство», «русофильство», а потом и «почвенничество».

Характерно, однако, что ни «западник», ни «славянофил» — понятия, обозначавшие определенный ориентир социально-философского мышления и служившие идеологическими мундирами для разных групп лиц, часто незаурядных,— никак не подходили Герцену. Кто бы ни примерял их на него (а желающих было немало, особенно после смерти мыслителя), эти понятия-мундиры никак не «шли» к нему, каждое из них было ему узко.

В одном из писем к М. К. Рейхель в ноябре 1859 г. Герцен заметил: «Не поддавайтесь европолюбам.— *Я не их* и *не славянофил* — те и другие идолопоклонники: одни верят в Парижскую, другие — в Иверскую. Я ни в ту, ни в другую» (XXVI, 311). Действительно, предложенные Герценом понимание, толкование, решение проблемы «Россия и Запад» оказывались совсем иными — сложнее и глубже, чем те, которые фиксировались в понятиях «западничество» и «славянофильство».

Правда, это не было выражено Герценом в одной четкой, жесткой формуле. Да и говорить о герценовском *решении* данной проблемы можно только условно, беря слово «решение» в кавычки, ибо оно представляло собой не ответ и не серию ответов на какие-либо определенные вопросы, а, скорее, узел взаимосвязанных вопросов, их постановку. В этом нашла выражение одна из характернейших особенностей герценовского художественно-теоретического мышления: он представил своим современникам и оставил нам в наследство не столько теоретически строгие выкладки, тщательно сформулированные выводы, сколько будоражащие душу и мозг вопросы.

И все-таки, если мы хотим определить своеобразие герценовского вклада в решение проблемы «Россия и Запад», то нам необходимо в первую очередь обратиться к выдвинутой и известным образом обоснованной им концепции так называемого «русского» социализма, концепции, ставшей исходной при формировании одного из влиятельнейших направлений общественной мысли и освободительного движения в России XIX в.— народничества. А обратившись к ней, мы обнаружим: основным понятием, «интегрирующим», спаивающим воедино будущее России и итог раз-



ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ 14 ИЮЛЯ 1789 г.
Гравюра И. Эльмана по рисунку Ш. Монне
Лист из альбома: «Description abrégée des quinze estampes sur les principales journées de la Révolution». Paris, ⟨1790-е гг.⟩
Музей Герцена, Москва

вития, главным наследством западноевропейского мира (а также, кстати сказать, основным содержанием духовных исканий самого Герцена) является социализм.

Идея социалистического будущего человечества была одним из наивысших ко времени Герцена достижений европейской науки об обществе. И вот эту-то идею, казавшуюся химерической даже многим представителям «просвещенного Запада», Герцен сделал попытку «приложить» к отсталой, полуазиатской, крестьянской России, к стране, находившейся, согласно общепринятым в Европе меркам, чуть ли не в арьергарде цивилизации. И не просто приложить — привить к России, скрестить с Россией, «одействотворить» в России.

II

Мы упомянули выше лишь о некоторых характерных чертах жизни, деятельности и творчества Герцена. Но уже из сказанного, думается, видно, почему каждый, кто когда-либо писал о Герцене, осмыслял значение его социально-философских идей, исследовал его биографию и сочинения, не мог, по существу, уйти от темы «Герцен и Запад». Иногда она становилась и предметом более или менее специального рассмотрения, конечно, не во всем ее громаднейшем объеме, но в в каких-то более или менее существенных аспектах. К этой теме обращались историки, литературоведы, философы и публицисты, представлявшие разные политические и идейные течения — буржуазное (С. Н. Булгаков, М. М. Ковалевский, М. О. Гершензон, П. Б. Струве и др.), народническое (Н. С. Русанов, В. М. Чернов и др.), марксистское (Г. В. Плеханов, Ю. М. Стеклов и др.). Известно, сколь глубоко принципиально разрешена эта тема в статье В. И. Ленина «Памяти Герцена». Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские ученые в тесном контакте с исследователями-герценоведами других стран осуществляли и осуществляют изучение данной темы по ряду направлений.

С большой долей условности и схематизма можно выделить три «пласта залегания» рассматриваемой темы и соответственно — три уровня ее освоения.

Первый — это поиск, собирание и публикация документальных материалов, составляющих как бы эмпирический базис данной темы, причем не только сочинений и писем самого Герцена, но и произведений, мемуаров его современников, журнальных и газетных откликов, а также установление неизвестных ранее зарубежных знакомых, корреспондентов Герцена, новых фактов изучения им произведений западноевропейской литературы и т. п. Множество материалов такого рода содержит, в частности, осуществленное М. К. Лемке Полное собрание сочинений и писем Герцена. Существенными вехами плодотворной источниковедческой работы явились шесть ранее вышедших «герцено-огаревских» томов «Литературного наследства» и, конечно же, издание 30-томного Собрания сочинений Герцена. Дальнейшее значительное приращение источников рассматриваемой темы дают вышедшие из печати первые три тома «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена». Интереснейшие новые документы содержит настоящий том «Литературного наследства».

Второй уровень в освоении темы «Герцен и Запад» — изучение ее в сравнительно частных, относительно самостоятельных аспектах: анализ личных и творческих взаимоотношений Герцена с тем или иным западноевропейским деятелем, мыслителем, писателем, характеристика отношения Герцена к определенным событиям социально-политической жизни Запада; исследование того, какое отражение в его творчестве получали те или иные проблемы зарубежной науки, литературы, искусства и т. п. Можно отметить существенные достижения в этой области марксистского герценоведения, выразившиеся, в частности, в ряде содержательных статей в томах «Литературного наследства», в сборнике «Проблемы изучения Герцена» (М., 1963) и др. Тем не менее разработка этого пласта осуществляется пока еще медленно. Не в последнюю очередь это объясняется объективными трудностями, связанными с изучением упомянутых выше вопросов: они требуют от исследователя знаний в области не только отечественной, но и зарубежной истории — будь то история социальных движений или история литературы, философии, экономической науки. Выход настоящего тома «Литературного наследства», в котором помещены обстоятельные статьи советских и зарубежных ученых, подытоживающие изучение проблем «Герцен и Англия», «Герцен и Франция», «Герцен и Италия», «Герцен и Германия» и т. д.,— существенное продвижение в научной разработке данного тематического пласта.

Наконец, имеется и третий, самый глубокий пласт рассматриваемой темы: анализ Герценом уроков западного социального и духовного развития при постановке и рассмотрении им важнейших политических, нравственных, философских проблем — проблем, имевших в силу своего общетеоретического характера значение как для России, так равным образом и для Запада. Мы имеем в виду, в частности, такие проблемы, как единство и многовариантность исторического процесса, диалектика свободной человеческой деятельности и объективных обстоятельств, противоречия в развитии общества, сущность и судьбы буржуазной цивилизации, социально-этическая природа мещанства, роль разумного начала в истории, диалектика цели и средств в политической борьбе, взаимоотношение эволюции и революции в истории, личностного и коллективистского начал в общественной жизни, знания и нравственность, революция и нравственность, возможность мирного пути к социализму и т. д. [4]

Революционизируя самой постановкой этих проблем социально-философскую науку своего времени и общеевропейское общественное сознание, Герцен оказывается исторически первым в ряду тех русских мыслителей, чьи творения и сегодня еще будят, тревожат совесть и разум человечества. В этом ряду — Достоевский, Чехов, Толстой...

Многим из этих проблем Герцен не сумел дать последовательного научного решения. Его ответы на жгучие вопросы, поставленные практикой происходившей на его глазах острой классово-политической борьбы, теоретической мыслью его времени, оказывались, как правило, пронизанными противоречиями. «Противоречия А. Смита,— заметил однажды Маркс,— важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не решает, но которые он ставит уже тем, что сам себе противоречит» [5]. Эти слова Маркса можно с полным правом отнести и к Герцену, заметив при этом дополнительно, что русский мыслитель — в отличие от А. Смита — обычно стремился к намеренному, сознательному обнажению и заострению обнаруживаемых им противоречий в сфере общественной практики, духовной культуры, социальной теории или же между ними.

Своеобразная диалектичность, антиномичность герценовского идейного творчества, свидетельствующая не столько о слабости, как это может показаться на поверхностный взгляд, сколько о силе мыслителя, о проницательности и отваге его мысли, не раз была предметом далеко не научных спекуляций со стороны буржуазных авторов. Играя на противоречиях социально-фило-

софской концепции Герцена, некоторые из них (И. Берлин, В. Пирожкова и др.) предпринимали попытки так интерпретировать «вклад Запада» в духовный мир этого выдающегося русского мыслителя, что, вульгарно осовремененный и представленный крайне односторонне, он превращался под их пером в ярого ниспровергателя идей революции и социализма. Естественно, что это не могло не вызвать соответствующей реакции у советских ученых, показавших и осудивших предвзятый, необъективный характер такого подхода к наследию Герцена.

Вместе с тем приходится все же признать, что по крайней мере некоторые из тех реальных проблем, на которых спекулируют И. Берлин и близкие ему по духу современные интепретаторы Герцена, проблем, к постановке и оригинальному освещению которых Герцен пришел в результате глубокого осмысления западноевропейской действительности, рассмотрены в нашей литературе еще далеко не достаточно.

Вот почему из всего обилия сюжетов, входящих в тему «Герцен и Запад», мы сочли целесообразным сосредоточиться в этой статье лишь на следующем: каким образом опыт современных Герцену западноевропейских революционных (и контрреволюционных) движений, прежде всего событий 1848—1849 гг., повлиял на его понимание и истолкование революции и социализма? Разумеется, наше вынужденно краткое рассмотрение данного вопроса будет иметь здесь довольно общий, а в отдельных случаях даже тезисный характер.

III

Символ, не более — первая встреча, первое «столкновение» Герцена с Западом: младенец в захваченной войсками Наполеона Москве...

Но уже «школа Запада» в юношеские годы, в доэмигрантский период деятельности — явление для дальнейшей творческой биографии Герцена весьма существенное.

Конечно, главной школой была сама русская жизнь. Мировоззрение Герцена складывалось и развивалось прежде всего под определяющим воздействием внутренних факторов, насущных потребностей национального развития. Наследник и продолжатель дела декабристов, Герцен в иных исторических условиях — в условиях николаевской реакции — стремился найти новые пути и средства борьбы за освобождение родины от самодержавно-крепостнического гнета. Невозможность открытой политической деятельности предопределила интенсивное погружение в теорию: в ней прежде всего ищутся Герценом, как и многими его современниками, ответы на «проклятые вопросы» бытия.

Общеизвестно, какую громадную роль в идейных и художественных исканиях Герцена периода 1830—1840-х годов сыграло освоение им богатейшего опыта предшествовавших поколений творцов отечественной культуры и, конечно же, современной ему русской литературы и науки. Упомянем хотя бы о том заметном следе, который оставили в духовном мире Герцена сочинения Грибоедова и Рылеева, Пушкина и Гоголя, исторические труды Карамзина, журналистика Полевого, «Философическое письмо» Чаадаева, лекции Грановского и Рулье...

Вместе с тем становление и развитие Герцена, характер и проблематику его творчества 1830—1840-х годов совершенно невозможно понять без учета места и роли Запада в формировании его духа — точнее, того влияния, которое оказали на него произведения мастеров западноевропейской культуры эпохи Возрождения и Просвещения, представителей современной ему зарубежной общественной мысли, науки и литературы, а также, конечно, отнюдь не в последнюю очередь события социально-политической жизни Западной Европы того времени.

Считая науку и культуру всеобщим достоянием, Герцен — и это, вообще говоря, очень для него характерно — уже в первых же произведениях делает ведущими, опорными понятиями своего творчества понятия *человечества* и *науки*. Но не только в терминологии дело: драмы человечества Герцен принимает близко к сердцу, а важнейшие достижения зарубежной культуры — литературы, науки, философии — впитывает, превращая в собственную духовную индивидуальность.

Свободное, с детства, владение французским и немецким языками давало Герцену возможность чувствовать себя «дома» в западной художественной литературе. Напомним лишь о том воодушевлении и увлечении, с которыми — в разные годы — Герцен зачитывается поэтическими творениями Шиллера и Гете, Данте и Шекспира. В круге его чтения произведения многих других писателей Франции, Германии, Англии, Италии, Испании.

Пожалуй, как никто другой из русских людей того времени, Герцен тщательно изучает труды европейских философов — сначала преимущественно французских (Вольтера, Руссо,

Кузена, Кине, Лерминье и др.), а потом в особенности немецких (Гегеля, Фейербаха, младогегельянцев). Прекрасный знаток истории западной философии и науки (здесь руководствами для него в первую очередь были изданные в 1830-х годах «Лекции по истории философии» Гегеля и книги Фейербаха «История новой философии от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы» и «Изложение, развитие и критика философии Лейбница»), Герцен хорошо разбирался в острой идейно-философской борьбе, происходившей в Германии в начале 1840-х годов. На основе поистине энциклопедических философских и естественно-научных знаний и в результате глубокого проникновения в сущность философских проблем современности создаются им два цикла статей — «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», не потерявшие во многом своего значения и сегодня. Оценивая философские взгляды Герцена, В. И. Ленин написал: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени 〈. . .〉 Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [6].

Высоко ценя, заинтересованно изучая, критически перерабатывая и усваивая достижения науки Запада, Герцен считал высшим итогом ее развития идею социализма. Непосредственно-исторически его обращение к этой идее было детерминировано событиями западными. Известно, с каким энтузиазмом воспринял Герцен весть об июльской революции 1830 г. во Франции. Два номера «Journal des Débats», сообщавшие об этом событии, Герцен, по его словам, «перечитал сто раз 〈. . .〉 знал наизусть» (VIII, 133). «Мы следили шаг за шагом,— свидетельствовал он,— за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и генералом Ламарком, мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты, от Манюэля и Бенжамен Констана до Дюпон де Лёра и Арман Кареля» (VIII, 134). Но вскоре последовали иного рода вести — о расстреле Лионского восстания. А потом еще: либеральная, «революционная» Франция ничем не помогла, как ожидали многие, полякам, поднявшим восстание против николаевского деспотизма... Не раз и не два писал Герцен впоследствии о том, что социалистическая мысль в России явилась как реакция на разочарование в идеологии западноевропейского буржуазного либерализма после и в связи с июльской революцией 1830 г. и разгромом польского восстания 1830—1831 гг. Вот одно из таких свидетельств: «После Июльской революции, окончившейся лионской *резней*, после польского восстания, окончившегося *водворением порядка в Варшаве*, в России потеряли веру в политику; там стали подозревать бесплодие либерализма и бессилие конституционализма. С одной стороны, становилось все очевиднее, что русский народ не солидаризируется с меньшинством, с другой — стали с ужасом замечать убожество революционной идеи, господствующей во Франции. Сомневались, отчаивались, искали чего-то иного.

Это «иное» уже было найдено...» (XII, 76),— говорит Герцен, имея в виду социалистические учения.

В теориях Сен-Симона и Фурье, с которыми Герцен познакомился в 1832—1833 гг., он нашел для себя ответ на томивший его вопрос о будущем человечества. То, что уже в начале 1830-х годов Герцен становится приверженцем социалистических идей, во многом предопределило направленность его последующих социально-философских исканий. Конечно, увлечение мечтой о социалистическом обновлении человечества не означало отказа от ранее исповедовавшегося просветительства (в реализации Просвещения Герцен видит даже некоторые преимущества Германии по сравнению с Францией). Но все же основной тон его мировоззрению задает отныне устремленность к «палингенезии» — провозглашенному социалистами возрождению человечества.

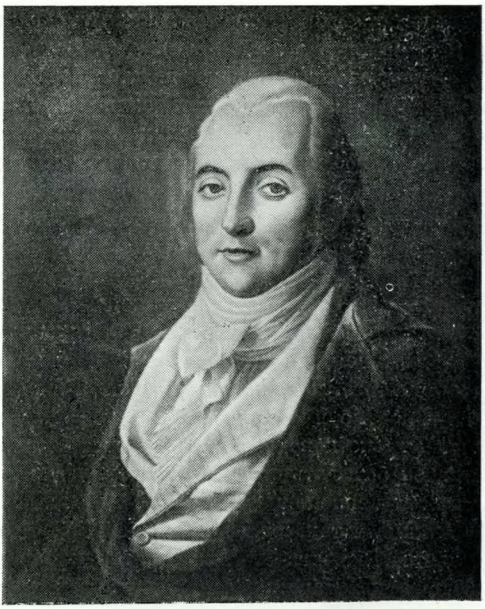
Вера в такое будущее, где будет «не нужно ни господина, ни слуги» (XXI, 26), принявшая одно время вид религиозной веры, требовала переосмысления не только настоящего, но и прошлого человечества. Считая центральным событием всей прошлой истории Великую французскую революцию, Герцен уже в одной из самых первых своих работ — статье «О месте человека в природе» (1832) — усматривает в этой революции «темный кровавый терроризм», но вместе с тем видит ее значение в том, что из произведенных ею развалин «возник новый человек, стряхнул с себя пыль и, благодаря предшественников, начал новое здание. Теперь он строит, погодим судить его,— это великое дело будет принадлежать потомству» (I, 21, 25).

В утопическом социализме Запада Герцена привлекает прежде всего констатация ограниченности, недостаточности тех преобразований в обществе, которые были осуществлены в результате совершившихся буржуазных революций, критика капиталистической цивилизации с точки зрения идеального строя социальной гармонии. В идее социализма Герцен видит про-

возвестие нового «тома» мировой истории, грядущей эпохи, которая, окончательно решив проблему согласования личных и общественных интересов, воплотит в себе вместе с тем все то разумное, что было достигнуто человечеством ранее.

В конце 1830-х — первой половине 1840-х годов Герцен знакомится с трудами и идеями современных ему социалистических мыслителей — Леру, Консидерана, Блана, Прудона, Вейтлинга. Одновременно по сочинениям Гизо, Шлоссера, Карреля и других историков он внимательно изучает революционные движения, политическое и духовное развитие Запада.

Один из стимулов для этого серьезного погружения в историю Европы — стремление выявить происхождение идей социализма. Так, прослеживая по работе Луи Блана «История десяти лет» события революции 1830 г., Герцен записывает в дневнике как важный результат своих размышлений: «Политические перевороты без социального сделались невозможны» (II, 287). Дочитав первые три тома этого труда, Герцен вновь обращается к теме о «необходимости социального переворота». Он пишет, что «теперь», т. е. после революции 1830 г., после проповедей сен-симонистов и крушения республиканцев, эта необходимость «стала очевидна, враги развития, как Гизо, понимают и трепещут. Изменение права собственности, коммунальная жизнь, организация работ — вопросы, занимающие всех, видящих далее носа, нелепость случайного и нелепого распределения такого важного орудия, как богатство, нелепость гражданского порядка, приносящего на жертву огромное большинство, невозможность равенства при таком устройстве — все это стало очевидно,— а давно ли? 〈. . .〉 Конечно, при лучшем общественном устройстве многие не будут иметь возможности тратить деньги, как теперь, но никто не будет мереть с голоду 〈. . .〉 Франции принадлежит великая инициатива этого переворота. Она ему положила начало Конвентом. Болезненно достигает она до осуществления. Достигнет ли, когда? — Все равно человечество ей не забудет первый шаг» (II, 289).



АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН
Портрет работы А. Лабиль-Гиар (пастель), 1796. Копия, 1848
Bibliothèque de l'Arsénal, Париж

В этих словах не только критика эксплуататорского строя за его «нелепость», критика, основанная на убеждении в принципиальной «разумности» истории, но и усмотрение направленности хода развития общества — к социализму. С таким пониманием социального процесса связаны и упреки Герцена в адрес славянофилов: «Удивляюсь, как славянобеснующиеся не понимают истории, не понимают европейского развития,— это помешательство» (II, 289).

Изучение трудов французских, немецких и английских историков то и дело приводит Герцена к сопоставлению путей развития и современного состояния России и стран Западной Европы. Так, по поводу «Истории Английской революции...» Гизо Герцен записывает: «Расстояние наше с Европой во всем неизмеримо. В Европе самодержавие было болезнь одного века, от которой сама власть стремилась отречься (скрывая цель под личиной общественной пользы), у нас в заключение всей истории нашей, не имевшей никакого знамени, в XIX веке водрузили хоругвь, на которой просто и ясно говорится, что цель наша, слово эпохи — самодержавие. Народ — только поддержка самодержавия. Представьте европейские государства: Сардинию, Неаполь, Австрию, где бы цинизм деспотизма дошел до того, чтоб на знамени написать „абсолютизм — самовольство власти...“» (II, 292). При чтении книги А. Карреля «История контрреволюции в Англии», сравнивая деспотизм «отвратительно ограниченного» Якова II с политической ситуацией в России, Герцен пишет: «Разница притеснений и ужасов Якова с нашим состоянием огромная, там есть партия за него, у нас только повиновение из невежества и выгоды 〈. . .〉 Яков II прямо боролся, и с ним боролись, там были права на борьбу, ему бог знает каких трудов стоило сделать судебную власть подлою, у нас понятия нет о праве вне произвола. Там насилие, революция, абнормальность — у нас обыкновенный порядок дел; оттого там человек шел на плаху невинно, но

мог высказать это, у нас молча и немо казнили бы его, у нас не усомнились бы в том, что он казнен по праву» (II, 293—294).

Впоследствии, характеризуя свои воззрения 1840-х годов и утверждая, что «в основах» они были теми же, которые отстаивались им двадцать лет спустя, Герцен писал, что тогда, до своего отъезда за границу, он «не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически, и еще больше ⟨...⟩ любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам». «Видя,— продолжал Герцен,— как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *западником*» (XVIII, 278).

Верные в принципе, эти слова Герцена нуждаются в некоторой корректировке: его знание Запада в 1840-х годах все же не было исключительно книжным, теоретическим. Большую информацию о жизни и событиях за кордоном Герцен черпал из бесед с возвращавшимися оттуда русскими путешественниками (Н. П. Огаревым, В. П. Боткиным, А. И. Тургеневым и др.), из обращенных к нему писем друзей и знакомых, по тем или иным причинам находившихся за рубежом, а кроме того, конечно, из русской и иностранной прессы. В своей совокупности все это также формировало его отношение к европейской жизни, его понимание проблем Запада.

Так, по поводу известий о восстании в Греции, в результате которого король Оттон I вынужден был дать стране конституцию, и о движении возглавлявшейся Дж. Маццини «Молодой Италии» Герцен отмечает в своем дневнике 9 октября 1843 г.: «3 сентября в Афинах и движение в Италии. Итак, юг Европы не спит. В Италии будут казни. В Греции — бог знает что. Правительство Людвига-Филиппа против — оно не хочет понять своего призвания в борьбе двух начал и укрепляет Париж. Без крови не развяжутся эти узлы. Отходящее начало судорожно выдерживает свое место и, лишенное всяких чувств, готово всеми нечеловеческими средствами отстаивать себя» (II, 309). В связи с начавшимся 4 июня 1844 г. восстанием силезских ткачей Герцен пишет: «В Силезии бунтуют работники, ломают машины, бросают изделия, etc., etc. ⟨. . .⟩ Месть бунтовавших очевидна, они жгли векселя, выбрасывали бумаги, деньги, портили товар и не крали» (II, 360). Откликается Герцен и на восстания в Праге и других городах Чехии: «29 ⟨июля 1844 г.⟩. В Праге и около работники продолжают войну с машинами ⟨. . .⟩ Пора же, наконец, опомниться людям, пора явиться религии, которая на хоругви своей поставит уничтожение беззаконных привилегий меньшинства» (II, 370).

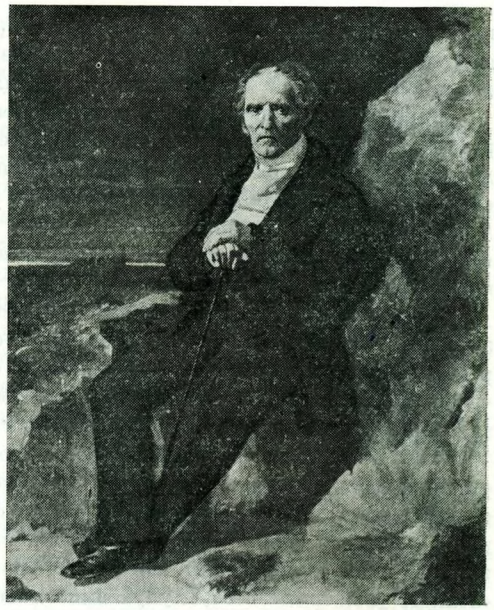
Как видим, хотя Герцена и причисляли к стану тогдашних «западников», его (как, впрочем, и Белинского, и молодого Салтыкова-Щедрина) приверженность к социалистическому идеалу не позволяет ему идеализировать буржуазные порядки, детерминирует своеобразие его места и роли в идейной жизни России 1840-х годов.

Да, в ненависти и пренебрежении идеологов официальной народности (и смыкавшихся с ними в данном отношении славянофилов) к Западу Герцен видит «ненависть и пренебрежение к свободе мысли, к праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации», более того,— «ко всему процессу развития рода человеческого, ибо Запад,— по убеждению Герцена,— как преемник древнего мира, как результат всего движения и всех движений,— все прошлое и настоящее человечество (ибо не арифметическая цифра, счет племен или людей — человечество)» (II, 240).

Но вместе с тем, любя Запад «всей ненавистью к николаевскому самовластью» («Как странно сделается на душе, когда видишь все бедное развитие права где-нибудь в Пруссии, вдруг взглянешь домой — и Пруссия покажется раем земным» — II, 233), Герцен сознает и несовершенство порядков европейских,— настолько, что ему «становится страшно и стыдно» (II, 359) при знакомстве с теми «ранами общественными» буржуазного строя, которые вскрыла социалистическая литература и которые чем дальше, тем все больше становились очевидными. Так что «западником» Герцен был далеко не правоверным.

IV

Считая наивысшим достижением западного развития идею социализма, Герцен все же не видит исчерпывающего, окончательного, вполне убедительного решения социального вопроса ни в одной из известных ему социалистических теорий. В каждой из них он находит — наряду с сильными сторонами, «резкой истиной» — недостатки, односторонности, а то и «нелепости» (II, 313—314). Склоняясь более всего к учению фурьеристов, Герцен далеко не удовлетворен устройством их фаланстера (см. II, 361). Вообще, по его мнению, как теория социализм находится лишь в стадии своего становления, нуждается в более прочном научном философском обосновании и, кроме того, в своем полном развитии он должен быть доступен массам.



ШАРЛЬ ФУРЬЕ
Портрет работы Э. Жигу (масло). 1836.
Лувр, Париж (дар В. Консидерана).

При чтении «Всеобщей истории церкви» А. Ф. Гфрёрера, отмечая «поразительное сходство современного состояния человечества с предшествующими Христу годами» и уделяя особенное внимание тем учениям, из которых сложилось раннее христианство, Герцен пишет: «В наше время социализм и коммунизм находятся совершенно в том же положении, они предтечи нового мира общественного, в них рассеянно существуют membra disjecta * будущей великой формулы, но ни в одном опыте нет полного лозунга. Без всякого сомнения, у сен-симонистов и у фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но *чего-то* недостает. У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании,— счастье, что ученики его задвинули его сочинения своими. У сен-симонистов ученики погубили учителя. Народы будут холодны, пока проповедь пойдет этим путем; но учения эти велики тем, что они возбудят, наконец, истинно народное слово, как евангелие. Доселе с народом можно говорить только через священное писание и, надобно заметить, социальная сторона христианства всего менее развита; евангелие должно взойти в жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство. Коммунизм, конечно, ближе к массам,— продолжает Герцен, имея в виду, очевидно, учение Вейтлинга,— но доселе он является более как негация, как та громовая туча, которая чревата молниями, разобьющими нелепый общественный быт, если люди не покаются, видя перед собой суд божий. „Искупление, примирение, παλίγγευσία и ἀποκατάσις πάυτων" ** — слова, произносимые тогда и теперь. Обновление неминуемо» (II, 345).

Переведенная на язык философии истории проблема связи социалистического идеала с действительностью, теории с практикой, науки с массами выступает у Герцена в виде идеи о необходимости интегрирования национального опыта различных стран, конкретнее говоря, синтезирования немецкой философии и французского социализма (и шире — французского социального движения). В своем дневнике Герцен отмечает, что «характеры Германии и Франции в деле эмансипации», выражающиеся в журналистике этих двух стран, противоположны: Германию отличает «твердая мысль, глубина и притом квиетизм», во Франции — «сколько жизни, огня, слов таких, которые сейчас соберут кружки на бульварах, и притом какая плоскость пониманья истин независимо от современных интересов! Философски-политические статьи просто смешны; фр⟨анцузы⟩ двумя веками отстали в спекуляции от немцев, так, как немцы пятью от французов в приложении идеи права к действительности» (II, 224). Вместе с тем Герцен отмечает и общее в развитии обоих народов: «Франция,— пишет он в «Дилетантизме в науке»,— своим путем дошла до заключений, очень близких к заключениям науки германской, но не умеет перенести их на всеобщий язык науки, так, как Германия не умеет языком жизни повторить логику» (III, 73).

При всем очевидном схематизме данных рассуждений налицо фиксирование противоречивости, рассредоточенности исторического прогресса на Западе, как он имел место до сих пор. А кроме того, в этом подходе обнаруживается позиция, которая ставит Герцена тремя головами выше всех отечественных англоманов, франко- или германофилов — и предшествовавших, и современных ему.

В общем уже в первой половине 1840-х годов посредством интенсивнейшего проникновения в интеллектуальную сокровищницу Запада Герцен не только приходит к тем выводам, которые созвучны были идеям передовых европейских мыслителей (мы имеем в виду прежде все-

---

* разрозненные части (*лат.*).
** возрождение и приведение всего в первоначальное состояние (*древнегреч.*).

го концепцию философии Гегеля как «алгебры революции», положение о необходимости и плодотворности соединения философской теории с социальной практикой, попытку синтезирования немецкой философии и французского социализма и т. п.), но кое в чем даже опережает их [7].

Важным элементом размышлений Герцена 1840-х годов о грядущем осуществлении царства разума и справедливости, «примирении» идеала и действительности, науки и жизни является допущение особой роли русских в дальнейшем развитии человеческой цивилизации. Возможно, считает он, что «органом» этого примирения будет Франция или Германия. Однако «в этом деле, может, и мы можем вложить лепту» (II, 257). «Может, мы, мало жившие в былом, явимся представителями действительного единства науки и жизни, слова и дела. В истории поздно приходящим — не кости, а сочные плоды» (III, 73).

Правда, о том, что русские, славяне вообще, «в будущем, вероятно, призваны ко многому» (II, 289), Герцен говорит очень осторожно, «гадательным» образом. Вместе с тем уже теперь — в ходе острых споров со славянофилами — он обращает внимание на примитивно-коммунистические черты быта русской крестьянской общины как на возможный зародыш будущего развития. После беседы с путешествовавшим по России бароном Гакстгаузеном Герцен замечает (май 1843 г.): «Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать, сообразно требованиям времени etc.» (II, 281). Несколько дней спустя он записывает: «Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей — все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости»; но вместе с тем славянофилы, как считает Герцен, забывают об отсутствии у русского крестьянина «всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, возможность жить при таком порядке дел» (II, 288).

А в феврале 1844 г., не в первый уже раз размышляя о том, какой же народ проложит дорогу социалистическому будущему, грядущей эпохе, «которая на знамени своем поставит не личность, а общину, не свободу, а братство, не абстрактное равенство, а органическое распределение труда», Герцен пишет: «Славяне ли, оплодотворясь Европой, одействотворят идеал ее и приобщат к своей жизни дряхлую Европу, или она нас приобщит к поюневшей жизни своей? Славянофилы разрешают этого рода вопросы скоро, как будто дело давно решенное. Есть указания, но далеко нет полного решения» (II, 336).

Все-таки авангард исторического прогресса, его ударную силу Герцен видит в это время на Западе: он полон ожиданием революции, верит в нее, ждет «сигнала» из Франции.

Как известно, после первого непосредственного знакомства с Западной Европой герценовское ожидание революции сильно подтачивается настроением социального скепсиса. В произведениях и письмах Герцена 1847 г. эта вера и этот скепсис находятся в довольно сложном переплетении.

Но при первом же известии о февральской революции 1848 г. во Франции вера взяла верх: Герцену представляется, что новая революция начнет собой эпоху всеобщего равенства и братства, эпоху социализма.

V

Свидетель, наблюдатель, очевидец... Такими словами обычно характеризуем мы отношение Герцена к революции 1848—1849 гг. И действительно, ему многое довелось лично увидеть и услышать в бурлящей Европе конца 1840-х годов, когда «наконец-то старуха проснулась и пошла писать» (XXIII, 65). Некоторые из произведений Герцена — своеобразная хроника, летопись революции; в них, а также в письмах и мемуарах Герцена — галерея ярких картин тогдашних событий [8], портретов участников движения, политических деятелей, со многими из которых Герцен был близко знаком.

Впрочем, Герцен не только созерцал и описывал революцию — он сам участвовал в ряде социальных выступлений — и в Италии, и во Франции. То и дело мы видим его на улицах и площадях, где волнуется народная толпа; он близко наблюдает манифестацию в Риме в связи с революционными событиями в Королевстве обеих Сицилий («...мы были дома на улице...» — свидетельствовала о тех днях жена Герцена [9]), посещает литературно-политические клубы, непосредственно участвует в демонстрации 22 марта 1848 г. в Риме и других массовых собраниях. В кипящем страстями Париже 1848 г. Герцен буквально, говоря его словами, «жил на площади» (XIII, 326). Так, 15 мая он «с утра до ночи на улице» (V, 132) и собственными глазами наблюдает за неудавшейся попыткой рабочих масс разогнать Национальное собрание (Герцен — у его дверей) и образовать «свое», революционное правительство. 23 июня, в день начала восстания па-

рижских пролетариев, он рядом со строителями баррикад. И один из рабочих протягивает Герцену ружье (после Герцен сокрушался подчас, что не взял его,— см. X, 231). Годом позже, 13 июня 1849 г., Герцен участвовал в демонстрации, организованной мелкобуржуазной «Горой»[10].

Однако вряд ли будет верным на основании указанных выше и подобных им фактов зачислять «подтягивавшего»«Марсельезу» Герцена в ряды участников революции (как это иногда делается). В этом отношении он не выдерживает, например, никакого сравнения с М. А. Бакуниным, который был одним из главных действующих лиц революционной драмы; он — на баррикадах, на авансцене борьбы; Герцен же — в массе, в толпе, «в эшелоне»...

Но дело даже не в этом: ни понятиями «очевидец», «свидетель», «хроникер», «летописец», ни указанием на причастность к революционному процессу конца 1840-х годов не схватывается, не улавливается своеобразие роли Герцена в этом процессе. Гораздо больше здесь к месту говорить о его *сопереживании*, *сострадании* главным политическим драмам революции как особой форме *предельно активного духовного соучастия* в них. Это соучастие оказалось на поверку гораздо более ценным, плодотворным, поучительным по своим результатам, чем непосредственное, личное, но подчас бездумное, «механическое», хотя, быть может, и в высшей степени экспансивное, энергичное, страстное участие в практическом движении.

Герценовское сопереживание революции (в особенности июньскому поражению парижского пролетариата) было нерасторжимо связано с прочувствованным *осмыслением* перевернувшего его душу революционного опыта 1848 г. Повторим: строго говоря, этот опыт для Герцена — не индивидуальный, не субъективный, это *не его* дело; но он становился таковым, превращался в *кровное дело* благодаря глубоко заинтересованному проникновению в него наблюдательнейшего художника и выдающегося мыслителя. «Для меня *все это не шутка*, а последняя сущность, пульпа мозга, сердца — даже рук и ног» (XXIII, 97) — вот какими словами сам Герцен определял свое отношение к событиям 1848 г. «Да, я плакал на июньских баррикадах, еще теплых от крови, и теперь плачу при воспоминании об этих проклятых днях, в которых каннибалы порядка восторжествовали,— писал Герцен в 1854 г.— Я буду очень счастлив, если мои писания могут служить для уяснения „патологии" революции, и цель моя будет совершенно достигнута, если я могу указать, как последние молнии революции сверкнули и отразились в русском понимании» (V, 224). Вдумаемся и в такое признание его: «Июньская кровь взошла у меня в мозг и нервы (. . .)» (XIV, 243).

События революции, и всего более то, что произошло в июне 1848 г., когда победившие буржуа, писавшие на своих знаменах: «республика, свобода, равенство, братство», руками «лавочников в мундирах» расстреляли восставших против новой власти пролетариев[11], стали важнейшим рубежом в развитии Герцена. Революция 1848—1849 гг., тотчас обернувшаяся контрреволюцией, внесла громадный вклад в духовный мир русского мыслителя. Без большого риска впасть в ошибку можно, думается, сказать, что эта революция явилась вообще главным, центральным событием всей жизни Герцена.

Конечно, не будь Герцена — революция все равно произошла бы так, как она произошла. Какого-либо отпечатка на происходивших тогда событиях Герцен — в отличие от целого ряда других деятелей той эпохи — не оставил. Но, не будь Герцена, само понимание этой революции, ее смысла, следствий и уроков было бы неполным, ущербным. И это следует считать реальным вкладом Герцена в общий революционный процесс XIX в. Ибо революция — это не только непосредственная борьба классов за государственную власть, не только исторически кратковременное, хронологически фиксированное изменение социально-экономических структур и политических институтов в той или иной стране; революция — это еще и громадные, обычно неоднозначные, сдвиги в духовной сфере, в индивидуальном и массовом сознании, в культуре, сдвиги, оказывающие серьезное воздействие на подготовку, осуществление, сам характер последующих революционных актов, а значит, и на ход истории в целом. Так что революции 1848—1849 гг. очень «повезло», что у нее оказался *такой* свидетель, как Герцен, что она «встретилась» с ним.

Герцен, повторяем, не просто честный, добросовестный хроникер революции; он ее исследователь, ее «патологоанатом», стремящийся понять, раскрыть ее анатомию и физиологию. Точнее сказать, он ее философ. Недаром свою наиболее выстраданную книгу о ней — «С того берега» — он назвал «философией революции 48 г.» (XXIII, 178). Эта философия революции представлена не только в книгах «С того берега» и «Письма из Франции и Италии», но и во многих других его произведениях и письмах. В этих сочинениях Герцена и многокрасочная картина революции

1848 г., и вместе с тем комплекс идей, представляющих определенный вклад в теорию революционной борьбы, в историю социалистической мысли.

Выражением глубочайшего, хотя и полного противоречий, прочувствования и осмысления революции 1848 г. явились духовная драма Герцена и неразрывно связанный с ней скептицизм русского мыслителя. При всех его издержках этот скептицизм представлял собой не нигилистическую капитуляцию перед не оправдавшей горячих надежд действительностью, не индивидуалистическое, «экзистенциалистское» самоизолирование от мира, как это изображается в работах некоторых буржуазных авторов, а своеобразную форму интенсивных идейных исканий, ведущих (и приведших!) к открытиям, имевшим не только теоретическое, но и высоконравственное значение.

VI

Герценовское понимание революции 1848—1849 гг. отягощено многими ошибочными представлениями. Сопоставление его трактовки причин, природы и последствий революции с тем анализом классовой борьбы во Франции, Германии и Италии, который в те же годы был осуществлен Марксом и Энгельсом, свидетельствует об этом с полной очевидностью.

Одно из основных заблуждений Герцена — восприятие и оценка революции (собственно говоря, февральских событий) как начала социалистического переворота. В. И. Ленин называл это «*буржуазными иллюзиями* в социализме», «иллюзиями „надклассового" буржуазного демократизма» [12]. И сами эти иллюзии, свойственные многим демократам и социалистам той эпохи, и их крушение в ходе революции были связаны у Герцена с выдвижением им ряда неверных положений как политического, так и философского характера. Известно, что он так и не понял до конца классового характера революции, переоценивал после ее поражения силу воздействия буржуазной, «мещанской» идеологии на пролетарские массы Запада и т. д.

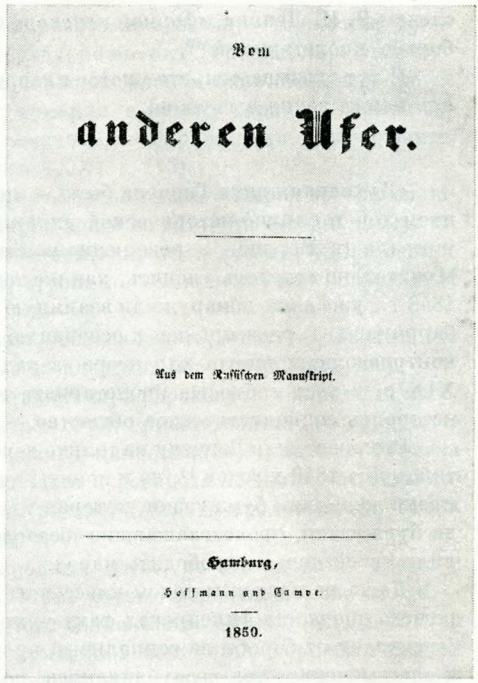
В книге «С того берега» Герцен писал: «Либералы всех стран, со времени Реставрации, звали народы на низвержение монархически-феодального устройства во имя равенства 〈. . .〉 Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился — не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле — пролетарий, работник с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем. Этот «несчастный, обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же *его* доля во всех благах, в чем *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от *брата* за штыками осадного положения, *спасая цивилизацию и порядок*!» (VI, 53). Уловив ту закономерность, что народ в своем революционном порыве выходит за пределы буржуазной революции, однако не понимая, что для совершения революции буржуазии нужен народ и используется он ею лишь в качестве тарана, Герцен останавливался в явной растерянности перед следующим противоречием: «〈. . .〉 либерализм посадил народ на трон и, кланяясь ему в пояс, старался в то же время оставить власть себе» (VI, 82).

Не умея объяснить действительной сущности либерализма, найти его корни, оставаясь под обаянием лозунгов февральской революции, которая была, по определению Маркса, «*красивой* революцией, революцией всеобщих симпатий, ибо противоречия, резко выступившие в тот момент против королевской власти, еще дремали мирно, находясь в *неразвитом* виде 〈. . .〉» [13], Герцен мучился вопросом, где корни контрреволюционного поведения членов Временного правительства. Ему казалось, что поражение революции объясняется главным образом их личным предательством. И он напряженно размышлял над тем, как могло получиться, что «люди, провозглашавшие республику, сделались палачами свободы» (VI, 52), «почему именно этим людям в руки попалась судьба народа, освободившегося за минуту до того?» (V, 149). Герцен не сумел увидеть, что «эти люди» представляли интересы определенного класса; что с провозглашением республики никакого освобождения «блузников», собственно, не произошло; что политическое руководство движением находилось в руках буржуазии; что революция не могла быть никакой иной, кроме как буржуазной.

Идеалист в понимании истории, Герцен переоценивал значение волевых и нравственных начал в социальном движении, делая при этом сильный,— и, надо признать, в значительной степени справедливый — упор на «ответственность» политических деятелей: «Отдавая обстоятельствам то, что им принадлежит, мы не покроем, однако, ими людей,— люди тоже факты и пусть несут ответственность за свои дела,— кто их заставлял выйти на сцену, взяться своими слабыми руками за судьбы мира? Где их призвание, где их помазание?» (V, 133) [14]. Герцен пишет о «ро-

ковой неловкости» Временного правительства, которая вела его «от ошибки к ошибке, чтоб не сказать от измены к измене» (V, 163), о «нелепости» его действий. Он ссылается на эклектичность натуры Ламартина, говорит о развращающем влиянии власти на Ледрю-Роллена. Временное правительство, по Герцену, «боялось разорваться с прежним порядком ‹. . .› Люди, судившие и рядившие Францию, а с ней вместе и всю Европу, ни разу не подумали, чем, собственно, должна отличаться новая республика от старой монархии ‹. . .› они боялись взять революцию на свою ответственность ‹. . .›» (V, 161). Боязнь, незнание, ошибки, неловкость — к этому, в сущности, сводит Герцен все дело. В качестве одной из причин поражения революции он указывает даже на «абстрактность» французов, на их «фанатизм в идее», возведение истины «в догмат», их «дуализм», «риторическую нравственность», «неприлагаемую к практической жизни», и т. п.

Впоследствии, в «Былом и думах», в качестве важнейшей причины гибели революции Герцен укажет на то, что она следовала по стопам событий конца XVIII в. Указывая на негативные личные качества членов временного правительства (нерасторопность Ледрю-Роллена, формализм Гинара), способствовавшие поражению революции, Герцен отмечал: «Внутренняя причина состояла в бедности той республиканской идеи, из которой шло движение. Идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с клюкой, могут даже, как Христос, еще раз, два показаться после смерти своим адептам — но трудно для них снова завладеть жизнью и вести ее. Они не увлекают всего человека или увлекают только неполных людей» (X, 53).


Vom

anderen Ufer.

Aus dem Russischen Manuskript.

Hamburg,

Hoffmann und Campe.

1850.

ПЕРВАЯ ИЗДАННАЯ НА ЗАПАДЕ КНИГА ГЕРЦЕНА

«С того берега» в немецком переводе. Гамбург, 1850

Титульный лист

Тираж книги был отпечатан в Цюрихе и затем отправлен гамбургской фирме «Гофман и Кампе»

«Мною печатается в Цюрихе на немецком языке сочинение, которое можно было бы назвать «философией революций 48 года»

(Герцен — П. Ж. Прудону, 27 августа 1849 г.)

В представлении Герцена ни одна теория, ни одно учение не предвидели и не смогли объяснить происшедшего в 1848 г. Это дает ему основание не только перейти на антидоктринерские позиции, но и поставить вопрос о ценности социальной теории. Кризис утопически-социалистических систем, крушение в ходе революции собственной веры в разум человечества Герцен воспринимает как кризис науки вообще. Утверждая, что события истории «независимы ни от чьей воли, ни от чьего сознания» (VI, 90), что мира не переделаешь «по какой-нибудь программе; он идет своим путем, и никто не в силах его сбить с дороги» (VI, 91), что необходимо «вглядывание» в действительность «без заготовленной темы, без придуманного идеала» (VI, 89), Герцен поворачивает не только от утопизма к реализму, но и от рационализма к скептицизму, отказываясь, по существу,— но только на время!— от создания теории общественного движения.

В середине 1840-х годов, рассматривая в «Письмах об изучении природы» скептицизм как «естественное последствие догматизма» (III, 198), Герцен писал о Сексте-Эмпирике и Юме, что своей иронией, своим скепсисом они убивали «*всю науку* за то, что она — *не вся наука*» (III, 199), т. е. что она лишь относительно истинна. Теперь же он сам поставил под сомнение возможность исторической истины, общественной науки только потому, что те «истины», которых он придерживался до 1848 г., обнаружили свою несостоятельность.

Здесь нет нужды, по-видимому, более пространно писать об ошибках и заблуждениях Герцена. Гораздо более важным представляется нам увидеть за этими ошибками и заблуждениями сильные стороны в герценовском восприятии и понимании исторического процесса в Европе середины XIX в., установить «момент истины» в его скептическом мировосприятии, явившемся, по

словам В. И. Ленина, «формой перехода <. . .> к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» [15].

И тут оказывается, что многое в современной ему западноевропейской действительности Герцен понял верно и глубоко.

VII

«Духовная драма Герцена была,— по определению В. И. Ленина,— порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела» [16]. Мучительно стараясь уяснить, как же так получилось, что силы, выступавшие вместе в феврале 1848 г., уже в мае обнаружили взаимную враждебность, а в июне оказались по разные стороны баррикады, Герцен пришел к осознанию этих двух величайшего значения исторических фактов: контрреволюционного характера западноевропейского буржуазного либерализма середины XIX в. и неспособности пролетариата в 1848 г. взять государственную власть в свои руки и построить социалистическое общество.

Это позволило Герцену не только верно охарактеризовать некоторые из драматических событий конца 1840-х годов [17], но и понять, что Февральская революция была совершена народом вопреки желаниям буржуазии, которая удовлетворилась бы реформами, что демократические вожди буржуазии, провозглашавшие «безопасно-революционные тосты на банкетах», вовсе и не ставили своей целью освободить народ.

Даже не владея методом классового анализа, Герцен тем не менее с прозорливостью хорошего диагноста фиксировал факт умирания буржуазной революционности в Европе, поворот буржуазии от борьбы за социальный прогресс к политическому консерватизму. Он справедливо и зло высмеивал тех республиканцев, которые хотели подойти к событиям 1848 г. с меркой революции конца XVIII в.: «Быть теперь революционерами в смысле Конвента было бы почти то же, что явиться в Конвент гугенотом. В XVIII столетии достаточно было быть республиканцем, чтоб быть революционером, теперь можно очень легко быть республиканцем и отчаянным консерватором» (V, 178).

В ходе и под влиянием революции Герцен понял обманчиво-иллюзорный, мнимо народный характер буржуазных политических свобод, лишь прикрывающих новые формы угнетения трудящихся масс. Отсюда та блестящая критика Герценом пороков капиталистической цивилизации, которую мы так высоко у него ценим. «Буржуазный либерализм,— писал, в частности, Герцен,— представляет собой лишь освобождение собственника, демократия — лишь внешнее уравнивание: она признает право пролетариата на собственность, не давая ему средств, и провозглашает равенство преступников перед судом, предоставляя невинным устраиваться как им угодно» (XII, 473).

Поразительно современными являются и данная Герценом квалификация капиталистического строя как цивилизации меньшинства, и определение им образа жизни буржуазного общества как мещанского, и указания на громадную опасность для пролетариата подпасть под воздействие крайне заразного духа мещанства (см., в частности, XII, 472; XVI, 140—141).

Определив июньские дни 1848 г., когда «собрание осерчалых лавочников» расстреляло восставших работников, как завязку «великой борьбы», остановить которую невозможно (VI, 43, 47), Герцен отразил в своем творчестве — что также делает его одним из крупнейших социальных мыслителей XIX в.— и другой всемирно-исторический факт: незрелость революционности современного ему пролетариата. Это выразилось, с одной стороны, в осознании и проповедовании Герценом идеи неспособности народных масс того времени к установлению социалистического общества, а с другой — в резкой критике им несостоятельности, утопичности или даже реакционности теорий освобождения, «придуманных за спиною народа» (XVI, 27), воплощенных в различных революционных и социалистических доктринах.

Уже в середине 1848 г., после июньских событий, Герцен приходит к выводу о том, что, хотя массы еще не готовы к социализму, они, не желая больше терпеть насилия над собой, по-видимому, скоро вновь поднимутся на борьбу. И если им удастся победить в новой кровавой схватке, они навсегда покончат со старой цивилизацией. В сентябре 1848 г. Герцен развивает такие мысли: «Или в скором времени должна кровь литься реками, или на время Франция погибла» (XXIII, 94). Те же идеи волнуют Герцена и два месяца спустя. В ноябре он пишет московским друзьям: «Мы присутствуем при великой драме <. . .> Драма эта не более и не менее как разложение хрис-

тиа́нско-европейского мира. О возможности (не добив, не разрушив этот мир) торжества демократии и социализма и говорить нечего» (XXIII, 111). Правда, по мнению Герцена, народные массы Запада «не готовы к гармоническому вступлению во владение плодом цивилизации — но не готовы массы, с другой стороны, и терпеть, особенно в Германии, а потому характер взрыва будет страшный. В 93 году террор и все прочее сделано мещанами и парижанами,— вообразите, что будет, когда весь пролетариат в Европе станет на ноги» (XXIII, 113).

В письме А. А. Чумикову от 9 августа (28 июля) 1851 г. Герцен пишет: «Народ вообще слишком хвалят, это революционный jargon: французский народ вовсе не готов ни к социализму, ни к свободе,— но он готов к революции; сознание общественной неправды, злоба и удивительное единство — вот его сила. Французский народ — армия, армия не демократии, как воображают монтаньяры, а армия коммунизма.

Но ведь в борьбе армия-то и нужна <. . .> Коммунизма бояться нечего, он же неотвратим, это будет истинная ликвидация старого общества и введение во владение нового» (XXIV, 199).

Таким образом, отдавая себе отчет в слабости сил социализма, в неразвитости народных масс, Герцен всей душой на стороне обманутого пролетариата и готов приветствовать его грядущую революцию — даже если она приведет к временному упадку цивилизации. Опасения Герцена не были беспочвенными: на зависимость характера грядущего переворота не только от силы сопротивления эксплуататорских классов, но и от уровня развития самого пролетариата, самих трудящихся многократно указывали и Маркс, и Ленин [18].

Допускаемая Герценом «настоящая революция народных масс», по его словам, «сметет с лица земли старое общественное устройство». При этом, «всего вероятнее,— писал он,— что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет носить характер резко коммунистический» (V, 205). Термин «коммунистический» в понимании Герцена включал в себя черты регламентирования и уравнительности, присущие некоторым утопическим социальным системам. (Напомним, что Герцен резко критиковал уравнительные идеи коммуниста-утописта XVIII в. Гракха Бабефа, фаланстер Фурье, мастерские Л. Блана, попытку Кабе строго расписать жизнь в обществе будущего.) Употребляя термин «коммунистический», Герцен хотел этим сказать, что пролетариат Запада в своем сознании еще не поднялся до полного социалистического идеала будущего, наиболее соответствующего природе человека. «Утопии французского работника,— писал Герцен,— постоянно склоняются к казенной организации работ, к казарменному коммунизму...» (XVIII, 354). Поэтому общество, которое будет воздвигнуто массами на развалинах старого мира, первоначально не будет, по Герцену, иметь своим принципом уважение личности.

Герцен полагал, что вследствие «коммунистического» характера грядущая народная революция будет кровавой и разрушительной. В стремлении уравнять все и всех массы безжалостно разрушат культуру старого мира, в котором совершалось «поглощение большинства на вырабатывание светлой и роскошной жизни меньшинству» (VI, 57). «Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Середь грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест — явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры» (V, 216).

Основным тоном этого «символа веры» будет, по Герцену, социализм. Но пока еще западное общество для него не созрело. «Как будто, в самом деле, достаточно объявить уничтожение пролетариата, всеобщее воспитание, братство и любовь, чтоб из этого что-нибудь вышло...» (XXIII, 187) — со злой иронией заявляет Герцен по поводу социальных иллюзий одного из руководителей Баденского восстания — Г. Струве.

Считая незрелыми все известные ему теории социализма, Герцен в «Письмах к путешественнику» (1865) утверждает необходимость перехода от социализма, бывшего по преимуществу мечтой и фантазией, к социализму как науке и движению. «Социальные идеи пережили свою героическую интродукцию,— пишет он,— ни бархатный жилет верховного отца Анфантена, ни фаланстер Фурье, ни государственная барщина, ни communa bonorem *, ни разрушение семьи, ни отрицанье собственности — ничего не сделают теперь сверх того, что они сделали для вызова на сцену и постановки вопросов.

Поле, по-видимому, стало беднее, но замечательно очистилось, много выяснилось в том, где искать ответы и где их не может быть.

---

* общность имущества (*лат.*).

Люди недовольны экономическими условиями труда, упроченным неравновесием сил, их потерей, рабством работы, злоупотреблением накопленных богатств — но они

не хотят переезжать в рабочие казармы,

не хотят, чтоб правительство гоняло их на барщину,

не хотят разрушать семьи и очаги,

не хотят поступиться частной собственностью,

т. е. они хотят при обновлении, при перерождении сохранить, насколько возможно, свою привычную жизнь, согласуя ее с новыми условиями. На каких же разумных основаниях можно сделать, согласить такие сложные и противуречащие потребности? В этом-то и задача, весь социальный вопрос так и становится, освобожденный от громовых туч своих и молний» (XVIII, 364).

Отрицание наличия готовых решений социального вопроса, заявления о порочной уравнительной ограниченности, свойственной многим системам утопического социализма, сопрягаются у Герцена с идеей о необходимости дозревания общества до социализма, дозревания, исключающего навязывание народу идей свободы и равенства «сверху», требующего, с одной стороны, роста сознания самих масс, а с другой — наличия определенных материальных предпосылок в жизни общества.

VIII

Отмечая закономерность кровавого характера всех прошлых революций, допуская — по временам — возможность «коммунистической» революции-мести, Герцен — и это один из важнейших выводов, сделанных им из «уроков» 1848 г.,— в принципе не приемлет идею кровавой террористической революции как способа установления социалистического общества. Утверждение Герцена: «Мы перестали любить террор, в чем бы он ни был и какая бы цель его ни была» (XIII, 294) — означает — если не по своей форме, то по своему глубинному содержанию — отрицание той идеи, что «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть» [19]. Герцен категорически настаивает на том, что грядущий социальный переворот должен состоять не столько в разрушении старого, сколько в созидании, творчестве новых форм общественной жизни. Именно поэтому Герцен с горячей убежденностью отвергает представление о всегдашней готовности народа к революции, установку на революцию-месть, разные формы революционного авантюризма. В отличие от многих политических «нетерпеливцев», которые «принимали реакцию, поднимавшуюся во всей Европе, за мимолетный ветер, за легкую неудачу» и «ждали завтра, через неделю свой черед» (X, 232), Герцен не видит для своего века реальных сил, способных осуществить социальный переворот. Рассматривая июньские события 1848 г. как начало борьбы «между гнилой, отжившей, бесчеловечной цивилизацией и новым социализмом» (XXIII, 80), он — после некоторых колебаний — приходит к выводу, что пролетариату Запада долго еще не подняться после расправы, учиненной над ним буржуазией. «Страшно то,— пишет Герцен,— что отходящий мир оставляет не наследника, а беременною вдову. Между смертию одного и рождением другого утечет много воды, пройдет длинная ночь хаоса и запустения 〈. . .〉 Как ни тяжела эта истина, надобно с ней примириться, сладить, потому что изменить ее невозможно» (VI, 116). Отсюда призывы Герцена уйти в самого себя: «Мы не сыщем гавани иначе, как в нас самих, в сознании нашей беспредельной свободы, нашей самодержавной независимости»; отсюда его завет: «вместо того, чтоб спасать мир, спасать себя, вместо того, чтоб освобождать человечество, себя освобождать» — для того, чтоб в конечном счете спасти мир и освободить человечество (VI, 119).

Нет, Герцен не становится после событий 1848—1849 гг. противником революции, как об этом иногда пишут. Он становится *принципиальным противником революции прежнего, буржуазного типа*, когда массы слепо участвуют в политическом перевороте, составляя лишь его «материал», играя роль своеобразного тарана, посредством которого новые кланы будущих угнетателей народа добывали себе государственную власть. По убеждению Герцена, до сих пор «массы не были вовлечены по-настоящему в движение, они колыхались, как колышется нива от ветра, склоняясь то в одну, то в другую сторону, но не оставляя своей почвы» (XII, 472). Подлинная же революция, революция во имя социализма должна быть делом самого народа, знающего и понимающего, за что он борется. В статье, так и названной — «Мясо освобождения», Герцен обрушивается на тех доктринеров от революции, которые, желая дать свободу народу, обращаются с ним «как с материалом благосостояния, как с мясом освобождения 〈. . .〉 вроде

ВОССТАНИЕ (ИЮНЬ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ)
Картина О. Домье (масло), 1848
Duncan Philipps Memorial, Вашингтон

наполеоновского пушечного мяса» (XVI, 28). «Метода *просвещений* и *освобождений*, придуманных за спиною народа и втесняющих ему *его неотъемлемые* права и *его* благосостояние топором и кнутом,— пишет Герцен,— исчерпана Петром I и французским террором» (XVI, 27).

Буржуазные авторы — от П. Струве и С. Булгакова до И. Берлина, тенденциозно отождествляющие заговор, бунт, кровавый террор, насилие с революцией вообще,— без конца упражнялись и сейчас еще упражняются на тему о превращении Герцена после «педагогического» 1848 г. (XXIII, 136) из «любовника» революции в ее заклятого врага. Это неправда, ибо врагами, действительными, а не мнимыми врагами, Герцена были, помимо откровенных реакционеров и столь ненавистных ему буржуазных контрреволюционеров, рядящихся в либеральные тоги, крайне вредные для народных судеб и интересов революционные демагоги, авантюристы и политические экстремисты. В период революции 1848—1849 гг. да и после нее Герцен мог наблюдать их в немалом количестве. Он был убежден, что их безответственные призывы к революции, которая еще не созрела, приведут «не к *делу*, *а к крови*» (XX, 554—555).

Вспомним, как горячо спорил Герцен с теми, кто не видел, не желал видеть, что эпоха буржуазных революций в Европе кончилась, а к социализму Запад еще очень нескоро придет, что нельзя бездумно играть с революционным огнем. Вот, вернувшись однажды, в августе 1848 г., поздно ночью домой, Герцен застает у себя одного своего приятеля — республиканца Ж. Б. Боке, только что освобожденного из тюремного заключения. «Месть, месть! т. е. выместь буржуази» — так характеризует Герцен неуемное стремление Боке, уговаривающего его не уезжать из Парижа. «Он удерживает меня обещанием, что они так заткнут за пояс Июньские дни, такой зададут праздник, что от бульваров следа не останется. Шутки в сторону. Страшные вещи могут быть. А выйдет ли прок, кроме расчистки места?» (XXIII, 101—102).

«Сколько мне приходилось спорить с друзьями! — скажет в другом месте Герцен.— Они не хотели видеть, что произошло, они требовали, чтоб я делил их упования» (V, 199). С какой

страстью уверял Герцена тот же Боке, что когда во Франции вновь начнется революция — а она вот-вот начнется! — то террор будет всесокрушающим. «Я его просил на всякий случай заготовить мне свидетельство, что я уже расстрелян. Он меня обнадежил пресурьезно, что будут списки и что он, когда нужно, скажет... премилейший, я на нем изучаю всех этих сильных резателей 93 года ‹. . .› На днях я чуть с ним не поссорился до драки, уверяя его, что когда они одолеют, то еще хуже будет и что я тотчас уеду» (XXIII, 114).

Летом — осенью 1849 г. в Женеве Герцен несколько раз встречается с Маццини. Он видит в нем величайшего политического человека «из всех существующих в наше время». Но ... «Я с ужасом за него видел, что в споре со мной он отворачивался от некоторых истин и, след‹овательно›, касался тех страшных пределов, за которыми и он — ретроградный человек...»,— отмечал Герцен (XXIII, 188).

Громадную опасность усматривал Герцен во внешне привлекательной «риторике на революционные тексты» (X, 64), и потому так жестко обличал он всех ее носителей.

С мужественной решительностью отказывается в 1850 г. Герцен от участия в Европейском центральном демократическом комитете, предполагаемой целью которого было форсирование новой революции: «Я требую, я проповедую,— отвечал он на предложение Маццини,— полный разрыв с неполными революционерами: от них на двести шагов несет реакцией» (XXIV, 142).

И пять лет спустя — по поводу обращения Кошута, Ледрю-Роллена и Маццини ко всем республиканцам Европы с призывом к революционным действиям — Герцен напишет: «Может быть, я ошибаюсь, но это кажется мне веским доказательством того, что почва колеблется у них под ногами. А обстоятельства чреваты серьезными последствиями...» (XXV, 303).

Герцен не верит в осуществление революции посредством заговоров, «карбонаризма», считая, что «политическая литургия священнослужителей конспираций, как и церковная литургия,— одно драматическое представление» (XVI, 143) [20].

Отмеченный нами выше призыв Герцена «себя освобождать» (VI, 119) имел, помимо всего прочего, тот смысл, что людям, претендующим на роль освободителей, благодетелей человечества, надо бы в первую очередь освободить себя от всех призрачных, хотя и очень сильных, революционных иллюзий, принявших вид прочных догматических предрассудков.

Да, политического чутья у Герцена хватало. Он видел, что «время революционной демагогии прошло» (XXVI, 193). Признав несовершенство, несостоятельность имевшихся налицо теорий освобождения, он оказался последовательнее и смелее многих тогдашних демократов.

Отдавая должное суровому, трагическому типу «Дон-Кихотов революции», этих великих, святых безумцев, «фанатиков земной религии» (XVI, 151), продолжающих и в условиях отлива революционной волны, когда массы не способны на активное социальное действие, непоколебимо верить «в осуществимость гармонического порядка, общего блаженства, в осуществимость истины, *потому что она истина*» (XVI, 153), Герцен вместе с тем зло высмеивал «хористов революции» — тех людей, которые «в смутные времена общественных пересозданий» с детства вживаются «в среду политического раздражения» — и живут этим. «Как для Николая *шагистика* была главным в военном деле, так для них все эти банкеты, демонстрации, протестации, сборы, тосты, знамена — главное в революции» (X, 45). Этот слой, отмечает Герцен, состоит из людей с большим самолюбием, но с малыми способностями, с огромными притязаниями, но без выдержки и силы на труд. «Легкость, с которой, и то только по-видимому, всплывают знаменитости в революционные времена, поражает молодое поколение, и оно бросается в пустую агитацию; она приучает их к сильным потрясениям и отучает от работы ‹. . .› Само собой разумеется,— продолжает Герцен,— что, говоря о кофейных агитаторах и о революционных лаццарони, я вовсе не думал о тех сильных работниках человеческого освобождения, о тех огненных проповедниках независимости, о тех мучениках любви к ближнему, которым ни тюрьма, ни ссылка, ни изгнание, ни бедность не перерезала речи, о тех делателях и двигателях событий, кровью, слезами и речами которых водворяется новый порядок в истории. У нас речь шла о той накипевшей закраине, покрытой праздным пустоцветом, для которого сама агитация — цель и награда, которым процесс народных восстаний нравится, как процесс чтения нравится Петрушке Чичикова или как шагистика — Николаю» (X, 46, 48).

В этой связи Герцен поднимает в своих произведениях проблему громадной теоретической и практической важности — проблему зависимости характера грядущего социального переворота от нравственности, моральных качеств осуществляющих его людей. «Грядущая революция,— считает Герцен,— должна начать не только с вечного вопроса собственности и граждан-

ского устройства, а с нравственности человека, в груди которого она должна убить монархический и христианский принцип; все отношения людей между собою ложны, все текут из начала власти, все требуют жертвы, все основаны на вымышленных добродетелях, обязанностях... Конец политических революций и восхождение нового миросозерцания — вот что мы должны проповедовать» (XXIII, 188).

IX

Сделав из поражения пролетариата в июне 1848 г. вывод об обреченности и даже вредности неподготовленных, преждевременных выступлений, Герцен ищет наиболее безболезненные пути революционного преобразования. Напомним еще раз его слова: «Июньская кровь взошла у меня в мозг и нервы, я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности» (XIV, 243). Герценовское отречение от «кровавого прогресса» (XIII, 276) — стремление отделить революцию как процесс глубоко творческий и в конечном счете гуманный от тех исторических «кровавых» форм, которые она до сих пор с необходимостью принимала и которые, по мнению Герцена, она вовсе не обязательно должна воспроизводить в дальнейшем.

Уличая революционную несостоятельность «западных авторитетов», раскрывшуюся ему в 1848 г., отмежевываясь от «свирепой веры» в то, что путь к освобождению непременно должен пройти через «крещение кровью», Герцен многократно развивает в своих произведениях мысль о предпочтительности мирного пути революции перед кровавым. Он считает, что нет никакой роковой необходимости в том, чтобы каждый шаг вперед для народа был отмечен горами трупов. В статье «Русские немцы и немецкие русские» (1859) Герцен заявляет: «Мы не западные люди, мы не верим, что народы не могут идти вперед иначе, как по колена в крови; мы преклоняемся с благоговением перед мучениками, но от всего сердца желаем, чтоб их не было» (XIV, 186).

Иногда эти и подобные им высказывания Герцена интерпретируются как его сомнения в целесообразности революции. Это неправильно. Герцен сомневался в целесообразности лишь кровавых революций, связанных с разгулом «топора» — символа разбушевавшейся народной стихии.

Анализируя творчество Герцена, мы иногда сливаем в одно такие и на самом деле тесно связанные друг с другом, но все же далеко не совпадающие компоненты его мировоззрения, как идея бескровной, мирной революции, общедемократические, просветительские иллюзии, колебания в сторону либерализма. Вряд ли их отождествление или подмена друг другом правомерны.

В самой по себе теоретической постановке вопроса о возможности и предпочтительности мирного пути революции еще нет никакого либерализма. Проблема мирной социальной революции — в противоположность кровавым политическим революциям буржуазного типа — волновала уже в начале XIX столетия таких мыслителей, как Сен-Симон и Фурье. Полвека спустя Герцен настойчиво продолжает начатый ими поиск аргументов в пользу бескровной революции; причем он ищет эти аргументы не только в сфере теории, но и в самой действительности.

В частности, в статье «Революция в России» (1857) он пишет: «Мы так привыкли видеть с 1789, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя,— что невольно ищем, когда речь идет о перевороте, площадь, баррикады, кровь, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба— одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное. В то время, как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены и дома, и в Ирландии, и в колониях с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине <. . .> Одно из будущих министерств вступит в сделку с чартистами и даст интересам работников голос и представительство.

На наших глазах переродился Пиэмонт. В конце 1847 года управление его было иезуитское и инквизиторское... Прошло десять лет, и Пиэмонт нельзя узнать... а ведь эта революция была без малейших толчков, для этой перемены достаточно было одной *несчастной войны и ряда уступок общественному мнению* со стороны правительства» (XIII, 21—22).

Вряд ли справедливо видеть в этих словах Герцена всего лишь проявление «либеральной апелляции к верхам». Главный смысл их в ином.

Известно, что вопрос о мирном завоевании власти пролетариатом в Англии ставили чартисты. Маркс и Энгельс, не раз писавшие о желательности уничтожения строя эксплуатации и господства частной собственности на средства производства мирным путем, в свою очередь, при-

знавали возможность бескровной революции в Англии, где бюрократический государственный аппарат был еще относительно слаб. Герцен, как видим, также пытается опереться на факты современной ему западноевропейской жизни, чтобы в полемике с «артистами-революционерами», не желающими и думать о неизбежных — и немалых! — издержках борьбы посредством «топора», подкрепить идею возможности «пути мирного, человеческого развития» к социализму.

Признаем: Герцен не был строг и точен в употреблении понятий, временами излишне сближая «революцию» и «прогресс». Он не вполне понимал, что и реформы Р. Пиля в Англии 1840-х годов, и реформы К. Б. Кавура в Италии 1850-х годов были произведены все же в интересах буржуазии, что эти реформы явились косвенным, побочным продуктом предшествовавших им революционных движений. Мысля мирный путь революции как вынужденную уступку со стороны правительства народному мнению, требованиям масс, Герцен еще очень далек от представления о том реальном соотношении общественных сил, которое могло бы обеспечить развитие социалистической революции по пути без крови и баррикад. Признаем и то, что Герцен неправомерно переносил опыт Англии середины XIX в., где относительно слабому буржуазному государственному аппарату противостояло развитое демократическое движение, на почву России, где, как писал сам Герцен, самодержавие деспотически царило «среди всеобщего молчания и подавленных стонов». И то, что для некоторых стран Европы было лозунгом демократии, в России неизбежно оказывалось проповедью либеральных надежд на «революцию сверху».

На все это не основание для того, чтобы не увидеть за отдельными терминологическими неточностями, невольными заблуждениями, наивными иллюзиями, мало реальными надеждами и ошибочными тактическими шагами Герцена, неоднократно предлагавшего в своих печатных обращениях к Александру II возглавить социальную революцию в России, не увидеть за всем этим постановку русским мыслителем важнейшей проблемы революционной теории — проблемы мирного пути к социализму.

X

Много и по разным поводам писал Герцен об умирании «западного старика», об «агонии», «смерти» Европы, о своем разочаровании в ней. В этих словах его — констатация отлива революционной волны на Западе, роста политической и идейной реакции, острое неприятие все шире распространяющегося, нивелирующего личность, захватывающего даже пролетарские слои духа «мещанства», буржуазного образа жизни [21].

Было бы, однако, ошибкой абсолютизировать герценовскую «борьбу с Западом» (выражение Н. Н. Страхова) после событий 1848 г., буквально понимать его слова о «мещанстве» как «окончательной форме» западной цивилизации (XVI, 183), об «умирании» Европы. Ведь и сам он хорошо видел и трезво понимал: *Запад живет*, ибо жива великая европейская культура, живы и творят люди, ее олицетворяющие, живут и действуют преданные делу народного освобождения политические деятели.

На протяжении двух десятков лет, ни на миг не порывая духовных связей с родиной, пробуждая ее своим вольным словом от многовекового сна, воспитывая новые поколения русских революционеров, Герцен вместе с тем постоянно находится в гуще западноевропейской духовной и политической жизни. Служа «на пользу России словом и делом» (XXIV, 186), Герцен «служил» словом и делом своим также и Западу.

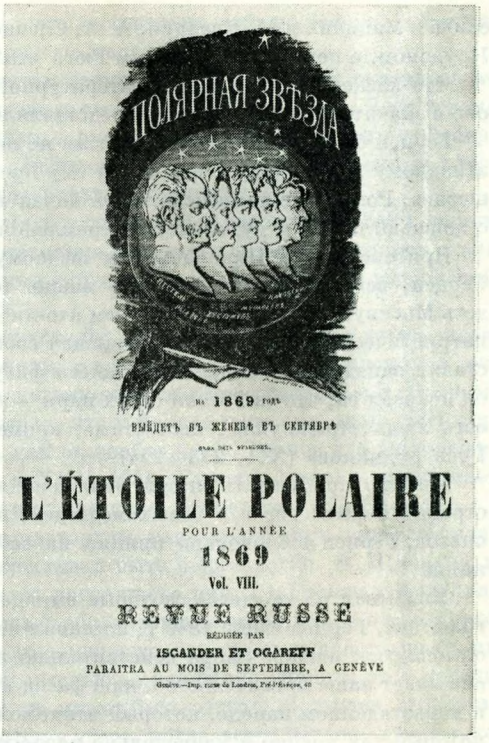
Владение немецким и французским языками, живой темперамент, редчайший талант сходиться с людьми — все это немало способствовало установлению тесных, порой дружеских, связей Герцена со многими западными деятелями. Уже в 1847—1849 гг. он вступает в более или менее тесные отношения с Г. Гервегом, П. Ж. Прудоном, К. Фогтом, Ф. Каппом, Дж. Мадцини, Ю. Фрёбелем, Л. Бамбергером, М. Гартманом, А. Саффи, Ф. Орсини... Герцен следит за судебным процессом над О. Бланки и его товарищами, участвует в газете Прудона «Voix du Peuple».

И, когда наступила реакция, Герцен закономерно оказался не только активным элементом интеллектуальной, культурной жизни Европы, но и естественным членом демократической эмиграции. Характерно, что именно к Герцену обратился в 1849 г. Мадцини с просьбой содействовать созданию европейской революционной партии: «У вас есть знакомые в Германии — начните их объединять» [22] (*Л* V, 363—365).

Продолжая чутко наблюдать за развитием европейской социально-политической жизни, изучать и сопоставлять исторический опыт развития различных стран, Герцен внимателен и к движению ирландских борцов за независимость — фениев, и к деятельности английских чар-

тистов. Он поддерживает долголетнюю борьбу поляков за самостоятельность и горячо сочувствует национально-освободительной борьбе итальянцев под руководством Маццини и Гарибальди. Следит Герцен и за событиями в Германии, и за английской политической жизнью.

Живя в Англии, Герцен встречается с В. Линтоном, Л. Кошутом и С. Ворцелем, Л. Бланом и Э. Джонсом, беседует с Р. Оуэном, посещает Т. Карлейля, А. Руге, активно переписывается с Ж. Мишле, знакомится с Ф. Фрейлигратом, Л. Пьянчани. В доме Герцена мы видим Дж. Гарибальди, деятельность которого он очень высоко оценивал, Дж. Маццини, Ж. Доманже, К. Шурца, Г. Мюллера-Стрюбинга, А. Барбеса... Герцен не раз и не два ссужает деньги на нужды революционеров, материально поддерживает некоторые демократические акции. Он участвует в международных сходках и митингах (29 ноября 1853 г., 27 февраля 1855 г. и др.), душою болея за общедемократическое движение в Европе в целом и в отдельных странах и не останавливаясь перед острым спором и даже полным разрывом в тех случаях, когда сталкивается с игрой в революцию либо, напротив, с либерально-консервативным извращением освободительных идей. Герцен сотрудничает в демократических печатных органах, издававшихся в Англии, Франции, Италии...



ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ НА 1869 ГОД»

Напечатано во французском продолжении «Колокола»

«Kolokol», 1 апреля 1868 г., Женева

Анализ различных форм социальных движений, сопоставление их с историческим опытом, в особенности с опытом революций 1848—1849 гг., изучение сочинений, публичных заявлений и поступков современных ему политических деятелей — все это позволило Герцену дать правильную характеристику многим выступлениям, их руководителям и участникам. Так, к примеру, правильно считая, что задача национального освобождения может быть последовательно решена только в том случае, если она непосредственно связана с программой радикальных социальных преобразований, Герцен указывал на «пустоту» демократической мысли у одного из лидеров итальянского освободительного движения — Маццини: «Что делать, восстановивши независимость своего народа?» (XVI, 145). Этот вопрос Герцена выражал требование углублять борьбу народа за национальную свободу до борьбы за свободу социальную. Возможность смотреть на политическую борьбу с такой высокой позиции давала Герцену его непоколебимая приверженность идеям социализма; она же позволяла ему критиковать националистические моменты в деятельности отдельных польских и немецких демократов. Мистицизму и мессианизму Ворцеля и социально-религиозным иллюзиям Маццини Герцен противопоставлял «специализм» венгерского демократа Л. Кошута, который «очень хорошо знает, что в мире событий и приложений не всегда можно прямо летать, как ворон; что факты развиваются редко по простой логической линии, а идут лавируя, заплетаясь эпициклами, срываясь по касательным» (XI, 25).

Отношения Герцена с революционерами Запада — это постоянный диалог, диспут, полемика, в ходе которой не только корректировалась идейно-политическая позиция самого русского мыслителя, но и осуществлялось его воздействие на воззрения некоторых политических деятелей стран Европы. Так, несомненное влияние идеи Герцена оказали на таких, например, представителей левого крыла итальянской демократии, как Пизакане и Пьянчани.

Значительна, хотя еще и плохо изучена роль Герцена как посредника между русскими и западноевропейскими демократами, деятелями отечественной и западноевропейской литературы и искусства. Упомянем хотя бы о рекомендательных письмах к Прудону и И. Лелевелю, которыми Герцен снабдил Л. Н. Толстого, о его посредничестве при знакомстве Н. А. Серно-Соловь-

евича с Маццини и М. Квадрио, А. А. Слепцова с Маццини, Н. В. Соколова и Ю. Ф. Самарина с Прудоном, о пересылке Герценом Гюго стихотворений П. Л. Лаврова...

Что касается собственного литературного творчества Герцена конца 1840—1860-х годов, то оно в значительной своей части представляло собой составной элемент жизни Западной Европы.

Герцен был одним из первых, если не первым русским публицистом и художником, давшим западному миру образ неизвестной ему прежде России — России декабристов, России петрашевцев, России Чернышевского. Он начал великое дело ознакомления западной интеллигенции с жизнью, бытом и духовными устремлениями русского крепостного крестьянства.

Приговоренный Николаем I к «вечному изгнанию за пределы Российского государства», Герцен, всю свою эмигрантскую жизнь только и мечтавший вновь «рано или поздно увидеть Москву» (XXV, 297), более чем кто-либо иной в его время осуществлял на Западе великую патриотическую миссию — он защищал свой народ от обвинений в рабском характере, он представил западной публике выдающиеся фигуры деятелей русской культуры и общественности; он показал ей, что «в России сверх царя — есть народ; сверх люда казенного, притесняющего — есть люди страждущие, несчастные; кроме России Зимнего дворца — есть Русь крепостная, Русь рудников» (XII, 253—254).

Миссию пробуждать людей Запада от тех страшных снов, в которых Россия виделась им страной белых снегов и белых медведей, поголовного рабства и всемогущих императоров-деспотов, Герцен добровольно принял на себя уже в самом начале своего пребывания за границей.

Указывая на те «дела», которые выпадают на долю русских, находящихся, остающихся за границей, Герцен еще в 1849 г. поставил перед собой задачу, выполнять которую он будет всю оставшуюся жизнь: «Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает наше правительство, наш фасад и больше ничего 〈. . .〉 Расскажем ей об этом мощном и неразгаданном народе, который втихомолку образовал государство в шестьдесят миллионов, который так крепко и удивительно разросся, не утратив общинного начала, и первый перенес его через начальные перевороты государственного развития; об народе, который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским; который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться — ответил через сто лет громадным явлением Пушкина. Пусть узнают европейцы своего соседа, они его только боятся, надобно им знать, чего они боятся» (VI, 17—18).

Многие из произведений Герцена, обращенных непосредственно к западноевропейскому читателю (среди них такие значительные, как «С того берега» и «О развитии революционных идей в России»), встретили у него горячий, хотя и далеко не однозначный, отклик.

Некоторые представители западной интеллигенции, высоко оценив художественно-публицистическое творчество Герцена, не могли не признать, что он олицетворяет собой тип писателя-мыслителя, какого Европа тогда не знала, что его произведения прокладывают пути небывалой прежде интернациональной демократической культуре. Так, в рецензии на французский перевод «Былого и дум», появившейся в лондонской газете «Leader», отмечавшей «свежесть эмоций» и «проникновенность 〈. . .〉 философского мышления» автора, говорилось: «Гете мог бы усмотреть в нем яркое подтверждение теории грядущей универсальной литературы 〈. . .〉 все, что он делает и создает для России, в то же время становится достоянием остальной Европы 〈. . .〉 и вся Европа с большим интересом и сочувствием смотрит на все возрастающую энергию его деятельности» [23]. Во всяком случае заслуги Герцена-писателя признавались многими деятелями западной культуры. «Герцен стоит во главе русской демократической литературы,— считал английский поэт и публицист, лидер чартистов Э. И. Джонс,— он является самым выдающимся из эмигрантов его страны, а как таковой — и представителем ее пролетарских миллионов» (XI, 420). «Это наблюдатель,— писал о Герцене в 1866 г. француз Ш. дю Бузе,— полный беспощадной прозорливости, и виденное он рассказывает с энергичной сдержанностью, скрывая презрение и умеряя гнев 〈. . .〉. Только русские в силах определить его место в ряду их писателей. Быть может, они скажут, что в наши дни Александр Герцен является наиболее оригинальным умом и первым писателем России» [24].

Гюго, Мишле, Кине — да только ли они? — любили Герцена, верили ему, высоко ценили его острое слово, глубокую мысль... Другие, те, что с *другого* берега,— ненавидели... А с какой дикой остервенелостью набрасывался на Герцена, к примеру, К. Гейнцен, этот, по отзыву Гер-

цена, «Собакевич немецкой революции», считавший, что «достаточно *избить два миллиона* человек на земном шаре — и дело революции пойдет как по маслу» (X, 60).

Правда, многим западным читателям и рецензентам герценовских сочинений оказалось не под силу понять существо его мировоззрения, определить своеобразие его таланта. Чего только ни усматривали в его работах: и путаницу, внесенную в русские мозги чтением Руге и Фейербаха, и проповедь философии отчаяния, и отказ от революции, и неуважение к народу, и классическое выражение «литературы крушения», и своеобразный руссоизм...

Но как бы то ни было, сочинения Герцена выступали в эпоху после революции 1848 г. одним из сильных факторов формирования общественного сознания западного читателя (недаром столь часто запрещались они к распространению в Германии и других странах), одним из выражений духовной жизни, но отнюдь не «смерти» Европы.

Да Герцен и сам не верил в эту «смерть» — потому хотя бы, что всегда признавал живой идею социализма как вершину западного развития (вспомним, с каким интересом относился он к великим социалистам Запада, как счастлив был лично познакомиться и побеседовать с Р. Оуэном, два дня провести вместе с О. Бланки). Даже утверждая, что у Запада мало сил, мало энергии, что «Запад вовсе не так дьявольски революционен, как он воображает», Герцен тут же подчеркивал: «У него есть великая мысль, великий идеал...» (XXV, 184). «Европа, умирая, завещевает миру грядущему, как плод своих усилий, как вершину развития, социализм» (XXIII, 111).

«Разочарование» Герцена в Западе не означало, повторяем, разочарования в социалистическом идеале, отказа от него: Герцен никогда не переставал быть социалистом. В «Письмах к противнику», настаивая на этом («Социалист я не со вчерашнего дня...»), Герцен утверждал: «...я решительно не вижу выхода из всеобщего импаса * образованного мира, кроме старческого обмиранья или социального переворота— крутого или идущего исподволь, нарастающего из жизни народной или вносимого в нее теоретической мыслью — все равно. Вопрос этот нельзя обойти, он не может ни устареть, ни сойти с череды, он может быть оттерт, заставлен другими, но он тут, как скрытая болезнь, и если он не постучится в дверь, когда всего меньше думают, то постучится смерть» (XVIII, 277).

Оценивая революционные потенции Запада без всяких преувеличенных ожиданий и надежд («Рыбак, глядящий на безоблачное небо во время безветрия, почти наверное будет прав, предполагая, что *через час* не будет бури. Я только этого права и добиваюсь в рассматривании современной истории» — XVI, 174), Герцен больше всего был озабочен тем, как сделать социалистический идеал, это «новое начало», которое не дает покоя «миру современной цивилизации» (XVI, 175), более сильным. Вот характерные в этом отношении слова из его письма В. С. Печерину: «Не думайте, что я обмолвился, назвав фаланстер — казармой; нет, все доселе явившиеся учения и школы социалистов, от С.-Симона до Прудона, который представляет одно отрицание,— бедны, это первый лепет, это чтение по складам, это терапевты и ессениане древнего Востока. Но кто же не видит, не чует сердцем огромного содержания, просвечивающего через односторонние попытки, или кто же казнит детей за то, что у них трудно режутся зубы или выходят вкось?» (XXV, 54).

Поиски путей и средств осуществления социализма в условиях отлива революционной волны на Западе и привели Герцена к концепции «русского» социализма.

XI

Учение Герцена о так называемом «русском» социализме достаточно хорошо известно.

Отодвигая установление социалистического общества в Западной Европе в неопределенно далекое будущее, Герцен полагал, что «если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны» (VI, 190). Некоторое время страной, готовой к этому движению, Герцен считал Соединенные Штаты Америки. Он думал, что в этой молодой, энергичной стране скорее, чем в Европе, соберутся силы, которые осуществят социализм. Правда, уже в 1849 г. Герцен сочувственно цитировал слова американского фурьериста А. Брисбейна о том, что политическая республика Соединенных Штатов чужда интересам работников, что «она бессильна осуществить то общественное состояние, к которому стремится современный человек» (V, 184). Герцен видел значительное развитие в Соединенных Штатах Америки демократических свобод, принципа «индивидуальной независимости», однако писал: «Как Америка

* тупика (*франц.*).

будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость» (XII, 429, см. также с. 351). Страну, в наибольшей степени способную к социальному преобразованию, Герцен нашел, обратившись мыслью к Родине.

Как есть две Европы — Европа буржуа и Европа работников, утверждал Герцен, так есть и две России: Россия правительственная, императорская, помещичья, солдафонская, играющая роль преграды на пути человечества, и Россия «черного народа», бедная, хлебопашенная, крестьянская. Народ не ответствен за действия правительства.

Да, русские значительно отстали от Европы. Но в этой «молодости» русского народа, не отягощенного, как западные народы, вековыми традициями исторической жизни, и счастье его. Не затронутый ни политическими движениями, ни европейской цивилизацией, задавленный и забитый, русский народ сохранил, однако, свою могучую душу, свой великий национальный характер, особенностью которого является естественное, безотчетное сочувствие коммунизму. Этот коммунистический дух русского народа выражен в его сельской, крестьянской общине. «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила *до развития социализма в Европе*» (VII, 323).

Что же социалистического нашел Герцен в общине? Демократизм или «коммунизм» (т. е. коллективность) в управлении жизнью сельской артели: крестьяне на своих сходах, «на миру», решают общие дела деревни, выбирают мировых судей, старосту, который не может поступить вразрез с волей «мира». Это общее управление бытом связано с тем, что люди «владеют» землей сообща. Они вместе ее обрабатывают, совместно используют луга, пастбища, леса. Такое общинное владение представлялось Герцену зародышем коллективной собственности. Наконец, элемент социализма Герцен видел также в крестьянском праве на землю, т. е. в праве каждого крестьянина на надел земли, который община должна предоставить ему в пользование. Это право, по мнению Герцена, исключает возникновение в России безземельного пролетариата (см. XIV, 182—183).

Одним словом, в патриархальной общине (сохранившейся, кроме русского, также у некоторых других славянских народов), Герцен усмотрел средство радикального общественного преобразования, реальный элемент социализма: «В избе русского крестьянина мы обрели зародыш экономических и административных установлений, основанных на общности землевладения, на аграрном и инстинктивном коммунизме» (XIII, 179).

Подчеркивая вместе с тем негативные стороны крестьянской общины, где лицо поглощается «миром», говоря о том, что «всякий неразвитой коммунизм подавляет отдельное лицо» (XII, 109), Герцен выдвигал в качестве важнейшего органического компонента своей концепции «русского» социализма положение о необходимости «оплодотворения» крестьянского русского «мира» западной наукой, т. е., собственно говоря, социалистической идеей. «Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи *несравненно выше* политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, современному пониманью. Это пониманье развилось на Западе; но с той минуты, как оно было сознано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих» (XIV, 175). А значит, и русских тоже. Без развития посредством науки Запада русский «аграрный коммунизм», пребывающий как бы в подпочве истории, останется грубым, подавляющим личность, совпадающим по своим основным принципам с тем, который проповедовался западными уравнителями вроде Гракха Бабефа.

Но это вовсе и не социализм, ибо не может быть социализма, не основанного на свободе личности. «Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности *земля осталась под ногами* и чтобы общинник был совершенно *свободное лицо*» (XIV, 183).

Россия, между прочим, потому и может от общины — минуя некоторые «фазы европейского развития» (VI, 205; XII, 186; XIV, 170, 176) — перейти к социализму, что ее передовые люди, «прошедшие через западную цивилизацию» и усвоившие революционные и социалистические

теории Запада, как бы впитали в себя мировой исторический опыт. «Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе <. . .> Мы сослужили народу эту службу»,— говорил Герцен (XII, 186).

Таким образом, «русский» социализм Герцена отнюдь не был идеализацией крестьянской общины и вовсе не представлял собой какого-то поворота от западничества к славянофильству или русофильству; он явился выражением (в тех условиях, разумеется, иллюзорным, утопическим) смелого теоретического поиска — поиска варианта ускоренного движения России к социалистическому переустройству при посредстве духовного опыта стран Западной Европы, воплощенного, по мнению Герцена, в ее социалистической науке — важнейшем «движимом достоянии» западной жизни.

Подчеркивая, что задача социализма еще далека от своего практического решения на Западе и что русская община сама по себе ее также не решает и решить не может, сближая российских крестьян с бедными европейскими работниками, Герцен говорил, обращаясь к западным демократам: «Мы идем вам навстречу в будущем перевороте <. . .> Ваши усилия, ваши страдания — для нас поучения <. . .> Царства и цари пройдут, но социализм не пройдет. Разве вы не узнаете — это юный *наследник* отходящего старца!» (XII, 263—264).

Но не будем упрощать взглядов Герцена, сглаживать, скрадывать противоречия его учения о «русском» социализме. В истории домарксистской общественной мысли вообще, социальной философии в частности не раз наблюдались случаи, когда содержание той или иной теории выражалось в неадекватной ему, этому содержанию, форме. И уж тем более исключительно редким было правильное представление теоретика о подлинной сути и действительном значении выдвигаемых им идей. При этом, как однажды метко выразился Маркс (в связи с оценкой в «Капитале» воззрений французского экономиста XVIII в. Ф. Кенэ), предлагаемая тем или иным ученым, теоретиком самохарактеристика его собственных взглядов — Маркс называет ее «вывеской», «этикеткой системы» — «отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [25]. Эти слова в известном смысле могут быть отнесены и к Герцену.

В. И. Ленин показал, что *по сущности своей* «русский», народнический социализм Герцена был отражением и выражением *«революционности* буржуазной крестьянской демократии в России» и потому в нем, как и во всем народничестве, «нет *ни грана* социализма» [26], ибо «для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение» [27]. Иначе говоря, «социализм» Герцена (и тут мы вслед за В. И. Лениным берем слово «социализм» в кавычки) представлял собой *неадекватную теоретическую форму* классово определенных устремлений (как, впрочем, и любая иная форма утопического социализма). Но это только одна сторона дела.

Другая состоит в том, насколько верным являлось данное Герценом определение этого социализма как «русского»: не было ли и в данном случае такой «этикетки системы взглядов», которая «обманывала» не только читателей и истолкователей Герцена (как сторонников его, так и противников), но и его самого? Не впадал ли сам Герцен в преувеличение, во власть иллюзии, когда писал, к примеру, следующим образом: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на Родину. Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели» (V, 10)?! Или во фразе о том, что «человек будущего в России мужик, точно так же, как во Франции работник» (VII, 326)?!

Революционеры, ученые, писатели Запада, шокированные идеей Герцена о возможной авангардной роли России на путях человечества к социализму, зачастую называли его «русофилом», «мессианистом», «панславистом». Вопреки этому «русский» социализм Герцена не дает оснований для истолкования его взглядов в духе панславизма или национализма. Наверное, нелишне привести здесь характеристику, данную Герценом славянофилам, с которыми его то и дело чрезмерно сближали: «Поклонники старины, *назло* петровским порядкам, истые националисты, *преднамеренные* православные, они с неблагодарностью забыли, что им дала единоспасающая цивилизация Запада, при свете которой они нашли свой клад в земле и разглядели его» (XIX, 187).

Совсем другое дело, что Герцен не был безразличен к идее авангардной роли того или иного народа в тот или иной исторический отрезок времени. Сама постановка вопроса о «русском» социализме да и предшествовавшие его появлению, обращенные к самому себе вопросы первой половины 1840-х годов (вспомним: «Может, мы?..») предполагали эту идею.

Но разве сама по себе эта идея так уж порочна? И не имеет ли она в виду — не вообще,

а именно в герценовской ее интерпретации — степень освоения данным, «авангардным» народом мировой культуры? Не жаждал ли Герцен, выдвигая ее, наибольшей безболезненности при осуществлении прогресса? Смягчения мук родов социализма?

«Русский» социализм Герцена не означал ни отрицания иных путей к социализму, ни абсолютизации возможного, по его убеждению, русского варианта этого движения. Последний понимался лишь как *одна из возможностей* исторического движения к будущему.

Ничего иного и не означал вопрос Герцена о том, следует ли России «пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленами через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа?» (XIV, 176). Ничего иного и не могло означать его утверждение: «Мы представляем *частный случай* нового экономического устройства, новой гражданственности, *одно* из приложений» (XVIII, 357). Не случайно, обращаясь к Э. Кине, Герцен заявлял: «Мы шли за вами, пути наши пересеклись, и мы снова пойдем не по одной дороге — *вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе*» (XVIII, 469). С этим вполне согласуется его давнишнее и постоянное (с конца 1840-х годов, когда он отказался от идеи «исторической алгебры») убеждение: «Социальные идеи, в своем воплощении, будут обладать многообразием форм и применений...» (XX, 65—66).

К тому же, как оказалось, «русский» социализм отнюдь не ликвидировал духовной драмы Герцена: чем дальше, тем все больше сознавалось им единство, идентичность путей Родины и Европы. Не переставая настаивать на том, что общий план развития истории допускает бесконечное число непредвиденных вариаций, Герцен уже в 1863 г. пишет, что «мещанство» может быть для России «переходным, неудовлетворительным состоянием, как жабры для утки». И, не считая «мещанство», т. е. буржуазный строй, окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому Россия стремится, он все больше склоняется к тому, что, «достигая» социализма, Россия, «вероятно, *пройдет* и мещанской полосой» (XVI, 196). «*Буржуазная оспа* теперь на череду в России ‹. . .›» (XVIII, 371) — с горечью напишет Герцен несколько позже.

XII

Концепция революции и социализма, развитая Герценом на основе осмысления им опыта классовой борьбы в Западной Европе, не раз подвергалась критике со стороны его соотечественников, представителей самых разных идейно-политических течений, от крайне реакционных до ультрареволюционных. Нельзя не признать, что иногда в этой критике содержались резонные, справедливые замечания, хотя в большинстве случаев разнородные оппоненты Герцена ошибались, как представляется, куда больше и основательнее, чем он — в иных случаях.

Известно, что Герцен далеко не во всем сходился в своих философско-исторических и социально-политических представлениях с другими деятелями русской революционной демократии XIX в.

Особо выделяется здесь относящийся к периоду 1859—1861 гг., многократно привлекавший внимание советских исследователей [28] острый спор Герцена с Чернышевским. Кто был прав в этом споре?

Во многом — Чернышевский, справедливо утверждавший, что, говоря о смерти «западных народов», Герцен утрачивал реальную перспективу социального процесса, упрекавший Герцена в непонимании того, что период политической реакции, порожденный поражением революции 1848 г.,— это не только и не просто застой, но вместе с тем и время роста, вызревания новых революционных сил. «Рано, слишком рано заговорили вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить»,— писал в полемике с Герценом Чернышевский в статье «О причинах падения Рима» [29].

Обратим, однако, внимание: Герцен отвел упреки Чернышевского в том, что он не чужд «коренной тенденции, из которой происходит славянофильство», проповедует идею «оживления», «обновления ветхой Европы ‹. . .› свежею помощью» России [30].

Когда спор между ними в общем-то подходил к концу, в листе 107 «Колокола» (1861) Герцен поместил статью «Repetitio est mater studiorum» — ответ на статью Чернышевского «О причинах падения Рима». В ней жестко обозначался тот предел, те границы, «за которыми,— пишет Герцен,— мы не отвечаем за нелепости, которые ставят на наш счет» (XV, 143). Примечательна концовка статьи:

«Я смело повторяю, что один факт общинного владения землею и передележа полей сам по себе оправдывает предположение, что наша невозделанная почва, наш чернозем *способнее* для посева зерна, собранного с западных полей. Способнее по стихиям, из которых она состоит, способнее потому, что на ней меньше мусора и всякого рода развалин, чем на западных полях.

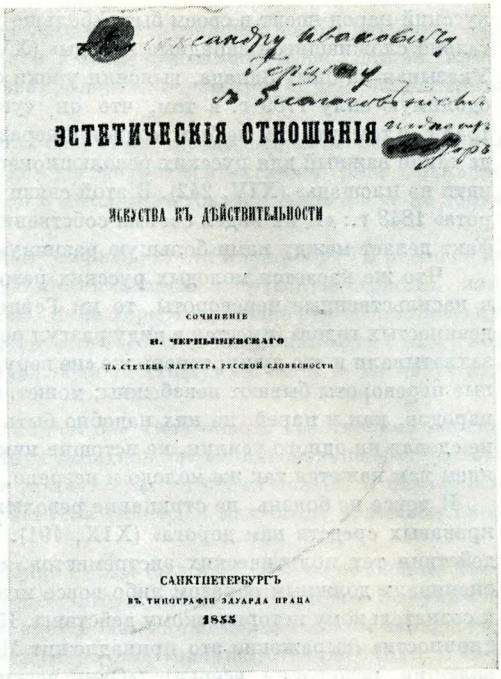
— Стало быть, Россия все-таки от Запада возьмет это оплодотворяющее зерно?

— Стало быть.

— Ну, где же тот новый элемент, который она вносит в жизнь устарелого Запада, долженствующий пересоздать его?

— На это пусть отвечают те, которые это говорят. Я этого никогда не говорил» (XV, 148—149).

В подтверждение этих слов Герцен приводит свое высказывание, относящееся к 1856 г.: «Одна могучая мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в нашем патриархальном быту. Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сел в волости, управляющиеся сами собой,— все это краеугольные камни, на которых созиждется храмина нашего будущего свободнообщинного быта. Но эти краеугольные камни все же камни... и без *западной мысли* наш будущий собор остался бы при одном фундаменте» (XV, 149; ср. IX, 149—150; XXX, 515).


Александру Ивановичу
Герцену
с благоговением
ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ
ИСКУССТВА КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
СОЧИНЕНІЕ
Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО
НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1855

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ГЕРЦЕНУ НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ КНИГИ «ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИСКУССТВА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» (СПб., 1855): «Александру Ивановичу Герцену с благоговением подносит Автор»
Музей Герцена, Москва

Несомненно, что герценовская концепция «русского» социализма, как и его «западный» скептицизм, не оставалась без изменений. Время от времени, под воздействием новых исторических фактов, новых аргументов идейных противников и *не*единомышленников в философии истории издателя «Колокола» появлялись новые моменты, совершалась переакцентировка внутри ее теоретической структуры. А иногда Герцен прямо отказывался от прежних утверждений, признавая их несостоятельными. Но никогда не было в жизни Герцена периода, когда бы он вставал на платформу нигилистического отношения к Западу. Напротив: существо герценовской трактовки революции и ее возможных форм и путей осуществления в России в первую очередь определяется его глубоким проникновением в опыт общественно-политических движений Запада. И именно это во многом (были, конечно, и другие причины) определило своеобразие места Герцена внутри отечественного революционного лагеря 1860-х годов.

Вспомним его известное предисловие «От редакции» к «Письму из провинции» («Колокол», 1860). Обращаясь к «Русскому человеку», убеждавшему издателя «Колокола» звать Русь к топору, и замечая, что к топору он звать не будет «*до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора*» (XIV, 239), Герцен объяснял основы этой своей позиции следующим образом: «Чем глубже, чем дольше мы всматриваемся в западный мир, чем подробнее вникаем в явления, нас окружающие, и в ряд событий, который привел к нам Европу, тем больше растет у нас *отвращение от кровавых переворотов*; они бывают иногда необходимы, ими отделывается общественный организм от старых болезней, от удушающих наростов; они бывают роковым последствием вековых ошибок, наконец, делом мести, племенной ненависти,— у нас нет этих стихий; в этом отношении наше положение беспримерно» (XIV, 239).

Разумеется, Герцен заблуждался насчет «беспримерности» положения дел в России, как ошибался он и тогда, когда писал в 1864 г. в «Письмах к противнику», будто русский народ есть «преимущественно *социальный*, т. е. наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той *земной веси*, к которой стремятся все социальные учения», будто

русский народ носит в своем быту «больше условий к экономическому перевороту, чем окончательно сложившиеся западные народы» (XVIII, 276—277, 278). Однако сейчас речь о другом. Указывая на опыт Запада, выясняя уроки французских революций, видя, в частности, непреодолимую силу 1789 г. в том, что он «увлек всех», а причину поражения революции 1848 г. в том, что там не было «одной и нераздельной» веры (XIV, 242—243), Герцен делал отсюда такой важный для русских революционеров вывод: «С полемикой в основном вопросе нельзя идти на площадь» (XIV, 242). В этой связи Герцен указывал на следствия «печального переворота» 1848 г.: «Я их видел своими собственными глазами, и, может быть, этот физиологический факт делает между нами большую разницу» (XIV, 243).

Что же касается молодых русских революционеров, упрекавших его в потере всякой веры в насильственные перевороты, то им Герцен отвечал: было время, когда «громовые раскаты девяностых годов» (имеется в виду разгул революционного террора во Франции конца XVIII в.) захватывали и его душу; теперь же «не веру в них мы потеряли, а *любовь к ним*. Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут у нас; это отчаянное средство, ultima ratio * народов, как и царей, на них надобно быть готовым; но выкликать их в начале рабочего дня, не сделав ни одного усилия, не истощив никаких средств, останавливаться на них с предпочтением нам кажется так же молодо и незрело, как *нерасчетливо и вредно* пугать ими» (XVI, 221).

И вовсе не боязнь, не отрицание революции — во фразе Герцена: «Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога» (XIX, 191). В ней — неприятие Герценом образа мышления и действия тех политических экстремистов, «артистов-революционеров» (XIII, 22), которые не оценивали должным образом либо вовсе игнорировали фактор готовности масс к революции, к сознательному историческому действию. Категорический противник «революционной революционности» (выражение это принадлежит Марксу [31]), Герцен был сторонником *подлинной* революции, революции всерьез («Одни легкие революции делаются легко» — XII, 107), ибо он связывал с ней действительное, а не *мнимое* освобождение народа. Поэтому он и подчеркивал так сильно значение социальной зрелости, просвещенности масс, разработки революционной теории и других необходимых предварительных условий и компонентов грядущего социального переворота.

Нет, Герцен не отвергал «топор» в принципе. Но он лучше многих современных ему русских революционеров (и здесь он вполне сопоставим с Чернышевским [32]) понимал: «Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костьми, не только схватившись за рукоятку, но схватив за лезвие, когда топор слишком расходится. Есть ли все это у вас?» (XIV, 243).

Эти слова Герцен написал 28 февраля 1860 г. Все дальнейшее развитие освободительного движения в России было как бы практическим ответом на поставленный им вопрос, трудным процессом создания требуемых им условий успеха революционной борьбы.

XIII

Уже под самый конец жизни Герцен вступает в острый спор с М. А. Бакуниным (и поддерживавшим его по ряду вопросов Огаревым). Обращенные непосредственно к Бакунину герценовские письма «К старому товарищу» — вершина его социально-революционной мысли.

Проблемы, которые Герцен рассматривает в этом произведении, в общем те же, что и в написанном восьмью годами ранее другом замечательном его сочинении — «Роберт Оуэн», введенном в «Былое и думы». Но истекшие годы не прошли даром. Мысль Герцена не просто стала глубже и точнее — произошла и определенная трансформация некоторых образов («акушера», «хирурга») в более строгие в научном отношении понятия. Да и адрес полемики изменился: там, в «Роберте Оуэне», Герцен спорит главным образом с Западом, с его социалистами и революционерами; здесь — с соотечественником, с человеком, представляющим революционную Россию. Отсюда изменение и общей тональности спора.

Очень примечательно, что личная нота, звучащая в обращении Герцена к Бакунину, включает как важнейший момент упоминание все о том же роковом 1848 г.

В самом начале произведения Герцен пишет: «Тяжелые испытания с 1848 разно отозвались на нас. Ты больше остался, как был〈. . .〉, но ты был вдали — я стоял возле. Но если я изменился — то вспомни, что *изменилось все*» (XX, 575).

---

* последний довод (*лат.*).

И ближе к концу: «Стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстреливали пленных, я всем сердцем и всем помышлением звал дикие силы на месть и разрушение старой, преступной веси,— звал, даже не очень думая, чем она заменится. С тех пор прошло двадцать лет.

Месть пришла с другой стороны, месть пришла сверху... Народы всё вынесли, *потому что ничего не понимали* ни тогда, ни после; середина вся растоптана и втоптана в грязь... Длинное, тяжелое время дало досуг страстям успокоиться и мыслям отстояться, дало досуг на обдумание и наблюдение.

Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений, но разно стали к вопросу. Ты рвешься вперед по-прежнему с страстью разрушенья, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять *шаг людской* в былом и настоящем, для того чтоб знать, как идти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной — не могут идти» (XX, 586).

Итак, Герцен сопоставляет, сравнивает, сталкивает два типа опыта: собственное наблюдение (на «досуге») изменявшейся на протяжении двух десятков лет западноевропейской действительности (точнее, опять-таки сопереживание ее драматизма: «я стоял возле») и бакунинское упорное игнорирование уроков исторического развития («остался как был», «рвешься вперед по-прежнему»).

Впрочем, Герцен не вполне прав: его объяснение — «ты был вдали» — не объясняет все же сохранения у Бакунина «страсти разрушенья». Более того, в конце 1860-х годов Бакунин совсем не «вдали», он деятельнейшим образом участвует в социально-политическом западноевропейском движении: в Лиге мира и свободы, в Международном товариществе рабочих... Так что ситуация вроде бы повторилась: опять, как и в 1848—1849 гг., Бакунин — участник, а Герцен — сторонний наблюдатель. Эта очевидная внешняя схожесть ситуаций лишь оттеняет тот факт, что мысль Герцена делает еще один виток. Но если его известная «духовная драма» была своеобразным идейным кризисом, порожденным только что происшедшей революцией, то теперешний новый поворот в его мировоззрении связан прежде всего с осмыслением послереволюционной истории Европы.

Конечно, в данном случае имело немаловажное значение то, что этот опыт пропускался через «русское сито»: тут далеко не безразличны мысли и чувства Герцена, порожденные, в частности, «Молодой Россией», выстрелом Каракозова, покушением Березовского, столкновениями с новой, юной порослью русских революционных эмигрантов. Верно и то, что при осмыслении истекшего двадцатилетия Герцен постоянно обращался к многовековой истории Европы — в первую голову к переломным ее моментам, эпохам революций. Но все же именно наблюдение над западноевропейской жизнью 1849—1869 гг. приводит Герцена к твердому убеждению, что голое насилие, пусть даже самое что ни на есть «р-р-революционное», при отсутствии необходимых предпосылок социализма не может привести ни к чему хорошему...

То, что пишет Герцен в письмах «К старому товарищу», поразительно совпадает с тем, что писал по тем же вопросам Маркс — и в полемике с К. Шаппером и ему подобными «леваками», и в политико-экономических сочинениях, где настойчиво проповедовалась идея, что общество не может перескочить через необходимые ступени развития и в состоянии решать только такие задачи, которые история перед ним уже поставила, и в «Гражданской войне во Франции», и в направленной против Бакунина брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», и в письмах (как и в набросках к ним) к Вере Засулич, и в «Критике Готской программы» и пр.

Подобно Марксу, Герцен, в частности, был категорически против того, чтобы в революции прыгать от первого месяца беременности (если общество действительно «беременно революцией») сразу в девятый: тем самым наверняка будет исключена сама возможность рождения; более того, развитие пойдет вспять. Вот только одна из герценовских формул: «Угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад» (XX, 582).

Герцен убежден в грядущем торжестве социалистического идеала. Он пишет о неизбежности конца «исключительного царства капитала и безусловного царства собственности» (XX, 577). Он даже считает такое осознание исторической ситуации всеобщим, полагая, что оно так же закономерно предшествует грядущему социальному перевороту в пользу «четвертого сословия», как сознание несправедливости в отношении «третьего сословия» предшествовало другому великому историческому акту — революции 1789 г.

Однако в письмах «К старому товарищу» Герцен, как и прежде, утверждает, что «общее постановление задачи не дает ни путей, ни средств, ни даже достаточной среды. Насильем их не завоюешь. Подорванный порохом, весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный* мир. Потому что он *внутри не кончен* и *потому еще, что ни мир построяющий, ни новая организация* не настолько готовы, чтоб пополниться, осуществляясь» (XX, 577). Другими словами, согласно Герцену, Западная Европа еще не созрела до социализма, до социалистической революции — и последовавшее через два года поражение Парижской коммуны 1871 г. с полной очевидностью обнаружило справедливость этого прогноза.

По Герцену, победа социализма в качестве одного из непременных своих условий предполагает разработку научной теории будущего общества. Но таковой (надо ли напоминать здесь о том, что с теорией пролетарского социализма К. Маркса и Ф. Энгельса автор писем «К старому товарищу», в сущности, знаком не был) Герцен нигде не находит. А без нее выступление пролетариата грозит, по его убеждению, повторить печальный опыт 1848 г.: «Мы видели грозный пример кровавого восстания, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Сплоченный в одну дружину, мир консервативный побил его — и следствие этого было то ретроградное движение, которого следовало ожидать,— но что было бы, если б победа стала на сторону баррикад? — в двадцать лет грозные бойцы высказали все, что у них было за душой...» (XX, 576).

В этих словах — суммарная оценка, так сказать, «теоретического наследия» тех демократических деятелей Запада, которых Ленин относил к представителям буржуазного и мелкобуржуазного социализма, «окончательно убитого» июньскими днями 1848 г.[33] И оценка эта у Герцена совершенно определенна: «Ни одной построяющей, органической мысли мы не находим в их завете, а экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже, ведут к разорению, к застою, к голодной смерти» (XX, 576).

Конечно, признает Герцен, социалистическая мысль доработалась до ряда положений общего характера, выдвинула идеи коллективной собственности, необходимости переворота в экономических отношениях, солидарности. Но этого недостаточно. У современных, известных ему теоретиков будущего Герцен не видит ясных представлений о грядущей социальной «организации»; неизвестен им и «процесс (кроме простого ломанья), которым должно совершиться превращение в нее старых форм»; наконец, не готова, как считает Герцен, и «та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело» (XX, 577).

В этих условиях призыв к революционному насилию как средству установления нового

ЛОНДОН. ДОМ, ГДЕ В 1860—1863 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Орсетт-хауз, Вестборн-террас

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

Установлена Советом Большого Лондона 23 сентября 1970 г. на стене дома, где жил Герцен

«Greater London Council. Alexander Herzen 1812—1870. Russian political thinker lived here 1860—1863» («Совет Большого Лондона. Александр Герцен 1812—1870. Русский политический мыслитель жил здесь в 1860—1863 гг.»)

Фотографии, 23 сентября 1970 г.

Архив «Литературного наследства», Москва

строя вреден. «Насильем можно разрушать и расчищать место — не больше. Петрограндизмом социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны все обнять и вместить в себя все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений. Из нашего мира не сделаешь ни Спарту, ни бенедиктинский монастырь. Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать — к общему благу (как мечтали о страстях фурьеристы)» (XX, 578). В общем, идти в социальной революции «на авось» не только опасно, но даже преступно.

«Старый порядок вещей,— утверждает Герцен,— крепче *признанием его*, чем материальной силой, его поддерживающей». И добавляет: «Это всего яснее там, где у него нет ни карательной, ни принудительной силы, там, где он твердо покоится на *невольной* совести, на неразвитости ума и на незрелости новых воззрений, как в Швейцарии и Англии» (XX, 579). Ставя здесь проблему народного сознания как фактора исторического процесса и настаивая на необходимости его изучения и овладения им, Герцен вновь, как мы видим, апеллирует к собственному, личному, так сказать, «страноведческому» опыту — а уж жизнь в Англии и Швейцарии он знал хорошо...

За истекшее двадцатилетие Запад научил Герцена также и тому, что самые развитые, самые демократические государственные, политические формы — при отсутствии развитости самих масс — приводят (или могут привести) к самым порочным результатам. Имея в виду, скорее всего, восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, автор писем «К старому товарищу» заявляет: «Мы знаем, что значит ошибиться в возрасте и в степени пониманья. Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой он чуть не заре-зался» (XX, 584).

Необходимый компонент грядущего переворота — само массовое, народное сознание, обыденные представления о семье, собственности, наследстве и т. п. Именно от этого, считает Герцен, в громадной, если не в определяющей, степени зависит успех или неуспех движения. Пусть эти предрассудки, которыми руководятся массы,— своего рода болезнь, вроде раковой, от которой они сами больше всего страдают. Но если решиться вылечить их от этой болезни политической хирургией, «всего яростнее восстанут за „рака“ ... наиболее страждущие от него ⟨...⟩ Это очень глупо, но пора с глупостью считаться, как с громадной силой» (XX, 584).

Мало того, что Герцен выражается здесь подобно Марксу [34],— тут проявляется еще и выдающийся дар предвидения: Герцен как бы указывает на одну из причин поражения неизвестной ему, грядущей Парижской коммуны, не поддержанной крестьянством...

Бакунинскому: «Народ — революционер по инстинкту» — Герцен противопоставляет совсем иное, более исторически справедливое: «Народ — консерватор по инстинкту, и потому, что он не знает ничего другого, у него нет идеалов вне существующих условий; его идеал — буржуазное довольство ⟨...⟩ Чем народ дальше от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, за знакомое. Он даже новое понимает только в старых одеждах» (XX, 589).

Не будем строги к герценовской фразеологии — попробуем поглубже вдуматься в заключающуюся в этих словах мысль. И, вдумавшись, поразимся созвучию ее с тем, что писал полвека спустя и в других выражениях В. И. Ленин: «Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить „по старинке“ . . .» [35].

Не менее сильно удивляют, поражают нас сегодня те идеи Герцена, которые выражают неприятие им революционно-авантюристического «петрограндизма» и «казарменного коммунизма»,— идеи, во многом совпадающие с тем, что писал Маркс, критикуя Нечаева и Бакунина, а также с ленинскими мыслями о невозможности строить социализм посредством насилия. В. И. Ленин настаивал на том, что именно «живое творчество масс» выступает как «основной фактор» строительства социализма, что «социализм не создается по указам сверху», что «его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм», что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс», что «только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении * решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом» [36]. За полвека до этого на невозможность и недопустимость строить социализм посредством насилия указывал и Герцен — в этом его существеннейшее, специфичнейшее отличие по сути дела от всех предшествовавших и современных ему домарксистских и немарксистских социалистов. «Не начать ли новую жизнь с сохранения социального корпуса жандармов?» (XX, 585) — иронически обращался Герцен к продолжателям линии бабувизма в сфере социально-политической мысли.

Именно в созидательном характере грядущей революции Герцен видит черту, отличающую ее от предшествовавших революционных переворотов,— в этом, а вовсе не в каком-то либеральном реформизме и состоит смысл его слов о собственном теперешнем неверии в *прежние* революционные пути.

Но если грядущий переворот — это преимущественно акт творчества, акт созидания, то пора оставить взгляд на революцию лишь как на расправу, пора покончить с «уголовным воззрением» на нее.

Дело не только в том, что грядущий переворот — это прежде всего переворот экономический (это для Герцена — азбука). Дело главным образом в том, что социализм, точнее, водворяющий его в мир революционный переворот «должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании. Но этого и не будет» (XX, 581) [37].

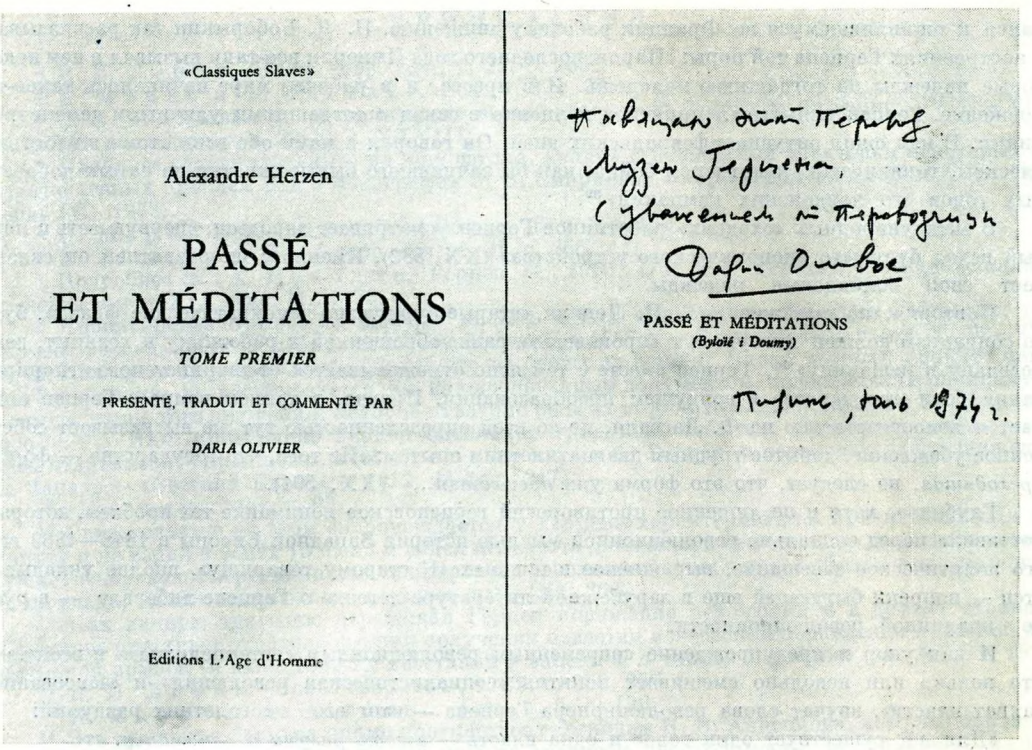
И как поучительно звучат герценовские слова: «Я не только жалею людей, но жалею и вещи, и *иные вещи* больше *иных людей* ⟨...⟩ Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира, довольно Французская революция наказнила статуй, картин, памятников,— нам не приходится играть в иконоборцев» (XX, 593).

Итак, вот один из главных выводов, который Герцен сделал из западного опыта: *идейная убогость и практическая порочность прямолинейного революционаризма*. А отсюда уже естественно было делать такое, очень важное для революционной теории, заключение: «Между конечными выводами и современным состоянием есть практические облегчения, компромиссы, диагонали, пути. Понять, которые из них короче, удобнее, возможнее,— дело практического такта, дело революционной стратегии. Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон в Москву,— и погибнуть, отступая от нее... не доходя даже до Березины» (XX, 583).

Оценивая письма «К старому товарищу», В. И. Ленин писал, что, разрывая с анархистом Бакуниным, Герцен «обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс ⟨...⟩» [38].

---

* т. е. для строительства нового общества.— *А. В.*



«БЫЛОЕ И ДУМЫ». ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ ИЗ СЕРИИ «СЛАВЯНСКИЕ КЛАССИКИ»

Перевод и комментарии Д. Оливье. Lausanne, 1971—1974

Том первый. Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью: «Посвящаю этот перевод Музею Герцена. С уважением от переводчицы Дарии Оливье. Париж, июнь 1974 г.»

Музей Герцена, Москва

Внимательное наблюдение действительности вело к тому, что во второй половине и особенно в конце 1860-х годов скепсис Герцена в отношении творческих сил народов Западной Европы начинает сходить на нет; все сильнее звучит у него оптимистическая нота. Еще в 1862 г., оценивая в «Концах и началах» положение дел в «мещанской» Европе, Герцен писал: «Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет, как, и вынесет ли его старое тело или нет? Этого я не знаю, да и Ст. Милль не знает. Опыт нас проучил; осторожнее Маццини, мы смиренно держимся точки зрения *прозектора*. Лекарств не знаем, да и в хирургию мало верим». И тут же: «Иногда я приостанавливаюсь, мне кажется, что худшее время прошло, я стараюсь быть непоследовательным: мне кажется, например, будто сгнетенное слово во Франции вырастает в мысль... я жду, надеюсь... бывает же иногда и исключение... будто что-то брезжит... нет, ничего!» (XVI, 148—149). Но уже в 1866 г. Герцен находит в западноевропейской жизни силы, «пробуждающиеся к свету, которые могут оплодотвориться разумом и спасти организм...» (XX, 608). Два года спустя, отмечая признаки революционного пробуждения Европы, Герцен бросает в адрес одного своего противника такие слова: «Легко сказать с видом деревенского школьного учителя: „Время социализма прошло“ ⟨...⟩ — и это в то время, когда с удесятеренною силой пробудились социальные вопросы во всей Европе, не исключая Англии...» (XX, 422). В мае 1869 г. Герцен пишет сыну: «Когда я вглядываюсь в силу социального движения, в глубь его и в его страстность — я вижу ясно, что настоящая борьба мира доходов и мира труда не за горами ⟨...⟩» (XXX, 119).

Основной силой, с которой Герцен связывает теперь свои надежды на осуществление социализма, является Интернационал. К его конгрессам Герцен проявлял интерес еще с 1866 г. Внимательно слушал он рассказы об этих конгрессах П. Д. Боборыкина, присутствовавшего на них в качестве корреспондента. Прибыв осенью 1869 г. в Париж, Герцен с надеждой присматри-

вался к оживлявшемуся во Франции рабочему движению. П. Д. Боборыкин так рассказывал о настроениях Герцена той поры: «Париж последнего года Империи все-таки вызывал в нем некоторые надежды на тогдашнюю молодежь. И в прессе, и в рабочем мире начиналось какое-то брожение. Герцен испытывал приятное волнение в связи с тогдашними уличными демонстрациями. В нем ожил энтузиаст февральских дней. Он говорил с нами обо всем этом с живостью, блеском, горячностью и натиском бойца, как бы зачуявшего былые схватки из самых доблестных годов его лондонских кампаний» [39].

В международных «сходках» работников Герцен усматривает зародыш, «первую сеть и первый всход будущего экономического устройства» (XX, 582). Именно с их развитием он связывает свои социальные надежды.

Повторяя, по выражению В. И. Ленина, «старые буржуазно-демократические фразы», будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину» [40], Герцен вместе с тем ясно отмежевывается от анархистского игнорирования роли государства в грядущем преобразовании. Правда, в данном вопросе Герцен опирается непосредственно на Ф. Лассаля, но со всей определенностью тут же высказывает собственное убеждение, добытое трудным двадцатилетним опытом: «Из того, что государство — форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешед*шая...» (XX, 591).

Глубокое, хотя и не лишенное противоречий герценовское понимание тех проблем, которые поставила перед социально-революционной мыслью история Западной Европы в 1848—1869 гг., его политическое завещание, выраженное в письмах «К старому товарищу», вполне укладывается — вопреки бытующей еще в зарубежной литературе легенде о Герцене-либерале — в русло подлинной революционности.

И как укор и предупреждение современным революционным «нетерпеливцам» и всем тем, кто вольно или невольно смешивает понятия «социалистическая революция» и «завоевание, захват власти», звучат слова революционера Герцена — итог его многолетних раздумий:

«Для нас существует один голос и одна власть — *власть разума и пониманья*.

Отвергая их, мы становимся расстригами науки и ренегатами цивилизации» (XX, 589).

XIV

Без западноевропейской революционности и культуры не было бы Герцена.

Но и западноевропейская культура и мировая революционность неполны, ущербны без Герцена — публициста и художника;

Герцена — философа, ни в чем не уступавшего самым глубоким и интересным мыслителям западноевропейского XIX века;

Герцена — социалиста, давшего миру идею о возможности миновать капиталистическую стадию в историческом развитии отдельных народов к строю подлинного равенства [41], к обществу, где будет разрешена наконец «самая трудная,— по мнению Герцена,— социальная задача» (V, 62) и «действительная воля народа» будет опираться на «свободу лица» (VI, 14);

Герцена — глубокого диагноста некоторых социально-нравственных недугов и болезней, вроде омещанивания;

Герцена — революционера, поставившего глубочайший вопрос о нравственности в политике, не снятый до сих пор с повестки дня освободительного движения. Как актуально звучат и сегодня — особенно для тех стран и народов, которые совершают революции или которым она только еще предстоит,— слова Герцена о несовпадении социальной революции с заговорами, политическими убийствами, террором, бунтами и иными формами пролития крови, слова о нравственной невозможности, тупиковости, антинародности тех форм борьбы, где народные массы играют роль лишь «мяса освобождения» (XVI, 26, 28) . . .

Любому человеку, какой бы стране, нации, времени, классу, социальной группе он ни принадлежал, знакомство с Герценом помогает лучше понять, что деление мира человеческого происходит не по меридианам и параллелям: запад — восток, юг — север... Деление это происходит по степени ответственности людей, партий, классов, народов за судьбы человечества.

Таков один из основных заветов Герцена. Завет нам и потомкам нашим, ибо, как писал о Герцене Лев Толстой: «Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их» [42].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 255.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 30.

[3] С. А. Макашин. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. («Лит. наследство», т. 29-30, с. XXVIII).

[4] Наиболее содержательный, на наш взгляд, анализ герценовской трактовки некоторых из перечисленных проблем дан в монографии З. В. Смирновой «Социальная философия А. И. Герцена» (М., 1973).

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, с. 132.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

[7] Подробнее см.: А. Володин. Герцен. М., 1970; Он же. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973.

[8] Процитировав отрывок из шестого письма цикла «Письма из Франции и Италии», где Герцен рассказывает о событиях в Риме 31 декабря 1847 г.— 2 января 1848 г. (см. V, 92—93), М. М. Ковалевский заметил: «Разве все это не сцены из жизни? Какой историк пройдет мимо этого описания, не воспользуется им как неоцененным документом, позволяющим проникнуть в самую душу того движения, которое охватило со всех сторон Италию и повело к ее объединению <. . .> Как прозорливо Герцен оценивает грядущие события, пользуясь своим знанием итальянского прошлого...» (М. Ковалевский. Герцен и освободительное движение на Западе.— «Вестник Европы», 1912, № 6, с. 217).

[9] «Лит. наследство», т. 63, с. 382.

[10] Свидетельство об этом сопровождается у Герцена характернейшим признанием: «Ни на минуту я не верил в успех 13 июня и видел нелепость движенья и его бессилие, народное равнодушие, осиротелость реакции и мелкий уровень революционеров; я писал об этом и все же пошел на площадь, смеясь над людьми, которые шли» (XI, 366).

[11] Как личную трагедию переживал Герцен поражение революции и в других странах. «Страшное отчаянье» охватило его при получении известия о жестоком подавлении прусской карательной армией (в июне 1849 г.) восстаний в западной и южной Германии (см. XXIII, 187).

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256, 257.

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 139.

[14] Эти суждения Герцена прямо противостоят взглядам П. В. Анненкова, который оправдывал поведение «вождей революции» ссылкой на внешнюю необходимость, заставлявшую их поступать так, а не иначе. Переправляя с Анненковым свое письмо московским друзьям от 6 сентября 1848 г., Герцен серьезно предупреждает их быть «осторожными», слушая его повествования о событиях во Франции: «Он стал на какую-то странную точку — безразличной и маленькой справедливости, которая не допускает до него большую истину. Какое-то резонерство и отыскивание объяснений всему из начал необходимых, благоразумных,— так, как некогда Белинский строил русскую историю и наши нужные места превращал в необходимые <. . .> Он до сих пор защищает пошлую личность Ламартина — а я его ненавижу,— ненавижу не как злодея, а как молочную кашу, которая вздумала представлять из себя жженку... etc., etc.» (XXIII, 96—97).

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

[16] Там же, с. 256.

[17] Исследователями отмечается, в частности (см. XXIII, 403), совпадение высказанной Герценом в сентябре 1849 г. мысли о том, что после поражения пролетариата и демократии республика во Франции сохранялась лишь вследствие соперничества трех монархических течений, с анализом обстановки после событий 13 июня 1849 г. в работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 77).

[18] Маркс, к примеру, писал в 1867 г., что грядущая пролетарская революция примет в Европе «более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 8). См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 199.

[19] Выражение М. А. Бакунина (М. А. Бакунин. Полн. собр. соч. и писем, т. III. М., 1935, с. 139, 148).

[20] Герценовская оценка «поэзии заговоров» (XVI, 143), данная им в 1862 г. при характеристике деятельности Маццини,— хороший повод напомнить о том, что основоположники научного коммунизма резко выступали против смешения таких форм политической деятельности, как, с одной стороны, заговор, прямо нацеленный на «непосредственное восстание», и, с другой стороны, «организация и развитие пролетариата» в целях осуществления социальной революции. В частности, весной 1850 г. Маркс и Энгельс писали в «Neue Rheinische Zeitung»: «Заговорщики не довольствуются тем, чтобы вообще организовать революционный пролетариат. Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 287—288; см. также с. 289).

[21] Эти же явления по-своему констатировали — и не раз обсуждали между собой — и основоположники научного коммунизма. 7 октября 1858 г. Энгельс писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается...» (К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 29, с. 293). Спустя несколько лет, 8 апреля 1863 г., Энгельс отмечает, что «революцион

ная энергия у английского пролетариата почти совершенно исчезла, и он объявляет себя совершенно примирившимся с господством буржуазии» (там же, т. 30, с. 276—277). Маркс так ответил на эти слова: «Скоро ли избавятся английские рабочие от явного их развращения буржуазией, покажет будущее» (там же, т. 30, с. 280; ср. т. 19, с. 155).

[22] Один из очевидцев первых лет пребывания Герцена за границей, Г. Раш, рассказывал: «Дом его <. . .> был открыт изгнанникам самых разных национальностей: там можно было встретить немцев, итальянцев, поляков, румын, сербов, венгров <. . .> Чтобы получить доступ в дом Герцена, не нужно было никакой рекомендации, никаких представлений. На вспомоществование этим изгнанникам Герцен истратил в 1848 и 1849 гг. много тысяч. Через мои руки прошли значительные суммы, которые он выдавал мне на венских эмигрантов, которых он знал только по имени, причем я не имел даже права, при передаче этих сумм по назначению, сказать, от кого они идут. Многие содержались исключительно на его счет; жены двух австрийских эмигрантов разрешились от бремени в его доме, потому что дома у них не было для этого надлежащих удобств» (цит. по ст.: М. Гершензон. Герцен и Запад. (Глава из биографии А. И. Герцена).— «Русская мысль», 1907, № 3, с. 142 второй пагинации). Среди эмигрантов, с которыми общался Герцен, Раш называет К. Россети, А. Подуляка, Нидергубера, Э. Гауга, К. Таузенау и др.; см. также *Л V*, 269—270.

[23] Цит. по «Обзору русских и иностранных отзывов о «Былом и думах» (XI, 766).

[24] Там же, с. 767.

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, с. 405.

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

[27] Там же, т. 12, с. 41.

[28] См., напр.: И. В. Порох. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963.

[29] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, с. 666.

[30] Там же, с. 661, 664, 663.

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 338.

[32] См. А. Володин, Ю. Карякин, Е. Плимак. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976; И. Пантин, Е. Плимак. Н. Г. Чернышевский: на пути к революционной теории («Коммунист», 1961, № 15).

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

[34] 13 февраля 1863 г. в связи с началом национально-освободительного восстания в принадлежавших царской России польских землях Маркс писал Энгельсу: «Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно — в Европе снова широко открылась эра революций. И общее положение дел хорошее. Но наивные иллюзии и тот почти детский энтузиазм, с которым мы приветствовали перед февралем 1848 г. революционную эру, исчезли безвозвратно <. . .> Кроме того, теперь мы уже знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи умеют ее эксплуатировать» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 266).

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 155.

[36] Там же, т. 35, с. 57; т. 36, с. 380.

[37] Герцен еще раньше подобным образом критиковал прудоновский идеал будущего строя как «скучной мастерской»: «Справедливость», к которой он стремится, даже не художественная гармония Платоновой республики, не *изящное* уравновешивание страстей и жертв <. . .> «Свободная» личность у него часовой и работник без выслуги, она несет службу и должна стоять на карауле до смены смертью, она должна морить в себе все лично-страстное, все внешнее долгу <. . .> Суровая римская семья в современной мастерской — идеал Прудона» (X, 198).

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

[39] П. Боборыкин. Великий москвич («Русское слово», 1912, № 71, 15 марта).

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257. В этом месте В. И. Ленин цитирует слова Герцена (XX, 593), направленные против бакунинской апелляции исключительно к разрушительному «делу».

[41] Научное значение идея некапиталистического пути развития к социализму приобрела, как известно, лишь в общей системе теории марксизма, но к ее создателям она пришла, вероятно, все же от Герцена, через посредство произведений Чернышевского, в данном отношении являвшегося герценовским учеником и последователем.

[42] Запись в дневнике от 12 октября 1905 г. (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 55. М., 1937, с. 165).

ГЕРЦЕН
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

ПЕРЕПИСКА С ИНОСТРАННЫМИ ДЕМОКРАТАМИ

ГЕРЦЕН И АНГЛИЯ

Статья Моники Партридж (Ноттингем) *

Отношения Герцена с англичанами до сих пор исследованы недостаточно полно. Утверждение Герцена, что в Европе он сделался «посторонним зрителем» (XI, 53), распространенное и на Англию, долго заставляло предполагать, что его контакты с англичанами были незначительны. Однако эту «посторонность» следует понимать не буквально, а скорее психологически. В начале марта 1850 г. он писал из Франции М. Гессу: «Вы, *может* быть, забываете, что моя позиция зрителя определяется моей национальностью; я физиологически принадлежу к другому миру, я могу с бо́льшим равнодушием констатировать наличие страшного рака, снедающего Западную Европу» (XXIII, 289).

По прибытии в Англию ощущение этой далеко не всегда последовательной позиции усилилось в результате резких антирусских настроений, захлестнувших страну в начале Крымской войны, т. е. через восемь месяцев после переезда Герцена в Лондон. Герцен оказался здесь не просто эмигрантом, а представителем «враждебной нации». В то же время его поглощенность чисто русскими делами после основания Вольной русской типографии заметно углубила его отчуждение от интересов Англии.

Герцен с юных лет живо интересовался английской общественной жизнью, историей, философией, литературой, искусством. Вопрос о влиянии на его мировоззрение и творчество таких философов и историков, как Бэкон, Ньютон, Гоббс, Карлейль, Милль, Бокль, таких социологов, как Оуэн, и художников слова, как Шекспир, Байрон, Диккенс, Теккерей, нуждается в специальном монографическом исследовании. Настоящая статья ставит перед собой другую задачу — охарактеризовать отношения Герцена с кругом его английских знакомых во время его пребывания в Англии, т. е. в 1850-х — первой половине 1860-х годов.

Жизнь Герцена в Англии была во многих отношениях благотворной для его издательской и творческой деятельности; там заметно расширился его кругозор, возникли связи с людьми из разных слоев английского общества. Осуждая — и порой очень резко — отрицательные стороны английского быта и английского национального характера, Герцен в то же время чрезвычайно высоко ставил свободолюбивые традиции общественной жизни Англии и настойчиво противопоставлял их деспотизму таких режимов, как бонапартистская Франция и самодержавная Россия. Это свое отношение к Англии, предоставившей ему на продолжительное время свое гостеприимство, он особенно четко выразил в брошюре «La France ou l'Angleterre?» (1858). Нельзя не отметить и той исключительно глубокой симпатии и уважения, которые Герцен питал к английскому народу.

Сразу же после переезда в Лондон Герцен был введен в кружок англичан, в большинстве своем тесно связанных с чартистским движением. Это были люди, придерживавшиеся передовых социально-политических взглядов, главным образом радикалы и республиканцы, активно боровшиеся за свободу слова и печати и видевшие свою ближайшую практическую цель в отмене налога на газеты — «налога на знание», как они его называли. Кружок этот поддерживал тесные связи с международным освободительным движением. Одним из самых влиятельных его членов был человек с глубоко гуманными убеждениями — Т. Олсоп. Весьма вероятно, что Герцен и Олсоп впервые встретились в «Доме на Fleet Street», на так называемой «Политической бирже» («The political Exchange»). Именно там, с ведома основателя этой «биржи» Дж. Дж. Холиоука, обдумывалось покушение Ф. Орсини на Наполеона III. В этот заговор замешаны были и Олсоп, и французский революционный эмигрант С. Бернар (см. о нем в разделе «Герцен и Франция»). Герцен и Олсоп присутствовали на похоронах Бернара в ноябре 1862 г. У гроба его выступили не только французы — А. Таландье, Ф. Пиа и Г. Журден, но и два англичанина —

---

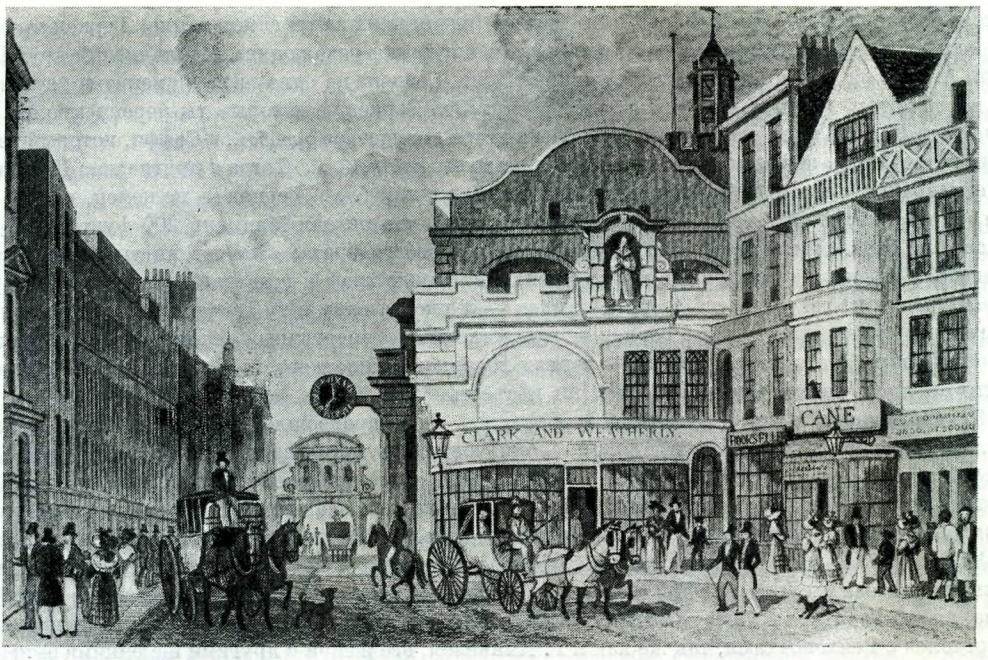
* Перевод с английского М. П. Мироненко.

Ч. Брэдлаф и Холиоук. Все они принадлежали к кружку, связанному с «Политической биржей». Герцен был знаком с ними. Fleet Street — улица в Лондоне, где находятся редакции большинства ведущих английских газет. И в XIX в. и до сих пор она известна как место, где собираются журналисты для обмена новостями. Как раз накануне приезда Герцена в Лондон, в августе 1852 г., Холиоук открыл свой «Дом на Fleet Street» (№ 147). Основан он был как «Центральный дом защиты свободной мысли» для защитников прогрессивных движений. В выпущенном Холиоуком проспекте «Дом» характеризуется как «Центр связей друзей свободной мысли и защитников прогрессивных движений во всех частях света». Передняя гостиная на верхнем этаже использовалась для «встреч политических, социальных и религиозных еретиков любой национальности», где каждый всегда «сам был ответствен за свои собственные взгляды». Эти-то встречи и приобрели известность под названием «Политическая биржа». В биографии Холиоука отмечается, что «большинство буревестников Европы посетили его в то или иное время», и в их числе названы имена Герцена, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, Эли Реклю, А. Саффи, Л. Блана и Ф.Пульского [1].

Из англичан в «Доме» Холиоука, кроме него самого, бывали Т. Хант (сын известного писателя и журналиста Л. Ханта), Т. Олсоп, Дж. Льюис, В. Линтон, Эл. Пигот, Ч. Брэдлаф, Дж. Коуэн. Его посещал также престарелый Р. Оуэн. Некоторые из этих английских посетителей и основателей «Дома на Fleet Street» предприняли совместное издание газеты «Leader». Еще до приезда в Лондон Герцен был приглашен к сотрудничеству в газете (XXIV, 8—9). Холиоук был ее издателем и членом редакции, Хант — главным редактором, а Пигот — владельцем. Среди сотрудников были Оуэн, Олсоп, Линтон, Льюис и Харриэт Мартино.

Герцен был введен в эту группу своим австрийским приятелем, эмигрантом Э. Гаугом, через неделю после приезда в Лондон. В неопубликованном письме к Пиготу от 31 августа 1852 г. Гауг сообщал, что он не может встретиться с ним в это утро «из-за ужасной простуды», и добавлял: «Мой друг г. Герцен сможет объяснить свое личное дело, являющееся также общим и общественным, и попросить вашей любезной помощи в осуществлении задуманного им плана: отдать на суд представителей новых идей и принципов вопрос о том, как следует поступить с лицом, изменившим гуманности и общественному долгу» [2]. Именно Гауг оказал немалое влияние на решение Герцена отправиться в Англию в поисках поддержки своего плана — предания суду международной демократии Г. Гервега, «поступившего бесчестно» (VII, 388), вместо того чтобы покончить дело дуэлью. Но, убеждая Герцена ехать в Лондон, Гауг, по-видимому, руководствовался и другими, более общими мотивами: он, как можно предполагать, стремился убедить Герцена поселиться в Англии, и в этом отношении его полностью поддерживал Дж. Маццини. После поражения революции 1848—1849 гг. европейские эмигранты не только нашли себе убежище в Лондоне, но и обеспечили возможность для издания там своих газет и журналов. С введением более строгих законов о печати во Франции газета «Proscrit» — орган Международного центрального европейского демократического комитета, созданного Маццини,— была переведена из Парижа в Лондон (август 1850 г.), где стала появляться над названием «Voix du Proscrit». Гауг был одним из ее издателей. Кроме того, он начал издавать немецкий журнал «Kosmos», пытавшийся объединить осевших в Лондоне немецких эмигрантов. Они, как и французы, итальянцы, поляки, венгры и голландцы, образовали особый комитет, присоединившийся к Центральному европейскому демократическому комитету Маццини. Хотя сам Герцен на приглашение Маццини вступить в его международный комитет ответил отказом, руководитель итальянского национально-освободительного движения теперь попытался если не добиться личного участия Герцена в работе комитета, то по крайней мере вовлечь его в новый центр международной деятельности в Лондоне. Узнав от Гауга о семейной драме Герцена и о том, что он собирается эмигрировать в Америку, Маццини стал горячо его отговаривать. Присоединиться к международной организации Маццини («путанице Маццини», как ее называл Герцен) он все-таки отказался, но из Лондона не уехал. Возможно, что и помимо уговоров Маццини его побудили остаться многочисленные личные знакомства, так быстро завязанные под опекой Гауга (хотя у читателя «Былого и дум» может возникнуть противоположное впечатление). Гауг продолжал жить у Герцена до своего переезда в Австралию.

Вероятно, именно Гауг убедил Герцена через несколько дней после прибытия в Лондон съездить с сыном Сашей в Севенокс, чтобы навестить Матильду Биггс — англичанку, с которой Герцен познакомился в Италии. Еще до отъезда Герцена она писала ему, приглашая его остановиться с детьми у нее во время пребывания в Англии. Однако Севенокс находился слишком далеко от Лондона, где сосредоточена была почти вся общественно-политическая жизнь страны.



ЛОНДОН. ФЛИТ-СТРИТ

Гравюра с рисунка Т. Шеперда

Из альбома: «London and its Environs in the Nineteenth Century». London, 1829

В августе 1852 г. на Флит-стрит (дом 147) был открыт клуб «Политическая биржа». Герцен был постоянным посетителем этого клуба; здесь выставлялись и продавались его издания

Гауг знал, что у миссис Биггс живет Оуэн и это, без сомнения, не могло не привлекать Герцена. В неопубликованном письме к Оуэну (1853) Гауг писал, что хотел бы проститься с ним перед отъездом в Австралию, и добавил: «Мой друг г. Герцен, этот выдающийся русский социалист, писатель и ученый, которого я имел честь познакомить с вами в Севеноксе, также желает сопровождать меня и нанести вам визит» [3].

Оуэн — родоначальник английского социализма — был, конечно, и духовным родоначальником «Дома на Fleet Street», поскольку являлся интеллектуальным вдохновителем его основателей, а его имя и идеи о кооперации стали уже священным заветом для многих и многих эмигрантов, посетителей «Политической биржи». Дж. Маццини, А. Саффи, М. Надо и Л. Блан лично обсуждали с ним принципы Рочдейльского потребительско-кооперативного общества. Герцена, несомненно, интересовали эти вопросы. «Политическая биржа» и «Дом на Fleet Street», где Герцен позже выставлял и продавал издания Вольной русской печати, самим Герценом нигде не упоминаются, но, бесспорно, они сыграли свою роль в первые месяцы его жизни в Лондоне и, возможно, содействовали принятию им решения остаться в Англии. Если бы исследователи подвергли специальному изучению деятельность «Дома на Fleet Street» и связанную с ним «Политическую биржу» с двух точек зрения — как явление, важное не только для Англии и для истории ее рабочего класса, но и для всей западноевропейской социальной истории,— то связи Герцена с этим центром, безусловно, были бы замечены раньше.

В начальный период своего пребывания в Англии, еще до основания Вольной русской типографии, Герцен был введен еще в один кружок. Атмосфера в нем, вероятно, напоминала ему скорее московские салоны 1840-х годов и его споры с А. С. Хомяковым, чем атмосферу заговоров, протестов и политической агитации, господствовавшую в «Доме на Fleet Street». Это был кружок Т. Карлейля, английского или, вернее, шотландского (к этой детали он был весьма чувствителен) публициста, историка и философа.

Когда Герцен приехал в столицу Англии, Карлейль (с которым, по свидетельству его жены Джейн, Герцен уже переписывался раньше [4]) находился за границей в Германии, собирая материалы для своей книги о Фридрихе Великом. На Карлейля произвели сильное впечатление

«С того берега» и «Письма из Франции и Италии» (он читал их на немецком языке). Герцен со своей стороны с интересом прочел труд Карлейля «Французская революция». Итальянский друг Герцена А. Саффи убедил жену Карлейля пригласить Герцена на одно из ее знаменитых чаепитий. По поводу этого приглашения она писала мужу: «Это Герцен, с которым ты переписывался. Он приехал в Лондон на короткое время, но очень хотел повидаться *с тобой*, и Саффи, который часто с ним встречается, попросил разрешения привести его *ко мне* ⟨. . .⟩ Тогда я пригласила Дарвина [5] и Рейхенбахов [6], а также Брукфилдов [7] для встречи с ним ⟨. . .⟩ Герцен — не немец, как ты думал, а русский, и он *богат* — это доказывается тем, что он дал Мадцини 200 фунтов для его целей» [8]. Тремя днями позже она осведомлялась у своего брата: «Знаешь ли ты что-нибудь о Герцене? Саффи на днях привел его ко мне. Были также граф и графиня Рейхенбахи. Нас было *пятеро*, и мы говорили на *четырех* языках — и иногда одну и ту же фразу. Это напоминало разговор в сумасшедшем доме! Герцен — мужественный и энергичный человек, но в основе своей он варвар. В его карих глазах — взгляд голодного животного, и я чувствовала себя так, будто он легко может броситься на меня и съесть» [9].

Когда Герцен и Карлейль наконец встретились — это произошло 21 декабря 1852 г., вскоре после возвращения Карлейля в Лондон,— они убедились, что решительно расходятся во многих взглядах, особенно по вопросу о превосходстве «гуманного» деспотизма над демократией, и столь же решительно солидарны в своем отношении к ужасам кровавых революций. Они сохранили взаимный интерес друг к другу и продолжали иногда встречаться и переписываться.

Через несколько дней после вечера у Джейн Карлейль Рейхенбахи приняли приглашение Герцена пообедать с ним и Саффи (вероятно, и с Гаугом, жившим, как было сказано, в доме Герцена) на его квартире в Spring Gardens, Trafalgar Square, № 4. Герцен и после этого по временам встречался с Рейхенбахами, так же как и Г. Кинкелем, его женой и другими немецкими эмигрантами. У Кинкелей он познакомился с немецкой эмигранткой Мальвидой Мейзенбуг, взявшей потом на себя воспитание малолетней дочери Герцена — Ольги. Джейн Карлейль не присутствовала на первом обеде Герцена с Рейхенбахами и Саффи. Как видно из цитированного выше письма, ее раздражали языковые трудности. Ими в известной степени вообще объяснялись барьеры, возникавшие между Герценом и англичанами. Герцен так и не научился свободно говорить по-английски.

Матильда Биггс, в доме которой в Севеноксе Герцен познакомился с Оуэном, была дочерью В. Ашерста, известного сторонника чартизма, близкого друга Мадцини и одного из основателей английской ветви мадциниевского Международного комитета. Она пригласила сына Герцена, Сашу, остаться у нее на несколько дней, желая облегчить бремя семейных забот Герцена. Помогали ему и ее сестры — Каролина, жена Дж. Стэнсфилда, и Эмилия, в то время жена С. Гоукса, а позднее — итальянца Вентури, а также, по словам Саффи, Джорджина Крауфорд (на которой Саффи потом женился) и жена Т. Мильнера-Гибсона, одного из лидеров радикальной партии и члена парламента.

Эти женщины и их семьи объединили свои усилия, чтобы помочь в изгнании Герцену и его осиротевшим детям. Герцен был тронут гостеприимством, проявленным к нему англичанами. «Я нахожу англичан исключительно гостеприимными вопреки тому, что о них рассказывают»,— писал он (XXIV, 339). Старшая дочь Герцена, Тата, была подружкой невесты на свадьбе Саффи и Джорджины Крауфорд; его младшие дети приглашены были играть с детьми его английских друзей; они стали, как и отец, словно членами их семей. Хотя радушие этих английских знакомых было в высшей степени приятно Герцену, он все же опасался их влияния на своих детей. Он был русским социалистом, они — представителями английских «высших классов» — крупной буржуазии и дворянства. Детям его надлежало воспитываться в соответствии с социалистическими, а отнюдь не буржуазными и аристократическими принципами.

Однажды, когда Тату пригласили на детский бал к Мильнер-Гибсонам, он не разрешил ей туда пойти, чем вызвал сильное неудовольствие в «дамской» части общества. Герцен послал им по этому поводу обширное письмо, в котором привел причины, заставившие его держать Тату на определенной дистанции от этого общества, и объяснил им, что «револ⟨юция⟩ не в револ⟨юцию⟩, пока она не пройдет по детской и пр.» (XXV, 67). К сожалению, это письмо не дошло до нас или же до сих пор не обнаружено.

Хотя Герцен и настоял на том, чтобы Тата не присутствовала на детском балу миссис Сузан Мильнер-Гибсон, сам он вошел в кружок этой английской дамы, которая, по его словам, «как своей личностью, так и благодаря своему мужу, одному из лидеров манчестерской партии, была хорошо известна в парламентских кругах» (XXV, 265). Герцен был частым гостем в ее салоне

и познакомился здесь со множеством англичан, которые, подобно Мильнер-Гибсонам, вращались в правительственных сферах. В политическом отношении все они принадлежали к левому крылу либералов и радикалов; нередко это были свободомыслящие люди и даже атеисты, но по происхождению все, кроме Брэдлафа, вышли из буржуазного или аристократического сословия. Мильнер-Гибсон и Стэнсфилд занимали высокие правительственные посты. Стэнсфилд, стойкий защитник права убежища для иностранных эмигрантов, активно пропагандировавший радикальные взгляды на севере Англии, был вынужден уйти в отставку из Адмиралтейства, когда обнаружилось, что он позволил Маццини использовать его имя и адрес для тайной переписки. Другие знакомые Герцену англичане — Ч. Дилк, Дж. Коуэн-младший, Брэдлаф, М. Грант-Дафф и барон Л. Н. Ротшильд — все были членами парламента и поэтому проводили много времени в Лондоне, хотя избраны были от разных округов.

Существовала очень важная причина, по которой Герцен не избегал сближения с этим кругом. Он оценил значение полицейской и дипломатической неприкосновенности, которой его новые знакомые пользовались как члены парламента вместе со своими женами. Эту неприкосновенность Герцен мог использовать и для распространения изданий своей типографии, и для собирания необходимых материалов. Известно, что в 1855 г. Герцен просил миссис Мильнер-Гибсон по дороге в Италию отвезти Ж. Мишле в Париж «журналы со статьями» (XXV, 264). Возможно, что она везла и какие-нибудь рукописи или письма конспиративного характера. Отношения Герцена с Мильнер-Гибсонами, особенно после того, как Т. Мильнер-Гибсон стал во главе Министерства торговли, нуждаются в более детальном изучении. Если остается неизвестным, перевозила ли конспиративные материалы Герцена миссис Мильнер-Гибсон, то уже бесспорно, что их транспортировал другой его знакомый, Ч. Дилк, и не в Париж, а в Россию. Дилк, родившийся в аристократической семье, стал лидером радикальной партии, открытым республиканцем, атеистом и человеком свободомыслящим. Герцен отзывался о Дилке как о «замечательно умном человеке» (XXX, 517). Вероятно, Дилк узнал о Герцене от Г. Диксона, издателя критико-библиографического журнала «Athenæum» (владельцем его был отец Дилка) и автора большой одобрительной статьи о Вольной русской печати (она была помещена в этом журнале). Это была, вероятно, первая в Англии статья, в которой сообщалось о герценовской печати и давалась ей высокая оценка [10]. Дилк был гораздо моложе Герцена и в последний год его жизни в Лондоне являлся еще студентом Кембриджского университета. В 1868 г. он был избран членом парламента от округа Челси (Лондон) как кандидат радикалов. Еще студентом он хотел посетить Россию и позднее побывал там несколько раз, предварительно изучив в какой-то мере русский язык. Перед первой своей поездкой, в 1869 г., он получил от Л. Блана рекомендательное письмо к Герцену, находившемуся тогда в Швейцарии. В свою очередь, Герцен и Огарев воспользовались случаем рекомендовать Дилка некоторым демократическим деятелям в Петербурге и, возможно, послать с ним конспиративную корреспонденцию. Сам Дилк сообщает, что привез в Россию благодаря своему дипломатическому паспорту «самую необыкновенную коллекцию книг, какая, вероятно, когда-либо была собрана в этой стране,— разве только в полицейской цензуре» [11]. И вряд ли можно сомневаться, что в эту коллекцию входили книги Герцена и другие издания Вольной русской типографии. Дилк переписывался с Герценом и встретился с ним в 1869 г.

В кругах, где вращались Мильнер-Гибсон и Дилк, т. е. в высшем обществе, Герцен приобрел репутацию блестящего собеседника, человека широкой культуры и талантливого писателя. Его «Былое и думы» были переведены на английский язык. В Англии появилось много обзоров и статей об изданиях Вольной печати [12]. Автографы Герцена уже тогда собирались коллекционерами. Дилк отметил в записной книжке для своего биографа, что он «подарил в качестве автографов письма (некоторые из них интересны) Герцена и Маццини». «Обоих вы можете упомянуть как моих друзей»,— указал он [13]. А в составе известной коллекции автографов Albany (Оксфорд) хранится письмо Герцена к неизвестному корреспонденту (XXX, 585).

Насколько высока была репутация Герцена в Англии, видно хотя бы по высказываниям о нем М. Грант-Даффа, молодого шотландского политического деятеля. В 1858 г. он был представлен Герцену и нашел его «одной из самых значительных личностей в Европе». «Герцен был необычайно блестящ и ярок — блистал умом»,— записал он в своем дневнике [14]. Грант-Дафф попытался в марте 1859 г. представить Герцена выдающемуся философу, экономисту и общественному деятелю Дж. С. Миллю. Последний ответил, что встреча теперь невозможна, так как он вскоре уезжает за границу, но что после возвращения будет «счастлив видеть г. Герцена, если тот пожелает» [15]. Неизвестно, состоялась ли эта встреча. Но в напечатанной Герценом передовой

РОБЕРТ ОУЭН

Рисунок неизвестного художника, конец 1830-х гг.
Из книги: J. F. Harrison. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. London, 1969

статье «Колокола» от 15 апреля 1859 г. (впоследствии она была включена в состав «Былого и дум») дана высокая оценка знаменитой книге Милля «О свободе», вышедшей в Англии только за два месяца до того. Милль, писал Герцен, «отстаивает свободу не против образованного правительства, а против *общества*, против *нравов*, против мертвящей силы равнодушия, против мелкой нетерпимости, против «посредственности»» (XI, 68). Действительно, Герцен видел, что Милль выступал против всех тех буржуазных ценностей, которые, как казалось и самому Герцену, окутали Западную Европу слоем зеленой тины. О существовании типографии Герцена Милль, несомненно, знал. В ноябре 1862 г. он написал из Франции, где тогда жил, большое письмо к Огареву с благодарностью за посланный ему экземпляр «Essai sur la situation russe» и одобрительно отозвался об этой книге [16].

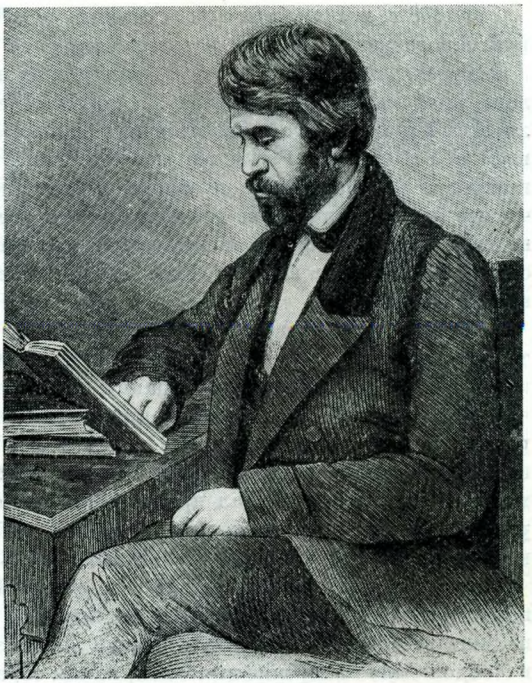
Сравнительно недавно опубликованные письма Герцена к Грант-Даффу и выдержки из дневника последнего показывают, что они нередко встречались и беседовали на темы, связанные с социально-политическими судьбами западного мира и России [17]. Грант-Дафф производил на Герцена очень хорошее впечатление, и в 1859 г. он рекомендовал его своему другу, историку Ж. Мишле, как человека, «в высшей степени порядочного» (XXVI, 302).

Если связи Герцена с Грант-Даффом, Мильнер-Гибсонами и Дилком ввели его в высшее общество Англии, то иначе обстояло с Коуэном и Брэдлафом, также членами парламента, которые часто встречались в совершенно иной социальной и политической среде. Они сыграли большую роль в деятельности Герцена того времени. Коуэн был тесно связан с «Политической биржей». Там он, вероятно, и познакомился с Герценом. Прямое свидетельство о более ранних контактах между ними связано с высылкой с острова Джерси группы революционных эмигрантов из-за выступления в печати (октябрь 1855 г.) одного из джерсийцев, Ф. Пиа, радикального французского публициста и драматурга, эмигрировавшего в Англию. В своем «открытом письме», помещенном в эмигрантском журнале «Homme», он резко и грубо осудил королеву Викторию за ее тесный союз с Наполеоном III *. Британское правительство увидело в этом оскорбление королевы и распорядилось выслать эмигрантов с Джерси, утверждая, что, хотя у них и есть право свободно жить в Великобритании в качестве эмигрантов, права вмешиваться в политические дела Англии они не имеют. Среди высланных с Джерси был Гюго. Его высылка вызвала митинги протеста во многих английских городах. Впереди всех был Ньюкасл, где Дж. Коуэн-младший, политический деятель-демократ, еще со студенческих лет боролся за право убежища в Англии для иностранных эмигрантов и отважно поддерживал рабочее движение. Коуэн еще молодым человеком подружился с Мадцини — именно в то время, когда перлюстрация британской полицией адресованных Мадцини писем привела к аресту и расстрелу братьев Бандьера. Вслед за Мадцини и другими итальянцами он познакомился с эмигрантами из большинства европейских стран, в том числе из Франции, Польши и Венгрии. После 1848 г. он не только открыто поддерживал их, но тайно финансировал и оказывал помощь в пересылке революционной литературы в их страны.

---

* Пиа, например, упрекал королеву за то, что она «пила шампанское и обнимала Жерома» (во время приема члена правящей династии — Жерома Бонапарта).

Главным оратором на митинге протеста в Ньюкасле в связи с высылкой Гюго был Коуэн-младший, а председательствовал Дж. Томас *. Копии с резолюций этого митинга были присланы Коуэном Герцену, так же как и нескольким другим виднейшим деятелям революционной эмиграции. С этого момента Герцен близко сошелся с Коуэном. В архиве Коуэна сохранилось немало свидетельств о его роли в распространении изданий Герцена. Он способствовал их транспортировке в Польшу и Россию, используя для этой цели суда своего отца, крупного магната-судовладельца, и снабжал эмиссаров Герцена фиктивными документами как работников фирмы, едущих по ее делам. Коуэн облегчил Линтону возможность издать в 1855 г. английский перевод «Русского народа и социализма» Герцена. На деньги Коуэна Линтон снял обширный дом в Брентвуде, где устроил типографию, печатая в ней ежемесячный журнал «English Republic», в котором помещались произведения Герцена. С расширением деятельности Вольной русской печати появилась необходимость в осторожности. Хотя Герцен встречался с Коуэном на «Политической бирже», шпионы могли проникать и туда. Без сомнения, именно этим объясняется скудость сведений о контактах Герцена и Коуэна. В некрологе Коуэна, напечатанном в газете «Morning Post» от 19 февраля 1900 г., говорится, что «посещения этого пылкого революционера, имевшего огромное влияние в городе-графстве Дюрем, где он жил, людьми, подобными Герцену, Бакунину, Ледрю-Роллену и Блану, не могли долго оставаться незамеченными» и что «сам молодой человек был окружен <. . .> иностранными полицейскими агентами». О встрече Герцена с Коуэном в Ньюарке близ Ноттингема упоминает сам Коуэн. В связи с этой встречей он отозвался о Герцене как об «одном из самых обаятельных людей, который соединил в себе немецкую философию, политические воззрения республиканской Франции и практический здравый смысл англичанина с природным русским характером» [18].



ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ
Гравюра неизвестного художника, 1858
«Illustrierte Zeitung», 13 ноября 1858 г.

Коуэн являлся связующим звеном между английскими радикалами-парламентариями, с которыми он был тесно связан через отца, члена парламента от Ньюкасла, и кружками международной эмиграции в Англии (в 1874 г. он и сам был избран в парламент от Ньюкасла).

В апреле 1861 г. Коуэн вместе со многими другими деятелями, в частности Грант-Даффом, Мильнер-Гибсоном, Стэнсфилдом и Брэдлафом, был приглашен на праздник, устроенный Герценом по случаю «начала освобождения крестьян».

Другой молодой радикал, атеист, свободомыслящий политический деятель, Ч. Брэдлаф, также восхищался русским изгнанником, которого считал своим другом [19]. Герцен довольно часто посещал его скромный дом в северной части Лондона. В 1861 г. Брэдлаф ездил в Неаполь как агент Гарибальди и в Германию, будто бы исполняя поручения одной фирмы. Он привез оттуда секретные письма. Вполне возможно, что среди них были и материалы Герцена. Активный участник «Политической биржи», Брэдлаф вступил в сношения с Герценом и в связи с процессом С. Бернара (процесс этот описан в «Былом и думах» — XI, 106—123). Брэдлаф взял на себя секретарские обязанности при подготовке кампании по защите Бернара и по сбору необходимых средств. По этому поводу он встретился и с Герценом, и имя издателя «Колокола» появилось в списке жертвователей.

---

* Быть может, тот Томас, который был выслан с Джерси как распространитель еженедельника «Homme», где появилась статья Пиа.

В 1858 г. возникли еще два судебных дела. В обоих делах британские власти преследовали книгопродавцев за выпуск и распространение изданий, направленных против Наполеона III и подстрекавших к его убийству. Один из этих процессов был начат против англичанина Э. Трулова, опубликовавшего памфлет У. Адамса «Tyrannicide: is it justifiable?», другой — против поляка С. Тхоржевского, напечатавшего брошюру Ф. Пиа, А. Бессона и А. Таландье под заглавием «A Letter to the Parliament and the Press». Оба издателя, активную поддержку которых организовал Брэдлаф, были оправданы. Судья Дж. Кемпбелл заявил в своей заключительной речи, что Англия «славилась предоставлением убежища иностранцам, изгнанным и преследуемым во всех странах мира за политические преступления; но, когда они находят здесь убежище, они должны иметь в виду, что если законы Англии им покровительствуют, то и они обязаны им подчиняться» [20].

Герцен присутствовал на Bow Street во время процесса Тхоржевского и, возможно, также процесса Трулова. Тхоржевский не только был одним из его книгопродавцев, но и помогал в пересылке его изданий за границу. Вмешательство Герцена в данном случае было не только идейным, принципиальным, но и личным делом. В «Колоколе» от 15 апреля 1858 г. он поместил сообщение об обоих процессах, лишь на месяц предшествовавших процессу Бернара, под заголовком: «L'appétit vient en mangeant» (XIII, 265). А следующий номер «Колокола» содержал краткое сообщение об оправдательном приговоре по делу Бернара. Оно озаглавлено: «Ватерлоо 17 апреля 1858» и кончается словами: «Наполеону мира — мирное Ватерлоо. А народу английскому честь, слава и свобода!» (XIII, 266).

Еще одна из важных английских связей Герцена — банкир барон Л. Н. Ротшильд, брат парижского банкира Дж. Ротшильда, который, как известно, добился от царского правительства снятия секвестра с капитала матери Герцена. Одной из причин первого приезда Герцена в Лондон было намерение выяснить, каким образом лучше «пристроить» этот капитал после гибели матери (осенью 1851 г.). Дж. Ротшильд дал Герцену рекомендательное письмо к брату в Лондон. Из переписки Герцена видно, что он и Л. Н. Ротшильд не раз встречались и после завершения финансовых дел, уже на почве политической. Ротшильд предоставил Герцену возможность пользоваться своим адресом в New Court (в Лондоне) для получения корреспонденции, связанной с деятельностью Вольной русской типографии. Это несомненно был самый надежный из всех каналов связи, которыми располагал Герцен.

Ротшильд давно уже принимал участие в английской политической жизни. Еще в 1847 г. он был избран вигами в парламент от лондонского Сити, но как еврей отказался принести королеве присягу «в истинной христианской верности», и поэтому ему тогда не было разрешено занять свое место в палате. Вторично избранный подавляющим большинством в 1850 г., он потребовал, чтобы ему разрешено было присягать на Ветхом завете. И в этом ему отказали. В 1851, 1853 и 1857 гг. Палата общин провела ряд биллей, дозволявших евреям присягать подобным образом, но все они были один за другим отвергнуты Палатой лордов, так что Ротшильду не удалось тогда занять свое место в парламенте. Лишь в 1858 г. был принят и утвержден закон, по которому Ротшильд получил право принести присягу по еврейскому обряду; после этого он в течение многих лет заседал в парламенте.

Нечто подобное имело место и с Брэдлафом. Избранный членом парламента от Нортгемптона, он как атеист и свободомыслящий человек потребовал права не присягать на Библии, но в этом ему было отказано. После восьмилетней борьбы он получил разрешение «поклясться в верности», не присягая на Библии.

Мы уже упоминали о помощи, оказанной Коуэном Линтону при организации его типографии в Брентвуде, где был напечатан английский перевод сочинения Герцена «Русский народ и социализм». Отношения Герцена с Линтоном и его окружением уже рассматривались нами в другой работе [21]. Однако к ним необходимо обратиться и в настоящей статье для полноты обзора темы «Герцен и Англия».

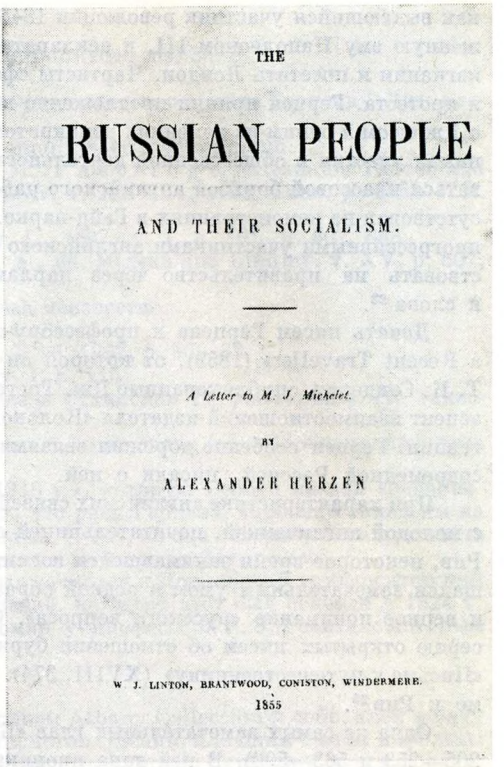
В английском рабочем движении 1840-х годов Линтон был весьма заметной фигурой. В 1848 г. он был послан английскими рабочими в Париж, чтобы поздравить французский пролетариат с февральской революцией; по возвращении он начал издавать еженедельную газету «Cause of the People», где ставил своей целью возрождение чартизма. Десятилетием раньше, в 1838 г., он основал дешевое еженедельное издание «Library for the People», задуманное как источник политических и других новостей для рабочих, которым не были доступны обычные газеты. В 1852 г. он по финансовым причинам вынужден был отказаться от продолжения этого издания, но еще за год до этого, ободренный и материально поддержанный Коуэном, он основал ежемесячник

«English Republic», а в 1852 г. вместе с Хантом, Пиготом и Холиоуком создал давно задуманную газету «Leader» (см. выше).

Пока Линтон оставался в Англии (в 1866 г. он эмигрировал в Соединенные Штаты Америки), он среди английских знакомых Герцена был самым близким ему человеком. В некрологе, напечатанном в «New York Tribune» 20 февраля 1870 г., Линтон охарактеризовал Герцена как одного из самых одаренных людей своего времени — гораздо более одаренных, чем большинство европейских революционеров, достигших известности. «Под его внешностью, создававшей впечатление беспечности и веселости,— писал Линтон,— скрывался глубокий характер, исполненный огромной силы. Вряд ли в общественной жизни когда-либо блистал более остроумный человек. Беседа его сверкала пламенным остроумием и сарказмом». Как известно, Линтон (отличный художник-гравер) сделал по просьбе Герцена иллюстрированную обложку для «Полярной звезды» с медальоном пяти казненных декабристов.

Линтон был частым гостем в доме Герцена.

Вскоре после переезда в Лондон Герцен стал заниматься публицистической деятельностью. В ноябре 1853 г. он опубликовал в газете «Leader» серию статей под заглавием «Russian Serfdom». Герцен счел своим долгом напомнить англоязычному миру, что «ближе к Англии, по ту сторону Балтийского моря, целое народонаселение составляет *законную* собственность кучки помещиков — и население не в 3 000 000, а в 20 000 000!» (XII, 34).


THE

RUSSIAN PEOPLE

AND THEIR SOCIALISM.

A Letter to M. J. Michelet.

BY

ALEXANDER HERZEN

W. J. LINTON, BRANTWOOD, CONISTON, WINDERMERE.
1855

«РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ». АНГЛИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ
Лондон, 1855
Титульный лист
Музей Герцена, Москва

В 1854 г. Герцен опубликовал в «English Republic» еще серию статей — «Russia and the Old World». Как и «Russian Serfdom», они как бы завершают важный этап деятельности Герцена в Европе, когда своей главной задачей он считал ознакомление Запада с Россией, с ее историей, умственной жизнью и формами народного развития.

Вначале Герцен высоко ценил свои связи с редакцией «Leader». Но после того, как эта, казалось бы, дружественная газета, поддавшись антирусским настроениям, порожденным Крымской войной, выступила против него и его статей, Герцен прекратил свои сношения с редакцией. Этот эпизод укрепил его решение ограничиться в своей деятельности исключительно русскими делами.

29 ноября 1853 г. должен был состояться грандиозный митинг в Hannover Rooms в связи с годовщиной польского восстания 1830 г. Герцену — возможно, через организатора митинга Пигота — предложили выступить с речью как представителю русского народа. Речь была произнесена на французском языке, незнакомом большинству присутствовавших рабочих; тем не менее, по словам Герцена, она «крепко понравилась» (XXV, 132). Двумя годами позже Герцен снова представлял Россию в числе выдающихся деятелей европейской демократии на большом международном митинге, состоявшемся 27 февраля 1855 г. в Saint Martin's Hall в память февральской революции 1848 г. По словам корреспондента «Times», речь Герцена была самой замечательной и ее приняли с энтузиазмом [22]. Инцидент, возникший между К. Марксом и Герценом в связи с устройством этого митинга, общеизвестен (Маркс отклонил приглашение участвовать в митинге, потому что не хотел фигурировать рядом с Герценом). Меньше обращалось внимание на то, что Герцен был тесно связан с организаторами этого митинга. Чартисты во главе с Линтоном и Э. Джонсом * решили организовать эту большую народную манифестацию, после того

* См. письмо этого видного чартиста, политического деятеля и поэта к Герцену (от 10 марта 1855 г.) в «Звеньях», VIII (М., 1950, с. 54—55).

как выдающийся участник революции 1848 г. А. Барбес отказался принять амнистию, предложенную ему Наполеоном III, и декларативно заявил о своем намерении навсегда остаться в изгнании и посетить Лондон. Чартисты сформировали в связи с этим Комитет гостеприимства и протеста. Герцен принял предложение войти в него, и его попросили подготовить — вместе с Джонсом и одним из немецких демократов — текст объявления. Впоследствии Герцен не принимал участия в общественной деятельности чартистов. Тем не менее он продолжал интересоваться классовой борьбой английского рабочего класса и в 1858, а также в 1859 г. лично присутствовал на демонстрациях в Гайд-парке. Он продолжал также поддерживать связи и с теми прогрессивными участниками английского общественного движения, которые пытались воздействовать на правительство через парламент, вводя законы, охраняющие свободу мысли и слова [23].

Девять писем Герцена к профессору-историку Ч. Г. Пирсону, автору книги «Russia, by a Recent Traveller» (1859), от которой он был в восторге, и редактору «Continental Review» Т. К. Сэндерсу, опубликованные Дж. Трегенза в начале 1960-х годов [24], открывают еще один аспект взаимоотношений издателя «Колокола» с представителями высшей английской интеллигенции. Герцен особенно дорожил связями с теми деятелями Англии, которые интересовались современной Россией, писали о ней.

При характеристике английских связей Герцена следует отметить его дружеские отношения с молодой англичанкой, почитательницей его таланта и деятельности, рано умершей Эмилией Рив, некоторое время занимавшейся воспитанием его старшей дочери. Герцен искренне восхищался замечательным умом и редкой образованностью Рив. В особенности ценил он глубокое и верное понимание «русского вопроса». О своем невыполненном намерении адресовать Рив серию открытых писем об отношении буржуазного Запада к России Герцен сообщил в пятом «Письме к путешественнику» (XVIII, 374). В это же произведение Герцен включил и свое письмо к Рив [25].

Одна из самых замечательных глав «Былого и дум» (1860) называется «Роберт Оуэн» (XI, 205—253 и 563—590). В ней дана проникновенная характеристика личности и общественной деятельности этого выдающегося английского социалиста-утописта, борца за социальную справедливость. Герцен описывает в этой главе свою встречу с Оуэном и воссоздает среду, в которой проходила жизнь Оуэна в Англии.

* * *

Итак, вопреки принятым до сих пор взглядам Герцен встречался с весьма большим числом англичан самого различного положения, большей частью прогрессивных общественных взглядов, и со всеми деятелями, заметными в левом крыле движения. В Англии он не был связан с революционерами того типа, который встречался среди французов, немцев и итальянцев, оказавшихся в эмиграции после 1848 г., просто потому, что их там не было. Английские «революционеры» действовали внутри своей родины. Это были недавние чартисты, как Джонс и Линтон, свободомыслящие активисты типа Брэдлафа и Олсопа и парламентские политические радикалы, как Стэнсфилд, Мильнер-Гибсон, а позднее Коуэн. Со всеми ними, как мы видим, Герцен поддерживал знакомство [26].

Некоторые другие аспекты освещаемой темы изложены в нашей прежней работе — «Александр Герцен и его английские связи» (сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 348—369).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Joseph M a c C a b e. The Life and Letters of George Jacob Holyoake, v. I. L., 1908, p. 244.
[2] Co-operative Union Library. Manchester, Owen Papers, unpublished ms, 1162.
[3] Ibid., unpublished ms, 2123.
[4] National Library of Scotland. Carlyle Papers, unpublished ms, 2123.
[5] Чарлз Роберт *Дарвин* (1809—1882) — известный естествоиспытатель.
[6] Граф Оскар *Рейхенбах* (1815—1893) — немецкий политический эмигрант, участник революции 1848 г. Упоминания о нем встречаются в «Былом и думах» и в переписке Герцена. Упоминается в письмах Герцена и жена Рейхенбаха.
[7] Вильям Генри *Брукфилд* (1809—1874) и его жена Джейн Октавия (1821—1896), чей лондонский великосветский салон посещался многими значительными литературными деятелями, в том числе Карлейлем, Диккенсом, Теккереем, Теннисоном и Элизабет Гаскелл.

[8] National Library of Scotland. Carlyle Papers, unpublished ms, 362B.
[9] Ibid., unpublished ms, 362B.
[10] См.: Л. Р. Ланский. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена («Лит. наследство», т. 63, с. 805).
[11] British Library. Dilke Papers, add. ms, 4393, unpublished memorandum.
[12] Л. Р. Ланский. Цит. соч., с. 806—811; M. Partridge. Alexander Herzen and the English Press («Slavonic and East European Review», v. XXXVI, 1958, June, p. 453—470).
[13] British Library. Dilke Papers, add. ms, 43929.
[14] M. E. Grant-Duff. Notes from a Diary. L., 1897, v. I, p. 101. p. 607, 848.
[15] John Stuart Mill. Collected Works. ‹L.›, s. a., ed. Mineka and Lindley, v. XV, p. 607, 848.
[16] Ibid., p. 805. Местонахождение письма Огарева неизвестно.
[17] Сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 34.
[18] «Slavonic and East European Review», v. XLI, N 96, 1962, p. 50—63.
[19] H. Bonner. Charles Bradlaugh. L., 1908, v. I, p. 115.
[20] «Morning Star», 1858, 23. VI (статья «Королева и Станислав Тхоржевский»); см. также XI, 94.
[21] М. Партридж. Александр Герцен и его английские связи (сб. «Проблемы изучения Герцена», с. 348—369).
[22] «Times», 1855, 28. II — статья «Революции 1848 г.», которую Герцен назвал «коварно-спокойной» (XXV, 238, 242). Корреспондент отмечал, что речь Герцена, «произнесенная им на французском языке, была написана лучше всех остальных ‹. . .›, но она потеряла бо́льшую часть своего эффекта вследствие того, что была прочитана довольно невнятным голосом».
[23] В 1857 г. по желанию Герцена его сын Саша был зачислен в Лондонский университетский колледж. Известный как «безбожное» учебное заведение, колледж этот был основан в 1824 г. по инициативе Дж. Бентама. Саша учился там анатомии у профессора Р. Э. Гранта, с которым Герцен был, кстати сказать, знаком.
[24] «Проблемы изучения Герцена», с. 16—30.
[25] Ср. «Лит. наследство», т. 61, с. 256—258.
[26] В коллекции автографов, известной под названием Albany Collection и собранной между 1865 и 1874 гг. принцем Леопольдом (1853—1884), герцогом Олбани, младшим сыном королевы Виктории, нами в свое время было обнаружено неизвестное письмо Герцена к неустановленному лицу от 28 июня 1860 г. (XXX, 585). Коллекция, состоящая из трех отдельных альбомов, теперь хранится в библиотеке Bodleian (Оксфорд). Первый альбом составлен из автографов современников принца, главным образом деятелей литературы; во втором собраны английские и французские исторические автографы; третий остался в значительной мере незаполненным, в нем находится всего несколько исторических автографов и подписей друзей принца, сделанных в то время, когда он еще был студентом в Оксфорде. Письмо Герцена находится в первом альбоме вместе с автографами многих выдающихся англичан, в том числе наиболее известных писателей и поэтов — Диккенса, Теккерея, Браунинга, Колриджа, Вордсворта, Карлейля, Дизраэли, Милля и др. То, что автограф Герцена оказался среди автографов людей такого масштаба, свидетельствует о его почетной известности в высших и тем более в интеллигентских сферах английского общества.

ПЕРЕПИСКА С АНГЛИЙСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К Т. ОЛСОПУ.— ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Т. КАРЛЕЙЛЯ И ДЖ. КОУЭНА

Публикация Моники Партридж и Л. П. Северской

ДЖ. КОУЭН — ГЕРЦЕНУ

Публикация Моники Партридж

Джозеф *Коуэн* (1831—1900) — один из наиболее интересных и значительных английских корреспондентов Герцена. Он был теснейшим образом связан с революционными эмигрантами из ряда стран Европы и оказывал — непосредственно и через своих польских друзей — практическую помощь в распространении герценовских изданий.

Сын богатого судовладельца, Коуэн еще в студенческие годы заинтересовался европейским революционным движением. Вскоре он превратил Ньюкасл в центр не только английской, но и общеевропейской революционной пропаганды.

Теснее всего Коуэн был связан с такими выдающимися деятелями, как Маццини, Гарибальди, Блан, Кошут, Ледрю-Роллен и Ворцель. Герцен и Огарев также входили в число его друзей. У себя на родине Коуэн всеми силами поддерживал чартистов, в особенности В. Линтона и

Э. Джонса. Для печатания брошюр и пропаганды радикального движения он организовал и финансировал митинги, на которых сам нередко выступал в качестве основного оратора. С юношеских лет Коуэн сотрудничал в «Newcastle Chronicle», позднее стал владельцем и издателем этой газеты. После смерти отца, в 1873 г., Коуэн сам был избран в парламент от Ньюкасла вместо отца и красноречиво выступал в прениях.

Из всего сделанного Коуэном для международного революционного движения наиболее практически ценным, вероятно, следует считать разрешение пользоваться судами его фирмы для пересылки революционной литературы (в том числе изданий Герцена) в разные страны Европы, а также снабжение революционеров документами, при помощи которых они могли переходить границы европейских стран, выдавая себя то за коммерсантов, то за путешественников.

Связи Коуэна с революционными эмигрантами не прошли мимо внимания полиции. За ним внимательно следили британские агенты.

В прямые сношения с Коуэном Герцен впервые вступил не позднее 1855 г. Публикуемое письмо было отправлено Герцену вместе с тремя резолюциями митинга в Ньюкасле, созванного в связи с известием о высылке британскими властями Гюго и других революционных эмигрантов с острова Джерси. Нет никакого сомнения в том, что именно Коуэну принадлежала инициатива включения Герцена в почетный список лиц, которым должны были быть направлены эти резолюции.

Письмо и приложенные к нему две резолюции печатаются впервые по фотокопии *ГБЛ* (ф. 69, № 21, ед. хр. 24) с автографа *IISG*. Перевод с английского М. П. Мироненко.

Blaydon Burn
Newcastle-on-Tyne
Nov⟨ember⟩ 20th 1855

Citizen,

In accordance with the unanimous vote of a public meeting of the inhabitants of Newcastle-on-Tyne I have the honour to send You the enclosed resolutions [1], which were adopted by the said meeting with the warmest enthusiasm.

Believe me to remain, citizen,
Yours ever
Jos. Cowen, Jun⟨io⟩r.

Mr A. Herzen
London [2]

Перевод:

Блейдон Бёрн
Ньюкасл-на-Тайне
20 нояб⟨ря⟩ 1855 г.

Гражданин,

В соответствии с единодушным решением публичного митинга жителей Ньюкасла-на-Тайне я имею честь послать вам приложенные резолюции [1], которые приняты были указанным митингом с самым горячим энтузиазмом.

Будьте уверены, гражданин, что я остаюсь всегда ваш
Джоз. Коуэн-мл⟨адши⟩й

Г-ну А. Герцену
Лондон [2]

[1] Резолюции, вероятно, были напечатаны на собственном печатном станке Коуэна.

[2] На это письмо Герцен ответил 24 ноября, выразив Коуэну благодарность за присылку ему резолюций. «Не знаю более мужественной награды для людей, остающихся в изгнании верными своим убеждениям,— писал Герцен,— чем это *воспоминание о них* свободных граждан, собравшихся, чтобы протестовать против наглого и беззаконного посягательства» (XXV, 316—317).

Известны еще два письма Герцена к Коуэну — от 27 и 28 ноября 1861 г. (XXVII, 198—200).

ЛОНДОН. ТРАФАЛЬГАРСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Гравюра Т. Шеперда

Из альбома: «Views of Mighty London, on its Public Buildings, Streets, Parks etc.». London, ⟨1850-е гг.⟩

Одна из лучших и обширнейших площадей в центре города. Справа памятник-колонна адмиралу Г. Нельсону с его статуей (Герцен в «Былом и думах» охарактеризовал ее как «плохую статую скверного человека»)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод с английского:

Следующие *резолюции* были единодушно приняты
на многолюдном и преисполненном энтузиазма митинге,
который состоялся в Лекционном зале, на Nelson Street в Ньюкасле-на-Тайне,
12 ноября 1855 г.

Председатель — *г. Джозиа Томас*[1]

1-я резолюция — внесена г. Джозефом Коуэном-мл⟨адшим⟩,
поддержана г. Джеймсом Брауном,
поддержана г. Р. Б. Ридом

Что этот митинг с удивлением и сожалением узнал о жестоком изгнании Виктора Гюго и его товарищей-эмигрантов с Джерси без обвинения, без доказательств и без суда — о поступке, который они рассматривают как явно незаконный и полностью противоречащий духу конституции; что они признают в этой акции правительства прямое попрание священного права убежища, предоставление которого политическим беженцам любых убеждений издавна было предметом гордости Великобритании, нарушение норм преследования по закону — краеугольного камня английской свободы, отрицание права свободной дискуссии и полный отказ от права каждого человека считаться невиновным, пока не доказана его вина; и, когда им становится известно, что подобные противоанглийские и неконституционные меры были приняты по наущению деспотического режима соседней нации, их сожаление превращается в негодование, и они заявляют здесь свой твердый и торжественный протест против такого грубого нарушения освященных вре-

менем Законов и Свобод этого королевства и клянутся всеми честными способами сопротивляться такому бесстыдному нарушению священных привилегий британцев и всякому вмешательству в Законы Страны любого иностранного монарха.

2-я резолюция — внесена г. Томасом Грегсоном,
поддержана г. Джеймсом Уотсоном

Что этот митинг выражает свое самое горячее сочувствие прославленному Виктору Гюго и его товарищам-изгнанникам в связи с их высылкой из убежища, которое, как они полагали, веря в нашу свободу и доверяя нашей чести, они нашли на Джерси, и настоящим заверяют их, что как бы ни прикрывали сложившиеся в обществе традиции преступление, совершенное высокопоставленными лицами, как бы ни лакировал его временный успех, преступность этого остается столь же явной и возмутительной; более того, в убеждении, что эмигранты стали жертвами незаконных действий британского правительства или губернатора Джерси, этот митинг клянется оказать им всю возможную помощь в любых законных демаршах, которые они могут предпринять для своего удовлетворения, и обязуется до конца сопротивляться всякой попытке нарушить билль об иностранцах в этой стране.

3-я резолюция — внесена г. Уильямом Джорданом,
поддержана г. Робертом Педди

Что копии предыдущих резолюций должны быть посланы лордам Пальмерстону и Кларендону и сэру Джорджу Грею и Виктору Гюго, полковнику Пьянчани, Ледрю-Роллену, Луи Блану, Джозефу Маццини, Луи Кошуту, А. Герцену, Станиславу Ворцелю, Ш. Рибейролю, Ф. Пиа и Комитету польских изгнанников.

Были прочитаны письма сэра Джона Файфа, Чарлза Этвуда, эсквайра, Ралфа Уолтерса, эсквайра, У. Ньютона, эсквайра, г. У. Кокса и г. Дж. Дж. Харни, выражающие сочувствие эмигрантам, осуждение правительства и сожаление о том, что они не смогли присутствовать.

Т. КАРЛЕЙЛЬ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Моники Партридж

Томас *Карлейль* (1795—1881) — известный историк и философ. Знакомство Герцена с этим «человеком громадного, но слишком парадоксального таланта» (XXV, 43) состоялось в конце 1852 г. Ранее известны были только одно письмо Герцена к Карлейлю и одно Карлейля к Герцену, относящиеся к 1853 и 1855 гг. Публикуемое письмо свидетельствует о том, что их личные связи и переписка продолжались и в 1858 г. Заключительная строка Карлейля: «Всегда искренне ваш», вероятно, являлась не только общепринятой формулой вежливости, но и выражением дружеской симпатии и уважения. Человек суровый, малообщительный и замкнутый, Карлейль только немногих удостаивал бесспорными свидетельствами своего расположения.

В публикуемом письме Карлейль просит предоставить ему возможность ознакомиться с сенсационными мемуарами Екатерины II, незадолго до того вышедшими в Лондоне на французском языке с предисловием Герцена. Карлейль в это время работал над монографией о Фридрихе Великом, относящейся к этой же эпохе, и публикация Герцена представляла для него поэтому особый интерес. Этому историческому документу, так же как личности и деятельности царицы Екатерины II, Карлейль в своем сочинении дал чрезвычайно высокую оценку (см. «History of Friederick II of Prussia called Friederick the Great», t. IV. L., s. a., p. 340).

История взаимоотношений Герцена и Карлейля подробно изложена в публикации М. П. Алексеева, напечатанной в «Литературном наследстве» (т. 61, с. 229—231), а также в статье С. Стеллинга-Мишо «Герцен и Карлейль» (*AAH*, 325—328).

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано на языке оригинала С. Стеллингом-Мишо в *AAH*, 328—329. Перевод с английского Л. Р. Ланского.

5, Cheyne Road, Челси
25 нояб⟨ря⟩ 1858 г.

Дорогой господин ⟨Герцен⟩,

Я слышал вчера о какой-то *автобиографической рукописи* Екатерины II, недавно опубликованной вами,— которую, по многим причинам, я должен ухитриться просмотреть [1]. Кратчайший путь, наиболее удобный для меня при моей страшной занятости,— это, кажется, обратиться к вам самим. Вы, без сомнения, не только укажете мне, как получить эту книжку (для этого я могу обратиться к своему книгопродавцу в случае необходимости), но и позволите мне также попросить у вас разъяснения отдельных подробностей, которые, возможно, останутся для меня темными после прочтения.

Будьте так добры, прошу вас, укажите мне ваш основной адрес в Путнее — я имею в виду, как найти вас лично, если когда-нибудь поеду верхом в ту сторону [2].

Всегда искренне ваш
Т. Карлейль

[1] «Les mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédées d'une préface par A. Herzen». L., 1859.

[2] Накануне, 24 ноября, Герцен переехал из Путнея в Фулем, где поселился в Park House, Percy Cross. Заезжал ли к нему туда Карлейль и давал ли Герцен ему какие-либо консультации о Екатерине II, остается неизвестным.

ГЕРЦЕН — Т. ОЛСОПУ

Публикация Л. П. Северской

Томас *Олсоп* (1795—1880) — видный организатор и участник английского рабочего движения, публицист, друг Р. Оуэна и Дж. Маццини. Герцен относил Олсопа к тем немногим «серьезным умам» в Европе, которые скептически оценивали «прогрессивность» английского политического строя и «улыбались над остатками» его «веры в английские формы» (XI, 67). Это упоминание в «Былом и думах» о «добродушном Олсопе» и еще два — о «смелом, благородном» протесте Олсопа («известного по делу Орсини»), который отказался присутствовать на религиозной церемонии при погребении Оуэна (там же, с. 67 и 211),— единственные известные до сих пор высказывания Герцена об этом выдающемся его современнике.

На процессе С. Бернара, одного из участников покушения Ф. Орсини на Наполеона III, установлена была причастность Олсопа к заговору: он заказывал для заговорщиков патроны в Бирмингеме. За поимку Олсопа, который в это время находился во Франции, английское правительство назначило награду в 500 фунтов стерлингов. Однако адвокатам удалось «доказать» его «невиновность».

Ставшие теперь известными письма из архива Олсопа (хранятся в *ГЛМ*), полные конспиративных сведений и шифров, обнаруживают разветвленную сеть его революционных связей, прямое участие в организации рабочего движения в Англии, непосредственную роль в подготовке ирландского восстания 1848 г. Среди его корреспондентов были С. Бернар и А. Саффи.

Публикуемое письмо свидетельствует о том, что отношения между Герценом и Олсопом были гораздо более близкими, чем можно было предполагать, и что они начались еще в 1861 г.

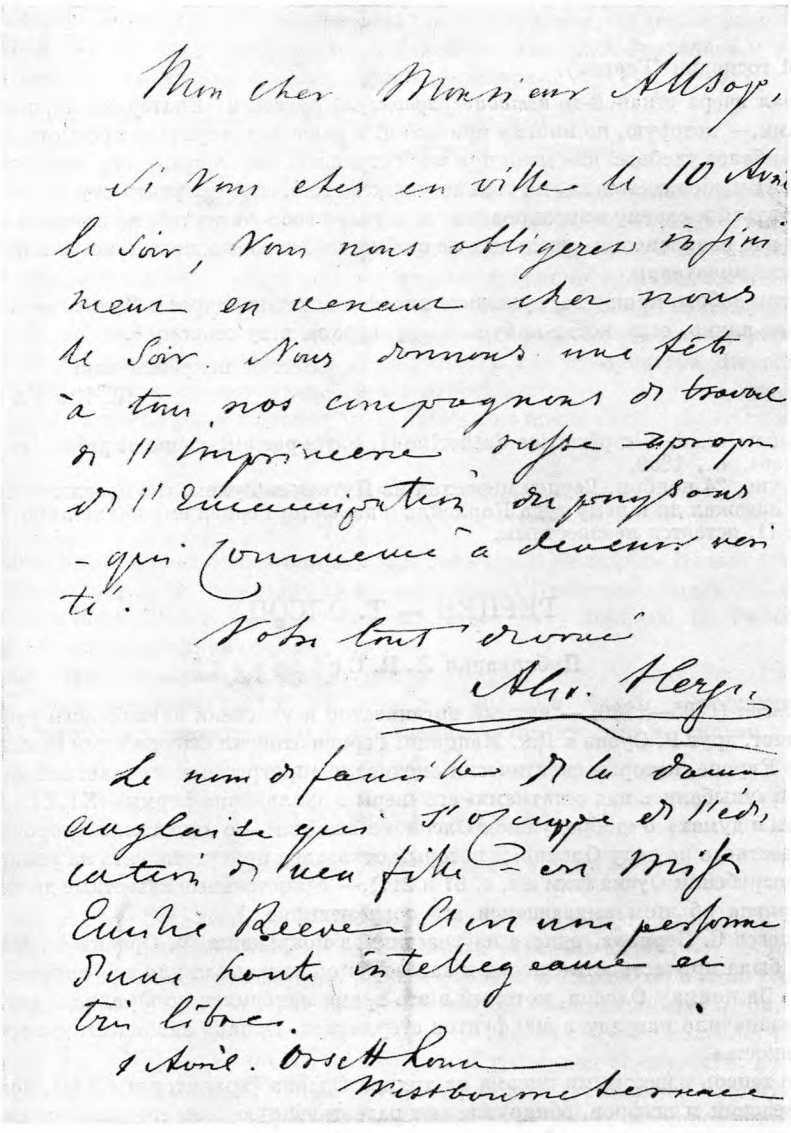
Письмо печатается впервые по автографу, приобретенному в 1976 г. Р. А. Девисом на аукционе в Лондоне и подаренному им Государственной исторической библиотеке (Москва). Автограф передан на постоянное хранение в *ГЛМ* (ф. 22, РОВ, 6387). Перевод с французского Л. П. Северской.

⟨Лондон. 7 апреля 1861 г.⟩ [1]

Mon cher monsieur Allsop,

Si vous êtes en ville le 10 avril le soir, vous nous obligerez infiniment en venant chez nous le soir. Nous donnons une fête à tous nos compagnons de travail de l'imprimerie russe à propos de l'émancipation des paysans qui commence à devenir vérité [2].

Votre tout dévoué
Alex. Herzen



ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ТОМАСУ ОЛСОПУ
Автограф. Лондон, 7 апреля 1861 г.
Литературный музей, Москва

Le nom de famille de la dame anglaise qui s'occupe de l'éducation de ma fille est miss Emilie Reeve. C'est une personne d'une haute intelligence et très libre [3].
1 avril. Orsett House
Westbourne Terrace

Перевод:

Любезный мой господин Олсоп,

Если вы будете в городе 10 апреля вечером, вы бесконечно нас обяжете, придя к нам вечером. Мы даем праздник всем своим сотоварищам по работе в Русской типографии по случаю освобождения крестьян, которое начинает сбываться [2].

Всецело вам преданный
Алекс. Герцен

Фамилия английской дамы, которая занимается воспитанием моей дочери,— мисс Эмилия Рив. Это человек высокого ума и весьма свободомыслящий[3].

1 апреля. Orsett House
Westbourne Terrace

[1] Год устанавливается по содержанию письма.

[2] В л. 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г. Герценом было напечатано следующее извещение: «Вольная русская типография в Лондоне и издатели «Колокола» празднуют вечером 10 апреля начало освобождения крестьян в Orsett House, Westbourne Terrace. *Каждый русский*, какой бы партии он ни был, сочувствующий великому делу, будет принят братски» (XV, 64). О характере, который приняло это долгожданное празднество вследствие полученного из Варшавы известия о кровавых правительственных репрессиях против польского населения, см. в статье Герцена, также появившейся в «Колоколе» (л. 96 от 15 апреля): «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (XV, 65—67).

[3] Об Эмилии Рив см. выше и в «Лит. наследстве», т. 61, с. 256—258. В письме пятом «Писем к путешественнику» Герцен писал, обращаясь к Э. Рив.: «Позвольте мне напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мне руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дела, которое я делал, и во имя мира, о котором я свидетельствовал. Не знаю, каким вдохновением, каким наитием вы почувствовали *живые всходы* под нашими снегами и отгадали, что мрачный и немой мир наш не *отходил*, а *нарождался*. Вы приветствовали его во мне, когда я случайно попался на вашей дороге, и я бесконечно вам благодарен за это...» (XVIII, 375).

ГЕРЦЕН И ГЕРМАНИЯ

Статья З. В. Смирновой

Во второй четверти XIX в. в русской литературе сложился вполне определенный, многогранный образ Германии. Вспомним, что, возвратившись «из Германии туманной» в родное Красногорье, Владимир Ленский привез

> . . . учености плоды:
> вольнолюбивые мечты,
> дух пылкий и довольно странный,

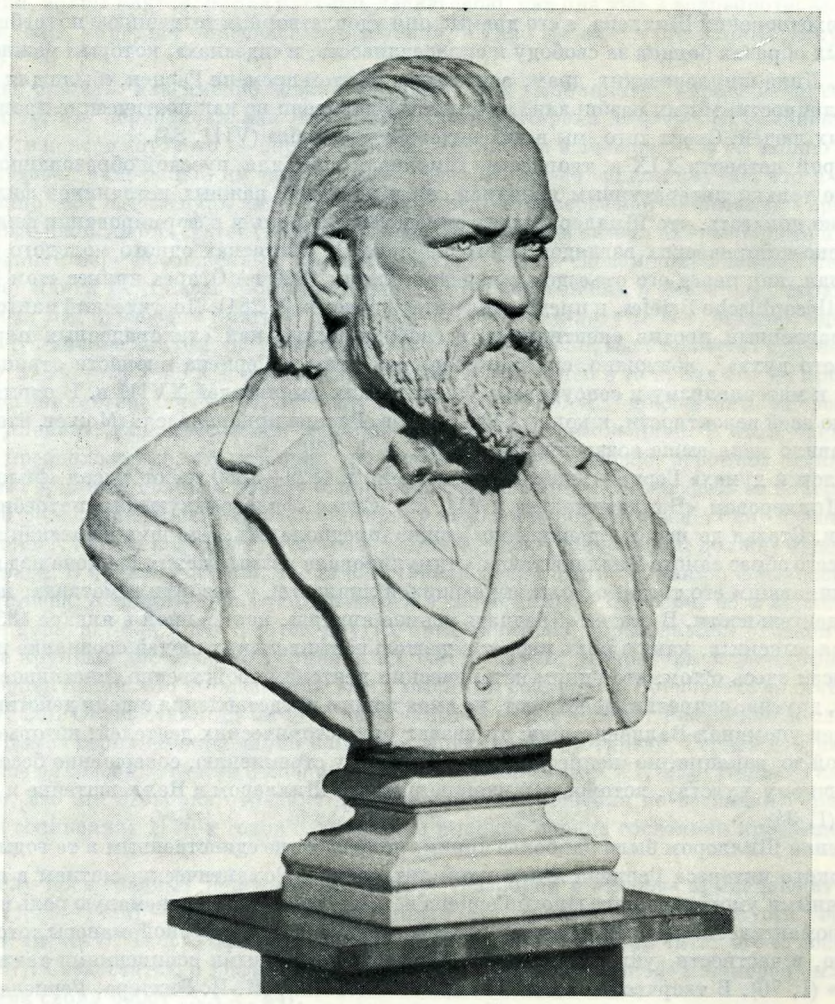
поклонение Канту и душу, воспламененную «поэтическим огнем» Шиллера и Гете [1]. Германия воспринималась образованными русскими людьми как страна поэтов-мечтателей, противопоставляющих свою свободную фантазию убогому миру обыденной жизни «филистеров», страна «метафизики», царившей в германских университетах. Она была также и страной «буршей» — разгульных и вольнолюбивых студентов, из среды которых вышел К. Занд [2], воспетый Пушкиным как «юный праведник, избранник роковой» [3]. Широко распространенным было и мнение об особенностях Германии в сравнении с другими странами Западной Европы: в отличие от Англии с ее практическим промышленным направлением, в отличие от Франции с ее кипящей общественной жизнью Германия считалась страной умозрения, теории, а не практики, действия. Эти распространенные в русской литературе мнения о Германии вошли и в сознание юного Герцена.

В 1864 г., вспоминая о своих спорах в России со славянофилами, Герцен писал, что тогда он «не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически» (XVIII, 278). Эти слова с полным правом могут быть отнесены и к представлениям Герцена в 1820—1840-х годах о Германии. Конечно, некоторые сведения о зарубежной жизни Герцен черпал из писем и рассказов друзей, побывавших за границей. Но все же до 1847 г. главным источником герценовских знаний о Германии были книги.

Немецкий язык Герцен знал с раннего детства. В известной мере он был обязан этим матери-немке Л. И. Гааг, в ближайшем окружении которой, по свидетельству родственницы Герцена Т. П. Пассек, разговоры велись только по-немецки [4], а также немке-воспитательнице Е. И. Прово. Изучение языка, несомненно, стимулировалось и рано развившейся «охотой к чтению», о которой Герцен писал в «Записках одного молодого человека» (I, 265). Наряду с романами и пьесами второстепенных и третьестепенных немецких писателей вроде А. Лафонтена и А. Коцебу Герцен читал в детстве и «Страдания юного Вертера», и «Избирательное сродство» Гете — произведения, которые он не мог тогда, конечно, ни понять, ни оценить по достоинству. Подлинная «встреча» с немецкой литературой, обозначившая веху в идейном развитии Герцена и навсегда сохранившаяся в его памяти, связана с именем Шиллера.

В «Былом и думах» Герцен назвал «шиллеровским периодом» своей жизни период, заключивший «первую юность»,— то время, когда сложившийся в университете кружок его друзей еще не распался и продолжал жить «общими симпатиями и фантазиями» (VIII, 150). Называя этот период «шиллеровским», Герцен имел в виду не столько прямое влияние творчества выдающегося немецкого поэта на мысли и чувства членов дружеского кружка, сколько общую атмосферу, царившую в кружке,— «гражданскую экзальтацию», веру в свое высокое призвание, порывы к «идеалу», презрение к пошлости и прозе обывательской жизни. Во всем этом, действительно, продолжали звучать «шиллеровские» мотивы, впервые захватившие Герцена гораздо раньше, в конце 1820-х годов. Именно это время было подлинным началом «шиллеровского» периода его жизни.

Встречу Герцена с творчеством Шиллера точнее было бы назвать *первой* встречей его с немецким поэтом. К творчеству Шиллера Герцен обращался на протяжении всей своей жизни Каждая из этих «встреч» была окрашена в свой цвет, порой весьма далекий от колорита юноше-



ГЕРЦЕН
Бюст работы немецкого скульптора А. Грасса (гипс), 1858
Выполнен по заказу Н. Трюбнера
10 ноября 1858 г. Герцен писал сыну: «Бюст очень удачен»
Музей Герцена, Москва

ского восприятия. Но во всех этих «встречах» неизменно проступало теплое, лирическое начало, чувство признательности за подаренные поэтом светлые минуты, за свежесть и чистоту чувств и мыслей, заключенных в его творчестве. Не случайно рассказ в «Былом и думах» о своем юношеском увлечении Шиллером Герцен сопроводил в 1853 г. характерным примечанием: «Поэзия Шиллера не утратила на меня своего влияния ⟨. . .⟩ Тот, кто теряет вкус к Шиллеру, тот или стар или педант, очерствел или забыл себя» (VIII, 84).

В 1820-х годах Шиллер стал особенно близок сердцу Герцена и его друга, «Ника» Огарева, потому, что творчество немецкого поэта оказалось созвучным двум другим влияниям, испытанным юношами, переплелось с этими влияниями. Как писал впоследствии Огарев, переход друзей из детства в отрочество совершился «тремя влияниями, очень родственными между собою»,— Шиллера, Руссо и 14 декабря [5]. Именно благодаря тому, что Шиллер действовал на умы подростков, уже потрясенных восстанием 14 декабря, уже «осязавших» (по выражению Огарева) факт, воплощенный французским мыслителем в формуле «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах» [6], главными в творчестве немецкого поэта стали в то время для Герцена вольнолюбивые, тираноборческие мотивы. Характерно, что предметом наиболее сильного увлечения были

тогда не стихотворения Шиллера, а его драмы: они удовлетворяли тогдашнюю потребность юношей в живых образах борцов за свободу и справедливость, в «идеалах», которым можно было бы подражать. Лица шиллеровских драм, вспоминал об этом времени Герцен, «были для нас существующие личности, мы их разбирали, любили и ненавидели не как поэтические произведения, а как живых людей. Сверх того, мы в них видели самих себя» (VIII, 84).

Во второй четверти XIX в. творчество Шиллера и Гете для русской образованной молодежи было не только литературным явлением, но и одним из важных источников философских идей. Можно полагать, что Шиллер сыграл определенную роль и в формировании философских и философско-исторических взглядов юного Герцена. В «Записках одного молодого человека» он вспоминал, как перед его отъездом в деревню (летом 1829 г.) Огарев принес «том Шиллера, где его «Philosophische Briefe», и предложил читать вместе» (I, 281). Поэтический пантеизм Шиллера, направленный против скептицизма и свободомыслия как «лихорадочных пароксизмов человеческого духа»[7], возможно, способствовал развитию у Герцена в юности отрицательного отношения к материализму и сенсуализму французских мыслителей XVIII в. В отрывке, относящемся, по всей вероятности, к концу 1830-х годов, Герцен признавался: «Может, чтение Шиллера направило меня выше воззрения Вольтера...» (I, 330).

В «Былом и думах» Герцен упомянул о том, что в 1829—1830 гг. он писал «философскую» статью о Шиллеровом «Валленштейне» (VIII, 73). Слово «философскую» он употребил с оттенком иронии. Статья до нас не дошла, но можно предполагать, что шиллеровская трилогия, и прежде всего образ самого Валленштейна, стимулировала размышления Герцена над вопросом, сильно занимавшим его тогда, о роли выдающихся личностей в истории и мотивах, лежащих в основе их деятельности. В статье «Двадцать осьмое января», написанной в январе 1833 г., Герцен пытался выяснить, какую роль играет в деятельности великих людей осознание ими их целей. Он писал здесь о том, что одним историческим деятелям свойственно отчетливое познание своей цели, другие, напротив, действуют, не имея ясного представления о цели действия. В этой связи Герцен упоминал Валленштейна: он назвал ряд исторических деятелей, которые действуют «по какой-то вокации, по непреодолимому, темному стремлению, совершенно безотчетному, по тому мощному чувству, которое так изящно развито Шиллером в Валленштейне и Вернером в Аттиле» (I, 34).

Увлечение Шиллером было наиболее ярким, но отнюдь не единственным в те годы проявлением глубокого интереса Герцена к немецкой литературе. Романтические мотивы в ней оказались созвучными умонастроению юного Герцена и, более того, сыграли немалую роль в формировании его романтически-идеалистического мировоззрения и литературной манеры того времени. Характерно, в частности, увлечение юного Герцена «прелестными сочинениями таинственного Жан-Поля» (I, 70). В творчестве этого немецкого писателя, Ж.-П. Рихтера, Герцена особенно привлекали тогда патетика, склонность к афористичности, космический аллегоризм. Герцен пытался даже подражать Жан-Полю — так, набросок «3 августа 1833» он назвал аллегорией «вроде Жан-Поля» (XXI, 24). Склонность к аллегоризму заметна и в произведениях Герцена вятского периода. Но уже в феврале 1838 г. в письме к невесте из Владимира он признавался, что «писал аллегории тогда, когда дурно писал», и добавлял: «Что хочешь сказать, говори прямо» (XXI, 282). В дальнейшем у Герцена складывается отрицательное отношение к творчеству Жан-Поля (хотя некоторые остроумные замечания его приводятся в «Дилетантизме в науке» и в «Письмах об изучении природы»). Не отказывая Жан-Полю в таланте и богатстве воображения, Герцен отзывается о его произведениях как о «ряде гениальной галиматьи» (XVI, 178). В 1867 г. в связи с чтением книги Т. Карлейля о Великой французской революции Герцен писал: «У него (т. е. у Карлейля) картины хороши, а рассуждения à la Jean-Paul Richter ins Blaue Hinaus *» (XXIX, 230).

Увлеченность в ранней юности романтизмом в известной мере затруднила и ограничила тогда герценовское восприятие Гете. В начале 1830-х годов Герцен был знаком, конечно, со многими поэтическими и прозаическими произведениями Гете: еще в детстве он плакал над трагической судьбой Вертера, а позднее, как и многие его сверстники, был очарован поэтическим образом Миньоны. Но, очевидно, он сознавал необходимость более полного знакомства с творчеством великого немецкого поэта. В письме к Огареву от 5 июля 1833 г., сообщая другу о намечаемой программе самообразования после окончания университетского курса, он писал: «...первая задача, которую себе предложил я,— *изучить Гете*. Шиллер — бурный поток, издали слышен

* Как у Жан-Поля Рихтера — пальцем в небо (*франц.*).

треск и шум, волны ярятся, и едва пустишь ладию свою, как она уже в водовороте; не таков Гете, он глубок, как море, нет определенного течения, и тихо зыблются его полные упругие волны» (XXI, 17).

Трудно сказать, как именно задача «изучить Гете» выполнялась Герценом до ссылки. Но, судя по тому, что первоначальная редакция рассказа «Первая встреча» («Германский путешественник»), в центре которого — образ Гете, была написана в декабре 1834 г., можно думать, что Герцен следовал намеченной им «программе». Несомненно, во всяком случае, что в 1833 и первой половине 1834 г. немецкая литература была предметом серьезного внимания Герцена. В это время им был написан ряд статей (в ответе на следствии Герцен назвал их «разборами и этюдами»), в значительной мере посвященных немецкой литературе, и сделан сокращенный перевод (или изложение) книги В. Кузена «Состояние народного просвещения в некоторых странах Германии». Работа над переводом книги Кузена была закончена к лету 1834 г. Можно, однако, предполагать, что именно знакомством с этой книгой навеяны мысли, высказанные Герценом в письме к Огареву 31 августа 1833 г. и связанные с сильно занимавшей в то время его ум проблемой общественной «палингенезии» — обновления мира, которое должно последовать за «веком анализа и разрушения», завершившимся Великой французской революцией. В этом письме Герцен высказал предположение, что страной, где начнет строиться «новое, огромное здание обновления», будет Германия, которая начала «с просвещения». Герцен исходил здесь из почерпнутого им в немецкой философии тезиса, согласно которому каждый народ «выражает одну идею». Поскольку Франция в XVIII в. выразила идею «разрушения», идею «обновления» должна будет выразить другая страна. В предположении, что такой страной может стать Германия, сказалось не только влияние Кузена, положительно отзывавшегося в своей книге о Пруссии, но и характерное в то время для Герцена, как и для многих других представителей образованной русской молодежи, признание крупных достижений Германии в области науки, литературы и философии. В конце письма Герцен писал, что высказанную здесь мысль он собирается обработать «в статье *для друзей*» (XXI, 26). Осуществил ли он этот свой замысел — неизвестно. Разъясняя в следственной комиссии смысл своих высказываний в письме, адресованном Огареву, Герцен добавил в конце, что он «ныне не совсем согласен с мнением, тогда изложенным» (XXI, 422). Нельзя сказать с уверенностью, что эта оговорка отразила действительные изменения во взглядах Герцена. В его письмах и сочинениях 1830-х годов сохраняется высокая оценка состояния просвещения в Германии.

К числу посвященных немецкой литературе «разборов и этюдов» принадлежит его статья «Гофман» (1833—1834) — первая опубликованная его работа. Много лет спустя Герцен, советуя дочери читать Э. Т. А. Гофмана, писал ей, что в молодые годы он читал его «с восхищением» (XXVII, 67). Свою статью о Гофмане он назвал «детской, но забавной» и намерен был включить ее в сборник своих работ (XXX, 44).

В «Гофмане» ясно выразились романтическое умонастроение автора и созвучность этого умонастроения романтической немецкой литературе.

Герценовское восприятие Гофмана еще пронизано романтической патетикой. В основании статьи — типично романтическое представление о художнике, чья душа «отделена от души обыкновенного человека», являет собой «храм идеала, к которому рвется художник», и преисполнена «бурных страстей». Повести Гофмана, по мнению Герцена, представляют «самое полное развитие жизни художника во всех фазах ее» (I, 73). В романтический цвет окрашено и восприятие Герценом гофмановского «юмора».

Герцен искренне восхищается богатой, причудливой фантазией Гофмана, считает его художником «с душою сильной и глубокой» (I, 71). Но в то же время в статье явственно звучат ноты неудовлетворенности тем направлением немецкой литературы, к которому принадлежит Гофман. Неудовлетворенность вырастает из ощущения односторонности этого направления, его оторванности от современных общественных вопросов. По мнению Герцена, Германия — «страна писания и чтения», страна, живущая «в кабинетах и библиотеках», страна, в которой литература стала национальной «болезнью», ибо заменила собой живую общественную, гражданскую деятельность, — такая Германия уходит в прошлое. Для Герцена Гофман, «занятый до того концертами, что не заметил приближения Наполеона, есть тип прошедшего, сверхземного направления литературы германской». Теперь, когда Германия «проснулась при громе Лейпцигской битвы», на сцену выступает новое поколение, «более земное, более национальное» (I, 65). К этому поколению Герцен относит Гейне, бичующего прошлое своим ядовитым пером.

В статье о Гофмане, написанной еще в духе романтизма, уже намечаются контуры той критики разрыва в немецкой литературе и философии мысли и действия, которая позднее станет одним из ведущих мотивов герценовской мысли.

Вятская ссылка была, как известно, наиболее «романтическим» периодом в жизни Герцена, когда занимавшие его «общечеловеческие, современные вопросы» приобретали «субъективно-мечтательный цвет» и религиозно-мистическая экзальтация налагала отпечаток на все его мысли и чувства. В Вятке Герцен неизмеримо острее, чем прежде, ощутил тот разлад между стремлением к «идеальному» и пошлой прозой реальной жизни, который и ранее был одним из источников его романтического умонастроения. И с новой силой в это время душа его рванулась к поэту чистых чувств и благородных стремлений — к Шиллеру.

Эта новая встреча с Шиллером имела свои особенности: ее окрасило романтическое чувство к будущей жене Герцена — Н. А. Захарьиной. Особую притягательную силу получили теперь «идеальные», «сверхземные» мотивы и устремления шиллеровского творчества; предметом восторженного поклонения стали образы Теклы и Орлеанской девы. Таким восприятием Шиллера наполнены вятские письма Герцена к Н. А. Захарьиной: «...ты развилась дивно, чудесно; все, что мечтал пламенный Шиллер, создавая свои небесные идеалы, все в тебе горит» (XXI, 116). «Один Шиллер, друг моего детства ⟨. . .⟩ один он дивен; он знает именно нашу любовь ⟨. . .⟩ Я искал созвучия, и Шиллер подал мне его» (XXI, 233).

Романтическая увлеченность поэтическими образами немецкой литературы поддерживалась у Герцена в Вятке и его дружескими отношениями с молодой немкой, родственницей вятского аптекаря,— Полиной Тромпетер. Полина, вспоминал позднее Герцен, «убаюкивала меня песнями своей Германии, песнями своего Шиллера...» (I, 324).

Как ни глубоко был захвачен Герцен романтически-экзальтированной влюбленностью, она не поглощала его полностью: «...у меня,— писал он позже о вятском периоде,— никогда не было жизни, так сосредоточенной в личных отношениях, чтоб хоть на время забыть всеобщие интересы...» (II, 234).

Серьезные раздумья Герцена над «всеобщими» социальными проблемами сказались в его рассказе «Первая встреча» («Германский путешественник»).

«Первая встреча» занимает видное место в истории идейного развития Герцена. В ней яснее, чем прежде, обрисовались контуры одной из центральных идей социальной философии Герцена — идеи «одействотворения» мысли, убеждений. В аспекте же непосредственно интересующей нас здесь темы этот рассказ чрезвычайно важен как характеристика отношения молодого Герцена к Гете. «Первую встречу» можно считать своеобразным итогом герценовских размышлений о творчестве Гете в начале 1830-х годов и первым выражением тех оценок великого немецкого писателя, которые в значительной мере сохранятся у Герцена в дальнейшем.

Основной мотив, пронизывающий «Первую встречу»,— мотив двойственности Гете [8]. Наружность Гете «подавляла, угнетала», его глаза «блистали так, как у Наполеона, намекая издали на обширность души», и в то же время рассказчик недоумевает, как «Зевсова голова» оказывается на плечах «веймарского дипломата» (I, 112—113). Гете, несомненно, велик, но этот великий человек не способен понять «огромное явление», событие, имеющее важнейшее значение для судеб всей Европы,— Великую французскую революцию; его суждения о ней филистерски ограниченны, мещански пошлы. Устами «германского путешественника» Герцен решительно осудил не только отношение Гете к Французской революции, но и то, что принято называть «олимпийством» Гете и что порой оборачивается мелочным эгоизмом. Мысль о «двойственности» Гете прекрасно выражена «путешественником», мнение которого, несомненно, разделяет и автор: «Я готов преклонить колена пред творцом „Фауста“, так же как готов разознакомиться с тайным советником Гете, который пишет комедии в день Лейпцигской битвы и не занимается биографиею человечества, беспрерывно занимаясь своею биографиею» (I, 120).

Рассказ «германского путешественника» Герцен включил в переработанном виде в «Записки одного молодого человека», вложив его в уста поляка Трензинского. О Гете и своем отношении к нему и Шиллеру он упомянул и в предшествовавшей рассказу Трензинского автобиографической части «Записок».

На рубеже 1830—1840-х годов сопоставление Шиллера и Гете приобрело в русской литературе (так же как немного ранее в самой Германии) своеобразное звучание и острый политический смысл. В то время оно использовалось Белинским для защиты идеи «примирения с действительностью». В известной статье «Менцель — критик Гете» (1840) Белинский, противопоставляя Шиллеру «чисто художнический» гений Гете, открыто защищал политический индифферен-

тизм последнего. Отношение Герцена к Гете, выразившееся в «Записках одного молодого человека», приобретает в этой связи особый интерес.

Нам представляется достаточно обоснованным мнение, что критика Трензинским политического индифферентизма Гете в значительной мере выражает взгляды самого Герцена и полемически направлена против трактовки Гете в статьях Белинского периода «примирения с действительностью».

В предисловии ко второму изданию «Кто виноват?» (1859) Герцен, упоминая о «Записках одного молодого человека», писал, что в них «заметно сильное влияние гейневских „Reisebilder“» (IV, 7). О том, что в «Записках» остался очевидный «след» Гейне, он говорил и в предисловии к «Былому и думам» (VIII, 11).

Гейне был одним из тех крупных деятелей немецкой литературы, чье творчество серьезно заинтересовало Герцена уже в 1830-х годах и оказалось родственным, близким ему.

Выше упоминалось о том, что еще в статье «Гофман» Герцен назвал имя Гейне как представителя нового, более современного и «земного» направления в немецкой литературе. К тому времени он был уже знаком с «Романтической школой» Гейне. Он много и с увлечением читал Гейне в Вятке.

В 1840 г. в письме к А. Ф. Каппелю Герцен охарактеризовал Гейне (имея в виду «Путевые картины») словами «милый, живой, избалованный ‹. . .› и притом глубоко поэтический» (XXII, 70). Несомненно, эти черты немецкого поэта были близки Герцену — живому, остроумному, любящему шутку и каламбур, умеющему ценить свободную игру воображения. Но, пожалуй, главной привлекательной чертой в Гейне была тогда для Герцена его ирония. Не случайно именно «бичующую иронию» Гейне он отметил в статье о Гофмане. Обстановка вятской жизни способствовала уяснению Герценом того, что ирония близка его натуре и свойственна его литературному дарованию. Он ощутил в своей душе «странную двойственность»: любовь и вера уживались в ней с «самой злой, ядовитой» иронией (XXI, 261). Шиллер — поэт души нежной и чистой — не вмещал в себя, не выражал иронии, все яснее проступавшей в герценовском мироощущении. Можно думать, что иронический голос Гейне оказывался во многом созвучным этому мироощущению.

Прослеживая отношение Герцена к немецкой литературе в 1830-х годах, можно видеть, как в этом отношении отражался растущий жизненный опыт, как расширялось и углублялось восприятие этой литературы. Душа Герцена отозвалась и на «благородные, энергические, увлекательные» чувства Шиллера (I, 278), и на прихотливую фантазию Гофмана, и на «морскую глубину» Гете, и на злую, ядовитую иронию Гейне. Но при этом мысли и чувства немецких писателей, возбуждая отклик в душе Герцена и оказывая влияние на его развитие, преломлялись через одно основное чувство, одну основную мысль, жившие в его душе,— революционный протест против существующего общественного порядка, стремление к активной борьбе за переустройство общества. Именно поэтому в отношении молодого Герцена к немецкой литературе так явственно ощутимы критические ноты, о которых мы говорили выше. Идейное развитие Герцена в своем главном направлении шло по пути преодоления романтического восприятия мира. В 1840-х годах Герцен окончательно «свел счеты» с романтическими увлечениями своей юности. Он не только освободился в то время от влияния романтизма, но и попытался теоретически осмыслить и критически оценить романтизм.

Герценовское отношение к романтизму отнюдь не однозначно. И объясняется эта неоднозначность в первую очередь тем, что одним из важнейших элементов мысли Герцена в 1840-х годах стал историзм. Отсюда — проводимое Герценом различие между «романтизмом средних веков», который был исторически закономерной ступенью в развитии человеческой мысли и, несмотря на свою односторонность, был в некоторых отношениях шагом вперед по сравнению с культурой античности, и «неоромантизмом», т. е. романтизмом конца XVIII — начала XIX в. Последний также имеет свои исторические причины: Герцен связывал его с общественным умонастроением, порожденным наполеоновскими войнами и Реставрацией. Но, по убеждению Герцена, «возрождение» романтизма — явление временное, ибо романтическое миропонимание не соответствует реалистическому духу XIX столетия, не отвечает потребностям современного человека.

Можно, пожалуй, упрекнуть Герцена в некоторой недооценке значения и художественной ценности немецкого романтизма. Но в 1840-х годах время для всесторонней объективной исторической оценки этого сложного явления еще не настало — достаточно сказать, что споры вокруг него продолжаются и в наши дни. Преодоление же Герценом в то время ряда романтических

идей, воздействовавших на него ранее, несомненно, было значительным шагом вперед в его идейном развитии.

В формировании у Герцена критического отношения к романтизму значительную роль сыграли произведения Гейне «К истории религии и философии в Германии» и «Романтическая школа». Влияние Гейне сказалось и в общем характере герценовской критики — ее направленности в первую очередь против спиритуалистических элементов романтизма, и в проводимом Герценом вслед за немецким поэтом сближении романтизма с католицизмом и с особенностями развития Германии. Так, характеризуя немецкую литературу до Лютера, Гейне утверждал, что она представляет собой смесь двух разнородных начал, в конце концов слившихся воедино. «Эти начала — германская национальность и индо-гностическое, так называемое католическое, христианство» [9]. Аналогичную мысль высказывает Герцен в статье «Дилетанты-романтики»: по его словам, романтическое воззрение — «почти исключительная принадлежность католицизма; в нем, как во всем католическом, спаялись два начала — одно, почерпнутое из Евангелия, другое — народное, временное, более всего германическое» (III, 31). Можно установить и ряд других моментов, сближающих герценовские взгляды на романтизм со взглядами Гейне.

В 1840-х годах произошла третья встреча Герцена с Шиллером. Но на этот раз Герцен встретился не с творцом «Разбойников» и не с создателем образа Теклы, а с автором «Писем об эстетическом воспитании». 13 июля 1843 г. Герцен писал в дневнике: «Читал „Von der ästhetischen Erziehung der Menschheit" Шиллера. Великое и пророческое творение, оно, как Лессингово воспитание человечества, предупредило многим свое время 〈. . .〉 Шиллер пошел с точки зрения Канта, а какие сочные, жизненно прекрасные плоды,— он далеко перешел взгляд критической школы. Тут, как в некоторых страницах Гете, первые аккорды, поэтические и звучные, новой науки...» (II, 298). Эта оценка Шиллеровых «Писем» отразилась в первой статье о публичных чтениях Грановского (1843). Герцен упрекнул Т. Н. Грановского за то, что тот «слишком скудно определил влияние Канта на историю», и в качестве примера плодотворности такого влияния указал на Шиллера и его «Письма об эстетическом воспитании человечества». По словам Герцена, «эта диссертация в письмах — колоссальный шаг в развитии идеи истории» (II, 114).

С большим основанием можно считать, что эта высокая оценка не была связана с выдвинутой здесь Шиллером концепцией искусства как игры и как пути, ведущего к изменению человека и общества. Эта концепция никак не отразилась в работах и письмах Герцена и не могла быть ему близка — она явно противоречила его революционным и социалистическим убеждениям. Характеристика «Писем», данная в статье о чтениях Грановского, позволяет думать, что это произведение привлекло Герцена прежде всего своим историческим оптимизмом, идеей развития человечества от «государства необходимости» к «государству свободы». Должна была импонировать Герцену и одна из центральных идей «Писем» — идея гармонического, свободного развития человека, преодоления разрыва физического и духовного в человеке, восстановления целостности человеческой природы. Наконец, Герцен сошелся с автором «Писем об эстетическом воспитании» и в понимании долга: не случайно в «Письмах об изучении природы» он процитировал известные строки Шиллера из стихотворения «Философы», направленные против кантовской трактовки долга.

Новые стороны раскрылись Герцену и в творчестве Гете. Герцен воспринимает в это время Гете прежде всего как великого реалиста, противопоставляя его романтикам. «Гете,— говорилось в статье «Дилетанты-романтики»,— был, по превосходству, реалист, как Наполеон, как вся наша эпоха; романтики не имеют органа понимать реальное» (III, 40). Реализм Гете трактуется Герценом в самом широком смысле — как мировоззрение, основанное на чувстве и понимании реальной действительности, на «сочувствии» с жизнью. Особенно близким оказалось для Герцена в то время гетевское восприятие природы. Ко второму из «Писем об изучении природы» Герцен приложил статью Гете «Природа». Характеризуя ее как «образец художественного глубокомыслия Гете», он писал: «Трепет сочувствия к жизни, к живому пробегает по всем строкам, каждое слово дышит любовью к бытию, упоением от него» (III, 138).

Как известно, работая над «Письмами об изучении природы», Герцен возобновил начатые в университете занятия естественными науками; он серьезно занимался, в частности, анатомией. Эти занятия возбудили интерес Герцена к естественнонаучным трудам Гете. В 1844 г. он записал в дневнике: «Читал гетевские сочинения по части естествоведения; что за исполин 〈. . .〉». Чрезвычайно интересно следующее за этими словами замечание, показывающее, что он не отделял в Гете поэта от ученого: «Поэт не потерялся в натуралисте, его наука точно так же — поэзия жизни, реализма, с таким же пантеистическим характером и с тою же глубиною» (II, 388).

Wöchentlich erscheinen drei Nummern. Pränumerations-Preis 2⅔ Silbergr. (½ Thlr.) vierteljährlich, 3 Thlr. für das ganze Jahr, ohne Erhöhung, in allen Theilen der Preußischen Monarchie.

Magazin

für die

Literatur des Auslandes.

Pränumerationen werden von jeder Buchhandlung (in Berlin bei Bett u. Comp., Jägerstraße Nr. 25), so wie von allen Königl. Post-Aemtern, angenommen.

№ 43. Berlin, Sonnabend den 10. April 1847.

Rußland.

Blicke auf die russische Literatur im J. 1846 und 1847.

1. Dostojewski und Gogol. — Die natürliche Schule. — Iskander. — Burkoff.

Das verflossene Jahr (1846) trägt alle Kennzeichen einer Uebergangs-Epoche an sich. Während dieses ganzen Zeitraums ging in der russischen literarischen Welt eine ziemlich ungewöhnliche Gährung vor: es trennten sich mehrere kompakte Massen, welche zerfielen und abermals neue Gruppen bildeten; die frischen Klänge junger Hoffnungen mischten sich mit dem heiseren Gekrächz eines schon halb erstickten verzweifelnden Wuthgeheuls. Und das Ganze löste sich auf in Programme und Ankündigungen über die im J. 1847 zu erscheinenden periodischen Blätter. Somit war in literarischer Beziehung das Jahr 1846 nur ein für 1847 genommener Anlauf, an und für sich aber hat es keine selbständige Bedeutung. Noch zu Ausgang des J. 1845 wurde von den literarischen Dilettanten die tröstliche Kunde vom Erscheinen eines terschilderungen behaupten, die „Memoiren eines Wahnwitzigen" vielleicht ausgenommen. In dieser Beziehung kann man die Schriften Gogol's in der That eine ästhetische Statistik Rußlands nennen. Bei Dostojewski finden sich gleichfalls die treffendsten, künstlerisch ausgeführten Schilderungen der Gesellschaft, doch bilden sie bei ihm den Hintergrund des Bildes und sind großentheils nur mit so feinen Strichen angedeutet, daß sie in der Masse des anziehenden psychologischen Materials gänzlich verschwinden. So ist in den „Armen Leuten" das Interesse, welches die Analyse der vorgeführten Charaktere erregt, ohne Vergleich stärker als der Eindruck, den die lebhafte Schilderung der sie umgebenden Sphäre auf den Leser hervorbringt. Wir sind überzeugt, daß, je mehr man der Lektüre des Romans Zeit einräumt, desto klarer die Züge dieser psychologischer Analyse vor den Geist des Lesers treten und Dostojewski's Productionen, zum zweiten oder dritten Male gelesen, erstaunlich gewinnen werden, ja sogar daß gerade das häufig als des Werkes eigentliches Verdienst erkannt werden wird, was beim ersten Blick dem Leser und Kritiker als ein Mangel erschien. Der „Doppelgänger" fand bei weitem geringere Theilnahme als die „Armen Leute", was nach unserer Meinung noch weniger

СТАТЬЯ К. ЛИППЕРТА «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В 1846 и 1847 гг.»

«Magazin für die Literatur des Auslandes», 10 апреля 1847 г.

Страница первая (фрагмент)

Статья содержит оценку творчества Герцена

Своей глубиной гетевское воззрение на природу обязано, по мнению Герцена, тому сочетанию эмпиризма и теоретической мысли, которое необходимо для плодотворного развития как естествознания, так и философии. В естественнонаучных работах Гете Герцен находил «реальное, истинное понимание природы», «спекулятивную эмпирию». Он почувствовал и по достоинству оценил диалектические мотивы в гетевском понимании природы: недаром, критикуя в своих философских работах попытки метафизически разделить внутреннее и внешнее, силу и проявление и т. д., утверждая единство, взаимосвязь, переходы друг в друга этих категорий, он ссылался в подтверждение своих взглядов на строки философских стихотворений Гете.

Еще одна сторона в творчестве Гете привлекла внимание Герцена. Раздумье над проблемами любви и брака обратило его мысль к роману Гете «Избирательное сродство». Роман этот вызывал тогда у молодой русской интеллигенции особый интерес в связи с занимавшим ее умы «гегелизмом», и в частности гегелевской трактовкой брака. Идеалистически-гегельянский взгляд на брак был высказан в посвященной роману Гете работе немецкого критика Г. Т. Рётшера, оживленно обсуждавшейся тогда в близких Герцену кругах. Герцен находил глубоко ошибочной Рётшерову трактовку романа, в котором немецкий критик усмотрел лишь художественное воплощение «нравственной идеи брака». Герцен, напротив, видел в романе глубокое содержание, он считал, что Гете «нисколько не думал написать моральную притчу, а разрешал для себя мучительный вопрос о борьбе формализма брака с избирательным сродством» (XXII, 101).

Отрицая гегельянский взгляд на брак и признавая права любви, Герцен в то же время осуждал как узкую и недостойную человека жизнь, сведенную лишь к миру «сердечных отношений». В этой связи он противопоставлял Эдуарда из «Избирательного сродства» другому персонажу романа — архитектору, у которого любовь вошла «великим элементом» в жизнь, но «не поглотила, не всосала в себя других элементов». В этой же связи Герцен вспоминал о Вертере, «нежная, добрая» душа которого представляется теперь ему ограниченной, ибо вся она поглощена лишь одним чувством — любовью к Шарлотте. Вспоминая, как в свое время он плакал над пе-

чальной судьбой Вертера, Герцен признавался: «Жаль его, а ведь пустой малый был Вертер!» (II, 68).

В 1840-х годах формируются главнейшие принципы философско-материалистических воззрений Герцена. Он стремится преодолеть дуализм духа и тела, природы и человеческого сознания. С этого времени ведет свое начало борьба Герцена против спиритуализма, разрыва телесного и духовного начал, религиозного уничижения плоти — борьба, занявшая важное место во всей его теоретической деятельности. И вновь, как и в предыдущее десятилетие, немецкая литература оказывается (хотя и по-иному, чем прежде) одним из факторов, способствующих развитию герценовского мировоззрения. И Шиллер, и Гете, и Гейне — каждый, разумеется, по-своему — помогают формированию у Герцена идеи «реабилитации» чувственной, природной стороны жизни, идеала гармонически развитого человека — идеала, равно враждебного и бездуховной гипертрофии чувственности, и противоестественной религиозной аскезе.

Вместе с тем зрелость философских идей Герцена способствовала расширению и углублению его суждений о немецкой литературе. Творчество крупнейших деятелей этой литературы рассматривается им теперь в более широком историческом контексте развития немецкой культуры.

* * *

Рассказывая в «Былом и думах» об увлечении русской молодежи 1830—1840-х годов философией Гегеля, Герцен признал, что, несмотря на сказавшиеся в этом увлечении крайности и ошибки, школа «гегелизма» была чрезвычайно важна и плодотворна для развития русской мысли. «Я думаю даже,— писал он,— что человек, не *переживший* „Феноменологии" Гегеля и „Противуречий общественной экономии" Прудона, не перешедший через этот горн и этот закал, не полон, не современен» (IX, 23). Для самого Герцена немецкая классическая философия, в особенности философия Гегеля, действительно была «горном», пройдя через который его мысль сформировалась, закалилась и выявила свою оригинальность.

С немецкой идеалистической философией конца XVIII — начала XIX в. Герцен познакомился впервые во время пребывания в университете. В заметке «Несколько слов о лекции г-на Морошкина...» (исследователи относят эту заметку к концу 1833 — первой половине 1834 г.) он отметил, что «германскую философию мы узнали через Веланского, Павлова и Галича», которые «первые сказали нам о Шеллинге и Окене». Лекции Ф. Л. Морошкина он охарактеризовал как «новое усилие» познакомить русскую публику с философией права и «с новейшим германским воззрением» (I, 319—320). Мы не располагаем сведениями о том, какие именно произведения Д. М. Велланского и А. И. Галича были известны Герцену в 1830-х годах. Что же касается М. Г. Павлова — профессора Московского университета, читавшего курс физики и ряд других, связанных с естествознанием курсов, то с большим основанием считается, что его лекции — один из главных источников знакомства молодого Герцена с философией Шеллинга, в особенности с натурфилософией немецкого мыслителя. О роли философской пропедевтики в лекциях Павлова и о ее шеллингианском духе Герцен писал впоследствии в «Былом и думах».

Идеи философии Шеллинга (раннего периода) отразились в первой философской работе Герцена «О месте человека в природе» (1832) и в его кандидатском сочинении «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» (1833). Влияние Шеллинга сказалось не только в общем идеалистически-пантеистическом понимании мира, выраженном в этих работах, но и в следовании «динамической теории» вещества, и в том, что «соединение противуположностей» рассматривалось как «один из главнейших законов природы» (I, 17). Герцену, с его рано развившимся чувством природы и интересом к естествознанию, импонировало обращение Шеллинга к философскому истолкованию природы. В своей первой философской работе он вслед за Шеллингом упрекает Фихте за то, что тот «за своим *я* не разглядел природы» (I, 24), о Шеллинге же он пишет, имея в виду в особенности «Vom academischen Studium»: «Какие высокие мысли, какое понятие о природе, о науках» (I, 25).

Вместе с тем названные работы Герцена показывают, что уже в то время он отнюдь не был склонен видеть в философии Шеллинга последнее слово философской науки, систему, способную дать ответы на все вопросы современного человека и научного знания. Напротив, он считал, что Шеллинг лишь наметил направление, в котором должна развиваться философская мысль, обратил ее к природе, выдвинул требования к современной философии, назвал ее проблемы; решение же этих проблем принадлежит будущему. «Придут другие, которые выполнят его требования, будем благодарны и ему, он указал их» (I, 25).

Критическое отношение к философии Шеллинга, сознание необходимости дальнейшего развития философской науки ясно выражены в письме к Огареву от 1—2 августа 1833 г. В ответ на восторженный отзыв Огарева о Шеллинге Герцен писал своему другу: «Ты сделался шеллингистом. Это, впрочем, недурно — но отчасти. Ибо надобно *приложение* ⟨...⟩ Шеллинг — поэт высокий, он понял требование века и создал не бездушный эклектизм, но живую философию, развертывающуюся на одном начале, из коего она стройно развертывается. Фихте и Спиноза — вот крайности, соединенные Шеллингом. Но нашему брату надлежит идти далее, модифицировать его учение, отбрасывать ipse dixit * и принимать не более его методы. Причина: Шеллинг дошел до мистического католицизма, Гегель — до деспотизма!» (XXI, 21).

Взгляд на Шеллинга как на мыслителя, который понял или, вернее, угадал «требование века», т. е. необходимость монистического объяснения мира, уничтожения дуалистического разрыва между мышлением и бытием, но не смог дать удовлетворительный ответ на это требование, сохранился у Герцена и в дальнейшем и был высказан в его философских работах 1840-х годов. В этих работах выражено также резко критическое отношение к мистическому направлению мысли позднего Шеллинга.

Письмо к Огареву показывает, что уже в 1833 г. Герцен отрицательно оценивал политические взгляды Гегеля. Трудно сказать, из какого именно источника почерпнул он тогда сведения о Гегеле. Возможно, этим источником была книга Кузена, о которой говорилось выше, но и в России имя великого немецкого философа не раз упоминалось в журналах того времени.

Религиозно-мистические увлечения Герцена в вятской ссылке отодвинули на второй план его интерес к немецкой классической философии. Интерес этот вновь ожил в 1838—1839 гг. во Владимире. Но теперь главным предметом внимания Герцена стала — и надолго — философия Гегеля.

Обращение Герцена к философии Гегеля не было случайным. К концу 1830-х годов все яснее стало обнаруживаться противоречие между «реальной натурой» Герцена, чуждой мистике, и характерными для работ вятского периода попытками поставить откровение выше разума, религиозно-мистическую экзальтацию выше трезвого знания. Не удовлетворяясь уже религиозным воззрением, но и не решаясь еще порвать с ним, Герцен пытается как-то соединить его с рациональным знанием. Философия Гегеля показалась ему вначале путем к такому соединению. В 1838 г. он писал: «Нынешняя немецкая философия (Гегель) очень утешительна, это слитие мысли и откровения, воззрения идеализма и воззрения теологического» (XXI, 394). Он усматривал также в гегелевской системе «пантеизм» (XXII, 12). В то время Герцен еще не знал работ самого Гегеля, главным источником его сведений о немецком мыслителе была «История немецкой философии» Баршу де Пенхоена (1836).

Особенно сильным толчком, направившим мысль Герцена к серьезному изучению Гегеля, было глубокое возмущение идеей «примирения с действительностью», которую проповедовали в конце 1830-х годов Белинский и Бакунин, основывавшие эту идею на гегелевской философии. В декабре 1839 г. произошло резкое столкновение Герцена с Белинским, доводившим тогда идею «примирения с действительностью» до оправдания русского самодержавия. Вступив в спор с Белинским и Бакуниным, Герцен, как он писал впоследствии в «Былом и думах», «увидел необходимость ex ipso fonte bibere ** и серьезно занялся Гегелем» (IX, 23). Основательное изучение работ Гегеля было начато Герценом, по всей вероятности, в 1840 г. и продолжалось в Новгороде и Москве. Герцен широко знакомился, несомненно, и с немецкой литературой о Гегеле и о различных направлениях немецкой философии 1830—1840-х годов.

Герцен не раз называл Гегеля «великим мыслителем». Он искренне восхищался «живым, всеобъемлющим» учением немецкого философа. Более того, глубину, мощь, пластическую выразительность логической мысли Гегеля Герцен ощущал эстетически, он воспринимал эту мысль как логическую поэзию (см. II, 381). Но как бы велико ни было восхищение Герцена «мощным гением» Гегеля, этому восхищению всегда сопутствовала убежденность в том, что гегелевская философия не заключает и не может заключать в себе всю истину, что ее должно рассматривать не как гавань, к которой приплывает мысль, чтобы успокоиться в достигнутом знании, а как берег, от которого современная мысль отталкивается, чтобы плыть к новым пристаням.

В «Былом и думах» Герцен писал, что «русский дух» по-своему переработал гегелевское учение; Герцен был совершенно прав. И в той «переработке», которая обнаружила зрелость, оригинальность и революционную устремленность передовой русской мысли, одно из главных мест принадлежало ему самому.

* сам учитель сказал (*лат.*).
** испить из самого источника (*лат.*).

Философские работы Герцена того времени и его дневниковые записи показывают достаточно ясно те направления его мысли, в которых выявилась «переработка» им гегелевского учения.

Одно из таких направлений связано с пониманием самой философии, ее отношения к другим наукам и ее назначения.

Вопрос о предмете, месте среди наук и назначении философии освещен в цикле блестящих статей Герцена под общим названием «Дилетантизм в науке». В статьях этих явственно ощущается влияние ряда идей Гегеля, в особенности идей «Феноменологии духа» (идеи объективной истинности философского знания, его закономерного поступательного движения, целенаправленности развития знания и т. д.). Порой Герцен прямо ссылался на мысли, высказанные Гегелем в «Феноменологии духа».

Однако гегелевское понимание философии далеко не полностью удовлетворяет Герцена. Несомненная заслуга Гегеля — в том, что он показал движение мысли в истории от «естественного сознания» к «истинному знанию». Но при этом сама история предстала у него лишь как процесс самопознания духа; знание духом самого себя, своей сущности — свободы — оказалось целью и вместе с тем завершением всемирной истории. Высоко ценя мысль Гегеля о духе как деятельном по природе своей, Герцен вместе с тем находил, что немецкий мыслитель «более намекнул» на эту мысль, нежели развил ее. И хотя Гегеля нельзя ставить на одну доску с «настоящими формалистами» — правыми гегельянцами, однако и он «впадал много раз в *немецкую* болезнь, состоящую в признании ведения последней целью всемирной истории» (III, 82). Такой взгляд и вызывает решительный протест Герцена. Представлению о знании как цели истории он противопоставляет «одействотворение» знания, претворение его результатов в жизнь, требующее преобразования жизни (III, 69—70).

Развитие идеи «одействотворения» философского знания переплеталось у Герцена с другим направлением «переработки» философии Гегеля — с критикой гегелевского взгляда на отношение мышления и бытия.

Герцен находил, что из всех философов прошлого и современности Гегель ближе всего подошел к пониманию действительного отношения мышления к бытию. Заслугу Гегеля он видел в доказательстве того, что бытие и мышление следуют в своем развитии единым законам. Гегель «раскрыл, что природа, что жизнь развивается по законам логики; он фаза в фазу проследил этот параллелизм — и это уж не Шеллинговы общие замечания, рапсодические, несвязанные, а целая система, стройная, глубокомысленная, резанная на меди, где в каждом ударе отпечаталась гигантская сила» (III, 120). И все же Герцен убежден, что Гегель лишь близко подошел к правильному решению вопроса об отношении мышления к бытию, но не решил его полностью. Причина этого — в идеализме великого немецкого мыслителя, в том, что он «хотел природу и историю как *прикладную логику*, а не логику как отвлеченную разумность природы и истории» (III, 120). Герцен отверг исходный идеалистический пункт гегелевской системы — признание идеи абсолютным prius'ом *. Для Гегеля природа есть «инобытие идеи», ее свободное порождение, «отчужденный от себя дух». Такое воззрение решительно отвергается Герценом (XXII, 219). Гегелевский акт «порождения» природы идеей кажется Герцену до смешного нелепым; вслед за Фейербахом он критикует искусственность перехода у Гегеля от идеи к природе, утверждая, что «невыносимый дуализм» мышления и бытия побежден Гегелем лишь теоретически, но «остался на деле» (XXII, 220).

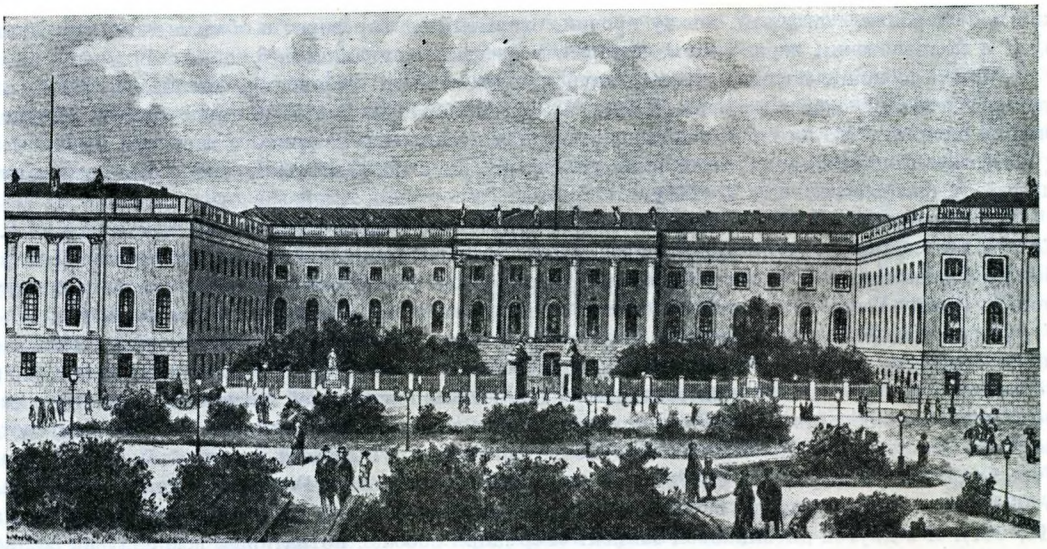
Герцен прочно усвоил диалектический подход к законам развития бытия и мышления. Утверждая, что история развивается путем отрицания старого, борьбы нового с отживающим, Герцен превращал гегелевскую «диалектику отрицательности» в обоснование своих революционных устремлений. Позднее, в «Былом и думах», он назвал философию Гегеля «алгеброй революции» (IX, 23).

Но Герцен ясно видел и то, что у самого Гегеля революционные возможности, заключенные в диалектическом методе, раскрыты и использованы далеко не полностью. Он понимал, что мысль Гегеля была ограничена политическим консерватизмом.

К выступлениям левых гегельянцев в Германии Герцен отнесся сочувственно (II, 223). В выступлениях левогегельянцев в 1840-х годах он склонен был видеть тенденции, ведущие к преодолению того разрыва мысли и действия, который считал одной из характерных черт германского мышления.

---

* нач алом (*лат.*).



БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гравюра из альбома «Berlin», Берлин, ⟨1855⟩

Музей истории Германии, Берлин

Сегодня был в Берлинском университете ⟨...⟩, и невольно что-то задвигалось в душе, когда я смотрел на сени, по которым ходили и Фихте, и Гегель» (Герцен — друзьям, 8/20 февраля 1847 г.).

Нельзя не сказать еще об одном направлении мысли Герцена, в котором выявилось своеобразное толкование и использование им гегелевской философии. Герцен пытался тогда при помощи этой философии теоретически обосновать закономерность социалистического переустройства общества. Вспоминая впоследствии об этом времени, он писал: «В Москве социализм развивался вместе с гегелевской философией. Союз новой философии с социализмом представить себе не трудно, но лишь в последнее время немцы признали тесную связь науки и революции ⟨. . .⟩ Нам же, напротив, дуализм противен. Социализм нам представляется самым естественным философским силлогизмом, приложением логики к государству» (VII, 252).

Согласно гегелевской философии, прогрессивный ход истории был необходимым следствием и проявлением внутренней диалектики разума, в силу самой своей природы стремящегося к полному развитию, к осуществлению заключенных в нем возможностей. Все «разумное», по Гегелю, должно было необходимо стать «действительным». Перекинуть отсюда логический мост к социализму было нетрудно: доказательством необходимости социализма оказывалась его разумность.

Конечно, такое «обоснование» социализма — свидетельство исторического идеализма Герцена. Нужно, однако, иметь в виду, что в попытке Герцена соединить «новую философию» с социализмом весьма явственно ощущается стремление использовать сильные стороны немецкой классической философии, в первую очередь диалектику, и французского утопического социализма (критические элементы социалистических и коммунистических теорий). Это дает нам право видеть в такой попытке наряду со всеми ее слабостями и плодотворную тенденцию, развитие которой было, однако, сковано историческим идеализмом.

В 1842 г. Огарев привез Герцену в Новгород книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства». О своем впечатлении от этой книги Герцен писал в «Былом и думах»: «Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы!» (IX, 27).

«Маскарадное платье», о котором говорит здесь Герцен,— это религиозное понимание мира. Критика, которой Фейербах подверг религию, помогла Герцену порвать с религиозным воззрением и способствовала его утверждению на позициях философского материализма. «Фейербаховская струя» явно ощутима и в герценовской борьбе за «реабилитацию» физического начала в человеке, и в этических воззрениях Герцена. Понимание Фейербахом человека Герцен воспринимал как родственное идеалам воспитания нового человека, провозглашенным утопическим социализмом. П. В. Анненков впоследствии отмечал, что Герцен явился «горячим истолкователем

книги Фейербаха, «связывая, между прочим, открытый ею переворот в области метафизических идей с политическим переворотом, который возвещали социалисты»[10].

Герцен до конца жизни сохранял глубокое уважение к Фейербаху, считал его «одним из умнейших людей» своего времени (XVIII, 93, ср. XXX, 883). В 1855 г. в письме к Ж. Мишле, высоко оценивая его книгу «Renaissance», Герцен писал: «После дивного творения Фейербаха („Wesen des Christen⟨tums⟩“) я не знаю ничего, что бы с такой силой способно было отрезвить людей от богословия» (XXV, 241).

Признавая большую роль Фейербаха в развитии передовой русской мысли середины XIX в., Герцен в то же время понимал, что представителям этой мысли «не нужно было, чтоб Фейербах разболтал тайну Гегелева учения, чтоб понять ее» (V, 221). Хотя Фейербах и помог Герцену понять «тайну Гегелева учения», он понял ее шире и глубже, чем немецкий материалист.

Углубленное изучение истории Германии, немецкой философии и литературы столкнуло мысль Герцена с одним из своеобразных исторических «парадоксов», а именно с тем фактом, что в условиях общей отсталости и застойности общественно-политической жизни того или иного народа некоторые области его культуры могут достичь высокого уровня развития. Такое несоответствие между состоянием социальной «почвы» развития культуры и уровнем самой культуры Герцен находил в Германии XVIII — начала XIX в. «Судьбы Германии жалки и пошлы в XVIII веке»,— записал он в дневнике после чтения «Истории XVIII столетия» Шлоссера (II, 301). И в другой дневниковой записи: «Германия вообще, потратившись всю силу на бой за религию, на Тридцатилетнюю войну, ниже всей Европы в развитии гуманном». И перед Герценом вставал вопрос: «Как согласить такую почву с литературой, вскоре имевшей Лессинга, Гете и Шиллера?» (II, 300).

Ответ на подобного рода вопрос мог быть найден только при материалистическом подходе к истории, дающем возможность раскрыть сложные глубинные связи между социальной почвой и вырастающей на ней культурой. Нас не должно удивлять поэтому, что в 1840-х годах Герцен не нашел решения вопроса, «где и как прозябали зародыши, распустившиеся вдруг, откуда столько сил у Германии, изнуренной войнами?» (II, 303).

Герцен признавал, что Германия в XVIII—XIX вв. выдвинула «свою мысль, свое искусство — обширное и великое» (II, 208). Но эта немецкая культура представлялась ему выращенной «в кабинете». Отличительной чертой немецкого ума Герцен считал удаленность «от практических сфер», и потому он особенно выделял и ценил те явления немецкой культуры, которые выходили за рамки «кабинетного» мышления, в которых чувствовалась практическая, общественная устремленность. Так, он чрезвычайно высоко оценил творчество Форстера. Он писал в дневнике о Форстере: «Удивительная натура: всесторонняя гуманность, пламенное желание практической деятельности, энергия его резко отличают от германцев того времени» (II, 330). Форстера Герцен считал прямым продолжателем Лессинга, в котором видел одного из замечательнейших деятелей европейской культуры.

«Громадные пробуждения», которые имела Германия в прошлом (Лейбниц, Лессинг, Гете) (II, 372), развитие философской мысли в XIX в. и тенденции «выхода» немецкой философии в жизнь, проявления революционного протеста в среде немецких рабочих, распространение социалистических и коммунистических идей, в частности высоко оцененных Герценом идей В. Вейтлинга,— все это возбуждало у Герцена в 1840-х годах надежду на то, что «спящая», «кабинетная» Германия вступает в новый период своего развития — период политических и социальных преобразований.

* * *

Германия была первой западноевропейской страной, которую увидел Герцен, переехав русскую границу. Он вспоминал впоследствии, что в нетерпении оказаться наконец в Париже — в городе, о котором мечтал с детства,— он на пути смотрел на все «полурассеянно, мимоходом» (X, 16). Действительно, его впечатления от Германии, отразившиеся в письмах к друзьям и в начале «Писем из Франции и Италии», беглы и отрывочны. Он воспринял Берлин как «одно из больших соустий всемирного кровообращения» (XXIII, 8), посетил берлинские музеи и театры, побывал в Берлинском университете, где при виде вестибюля, по которому ходили Фихте и Гегель, у него «невольно что-то задвигалось в душе» (XXIII, 9); он восторженно отозвался о Кельне и его памятниках, отметил промышленную оживленность Эльберфельда, но, в общем, кратковременная встреча с Германией (где он прожил немногим более месяца) не оставила значительных следов ни в его памяти, ни в его произведениях. Единственным берлинским знаком-

ством, продолжавшимся затем еще несколько лет, было знакомство (по рекомендации Н. П. Огарева) с немецким филологом и искусствоведом Г. Мюллером-Стрюбингом.

В первые месяцы за границей (во Франции и в Италии) круг новых знакомств Герцена был невелик. В конце марта 1847 г. он познакомился с Г. Гервегом, которому передал рекомендательное письмо Огарева, и вскоре встречи их стали довольно частыми. Осенью того же года Гервег познакомил его с немецким публицистом Р. Е. Зольгером, полемика с которым стала в 1850—1851 гг. одним из интереснейших эпизодов публицистической деятельности Герцена.

Февральская революция 1848 г. и провозглашение республики во Франции были восприняты Герценом как события общеевропейского значения, как мощный толчок всему европейскому революционному движению, которое он считал тогда движением к социализму. Революционные события в Германии в 1848 г. он рассматривал поэтому в связи с развитием революции во Франции, как отклик на нее, как ее порождение. Точно так же неудачу революционного движения в Германии он связывал с поражением революции во Франции и объяснял в конечном счете тем, что Западная Европа оказалась «неспособной» к социалистическим преобразованиям. «Революция,— писал он в письме двенадцатом цикла «Письма из Франции и Италии»,— была побеждена не в Вене, не в Берлине, а в Париже!..» (V, 199). Революция 1848—1849 гг. в Германии с меньшей силой и трагичностью, чем революция во Франции, но столь же убедительно, как и эта последняя, показала, по мнению Герцена, что «политическая революция и различные формы представительного правления не могут решить коренной вопрос современности — вопрос социального преобразования. Берлин, Вена,— писал Герцен,— обрадовались было своим хартиям и представительным собраниям, но быстро изжили эту радость и теперь не удовлетворятся никакой хартией, ни данной, ни взятой, они сделались для немцев то, что для человека игрушка, о которой он мечтал ребенком» (VI, 74). Поражение революции в Германии стало, таким образом, одним из источников пессимизма и скептицизма Герцена.

1848 год во многом изменил внешний строй жизни Герцена в Париже. В это время его дом широко посещают революционные эмигранты из разных стран, особенно из Германии. В конце 1848 г. Герцен знакомится с М. Гессом, в начале 1849 г. возобновляет знакомство с приехавшим в Париж Г. Мюллером-Стрюбингом, знакомится с Ф. Каппом, А. Руге и К. Блиндом, а летом того же года — с Ю. Фребелем и Л. Бамбергером.

В среде германской демократии имя Герцена в начале 1850-х годов пользовалось уже довольно широкой известностью. Сообщения о сочинениях Герцена начали появляться в Германии в 1840-х годах. Они носили еще целиком информативный характер, повторяли оценки, данные в русских источниках и, по существу, не выделяли Герцена из общей картины современной русской литературы [11].

Весной 1850 г. в Гамбурге в издательстве «Hoffmann und Campe» вышла книга Герцена «Vom anderen Ufer». Перевод был выполнен Герценом и Каппом, которому Герцен диктовал по-немецки с русского оригинала. В литературном редактировании перевода участвовал Гервег. В эту книгу были включены статьи «К Георгу Гервегу» (почти одновременно опубликована по-французски под названием «La Russie») и «К Джузеппе Маццини». В том же году тем же издательством была выпущена книга «Briefe aus Italien und Frankreich» (1848—1849). Текст перевода Герцен также продиктовал Каппу с русского оригинала, но корректур Герцен не держал, считая, что «Письма» переведены Каппом «довольно плохо» (XXIV, 37) *.

С появлением немецкого издания «С того берега» Герцен приобрел в Германии известность не только как талантливый русский беллетрист, но и как оригинальный публицист и мыслитель. Взгляды автора на революционные события 1848 г. и перспективы дальнейшего развития Европы стали предметом широкого обсуждения в немецкой печати. В 1855 г. во введении к русскому изданию «С того берега» Герцен писал: «В начале 1850 г. книга моя сделала много шума в Германии; ее хвалили и бранили с ожесточением, и рядом с отзывами, больше нежели лестными, таких людей, как Юлиус Фребель, Якоби, Фальмерайер,— люди талантливые и добросовестные с негодованием нападали на нее» (VI, 9).

Особенно большая роль в распространении и обсуждении герценовских идей принадлежала издававшемуся в Штутгарте демократическому журналу под редакцией Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben».

---

* В немецком переводе немало важных разночтений и дополнений, явно сделанных Герценом и представляющих огромный интерес.

В 1850 г. журнал поместил обширную рецензию известного немецкого ориенталиста Я. Ф. Фальмерайера. В книге Герцена Фальмерайер увидел прежде всего то, что было близко его собственному настроению — скептицизм, неверие в возможности западноевропейской демократии. Именно скептические и пессимистические мотивы «С того берега» были подчеркнуты и выдвинуты на первый план в рецензии Фальмерайера.

В цитированных выше строках Герцен упомянул лестные отзывы о его работе также немецкого ученого и путешественника Ю. Фребеля. Очевидно, он имел в виду выступление Фребеля, эмигрировавшего в 1849 г. в Америку и жившего в Нью-Йорке, с лекциями, в которых он говорил и о книге Герцена. Об этих лекциях Герцену сообщил находившийся тогда в Нью-Йорке Капп. 30 мая 1850 г. Герцен, сообщая Гервегу о том, что получил длинное и очень интересное письмо от Каппа, писал: «Фребель прочел несколько страниц из «V⟨om⟩ and ⟨eren⟩ Ufer» в своих лекциях о революционном движении в Европе; он изложил мои взгляды на Россию, и все это вызвало несколько газетных статей...» (XXIV, 70). В лекциях Фребель не назвал имени Герцена, но оно было упомянуто в подзаголовке при публикации осенью 1850 г. в органе немецкой демократической эмиграции в Америке «New-York Abend-Zeitung» статьи «Эпилог 1849», опубликованной несколько позднее (в конце 1850 г.) также в журнале Колачека.

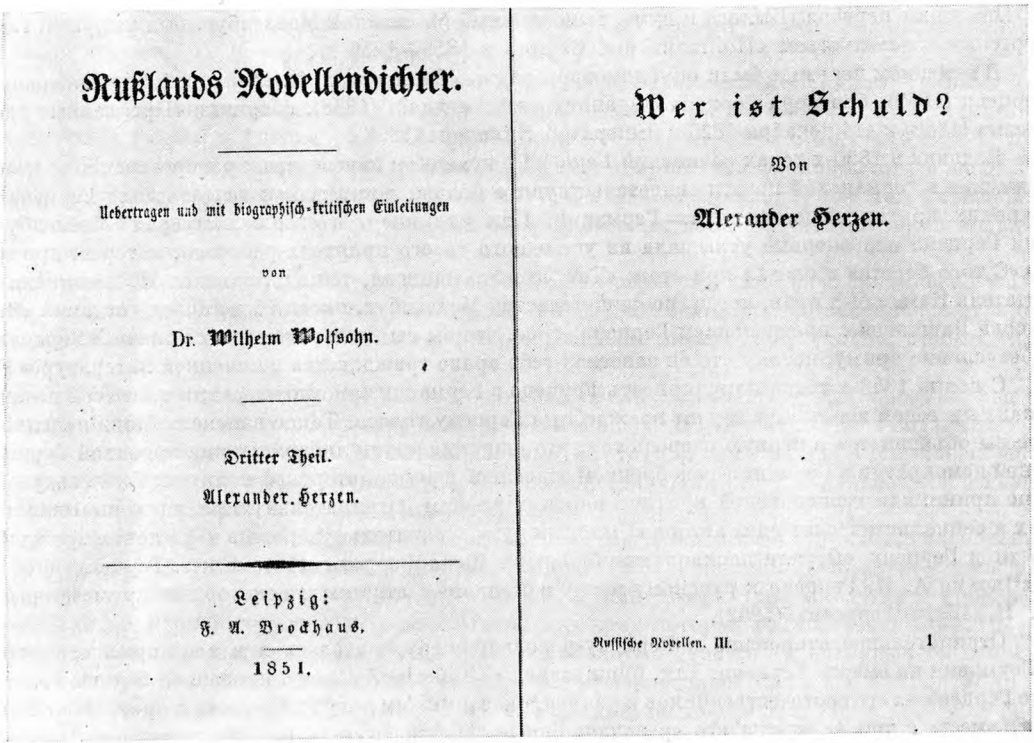
Взгляды и настроения, выраженные в «Vom anderen Ufer», встретили в немецкой печати и возражения. Своим «самым остроумным противником» Герцен назвал демократического общественного деятеля и публициста Зольгера, с которым, как упоминалось выше, он познакомился в 1847 г. в Париже. Зольгер был автором цикла передовых статей в «Deutsche Monatsschrift...», полемически направленных против идей Герцена в книге «С того берега». Передовая статья в № 12 журнала, называвшаяся «Крушение», привлекла к себе внимание Герцена. Полемические удары Зольгера были направлены против скептицизма Герцена и в первую очередь против неверия в революционно-социалистические возможности народных масс. В герценовских оценках народного движения как стихийного, ограниченного стремлением оградить от покушений паразитирующего меньшинства заработанный массами кусок хлеба Зольгер усмотрел «аристократический эгоизм». Герценовскому убеждению в том, что в настоящее время вера в социализм неизбежно отдаляет передового, образованного человека от масс, Зольгер противопоставлял призыв идти к народу.

Статья Зольгера, очевидно, задела Герцена за живое. Это неудивительно — ведь речь шла о таких важнейших проблемах, как выбор линии поведения в исторической ситуации, сложившейся после поражения революции 1848 г., и оценка современных революционных возможностей масс. Свое отношение к статье Зольгера Герцен высказал в письме к Колачеку от 12 февраля 1851 г.: назвав ее «пылкой и талантливой», он решительно отверг упрек в том, что проповедует «аристократический эгоизм». Разъясняя свою позицию, Герцен писал, что она выражала неверие в прежние революционные пути, т. е. в пути политических изменений, но не была изменой революционному делу. Герцен сообщал Колачеку, что намерен позже ответить Зольгеру в журнале (см. XXIV, 163). Через месяц в письме к тому же Колачеку Герцен вновь подчеркнул несправедливость упреков, адресованных ему Зольгером, и добавил, что хотел бы «многое написать на эту тему», чтобы опровергнуть обвинения Зольгера (см. XXIV, 167).

Своего намерения Герцен не осуществил, но он кратко ответил Зольгеру в тринадцатом письме цикла «Писем из Франции и Италии». Оправдывая и объясняя мнения, высказанные в книге «С того берега», Герцен писал: «Мы и теперь можем быть сильны только в борьбе с книжниками и фарисеями консервативного и революционного мира. Оставить речь с ними и обратиться к народу — великое дело, но мы не сумеем» (V, 208).

В полемике с Зольгером, конечно, сказались глубокий скептицизм и пессимизм Герцена после поражения революции 1848 г. Но Герцен был прав, отвергая адресованные ему Зольгером упреки в проповеди «всеотрицающего индивидуализма». Немало верного было и в герценовских взглядах на массовое революционное движение в Европе в конце 1840-х годов. Недаром при встрече с Герценом в 1852 г. Зольгер признал его правоту в оценке послереволюционной Европы.

Отрицательное отношение к ряду идей «С того берега» не помешало Зольгеру высоко оценить вышедший в немецком переводе роман Герцена «Кто виноват?». В рецензии, напечатанной в «Deutsche Monatsschrift...», он подверг детальному анализу герценовский роман. Находя в романе ряд художественных недостатков, Зольгер вместе с тем подчеркивал прогрессивность его идейного содержания и противопоставлял его литературе, выражающей традиции отмирающего мировоззрения.



Rußlands Novellendichter.

Uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen

von

Dr. Wilhelm Wolfsohn.

Dritter Theil.

Alexander Herzen.

Leipzig:
F. A. Brockhaus.
1851.

Wer ist Schuld?

Von

Alexander Herzen.

Russische Novellen. III. 1

ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕРЦЕНУ ВЫПУСК НЕМЕЦКОЙ СЕРИИ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ ПРОЗАИКИ»
Лейпциг, 1851
В сборнике напечатан роман «Кто виноват?» и очерк о Герцене (переводчик и автор очерка — В. Вольфзон
Титульный лист сборника и шмуцтитул

Рецензируемый Зольгером немецкий перевод «Кто виноват?» (1851) вышел в лейпцигском издании Ф. Брокгауза. Он был выполнен В. Вольфзоном, который в 1845 г. встречался с Герценом в Москве и был хорошо осведомлен о его литературной деятельности. В обширном предисловии к роману Вольфзон дал высокую оценку Герцену как писателю и человеку и философским работам Герцена.

На немецкое издание романа «Кто виноват?» отозвалась и газета «Europa», в которой была помещена анонимная рецензия, озаглавленная «Русский романист». Рецензент находил, что роман интересен главным образом как плод вдумчивого наблюдения и остроумного освещения реальной жизни, но что ему недостает художественного вымысла и художественной цельности [12].

Вольфзон намеревался перевести и другие произведения Герцена, в том числе «Долг прежде всего», но это его намерение осталось неосуществленным.

В январе — мае 1851 г. в журнале А. Колачека был опубликован немецкий перевод «О развитии революционных идей в России». Отдельное немецкое издание этой книги Герцена вышло в издательстве «Hoffmann und Campe» в 1854 г. с некоторыми изменениями в тексте и с измененным по цензурным соображениям названием «Russlands soziale Zustände von Alexander Herzen, Verfasser des «Vom andern Ufer» und der «Briefe aus Italien und Frankreich».

Почти сразу же после выхода книги в свет она была изъята в Пруссии у всех книгопродавцев. Сообщая о конфискации книги, «Kölnische Zeitung» обрушилась на Герцена с нападками, утверждая, будто книга служит завоевательным планам русского царизма (см. XXV, 187). Герцен послал в редакцию газеты открытое письмо с резкими возражениями против выдвинутых по его адресу обвинений.

Сведения о деятельности Вольной русской типографии в Лондоне проникают в Германию начиная с 1853 г.

Немецкий перевод «Былого и дум», выполненный Мальвидой Мейзенбуг, был выпущен гамбургским издательством «Hoffmann und Campe» в 1855—1856 гг.

В немецком переводе были опубликованы также «Записки» Е. Р. Дашковой с предисловием Герцена (1857), брошюра Герцена «Франция или Англия?» (1858), сборники «Прерванные рассказы» (1858) и «14 декабря 1825 и император Николай» (1858).

Издание в 1850-х годах сочинений Герцена в немецком переводе, их распространение и обсуждение в германской печати свидетельствуют о большом интересе к деятельности Герцена в широких кругах общественности Германии. Как упоминает в своих мемуарах Мейзенбуг, имя Герцена она впервые услышала из уст одного своего приятеля-рабочего, который принес ей «С того берега» и сказал при этом: «Тот, кто это написал, тоже из наших». И, несомненно, издатель Кампе был прав, когда, по свидетельству Мейзенбуг, писал ей по поводу издания «Записок» Дашковой с предисловием Герцена: «Все, что бы вы ни перевели из сочинений Герцена, я безусловно приму, потому что он завоевал себе право гражданства в немецкой литературе» [13].

С конца 1850-х годов популярность Герцена в Германии заметно падает; в немецкой печати с каждым годом все громче звучат враждебные Герцену голоса. Такое изменение тона немецкой прессы объясняется в первую очередь тем, что широкие круги либерально настроенной буржуазной демократии в Германии с одобрением отнеслись к реформаторской политике Александра II и не принимали герценовской критики царских реформ. Отрицательную реакцию вызывали у них и социалистические идеи автора «Былого и дум». Значительную роль в нарастании враждебности к Герцену сыграли пасквильные брошюры Шедо-Ферроти «Письмо к г. Герцену» (1861) и «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» (1862).

Отрицательное отношение к Герцену-революционеру сказалось и в некоторых откликах в Германии на смерть Герцена. Так, буржуазная «Kölnische Zeitung», признавая большое влияние Герцена на его соотечественников и услуги, оказанные им делу гуманности и прогресса в России, вместе с тем осуждала его «революционные заблуждения» и его «безграничный радикализм» (*Л* XXI, 574).

Другие органы печати дали более верную оценку Герцена, например орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза «Sozial-Demokrat». Автор некролога видел в Герцене «одного из самых ревностных и самоотверженных передовых борцов за демократию» [14].

* * *

В послесловии ко второму изданию «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» (1875) Маркс писал: «Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат» [15].

Эту своеобразную консервативность мышления, свойственную эмигрантам, оказавшимся в Лондоне после поражения революции 1848 г., Герцен ощущал особенно остро, потому что самому ему всегда было присуще стремление уловить и осмыслить *движение* общественной жизни, претворить совершающиеся события «в ткань мысли». О лондонских эмиграциях (в том числе и о немецкой) он говорил, что они, как версальские часы, не заведенные после смерти Людовика XV, «показывают одно событие, одну кончину какого-нибудь события» (XI, 33). Не раз он с грустью констатировал и то, что в трудных условиях эмигрантской жизни в отношения между людьми чрезвычайно легко вторгаются горечь, нетерпимость, озлобление. Но, справедливо отмечая свойственное эмиграциям особенно резкое расхождение между отдельными группами и «оттенками партий», Герцен далеко не всегда был прав в своих суждениях о характере взглядов и деятельности той или иной «группы», тех или иных личностей. Об этом свидетельствуют и глава «Былого и дум» «Немцы в эмиграции», и многие характеристики, данные Герценом отдельным представителям немецкой эмиграции.

Та часть немецкой эмиграции, с которой непосредственно сталкивался Герцен, представляла в основном мелкобуржуазную демократию. Верно подметив некоторые отрицательные черты, свойственные немцам из среды мелкобуржуазной демократии,— национализм, фразерство, сектантство и др.,— Герцен склонен был порой придавать этим чертам преувеличенное значение

при оценке отдельных немецких эмигрантов. Так, в явно шаржированном виде представлен в «Былом и думах» Г. Мюллер-Стрюбинг.

К «лучшим из немецких изгнанников», к людям «энергическим», «чистым», «умным» Герцен относил К. Шурца и А. Виллиха. Оба они принимали участие в Баденском восстании, а в дальнейшем уехали в Америку (см. XI, 150). Показательно, что Маркс, в начале 1850-х годов резко осуждавший Виллиха как лидера сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов, впоследствии судил его мягче и отмечал, что своим участием в североамериканской Гражданской войне на стороне северян Виллих доказал, «что он нечто большее, чем просто фантазер» [16].

Имена большей части немецких эмигрантов, с которыми так или иначе соприкасался Герцен, были ему до выезда за границу неизвестны. К числу тех немногих лиц немецкой эмиграции, о которых у него сложилось более или менее определенное мнение еще в России, принадлежал А. Руге.

В 1840-х годах Герцен весьма высоко оценивал «Deutsche Jahrbücher», издаваемые под редакцией Руге; вспоминая об этом времени в «Былом и думах», он писал, что в изданиях Руге он и его друзья «черпали философский радикализм» (XI, 151). В июне 1849 г. в Париже он часто встречался с Руге; оба они принимали участие в демонстрации 13 июня. В дальнейшем у Герцена сложилось отрицательное отношение к Руге.

Посетив в 1852 г. Руге в Брайтоне, Герцен нашел его «брюзгливым стариком, озлобленным и злоречивым» (XI, 151). Плохими, по мнению Герцена, были и лекции о философском движении в Германии, прочитанные Руге в Лондоне в 1853 г. Крайне неприятное впечатление произвела на Герцена рукопись трагедии «Die neue Welt», в сюжете которой Руге пытался отразить семейную драму Герцена; он увидел в этой трагедии апологию Гервега и с возмущением написал об этом автору. В ответном письме Руге отверг герценовский упрек (см. XXV, 417; ср. *Л* VIII, 20—21). Спор по поводу трагедии не отразился, очевидно, на их отношениях: в 1854 г. Герцен послал Руге немецкое издание «О развитии революционных идей в России». Руге отнесся к книге резко отрицательно: в письме к Герцену он обвинял его в национализме и рьяно защищал «германский мир», в который почему-то включал даже Англию и Америку (см. *Л* VI, 677—678).

В «Былом и думах» Герцен отозвался о Руге иронически, с явным удовольствием повторив отзыв о нем Гейне как о «привратнике гегелевской философии» (IX, 19); в другом месте мемуаров он назвал Руге и К. Вердера «великими бездарностями гегелизма» (X, 326).

Связи Герцена с немецкими эмигрантами были довольно обширными, но не особенно близкими. Исключение составляют его отношения с тремя личностями — Г. Гервегом, К. Фогтом и Мальвидой Мейзенбуг.

«Кроме одинакового или очень близкого пониманья общих дел, в нас мало было сходного»,— писал Герцен о себе и Гервеге (X, 250). Действительно, они были очень разными людьми — разными по воспитанию, по характеру, по складу ума, по жизненным привычкам. И Герцен был совершенно прав, когда объяснял свое сближение с Гервегом в первую очередь тем, что время, в которое они сблизились, «не было обыкновенное» (X, 236).

В тяжелейшие дни, переживавшиеся Герценом после поражения революции 1848 г., в дни горьких разочарований, мучительных сомнений, бессильного гнева и негодования, когда человек постоянно «в лихорадке», «с воспаленным мозгом», в самом деле «страшную силу» приобретали «каждое слово симпатии, каждая слеза того же горя, каждая брань той же ненависти» (X, 237—238). Обманутые надежды на революцию, ненависть к перешедшей в наступление реакции, стремление найти в дружеском кругу сочувствие и понимание сблизили на время таких разных людей, как Герцен и Гервег. Герцен увидел в Гервеге единомышленника, он отнесся к нему как к человеку, *«понимающему»* его «заветные мысли» (X, 239), и это ощущение сочувственного понимания со стороны Гервега заслонило на какое-то время от Герцена самого человека. Гервег как поэт никогда, в сущности, Герцена не интересовал.

Необходимейшим условием сближения с людьми для Герцена всегда было единомыслие. Разумеется, полное единомыслие оказывалось практически недостижимым, но наличие одинаковых или сходных взглядов в каких-то областях создавало возможность для сближения. Так, защита материалистического взгляда на природу стала тем основным «грунтом», на котором сложилось дружеское отношение Герцена к Фогту. «Мы встретились,— писал Герцен,— на *трезвом совершеннолетии в науке*» (X, 171). Работы Фогта он ценил именно за их материалистические идеи: «Последнее слово Фогтовой физиологии,— утверждал он,— отрицание души» (XII, 277). Однако Герцену была чужда фетишизация мировоззренческой роли естествознания. Выдвинутый

им еще в 1840-х годах тезис о союзе философии и естествознания сохранял для него свое значение и в последующие десятилетия. В этом вопросе Герцен расходился с Фогтом, который чувствовал к философии «непреодолимое отвращение» (X, 170). Не случайно Герцен писал сыну, жившему одно время в семье Фогта: «Насчет занятия, разумеется, надобно слушать Фогта, но о философии он говорит все же вздор» (XXVI, 215).

Ценя в Фогте материалистически мыслящего ученого, Герцен вместе с тем видел, что «научная свобода» сочетается у Фогта с рядом типично буржуазных предрассудков и традиций в быту и в образе мыслей: «Фогты,— писал он А. А. и Н. А. Герценам,— отличные и умные, замечательные и дельные буржуа,— но *буржуа*» (XXX, 124).

Своеобразное место в жизни Герцена заняли его отношения с Мальвидой Мейзенбуг. Герцен не без колебаний согласился поручить ей воспитание детей. С большой долей уверенности можно считать, что он никогда не решился бы ввести в свой дом сравнительно мало знакомую ему, и притом нерусскую, женщину, если бы не почувствовал в ней жизненные установки, в какой-то мере ему близкие и родственные. Демократизм Мейзенбуг, ее отрицательное отношение к религии, ее интерес к России вселяли в Герцена надежду на возможность дружеской близости между ними. В июне 1853 г. он писал Мейзенбуг: «Дружба ваша *деятельна*, только такую дружбу я и понимаю, только на такую я способен ‹. . .› Пассивную дружбу можно найти повсюду, дружбу умозрительную ‹. . .›, дружбу единоверцев также, но все это неопределенно, абстрактно. Горячо благодарю вас поэтому за то, что вы напомнили мне о существовании иной симпатии, более человечной и более личной среди той vacuum horrendum *, которой мы окружены в мире» (XXV, 75).

Одним из наиболее важных для Герцена проявлений «деятельной дружбы» Мейзенбуг стала ее работа над переводами его сочинений. Работа эта во многом способствовала ознакомлению немецкой интеллигенции с идеями и деятельностью Герцена.

Жизнь в доме Герцена, широкое духовное общение с ним позволили Мейзенбуг близко соприкоснуться с его задушевными мыслями, стремлением и идеалами; она испытала на себе влияние его идей. Общению с Герценом она обязана, в частности, интересом к русской литературе; Герцен же постоянно помогал ей в работе над переводами русских писателей.

При всем глубоком уважении Мейзенбуг к Герцену, сказавшемся в чрезвычайно высоких оценках его личности и его деятельности, многое в Герцене осталось ею непонятым. В ее отношениях с Герценом давали себя чувствовать глубокие различия между ее экзальтированным «идеализмом» и трезвым, реалистическим мировосприятием русского революционера.

* * *

Немецкая культура — в первую очередь литература и философия — занимала значительное место в идейном развитии Герцена и в годы эмиграции. Но теперь в его размышлениях о ней обнаруживаются новые аспекты.

«Былое и думы» подвели своеобразный итог свойственным Герцену с юных лет попыткам «разобраться» в своем духовном развитии, уяснить его направление и этапы, определить характер и степень влияния на него тех или иных идей, лиц, событий. Значение, которое имела в умственном и эмоциональном развитии Герцена немецкая культура, было раскрыто здесь с наибольшей полнотой.

Собственное идейное развитие было для Герцена частью духовной истории его поколения, частью истории русской общественной мысли XIX в. Эта история стала предметом его пристального внимания в эмиграции. В произведениях Герцена («Du développement des idées révolutionnaires en Russie», «Былое и думы») впервые была показана роль немецкой философии и литературы в развитии русской мысли 1830—1840-х годов.

Одним из вопросов, занимавших мысль Герцена во время его жизни в Западной Европе, был вопрос о национальном характере отдельных народов, об отражении этого характера в творчестве выдающихся деятелей культуры, о связях между этими деятелями и их народом. С такой точки зрения подходит теперь Герцен и к оценке виднейших представителей немецкой литературы и философии.

Интересна в этом отношении характеристика Гете, данная устами одного из собеседников в диалоге «Consolatio» («С того берега»). Гете, говорит он, «представляет усиленную, сосредоточенную, очищенную, *сублимированную* сущность Германии, он из нее вышел, он не был

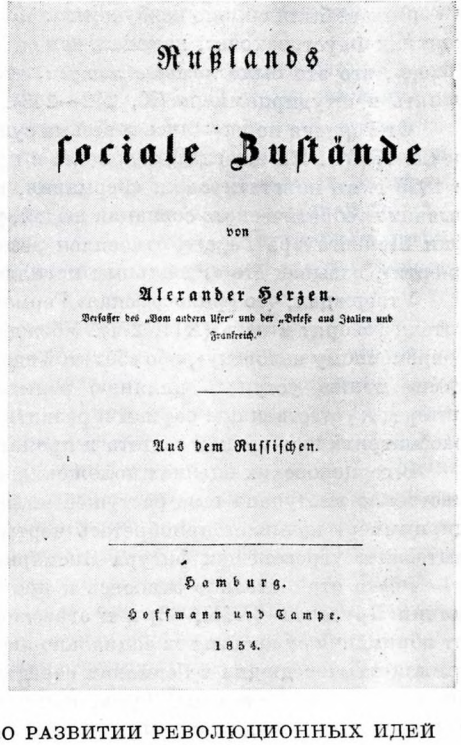
* ужасающей пустоты (*лат.*).

бы без всей истории своего народа, но он так удалился от своих соотечественников в ту сферу, в которую поднялся, что они не ясно понимали его и что он, наконец, плохо их понимал» (VI, 103). Что именно означали слова о «сублимированной сущности» народа, выражаемой художником, поясняют высказывания в «Былом и думах» о народности художника. По убеждению Герцена, художник в своем творчестве «выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихии народного характера и выражает их глубже и яснее, чем сама история народа». Примером и здесь служит для Герцена Гете — «немец и в греческой „Ифигении" и в восточном „Диване"» (IX, 37).

Для характеристики того, как подходил Герцен в 1850—1860-х годах к творчеству крупных деятелей немецкой культуры, чрезвычайно показательна небольшая главка VIII части «Былого и дум» — «Zu deutsch» (1867), написанная под впечатлением от «Переписки» Г. Гейне.

Письма Гейне вызывают у Герцена ряд упреков в адрес поэта — упреков, в которых порой сквозит даже раздражение. Письма Гейне кажутся Герцену мелкими, он усматривает в них «безмерное, оскорбительное самолюбие» (XI, 446).

Далеко не все эти упреки можно признать справедливыми. Самым важным и интересным в «Zu deutsch» представляется, однако, тот главный угол зрения, под которым рассматривает теперь Герцен творчество немецкого поэта. В дни юности он увидел в Гейне представителя нового, «земного» направления немецкой литературы. Теперь и это направление представляется ему недостаточно «земным», ибо и Гейне, которому «было противно на ярко освещенной морозной высоте, на которой величественно дремал под старость Гете», «ниже книжного магазина не опустился». «Ни Гейне, ни его круг народа не знали, и народ их не знал» (XI, 444—445). Значение этих слов Герцена выходит далеко за пределы оценки Гейне — они относятся, в сущности, ко всей немецкой литературе конца XVIII — первой половины XIX в.


Rußlands
ſociale Zuſtände
von
Alexander Herzen.
Verfaſſer des „Vom andern Ufer" und der „Briefe aus Italien und Frankreich."
Aus dem Ruſſiſchen.
Hamburg.
Hoffmann und Campe.
1854.

«О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

Первое отдельное издание на немецком языке под измененным названием «Социальное положение России»

Гамбург, 1854

Титульный лист

Музей Герцена, Москва

Сразу по выходе книга была изъята из продажи. Сохранились лишь отдельные ее экземпляры

Новый элемент входит и в отношение Герцена к Шиллеру и Гете: с особой остротой ощущает он теперь отсутствие в творчестве корифеев немецкой литературы тех трагических мотивов, той «разорванности», которые свойственны, по его мнению, мироощущению современного человека. «Реалист Гете, так же как романтик Шиллер, этой разорванности не знали. Один был слишком религиозен, другой слишком философ. Оба могли примиряться в отвлеченных сферах» (X, 122).

Но сама эта способность «примиряться в отвлеченных сферах» была в глазах Герцена выражением определенных «стихий» народного характера. Существеннейшей особенностью национального характера немцев Герцен считал разрыв между мыслью и делом, между свободой теоретического мышления и филистерством в практической жизни. В «Былом и думах» он писал: «Самые радикальные люди между немцами в частной жизни остаются филистерами. Смелые в логике, они освобождают себя от практической последовательности и впадают в вопиющие противоречия» (X, 83). Подобные утверждения встречаются и в других работах Герцена.

Подтверждение своим взглядам на немецкий национальный характер Герцен видел и в неудавшихся германских революциях 1848 г.: помимо тех общих причин неудачи революции, которые Герцен усматривал в «неспособности» Западной Европы в середине XIX в. решить «социальный» вопрос, ход и итоги революции обнаружили, по его мнению, свойственный немцам разрыв между теорией и практическим действием. «В сороковых годах,— писал Герцен,— умы

в Германии были сильно возбуждены. Можно было ожидать, что народ этот, поседевший за книгой, как Фауст, захочет, наконец, как он, выйти на площадь посмотреть на белый свет. Мы знаем теперь, что это были *ложные потуги*, что новый Фауст из Ауэрбахова погребка возвратился вспять в штудирциммер» (X, 242—243).

От Герцена не укрылись и весьма существенные изменения в направлении умов в Германии после 1848 г. На его глазах уходила в прошлое слава немецкой классической философии; уже в 1855 г. он констатировал: «Германия, которой единственная деятельность состояла в высказывании теоретического сознания людей, умолкла» (XII, 277). К входившей тогда в моду философии Шопенгауэра Герцен относился резко отрицательно: он видел в Шопенгауэре «философа смерти», называл его «идеальным нигилистом, буддистом и мертвистом» (XXVII, 266).

Утверждая, что «философская» Германия «умолкла», Герцен добавлял: «Одни естествоиспытатели говорят в ней» (XII, 277). Убежденный в том, что «без естественных наук нет спасения современному человеку», ибо «без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами» можно уступить влиянию релитии и мистики, Герцен приветствовал обозначившийся интерес к естественным наукам и развитие этих наук. Работы немецких естествоиспытателей рассматривались им как защита и пропаганда материалистического мировоззрения.

В герценовских оценках положения в Германии после 1848 г. с течением времени все более явственно выступала тема растущей милитаризации страны. Герцен видел, что немецкая «штудирциммер» начинает приобретать черты, напоминающие казарму, а кабинетного мыслителя вытесняет угрожающая фигура Бисмарка.

Резко отрицательно относясь к происходящему на его глазах процессу «завоевания Германии Пруссией» (XIX, 68) и к агрессивной политике Бисмарка, Герцен, однако, был далек от понимания сущности тех социально-экономических и политических преобразований, которые стояли на очереди дня в Германии середины XIX в., и тех путей, которыми эти преобразования могли быть осуществлены. Здесь, как и в оценках революции 1848 г., сказались свойственные мысли Герцена надклассовые иллюзии, выступающие особенно ясно при сопоставлении его позиции с оценками исторической ситуации 1850—1860-х годов Марксом и Энгельсом.

Имя Герцена было известно Марксу, по всей вероятности, еще до приезда Герцена в Лондон: в письме к Энгельсу от 28 сентября 1852 г. Маркс упоминал о том, что «Герцен здесь» [17].

Внимание Маркса и Энгельса привлекла французская брошюра Герцена «О развитии революционных идей в России», с которой они познакомились вскоре после выхода ее в свет. Из писем Маркса к Энгельсу можно заключить, что он получил эту брошюру от К. Блинда, посещавшего в 1853 г. Герцена в Лондоне, и передал ее Энгельсу. В письме к И. Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. Энгельс, высказывая мнение, что «дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна», иронически упомянул в этой связи о книге Герцена. «Г-н Герцен,— писал Энгельс, — весьма облегчил себе задачу („О развитии революционных идей в России"), гарантировав себя от неудач тем, что погегелевски сконструировал демократически-социально-коммунистически-прудонистскую русскую республику под главенством триумвирата Бакунин — Герцен — Головин» [18].

Резко отрицательно оценил Энгельс и опубликованное в 1854 г. в «Daily News» воззвание Герцена «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» [19].

В конце 1850-х годов Маркс и Энгельс внимательно следили за развертывавшимся в России движением за освобождение крестьян. В этой связи они проявляли интерес к изданиям Вольной русской типографии. В 1858 г. Маркс, очевидно, читал изданную в Лондоне брошюру Герцена, в которую вошли статьи «Русский заговор 1825 года» и «Первый шаг к освобождению крепостных крестьян в России». 29 апреля 1858 г. он писал Энгельсу: «Движение за освобождение крепостных в России кажется мне важным, поскольку оно знаменует начало в стране внутренней истории, которая может встать поперек дороги ее традиционной внешней политике. Герцен, разумеется, еще раз сделал открытие, что „свобода" переселилась из Парижа в Москву» [20]. В октябре того же года Энгельс просил Маркса достать ему некоторые из новейших изданий Герцена («Голоса из России», «Колокол»), рассчитывая найти в них сведения о событиях в России: «Там, может быть, можно было бы найти материал, хотя вряд ли много, но все же кое-где в корреспонденциях и т. д.» [21].

В настоящее время можно считать в основном выясненными причины неприязненных отношений между Марксом и Герценом. В числе этих причин — и враждебное отношение Маркса к людям, с которыми Герцен поддерживал дружеские отношения (например, к К. Фогту, а позднее — к М. А. Бакунину), и идейные расхождения, в основе которых глубокое принципи-

альное различие между научным социализмом и социализмом утопическим, разновидностью которого был «русский социализм» Герцена.

Главным основанием для резко отрицательного отношения к герценовским взглядам были для Маркса скептицизм и пессимизм Герцена в оценке перспектив революционного движения на Западе и представления Герцена о роли русского «общинного быта» в движении Европы к социализму. Маркс считал несостоятельными надежды Герцена на русскую общину и рассматривал позицию Герцена как панславистскую. Взглядам Герцена на судьбы России и Западной Европы были свойственны черты, в известной мере сближавшие эти взгляды со славянофильством. Однако по существу своему теория «русского социализма» была глубоко отлична от патриархальной утопии, какой являлось объективно славянофильство, и противостояла панславистским устремлениям правящих кругов России.

Следует учитывать, что Маркс не располагал достаточно широкой и объективной информацией, которая позволила бы ему правильно представить себе значение Герцена как теоретика и роль Герцена и «Колокола» в развитии революционного движения в России. Маркс не был знаком с философскими работами Герцена 1840-х годов. Н. И. Сазонов, сообщая в мае 1850 г. Марксу о том, что в Женеве находится его друг Герцен, писал: «Он скорее человек увлечений, чем убеждений, и воображения, чем науки, впрочем очень преданный и очень способный» [22]. Крайне пренебрежительно относились к Герцену как теоретику и представители «молодой эмиграции», часть которых составила в дальнейшем русскую секцию I Интернационала. Члены секции, принадлежавшие к «молодой эмиграции», считали себя учениками и последователями Чернышевского и открыто противопоставляли Герцену лидера революционных шестидесятников. Справедливо критикуя либеральные колебания издателя «Колокола», они склонны были представлять эти колебания как законченную либеральную программу, принципиально отличную от революционной программы Чернышевского. С большим основанием можно полагать, что оценка Герцена «молодой эмиграцией» сыграла свою роль в суждениях Маркса о Герцене в 1870-х — начале 1880-х годов. В 1872 г. в письме в редакцию «Gazzettino Rosa» («Еще раз Стефанони и Интернационал») Маркс прямо ссылался на брошюру А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» как на книжку, позволяющую «выяснить, какого отношения к себе заслуживает социалист-дилетант Герцен» [23].

Изучение в 1870-х — начале 1880-х годов проблем русского пореформенного экономического развития, и в частности русских поземельных отношений, могло укрепить Маркса в его мнении о поверхностном, «беллетристическом» характере суждений Герцена насчет русской сельской общины— суждениям этим действительно не хватало теоретического и фактического обоснования. Но за утопическими и «беллетристическими» сторонами герценовского «русского социализма» существовали другие его стороны, действительное значение которых выявилось в дальнейшей истории русского революционного движения в XIX — начале XX в. Опираясь на опыт этой истории, В. И. Ленин раскрыл значение Герцена как мыслителя и роль, сыгранную Герценом в подготовке русской революции. Вместе с тем Ленин показал утопический характер «русского социализма» и выявил связь его с революционными стремлениями крестьян к равенству, к полному уничтожению помещичьей собственности на землю.

Оставаясь на позициях утопического социализма, Герцен, в свою очередь, не смог понять значение революционной и научной деятельности Маркса и Энгельса [24]. В главе «Былого и дум» «Немцы в эмиграции» он рассматривал Маркса и его ближайшее окружение лишь как представителей одной из мелких групп немецкой эмиграции и обрисовал деятельность Маркса в грубо искаженном виде.

В 1860-х годах под влиянием происходившего тогда в Европе подъема рабочего движения во взглядах Герцена намечаются новые тенденции; скептицизм относительно перспектив революционного движения на Западе начинает уступать место надеждам на растущее сопротивление «работников» господству капиталистов. Надежды эти в значительной мере были связаны с созданием I Интернационала, к деятельности которого Герцен проявлял большой интерес. В «македонской фаланге работников», представленной на «работничьих съездах», он увидел тот «мост», который может соединить передовую теорию с движением масс. Хотя Герцен и не был согласен с рядом решений конгрессов I Интернационала и в понимании некоторых вопросов, обсуждавшихся на конгрессах, расходился с линией, которую проводил в Интернационале Маркс, тем не менее он считал «работничьи съезды» большим шагом вперед в подготовке и организации революционных сил: «Я больше верю, чем когда-нибудь, в успех именно этих социальных сходок»,— писал он в 1869 г. по поводу Базельского конгресса I Интернационала. Узнав о намерении Ба-

кунина перевести на русский язык «Капитал», он писал в сентябре 1869 г. Огареву: «Дай бог успеха бакун‹инскому› переводу Маркса — я одного не понимаю, почему же он держал под сурдинку свои сношения с ним. Вся вражда моя с марксидами — из-за Бакунина» (XXX, 201).

Новые тенденции мысли Герцена наиболее отчетливо сказались в письмах «К старому товарищу». В. И. Ленин отмечал, что Герцен не смог избавиться окончательно от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма, и вместе с тем считал письма «К старому товарищу» шагом вперед по пути к «суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата». Ленин высоко оценил тот факт, что, разрывая с анархистом Бакуниным, Герцен «обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,— к тому Интернационалу, который начал «*собирать полки*» пролетариата, объединять «*мир рабочий*», «покидающий мир пользующихся без работы»!» [25].

* * *

Тема «Герцен и Германия» многогранна. Герценовские оценки общественно-политической ситуации и революционного движения в Германии середины XIX в., его суждения об истории страны и немецком национальном характере, его связи с немецкими эмигрантами, знакомство с идеями и произведениями Герцена в Германии и отклик на них — каждая из этих сторон жизни и деятельности Герцена требует специального и детального изучения.

В обширном круге проблем, охватываемых темой «Герцен и Германия», особо важное, можно даже сказать, доминирующее место занимает проблема «Герцен и немецкая культура». Отношение Герцена к немецкой культуре — не только часть духовной биографии великого русского революционера. Оно интересно и значительно и по своему теоретическому содержанию, философско-историческому смыслу.

Философия истории, сложившаяся у Герцена в 1850—1860-х годах, противостояла взглядам на историю как на процесс прямолинейного движения, где один «исторический» народ передает другому эстафету прогресса. История, по убеждению Герцена, развивается «в разные стороны», складывается из развития разных народов и государств с их своеобразными особенностями. В то же время в истории существует внутренняя связь, единство, преемственность. Герцен многократно повторял, что история основана на «круговой поруке» народов, на передаче выработанных идей от народа к народу, на усвоении исторического опыта народов и извлечении из него уроков. Духовное богатство, накопленное тем или иным народом,— отнюдь не только его достояние; оно, по словам Герцена,— «майорат» всего человечества. Таким «майоратом человечества» была для Герцена передовая культура Германии.

Герцен был революционером не только в том смысле, что он считал необходимым коренное революционное преобразование существующих общественных отношений. Предпосылкой и условием социальной революции было для Герцена революционное изменение сознания, предполагающее в первую очередь освобождение, «очистку» его от устарелых представлений, принятых на веру понятий и принципов, от всего того, что мешает ясности взгляда и трезвости оценок.

Историческое право немецкой культуры на то, чтобы быть «майоратом человечества», Герцен связывал в значительной мере с теми ее элементами, которые могли иметь и имели революционизирующее влияние на развитие общественной мысли. Такую революционизирующую силу он находил и в гегелевской диалектике, и в фейербаховской критике религии, и в протесте Гейне против спиритуализма, и в вольнолюбивых устремлениях шиллеровской драматургии, и в спокойном и глубоком реализме Гете.

Герцен называл себя «реальной натурой» («Я родился совершенно земным человеком»,— писал он в «Былом и думах».— VIII, 288). Начиная с 1840-х годов в его творчестве постоянно — ясно и громко— звучал один мотив: апология «реального», «естественного», «здорового» и соответственно отвращение ко всему спиритуалистическому, мистическому, болезненному. Этот мотив явственно выступает и в герценовском отношении к немецкой культуре.

«Круговая порука» народов, усвоение одним народом культурных завоеваний другого никогда не мыслились Герценом как усвоение автоматическое. Действительное овладение культурным «майоратом» предполагает, по его убеждению, и отбор, и критическую переработку, и извлечение уроков. Примером такой «круговой поруки» народов была в глазах Герцена история передовой русской мысли, усваивавшей достижения западноевропейской, в том числе немецкой, культуры и использовавшей их как трамплин для дальнейшего обогащения культурного «майората человечества». В этой плодотворной работе русской мысли, в развитии идейных связей между культурами России и Германии особенно велика историческая заслуга Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. С. Пушкин. Евгений Онегин, II, 6 и 9.
[2] Карл Людвиг *Занд* (1795—1820) — студент Иенского университета, убивший в 1819 г. реакционного немецкого писателя, шпиона царского правительства и агента Священного союза Коцебу (р. 1761).
[3] Из стихотворения А. С. Пушкина «Кинжал».
[4] Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. I. М., 1963, с. 121.
[5] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения т. II. М., 1956, с. 22.
[6] Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Гл. I. (В кн.: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969, с. 152).
[7] Ф. Шиллер. Философские письма. Предисловие И. Х. Ф. Шиллера. (Собр. соч., т. VI. М.—Л., 1950, с. 26).
[8] Как справедливо отметил В. М. Жирмунский, уже описание внешности немецкого поэта и его манеры держаться призвано показать эту двойственность (В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., 1937, с. 339—344).
[9] Генрих Гейне. К истории религии и философии в Германии (Собр. соч., т. VI. М., 1958, с. 53).
[10] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 274.
[11] См.: Eberhard Reissner. Alexander Herzen in Deutschland. B., 1963, S. 4.
[12] Ibid., S. 12—13, 222—231.
[13] М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, с. 223, 365.
[14] «Лит. наследство», т. 63, с. 537.
[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 550.
[16] Там же.
[17] Там же, т. 28, с. 124.
[18] Там же, с. 487.
[19] Там же, с. 290.
[20] Там же, т. 29, с. 267.
[21] Там же, с. 298.
[22] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 151.
[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 82.
[24] См. ниже в этом томе сообщение В. А. Смирновой «Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе (1850—1851)».
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

ПЕРЕПИСКА С К. ФОГТОМ

Статья Н. Ю. Колпинского
Публикация Л. Р. Ланского
Комментарии М. Вюильмье (Женева) и Л. Р. Ланского*

Публикуемая переписка охватывает значительный отрезок жизни Герцена — от мая 1852 до июля 1864 г. Вместе с уже опубликованными письмами — это один из важных источников для его биографии. В этих письмах немало сведений о жизни и деятельности Герцена — по временам, правда, отрывочных, сообщаемых как бы мимоходом. По ним можно частично реконструировать и содержание некоторых не дошедших до нас писем.

В чисто биографическом плане публикуемые письма не так уж богаты новыми фактами. Основная ценность их в другом. Они помогают восстановить ту общественно-политическую атмосферу, в которой Герцен жил и творил. Сообщаемые Фогтом факты и отдельные его мысли Герцен порой использовал в своих статьях; с ними перекликаются некоторые абзацы «Былого и дум» (описание обстановки в Швейцарии, характеристика Дж. Фази и т. п.).

Без знакомства с этой и всей остальной перепиской Герцена (а он обменивался письмами с сотнями людей) невозможно понять многие высказывания выдающегося революционера и мыслителя во всей их сложности, а иногда и противоречивости, в частности его отношения с К. Марксом.

Карл *Фогт* (1817—1895) — отнюдь не «проходная» фигура в жизни Герцена. Он был одним из его близких друзей. Семья Фогтов, пожалуй, единственные немцы, о которых с теплотой и уважением писал Герцен в «Былом и думах». О самом Фогте Герцен замечал: «Это не только светлый ум, но и самый светлый нрав из всех виденных мною» (X, 169).

* Все письма Герцена и Фогта, а также комментарии Вюильмье перевел с французского Л. Р. Ланский.

Совсем по-иному оценивали Фогта Маркс, Энгельс и другие пролетарские революционеры. В известном памфлете «Господин Фогт» Маркс на основе большого фактического материала обрисовал Фогта как типичного представителя вульгарной демократии, фразера, грубого клеветника, пропагандиста бонапартистских идей и высказал подозрение, что он платный бонапартистский агент. Подозрение это, как известно, подтвердилось: Фогт получил деньги из секретных фондов бонапартистского правительства по собственноручно составленному «счету», переданному им Д. Клапке *. Сейчас в правоте Маркса никто уже не сомневается. В чем же тут дело? Почему такая разница во взглядах на этого человека? Ведь мы знаем, как проницателен был Герцен и как нелегко сходился он с людьми. Никакие личные симпатии и давность дружеских отношений не помешали бы Герцену резко порвать с недобросовестным человеком и бонапартистом. Противоречие это во многом объясняется противоречивостью самой личности Фогта.

Нельзя в то же время забывать, как сложились отношения Герцена и Фогта, обстоятельства их знакомства и сближения. Герцен впервые встретился с Фогтом в 1847 г. в Париже у М. А. Бакунина, но сблизились они в Ницце в 1850—1852 гг. Круг людей, с которыми в это время мог постоянно общаться Герцен, был невелик: супруги В. А. и А. Х. Энгельсоны, о которых часто упоминается в публикуемых письмах, и Фогт, изучавший в Ницце морскую фауну; более редкими были встречи с итальянскими и польскими революционерами. А между тем это был самый страшный период в жизни Герцена, когда он особенно нуждался в дружеской поддержке.

Как личную трагедию переживал Герцен поражение революции 1848—1849 гг. Спокойствие Фогта, его грубоватый юмор воспринимались им как проявление стойкости и мужества, хотя на самом деле это объяснялось совсем другим. Не таким уж убежденным революционером был Фогт. Умеренный демократ, он, как и большинство депутатов Франкфуртского парламента (особенно когда в мае 1849 г. был избран одним из пяти имперских регентов эфемерного временного правительства), пытался сыграть роль умиротворителя, чем облегчил действия контрреволюции. Сам Герцен по достоинству оценил в свое время Франкфуртский парламент, этот «воинственный конвент», «состоявший из добрых, sehr ausgezeichneten in ihrem Fache ** профессоров, лекарей, теологов, фармацевтов и филологов», который «рукоплескал австрийским солдатам в Ломбардии, теснил поляков в Познани» (X, 84). Тут оценки Герцена и Маркса совпадают. Для Фогта поражение революции трагедией не было.

Годы эти были тяжелейшими для Герцена и в личном плане вследствие увлечения его жены Натальи Александровны немецким поэтом Г. Гервегом, считавшимся в течение нескольких лет близким другом Герцена. И Фогт усердно помогал Герцену преодолевать последствия этой жесточайшей коллизии. Фогт был одним из немногих, кто был рядом, когда пришла ужасная весть о гибели матери и сына Герцена, вслед за этим последовали тяжелая болезнь и смерть жены. Фогт проводил ночи у постели больной. Вместе с Фогтом Герцен обрядил ее в последний путь: «Фогт и я — мы положили ее в гроб»,— вспоминал Герцен в «Былом и думах» (X, 302). Такие вещи, естественно, забыть нельзя, и трудно было бы требовать от Герцена полной беспристрастности в оценке такого друга, как Фогт. Надо отдать должное и последнему: он действительно поддерживал Герцена в эти тяжкие годы и многим помог ему (в частности, содействовал его натурализации в Швейцарии). Распутыванием отношений с Г. и Эммой Гервегами и начинаются публикуемые ниже письма Фогта, первое из которых было написано 24 мая 1852 г., через три недели после смерти жены Герцена. И в дальнейшем Фогт помогал Герцену, подыскивал для него дом (этому уделено много места в письмах), заботился об образовании сына Герцена, Александра, по мере своих возможностей содействовал распространению герценовских изданий за рубежом, подыскивал пути для их пересылки в Россию.

Но главное, конечно, было не в этом, а, повторяю, в противоречивости личности Фогта. Как писал сам Герцен, ему импонировали его «простое и ясное отношение к жизни», его «добродушная ирония», присущий и самому Герцену «жизненный реализм», научная деятельность Фогта и «огромный талант преподавания». Однако он тут же отмечал: «Жизнь и развитие наше были так розны, что мы во многом расходились», и «Фогт чувствовал непреодолимое отвращение» к философии (X, 169—170). Эти оговорки помогают понять, что диаметрально противоположные оценки Фогта как ученого Герценом и Марксом, а впоследствии и В. И. Лениным (в «Материализме и эмпириокритицизме») во многом обусловлены двойственностью, противоречивостью и непоследовательностью научных позиций самого Фогта.

* Этот документ обнаружен М. Куном в Венгерском государственном архиве (Будапешт, фонд Д. Клапки).

** весьма видных в своей области (*нем.*).

КАРЛ ФОГТ
Литография Ф. Винтерверба, 1850-е гг.
Публичная и Университетская библиотека, Женева

Фогт был крупным ученым-естествоиспытателем, игравшим видную роль в науке середины прошлого века. Он занимался зоологией, ботаникой, геологией, физиологией. Как и Молешот, он считается главой того направления в естествознании, которое позже получило название вульгарного материализма. Фогт был типичным представителем ограниченного естественнонаучного материализма, характерного для эмпирического естествознания. Он активно выступал против теологических и дуалистических построений, выступал резко, даже грубо, нарочито рассчитывая на эпатирование, что раздражало даже близкого ему Л. Бюхнера.

Атеизм Фогта, противопоставление им материализма идеалистическим тенденциям, успешная эмпирическая разработка в его трудах наблюдений и опытов были по душе Герцену. Но материализм Фогта был грубым, метафизическим материализмом. Это ярко проявлялось в отождествлении им зоологического мира и человеческого общества, в вульгарно-материалистическом объяснении человеческого мышления. И следствием этого было не только непонимание диалектики, но и прямые выступления против диалектики. Таким образом, воззрения Фогта в зародыше содержали элементы того кризиса естественных наук, который, однако, наступил позже, в конце XIX — начале XX в., когда накопленные эмпирические данные вступили в противоречие с метафизическим образом мышления. Выход из этого кризиса — необходимость со-

знательного применения материалистической диалектики — блестяще обосновал впоследствии в своих трудах В. И. Ленин.

Но в середине XIX в. лишь немногие поистине гениальные естествоиспытатели — такие, как Дарвин и Менделеев, — поднимались до раскрытия диалектических законов природы. С другой стороны, лишь самые передовые мыслители понимали всеобщность диалектических законов, причем истинность этого постулата могла быть доказана лишь с позиций материалистической диалектики Маркса и Энгельса. Фогт не был ни гениальным ученым, ни передовым мыслителем. Уместно отметить, что в своих философских и в естественнонаучных воззрениях Герцен стоял гораздо выше Фогта, но и он лишь подошел к диалектическому материализму. В этом и заключается основа принципиальной разницы между отношением Герцена и основоположников марксизма к научным трудам Фогта.

В какой мере было известно Герцену о разоблачении бонапартистской «деятельности» Фогта? В дошедших до нас письмах к Герцену Фогт лишь мельком упоминает даже не столько о выдвинутых против него обвинениях, сколько о своих ответных действиях — о начатом им судебном процессе против «Allgemeine Zeitung», о своей брошюре, полной клеветы на Маркса. Безусловно, материалы эти Герцен знал. Видимо, знал он и листовку К. Блинда (о ней мы скажем ниже). Однако, судя по произведениям и письмам Герцена, он вряд ли был знаком с книгой Маркса «Господин Фогт», в которой были поставлены все точки над i.

Таким образом, Герцен знал только то, что было написано против Маркса, т. е. всякого рода клевету. Фогт использовал предъявленные ему обвинения, чтоб обрушиться на виднейших пролетарских революционеров, на первую (к этому времени уже разгромленную реакцией) пролетарскую организацию — Союз коммунистов. Противоположность идейных позиций вылилась не только в грубые (что всегда было свойственно Фогту), но и в злобные инсинуации. При этом он старался изобразить себя страдательной стороной. Нужно подчеркнуть и такую деталь (она многое объясняет в позиции Герцена): Марксу приписывалась ответственность за действия, которых он не совершал,— в первую очередь за выступления Блинда; позиции их преднамеренно смешивались. Получавшиеся Герценом сведения были очень тенденциозны, они искажали фактическую сторону и сводили на нет самые серьезные обвинения, предъявлявшиеся Фогту.

В чем же заключалась суть этих разоблачений, выявляющих один из характерных моментов идейной борьбы того времени? Это был 1859 год. Усиливалось национально-освободительное движение в Италии; там назревала революционная ситуация. Это обстоятельство обостряло противоречия между бонапартистской Францией и Австрийской империей. Обе стороны готовились к династической войне, каждая стремилась этим путем укрепить свое внутреннее положение, и обе в равной мере желали сорвать революционное выступление в Италии. При этом наибольшую опасность представляла позиция бонапартистской Франции — демагогическая спекуляция на национально-освободительных движениях, стремление удушить «в объятьях» демократические силы, использовать их в своих корыстных целях, аннексируя чужие территории. Кроме всего прочего, усиление Наполеона III было наиболее серьезным препятствием на пути объединения Германии. Бонапартизм являлся новой и, как это ярко определил сам Герцен, омерзительнейшей формой реакции; именно он становился в это время ведущей силой контрреволюции — силой не только материальной, но и духовной, растлевающей и разлагающей национальные демократические движения и использующей в своих целях реакционную сторону мещанского и крестьянского слоев населения.

Определение позиции в данном конфликте имело принципиальное значение, ибо единственной альтернативой планам обеих сторон было только революционное движение. Вера в его возможность и в возможность революционного пути объединения Германии и Италии требовала выработки правильной тактики, способной сплотить революционный лагерь, размежеваться с бонапартистской демагогией. И важен был не столько непосредственный результат (итог данного конфликта), сколько самый процесс идейной закалки революционных сил, обретение ими самостоятельной позиции. Такую позицию выработали и пропагандировали лишь виднейшие представители пролетарской революционности — Маркс и Энгельс. Они исходили из революционного подъема в Италии (гарибальдийский поход 1860 г. подтвердил их правоту); из наличия революционных сил в Германии (брожение в германских государствах доказывало, что это были отнюдь не абстрактные соображения); из особой опасности, которую представлял бонапартизм. Маркс и Энгельс считали, что присоединение немецких государств к Австрии — в интересах революции. Оно должно было вызвать подъем революционного движения, поражение бонапартистской Франции и в результате — падение Наполеона III.

Фогт не верил в возможность революционного движения в Германии, вообще не верил в революционный путь объединения как Германии, так и Италии. Поэтому он считал не только неизбежной, но и необходимой победу бонапартистской Франции, которая, по его мнению, дала бы толчок либеральному движению в Германии и способствовала бы объединению Италии (опять-таки нереволюционным путем). А это прямо вело к подчинению демократического движения, представителем которого он себя считал, бонапартистской политической игре. Именно в этом плане и стал практически действовать Фогт. Весной 1859 г. он разослал немецким эмигрантам программу планируемого им журнала и в марте, т. е. за месяц до войны, выпустил брошюру «Studien zur gegenwärtigen Lage Europas», поставив своей целью обработку общественного мнения в пользу бонапартизма. Как и в печатной программе, в брошюре (на немецком языке) воспроизводились основные положения официозной бонапартистской пропаганды. Это было очевидно даже для многих немецких эмигрантов из того же лагеря вульгарной демократии, к которому принадлежал сам Фогт. Так, немецкий журналист, друг Фогта, А. Брасс заявил, что он «отверг *французское кормовое корыто*, которое хотел подставить ему Фогт» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 555).

Далеко не единомышленник, а тем более не друг Маркса и отнюдь не пролетарский революционер, Блинд выдвинул обвинение в адрес Фогта, что он является платным агентом Бонапарта. Именно от него Маркс узнал о выступлениях Фогта (см. письмо Маркса к Энгельсу от 16 мая 1859 г.— Соч., т. 29, с. 349). Буржуазный демократ Э. Бискамп в газете «Volk» и тот же Блинд в листовке «Предостережение» публично обвинили Фогта в продажности. Анонимная листовка Блинда была перепечатана в весьма распространенной газете «Allgemeine Zeitung». Эти публикации Маркс знал и отнесся к ним в общем одобрительно. Фогт же эти разоблачения, исходившие из лагеря буржуазной демократии,— как во время разбирательства его иска против этой газеты, так и в брошюре «Mein Prozess Gegen die „Allgemeine Zeitung"» — приписал Марксу и его «партии». Характерно, однако, не только это. В своих выступлениях Фогт ярчайшим образом продемонстрировал ту ненависть, которую питали вульгарные демократы к пролетарским революционерам, и сделал очевидными доносительские и клеветнические приемы борьбы такого рода «демократов» с идейными руководителями рабочего класса. То была клевета не только на Маркса, но и на Союз коммунистов, на зарождавшуюся пролетарскую партию. Собранные воедино полицейские фальшивки периода Кёльнского процесса против Союза коммунистов, грязные сплетни и слухи — вплоть до обвинения руководителей Союза коммунистов в вымогательстве денег путем шантажа — совершенно точно обнаружили, что для вульгарной буржуазной демократии, так же как и для реакции, в борьбе против пролетарских революционеров все средства были хороши. Недаром нападки Фогта были с радостью подхвачены реакционной и бонапартистской прессой — «National-Zeitung», «Revue Contemporaine» и др. Работая над книгой «Господин Фогт», Маркс не только защищал свою честь. Он разоблачил характерный и для наших дней прием антикоммунизма — очернение вождей рабочего класса и его революционной организации в глазах общественного мнения путем прямых инсинуаций и приписывания коммунистам ответственности за действия различных авантюристических и просто провокаторских элементов.

Нет необходимости разбирать здесь книгу Маркса, тем более что Герцен, скорее всего, ее не читал. Отметим лишь отличия в разоблачении Марксом Фогта от выступлений против него Блинда. Детально разбирая выступления Фогта, Маркс конкретно показал, в чем они совпадают с бонапартистской пропагандой, не оставляя сомнений в том, что объективно Фогт являлся рупором бонапартизма. Но дело этим не ограничилось. Как уже говорилось выше, Маркс поддержал обвинение в том, что Фогт — платный агент бонапартизма. Опирался он не только на слухи, а и на ясное понимание того, что представляет собой бонапартизм во всех его ипостасях, так же как и эмигранты, рядящиеся при случае в демократические одежды. На их игру в великих людей, демагогические псевдореволюционные разглагольствования (сочетавшиеся со страхом перед революцией), на их межеумочную позицию по отношению к реальной политической борьбе, постоянное лавирование, поминутные уступки пошлейшему либерализму и рассчитана была бонапартистская политика. И в этом отношении особую опасность для дела революции представлял собой так называемый левый бонапартизм, или «плонплонизм».

В публикуемых письмах Фогта не раз упоминается Плон-Плон, причем упоминается не без презрения. Двоюродный брат Наполеона III Жозеф (Жером) Поль Шарль, принц Наполеон, прозванный Плон-Плоном, был одной из наиболее мерзких фигур бонапартистского режима. Держался он как бы в стороне от императора, чуть ли не в оппозиции к нему, покровительствовал наукам, не скупясь на «субсидии», ратовал за освобождение Польши, Венгрии, Италии,

намекая под сурдинку, что для этого нужна помощь, поддержка, сочувствовал «обездоленным эмигрантам» и их великим надеждам на освобождение родины, заигрывал с рабочими организациями и даже выдвигал идею «социальной империи». Он и деньги был готов предоставить как бы без особых условий, но это были деньги из государственных фондов, точнее, из фондов Департамента полиции. Обо всем этом стало известно документально лишь в 1871 г. («Papiers et correspondance de la famille impériale», t. II. P., 1871, p. 161). И в 1850—1860-х годах «красный принц» вызывал у многих презрение; только последовательная революционность давала возможность ясно видеть характер проводимой им политики. Яснее всего это было видно Марксу. Понимали это и Герцен, и Гарибальди, и Мадцини. Но многие из эмигрантов нередко попадались на удочку Плон-Плона. К тому же роль секретаря принца Жерома исполнял бывший генерал венгерской революционной армии Д. Клапка, имевший широкие связи с различными кланами эмиграции. И, как мы увидим, Фогт без особых колебаний принял предложение Плон-Плона сопровождать его в качестве ученого в путешествии на яхте. Фогт гораздо более благожелательно отзывается о нем после личной встречи, и, как выясняется сейчас, он через Клапку и, возможно, под его воздействием попросил возместить материальный урон, который понес, «ввязавшись» в политическую борьбу. «Урон», как мы знаем, был возмещен, а политическая борьба была борьбой прежде всего против Маркса. Однако всего этого Герцен не знал. Как мы уже подчеркивали, его отношение к бонапартизму, под каким бы соусом тот ни подавался, всегда было абсолютно отрицательным. И в этом позиции Герцена и Маркса также совпадают, хотя Маркс глубже разобрался и в классовой природе бонапартизма, и в причинах его тлетворного воздействия на демократический лагерь. Что же мог уловить Герцен по письмам Фогта? Прежде всего в них достаточно много отрицательных оценок бонапартизма. Лишь в нескольких случаях, рассуждая о международной ситуации, Фогт склоняется на сторону Бонапарта. По этому поводу возник и спор с Герценом. Лишь несколько раз, мимоходом, Фогт упоминает о каких-то своих связях с Плон-Плоном. Для того чтобы по-настоящему понять, что значило принятие предложения участвовать в поездке на яхте Плон-Плона и получить от него материальное пособие, надо было знать гораздо больше, чем знал Герцен.

Письма 1—2, 4—7, 9—19, 21—39 печатаются по фотокопиям с автографов *BPUG*. Впервые опубликованы на языке оригинала М. Вюильмье в *ААН*, 88—224. Три письма (одно Герцена и два Фогта в этом томе публикуются впервые (п. 3 — по ксерокопии с автографа из собрания Н. П. Герцен — Москва; п. 8 — по автографу *ГИМ*, ф. 342, ед. хр. 208, л. 46—48 об.— ср. «Лит. газета», 1974, 30 января, № 5, с. 8 и «Musées de Genève», 1974, № 7-8, p. 20; п. 20 по автографу *ЦПА ИМЛ* при ЦК КПСС, ф. 458. III. 5685, л. 3—4).

Перечень появившихся ранее в русской печати писем К. Фогта к Герцену см. в разделе «Библиография» т. 62 «Лит. наследства», с. 816—822.

Перевод с французского:

1

К. Фогт — Герцену

〈Турин. 24 мая 1852 г.〉 [1]

Любезный мой Герцен!

Я уезжаю завтра отсюда в Арону, насквозь пропитанный дружбой Головина [2]. На него я наткнулся в первый же день, когда он вел на поводке собаку — чудовищное животное, которое, как он говорил, принадлежит его любовнице, дородной сорокапятилетней пьемонтке, судя по описанию, сделанному мне Валерио [3]. Мы были неразлучны — князь Ховры [4] и я,— он сопровождал меня повсюду: к Пинто [5] — к г-же Скарна — в Академию, к профессорам; он влез бы в бутылку, лишь бы иметь счастье побыть еще в моем обществе. Судите же по этому — что́ вас здесь ожидает. Самое странное открытие, мною здесь сделанное,— это г. Скарпа или, скорее, Скарпо, муж г-жи Скарпа [6],— человек этот существует на самом деле, у него даже растут усы, и он кажется мне гораздо большим здоровяком, нежели Пинто.

Здесь я снова встретил знакомого вам венгерского полковника — Тюрра [7]. Он и Валерио (который сильно пал духом, но усердно кланяется вам) дали мне знать, что Эж〈ен〉 Бейер из Страсбурга [8], отставной депутат (которого Тесье [9] и Эдмон [10], без сомнения, должны знать), находится здесь в глубочайшей нищете.

Я отправился повидаться с ним, и меня до сих пор удручает положение, в котором я его нашел. Брат его, страсбургский адвокат, отправлен был в Ламбессу [11]; сам же он, имея жену и ребенка на руках, спасся здесь от федеральных неистовств; он начинал заниматься живописью и имел несколько картин для нынешней выставки, которые принесли бы ему известность, когда его месяц тому назад хватил апоплексический удар, парализовавший язык и всю левую часть тела. Сильнейшие кровопускания, несколько раз повторенные, спасли его, и выздоровление идет успешно благодаря уходу брата Валерио [12]. Язык и нога уже почти пришли в нормальное состояние, голова свежа, левая рука снова начинает двигаться. Однако бедняга еще месяца три не сможет работать, и вдобавок, чтобы подлечить эту руку, ему понадобился бы курс ванн в Аккуи [13]. Я переговорил об этом с д-ром Валерио, весьма тщательно осмотрел его сам и глубоко убежден, что выздоровление будет полным, если удастся обеспечить ему необходимый уход. Располагаете ли вы сотней франков для этого злополучного, но славного парня? Я никому не говорил о демарше, который сейчас делаю и который считаю в высшей степени неловким, но на меня это зрелище произвело сильнейшее впечатление, и я не знал, к кому еще обратиться. Если вы пожелаете и сможете что-нибудь послать, то пошлите к Валерио или сообщите ему, что, узнав о тягостном положении Бейера, вы просите Валерио передать ему эту сумму. Отправить непосредственно Бейеру вам было бы невозможно, так как он скрывается здесь под чужим именем [14].

Прощайте, любезный мой друг! Тысяча поклонов всем остальным. Пьемонт великолепен в это время года, а Турин очень приятен. Скажите полковнику [15], что Европейская гостиница или «Trombetta» (та самая, в которой вы жили в последний раз) [16] очень хороша, но довольно дорога. Отсюда едут в Арону дилижансом, который отходит вечером,— чтобы добраться на следующий день до места назначения. Путь от Генуи до Аркауты, где садятся в поезд, донельзя отвратителен: я пришел в себя только после двух ванн — так толст был слой пыли, меня облепившей.

Всецело преданный вам К. Ф.

Понедельник, 24 мая [17]

[1] Письмо адресовано в Ниццу, где Герцен оставался с детьми после смерти жены (2 мая). Год устанавливается по содержанию письма.

[2] О политическом эмигранте и публицисте Иване Гавриловиче *Головине* (1816—1890) и его отношениях с Герценом см. в «Былом и думах» (XI, 404—427 и 724—728). См. также: *CMRS*, v. XI, 1970, N 2, p. 221—243.

[3] Лоренцо *Валерио* — итальянский политический деятель (см. о нем ниже, в разделе «Герцен и Италия»).

[4] Головин из тщеславия присоединил к своей фамилии княжеский титул грека С. В. Ховры, переселившегося из Крыма в Москву в 1393 г. и считающегося основателем рода Головиных. Свои статьи в «Journal de Turin» Головин подписывал этой фамилией.

[5] О Микеле Анджело *Пинто* см. в «Лит. наследстве», т. 64, с. 441—445, и в разделе «Герцен и Италия» наст. тома.

[6] По-итальянски scarpa означает «башмак», «сапог», «тормаз» (это слово женского рода с родовым окончанием *а*). Фогт в шутку придает этой фамилии мужское окончание *о* как «подобающее супругу», образуя несуществующее слово scarpo.

[7] Иштван *Тюрр* (1825—1908) — венгерский офицер австрийской армии в Ломбардии, перешедший на сторону итальянцев; в 1848 г. он сражался в рядах баденских повстанцев, затем эмигрировал в Берн. После продолжительных скитаний Тюрр обосновался в Турине, где пьемонтское правительство назначило ему небольшую пенсию. В письмах Герцена имя Тюрра не встречается; о его знакомстве с этим венгерским эмигрантом становится известно лишь из комментируемого письма. Впоследствии Тюрр эмигрировал в Турцию, сражался против русских войск в Крымской войне, затем в рядах черкесских повстанцев; в 1859—1860 гг. был соратником Гарибальди, получил звание итальянского генерала и стал правителем Неаполя. В Венгрию возвратился после 1867 г.

[8] Эжен *Бейер* (1817—1893) — страсбургский художник; 13 мая 1849 г. был избран депутатом Нижнего Рейна по списку демократов-социалистов; участвовал, как и Герцен, в парижской демонстрации 13 июня 1849 г. и также вынужден был поспешно уехать в Швейцарию из-за возможных преследований. В праве пребывания ему там было отказано, и он жил на нелегальном положении до конца 1851 г. Затем Бейер уехал в Турин, намереваясь перебраться оттуда в Испанию. Герцен, несомненно, встречался с Бейером в Париже, а затем в Женеве.

[9] Мари Эдмон *Тесье дю Мотe* — французский химик, участник революции 1848 г.; друг Герцена и учитель его сына. См. о нем во вступительной статье к разделу «Герцен и Франция».

[10] Карл Эдмунд *Ховацкий* (1822—1899) — друг и корреспондент Герцена, польский эмигрант и французский писатель, сотрудник газеты «Voix du Peuple»; печатался под псевдонимом Charles Edmond.

[11] Адвокат, капитан Национальной гвардии в 1848 г., Бейер придерживался тех же демократических взглядов, что и его брат Эжен, вследствие чего был сослан в Алжир на следующий же день после переворота 2 декабря 1851 г.

[12] Джоакино *Валерио* — врач, пользовавшийся большим авторитетом; брат Л. Валерио (см. прим. 3).

[13] В конце 1855 г. Бейеру по состоянию здоровья разрешено было возвратиться в Париж.

[14] В письме от 4 июня Фогт передал Герцену «тысячу и тысячу благодарностей» за его «доброе дело», заявляя при этом, что он «страшно рад за бедного Бейера» (*Л* VII, 55—58. В прочтении фамилии допущена ошибка: вместо Beyer — Régis).

[15] «Полковником» в кругу Герцена называли его друга, петрашевца Владимира Аристовича *Энгельсона* (1821—1857), сблизившегося с Герценом в Ницце в начале 1850-х годов.

[16] Фогт, вероятно, имеет в виду приезд Герцена в Турин 9 июля 1851 г. для встречи с женой. В «Былом и думах» Герцен указывает, что они остановились в отеле «Feder» (X, 271—272).

[17] Ответ Герцена неизвестен. Следующее письмо Фогта к Герцену — от 4 июня и 2 июля — см. в *Л* VII, 55—57 и 86—87.

2

К. Фогт — Герцену

〈Берн. 21 августа 1852 г.〉[1]

Посылаю вам при этом, любезный мой Герцен, письмо Прессе, которое, надеюсь, навсегда излечит вас от мании составлять завещания [2]. Что за непомерные гонорары. Я уже больше не удивляюсь тому, что этот добрый малый с таким жаром проникся вашими интересами. Чёрт побери! И я непрочь бы стать нотариусом, при условии, что вы ежегодно будете поручать мне составление завещания, — это избавило бы меня от необходимости читать курсы лекций и писать книги.

Вы сами увидите из содержания этого письма, что не заплатить полностью эту сумму никак нельзя, хотя г. Прессе играет в великодушие. Я попытался поэтому повернуть дело благоприятным образом. Эдмон и я, мы оба заметили, что на ваших соотечественников [3] произвело дурное впечатление то, как вы приняли предложение Шаллера насчет подписки [4]. Вы были настолько погружены в себя, что не обратили на него внимания, и в сердцах этих людей могла угнездиться мысль, будто вы непрочь были на них опереться в ваших личных делах, но поступили бы совсем иначе, когда к вам обратились бы за поддержкой для радикальной партии кантона. Это мнение не должно пускать ростки, особенно теперь, и я тотчас же после вашего отъезда переговорил с Э〈дмоном〉 и Т〈есье〉, дабы найти средства развеять это мнение. Я решил написать Прессе и сказать ему, будто получил от вас письмо, в котором вы просите у меня по этому поводу более подробных разъяснений, чтобы загладить свою невнимательность. Я не ожидал такого кровопускания, какое производит вашему кошельку сей нотариус. Но, несмотря на то, упомянутое мнение отнюдь не должно укорениться. Вот что я пишу Прессе:

«Сумма дьявольски велика — но полагаю, что дела можно было бы устроить ко всеобщему удовлетворению. Только что мною получено письмо от Г〈ерцена〉, в котором он говорит мне, что в предотъездной спешке и потеряв голову от бесчетных хлопот, осаждавших его в последнее время, он недостаточно внимательно выслушал то, что г. Шаллер и вы говорили ему насчет проводимой теперь подписки с политической целью. Г-н Г〈ерцен〉 опасается, что недостаточно хорошо понял и сам был плохо понят; он просит меня осведомиться у вас, что́ следовало бы ему сделать; что он всегда готов поддержать интересы партии, к которой принадлежит. Мне кажется, со своей стороны, что партия нуждается в денежных средствах для успешной борьбы. Поэтому я предложу г. Г〈ерцену〉 внести полностью всю сумму с тем, чтобы вы располагали той ее частью, которая покажется вам превышающей нужды нашей партии в Фрибурге, так что она получит, таким образом, дополнительные средства для своей необходимой деятельности. Я пишу в этом духе г. Г〈ерцену〉».

ФРИБУРГ

Гравюра Г. Цшокке, 1858

Из альбома: Heinrich Zschokke. Die Schweiz in ihren klassischen Stellen und Hauptorten. Stuttgart, 1858

В 1851 г. по решению Фрибургского кантонального совета Герцен получил швейцарский паспорт и стал считаться гражданином Фрибургского кантона

Не знаю, одобрите ли вы подобный образ действий, но, по-моему, он полностью в ваших интересах [5].

Мы возвратились из Сиона, Тесье и я, в изнеможении от усталости, вина и дождя. Т⟨есье⟩ направился в Женеву, чтобы присоединиться к Эдмону.

Всецело преданный вам К. Фогт

21 августа. Берн

Наилучшие пожелания друзьям и детям [6].

[1] В *ААН* ошибочно: 1853.

[2] Анри Бенжамен *Прессе* (?—1859) — нотариус, депутат Швейцарского национального совета, составивший 1 августа 1852 г. в присутствии Герцена его завещание (см. XXIV, 384—389).

[3] «Соотечественниками» Герцена Фогт называет здесь швейцарцев (незадолго до того Герцену, подвергавшемуся полицейским преследованиям в Париже и Ницце, предоставлено было гражданство в Фрибургском кантоне Швейцарии).

[4] Юлиан *Шаллер* (1817—1871) — политический деятель, государственный советник Фрибургского кантона, оказавший Герцену деятельную помощь в получении швейцарского гражданства и, по-видимому, рассчитывавший на то, что Герцен, как состоятельный человек, внесет более или менее крупную сумму в фонд возглавляемой Шаллером радикальной партии (она испытывала в это время большие материальные затруднения — ср. *АНН*, 127—128).

[5] Как реагировал Герцен на этот маневр Фогта, неизвестно.

[6] Публикуемое письмо Герцен получил уже в Лондоне, куда прибыл с сыном 24 августа. Следующее письмо Фогта к Герцену, появившееся в печати, датировано 15 ноября 1852 г. (*Л* VII, 160—163). Несколько писем его, вероятно, не дошло по назначению (см. XXIV, 511).

3

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. Конец августа — начало сентября 1852 г.⟩ [1]

Mon cher ami!

Me voilà enfin délivré de cette sacrée migraine que je croyais bien enfoui dans les profondeurs de Neuhaus. Je puis donc maintenant un peu causer des affaires, que je

m'étais tenu éloigné pendant ce dernier idylle [2]. C'est à cause de cela, que le protêt vous arrive si tard [3] — j'avais complètement oublié cela en défendant qu'on m'envoyât des lettres à Neuhaus, car je ne croyais pas d'abord que mon séjour s'y prolongerait autant.

Vous voyez donc que m-r a été forcé de s'expliquer et de répudier complètement les actions de sa femme [4]. Il vit à Zuric plus honni que jamais — tous se sont retirés de lui, même le poète viennois [5] et le musicien de Dresde [6] — il ne lui reste que Wille [7], qui répète le rôle (sans l'argent) que vous avez joué vis-à-vis de lui à Paris — c'est-à-dire qui trouve beau de lui fournir un appui justement parce que tous les autres l'ont abandonné [8]. Du troisième il a déjà dû monter dans les mansardes de l'Hôtel du Lac. Mon frère et ma mère [9], qui ont été successivement à Zuric (Adolphe l'y a vu passant par la rue) ont recueilli ces détails.

J'ai eu, pendant trois jours, à Neuhaus, la visite du beau-frère [10]. J'ai passé avec lui en revue toute la correspondance qui était entre mes mains, je l'ai éclairci sur tous les détails et je l'ai trouvé tel que je devais le croire d'abord — rempli du désir de se défaire à tout prix de ce vampyre [11]. Il m'a donné en échange des détails infinis sur les escroqueries par lesquelles on leur a extorqué le dernier sou, et j'ai eu, par lui, l'affirmation positive, qu'en aucun cas on ferait plus quelque chose pour lui et pour elle. Elle a bombardé dans ces derniers temps les siens par des lettres pleines de désespoir... car elle est déjà tellement endettée à Nice qu'il lui faudrait, à ce qu'elle dit, 5000 frs pour quitter cette ville. En attendant, on me dit que m-r cherche un logement à Zuric pour lui et sa famille — il n'ira en aucun cas à Nice ni en Italie, parce qu'il y a des couteaux. En attendant, le beau-père [12] a chargé un avocat à Zuric de faire savoir par dessous main à tous les intéressés, que jamais il ne payerait les dettes de son gendre.

La famille n'ira pas loin — elle ne fera aucune demande publique et elle ne se résoudra pas à mettre m-me en pension, comme je l'avais proposé. Mais on la réduira autant que possible, en lui enlevant d'abord le garçon [13] et en payant sa pension dans un institut quelconque depuis Berlin. Mais la pension entière de m-me (dont on déduira encore celle du garçon) est déjà reduite à 1500 thalers (5000 frs) et le sera encore davantage l'année prochaine — époque où l'on liquidera, si c'est possible. Jusque là — impossibilité physique et matérielle de donner un sou de plus — dût elle aller en prison pour dettes.

L'appréciation des faits à la charge de m-me de la part de son frère est naturellement la plus indulgente possible — démoralisation amenée par contrainte morale et maintenant monomanie complète qui empêche tout jugement, toute critique vis-à-vis de son homme — ça tombe pleinement d'accord sous ce point de vue, et je crois que vous feriez sagement aussi de l'accepter quand-même.

Golowine est à Lugano.

M-me H⟨erwegh⟩ pense à établir Horace dans une pension à Genève et probablement de s'y fixer aussi.

Tout cela me paraît devoir être pris en considération, et voici ce que je propose.

Faites mettre les tenailles à m-me à Nice en faisant présenter la lettre de change et donnez ordre de poursuivre de manière à ce que l'affaire soit connue dans tout Nice sous main et que son crédit par là soit ruiné complètement. Mais n'allez pas plus loin, de notre côté — cela serait adieu de notre part. Du moment que l'on saura (et tout se sait à Nice, si l'on s'y prend un peu bien), qu'elle vous doit, que vous voulez être payé, qu'elle ne peut payer,— de ce moment-là les autres créanciers les bomberont dessous à coups redoublés et vous feront votre besogne à vous sans que vous y paraissiez. Rotschild vous fera cela à merveille. On arrivera par cela à deux fins — les autres créanciers la tracasseront tellement et surveilleront tellement avec des yeux de lynx la rente arrivant de Berlin, qu'elle ne pourra plus envoyer à Zuric et vous garderez toujours votre terrible papier en poche comme spectre effrayant.

En même temps faites aller Golowin à Zuric, cela fera très salutaire pour m-r... Golowin avec sa grosse maîtresse (on me dit qu'il l'a avec lui) peuvent prendre logement à l'Hôtel du Lac — belle situation, bonnes chambres, excellent service.

Vous viendriez à Genève le moment que j'apprends que m-me s'y rend.

Premier but de tous ces démarches: Rendre impossible à m-me le séjour de Nice... Forcer le couple de se réunir pour pouvoir le tracasser plus efficacement, le reduire ainsi à notre dernier but.

Ce but me paraît toujours la réhabilitation de votre femme vis-à-vis de vos enfants et du monde dans lequel nous vivons. Ne me comprenez pas mal, je vous en prie— je comprends parfaitement qu'il n'y avait pas besoin d'une réhabilitation quelconque vis-à-vis de vous du moment que vous acceptiez la conciliation avec son passé — je veux parler seulement des impressions que peuveut avoir plus tard les enfants vis-à-vis de monde qui les entoure. Je crois donc qu'il faut toujours diriger nos efforts vers ce but — ravoir les preuves et les documents, que l'autre possède et que dans une main tellement perfide et chantée pourront toujours, quoiqu'ils soutiennent, servir comme souillure à une mémoire qui doit être chère à vous et à vos enfants.

Vous en êtes convenu avec moi dans le temps que même l'extirpation de l'individu ne pourrait prévenir cette souillure, vu que m-me resterait — vous avez dit vous-même que vous donneriez volontiers ce qu'il faut pour les faire filer en Amérique, pourvu que vous eussiez ces documents entre vos mains [14].

Agissons en conséquence.

J'ai touché ce point vis-à-vis du beau-frère — je lui ai dit que la seule solution honorable de l'affaire (de la part de G. H⟨erwegh⟩), aurait été de renvoyer immédiatement, après avoit reçu la dernière lettre décisive de votre femme [15], ses lettres à elle. Il est parfaitement convenu de cela. Je lui ai touché alors le second point — je lui ai dit, que vous, autant que tous les amis, seriez contents de voir finir l'affaire, si ces lettres et documents fussent restitués — mais que vous ne cesseriez jamais vos persécutions, aussi longtemps que vous les sauriez encore en possession de l'autre. Je ne lui ai rien dit de plus — il a approuvé cela fortement et il va bientôt en écrire à m-me. Je l'ai instruit de le faire de manière comme si cette proposition venait de lui et de n'en parler d'abord que vaguement comme sa propre appréciation. Plus tard on touchera ce point avec plus de précision.

Voici quelles sont mes réflexions à ce sujet. M-me se croit dérobée le rôle de protecteur et de sauveur de son mari — elle se tourmente incessamment la tête pour cela. Elle aura, d'un côté, les tribulations continuelles pour l'argent — tous les séjours bouchés — le crédit enfoncé — la vie dure — le mari qui la tourmente, enfin une vie d'enfer — et on lui présentera toujours cet avenir riant sous la condition du rendement des lettres. Elle en remplira les oreilles de m-r qui, à la fin, s'exécutera.

Je ne sais si vous entrez dans ces réflexions — mais je les crois justes, et nous aurons de puissants auxillières dans la famille à Berlin qui tient les cordons de la bourse. Mais il faut pour cela un ménagement excessivement sage de vos ressources et de vos moyens et une intrigue plus que russe.

Il faut surtout du silence vis-à-vis certains de vos amis — vous me comprendrez assez [16]. Enterrez-vous donc, si vous voulez, à Paris ou à Londres — travaillez vôtre mémoire [17] — il vous prendra du temps, vous soulagera l'esprit et le débarassera en même temps, et empêchez le général [18] et Engelson de faire des bêtises, ne dévoilez pas aux autres Russes babillards ce que vous allez faire — affichez votre occupation à réunir le verdict [19]... mais acquériez à la sourdine tous ces épingles, par lesquelles vous piqueterez continuellement pour traquer votre gibier dans l'impasse [20].

J'ai presque horreur de moi-même en relisant cette lettre — je la finis donc au plus vite.

Quant à l'affaire Presset — faites-la vous-même comme bon vous semblera [21].

Mille choses au général et à tous les amis; songez bien que tous vos fils d'araignée seront rompus dès le moment qu'un tiers saurait que vous êtes le confident de mes rélations avec la famille de Berlin. Donc ⟨...⟩*

Tout à vous C. V o g t

---

* Далее в автографе отрезано несколько слов.— *Ред.*

Перевод:

Любезный мой друг!

Наконец-то я избавлен от этой проклятой мигрени, которая, как я полагал, надежно упряталась в недрах Нейгауза. Поэтому теперь я могу немножко поговорить о делах, от которых держался вдалеке во время этой последней идиллии [2]. Вот почему опротестованный вексель доходит до вас так поздно [3] — я совсем позабыл об этом, когда запретил присылать мне письма в Нейгауз, ибо я не думал вначале, что мое пребывание там столь затянется.

Так вот, теперь вы видите, что сей господин вынужден был объясниться и начисто отречься от действий своей жены [4]. Живет он в Цюрихе, выставленный на позор больше, чем когда бы то ни было,— все от него отстранились, даже венский поэт [5] и дрезденский музыкант [6],— ему остается лишь Вилле [7], повторяющий (не давая денег) ту роль, которую вы играли по отношению к нему в Париже, т. е. он считает нужным оказывать ему поддержку только потому, что все остальные его покинули [8]. С четвертого этажа он уже вынужден был подняться в мансарды Hôtel du Lac. Брат мой и моя мать [9], которые поочередно побывали в Цюрихе (Адольф там его видел переходящим улицу), собрали эти подробности.

Я принял во время своего трехдневного пребывания в Нейгаузе визит шурина [10]. С ним я просмотрел всю находившуюся в моих руках переписку; я разъяснил ему все подробности и нашел его таким, каким и предполагал вначале,— преисполненным желания любой ценой отделаться от этого вампира [11]. Он сообщил мне взамен бессчетные подробности о мошенничествах, при помощи которых из них выжат был последний грош, и я получил через него прямое заверение, что они ни в коем случае ничего не станут больше делать ни для него, ни для нее. Она бомбардировала в последнее время своих родственников письмами, исполненными отчаяния... ибо она до такой уже степени задолжала в Ницце, что ей понадобилось бы, как говорят, 5 000 фр., чтобы покинуть этот город. Пока же мне сообщают, что сей господин ищет в Цюрихе жилье для себя и своего семейства — он ни в коем случае не поедет ни в Ниццу, ни в Италию, потому что его положение чересчур затруднительно. Пока же его тесть [12] поручил одному адвокату в Цюрихе исподтишка оповестить всех заинтересованных лиц, что долги своего зятя он никогда оплачивать не станет.

Семья далеко не зайдет — никакого публичного оповещения она не сделает и поместить м⟨ада⟩м на полный пансион, как я предложил, не решится. Однако, насколько это будет возможно, ее урежут — на первый случай отобрав у нее мальчика [13] и оплачивая его содержание в каком-нибудь учебном заведении начиная с Берлина. Однако все пособие м⟨ада⟩м (из которого еще вычтут на содержание мальчика) уже сведено к 1 500 талеров (5 000 фр.), и оно будет еще более сокращено в будущем году — когда и вообще будет сведено, по возможности, на нет. До того же времени никак нельзя — ни физически, ни материально — дать ей хотя бы на грош больше, даже если ей пришлось бы отправиться за долги в тюрьму.

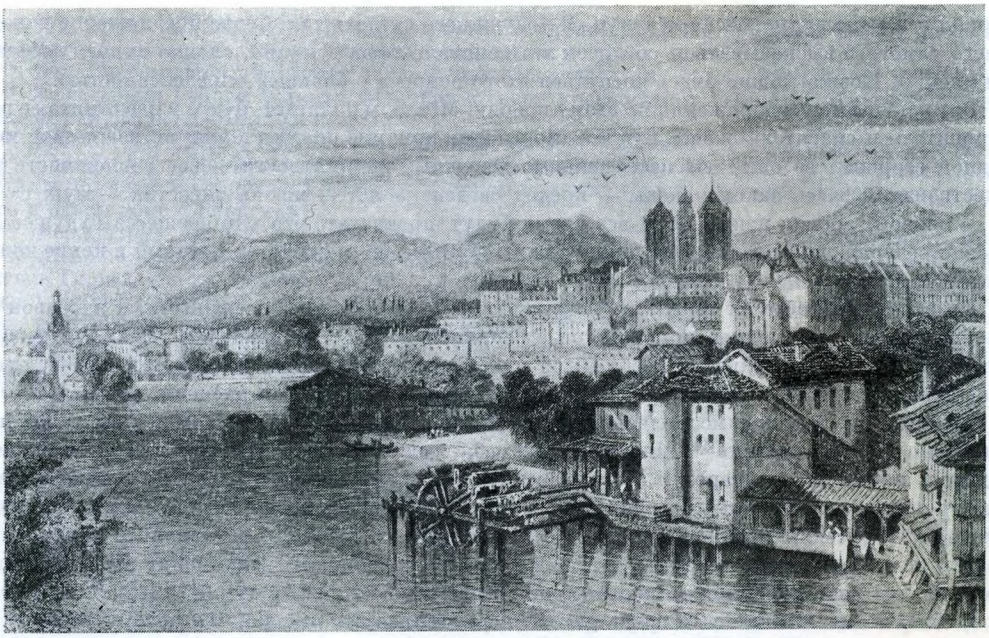
Оценка фактов, касающихся поведения м⟨ада⟩м, ее братом, как и следовало ожидать, предельно снисходительна: деморализация, вызванная нравственным принуждением, а теперь полная мономания, препятствующая всякому суждению, всякой критике своего мужа,— это полностью совпадает с моей точкой зрения, и я полагаю, что вы поступили бы столь же благоразумно, если бы, несмотря ни на что, согласились с этим взглядом.

Головин в Лугано.

Г-жа Г⟨ервег⟩ рассчитывает устроить Гораса в какой-то женевский пансион и, по возможности, самой там обосноваться.

Все это, по-моему, следует принять в соображение, и вот что я предлагаю.

Заставьте зажать м⟨ада⟩м в тиски в Ницце, представив к оплате вексель, и отдайте приказ добиться оплаты таким образом, чтобы дело это потихоньку стало известно всей Ницце и чтобы кредит ее был тем самым полностью подорван. Но дальше этого не идите, с нашей стороны это было бы «прости-прощай». Как только об этом узнают (а в Ницце все становится известно, если за дело берутся сколько-нибудь толково), что она вам должна, что вы хотите уплаты, что она платить не может,— с этого самого момента остальные кредиторы примутся исподтишка бомбардировать ее удвоенными ударами и выполнят за вас вашу работу без того, чтобы вам самому пришлось высунуть нос наружу. Ротшильд превосходно для вас это сделает. Тем самым достигнуты будут две цели—другие кредиторы примутся так ее тормошить и станут так следить рысьими глазами за пособием, получаемым из Берлина, что она не сможет больше посылать деньги в Цюрих, и вы по-прежнему сохраните ваш ужасный вексель в кармане, словно устрашающий призрак.



ЖЕНЕВА
Гравюра братьев Руарг, 1860
Из альбома: Xavier de Marmier. Voyage en Suisse. Paris, 1862

Одновременно пошлите в Цюрих Головина, это будет весьма благотворно для муженька... Головин со своей полнотелой любовницей (мне говорят, что она с ним) могут поселиться в Hôtel du Lac — прекрасное местоположение, прекрасные комнаты, превосходное обслуживание.

Вы же приехали бы в Женеву в тот момент, когда мне станет известно, что м⟨ада⟩м туда направляется.

Первая цель всех этих демаршей: Сделать для м⟨ада⟩м невозможным пребывание в Ницце... Заставить сию чету съехаться, чтобы получить возможность донимать ее более действенно, значит осуществить, таким образом, последнюю нашу цель.

Этой целью я по-прежнему считаю реабилитацию вашей жены по отношению к вашим детям и к миру, в котором мы живем. Не поймите меня превратно, прошу вас,— я отлично понимаю, что для вас не было нужды в какой бы то ни было реабилитации с того момента, как вы согласились на примирение с ее прошлым,— я хочу лишь сказать о том впечатлении, которое дети впоследствии могут себе составить относительно окружающего их мира. Итак, я полагаю, что усилия наши должны быть постоянно направлены к этой цели — получить обратно доказательства и документы, коими субъект обладает и кои в столь коварной и шантажистской руке всегда смогут — какие бы намерения ни преследовались — возникнуть как пятно на памяти, которая должна оставаться дорогой и вам и вашим детям.

Вы теперь согласны со мной, что даже уничтожение известной личности не смогло бы предупредить появления этого пятна, поскольку м⟨ада⟩м-то оставалась бы,— вы сами сказали, что охотно отдали бы все, что потребуется, лишь бы заставить их убраться в Америку, лишь бы вам удалось заполучить в свои руки эти документы [14].

Будем же соответственным образом действовать.

Я затронул в беседе с шурином и этот вопрос — сказал ему, что единственным достойным разрешением дела (со стороны Г. Г⟨ервега⟩) было бы немедленно возвратить — после того, как он получил последнее решительное письмо от вашей жены [15],— ее письма. С этим он полностью согласился. Тогда я затронул второй вопрос — сказал ему, что вы, так же как и все друзья, были бы рады прекращению дела, в случае если эти письма и документы будут возвращены,— но что вы никогда не согласились бы прекратить свои преследования, пока не узнали бы, что они еще находятся во владении другой стороны. Больше я ему ничего не сказал — он это решительно

одобрил и вскоре напишет сие м⟨ада⟩м. Я подучил его сделать так, будто предложение исходит от него самого, и высказываться обо всем этом вначале лишь туманно, словно о своем собственном мнении. Позже можно будет коснуться этого вопроса с большей определенностью.

Вот каковы мои соображения по этому поводу. М⟨ада⟩м полагает, будто у нее отнята ее роль покровителя и спасителя своего мужа,— по этой-то причине она без конца истязает свой мозг. С одной стороны, ее ожидают нескончаемые денежные неприятности — все возможности для существования здесь законопачены — кредит сведен на нет — жизнь тягостна — муж ее мучит — словом, адская жизнь, а ей все время будут предлагать это улыбающееся будущее при условии возвращения писем. Она прожужжит об этом уши муженьку, который в конце концов сдастся.

Не знаю, вникнете ли вы в эти соображения,— я же считаю их верными, а вдобавок мы приобретем могущественных помощников в берлинской семье, держащей в руках застежки от кошелька. Для этого, однако, необходимо исключительно мудрое, осмотрительное использование ваших ресурсов и ваших средств, а также нечто большее, чем русская интрига.

Особенно же необходимо молчание в присутствии некоторых из ваших друзей — вы меня достаточно хорошо поймете [16]. Погребите же себя, если хотите, в Париже или в Лондоне — трудитесь над своим мемуаром [17],— это займет у вас время, освежит ваш ум и освободит его в то же время от бремени — и помешайте генералу [18] и Энгельсону натворить глупостей; не открывайте другим русским пустомелям того, что вы собираетесь делать,— выставляйте напоказ свои хлопоты по сколачиванию вердикта [19]... но в то же время собирайте втихомолку все те шпильки, которыми вы постоянно будете колоть, дабы загнать свою дичь в тупик [20].

Я испытываю к себе нечто вроде ужаса, перечитывая это письмо,— и потому наскоро его заканчиваю.

Что касается дела Прессе — то поступайте сами, как вам покажется лучше [21].

Тысяча приветствий генералу и всем друзьям; не забывайте, что все ваши паутинки будут оборваны, если только кто-нибудь третий узнает, что вы в курсе моих сношений с берлинской семьей. Итак ⟨. . .*⟩

Всецело преданный вам К. Фогт

[1] Дата устанавливается по связи с письмом Герцена к Фогту от 16 сентября 1852 г. (XXIV, 337—340), которое, вероятно, являлось ответом на это письмо.

[2] По-видимому, намек на увлечение Фогта Марианной Мишель. См. ниже.

[3] Вексель Эммы Гервег, взявшей взаймы у Герцена 20 августа 1850 г. 10 000 фр. Гервег отказался оплатить, заявив, что деньги были взяты его женой у Герцена без его ведома. (X, 311—312, 511). Он был опротестован Фогтом в Париже 27 августа 1852 г.— см. *Л* XIV, 105.

[4] В своем открытом письме, помещенном в газете «Neue Zürcher Zeitung» 6 августа 1852 г., Г. Гервег заявил, что у него не было никакой необходимости занимать деньги у Герцена, поскольку он, Гервег, сам «*имел все*, в чем нуждался» (*Л* VII, 118; ср. X, 311). Герцен так отозвался об этом в письме к Фогту от 16 сентября: «Итак, он совершил еще одну подлость ⟨. . .⟩ Он же сам и обвиняет свою жену в мошенничестве» (XXIV, 338; ср. 340—341).

[5] Эту личность установить не удалось.

[6] Рихард Вагнер, продолжавший поддерживать приятельские отношения с Гервегом. Свою дружбу с ним Вагнер объяснил в письме к Герцену так: «Мое участие к Гервегу объясняется надеждой,— надеждой на будущее, а вовсе не вспоминанием о прошлом» (*Л* XIV, 121—124; ср. XXIV, 294—299).

[7] Франсуа (Франц) *Вилле* (1811—1896) — цюрихский врач, журналист, друг Г. Гейне, секундант Г. Гервега в его предполагавшейся дуэли с Герценом.

[8] Как отмечается в «Былом и думах», Герцен в 1848 г., после бесславного возвращения Гервега в Париж из так называемой «баденской экспедиции», «играл роль какого-то опекуна, защищая его от других...» (X, 251).

[9] *Брат* — Адольф Фогт (1823—1907) — врач в Берне; *мать* — Луиза Фогт (урожд. Фоллен; 1799 — после 1864) — адресатка Герцена; упоминается в «Былом и думах» (165—166, 240) и ниже.

[10] Вероятно, доктор Г. Зигмунт, брат Эммы Гервег.

[11] Фогт называет так Г. Гервега, эксплуатировавшего в денежном отношении берлинских родственников своей жены.

[12] *Зигмунт* — отец Эммы Гервег, берлинский торговец шелком.

[13] Девятилетний сын Гервегов — *Горас* (1843—1904), впоследствии инженер.

[14] Речь идет о письмах Н. А. Герцен к Г. Гервегу, хранившихся последним как оружие против Герцена и «для самообороны». См. частичную их публикацию в т. 64 «Лит. наследства» (с. 259—318).

[15] Имеется в виду письмо Н. А. Герцен к Гервегу от 18 марта 1852 г., введенное Герценом

* Далее в автографе отрезано несколько слов.— *Ред.*

в «Былое и думы» (X, 290—291). В нем она резко осудила Гервега и его недостойное поведение и окончательно объявила, что не покинет своего мужа и семью.

[16] Фогт, несомненно, намекает здесь в первую очередь на В. А. Энгельсона и Э. Гауга.

[17] В это время Герцен задумал «мемуар» о своем конфликте с Гервегом. Из этого замысла впоследствии выросли «Былое и думы».

[18] Эрнест *Гауг* (1818—1888) — австрийский офицер, участник венской революции 1848 г.; в 1849 г. защитник республики в Риме, где получил звание генерала. В 1852 г. принимал близкое участие в конфликте Герцена с Гервегом, целиком приняв сторону Герцена. В Лондоне он поселился в одном доме с Герценом.

[19] «Вердиктом» Герцен и его близкие называли в это время обвинительный приговор, которым виднейшие представители европейской демократии должны были заклеймить аморальные действия Гервега по отношению к Герцену и его жене. Этим «вердиктом» пытались заменить отживший обычай разрешения «конфликтов чести» посредством дуэли. Однако «вердикт» над Гервегом, к глубокому разочарованию Герцена, вынесен не был.

[20] Вступать в переговоры с Гервегами, «делать первые шаги, предложения» Герцен (в ответном письме от 16 сентября) решительно отказался (XXIV, 339).

[21] См. выше п. 2.

4

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 3 января 1853 г.〉

Любезный мой друг!

«Prost Neujahr!» * — кричит Германия от края и до края по случаю Нового года, и я тоже не хочу упустить возможности прокричать это же вам в ухо даже тогда, когда вы, по-видимому, погружены в Titchie 〈?〉 islands **,— до такой степени вести от вас становятся редкими, особенно с тех пор, как Эдмон и Тесье возвратились в столицу, где Эд〈мон〉 погрязает в наслаждениях бредового ужаса. Он видит, как появляются бурбоны, иезуиты, сам дьявол со своей свитой, и это внушает ему сильный страх, судя по тому, что́ он пишет [1]. Похоже, что новопрудоновская спекуляция уже достигла той черты, с которой Луи Наполеон рассматривается как единственный якорь, дающий еще возможность этому бедному суденышку свободы, лишенному мачт, руля и с пробитым днищем, противостоять последнему удару волн, которые должны его поглотить [2]. Вскоре мы примемся выпрашивать у Франца Иосифа или у Николая 〈I〉 свободы, ограниченной у одного австрийским добродушием [3], а у другого — Schnaps'ом ***. Очаровательная перспектива.

Я узнал сейчас от Эдмона, что вы вот-вот получите разрешение возвратиться в Париж. Поторопите же теперь это дело — пока еще не совсем прошло дурное настроение, вызванное запаздывающим признанием империи,— впоследствии затруднения, быть может, увеличатся [4]. Я вас искренне поздравляю — ибо вопреки всему, что вы говорите о приятностях Лондона, я упорствую в своем прежнем предубеждении против этого очаровательного местопребывания. Особенно учусь я дорожить туманами за их истинную высоту. Можно подумать, что мы перенесены отсюда в Лондон — еще не знаю, как выглядит солнце в Женеве. С самого начала империи мы тщетно ищем лик великого Наполеона I, вырисовывающийся на Монблане [5],— он укутывается с упорством, достойным лучших времен. Это вполне подходящая пара для правительственных туманов. Итак, вы скоро узнаете, что радикальный союз в Женеве заметно напоминает сердечное согласие г. Гизо [6]. Ожесточенная война. Фази [7], Турт [8] и пр.— на одной стороне с правительством, государством, радикализмом; Дюшозаль [9], Резен [10] — на другой стороне — с городом, больницей, корпорацией и буржуазией [11]. Крупная ругань по любому поводу. Даже слова «город», «государство» немедленно заставляют вскакивать поборников той и другой стороны, словно неистовых петухов или индюков при виде красной тряпки.

Und die Keilerei geht los,
Und der Utz ist wirklich gross****.

---

* «С Новым годом!» (*нем.*).

** «Тичи» 〈?〉 острова (*англ.*).

*** водкой (*нем.*).

**** И начинается драка. И крошка Ульрих теперь поистине велик (*нем.*).

Между тем через несколько лет, по всей вероятности, это погрузит на дно всю сию лавочку, если только она еще сможет продержаться некоторое время на поверхности.

Сам я никак не мог этим заниматься в последнее время, ибо, к несчастью, вынужден был отдаться более грустному делу. Мой бедный друг Людвиг Симон из Трира [12] приехал сюда полумертвым и теперь окончательно умирает [13]. По-видимому, никакой надежды на его спасение уже нет — мой отец [14] установил диагноз — неизлечимое сужение нижнего отверстия желудка, что осуждает его на медленную смерть от истощения. Бедняга дошел уже до состояния скелета: ему едва-едва удается на полчаса в день подняться. Одна дама, путешествовавшая с ним вместе, не будучи знакома, приняла его за сорокапятилетнего болезненного человека, между тем как ему едва ли больше тридцати. Мы ожидаем, что он скончается к весне. Вы сделали бы мне одолжение, если бы сообщили об этом Лёве [15], адреса которого у меня нет, и притом попросили бы все же не разглашать это известие, ибо родственники еще не знают о серьезности болезни. Г-жа Гогенемзер [16] приютила бедного малого у себя и опекает его, словно родная мать.

К этому прибавляются и другие терзания. Добрые люди, которые прежде, когда я еще подавал надежды стать мирным и солидно устроившимся немецким профессором, эти славные люди, дававшие мне тогда деньги взаймы, воображают теперь, будто я отыскал Калифорнию и изобрел Австралию [17], и надоедают мне больше, чем следовало бы. Не знаю еще, как мне с ними развязаться.

Вы знаете ли, что ницкий Атеизм по 300 строчек в день [18] породил истинную бурю? Г-н Р. Вагнер из Геттингена опубликовал яростную статью в аугсбургской газете; я дал ему отпор во франкфуртской газете [19]. Под конец все это стало известно здешним ретроградам, и они утверждают, что намерены забрать своих детищ из Академии [20]. Это перепугало других профессоров, таких же ретроградов и таких же реакционеров, и, дабы отразить опасность, они предлагают мне убраться прочь, чтобы не расстраивать единства, царившего в Академии. Я ответил им, что их демарш приносит мне честь, но что я намерен продолжать в том же духе. «Тогда мы вынуждены будем сами подать в отставку».— «От этого придет в восторг правительство, которое вас не любит».— «Пусть так, но мы создадим вольную Академию».— «А во сколько это вам обойдется?» И мой собеседник оторопел. «Послушайте,— говорю я.— Сейчас я выведу вас из этого затруднительного положения. Предположим, что трое или четверо из вас подадут в отставку — каждый получает теперь по 3000 фр. в год — то есть вы потеряли бы 12 000 фр. Дайте одну четверть этой суммы мне в виде пожизненной ренты — 3000 фр. в год: я обещаю вам покинуть Женеву и отправиться на житье в Париж». Это предложение ошеломило их — они притихли.

В остальном — ничего нового. Я видел Фраполи [21] — он больше не участвует в заговорах. Занимается железными дорогами. Альмера [22] уже не у кормила власти — железная дорога. Теперь только этим и занимаются. Не хотите ли купить земли на укреплениях? [23] Здесь продают участки — выгодное дело: за пять лет капитал должен удвоиться.

Фраполи прибыл из Цюриха. Никому не известно, существует ли еще Г⟨ервег⟩ или же нет,— днем он не выходит, до такой степени оплеван. Г-жа Эмма, по-видимому, испытывает большие неприятности в Ницце — также из-за вас. Это хорошо — alle druff *.

Тысяча приветствий Саше и генералу.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, 3 января 53 г.
180, rue du Rhône

[1] Это письмо К. Э. Хоецкого (Шарля Эдмона) к Фогту из Парижа, куда он получил разрешение вернуться, неизвестно. В нем, по-видимому, описывались последствия недавнего государственного переворота во Франции — жестокие репрессивные меры, расстрелы — и излагались соображения о дальнейшем ходе событий.

* бей врага! (*прусск. выражение*).— Последний абзац отчеркнут на полях — вероятно, Герценом.— *Ред.*

[2] Имеется в виду брошюра П. Ж. Прудона «La révolution sociale démontrée par le coup d'Etat du 2 décembre 1851», в которой он доказывал, что захват власти Луи Наполеоном может содействовать торжеству демократии (см. XIII, 231, 548).

[3] Перефразировка известного выражения г-жи де Сталь о России начала XIX в.: «Самодержавие, ограниченное удавкой».

[4] Фогт советует Герцену настойчиво добиваться официального разрешения на пребывание во Франции, которому мог содействовать тот факт, что Наполеон III испытывал чувство обиды по отношению к Николаю I, не спешившему одобрить восстановление империи во Франции. В начале 1853 г. разрешение на пребывание во Франции было получено. Герцен собирался тогда же отправиться в Париж в связи с болезнью М. К. Рейхель, у которой жили его малолетние дочери Тата и Оля. Здоровье Рейхель, однако, поправилось, и Герцен решил воздержаться от поездки.

[5] Женевцы уверяли, будто на обращенной к Женеве стороне Монблана вырисовывается огромный профиль Наполеона I.

[6] *«Сердечное согласие»* («entente cordiale») — известное выражение из тронной речи короля Луи Филиппа от 27 декабря 1843 г., характеризующее взаимоотношения Франции и Англии (это выражение приписывается и министру иностранных дел Франции Ф. П. Гизо).

[7] О Дж. *Фази* см. ниже в разделе «Сообщения».

[8] Абраам Луи *Турт* (1818—1863) — швейцарский политический деятель, начальник Департамента народного образования Женевского кантона, художник, радикал; в 1851—1852 гг.— государственный советник. С ним Герцен встречался во время своего пребывания в Швейцарии.

[9] Жан Анри *Дюшозаль* (1819—1875) — женевский радикал, сторонник Дж. Фази.

[10] Пьер *Резен* (1820—1870) — женевский адвокат, радикал, член Административного совета города Женевы и депутат Большого совета.

[11] Политические противники Фази выражали сильное недовольство его деятельностью, сопровождавшейся радикальными реформами и ломкой традиций, в частности отменой ряда отживших установлений, закрытием старой больницы и Экономического общества.

[12] Людвиг *Симон из Трира* (1810—1872) — немецкий политический деятель, буржуазный демократ, депутат Франкфуртского парламента, где он занимал крайне левое место, рядом с Фогтом. После провала революции 1848 г. эмигрировал в Швейцарию. Симон являлся автором статьи, косвенно направленной против Герцена и его взглядов (см. *Л* V, 542—543; X, 253 и ниже, в разделе «Сообщения», работу В. А. Смирновой «Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе»).

[13] Симон не умер в 1853 г., как предполагал Фогт, а прожил еще двадцать лет.

[14] Филипп Вильгельм *Фогт* (1789—1861) — швейцарский профессор медицины, о котором с большим уважением рассказывает Герцен в «Былом и думах» (X, 165—170).

[15] Вильгельм *Лёве* (Лёве-Кольбе; 1814—1886) — доктор медицины, вице-президент революционного Франкфуртского парламента в 1848 г.; эмигрировал в Швейцарию, затем в Лондон и позднее в Северную Америку. Было ли написано Герценом письмо к Лёве, неизвестно.

[16] Софи *Гогенемзер* (1809—?) была родом из Великого герцогства Баденского; в марте 1848 г. переехала со своими детьми в Женеву, оттуда в июле 1853 г. переселилась во Францию.

[17] Т. е. стал очень богатым: в Калифорнии в 1848 г. и в Австралии в 1851 г. были открыты золотые россыпи.

[18] В конце 1840-х и в 1850—1852 гг. Фогт работал в Ницце над рядом исследований по физиологии и зоологии, имевших откровенно атеистический и материалистический характер. Вероятно, Фогт намекает здесь на свое правило писать каждый день строго обусловленное число строк.

[19] Нападки на Фогта профессора Геттингенского университета Рудольфа *Вагнера* (1805—1864) в связи с вышедшей в свет книгой Фогта «Bilder aus dem Thierleben» (1852) открыли бурную полемику между ними, продолжавшуюся целые годы.

[20] Женевское высшее учебное заведение, в котором Фогт был профессором.

[21] Лодовико *Фраполли* (1815—1878) — итальянский ученый, деятель революции 1848 г., политический эмигрант, сподвижник Гарибальди. См. о нем подробно в *ААН*, 104—105.

[22] Александр Феликс *Альмера* (Альмерас, 1811—1866) — женевский художник и политической деятель-радикал, друг Дж. Фази, депутат Большого совета. См. о нем в *ААН*, 105.

[23] Одной из первых радикальных мер правительства Фази был снос старых военных укреплений, окружавших Женеву и мешавших ее развитию. С решением снести укрепления ожесточенно боролись консерваторы и приверженцы старой Женевы, которых пугали социальные, политические и религиозные последствия промышленного и торгового развития Женевы.

5

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 3 марта 1853 г.〉

Любезный мой Герцен!

Я очень задержался с ответом на ваше последнее письмо [1], все ожидая инструкций от генерала насчет отправления безделушек, им у меня оставленных. Боюсь теперь, что письмо, на котором хотя и был полностью начертан этот несуразный адрес Hawkes и пр., не дошло до него и что генерал отправился к кенгуру [2] в твердой уверенности, что я вознамерился беззаконно лишить его более

или менее нежных сувениров, вероятно содержащихся в пакете. Матьё [3] извещает меня сегодня, что генерал окончательно уезжает 5-го — с трудом верю этому, ибо у меня, полагаю, есть кой-какой опыт с его отъездами.

Все же направляю вам это письмо через Эдмона [4], который захворал сейчас ангиной при попытке проглотить мои немецкие труды. Ибо, искренне говоря, я почти не могу поверить в продолжительность вашего пребывания в Лондоне, разве только г-жа Рейхель отделалась от болезни, которой страдала. Мне кажется, что заботы, в коих столь нуждаются дети, не должны особенно способствовать ее выздоровлению, если только выздоровление это возможно, и, кроме того, вы подвергаетесь значительному риску увидеть, как отбирают или просрочивают это разрешение на въезд в Париж, а ведь вы так дорожили им совсем недавно.

Ваше последнее письмо представило мне немало поводов для размышления. Вы у меня просите совета, говоря, что хотите иметь детей своих близ себя; что в Париже оставаться вы не сможете; что вам предстоит лишь выбирать между Лондоном и Швейцарией. И в то же время вы говорите мне, что я исполнен предубеждений против Лондона и Англии! Но, несчастный, вы легко могли бы предвидеть мой ответ, отмеченный влиянием этого предубеждения, а также желанием обладать вами здесь, где я пригвожден теперь, словно Прометей к скале,— с той лишь разницей, что коршун (Фази) угощает меня печенкой (гусиной) вместо того, чтобы пожирать мою [5]. Итак, в своих рассуждениях я исходил из вышеназванных основ, а результат их я сообщу вам после того как выиграю бой или, вернее, укреплю на прочных и сугубо личных основаниях свое предубеждение.

По моему мнению, дорогой мой Герцен, Лондон для вас зловреден, а доказательство этому я нахожу в ваших письмах, которые ясно как день подтверждают, что с каждым днем вас все больше и больше охватывает сплин и что он вновь овладевает вашим рассудком. Не знаю, Англия ли тому виною или же общество генерала, но для меня генерал — это одно из воплощений Англии, и я думаю, что влияние это, даже если самая непосредственная причина его в генерале, удержится и после его отъезда. Напрасно станете вы говорить мне, что в Лондоне держишь палец на пульсе времени, как выразился как-то один из баденских министров,— это не мешает тому, что каждой отдельной личности лучше иметь в порядке свой собственный пульс. Если, может быть, и верно, что Европа прогнила, то не менее верно и то, что можно прогнить самому, повторяя ежеминутно, будто каждый в отдельности прогнил; и я полагаю, что климат, общество, даже самая лондонская деятельность много способствует возрастанию и усилению подобного расположения духа.

Перейдем теперь к моим соображениям, вызванным письмом.

С моей личной точки зрения, все прежде всего зависело бы от состояния здоровья г-жи Рейхель, по отношению к которой у вас, по-моему, обширнейшие обязательства вследствие проявленной ею преданности. Если эта бедная женщина достаточно поправилась, чтоб иметь возможность, как прежде, холить ваших детей, то, по-моему, вам следовало бы оставить их у нее еще на некоторое время, даже до будущего года. Из-за потери своего собственного ребенка [6] она, естественно, еще больше привяжется к вашим малюткам, и я думаю, что вы нанесли бы ей пагубный удар, лишив ее этого утешения.

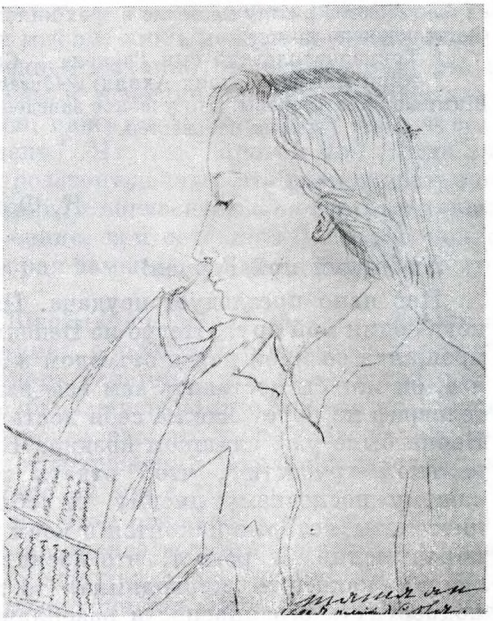
Полагаю, что действовать следует противоположным образом, если г-жа Рейхель до такой степени больна, что заниматься детьми не сможет или если дети могут ухудшить ее состояние. Но тогда вам по крайней мере не следует мешкать с поездкой в Париж, и вы должны разгрузить ее, насколько это возможно, даже совсем увезя детей.

В этом случае я вижу для вас лишь один выход — где-нибудь обосноваться, устроить себе дом, в котором вы сможете доверить своих дочерей, под собственным вашим наблюдением, гувернантке. Они, по моему мнению, еще слишком малы для помещения в пансион, к людям, которым все равно, каким ребенком ни заниматься. Допустим, что вы приехали бы сюда и устроились в доме, расположенном невдалеке от города — в Паки́ — в Пленпале — в Серветте — в О-Виве,— где соединены преимущества города и деревни, столь необходимой для физического

развития детей,— я уверен, что там вы смогли бы найти надежную и преданную особу — даже среди нейгаузских девиц [7],— готовую взять на себя материальную заботу о детях, и там вы в то же время обрели бы, верно, поддержку у нескольких дам — таких, как г-жа Турт или г-жа Гогенемзер, которая, несмотря на свои странности,— личность, преисполненная доброты. Вам легко было бы заполучить здесь превосходных учителей и учительниц и иметь своих дочерей близ себя.

Не вижу иного решения в случае, если вы не сможете оставить детей у их второй матери, г-жи Рейхель, как вести самому свое домашнее хозяйство где бы то ни было — в Лондоне, в Женеве или в Париже.

Позвольте мне теперь поговорить о мальчике [8]. Умоляю вас в собственных его интересах больше не оставлять его при домашнем образовании и сочетать это последнее по крайней мере с образованием в общественном учебном заведении. Конечно, именно теперь пора извлечь его из замкнутого общества сложившихся мужчин и запустить в среду мальчиков того же возраста, заставив вступить в соприкосновение со всеми этими благими и дурными элементами, находящимися в общественном заведении. Теперь, с вашим знанием Лондона и его учреждений, спросите себя, поместите ли вы Сашу в английскую школу. Не знаю, что вы об этом думаете, но, судя по рассказам, прочитанным или слышанным мною, я не пожелал бы поместить своего мальчика в английскую школу, в то время как охотно доверил бы его гимназии в Женеве или пансиону Рёдигера [9], где вы могли бы соединить две вещи: солидное образование в кругу соревнующихся между собой ровесников и пребывание дома, среди семейных радостей в часы, свободные от уроков.



САША ГЕРЦЕН
Рисунок Н. А. Герцен (матери). Карандаш, ‹1850—1851›
Музей Герцена, Москва

Ничего не могу сказать вам отсюда о том, чего вы уже не знали бы из газет; что же касается меня лично, то я тружусь как вол, но мне почти не удается отделаться от работы, а она постоянно прибавляется. Тем не менее не могу сказать ничего дурного о своем положении, оно хорошо и оставляет мне много свободного времени.

Прощайте, любезный мой друг,— до скорого свидания, надеюсь.

Всецело преданный вам К. Фогт

3 марта 53 г.[10]

[1] Это письмо Герцена остается неизвестным.

[2] Затянувшийся переезд Э. Гауга в Австралию постоянно вышучивался Герценом и Фогтом.

[3] Жак *Матьё* (1818—?) — французский адвокат; был ранен на баррикаде в Париже во время февральской революции 1848 г. В конце 1849 г. он переехал в Ниццу, где познакомился с Герценом и Фогтом. После государственного переворота 2 декабря 1851 г. Матьё пытался вместе с другими эмигрантами поднять восстание у себя на родине, в Варском департаменте, граничившем с Ниццей. И сам Матьё, и его участие в этом восстании несколько гротескно описаны Герценом в «Былом и думах» (X, 214—220). Изгнанный из Ниццы в конце 1852 г., Матьё поселился в Женеве. См. о нем в *ААН*, 106.

[4] Шарль *Эдмон* — Карл Эдмунд Хоецкий.

[5] Шутливый намек на древнегреческий миф о прикованном к скале Прометее, которому орел каждый день расклевывал печень.

[6] У М. К. Рейхель незадолго до того умер в младенческом возрасте сын.

[7] *Нейгауз* — одно из распространенных швейцарских географических названий. В данном

случае имеется в виду местечко в трех километрах от Интерлакена, где родители будущей жены Фогта владели домом.

[8] Тринадцатилетний сын Герцена — Саша.

[9] Анри Ашиль (Генрих Ахилл) *Рёдигер* (1812—?) — содержатель «Немецкого института» в Шатлене близ Женевы. Это учебное заведение было переведено туда в том же 1853 г. из Ганау.

[10] Ответ Герцена неизвестен.

6

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 1 апреля 1853 г.〉

Любезный мой Герцен!

Нас явно преследует неудача. Письмо ваше [1] дошло до меня в тот момент, когда один мой друг, Негро из Венеции, которому я дал к вам записку [2], уже распрощался со мной перед отъездом в Лондон. Случись это несколькими днями ранее, он мог бы доставить вам всю вашу кладь. Но, к сожалению, электрический телеграф не берет еще на себя доставку пакетов, а просить о присылке вещей из Берна было уже слишком поздно. В данный момент я пишу в эту столицу федеральной трусости [3], чтоб отдать родителям распоряжения, соответствующие вашему последнему письму. Я собирался, было, поручить Негро хотя бы ваши пистолеты, которые покоятся в моем комоде в ожидании дня Страшного суда, но, поразмыслив, я решил, что поскольку бедняга путешествует без паспорта под эгидой какого-то проводника, то поручать ему переправку оружия — значит подвергнуть его опасности разоблачения [4].

С этими пистолетами большое затруднение: ввоз их в Англию запрещен, как мне сейчас сказали; так что, во всяком случае, для получения их в Англии потребовалась бы куча хлопот и денег — тем более что предметы эти придется перевозить через Францию, где, вероятно, предстоят бесконечные формальности. Здесь один немецкий оружейник, много работающий для заграницы, особенно для Америки, ответил мне: «Die Brühe käme theurer als die Brocken», что, переведенное на вразумительный язык, должно означать: вам пришлось бы заплатить больше, нежели стоят сами пистолеты [5]. Благоволите осведомиться об этом в Лондоне, и, как только вы напишете мне, я вам их вышлю.

Что же касается вашего портфеля, то я думаю, что его можно смело положить в тот же ящик, в котором находятся картины, и доверить все это транспортной конторе. В этом смысле я написал своему брату Густаву [6]. Быть может, произойдет задержка на несколько дней, так как мои родители в Берне очень заняты упаковкой и отправкой вещей моей сестры Луизы, на днях уезжающей в Америку с Кудлихом, своим мужем. По отношению к нему Федеральный совет проявил себя похуже собаки. Вам известно, что его выдачи требовал австрийский посол. Цюрихское правительство за него поручилось. Было дано согласие — позволить ему завершить свои учебные занятия. Кудлих сдал экзамены. По прибытии в Берн он опять получает приказание выехать. Цюрихское правительство опять начинает лезть вон из кожи,— отец мой дает гарантию, что Кудлих выедет в начале мая месяца,— ничто не помогает. Высылка назначается на 4 апреля. Поскольку брачные документы еще не могли быть готовы к этому сроку, ни один священник (без этих противных субъектов в Бернском кантоне бракосочетание до сих пор еще невозможно) обвенчать их не пожелал. Тогда мой отец выступил в роли патриарха — он собрал друзей дома и дал при них благословение на брак, что, разумеется, предоставляет всем кумушкам конфедерации [7] изрядный повод для пустословия.

А теперь для продолжения нашей семейной беседы позвольте мне прежде всего выразить вам свое удовлетворение вашим последним письмом. Увидев сей приказ отправить вам все — картины, сундуки, портфели, пистолеты, трости Александра и пр.,— я громко закричал: «Ясное дело, нынче же летом он приедет в Швейцарию». В этом теперь я глубоко убежден, тем более что генерал, отправляясь в Австралию, может присмотреть за домом и получить ящики в ваше отсутствие, ибо сомневаюсь, что энтузиастическое отношение к Альбиону продержится до их прибытия.

Высказав это, вновь принимаюсь за вереницу всяких чудовищностей. Если вы хорошенько припомните, я высказывал свои мысли, лишь исходя из предположения, что г-жа Рейхель находится при последнем дыхании, и говорил вам, что в ином случае вы должны предоставить ей самой решение вопроса о малютках. Теперь, к величайшему своему удовольствию, вижу, что она хорошо себя чувствует, поскольку собирается нанести вам визит [8]. Что же, дорогой мой, тогда вы обсудите все с нею устно и вы увидите, что́ предстоит делать. Эта возможность повидаться с малютками от вас никогда не уйдет, и согласитесь: во сто раз лучше будет перенести подобного рода личное лишение, чем оставлять малюток подле себя, не имея для этих детей опекунши, которая заменяет им мать, насколько это возможно.

Что же касается вашего пребывания в Швейцарии, то вы правы — теперь я с этим вынужден согласиться. Я не подумал о прежних прецедентах в этой стране по отношению к вам, и так как вы теперь говорите, что из-за воспоминаний подобного рода пребывание здесь было бы вам невероятно тяжело, то лучше и не думать об этом. Но в таком случае я упрекну вас, что вы с самого начала не выставили эту причину, ибо она не допускает возражений; однако согласитесь и с тем, что выставлять сию причину надлежало не мне [9].

Еще продолжает стоять вопрос о Саше, и в этом отношении вы меня не переубедили. Я упорствую в своем мнении, что домашнее воспитание вообще гроша ломаного не стоит, а этому мальчику еще меньше подходит, чем многим другим. Речь идет не о знаниях — я уверен, что с превосходными учителями, которых вы ему нанимаете, он научится даже большему, чем надо,— нет, я хотел бы, с точки зрения развития характера, видеть его среди соревнующихся сверстников и приятелей того же возраста. Напрасно станете вы говорить мне великолепнейшие вещи насчет собаки, генерала, Кинкеля [10] и огромного числа других бритых и бородатых демократов — это не заменит борьбы с равными по возрасту, силе и таланту; ростков личной независимости это не развивает. Именно с характером Саши, в котором исключительная деликатность сочетается с исключительной мягкостью, борьба эта необходима, ее не заменишь друзьями, с которыми видишься из недели в неделю и играешь, словно с собакой. Прошу вас снова обстоятельно обдумать эти соображения — я слишком привязан к этому мальчику, чтобы не возвращаться непрестанно к тому же вопросу.

Очень благодарен вам за услугу, которую вы недавно мне оказали [11], и присовокупляю к этому письму свою признательность, как говорит мой отец,

Für's Leben und Sterben *.

Здесь все идет плохо. Швейцария — христианка. Она получила самую красноречивую пощечину по своей тессинской щеке и вскоре подставит, дабы отомстить за это, невшательскую щеку [12]. Сыновья Телля восхитительны — они долго драли горло (ходячее женевское словечко **), подобно белуге ***, пока снег мешал переходу через С.-Готард,— теперь, когда переход свободен, они молчаливы, словно барсуки в своей берлоге. Они согласятся на все, что Австрия им ни предложит, с сокрушенным сердцем и с чувством благодарности. И заметьте, что относится это к большей части народа, а не только к Федеральному совету.

Тысяча поклонов всем друзьям. От души обнимаю Сашу.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева. 1 апр⟨еля⟩ 53 г.

За русскую типографию браво! [13]

P. S. Перечитав еще раз ваше письмо, я вижу, что вы просите прислать и сундук (Koffer). Но вещь эта находится не у меня — у меня только пистолеты и кое-какие Сашины безделушки, а также пакет с брошюрами [14].

---

* По гроб жизни (*нем.*).

** Во французском подлиннике: ils ont gueulé.— *Ред.*

*** Во французском подлиннике: des baleines, т. е. «китам».— *Ред.*

[1] Ответ на письма Герцена: «страшно длинное» — от начала марта (неизв.) и от 24—25 марта 1853 г. (XXV, 486, 33—36).

[2] Установить личность Негро, приятеля Фогта, не удалось. Пересланная с ним записка к Герцену остается неизвестной. На посещение Негро Герцен отозвался в письме к Фогту от 5 апреля (XXV, 42).

[3] Отзыв Фогта о столице Швейцарии Берне связан с позицией, занятой в конфликте с Австрией Федеральным парламентом и швейцарским правительством. См. конец письма.

[4] В своем письме от 24—25 марта Герцен писал Фогту по поводу оставленных им в Берне у его родителей вещей: «Напишите вашей матушке, что я прошу ее выслать мне наилучшим способом ящик с моими картинами; сам ящик хорош, но все нужно перепаковать ‹. . .› Общее число рисунков должно быть помечено на крышке ‹. . .› Есть еще бумажник с довольно важными документами, но вот вопрос: можно ли его доверить транспортной конторе или почте? ‹. . .› Прошу сообщить, нельзя ли выслать мне мой чемодан и пистолеты, а также прочие нужные и ненужные вещи, оставленные в Женеве ‹. . .› Если все это не слишком дорого, ради бога вышлите».

[5] Вариант немецкой поговорки: «Приправа к блюду нередко обходится дороже самого блюда».— В ответном письме Герцен отдал следующее распоряжение: «Пистолеты могут оставаться в комоде. Остальные вещи также, но мне хочется получить ящик с картинами» (XXV, 43).

[6] Это письмо Фогта относительно портфеля («бумажника») Герцена «с довольно важными документами» и письмами из России (XXV, 35), адресованное публицисту и директору Швейцарского федерального банка Густаву *Фогту* (1829—1901), неизвестно.

[7] В «Былом и думах» Герцен с восхищением рассказывает о санкционированном отцом невесты «гражданском браке» сестры Фогта, Луизы, с австрийским революционером-эмигрантом Гансом *Кудлихом* (1823—1917), видя в этом акте «историческое событие, предвестие революции» (X, 168—169; ср. 42; XXV, 376—377).

[8] Герцен в своем письме сообщал Фогту: «Г-жа Рейхель обещает приехать сюда».

[9] См. XXV, 35.

[10] О Г. Кинкеле см. ниже, в этом же разделе.

[11] Возможно, Герцен послал Фогту взаймы денег.

[12] Вследствие неудачной попытки Дж. Маццини организовать в Милане антиавстрийское восстание в феврале 1853 г. Австрия выступила против Швейцарской конфедерации, обвиняя ее в том, что она на своей территории не препятствовала подготовке к этому восстанию. Выдворив всех тессинцев со своих земель, Австрия подвергла Тессинский кантон герметической изоляции. Несмотря на требования некоторых швейцарских радикалов энергично выступить против Австрии, швейцарское правительство не пошло на открытый конфликт и ограничилось трусливым компромиссом. Невшатель вследствие своего географического положения также являлся постоянным источником пограничных конфликтов и международного шантажа.

[13] В том же не дошедшем до нас письме Герцен известил Фогта о своем намерении организовать в Лондоне Вольную русскую типографию (ср. XII, 62—64).

[14] Ответ Герцена от 5 апреля — XXV, 40—44.

7

К. Фогт — Герцену

‹Женева, 5 июня 1853 г.›

Любезный мой друг!

Надеюсь, что теперь-то вы будете спокойны насчет судьбы своих вещей. Тотчас же после получения последней вашей записки, дошедшей до меня 30 мая [1], я написал своему брату [2], прося его передать вам сведения, о которых вы просили, и поскольку я от него не получил никакого ответа, то смею полагать, что он написал непосредственно вам. Я уже говорил ему то же самое после получения вашего письма от 13-го [3] — предполагаю, что тогда, в разгаре его экзаменов, он об этом деле позабыл.

Считаю, однако, нужным разъяснить другой факт. Это письмо от 13-го, прибывшее сюда 18-го, встретилось на пути с моим письмом, отправленным мною 15-го (а в нем я сообщал вам о приезде г-жи Эммы и о моей недавней встрече с ней [4]). Получили ли вы это письмо? Поскольку вы о нем в своей записке не упоминаете, я почти боюсь, что оно перехвачено или же заблудилось, и это сильно меня огорчило бы, ибо в нем содержится масса более или менее интересных вещей. Полиция в нем, говоря по правде, ничего особенного не обнаружила бы, если бы сунула туда свой нос,— но следовало бы, однако, принять меры, чтобы скрыть от нее в дальнейшем нашу переписку, если к исчезновению этого письма она, действительно, приложила руку. Могу заверить вас, дорогой мой, что большего ущерба она нанести мне не могла — мне всегда приходится преодолевать нечто вроде морального отвращения, когда я собираюсь приняться за письма,— изну-

ЛОНДОН. РИДЖЕНТ-СТРИТ

Гравюра Т. Шеперда, ⟨1850-е гг.⟩

Из альбома: «Views of Mighty London, of its public Buildings, Streets, Parks etc.». London, ⟨1850-е гг.⟩

ренный, как всегда, после целого дня, заполненного маранием бумаги. Так вот, перехватывать письма — это значит вырывать у меня сознание победы над самим собой, победы, одержанной дружбой или необходимостью, и потому я рассматриваю это как преступление против личности.

Очень боюсь, что вскоре мы поплывем вниз по течению вместе с мостом Пенэ и всей лавчонкой Фази. Удары с некоторого времени повторяются поразительно быстро, и бури в этом стакане воды принимают столь едкий характер, что полностью исключают возможность сближения обеих партий, где между радикалами образовался раскол. Я до сих пор полагал, что немцам принадлежит привилегия колоссального упрямства в мелочах, ни к чему не ведущих, разве только к поглощению лучших сил,— теперь же я вижу, что женевцев я не учитывал. Вот куча lullu (местный стиль), злобствующих, гневных, упрямых как мулы, куча Nägelspalter * и Krippenbeisser **. Вот что в данный момент происходит. У города Женевы дефицит — она хочет покрыть его дополнительными сантимами. «Нет,— говорит Фази,— вы покроете его займом».— «Ни за что»,— отвечают муниципалы. Фази признает их бюджет недействительным, не давая каких-либо объяснений; по правде говоря, объяснений у него и не было. Муниципалы все одновременно подают в отставку. Новые выборы. Налогоплательщики по-орлиному надрывают горло — им не по вкусу дополнительные сантимы, падающие им на спину. Но они не хотят и того, чтобы Государственный совет вмешивался в дела Города. Голосование — правительство осталось в дураках — все подавшие в отставку переизбраны: 2000 голосов против 900. Фази призывает к выборам — его осыпают оскорблениями. Он дискутирует с Пьером, Жаком и Жаном: «Вы лжете».— «Это вы лжете». И опять все начинается сначала [5].

---

* гвоздедробителей (*нем.*).

** лошадей с норовом (*нем.*).

Втемяшилось им в голову построить висячий мост через Рону в двух лье отсюда, вблизи Пенэ. Все говорят, что он скверно сконструирован, скверно рассчитан, скверно построен. Проведем испытание! Бац! Все падает в Рону — мост, настил, тросы, 10 000 мешков с песком и около двадцати человек. Ничто не держало: ни фрикционные лежни, ни тросы, ни, по словам экспертов, каменная кладка. Но Фази и его министр общественных работ [6] поклялись, что будет висячий мост, и вот сегодня они предлагают реконструировать этот мост с теми же материалами, с той же каменной кладкой и с тем же инженером, который, по несчастию, слетев кубарем в Рону с десятисаженной высоты, спасся вплавь. Зачем только он не утонул!

Прибавьте к этому всеобщий политический кризис. Никому не известно, куда все это приведет, исключая того, что будет со Швейцарией, ибо каждый желающий видеть замечает, что часть независимости этой крошечной страны отправится ко всем чертям в любом случае, как бы дело ни повернулось. Это очень забавно для наших друзей — быть всегда начеку, ожидая из Вены или из Берлина изгоняющего их hatti-sherif'a *. Нас заполоняют, с одной стороны, попы, с другой — имперские войска. Здесь, где по крайней мере сохранилось еще свободомыслие, можно заметить их ежедневно возрастающий успех. Я рассказывал вам об историях, разыгравшихся со студентами у Дамета и у меня самого [7].

Кстати! Знаете ли вы, что я открыл тайну вертящихся столов? [8] Это религиоскоп. Верующие в бога заставляют столы вертеться — атеистам это никак не удается. Теоскоп вполне возможен — если только в уголке какого-нибудь организма таится божественная частичка, стол указывает на это. Я рекомендую сей факт бдительному вниманию генерала, которого заклинаю не ехать в Австралию по той причине, что его oddish ** система совершенно была бы сокрушена. Вообразите себе, какой переворот произошел бы в теле генерала, если бы негативная и позитивная стороны его боков внезапно переменились местами, перейдя среднюю линию. Изменят ли свое место и желудок, сердце, печень? Что произойдет с питанием, если генерал, который до настоящего времени переваривал пищу позитивным желудком, вдруг примется переваривать ее негативным образом!

Я с головой погрузился, дорогой мой, в свои занятия и труды и вношу необычайное усердие в обучение учащейся молодежи. Бегаю с ними по горам, по оврагам, обламывая камни, скребя песок и мергели, и чем больше внешний гомон гудит вокруг моих ушей, тем глубже, до шеи, надвигаю я свой научный колпак, дабы ничего не слышать. Я обрабатываю сейчас свои ницкие наблюдения и замечаю, что собрал целые горы фактов и наблюдений, которыми придется заниматься, быть может, долгие годы, прежде чем я переведу их в исследования.

Я очень доволен вашими хорошими новостями о Саше и бесконечно рад, что в будущем году увижу этого мальчика. Ибо о нынешнем годе и думать не приходится; эта Женева — улица, страшным образом засасывающая. Рона, текущая под моими окнами, увлекает с собой, как я думаю, все круглые монеты, одну за другой. Что касается этого года — я смиряюсь и проведу свои $3^1/_2$ свободных месяца, в целях экономии, частично в Берне, частично в Оберланде. Дом моего отца стал совсем пустынным с той поры, как сестра моя уехала, и нужно в течение некоторого времени разделять с ним компанию.

Людвиг Симон, находящийся теперь в Монтрё, сильно жалуется на молчание Гартмана [9]. Если вы встречаетесь с сим злополучным человеком, скажите ему об этом, увещевая его дать о себе знать Симону. Сей последний теперь почти выздоровел и ухаживает, в свой черед, за г-жой Гогенемзер, которая довольно серьезно болеет в продолжение месяца с лишним.

Прощайте, дорогой друг, лучшие пожелания всем. Поцелуйте от меня детей.

Ваш К. Фогт

Женева, 5 июня 53 г.

---

* не подлежащего отмене указа турецкого высокопоставленного лица (*англ.*).
** странноватая (*англ.*).

P. S. Рачинский [10], который сейчас здесь, говорит мне, что финансовые предприятия ваших парижских друзей поистине блестящи [11].

[1] Эта записка Герцена неизвестна. Публикуемому письму предшествовало письмо Фогта от 14 мая (*Л* VII, 226—228) и письмо Герцена к нему от 11 апреля (XXV, 48—49).

[2] Вероятно, речь идет об Эмиле *Фогте* (1826—1883), адвокате, профессоре права в Бернском университете, поскольку в письме упоминается «разгар его экзаменов». Письмо его неизвестно.

[3] Это письмо Герцена также неизвестно.

[4] Письмо Фогта к Герцену от 14 мая напечатано в *Л* VII, 226—228.

[5] О постоянных столкновениях президента Женевского кантона Дж. Фази с представителями правящей верхушки см. подробно в статье Герцена «Скуки ради», где он называет Фази «смертной карой женевского патрициата, ее мукой перед гробом, ее позорным столбом, палачом, прозектором и гробокопателем» (XX, 481—488). Фогт пренебрежительно называет в этом же письме женевское правительство «лавчонкой Фази».

[6] Министром общественных работ в это время был государственный советник А. Ф. Жанен.

[7] Клод Мари Анри *Дамет* (1812—1884) — французский революционный публицист, педагог, фурьерист. Герцен и Фогт познакомились с ним, вероятно, в Ницце, где Дамет занимал кафедру преподавателя политической экономии в Коммерческой школе и активно сотрудничал в либерально-оппозиционной газете «Avenir de Nice». В октябре 1852 г. он был выслан из Ниццы и по рекомендации Фогта в 1853 г. занял место профессора политической экономии в женевской Академии. Там он открыто проповедовал социалистические и атеистические учения. Его высказывания о христианстве вызвали сильнейшее недовольство и протесты реакционных кругов Женевы. Сам Фогт тоже пользовался прочно установившейся репутацией материалиста и революционера, вызывавшей ненависть к нему со стороны консерваторов. Две первые лекции Дамета были освистаны студентами, значительная часть которых принадлежала к консервативной буржуазии и старинному протестантскому патриархату. Особенно отличились в этом отношении французские студенты-теологи. Красноречивые подробности обо всем этом см. в письме К. Фогта к Герцену от 14 мая 1853 г. (*Л* VII, 226—228).

[8] В это время в Западной Европе входило в моду «столоверчение» — спиритизм.

[9] О М. Гартмане см. подробно ниже, в этом же разделе.

[10] Вероятно Рогер *Рачинский* (1819—1864) — польский политический эмигрант.

[11] Возможно, что речь идет о П. Ж. Прудоне, который надеялся получить концессию на железную дорогу между своим родным городом Безансоном и Мюлузом.

8

К. Фогт — Герцену

⟨Genève⟩ 14 oct⟨obre⟩53 [1]

Cher ami!

Vous aviez deviné juste en me croyant à Neuhaus lors de votre lettre du 15 août, mais ce que vous n'auriez jamais deviné, c'est que je resterai là sans bouger pendant deux mois et que j'en retournerai à regret et rempli d'idées les unes plus romantiques que les autres. Je n'ai rien fait pendant ces deux mois que barbouiller quelques papiers de mauvaises croûtes, qui n'ont trouvé d'autres admirateurs sincères que Marianne [2] et Gritli [3], et malgré cela je n'ai pas eu le temps de vous répondre. Mais maintenant je saisis la première matinée à Genève pour vous donner signe de vie.

J'ai reçu vos hiéroglyphes à Neuhaus, et j'ai eu tous les embarras du monde avec ces caractères russes, qui m'auraient presque exposé à des querelles de jalousie, si je n'avais pu me justifier par des passages de la lettre d'envoi [4]. La *Revue* ici a parlé de votre imprimerie en publiant l'article de l'*Avenir de Nice* [5]. Quant aux journaux bernois, c'est trop *Mutz* pour s'y intéresser — il n'y a qu'un petit journal français la *Tribune* qui a voulu lui vouer quelques lignes, tirées de la *Nation* [6].

Ici, il n'y a pas de libraires radicaux ni à Berne non plus. Aucun n'a voulu se charger de vos circulaires. Le commis radical de l'un d'eux m'a assuré qu'aucune librairie au delà de Koenigsberg avait des relations directes avec la Russie, sauf une ou deux, naturellement, czaristes, à Leipsic, et que même avec la meilleure volonté du monde il n'auraient pas de chemin aboutissant en Russie. J'ai enfin saisi deux référendaires prussiens, bannis pour opinions radicales dans une petite ville inconnue de la frontière. L'un d'eux a bien voulu prendre un exemplaire — mais pas plus — l'autre n'a pas voulu se compromettre à ce point. Tous les deux m'ont assuré qu'il y avait plus de sévérité que jamais sur la frontière russe vis-à-vis toute espèce d'imp-

rimé — que les anciens canaux conduisant dans l'empire avant 48 étaient rompu et qu'il n'y avait que les Polonais qui disposaient encore de quelques trous. La même chose m'a été confirmée par un ancien éditeur des œuvres de Ruge.

L'article traduit du *Démocrate Polonais* [7] et celui de Linton [8] ne me sont point parvenus.

Vous me parlez encore de l'Amérique [9]. Je suis plus décidé que jamais de rester. Fallmerayer [10] que j'ai vu dernièrement, me donne l'assurance positive que vos compatriotes seront battus par les Turcs [11]. J'ai plus d'espoir que jamais et tout en me remplissant d'admiration pour les Ingraham [12] et les Américains, je ne veux vivre avec eux. Les lettres de mon beau-frère Kudlich et de ma sœur ne font qu'augmenter cette aversion. Ils se disent très heureux — mais la description de ce bonheur m'a fait frémir. Les mœurs et les usages sont plus despotiques en Amérique que les lois en Europe, et j'aime mieux encore les gendarmes policiers en uniformes que les gendarmes moralistes théocratiques en civil. Enfin, et pour vous résumer toutes mes bêtises — je suis réélement amoureux de cette bonne Marianne et je la prendrais sans hésiter si j'avais de quoi m'établir convenablement et si je pouvais lui assurer un avenir [13].

Ici grande agitation. Le réligionisme s'éveille partout. Les prêtres de toutes sortes s'agitent d'une façon inouïe. Articles et brochures catholiques, protestantes, momières [14], jésuitiques pleuvent à l'envie. La position de Fazy paraît critique — on s'attend à des élections fort chaudes et fort débattues en novembre [15]. En attendant on jette des regards pleins d'anxiété sur l'Orient. Une bonne guerre par là donnerait du fil à retordre à l'Autriche et permettrait aux fils de Tell d'être crânes. Mais d'un autre côté cela ferait baisser les fonds et les affaires.

Votre ministère anglais est dégoûtant. Je ne comprends pas comment vous pouvez vivre sous de pareils sires, pires que les conseillers fédéraux. C'est tout dire. Et Palmerston [16] et Aberdeen [17] se valent.

J'ai appris par les journaux le succès du général [18]. Mais comment peut-il priver les Turcs de ses lumières militaires?

Mon père, tout le monde vous saluent de cœur. J'ai pris le rouleau contenant vos lettres de bourgeoisie [19]. Les sacs sont encore à Berne. Ma mère craint que leur contenu ne se détériore, et elle demande s'il ne vaudrait pas mieux de les ouvrir et de vendre les habits et les autres choses inutiles qu'ils peuvent contenir.

Adieu, cher ami. J'embrasse les enfants de tout mon cœur. J'espère vous voir l'année prochaine, car maintenant je suis enfermé pour huit mois — durée des cours et je vais me plonger dans un travail incessant et faire aller les presses scientifiques de l'Allemagne en pondant des livres.

Tout à vous C. V o g t

Перевод:

〈Женева.〉 14 окт〈ября〉 53 г.[1]

Любезный друг!

Вы верно угадали, полагая, что я нахожусь в Нейгаузе, когда отправляли свое письмо от 15 августа; однако чего вы никогда не угадали бы, это что я застряну там без движения на целых два месяца и возвращусь оттуда с сожалением и преисполненный мыслей, одна романтичней другой. В продолжение этих двух месяцев я ничего не делал — только покрывал своим мараньем кое-какие бумажки, и искренними поклонницами их оказались лишь Марианна [2] и Гритли [3] — при всем том на ответ нам я не имел времени. Теперь же я пользуюсь первым проведенным в Женеве утром, чтобы подать вам признак жизни.

Иероглифы ваши я получил в Нейгаузе и столкнулся со всеми мыслимыми трудностями при виде русских букв, которые могли бы превратить меня в жертву ревнивой ссоры, если б только мне не удалось оправдаться кое-какими местами из препроводительного письма [4]. Здешнее «Revue» говорило о вашей типографии, опубликовав статью из «Avenir de Nice» [5]. Что же касается бернских газет, то они слишком Mutz *, чтобы интересоваться этим,— лишь одна французская газетка «Tribune» сочла нужным посвятить ей несколько строк, заимствованных из «Nation» [6].

---

* медведи (*нем.-швейц.*).

Здесь радикальных книжных лавок нет, нет их и в Берне. Заняться вашими циркулярами никто не захотел. Радикальный приказчик одной из лавок заверил меня, что никакая книготорговля до самого Кенигсберга прямых сношений с Россией не имеет, если не считать одной или двух, естественно царистских, в Лейпциге, и что даже с самыми лучшими в мире намерениями они не могли бы найти доступ в Россию. Я поймал под конец двух прусских чиновников, изгнанных за свои радикальные убеждения в какой-то безызвестный пограничный городок. Первый из них соблаговолил взять один экземпляр — но не больше; другой не пожелал и до такой степени себя скомпрометировать. Оба заверили меня, что теперь на русской границе по отношению к разного рода печатной продукции строгости бóльшие, чем когда бы то ни было; что прежние каналы, которые вели в империю до 48 года, прерваны и что только поляки располагают еще несколькими лазами. Это же подтвердил мне бывший издатель произведений Руге.

Статья, переведенная из «Польского демократа» [7], и статья Линтона [8] до меня вовсе не дошли.

Вы еще говорите мне об Америке [9]. Я принял самое твердое за все время решение оставаться здесь. Фальмерайер [10], которого я недавно видел, положительнейшим образом заверяет меня, что соотечественники ваши будут побиты турками [11]. Я больше чем когда-либо преисполнен надежд, и хотя Ингрехэмы [12] и американцы восхищают меня, но жить с ними я не хочу. Письма моего шурина Кудлиха и моей сестры лишь усиливают это отвращение. Они уверяют себя, будто очень счастливы, но описание этого счастья вызывает во мне дрожь. Нравы и обычаи в Америке значительно деспотичней, нежели законы в Европе, и я предпочитаю полицейских жандармов в мундирах теократическим жандармам-моралистам в штатском платье. Наконец, и чтоб вам подытожить все мои глупости, я по-настоящему влюблен в эту славную Марианну и взял бы ее за себя, не раздумывая, если б у меня только были средства надлежащим образом устроиться и если б я мог обеспечить ей благополучное будущее [13].

Здесь страшное волнение. Повсюду пробуждается религиозное движение. Всякого рода священнослужители суетятся самым неслыханным образом. Статьи и брошюры, католические, протестантские, момьерские [14], иезуитские, изливаются дождем — была бы только охота читать их. Положение Фази выглядит критическим — в ноябре ожидаются выборы, чрезвычайно горячие и сильно дебатируемые [15]. Пока же на Восток бросаются взоры, исполненные беспокойства. Порядочная война, явившаяся с той стороны, задала бы Австрии трудную задачу и предоставила бы возможность сыновьям Телля выглядеть неотразимыми смельчаками. Но, с другой стороны, это вызвало бы падение фондовых ценностей и упадок в делах.

Ваше английское министерство отвратительно. Не понимаю, как можете вы жить под властью подобных молодчиков, гораздо более гадких, нежели федеральные советники. Этим все сказано. А Пальмерстон [16] и Абердин [17] стóят друг друга.

Я узнал из газет об успехе генерала [18]. Но как смеет он лишать турок своих военных знаний?

Мой отец, все остальные сердечно приветствуют вас. Я взял сверток, в котором находятся ваши письма о буржуазии [19]. Мешки еще в Берне. Моя мать боится, как бы содержимое их не попортилось, и спрашивает, не лучше ли было б их открыть и продать одежду и прочие бесполезные вещи, которые могут там содержаться.

Прощайте, любезный друг. Целую детей от всей души. Надеюсь увидеть вас в будущем году, ибо теперь я на восемь месяцев заперся — столько времени продлится курс лекций, и я погружусь сейчас в непрерывную работу и пущу в ход научные печатные станки Германии, выжимая книги.

Всецело преданный вам К. Фогт

[1] Ответ на письмо Герцена от 15 августа (XXV, 89—91).
[2] Марианна *Мишель* — дочь бернского радикала Витвера.
[3] Лицо неустановленное.
[4] Герцен послал Фогту вместе с письмом несколько экземпляров объявления «Вольное русское книгопечатание в Лондоне» и воззвания «Юрьев день! Юрьев день!» с просьбой отдать их в бернские и в женевские радикальные книжные магазины для пересылки части из них «еще куда-нибудь». Кроме того, он просил приложить усилия для опубликования нескольких строк об этих материалах в какой-нибудь бернской или женевской газете.
[5] Хроникальная заметка из «Avenir de Nice» от 25 июня об основании Герценом, «русским эмигрантом, хорошо известным в Ницце», типографии в Лондоне. В заметке перепечатано несколько отрывков из воззвания Герцена «Вольное русское книгопечатание в Лондоне» (XII, 62—64).

[6] Заметка «Русская типография в Лондоне», напечатанная в бельгийской газете «Nation» (№ 170 от 19 июня), с краткими биографическими сведениями о Герцене и выдержками из его воззвания «Вольное русское книгопечатание...» (см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 795 и 305). Радикальный женевский орган «Tribune Suisse» напечатал сочувственную статью о Герцене и его деятельности в номере от 28 июня.

[7] Открытое письмо Герцена в газету «Demokrata Polski» от 20 мая 1853 г. (XII, 72—79).

[8] Статья В. Линтона (см. о нем выше) «Женитьба доктора Кудлиха» для «English Republic», написанная, по-видимому, со слов Герцена. См. прим. 7. к п. 6 и XXV, 95, 394 и 488.

[9] В своем письме Герцен писал: «Фогт, поезжайте-ка в Америку. Ибо через два года Европа будет молдавизирована и валахизирована» (XXV, 91).

[10] Якоб Филипп *Фальмерайер* (1790—1861) — австрийский революционный эмигрант, историк, писатель, ориенталист. Жил в это время в Швейцарии. Он считался крупным специалистом по Греции и Ближнему Востоку.

[11] Это высказывание связано с предвидением начавшейся вскоре Крымской войны.

[12] Дункан Натаниэл *Ингрехэм* (1802—1891) — американский морской офицер, принимавший участие в нашумевшем дипломатическом конфликте в связи с незаконным арестом (по приказанию американского посла в Константинополе) политического эмигранта венгерского происхождения Коста (так называемое «дело Коста»).

[13] Фогт женился в апреле 1854 г.

[14] *Момьеры* — раскольники-протестанты во французской Швейцарии.

[15] Фогт верно предугадал провал Фази и его сотоварищей на предстоящих выборах.

[16] Генри Джон *Пальмерстон* (1784—1865) — английский реакционный политический деятель; один из подготовителей Крымской войны.

[17] Джордж Гамильтон Гордон лорд *Абердин* (1784—1860) — в это время премьер-министр Великобритании.

[18] Э. Гауг в сентябре получил место начальника экспедиции с большим жалованьем и в ноябре должен был отправиться в Австралию (см. XXV, 118).

[19] Не дошедшее до нас сочинение Герцена. Возможно, что фрагментом его является отрывок «Première lettre» (XII, 463—480; ср. «Лит. наследство», т. 61, с. 95—98).

9

К. Фогт — Герцену

〈Женева, 14 ноября 1853 г.〉

Любезный друг!

Совсем не знаю, что за почтовая ярость овладела вами. Ваше письмо от 18-го дошло до меня вместе с печатным листком, который я отдал Фази для журнала [1], и со статьей о женитьбе Кудлиха [2] — ее я отправил своему отцу. Произведя обследование русских иероглифов, полученных в Нейгаузе, я нашел там и статью на английском языке, которую приказал отправить вместе с иероглифами на русскую границу в Шлохау,— новостей об интересном путешественнике, который занялся этим делом, у меня нет. Паспорта Гаугу я не послал, потому что вы мне специально говорите об отправлении на его личный адрес, а у меня этого адреса нет. Поэтому прилагаю теперь этот паспорт — его достаточно, чтобы доказать остроготам * Австралии, что генерал — великий человек. Но до сегодняшнего дня написать вам не было возможности, дорогой мой, ибо никогда ни один человек, кроме меня, в течение целого месяца не был так перегружен, неделя за неделей. Горы работы, курсы лекций, «Физиологические письма» и дьявольский шум — я буквально пригвожден был с 7 часов утра до полуночи к своему столу и свободно вздыхаю лишь сегодня, в начале подготовки предвыборной борьбы. Она проходит с яростным пылом и ожесточенными спорами; всё в движении; распространители тревожных вестей говорят, будто четверо из убийц Росси [3] посланы сюда Маццини, дабы поразить Фази кинжалом [4]. Другие утверждают, будто Фази навербовал бунтовщиков, чтобы взорвать древнюю Женеву.

Посылаю еще два запечатанных письма с просьбой зафранкировать их и сдать на почту. Речь идет о том, чтобы сбить со следа интригу, я смогу рассказать вам о ней, когда удар будет нанесен. До того это представляло бы опасность для человека, в сем деле участвующего.

Клапка [5] отправился в Константинополь месяц тому назад с другим венгром, который, прожив долгое время на Востоке, говорит на всех языках и должен был

* Здесь: варварам. — *Ред.*

служить ему толмачом. Чтобы не быть обнаруженными, они выбрали себе разные пути. К⟨лапка⟩ отправился через Марсель, другой — через Геную. Там он должен был получить при посредничестве одного геолога — итальянского заговорщика — паспорт. Получает его, отправляется на пароход, там его арестовывают под предлогом, что он Клапка, держат его в тюрьме, привозят в Турин и, наконец, в Швейцарию. Может ли быть что-нибудь глупей и наглей, чем пьемонтская полиция?

Семья Гогенемзер выехала с Л. Симоном и Герриери. Что до меня, то я еще до Нового года нахожусь под арестом: по несчастию, я обещал сдать рукопись, не приняв в расчет Нейгауз.

Прощайте, любезный друг. Много добрых пожеланий всем, и особенно детям. Саше напишу в другой раз, теперь же я прилагаю для него только песню.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Женева, 14 нояб⟨ря⟩ 53 г.

Я уже отвечал по поводу портфеля Головина. Фази о нем ничего не знает, и снова начать с ним по этому поводу разговор невозможно. Думаю, что это галлюцинация Головина, который говорит себе: «Раз Герцен в Женеве имел портфель, то почему бы и мне не иметь его там же?» Тем более что он считает себя достойным всех существующих во всем мире портфелей.

[1] Это письмо Герцена неизвестно. О каком «печатном листке», предназначенном для журнала «Revue de Genève», который редактировался Дж. Фази, здесь идет речь, не установлено.

[2] Статья В. Линтона, о которой см. прим. 8 к п. 8.

[3] Пелегрино Луиджи *Росси* (1787—1848) — итальянский государственный деятель, премьер-министр папской курии, был убит террористом 15 ноября 1848 г. в Риме.

[4] Маццини и Фази находились во враждебных отношениях, и в 1854 г. между ними происходила публичная полемика. Маццини критиковал женевскую государственную политику по отношению к эмигрантам, тогда как Фази обвинял его в компрометировании революционного и национального дела разного рода недостойными действиями.

[5] Дьердь *Клапка* (1820—1892) — генерал и военный министр во время венгерской революции 1848—1849 гг.; эмигрировал в Женеву, приняв швейцарское гражданство. Впоследствии Герцен неоднократно встречался с ним в Лондоне.

10

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 1 марта 1854 г.⟩

Любезный друг!

Очень давно не находил я досуга, чтобы писать вам, и еще теперь я до такой степени осажден работой, что не знаю, за что и взяться. Женева начинала меня несколько тяготить, и, чтобы спастись от деморализации, которой я стал поддаваться, подобно моим опустившимся друзьям, я одним махом разбил свою палатку за городом. Представился случай, я схватил его за волосы, и, несмотря на сильный холод, ужасающую бизу [1] и замерзшую Рону, я переехал. Теперь я устроился хорошо — лучшего места мне бы не найти. Майор-сын [2] и Дюшозаль купили себе дачный участок Сутерр на правом берегу Роны; он состоит из полоски земли, которая протянулась под крутыми скалами, обрамляющими Рону до самого ее слияния с Арвой. Это достаточно близко от города, чтобы не мешать мне исполнять свою должность, и достаточно удалено, чтобы держать вдалеке от меня надоед. Вид великолепный — Рона на переднем плане; город — подальше, и как фон все горы, находящиеся между истечением Роны и Вуароном, Салевом, Монбланом, Молем и всей долиной Сикста. Дом защищен от бизы и повернут к югу таким образом, что я затоплен светом. Прежде я испытывал настоящую Sehnsucht * по солнцу — теперь я вбираю его в себя всеми порами. Дом обширен: шесть комнат, которые нам предстоит поделить между собой — моему секретарю и другу Валотту [3] и мне со служанкой на все руки, но которой поручено только хозяйство.

* тоску (*нем.*).

Плачу́ я за дом 800 фр. в год; столько же платил я в городе за свои две комнаты и за комнату Валотта. До сих пор не могу нарадоваться на свое решение; быть может, неудобства возникнут позднее, пока же я их совсем не почувствовал.

Дела здесь идут скверно, и я очень боюсь, что пойдут они еще хуже. Правительство Фази, даже когда оно было правительством, имело в себе, однако, ту хорошую сторону, что оно сдерживало религиозный фанатизм в его излишествах — с той и другой стороны. Со времени падения тирана [4] интриги возобновились с беспримерным пылом. Шевранское дело — пример этому. Вы, вероятно, кое-что читали об этой истории — в сущности, это история некоего субъекта, который вечно торчит перед вами и смотрит вам в лицо. Вы просите его отодвинуться, он ни с места — после тщетных попыток заставить его отойти, вы отвешиваете ему пощечину, чтобы научить его жить,— тогда сей субъект кричит: «Караул! Режут!» Тут набегают его друзья и избивают вас до полусмерти. Вот вам протестантский священнослужитель, собирающийся заняться пропагандой, той утрированной, осточертевшей, назойливой пропагандой, на которую способны только мракобесы. Жители здешних мест — все без исключения католики — набрасываются на них — на него и на верующих, приведенных им издалека; их избивают, после чего очищают зал. В следующее воскресенье собираются две шайки и с барабанами во главе, с заряженными ружьями и патронами в ранцах совершают вторжение в более чем изумленную деревню. Священник читает проповедь среди частокола из штыков и сабель — и таким-то образом спасли религию наших предков и всевышнего, подвергавшегося опасной угрозе. Под конец глупость эта завоевывает себе с каждым днем все больше пространства, и если вышеописанное еще продлится, то вы увидите вещи, достойные Кальвина и Сервета, в сем оплоте истинного христианства [5].

Оборот, который принимают дела в Швейцарии, также почти не внушает мне доверия. Радикальная партия сходит на нет; университет был последней картой, которой она могла сыграть, и проиграла ее [6]. Вы скажете мне, что беда невелика,— однако я не вижу, кто мог бы ее заменить, кроме иезуитов и аристократов, которых опрокинет лишь новая борьба, а она себя заставит долго ждать. Ни у кого нет ни энергии, ни материала для лучшего — нигде я не вижу появления чего-либо, дающего хоть малейшую надежду. Колеблются между миром и войной, между войной и миром, как человек, страдающий морской болезнью; испытываешь глубокое недомогание от этого положения и нигде не находишь и малейшей жилки, способной возмутиться и привести к сопротивлению. Кое-кто надеялся, что Австрия станет бок-о-бок с Россией — это, без сомнения, вновь разожгло бы континентальную войну и восстания в Италии, Венгрии, Польше; по-видимому, и эта надежда должна исчезнуть. Австрия будет ждать, какой стороной упадут игральные кости, чтобы собрать свою часть выигрыша. Боюсь, что Россия в конце концов победоносно выйдет из борьбы,— скажу более, что император Николай выйдет из нее победителем: он имеет за себя общность действий и религиозный фанатизм — две единственные силы, ныне действенные в мире.

Пока же мы наводнены шпионами, агентами-подстрекателями, шпиками и одураченными. Во множестве фабрикуются заговоры, и всюду и всячески стараются втянуть в грязную историю бедняков эмигрантов. Если бы вы могли узнать что-нибудь о некоем Шервале, который был обличен Марксом как агент-подстрекатель и долгое время жил в Лондоне, вы оказали бы мне услугу. У меня есть основания подозревать, что субъект этот прячется здесь под фальшивым именем и занимается своим ремеслом заговорщика. Если не ошибаюсь, именно им создано здесь тайное общество, мышеловка для немецкой и французской полиций [7].

2 марта

Только я дошел до этого места, как мне принесли ваше письмо [8] с аугсбургской газетой, в которой уже подробно изложена новость об обеде — в сопровождении комментариев, весьма нелестных для гостей, что, впрочем, вполне понят-

но [9]. Мне совсем ничего не известно о Фрибурге [10]; правительство там держится, но с трудом. Падение Фази — дурное предзнаменование для этих бедняг, которые еженощно спят с карабином в руке в ожидании иезуитских банд и не могут дать удовлетворения всем, несмотря на наилучшие в мире намерения. Через кантон собираются провести железную дорогу; Государственный совет объявляет, что к линии, предложенной компанией, он относится благосклонно; и вот жители Морà, оказавшиеся вне трассы, бросают свои ружья и объявляют, что они против системы, которую до сих пор поддерживали. Управляйте же подобными увальнями, каждый из которых хотел бы иметь по железнодорожной платформе в своем доме! [11]

Из нескольких слов вашего письма я вижу, что вы питаете самые сладостные надежды. Желаю их исполнения — но не вижу тех золотистых лучей, которые возвещают зарю свободы. Страстно желаю ошибиться — я каждый день стараюсь убедить себя, что наступят лучшие времена, и против воли чувствую, как качается моя голова в знак отрицания. Вы уже замечаете сами, что Англия спускается с того пьедестала, на который вам хотелось ее поставить в начале своего пребывания там,— вы увидите чудовищные вещи в тот момент, когда Австрия метнет свое копье в Россию. Именно тогда Джон Булль раздавит своей тяжелой лапой всех тех гостей, с которыми вы обедали, и скует новые цепи для Италии, Венгрии — словом, для всех стран, находящихся под ярмом своего союзника. Я ненавижу эту Австрию, и чем дольше, тем более,— с той поры, как она объявила, что выступает против России, ибо она губит все то хорошее, что мог бы дать этот порыв, устремленный против Николая.

Не думаю, что смогу двинуться в этом году. Die Zeiten sind schlecht, und das Geld ist rar *. Сделаю все возможное, чтобы съездить в Париж и особенно в Лондон, по меньшей мере, если канал не станет опасным из-за русских крейсеров, но сомневаюсь, однако, смогу ли туда добраться.

Прощайте, любезный друг. Поцелуйте от меня детей, вашего *большого* мальчика и вашу маленькую Тату, которая проявляет себя совсем еще ребенком, так как захворала коклюшем. Почему же генерал не едет в Турцию? Мне так приятно было бы видеть, как он сражается и заполняет газеты своими лаврами. Мои бернские родственники благополучны.

Сердечно ваш К. Фогт

Деревня Сутерр в Сен-Жане, близ Женевы

[1] *Биза* — северный ветер, часто дующий в Женеве.

[2] Франсуа Исаак *Майор* (1818—1899) — доктор хирургии; с 1848 г.— профессор анатомии и физиологии в женевской Академии. Он являлся депутатом от радикальной партии. У него в 1860-х годах лечился Огарев.

[3] *Валотт* — товарищ Фогта, с которым он вместе учился в Гисенском университете. Валотт в течение многих лет служил у Фогта в качестве секретаря и лаборанта.

[4] Шутливое прозвище Дж. Фази.

[5] Будучи убежденным атеистом, Дж. Фази в своей борьбе против протестантов-консерваторов, главным образом выходцев из старинного патрициата, опирался на католиков, людей из народа — учителей деревенских общин, присоединенных к территории Женевы в 1815 г., рабочих и предпринимателей из соседних районов, так же как на владельцев и рабочих так называемой «фабрики», т. е. часовых и ювелирных мастерских (они по большей части были протестантами). Политике этой не всегда легко было следовать, и порой она вызывала недовольство радикалов, которые нередко осуждали уступки, делаемые католической церкви, и ту парадоксальную ситуацию, когда священники заставляли свою паству голосовать за атеистов-радикалов. По этой причине новое правительство приняло ряд мер противоположного характера. Этим и вызваны были излагаемые Фогтом события — результат попытки протестантов восстановить свое вероисповедание в деревнях Аньер и Шевран, в нескольких километрах от Женевы.

[6] Конституция 1848 г. предусматривала создание общешвейцарского университета. Однако этот проект, предложенный Федеральной палатой, натолкнулся на упорную оппозицию соперничающих кантональных, языковых и вероисповедных групп. В конце концов было принято решение создать в Цюрихе Федеральный политехникум, к которому прибавлено было нечто вроде политико-литературного факультета.

[7] *И. Кремер* (*Ж. Шерваль*) — провокатор, проникший в Союз коммунистов и возглавивший одну из парижских общин; в 1853 г. прибыл в Женеву под именем Ньюджент (Ню-

* Времена плохи, а деньги редки (*нем.*).

жан) для продолжения провокационной деятельности. Способный литограф, он выполнял работы для профессоров Академии, в том числе Фогта. В то же время он проник в немецкий союз рабочих — Arbeiterbildungsverein, общался с эмигрантами и сумел сколотить группу из нескольких эмигрантов для печатания фальшивых банковых билетов, чтобы, как он объяснял, разорить кредитную систему государств и развязать революцию. Охваченный подозрениями, И. Ф. Беккер, по-видимому, разоблачил его и пустил в обращение экземпляр брошюры К. Маркса «Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln» (Соч., т. 8, с. 423—491), обличавшей роль Шерваля. С другой стороны, А. Лейа, французский республиканец, приглашенный Фази для преподавания римского права в Академии, формально опознал Шерваля, чьим адвокатом он некогда был в Париже. Провокатор был изгнан из Женевского кантона начальником Департамента юстиции и полиции Кастольди. Вскоре он появился в Париже под своей фамилией Кремер. Маркс, узнав об этом от одного из своих парижских корреспондентов, сообщал Ф. Энгельсу 26 августа 1854 г., что Шерваль в Швейцарии «делал гравюры для г-на Фогта и пользовался его особым покровительством» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 326). Впоследствии, в 1859 г., в своей брошюре «Mein Prozess gegen die «Allgemeine Zeitung» Фогт пытался уверить общественность, будто Шерваль поддерживал отношения с «кликой Маркса». В ответе Маркса «Herr Vogt» целая глава посвящена Шервалю и его отношениям с Фогтом (т. 14, с. 428—437). Ответы Герцена на письма Фогта до нас не дошли, и неизвестно, какие разъяснения он дал по поводу Шерваля.

[8] Это письмо Герцена остается неизвестным.

[9] Речь идет о банкете, устроенном в Лондоне американским консулом Дж. Сондерсом (Соундерсом) 21 февраля. Герцен охарактеризовал этот банкет, на который был приглашен, как «дипломатический обед врагам всех существующих правительств». На банкете присутствовали Ворцель, Гарибальди, Кошут, Ледрю-Роллен, Маццини, Пульский и др. На нем Герцен познакомился с Гарибальди. Подробно об этом рассказывается в «Былом и думах» (XI, 160—166, 260; ср. XXV, 158—159).

[10] Вероятно, Герцен осведомлялся у Фогта о политическом положении своей «новой родины», Фрибургского кантона, после выборов.

[11] Для железнодорожной линии Женева — Берн были намечены две трассы: одна — через долину Бруа и город Морà, минующая город Фрибург; другая — через Орон, Ромон и Фрибург. По традиции Мора, в котором издавна проживает фрибургское протестантское меньшинство, являлся бастионом радикалов.

11

К. Фогт — Герцену

〈Сутерр. 13 июня 1854 г.〉[1]

Любезный друг!

Не могу сказать вам ничего, что утешило бы вас в ваших политических бедах, кроме старинной поговорки: «Везде, как у нас». Нападки «Leader'а» вас огорчают, позиция так называемых социалистических газет вызывает в вас досаду? [2] Читайте «Nation», читайте, если хотите, «Démocratie de Genève», «Tribune Suisse» — повсюду распространяется как бы один и тот же лозунг, отвращающий от войны с царем, дабы направить озлобление партий на воюющих, и в особенности на Луи Наполеона. Неужели ненависть против одной этой личности до такой степени ослепляет или же в самом деле существует подпольная Европа, как уверяет Фази,— мне это неизвестно, но неужели по-прежнему будут подвергаться нападкам те, которые скажут: «Оставим в стороне все остальные точки зрения и прежде всего сосредоточим все силы на войне с царем». Вы проповедуете эту войну — на вас набрасываются. Вы хотите в первую очередь сокрушить русский деспотизм как главный оплот других европейских деспотизмов: «Bildstürmer'ы» *, которые прежде всего хотят уничтожить недолговечные орнаменты, быть может имеющиеся в других странах, питают против вас злобу и на вас нападают. Правда, что и они объявляют себя врагами царизма,— но, привыкшие трубить в рог на поверхности земли, они не хотят забираться в недра, чтоб обрубать корни, и тем самым поддерживают вследствие глупости или явной злости дело самого царя.

Но это мелочи пред лицом надвигающихся крупных событий. Все запутывается прямо на глазах. Л〈уи〉 Н〈аполеон〉 уже исподтишка заигрывает с революционной партией, Австрия вот-вот сбежит наутек, и если только все державы не отступят, в равной мере «begossen» **, то в будущем году произойдет одна из тех всеобщих стычек, которые взбудоражат весь мир. Предполагаю, что увижу, как австрийцы притворятся, будто затевают войну с Россией, чтобы затем повернуть

* «иконоборцы» (*нем.*).

** Здесь: «обданные» (*нем.*).

РАТАПУЛЬ ЗАИГРЫВАЕТ С РЕСПУБЛИКОЙ

Литография О. Домье

Ратапуль — один из постоянных персонажей карикатур Домье, олицетворяющий тип бонапартистского агента

«Charivari», 25 сентября 1851 г.

вспять и сколотить австро-прусско-русский союз против Франции и Англии. Найдется Бронзель [3] в Трансильвании или в Буковине, если только окажется возможным снова разыграть ту же комедию с этими нецивилизованными народами, совсем не знающими, что умение подчиняться — главное украшение образованного человека *.

Мне в последнее время было отдано несколько визитов, не лишенных для вас кое-какого интереса. И прежде всего — семья Шроппов, прибывшая из Ниццы и оставшаяся все столь же шропповской, как прежде [4]. Мадам мерзнет и отчаивается. Муженек кашляет и мажет картины, а сын по-прежнему шлет приветы Александру с тем же берлинским чистосердечием, которое для него характерно. Так вот, представьте себе, что г-жа Э⟨мма⟩[5] вынуждена была под конец заняться в Ницце поисками лиц, готовых дать ей взаймы, — что̀ ей не удалось — и принялась повествовать им свои истории, которые привели лишь к тому, что она еще глубже села на мель,— семья Шроппов, которой известны одни лишь низменные побуждения общества, увидела в этом не что иное, как сигнальный огонь, и поняла под конец, что муженек — жулик и мошенник, а м⟨ада⟩м — его соучастница. Семья Шроппов еще здесь, и я постараюсь узнать все остальное.

Потом появился бреславльский Генрих Симон, приехавший из Цюриха [6]. «Allgemein angespieen!» ** — ответил он мне с жестом отвращения, когда я осведомился у него об этой парочке. Никто с ними не хочет знаться, общество их ограничивается двумя личностями: Вилле и Вагнером. Вилле тайком приходит выпить с муженьком; у себя на даче он их совсем не принимает. Вагнер принимает их лишь в те дни, когда у него нет гостей, так как ему объявлено было, что с ним вынуждены будут навсегда распрощаться, если он станет продолжать эти отношения.

Очень огорчен тем, что английский климат столь мало подходит вашим детям. Лето возвратит им здоровье, но не знаю, принесет ли им еще пользу английская зима. Во всяком случае, не вздумайте только переменить Англию на Америку.

---

* В автографе следующие два абзаца Герценом обведены кружком.— *Ред.*

** «Всеми оплеваны!» (*нем.*).

Сообщения моей сестры из Нью-Йорка не слишком-то радуют. Внезапные перемены ледяного холода на удушающую жару, тучи москитов, наконец, столько всевозможных неприятностей, что моя сестра воспевает теперь постоянство швейцарского климата и мягкость бернских широт.

Что до меня, то я веду самую мирную и спокойную жизнь, какую только можно себе вообразить, и пропускаю мимо себя политические и прочие тучи с полнейшим бесстрастием. Дело совсем не в том, что нет причин для недовольства,— наоборот, но я стараюсь бороться с впечатлениями от них. Политические дела во всей Швейцарии находятся в скучнейшей фазе. Блёш и Штемпфли обнимаются в Берне и клянутся принести в жертву на алтарь отечества ненависть партий. Тщетно спрашивал я у своих бернских друзей, что́ они воображают под словом «примирение» и какой союз мог бы быть между диаметрально противоположными принципами,— они отвечают мне: «Примирение» — и верят, будто нашли там shibboleth *, предотвращающий неудобства сего положения [7].

Здесь ничтожнейшие пустяки принимают баснословные политические пропорции, которые приводят в волнение женевский стакан воды больше, чем все победы Непиров [8] и С.-Арно [9] могли бы сделать это. Собираются построить железнодорожный вокзал на сто шагов левее или правее: глубочайший раздор между всеми партиями, и статьи, и интерпелляции, и бесконечные речи. Вопрос европейский и даже всемирного значения! Предстоит назначить хранителя музея с жалованьем в 1800 франков в год — общество взволновано сверху донизу — все трубачи заняты агитацией,— визиты, речи, статьи изливаются дождем,— и под конец все сходятся на том, что вопрос этот чисто политический и что поскольку взоры всей Европы сосредоточены на Женеве, то следует остерегаться выбора, который не соответствовал бы мнению большей части господствующей ныне коалиции. Фази во всем этом барахтался не без сладострастия — ныне же он питает к этому глубокое отвращение. Теперь он меня усердно обрабатывает, чтобы заставить поехать на его место в Берн, в Государственный совет, но я с большой твердостью продолжаю сопротивляться, не желая вмешиваться в эти пустяковые дела.

В ближайшее время я пошлю вам свидетельство о натурализации, если вы определенно этого хотите. Пока же я взял его к себе на хранение и почти уверен, что вы сделали бы лучше, оставив его здесь,— ибо если вам что-нибудь понадобилось бы за границей, то вам достаточно было бы лишь простой Heimathschein ** или паспорта, тогда как если произойдет что-либо, требующее опоры, *в общине или же у фрибургских властей*, на подлинные документы, то они оказались бы здесь под рукой. Но раз вы настаиваете — что может быть проще, чем выслать их вам?

Ваш проект отправиться в С.-Петербург меня очень забавляет [10]. Я уверен, что идея эта родилась в наполовину онорвеженном и ошвецизированном мозгу дорогого полковника [11], который хотел бы отправить вас при помощи этой приманки в Христианию, Стокгольм и другие более или менее северные края. «Kolonel Spiegelberg, ich kenne dir!» [12] Подождите же спокойно, пока Непир возьмет Кронштадт и форсирует вход в залив, и лишь тогда возобновите этот проект. Получив соответствующее телеграфное известие, вы сможете через неделю оказаться в С.-Петербурге без риска провести зиму в Христиании или в Стокгольме, что, конечно, случится, если вы пуститесь в дорогу теперь. Не видели ли вы в «Fliegende Blätter» карикатуру, названную «Fechtende Karlchen»? *** Непир в качестве Handwerksbursch **** с обросшей физиономией останавливается перед плакатом, вывешенным у входа в Финский залив. На плакате написано: «Das Fechten und Betteln ist bei Strafe verboten»**** *. В глубине — жандарм и Кронштадт. Я полагаю, что для сочинения речи у вас будет достаточно времени и ее еще при-

* тайный пароль (*англ.*).
** метрики (*нем.*).
*** «Сражающийся Карлуша» (*нем.*).
**** подмастерья (*нем.*).
***** «Сражаться и просить милостыню запрещается под угрозой штрафа» (*нем.*).

дется подержать некоторое время в сухом месте — а то до употребления ее в дело на ней может появиться плесень.

Прощайте, любезный друг. Поцелуйте за меня детей и передайте привет друзьям. Марианна от души приветствует вас.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр в С.-Жане, близ Женевы,
13 июня 1854 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] В № 213 лондонской газеты «Leader» от 22 апреля была напечатана статья с нападками на сочинение Герцена «La Russie et le vieux monde», написанное в виде серии открытых писем к В. Линтону и опубликованное в «English Republic» и — по-французски — в «Homme» и отдельной брошюрой. В этой статье без подписи Герцен обвинялся в проповеди панславизма; в ней содержался даже намек на то, что письма к Линтону «написаны по наущению русской полиции» (см. XXV, 173, 175—177; *Л* VIII, 561—562). В газете «Morning Advertiser» от 24 апреля появилась и другая статья по этому поводу, также упрекавшая Герцена в панславизме (см. XI, 415; XXV, 173).

[3] *Бронзель* — деревня близ Фульды, где 8 ноября 1850 г. произошла перестрелка между прусскими и австрийскими войсками; она явилась поводом для крупных политических событий, связанных с продолжительным конфликтом между Пруссией и Австрией; он закончился через две недели подписанием Ольмюцкого договора (по которому Пруссия вынуждена была принять все австрийские требования).

[4] Личности неустановленные. В подлиннике игра слов: глагол «schröpfen» по-немецки означает «пускать кровь». Ср. *ААН*, 137.

[5] Эмма Гервег.

[6] Август Генрих *Симон* (из Бреславля; 1805—1860) — участник революции 1848—1849 гг.; президент Франкфуртского парламента; вместе с Фогтом был избран регентом империи. После эмиграции в Швейцарию он обосновался в Цюрихе.

[7] Эдуард Эуген *Блёш* (1807—1866) — глава бернской партии консерваторов; Якоб *Штемпфли* (1820—1879) — глава бернской радикальной партии. Радикальный режим был ниспровергнут в Берне после выборов 1850 г., что в политической жизни Швейцарии означало сильный поворот вправо. В мае 1854 г. Штемпфли и радикалы сблизились с консерваторами и разделили между собой власть; именно это и названо было «слиянием» или «примирением». Аналогичная тенденция проявилась и в других кантонах.

[8] Чарлз *Непир* (1786—1860) — знаменитый английский адмирал, назначенный в 1854 г., во время Крымской войны, командиром Балтийского флота. Он похвалялся возможностью легко овладеть Кронштадтом, но вскоре убедился, что это нереально.

[9] Арман Жак де *Сент-Арно* (1801—1854) — один из главных участников переворота во Франции 2 декабря 1851 г., военный министр и с 12 марта 1854 г.— начальник Восточной экспедиции; вскоре тяжело заболел и вынужден был ее покинуть.

[10] 25 мая Герцен полушутливо писал Л. Пьянчани в связи с проникновением в Финский залив эскадры Непира: «Я уже подумываю съездить в Петербург, как только город будет взят Непиром, и созвать митинг на Исаакиевской площади» (XXV, 179). Нечто в этом роде он, вероятно, писал и Фогту, который принял эти строки почти всерьез.

[11] Фогт имеет в виду В. А. Энгельсона, женатого на шведке.

[12] «*Spiegelberg, ich kenne dir!*» («Я знаю тебя, Шпигельберг!») — выражение из «Разбойников» Шиллера (действие II, сцена 3), реплика Карла Моора. «Kolonel» («Полковник», *нем.*) — прозвище В. А. Энгельсона.

12

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 26 июля 1854 г.⟩

Любезный друг!

Я смогу начать почти так же, как вы: «Наконец-то мы немного оправились от терзаний», и т. п. Письмо ваше [1] прибыло на следующий день после рождения моего сына [2], которому взбрело в голову появиться на свет в воскресенье 9 июля днем, между полуднем и часом,— значит, это Sonntagskind * в полном смысле этого слова. Вы вправе думать, что, несмотря на благоприятные обстоятельства, которыми все это до сих пор сопровождалось, я больше, нежели когда-либо ранее, увяз в супружеских обязанностях и, не желая передоверять свои попечения о жене и ребенке глупым предрассудкам нескольких повивальных бабок, я почти

* воскресное дитя, «счастливчик» (*нем.*).

все время был полностью занят. Прибавьте к этому присутствие моей матери, которая приехала помогать Марианне и пестовать ребенка, и к этим обязанностям, чудесно ею исполняемым, она прибавляет лихорадочную, я сказал бы — почти бессмысленную, активность, активность шумную и находящуюся в полном противоречии с нашими принципами — принципами людей, желающих волнений во внешнем мире и покоя в доме. У Декарта должна была быть подобная мать, раз он изобрел теорию вихрей. И вот в течение двух недель подряд голова моя не принадлежала мне ни на секунду — даже во сне я видел щетки, губки, которые преследовали меня так же, как преследовали в течение дня. Вообразите себе дом, изрыгающий из всех своих отверстий струи воды, облака водяного пара, вихри пыли, в которых вы только и слышите с четырех часов утра, что бряцание ступок, звон тарелок, пересуды прачек, шуршание щеток и половых тряпок,— тогда-то вы получите представление о моей загородной жизни в течение двух недель среди домашних развлечений, которым предалась моя мать. Так вот, любезный друг, писать трудно, когда присесть удается лишь на деревянное ведро, до краев заполненное мыльным раствором. Мой бедный мальчуган должен себя чувствовать, как «Wälgerholz beim Küchenbacken» * — настолько его крутят и вертят по двадцать раз в день, дабы рассмотреть его пупок и его задок, что не мешает ему расти и процветать. Следует, однако, сказать, что он документирует свою деятельность как истинный демок⟨рат⟩-соц⟨иалист⟩ — темно-красным цветом той части тела, которая у благородных немцев свидетельствует о подлинно аристократическом происхождении.

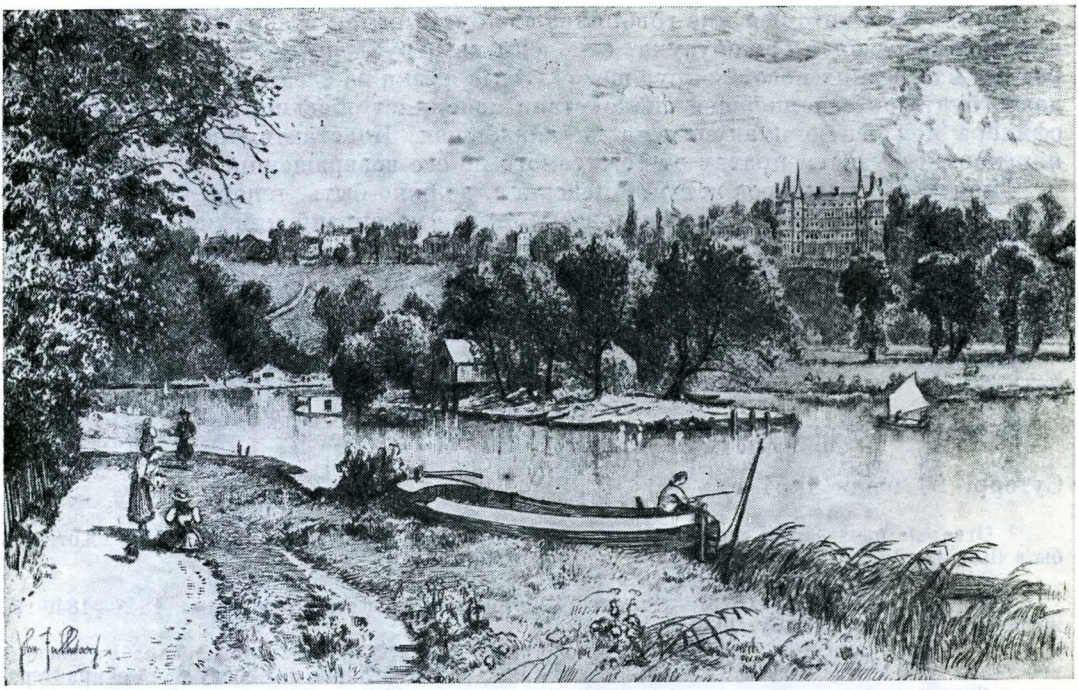
Я обратился по вашим книготорговым делам в иностранную книготорговлю Лауфер и К°, управляемую эмигрантом по имени Брасс [3]. Они напишут непосредственно к вам, если захотят войти в это дело. Здесь у нас очень мало русских — все они на минеральных водах и в столицах Германии, особенно в Штутгарте. Написав Г. Финку, литератору (вы, без сомнения, знаете этого интересного экс-эмигранта, известного также под именем Остяк) [4], или же в книжную торговлю *Карла Гёпеля* (издателя сочинений Дитцеля [5]), вы смогли бы узнать, возможно ли завести склад в самом Штутгарте.

Что касается внешних событий, то я только пробегаю приносимые мне газеты, и ни бернский «Bund», ни «Frankfurter Zeitung» не говорили о ваших отношениях с кельнской газетой, которая неизвестна в Женеве [6]. Но что, как мне кажется, явно и несомненно проистекает из всей этой ситуации, это что правительства, как западные, так и восточные, весьма неохотно выступают против царя; что отдан приказ — ничего не предпринимать, прежде чем не выступит Австрия, и что Австрия выступит лишь после гарантий, что царизм не будет чрезмерно унижен. Все это кажется мне очевидным, но полагаю, однако, что события увлекут их за пределы гарантий.

Несмотря на все это, я считаю первым условием для шага вперед — чтобы русские были побиты... Тщетно будете вы восхвалять мне все великолепные достоинства русского народа, это не мешает России быть самой прочной опорой абсолютизма в Европе. Сделано ли это будет с Австрией или против Австрии, для меня на первое время совершенно не имеет значения; я буду даже рассматривать как счастье кооперирование всех Германий, Пруссии, Австрии и пр. против России. Хочу сказать вам, почему. Свою надежду на возрождение русского народа вы можете обосновывать лишь имея в виду его дикую энергию, которую вы начисто отрицаете в нас, людях цивилизованных. Пусть так, но прежде всего скажите любезность отсечь поляков, в самом деле, если я должен переродиться при помощи этих грязнуль, то предпочитаю лучше загнивать вместе со своей выродившейся цивилизацией. Куда ни шло в отношении русских, поскольку вы этого хотите,— но, во всяком случае, эта возрождающая энергия проявится лишь после ослабления ⟨России⟩, поскольку до сих пор, в апогее своего могущества, она проявляла себя лишь как развратительница...

---

* «скалка для теста» (*нем.*).



РИЧМОНД В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛОНДОНА
Гравюра с рисунка Дж. Фулвуда
Из книги: R. Garnett. Richmond on the Thames. London, 1896

«Очень рад тому, что вы, наконец, сбежали из Лондона, чтобы пожить сельской жизнью в Ричмонде» (К. Фогт — Герцену, 26 июля 1854 г.).

Что же касается меня, то я не верю в какое-либо возрождение, так же как в народы, специально для этого созданные,— я полагаю, что эта вера у вас — еще остаток философско-теологического воспитания, и прошу Энгельсона приложить все силы, дабы искоренить в вас этот остаток мистической веры. Но, повторяю еще раз,— если вам нужен фетиш возрождения в форме русского с длинной бородой, ради бога, не привязывайте к нему, к этому фетишу, plica polonica * сзади — носить его неудобно.

Одежда ваша, должно быть, находится в мешках, оставленных вами в Берне. Не доставить ли их сюда и попросить открыть их, ибо, если не ошибаюсь, у вас от них ключи, которые никогда в моем распоряжении не были. Что же касается других орудий войны, просимых вами, без сомнения, чтобы прийти на помощь «fighting Charly» **, то я отошлю их вам при первом же случае [7].

Очень рад тому, что вы наконец сбежали из Лондона, чтобы пожить сельской жизнью в Ричмонде [8]. Удивление мое, однако, не знало границ, когда, читая вторую страницу вашего письма, я узнал о падении Адама Энгельсона и о тех неудобствах, которые из этого проистекают для мадам [9]. Боже ты мой, какие прыжки и скачки должен проделывать этот крошечный отпрыск в своей нынешней темнице; если он похож на отца, то явится на свет, кувыркаясь и гримасничая. Но все же искренние мои поздравления полковнику и госпоже полковнице.

Тесье целую вечность изображал из себя мертвеца; я страшно рад кое-что о нем узнать и получить возможность приветствовать его, так же как его супругу. С тех пор как он погрузился в «knocking spirits» ***[10], я о нем ничего не слыхал.

---

* польскую запаршивленную накладку (*лат.*).
** «сражающемуся Чарли» (*англ.*).
*** «стучащих духов» (*англ.*).

Насчет Хоецкого-бея мне говорили, что будто бы он возвратился совершенно преобразившимся в башибузука, с поясом из отрубленных ушей и целым ожерельем из русских носов вокруг шеи [11]. Злые языки из здешних поляков утверждают, будто он в полнейшем спокойствии исполняет обязанности адъютанта или офицера под тенью плакучих ив на кладбищах Константинополя, покуривая наргиле. Мы узнаем правду от него самого по его возвращении.

Тысячу раз кланяюсь детям. Александр, должно быть, теперь такой же большой, как его отец, особенно если он вытянулся на английский манер.

Марианна вам от души кланяется. Поскольку она настаивает на том, чтобы ребенок был крещен (почти невозможно здесь поступать иначе), то всячески старается сломить мое противодействие в этом отношении. «Er schönne Götti sy bim Bubi» *,— говорит она теперь, когда я сообщил ей, что пишу вам.

Надеюсь вскоре увидеть вас здесь. Англия хороша, но под конец и она утомляет.

Всецело преданный вам

К. Фогт

Сутерр, 26 июля 1854 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена. 17 августа он сообщал М. К. Рейхель: «Хотелось бы в Швейцарию ‹. . .› Писал я Фогту, да ответа нет» (XXV, 194).

[2] Эмиль *Фогт* (родился 9 июля).

[3] Август *Брасс* (1818—1876) — немецкий журналист, участник революции 1848—1849 гг., женевский эмигрант и друг Фогта.

[4] *Г. Финк* — родом из Штутгарта, эмигрировал в Швейцарию после провала Баденского восстания 1849 г. В рекомендательном письме к Г. Гервегу из Берна в Женеву Фогт охарактеризовал Финка как комиссара революции в Шварцвальде (Архив Г. Гервега — «Dichter-Museum» — в Листале).

[5] Густав *Дитцель* (1827—1864) — немецкий юрист.

[6] В связи с конфискацией в Пруссии немецкого перевода труда Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» в газете «Kölnische Zeitung» от 12 июня 1854 г. помещено было сообщение из Берна, в котором клеветнически утверждалось, будто это сочинение служит «скорее *на пользу*, нежели во вред царю». Герцен выступил против этих домыслов с открытым письмом к редактору «Kölnische Zeitung». Оно появилось в этой газете 22 июня 1854 г. (XII, 216).

[7] Речь идет о пистолетах Герцена, упоминаемых в предыдущих письмах. По шутливому предположению Фогта, Герцен собирался использовать их в войне англичан против России. «*Чарли*»— шутливое прозвище англичан.

[8] В начале июля Герцен с детьми переехал в пригород Лондона Ричмонд (см. XXV, 191).

[9] Намек на предстоящее разрешение от бремени А. Х. Энгельсон.

[10] В это время в Западной Европе вошел в моду спиритизм.

[11] К. Э. Хоецкий, вместе с другими поляками, отправился в Константинополь, чтобы сражаться (в составе польского легиона, организованного А. Мицкевичем) против николаевских войск.

13

К. Фогт — Герцену и В. А. Энгельсону

‹Сутерр, 18 августа 1854 г.›

Любезный друг!

Я свободно вздохнул наконец и пользуюсь моментом, когда Марианна силой заставляет служанку войти в мою комнату, дабы выгнать меня оттуда и мыть полы; я пользуюсь, повторяю, этим моментом, чтобы попытаться наскрести все то красноречие, которое вы заклинаете меня пустить в ход по отношению к вам [1]. Никогда не посмел бы я воззвать к сей богине в своей комнате, перед горами работы, которые громоздятся на всех столах, среди хозяйственных вихрей, постоянно вздымавшихся моей матерью. Хочу верить, любезный друг, что климат Англии вызывает упадок сил — но в этом отношении он почти не может сравниться со всепоглощающими свойствами моей матери. Это поистине ужасно для человека, нуждающегося в своих «fünf Sinnen» **, чтобы сохранить цельность. Мать из

* «Он мог бы быть крестным для малыша» (*бернск. обл.*).

** «пяти чувствах» (*нем.*).

В ЛОНДОНСКОМ СИТИ

Одна из деловых улиц Лондона — Флит-стрит, где размещаются редакции различных газет и журналов

Гравюра Дж. Уорчера

«Illustrated London News», 8 января 1848 г.

«Когда наступит зима, жизнь в таком огромном центре, как Лондон, станет невыносимой»
(К. Фогт — Герцену 18 августа 1854 г.)

них всегда занимает по крайней мере два, и я мог бы вскричать, подобно Гейне: «Aber was soll ich denn mit einem halben Gehirn anfangen?»* Хотелось бы мне знать, все ли женщины в такой степени смешивают средства с целью. Для нас, людей обыкновенных, труд — это только средство, применяемое одними для того, чтобы жить, другими — для прочего, и одинаково ненавистное для всех, потому

* «Но что я могу предпринять с половинкою мозга?» (*нем.*).

что оно — необходимость. Для моей же матери труд — это цель — она не работает, чтобы жить, она живет, чтобы работать. Постелить постель, подмести комнату, постирать белье — это нечто, достойное высочайшего интереса; из-за этого обрывается всякий другой разговор, всякое удовольствие, всякий отдых для тела и души. И вообразите себе нас, злополучных жертв далеко зашедшей цивилизации, привыкших допоздна бодрствовать и спать по утрам, вообразите себе несчастного человека, который с четырех часов утра начинает ощущать, как дом дрожит до самого фундамента от надраиванья, производимого любимым существом.

Но прекращаю свои жалобы. Отец мой наконец приехал и, к счастью, помог мне избежать ошибочного шага. Ребенок царил надо всеми: шесть женщин постоянно галопировали и падали с ног от забот, и, несмотря на это, дитя не процветало, Марианна кормить его не могла вследствие нервной лихорадки; пришлось ей прописать сильные дозы каломели, от которой пропало молоко. Тогда я положил конец всему вышеописанному и, не внимая предостережениям моей матери и моей жены, устремился в Савойю, где осматривал, щупал, изучал кормилиц и детей,— и привез оттуда кормилицу, которая уже с неделю обосновалась у нас, к величайшему благу ребенка,— он принялся полнеть и, словно бесенок, день ото дня становится все оживленней. Моя мать, глубоко оскорбленная, намерена была обратиться в бегство; через несколько дней она меня расцеловала, поблагодарив за твердость характера и наконец уехала с моим отцом, успокоенная насчет судьбы своего внука. Перейдем теперь к другим вещам, не без того, чтобы пожелать супругам Энгельсонам всех возможных благ, связанных с их чадом. Мое же чадо часто напоминает мне полковника [2], ибо в смысле гримас он по меньшей мере не уступит ему и, как мне кажется, даже превосходит его, когда у него болит животик.

Мы наводнены сейчас итальянцами, эмигрирующими из-за холеры. Подобных феноменальных карет, как в последние две недели, никогда еще не видывали. Старые «carozze» *, в которых предок времен Людовика XV совершал черепашьим шагом свои прогулки, прибыли сюда, извергая из себя пред гостиницами провинциальных marchese и contesse **, невероятные, фантастические существа с того света, схороненные в каком-нибудь уголке Пьемонта или Тосканы. Сущность, однако, заключается в том, что по меньшей мере 50 000 итальянцев было занято поисками убежища в Швейцарии и 20 000 французов уже присоединилось к ним. Сии последние устремляются вперед с еще большей скоростью — в поисках чистого горного воздуха они не останавливаются ни в Берне, ни даже в интерлакенском Бёдели — они взбираются на предгорья и затопляют все эти маленькие курорты Гурнигеля, Штаккельберга, Вайсенбурга и пр.

Все это, дорогой мой, говорится с тем, чтобы дать совет вам погодить еще немного с осуществлением вашего намерения приехать сюда. Мне кажется очевидным, что долго еще оставаться в Англии вы не сможете — зима там будет убийственной во всех отношениях: политическом, моральном и физическом. Они захватят Аландские острова; быть может, Севастополь и, что менее вероятно, Кронштадт — и потом, когда наступит зима, жизнь в таком огромном центре, как Лондон, станет невыносимой именно потому, что вне его будут происходить отвратительные события. Не надеюсь даже на какую-нибудь крупную измену — вся эта война была до сих пор загадкой, и завершение ее останется проблематичным даже для будущего. Понемножку стану осматривать все вокруг нас, чтобы найти подходящий загородный дом; над нами есть имение Жеребцовой [3] — вам оно, быть может, подошло бы, Шильон и Монтрё, пожалуй, несколько удалены от всех ресурсов, необходимых вам для Александра и Таты.

Читали ли вы о сценах, разыгрывавшихся в Ницце в то время, когда там хоронили нескольких протестантов? Первую похоронную процессию подвергли

---

* «кареты» (*итал.*).

** маркиз и графинь (*итал.*).

преследованиям, вторую разогнали; на следующий день святая сволочь в буквальном смысле покрыла дерьмом и гроб, и сына, который один из всех осмелился остаться у катафалка своей матери и вынужден был защищать его камнями и палкой все время, пока гроб опускали в могилу. И подумать только, что мы, некие пророки и предтечи новой эры цивилизации, прожили там целых два года с лишним, не оказав какого-либо дельного влияния на окружавшее нас население! Это унизительно, дорогой мой. Каково! Там тогда собралась изрядная группа более чем выдающихся гуманистов, а и теперь еще швыряют дерьмом в живых и в покойников? Полковник, что же тогда значит наше влияние? [4]

Наш дорогой Федеральный совет возобновляет свои поползновения управлять европейскими делами, подвергая нападкам эмигрантов. Кастольди [5] объявил сегодня Этьену Араго [6], чтобы тот покинул федеральную территорию по приказу папаши Дрюэ [7] и папаши Фюррера [8]. Правда, они все еще прогуливаются вместе — Флокон [9], Э. Сю [10], Араго, устраивая в честь себя овации в Сен-Имье и на Юре,— но есть ли резон изгонять их вследствие этого? [11] Не меньшей обходительностью окружены германские правительства, и существующую здесь ассоциацию немецких рабочих собирались подвергнуть преследованиям. Я за нее вступился, и тогда они набросились с удвоенной яростью на одного из бедняг, любой ценой желая принудить его к выезду в Германию. Этот человек прожил более чем любопытную жизнь — она могла бы дать материал для романа. Он сын кюре от племянницы; папаша поселил его в Швейцарии, где он родился, находил себе пропитание и пр. до четырнадцати лет. Когда же он достиг этого возраста, кюре умирает, содержание более не выплачивается; люди, у которых он живет, держат его у себя по доброте до семнадцати лет, потом они помещают его к кому-то конюхом. Шесть лет подряд совершает он на своих лошадях поездки в Германию, нигде ничего кругом не видя,— приезжают лишь к вечеру; если еще светло, он должен возиться с лошадьми; если ночь — спать возле них, а в дорогу отправляются еще до зари. В каждом городе ему известен только радиус от конюшни до водопоя. Затем он становится вольным стрелком — от Оксенбейна [12] до Струве [13]. Его берут с собой в первую экспедицию в Люцерн; от удара ногой в живот у него образуется грыжа — целых полгода его оставляют умирать в тюремных камерах; какой-то конфедерат увозит его наконец и излечивает — тогда он берет свою грыжу в одну руку, а ружье в другую и действует вместе со всеми, с Геккером [14], Струве, Виллихом [15], Беккером [16], до самого конца баденской войны. Он портняжничает в Безансоне в составе корпуса Виллиха — заболевает темной водой [17]; слегка от нее оправляется, опять берется за работу и опять заболевает — и вот теперь Конфедерация набрасывается на этого несчастного с развороченными внутренностями, полуслепого, покрытого ранами,— по той причине, что у него обнаружили карточку, на которой председатель здешнего рабочего общества рекомендует его другим обществам.

Прощайте, любезный друг, целую детей и желаю друзьям всяческого процветания.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 18 августа 1854 г.

Рёдигер отправится в будущем месяце в Англию; я дам ему все, что он сможет увезти.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Подразумевается В. А. Энгельсон.

[3] На этой вилле жила Мария Амалия *Жеребцова*, урожд. Гофрихтер. По-видимому, Герцен намеревался тогда (и несколько позже) надолго обосноваться в Женеве и просил Фогта найти ему подходящий дом.

[4] Это прямое обращение к В. А. Энгельсону («полковнику»), также жившему в Ницце в начале 1850-х годов.

[5] *Ж. Ж. Кастольди* — начальник женевского кантонального Департамента юстиции и полиции.

[6] Этьен *Араго* (1803—1892) — французский журналист и политический деятель, сотрудник газеты «Réforme», знакомый Герцена; после 15 мая 1848 г. эмигрировал в Бельгию.

[7] Анри Шарль *Дрюэ* (1799—1855) — федеральный советник и управляющий Департаментом финансов, ранее — заместитель начальника федерального Департамента юстиции и полиции.

[8] Жонас *Фюррер* (1805—1861) — начальник федерального Департамента юстиции и полиции.

[9] Фердинан *Флокон* (1800—1866) — французский публицист и политический деятель, видный участник революционных событий 1848 г., редактор газеты «Réforme» и министр при Второй республике. Герцен в одном из своих писем характеризует его словами «глупый Флокон» (XXIII, 83). В это время Флокон жил в Цюрихе (он был выслан из Франции после государственного переворота 1851 г.).

[10] Эжен *Сю* (1804—1857) — известный французский романист, автор романа «Парижские тайны», участник событий 1848 г.

[11] В начале августа 1854 г. Э. Сю, живший в Аннеси, совершил вместе с Араго и Флоконом поездку по невшательской и бернской Юре. Популярность автора «Парижских тайн» среди рабочих-часовщиков Юры все еще была очень велика, поэтому путешественников принимали очень горячо, а в Сен-Имье они даже стали объектом овации, получившей отражение и в печати. Французский посол в Берне и консул в Женеве тотчас же вмешались в это дело. Сю вынужден был возвратиться в Аннеси, Флокона в течение некоторого времени не удавалось разыскать, но Араго, остановившийся в Женеве, был утром 17 августа вызван к начальнику Департамента кантональной полиции Кастольди и получил приказание немедленно покинуть город под угрозой насильственной высылки.

[12] Иоганн Ульрих *Оксенбейн* (1811—1890) — бернский радикал, федеральный советник, командовал экспедицией вольных стрелков против Люцерна, закончившейся полным поражением (1845).

[13] Густав *Струве* (1805—1870) — руководитель восстания в Бадене (1848); встречался с Герценом в Женеве в 1849 г.; Герцен с глубокой иронией описал Струве в «Былом и думах» (X, 59—64 и 102—106).

[14] Фридрих *Геккер* (1811—1881) — немецкий демократ, также один из руководителей Баденского восстания 1848 г.

[15] Август *Виллих* (1810—1878) — немецкий революционер. Отброшенный на французскую границу со своим отрядом добровольцев после поражения Баденского восстания, в апреле 1848 г., был интернирован в Безансоне со своими бойцами. В 1849 г. Виллих и большинство его боевых помощников были изгнаны из Франции.

[16] Иоганн Филипп *Беккер* (1809—1886) — немецкий революционер, натурализовавшийся в Швейцарии; принимал активное участие в Баденском восстании 1848 г.; командир баденской народной армии в 1849 г.

[17] Болезнь, ведущая к слепоте.

14

К. Фогт — Герцену

〈Женева, 16 октября 1854 г.〉

Любезный мой Герцен!

Давно уж у меня нет от вас вестей. Приедете ли вы в Швейцарию, к нам, куда-нибудь на континент? Холерное наводнение прекратилось, толпа трусов убирается восвояси, деревенские обиталища от Женевы до Вильнёва протягивают вам руки. Пока же я пересылаю вам письмо варского Кошута. Я совершенно неповинен в этой атаке и, чтобы помочь вам отразить ее, пишу ему сейчас, что хотя и отправляю вам его записку, но не знаю, дойдет ли она, поскольку вестей от вас не имею почти два месяца и мне неведомо, в Англии вы еще или же уехали из Лондона и Ричмонда, чтоб отправиться либо в Швейцарию, либо в Норвегию. Кошут, как мне кажется, весьма легкомысленно рассуждает о своем деле; смешно, что он не смог разузнать ранее об этом угрожающем ему, вероятно, наложении ареста на имущество [1].

Мы живем здесь в ожидании падения Севастополя [2]. Не знаю, чего желать,— я уверен, что царь ни за что не заключит мира, и, от всей души желая видеть его побитым по всей линии фронта, я охвачен страхом пред этим ужасающим англо-франко-австрийским союзом, который придушит до последнего вздоха свободу на континенте. Низости, которые вскоре совершат или допустят англичане, лишь бы заполучить себе подходящего союзника, невообразимы и невероятны. С этой точки зрения я готов был бы издавать молитвенные вопли о поражении союзников в Крыму в надежде, что это поражение, подтолкнув австрийцев в направлении России, приведет к тому, что союзники обратятся на путь революции.

Но с этой стороны все уже потеряно. Мы видели здесь в течение нескольких дней Клапку, который в полном отчаянии возвратился из Константинополя; по его словам, все турецкое министерство продалось австрийцам. Он рассказывал всякого рода случаи из потустороннего мира обо всех этих мошенниках, союзниках и несоюзниках, которые там трудятся «am sausenden Webstuhl der Zeit» [3]. И о поляках — бóльшая часть из тех, кто находится там [4], высказалась за австрийский флаг, утверждая, будто в деле восстановления Польши надеяться можно исключительно на Австрию.

Здесь бури в стакане воды чрезвычайно сильны. Фазисты [5] банкетируют, другие делают подкопы, все в волнении — слияние так называемых социалистов с аристократами подтвердилось, и Фази упорно уверяет, будто главная пружина этого — Маццини [6].

У меня все хорошо, ребенок растет и уже покушается говорить, пока это сводится лишь к «А-у!» и другим столь же примитивным звукам. Зима приближается — Юрá сегодня блистает первым снегом. Марианна от души приветствует вас. Поцелуйте от меня детей. Много теплых слов друзьям. Продолжает ли развиваться норвежско-русский отпрыск? [7]

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 16 октября 54 г.

[1] *Варский Кошут* — вероятно, шутливое обозначение Ж. Матьё (см. прим. 3 к п. 5), одного из участников восстания в Варском департаменте Франции (1851), который обратился к Герцену с просьбой о материальной помощи. Нет оснований предполагать, что это мог быть Л. Кошут. Письмо Матьё остается неизвестным.

[2] Севастополь, выдерживавший осаду с 26 сентября, пал только через год, 8 сентября (н. с.) 1855 г.

[3] «На свистящем ткацком станке времени» — слова Духа из «Фауста» Гете.

[4] Большое число польских революционных эмигрантов отправилось в Турцию, чтобы создать там Польский легион.

[5] Т. е. последователи Дж. Фази.

[6] См. *ААН*, 148.

[7] Речь идет о сыне Энгельсонов, Исааке.

15

К. Фогт — Герцену

〈Сутерр. 26 января 1855 г.〉

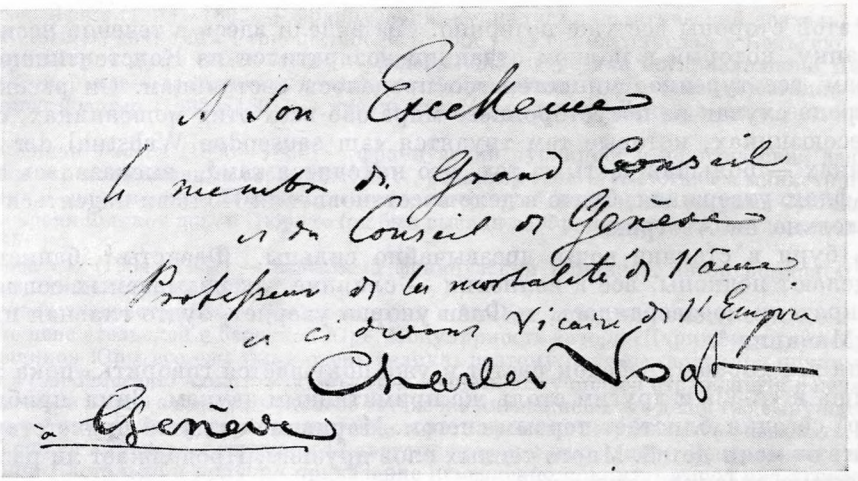
Любезный друг!

Вот уж скоро столетие, как мы с вами не общались. Отчего же вы столь молчаливы, вы, имеющий время писать, тогда как у меня едва хватает времени на изготовление рукописей? Если бы вы только знали, как трудно мне бывает выкроить минутку для друзей; какой отвагой должен я обладать, чтобы взяться за перо корреспондента после того, как целый день напролет пускал в ход исключительно перо труженика, то не допустили бы, чтобы ваши письма были столь редки и так точно соотносились с моими. Я надеялся повидаться с вами нынешней зимой — разве вы не в состоянии отцепить свою жизнь от жизни этой Англии, расшибающей себе череп о севастопольский утес?

Мы немного, и даже много, вкусили здесь приятностей семейной жизни. Жену мою в течение двух месяцев терзала столь свирепая зубная боль, что она чуть не занемогла от этого самым серьезным образом; мой мальчик, продолжая прекрасно развиваться, вздумал поразить мир переизбытком христианского благочестия 〈. . .〉 * Он развивается, впрочем, с поразительной энергией, и если судить по его манерам, то он сделается весьма сосредоточенным наблюдателем. Вскоре он начнет ходить; вообще же он соединяет в себе все вообразимые добродетели и все прелести тела и духа.

Я поручу доставить вам вскоре небольшое сочинение, которое меня вынудил написать г. Р. Вагнер из Геттингена, мистический физиолог [1]. Когда я писал это

* Опускаются анатомические подробности.— *Ред.*



НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА НА ПИСЬМЕ К ФОГТУ:

«A son Excellence le membre du Grand Conseil et du Conseil de Genève Professeur de la mortalité de l'âme et ci-devant Vicaire de l'Empire Charles Vogt à Genève» («Его превосходительству члену Большого совета и Женевского совета, проповеднику учения о смертности души и бывшему викарию Империи Карлу Фогту в Женеве»)

Автограф, январь 1857 г.

Публичная и Университетская библиотека, Женева

сочинение, то часто жаловался на судьбу, разлучившую меня с двумя такими личностями, как вы и Энгельсон, которые так превосходно обходятся с категориями и прочими невразумительностями философского и гегельянского языка. Я толкую там об Адаме, Ное и о существовании души как бессмертного существа. В последней главе мне особенно нужно было бы философское подкрепление, которое вы безо всякого труда предоставили бы мне, между тем как я потратил бездну сил на то, чтобы втиснуться в эту перипатетическую конуру. Но ничего не поделаешь, вам остается судить, удалось ли мне пробить брешь в этом государственном физиологе, которому умирающий Радовиц поручил защищать общество от нападений чудовищного материалистического естествознания [2].

Не хотите ли стать владельцем пансиона Шумахера в Бённигене [3]? Помните этот очаровательный дом на берегу озера с садом и пристройками? Он принадлежал моей теще, которая продала его своему зятю Шумахеру с большой уступкой, за 43 000 франков. Дом заложен только за 7 000 франков в залоговой кассе, выплачивающей из расчета 5%. Но моя теща, поддавшись дурным советам, заложила свою купчую крепость за 14 000 фр., и теперь она подвергается опасности потерять все вследствие чудовищной интриги, цель которой — продать купчую крепость с аукциона, если не будет внесена обусловленная сумма. Я обещал ей приложить усилия, чтобы раздобыть эту сумму, дабы выкупить купчую крепость и спасти ей то, что ей остается.

Дом приносит в год процентами 1 600 фр., выплачиваемых нынешним владельцем. Таким образом, легко обеспечить проценты с суммы в 14 000 фр. за дом, ценность которого с каждым годом увеличивается вследствие выплат, производимых залоговой кассой. (Эта последняя была основана во время Оберландского дела — для обеспечения финансов этой страны; она берет 5%, из них $2^1/_2$ как проценты и 2% выплатных.)

Пишу вам насчет этого дела, дорогой мой, потому что мне кажется, что помещение денег в государственные процентные бумаги становится с каждым днем все более неверным, поскольку всеобщая война неизбежна,— а имения в Оберланде не подвергнутся опасности. Говорю вам об этом в то же время и потому, что вы оказали бы мне значительную услугу, спася славную женщину, которая в продол-

жение всей жизни боролась с несчастьем, причиняемым ей мужем; она хочет с ним наконец разойтись, и ее судьбой я крайне озабочен из-за моей доброй и превосходной жены. Я лично поручусь за выплату процентов — трехмесячных, полугодовых или годовых, как вам будет угодно; обеспечением послужил бы дом — купчая крепость на него перешла бы в вашу или мою собственность — и мое здешнее профессорское жалованье. Если вам возможно будет произвести перемещение капитала в этом смысле, то прошу вас сделать это, если же нет — откровенно скажите мне, без оговорок и, главное, без отсрочки. Тогда я буду знать, что сделать это вам невозможно. Если же произвести одновременный перенос всей бюджетной суммы вы не сможете, то найдется средство обернуться, имея 7 000 фр. теперь и остальное — в марте месяце [4].

Здесь, в Женеве, дела идут прескверно. Аристократия, взяв верх над так называемыми социо, начинает подрывать все кредитные установления, созданные Фази. Учетная контора, в руках которой главным образом Фабрика и торговля, чуть не прогорела и до сих пор еще держится на слабых и подкашивающихся ногах. Создается, однако, впечатление, что Фабрика и торговля в недурном положении — но дороговизна съестных припасов превосходит всякое вероятие. Что касается меня лично, то я гарантирован от всяких событий книгоиздательством — в Германии все больше и больше сходят с ума от естествознания. Я заключил с Вимеем договор на восьмитомный труд [5].

Надеюсь, что дети чувствуют себя хорошо. Поцелуйте их за друга, которого они вскоре забудут, если вы не приедете в Швейцарию, дабы освежить память о нем. Наилучшие пожелания друзьям.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Сутерр. 26 января 1855 г.

[1] Брошюра «Köhlerglauben und Wissenschaft», появившаяся месяцем позднее. Она имела большой успех и вызвала продолжительную и острую полемику во всей Германии. Эта книжка, вышедшая несколькими изданиями, может рассматриваться как своего рода манифест новой, «вульгарно-материалистической» школы, во главе которой станут, наряду с Фогтом, Я. Молешот и Л. Бюхнер. Рудольф *Вагнер* (1805—1864) — немецкий профессор, физиолог-спиритуалист.

[2] Иозеф *Радовиц* (1797—1853) — прусский генерал, реакционный деятель; от политической жизни отошел в 1850 г. (ср. X, 174).

[3] Деревня на берегу Бриенцского озера, невдалеке от Интерлакена. Семья Фогта была родом из этих мест.

[4] От этого предложения Герцен, вероятно, отказался.

[5] Труд этот в свет не вышел.

16

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 28 марта 1855 г.⟩ [1]

Любезный мой друг!

Вы, вероятно, получили из Берна листки «Бернской газеты», в которой приведены выдержки из ваших брошюр о русском крестьянине. Поскольку мой младший брат теперь редактор этой газетки, вы сможете направлять непосредственно ему то, что хотите видеть распространенным в Швейцарии [2]. Впрочем, не следует упускать из виду, что эта убогая газетка должна прежде всего печься об интересах бернской радикальной партии и что вовсе не следует перегружать внешнеполитическую ее часть русскими делами, интересующими бернских националистов не больше, чем прошлогодний снег. Истинные сыновья Телля стали уже роптать на эти длиннущие описания русского крестьянина, которые, как им показалось, слишком подчеркивают предельное сходство с ними самими, если не считать простоту нравов между равными, которая также утратилась в сем оплоте свободы, называемом Швейцарией.

Мы живем здесь в полном благополучии, перемешанном с туманами и дождем. Папаша Дрюэ находится in extremis *, что приводит в восторг его коллег. Его

* в крайних обстоятельствах (*лат.*).

хватил апоплексический удар, парализовавший все его полезные члены, даже язык. Со времени этого удара ему удалось произнести лишь «Donner-Wetter» *, чего достаточно, по словам моего брата, чтобы быть превосходным федеральным советником,— остальные не способны сказать даже это. В преемники ему собираются дать Турта [3]. Мы без конца ликуем, видя, как иссякает распря с Тессином,— в качестве истинных конфедератов и сыновей победителей Мора, Земпаха, Моргартена и пр. мы выплачиваем некоторым «Flohpelze» **, капуцинам, бешеную сумму и ничего не говорим насчет 6 000 изгнанных тессинцев — ведь это могло бы быть сочтено за нелюбезность. Впрочем, мы выиграем от этого на капуцинском соляном налоге, а изгнанные тессинцы утроили свои доходы, занимаясь нищенским промыслом в Конфедерации [4]. Таким образом, мы можем сказать, подражая Франциску I: «Все потеряно, кроме денег» [5].

До сих пор я не особенно отчетливо различаю ту новую эру России, которую вы мне предсказываете. Новый император поступает подобно всем, кто восходит на трон: он подыскивает какие-нибудь древние обломки устарелого либерализма, вроде Ермолова, чтобы выставить их напоказ в виде убогих вывесок, а исподтишка распоряжается делами даже почище, чем его предшественник,— до той поры, пока сам не укрепится как следует [6]. Александр теперь в той же полосе, что в 1840 г. прусский король [7], который также восстанавливал в должности Арндта [8] и еще нескольких старых болтунов, преследуя в то же время Руге [9] и его товарищей. Возможно, впрочем, что престиж, коим пользовалась личность Николая, сошел на нет и что рано или поздно это приведет к кое-каким переменам; не думаю, однако, чтоб они были особенно значительны.

В течение недолгого времени я питал надежду стать свидетелем зарождения в Англии глубокого общественного движения, проникающего в самые глубины и опрокидывающего всю укоренившуюся в этой стране чудовищную систему лицемерия. Полагаю, что мы ошиблись и на этот счет. Англичанин — лицемер по натуре, по воспитанию, по пристрастию, и этим пропитаны, от лорда до чартиста, все слои населения. Англия заключит мир любой ценой — аристократия ее и на этот раз спасется тем же средством, которое приведет к гибели Луи Наполеона. Что же касается последнего, то я начинаю думать, что дни его сочтены. Один он не может продолжать войну, которая, впрочем, ведется самым жалким образом; существование его в одинаковой степени подвергнуто угрозе, если Восточная армия возвратится после заключения мира или совсем не возвратится. Сейчас я узнал от одного горбуна-поляка, только что вернувшегося из Парижа [10], что там, в высших сферах, крайне обескуражены; что готовятся к полному развалу, а вам хорошо известно, что Авантюрист гибнет, как только теряет задушевную веру в свою звезду — ту веру, которая одна только и может помочь ему в противоборстве с трудностями. Так-то я снова вижу себя обращенным лицом к Франции в надежде узреть, как оттуда исходит не луч свободы, а молния потрясений.

Вы говорите мне, что окончательно остаетесь на этот год в Англии. Должен ли я подыскивать для вас жилище? Полагаю, что вопрос этот не может не возникать в моем уме, когда я думаю о неустойчивости ваших решений, касающихся места жительства.

Вы прочли, наверно, в аугсбургской газете объявление о распродаже в Берлине имущества старика Зигмунда [11]? Нищета приближается медленно, но верно! Ich komme spät, doch sicher nach! ***

Знать бы только, как доставить вам книги! Вам ничего еще не известно о глухом шуме, тревожащем теперь умы ученого люда Германии. Я наконец-то опубликовал свой памфлет, направленный против геттингенского Вагнера, под названием «Köhlerglauben und Wissenschaft». Продано 1500 экземпляров за один месяц. Издатель перепечатывает его, не знает, как удовлетворить спрос. Из этого сочинения жадно вбирают в себя семена разрушения библейской веры, бессмертия души и всяческих других бредней и удивляются при этом, что еще кто-то смеет выпускать

* «Черт побери» (*нем.*).
** «блохастым шубам» (*нем.*).
*** Я прихожу поздно, но наверняка! (*нем.*).

в свет подобные чудовищные вещи. Я приказал издателю любой ценой доставить вам один экземпляр второго издания. Ни одна газета об этой вещи еще не говорила — поместили объявления только «Allgemeine Zeitung» и «Frankfurter Journal». Видно,что Германия жаждет скандала. Вагнер еще не ответил и, возможно, не ответит. Надеюсь, что Энгельсона эта книга позабавит: я включил в нее рассуждение о зооспермах, и когда писал ее, то порой о нем думал, повторяя себе, что нахожусь на излюбленной почве друга.

Что больше всего забавляет меня, так это то затруднительное положение, в которое моя брошюра поставила Высший совет Федерального политехникума. Я записался на кафедру зоологии, чтобы не дать им возможности отклонить мое назначение, ибо у них нет никого, скажу без похвальбы, кто мог бы быть мне противопоставлен. Но вот воззрения мои высказаны в книге — это ужасный призрак для верующего конфедерата, страшащегося новой Штраусиады [12] и вдобавок еще обрабатываемого бешеной сворой немецких профессоров, главный ужас для которых в том, что я могу переехать в Цюрих. Керн, председатель совета, от этой мысли глаз сомкнуть не может [13]: он боится, как сказал мне Турт, участи Мидаса — если меня не назначат, каждая травинка станет ему кричать: «Керн, ты осел» [14] — и участи Хегетшвайлера, убитого по приказанию господа бога во времена Штраусиады [15],— если я буду назначен. В конечном итоге он предпочтет, однако, глупость утрате своей шкуры.

ОДНА ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ КАРИКАТУР, ВЫСМЕИВАВШИХ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФОГТА И ЕГО СОЛИДАРНОСТЬ С УЧЕНИЕМ ДАРВИНА

Книгу, которую держит в руках Фогт, карикатурист озаглавил: «L'Homme provient de Singe. Par Ch. Vogt» («К. Фогт. Человек происходит от обезьяны»).

Журнал «Le Falot», 24 апреля 1875 г.

Публичная и Университетская библиотека, Женева

Очень рад, что моя антипатия к Головину покоится на столь прочных основаниях. Вы, конечно, ошибаетесь, полагая, что он примазался к санкт-петербургскому правительству; он *хотел бы быть в этом положении* и ищет для того средств, клевеща на вас [16].

Прощайте, любезный мой друг; сердечный привет друзьям и верьте мне.

Ваш К. Ф о г т

А. А. Герцену:

Любезный мой Саша!

Поскольку твой достопочтенный отец объявил мне, что окончательно остается на этот год в Англии, я сильней, чем когда-либо, питаю надежду вскоре увидеть тебя на Континенте — без разлуки между тобой и твоим отцом.

Мой малыш развивается блестящим образом. У него дьявольская живость, и он ползает себе по комнате во всех направлениях. Сегодня, когда я писал это письмо, он был близ меня, и так как он чересчур громко кричал от нетерпения и злости, я дал ему первые шлепки ad posteriora *, которые лишь усугубили зло. Без сомнения, действовать так заставило меня московитское вдохновение, излучаемое моим собственным письмом.

Любезная моя женушка чувствует себя хорошо, она шлет сердечный привет тебе, так же как и твоему отцу, и очень радуется тому, что все вы вскоре возвратитесь.

---

* по задней части (*лат.*).

Несколько дней тому назад, проезжая через Берн, я видел твою прежнюю страсть, Сузи; она выросла фута на полтора в длину, нисколько не округлив свои костлявые формы.

От души целую тебя, так же как твоих сестер.

Сутерр, 28 марта 1855 г. К. Фогт

Портрет Сузели *.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Редактором небольшой ежедневной радикальной газеты «Berner Zeitung» с 1 января 1855 г. был Г. Фогт. По случаю Крымской войны эта газетка уделяла значительное внимание вопросам, связанным с Россией. 12 марта «Berner Zeitung» начала публикацию серии статей «Россия, русский народ». Напомнив читателям об установившемся на Западе взгляде на русского крестьянина как на варвара, совершенно чуждого цивилизации XIX в., не знающего ни законов, ни нравственности, Г. Фогт отмечал: «Один остроумный писатель, Александр Герцен, русский по рождению и вместе с тем испытанный демократ, уже много лет оспаривает это ходячее мнение; он поставил своей задачей реабилитацию русского народа, и в особенности низших классов, в общественном мнении Европы...». Далее он привел выдержки из брошюры Герцена «Le peuple russe et le socialisme», извлеченные из ее немецкого перевода (Гамбург, 1854 и соответствующие тексту VII, 282—292). Публикация статьи Герцена продолжалась в номерах от 13 и 15 марта, занимая по полтора-два столбца в каждом номере.

[3] Место скончавшегося 29 марта А. Дрюэ в Федеральном совете занял не Турт, а Я. Штемпфли.

[4] Блокада Тессинского кантона, которая была объявлена Австрией 11 февраля 1853 г. и вызвала высылку 6000 с лишним тессинцев, живших в Ломбардии, продолжалась два года; она была снята лишь 21 апреля 1855 г. в результате конвенции, подписанной 18 марта между Швейцарией и ломбардским правительством. На эту конвенцию и намекает Фогт. Она предусматривала выплату Тессинским кантоном вознаграждения в 115 000 фр. в пользу итальянских капуцинов, изгнанных из кантона в 1852 г. Что же касается тессинцев, вынужденных покинуть Ломбардию, то их материально поддерживали сбором пожертвований по всей Швейцарии, а также предоставляя им работу на строительстве укреплений.

[5] Шутливая переделка известного изречения французского короля Франциска I: «Tout est perdu fors l'honneur» («Все потеряно, кроме чести») — из письма короля к матери после поражения при Павии, где он был взят в плен 13 февраля 1525 г.

[6] Находившийся с 1827 г. в отставке генерал А. П. Ермолов (1772—1861) в 1853 г. был избран московским дворянством начальником ополчения своей губернии, но это явилось лишь номинальным назначением, так как престарелый генерал уже не мог выполнять свои функции.

[7] Фридрих Вильгельм IV (1795—1861).

[8] Эрнст Мориц *Арндт* (1769—1860) — немецкий писатель и поэт, которому антинаполеоновские выступления создали большую популярность; в период Реставрации он был выжит из Боннского университета, профессором которого являлся, вследствие своих либеральных идей. Лишь в 1840 г., после вступления на престол Фридриха Вильгельма IV, он получил возможность занять свою профессорскую кафедру в Боннском университете. В это же время прусский король усилил преследования младогегельянцев.

[9] Арнольд *Руге* (1802—1880) — немецкий радикальный деятель, публицист и философ-младогегельянец, издававший прежде в Лейпциге ежегодник «Hallische Jahrbücher». Он подвергался при Фридрихе Вильгельме II преследованиям, и издания его то и дело запрещались. См. о Руге во вступительной статье к наст. разделу.

[10] Личность эту установить не удалось.

[11] *Зигмунд* — отец Эммы Гервег.

[12] В 1839 г. цюрихское либеральное правительство пригласило известного философа Д. Ф. Штрауса (1808—1874), автора знаменитой «Жизни Иисуса», на должность профессора университета. Это вызвало протесты представителей протестантской церкви и недовольство крестьян, а также жителей разных швейцарских городов. Хотя Штраус из предосторожности и был уволен меньше чем через два месяца после своего назначения, в сентябре 1839 г. разразился мятеж. Несколько тысяч крестьян направилось с протестом в Цюрих, где они встречены были вооруженными правительственными войсками. В результате было убито и ранено около 30 человек. Это событие Фогт и называет здесь *Штраусиадой*.

[13] Иоганн Конрад *Керн* (1808—1888) — швейцарский радикальный политический деятель из кантона Тургау, президент совета Федерального политехникума в 1854—1856 гг., впоследствии полномочный представитель Швейцарии во Франции.

[14] По греческой легенде, фригийский царь Мидас был наделен Аполлоном за невежество и самоуверенность ослиными ушами.

[15] Во время цюрихского мятежа (см. выше прим. 12) был убит государственный советник И. Хегетшвайлер — как раз в тот момент, когда он доставлял государственным войскам приказ прекратить сражение.

[16] О выпадах «скотины» И. Г. Головина против Герцена в английской прессе см. в «Былом и думах» (XI, 418—421) и в ряде писем Герцена (XXV, 235—238 и др.). В марте 1855 г. Головин обратился к Александру II с просьбой разрешить ему возвращение в Россию.

* Над этой строкой карикатурное изображение женской фигуры.— *Ред.*

17
К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 22 мая 1855 г.⟩

Любезный мой друг!

Надеюсь, что экземпляры «Köhlerglauben» для вас и Энгельсона теперь дойдут, поскольку я повторил своему издателю распоряжение вам их отправить; однако вы знаете, что глас издателя — это глас вечности [1].

Теперь к вашим вопросам [2].

⟨1⟩. Вилла Жеребцовой уже сдана, и так как вы собираетесь приехать лишь в ноябре, то нельзя сказать заранее, какие дома будут свободны, а какие сданы. Вообще же (в Женеве) летом отправляются за город, а зиму проводят в городе — мне хорошо известно, что в Англии поступают иначе, но — по сию пору — англичанин не царит во Граде Кальвина [3]. Вы же будете жить в неуточненном месте — в Паки, в С.-Жане, в Пленпалѐ — смотря по тому, что найдут к вашему приезду. Но, чтобы дать вам некоторое представление, скажу вам, что г-жа Карольи [4] платит за великолепный дом из десяти комнат и двух прекрасных мансард (обычные мансарды, без кухни) с обширным садом, расположенным по соседству с городом, на швейцарской дороге, 2800 фр. без мебели — цена с мебелью была 4000 фр. Г-жа Гогенемзер имела в Паки, в городе, так сказать, загородный дом «Брандт» — в нем комнаты распределены следующим образом: на нижнем этаже — кухня, столовая, большая гостиная, комната; на втором — пять комнат, две из них довольно большие, несколько очень милых мансард — за 2000 фр. с мебелью — правда, она сняла этот дом в 48-м году, когда никто не имел средств для переезда за город. Поскольку мне неизвестно, каков теперь ваш домашний образ жизни, связаны ли вы душой и телом с Энгельсонами, то, естественно, сказать, во сколько обойдется вам жилье и что именно удастся найти, нельзя. Я же плачу 800 фр.; у меня кухня, столовая, нижняя гостиная, четыре комнаты на втором этаже и на чердаке нечто для прислуги. Вы можете по этим данным приблизительно высчитать, что́ потребуется вам.

2. О воспитании Александра. Я полагаю, что он теперь в том возрасте, когда ему можно посещать в качестве экстерна большинство курсов Академии. Естественные науки, древние языки и пр. достаточно хорошо представлены и, полагаю, стоят на достаточной высоте, чтоб он смог проходить их с пользой. Для современных языков и математики он найдет хороших учителей среди персонала некоторых пансионов (Рёдигер, например, имеет у себя природного англичанина и двух немцев, проведших несколько лет в Англии и основательно знающих язык). Поэтому я меньше всего испытываю затруднения насчет Александра; если б он был помоложе, то испытывал бы; но такому, каков он, по-видимому, теперь, я уверен, женевская мерка подойдет, по крайней мере частично.

3. Что же касается перенесения типографии, то указать вам меры безопасности, которые следует принять в Англии, я не мог бы. Полагаю, что самое простое — это менее опасное, особенно если вы держите в полнейшем секрете ваш проект перевода ее за пределы Англии. Предполагаю, что вы хотите перевезти только русские шрифты и литеры, что в вашем распоряжении есть только наборщик и что печатать вы поручаете какой-нибудь другой типографии. Если это так, то у вас с собой будет только касса в столько-то центнеров весом, которую вы поручите отправить через транспортную контору и, думаю, лучше всего через Германию, где привыкли видеть направляемые из Лондона шрифты для типографий всех дикарских языков. Мой адрес фигурировать не должен. Адресуйте либо Лауферу и К°, книгоиздателям в Женеве, либо Марку Ванею, здешнему печатнику, либо Шабелицу в Базеле, книгоиздателю (тогда подумают, что это предназначено для миссионерского издательства), и вы распорядитесь, чтобы сделаны были надлежащие декларации и пр. в Лондоне — через какого-нибудь типографа или литейщика, будто бы отправляющего заказчику требуемые шрифты. Поскольку вы фрибургский гражданин, вам не могут помешать устроить здесь свою типографию, когда вам будет угодно, и печатать что́ вам вздумается.

Не знаю, что еще прибавить по поводу здешних внутренних и внешних вопросов, вызывающих у меня все большее и большее отвращение. То, что Фази нам привез из Парижа, куда он отправился по денежным делам, способно отбить вкус ко всему. Поистине это две сражающиеся между собой Восточные Римские империи. Эта грязная шайка наемных убийц во Франции чувствует, что под ней разверзается бездна, и пытается забыться среди грязных баб, не обладающих даже умственными способностями гризеток, в грязных играх и распутстве, от которых отдает лишь скукой. Старик Жером [5] дошел до того, что не в состоянии уснуть, если перед столом у его кровати не восседают два игрока, *обязанных препираться между собой*. Проигрывающий должен изрыгать ругательства против выигрывающего мошенника; мошенник же этот обязан возражать, и под шум этой-то брани его величество засыпает. И сии люди воображают, будто нации вскоре подымутся, как один человек, на их призыв. Так и было бы года два тому назад; теперь же, я думаю, уже слишком поздно. До сих пор я не вижу никакого выхода из нынешнего положения, и если вы продолжаете еще питать доверие и надежду в отношении русского народа, то, повторяю вам, что я таковых отнюдь не имею и считаю его не менее испорченным, чем другие. Ваши мысли по этому поводу, впрочем, завоевывают себе почву в здешних местах, и я с большим удивлением слышал однажды, как какой-то толстяк из Берна, которого я считал совершенно неспособным сколько-нибудь разбираться в политике, говорил о юности русского народа в таких выражениях, которые привлекли бы к нему все ваши симпатии. Что до меня, то, по моему мнению, возраст мамаши Панагии [6] убедительно доказывает, что младенец не слишком-то молод.

У меня все обстоит изрядно — малыш мой начинает бегать и делает попытки лепетать, но они почти не удаются. Я повседневно изучаю поступательные движения его бессмертной души, которой должно быть смертельно скучно в этой неумело сооруженной для нее клетке, хотя малютка сам по себе довольно веселого нрава. Бедная эта душа! Она приказывает ногам ходить — и шлепается на пол; она хотела бы заставить его издавать звуки — и это ей не удается. Но в конце концов это все-таки душа.

Много добрых слов детям и друзьям. Моя жена сердечно вам кланяется.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 22 мая 55 г.

Я отдал «Полярную звезду» [7] на пропитание одному радикальному жителю Савойи, чтоб он составил о ней статейку для какого-нибудь из савойских либеральных листков.

[1] Пародия на крылатое выражение «Глас народа — глас божий», восходящее к Гомеру и Гесиоду.

[2] Фогт отвечает на неизвестное письмо Герцена, написанное около 8 апреля. В нем Герцен сообщал о своем намерении переехать в Женеву и просил подыскать для него дом.

[3] Шутливый намек на начало английского национального гимна «Rule, Britannia, the waves» («Правь, Британия, на море»). *Град Кальвина* — Женева.

[4] См. об этой знатной венгерской даме, проживавшей в Женеве, в след. письме.

[5] Жером *Бонапарт* (1784—1860) — брат Наполеона I, король Вестфалии в 1807—1813 гг., французский маршал с 1850 г.

[6] *Панагия* — небольшая, усыпанная драгоценными камнями икона Божьей матери. Здесь, вероятно, употреблено в смысле «богородица» — «святая Русь».

[7] Речь идет не об альманахе Герцена, появившемся в свет лишь два месяца спустя, а о проспекте, в котором извещалось о предстоящем выходе альманаха.

18

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 24 октября 1855 г.⟩

Я был слишком занят, любезный мой друг, чтоб иметь возможность ответить на ваше письмо так быстро, как вам, быть может, хотелось бы [1]. Испытывая потребность немножко отдохнуть, я отвез свою жену в Берн и в Оберланд, а сам отправился сопровождать отца, брата и шурина на рагацкие воды, где надеялся

излечиться от своей мигрени. Я снова убедился в том, что социалисты бесчестные обманщики, когда утверждают, будто труд — это отчетливый признак, отличающий человека от животного, и что человек предназначен для труда. Возможно, Провидение заявило таким злополучным горемыкам, как мы, словами Гафиза:

Du trage keuchend deine Last
Dem Esel gleich und dem Kamel! [2]

Но я знаю, что натура наша резко протестует против этой обязанности — и моя особенно. И вот, любезный мой Герцен, я думал, что покинул ее, как Уланд своего сотоварища Hypochonder'a *:

Sie starb an frischer Bergesluft
An Vogelsang und Rosenduft [3],—

но она лишь дремала, и теперь, когда я стараюсь убавить горы работы, сгрудившиеся передо мной вследствие сего путешествия, она пробудилась, более живая, чем когда-либо прежде, унося у меня воскресенья, которые мне только и остаются для ведения переписки — как дозволяемое себе сугубо личное удовольствие.

КАРЛ ФОГТ

Гравюра неизвестного художника, 1863

С автографом Фогта: «Gegen die Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens. C. Vogt» («Против глупости даже боги бессильны. К. Фогт»).

Публичная и Университетская библиотека, Женева

Путь мой привел меня и в Цюрих, где мне пришлось пробыть два дня. Там я не только осведомился о гражданине, которого мы имеем в виду, я видел и саму мадам [4]. Желая отдать визит своему другу Гильдебранду [5], я ошибся лестницей и оказался лицом к лицу с нашей нежной подругой, облаченной в свой утренний грязно-белый пеньюар. Вид змеи не мог бы произвести на нее более чудовищного эффекта. Затрепетав всеми членами, она резко прервала свою дружескую беседу с каким-то угольщиком, который, вероятно, требовал денег, и самым тщательным образом заперла дверь на задвижку. Возможно, она вообразила, что я вот-вот произведу атаку на манер Гауга! [6]

Так вот, дорогой мой, сия пара живет теперь в огромном, битком набитом жильцами профессорском доме, бок о бок с кантональной школой, отовсюду окруженная многочисленными семьями с шумливыми детьми и с девицами-пианистками, почти без денег с ничтожным кредитом и совершенно без знакомых. Г-н, как говорила мне соседка, ни с кем не видится — по вечерам он ходит в Bierkneipe **, где находит несколько друзей, известных в городе под именем «Lästrygonen» ***[7], среди них толстяк Гейн и несколько других шалопаев; в это время мадам принимает у себя итальянцев [8]. Он освистан всеми, никто с ним не здоровается в Цюрихе. Я видел, помимо своих друзей, других его старых знакомых: Фейна из Брунсвика [9], Шульца из Дармштадта [10] — все с отвращением повернулись к нему спиной; единственное знакомство, которое ему остается,— это его музыкант Вагнер.

Поговорим теперь о другом. Госпожа Карольи возвращается отсюда в Австрию. Ей угрожают конфискацией ее имущества и, находя это недостаточным, мучают

---

* ипохондрика (*нем.*).
** пивную (*нем.*).
*** «лестригонов» (*нем.*).

ее детей, оставшихся в Венгрии. Старший сын ее собирался отправиться в университет. Разрешение ему будет дано, лишь когда госпожа, его мать, возвратится! Келейно дают ему знать, что его зачислят в рекруты, как только он достигнет желаемого возраста. Травимая таким образом, вплоть до преследования ее сыновей, бедная женщина решилась наконец покинуть Женеву и переехать в Венецию, куда хочет ее залучить австрийское правительство [11]. Это еще должно оставаться между нами, но я пишу вам потому, что для вас представилась бы великолепная возможность найти здесь именно то, что вам подходит как жилье. Дом исключительно комфортабельный, хорошо меблированный, с садом и деревенским местоположением, великолепный вид на Монблан; деревня, и в то же время очень близко к городу, ибо это рядом с Сиротским домом, в двухстах шагах от porte de Cornavin, на швейцарской дороге. Вам никогда не удалось бы найти что-нибудь более подходящее для вас и для детей. Госпожа Карольи вскоре покинет дом, не позже чем через месяц.

Пишу вам это, любезный мой Герцен, ибо думаю, что пребывание в Англии вскоре начнет для вас становиться все более и более неприятным. Оборот, принимаемый войной, и дух людей, войну ведущих, вскоре будут вас все больше и больше лишать возможности в какой бы то ни было степени действовать на этом поприще. Все больше и больше будете вы изнашиваться в этой непрестанной борьбе, тщетно желая разъяснять истинное положение вещей существам, вовсе не желающим понимать. Достаточно одной новой глупости, подобной той, которую учинили джерсийцы [12] (и которая может служить ответом безумцам этого рода), чтобы со спины на вас накинулась вся эта англосаксонская раса, чей патриотизм доходит до полного поглощения логики. Если война еще продлится, я предвижу приближение момента, когда все проникнутся мнением Головина, а именно: что вы — русский шпион [13]; а если установится мир, то в этом будут убеждены еще более. Поверьте мне, пора убираться восвояси с этого проклятого острова, который становится мне до такой степени отвратительным, что я не смогу вспоминать с удовольствием даже о находящихся там друзьях.

Здесь у нас происходит некоторое обострение избирательной борьбы, что повторяется ежегодно. Вообще-то думают, что Фази снова возьмет власть в свои руки. Ему в Париже удалось выторговать заем для местной промышленности, и Фабрика смотрит на него, как на спасителя.

Я очень рад, что «Köhlerglauben» дошел до вас [14].

Брошюра эта произвела эффект удара палкой по осиному гнезду. Каждый день ругань и опровержения, писанные от руки и печатные, сыплются ко мне в дом, в то время как людская масса читает сей труд и родственные ему труды (ибо появилось несколько других писателей в том же роде) с достохвальной жадностью. Глубоко уверен, что подавляющее большинство немецкого народа убеждено в истине моих слов, и я столь же глубоко уверен, что в день, когда эти личности смогут пустить в ход свои принципы, они меня первого вышвырнут за дверь, если только им не удастся повесить меня на каком-нибудь фонаре.

Марианна от всей души приветствует вас. Мой мальчуган чувствует себя хорошо. Он бегает и разговаривает. Поцелуйте от меня детей.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 24 окт⟨ября⟩ 55 г. *

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] «Тащи, задыхаясь, ношу свою, //Подобно ослу и верблюду!» — цитата (в немецком переводе) не из Гафиза, а из Саади («Розовый сад»). Фогт неточно цитирует это двустишие по переводу К. Г. Графа (1846).

[3] «Она умерла на свежем горном воздухе, //При пенье соловья и среди аромата роз». Найти у Уланда это двустишие нам не удалось. Возможно, что это имитация, сочиненная самим Фогтом.

[4] Имеются в виду Г. и Эмма Гервеги.

[5] Бруно *Гильдебранд* (1812—1878) — немецкий профессор, преподававший общественные науки в Марбурге и Цюрихе; один из основателей исторической школы в политической экономии.

* На автографе внизу рукой Герцена: 13, George Str⟨eet⟩, Portman Square.

Гильдебранд живо интересовался железнодорожным строительством и принимал активное участие в его финансировании.

[6] См. в «Былом и думах» рассказ о том, как Э. Гауг дал Г. Гервегу пощечину в цюрихской гостинице (X, 305—307).

[7] *Лестригоны* — описанный в «Одиссее» Гомера народ, живший, по-видимому, на территории нынешнего Крыма.

[8] Эмма Гервег поддерживала тесные дружеские отношения с итальянскими революционными эмигрантами.

[9] Георг *Фейн* (1803—1869) — немецкий журналист, участник либерального движения 1830-х годов. После провала революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Швейцарию.

[10] Вильгельм *Шульц* (1797—1860) — немецкий революционный эмигрант, приват-доцент Цюрихского университета; в 1848 г., как и Фогт,— депутат Франкфуртского парламента.

[11] Графиня Каролина *Карольи*, урожд. Зичи,— жена прославленного путешественника графа Д. Карольи. Карольи, принадлежавший к венгерской умеренной оппозиции, играл некоторую политическую роль в 1848—1849 гг., за что подвергся тюремному заключению и был освобожден лишь под очень крупный залог. Графиня, по-видимому, жила раздельно с мужем, и ее вынуждали возвратиться из Швейцарии в области, находившиеся под суверенитетом Австрии. Упоминаемый в письме старший сын графини Карольи (один из четырех ее детей) — *Гиула* (1837—?). В 1860-х годах графиня Карольи возвратилась в Женеву.

[12] Публикация в джерсийской эмигрантской газете «Homme» (10 октября 1855 г.) резкого письма французского революционного эмигранта, писателя Ф. Пиа, к английской королеве Виктории по поводу ее недавнего визита к Наполеону III вызвала на острове Джерси ряд враждебных манифестаций против французских эмигрантов. С острова были изгнаны владелец этой газеты Л. Пьянчани, главный редактор Ш. Рибейроль, В. Гюго и многие другие эмигранты.

[13] Об отношениях Герцена с Головиным и о клеветнических выпадах последнего см. в прим. 16 к п. 16.

[14] Упоминаний об этой брошюре Фогта (см. п. 16) в сочинениях и дошедшей до нас переписке Герцена нет.

19

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 26 ноября 1855 г.⟩

Мне пришлось заставить вас долго ждать ответа, любезный мой Герцен [1]. Графиня Карольи отсутствовала, когда прибыло ваше письмо,— она поспешно уехала в Брюссель попрощаться со своей сестрой, г-жой Батиани, которая там живет. Пока же она сдала свой дом, полностью меблированный, с библиотекой и всем прочим, какому-то гамбуржцу — новость, которую я узнал только после ее возвращения, заставившего себя ждать дольше, чем я предполагал. Сдала она за 400 фр. в месяц, но только на полгода. Не сомневаюсь, что дом этот можно было бы получить и дешевле, если бы сняли на полный арендный срок. Дом крайне мил и удобен. Внизу кухня, погреб, оранжерея; на первом этаже гостиная, малая гостиная, столовая и еще одна комната; наверху не знаю, сколько комнат, шесть или семь, затем дом портье, большой сад, великолепный вид и пр.

После этого наступили выборы, целиком поглотившие меня на две недели. Изнурительный труд целой партии, словно предстояло завоевание всего мира,— а после победы [2] предстояло проглотить такое количество завтраков, обедов и ужинов, что как в нравственном, так и в физическом отношении я был совершенно расстроен. Затем отъезд г-жи Карольи — она уезжает как раз сегодня; новое издание завтраков, обедов и ужинов. Я провел этот месяц между лицевой и оборотной стороной медали — кутежом и Katzenjammer'ом * — что за прелестное времяпрепровождение!

Наш курс лекций уже начался, когда вы написали. У нас есть проект значительно реформировать Академию, расширив естественные науки и сократив бесполезные факультеты права и богословия [3]. Что же касается вашего вопроса насчет Александра, то не знаю, как и отвечать. Я был бы весьма не прочь устроить его у себя, если бы только это было возможно. Уже и теперь мы живем довольно стесненно, а тут еще мы ожидаем, в марте или апреле, увеличения семейства, что непременно повлечет за собой присутствие одной из двух бабушек, со всей суетой и всяческой неразберихой. Таким образом, место, которое я мог бы предоставить Александру, вскоре же понадобилось бы для водворения новорожденного.

---

* похмельем (*нем.*).

То, что вы мне пишете насчет Фрёбеля, внушает мне беспокойство. Он, вероятно, был не в слишком-то хорошем положении, когда вы написали ему, что предлагаете стать Hauslehrer'ом * и гувернером; а теперь это его молчание, после того как он дал согласие! [4] Мне его очень жалко, это такой симпатичный человек, и сердце у него такое доброе. Если ваши планы относительно него не осуществятся, то вот что я вам посоветую. Заставьте Александра пройти особенно тщательно курс языков, математики, истории, географии и т. п. таким образом, чтоб он оказался подкованным со всех этих точек зрения, — затем приезжайте пожить здесь, чтобы дать ему возможность в течение двух лет посещать Академию, где он сможет найти именно то, что ему понадобится, — химию, физику, наконец, — все отрасли наук, до такой степени развитые, что дают возможность отдаться специальному занятию (медицине). Я прилагаю к этому письму программу курсов, тех, что ежегодно повторяются. Курсы эти обычно длятся с конца октября до конца июня. Устроив Александру занятия в качестве интерна, а также экзамены, вы приучите его и к некоторой последовательности, и к непрерывному приложению своих знаний во всех отраслях наук, что редко достигается при домашней системе воспитания. К будущей осени он как раз достигнет того возраста, который необходим для поступления, и, обосновавшись здесь заранее, вы получите все средства направить его именно к этой цели.

Я нахожу, что вы очаровательно наивны в отношении своих трудов. Сколько нужно ухищрений, чтобы найти средство доставить вам что-нибудь из того, чем разродился, — вступаешь в бесконечную переписку с издателями, комиссионерами и пр., дабы принудить их дать согласие на доставку печатных изданий в Англию; все это прекрасно; русский же сатрап отвечает вам: «Окажите любезность, сударь, купить мои труды у книготорговца». И вы думаете, что профессор, получающий 2500 фр. жалованья в год, отец $1^3/_4$ детей имеет средства покупать «schöngeistige Literatur» ** и прочую презренную духовную политико-моральную пищу?

Создается впечатление, что великие замыслы на будущий год надвигаются с балтийской стороны. Дядя [5] обладал Москвой, Племяннику [6] надобен С.-Петербург на Неве. Фази уверяет, будто оба кузена будут вести войну вместе: Луи [7] и Плон-Плон [8]; одним глотком проглотят они Кронштадт, и Петербург окажется в их распоряжении без серьезного сопротивления.

Что до меня, то я не знаю, какой линии поведения придерживаться пред лицом этих событий. Я дохожу до блаженного состояния филистеров, которые всегда рукоплещут победителям, лишь бы события происходили вдалеке от них и покой их не был нарушен. Союзники отброшены от Малахова кургана! Браво! Русские прогнаны с Малахова кургана! Браво! В этот бессмертный день погибло 30 000 человек! Брависсимо! Взорвалось 30 000 кило пороху! «Magniperbe!» ***, как выражаются прусские офицеры. Меня все устраивает — полный разгром союзников, полный разгром России, — хоть бы все они истекли кровью вплоть до последнего человека и последнего гроша. Впрочем, из всего этого вскоре родится новая эра — разве не удались женевские выборы? Не отрицайте же перста божьего! Навозу надлежит догнить, чтобы стать доброкачественным, — ваша прогнившая Англия послужит, быть может, удобрением для цивилизации. Только я лично трепещу от страха, видя, как сажают в подготовленную таким образом почву русские или польские огурцы. Со времени появления холеры я не чувствую свой желудок достаточно крепким для их переваривания. Откровенно говоря, дорогой мой, эти блюда, подаваемые дружинами под наблюдением св. Сергия и в честь госпожи богородицы, мне совсем не подходят. Действительно, панагии имеют много сходства с божьими матерями, даже если они лоретские [9]. Австрия, со своим конкордатом, показывает, куда все это ведет [10]. Предвечный отец решительно берет верх, признаюсь в этом, а вам хорошо известно, что, как только сей старец начинает

---

* домашним учителем (*нем.*).

** «художественную литературу» (*нем.*).

*** «Сверхвеликолепно!» (франц. неологизм, составленный из начала слова magnifique и конца слова superbe). — *Ред.*

править, прощай логика! Прощай философия истории! Он настолько погружается в пьянство, что перестает уважать даже факты!

Прощайте, дорогой мой, от души приветствую вас и целую детей.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 26 ноября 1855 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] На женевских кантональных выборах 12 ноября 1855 г. радикалам снова удалось взять в свои руки власть после поражения, которое они потерпели двумя годами ранее.

[3] В 1854 г. Дж. Фази, находившийся тогда в оппозиции, предложил упразднить юридический факультет женевской Академии и стал выступать с нападками на факультет богословский. Его противники, находившиеся тогда у власти, разумеется, не приняли его предложений и ограничились тем, что отменили обязательное посещение студентами юридического и богословского факультетов лекций, читавшихся Фогтом. Возвратившись к власти, Фази собирался осуществить эти свои планы, но ввиду явного противодействия внутри Государственного совета он от этого отказался.

[4] В не дошедшем до нас письме Герцен предложил Юлиусу *Фрёбелю* (1805—1893), немецкому писателю, политическому эмигранту, в прошлом депутату Франкфуртского парламента, возвратиться из Америки к нему в Лондон и взять на себя воспитание его сына. Фрёбель вначале принял это предложение, но вскоре от него отказался. Он возвратился в Европу в 1857 г.

[5] Наполеон I.

[6] Наполеон III.

[7] Луи Бонапарт (Наполеон III).

[8] См. предисловие к наст. публикации, с. 91—92.

[9] Церковь Лоретской божьей матери в Париже расположена вблизи кварталов, где селились дамы «легкого поведения», называвшиеся поэтому лоретками.

[10] В своей борьбе с национальными и либеральными тенденциями австрийский министр А. Бах опирался на католическое духовенство. По его предложению подвергся осуждению принцип национальной независимости, взамен чего австрийское правительство заключило с папой 18 августа 1855 г. конкордат, освобождавший духовенство от опеки государства, позволявший церкви регулировать свои отношения со светскими властями посредством канонического права и полностью передававший ей руководство народным образованием, цензурой и законодательством о браке.

20

Герцен — К. Фогту

1 décembre ⟨1855⟩. Richmond

Cher ami!

C'est une fête pour moi de lire vos lettres — hier nous avons ri comme des fous avec m-lle Meysenbug [1] et Domengé [2] — un de mes amis,— primo, de votre «magniperbe» et, secondement, de «l'engrais pour la civilisation future...» [3]. Oh, vous avez mille fois raison!

Frœbel a agi au moins très californiennement [4], pour ne pas dire de plus — après m'avoir fait attendre 6 mois, pendant lesquels il m'envoyait son journal [5] — et me laissait dans l'espérance qu'il viendrait — m'écrit qu'après avoir maintenant pensé — il croit mieux de rester à New York, vu entre autres mes opinions trop extrêmes [6]. Je ne lui ai rien répondu. Pour six mois je reste encore ici, dans un quartier éloigné de Londres et je ferai faire des études chimiques et physiques à Alexandre. Pour la chimie, je l'enverrai aux cours de Hoffmann [7] (c'est un des élèves de Liebig [8], est-ce que vous le connaissez?). Pour la physique je ne me suis pas décidé, et en outre je le forcerai de s'occuper beaucoup du dessin — l'été prochain je viens bien positivement à Genève.

Vous me faites des reproches que je n'ai pas du tout mérité concernant les livres. Ce pays est tellement sauvage, qu'il n'y a presque aucune possibilité (sauf la poste, c'est à dire en payant le port *des lettres*) d'envoyer q⟨uel⟩q⟨ue⟩ chose. J'ai travaillé cinq mois pour avoir un exemplaire de mes mémoires en allemand [9]. J'écrirai pour le second volume à Hoffmann et Campe — qu'on vous l'expédie [10], mais cela sera l'histoire de votre brochure, que je n'ai reçu que trois mois plus tard.

A côté des roses — des épines. Après avoir été porté aux nues par tous les journaux, le *Morn⟨ing⟩ Advertiser* m'attaque avec furreur, et tout cela travail anglais, c'est-à-dire grossièreté, entre cabaret et ruisseau, anonyme et bête [11]. Vous avez pour

cela le plaisir de leur cracher à la figure (cela ne coûte rien), de les frapper par la canne (5 liv⟨res⟩ sterl⟨ing⟩ d'amende)... enfin, de leur tuer, mais là la note du restaurant est par trop chère... cela serait de l'épicuréisme.

A propos, vu les élections et les sommités occupées par des amis, ne pourriez-vous pas donner un conseil? Il y a un homme très docte, très distingué à Hambourg. Son nom est Volkhaus, il est historien et philologue et voudrait avoir une place de professeur en Suisse [12]. Pensez-vous que cela soit possible? ... et comment?

Ecrivez-moi à la nouvelle maison, l'adresse est barbare:
1, Petersborough Villas
Finchley — New Road
St.-John's Wood. Londres.

Si vous omettez q⟨uel⟩ q⟨ue⟩ chose, vous pouvez être sûr que la lettre n'arrivera pas.

L'opinion s'est changée dans la question des réfugiés, personne ne défend la lettre de Pyat [13], mais tous les journaux pudiques repoussent *l'Alien-bill*, nous verrons dans deux semaines si le ministère osera proposer la loi ou non [14].

Saluez de ma part les monarques Fasi, Tourte etc.

Tout à vous
A. Herzen

J'embrasse l'un + les $^3/_4$ [15] et je serre la main à votre épouse.

Donc, Dameth est professeur d'Economie politique... Pourquoi pas Mattieu?

Перевод:

1 декабря ⟨1855 г.⟩ Ричмонд

Любезный друг!

Для меня это праздник — читать ваши письма,— вчера мы смеялись, словно сумасшедшие, с м-ль Мейзенбуг [1] и Доманже [2] — одним из моих друзей,— во-первых, над вашим «magniperbe», и, во-вторых, над «удобрением для будущей цивилизации...» [3] О, вы тысячу раз правы!

Фрёбель действовал, по меньшей мере, весьма калифорнийски [4], чтобы не сказать больше,— заставив меня ждать 6 месяцев, в продолжение которых он посылал мне свою газету [5] и оставлял меня в надежде, что приедет,— он пишет мне, что ныне, поразмыслив, полагает, будто ему лучше остаться в Нью-Йорке, поскольку мои убеждения — не говоря уже обо всем прочем,— донельзя крайние [6]. Я ему ничего не ответил. Еще на полгода я остаюсь здесь, в отдаленном квартале Лондона, и заставлю Александра заниматься химией и физикой. Что касается химии, то я отправлю его прослушать курс Гофмана [7] (это один из учеников Либига [8], знаете ли вы его?). Относительно физики я еще не решил и помимо этого предмета заставлю его много заниматься рисованием — будущим летом я, безусловно, поеду в Женеву.

Вы делаете мне упреки, совсем не заслуженные мною, касательно книг. Страна эта до такой степени дика, что нет почти никакой возможности (кроме как по почте, то есть страхуя по расценке *писем*) что-нибудь посылать. Я трудился пять месяцев, чтобы заполучить один экземпляр своих мемуаров на немецком языке [9]. Напишу насчет второго тома Гофману и Кампе — чтобы вам его выслали [10], но это будет та же история, что с вашей брошюрой, которую я получил лишь спустя три месяца.

Да, роз без шипов не бывает. Превозносимый прежде до небес всеми газетами, я подвергаюсь теперь бешеным нападкам «Morning Advertiser», и все это аглицкой работы, то есть грубо, грязно, словно сточная канава, безымянно и глупо [11]. За это вы можете доставить себе удовольствие плевать им в рожу (это совсем бесплатно), колотить их тростью (5 фун⟨тов⟩ стер⟨лингов⟩ штрафа)... и, наконец, убивать их; однако за сие последнее ресторанный счет непомерно велик... это уж было бы эпикуреизмом.

Кстати, в связи с выборами и высшими постами, занятыми друзьями, не могли ли б вы дать совет? Есть человек, весьма ученый, весьма примечательный в Гамбурге. Имя его Фолькгауз, он историк и филолог и хотел бы получить место профессора в Швейцарии [12]. Как, по-вашему, возможно ли это и каким образом?

Напишите мне на новый мой дом (адрес варварский:
1, Petersborough Villas
Finchley — New Road
St.-John's Wood. Лондон)

Если же вы что-нибудь пропустите, то можете быть уверены, что письмо не дойдет.

Взгляд на изгнанников изменился, письмá Пиа никто уже не защищает [13], однако все целомудренные газеты отвергают *Allien Bill* *; итак, мы через две недели увидим, осмелится министерство предложить этот закон или же нет [14].

Передайте привет от меня монархам Фази, Турту и пр.

Всецело преданный вам

А. Герцен

Целую одного + 3/4[15] — и жму руку вашей супруге.

Итак, Дамет — профессор политической экономии... Почему же не Матьё?

[1] Мальвида *Мейзенбуг* (1816—1905) — с 1853 г. воспитательница дочерей Герцена.

[2] Жозеф Жан Мари *Доманже* (1826—?) — французский революционер, участник февральских и июньских боев 1848 г., после 2 декабря 1851 г. эмигрировал в Англию; друг Л. Блана, учитель сына Герцена. Герцен познакомился с ним в 1854 г. через Л. Пьянчани. Через некоторое время Доманже переехал на жительство в Женеву. Имя его часто встречается в переписке Герцена.

[3] См. предыдущее письмо.

[4] Вероятно, Герцен употребляет это слово в смысле «крайне бесцеремонно», сравнивая Фрёбеля с калифорнийскими золотоискателями, среди которых преобладали всякого рода авантюристы.

[5] Вероятно, «New-Yorker Abend-Zeitung».

[6] Это письмо Ю. Фрёбеля к Герцену неизвестно.

[7] Август Вильгельм *Гофман* (1818—1892) — известный немецкий химик; с 1845 до 1864 г. стоял во главе лондонского Королевского химического колледжа.

[8] Юстус *Либих* (Либиг; 1803—1873) — виднейший немецкий химик. Фогт в течение шести месяцев работал в его гисенской лаборатории, затем встретился с ним как коллега в университете того же города, где он преподавал в 1847—1848 гг.

[9] Выпущенное в Гамбурге издательством «Hoffmann und Campe» на немецком языке, в трех томах, издание «Былого и дум».

[10] Это письмо Герцена к Ю. Кампе неизвестно.

[11] См. открытое письмо Герцена к издателю «Morning Advertiser», озаглавленное «Моя ссылка в Сибирь» (XII, 303—304).

[12] Карл *Фолькгауз* (Фольгаузен) — немецкий публицист, знакомый Герцена и его переводчик; впоследствии автор статей о Герцене.

[13] См. об этом во вступительной статье к разделу «Герцен и Англия».

[14] Об *Allien Bill* см. XIII, 567—568.

[15] Шутливый намек на сына Фогта и ожидаемого Фогтом второго ребенка.

21

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 5 марта 1856 г.⟩ [1]

Любезный мой друг!

Тщетно ожидал я вашего Шурца [2], гоняющегося, как мне кажется, за какой-нибудь *Шурцихой* [3], судя по переменам, столь внезапно внесенным в его планы путешествия. Два дня тому назад я получил от него письмо из Монтрё, в котором он мне говорит, что приедет, быть может, позднее, и поручает мне отправить вам ваши пистолеты и русские или итальянские стихи с девицей Галер [4]. Но сия девица уже три года как находится в Веймаре или на польской границе в качестве преподавательницы, и я ума не приложу, как разузнать ее адрес, поскольку здесь у нее уже никого нет, и как доставить ей эти вещи. Впрочем, вы сами сюда приедете, ибо мир, по-видимому, вот-вот будет заключен [5], и вы тогда найдете свои пистолеты совершенно заряженными, дабы иметь возможность применить их против цивилизации, которая к тому времени будет считать себя вне всякой опасности.

Что до меня, то я теперь сильно обременен работой и не знаю, за что хвататься. Публика до того обезумела, что потребовала от меня второго публичного и бесплатного курса лекций о геологии, которые я читаю три раза в неделю, вечерами, в 8 часов, в зале Большого совета; она всегда битком набита. Вы можете себе по-

---

* Закон о чужестранцах (*англ.*).

этому представить, насколько далек я от конференций и как мало занимают меня последствия, извлекаемые биржей из зубной боли г. Бруннова или мигрени г. Буоля [6]. Я верю в мир и в предстоящее падение Англии — морские державы недолговечны, франко-русский союз очевиден; он будет заключен, и вы правы, Ионатан [7] благословит. Вы увидите, дорогой мой, что мы самым роковым образом вынуждены будем искать себе на Востоке или в Южной Америке место, где нам по крайней мере позволят самостоятельно думать и предоставят свободу высказывать свои прекрасные мысли обезьянам и прочим снисходительным лесным зверям.

Пока же, однако, сделаем то, что нам еще возможно сделать. Мы деятельно готовимся основать здесь политико-научно-литературную газету, выходящую раз в неделю и высоко держащую знамя независимости от всякого авторитета, будь он абсолютистским или так называемым революционным. Клапка участвует в нем так же, как другие; я же возьму на себя редактирование научной части [8]. Это послужило бы полем и для вашей деятельности, которой St. Custom * — великий святой англичан — мешает плодоносить в Англии. Действительно, вам необходимо покинуть этот ростбиф, плавающий в блюде, наполненном соленой водой.

Наше радикальное правительство совсем на распутье; Фази плывет по течению, водоворот долгов вскоре поглотит его. Он больше не знает, где преклонить голову, и продался бы дьяволу, чтоб избавиться от судебных приставов. Корни дела Марилле [9] — в глубине пустого кошелька, так полагают все. Именно эта злополучная ультрамонтанская интрига сломит нам шею — если только какое-нибудь милое европейское осложнение не спасет нас от народного потопа. Мне уже достаточно осточертели эти пошлые хитрости, пускаемые в ход, чтобы спасти еще более пошлое будущее, и я понемногу отдаляюсь от женевской политики — и бываю доволен, когда меня не подтаскивают за волосы, чтобы в нее слегка окунуть.

Я должен предпринять в ближайшее время еще один крестовый поход против Либига и других прежних друзей, желающих во что бы то ни стало быть бессмертными и в какой-то мере вылепленными десницей всевечного и всемогущего бога. Уверяю вас, что и я устал от этого — глупость, действительно, подобна Лернейской гидре — у нее отрастает по две головы вместо каждой из отрубленных голов, и конца этому не видать. Можно подумать, что вся Германия строчит теперь подобные сюжеты, — у меня есть портфель, в который я бросаю все материалы, касающиеся сего сюжета, — и портфель этот так непомерно вздувается, что опасаюсь, как бы из него не вылезли близнецы.

То, что вы говорите об Энгельсоне, почти не радует. В этом человеке было много от обезьяны, и жена держит его за чувствительную струну. Вина, впрочем, ложится на вас; вы были слишком беспощадны к капризам и жеманничанью этого жалкого создания, и она мстит теперь на свой лад. Кошка и обезьяна могут совместно произвести нечто исключительное в смысле коварства и характера. Она скажет: «In gärend Drachengift hast du die Milch der frommen Denkart mir ver wandelt» [10]. А ведь вы знаете, что еще Коля заметил: «Sehr viel Milch!»[11] Станьте же в положение человека, который считает себя импотентом, каким, быть может, он действительно является, и которому его жена вдруг представляет доказательство обратного! Поистине, друг мой, я стал бы сомневаться в законах природы, если б Э⟨нгельсон⟩ полностью не находился под нижней юбкой своей жены.

Очень рад, что вновь увижу Александра и малюток. Что касается моего мальчика, то он чудесно развивается, и, не переставая уверять себя, что друзья льстят ему, чтобы сделать мне приятное, я тем не менее подпадаю под эти влияния. Три четверти в будущем месяце превратятся в целое; надеюсь и не скрываю, что хотел бы видеть этот момент уже позади. Не каждая женщина становится виртуозкой в этом отношении.

---

* Св⟨ятой⟩ Обычай (*англ.*).

ЖИТЕЛЯМ ЛОНДОНА СООБЩАЮТ ОБ ОКОНЧАНИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
Лондон, 30 марта 1856 г.
Гравюра по рисунку Ч. Виргмана, 1856
«Illustration», 10 мая 1856 г.

Прощайте, любезный мой друг, поцелуйте от меня детей. Марианна сердечно приветствует вас.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 5 марта 56 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Карл *Шурц* (1829—1906) — немецкий политический деятель, участник революции 1848 г. Находился в эмиграции в Швейцарии и Англии, а в 1852 г. переехал в Соединенные Штаты Америки, где приобрел почетную известность как организатор республиканской партии и талантливый оратор. В 1855 г. он возвратился в Европу и собирался в начале 1856 г. посетить Фогта в Женеве (см. XXV, 331—333).

[3] В подлиннике каламбур: Фогт переводит дословно на французский язык немецкое выражение «Er läuft jeder Schürze» («Он гоняется за каждой юбкой»), причем слово «Schürze» («передник») соответствует женскому роду фамилии Шурц.

[4] Это письмо К. Шурца к Фогту неизвестно. 14 февраля 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Если вы успеете, то передайте Шурцу, что я прошу *m-selle Gallère*, которая едет в Лондон к Мильнер-Гибсон детей воспитывать, привезти мне от Фогта мои пистолеты, стихотворения Кольцова и Leopardi...» (XXV, 333). О Луизе Галер см. ниже, в разделе «Сообщения и публикации».

[5] Парижский мирный договор между Россией и ее противниками, Англией и Францией, был подписан 30 марта 1856 г.

[6] Филипп Иванович *Брунnов* (1797—1875) — русский дипломат немецкого происхождения, представлявший Россию вместе с графом А. Ф. Орловым на Парижском конгрессе; Карл Фердинанд фон *Буоль* (1797—1865) — австрийский министр иностранных дел; представлял на Парижском конгрессе Австрию.

[7] *Ионатан* (Джонатан) — распространенное в XIX в. название Соединенных Штатов Америки (ср. X, 121 и 473).

[8] Этот проект реализован не был.

[9] Епископ фрибургский, лозаннский и женевский Э. Марилле, арестованный и изгнанный из Швейцарии, проживал во Франции, невдалеке от границы с Женевским кантоном. Дж. Фази,

который, в противовес протестантским консерваторам, опирался на крестьян-католиков и был в значительной мере обязан им своим возвращением к власти в 1855 г., объявил от имени своего правительства в январе 1856 г., что епископ может возвратиться на женевскую территорию в качестве простого гражданина. Несколько дней спустя воинствующие радикалы, крайне недовольные этим, произвели нажим на правительство и заставили, в отсутствие Фази, отменить это решение.

[10] *«И в яд змеиный превратил во мне// Ты молоко благочестивых мыслей»* — из «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера (действие IV, сцена 3. Перевод Н. Славятинского).

[11] Имеется в виду выражение малолетнего сына Герцена, Коли, сказавшего по-немецки, глядя на пышную грудь А. Х. Энгельсон: «Очень много молока!» (см. X, 350).

§22

К. Фогт — Герцену

‹Сутерр. 9 апреля 1856 г.› [1]

Наконец-то он родился, этот мир, и мой мальчик тоже! [2]

На самом деле, любезный мой Герцен, второй появился с меньшими мучениями, нежели первый, — в тот момент, когда я бросился искать повивальную бабку, а моя теща, до сих пор изучавшая это дело только на себе самой, великолепно из него выпуталась. Жена моя предпочла бы, чтоб это была девочка, — но и на сей раз произведение входит в ту категорию, о которой высечено по императорскому приказу перед Вайнсбергом:

Komm'ich hinein, dann, dass Ihr's wisst,
Soll sterben, was die Wand bepisst! [3]

Итак, до сей поры он живет себе распрекрасно, и у него такой вид, что он не прочь продолжать это радостное существование, несмотря на мир и франко-русский союз! Мать тоже чувствует себя так хорошо, насколько это возможно; она встала сегодня (7-й день) на несколько часов, не слишком утомившись от этого, и страшно довольна, что может сама кормить его грудью.

Об этом мире здесь не знают что и сказать! Дела возобновляются с большим размахом, жаль только, что радость не совсем соответствует выгодам. Как бы испытываешь глухое предчувствие, что поглощенная войной энергия вот-вот обратится внутрь и та малая толика свободы, которая еще существовала в Европе, вскоре будет орловизирована или наполеонизирована [4]. Мне кажется, дорогой мой, что ваше Министерство народного просвещения и моя должность главы русских университетов и академий заставят еще себя ждать [5]. Тем хуже для русских!

Но этот переезд в Швейцарию — долго ли еще его будут откладывать? Берегитесь излишне сердечного согласия! Как бы оно не закрыло вам проезд.

Г-жа Жеребцова умерла [6]. Полагают, что ее загородный дом будет продаваться. Здесь ожидается множество русских нынешним летом; одной гувернантке обещали место в каком-то из прибывающих семейств, заявив ей: «Мир заключен; русским разрешат ездить в Европу. Обеспечить себе достаточное число учителей и гувернанток им не удастся».

Вы совершенно правы насчет Либига [7]. Его рассуждение настолько глупо, что меня не удивляет то, что он до сих пор еще не опубликовал свою речь и оставил ее в состоянии журнальной тени, поймать которую нельзя. Конечно, мы никогда не забывали и достаточно громогласно проповедовали, что форма соответствует и функциям, и свойствам. Но разве у алмаза нет других свойств, кроме свойства углерода, а у рубина и сапфира — других, кроме окиси алюминия? И все же эти тела отличаются друг от друга своей формой, расположением молекул. Должно ли сказать химику, что существуют сложные изомерные тела, имеющие весьма различные свойства и в то же время одинаковый химический состав? И можно ли извлечь из этого следствие, что каждое особое расположение молекул является результатом смеси, созданной рукой предвечного отца?

Но вы поймете, что я устал от непрестанного пережевывания одного и того же. Всему бывает конец — вечная душа и предвечный отец начинают вызывать у меня тошноту... Одно и то же под конец надоедает! У меня постепенно скапливается це-

лая библиотека, потоп брошюр, в котором немцы топят теперь этот вопрос, и я начинаю понимать, почему Фази вечно жалуется на то, что журнальные прения растлевают все его финансовые и законодательные проекты и отнимают у них очарование и первобытную свежесть.

Вы извините мою краткость обстоятельствами, в которых я нахожусь. Шурца я не видел; все более и более предполагаю я, что этот Schürze * привязали к einen Weibrock **.

Прощайте, любезный мой друг, поцелуйте как следует детей и сделайте так, чтобы можно было вскоре поцеловать их лично.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 9 апреля 56 г.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Парижский мир был заключен 30 марта; сын Фогта, Карл Вильгельм, родился 6 апреля.

[3] Фогт неточно цитирует здесь две строки из стихотворения Г. А. Бюргера «Женщины из Вайнсберга», в котором император Конрад угрожает повесить всех мужчин в городе, если будет продолжаться сопротивление его войскам. Вторая строка цитаты — выражение из Ветхого завета в переводе Лютера, относящееся к лицам мужского пола.

[4] Граф А. Ф. Орлов был первым уполномоченным России на Парижском конгрессе. Фогт намекает здесь на возможность введения в Западной Европе российских самодержавных порядков или же диктатуры Наполеона III.

[5] Герцен шутливо приглашал Фогта переехать в Россию, после совершения там революции, на должность президента Академии наук, а за собой оставлял пост министра народного просвещения.

[6] Жеребцова умерла 12 февраля 1856 г.

[7] Какое суждение Герцена о Либиге имеется здесь в виду, неясно.

23

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 8 мая 1856 г.⟩

Любезный друг!

Вы видите из приложенного листка, что я занимался вашим делом. Это результат моего последнего посещения загородного дома Ж⟨еребцовой⟩ [1]. Мне говорили, что граф вот-вот приедет; что он почти вынужден продать, так как сын его несовершеннолетний, а сам он едва ли в состоянии управлять недвижимостью на расстоянии, и я воздержался от последующих визитов в большой дом, который был закрыт для составления описи имущества усопшей.

Вот неожиданный удар, путающий мои планы. Вам известно, что принц Наполеон вскоре совершит морскую прогулку по Северу; что «Королева Гортензия» посетит берега Ирландии, Шотландии, острова на севере Шотландии, Исландию, Гренландию, Лапландию, Норвегию; полагаю, что намереваются добраться даже до Копенгагена. Так вот, Шарль Эдмон, сопровождающий Плон-Плона, так много сделал — и ногами и руками, — что меня недавно прикомандировали к экспедиции в качестве натуралиста. Только что я получил от него письмо, в котором он назначает отплытие на 1 июня и просит меня уладить множество дел, отнимающих у меня теперь все мое время. Выеду я отсюда 22-го числа, рассчитывая несколько дней пробыть в Париже.

Не смешно ли видеть рейхсрегента [2] в качестве научного руководителя Плон-Плона? По этой-то причине сей последний сильно отбивался, говоря, что не желает немца, но Эдмон так хорошо описал ему невозможность подобного путешествия без меня, единственного человека, кое-что знающего о морских животных, — в этом он мог сам увериться во время своего пребывания в Ницце, — а наш тиран Джемс ⟨Фази⟩ так славно ему вторил, когда в последний раз останавливался в Париже, что Плон-Плон в конце концов сдался. Нужно ли говорить, что согласие я дал с безграничным удовольствием, — подобный случай мне никогда больше не представится, и черт меня побери, если дело не кончится тем, что Плон-Плона удастся

* передник (*нем.*).

** женской юбке (*нем.*).

убедить, что для создания истинно научной книги потребуется продолжительное пребывание в последующие годы на живописнейших местах побережья.

Поскольку путешествие должно продлиться только три месяца, я могу спокойно оставить здесь свою семью, которая процветает, несмотря на корь, недавно подхваченную моей женой. К счастью, она уже выздоравливает. Мои малыши чувствуют себя превосходно — лето уже у порога, хотя на Салеве все еще снег и холод, — поэтому-то я и могу себе позволить эту эскападу с принцем, она меня несколько освежит. Что вы об этом скажете? Значительных результатов науке это не принесет, потому что едут сломя голову, но это даст мне общий взгляд на те места и, возможно, случай лучше поработать в будущем году [3].

Будут заходы в Корк, Дублин, Эдинбург, Глазго. Я сообщу вам точную дату нашего прибытия в Эдинбург. Экскурсия из Лондона занимает лишь несколько дней и, как говорят, — это одно из красивейших мест в мире. Приезжайте-ка туда поздороваться с нами; у меня сильнейшая потребность повидаться с вами.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 8 мая 56 г.

Мне говорят, что покупка загородного дома, приносящего 5%, — это химера для всего Женевского кантона, что в окрестностях города они приносят только $2^1/_2$%.

Я видел Пинто [4] — он рассказал мне о почестях, которых удостоился Александр II [5]. Можно ли еще называть его Сашей?

[1] Приложение не сохранилось.

[2] Во время революции в Германии Фогт был избран Франкфуртским парламентом (6 июня 1849 г.) членом Имперского регентства. Через двенадцать дней и парламент и Регентство были разогнаны, так что этот почетный пост, в сущности, являлся почти фикцией, и сам Фогт нередко иронизировал над своим «высоким званием».

[3] Внезапное заболевание с симптомами тифа помешало Фогту принять участие в этой экспедиции, которая должна была начаться отплытием яхты «Королева Гортензия» из Гавра 15 июня. Принц «Плон-Плон» решил, что внезапная болезнь Фогта притворна, а отказ его участвовать в экспедиции вызван влиянием его радикальных друзей — Маццини или Герцена, — и он в течение некоторого времени сохранял к нему недоброжелательное чувство (см. XXVI, 355).

[4] М. А. Пинто незадолго до того побывал у Герцена (см. XXV, 338—339).

[5] Шутливое прозвище сына Герцена Саши, прочитавшего в домашнем кругу лекцию, в связи с празднованием дня рождения отца (XXV, 336). В ответном, несохранившемся письме к Фогту Герцен предложил ему взять с собой в эту экспедицию к северным берегам Европы Сашу (см. XXV, 345).

24

К. Фогт — Герцену

⟨Сутерр. 10 октября 1856 г.⟩ [1]

Любезный мой друг!

Я тотчас же отправил письма ваши к Шаллеру — полагаю, что ответ вы уже получили [2]. Разве Шарль Эдмон при удобном случае не мог бы осуществить ваши желания при помощи своего принца? Они, должно быть, теперь возвращаются [3].

Только что мы подверглись посещению госпожи Писовской или какой-то другой пи́сающей особы *, с которой вы прислали мне письмо [4]. Ну и уморительная же это особа... Она не прочь была бы поместить своих мальчиков совсем даром; за них у нее просят тысячу франков в год с головы, и это вызывает у нее негодование. Никогда не видел я столь сумасбродной башки, не знающей, чего хочет; не помнящей, чего хотела; бьющейся о стену по каждому поводу; говорящей о тысяче вещей одновременно; извергающей сотню вопросов, не дожидаясь ответа ни на один из них. Ей-богу, дорогой мой, вы, как мне кажется, сильно деградировали в отношении прекрасного пола. Сначала этот пропитанный мускусом кошелек — Мильнер [5], а затем эта пестро раскрашенная шкатулка — Писовская... Прошу вас, присылайте мне сколько хотите мужчин, но только не женщин.

* В автографе последние четыре слова кем-то зачеркнуты.— *Ред.*

Она хочет отправиться в Италию, будучи художницей в душе, — и не знала — в Италии ли Флоренция, дальше ли отсюда Неаполь, чем Рим, и лежит ли Венеция на пути из Неаполя в Рим или из Рима в Геную. Этот последний вопрос очень ее беспокоил; к нему она возвращалась раз пять в течение дня. Торговалась она так, что вогнала нас в краску, когда договаривалась о пансионе для своих детей, которых покидает без зазрения совести, — торговалась обо всем, даже об их пропитании, предлагая ничего не давать им есть с самого полудня; скажу в заключение, что она купила себе, за трое суток до отъезда, полфунта коровьего масла, которым намерена была поддерживать жизнь в продолжение своего путешествия и которое носила в своем ридикюле. Хоть выбрала бы она свой национальный жир — животное сало, — это не прогоркло бы в пути. Наша первая беседа: «У меня письмо к вам от г. Гэрцна». — «Гэрцн? Такого не знаю. Ах, это от Герцена?» * — «О! да, сударь. Будьте моим ангелом-хранителем... Не правда ли, вы горячая голова, как г. Гэрцн? — ах! что за пламенная душа — Сахара: ему надлежало бы родиться в Италии. И я хотела бы в Италию — далеко ли она отсюда?» — «Нет, сударыня, вы видите ее из моего окна». — «В самом деле? Это странно! Ах! я художница в душе, мне необходимо отправиться в Италию, я хочу туда, я желала бы там умереть. Но что же мне делать со своими мальчиками? Ах! сударь, два мальчика, где я их пристрою? Посоветуйте мне, у меня к вам полное доверие... Вы мне раздобудете также какого-нибудь попутчика для поездки со мной в Италию!.. Я сделала так, что меня поместили в газете... Это даст мне известность. Не правда ли, вы отыщете мне гувернера для моих мальчиков — а также гувернантку, я обещала одной подруге найти ей гувернантку. Очаровательная особа — она живет в деревне — но она добра, добра, так добра...».

Меня уже больше не удивляют романы Гоголя, мой дорогой, после этого знакомства. Всемилостивейший боже! Если у вас есть еще много подобных образчиков в России, то продолжение «Мертвых душ» не составляет особого труда.

Я почти в том же положении, что и вы. Я должен весной покинуть Сутерр, так как Дюпозаль сам хочет здесь жить. Жером Патюро в поисках жилища [6]. Я бегаю по загородным домам, словно голь перекатная, сквозь туман и дожди, — и ничего не нахожу. Если мне попадется загородный дом, достаточно обширный, чтобы в нем могли поместиться все мы — вы, Огарев и я, — то завладею им без всяких церемоний.

Всецело преданный вам К. Фогт

10 окт⟨ября⟩ 56 г.

Дайте же мне разъяснения насчет финансового положения сей жертвы общества, которой пришлось поступиться искусствами ради семьи. «Ах, сударь, нельзя одновременно производить на свет детей и картины — мне пришлось покинуть последние — у меня четверо детей». — «Но почему же у вас их так много, сударыня?» — «Ах, сударь (с бессмысленной паузой и взглядом, устремленным в небо), ах, сударь! вы правы! Мне не следовало бы выходить замуж, и особенно за столь молодого мужчину, который произвел мне столько детей!»

Боюсь, как бы она так и не забыла этих своих детей и ⟨не⟩ оставила их на хребте этого бедняги, который собирается держать их на пансионе, не давая им есть [7].

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] В это время Герцен собирался поехать на несколько месяцев в Женеву, чтоб устроить там своего сына. Для этого требовалась транзитная виза через Францию. Ехать через Германию он опасался, так как мог быть арестован и выдан России, а делать круг через Гибралтар и Италию ему не хотелось. Герцен надеялся, что окажет содействие швейцарский Федеральный совет (этот ход посоветовал Фогт в одном из не дошедших до нас писем): поскольку Герцен являлся гражданином Швейцарии, швейцарское правительство обязано было облегчить ему приезд на свою новую родину. С этой целью Герцен написал во Фрибургский государственный совет — без сомнения, через посредничество Ю. Шаллера. Вот что по этому поводу говорится в реестре решений Фрибургского государственного совета от 22 октября 1856 г.:

«Управление полицией, по просьбе Александра Герцена, уроженца Москвы, но натурализовавшегося во Фрибурге 6 мая 1851 г., предлагает просить Федеральный совет о ходатайстве

* По-французски фамилия Herzen произносится «Эрсэнн».— *Ред.*

перед французскими властями, чтоб он мог проехать через Францию, дабы возвратиться в Швейцарию, на его новую родину,— в разрешении на это ему до сих пор отказывала французская миссия в Лондоне и министр внутренних дел под предлогом, что путешествие его имело политическую цель.— П р и н я т о».

10 ноября 1856 г.: «Управление Министерства внутренних дел представляет проект письма в Федеральный совет; в нем содержатся сведения насчет г. Александра Герцена ‹. . .› и о цели его поездки в Швейцарию.— П р и н я т о».

16 декабря 1856 г.: «Федеральный совет извещает, что посол Швейцарии в Париже предпринял демарши перед французским министром иностранных дел с тем, чтобы г. Александр Герцен, натурализованный во Фрибурге, смог пересечь французскую территорию; ему было отвечено, что важные соображения вынудили его отказать г. Герцену в августе месяце в разрешении пересечь французскую территорию и что ему невозможно пересмотреть это решение. Ответ этот будет сообщен г. Герцену, причем ему объяснено будет, что ответ сей до такой степени категоричен, что новый демарш был бы бесполезен».

Этот ответ, переданный через швейцарского консула в Лондоне, несколько задержался, так как консул, не зная адреса Герцена, возвратил письмо во Фрибург, откуда 30 декабря оно снова было отправлено наконец адресату (*ААН*, 171). Сообщая об этом в «Былом и думах», Герцен, видимо, по ошибке датирует письмо Федерального совета 19 октября (XI, 484—485). В это время Герцен вел переговоры с фрибургским правительством о совсем другом деле: он пытался изъять из кантонального банка положенный им при натурализации вклад — 25 000 фр., однако это оказалось делом, гораздо более трудным, чем он ожидал (см. след. письмо).

[3] Фогт рекомендовал Герцену прибегнуть к помощи принца Наполеона для получения транзитной визы через Францию.

[4] Сведениями о Писовской и ее муже мы не располагаем. В тексте, комментариях и именном указателе к т. XXVI фамилия их ошибочно транскрибируется на польский манер: *Писовски*.

[5] О Сузан Аретузе *Мильнер-Гибсон*, жене английского политического деятеля Т. Мильнера-Гибсона, см. выше, в разделе «Герцен и Англия».

[6] Намек на название известного в свое время сатирического романа Л. Рейбо «Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale».

[7] В ответном письме от 15 октября Герцен сообщал: «Ах, любезный и прелюбезный Фогт, как мы смеялись, читая ваше свидетельское показание против Писовской. Клянусь бургундским и шампанским, что я не буду присылать вам ни женщин, ни даже мужчин — ограничусь гермафродитами. Ее муж является ко мне из преданности, преклонения, симпатии, идиосинкразии. Он затем мне говорит о своем желании поместить детей в Женеве — я дал письмо его жене. Потом я увидел, что она гнусно скаредна, глупа и неискренна. Если она не заплатит, у меня есть под рукой средства заставить их покраснеть до корней волос за их грязное дело. Однако, если вы этого пожелаете, я ей напишу — если вы вышлете мне адрес матери» (XXVI, 39. Перевод несколько уточнен).

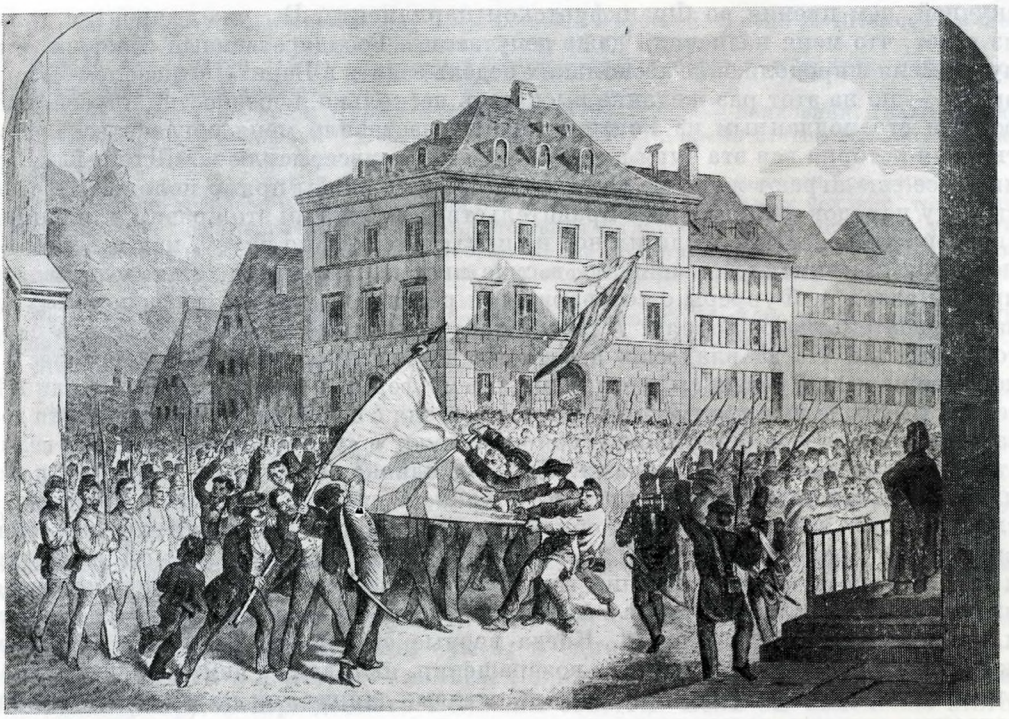
25

К. Фогт — Герцену

‹Сутерр. 9 декабря 1856 г.›

Любезный мой Герцен!

Разумеется, я принимаю ваше великодушное предложение [1]. Турт и Фази, которым я показал ваше письмо, были им очарованы. «Вот что значит действовать как подлинный друг», — говорил первый, а тиран настойчиво выражал желание, чтобы вы приехали сюда, чтобы здесь обосновались, дабы стать гражданином Женевы, членом Большого совета, и бог ведает, не предназначает ли он вам место в Государственном совете — от чего да избавит вас судьба. Это, впрочем, истинные химеры, ибо если дело в России будет идти столь же хорошо и впредь, то ожидаю, что в один прекрасный день увижу, как вы поспешите на Север, дабы сделаться Сперанским [2] сего нового Александра. Черт побери! Если все будет так же идти, как вы говорите [3], то боюсь, как бы игривое мое обещание, сделанное Писовскому, не осуществилось. Он так мне льстил и так глупо торопил меня отправиться в скором времени в Россию, что я в конце концов сказал ему: «Ну что ж, когда Герцен будет министром народного просвещения в России, я поеду в Петербург как академик». Следовало ли прибавить Сазонова как министра иностранных дел и Головина как военного министра? Кстати, о сем последнем — это никого бы не удивило, его всегда так хорошо знали в качестве гвардейского поручика, против воли переряженного, что ждали момента, когда в один прекрасный день можно будет увидеть, как он сбрасывает с себя эту шкуру цивилизованного и свободного человека — она его явно тяготила — и раздирает ее по всем швам, чтобы могли выглянуть наружу локти татарина [4].



ЭПИЗОД «НЕВШАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА»
3 сентября 1856 г. Республиканцы осаждают ратушу в Локле
Гравюра неизвестного художника, 1856
«Illustrierte Zeitung», 18 октября 1856 г.

Получив ваше письмо, я тотчас же написал Шаллеру и поспешил к земельному агенту, к Турту — все пущено в ход. Я хотел сначала подождать ответа от Шаллера, прежде чем написать вам, но сегодня я вспомнил, что у меня хранятся ваши письма о буржуазии [5], и стал искать, не найду ли в них объяснения. Увы! Это совершенно сразило меня! Если придется ждать денежных сумм из Фрибурга до означенного срока, то можно будет построить дом как мавзолей на наших костях. Там буквально сказано: «Эта сумма останется здесь на хранение до совершеннолетия его детей». Увы! Юные дщери прославленного изгнанника, почему не засчитываются годы, проводимые вами в изгнании, вдвойне и втройне, как засчитывают военнослужащим годы, проведенные ими в боевых кампаниях! Почему вы — лишь надежда подрастающего поколения, вместо того чтобы быть его радостью! Вообразите-ка себе этого бульдога Шаллера — ведь он лишь тогда выпустит этот мешок с монетами, раз тот уже зажат у него между зубами, когда у Ольги будет двое детей — ибо совершенно очевидно, судя по ее прирожденной конституции, что она доставит себе это удовлетворение еще до наступления совершеннолетия! [6] Я еще не получил ответа от Шаллера, но вижу уже, как ответ этот приходит, мрачный, словно гроза, и сокрушает мои надежды, подобно граду, сокрушающему надежду земледельцев.

Двумя днями позднее

Не знаю, дойду ли когда-нибудь до конца этого письма; я ношу его внутри кармана в сложенном виде, выжидая момента, когда смогу сдать его на почту. Не знаю более, какому святому посвятить свои занятия и труды. Архитекторы, предприниматели, управляющие недвижимым имуществом, беготня по земельным участкам и, сверх того, три разных курса лекций, которые предстоит читать, помимо публичного курса, и присутствие на прениях в Большом совете, которые еще

скучней, чем прения во Франкфуртском парламенте. Вы уже, вероятно, узнали из газет, что меня назначили даже депутатом в Государственный совет, это принудит меня в продолжение нескольких недель ездить в Берн. Я отказался бы в иное время — но на этот раз желание высказать несколько любезностей прусскому королю и его подданным из Гинтерпоммерна заставило меня согласиться. Что за гнусная история вся эта буря в стакане воды! Как все, исключая Штемпфли, играли и все еще играют жалкую роль! [7] Вместо того чтобы прямо положить в основу свободу народов избирать свое правительство так, как им это нравится, и изгонять своих князей в случае, если их нос не приходится им по вкусу, как говорил Бёрне [8], они принимаются защищать в суде письменные права, статьи договоров и прочий вздор, а Фурреры с сотоварищами разглагольствуют о неоспоримых правах невшательского короля! А эти роялисты, подлые и прижимистые в одно и то же время! Когда владеешь десятками двумя миллионов, как Пурталес [9], то покупаешь целый батальон, предоставляя ему фермы и земли в Америке или в Богемии, и выходишь с триумфом из тюрьмы, уводя с собой своих стражей! Это доказательство того, что они хорошо себя чувствуют в «укрепленном доме его величества», где их держат за засовами. Все это, однако, не мешает тому, что король плачет, вместо того чтобы ругаться, и хлопает себя по ляжкам в знак скорби, словно Улисс, вместо того чтобы обнажить свою шпагу [10]. «Он выступит!» — «Он не выступит!» Повсюду бьются об заклад. Я же бьюсь об заклад, что он не выступит и что поступит так, как бывший гессенский курфюрст [11], который, возвращаясь из изгнания на родину, привез с собой четыре фургона: два, груженных деньгами, и два — с привязными косами. Когда верные его слуги, изгнанные Жеромом и жившие в нищете в ожидании его возвращения, являлись к нему с визитом и представлялись, дабы получить от него милостивые даяния, он плакал вместе с ними горькими слезами, выражал сочувствие их нищете и давал им в подарок по новой привязной косе для прикрепления к затылку. А что же деньги? Никаких денег — они предназначались для тех, кто, служа Жерому, привык к большим тратам при этом дворе Liederlich'a *; верные же люди уже освоились с жизнью, преисполненной лишений, и, очевидно, в них не нуждались.

Не знаете ли чего о Бакунине? Я вспомнил о нем вчера, во время своего публичного курса, когда говорил о медузах. Б⟨акунин⟩, будучи с нами в С.-Мало [12], как-то в воскресенье возвратился почти в ужасе после прогулки в лодке. «Дорогой мой,— сказал он мне,— понятие о боге, по-видимому, должно иметь основание в природе при установлении воскресного дня. Море сегодня празднует свой воскресный день. Я видел, как вздымаются повсюду вокруг моей лодки тысячи колоколов, язычки которых мерно раскачивались, привешенные изнутри, и я уверен, что мне слышен был бы их перезвон, если б я только захотел погрузить свою голову в воду».

Поклонитесь детям и давайте им питательные блюда, чтоб они поскорее стали совершеннолетними.

Всецело преданный вам К. Фогт

Сутерр, 9 декабря 56 г. [13]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена, в котором он сообщил о своем намерении окончательно переехать на жительство в Швейцарию и построить себе дом в Женевском кантоне — возможно, совместно с Фогтом. Для этого он хотел изъять из Фрибургского банка капитал, который был внесен туда как одно из условий его натурализации в Швейцарии (ср. XXVI, 57).

[2] Михаил Михайлович *Сперанский* (1772—1839) — ближайший советник Александра I.

[3] В ответном письме от 18 декабря Герцен писал Фогту: «Все то, что я писал вам о России, совершенно достоверно. Обо мне и Огареве в журналах отзываются весьма лестно, книги очень быстро расходятся...» (XXVI, 58).

[4] Герцен, вероятно, сообщил Фогту, что И. Г. Головин не только амнистирован русским правительством, но и является платным осведомителем (см. XXVI, 48; ср. 29—30).

[5] См. прим. 19 к п. 8.

[6] Младшей дочери Герцена, Ольге, в это время было шесть лет.

[7] Намек на так называемое «невшательское дело»: в ночь со 2 на 3 сентября 1856 г. невшательские сторонники прусского короля, номинально считавшегося их государем, попытались свергнуть республиканский режим. Они были разгромлены и арестованы. Это дело внесло

* распутника (*нем.*).

серьезные осложнения в отношения между Швейцарией и Пруссией. О роли Я. Штемпфли в «невшательском деле» см. отклик в ответе Герцена Фогту (XXVI, 58).

[8] Людвиг *Бёрне* (1786—1837) — немецкий радикальный публицист и критик, автор прославленных «Писем из Парижа».

[9] Граф Фридрих (Фредерик) *Пурталес-Штайгер* (1799—1882) — полковник, глава роялистского повстанческого движения в Невшательском кантоне. Во время взятия Невшателя правительственными войсками он был ранен и заключен в тюрьму.

[10] Вопрос о невшательских военнопленных являлся камнем преткновения при переговорах с Пруссией: король требовал их освобождения без всяких предварительных условий, тогда как Федеральный совет под энергичным влиянием Штемпфли соглашался на это лишь при условии полного отказа короля от всех его прав на Невшатель, на что он под конец согласился. 9 июня 1857 г. заключительный протокол переговоров был окончательно утвержден.

[11] Людвиг X (1790—1830).

[12] Летом 1845 г. Фогт, работавший над своим исследованием о брюхоногих моллюсках, жил во французском приморском городе Сен-Мало вместе с М. А. Бакуниным и Г. Гервегом.

[13] Ответ Герцена от 18 декабря (XXVI, 56—58).

26

К. Фогт — Герцену

⟨Берн. 30 декабря 1856 г.⟩

Любезный мой Герцен!

Наконец-то я получил возможность написать вам, чтобы сообщить результаты совещания с Шаллером.

Шаллер сказал мне, что ничего нельзя будет сделать в отношении денег из Фрибурга, поскольку депозит этой суммы и единственное ее назначение — покупка недвижимости в кантоне — является одним из обусловленных горожанами пунктов контракта, утвержденного Большим советом. Если бы изменение этого условия зависело исключительно от Государственного совета, то можно было бы попытаться, хотя он ⟨Шаллер⟩ не отвечал бы за конечный результат,— но поскольку для названной цели пришлось бы сделать это предметом специального предложения в Большом совете, состав которого ныне вам известен, то нельзя рассчитывать даже на малейший проблеск удачи. Следовательно...

Но ваше последнее письмо дает возможность пособить горю [1]. Буду ждать вашего письма до 15 янв⟨аря⟩. С 18 000 фр. можно построить дом в 30 000 — пришлось бы только взять закладную на остальную сумму. Я напишу вам об этом в подходящее время и принимаю ваше предложение — сразу по возвращении в Женеву я сообщу вам, со всеми подробностями, как мы поступим. Представляются две возможности: вы — владелец и берете первую закладную на свое имя, или же владельцем буду я — и тогда вы берете вторую закладную, а первая будет предназначена для ипотечного банка. Впрочем, небольшая задержка не повредит, судя по нынешнему положению дел [2].

Народный подъем великолепен. Воистину утешительно видеть, когда речь идет о политическом гнилье, с каким увлечением маршируют и настраивают себя на борьбу с пруссаками. Существует настолько глубокое убеждение, что их побьют, что я тоже уверен в таком исходе. Прибыв сюда, матадоры из восточной Швейцарии, Eisenbannherren *[3], как их называют, открыто выражали свои трусоватые суждения; их быстро образумили.

Я прилагаю вам предложения, которые были представлены. Две комиссии — в них намеренно было введено несколько консерваторов — единодушно их приняли; вчера у нас состоялось подготовительное заседание; на нем единогласно решили не дискутировать, молча проголосовать по поименной перекличке и разъехаться затем по кантонам, дабы заняться организационными делами. Это, без сомнения, внушительная манифестация единства пред лицом иностранных клевет. Я убежден, что война будет отвращена лишь в результате энергичных мер, и убеждение это, как кажется, воодушевляет всех. Что же касается лично нас, то мы стоим наготове в ожидании момента, когда война вспыхнет и перейдет за пределы швейцарских границ [4]. Дух, воодушевляющий пограничные народы, таков,

---

* железнодорожные бароны (*нем.*).

что Штутгартский банк осмелился предложить Швейцарии заем в 12 миллионов по курсу от 9,4 ⟨?⟩ до 4½ процентов дохода, и он уже покрыт теперь подписками во Франкфурте и других соседних немецких городах. Вы увидите, любезный друг, что из всего этого кое-что выйдет; агитация имеет глубокий и всеобщий характер в Германии и во Франции: повсюду следят с известной тревогой, к которой подмешивается надежда, за готовящимися схватками и ожидаемой борьбой. Я же, однако, далек от мысли, что дело дойдет до того — надеюсь на нечто, подобное бронзельскому толчку [5],— но уверен все же, что дойдут до наших границ, дабы затем там удержаться. Именно сейчас объявляют, что к Вюртембергу обратились с просьбой пропустить 30 000 человек, которые должны направиться в Зигмаринген-Гогенцоллерн в течение первой недели января.

Прощайте, дорогой друг. Осыпаю поцелуями детей. Тысяча поклонов от моих родителей и тысяча добрых пожеланий к новому году.

Всецело преданный вам ⟨К. Фогт⟩

Берн, 30 декаб⟨ря⟩ [6]

[1] Имеется в виду письмо Герцена от 18 декабря. В нем он писал: «Мне кажется, что Фрибургский кантон совершенно неправ. Разве я не могу немедленно заложить свой дом в Женевском кантоне — как залог до совершеннолетия моих дочерей? Они не хотят этого делать. Не окажется ли более гуманным иезуитское правительство — постарайтесь им написать ⟨. . .⟩ Итак, нам нужно пойти на компромисс ⟨. . .⟩ Нужны ⟨. . .⟩ договор о постройке дома для меня ⟨. . .⟩ и договор на уплату деньгами 5% дохода» (XXVI, 56—58).

[2] От намерения построить себе дом в Швейцарии Герцен вскоре отказался.

[3] *«Железнодорожными баронами»* называли тогда в Швейцарии радикальных политиков, обогатившихся на постройке железных дорог благодаря своей осведомленности в правительственных планах.

[4] См. прим. 7 к п. 25.

[5] См. прим. 3 к п. 11.

[6] Через три дня, 2 января 1857 г., Герцен послал Фогту записку (XXVI, 65) — вероятно, еще до получения этого письма, ответ на которое остается неизвестным.

27

К. Фогт — Герцену

⟨Женева.⟩ 31 мая ⟨1857 г.⟩

«Pflingsten des liebliche Fest, war gekommen; es grünten und blühten Strauch und Wald» [1]. Гражданин Дараш передал мне ваше письмо [2], любезный друг. С той поры я его больше не видел. Думаю, что я совершил непоправимую ошибку, сохранив лишь смутное воспоминание об этом имени. «Между нами говоря,— сказал он мне,— я зовусь пан Дхумениницкий» или нечто в этом роде, «но Д...— знакомо ли вам это имя?» И затем он пронзил меня своими маленькими, узкими, словно у толстокожих животных, глазками, желая навести на меня ужас. «Действительно,— сказал я, заикаясь,— это имя...» — «Это имя моего брата»,— заявил он мне.— «Ах! вот как, теперь все ясно,— сказал я,— ваш брат, да, я вспоминаю... как он поживает?» — «Он много страдал»,— ответил мой собеседник.— «Но теперь-то у него все в порядке?» — спросил я, настаивая на своем.— «Он умер»,— ответил он и поглядел на меня так, будто брат этот был отравлен мною [3]. Я был бы непрочь оказать ему любезность, купив у него вина, но все поляки machen jetzt in Wein *, и пришлось бы заполнить дом до самого чердака, если бы вздумалось оказать действенную поддержку всем этим патриотам. Но он еще придет потом, и я дам ему кучу адресов для Швейцарии.

Вы упускаете все удобные случаи для ведения пропаганды, любезный друг. Сколько раз я проповедовал вам переезд в Женеву? Вот наступил подходящий момент, а вас здесь нет. Мы наводнены русскими и Россиями. Только и слышатся теперь на улицах что казацкие звуки. Лейхтенбергская выбрала Женеву, чтобы разродиться маленьким Строгановым [4]; на нее все бегают смотреть; Михаил, Николай, Константин, Ольга [5] — вся семья; а вот теперь и августейшая мать разбила свои

* промышляют теперь вином (*нем.*).

палатки в отеле Берг, и она, по словам тирана ⟨Фази⟩, так очарована свободой, которой пользуется в Женеве, что намерена обосноваться здесь навсегда [6]. Все это, естественно, сопровождается толпой субъектов, с бородами и без бород, в соответствии с рангом и полом — люди с фамилиями на *ов* кишмя кишат с утра до ночи на Бергском мосту. Какой случай упущен, говорю я снова. Вы могли бы положить в отеле Берг вместо традиционной библии «Полярную звезду» в каждой комнате, вы могли бы поразить зло в самом корне, древо — в его сердцевине. Оплакиваю сию роковую участь также и из эгоизма, ибо мое место президента Академии наук в С.-Петербурге явно от меня ускользает в тот самый момент, когда назначение министра der Volk-Aufklärung * не удалось [7].

Вот мы уже в конце начавшегося «Невшательского дела». Нас созывают к 9 июня для ратификации, а она уж осечки не даст. Расставшись с миллионом, прусский король завоевал все швейцарские сердца [8]. «Нет денег — нет и швейцарца» [9] — это изречение всегда справедливо. Мы утопаем в море ликования от этого счастливого исхода, и Alpenrosen ** на фраке Керна превратятся в лавровый венок [10]. По правде говоря, роялисты в Невшателе сделали все возможное, чтобы помешать своему августейшему властителю и государю продать их, словно скот, по столько-то с головы,— но это не мешает тому факту, что мы миллиона не заплатим и что мы премного довольны. Пока же это отвратительное племя швейцарских доктринеров отправляется ко всем чертям. Фрибург первый начал это дело; Вале, С.-Гален последовали за ним; Невшатель тоже вскоре последует, ибо роялисты превратятся в добрых республиканцев, но консерваторов и станут действовать сообща с так называемыми Независимыми. Я от сего в восторге — меньше чем через год, если ничто не помешает этому мирному развитию, мы будем иметь в Швейцарии добротную торжествующую реакцию. Вступление Федерального совета в свой бернский дворец явится признаком упадка, в который впадает он вследствие гниения.

Одна фраза в вашем письме, посланном через Д⟨оманже⟩ [11], заставляет меня думать, что какое-то из писем затерялось. Я вам писал через два дня после отъезда Гёгга в ответ на письмо, в котором вы просили меня взять у одной дамы в Гротах бумаги и передать их Г⟨ёггу⟩. Письмо ваше прибыло слишком поздно, чтоб я что-нибудь мог дать Г⟨ёггу⟩, и я тотчас же написал вам об этом, сообщая в то же время, что прошу вас доставить мне таким путем, какой сочтете подходящим, те 6000 фр., которые вы хотели дать мне взаймы, самое позднее к 1 июля — в срок, обещанный мной моему нотариусу Роту в Берне. Не затерялось ли это письмо? Я был бы этим глубоко огорчен. Если хотите, я могу это дело устроить так, что все будет оформлено на ваше имя, и договориться насчет векселя, акцептированного вами; в этом случае он мог бы даже быть предъявлен к оплате в более отдаленный срок. Я знаком здесь с шурином Турта, железоторговцем, у которого много дел в Англии и которому я доверю, при ближайшей его поездке, бумаги, если только дама, о которой идет речь, еще существует в Женеве.

Доманже, когтями вцепившийся в своего грека, вновь упустил его. Грека этого вызвали депешей в Константинополь, куда он сразу же отправился, оставив Доманже в качестве преподавателя in partibus ***. Сей последний, кажется, мало этим огорчен — он снял квартиру в Пленпале, довольно близко от меня, и бомбардирует оттуда своего ученика письмами, полными «Weisheit und Tugend» [12]. Поскольку жалованье продолжает ему идти во время этого отсутствия ученика, он, действительно, может утешиться.

Меня очень радуют успехи Александра. Сколько ему теперь лет? Заклинаю вас, отправьте его, как только ему исполнится восемнадцать лет, года на два, на три *одного* в какой-нибудь немецкий университет, например в Вюрцбург или Берлин.

Очередные заседания федеральных палат должны начаться с первого понедельника июля. Я проведу поэтому июль месяц в Берне и заодно приведу тогда в по-

* народного просвещения (*нем.*).
** альпийские розы (*нем.*).
*** Здесь: зарубежного (*лат.*).

рядок все денежные дела с Роттом, чтобы переслать вам или же оставить у себя купчую крепость на дом [13].

У меня все идет хорошо. Мы в достаточной мере довольны своим новым жилищем — если не считать клеевой фабрики, по временам направляющей в нашу сторону клубы зловония, и если бы не коза, которую моя жена упорно желает держать и которая регулярно, раз в день, срывается с привязи, чтобы наброситься на цветы и салаты. Дети чувствуют себя очень хорошо. Моя жена сердечно приветствует вас.

Всецело преданный вам К. Фогт *

Поцелуйте детей, передайте привет Огаревым.
Я ничего не получил от Гофмана и Кампе [14].
Помните ли вы «Fliegende Blätter»:

Ich singe bei nächtlicher Lampe
Den Schmerz, der mich betraf,
Er kommt bei Hoffmann und Campe
Heraus in klein Octav! [15]

NB. Я не получал от вас никакого письма после того, что прибыло через два дня после отъезда Гёгга [16].

[1] Неточная цитата из поэмы Гете «Рейнеке-лис» — первые (неполные) два стиха: «Умилительный праздник наступил. Зеленеют поле и лес...» (перевод Л. Пеньковского).

[2] Это письмо Герцена неизвестно.

[3] Альберт *Дараш* (1808—1852) — участник восстания 1830—1831 гг., один из главных руководителей польской демократической эмиграции, член Международного центрального европейского демократического комитета в Лондоне. Его брат, Павел *Дараш* (1809—1871), навестивший Фогта с рекомендательным письмом Герцена,— фигура более второстепенная, но все же оставившая след в истории польского национально-освободительного движения. Он являлся как бы политической тенью своего брата. Врач по профессии, после польского восстания 1830—1831 гг., участником которого он являлся, Дараш эмигрировал во Францию и стал членом Польского демократического общества, направившего его в 1840-х годах эмиссаром в Галицию и Великое княжество Познанское. В 1852 г. он был изгнан из Познани и переехал в Англию, а затем во Францию, где завязал отношения с оппозиционными кругами. Впоследствии Дараш был врачом в Алжире, где и умер. Герцен, встречавшийся с Дарашем в Лондоне, несколько раз упоминает о нем в «Былом и думах», характеризуя его как доброго и отзывчивого человека (XI, 126—127, 201, 409; ср. XXVI, 108).

[4] Великая княгиня *Мария Николаевна* (1819—1876) — старшая дочь Николая I, президент Академии художеств, вдова умершего в 1852 г. герцога М. Э. Лейхтенбергского. В том же году она тайно обвенчалась с графом Г. А. Строгановым, а в 1856 г. вышла за него замуж морганатическим браком.

[5] Великие князья *Михаил Николаевич* (1832—1909), *Николай Николаевич* (1831—1891), *Константин Николаевич* (1827—1892), королева Вюртембергская *Ольга Николаевна* (1822—1892) — сыновья и дочь Николая I.

[6] Вдова Николая I императрица *Александра Федоровна* (1798—1860). Вероятно, под непосредственным воздействием от этого письма Герцен написал свой блестящий фельетон «Августейшие путешественники» («Колокол», л. 1, от 1 июля 1857 г.), в котором саркастически описал заграничный вояж императрицы-матери и ее пребывание в Швейцарии, Италии и Франции (XIII, 13—18). Герцен послал Фогту французский перевод «Августейших путешественников» напечатанный в лондонской французской газете «Courrier de l'Europe» (см. XXVI, 116).

[7] Шутливый намек на самого Герцена — см. п. 25.

[8] Прусский король ультимативно потребовал от Швейцарии вначале два, а затем один миллион франков в возмещение ущерба в связи с «невшательским делом» (см. прим. 7 к п. 25). В конце концов Швейцарская конфедерация подтвердила в принципе возможность возмещения ущерба, но прусское правительство внезапно, по собственной инициативе, отказалось от своих претензий, ибо «не подобает его величеству торговаться с швейцарцами», как заявил прусский министр О. Т. Мантейфель.

[9] Крылатое выражение из комедии Ж. Расина «Сутяги», характеризующее жадность, издавна приписываемую жителям Швейцарии.

[10] Иоганн Конрад *Керн* (1808—1888) был назначен в январе 1857 г. (в самый острый момент невшательского кризиса) специальным представителем Швейцарской конфедерации в Париже (вскоре он стал там полномочным посланником). Мундир швейцарских дипломатов был, до самого последнего времени, украшен эдельвейсами, вышитыми серебром.

[11] Речь идет о письме Герцена от 9 апреля, в котором он писал: «Если Гох или кто-либо другой столь же надежный человек возьмется доставить мне небольшой пакет с бумагами, то нужно

* Далее помета Фогта: Vert⟨atur⟩ ⟨Переверните⟩ (*лат.*).

пойти за ними к госпоже Танчиони, деревня Bouvier à la Serviette близ Женевы — от моего имени» (XXVI, 88). Арман *Гёгг* (1820—1897) — баденский демократ. После краткого пребывания в Швейцарии он в 1852 г. эмигрировал в Соединенные Штаты и по возвращении в Европу обосновался в Женеве.

[12] *«Мудростью и добродетелью»* — из стихотворения А. Мальмана «Vaterland und König» (1839—1840). В подлиннике: «Die Tugend und die Weisheit».

[13] См. XXVI, 89.

[14] Без сомнения, Фогт ожидал последнего тома немецкого издания «Былого и дум», переведенного Мальвидой Мейзенбуг и появившегося в 1855—1856 гг. в гамбургском издательстве «Hoffmann und Campe» («Aus den Memoiren eines Russen»).

[15] Фогт неточно цитирует пародию В. Неймана (1828) на Г. Гейне, впервые напечатанную в «Gesellschafter» 25 августа 1828 г. («Пою под ночною лампой//Печаль, что постигла меня,// Она выходит у Гофмана и Кампе//Небольшим размером в восьмую долю листа».— *Нем.*).

[16] Фогт имеет в виду получение по почте, так как письмо, переданное Дарашем, он получил.

28

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 23 июня 1857 г.〉

Любезный мой друг!

Вексель на 6000 фр., подлежащий оплате 1 июля через Ротшильда, уже передан. Деньги я отвезу в Берн четвертого числа, перед тем как посажу себя под арест на очередные заседания Советов [1]. Если очистка счетов не помешает послать вам окончательную купчую крепость, то я отправлю вам по крайней мере письмо нотариуса, подтверждающее внесение денег и содержащее обеспечение купчей крепости. Еще раз спасибо.

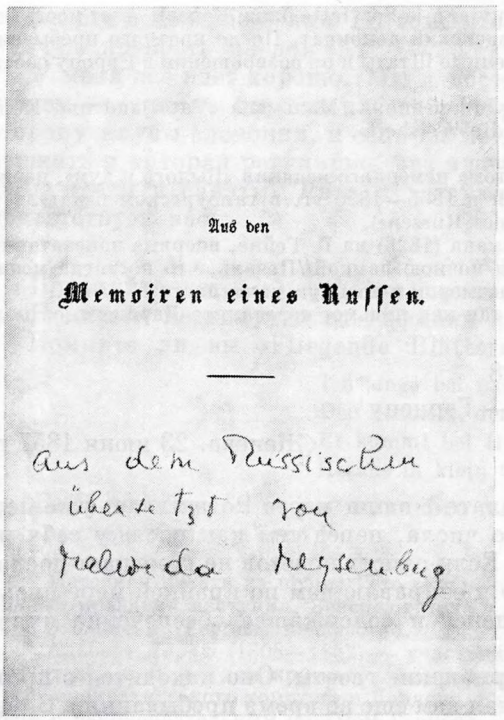
Прилагаемое известие обходит все германские газеты. Оно находится в противоречии с известиями, которые я пересылал вам еще во время пребывания в Берне. Какие же верны? Иль это, быть может, устроено для того, чтобы дать ему возможность побывать дома, оставив над его головой нависший дамоклов меч в форме Омска? [2]

Книгу вашу я с жадностью проглотил. Особенно хорош хирург с его удовлетворительным знанием анатомии [3]. Ну и высмею же я при помощи всего этого Вагнера и К°.

То, что я прочел, еще более укрепляет меня в моей точке зрения на Сашу. Все те личности, портреты которых вы с таким сходством рисуете,— все же скорей тени, нежели живые люди. Все это действует без цели, это заполняет пустоту своего существования, один — химией, другой — распутством, третий — внешними формальностями, но все это делается только от скуки, от праздности, от инстинктивной потребности как-нибудь убить время. Никто не хочет применять к делу то, чему он научился,— каждый доволен, если сумел обмануть часы и календарь лишь за свой счет. Молодые люди пробавляются философией, теоретически трудятся над свободой, оставаясь уверенными, что им никогда не удастся применить на деле эти принципы, приобретенные даже с опасностью для себя; наконец, все это напоминает представление китайских теней, где напоследок говорят себе: «Плохо ли, хорошо ли, а время провели».

Не знаю, дорогой мой, прав ли я, находя в этом отсутствии применения, и в особенности последовательного приложения, коренной порок вашего русского общества и вашего воспитания вообще. Человек — животное общественное, и жизнь его весьма плачевна, если он свои знания не использует в той же мере для других, как и в свою собственную пользу. Человеку, *не имеющему* профессии, необходима огромная сила характера, чтобы заполнить полезным образом свое существование, а для надлежащей активной деятельности нужен также и ограниченный круг обязанностей, который необходимо заполнить, прежде чем примешься за другие дела.

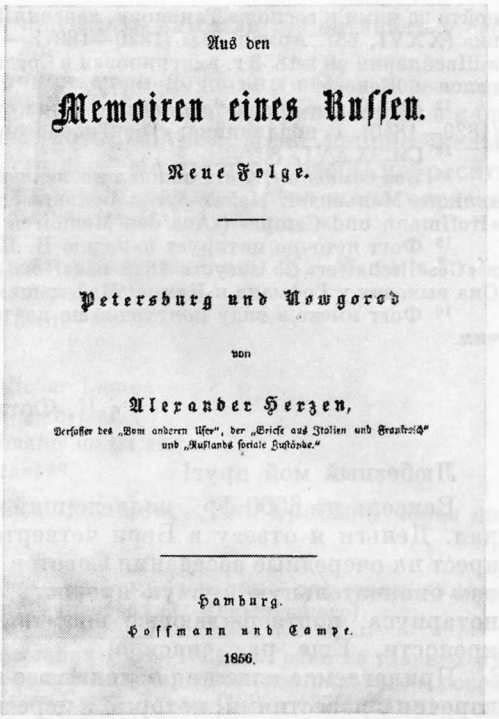
Саша занимается естественными науками с удовольствием. Постарайтесь же дать ему, не навязывая, соответствующую профессию. Есть одна профессия, открывающая перед ним целый мир,— это профессия врача; есть другая, которая сможет быть ему особенно полезна,— это профессия агронома. Ибо я предполагаю и, без сомнения, основательно, что вы не хотите делить с ним до бесконечности



Aus den

Memoiren eines Russen.

Aus dem Russischen
übersetzt von
Malwida Meysenbug



Aus den

Memoiren eines Russen.

Neue Folge.

Petersburg und Nowgorod

von

Alexander Herzen,

Verfasser des „Vom anderen Ufer", der „Briefe aus Italien und Frankreich"
und „Rußlands soziale Zustände."

Hamburg.
Hoffmann und Campe.
1856.

«БЫЛОЕ И ДУМЫ». ПЕРВОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ

Книга вышла под измененным заглавием («Из воспоминаний Русского»)
Часть III. «Петербург и Новгород». Гамбург, 1856

Шмуцтитул с надписью правнука Герцена Леонарда Риста: «Aus dem Russischen übersetzt von Malwida Meysenbug» («Перевод с русского Мальвиды Мейзенбуг») и титульный лист
Музей Герцена, Москва

свое изгнание; что вы хотите, чтоб он вернулся в Россию с тем, чтобы добиться возвращения ему ваших имений, на которые наложен секвестр, и что вы хотите, чтоб он возвратился уже сформировавшимся — как человек и как характер.

Обе эти цели осуществятся, если вы его отправите в университет, где он будет учиться *по собственному побуждению*, где он будет водиться с другими молодыми людьми, где отсутствие родительского дома заставит его находить необходимую поддержку в самом себе. Независимость характера, которую вы, без сомнения, желаете в нем развить, сможет, конечно, быть достигнута лишь ценой продолжительной разлуки. Вы человек слишком сильной чеканки, и если вы не прибегнете к этому средству, то пошлете в Россию лишь свое собственное клише.

Почему я советую вам Вюрцбург? Потому что это университет, где в настоящее время юноша может лучше изучить анатомию человека, микроскопическую, сравнительную, физиологию, органическую химию и пр.; потому что там особенно занимаются формированием ученых, выдающихся в этих областях; потому что Кёлликер [4], Мюллер [5], Шеррер [6] — люди, которые особенно охотно руководят студентами в настоящих исследованиях, вместо того чтобы ограничиваться простой ролью Kathedermensch *, и потому что там проявляется свободная и независимая тенденция.

Сначала Вюрцбург, а затем Берлин, для завершения занятий медициной ничего я не мог бы посоветовать во всем свете лучшего. Если Алекс⟨андр⟩ пожелает, проведя год или два в университете, стать дельным агрономом и продвигаться

* человека на кафедре (*нем.*).

в этой отрасли, то ему лучше всего было бы посоветовать Гогенгейм в Вюртемберге или Таранд в Саксонии. Но к тому времени многое уже может измениться.

Не советую вам ни в коем случае Гейдельберг. Это университет только для прусских юристов; медицинский факультет заметно опустился, его репутация держалась на именах, которые исчезли и не были заменены другими. Что же касается расстояния до отчего дома, то где бы тот ни оказался, в Лондоне или, чего от души желаю, в Швейцарии,— это совершенно одно и то же: мы теперь более удалены от Берна, чем Берн от Берлина или Мюнхена. Нескольких часов езды по железной дороге достаточно, чтобы все уравнять.

Доманже продолжает свое ремесло преподавателя in partibus. Он погрузился в изучение современного греческого и турецкого языков и готовится к пребыванию на Востоке, отпуская себе шевелюру, достойную старого атласского льва. Его грек не подает признаков жизни с самого Константинополя.

Маленькая семья в полном здравии. Моя жена просит особенно поблагодарить вас за утешение, которое ей доставила ваша книга в тот день, когда у меня была мигрень. Эта неприятность снова начинает яростно меня осаждать; но припадки ее, однако, все же значительно ослабевают — и не так сильны, и не так часты.

Наилучшие пожелания Огареву.

Всецело преданный вам К. Фогт

23 июня

[1] Летняя сессия федеральных палат открылась 6 июля 1857 г. Этот факт дал нам возможность уточнить год написания этого письма, отнесенного потомками Герцена к 1856 г.

[2] Хотя приложенная Фогтом газетная вырезка при письме не сохранилась, нетрудно догадаться, что она имела отношение к М. А. Бакунину, которому Александр II смягчил наказание. Проведя сутки в имении родителей, Бакунин отправился в Омск, где 27 марта 1857 г. его передали на руки местному генерал-губернатору.

[3] Немецкий перевод «Былого и дум» (см. прим. 14 к п. 27). Фогт, вероятно, имеет в виду характеристику владимирского инспектора врачебной управы К. И. Тиме, утверждавшего, что «в человеке есть начало вечное и духовное, а внутри природы спрятан какой-то личный Geist ‹дух›» (IX, 26).

[4] Рудольф Альберт *Кёлликер* (1817—1905) — профессор физиологии и сравнительной анатомии в Цюрихском, а затем в Вюрцбургском университетах, ученый с прочно установившейся репутацией специалиста по микроскопической анатомии, один из создателей клеточной физиологии.

[5] Генрих *Мюллер* (1820—1864) — знаменитый анатом, работавший с Кёлликером; специалист по глазным болезням.

[6] Иоганн Йозеф фон *Шеррер* (1814—1869) — профессор органической, а затем общей и фармацевтической химии, директор Химического института. Шеррер был учеником Либига, с которым вместе работал в Гисене.

29

К. Фогт — Герцену

‹Женева. 14 сентября 1857 г.›

Прилагается, любезный друг, свидетельство от нотариуса. Извините меня за то, что не отправил его ранее [1],— я позабыл об этом в тропической жаре федеральной политики, в июле месяце, а с той поры это совсем у меня из головы выскочило, тем более что я редко бывал дома. Не знаю, писал ли я вам, что маленькая семья приумножилась появлением третьего мальчика, которому вздумалось появиться на свет, когда я находился в Берне [2],— мать и ребенок чувствуют себя хорошо. С того времени мне пришлось совершить объезд Женевского озера, а также Констанцского и Невшательского — в поисках каменного угля, бурого угля, торфа, тесаного камня и пр. Все теперь желают обнаружить горючее, так как дрова становятся недоступными для покупателя.

Вашу статью я передал в «Revue», который обещал мне немедленно поместить ее в виде фельетона. Но, по правде говоря, я не знаю, выполнено ли это обещание,— за изданием этим я не следил регулярно вследствие своих разъездов, а возвратился я только вчера [3].

Я очень рад, что русские покупают ваши книги,— жду момента, когда они купят вас самих.

Здесь пошлое затишье и всеобщая скука во всем, кроме промышленных предприятий. В Женеве намерены изменить систему путем перемены лиц — мне сделали несколько предложений вступить в правительство — я их отверг с уроном для себя. Их всюду предостаточно, как управляющих, так и управляемых,— хотели бы перемены, но, как осуществить ее, не знают. Это напоминает мне 1846—47 гг. Сильное удивление вызывает шум, поднимаемый англичанами по поводу Индии [4]. «Times» каждое утро утопает в крови, усыпан трупами; под конец же он разрождается списком, состоящим из сотни лиц, истребленных сипаями. В этом, конечно, никакой нужды нет. Господа англичане сдирали с них шкуру втрое больше каждый раз, как требовали с них подати. Решительно эти люди воображают, будто жизнь англичанина во сто раз дороже, чем жизнь другого смертного. Надеюсь, что им докажут их глубокую ошибку. Это еще и следствие той аристократической спеси, которой заражен этот народ целиком. Думаю, что конец их близок. Все морские державы на непрочном европейском плацдарме потерпели крах — финикийцы, венецианцы, генуэзцы, португальцы, голландцы; англичане последуют за ними. Крылья ветряной мельницы становятся излишне длинными, свирепый ветер опрокидывает вышку, к которой они прикреплены.

Все же это любопытное зрелище, любезный друг,— возвращение европейской цивилизации на Восток, свидетелями которого мы являемся,— а все эти войны, Крым, Персия, Индия, Китай являются лишь его симптомами. Создается впечатление, что, достигнув крайних границ Запада в Калифорнии, индо-германская раса хочет возвратиться в свою колыбель и вновь открыть для цивилизации столь давно исчерпанные источники Востока. То будет тяжкий и долгий труд — быть может, все это ожидает участь крестовых походов. Забавно будет все же, если позднее кто-нибудь из наших потомков воскликнет, подобно г. Монталамберу: «Я тоже сын крестоносца — но ⟨крестоносца⟩ XIX века» [5].

Прощайте. Поцелуйте детей.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

Женева, 14 сент⟨ября⟩ 1857 г.[6]

[1] Отклик на напоминание Герцена в письме от 27 августа: «Почему вы не выслали мне документы из ¦Берна?» (XXVI, 116).

[2] Август Вильям *Фогт*, родившийся 26 июля (умер 4 апреля 1858 г.).

[3] Присланная Герценом статья «Августейшие путешественники» (см. прим. 6 к п. 27). Статья эта в «Revue de Genève» перепечатана не была.

[4] Восстание сипаев, начавшееся 10 июня 1857 г. и охватившее всю долину Ганга.

[5] Граф Шарль *Монталамбер* (1810—1870) — видный французский политический деятель и публицист либерально-католической ориентации. В 1844 г., выступая против проекта народного образования, предложенного А. Ф. Вильменом, он произнес три знаменитые речи о свободе церкви, свободе образования и свободе монашеских орденов. В последней он выступил в защиту иезуитов и заключил речь словами, приобретшими шумную известность: «Мы сыновья крестоносцев и не отступим перед сыновьями Вольтера».

[6] Ответ Герцена неизвестен.

30

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 25 декабря 1857 г.⟩

Любезный друг!

Вы видите, что я держу слово. Делаю себе подлинно рождественский подарок, когда пишу вам, и счастлив, как нищий бродяга, от того, что закончил свои курсы лекций и могу немного передохнуть.

Вы меня спрашиваете, почему я предпочел бы Вюрцбург для Александра [1].

Потому что нигде он не сможет более тщательно и углубленно заниматься анатомией и физиологией; потому что нигде не найдет он более выдающихся в этих отраслях науки профессоров, чем мой друг Кёлликер, чем Мюллер, и в то же время нигде не найдет он профессоров, более прилежных и более усердных в

формировании выдающихся ученых. Изучив химию в Лондоне, он может теперь безраздельно отдаться занятиям анатомией и физиологией, чтобы перейти затем к изучению медицины, которое завершит, если Вирхов еще останется там, в Берлине [2]. Когда б у меня был сын, предназначенный для изучения естественных и медицинских наук, то я направлял бы его именно таким образом — по этому поводу больше ничего сказать вам не могу. Я напишу, как только приблизится нужный момент, Кёлликеру, и заранее уверен, что он сделает все для него возможное, чтобы тотчас же подать отцовскую руку вашему первенцу.

Страхи ваши насчет какого-то преследования лишены основания [3]. Не придавать важности некоторым фактам — это порой великое искусство. Что могла бы сделать немецкая полиция Саше и с какой стати она им займется? Из-за того, что у него есть отец? Все на свете имеют такового, в большей или меньшей степени. Я убежден — и все, кто хоть сколько-нибудь знает Германию, скажут вам то же самое,— что Саша пройдет там, в среде прочих студентов, столь же незамеченным и столь же неотмеченным, как первый встречный,— разве только он вступит в конфликт с педелями, и тогда с ним станут обращаться так же, как с другими студентами, водворяя его в карцер, заставляя его папашу оплачивать его долги и отчисляя его затем, чтоб он перевелся в другой университет для возобновления подобного же образа жизни. Множество моих друзей, сильно скомпрометированных, воспитывают своих сыновей в Германии в гимназиях и университетах — kein Hahn kräht dannach *. Правда, сыновьям скомпрометированных отцов не предоставляют мест, но поскольку Саша в этом смысле у них ничего и не попросит, то наказать его этим невозможно.

Я не советую вам ни Женеву, ни другой швейцарский университет. Академия наша для Саши была бы недостаточна — приготовительные курсы, которые мы ведем, явились бы лишь повторением на французском языке его английских лекций. Для практического изучения анатомии и физиологии — никакой возможности. Жизнь студентов нигде так не содействует формированию характера (хорошего или дурного), как в Германии. Это жизнь французского лицея. Вы вполне можете мне поверить, что я был бы очень рад иметь его здесь,— но, по правде говоря, не знаю, что хорошего мог бы он здесь делать. О Берне и говорить не приходится, хотя там Валентин [4] — педантичность его слишком бесплодна.

Вы легко можете увидеть из программы лекций медицинского факультета, прилагаемой мной, правду ли я говорю. Надобно, однако, добавить, что курс Колладона [5] читается редко, что курс Тюри [6] ровным счетом ничего не стоит, а курсы сравнительной анатомии и физиологии не стоят большего или что их проводят только по рисункам и восковым моделям, а вовсе не по препаратам, которых у нас здесь нет и в помине. Надо сказать также, что лекции первого года предназначены для шестнадцатилетних мальчиков, занимавшихся лишь классическими предметами.

Вы затронули и другой пункт, который должен войти в общий баланс, судя по тому, что сказал мне Доманже. Подумайте-ка хорошенько, ведь в немецких университетах это последняя из забот, тогда как во Франции это первая,— что общество, в котором находится молодой человек, во многом сказывается на его привычках. Я не хочу сказать, что мы были образцами добродетели и целомудрия— но это отнюдь не являлось необходимым и обязательным элементом нашей жизни, и никому не рукоплескали, когда он отличался в сем пункте. Конечно, в Женеве опасность эта была бы побольше и фоблазовская сценка [7] там вполне могла бы повториться.

Что же касается времени переезда, то следует решиться на период между пасхой и осенью. Если Ал⟨ександр⟩ еще прикован к Лондону до мая будущего года, то гораздо лучше не посылать его ранее сентября — отправьте его на это время попутешествовать по Швейцарии или где-нибудь еще. Занятия обычно начинаются в зимнем семестре — летний семестр менее полон и короче, мы, например, заканчиваем в конце июня или начале июля; в Германии обычно кончают в конце июля,

* никому до этого дела нет (*нем.*).

начале августа, а начинают с апреля. Пошлите его ко мне тогда в конце июля (в июле я буду в Берне) — я поброжу с ним по горам в августе месяце и к началу курса отправлю его в Баварию. В течение зимы и следующего лета он будет до потери сознания заниматься анатомией, свидится он с вами в Бельгии во время пасхальных каникул (из Вюрцбурга до Брюсселя доедет он за 36 часов), и все вполне упорядочится, как только вы один-единственный раз принесете эту жертву — разлучиться с ним на шесть или восемь месяцев.

В этом-то и заключается чувствительный пункт, к которому я и возвращаюсь. Вы кажетесь мне человеком, которому предстоит искупаться в ледяной воде и который то и дело отводит взор от прибрежной полосы, так как покрывается гусиной кожей. Вы сознаете, что перемена необходима, что это чисто домашнее воспитание оставляет слишком важные пробелы, но, говоря себе все это, вы ищете в себе самом извинений себе, чтобы не выполнить эти проекты. То, что могло бы вводиться понемногу, если бы Алекс⟨андр⟩ в детстве посещал школы общего типа, надобно сделать теперь с одного маху — не допустите, чтобы прошли годы, тогда окажется, что уже слишком поздно.

Но довольно об этом. Мне хотелось бы иметь возможность обсуждать с вами этот вопрос всесторонне целую неделю подряд — уверен, что в последний ее день вы, как новый Филипп, сказали бы: «Иди, мой сын, Путней слишком мал для тебя!» [8]

Поскольку разнообразие, по Бильбоке [9], является источником удовольствия, перейдем к другим вещам. Истек первый семестр: куда именно хотите вы, чтоб я вам переслал первый взнос в 185 фр. (6 месяцев от 8200 по 5%)? Не в лондонское ли отделение Главного швейцарского банка? Скажите — кубышка наготове *.

У меня все идет неплохо. Дети, по счастию, чувствуют себя так хорошо, как только возможно,— три великолепных мальчугана: один вылитый папаша Фогт из Берна; второй — Фолленциус [10] — чистейшая копия; третий еще в состоянии пакета с сосисками ⟨. . .⟩ **.

Что до меня, то я вступаю на промышленное поприще, как может показать вам прилагаемый проспект. Вам стоит только сказать, если вы пожелаете приобрести на 10 или 20 000 фр. акций,— и они к вашим услугам. Однако дело это будет тем более успешным, что мы сможем вскоре присоединить стекольный завод к зеркальному [11].

Политика бесплодна. Через неделю, насквозь пропитанную отвращением и скукой, я сбежал из Берна. Влекущие плуг волы движутся быстрее, нежели наши немецкие швейцарцы. В делах, представляющих материальный интерес (Оронская линия), они отличаются отталкивающей алчностью и оскорбительной безнравственностью. Это хуже, нежели наш франкфуртский центр. Фази снова устремился телом и душой в политику и верит, что сможет осуществить перемену. Я же ни на что не надеюсь, если не двинется Франция. Положение в Париже кажется ужасно натянутым. Однако создается впечатление, что Бадинге [12] готовится отразить удар. У нас здесь снова наемные подстрекатели, декламирующие в разных кафе, тогда как целых три года все было спокойно. Это всегда признак бурь, предвидимых полицией и даже вызываемых ею.

Финансовый кризис произвел значительные опустошения, особенно на севере Германии. Некоторым личностям в Швейцарии пришлось свести свою ренту к 3 000 фр. в год, и, судя по известиям, полученным совсем недавно, сейчас сильно сомневаются, смогут ли выплаты быть произведены в новом году. Впрочем, никогда нет ни гроша — переводные векселя перехватываются у банкиров поставщиками, если им бываешь должен.

В Берне все идет хорошо. Отец мой еще очень бодр, мать idem ***, их внуки в полном порядке, кроме детей Густава — злополучное следствие брака между двоюродным братом и сестрой, всегда гибельное для рода. Эмиль женился на миниатюрной женщине из Винтертура, очень набожной и даже пиетистке; он от

* Далее рисунок пером.— *Ред.*
** Далее опускаются некоторые физиологические подробности.— *Ред.*
*** также (*лат.*).

нее до такой степени без ума, что я опасаюсь за его принципы, als persönlicher Feind Jehova's *. Недавно он опрокинулся вместе с одной из неффовских адских машин, называемых дилижансами [13], сломал себе левую руку, четыре косточки пясти и два пальца правой руки — прощай, фортепьяно. Адольф видит, как с каждым днем увеличивается его клиентура. Мой шурин Урих возвратился с Антильских островов, чтоб обосноваться в Берне [14].

Прощайте, дорогой мой, поклонитесь от меня друзьям и детям.

Всецело преданный вам К. Фогт

Рождественское утро.

Доманже все еще здесь, профессор in partibus **, без гроша,— грек оставил его в затруднительном положении [15].

[1] В письме от 6 декабря, на которое отвечает Фогт, Герцен осведомлялся по этому поводу: «Разве нельзя так же хорошо заниматься в каком-либо другом месте?» (XXVI, 145).

[2] Рудольф *Вирхов* (1821—1902) — выдающийся немецкий врач-патолог и общественный деятель; в Берлинском университете он преподавал еще многие десятилетия.

[3] Герцен замечал в своем письме: «Я опасаюсь даже, как бы в Германии ему не нанесли каких-нибудь оскорблений. Германия вдвое более русская, чем Москва. Наша газета ‹там› запрещена. Наши книги задерживают» (XXVI, 145).

[4] Габриель Густав *Валентин* (1810—1883) — известный немецкий физиолог, профессор Бернского университета с 1836 по 1881 г.

[5] Жан Даниэль *Колладон* (1802—1893) — женевский физик, профессор механики в женевской Академии.

[6] Марк *Тюри* (1822—1905) — женевский ученый и промышленник, автор трудов о происхождении видов; преподавал в женевской Академии ботанику.

[7] Вероятно, Доманже рассказал Фогту об одном из эротических похождений Саши в Лондоне.

[8] Намек на известное выражение царя Филиппа II, обращенное к Александру Македонскому (см. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 399).

[9] *Бильбоке* — персонаж комедии Дюмерсана и Ла Варенна «Les saltimbanques» (1831) — ловкач, умеющий извлекать выгоду из всех обстоятельств.

[10] Август Адольф Фолленниус (*Фоллен*; 1794—1855) — дядя Фогта, поэт и публицист, участник студенческого движения в Германии 1810-х годов; эмигрировал в Швейцарию.

[11] Осенью 1857 г. в Швейцарии было основано анонимное общество по изготовлению и продаже зеркальных и стекольных изделий. Инициаторами этого дела явились, помимо Фогта, А. Гёгг, женевец Х. Ганауэр и др.

[12] *Бадинге* — прозвище Наполеона III, данное ему после того, как он в 1846 г. бежал из французской крепости Ган, воспользовавшись документами каменщика по фамилии Бадинге.

[13] Вильгельм *Нефф* (1802—1881) — швейцарский федеральный советник, ведавший Департаментом почт и железных дорог.

[14] *Урих* — муж сестры Фогта, эмигрировавший в 1853 г. на Антильские острова, где он завел нечто вроде плантации. В его дочь Эмму влюблен был Саша Герцен и даже стал ее женихом, к глубокому огорчению Герцена, вовсе не желавшего родниться с немцем-плантатором. Брак этот, однако, не состоялся.

[15] Ответ Герцена неизвестен.

31

К. Фогт — Герцену

‹Женева. 4 февраля 1858 г.› [1]

Любезный друг!

Прилагается расписка г-жи Море. Кризис потребовал, чтобы другим платежам оказано было предпочтение. По-видимому, небольшая ошибка проскользнула в некоторые расчеты: г-жа Море говорила мне о 200 фр., которые должна была получить по распоряжениям г. Репингона в Лондоне; вы же говорите мне о 185 фр. в своем письме — я заплатил лишь 180, ибо, по Адаму Ризе [2], 5% с 7200 составляют 360 фр. в год, половина чего = 180 фр. Если только разность расчетов не вызвана франками женского пола, не подлежащими учету, как души русских крепостных крестьянок...

Надеюсь, что вы получите уже к этому времени мое последнее письмо, в котором содержится письмо Кёлликера насчет обоснования Александра в Вюрцбурге [3].

* как личный враг Иеговы (*нем.*).

** Здесь: в чужих краях (*лат.*).

Думаю, что оно должно было бы удовлетворить вас во всех отношениях... Поскольку Александр уже изучил те отрасли естественных наук, которые недостаточно удовлетворительны в Вюрцбурге, по мнению К⟨ёлликера⟩. Потом, что меня особенно восхищает, это что уборка производится русскими женщинами... Надеюсь, что предпочтение это остается за Вюрцбургом навсегда, так же как знаменитый трубочист, который там верховенствует, если только в крайних обстоятельствах французское правительство не потребует высылки г. Сканцони [4] как подозреваемого в гранатоносном заговоре по причине его итальянского имени [5].

Все здесь, впрочем, весьма спокойно, и каждый занят лечением своего гриппа. Весь город болен им — те же, которые теперь не больны, были больны или же заболеют. У меня дома целый госпиталь — моя бедная жена сильно страдает от гриппа, и поскольку эта хворь сочетается у нее со свирепой зубной болью, то сия последняя мешает ее выздоровлению. Вы можете понять, как с таким расшатанным здоровьем радуешься обязанности изгнать итальянцев-заговорщиков, найти которых не удается. С год тому назад здесь еще попадались лангобарды, но со времени восшествия на престол Фази, насмерть рассорившегося с Маццини, они исчезли, испарились — и теперь всё перевертывают вверх дном, дабы их обнаружить! Но, что еще более невероятно,— это цена документов, на которые опираются, требуя этой охоты за людьми. Вообразите себе, что г. де Салиньяк-Фенелон [6] передал в Федеральный совет, а тот — сюда, в Государственный совет, список из 73 итальянских злоумышленников, и *только один-единственный* из них является эмигрантом; остальные — ювелиры, мраморщики и прочие честные тессинцы и пьемонтцы и, наконец, литературные псевдонимы. Так, поэтический цирюльник Корсà подписывает свои глупо-шариваристические статьи в «Carillon» именем Пипо [7], а г. де Салиньяк требует строгих мер против Пипо. Это, черт меня побери, так же здорово, как если бы в свое время кайенизировали [8] Кокамбо или подобного ему персонажа из «Charivari» [9]. Когда видишь эту страшную серьезность, с которой подобные глупости производятся, то не шутя спрашиваешь себя, для чего существуют шпионы, и тайные агенты, и посланники, и тогда приходишь к заключению, как делают это в отношении фальшивых ⟨. . .⟩ * лживых клятв, если не приходится ⟨. . .⟩ * видеть эти поистине дурацкие документы ⟨. . .⟩ *, вымышленные имена или псевдонимы швейцарских граждан ⟨. . .⟩ *, то спрашиваешь себя, действительно ли посланник верит своим шпионам или своим агентам, или же он хочет эксплуатировать старую пословицу: «Wenn man an den Hund will, hat er Luder gefressen» **.

Не знаю, до чего собираются дойти. Мне кажется, однако, что весь этот шум вскоре завершится войной между Англией и Францией и торжеством империализма в Европе или же полным падением Франции до уровня Испании. С какой же стороны станет славянское племя в этой последней борьбе между германскими и романскими племенами? Ибо, в сущности, все дело именно в этом.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

4 февраля

Кстати. Город Каруж желает для устройства газового освещения произвести заем в 60 000 фр., по 4% из 80%, что, в сущности, составляет 5%. Нет ли у вас желания вступить в эту сделку? Вам пришлось бы внести 48 000 фр. в два приема — 1 апреля и 1 июня — каждый раз по 24 000 фр. Вы получали бы 2400 *** фр. ежегодного дохода, и вам выплачивали бы тридцать лет подряд каждый год по 2000 фр., следовательно, 20% дохода с капитала. Помещение денег, отличнейшим образом обеспеченное, поскольку оно гарантировано Управлением по взиманию городских пошлин, а оно, в свою очередь, гарантировано государством, а также Конфедерацией и приносит от 15 до 20 тысяч фр. в год.

---

* Автограф поврежден.— *Ред.*

** «Когда ищут козла отпущения, то всегда находится повод» (*нем.*).

*** В автографе ошибочно: 24 000.— *Ред.*.

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Адам *Ризе* (1492—1559) — немецкий математик, пользовавшийся большой популярностью. Выражение «по Адаму Ризе» вошло в Германии в поговорку, означающую «очень точно».

[3] Это письмо Фогта к Герцену, так же как приложенное к нему письмо Кёлликера, остается неизвестным.

[4] Фридрих Вильгельм *Сканцони* (1821—1891) — знаменитый немецкий врач, родом из Праги (впоследствии, получив дворянство, он присоединил к своей фамилии дополнительно *Лихтенфельс*). С 1850 г.— профессор гинекологического факультета Вюрцбургского университета; в 1854 г. он был приглашен к русскому двору для ухода за императрицей.

[5] В связи с неудавшимся покушением в Париже итальянского революционера Ф. Орсини на Наполеона III (14 января 1858 г.) французское правительство не только усилило репрессивные меры внутри страны, но и потребовало от соседних стран интернирования и высылки с их территорий итальянских революционных эмигрантов, в частности сторонников Мадцини.

[6] Граф Жан Реймон Сигизмон Альфред *Салиньяк-Фенелон* — полномочный посланник Франции в Швейцарской конфедерации.

[7] Филипп *Корсà*, по прозвищу *Пипо* (1809—1874),— по профессии парикмахер, в прошлом — фурьерист. Он пользовался большой популярностью в женевском рабочем предместье Сен-Жерве — и как энтузиаст-республиканец, и как автор многочисленных стихотворений, помещавшихся им в маленьком еженедельнике, который он сам издавал под названием «Carillon de Saint-Gervais».

[8] *«Кайенизировать»* — отправить в Кайенну (Гвиана), место ссылки политических противников французского режима.

[9] *«Charivari»* — известная французская иллюстрированная сатирическая газета. См. о ней ниже, в статье Л. Р. Ланского «Герцен и Франция».

32

К. Фогт — Герцену

〈Женева. 26 августа 1858 г.〉

Любезный друг!

Сегодня какой-то непроизносимый русский передал мне письмо от вас, которое действует на меня ошеломляюще. Разве вы не получили моей записки от 8 августа [1]? Если нет, то повторяю вам ее содержание. Я еще здесь — пока еще остаюсь, так как по горло погружен в работу. Мне придется, весьма вероятно, участвовать в научной экспедиции в сент〈ябре〉 и окт〈ябре〉 — в Вале, на итальянском склоне Симплона — быть может, в Испании, куда я возьму с собой Алекс〈андра〉. Что же касается Вюрцбурга, то там ничто не изменилось... Кёлликер, несомненно, остается, и другие тоже. Кёлликер окончательно отклонен в Берлине: это швейцарец!

Я получил ваш памфлет против этих бедных франкфуртцев [2]. Он доказывает мне лишь одну неприятную вещь, которую я предвидел с самого начала: что самодержавная воля, еще царящая в России,— словно луч белого цвета, который, проходя через различные отражающие призмы администрации, обретает тысячу разных цветов, вплоть до невидимого, находящегося за пределами темно-фиолетового. Что же касается остального, то кто же не знает, что Россия правит этими маленькими германскими государствами? Желаете ли вы быть той тростинкой, которая кричит царю Мидасу, что у него ослиные уши [3]? Увы, бедняга знает это лучше вас, а вы с него, этого бедного Михеля [4], срываете его ночной колпак — тот колпак, которым он пытался прикрыть свой изъян. Послушайте, да ведь это невеликодушно.

Вы получите в пакете другой обличительный документ, которым человечество воспользуется в большей степени. Мы хотим помочь ему увидеть это с большей ясностью. Я отмечу вас как подписчика по меньшей мере на 20 000 фр.; первый взнос (100 фр. за пятисотфранковую акцию) должен быть сделан 1 октября [5].

У нас здесь пробыл в течение нескольких дней Плон-Плон [6], которого сопровождает наряду с другими Шарль Эдмон, извлекающий теперь выгоды не только из страдальческого жанра [7], но еще и из жанра высокой нравственности. Я обедал с ними у тирана 〈Фази〉 и проехался вокруг озера на специально нанятом пароходе. Это приятный, остроумный собеседник, добрый малый [8], как мне кажется, но я ни на грош не верю в его энергию, а система кузена [9] потопит и его, и его немощную оппозицию.

Всецело преданный вам К. Ф о г т

26 августа 58 г. [10]

[1] Это письмо Герцена неизвестно, так же как записка Фогта к Герцену от 8 августа (см. XXVI, 202). Русский с «непроизносимой» фамилией, передавший Фогту письмо Герцена,— личность невыясненная.

[2] Обращение Герцена к Франкфуртскому сенату («A l'illustre sénat de la ville libre de Francfort-sur-le-Mein») в связи с конфискацией во Франкфурте-на-Майне экземпляров «Колокола» (XIII, 309—321). Герцен упрекал правительство «вольного города» в раболепии перед петербургским самодержавным режимом.

[3] Фригийский царь Мидас был, по мифической легенде, награжден Аполлоном ослиными ушами за утверждение, что бог природы Пан играет на музыкальном инструменте лучше, чем он, Аполлон.

[4] *Михель* — общепринятое прозвище немецкого крестьянина, а также немца вообще (ср. XXVI, 202).

[5] Речь идет об акциях предприятия по изготовлению стеклянной посуды и зеркал.

[6] У принца Наполеона (Плон-Плона) вблизи Женевы находилось имение Пранжен, в которое он время от времени наезжал. В августе — сентябре 1868 г. имение Пранжен в течение нескольких месяцев снимал Герцен.

[7] Вероятно, намек на то, что Хоецкий эксплуатирует свое положение польского эмигранта.

[8] Имеется в виду принц Наполеон. См. предисловие к наст. публикации.

[9] Кузен — Наполеон III.

[10] Ответ Герцена на это письмо датирован 30 августа (XXVI, 201—202).

33

Герцен — К. Фогту

21 oct⟨obre⟩ 1858. Putney
Laurel House

Très cher Vogt,

Mon fils et votre frère m'écrivent deux épîtres — en me demandant ma bénédiction paternelle pour Alex⟨andre⟩ de rester à Berne. J'ai repondu à cela qu'une fois vous ayant autorisé de procéder souverainement dans la question du choix géographique — je ne puis rien faire que vous soumettre leur proposition [1]. J'ajoute à cela que je n'ai rien contre cela — et beaucoup pour — nommément la présence à Berne votre père et sa famille.

Or donc, je vous laisse cette affaire. Je ne sais comment vous remercier pour toute l'amitié que je prends «in Anspruch» — mais enfin il faut subir les inconvénients d'avoir des amis.

Et lorsque j'en parle — force m'est de penser à Tessié — je le salue beaucoup — et beaucoup. A-t-il abandonné les tables parlantes? [2] Dites-moi un mot sur la décision ou faites dire par Alexandre.

Klapka a dîné dimanche passé chez moi — avec un officier d'artillerie qui a été à Kars pendant la guerre [3].

Aujourd'hui le *Times* donne la réponse fière et altière du Conseil de Genève [4]. Putney exprime sa satifsaction — à qui de droit [5].

Adieu, je vous serre la main. Avez-vous reçu un petit monstre de brochure que je vous ai envoyé? [6]

Monsieur le prof⟨esseur⟩
Ch. V o g t
Genève. Plain-Palais

Почтовые штемпели:
Bern, 24 Okt⟨ober⟩ 58.4, Nachm⟨ittag⟩
Genève, 25 oct⟨obre⟩ 58.12 m⟨idi⟩

Перевод:

21 окт⟨ября⟩ 1858 г. Путней
Laurel House

Любезнейший Фогт,

Мой сын и ваш брат пишут мне два послания — прося моего отеческого благословения на то, чтоб Алекс⟨андр⟩ остался в Берне. Я ответил на это, что поскольку раз и навсегда предоставил вам право действовать самодержавно в вопросе географического выбора, то не могу ничего

сделать, кроме как передать вам их предложение [1]. Прибавляю к вышеуказанному, что ничего не имею против этого — и много за — а именно присутствие в Берне вашего отца и его семьи.

Итак, оставляю это дело на ваше усмотрение. Не знаю, как и благодарить вас за всю вашу дружбу, которую я принимаю «in Anspruch» *,— но в конце концов приходится же платиться за неудобство иметь друзей.

И когда я говорю об этом, то невольно думаю о Тесье — кланяюсь ему — весьма и весьма усердно. Покинул ли он говорящие столы? [2] Скажите мне словечко о решении — или передайте через Александра.

Клапка в прошлое воскресенье обедал у меня — с артиллерийским офицером, который находился в Карсе во время войны [3].

Сегодня «Times» приводит гордый и высокомерный ответ Женевского совета [4]. Путней выражает свое удовлетворение — кому следует [5].

Прощайте, жму вам руку. Получили ли вы чудовищно толстую брошюру, мною вам посланную? [6]

Господину профессору
К. Фогту
Женева, Пленпале

Почтовые штемпели:
Берн, 24 окт⟨ября⟩ 58 г. 4 часа попол⟨удни⟩
Женева, 25 окт⟨ября⟩ 58 г. 12 — п⟨олдень⟩

[1] Эти письма А. Фогта и А. А. Герцена неизвестны. Отвечая в тот же день сыну, Герцен заявил: «Вопрос должен быть решен Карлом Фогтом; раз поручив ему это дело, мне кажется, было бы странно и неделикатно без него решать ⟨. . .⟩ Я не имею ничего против Берна, но и не решу ничего без Фогта женевского» (XXVI, 217).

[2] Друг Герцена Тесье де Моте, как уже упоминалось выше, увлекался спиритизмом.

[3] Личность неустановленная.

[4] О конфликте между Женевой и Федеральным советом по поводу итальянского Общества взаимопомощи см. в *ААН*, 201—202.

[5] Герцен пародирует высокопарный стиль правительственных деклараций. Путней — «резиденция» Герцена.

[6] Вероятно, речь идет о немецком издании брошюры с предисловием Герцена — «Русский заговор 1825 года» («Die russische Verschwörung und die Aufstand vom 14 Dezember». Hamburg, Hoffmann und Campe). Вышла в свет в конце 1858 г. Не исключено, однако, что Герцен мог иметь в виду свою книгу «Unterbrochene Erzählungen» («Прерванные рассказы»), которую он 7 октября обещал прислать Фогту (см. XXVI, 214).

34

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 3 апреля 1859 г.⟩

Любезный друг!

Возвращаю теперь обвинение, которое вы столь часто в меня метали. Уж не умерли ли вы? И как Колокол — не перестал ли он твердить, что «mortuos plango» [1]? Письмо от вас мне необходимо [2].

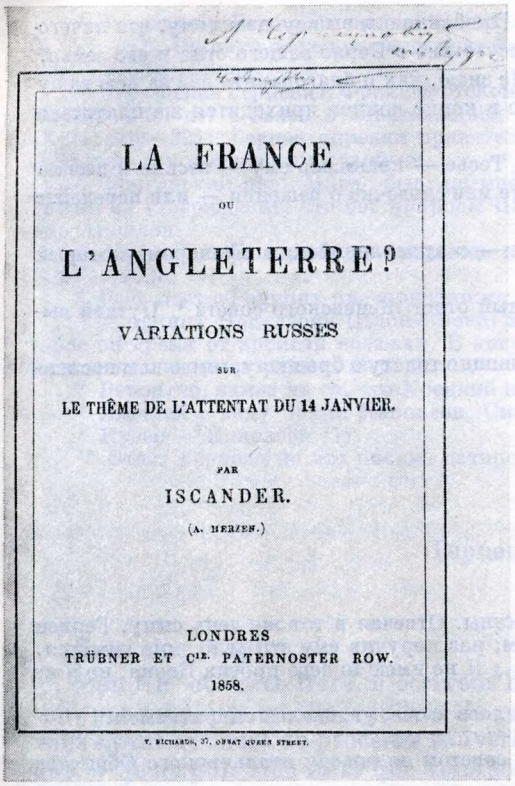
Прежде всего о делах.

1) Скажите мне, где должен я уплатить те 180 франков, которые приходятся на первое января. Я все время рассчитывал, что получу письменное полномочие об уплате Александру, который был здесь проездом после своего путешествия в Ниццу [3],— но, ничего не получив, предложить ему я не смел, поскольку сие, быть может, могло не входить в родительские намерения.

2) Скажите мне, куда могу я внести 1200 франков как частичную уплату суммы, которую вам должен? Это свело бы эту сумму к 6000, а проценты — к 300 фр. в год. Я заплатил бы вам сейчас:

Проценты от 7200, срок которых истекает 31 декабря	180
Idem** за 3 месяца по 31 марта	90
Капитал по счету	1200
Всего	1470

* «с удовлетворением» (*нем.*).
** То же (*лат.*).



LA FRANCE

OU

L'ANGLETERRE?

VARIATIONS RUSSES

SUR

LE THÈME DE L'ATTENTAT DU 14 JANVIER.

PAR

ISCANDER.

(A. HERZEN.)

LONDRES
TRÜBNER ET Cie. PATERNOSTER ROW.
1858.

T. RICHARDS, 37, GREAT QUEEN STREET.

«ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ? РУССКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ПОКУШЕНИЯ 14 ЯНВАРЯ»
Брошюра написана на французском языке. Лондон, 1858
Обложка с дарственной надписью: «Л. Чернецкому от Герцена. 4 апреля»
Музей Герцена, Москва

«Бонапартизм действует лишь при помощи смерти. Его слава — вся из крови, вся из трупов. В нем нет созидательной силы, нет производительной деятельности; он совершенно бесплоден: все созданное им только иллюзия, сон» («Франция или Англия?»)

Благоволите располагать этой суммой.

3) Тогда вы получите 30 июня процентов за 3 месяца

с 6000 фр 75
и с того времени каждый семестр по . 150 фр.

4) Напишите мне письмо в следующих выражениях:

«Дорогой друг! Вы обещали мне взять купчую крепость на дом, который намерены были приобрести, когда я авансировал вам сумму в шесть тысяч франков, кою вы остаетесь мне должны. Напоминаю вам теперь о вашем обещании, питая полное доверие к честности вашей в отношении его выполнения. Пришлите же мне без промедления составленный по вашему указанию и зарегистрированный на мое имя акт».

Пометьте это письмо 25 марта и напишите его на отдельном листке. Это делается с тем, чтобы предохранить вас от личности, которая вследствие внесенного залога намерена ко мне придраться. Впрочем, я питаю вполне обоснованную надежду, что вскоре смогу выплатить вам все полностью.

А теперь о другом. Вижу, что Блинд дал по вас залп [4]. Он не испытывает желания быть навозом, это понятно,— и, как я узнал, написал весьма правоверные очерки о России, изучив даже язык, что всегда казалось мне пределом самопожертвования или настырности. Что до меня, то и я снова ударяюсь в политику. Чувствую себя совершенно посвежевшим, и мне кажется, что должны произойти великие события *. Италия — не Крым; то, что на Черном море являлось поединком, на Средиземном море делается всеобщим сражением. Победитель или побежденный — современный бонапартизм уступит там силе. Итак, я придерживаюсь мнения, что надо дать ему возможность попасться на крючок, даже подтолкнуть его к этому, устранить все те препятствия, что могли бы преградить ему путь в его погребальном шествии. В этом смысле я и написал брошюру, которую в ближайшем будущем пришлю вам [5]. Меня возмущает опора, которую Германия дает этой «Capua der Geister», этой постыдной конкордированной Австрии. Я проповедую исключение всякой ненемецкой области из Германской конфедерации; более тесное национальное соединение; предоставление Австрии своим судьбам — чтоб освободить руки не только Италии, но и Венгрии и славянским провинциям. Любезный друг! Вы справедливо сказали, что бонапартизм — смерть; но вспомните вы также, что Австрия — это вечное проклятье и что, только уничтожая сию последнюю, вы отнимете у смерти ее ужас и сведете ее на степень простого слу-

---

* В автографе следующий далее текст до конца абзаца отчеркнут Герценом.— *Ред.*

чая *. Австрия в тысячу раз опаснее для свободы, чем минутный деспотизм Л⟨уи⟩ Н⟨аполеона⟩ ** [6].

Почти уверен, что война разразится [7]. Клапка говорил мне два месяца тому назад: «Они не будут готовы раньше конца февраля — ни Франция, ни Пьемонт; ничему не удивляйтесь в продолжение этого времени — все средства будут хороши, для того чтобы выиграть время. Если б я был императором Австрии,— добавил он,— я повел бы дело иначе. Зная, что война неотвратима, я набросился б на Пьемонт и раздавил бы его за неделю до того, как хотя б один французский солдат смог перейти границы. Это явилось бы сплошным выигрышем. Но,— прибавил он,— они, как всегда, трусливы. Они дадут другим время пополнить свое вооружение из страха начать самим. Однако война эта будет ужасна и кровопролитна» [8].

«Тем лучше,— сказал я.— С ними произойдет то же, что со львами в басне: они сожрут друг друга до самого кончика хвоста».

Всецело преданный вам К. Фогт

3 апреля 59 г.

Если вы не нашли применения для обозначенных выше сумм (1470), могу прислать вам письменный приказ об уплате на отделение Главного швейцарского банка в Лондоне.

[1] В «Колоколе» с первого по последний номер стоял латинский эпиграф: «Vivos voco» («Живых призываю»). Это начало надписи на старинном колоколе, приведенной Ф. Шиллером над своим стихотворением «Песнь о Колоколе». Фогт в шутку воспроизводит продолжение этой латинской надписи: «Мертвых оплакиваю».

[2] В ответном письме от 6 апреля Герцен так отозвался на эти строки Фогта: «Да, дорогой Фогт, я не писал вам очень давно. Дни проходят со страшной быстротой — в горячей работе. Вообразите себе, что мы — Огарев и я — издаем, помимо „Полярной звезды“ и „Колокола“, исторический сборник, „Голоса из России“ и, кроме того, целые томы переводов ⟨. . .⟩ Успех огромный» (XXVI, 250).

[3] А. А. Герцен отправился в Ниццу на научную экскурсию. В своем ответе Герцен просил передать эту сумму сыну через Фогта-отца в Берне (XXVI, 250).

[4] В еженедельнике «Hermann» (органе правого крыла лондонской немецкой революционной эмиграции; № 11, 19 марта) выступил с нападками на Герцена журналист *К. Блинд* (1826—1907), участник революции 1848 г., приятель Г. Гервега, который в свое время и познакомил Блинда с Герценом. Во второй половине 1850-х годов Блинд скатился к грубому ренегатству, поддерживая махровый немецкий шовинизм и национализм. После смерти Герцена Блинд писал о нем как о «злейшем враге Германии и всей европейской культуры и защитнике греческого православия как орудия завоевания Стамбула». В этом духе он, вероятно, и высказывался в статье, напечатанной в «Hermann» (см. XXVI, 451—452; *ЛЖГ* III, 30).

[5] «Studien zur Gegenwärtigen Lage Europas». Genf und Bern, 1859.

[6] В ответном письме Герцен писал: «Я дал бы 6 бутылок шампанского за право напечатать отрывок из вашего письма — с вашим именем ⟨. . .⟩ У меня чешутся руки напечатать этот отрывок хотя бы ради слова „конкордированная“ ⟨. . .⟩ Вы это украли у меня, прежде чем я успел подумать» (XXVI, 250—251). На эту просьбу, без сомнения, последовало согласие Фогта; Герцен привел отрывок из письма Фогта как эпиграф к своей статье «Война и мир» со ссылкой на источник (см. XIV, 97, 454). «*Бонапартизм — смерть*» — неточная цитата из брошюры Герцена «La France ou l'Angleterre?» (см. XIII, 240), которую Герцен послал Фогту в августе 1858 г.

[7] Австрийский ультиматум был предъявлен Пьемонту 23 апреля. Вслед за тем началась война.

[8] «Ваше письмо меня ободрило,— писал в ответ Герцен.— „Logik ist noch nicht verloren!“» («Логика еще не утрачена!» — *нем.*). И добавил: «Объявляйте же скорее войну — может быть, это откроет нам двери — или по крайней мере двери континента» (XXVI, 250—251).

35

К. Фогт — Герцену

⟨Женева. 5 января 1860 г.⟩

Любезный друг!

Давно уже мы не видели ваших писем. Надеюсь, что это не препятствует проявлению чувств. Так скажем же «Prost Neujahr!» ***.

* Текст от *Меня возмущает* по *простого случая* дается здесь (с рядом разночтений) в переводе самого Герцена.— *Ред.*

** В автографе последнее предложение зачеркнуто Герценом.—

*** «С новым годом!» (*нем.*).

Александр написал мне как-то, что вы намерены были нанести визит Швейцарии, но поскольку для вас открыт только Гибралтарский пролив, то исполнить это мудрое решение вы не смогли. Пролив же этот теперь еще вдобавок закрыт глупой войной испанцев против марокканцев, в которой сим последним вовсе не дана взбучка *[1] (dieser Witz ist von mir **), я полагаю, что вы подождете прорытия Суэцкого перешейка, чтоб иметь возможность обогнуть мыс Доброй Надежды! [2] Что же, наберемся терпения, а пока прежде всего поговорим о делах.

Я должен вам 225 франков— а именно 75 до 1 июля и 150 за семестр с июля по декабрь. Нынче же я незамедлительно отправляюсь в Берн, куда и прибуду не позднее 10 января. Следует ли мне отсчитать эту сумму Александру или же кому-нибудь другому? ***. Перешлите мне ваши распоряжения в Берн.

Дан приказ во Франкфурт о высылке для вас прямо из типографии еще тепленькой брошюры, которую я совсем недавно туда отправил — по поводу моего процесса против аугсбургской газеты. Я разоблачаю в ней происки Блинда, Маркса и К°— доказываю, что они — орудия австрийской реакции, и в подтверждение этого представляю все доказательства. Вы увидите из моей брошюры, как сверкает, и в полном блеске, глупость этой редакции — ибо я опубликовал, слово в слово, полный стенографический отчет о прениях — защитительные речи той и другой стороны, наконец все, до последнего штриха. Полагаю, что это снабдит вас обширным материалом для колокольного звона по поводу сего дела [3].

Пока же я становлюсь бонапартистом из любви к папе и Конгрессу [4]. Решительно, этот человек [5] — реактив, одно из самых жгучих, разъедающих начал для разложения всего нынешнего общества и уничтожения одного за другим всех его элементов. Действительно, он растирает их всех в страшнейшей ступе, чтоб удержать в состоянии бесформенного теста,— но в то же время он дробит их до основания. Французские республиканцы, Орлеанисты, Буржуа, Финансисты, Легитимисты, Протестанты, Католики — все это проходит через сей дробящий вал, чтобы превратиться в неосязаемую пыль. За двадцать лет мы не смогли бы выполнить всю ту работу, которую этот человек проделал за двадцать месяцев.

Вы увидите, что законность, даже протестантская и схизматическая, станет действовать заодно с папством; что она в нем признáет один из своих столпов и станет лезть вон из кожи, дабы его поддержать. Россия и Пруссия сделают все на свете, лишь бы парировать удар, нанесенный брошюрой. Однако я полагаю, что им удастся лишь подтолкнуть дела еще дальше. Ответом на колебание, на протест с их стороны явится отход французских войск из Рима и запрет Неаполю или Австрии до него дотронуться. Пия IX в мученика он не превратит — надеюсь, что настолько глуп он не будет,— но он устроит так, что папа будет самым постыдным образом изгнан своим народом и примется покровительствовать галликанским элементам в низшем французском духовенстве, которое многочисленно и всесильно в сельских местностях.

Что же касается итальянцев, то они решительно начинают вызывать во мне досаду. Видно ли было когда-нибудь что-либо более глупое, чем этот аннексионистский вопль, представляющий собой не что иное, как выражение чувства бессилия и бесплодного доктринерства? Прежде всего это французы, которые должны не только помогать им, *но сделать всё*. Особенное отвращение вызывало во время войны у всех — французов и швейцарцев, венгров и поляков — полное бездействие, в котором оставались все эти весельчаки с густыми бородами и огромными трехцветными кокардами. «Почему вы не отправляетесь к Гарибальди?»— спрашивали их наши бернцы, топавшие ногами от нетерпения на границе.— «Французы достаточно сильны, чтоб изгнать австрийцев собственными силами» — таков был ответ. Теперь же, когда французы покинули их, они просят у Пьемонта всё — войска, конституцию, законы, администрацию — словом, всё. Вместо того чтобы вос-

---

* В подлиннике игра слов: «марокканцы» (marocains) по-французски близко по звучанию и написанию к слову maroquin («козловая кожа», «сафьян»), а глагол tanner («дать взбучку») означает также «дубить кожу».

** эта острота — моя (*нем.*).

*** В автографе последнее предложение кем-то зачеркнуто.— *Ред.*

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРЯТНИК»
Карикатура на короля Луи Филиппа (изображен в одежде и с наглазной повязкой Робера Макэра)
Литография О. Домье

пользоваться этим временным положением, позволяющим им делать всё и на всё решаться, собраться с силами и получить возможность самим вести свои дела, они стоят так, проникнутые жалостью к своей несчастной судьбе, не позволяющей им сковать себя новой цепью сразу же после того, как расстались с первой. Разъяснения, получаемые мною из Флоренции через Гартмана [6], который там теперь проживает, столь четко обрисовывают мне наших немецких доктринеров, наших гольштинских Staatthalter'ов *, что я нахожу сходство во всем, вплоть до мельчайших подробностей. Их постигнет та же участь, и они не смогут говорить, будто не заслужили ее.

Однако мне пора кончать — время торопит меня, а мне предстоит еще многим заняться до отъезда в Берн, где останусь весь январь месяц. Жена моя чувствует себя хорошо — три моих мальчугана также, они растут и развиваются. Совершенно очевидно, что рождественская елка испортила им желудок и что от новогодних коробок с конфетами, принесенных друзьями, язык их не меньше обложен; но, кроме этих крошечных неудобств, соответствующих сезону, мы хорошо провели время и сможем поздравить себя, если все будет продолжаться так же. Шиллеровский праздник закормил нас патриотизмом [7] — но, к счастью, основательная немецкая натура снова взяла верх еще до того, как это чувство чересчур вошло в плоть; мы столь ожесточенно спорили, обвиняли и проклинали друг друга — и в трактирах, и в газетах,— что оказались еще более разобщенными между собой после этого праздника немецкого единства и единства немцев. «Naturam furca expellas» [8],— говаривал наш профессор Винклер [9], когда мы делали глупости.

* опор государства (*нем.*).

Много добрых пожеланий Огареву. Поцелуйте своих дочерей от имени моей жены и от меня лично. Всецело преданный вам

К. Фогт

Женева, 5 января 1860 г.

[1] В ноябре 1859 г. началась война между Испанией и Турцией. Генерал О'Доннель, глава испанского государства, сам возглавил войска, отправившиеся из Сеуты (испанское Марокко), чтобы овладеть Тетуаном (марокканский порт).

[2] Шутливый намек на непоследовательность Герцена.

[3] Брошюра Фогта «Mein Prozess gegen die *Allgemeine Zeitung*» вышла в Женеве в 1859 г. О полемике Фогта, направленной против Маркса, см. в предисловии к настоящей публикации. Вопреки желанию Фогта, Герцен не поместил о ней в «Колоколе» своих суждений.

[4] «Le pape et le Congrès» — так называлась злободневная брошюра публициста и оратора Л. Э. Ла Героньера (1816—1875). В ней выдвигался, между прочим, тезис о необходимости полного отказа папы римского от своих территориальных владений.

[5] Имеется в виду Наполеон III.

[6] О М. Гартмане см. ниже, во вступительной заметке к его письму, адресованному Герцену.

[7] Столетие со дня рождения Ф. Шиллера, отмечавшееся в 1859 г., вызвало в Швейцарии ряд торжественных церемоний. Фогт рассказывает здесь о двух из них: о главном празднестве Немецких рабочих воспитательных обществ Швейцарии в Лозанне 26 и 27 июня и о празднестве, организованном в Женеве Немецким рабочим союзом по образованию в честь Шиллера и Р. Блюма.

[8] Латинское выражение из «Послания» Горация (I, 10, 24): «Хоть вилами выгонишь природу, она все-таки возвращается» (по-русски обычно передается стихом Н. М. Карамзина: «Гони природу в дверь: она влетит в окно»).

[9] Профессор *Винклер*, вероятно, преподавал в Гисенском лицее, где учился Фогт.

36

К. Фогт — Герцену *

〈Женева. 28 января 1861 г.〉

[1] При этом надеюсь, что вы хорошо себя чувствуете, и кончаю, отправляясь на свою публичную лекцию, в которой сообщаю славной женевской публике кучу иронических шуток о полезных, вредных и оклеветанных животных [2]. После уже прочитанных мною лекций некий субъект, не отличающийся особенным умом, сделал открытие, что я не христианин, и счел нужным сообщить мне о сем в анонимном письме, прося меня исправиться от этого крошечного недостатка и предупреждая меня, что если я по-прежнему буду изрекать безбожные вещи о животных, то он обратится с петицией к Фази, дабы заставить его наложить запрет на мою кафедру! Тогда-то он вынужден будет подписать свое имя, и я узнаю, что это за прелюбопытное существо, которое намерено пожаловаться на дьявола самой его бабушке [3].

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, 28 января 1861 г.[4]

[1] Вероятно, ответ на письмо Герцена от 17 января 1861 г. (XXVII, 129—131).

[2] В течение зимы 1860—1861 гг. Фогт прочел в зале Большого совета публичный курс из десяти лекций. Впоследствии эти лекции были напечатаны в журнале «Gartenlaube», а затем вышли отдельными изданиями на немецком и французском языках: «Vorlesungen über nützliche und schädliche verkannte und verläumdete Thiere» (Leipzig, 1864) и «Leçons sur les animaux utiles et nuisibles, les bêtes calomniées et mal jugées» (〈P.〉, 1867).

[3] Намек на то, что Дж. Фази сам был откровенным атеистом.

[4] Следующее письмо Герцена к Фогту датировано 5 февраля (XXVII, 133—135).

37

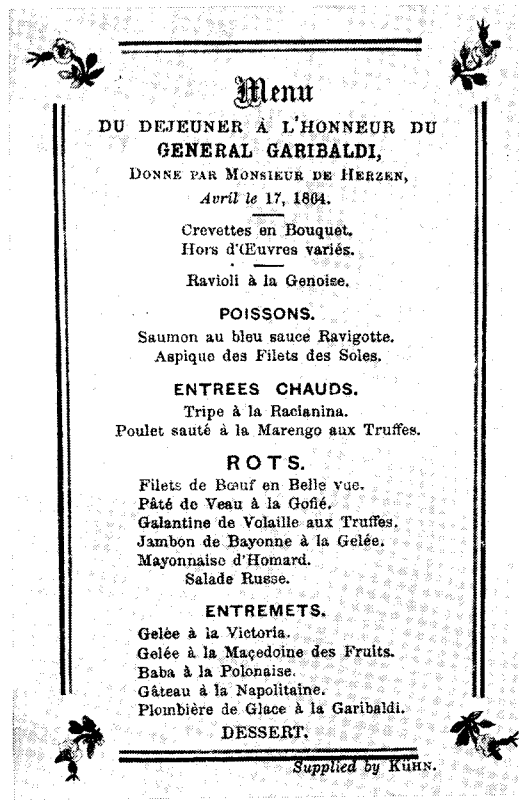
К. Фогт — Герцену

〈Женева. 27 мая 1864 г.〉

Любезный друг!

Утины приехали сюда позавчера — они провели вечер с нами; надеюсь сегодня вечером их увидеть — если же нет, то письмо, которое только что до меня дошло, я передам им завтра утром [1].

* Фрагмент, начало письма не сохранилось.— *Ред.*



Menu

DU DEJEUNER À L'HONNEUR DU
GENERAL GARIBALDI,
DONNE PAR MONSIEUR DE HERZEN,
Avril le 17, 1864.

Crevettes en Bouquet.
Hors d'Œuvres variés.

Ravioli à la Genoise.

POISSONS.

Saumon au bleu sauce Ravigotte.
Aspique des Filets des Soles.

ENTREES CHAUDS.

Tripe à la Racianina.
Poulet sauté à la Marengo aux Truffes.

ROTS.

Filets de Bœuf en Belle vue.
Pâté de Veau à la Gofié.
Galantine de Volaille aux Truffes.
Jambon de Bayonne à la Gelée.
Mayonnaise d'Homard.
Salade Russe.

ENTREMETS.

Gelée à la Victoria.
Gelée à la Maçedoine des Fruits.
Baba à la Polonaise.
Gâteau à la Napolitaine.
Plombière de Glace à la Garibaldi.

DESSERT.

Supplied by КИНН.

МЕНЮ ЗАВТРАКА, КОТОРЫЙ ГЕРЦЕН ДАЛ В ЧЕСТЬ ГАРИБАЛЬДИ

17 апреля 1864 г. в доме Герцена (Теддингтон, Элмфилд-хауз)

Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

Историю гарибальдийского завтрака в Элмфильдгаузе я прочитал, так же как и застольные здравицы [2]. Это чрезвычайно мило, но я очень боюсь, как бы этот бедный Гарибальди не дал себя обыграть хитрющим англичанам и не отправился бы восвояси без истинной пружины войны [3]. Я предпочел бы, чтоб его поменьше чествовали, а дали ему несколько славных миллиончиков... мне кажется, это было бы полезней для дела, чем предложенный ему земельный участок.

Успокойтесь насчет лауберовского Handel *. Фази, Альмера, Резен и прочие не имеют к этому никакого отношения [4] — дело произошло в Зондербундовском кантоне Люцерна, в Энтлебухе. Совершенно верно, что ребенка насильно крестили и что отобрали и других детей для вящей славы господа-бога и пресвятой католической Церкви. Но все это произведено было законно и в соответствии с правилами — произвола в этом нет. Вы скажете мне, что это ужасно,— но вспомните-ка хорошенько, ведь я вам всегда говорил, что личной свободы в немецкой Швейцарии не существует, а есть лишь свобода корпораций; что федеральная конституция гарантирует лишь признанные *христианские* вероисповедания; что Федеральный совет увлечен теперь изгнанием мормонов; что важный вопрос, требующий разрешения, является ли мормонство христианским вероисповеданием или же нет; наконец, что существуют лишь два кантона, Женева и Невшатель, где имеются раздельные церковные гражданские реестры, и что во всех других кантонах вас могут насильно заставить крестить ваших детей хотя бы для того, чтобы получить возможность вписать их в гражданские реестры. Вспомните также, что торговый договор с Персией не мог быть заключен вследствие того, что не хотели предоставить мусульманам ответного права устраиваться на жительство; что договор с Японией чахнет по той же причине и что договор с Францией не продвигается, так как Франция достаточно гуманна, чтобы требовать для всех своих подданных, христиан, евреев или мусульман, одинаковых прав свободного проживания, тогда как некоторые кантоны согласны предоставить их только христианам.

Вся либеральная пресса, впрочем, уже на ногах и бьет в набат по поводу дела Лаубера. Я вам вышлю серию статей, которую «Handels Courier» теперь как раз публикует [5].

Что касается нас, то мы нынче празднуем смерть Кальвина [6]. Сплошная проповедь с утра пятницы до вечера воскресенья — правоверным остается лишь время на то, чтобы мчаться из одной церкви в другую, из одной деревни в другую. Город кишмя кишит шотландцами и англичанами в черных фраках и белых галстуках, и сезон иностранцев, таким образом, начался месяцем раньше, чем обыкновенно. Тем не менее трактирщики не слишком-то довольны этим торжественным открытием сезона: между правоверными обретается слишком много teatotaller'ов **. Но ограбят их отнюдь не меньше.

* здесь: дела (*нем.*).

** потребителей исключительно чая (*англ.*).

Все у нас идет неплохо — дети процветают и достаточно сильны, чтоб их не опрокидывала биза, которая со вчерашнего дня дует с неслыханной силой. Ветры, согласно Дове [7], вызываются дыханием, и поэтому неудивительно, что выдохи такого скопища кальвинистов производят подобный эффект.

Наилучшие пожелания Огареву.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, пятница
27 мая 64 г.

P. S. Кажется, я обладал более тонким чутьем по шлезвиг-голштейнскому делу, нежели все хваленые дипломаты и демократы, вместе взятые, и что все пойдет так, как я предположил. Однако я не думаю, чтобы герцог Аугустенбург [8] назначил меня министром в качестве вознаграждения!

[1] Отклик на записку Герцена от 25 мая 1864 г., при которой он переслал Фогту для передачи русскому революционному эмигранту Н. И. Утину «крайне важное письмо» (XXVII, 479); это письмо, адресованное Утину, остается неизвестным.

[2] В том же письме Герцен осведомлялся у Фогта, прочел ли он описание праздника, данного им Гарибальди в своем доме Elmfield House (Теддингтон), так же как текст произнесенных там речей. Гарибальди прибыл в Англию, чтобы получить обещанные ему денежные средства для освобождения Рима и Венеции военной силой. Однако английские правительственные круги, готовые сделать крупный денежный подарок лично Гарибальди, самым бесцеремонным образом выдворили его из Англии под предлогом его мнимой болезни и сделали это вследствие неудовольствия, проявленного французским и австрийским правительствами в связи с визитом Гарибальди. Известную роль в этой высылке, вероятно, сыграл и прием Гарибальди в доме Герцена. См. об этом подробно в «Былом и думах» (глава «Camicia rossa» — XI, 254—291) и ниже, в статье М. И. Ковальской к разделу «Герцен и Италия».

[3] Выражение Ф. Рабле, восходящее к афоризму Демосфена.

[4] Фогт отвечает на следующее место из письма Герцена: «Напишите, что это за варварская история с каким-то Лауфером (так, кажется, его зовут), баптистом, у которого правительство Женевы похитило детей. Где же был Фази, где был Альмерас, Резен-судья? Очень интересно знать, так ли это» (XXVII, 479). Фамилия швейцарского баптиста Лаубера приведена Герценом неточно.

[5] В газете «Schweizer Handels-Courier» сотрудничал Фогт, пользовавшийся некоторым влиянием на редакцию. Статья под названием «Лауберовское дело. (Корреспонденция из Велизау)» появилась в номерах от 27 и 28 мая.

[6] Трехсотлетие со дня смерти церковного реформатора Ж. Кальвина (1509—1564) отмечалось 27 мая.

[7] Генрих Вильям *Дове* (1803—1879) — немецкий климатолог, автор теории формирования грозовых явлений; основатель и директор Королевского института метеорологии.

[8] После смерти датского короля Фредерика VII, в 1863 г., трон занял его родственник по жене Христиан IX. Ряд германских государств утверждали в связи с этим, что княжества, подчиненные салическому закону, который не допускал правления женщин, должны перейти не к новому королю Дании, а к герцогу Аугустенбургскому. Это-то и явилось поводом для войны между Австрией и Данией летом 1864 г.

38

К. Фогт — Герцену

⟨Женева, 12 июля 1864 г.⟩

Любезный друг!

Вашу записку и записку из Фрибургского банка я получил лишь вчера, по возвращении из небольшого путешествия вокруг Монблана, куда отправился со своими двумя мальчуганами, которые, увы, достигают уже возраста, когда требуют экскурсий во время каникул. Сожалею о двойной пересылке денежных сумм и спешу присоединить вам двадцатифунтовый чек на имя Фрейлиграта, что уравновесит, надеюсь, это дублирование и упорядочит дело в соответствии с вашим желанием [1].

До моего отъезда я принял визит одного из ваших молодых русских, который проживает в Женеве со своей женой (если не ошибаюсь, Касаткин [2], но в этом я не совсем уверен — там было что-то от казака или казакина — черт побери эти имена!) и который меня крайне торопил написать вам — дабы побудить вас покинуть Англию и обосноваться в Швейцарии, оставив на время грызущий червь «Колокола»... Я сказал ему, что мы серьезно говорили об этом в Лондоне [3] и что вы решились сделать все при условии, что не будет никаких перемен [4]. Наконец, он выразил

убеждение, что вы окажете своим переездом в Женеву или в Италию огромную услугу всему миру (вас это мало тронет), русским (это будет для вас более чувствительно) и вам самим, и это должно заставить вас, как мне кажется, решиться. Что ж, если все это именно так (а я расположен верить этому), то, кажется, вам не останется ничего лучшего сделать, как провести конец сезона у вод Ламанша и затем, попривыкнув к ним, навсегда оставить их между собой и Англией. Это все же дрянная страна, устаревшая вместе со своим old Pam * и своим little John ** [5].

Тысячи приветствий Огареву и вашей художественной колонии.

Всецело преданный вам К. Фогт

Женева, 12 июля 1864 г.

[1] Эта записка Герцена к Фогту остается неизвестной. Речь в ней шла о возвращении Фогту через Швейцарский банк 600 фр., взятых у него в долг А. А. Герценом во время поездки с сестрами по Швейцарии. Из ответного письма Герцена к сыну видно, что Фогт «долго сердился» за замедление с возвратом этой суммы. Не дождавшись извещения о переводе ему денег, Фогт передал на взыскание с Герцена данный ему вексель, который и был учтен в Лондонском банке,— в результате получилось так, что Герцен дважды уплатил Фогту один и тот же долг. Фогту пришлось отправить вторую сумму обратно. См. об этом XXVII, 486, 852 и 855. Немецкий поэт Ф. Фрейлигрaт, упоминаемый в письме, являлся лондонским представителем Главного швейцарского банка, созданного Дж. Фази. См. ниже письма Фрейлиграта к Герцену.

[2] Виктор Иванович *Касаткин* (1831—1867) — политический эмигрант, член «Земли и воли», литератор и библиофил; корреспондент и близкий знакомый Герцена.

[3] Фогт был в Лондоне, где виделся с Герценом в конце марта — начале апреля 1864 г.

[4] Герцен в это время жил в Борнемуте, на Ла-Манше; он оставался там до конца августа.

[5] Старый *Пам* — премьер-министр Великобритании Г. Дж. Пальмерстон; крошка *Джон* — лорд Дж. Рассел — в это время министр иностранных дел.

ПЕРЕПИСКА С НЕМЕЦКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К Ф. ГРЕГОРОВИУСУ. — ПЕРЕПИСКА С Г. КИНКЕЛЕМ И Ф. ФРЕЙЛИГРАТОМ. — ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Л. БАМБЕРГЕРА, Э. ВИНТЕРСБЕРГА И М. ГАРТМАНА ***

Публикация и комментарии И. А. Желваковой, Л. Р. Ланского, В. Н. Поспеловой и В. Н. Фомичева ****

М. ГАРТМАН — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. Н. Фомичева

«Гартман едет в Лондон...»,— сообщал Герцен Г. Гервегу 1 апреля 1850 г. из Парижа (XXIII, 326) об их общем приятеле, австрийском поэте и прозаике Морице *Гартмане* (1821—1872), с которым он довольно близко сошелся осенью 1849 г. (Гартман эмигрировал во Францию после революции 1848—1849 гг.)

В рекомендательном письме к В. Линтону, редактору лондонской газеты «Leader», Герцен писал: «Поощренный приемом, оказываемым моим рекомендациям, беру на себя смелость рекомендовать вам самым энергичным образом подателя этого письма *Морица Гартмана*. Бывший депутат франкфуртского собрания, поэт и литератор, довольно известный в Германии, он может быть очень полезен редакции своими корреспонденциями» (XXIV, 8).

Позднее, в августе 1852 г., Герцен рекомендовал Гартмана французскому историку Ж. Мишле, охарактеризовав его как своего друга (XXIV, 319).

Публикуемое письмо Гартмана («Артамона», как иногда шутливо называл его Герцен) — единственное известное звено их переписки — быть может, по временам и интенсивной (17 июля

---

* старым Памом (*англ.*).

** крошкой Джоном (*англ.*).

*** Все публикуемые в этом разделе письма, за исключением письма Герцена к Л. Бамбергеру и одного (3-го) письма Ф. Фрейлиграта к Герцену, разысканы в архивах СССР и зарубежных периодических изданиях Л. Р. Ланским.

**** Письмо Герцена к Л. Бамбергеру переведено И. А. Желваковой. Письма Ф. Грегоровиуса и Г. Кинкеля (2-е и 5-е) переведены Л. Р. Ланским. Остальные письма переведены В. Н. Фомичевым.

1852 г. Герцен, например, сообщал М. К. Рейхель о получении им письма от Гартмана и о своем намерении ему «писать много» (XXIV, 302). Гартман рассказывает в нем Герцену о своем пребывании в Лондоне. Непринужденная манера его письма дает представление о том, насколько Гартман был накоротке с Герценом.

Они встречались и переписывались и позднее (см. XXV, 71, 74). Последняя их встреча, по-видимому, состоялась в апреле 1868 г. в Париже (см. XXIX, 306).

Письмо печатается впервые по автографу *ГПБ* (ф. 124, Собр. П. Л. Вакселя, ед. хр. 1178, л. 1—2 об.).

Vom anderen Ufer [1]

‹London,› d(en) 24. April 50.
Motto: Nebel, Beefsteak, Spleen

Ich sah wie man nach Golde schmachtet,
Wie man wirbt und stirbt nach Golde,
Wie man um Gold verkauft sich und verpachtet.

Rückert [2]

Figaro qui, Figaro là! [3]
Wellington hier, Wellington da! [4]

Es ist alles gleich lumpiges Volk,
Franzosen, Engländer, Deutsche, Russen!

Alex‹ander› Herzens Gespräche mit Hartmann

So lebt nun deine Sappho!

Grillparzer [5]

Sehen Sie, mein lieber Freund, wie bescheiden ich bin. Nicht ein Motto aus dem «Krieg um den Wald» [6] und doch sind meine Bücher sehr gut für die *Motten*. Bemerken Sie diesen herrlichen Calambourgh, der Ihrer und einer Stadt von drittehalb Millionen würdig wäre.— Trotzdem gebe ich es auf, Ihnen einen Brief zu schreiben, der im Entferntesten mit dem berühmten, wortspielgespickten über Sue zu vergleichen wäre [7]. Das können nur Sie! [8] — und ich ahne, was die arme Frau Herwegh zu leiden hatte.— Auch bin ich nicht in Stimmung. Die ganze Atmosphäre hier ist so dick von Dummheit, daß man sie unwillkürlich ein- und ausatmet.— Einen einzigen Punkt habe ich in der ganzen umgeheuren Stadt gefunden, wo sie erträglich ist, und dort habe ich mit Sehnsucht an Sie gedacht. Ich meine die ungeheuren Keller der London-Docks, wo ich vor kurzem einen ganzen Tag verlebt und verlumpt habe.— Welch' ein schönster Punkt der Welt! — Denken Sie: — Fünfzigtausend Fässer in einem einzigen Keller! Und hat man einmal die Erlaubnis einzutreten, so ist damit die schönere verbunden, jedes Faß anbohren zu dürfen und wie in Auerbachs Keller [9] fließt jeder edelste Wein, den man beim Namen nennt.— Gott! Warum waren Sie nicht dabei? — warum fehlte Herwegh? — Ich fühlte mich so einsam bei allem Genuß. Ich sehnte mich so sehr nach einer Seele, die mich, die die Situation verstanden hätte.— Noch einen zweiten Punkt gibt es hier, wo ich Sie oft hinzaubern möchte, wo ich überzeugt bin, Sie würden überwunden ausrufen: «Leontine [10], laß dich hängen!» — Ich sage nichts weiter — ich muß ja in demselben Briefe die Frauen grüßen lassen, was ich hiermit aufs allerherzlichste, allerergebenste tue.

Herrn Linton [11] habe ich mehrere Male gesucht und nicht getroffen; doch hat er Ihren Brief und das Buch [12], und doch bin ich Mitarbeiter des *Leaders* [13]. Lord John (nicht Russel, sondern im Gegenteil Golowin) [14] nahm mich mit der menschenfreundlichen, leutseligen Herablassung des großen Mannes auf.— Er erkennt sich selbst sehr an und spricht mit einem unsichtbaren Lächeln im Bauche viel von seiner Korrespondenz mit Palmerston [15] und versetzt einem seine *brochure* über die Ausweisung aus Frankreich [16]. Ich empfand, als ich ihn verließ, den großen Schmerz des Jünglings über eine Enttäuschung. Ich bin nicht Golowins Kammerdiener und doch ist er kein großer Mann für mich [17]. Das schmerzt am Ende, wenn ‹dem auch› noch so sei, sagt Lenau [18].

Mit Thomas Carlyle war's etwas anders. Das ist ein prächtiger, freier, unbefangener Mensch, nur wie alle Engländer etwas zu positiv. Morgen sehe ich ihn wieder und hoffe von ihm ein begeistertes Lob über Ihr Buch zu hören [19].

Leben Sie herzlich wohl — Sie und Ihr ganzes Haus bis auf Tata [20] hinunter oder hinauf. Schreiben Sie mir gefälligst bald, was Sie in naher Zukunft anzufangen gedenken — vielleicht sind Sie mein Arktur [21], nach dem ich mich richten werde. *Forever*

Ihr Moritz Hartmann

⟨Adres⟩se *: Bamberger.
A. Herzen, Esquire

Перевод:

С того берега [1]

⟨Лондон.⟩ 24 апреля 50 г.

Эпиграф: туман, бифштекс, сплин.

Я видел, как тоскуют по злату,
Как вербуются и умирают из-за злата,
Как за злато продают себя и отдают в аренду.

Рюккерт [2]

Фи́гаро здесь, Фи́гаро там! [3]
Веллингтон здесь, Веллингтон там! [4]

Это всё одинаково дрянной народ,
Французы, англичане, немцы, русские!

Из разговора Алекс⟨андра⟩ Герцена с Гартманом

Так живет теперь твоя Сафо!

Грильпарцер [5]

Посмотрите, любезный мой друг, как я скромен. Ни одного эпиграфа из «Войны в лесу» [6], а между тем мои книги очень хороши для *моли* **. Заметьте этот прекрасный каламбур, он был бы достоин вас и города с населением в два с половиной миллиона! [7] Несмотря на это, не буду писать вам письмо, которое могло бы хоть отдаленно сравниться с письмом о Сю, нашпигованным этой прославленной игрой слов. На это способны только вы! [8] — и я догадываюсь, как пришлось страдать бедной госпоже Гервег.— Я тоже не в духе. Вся атмосфера здесь так насыщена глупостью, что приходится против воли дышать ею. Я нашел единственное место во всем огромном городе, где она терпима, и там я с тоской думал о вас. Я имею в виду огромные погреба лондонских доков, где я недавно провел целый день и где морально опустился,— что за наиприкраснейшее в мире место! Подумайте только: пятьдесят тысяч бочек в одном погребе! А если уж у тебя есть разрешение войти, то с ним связано еще более прекрасное: можно просверлить каждую бочку, и, как в погребе Ауэрбаха [9], там течет благородное вино всех названий.— Боже! почему вас не было при этом? — Почему отсутствовал Гервег? — Мне было так одиноко при всем этом блаженстве. — Я сильно тосковал по душе, которая поняла бы меня, поняла бы сию ситуацию.— Здесь есть еще и второе место, куда мне вас нередко хотелось бы перенести, где, я убежден, вы воззвали бы: «Леонтина [10], дай себя повесить!» — Я больше ничего не говорю — мне нужно ведь в этом письме еще поздравить дам, что я и делаю — наисердечнейшим и наипочтительнейшим образом.

Господина Линтона [11] я искал неоднократно, но не нашел; он тем не менее ваше письмо и книгу получил [12]. И я тем не менее сотрудник «Leader'а» [13]. Лорд Джон (не Рассел, а, наоборот, Головин) [14] принял меня с приветливой снисходительностью великого человека.— Он очень хорошо знает себе цену и много говорит с незримым желудочным смехом о своей переписке с Пальмерстоном [15] и восхищается своей брошюрой о том, как был выслан из Франции [16]. Я почувствовал сильную юношескую боль вследствие разочарования. Я не камердинер Головина, и все же он для меня не великий человек [17]. И тем не менее это причиняет боль, даже если дело обстоит так, как говорит Ленау [18].

---

* Начало слова в автографе залито чернилами.— *Ред.*

** В подлиннике игра слов: das Motto означает «эпиграф», а die Motte — «моль».— *Ред.*

С Томасом Карлейлем было несколько по-иному. Это великолепный, свободный, беспристрастный человек, но, как и все англичане, он излишне положителен. Утром я снова его увижу и надеюсь услышать от него восхищенную похвалу вашей книге [19].

Будьте здоровы — вы и весь ваш дом снизу доверху, начиная с Таты [20], или наоборот. Напишите мне, пожалуйста, поскорей, что вы собираетесь делать в ближайшем будущем — быть может, вы станете моим Арктуром [21], на которого я буду равняться.

For ever * ваш Мориц Гартман

⟨Адре⟩с **: Бамбергеру [22]

На обороте:

А. Герцену, эсквайру

[1] Гартман обыгрывает название книги Герцена «Vom anderen Ufer» («С того берега»), чтобы подчеркнуть, что и он находится «на том берегу», т. е. по ту сторону Ла-Манша, в Англии.

[2] Фридрих *Рюккерт* (1788—1866) — немецкий поэт-романтик и лингвист.

[3] «*Figaro qui, Figaro là*»! («Фи́гаро здесь, Фи́гаро там» — *итал.*) — из арии Фигаро (опера Дж. Россини «Севильский цирюльник»). Гартман намекает на свой переезд из Парижа в Лондон.

[4] Артур Уэлсли *Веллингтон* (1769—1852) — английский полководец. Эпиграф, вероятно, имеет в виду его участие в войнах, то в одной, то в другой стране: Нидерландах, Индии, Дании, Португалии, Испании, Франции, Бельгии и др.

[5] Франц *Грильпарцер* (1791—1862) — немецко-австрийский поэт и драматург. Трагедия «Сафо» — одно из его наиболее известных произведений.

[6] «*Война в лесу*» («Война из-за леса») — роман самого Гартмана (1850).

[7] Вероятно, речь идет о Лондоне.

[8] Очевидно, имеется в виду какое-то насыщенное остротами письмо Герцена (возможно, к его приятелю Л. Бамбергеру) о французском писателе Э. Сю, баллотировавшемся в это время в Законодательное собрание Франции.

[9] Место действия известной сцены из первой части «Фауста» Гете.

[10] *Леонтина* — парижская гризетка, с которой Герцен познакомился на маскараде в оперном театре (см.: «Былое и думы» — XI, 452—465).

[11] О *В. Линтоне* см. выше, в разделе «Герцен и Англия».

[12] Письмо Герцена к В. Линтону от конца апреля, цитируемое во вступительной заметке. В этом письме Герцен сообщал, что посылает еще один экземпляр «Vom anderen Ufer» и через несколько дней вышлет «свою вторую брошюру» — «Briefe aus Italien und Frankreich» (XXIV, 7—9).

[13] Герцен в том же письме снова рекомендовал Линтону привлечь Гартмана к сотрудничеству в его газете «Leader».

[14] Иван Гаврилович *Головин* (1816—1890) — русский эмигрант, часто встречавшийся в конце 1840-х годов с Герценом. В это время он также находился в Лондоне. См. о нем подробно в «Былом и думах» (XI, 404—427) и выше, в публикации «Переписка с К. Фогтом». Гартман в шутку называет здесь Головина Джоном (английский эквивалент имени Иван), сопоставляя с премьер-министром лордом Джоном *Расселом*.

[15] Лорд Генри Джон *Пальмерстон* — в это время министр внутренних дел. В «Былом и думах» Герцен упоминает о письме Головина к Пальмерстону с предложением своих услуг в качестве тайного агента. Пальмерстон от услуг Головина отказался. «Это письмо в пакете с печатью Палмерстона Головин долго носил в кармане и *сам показывал его*»,— вспоминал Герцен, относя это к «концу Крымской войны» (XI, 423).

[16] Никакими уточняющими сведениями о «брошюре» Головина и ее английском переводе мы не располагаем.

[17] Намек на французское крылатое выражение: «Нет героя для его камердинера». Приписывается оно «жеманнице» г-же Корнюэль (1605—1694); восходит к выражению Монтеня: «Мало кто из людей был предметом восхищения для своих слуг» («Опыты», III, 2).

[18] Николаус *Ленау* (1802—1850) — австрийский поэт-романтик.

[19] Об английском историке Т. Карлейле см. выше, в разделе «Герцен и Англия». Вероятно, Герцен послал ему с Гартманом свою книгу «Vom anderen Ufer».

[20] *Тата* — малолетняя дочь Герцена.

[21] *Арктур* — яркая звезда в созвездии Волопас. Здесь в смысле «путеводная звезда».

[22] Письмо, по-видимому, было послано на парижский адрес приятеля Герцена Л. Бамбергера, о котором см. в следующей публикации.

---

* навеки (*англ.*).

** Начало слова залито в автографе чернилами.— *Ред.*

ГЕРЦЕН — Л. БАМБЕРГЕРУ

Публикация И. А. Желваковой

С немецким публицистом и политическим эмигрантом, участником революции 1848 г. Людвигом *Бамбергером* (1823—1899) Герцен познакомился летом 1849 г. в Женеве. Бамбергер произвел на него впечатление человека с большой эрудицией и деятельным умом (XXIV, 42), и он вскоре привлек его к сотрудничеству в газете «Voix du Peuple», издававшейся П. Ж. Прудоном при участии Герцена, который мечтал превратить ее в орган европейского революционного движения (см. об этом ниже, в статье Л. Р. Ланского «Герцен и Франция»).

В своих воспоминаниях Бамбергер охарактеризовал Герцена как «чрезвычайно дружелюбного, веселого и любезного человека». «Беседовать с Герценом, неистощимым в мысли и юморе, было просто наслаждением» (*Л* V, 297).

Надежды, возлагавшиеся Герценом на интенсивную совместную работу с Бамбергером, однако, не оправдались; желание видеть в нем единомышленника не имело под собой достаточной почвы. Бамбергер уже и в это время занимал весьма умеренную политическую позицию, приведшую его в дальнейшем в лагерь крупной буржуазии. Как финансист он впоследствии пользовался большим авторитетом и влиянием в международных банковских кругах.

В начале 1850-х годов, в пору особого расположения Герцена к молодому и талантливому публицисту, между ними установилась дружеская переписка, о характере которой раньше можно было судить лишь по косвенным упоминаниям в письмах Герцена к другим адресатам. Так, известно было, что первым толчком к написанию статьи «Omnia mea mecum porto», вошедшей в книгу «С того берега», была одна реплика Бамбергера в его несохранившемся письме к Герцену (см. XXIV, 42). Об этой статье, вызвавшей благожелательный отзыв Бамбергера, и идет речь в публикуемом ниже письме.

Письмо это написано в трудное для Герцена время, когда, покинув охваченную безудержной реакцией Францию, он в ницкой «мирной обители» мучительно осмысливал трагические последствия недавних революционных событий. Его идейные искания, сомнения, колебания отозвались, как известно, в ряде его работ, и прежде всего в книге «С того берега».

Герцен, однако, не склонен был соглашаться с теми, кто рассматривал его книгу, и в частности статью «Omnia mea mecum porto», как проповедь общественной пассивности. В этом единственном сохранившемся письме к Бамбергеру, так же как и в письме к Дж. Маццини, сходном по теме и настроению (XXIV, 139—143), Герцен отделял подлинную революционность от мнимой, отмежевывался от «неполных революционеров» и утверждал свое право называться истинным деятелем революции.

Дружеский тон письма к Бамбергеру свидетельствует о довольно близких, приятельских отношениях обоих корреспондентов. Эти отношения продолжались и в течение следующих двух десятилетий, до смерти Герцена, называвшего Бамбергера своей «немецкой правой рукой» (XXX, 178) — конечно, не в революционно-политической деятельности, а в вопросах, касающихся личных и финансовых дел. Нельзя не отметить при этом, что в последние годы Герцен был неприятно поражен поправением «бисмаркующего» Бамбергера (XXIX, 306).

Письмо печатается по ксерокопии *ГЛМ* (ф. 22, РНВ, 2311/1). Русский неточный перевод опубликован В. Поповым в журнале «Огонек», 1970, № 4, с. 5. На языке оригинала публикуется впервые. Судя по тому, что автограф письма сохранился в семейном архиве Герцена, оно, вероятно, осталось неотосланным.

10 octobre 1850. Nice

Aujourd'hui, cher Bamberger, je me suis reveillé avec cette pensée consolante que «l'homme est pourtant une grande canaille», et, comme corollaire obligé, j'ai ajouté le *homo sum et nihil humani a me alienum puto* [1]. Comment suis-je parvenu à force de fainéantise de ne plus trouver un instant pour donner un signe de vie à mes amis? Lorsque j'avais une affaire, je paraissais avec mes lettres comme un humble solliciteur, je prenais le papier le plus blanc, l'enveloppe qui enveloppait le plus et je remettais ma lettre trois heures avant le départ de la poste, ce qui était plus respectueux qu'utile...

Oui, l'homme est une canaille et si je n'insiste pas trop sur cette appréciation de ma personne, c'est que je n'ose pas trop encanailler un homme qui vous compte au

ЛЮДВИГ БАМБЕРГЕР
Портрет работы Г. Рикара (масло)
Из книги: Ludwig Bamberger. Bismarcks grosses Spiel. Frankfurt am Main, 1932

nombre de ses amis; je me pardonne, pour vous...

J'ai lu, il y a deux mois, les quelques lignes que vous avez écrit dans la révue de Kolatschek concernant ma brochure [2]. C'est tellement favorable, que j'avais quelque peine pour trouver quelque chose à dire, outre les remerciements. Vous dites: «Et regardons ce que c'est que l'auteur, il est révolutionnaire, comme nous tous, donc le *desperatio* n'est que sur parole» etc. Vous avez raison. Mais c'est en cela que consiste tout le côté tragique de notre position, au fond nous ne pouvons plus nous détacher de ce cadavre du ⟨vieux⟩ monde. *Wir müssen mitmachen* — c'est une inconséquence, mais une inconséquence historique, c'est notre anathème. La génération suivante pour laquelle notre scepticisme ne sera autre chose qu'une prémisse pourra peut-être se détourner en réalité de ce monde en putrifaction; pour nous, nous aurons le rôle d'un mari qui méprise sa femme, mais qui est lié avec elle par une vie dépensée ensemble, par les souvenirs, par une *Naturgewalt* — et le public qui juge sur les apparences a le droit de dire que le ménage va encore passablement bien.

Rien de nouveau. La vie que nous menons ici est la plus tranquille comme aux bords de l'Océan pacifique; le climat est délicieux; jusqu'à présent il y a assez de tolérance et de liberté. — Le consul russe m'a notifié l'ordre de S⟨a⟩M⟨ajesté⟩ de rentrer immédiatement. J'ai refusé [3]. Probablement on fera des avanies. En cas — au reste, je ne le suppose même pas — qu'on voudra me faire quitter le Piémont — j'irais à Londres, pas avant. Je pourrais rester encore deux-trois années dans cet air embaumé et près de cette mer magnifique.

Adieu, je vous embrasse bien amicalement, écrivez-moi. J'ai entendu que Hartmann [4] est à Paris et qu'il fait la cour à m-me Dagoult, jeune personne de 60 ans, connue dans la littérature sous le nom sidéral de Daniel Stern, ce qui fait toujours penser à la caverne du lion et au lion de la littérature anglaise [5].

Vous aviez quelques espérances de venir voir les bords de la Méditairannée. — Nous sommes tout prêt à vous recevoir les bras ouverts et les bouteilless débouchées...

Encore une fois adieu. Herwegh vous salue, il est enfin ici, avec femme et enfants; ma femme et Sacha vous envoient mille et mille choses.

Alexandre H e r⟨z e n⟩

Pour l'anniversaire de 25 ans du règne de Nicolas je lui prépare «ein doucet» que probablement paraîtra chez Kolatschek [6].

Et Ruge — quel rugissement il a fait entendre au nom de la Providence, le rédacteur de la feuille *à thé* de Halle [7].

На конверте:

Londres (Angleterre), messieurs Bishopsheim, Goldsmith et Avigdor. Pour monsieur Bamberger.

Перевод:

10 октября 1850 г. Ницца

Сегодня, любезный Бамбергер, я проснулся со следующей утешительной мыслью,— что «человек все же большая каналья», и как неизбежный вывод я добавил: «Homo sum et nihil humani a me alienum puto» [1]. Как дошел я до того, что вследствие праздности не смог найти и минуты, дабы подать признак жизни своим друзьям? Когда у меня бывало дело, я являлся со своими письмами, словно смиренный проситель; брал самую белую бумагу, самый вместительный конверт и сдавал свое письмо за три часа до отправления почты — что было более почтительно, нежели полезно...

Да, человек — каналья, и если я не слишком настаиваю на этом определении своей особы, то только потому, что не смею чрезмерно поносить человека, который числит вас среди своих друзей; прощаю себе ради вас...

Я прочел два месяца тому назад несколько строк, написанных вами в журнале Колачека по поводу моей брошюры [2]. Это так благожелательно, что мне трудно было найти, что́ бы такое, кроме благодарностей, высказать. Вы говорите: «Но посмотрим же, что представляет собой автор, он революционер, как все мы; значит, это desperatio * только на словах» и т. д. Вы правы. Но в этом-то и заключается трагическая сторона нашего положения; по существу, мы уже не можем более оторваться от трупа ⟨старого?⟩ мира. Wir müssen mitmachen ** — это непоследовательность, но непоследовательность историческая, это наше проклятье. Следующее поколение, для которого наш скептицизм станет лишь посылкой силлогизма, быть может, действительно сможет отвернуться от этого загнивающего мира; что же до нас, то нам останется роль мужа, который презирает свою жену, но связан с ней совместной и впустую растраченной жизнью, воспоминаниями, Naturgewalt'ом ***,— и публика, которая судит по наружности, имеет право сказать, что этот семейный союз еще достаточно сносен.

Нового ничего. Жизнь, которую мы здесь ведем,— самая спокойная, как на берегах Тихого океана; климат восхитительный; до сих пор еще достаточно терпимости и свободы.— Русский консул сообщил мне о повелении е⟨го⟩ в⟨еличества⟩ немедленно возвратиться. Я отказался [3]. Вероятно, станут делать гадости. В случае — впрочем, я этого и не допускаю,— если меня захотят принудить покинуть Пьемонт, то я отправлюсь в Лондон, однако не дальше. Я смог бы пробыть еще года два-три на этом благоуханном воздухе и возле этого великолепного моря.

Прощайте, самым дружеским образом обнимаю вас, пишите мне. Я слышал, что Гартман [4] в Париже и что он волочится за г-жой д'Агу, юной особой 60-ти лет, известной в литературе под звездным именем Даниеля Стерна, и это неизменно заставляет думать о львиной пещере и о льве английской литературы [5].

Вы питали некоторые надежды приехать, чтоб увидеть берега Средиземного моря.— Мы все готовы принять вас с распростертыми объятиями и с откупоренными бутылками...

Еще раз прощайте. Гервег приветствует вас, он наконец здесь, с женой и детьми; моя жена и Саша шлют вам тысячи добрых пожеланий.

Александр Герцен

К 25-летию царствования Николая я ему готовлю ein doucet ****, которое, вероятно, появится у Колачека [6].

А Руге — какое рычание издал он во имя Провидения, он, редактор листка «к чаю» ***** в Галле [7].

На конверте:

Лондон (Англия), господам Бишопсгейму, Гольдсмиту и Авигдору. Для господина Бамбергера.

[1] «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» — латинское выражение, ставшее крылатым. Восходит к комедии Теренция (ок. 185—159 н. э.). «Самоистязатель».

[2] Корреспонденция Бамбергера из Лондона по поводу «Omnia mea mecum porto» была напечатана анонимно в № 7 журнала «Deutsche Monatsschrift...», 1850. Ее перевод напечатан в

---

* отчаяние (*лат.*).

** Мы должны принимать участие (*нем.*).

*** природным влечением (*нем.*).

**** подарочек (*нем.* и *франц.*).

***** Каламбуры. Фамилия Руге и начало французского слова rugissement («рычание») пишутся схоже. Слова à thé («к чаю») произносятся так же, как слово athée («атеистический»), которое Герцен здесь иронически подчеркивает.— *Ред.*

«Вестнике Европы», 1914, № 4, с. 143—144; ср.: G. Ziegengeist. Herzen und Kolatschek («Zeitschrift für Slawistik», 1957, Bd. II, H. 3, S. 371).

[3] Русский консул в Ницце Александр Иванович *Гриве*. См. об этом эпизоде в «Былом и думах» (X, 156—159).

[4] О М. Гартмане см. в предыдущей публикации.

[5] Герцен иронизирует над графиней Мари Катрин д'Агу, французской писательницей, гражданской женой Ф. Листа и матерью его детей (в это время ей было 45 лет). Ее псевдоним *Даниель Стерн* вызывает у Герцена ассоциации с пророком Даниилом из Библии, брошенным в ров на растерзание львам; der Stern по-немецки — «звезда»; Лоренц Стерн (Stern) — классик английской литературы, автор «Сентиментального путешествия».

[6] Немецкий перевод сочинения Герцена «О развитии революционных идей в России» начал печататься в журнале Колачека «Deutche Monatsschrift...» с января 1851 г. К первой главе его было сделано примечание: «Эта и следующие статьи на ту же тему должны были появиться к 25-летнему юбилею царствования Николая I; случайные обстоятельства задержали их появление» (см. *ЛЖГ* II, 10).

[7] Герцен намекает на идейную эволюцию Арнольда *Руге* (1802—1880), одного из вожаков немецкой буржуазно-радикальной эмиграции. В 1850 г. Руге вошел от Германии в Центральный европейский демократический комитет (см. X, 152—154). Им написано было воззвание к «народам Европы», говорившее, по словам Герцена, «во имя бога и божественного провидения» (XXIV, 142). Подобные заявления автора известных атеистических статей в органе младогегельянцев «Hallische Jahrbücher» не могли не возмущать Герцена. Об отношении Герцена к Руге см. в «Былом и думах» (XI, 151—152). *Галле* — город вблизи Лейпцига.

ПЕРЕПИСКА С Г. КИНКЕЛЕМ

Публикация В. Н. Поспеловой*

Готфрид *Кинкель* (1815—1882) — немецкий профессор, историк искусств, поэт и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии. В начале 1850-х годов, когда Герцен познакомился с ним в Лондоне, Кинкель претендовал на лидирующую роль среди немецких мелкобуржуазных демократов, эмигрировавших за границу после поражения революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих письмах и в памфлете «Великие мужи эмиграции» (при жизни их не опубликованном) критиковали Кинкеля за его псевдореволюционные и авантюристические затеи.

В первые месяцы своего пребывания в Лондоне Герцен часто виделся с Кинкелем. Посещал он и его лекции в Лондонском университете. В Кинкеле он ценил весьма эрудированного человека, но от него не укрылись доктринерские замашки его нового знакомого, так же как его самовлюбленность и претенциозность. По мнению Герцена, Кинкель был не особенно умен (он как-то назвал его «ослом с головой Юпитера» — XXVI, 250). В «Былом и думах» дан психологически верный и убедительный, несмотря на некоторую гротесковость, портрет Кинкеля. Упоминания о нем мы находим и в ряде писем Герцена к Мальвиде Мейзенбуг (близкому другу Кинкеля и его жены Иоганны). В своих «Воспоминаниях идеалистки» она уделила Кинкелю немало места.

Серьезные политические разногласия между Герценом и Кинкелем начали выявляться еще в 1850-х годах, в связи с польским вопросом, а к концу 1860-х годов между ними установилось уже полное отчуждение. К этому времени Кинкель превратился в откровенного сторонника политики Бисмарка; он полностью принял сторону польских националистов, выступавших против Герцена и Огарева с клеветническими нападками.

Вопрос об отношениях издателей «Kolokol» с польской эмиграцией обсуждался при встрече Герцена с Кинкелем в июле 1868 г. Герцен вновь убедился тогда, что профессор-доктринер не понял существа их разногласий. 31 июля он направил Кинкелю две свои статьи, ранее опубликованные в «Kolokol» и доказывавшие, что главной целью деятельности издателей газеты было освобождение русского народа и в то же время поддержка борьбы поляков за независимость.

Об отношениях Герцена и Кинкеля см. во вступительной заметке И. Белявской к письму Герцена от 31 июля 1868 г., адресованному Кинкелю («Лит. наследство», т. 61, с. 281—283). Это было единственное из его известных тогда писем, если не считать фрагмента письма от 27 августа 1868 г., адресатом которого был ошибочно назван К. Э. Хоецкий. (Письмо это, впервые опубликованное И. Белявской в «Лит. наследстве», т. 61, с. 280 по автографу «пражской коллекции», с небольшими вариантами и неверной годовой датой: 1867 и в таком виде введенное в Собра-

* В подготовке немецких текстов участвовал С. В. Пчелин.

ние сочинений Герцена (XXIX, 185—186), на самом деле, как теперь установлено Л. Р. Ланским, являлось частью чернового письма к Кинкелю, печатаемого ниже по другому источнику — п. 5).

Публикуемая нами подборка обогащает герценоведение серией новых документов: двумя письмами Герцена к Кинкелю и тремя — Кинкеля к Герцену.

Письма Герцена (2 и 5) печатаются по тексту, впервые опубликованному Э. Зильбернером на языке оригинала в «International Review of Social History», v. XVI, part I, 1971, p. 63—64. Автографы их хранятся в библиотеке Боннского университета, ФРГ (Handschriftensammlung, Kinkel-Nachlass, S. 2661); письма Кинкеля (1, 3) публикуются впервые по автографам *ГИМ* (ф. 342, ед. хр. 209, л. 5—6 об.), а п. 4 — по фотокопии *ГБЛ* с автографа *BN*.

1

Г. Кинкель — Герцену

〈London.〉 1, Henstridge Villas, Ordnance Road,
9 Oct〈ober〉 1852

H〈err〉n Herzen

Verehrter Freund!

Ich habe, seit wir zuletzt uns sahen [1], durch fortwährendes sehr ernstliches Unwohl sein meines Schwiegervaters recht schwere Tage gehabt und mit meiner Frau sehr gelitten. Dies ist der Grund, warum ich solange Sie nicht besuchte; alles von Geschäftsleben hat diese Zeit gestartet. Die letzten Tage gingen mit dem Entschlusse der Rückreise unseres Kranken u〈nd〉 den Vorbereitungen dafür hin, u〈nd〉 erst heute kann ich Ihnen bestimmt sagen, daß ich Montag Abend einige Stunden herausschlagen kann u〈nd〉 diese sehr gerne, von 8 Uhr, bei Ihnen verbringen will [2]. Das Haxthausenschen Buch [3] habe ich, ohne ein Wort zu überzuschlagen, gelesen oder vielmehr studiert. In seinen Atomen bringe ich es Ihnen Montag Abend aus, nachdem ich es heute früh geendigt hatte.

Auch dieser Brief ist rasch u〈nd〉 flüchtig, mein Kopf ist wirr, und ich kann durch die aufgestauten Geschäfte nicht hindurch. Gruß an Haug [4], auf Wiedersehen übermorgen.

Mit Hochachtung grüßt K i n k e l

П е р е в о д:

9 окт〈ября〉 1852 г.
〈Лондон.〉 Henstridge Villas, Ordnance Road

Г-ну Герцену

Уважаемый друг!

С тех пор как мы с вами в последний раз виделись [1], я пережил вследствие продолжительной и серьезной болезни моего тестя поистине тяжелые дни, и нам с женой пришлось сильно поволноваться. Вот по какой причине я столь давно вас не посещал; только сейчас имею возможность приняться за дела. Последние дни в связи с решением о возвращении домой нашего больного были заняты приготовлением к этому, и лишь сегодня я могу определенно сказать вам, что в понедельник вечером сумею выкроить несколько часов, начиная с 8-ми, и их я с удовольствием проведу с вами [2]. Книгу Гакстгаузена [3] я прочитал или, вернее, проштудировал во всех мельчайших подробностях, не пропуская ни слова. Я вас ознакомлю с ней во всех деталях в понедельник вечером, поскольку закончил ее лишь сегодня рано утром.

Это письмо также написано на скорую руку; голова моя идет кругом, и я никак не могу выбраться из-под груды накопившихся дел. Привет Гаугу [4], до встречи послезавтра.

С глубоким уважением К и н к е л ь

[1] В записных книжках Кинкеля, хранящихся в библиотеке Боннского университета, есть несколько записей с упоминаниями о Герцене, в том числе от 27 сентября: «Вечер с Герценом у меня». Очевидно, об этой встрече и говорится в публикуемом письме.

Приводим остальные записи о Герцене из этой записной книжки:

1852 г., *18 сентября*: «У Герцена и Гауга, вместе с Виллихом»; *22 сентября*: «Герцен, Гауг, Мальвида 〈Мейзенбуг〉; фр〈ей〉л〈ен〉 Герман у нас; *25 сентября*: «Долгая беседа

с Герценом»; *29 ноября*: «После обеда с Виллихом непродолжительный визит к Герцену и Гаугу».

1863 г., *24 февраля*: «К Герцену, о польских делах»; *8 марта*: «В 6 часов пополу‹дни› к Герцену».

1864 г., *21 октября*: «Герцены посещают нас. Огарев, Бакунин ‹. . .› Тата, Ольга Герцен. Приготовили глинтвейн».

1865 г., *9 марта*: «Герцен пришел к нам к обеду» (ср. XXVIII, 39).

1869 г., *23 июля*: «П‹исьмо› к Герцену: экземпляр для отправки готов» («International Review of Social History», v. XVI, part I, 1971, p. 60—61, 63).

[2] Понедельник приходился на 11 октября.

[3] Барон Август *Гакстгаузен* (1792—1866) — автор известных трудов об аграрных отношениях в Пруссии и России, в частности трехтомного труда «Studien über die inneren Zustände das Volksleben und ins besondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands» (1847—1852). Третий том книги Герцен с интересом читал в сентябре 1852 г. (XXIV, 341). С первыми двумя томами он ознакомился гораздо раньше, в конце 1840-х годов, и писал о них в «La Russie» и других статьях. Ср. XII, 51—55.

[4] Об *Э. Гауге* см. выше, в публикации «Переписка Герцена с К. Фогтом».

2

Герцен — Г. Кинкелю

19 Novem‹ber 1855›. Richmond
Cholmondeley Lodge

Mon cher Kinkel,

Soll ich Ihnen deutsch schreiben, dann müssen Sie nur aus Freundschaft für ein Viertelstunde die Deutsche Grammatik vergessen.

Sie können mir einen sehr großen freundschaftlichen Dienst leisten. Heute habe ich einen Brief erhalten v‹on› Froebel eine Antwort auf meinen Brief, d‹en› ich glaube gesandt zu haben *im Mai Monat*. Es scheint, daß er vor d‹em› Frühling nicht kommen wird. Ich gebe die Sache auf [1].

Ich suche einen ganz tüchtigen — *first rate* — Professor der Chemie und der Physik (und ich muß noch hinzufügen, daß ich keinen Glauben habe an Physiker, die nicht die Mathematik studiert haben). Von einem Chemiker hat man mir gesprochen, ich kenne seinen Namen nicht — ich möchte aber von Ihnen wissen wen Sie rekomandieren, oder was für ein ‹en› Rat Sie mir geben werden.

Alexander kann zu dem Profes‹sor› gehen, wenn es nötig ist, kann auch in ein College gehen — aber da hat er den Anfang des Semesters verlohren.

Sagen Sie mir auch ein Wort über die Preise der Privatstunden.

Am besten wäre es wenn ich früher eine Broschüre oder ein Buch von d‹em› Professor zu Gesicht bekommen hätte, denn ich habe ja auch in meiner Jugend Mathematik und Chemie getrieben.

Da ist meine Bitte. Für mich hat sie eine große Wichtigkeit, denn ich will den Geist Alexanders mehr und mehr auf's Naturstudium wenden, und er hat eine Vorliebe zu diesen Gegenständen.

Nun, sagen Sie, ist es Deutsch genug um zu verstehen? aber Deutsch oder Sans krit, Sie

müssen nicht zweifeln an die Freundschaft
von A. Herzen

Перевод:

19 нояб‹ря 1855 г.› Richmond
Cholmondeley Lodge

Mon cher Кинкель,

Следует ли мне писать вам по-немецки? Тогда вам, из одного чувства дружбы, придется на четверть часа позабыть немецкую грамматику.

Вы можете оказать мне очень большую дружескую услугу. Сегодня я получил письмо от Фрёбеля — ответ на мое письмо, посланное мною, если не ошибаюсь, *в мае месяце*. Очевидно, раньше весны он не приедет. От этого дела я отказываюсь [1].

Я ищу достаточно толкового — first rate * — профессора химии и физики (и должен еще прибавить, что никакой веры в физиков, которые не изучали математики, я не имею). Мне говорили об одном химике, его имени я не знаю, но я хотел бы от вас узнать, кого вы рекомендуете или какой совет вы могли бы дать.

К этому профес‹сору› Александр мог бы, если это понадобится, ходить; может он и посещать колледж — но, начало семестра он потерял.

Сообщите мне также приблизительно, сколько стоят частные уроки.

Лучше было бы, если б я заранее мог ознакомиться с брошюрой или книгой этого профессора, поскольку в молодости я изучал математику и химию.

Вот в чем моя просьба. Она имеет для меня большое значение, так как я намерен все больше и больше направлять Александра в сторону естествознания, а он имеет наклонность к этим предметам.

Теперь скажите мне, достаточно ли это по-немецки написано, чтобы можно было понять? Как бы то ни было, немецкий ли это язык или же санскрит, вы

не должны сомневаться в дружбе

А. Герцена

[1] Это письмо Ю. Фрёбеля неизвестно. О его намерении (по приглашению Герцена) переехать в Лондон, чтобы руководить учебными занятиями сына Герцена, см. выше, в публикации «Переписка с К. Фогтом».

3

Г. Кинкель — Герцену

‹London.› 6, Eastbourne Terrace, Paddington
July 18th, 1856

Lieber Herzen!

Mit herzlichem Danke für die Nachsicht, die mir den Genuß Lermontoffs so viele Monate gegönnt hat [1], sende ich Ihnen heute das Buch durch Parcel's Delivery Co. zurück. Ich habe alles darin zweimal gelesen, vieles viermal und noch öfter, und das meiste mit tiefer Rührung. In der Schlacht zu stehen wider einen Feind, mit dem man innerlich sympathisiert, den Tscherkessen, den man bewundert, dennoch zu erdrücken — das ist freilich ein Konflikt von Neigung und Handlung, an dem der allerstärkste Mensch sich ruinieren muß.

Mit der herzlichsten und wärmsten Erinnerung an unsre zusammen verbrachten Stunden, die mir zu den geistig reichsten der letzten Jahre gehören, Ihnen immer verbundener

G. Kinkel

Перевод:

‹Лондон.› 6, Eastbourne Terrace, Paddington
18 июля 1856 г.

Любезный Герцен!

С сердечной благодарностью за снисхождение, благодаря которому я так много месяцев наслаждался Лермонтовым [1], возвращаю вам сегодня книгу через Parcel's Delivery C°. Я все в ней прочел по два раза, а многое по четыре и более, и значительную часть с глубоким волнением. Вступать в схватку с врагом, которому внутренне симпатизируешь,— с черкесами, которыми восхищаешься,— но которого все же необходимо покорить, это, конечно, конфликт между душевным расположением и действием, и при этом не может не погибнуть и наисильнейший человек.

С сердечными и теплыми воспоминаниями о проведенных нами вместе часах, которые духовно для меня — самые богатые за последние годы, навсегда с вами связанный

Г. Кинкель

---

* первоклассного (*англ.*).

[1] В 1854 г. в Лондоне вышло два английских перевода «Героя нашего времени»: анонимный (полный) и перевод Терезы Пульской (без «Фаталиста»). В предисловии Пульской использована характеристика Лермонтова из работы Герцена «О развитии революционных идей в России» (ср.: «Лит. наследство», т. 64, с. 422). Следует полагать, что Герцен послал Кинкелю последнее издание.

4

Г. Кинкель — Герцену

⟨London.⟩ 6, Eastbourne Terrace. W⟨est⟩
Nov⟨ember⟩ 22, 1858

Lieber Herzen,

Empfangen Sie den freundlichsten Dank für Ihren Besuch und die liebevollen Zeilen [1]. Ich habe Ihnen lange schreiben wollen, um für Ihre französische *brochure* [2] zu danken und unser altes Verhältnis wieder anzuknüpfen [3], doch fühlte ich gerade *brochure* gegenüber wieder eine so scharfe Differenz der Ansicht, daß ich gleich hätte ⟨die⟩ polnische *brochure* anfangen müssen, und daß, glaube ich, hat mich immer verhindert; auch dann verhindert als ich vor Wochen den Aufsatz nocheinmal ganz absichtlich las, um Ihnen zu schreiben [4].

Was sind mir heute politische Gegensätze? Nur theoretisch weiß ich was ich noch soll, an keiner Frage hat das Herz einen Anteil. Man kann nicht schwerer leiden als ich in den ersten Tagen getan [5], und jetzt bin ich müde und scheue den Kämpfen der Welt zu begegnen.

«Schwimm, braver Schwimmer! Ich liege hier». Und doch wäre es feige zu leugnen, daß diese warme Sympathie *Aller* mir wohl tät. Auch Englands Herz ist warm geworden, bei diesen Klagen. Die Männer haben sie geachtet, und doch hat sie es erreicht, daß die Frauen sie liebten.

Erhalten Sie Ihre Achtung und Freundschaft als Parteigenosse,

Ihrem G. K i n k e l

П е р е в о д:

⟨Лондон.⟩ 6. Eastbourne Terrace. З⟨апад⟩
22 нояб⟨ря⟩ 1858 г.

Любезный Герцен,

Примите дружескую благодарность за ваше посещение и полные любви слова [1]. Я давно хотел написать вам, чтобы поблагодарить за вашу французскую brochure [2] и снова восстановить наши прежние отношения [3]. И все же я снова почувствовал, именно в связи с brochure, такое острое различие во взглядах, что вынужден был сейчас начать с польской brochure, именно это, думаю я, мне все время мешало, мешало и тогда, когда я несколько недель тому назад, еще раз с отчетливым намерением написать вам, перечитал статью [4].

Что́ мне сейчас до политических противоречий? Только теоретически я понимаю, что́ я обязан еще делать; ни к чему не лежит сердце. Нельзя страдать больше, чем я страдал в первые дни [5], а теперь я устал и боюсь окунуться в борьбу, которая происходит в мире.

«Плыви, пловец отважный! Я здесь лежу». И все же было бы жалкой ложью отрицать, что эта *всеобщая* теплая симпатия была мне особенно приятна. И сердце англичанина потеплело при вести об этом горе. Мужчины почитали ее, но она сумела добиться и любви женщин.

Сохраните же свое уважение и дружбу ко мне как к единомышленнику

вашему Г. К и н к е л ю

[1] 16 ноября 1858 г. выбросилась из окна своей квартиры и разбилась насмерть жена Кинкеля Иоганна, писательница и пианистка (см. «Былое и думы» — XI, 155; XXVI, 224). В связи с ее похоронами Герцен посетил 18 ноября Кинкеля.

[2] Брошюра Герцена «La France ou l'Angleterre?» (XIII, 209—253), вышедшая в Лондоне на французском языке около 1 апреля в издании Н. Трюбнера. См. о ней ниже, в статье Л. Р. Ланского «Герцен и Франция».

[3] Что именно послужило причиной охлаждения или даже перерыва во взаимоотношениях Герцена и Кинкеля, в точности неизвестно. Но из контекста видно, что причиной этому было какое-то «острое различие во взглядах».

[4] Имеется в виду статья без подписи «Aleksander Hercen i Wolna rosyjska drukarnia w Londynie» («Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне»), помещенная в ноябре 1858 г. в парижском журнале польской эмиграции «Przegląd Rzeczy Polskich» и затем изданная

в Париже отдельным оттиском или брошюрой. В ней, с одной стороны, давалась высокая оценка издательской деятельности и литературного таланта Герцена, а с другой — критиковались его либеральные иллюзии в отношении Александра II. В этой статье Герцен назывался «другом поляков»; в ней подчеркивалось, что «дело Герцена и дело демократической Польши — одно».

Герцен опубликовал ответ автору этой статьи в виде двух писем, напечатанных в «Колоколе» (под заголовком «Россия и Польша») от 1 и 15 января 1859 г. (л. 32—34). В них он призывал Польшу ближе узнать «Русь пашущую», не смешивать русский народ с русским правительством. Во втором письме Герцен подчеркивал «*неотъемлемое*, *полное* право» Польши, так же как Италии и Венгрии, на «государственное существование, *независимое* от России». Вместе с тем Герцен не отрицал возможности для Польши и России «идти одной дорогой к новой, свободной социальной жизни» (XIV, 18—19). Высказываясь о федерации свободных государств, Герцен подразумевал добровольное их объединение на основе принципа *самоопределения* народа.

Кинкель, как видно из письма, не разделял мысли, высказанной в польской статье, где Герцена хвалили как борца за «дело демократической Польши». Кинкель не разделял и идеи самоопределения польского народа и создания его самостоятельной государственности, усматривая в этом возможность потери части прусских земель (см. об этом: М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, с. 438).

ГОДФРИД КИНКЕЛЬ
Гравюра неизвестного художника
«Illustrierte Zeitung», 22 сентября 1849 г.

В своей газете «Hermann», которую он редактировал в Лондоне с 8 января до 26 июля 1859 г., Кинкель поместил первое письмо Герцена к своему польскому оппоненту (№ 2, 3, 4, от 15, 22 и 29 января 1859 г.) с небольшим вступлением и следующими послесловиями (даются в переводе С. В. Пчелина):

«„*Александр Герцен о своих намерениях как писателя и журналиста*“. Лондон, 14 января. На появившуюся в Париже в конце прошлого года брошюру на польском языке, озаглавленную „Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне“, Герцен в своем „Колоколе“ опубликовал ответ, который мы даем в дословном переводе. Причина тому — большой интерес к полемике между поляком и русским, которые оба принадлежат к партии прогресса и высоко уважают друг друга. Статья Герцена называется „Россия и Польша“» (№ 2). См. *ЛЖГ* III, 14—15.

«*Послесловие издателя к публикуемой статье.* Издателю с обеих сторон был сделан упрек в том, что он принял это оправдание Герцена. Утверждали, что такому прославянски и панславистски настроенному человеку нельзя давать выступать в немецкой газете; что Герцен враждебно относится к немецкой нации и что он в одном недавнем своем сочинении будто бы выдвигает тезис, что Вена может стать резиденцией большой славянской империи, и т. д.

Что касается последнего из этих утверждений, то мы должны ожидать доказательства после прочтения всего сочинения, а не отдельного, возможно, неправильно понятого предложения. Если бы Герцен так написал, то это было бы безобидным бахвальством. То, что он ненавидит тех немцев-вампиров — оплачиваемых ученых и раболепствующих чиновников, которые помогают петербургскому двору порабощать свой народ,— в порядке вещей. Мы также ненавидим их и презираем. И если он в Польше, Чехии, Австрии претендует на бóльшую славянскую территорию, чем Германия когда-либо уступит, то это является национальным вопросом собственности. Его взгляд на вещи так же мало делает его изгоем свободного общества, как и Кошута, который в последнем номере газеты Маццини называет бессмыслицей то, что Франкфуртский парламент рассматривал когда-то Триест с точки зрения германских интересов.

То, что мы представляем себе республику в Германии несколько иначе, чем Герцен — республику в России, вполне понятно; и полная свобода собственности для нас включает в себя также требование делимости и отторжения частного владения из общинной собственности.

Но Герцен никогда даже и не оспаривал возможности республики в Германии, и он никогда не требовал, чтобы мы подражали славянскому коммунизму.

Следовательно, не было и нет в будущем никаких оснований для того, чтоб одного из самых неутомимых борцов и остроумнейшего писателя партии прогресса лишать возможности обратиться к нашим читателям из-за поспешно выдвинутых предостережений против панславизма» (№ 3). См. *ЛЖГ* III, 16.

«Еще одно послесловие к приведенному нами в переводе ⟨с французского⟩ письма Александра Герцена одному поляку. В последнем номере мы упоминали с большим сомнением о высказанном в одном письме утверждении, что некогда Герцен будто бы представлял Вену в качестве будущей столицы славянской империи.

Это утверждение относится к той системе нападок на Герцена, которые повторяются с банальным однообразием в нескольких газетах с 1854 г. Недавно они опять появились в одной бостонской немецкой газете *.

В брошюре, адресованной господину Линтону, Герцен высказывает свои мечты о создании будущего славянского федеративного государства так, как они рождаются в сердце старого гусита: о создании государства, которое в самой брошюре названо несовместимым с существованием современной русской империи». Далее следует дословный перевод из брошюры Герцена «La Russie et le vieux monde. Lettres à W. Linton», p. 45. После приведенного текста Герцена снова следует текст редакции «Hermann»: «Так звучит это место, причем Герцен ни разу здесь, где он велит своим гуситам строить «чешские замки», не объявляет Вену возможным славянским центром. Этим мы завершаем спор по данному вопросу.

Мы взяли это письмо в переводе из его газеты совсем не по инициативе Герцена и назвали его «оправданием» в том смысле, что Герцен в нем высказывается против сомнений польского единомышленника в отношении его журналистской деятельности. Р е д а к ц и я» (№ 4). См. *ЛЖГ* III, 17.

Кинкель поместил такого рода «оправдательный» комментарий, скорее всего, по настоянию Мейзенбуг, так как Герцен отказался дать какое-либо разъяснение по этому поводу.

[5] Речь идет о гибели жены Кинкеля (см. прим. 1).

5

Герцен — Г. Кинкелю

Фрагмент

⟨Нион. 27 августа 1868 г.⟩ [1]

** de Genève [2].

Si j'étais trop susceptible — pensez à ma position tout à fait exceptionnelle [3]. Après une existence entière devouée à une seule idée, à une seule activité [4] — à laquelle tout était sacrifié [5] — se voir traîté par ses alliés (je parle d'une grande quantité des Polonais de l'émigration) en ennemis et faux frères [6] — parce que l'on ne sympathise pas avec toutes leurs lubies [7] et élucubrations — c'est dur. J'ai cru voir dans l'ensemble de vos paroles la suite des mêmes insinuations — un ⟨...⟩ ***[8].

Je vous remercie pour la brochure [9]. Vous dites vous-même que j'ai perdu ma force — en défendant la cause polonaise. Etrange reconnaissance [10].

Vous recevrez le dernier N° du *Kolokol* avec la première poste. Jetez un coup d'œil sur la manie de dénonciations dans le journalisme russe [11].

Recevez l'expression de ma haute estime.

Al. H e r z e n

Pardonnez-moi que je vous écris en français, j'ai oublié le reste de mon allemand.

П е р е в о д:

**** из Женевы [2].

Если я был чрезмерно обидчив — то подумайте о моем совершенно исключительном [3] положении. После жизни, целиком посвященной единой идее, единой деятельности [4] — которой все было пожертвовано [5],— видеть, что твои союзники (я говорю о множестве поляков из эмиграции) обращаются с тобой, как с врагом и предателем [6],— потому что ты не сочувствуешь всем их прихотям [7] и разглагольствованиям,— это тяжело. Мне показалось, что я вижу в совокупности ваших слов продолжение тех же инсинуаций — одно [8] ⟨. . .⟩ *****

Благодарю вас за брошюру [9]. Вы сами говорите, что я утратил свою силу — защищая польское дело. Странное мнение.

---

* Вероятно, имеется в виду «Neue England-Zeitung», газета немецких эмигрантов, выходившая в Бостоне (США) с 1852 г.— *Ред.*

** Верхний край листа в автографе оторван. Текст восстанавливается по черновому автографу (XXIX, 185—186).— *Ред.*

*** Оборот листа. Верхний край в автографе оторван.— *Ред.*

**** Верхний край листа в автографе оторван. Текст восстанавливается по черновому автографу (XXIX, 185—186).— *Ред.*

***** Оборот листа. Верхний край в автографе оторван.— *Ред.*

Вы получите последний № «Kolokol» с первой же почтой. Бросьте взгляд на манию доносов в русской журналистике [10].

Примите выражение высокого моего уважения...

А л. Г е р ц е н

Простите мне, что я пишу вам по-французски; я позабыл остатки своего немецкого языка.

[1] Ответ на неизвестное письмо Кинкеля, присланное Герцену вследствие их столкновения во время встречи в Цюрихе 30 июля 1868 г. (см. XXIX, 427 и вступит. заметку к наст. публикации).

[2] *В черновом автографе письмо начинается датой* 27 августа и *текстом*: Я вам поистине весьма признателен за ваше письмо, которое получил с некоторым опозданием, так как оно переслано было *Текст вариантов приводится здесь только в русском переводе с французского.* На французском языке см. в XXIX 185—186, где опубликовано как «письмо к К. Э. Хоецкому».

Можно предположить, что это начало письма более или менее точно соответствовало строкам, оторванным в окончательном тексте.

[3] *В черновом автографе* слова: совершенно исключительном — *отсутствуют.*

[4] *В черновом автографе далее*: единому служению

[5] *В черновом автографе далее*: [ни разу не погрешив, не дав ни малейшего повода к политическому упреку недоверия и]

[6] *В черновом автографе слова*: и предателем — *отсутствуют.*

[7] *В черновом автографе слова*: их прихотям и — *отсутствуют, так же как далее слова*: Это тяжело

[8] *Вместо*: Мне показалось ∾ одно — *в черновом автографе*: Я понял, что все ваши слова внушены ими, и живо чувствовал, что это недоверие не заслужено мной. От всего сердца принимаю ваше объяснение; вижу, что преувеличил значение ваших слов, и, протягивая вам с прежней искренностью руку, прошу предать полному забвению случившееся.

Мадемуазель Мейзенбуг

[9] Речь идет об изданной в Вене в 1868 г. брошюре Кинкеля «Polens Auferstehung, die Stärke Deutschlands» или о ее французском переводе, вышедшем в том же году в Цюрихе: «La renaissance de la Pologne envisagée comme la force de l'Allemagne».

[10] Статья Герцена «La manie de délation», напечатанная в «Kolokol», № 11, от 15 августа 1868 г. (XX, 356—363).

Э. ВИНТЕРСБЕРГ — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. Н. П о с п е л о в о й

«Шпионы постоянно трутся во всех эмиграциях; их узнают, открывают, колотят, а они свое дело делают с полнейшим успехом. В Париже полиция знает все лондонские тайны»,— писал Герцен в «Былом и думах», сообщая подробности одной трагикомической истории, в которую он оказался втянутым (XI, 199).

Зная по слухам, что обнищавший австрийский эмигрант Нидергубер поддерживает связь с парижской полицией, Герцен все же не отказывал ему в материальной помощи. Когда же слухи подтвердились, он порвал с ним всякие отношения. Этим, однако, дело не завершилось. «Какой-то господин, говорят, добрый и честный, старик В.*, стал защищать Н. Он созвал комитет немцев и пригласил меня *как одного из обвинителей*,— вспоминал Герцен.— Я написал ему, что в комитет не пойду, что все мне известное ограничивается тем, что Н. в моем присутствии сознался Гаугу, что он деньги *от префекта получал*. В. это не понравилось, он написал мне, что Н. *фактически* виноват, но *морально* чист, и приложил письмо Н. к нему» (XI, 199—204). Этому эпизоду посвящено и письмо Герцена к М. К. и А. Рейхелям от 17 августа 1853 г. (XXV, 93—94; ср. 95).

Воспроизводимые ниже два письма немецкого эмигранта Э. Винтерсберга к Герцену — именно те, о которых упоминается в «Былом и думах». Они образуют своего рода комментарий к воспоминаниям Герцена.

Э. Винтерсберг — австрийский журналист, участник революции 1848—1849 гг., заочно осужденный 31 мая 1849 г. австрийским судом «за подстрекательство народа к свержению конституционной монархии и установлению республики, за поддержку требований крестьянства к вооруженному сопротивлению законной власти» (см. «Enthüllungen aus der höheren Region der politischen Spionage». Herausgegeben von A. Vandermeulen. B., 1862, S. 113). В 1850-е годы он

---

* В «Былом и думах» фамилия ошибочно расшифрована комментаторами как Винтергальтер (XI, 204).

был политическим эмигрантом в Лондоне. Именно он выступил в защиту своего бывшего коллеги-журналиста Нидергубера, офицера Венской национальной гвардии во время революции 1848 г., эмигрировавшего после поражения революции в Париж, а затем в Лондон, где и был уличен в связях с парижской политической полицией.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится ряд писем, относящихся к 1853 г., в которых отражены многие подробности этого конфликта (ф. 458, ед. хр. III. 6052): письма Таузенау к Винтерсбергу (от 6 августа), Винтерсберга к Таузенау (от 11 августа), Гаймбергеру (от 12 августа), Франку (от 15 августа) и Бухгейму (от 17 августа).

Ответы Герцена Винтерсбергу (возможная датировка: 3—13 августа 1853 г.), так же как и Нидергуберу (между 31 июля и 10 августа того же года), остаются неизвестными (см. XXV, 487—488).

Письма печатаются впервые по автографам *ЦПА ИМЛ* при ЦК КПСС (ф. 458, ед. хр. III. 6052, л. 4—7 и 23—27). О содержании писем впервые сообщено Л. Р. Ланским в XXV, 393.

1

An A. Herzen

⟨London.⟩ 13, New Quebeck Str⟨eet⟩, Portman Sq⟨uare⟩
3. Aug⟨ust⟩ 53

Geehrter Herr!

Ich fühle mich verpflichtet, mich in der Sache eines Dritten, unbekannterweise, an Sie zu wenden, und bitte, weil ich uneigennützig komme, um freundliche Aufnahme.

Mein Landsmann N., der im Jahre 48 mit mir an demselben Blatte arbeitete, hat mir mitgeteilt, daß er beschuldigt werde, im Dienste der französischen und der russischen Polizei zu stehen. Ich habe Einsicht genommen in die Papiere, die er mir vorgelegt hat, und habe gefunden, daß er allerdings mit der französischen Polizei kurze Zeit in Verbindung gestanden hat; allein ich habe zugleich die Überzeugung gewonnen, daß er es nur in der Absicht getan hat, dieselbe zu täuschen. Dieselben Papiere enthalten zugleich die Belege, daß er den berüchtigten Häfner [1], der wirklich Spion ist und Tausenau in die Schlinge ziehen wollte, als solchen entlarvt hat [2]. Das pflegen Spione sonst nicht zu tun.

Ich beklage den unseligen Schritt N.'s um seinetwillen, weil ich weiß, daß Irrtümer und Mißgriffe die Menschen oft weit unglücklicher machen als Schandtaten: aber Sie begreifen, daß die Sache, wenn sie so steht, weit anders zu beurteilen ist, als wenn er wirklich mit Leib und Seele verknüpft gewesen wäre. Fälle, daß man sich dem Gegner zum Scheine verkauft hat, sind schon genug vorgekommen. Manchmal ist es von großem Nutzen gewesen: allein es geht doch nicht, und ich bin überzeugt, daß im Ganzen der Schaden den Nutzen weit überwiegt, und daß es für den, der sich dazu hergibt, fast immer unglücklich ausschlägt.

Es ist hier nicht der Raum, auf die mündlichen Erklärungen N.'s näher einzugehen: ich berühre daher nur kurz die Umstände, von denen ich glaube, daß sie Ihr Urteil bestimmen und von dem Manne und seiner unglücklichen Familie weiteren Schaden abwenden mögen.

Sie haben mit Herrn Haug [3] N. über diese Anschuldigung zur Rede gestellt und mit Recht. N. hat dieses Recht nicht anerkannt. Er vergaß, daß Schändlichkeiten, welche von den Gesetzen nicht erreicht werden können, innerhalb der Gerichtsbarkeit jedes ehrlichen Mannes liegen müssen bis zum Äußersten. Darin hat N. seinen zweiten Fehler gemacht; aber er hat, wie ich ihn zu kennen glaube, rein aus Stolz gefehlt; und Stolz ist sonst nicht der Stoff, aus dem Spione gemacht werden. Ebensowenig eignet diesen Mann seine Heftigkeit und Derbheit zu einem Spion.

Allein diese psychologischen Gründe sind nur von Wert, wenn sie ⟨dazu⟩ dienen können, materielle Belege zu unterstützen, zu ergänzen. Und das ist nach meiner Überzeugung hier der Fall. Ich glaube, die nähere Untersuchung ist für jeden, der es mit der guten Sache hält, so Pflicht als Bedürfnis; Pflicht, weil es die Gerechtigkeit fordert, Bedürfnis, weil von allem Unglück der Zeit Verrat das größte ist [4].

Was den Umstand betrifft, daß N. durch den bekannten Tausenau denunziert worden ⟨ist⟩, find' ich am geeignetsten, die Abschrift eines Briefes beizulegen, den ich gleichzeitig an denselben abgehen lasse. Sie werden daraus sehen, daß er warm und kalt geblasen hat.

Ich bin gerne erbötig, beizutragen zu allem, was diese Sache in den Augen aller Männer von Gesinnung aufklären und Allen, die gleich mir keiner Koterie, aber desto entschiedener der Partei angehören, eine traurige Erfahrung mehr ersparen kann.

Mit Hochachtung W i n t e r s b e r g

П е р е в о д:

А. Герцену

⟨Лондон.⟩ 13, New Quebeck Str⟨eet⟩, Portman Sq⟨uare⟩
3 авг⟨уста⟩ 53 г.

Уважаемый господин!

Не будучи знакомым с вами, я обязан обратиться к вам по делу третьего лица и прошу о дружеской поддержке, потому что делаю я это бескорыстно.

Мой соотечественник Н., который работал со мной в 1848 г. в одной газете, сообщил мне, что его обвиняют в том, что он состоит на службе у французской и русской полиций. Я просмотрел бумаги, которые он мне представил, и нашел, что он, правда, был какое-то время связан с французской полицией, но одновременно я убедился и в том, что он сделал это лишь, чтобы ввести полицию в заблуждение. Эти бумаги содержат одновременно доказательства того, что он разоблачил пресловутого Гефнера [1], который действительно является шпионом, и хотел вывести на чистую воду Таузенау [2]. Шпионы ведь такого никогда не делают.

Я сожалею о злосчастном шаге Н. ради него самого, потому что знаю, что ошибки и промахи делают людей гораздо более несчастными, чем сами преступления. Вы ведь понимаете, что дело, если оно так обстоит, нужно оценивать совсем по-иному, чем если бы он действительно был связан с полицией душой и телом. Случаев, когда продаются противнику для вида, было уже достаточно. Иногда это приносило большую пользу: но этого нельзя делать, и я убежден, что ущерб от этого в целом значительно превысил пользу и что для того, кто этим занимается, почти всегда все заканчивается печально.

Здесь не место подробно останавливаться на устных заявлениях Н.; я поэтому только коротко коснусь обстоятельств, которые, как я полагаю, могли бы повлиять на ваше суждение и оградить этого человека и его несчастную семью от дальнейших неприятностей.

Вы с господином Гаугом [3] потребовали объяснений от Н. по этому обвинению, и справедливо. Н. не признал за вами этого права. Он забыл, что низости, за которые нельзя наказать по закону, каждый честный человек вправе судить по самому большому счету. Здесь Н. допустил свою вторую ошибку; но он, насколько я его знаю, провинился только из гордости, а гордость обычно не является субстанцией, из которой делают шпионов. Этот человек по своему простодушию и вспыльчивости мало походит на шпиона.

Но эти психологические причины лишь в том случае достойны внимания, если они могут послужить подкреплением и дополнением материальных доказательств. И это, по моему убеждению, как раз такой случай. Более детальное расследование, я полагаю, для каждого добропорядочного человека является как потребностью, так и обязанностью; обязанностью — потому что этого требует справедливость, потребностью — потому что из всех несчастий времени измена является величайшей.

Что касается того обстоятельства, что на Н. доносил известный Таузенау, то я нахожу самым подходящим приложить копию письма, которое я одновременно отправляю ему. Из этого вы увидите, насколько он двуличен [4].

Я охотно готов содействовать всему, что может прояснить это дело в глазах всех принципиальных людей и предостеречь от еще одного печального опыта тех, кто, подобно мне, принадлежит не к какой-либо клике, а стоит на стороне определенной партии.

С глубоким уважением В и н т е р с б е р г

[1] Леопольд *Гефнер* (1820—?) — австрийский журналист, участник революции в Германии 1848—1849 гг.; эмигрировал во Францию; парижский корреспондент «Allgemeine Zeitung» и «Kölnische Zeitung». Состоял на службе у французской полиции.

[2] Карл *Таузенау* (1808—1863) — пражский врач и журналист, участник революции 1848—1849 гг., глава Центрального комитета демократических союзов в Вене и Демократического союза в Праге; с 1849 г. эмигрант во Франции, а затем в Англии.

[3] О *Гауге* см. выше, в публикации переписки Герцена и К. Фогта.

[4] По-видимому, имеется в виду несохранившееся письмо Нидергубера к Винтерсбергу — именно то, которое цитируется в «Былом и думах»: «Г⟨ерцен⟩ гораздо прежде знал от г. Р⟨ейхеля⟩ об этих деньгах и не только молчал до обвинения Т⟨аузенау⟩, но после того дал мне два фунта и присылал на свой счет доктора во время болезни жены!». Эту цитату Герцен завершил ироническим восклицанием «Sehr gut!» ⟨«Очень хорошо!» (*нем.*)⟩ (XI, 204).

2

An Herzen

⟨London.⟩ 13, New Quebeck Str⟨eet⟩, Portman Squ⟨are⟩
13. Aug⟨ust⟩ 53

Mein Herr!

Ich habe in meinem Briefe vom 3. d⟨ieses Monats⟩ für den verfolgten N. ein ehrliches Wort eingelegt, weil ich mich dazu so verpflichtet als berechtigt erkannte. Ich tat es im Vertrauen auf meinen reinen Namen und auf die Macht eines aufrichtigen, herzlichen Wortes, das sonst nicht ohne Wirkung zu bleiben pflegt, wo es guten Willen findet. Ich habe mich schmerzlich getäuscht, aber darum mein Vertrauen noch nicht verloren; noch weniger hat meine Pflicht schon ein Ende.

Sie haben das Verhältnis N.'s zur franz⟨ösischen⟩ Polizei bereits vor 3 Monaten gekannt und es schon damals mißbilligt — schwerlich entschiedener, als ich es mißbillige — aber Sie haben darum nicht auch über den Menschen ein moralisches Todesurteil ausgesprochen, wie ich es nicht tue.— Warum jetzt nach 3 Monaten anders? — Der Schauer der Polizeiluft, der Sie angeweht haben mag, wie er mich angeweht hat, kann nicht erst nach 3 Monaten gewirkt haben — das wäre gegen die Art dieser Empfindung.— Sollte es so viel Unterschied gemacht haben, daß jetzt ein Feind N. 's geschäftig war, während der Freund N.'s, der Sie vor 3 Monaten davon unterrichtete, Ihnen nicht bloß die dürre Tatsache mitteilte, sondern auch die Momente, die Ihre sittliche Würdigung bedingen?

Sie sind ein reicher Mann; ich im Vergleiche mit Ihnen, arm. Ich habe deshalb Ihnen nichts zu bieten als Wahrheit, d. h. dasjenige, was jeder unbedingt verpflichtet ist zu geben und jeder ebenso unbedingt verpflichtet anzunehmen, die aber in Ihrer Lage weit schwerer zu haben ist als in der meinigen. Ich darf sagen, daß ich Ihnen Wahrheit geben kann, denn ich darf sagen, daß ich immer recht getan habe. Ich trage gar leicht an meiner Habe, ⟨aber⟩ allein noch leichter an meinen Bedürfnissen, so daß bisher noch immer auch für andere etwas übrig blieb. Sie sehen also, daß ich eher als andere gemacht bin, gegen Sie wahr zu sein und Ihnen gegenüber Grundsätze zu verfechten, ohne deren Heilighaltung überall Rußland wäre. Ich wende mich an Sie, weil Sie noch am 31. Juli sich freundlich gegen N. äußerten, indem Sie die Sache «en frère» behandeln wollten; Haug dagegen stieß N. mit dem Munde aus dem Hause, das ihm nicht gehört. Noch Ihr jüngstes Blatt an N.[1] ist milder als die harte Abfertigung Haug's, die sich mit wenig Worten auf ihren wahren sittlichen, juristischen und psychologischen Wert bringen läßt:

Ein Mann wird an der Heerstraße erschlagen gefunden; ein anderer, als der Tat verdächtig, vor Gericht gezogen.— «Bist Du der Mörder dieses Mannes?» — «Ja, ich habe ihn getötet, bin aber darum nicht ein Mörder, denn» — «Halt! das ist genug. Du hast ihn erschlagen, also bist Du sein Mörder.» — «Aber ich will beweisen, daß ich es in der Notwehr getan habe.» — «Das kannst nicht Du beweisen, das könnte nur der Erschlagene bezeugen, denn bei der Tat ist niemand gewesen als er und Du. Das Verhör ist geschlossen. Du bist zum Tode verurteilt.»— Was werden die Engländer zu einem solchen Räsonnement, zu einer solchen Prozedur sagen?...

Die bloße Tatsache der Handlung und ihr sittlicher Wert sind zwei ganz verschiedene Dinge. Die dürre Tatsache ist nichts; erst der Geist macht sie lebendig. Dieselbe Handlung kann scheußlich, kann verzeihlich, kann gleichgültig, kann töricht, kann weise, kann schön, kann groß, kann erhaben sein. Timoleon [2] hat seinen Bruder umbringen lassen — steht er darum in der Geschichte als ein Brudermörder? — Die dürre Tatsache, daß jemand mit der Polizei korrespondirt und von ihr Geld annimmt,

ist nichts, gar nichts — aber schon der Umstand, daß ⟨jemand mit⟩, das Korrespondieren und das Geldannehmen in die vergangene Zeit gehört, macht einen nicht geringen Unterschied, weil es einen Grund haben muß.— So sehr ich einen Schauder empfinde, wenn ich an eine Polizeiverbindung auch nur erinnert werde, so hat doch mein Urteil mit dem Schauder nichts zu tun und ich muß die Sachen, nicht meine Empfindungen befragen. Ich kann aber sagen, daß ich es in der Strenge des sittlichen Urteils mit jedem aufnehme; allein eben deshalb muß ich offen und laut erklären: Es ist entgegengehandelt allen Grundsätzen der Gerechtigkeit, es ist bloßstellend die eigene Würde und Ehre, es widerspricht sogar allen Regeln der Klugheit, wenn man die Rechtfertigung N.'s zurückweist. Was wagt man denn, wenn man ihn hört? — Soll denn in der Weigerung liegen, daß man nicht gerecht sein wolle? — Und ein solches russisch-österreichisches Schauspiel führt man in England auf?

Mein erster Brief an Sie war nichts weniger als heiß aus dem ersten Gefü⟨h⟩le geschrieben: Sie können auch dort schon finden, daß ich die äußerlichen Tatsachen wohl unterscheide von den Momenten der sittlichen Würdigung. Es heißt dort, nur mit anderen Worten, daß ich in den Papieren die zwei Tatsachen der Verbindung N.'s mit der franz⟨ösischen⟩ Polizei und seiner Entlarvung Häfn⟨er⟩'s als Spion gefunden habe; für die ehrliche Meinung N.'s sprach ich hingegen meine Überzeugung aus, weil ich hier nur durch Schlüsse zu dem Ergebnis kommen konnte. Es steht jedem frei, aus denselben Vorlagen den entgegengesetzten Schluß zu ziehen: ich einmal habe diesen gezogen und hatte Kopf und Herz beisammen. Übrigens ist N. auch nicht ganz *tête-à-tête* mit der französ⟨ischen⟩ Polizei gewesen, wenn man die Verplemperung Häfn⟨er⟩s als außerordentlich gelten lassen will; wenn nicht, desto besser.

Noch eins.— Die Art, wie N. seit 3 Monaten Ihnen gegenüber gestanden, mag Ihr Mißtrauen erregt haben. Nicht ganz ohne Grund. Aber N. ist unschuldig daran und das Verschweigen hat sich auch hier wieder, wie immer, als verderblich erwiesen. Sie mußten voraussetzen, daß er um Ihre Kenntnis seines Verhältnisses wußte — er wußte nichts davon. Ich kann bezeugen, daß er erst in den jüngsten Tagen davon unterrichtet wurde.

Ich habe getan, was ich als meine Pflicht erkannte und werde darin verharren aus allen meinen Kräften: ich bleibe daher bei dem Verlangen und Erbieten meines Briefes vom 3. d. Sie werden, hoffe ich, Anerkennung und Würdigung nicht versagen einem redlichen Eifer, der allen Verfechtern der guten Sache, die Sie die Ihrige nennen, zu wünschen wäre.

Wintersberg

Перевод:

Герцену

⟨Лондон.⟩ 13, New Quebeck Str⟨eet⟩, Portman Squ⟨are⟩
13 авг⟨уста⟩ 53 г.

Милостивый государь мой!

В своем письме от 3 с⟨его месяца⟩ я замолвил доброе слово за преследуемого Н., так как считал себя не только обязанным, но и вправе это сделать. Я сделал это, полагаясь на свое доброе имя и на силу искренних серде ных слов, которые обычно не остаются без внимания там, где встречают добрую волю. Я горько ошибся, но не утратил еще доверия и тем более не считаю, что мои обязанности на этом закончились.

Вы узнали об отношении Н. к французской полиции три месяца тому назад и уже тогда не одобряли это. Вы гораздо более решительно это осуждали, чем я,— но и вы не вынесли этому человеку морального смертного приговора, как и я этого не сделаю.— Почему теперь, спустя три месяца, все по-другому? — Страх перед полицией, который, возможно, охватил вас, так же как и меня, не может повлиять на вас спустя три месяца.— Это противоречило бы естественному восприятию. Разве такая уж большая разница в том, что теперь действовал враг Н., в то время как друг Н., который вас три месяца назад информировал об этом, сообщил вам не только голый факт, но и некоторые моменты, которые обусловливают вашу нравственную оценку?

Вы — богатый человек; я же по сравнению с вами беден. Я не могу поэтому предложить вам ничего другого, кроме правды, то есть то, что каждый непременно обязан дать, и точно так же, как каждый безусловно обязан принять, а получить ее в вашем положении гораздо труднее,

чем в моем. Я вправе сказать, что могу дать вам правду, ибо могу утверждать, что я всегда поступал по справедливости. Я отношусь совершенно легко к тому, что имел, но еще легче к своим нуждам, так что до сих пор у меня всегда оставалось что-то для других. Итак, вы видите, что я скорее, чем кто-либо другой, могу быть по отношению к вам искренним, защищать по отношению к вам принципы, без соблюдения святости которых это была бы Россия <?> Я обращаюсь к вам, потому что вы еще 31 июля дружески высказались по отношению к Н., потому что хотели рассмотреть это дело «en frère» *; Гауг, напротив, дерзко вытолкал Н. из дома, который ему не принадлежит. Еще ваша недавняя записка, направленная Н.[1], мягче сурового поступка Гауга, истинную, моральную, юридическую и психологическую значимость которого можно выразить в нескольких словах так:

На шоссе находят убитого человека и привлекают другого, подозреваемого в этом поступке, к суду. «Ты убийца этого человека?» — «Да, я убил его, но все же я не убийца».— «Довольно! этого достаточно. Ты убил его, следовательно, ты его убийца».— «Но я хочу доказать, что я совершил это для самозащиты».— «Ты не можешь этого доказать, это мог бы засвидетельствовать только убитый, так как при этом никого не было, кроме его и тебя. Допрос закончен. Ты приговорен к смерти».— Что скажут англичане о таком доводе и такой процедуре?..

Сам поступок и его моральное значение — вещи разные. Голый факт ничто, только дух его оживляет. Тот же самый поступок может быть отвратительным, может быть простительным, может быть безразличным, может быть глупым, может быть мудрым, может быть прекрасным, может быть великим, может быть возвышенным. Тимолеон [2] велел убить своего брата, и разве он вошел в историю как братоубийца? — Просто факт, что кто-то переписывался с полицией и брал у нее деньги,— ничто, совершенно ничто, но уже то обстоятельство, что переписка и получение денег относится к прошлому, является немаловажным различием, потому что это должно иметь какие-то основания. Как сильно ни охватывает меня ужас, когда мне говорят о связях с полицией, все же мое суждение не имеет ничего общего с этим ужасом, и я должен считаться с фактами, а не с моими чувствами. Однако я могу сказать, что в отношении строгости морального приговора потягаюсь с каждым; но именно поэтому я должен открыто и громко заявить: это будет вопреки всем принципам справедливости, это компрометирует собственное достоинство и честь, это противоречит даже всем правилам благоразумия, если отклонить оправдание Н. Чем мы рискуем, если послушаем его? Отказ должен означать, что не хотят справедливости? — И такое русско-австрийское представление дается в Англии?

Мое первое письмо к вам было написано сгоряча, по первому чувству: но уже в нем вы можете обнаружить,что я хорошо отличаю внешние факты от моментов моральной оценки. В нем говорится, только другими словами, что я нашел в бумагах два факта о связях Н. с французской полицией и разоблачении им Гефнера как шпиона; зато в поддержку честности мнения Н. я высказал свое убеждение, потому что в данном случае я могу прийти к конечным выводам, опираясь лишь на свои заключения. Каждому дано право сделать из тех же материалов противоположный вывод; я сразу сделал именно такой вывод умом и сердцем. Впрочем также, Н. и не был совсем tête-à-tête ** с французской полицией, если хотеть изобразить связь Гефнера чем-то из ряда вон выходящим; если нет, тем лучше.

Еще одно. Манера, в которой Н. вот уже в течение трех месяцев вел себя по отношению к вам, возможно, вызвала у вас недоверие, и не без причины. Но Н. не виновен в этом, и замалчивание здесь опять-таки оказалось вредным. Вы, вероятно, предполагали, что он знал о вашем к нему отношении. Но он ничего не знал. Я могу засвидетельствовать, что его информировали об этом только совсем недавно.

Я сделал то, что считал своим долгом, и буду настаивать на этом изо всех своих сил: я остаюсь на тех же позициях, которые я изложил в письме от 3 сего месяца. Я надеюсь, что вы признаете и высоко оцените то честное усердие, кое хотелось бы пожелать всем защитникам доброго дела, которое вы называете своим.

Винтерсберг

[1] См. вступительную заметку в этой публикации.

[2] *Тимолеон* (ок. 411—337 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и полководец. Будучи сторонником демократии, участвовал в 364 г. в Коринфе в убийстве своего брата, тирана Тимофана. В 344 г., свергнув тиранию в Сиракузах и других сицилийских городах, Тимолеон установил в них демократический образ правления и объединил их в Сиракузский союз.

* «по-братски» (*франц.*).

** с глазу на глаз (*франц.*).

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. Н. Поспеловой при участии С. В. Пчелина

Фердинанд *Фрейлиграт* (1810—1876) известен не только как поэт и революционный демократ, но и как член Союза коммунистов, соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, с которыми он совместно редактировал в 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung».

Встречи Герцена с Фрейлигратом происходили в лондонских литературных сферах и в кругу Г. Кинкеля и его друзей.

Из первого письма Фрейлиграта видно, что Герцен откликнулся на просьбу венгерского эмигранта генерала Д. Клапки принять его у себя 29 мая 1859 г. В письме к Мальвиде Мейзенбуг от 27 мая Герцен сообщал, что обедать у него будут Фрейлиграт и Клапка (XXVI, 179). Генерал Клапка в период революций 1848—1849 гг. командовал одной из венгерских армий; в 1849 г. он эмигрировал за границу — жил в Англии, Швейцарии, Италии. Вместе с Кошутом, Маццини и Гарибальди он выступал с программой вооруженной борьбы за свержение австрийского владычества в Венгрии и Италии. Маркс и Энгельс критически относились к подобного рода преждевременным вооруженным выступлениям (таким, например, как Миланское восстание в марте 1853 г.), а также к иллюзиям лидеров венгерской эмиграции, возлагавших надежды на союз с бонапартистской Францией в борьбе против Австрии. Во время войны Франции и Пьемонта против Австрии (1859) Кошут и Клапка сформировали венгерский легион для участия в войне на стороне Пьемонта и бонапартистской Франции.

Вскоре после визита к Герцену (29 мая) Клапка встретился с К. Марксом у Фрейлиграта (2 июля).

Второе письмо Фрейлиграта связано с просьбой Герцена, чтобы немецкий («рейнский») скульптор А. Грасс делал его бюст, а также скульптурный портрет его детей. Скульптор начал работу в августе 1858 г. Бюст Герцена был закончен 8 ноября 1859 г. Бюст этот (очень похожий, по мнению самого Герцена) находился затем в магазине издателя Н. Трюбнера. Сейчас он экспонируется в Музее Герцена в Москве. См. его репродукцию на с. 65 наст. тома.

Письма печатаются впервые: п. 1 и 2 по автографам *ГИМ* (ф. 342, ед. хр. 208, л. 50 и 51—51 об.), п. 3 — по фотокопии *ЛБ* с автографа *BN*. Перевод с немецкого В. Н. Фомичева.

1

〈London.〉 51, Upper Homerton, Hackney
28. Mai 1858

Hochgeehrter Herr,

Herr Klapka dankt Ihnen, mit mir, aufs verbindlichste für Ihre gütige Erlaubnis, Sie morgen besuchen zu dürfen. Wir werden Ihrer freundlichen Einladung zur festgesetzten Zeit prompt Folge leisten.

Hochachtungsvoll
Ihr ergebener F. Freiligrath

Herrn A. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 51, Upper Homerton, Hackney
28 мая 1858 г.

Высокоуважаемый господин,

господин Клапка, как и я, благодарит вас за ваше любезное разрешение посетить вас завтра. Мы непременно явимся по вашему дружескому приглашению в точно назначенное время.

С глубоким уважением
искренне ваш Ф. Фрейлиграт

Господину А. Герцену

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ
Гравюра неизвестного художника с фотографии Э. Сильви (Лондон, 1862)
«Illustrierte Zeitung», 13 сентября 1862 г.

2

〈London.〉 24. Juli 1858[1]

Hochgeehrter Herr,

Ich habe meinem Freund Grass geschrieben, daß Sie Ihn zu sehen wünschten, und er wird gewiß nicht verfehlen, sich Ihnen recht bald vorzustellen. Lassen Sie mich denn ebenso tüchtigen als bescheidenen Künstler Ihnen nochmals recht warm und angelegentlich empfehlen.

Herr Klapka hat England leider auf vier bis fünf Wochen verlassen. Er wird im Augenblick schon zu Genf sein, und, wie ich fürchte, nicht vor Ende August wieder in London eintreffen. Sobald er hier ist, werde ich Sie von seiner Ankunft benachrichtigen und Ihnen seine Adresse (wahrscheinlich wieder 13, Cambridge Terrace, Hydepark) mitteilen.

In aufrichtiger Verehrung
Ihr ganz ergebener F. Freiligrath[2]
Herrn Al. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 24 июля 1858 г.[1]

Высокоуважаемый господин,

я написал моему другу Грассу, что вы хотели бы с ним встретиться, и он, конечно, не откажется представиться вам как можно скорее. Позвольте же мне еще раз горячо и настоятельно порекомендовать вам столь же способного, сколь и скромного художника.

Господин Клапка, к сожалению, покинул Англию на четыре-пять недель. Сейчас он, наверное, уже в Женеве и, как я опасаюсь, не прибудет в Лондон до конца августа. Как только он окажется здесь, я сообщу вам о его приезде и его адрес (вероятно, это будет снова: 13, Cambridge Terrace, Hydepark).

Искренне преданный вам Ф. Фрейлиграт[2]

Господину А. Герцену

[1] Письмо написано на бланке: «General Bank of Switzerland (Crédit International mobilier et foncier). London Agency. 2, Royal Exchange Buildings». С начала июля 1856 г. Фрейлиграт был управляющим Лондонского отделения этого банка.
[2] См. след. письмо.

3

〈London.〉 Sept〈ember〉 9-e 〈1858〉

Geehrter Herr,

H〈err〉 Klapka ist heute Morgen in London. Seine Adresse ist: 54, Eburys Street, Eaton Square, S〈outh〉-W〈est〉.

Mit freundschaftlichen Gruß, Ihr ergebener
F. Freiligrath

Für A. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 9-го сен〈тября〉 〈1858 г.〉

Милостивый государь,

Г-н Клапка сегодня утром уже в Лондоне. Его адрес: 54, Eburys Street, Eaton Square, Ю〈го〉-З〈апад〉.

С дружеским приветом вам преданный
Ф. Фрейлиграт

Для А. Герцена

ГЕРЦЕН — Ф. ГРЕГОРОВИУСУ

Публикация Л. Р. Ланского

ФЕРДИНАНД ГРЕГОРОВИУС
Гравюра Г. Кронера
Из книги: F. Gregorovius. Römische Tagebücher. Stuttgart, 1893

Фердинанд Адольф *Грегоровиус* (1821—1891) — известный немецкий историк, автор монументальных трудов об античном и средневековом Риме. Он прожил в Риме двадцать два года подряд (1852—1874), здесь познакомился и подружился с Мальвидой Мейзенбуг, воспитательницей младшей дочери Герцена, Ольги, и через нее со старшей — Татой. Совместные прогулки с великолепным знатоком и историком Рима стали событием в жизни Таты во время ее пребывания в Италии (1863). О встречах с Грегоровиусом и совместных экскурсиях она не раз сообщала в своих письмах к Огареву («Лит. наследство», т. 63, с. 448—450) и отцу *. В дневниках самого Грегоровиуса мы находим несколько упоминаний о Герцене и его дочерях. Так, 5 апреля 1863 г. он записал: «В Рим приехали молодые дочери Александра Герцена с фрейлейн Мейзенбуг»; 29 мая: «Этот месяц я так напряженно работал, что ничего не смог занести на эти страницы. Все мои здешние друзья уже уехали ⟨. . .⟩. Только фрейлейн Мейзенбуг и фрейлейн Герцен еще здесь. Также и единственный сын Герцена, ассистент у Шиффа во Флоренции, приехал сюда. Он совершил прекрасное путешествие в Исландию»; 5 июня: «Позавчера я был с детьми Герцена и фрейлейн Мейзенбуг у Дженцано и Блюменфельда» (F. A. Gregorovius. Römische Tagebücher. Stuttgart, 1893, S. 230, 266).

Грегоровиус отрицательно относился к русскому революционному движению. По этому поводу Герцен писал Тате 19 июня 1863 г.: «Что Григоровиус ⟨!⟩ не понимает русского вопроса и России, меня не удивляет,— ограниченность и национализм немцев поразителен. Во всех ужасах, которые теперь делаются, всякий не-немец — да и не-француз — поймет полное разложение петербургских порядков и начало социальной революции» (XXVII, 344).

Герцен был знаком с рядом произведений Грегоровиуса. Еще в 1857 г. он охарактеризовал его сочинения о «Корсике, Италии, Риме» как «чудесные и поэтические» (XIII, 102 и 526). В статье «Repetitio est mater studiorum», напечатанной в «Колоколе», Герцен ссылается на его книгу «Die Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter» (XV, 144).

Вскоре после смерти Герцена, 6 февраля 1870 г., Грегоровиус охарактеризовал его как «сильного духом борца за цивилизацию». «Я истинно скорблю теперь,— замечал он,— что у меня не осталось личных впечатлений о нем, ибо нам не довелось встретиться в жизни. Он для меня лишь образ современной эпохи, наряду с другими апостолами свободы ⟨. . .⟩ Я не читал всех его сочинений, но прочел достаточно, чтобы почувствовать мощь его личности, для которой, как мне кажется, горячее и одушевленное всем великим сердце было тем истинным принципом, из коего исходил мир его политических и социальных идей ⟨. . .⟩ Я полагаю, что на протяжении нескольких десятилетий он был собственно совестью своей нации» (*ЛЖГ* Ш, 667).

Письмо печатается по тексту, впервые опубликованному Э. Зильбернером в «International Review of Social History», vol. XVI, part 1, 1971, p. 64. Автограф хранится в Bayerische Staatsbibliotek (ФРГ, Мюнхен, ф. Ф. Грегоровиуса).

---

* Ее письма к Герцену публикуются в одном из следующих томов «Литературного наследства», озаглавленном «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей».

13 juillet 1865. Genève

Mon cher monsieur Gregorovius,

Permettez-moi de vous serrer la main pour les lignes sympathiques que vous m'avez écrites [1]. Vieux admirateur de vos œuvres — je suis très content de vous compter parmi mes amis — quoique «in contumaciam». C'est bien possible que j'irai pour q⟨uel⟩q⟨ue⟩ temps à Florence l'hiver prochain [2] — je voudrais espérer qu'une rencontre avec vous ne serait pas impossible à Florence. Rome n'est pas encore habitable pour nous autres [3].

Notre travail continue, je suis content d'avoir quitté l'Angleterre — que j'estime beaucoup [4] — mais il y a quelque chose de lourd, d'accablant dans le bruit et les ténèbres de la vie anglaise ou plutôt de Londres.

Je vous salue de tout mon cœur.

Votre dévoué Alex. H e r z e n

Mes filles et m-selle Meysenbug sont dans l'Oberland [5].

П е р е в о д:

13 июля 1865 г. Женева

Дорогой мой господин Грегоровиус,

Позвольте мне пожать вам руку за сочувственные строки, которые вы мне написали [1]. Старый почитатель ваших трудов — я очень рад числить вас среди своих друзей — хотя бы «in contumaciam» *. Весьма возможно, что я на некоторое время поеду во Флоренцию будущей зимой [2],— мне хотелось бы надеяться, что встреча с вами не окажется невозможной во Флоренции. Рим нашему брату еще не пригоден для житья [3].

Работа наша продолжается, я рад, что покинул Англию — которую очень уважаю [4],— но есть нечто тяжкое, гнетущее в шуме и мраке английской или, вернее, лондонской жизни.

Приветствую вас от всей души.

Преданный вам Алекс. Г е р ц е н

Мои дочери и м-зель Мейзенбуг находятся в Оберланде [5].

[1] Это письмо Грегоровиуса к Герцену остается неизвестным.
[2] Герцен выбрался во Флоренцию к детям только в январе 1867 г.
[3] Рим в это время был еще оккупирован французскими войсками.
[4] Герцен навсегда покинул Англию тремя месяцами ранее, 15 марта 1865 г.
[5] 17 июня Герцен подтвердил дочери получение от нее «нагорного письма» с Оберланда, массива швейцарских Альп (XXVIII, 80).

* «заочно» (*лат.*).

ГЕРЦЕН И ИТАЛИЯ

Статья М. И. Ковальской

Романтический образ Италии, «волшебного края», «дивной страны очарованья», глубоко укоренившийся в русской культуре XVIII—XIX вв., был дорог Герцену с юных лет. Его привлекала итальянская литература — от Возрождения до современной. Находясь под арестом в Крутицких казармах, Герцен читал книгу С. Пеллико «Мои темницы». Произведение писателя, проведшего почти десять лет в австрийской тюрьме за участие в карбонарском движении, было в 1830—1840-х годах весьма популярно среди передовых людей России; его с увлечением читали сосланные в Сибирь декабристы. Неудивительно, что книга, столь ярко обнаружившая моральную стойкость и гражданское мужество «кроткого страдальца» (как назвал Пеллико Пушкин в предисловии к русской публикации его сочинения «Об обязанностях человека»), интересовала Герцена (см. XXI, 32—33).

В ссылке во Владимире (1838) Герцен познакомился с «премилым» романом А. Мандзони «Обрученные», из которого сделал себе выписки.

Чтение этого романа навело Герцена на размышления об итальянском языке. «Да, дивный язык: музыка и юг»,— писал он своей невесте, одобряя ее желание выучиться по-итальянски (XXI, 289; XXX, 619).

Настроениям Герцена в пору его первых серьезных жизненных невзгод созвучней всего оказалась поэзия Данте. На одной из станций, расположенных в начале Владимирской дороги, по пути в ссылку, он написал «на оконнице» по-итальянски два стиха Данте, «которые равно хорошо идут к преддверию ада и к сибирскому тракту»: «Через меня идут в город скорби, через меня идут на вечную муку...» (VIII, 219). К «Божественной комедии» Герцен постоянно возвращается на протяжении всех лет пребывания в ссылке. «Я в Данте нашел вещь важную и дивную, новое доказательство его величия и силы...» — писал он Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру из Вятки 18 июля 1835 г. (XXI, 46), сделав тогда же выписку из песни XXV «Чистилища» о зарождении человека (XXX, 617—618). Свою невесту в те годы Герцен называет «моя Беатриче» (XXI, 48). В письмах к ней прорывается мечта уехать вместе в Италию (XXI, 69—70, 127, 173—174 и др.).

В январе 1837 г., в день рождения А. Л. Витберга, разыгрываются под руководством Герцена «живые картины», в основе которых — сюжеты Данте. Роль Данте исполняет сам Герцен (XXI, 137—138). Позднее любимейшим поэтом Герцена становится Дж. Леопарди, стих которого «делает боль, будит нашу внутреннюю скорбь» (X, 79).

Еще находясь в России, Герцен стал горячим поклонником живописи итальянского Возрождения. С особым восхищением отзывался он о «Святом семействе» и копиях с ватиканских лоджий Рафаэля, привлекших к себе его внимание при посещениях Эрмитажа в 1839—1840 гг. (XXII, 66—67, 88). В 1840 г. в своем московском кабинете Герцен повесил подаренную ему копию «головки Рафаэля», на которую не мог «довольно налюбоваться» [1].

Не только культура Италии, но и ее великие революционные деятели привлекали к себе внимание молодого Герцена. В дневнике за декабрь 1843 г. он пишет о «громадных деяниях и громадных характерах» «старца карбонаризма» Ф. Буонарроти и Дж. Маццини. Однако в ту пору Герцен приходил к пессимистической оценке их деятельности, говоря о «всей бесполезности их усилий» (II, 321).

Намереваясь в конце 1847 г. «бежать из Франции» в поисках «покоя, солнца, изящных произведений и сколько-нибудь человеческой обстановки» (V, 77), Герцен остановил свой выбор на Италии. Подобно другим великим людям, путешествовавшим по этой стране до него (таким, как Гете, Гейне, Диккенс), он представлял себе тогда Италию как «страну мертвых», где «вновь ничего не происходило» (V, 78). Он ожидал лишь встречи с колыбелью великой культуры, с роскошной природой, великолепными городами, хранящими память о славном прошлом.

Но «мы ‹. . .› не знали Италии, мы в ней столько же ошибались по минусу, сколько во Франции по плюсу»,— напишет он 30 января 1848 г. из Рима своим московским друзьям (XXIII, 56—57). Все, что увидел Герцен, как только он «поставил ногу на итальянскую землю», ошеломило его. Образ его романтической мечты был вытеснен живыми впечатлениями от Италии, «празднующей светлое воскресение свое»: «Бесконечная благодарность судьбе за то, что я попал в Италию в такую торжественную минуту ее жизни...» (V, 77—78). Эти слова прекрасно передают то приподнятое, восторженное настроение, с которым Герцен воспринимал все происходившее в Италии на протяжении пяти месяцев его первого пребывания в этой стране.

Он оказался в Италии в то время, когда она стояла на пороге революции. Еще с конца XVIII в. там началась эпоха преобразования старого феодального строя в буржуазный — эпоха Рисорджименто. В условиях государственной раздробленности и иноземного гнета революционная борьба на Апеннинском полуострове приобретала форму национально-освободительного движения. На исходе первой половины XIX в. это движение вступало в свою решающую фазу — революцию 1848—1849 гг. Во всех итальянских государствах с середины 1840-х годов ширилось национально-патриотическое движение, оказывавшее все большее давление на абсолютистские режимы. Борьбой руководили представители буржуазии и либерального дворянства, которые боялись революционной инициативы пришедших в движение масс и потому настойчиво добивались от правительства либеральных реформ. Начало «эре реформ» в Италии положил Пий IX, вступивший на папский престол летом 1846 г. В условиях общественного подъема, с особой остротой проявлявшегося в Папском государстве, с его крайне отсталой экономикой, нищетой масс и реакционнейшей государственной системой, новый папа не мог противиться обстоятельствам, толкавшим его на путь преобразований. Первые либеральные акции Пия IX (амнистия политическим заключенным; закон о печати, смягчавший политическую цензуру; учреждение Государственного совета — консульты,— явившегося зародышем представительной системы; создание гражданской гвардии) вызвали восторженный отклик не только в среде умеренных либералов, но и у римских масс. Народные манифестации в честь Пия IX следовали одна за другой. «Крик искреннего восторга раздался не только в Церковной области, но во всей Италии ‹. . .›,— писал Герцен...— Всё, уповавшее лучшей будущности, окружило Пия IX» (V, 105).

Вскоре, однако, начали обнаруживаться, и со все большей очевидностью, медлительность и непоследовательность папы в осуществлении провозглашенных им реформ. «Странное явление в истории этот Пий IX,— замечал Герцен; — два-три благородных порыва, два-три человеческие действия поставили его во главу итальянского движения, окружили его любовью, ему стоило только продолжать, по крайней мере не мешать; нет, слабые плечи его ломятся под тяжестью великого призвания. Он стоит на рубеже двух сильных потоков, и то один уносит его с собою, то другой» (V, 130). В ходе непрекращавшихся народных демонстраций ораторы (наиболее популярным среди них был А. Брунетти, по прозвищу Чичероваккио, которого Герцен называл «упорным защитником народных требований, неутомимым представителем народных нужд» — V, 106) начинают требовать более решительных преобразований. Все чаще звучат национальные и антиавстрийские лозунги.

Массовые волнения и манифестации, происходившие в 1846—1847 гг. в Тосканском герцогстве, вынудили правительство Леопольда II последовать примеру Пия IX и опубликовать закон о печати, предусматривавший частичную отмену цензуры; осуществлены были также административные и судебные реформы, создана гражданская гвардия — «чивика», произведшая большое впечатление на Герцена, когда он побывал в Ливорно (V, 78—79). Реорганизация кабинета привела к тому, что во главе правительства — впервые в Италии — оказался представитель умеренных либералов К. Ридольфи.

В общественный подъем, охвативший в 1846—1847 гг. всю Италию, вовлечено было и Сардинское королевство (Пьемонт). Борьба за либеральные реформы достигла там в сентябре — октябре 1847 г. особой остроты. Бурные манифестации в Генуе и Турине следовали одна за другой. 29 октября король Карл Альберт решился наконец на объявление программы административных и судебных реформ. «Перемены и права, данные Карлом Альбертом, чрезвычайно скромны,— писал Герцен,— они ‹. . .› меняют устаревшие учреждения, обессиленные самим временем; они были неминуемы, неотлагаемы после реформы Пия IX и тосканского герцога, Карл Альберт с ловкостью исполнил то, чего отложить не мог» (V, 77).

«Торжествующею, нарядною» застал Герцен Геную, прибыв туда с семьей 24 ноября 1847 г. «Карл Альберт был тут, город пировал реформу ‹. . .› — рассказывал он.— Увлекающийся ха-

рактер итальянцев не знал предела радости; в самом деле, как реформа ни была бедна, она свидетельствовала о сильном толчке, о том, что государство двинулось, сошло с мели, это было официальное сознание пробуждения, del risorgimento!» (V, 77).

Восторженному настроению Герцена, вызванному итальянским «пробуждением», были созвучны и природа Италии, и облик ее городов. «Въезд в Италию делается для человека каким-то благодатным событием, светлой чертой в воспоминании»,— читаем мы в «Письмах из Франции и Италии» (V, 74).

28 ноября Герцен приезжает в Рим, достигнув, таким образом, главной цели своего путешествия. Первое впечатление от «вечного города»: это — «величайшее кладбище в мире», где «можно изучать былое существование и смерть во всех ее фазах». Но Герцен знает: «В Рим надобно вжиться, его надобно изучить», и он разглядывает великие памятники прошлого, размышляет о римской истории. «Широкая, могучая 〈. . .〉 жизнь древнего Рима» раскрывается ему в «гигантском скелете» — сохранившихся руинах Форума, Колизея, в величественной архитектуре Пантеона (V, 81—82). При встрече с Римом Герцен вновь оказывается во власти того романтического образа Италии, с которым он на время расстался, увлекшись бурным течением ее современной жизни. Его потрясает в Риме «обилие изящных произведений, той гениальной оконченности, той вечной красоты, перед которой человек останавливается с благоговением, со слезою, тронутый, потрясенный до глубины души, очищенный тем, что видел, и примиренный со многим...» (V, 86).

Среди картинных галерей Рима Герцена более всего привлекает Ватиканский музей, непохожий на все прочие галереи. С большой эмоциональной силой описывает он в «Письмах из Франции и Италии» свои впечатления от «великих произведений» Микеланджело в Сикстинской капелле (V, 86—87).

Как глубокий мыслитель и художник, Герцен воспринимает прошлое и настоящее Рима (и всей Италии) в их единстве, взаимодействии, в борьбе отживающего и нарождающегося. События, развертывающиеся перед его глазами, вызывают у него острый интерес к итальянской истории. «Как это случилось,— спрашивает он,— что страна, потерявшая три века тому назад свое политическое существование, униженная всевозможными унижениями, завоеванная, разделенная иноплеменниками, полтора века разоряемая и наконец совсем сошедшая с арены народов 〈. . .〉 вдруг является с энергией и силой, с притязанием на политическую независимость и гражданские права, с притязанием на новое участие в европейской жизни?» (V, 98).

Причины столь внезапного и, казалось бы, неожиданного пробуждения Италии он пытается найти в особенностях ее исторического развития. Не признавая в те годы исторической закономерности и прогрессивности развития буржуазных отношений в Италии и не видя буржуазного характера итальянского национально-освободительного движения (позднее он признал, впрочем, с горечью, что ошибался,— XVI, 145), Герцен всячески подчеркивал особый путь шедшей «не торной дорогой истории» Италии, отличавший ее от английского, французского и немецкого пути (V, 98).

Источниками жизненной силы Италии Герцену представлялись многовековое отсутствие на Апеннинском полуострове централизованной власти («отсутствие единства столько же спасло Италию, сколько погубило ее на время»), расцвет городских коммун в средневековую эпоху, предохранивших Италию от тлетворного влияния буржуазных порядков. Даже когда политическая жизнь Италии была в XVI в. задавлена «внешним гнетом», ее художественная и научная жизнь достигла небывалого подъема. Но «силы страны 〈. . .〉 так же сочтены, как силы лица». Под натиском чужеземных солдат, под ударами «лукавого и злого» католицизма Италия пришла в упадок. Однако «и в двести лет все эти вампиры в короне и тиаре не могли высосать ее крови...» Всю нерастраченную энергию страны унаследовал итальянский народ. Чтобы понять Италию, надо было подслушать народную жизнь, «посмотреть на народные игры, на лица и глаза, послушать песни...» (V, 98, 100—102).

Внутренняя свобода итальянского народа, по Герцену,— залог непременного возрождения страны. Возможность «особого пути» развития Италии, как и России, Герцен связывал и с национальными качествами итальянского народа.

Воодушевленный бурными итальянскими событиями 1847 — начала 1848 г., породившими у него утопические надежды на то, что Италия придет к свободе «своим особым путем, минуя стадию буржуазного общества» [2], Герцен стремится как можно больше увидеть, поближе познакомиться с руководителями движения. Он участвует в шествиях и манифестациях, происходивших в Риме, посещает либеральное Кафе изящных искусств (Caffè delle Belle arti), где собираются

деятели культуры, Римский клуб (Circolo romano), объединивший представителей либерального дворянства и буржуазии, Народный клуб римских ремесленников и рабочих (Circolo popolare), основанный Чичероваккио (V, 96) [3]. По-видимому, здесь Герцен и познакомился с этим народным вождем.

Герцен не раз бывал в Риме на театральных представлениях; художественные достоинства спектаклей он, впрочем, оценивал не слишком высоко. Гораздо большее впечатление производила на него публика, живо реагировавшая на малейшие патриотические возгласы или намеки, доносившиеся со сцены.

В Риме Герцен узнаёт о вспыхнувшем 12 января восстании на Сицилии, знаменовавшем начало революции 1848—1849 гг. не только в Италии, но и во всей Европе. Не случайно революционный взрыв произошел в самой отсталой и нищей области Королевства обеих Сицилий, где деспотический гнет короля Фердинанда II, не желавшего идти ни на какие уступки, был особенно тяжел. Спустя всего пять дней после начала восстания в Палермо пламя революции перебросилось и на континент: одна за другой восстают южные провинции. Бурные демонстрации в Неаполе с требованием конституции в конце января вынуждают короля пойти на уступки. 29 января был опубликован декрет о «даровании» конституции.

Герцен решает «посмотреть своими глазами на Неаполь в революции, на Неаполь не только изящный, но и свободный» (V, 97). 6 февраля, в разгар карнавала, Герцен и его спутники приезжают в этот город. Первая встреча с ним ошеломляет Герцена. «Неаполь нельзя не любить, и если б вы только пробыли в нем один день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохом об этом дне,— читаем мы в «Письмах из Франции и Италии» — 〈. . .〉 я ничего подобного и не подозревал, просто упиваешься, забываешь все на свете 〈. . .〉 «Посмотри на Неаполь — и потом умри» — как это глупо! — «Посмотри на Неаполь — и возненавидь смерть!..»» (V, 111).

Герцен наблюдает за освобождением политических заключенных и торжественной встречей их на улицах Неаполя. Восторженное отношение к происходящему не мешает Герцену подмечать слабости в деятельности руководителей движения. «Конечно, это очень хорошо,— замечает Герцен в связи с выходом на свободу заключенных,— а все же жаль, что, выпуская их, не посадили на их места *других*.... Дело-то было бы попрочнее» (V, 113).

11 февраля был опубликован текст конституции, подписанный королем. Хотя по существу это была весьма умеренная конституция (по образцу французской 1830 г.), все же ее принятие имело огромное принципиальное значение — в одном из итальянских государств впервые утвердился конституционный строй. «Какой-то энтузиазм охватил весь город 〈. . .〉 Незнакомые люди жали мне руку»,— писал Герцен П. В. Анненкову (XXIII, 66). Он присоединился к ликующему народу Неаполя, направившемуся к королевскому дворцу, затем наблюдал, «как король присягал новому уложению....» (V, 114).

3 марта, на следующий день после возвращения с семьей в Рим, Герцен узнает от своего нового друга Л. Спини, что во Франции началась революция, а в Париже идут баррикадные бои. В ту же ночь, когда Герцен был в маскараде, весть об изгнании Луи Филиппа и провозглашении республики во Франции была объявлена присутствующим (см. V, 123). Увлеченному происходящими событиями Герцену «пульс истории» представляется в эти дни еще более ускоренным, чем это было на деле. Ему кажется, что «итальянцы ужасно близки к республике, и тосканцы с римлянами впереди» (XXIII, 68). Но пройдет еще почти целый год, прежде чем в феврале 1849 г. будет провозглашена Римская республика.

Однако события в Италии в начале 1848 г. действительно развиваются бурными темпами. После провозглашения конституции в Неаполе сардинский король Карл Альберт и герцог Тосканы Леопольд II не смогли противостоять давлению на них со стороны как народных масс (бурные демонстрации в обоих государствах не прекращались), так и либеральных общественных сил. 17 февраля была опубликована тосканская, а 5 марта — сардинская конституции. 14 марта Папскому государству также была «дарована» конституция. Эта «тощая и уродливая конституция», «уродливая смесь католической теократии с английским представительством», была «принята холодно» в Папском государстве. Слишком долго папа медлил и колебался: «Troppo tardi, st. padre, troppo tardi!»* — восклицал, как и другие, Герцен (V, 124).

В эти же дни, вслед за народным восстанием в Вене, вспыхнула революция в Милане, столице Ломбардии, находившейся под властью австрийского императора. «Одушевление и восторг толпы» на римских улицах «были невыразимы» (V, 297). Герцен вместе с римлянами участвует в

---

* «Слишком поздно, св〈ятой〉 отец, слишком поздно!» (*итал.*).

НЕАПОЛЬ. МАНИФЕСТАЦИЯ В ЧЕСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ 11 ФЕВРАЛЯ 1848 г.

Рисунок неизвестного художника, ‹февраль 1848 г.›

Музей Сен-Мартино, Неаполь

демонстрации перед австрийским посольством. «Народ бросился с остервенением на герб, все наболевшее на душе, все накопившееся против Австрии выразилось в злобе, с которой топтали, ломали ненавистный герб притеснения...» (V, 126—127).

В тот же день, 22 марта, Герцен и его спутницы — жена, М. К. Эрн и сестры Тучковы — оказались среди руководителей народной демонстрации у пьемонтского посольства, когда с «исступленной радостью» народ узнал от посла о войне Пьемонта против Австрии (X, 27—28).

В Риме формируется ополчение для оказания помощи миланцам. Папа нехотя вынужден «уступить народному желанию и дать ему оружия» (V, 127), но официально война Австрии не объявлена. Более того, Пий IX отказывается благословить знамя ополченцев, отправляющихся в Ломбардию. Герцен, верный своему отрицательному отношению к войне, «обобщенному разбою, оправданному убийству, апотеозе насилия», вместе с тем всей душой сочувствует итальянцам в их справедливой борьбе за свою независимость и единство. Он признает, что «человечеству еще придется подраться прежде возможности мира!» (V, 130).

Конец марта и апрель Герцен вместе с римлянами живет вестями из Северной Италии. «На улицах вслух читались журналы» — о провозглашении республики в Венеции, о бегстве австрийской армии из Милана, о первых поражениях австрийцев на фронтах. «С утра бежишь на Корсо слушать выдуманные и невыдуманные новости ‹. . .› Таким взволнованным, оживленным и ждущим необыкновенного еду из Рима»,— писал Герцен за несколько дней до отъезда в Париж 29 апреля (V, 131).

В Париже Герцен не мог забыть об Италии. В декабре 1848 г. в статье «Vixerunt!», вошедшей в книгу «С того берега», он с горечью говорит о падении Ломбардии (см. VI, 69), бичует Карла Альберта, который «не отстоял независимость Италии», и Пия IX, который «оказывается как-то из рук вон плох» (VI, 70), скорбит о судьбах Италии, «проснувшейся для того, чтобы на другой

день быть побежденной» (VI, 72). Французов, начавших военную интервенцию против Римской республики в 1849 г., Герцен называет «народом, изменившим человечеству» (VI, 107).

Впервые встретившись в 1849 г. в Швейцарии с деятелями Римской республики после ее падения, Герцен уже многое знал о них. Он был знаком с именами не только Дж. Маццини и А. Саффи — членов триумвирата, возглавившего республику, но и ее героических защитников — Дж. Гарибальди и его отважного сподвижника Дж. Медичи и других.

В своих размышлениях о причинах банкротства революций 1848—1849 гг. и европейской демократии, которая «была недостойна победы потому, что ‹. . .› везде боялась быть революционной до конца», Герцен подчеркивал, что «римляне делают исключение. Римская республика доблестно сражалась и погибла в неравном бою» (XXIII, 187).

Вместе с тем разочарование Герцена в итогах европейских революционных битв, его духовная драма после поражения революций в Европе породили в нем глубокий пессимизм в отношении революционных перспектив всех западноевропейских стран, в том числе и Италии. Итальянские демократы, не понимавшие того, что не может быть «воли без земли», т. е. без социальной программы, способной развивать энергию масс, были обречены в своей революционной деятельности на неудачи. В этом плане, замечал Герцен, «и Рим далеко бы не уехал, если б успел победить» (XXIII, 187).

Таким образом, в мучительных раздумьях Герцена над причинами крушения европейских революций 1848—1849 гг. и поисках «нового миросозерцания», в критическом пересмотре «мира оппозиции», мира парламентских драк, либеральных форм — всего, что он называл «падающим миром» (XXIII, 188), наряду с главным сюжетом — французскими событиями — известную роль играли и итальянские дела.

Но если на Герцена-мыслителя и политического деятеля Италия и не оказала решающего воздействия, то в его сердце эта страна и особенно ее люди заняли огромное место. Недаром любовно нарисованные образы итальянских друзей относятся к самым ярким и эмоциональным страницам «Былого и дум». «Я ехал из Италии влюбленный в нее, мне жаль было ее — там встретил я не только великие события, но и первых симпатичных мне людей» (X, 18). Из письма Герцена к московским друзьям известно, что он в Риме «дружески сошелся» с редакцией газеты «Ероса» (XXIII, 90). Речь шла о Л. Спини, М. Пинто и Э. Л. Гонзалесе.

Мы почти ничего не знаем о взаимоотношениях Герцена с Гонзалесом, являвшимся до 1846 г. сторонником Маццини, а затем перешедшим на либеральные позиции. Кроме упоминания его имени в письме к московским друзьям, среди тех, с кем Герцен «особенно» сошелся, он рассказывает также о своем участии в манифестации, где Гонзалес стоял на трибуне со знаменем в руке (см. XVII, 68). Известно также, что Гонзалес давал Герцену и М. К. Эрн уроки итальянского языка во время их пребывания в Риме [4].

Фигура Пинто оставила более яркий след как в литературе, посвященной Рисорджименто, так и в истории русско-итальянских культурных связей. Пинто участвовал в революции 1848—1849 гг.— как журналист, редактировавший ряд либеральных изданий, в том числе газету «Ероса»(«Эпоха»), как издатель сатирического листка «Don Pirlone», а затем выполнял ряд дипломатических поручений Римской республики. Знакомство с Пинто, начавшееся в 1848 г., Герцен поддерживал и позднее. В 1850 г., когда над ним нависла угроза высылки из Пьемонта, Герцен обращался к Пинто за советом и помощью. В 1856 г. при содействии Герцена и И. С. Тургенева Пинто отправился в Петербург, где в течение многих лет читал курс истории итальянской литературы [5].

Наиболее близкие отношения в 1847—1848 гг. установились у Герцена со Спини, который во время революции 1848 г. возглавлял в Риме вместе с Пинто редакцию газеты «Ероса», оказывавшую поддержку римским либералам.

Спини с глубочайшим уважением и любовью относился к Герцену, который оказал некоторое влияние на его политические взгляды. О тесной дружбе семьи Герцена со Спини свидетельствует их переписка, начавшаяся после отъезда Герцена во Францию и длившаяся более года.

После поражения революции 1848—1849 гг. возобновились личные контакты Герцена и Спини. В конце августа 1849 г. при посредничестве Спини в Женеве состоялось личное знакомство Герцена с Маццини, при котором последний предложил Герцену сотрудничать в его газете «Italia del Popolo». В те же дни Герцен сообщал Прудону о том, что вел переговоры с Маццини, Спини и Пинто об их сотрудничестве в газете «Voix du Peuple» и что эти «великолепные корреспонденты» «с величайшим удовольствием принимают предложение регулярно присылать сообщения» (XXIII, 178). В ноябре 1849 г. Маццини передал через Спини Герцену акции издатель-

ВОССТАНИЕ В МИЛАНЕ. СТРОИТЕЛЬСТВО БАРРИКАД 18 МАРТА 1848 г.
Литография, 1848
Государственное собрание эстампов, Милан

ского общества «Union», созданного вождем итальянской демократии в Лозанне для финансирования газеты «Italia del Popolo» и других маццинистских изданий. В посланном тогда же письме к Герцену Маццини писал: «Теперь одно дело занимает меня, и вы уже знаете его. Это — реорганизация или, лучше сказать, организация партии. Я знаю от Спини, что вы, в свою очередь, приходите к тому же» (*Л* V, 364). Упоминание о Спини в этом контексте свидетельствует о немалом доверии к нему в тот период как со стороны Маццини, так и Герцена.

Хотя после 1849 г. имя Спини не упоминается в переписке Герцена, их недолговечная дружба имела немалое значение для дальнейшего развития и углубления связей Герцена с итальянским национально-освободительным движением. Ведь именно Спини ввел Герцена в круг людей, посвятивших жизнь итальянской революции. Ближайшими друзьями Герцена с начала 1850-х годов становятся такие виднейшие деятели демократического течения в Рисорджименто, как Маццини, Гарибальди, Пизакане, Орсини и др.

Взаимоотношения Герцена с Маццини были далеко не безоблачными. Восхищение «великим человеком», как Герцен не раз называл итальянского революционера, не мешало ему подвергать резкой критике его религиозно-идеалистические воззрения, отрицательное отношение к социализму, а также ограниченность его программы, сводившейся в основном к достижению национальной независимости и единства Италии и почти полностью игнорировавшей социальные проблемы. Герцен осуждал нереалистический подход Маццини к организации революционных выступлений в Италии, оборачивавшихся многочисленными провалами и неудачами. И вместе с тем он высоко ценил сильные стороны «неутомимой деятельности» Маццини, его беззаветную преданность «великому делу освобождения Италии» (XVI, 142). В свою очередь, Маццини чрезвычайно дорожил дружбой с Герценом. Он делился с ним своими планами, стремился привлечь его к работе в общеевропейских демократических организациях. Придавая большое значение публицистическим выступлениям Герцена, Маццини не раз помещал его статьи на столбцах своих газет.

В середине июня 1850 г. Герцен после полугодового пребывания в Париже вновь направляется в Италию. На этот раз он с семьей поселяется в Ницце, входившей тогда в состав Сардинско-

го королевства. «Долго думая, куда укрыться, где найти отдых, я избрал Ниццу не только за ее кроткий воздух, за ее море — а за то, что она не имеет никакого значения — ни политического, ни ученого, ни даже художественного ‹. . .› — писал Герцен в «Письмах из Франции и Италии» спустя несколько дней после приезда в этот город.— Здесь я могу отдохнуть... до тех пор пока святая Германдада всемирной полиции не начнет и в Пиэмонте свой крестовый цоход» (V, 190, 198).

В последних словах — намек на самую, пожалуй, существенную причину того, что Герцен решил «укрыться» именно в Пьемонте. Ведь после поражения революции 1848—1849 гг. Сардинское королевство осталось одним из немногих государств, где, как представлялось Герцену, в известной мере сохранялись либеральные порядки: здесь продолжала действовать конституция, велась открытая политическая борьба в парламенте. Герцен неоднократно подчеркивал эти преимущества Пьемонта. «Пиэмонт все еще лучший уголок Европы»,— писал он Прудону 23 марта 1852 г. (XXIV, 260). В брошюре «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» он называл Пьемонт «уцелевшей веткой Италии ‹. . .› последним убежищем свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Апеннины» (VII, 310) [6]. В отличие от Парижа здесь «письма не вскрываются: палата отказала министерству в праве на это» (XXIV, 197—198, 207).

Но и в этом «убежище свободы» Герцену не суждено было жить спокойно. В начале июня 1851 г. по приказу министра внутренних дел Гальваньо ему предписывается немедленно выехать из Сардинского королевства. Сделано это было по требованию русского консула в связи с опубликованием в Ницце французской брошюры Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (см. ниже). В защиту Герцена и другого русского политического эмигранта, И. Г. Головина, которому также приказано было выехать из Пьемонта, выступил депутат оппозиции в пьемонтском парламенте, видный деятель освободительного движения Л. Валерио. Высылку Герцена он назвал «бесполезным и диким актом». Главное обвинение против Герцена, состоявшее в том, что он республиканец, Валерио на основании заявления самого Герцена парировал тем, что Герцен «уважал гостеприимство Пьемонта и никогда не имел намерения» вести здесь республиканскую пропаганду. «Неужели мы должны стать агентами русской полиции?» — этим вопросом закончил свое выступление Валерио [7]. «Энергические интерпелляции Валерио в Камере» (XXIV, 198), поддержанные пьемонтской прессой, привели к тому, что спустя месяц Герцену было разрешено вернуться в Ниццу.

Знакомство между Герценом и Валерио, произошедшее благодаря этому инциденту, продолжалось еще долгие годы и было окрашено чувствами взаимной симпатии и уважения. В 1856 г. Герцен по просьбе Валерио подарил ему с дружеской надписью «Былое и думы», изданные на немецком языке *. В начале 1860-х годов Герцен обратился с письмом к Валерио (до нас не дошедшим), отзываясь о нем как о «хорошем, горячем человеке». Сообщая В. Н. Кашперову 12 декабря 1862 г. о том, что послал Валерио «Колокол» на французском языке, Герцен замечал: «Я очень рад, что он хранит хорошую память обо мне» (XXVII, 178, 269).

В начале 1850-х годов сочинения Герцена получают весьма широкое распространение в Италии, особенно в Пьемонте, что было в большой степени связано с растущим интересом западноевропейского читателя к России. Из газеты Маццини «Italia del Popolo» генуэзская газета «Italia Libera» 9 сентября 1850 г. перепечатала часть статьи Герцена «La Russie», сопроводив ее редакционным примечанием. В нем, в частности, говорилось: «Ученые самой России ‹. . .› возвещают, что Россия созрела не только для республиканской революции, но и для революции социальной. Что вы скажете на это, о консерваторы, стремящиеся сохранить крепостничество?» [9]

В туринской газете «Museo Scientifico, Letterario ed Artistico» в октябре того же года появилась анонимная статья «Социальные условия России», которая представляла собой изложение части статьи Герцена «La Russie» [10].

Летом 1850 г. Герцен создает в Ницце свой труд «О развитии революционных идей в России», предназначавшийся специально для западного читателя. Герцен был особенно заинтересован в распространении этого сочинения в Италии. В письме к жене из Парижа он просил, чтобы брошюра, напечатанная, как сказано, в марте 1851 г. на французском языке в Ницце, была по-

* Вот текст этой надписи: «M. Pinto m'a écrit que vous désirez lire mes mémoires — cher monsieur Valerio — je vous les offre avec amitié et sympathie. Londres, 2 nov‹embre› 1856» («Г-н Пинто написал мне, что вы желаете прочесть мои воспоминания, дорогой господин Валерио, преподношу их вам с чувством дружбы и симпатии. Лондон. 2 нояб‹ря› 1856 г.»). У подзаголовка книги «Im Staatsgefängeniss und in Sibirien» Герцен приписал: «J'ai protesté contre ce titre, je n'ai jamais été en Sibérie» («Против этого заглавия я протестовал, я никогда в Сибири не был») [8].

слана Валерио, затем в редакции газет «Opinione» и «Progresso», наконец, в Геную — «в редакцию какого-нибудь оппозиционного журнала» (XXIV, 180). В номерах газеты «Progresso» от 1 и 2 августа появилась большая рецензия на книгу Герцена; в ней подчеркивалось, что этот труд «является блестящим и мудрым руководством» для изучения разнообразных элементов, составляющих либеральную оппозицию в России. В брошюре «Русский народ и социализм», также изданной в Ницце на французском языке в конце 1851 г., Герцен выразил восхищение по поводу оценки царизма в этой рецензии [11].

В свою очередь, эта последняя брошюра и другие опубликованные в то время работы Герцена о русской сельской общине явились главным источником, из которого черпал сведения, по его собственному признанию, итальянский демократ А. Франки при работе над статьей «Община в России», появившейся в газете «Ragione» 16 декабря 1854 г.[12]

Во время жизни в Ницце на Герцена обрушиваются страшные удары: гибель матери и сына Коли 16 ноября 1851 г. и смерть жены 2 мая 1852 г. Среди самых близких людей, на которых Герцен смог опереться в этот невыносимо тяжелый для него период жизни, оказались итальянские друзья — А. Мордини и Ф. Орсини (см. X, 295—296). По желанию смертельно больной Натальи Александровны они оба были приглашены на празднование дня рождения Герцена 6 апреля 1852 г. В многолюдном шествии за ее гробом были много итальянцев — друзей семьи Герцена, видных итальянских демократов, «известных и дорогих Риму и Ломбардии, Неаполю и Венеции, Пиемонту», говорилось в газете «Avenir de Nice» 7 мая (*Л* XIV, 110). Со словами горячего сочувствия и благодарности за денежные пожертвования в их пользу обратились к «многоуважаемому человеку Александру Герцену» представители многочисленных в Ницце политических эмигрантов из других итальянских государств. Герцен высоко ценил дружескую поддержку, оказанную ему итальянцами, свидетельством чему служат, например, следующие слова, написанные им месяц спустя в Швейцарии: «Рвусь я назад в Италию, у меня нет другой родины, я сжился и с природой, и с людьми. Какая славная порода 〈. . .〉 благословенье Осипа Иванови-ча * провожает меня даже в глуши Тессин» (XXIV, 286).

В Генуе, куда Герцен приехал в июне 1852 г., он подружился с группой видных итальянских революционеров. «Здесь меня приняли с распростертыми объятиями, час после приезда друзья Осипа Ивановича были уж у меня»,— писал он 10 июня М. К. Рейхель (XXIV, 281). «Здесь я окружен величайшей симпатией 〈. . .〉 От 12 до 5 комната полна Италией»,— сообщает он ей же 15 июня (XXIV, 284).

Среди новых друзей Герцена был Дж. Медичи, которому Герцен посвятил проникнутые любовью и восхищением страницы «Былого и дум» [13], и К. Пизакане. Об этом выдающемся деятеле и мыслителе Рисорджименто, погибшем во время возглавленной им в 1856 г. экспедиции на юг Италии, Герцен также написал прекрасные строки в «Былом и думах». Рассказ о трагической гибели «молодого, прекрасного вождя», о «величии его мрачной поэзии» он сопроводил примечанием: «И я знал bel capitano ** и не раз беседовал с ним о судьбах его печальной родины...» (X, 68).

Медичи и Пизакане были в числе итальянских эмигрантов, подписавших 23 июля в Генуе коллективную декларацию в поддержку Герцена в связи с его демонстративным отказом от дуэли с Г. Гервегом. В этом документе итальянские революционеры с огромным уважением отзывались о Герцене, утверждая, что гордятся его дружбой вследствие его «выдающихся достоинств», и заявляли: «Отвергнув при данных обстоятельствах дуэль с Г. Гервегом, Герцен поступил согласно нашим убеждениям» (*Л* VII, 81—82).

Тесная дружба Герцена с итальянскими революционными деятелями в Генуе оказала влияние даже на его сына. В письме к М. К. Рейхель Герцен не без гордости рассказывал, что Саша здесь «вообразил себя защитником Италии» и заявил итальянскому другу, подарившему ему небольшую шпагу, что она будет употреблена «против итальянцев, которые против нас, contre notre cause» *** (XXIV, 293).

«Выдающиеся достоинства», «могучий ум» и многие другие подобные оценки Герцена не были в устах итальянских демократов пустыми комплиментами и вежливыми преувеличениями. Несмотря на скудость документальных материалов, есть все основания утверждать, что Герцен оказал влияние на идейное формирование левого крыла итальянской демократии после 1848 г.

---

* *Осипом* или *Осипом Ивановичем* называли в письмах (отчасти из конспиративных соображений) Маццини некоторые русские, в том числе и Герцен.

** прекрасного капитана (*итал.*).

*** против нашего дела (*франц.*).

КАРЛО ПИЗАКАНЕ
Литография неизвестного художника, ‹1857›
Институт Маццини, Генуя
«Кучка энергических людей приплывает к несчастному неаполитанскому берегу, служа вызовом, примером, живым свидетельством, что еще не все умерло в народе. Вождь, молодой, прекрасный, падает первый со знаменем в руке — а за ним падают остальные» («Былое и думы»)

Виднейшим представителем этого течения являлся Пизакане, с которым, как уже отмечалось, Герцен в 1851—1852 гг. находился в тесном общении. Это дало основание итальянским исследователям (Н. Росселли, В. Матури, Дж. Берти, Ф. Вентури) увидеть следы воздействия Герцена на социальную доктрину Пизакане, прежде всего на его интерес к крестьянскому вопросу, хотя истоки этих взглядов следует, конечно, искать главным образом в итальянской передовой общественной мысли XVIII — первой половины XIX в.

Об известном единогласии, большом доверии и уважении генуэзской группы итальянских эмигрантов к Герцену свидетельствует их обращение к русскому другу с «особым поручением». Перед отъездом из Генуи (когда Герцен принял решение о поездке в Лондон) «несколько близких друзей» — Медичи, Пизакане, Мордини, Козенц — поручили Герцену изложить находившемуся в Лондоне Маццини их критическую позицию относительно деятельности Лондонского комитета. Они полагали, что оторванность от Италии и идеологическая нетерпимость мешают Маццини трезво оценить обстановку в стране и толкают его на организацию восстаний, условия для которых не созрели. «Они хотели внутренних преобразований, им казалось необходимым ввести гораздо больше военного элемента и иметь во главе стратегов...» — рассказывал Герцен в «Былом и думах» (XI, 16). В Лондоне при встрече с Маццини Герцен присоединился к позиции своих генуэзских друзей, подчеркнув, что может «сам подтвердить многое из того, что говорил ему от имени друзей», поскольку «в Италии был два года без выезда». Однако «посольство мое не удалось» (XI, 17), с горечью заметил впоследствии Герцен.

Теоретические установки Маццини, полагавшего, что итальянский народ постоянно готов к вооруженной борьбе, соответствовали его практической деятельности: на протяжении 1850-х годов под его руководством был предпринят ряд попыток организации восстаний в Италии, окончившихся неудачей. Иначе обстояло дело у Пизакане. Он относился к тем демократам, которые понимали, что незрелые восстания обречены на поражение. Будучи утопическим социалистом, он полагал, что национально-освободительная революция в Италии должна одновременно быть и социальной и сопровождаться передачей земли крестьянам.

Такая революция требовала, разумеется, долгой и упорной подготовки. Вместе с тем он жаждал и практической революционной деятельности. Готовность пожертвовать собой, чтобы собственным примером вдохновить на борьбу других, толкнула Пизакане на организацию небольшого отряда, который в июне 1857 г. высадился в Сапри (Южная Италия) с целью поднять там местное население против бурбонского правительства. Экспедиция закончилась провалом и гибелью Пизакане. «Я не оправдываю плана, вследствие которого Пизакане сделал свою высадку; она мне казалась так же несвоевременна, как два предпоследних опыта в Милане»,— писал Герцен в «Былом и думах». Однако, признавал он, «люди эти подавляют величием своей мрачной поэзии, своей страшной силы и останавливают всякий суд и всякое осуждение. Я не знаю примеров большего героизма ни у греков, ни у римлян, ни у мучеников христианства и Реформы!» Они служат «вызовом, примером, живым свидетельством, что еще не все умерло в народе» (X, 67).

В 1850-е годы, во время пребывания Герцена в Лондоне, его авторитет среди деятелей итальянского освободительного движения был чрезвычайно велик. Особенно большое значение придавалось его публицистической деятельности. Целый ряд статей Герцена, посвященных в основ-

ном русским проблемам, был опубликован, как уже отмечалось, в 1850—1858 гг. на страницах мацциниистских изданий «Italia e Popolo», «Italia del Popolo», «Pensiero ed Azione».

В «Былом и думах» Герцен вспоминает, как он сказал Маццини в 1852 г., что хочет «внести свою лепту в итальянское дело», которое ему «близко, как родное» (XI, 139). И действительно, на протяжении 1850-х годов он не раз передавал немалые суммы для поддержки революционного движения в Италии. В частности, из переписки Маццини известно, что такие взносы Герцен делал в 1856 и 1859 гг.

В Лондоне, как прежде в Италии, среди друзей Герцена было много итальянцев. Это прежде всего старые его знакомые, такие, как Маццини (через которого Герцен установил связи с английскими радикалами и многочисленными деятелями европейского демократического движения) и Орсини. Появились здесь и новые друзья, среди них особенно близким Герцену стал А. Саффи [14], сподвижник Маццини, по словам Герцена, «один из самых выдающихся деятелей римской революции» (XXV, 265). Очень тепло написал Герцен о Саффи в «Былом и думах». Особенно привлекательной казалась ему чистая, простая натура Саффи, полное отсутствие в нем аффектации, душевная тонкость и мягкость. «Вы, без сомнения, самый близкий мне человек в Европе ⟨. . .⟩ — писал Герцен Саффи в 1856 г.— Я угадал в вас поэта, гуманного человека, я понял, что ваше призвание скорее лирическое, чем политическое» (XXV, 347). В деятельной дружбе Саффи он видел «одно из утешений» своей «искалеченной жизни» (XXV, 255).

Взаимное расположение Герцена и Саффи укреплялось благодаря их большой духовной близости, общности вкусов и взглядов. Оба они горячо любили поэзию Леопарди и отстаивали ее достоинства в спорах с Маццини, которому непонятны были «ядовитые раздумья ⟨. . .⟩ сокрушительные сомнения Леопарди» (X, 79—80). В спорах Герцена с Маццини, касавшихся идейных и политических вопросов, Саффи часто оказывался на стороне Герцена. Рассказывая об этих спорах, Мальвида Мейзенбуг подчеркивает, что «Саффи все более и более склонялся к воззрениям Герцена». По ее словам, Маццини болезненно воспринимал тот факт, что «его товарищ ⟨. . .⟩ теперь отважился опровергать его и присоединился к мнению Герцена». «Саффи любил Герцена почти с детской нежностью,— отмечала она,— и с восхищением внимал ему...» [15]

Выражения любви и преданности встречаются в большинстве дошедших до нас писем Саффи к Герцену. Чрезвычайно высоко ценил он сочинения своего русского друга. Вот, например, его отзыв об опубликованных в 1855 г. на английском языке двух томах «Былого и дум»: «Это творение, которое останется, в то время как все проходит, все вымирает в этом поверхностном и благерном * веке. В вашей книге слово есть одновременно и мысль, и чувство, и действие,— вот секрет ее успеха» (*Л* VIII, 242). В предисловии к одному из томов сочинений Маццини, принадлежащем перу Саффи (написано после смерти Герцена), содержится проникнутая любовью и уважением характеристика Герцена как общественного деятеля, писателя и человека. «Александр Герцен, патриот и оригинальный и смелый писатель, сочетал артистический и импульсивный характер души с благородством ⟨. . .⟩ и инстинктивным сочувствием к человеческим страданиям, которое заставляло его протестовать против всяческого эгоизма дурных правительств и несправедливых социальных институтов,— писал Саффи.— Имя Александра Герцена навсегда останется в истории борьбы во имя братства европейских народов ⟨. . .⟩ Он был искренним почитателем Маццини, другом Италии ⟨. . .⟩ а для меня больше чем другом, братом...» [16].

Среди итальянцев, связанных с Герценом в 1850-е годы, следует назвать Л. Пьянчани. Участник революции 1848—1849 гг., примкнувший затем к сторонникам Маццини, он находился с 1851 г. в эмиграции в Лондоне. Начиная с 1854 г. он один из руководителей газеты французской буржуазно-демократической эмиграции «Homme». Именно с этим изданием, в котором Герцен опубликовал ряд своих трудов, и связаны преимущественно отношения Герцена и Пьянчани. Дошедшие до нас письма Герцена к нему представляют большой интерес прежде всего потому, что по ним можно судить о бесспорном идейном влиянии великого русского революционера на Пьянчани [17].

После отъезда Пьянчани из Англии в 1856 г. его связи с Герценом ослабели, переписка приняла эпизодический характер. В большой степени это было, по-видимому, связано с идейной эволюцией Пьянчани, постепенно сблизившегося с поборниками объединения Италии под властью Савойской монархии и отказавшегося после 1860 г. от своих республиканских убеждений. Однако знакомство Пьянчани с Герценом и его семьей поддерживалось и в 1860-е годы [18].

---

* хвастливо-насмешливом (от франц. blagueur).

В феврале 1854 г. Герцен познакомился с приехавшим в Лондон из Америки Дж. Гарибальди. С этого момента началась их дружба, о которой сам Герцен столь ярко рассказал в «Былом и думах». Прологом к личному знакомству двух великих деятелей европейской демократии явились скорбные события в Ницце, постигшие Герцена и Гарибальди. 20 марта 1852 г. Герцен участвовал в похоронах матери Гарибальди, а 2 мая того же года, в день смерти жены Герцена, отдать ей последний долг пришли двое малолетних детей Гарибальди.

На страницах «Былого и дум» мы неоднократно встречаемся с восторженными высказываниями о Гарибальди; в них Герцен подчеркивал такие черты его характера, как детское простодушие и естественность («великое дитя», «нигде ни риторики, ни декораций, ни дипломаций»), «несокрушимая нравственная твердость», «отвага льва» (X, 72; XI, 14, 259, 291).

В 1854 г. Герцен присутствовал при происходивших в Лондоне спорах между Маццини и Гарибальди, который «был совершенно против всех попыток и опытов восстания» (X, 73).

Позиция Гарибальди представлялась Герцену более реалистической. «Что Гарибальди лучше знал массы, в этом я совершенно убежден»,— писал он в «Былом и думах» (XI, 20).

Гарибальди не раз бывал у Герцена дома: он с большой симпатией относился ко всем членам его семьи. Вскоре Гарибальди надолго покинул Лондон. Однако взаимное расположение Герцена и Гарибальди не угасало. Особенно возрос интерес Герцена к народному герою Италии в 1859—1860-е годы.

За решающими для судеб итальянского освобождения событиями этих лет Герцен следил с пристальным вниманием. Подъем национально-освободительного движения в Европе 1840-х — 1860-х годов, начало которому положила Италия, способствовал разработке Герценом национального вопроса. Как и в предшествующие годы, он отстаивал в этот период право Италии на национальную независимость, видел в гибели Австрии залог освобождения угнетенных ею народов — итальянцев, славян, венгров.

С 1859 г. в центре внимания европейской общественности была предстоящая франко-итало-австрийская война. Будучи принципиальным противником военных решений политических вопросов, Герцен неодобрительно встретил весть о готовящемся событии. С горечью констатировал он, что опять будут литься «реки крови, опять шум, треск, «Гром победы раздавайся»,— бедные беднее, богатые богаче...» (XXVI, 233).

Сближение России с Францией (закрепленное подписанием секретного договора между ними 3 марта 1859 г.) должно было неизбежно, по мнению Герцена, в той или иной мере втянуть и Россию в войну. А это было бы для нее великим несчастьем, ибо могло помешать подготовке крестьянской реформы (см. XXVI, 255).

Однако, когда война в конце апреля разразилась, Герцен решительно заявил о своей поддержке дела итальянского освобождения. В письме к сыну от 11 мая он писал: «Войны я не желал, но война *есть*, и Австрия может от нее погибнуть, и через то не только Италия освободится, но — Венгрия и славяне. Я становлюсь со стороны войны» (XXVI, 264). Подробное обоснование этой позиции содержалось в цикле статей Герцена «Война и мир», опубликованных в июне — августе 1859 г. в «Колоколе».

На первых порах Герцен полагал, что в борьбе с австрийцами целесообразно использовать силы Сардинского государства. Питая вражду к итальянским либералам, он все же признавал политическую ловкость и ум «маленького Талейрана» Кавура (XI, 15), возглавлявшего сардинское правительство; надеялся на искренность антиавстрийской позиции короля Виктора Эммануила II. Однако в ходе войны он убедился в ничтожестве этого короля, из которого либералы пытались сделать прекрасную и величественную фигуру (XI, 476).

С еще большей проницательностью Герцен оценивал истинную подоплеку политики Наполеона III в отношении Италии. Война с Австрией была французскому императору нужна, чтоб отвлечь внимание своей страны от внутренних проблем, а не во имя освобождения Италии. В отличие от Мордини и его единомышленников, ставших сторонниками объединения с сардинской монархией, Герцен надеялся, что война из династической сможет превратиться в революционную и что Италия в состоянии будет увлечь на революционный путь и Францию. Несмотря на различие в позициях, Герцен сохранял, однако, дружеские отношения со своими итальянскими друзьями и готов был оказывать им помощь. Об этом свидетельствует как публикуемое ниже письмо Мордини, так и ряд писем самого Герцена (XXVI, 264—265).

Позорное Виллафранкское перемирие, заключенное Наполеоном III с Австрией в июле 1859 г., Герцен встретил возмущенной статьей «Мир», в которой клеймил вероломство французского императора, обманувшего надежды итальянцев (по этому договору Сардинскому королев-

ВОССТАНИЕ В СИЦИЛИИ. ГАРИБАЛЬДИ В ПАЛЕРМО 6 ИЮЛЯ 1860 г.
Гравюра по рисунку Г. Блейбтрея
«Illustrierte Zeitung», 21 июля 1860 г.

ству передавалась только Ломбардия, а Венеция оставалась под австрийским господством). Письма Герцена той поры отражают его горькие чувства, вызванные унижением Италии: «Италия гибнет» (XXVI, 308). «К горести наших доктринеров,— писал он в ноябре 1859 г.— Запад еще осунулся и еще ближе к смерти. Наглое вмешательство Наполеона в дела Италии и отставка Гарибальди — это такие два шага, от которых не поздоровится» (XXVI, 310).

Однако пессимистические настроения Герцена вскоре сменяются новыми надеждами. Сбывалось предсказание К. Маркса, который в статье о Виллафранкском договоре писал, что «в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова» [19]. По всей Италии ширилось массовое движение за объединение страны. Руководители итальянских демократов осенью 1859 г. начали подготовку к революционному перевороту в Южной Италии, приступили к организации экспедиции Гарибальди в Сицилию, где весной 1860 г. разгорелось восстание. Издатели «Колокола» пристально следили за ходом событий в Италии. Герцен собирает средства в фонд Гарибальди, помещая в «Колоколе» отчеты о собранных суммах. Он оказывает помощь волонтерам, отправлявшимся к Гарибальди. Уже после того, как гарибальдийцы, одержав блистательные победы в Сицилии, высадились на южной оконечности Калабрии, в армию Гарибальди отправился из Лондона польский эмигрант М. Домагальский, бывший учитель Саши Герцена. Издатели «Колокола» и другие русские эмигранты в Лондоне собрали для него двадцать фунтов стерлингов. Герцен снабдил его рекомендательным письмом к Гарибальди. «Мы восхищаемся вами, любим вас,— писал в нем Герцен,— клянусь, что это не риторика. С безграничной симпатией ⟨. . .⟩ мы следуем за вами — шаг за шагом — по вашему славному пути» (XXVII, 91).

Свою прежнюю детскую мечту — воевать за свободу Италии — решил в те дни осуществить двадцатилетний сын Герцена, пожелавший отправиться в Неаполь к Гарибальди. С просьбой помочь ему в этом Герцен обратился к Саффи. В ответном письме из Ливорно от 20 сентября Саффи выражал свою радость по поводу решения Герцена-юниора и готовность способствовать

этому. «Завтра я отправлюсь в Неаполь по приглашению самого Гарибальди 〈. . .〉 Я передам ему о намерении вашего сына 〈. . .〉 Уверен, что Гарибальди будет очень рад принять его» [20]. Герцен-юниор не попал к Гарибальди, по-видимому, потому, что в те дни победоносная эпопея гарибальдийской «Тысячи» близилась к завершению. Неаполитанское королевство было полностью освобождено, власть Бурбонов пала. Последним аккордом была битва при реке Вольтурно 1—2 октября.

Таким образом, в результате массовой борьбы, возглавляемой демократами, Неаполитанское королевство было освобождено, власть Бурбонов низвергнута. Однако умеренные либералы в этот период сделали все, чтобы вырвать инициативу из рук демократов и воспрепятствовать дальнейшему развитию революции. Недостаточная организованность демократических сил, неспособность их вождей включить в свою программу требования аграрной реформы и в результате этого — слабое участие крестьянства в революции привели к тому, что в конечном счете умеренные и сардинская монархия сумели одержать верх над демократами и присвоить себе плоды завоеваний революции. На протяжении 1859—1860 гг. в основном была создана единая Италия: сначала Ломбардия и государства Центральной Италии, а затем Королевство обеих Сицилий были присоединены к Сардинскому королевству.

В начале ноября в Неаполь прибыл король Виктор Эммануил II. Гарибальди передал ему власть и уехал на остров Капрера. «Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции»,— с горечью писал по этому поводу Герцен (XI, 257).

В январе 1861 г. было провозглашено создание Итальянского королевства. Однако сердце Италии — Рим — и Венецианская область оставались вне его пределов. Завершение итальянского объединения становится теперь важнейшей задачей, которую ставят перед собой вожди итальянской демократии — Маццини и Гарибальди.

События 1859—1860 гг. не привели к «пересозданию мира» и во многом разочаровали как их участников, итальянских демократов, так и Герцена. Вместе с тем в условиях революционной ситуации в России 1859—1861 гг. опыт итальянского освободительного движения приобрел в глазах русской революционной демократии особое значение. Его успехи сыграли немаловажную роль в переходе руководителей Вольной русской печати от чисто пропагандистской деятельности к практическим конспиративным акциям, и прежде всего к созданию тайного политического общества.

Именно в этот период завязывается вокруг Герцена и Огарева тот узел конспиративных связей, который придал лондонскому пропагандистскому центру также функции русского организационного революционного центра за границей. Приезжавшие в Лондон для встреч с Герценом и Огаревым представители революционных сил России вступали там в контакты и с руководителями итальянских демократов. Достаточно вспомнить хорошо известный факт установления в 1860 г.— через Герцена — дружеских связей Н. А. Серно-Соловьевича с Маццини и М. Квадрио.

Маццини в своей переписке с Н. А. Тучковой-Огаревой в 1864—1865 гг. не раз с беспокойством справлялся о Серно-Соловьевиче, находившемся с июля 1862 г. в Петропавловской крепости [21]. А Серно-Соловьевич в письме к Герцену и Огареву, относящемся к первой половине 1864 г., передал Маццини «самый горячий поклон» [22]. С большой теплотой и сочувствием вспоминал о погибшем в 1866 г. в сибирской ссылке Серно-Соловьевиче Квадрио в своем письме к Герцену: «Слово „соловей“ напомнило мне славного Соловьевича. Я видел его в 1860 г. и полюбил его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нет дорогого энтузиаста» [23].

В 1861 г. Герцен познакомил с Маццини и другого видного деятеля русского революционного движения — А. А. Слепцова.

В этот период в центре внимания Герцена наряду с проблемами русского революционного движения оказывается также нарастающее движение в Польше. Руководители итальянских демократов, в свою очередь, придавали огромное значение польским событиям. Гарибальди начиная с 1861 г. не раз обращался к Герцену с письмами по польскому вопросу, в которых выражал солидарность с борьбой польского народа (*Л* XI, 84—85; XVIII, 38). С особой силой эти чувства проявились в период польского восстания 1863 г., вызвавшего в Италии широчайший отклик. Итальянские демократы выступили под лозунгом неразрывного единства борьбы итальянцев и поляков.

Тесную связь как с поляками, так и с итальянскими демократами поддерживала в этот период многочисленная русская колония во Флоренции, в которой важную роль играл Герцен-сын. Осенью 1863 г. во Флоренции побывал сам Герцен, прежде всего с целью выяснить возмож-

ность создания в Италии перевалочного пункта по отправке революционной литературы в Россию.

Находясь во Флоренции, Герцен обратился с открытым письмом к Гарибальди, характеризуя в нем современное состояние России и связывая перспективы русской революции с польским вопросом. Герцен писал Гарибальди, что собирался посетить его на Капрере, но обстоятельства вынуждают его покинуть Италию раньше, чем он думал. Как письмо Герцена, так и ответ Гарибальди — в поддержку польского восстания — были опубликованы в «Колоколе» (см. XVIII, 21—30, 38—43).

Личная встреча Герцена с Гарибальди состоялась в Лондоне в следующем, 1864 г.

Гарибальди отправился в Англию по приглашению английской общественности в надежде получить средства на продолжение борьбы за присоединение Венеции к Италии. «Гарибальди согласился приехать с целью снова выдвинуть в Англии итальянский вопрос, собрать настолько денег, чтоб начать поход в Адриатике и совершившимся фактом увлечь Виктора-Эммануила»,— писал Герцен (XI, 282).

Визиту Гарибальди в Лондон посвящен блестящий очерк Герцена «Camicia rossa», опубликованный в «Колоколе» и включенный затем в «Былое и думы». Это поистине восторженный гимн герою Италии. Герцена в Гарибальди привлекает прежде всего его близость к народу. Это «идол масс, единственная, великая, народная личность нашего века», «невенчанный царь» народов, их упование, их живая легенда, их святой человек, «и это от Украйны и Сербии до Андалузии и Шотландии, от Южной Америки до Северных Штатов» (XI, 254—257).

Секрет популярности Гарибальди, как считал Герцен, не только в героике его революционных подвигов, но и в огромном обаянии его личности, «той притягательной и отдающейся силы, которой он постоянно покорял все окружавшее его» (XI, 259).

Срыву замыслов английской аристократии, стремившейся очернить Маццини и помешать примирению двух вождей итальянского освободительного движения, Маццини и Гарибальди, способствовала организованная Герценом в его доме в Теддингтоне их встреча. С подготовкой этой встречи связано одно из публикуемых ниже писем Маццини к Герцену.

«Мне ваше посещение бесконечно дорого,— сказал Герцен Гарибальди,— и теперь больше, чем когда-нибудь; в эту черную полосу для России ваше посещение будет иметь особое значение: вы посетите не одного меня, но друзей наших, заточенных в тюрьмы, сосланных на каторгу» (XI, 273).

Примирение Гарибальди и Маццини хотя и ненадолго, но состоялось, Маццини провозгласил тост: «За свободу народов, за союз народов, за того человека, который в наше время представляет живое воплощение этих великих идей, за Джузеппе Гарибальди!.. За *юную Россию*... за тех *русских*, которые вслед за другом нашим Герценом наиболее трудились для развития этой России!»

В ответном тосте Гарибальди подчеркнул великие заслуги Маццини, который «один бодрствовал, когда все спало кругом». Он посылал привет той России, «которая страдает и борется, как мы, и победит, как мы, за новый народ, который, освободившись и одолев Россию царскую, очевидно призван играть великую роль в судьбах Европы».

Герцен ответил ему благодарностью «во имя *наступающей* России 〈. . .〉 во имя России, умирающей в казематах и рудниках и *живущей* в сознании народа, просыпающегося с своим идеалом неразрывности «*Земли и воли*»...» (XVIII, 116—118).

Текст выступлений Маццини и Гарибальди в доме Герцена, «как электрическая искра, облетел Европу, вызывая крик восторга и рев негодования...» (XI, 281). В письмах к близким Герцен поделился своими впечатлениями о приеме в своем доме Гарибальди, считая этот день одним из лучших в своей жизни. «Все празднество было без одного облачка — гармонично и прекрасно 〈. . .〉 Он очень сблизился со мною...» (XXVII, 461) — писал Герцен о Гарибальди. 24 апреля это письмо было опубликовано в газете итальянских демократов «Progresso», выходившей во Флоренции, со следующими вводными словами от редакции, посвященными автору письма: «Александр Герцен, знаменитый русский эмигрант, известный всем читателям 〈. . .〉 как непримиримый борец против царских тронов, в пламенных строках на страницах руководимого им «Колокола»...».

Тесное общение Гарибальди с итальянскими демократами, и в частности встреча с Маццини у Герцена, вызвало раздражение английских правящих кругов. Гарибальди вынужден был против своей воли покинуть Англию. Расставаясь с Герценом и Огаревым, он пригласил их к себе на Капреру.

Даже в светлые дни триумфального приема Гарибальди в Англии Герцена, как и самого Гарибальди, не оставляла беспокойная мысль о том, что ждет Италию в будущем. «Что дальше, что впереди?» Этот вопрос не раз повторял Герцен. О перспективах страны, ставшей ему столь близкой, он напряженно размышлял после создания единого итальянского государства. Наблюдая его первые шаги, Герцен ясно осознал, что Италия, вопреки всем его надеждам, идет по пути капиталистического развития и что этот путь неотвратим. «Поневоле приходит в голову, что народ по тяжелому закону sélection * только и поднимается через буржуазию к более развитой жизни»,— подчеркивал он в статье «С континента», написанной в 1863 г. (XVII, 286).

Олицетворением буржуазного, «мещанского» пути развития Италии стал для Герцена К. Кавур. «Италия, самая поэтическая страна в Европе,— писал он в 1862 г. в статье «Концы и начала»,— не могла удержаться и тотчас покинула своего фанатического любовника Маццини, изменила своему мужу-геркулесу — Гарибальди, лишь только гениальный мещанин Кавур, толстенький, в очках, предложил ей взять ее на содержание» (XVI, 138).

Романтическая мечта Герцена об особом пути единой Италии рухнула под натиском прозаической действительности. «Кавур — это итальянская Марфа, мешающая хозяйственными дрязгами единой мечте итальянской Марии. И в то время, когда Мария с умилением видела искупление мира в освобождающейся Италии, Марфа кроила для Италии бельгийский костюм [24], и страна, довольная, что конституция не жмет ее, пошла себе по торной западной колее, по большому торговому тракту...» — с горькой иронией замечал Герцен (XVI, 145).

В 1860-х годах при посещении различных итальянских городов Герцену бросались в глаза пороки новой власти: непомерные «налоги, и пиэмонтское местничество, и грабящая администрация, и сварливая и докучная бюрократия» (XI, 475). «Народ недоволен вводимыми порядками 〈. . .〉 и тем, что ничего не выиграл при перемене» (XVII, 284). «Я был удивлен в 1863 общей нелюбовью в Неаполе к правительству,— писал Герцен в очерке «Venezia la bella».— В 1867 в Венеции я видел без малейшего удивления, что через три месяца после освобождения его терпеть не могли» (XI, 477).

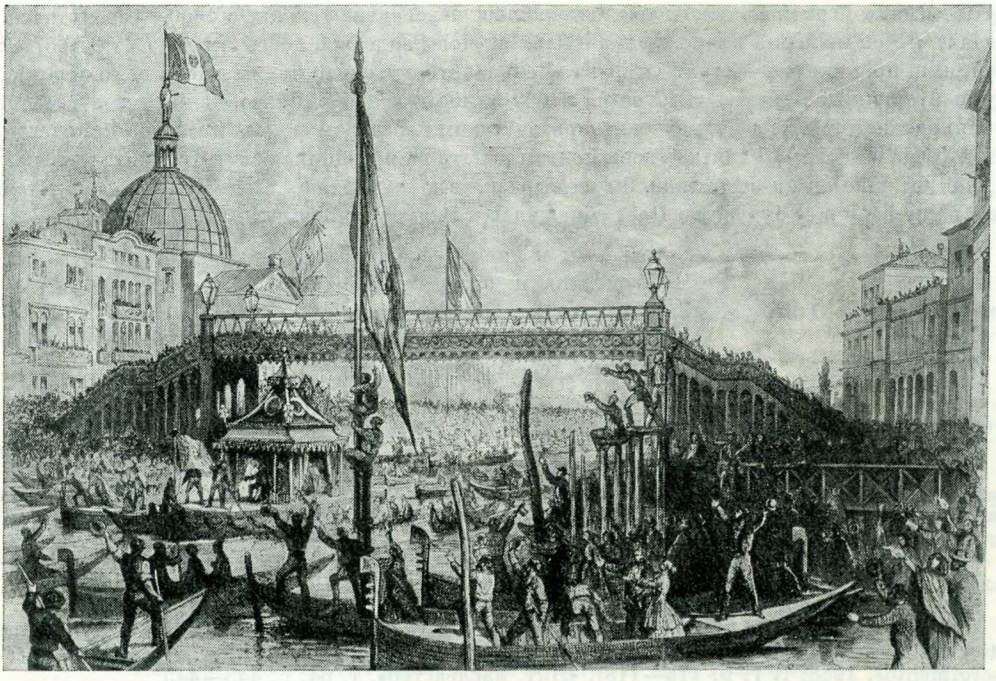
Итак, что же «ждет Италию впереди, какую будущность имеет она, обновленная, объединенная, независимая?» Размышляя над этим вопросом, Герцен обращался к итогам Рисорджименто, во многом определившим перспективы развития Италии, критически анализировал программу итальянских демократов. Их «идеал итальянского освобождения — беден», поскольку он сводится только к «бою за независимость» (XI, 472). А эта цель, как еще в 1862 г. был уверен Герцен, будет выполнена: «За Римом и Венецией à la longue ** дело не станет» (XVI, 145) [25]. В представлениях Маццини и других демократов «в Риме все переменится, все оборвется... там кажется заключение, венец. Совсем нет,— предупреждает Герцен,— там *начало*». «Провозгласить „независимость“ sans phrases *** мало. А другого ничего нет...— писал он,— и мне подчас кажется, что в тот день, когда Гарибальди бросит свой ненужный больше меч 〈. . .〉 ему останется всенародно обняться на берегах Тибра с своим maestro **** Маццини и сказать с ним вместе: „Ныне отпущаеши!“» (XI, 475).

В программе вождей итальянской демократии, утверждает Герцен, как и прежде, «опущен 〈. . .〉 существенный, животворный элемент» (XI, 472) — социальный вопрос, который должен стать центральным вопросом будущей итальянской революции. Однако в Италии 1860-х годов, где торжествовали буржуазные, умеренно-либеральные идеалы, Герцен не видел сил, которые могли бы осуществить эту революцию. Отсюда — пессимистические ноты в его письмах из Италии. «В 1847 г. я был при нарождении Италии, а теперь присутствую при ее кончине»,— пишет он М. К. Рейхель в декабре 1867 г. (XXIX, 239). А в начале 1868 г., обращаясь к Ж. Мишле, восклицает: «Я поездил по Италии — о, как это печально! Уго Фосколо может повторить свой «Pianto»» [26] (XXIX, 271). Этими настроениями порожден и парадоксальный путь, который предлагал Герцен итальянцам: «...провозгласивши в Риме единство Италии, вслед за тем провозгласить ее распадение на самобытные, самозаконные части, едва связанные между собой» (XI, 480).

Отдавая дань восхищения героическим образам двух близких ему людей, Маццини и Гарибальди, фанатически преданных «великому делу освобождения Италии», он видел в них вместе с тем «двух последних Дон-Кихотов революции 〈. . .〉 великих безумцев 〈. . .〉 трагический тип людей, переживающих свой идеал» (XVI, 166). Этими словами из «Концов и начал» Герцен как

---

* отбора (*франц.*).
** в конце концов (*франц.*).
*** без лишних слов (*франц.*).
**** учителем (*итал.*).



ПРИБЫТИЕ ГАРИБАЛЬДИ В ВЕНЕЦИЮ 27 ФЕВРАЛЯ 1867 г.
Гравюра Ф. Бланшара по рисунку Мартино дель Дона
«Illustration», 16 марта 1867 г.

бы прощался с «двумя величавыми тенями высшей вершины революционного хребта». Он был уверен, что «будущность их обеспечена, их два имени станут высоко и светло во всей Италии от Фьюме до Мессины и будут подыматься выше и выше во всей печальной Европе» (XI, 475).

В феврале 1867 г. Герцен специально задержался в Венеции, чтобы повидаться с приехавшим туда Гарибальди. Это была их последняя встреча. И вновь, как в Лондоне, более всего поразила Герцена неразрывная связь Гарибальди с простыми людьми: «Его настоящий хор — народные массы...». Лодочникам и рыбакам он говорил: «Как мне с вами хорошо и дома! Как я чувствую, что родился от работников и был работником» (XI, 472).

Не только судьбы Италии и ее люди оставались близкими Герцену в 1850—1860-е годы. По-прежнему велик был его интерес к итальянской истории, культуре, литературе. Его волнует игра замечательного трагика, «удивительного актера», одного из сподвижников Маццини — Г. Модены (XXIV, 261). Среди книг, которые Герцен советовал прочесть дочерям, были «Обрученные» Мандзони и «Воспоминания» Орсини [27]. Последнюю книгу он послал Ольге из Генуи в 1867 г. (см. XXIX, 248).

Жизнь детей Герцена в 1860-е годы тесно связана с Италией. Это в первую очередь касается сына Александра, жившего с 1863 по 1869 г. во Флоренции. Здесь он начал свою научную деятельность в качестве ассистента известного физиолога М. Шифа. Во Флоренции в 1868 г. Александр женился на Терезине Феличе, девушке из итальянской рабочей семьи. У Александра подолгу гостили Тата и Ольга со своей воспитательницей Мальвидой Мейзенбуг. Во Флоренции в 1869 г. развернулась драматическая история взаимоотношений Таты с слепым итальянцем Пенизи, закончившаяся для Таты тяжелым нервным заболеванием и рок ым образом отразившаяся на здоровье Герцена.

Как мы уже видели, Герцен начиная с 1863 г. не раз бывал в Итали бенно часто у детей во Флоренции. В 1867 г. он, кроме Флоренции, посетил Милан, Турин, ию и Геную. В Милане он восхищается «грандиозностью и необыкновенным изяществом» Новой галереи, слушает оперу в театре La Scala, посещает музей, любуется «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи (XXIX, 38, 41, 240). Венеция покоряет его как «самая поэтическая нелепость в мире». В Генуе он вновь убеждается, что это «бесспорно — один из красивейших городов Италии» (XXIX, 248).

Пессимизм Герцена в отношении ближайших перспектив Италии в 1860-е годы отнюдь не означал, что он не верил в зарождение в Италии «новых идеалов новой весны» (XVI, 166). Этой верой были проникнуты и стихи Огарева «День Данте», написанные им в 1865 г. по просьбе редакции итальянской газеты «Gioventù» к 600-летнему юбилею Данте. В письме в редакцию, опубликованном вместе с французским прозаическим переводом сонета, который был сделан им самим, Огарев писал: «Я считал своим долгом подать на празднике великого Данте русский голос, как бы слаб он ни был, лишь бы он выразил всю симпатию, питаемую нами к Италии, и всю нашу веру в ее будущее». Поэт обращался к Италии с призывом:

Готовь умы к концу твоих невзгод,
Чтоб вольности услышал твой народ
Заветные торжественные звуки.
И пусть славян многоветвистый род
Свободные тебе протянет руки [28].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Русская мысль», 1889, № 5, с. 14.

[2] З. М. Цыпкина. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения (1848—1852 гг.).— В сб.: «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». М., 1963, с. 30.

[3] «Чичероваккио меня спрашивал,— рассказывал Герцен в письме к П. В. Анненкову,— сколько дней надобно ехать из Константинополя до Сибири» (XXIII, 67).

[4] См. М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний. М., 1909, с. 54.

[5] Подробнее о Пинто и его отношениях с Герценом см. в ст.: E. Morelli. I fondi archivistici del Museo centrale del Risorgimento. Le carte di Michelangelo Pinto («Rassegna storica del Risorgimento», 1958, N 1, p. 115—118); «Лит. наследство», т. 64, с. 443—445.

[6] О преимуществах либеральных порядков в Пьемонте по сравнению с абсолютистскими режимами других итальянских государств Герцен писал и позднее. Так, в статье «Революция в России» (1857) он отмечал, что под давлением общественного мнения и «несчастной войны» (по-видимому, имеется в виду Крымская война) «на наших глазах переродился Пиэмонт ‹. . .› Физиономия городов, народонаселения изменилась, везде новая, удвоенная жизнь, открытый вид, деятельность...» (XIII, 22). Сохраняя известные либеральные иллюзии, Герцен допускал тогда, что революция в России не обязательно должна развиваться по французскому образцу, но приемлема также модель Англии или Пьемонта.

[7] F. Venturi. Esuli russi in Piemonte dopo il 1848. Torino, 1959, p. 105—107.

[8] Ibid., p. 104. См. Л. Ланский. Неизвестные строки Герцена («Книжное обозрение», 1969, № 28, 11 июля, с. 12), где обе надписи в русском переводе воспроизведены впервые.

[9] F. Venturi Op. cit., p. 56.

[10] Ibid., p. 50—53.

[11] Петербургский период истории России, писал Герцен, «по прекрасному выражению одного из сотрудников журнала», был назван в этой рецензии «пятым актом кровавой драмы, происходящим в публичном доме» (VII, 332).

[12] F. Venturi. Op. cit., p. 72.

[13] Особенно подкупала Герцена в Медичи необыкновенная чуткость. Стремясь развлечь своего русского друга в самое черное для него время, Медичи приходил к нему и поздним вечером, и ранним утром, чтобы «поболтать» или прогуляться вдвоем (X, 77). Вскоре после отъезда Герцена из Генуи в Лондон Медичи пишет ему письмо, где, как и Маццини, отговаривает от намерения отправиться в Америку. Он призывает Герцена снова вернуться в Италию: «Вернитесь сюда, у вас здесь истинные друзья. Подумайте и о том, что наша боевая арена — Европа; если борьба начнется в Италии, мы братски подадим друг другу руки, мы вместе будем жить боевой, бурной жизнью; это будет новая жизнь для нас, полная поэзии и чувства, которая каждый миг будет напоминать нам: ты — сильный... Друг С‹аффи› говорил мне о вас; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассе, и от всего сердца благодарю вас... Козенец, Пизакане, Меццакапо и др. поручили мне передать вам их привет, мы все вас любим, как брата» (Былое», 1907, № 5, с. 221).

[14] См. публикацию писем Герцена к Саффи в «Лит. наследстве», т. 64, с. 349—358.

[15] М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.— Л., 1933, с. 240—241, 274—276.

[16] A. Saffi. Ricordi e scritti, v. IV. Firenze, 1901, p. 58—59. Узнав из газет о смерти Герцена, Саффи обратился 26 января 1870 г. к А. А. Герцену с письмом, полным «глубокой сердечной боли». «Хотя наша частная жизнь в Италии не имела больше связи с его жизнью,— писал он,— ни время, ни расстояние не ослабили моей привязанности к нему ‹. . .› Целая фаза моей жизни — фаза серьезная: изгнание возрождает в моем воспоминании образ Герцена в его лучших чертах. Он любил меня, и я сильно любил его. И до конца жизни я его не забуду» («Лит. наследство», т. 63, с. 535).

[17] О взаимоотношениях Герцена с Пьянчани см. в «Лит. наследстве», т. 64, с. 359—418.

[18] Об этом, в частности, свидетельствует неизданное письмо сына Герцена к Пьянчани от 27 декабря 1864 г. Вот текст этого письма в переводе с французского:

«Мой дорогой господин Пьянчани! Только что я получил письмо от моего отца, в котором он говорит мне окончательно, что не едет во Флоренцию и что я должен приехать к нему в Женеву; я уезжаю сегодня же и вот почему не могу зайти поблагодарить вас лично за ваше письмо к моим сестрам; делаю это письменно.

Пользуюсь случаем, чтобы представить вам моего задушевного друга, доктора Эмиля Левье, о котором я вам говорил.

Я приду повидаться с вами, как только вернусь,— приблизительно недели через две. Пока же дружески жму вам руку.

Преданный вам А. Герцен-сын».

Печатается по микрофильму с автографа *BN*. Перевод Л. Р. Ланского.

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 445.

[20] «Лит. наследство», т. 62, с. 546.

[21] См.: «Архив Огаревых». М.— Л., 1930, с. 24—25, 33.

[22] Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 265; «Лит. наследство», т. 62, с. 561.

[23] М. Гершензон. Западные друзья Герцена («Былое», 1907, № 5, с. 220).

[24] Для оценки Кавура и Маццини Герцен использует известный евангельский рассказ о сестрах Лазаря — практичной Марфе и восторженно-созерцательной Марии.

[25] Венеция была возвращена Италии в 1867 г., Рим — после поражения Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг.

[26] Название книги У. Фосколо, означающее в переводе «Плач».

[27] См.: A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. P., 1970, p. 49, 53; «Лит. наследство», т. 64, с. 618, 620.

[28] «Лит. наследство», т. 61, с. 906—907.

ПЕРЕПИСКА С ИТАЛЬЯНСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К М. ГУАСТАЛЛЕ И ДЖ. ДОЛЬФИ.— ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Ф. АБИНЬЕНТЕ, М. КВАДРИО, ДЖ. МАЦЦИНИ, А. МОРДИНИ, Ф. ОРСИНИ, Л. СПИНИ, П. ФАБРИЦЦИ И А. ЦАНЕТТИ

Публикация и комментарии М. И. Ковальской, М. Куна (Будапешт) и В. Е. Невлера*

Л. СПИНИ — ГЕРЦЕНУ И Н. А. ГЕРЦЕН

Публикация М. И. Ковальской

Среди первых друзей, появившихся у Герцена за несколько месяцев его пребывания в Италии в конце 1847 — начале 1848 г., был Леопольдо *Спини* (1815—1861). Уроженец Равенны, он около 1840 г. окончил юридический факультет Римского университета. В начале 1840-х годов Спини был связан с подпольной революционной организацией «Giovine Italia» («Молодая Италия»), возглавлявшейся Маццини. Однако и тогда, как и позднее, его политические убеждения, по-видимому, не были достаточно последовательны и тверды, о чем свидетельствовал отзыв о нем Маццини: «Душа Спини полна страха» (З. М. Цыпкина. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения, с. 33).

В 1847 г. Спини стал редактором либеральной газеты «Italico», а затем созданной на основе слияния ее с «Bilancio» газеты «Epoca», начавшей выходить в Риме 16 марта 1848 г. Программа газеты в начале революции 1848 г. сводилась к требованиям «порядка, мира 〈. . .〉 спокойных дискуссий, мирного и непрерывного прогресса» (G. Leti. La rivoluzione e la Ripubblica romana. Milano, 1948, p. 18). Как видно из публикуемых ниже писем Спини к Герцену, взгляды редактора в главном совпадали с установками либералов. Он был сторонником конституционных реформ и верил в то, что папа Пий IX сможет стать подлинным вождем национального движения за независимость и единство Италии. Развитие событий 1848 г. способствовало эволюции политических взглядов Спини. Вялость и нерешительность Пия IX, его враждебная позиция в отношении антиавстрийской войны освободили Спини от иллюзий насчет папы. Предательская политика короля Сардинии Карла Альберта в ведении войны, обнаружившаяся вскоре после начала развертывания военных действий, заставила Спини отказаться также и от надежд на то, что Карл Альберт сумеет возглавить борьбу за освобождение Италии. Немалое воздействие на

* Письма Герцена к Гуасталле и Дольфи, а также письма к Герцену Квадрио и Маццини перевел Л. Р. Ланский. Остальные — М. И. Ковальская. В работе над публикацией участвовала К. Ф. Мизиано.

него в этом направлении оказал Герцен. Недаром в одном из своих писем Спини, вспоминая о спорах с русским другом, признает, что тот был прав в своем враждебном отношении к монархам вообще и к Карлу Альберту в частности.

Радикализация взглядов Спини, давшая основание Герцену назвать его «решительным революционером» (V, 113), отразилась и на тоне статей в газете «Ероса». Герцен с радостью отметил это в своих «Письмах с via del Corso», указав, что умеренные либералы «испугались радикализма, который стал высказываться прямо и открыто» в «Ероса» (V, 294).

Знакомство с комплектом этой газеты за март — июнь 1848 г. дает возможность проследить, как мирный, благожелательный тон в оценке деятельности Пия IX и Карла Альберта, терпимость даже по отношению к злейшим врагам любого прогресса — иезуитам — постепенно сменяются все более решительными требованиями объявления войны Австрии, организации армии, ее снаряжения, критикой итальянских правительств за пассивность в военных действиях, обличениями контрреволюционной политики неаполитанского короля Фердинанда II, резким осуждением выступлений иезуитов. Отстаивая самые широкие буржуазные свободы — неограниченную свободу слова, юридическое равенство, суверенитет народа и т. п., газета приходит, например, к такому выводу: «Теперь уже не время размышлять, является ли демократия наилучшей формой организации общества, поскольку она стала единственно возможной формой» («Ероса», 1848, № 18, 6. IV).

Немудрено, что в Риме, где позиции врагов революции были очень сильны, начинается травля газеты. Ее издателей обвиняют в открытой проповеди республиканских и демократических идей. Это обвинение, казалось бы, подтверждается рядом публикаций. Так, на страницах «Ероса» время от времени появляются перепечатки из газеты «Italia del Popolo», редактируемой «самым либеральным из либералов» (по определению «Ероса») Дж. Маццини.

Однако несмотря на некоторые весьма радикальные общие декларации (которые дали Герцену основание сообщить своим московским друзьям о появившемся в «Ероса» «республиканском колорите», чему он, Герцен, способствовал,— XXIII, 90), газета, по существу, продолжала сохранять близость к либеральному правительству Теренцио Мамиани, «способного и мужественного руководителя», «нашей славы» («Ероса», 1848, № 36, 27.IV; № 43, 5.V). В ней резко осуждались социальные волнения римских рабочих, требовавших «хлеба и работы», а также выступления бланкистов в Париже за создание «угрозы анархии» (№ 35, 26.IV; № 41, 3.V и др.).

Из сочинений и писем Герцена, а также из публикуемых ниже писем Спини очевидно, что Герцен, его семья и друзья очень сблизились со Спини. Они вместе совершали прогулки по Риму, вместе отправились в Неаполь; Герцен и Спини делились мыслями о ходе событий в Италии; Спини помог найти пропавший в Неаполе портфель Герцена и пр. (см. V, 114—122).

Четыре дошедших до нас письма Спини к Герцену и его жене (письма Герцена к Спини неизвестны) представляют собой яркие и эмоциональные свидетельства очевидца и участника событий 1848 г. Надо полагать, что они служили для Герцена наряду с итальянской прессой и с газетой «Ероса» основными источниками его информации об итальянских делах.

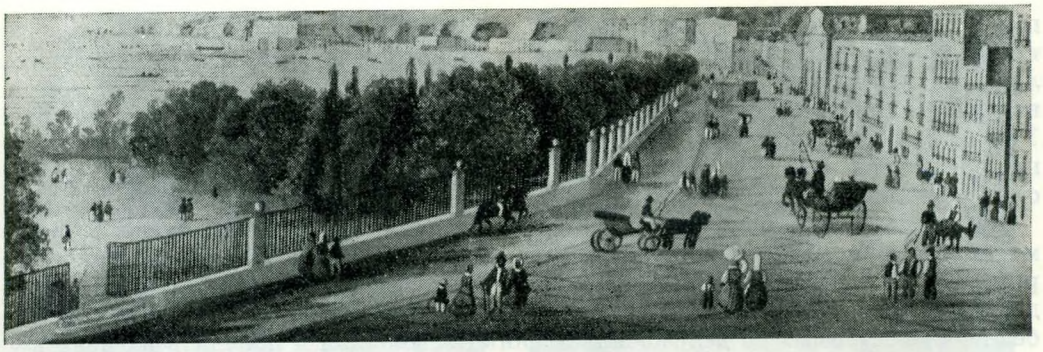
В письмах Спини с большой полнотой отразилось и его огромное уважение к Герцену и глубокая привязанность к его семейству. Особенно эмоционально его письмо к Н. А. Герцен. Следы исключительно теплого расположения жены Герцена к Спини мы находим в ее переписке с Н. А. Тучковой 1848—1849 гг. («Русские пропилеи», т. IV. М., 1917, с. 251, 255).

В период Римской республики 1849 г. Спини, вновь сблизившись с Маццини, выполнял обязанности секретаря триумвирата республики. После поражения революции он эмигрировал в Женеву, где сотрудничал в газете Маццини «Italia del Popolo».

О своей встрече со Спини в Женеве Герцен рассказывал М. Ф. Корш в письме от 4 августа: «1 августа ⟨...⟩ получаю я письмо от Leopoldo, от которого мы давным-давно не имели вести; он пишет с тем же жаром, болезненно-дружеским, как вы знаете, кланяется вам, Тучковым, etc., etc. ⟨...⟩ Ну, я и иду, рад, что узнал о хорошем человеке. Вдруг мне кто-то кричит с набережной ⟨...⟩: «Да это вы?» — и Leopoldo пошел обниматься и по обыкновению кашлять от аневризма.— Давно ли? — Сейчас приехал ⟨...⟩ Он еще более исхудал, но все так же интересен. Дожидается меня в Женеве. Видите, чего не бывает: мы с ним примемся опять играть дуэты *, которыми душили всех» (XXIII, 171).

Дружба Герцена со Спини после 1849 г. прерывается. И это неудивительно, поскольку с того времени Спини совершенно отходит от политической деятельности. Женившись на какой-то

* Вероятно, Герцен имеет здесь в виду свои оживленные беседы на политические темы и споры со Спини.—*Ред.*



НЕАПОЛЬ. НАБЕРЕЖНАЯ ПОЗИЛЛИПО
Рисунок неизвестного художника (гуашь), 1840-е гг.
Литературный музей, Москва
«Неаполь нельзя не любить ⟨...⟩ что за удивительный край!» («Письма из Франции и Италии»)

жительнице пригорода Женевы, он торгует в булочной, принадлежавшей его теще, а позднее становится преподавателем итальянского языка и литературы в школе. По-видимому, столь ранний уход Спини из рядов итальянского освободительного движения явился причиной того, что он оказался фигурой, почти забытой итальянской историографией.

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BPUG*. Впервые опубликованы В. Вюильмье на языке оригинала в *AAH*, 67—76.

Перевод с итальянского:

1
Л. Спини — Герцену

Рим, 9 мая 1848 г.

Дражайший мой Герцен,

Выражаю вам, насколько я способен это сделать, мое чувство благодарности за то, что вы тотчас же написали мне из Чивитавеккья [1]. Вы не можете себе представить, какое для меня благо то, что вы столь любезно храните память обо мне: прошу вас, сохраняйте ее, а я, со своей стороны, можете быть уверены, всегда буду отвечать вам тем же.

Я почти доволен тем, что вас не оказалось в Ливорно, и знаете почему? Потому что это обстоятельство невольно помогло вам осуществить ваше намерение побыстрее отправиться в Париж, и поэтому оно может также приблизить ваше возвращение в Италию, а для меня, таким образом, возможность снова увидеться с вами.

Сразу же после вашего отъезда моя счастливая звезда слегка помучила меня, а вернее, даже вовсе не слегка, наслав на меня желудочную колику, которую я переносил на ногах до воскресенья. Но затем она стала столь острой, что вызвала воспаление, и я вынужден был нежно уложить ее с собой в постель и весьма усердно ухаживать за ней. Два дня я был без сознания из-за сильной боли и лихорадки. Однако четыре пиявки более или менее вернули меня к жизни. Я мирился с вынужденным отдыхом до вчерашнего дня, но больше не смог. Теперь я уже на ногах, хотя боль еще не совсем затихла.

Такова моя слишком затянувшаяся история с момента, когда мы расстались. История, мало приятная и тем более досадная, что болезнь свалила меня в то время, когда мне было необходимо особенно активно действовать. Теперь вы уже знаете о событиях в Риме в связи с папским «Обращением» от 29 апреля [2]. Итак, в момент, когда я считал своим долгом предпринять кое-что и что-то мне удалось уже сделать, дьявол подставил мне ножку и загнал в постель. Какие дни пережил Рим, дни, достойные того, чтобы вы их увидели! Если бы не существовало реальной угрозы реакционных выступлений со стороны жителей Монти и Трастевере [3], если бы в нынешней итальянской обстановке хотя бы несколько дней могла продержаться

гражданская война, если бы... если бы... и еще множество «если бы», вместе взятых, не воспрепятствовали осуществлению прекрасных планов до того, как я свалился в постель, то в Риме, безусловно, уже было бы провозглашено Временное правительство и великое слово «Республика» было бы запечатлено на наших знаменах. Увы! С Римом и папством дело провалилось; мои планы уже утратили свое значение. Я был, вы знаете, антиальбертистом — теперь же я, напротив, стал альбертистом [4]. Но вы не возмущайтесь, погодите.

Мое отношение к политическим проблемам Италии прошло три этапа: сторонник монархов до момента предоставления ими конституций и до революции в Вене; республиканец-папист; а теперь — альбертист. Сначала представлялось необходимым обеспечить согласие между монархами и народом, чтобы добиться свободы без неосуществимых на деле насильственных революций и побудить их начать войну за независимость. Добившись первой цели, следовало собрать все внутренние силы вокруг единого италийского начала, а таковым было папство, которое должно было преодолеть тщеславие могущественных монархов и добиться полного освобождения народов. Однако же создание Италии, которая находилась бы под главенством папы, что вело бы, по-моему, к тому, о чем я говорил выше, означает, по существу, лишь объединение вокруг меча и решительный отказ от великого пастыря. Ибо итальянцам нужно знамя, вокруг которого они могли бы объединиться, особенно теперь, когда вспыхнула отнюдь не легкая война. Таким единственным знаменем является Карл Альберт: нужно дать разгореться тщеславию честолюбивейшего савойца, будь он даже самим дьяволом (а Иудой он и так уже является), во имя того, чтоб он боролся, победил, завладел всем и соорудил единое национальное здание...[5] Позднее, где-то за пределом достигнутого, там, во тьме, пусть те, кто захочет, создадут машину по образцу Фиески, но усовершенствованную настолько, чтобы удар наносился наверняка [6]. Разработайте, хотя бы начерно, сцену свержения короля и династии, а что касается меня, то я не только не был бы недоволен, но даже, напротив, был бы весьма рад и готов оказать помощь всякому, кто взялся бы за исполнение этого акта. Когда развалины бедной Италии будут скреплены цементом, мастер-каменщик окажется ненужной помехой, паразитом-трутнем, который должен быть изгнан из улья. Все это так, но сначала он является необходимым элементом, премьером в опере.

О, этот папа, этот папа! Он перешел все границы, и я этого ему не прощу. Не прощу, кроме всего прочего, потому, что он заставляет меня изменять самому себе, вынуждает меня называть хорошим того, кого я презираю и ненавижу, как это произошло с Карлом Альбертом. Он заставляет меня быть политическим иезуитом, чего я хотел бы меньше всего. А ведь если бы папа, обратите внимание, именно папа, созвал в Риме Национальное собрание и провозгласил свободу, освобождение народов, то он стал бы могучей, высшей силой. Он собрал бы вокруг Рима, по моему мнению, не только итальянское, но европейское начало. Ни одна нация не могла бы иметь преимущества перед моей дорогой Италией. Вот каким я был папистом, католиком, чего никак не мог взять в толк господин Тучков [7].

Великая республика в Риме стала бы моральной силой на Западе, она сосредоточила бы в себе судьбы нового европейского общества, дала бы новое направление в развитии цивилизации. Прощай всё, прощай всё! Но, теряя всё, мы спасаем по крайней мере хоть что-то. Если нельзя принести благо всему человечеству, следует подумать о нации. Поэтому с эгоистической точки зрения я говорю и всегда говорил, понимаю и всегда понимал: сначала — свое, самое близкое, потом — более отдаленное, сначала — благо, потом — слава.

Мамиани — министр внутренних дел, глава правительства [8]. Можете поверить, что мне это почти неприятно! Причина? Она проста. У меня душа свободная, как птица, и я хотел бы быть свободным во всем и всегда. Теперь же я вынужден насильно быть связанным с чужой волей, я оказываюсь, так сказать, введенным в правительственную сферу. Друзья говорят мне: «Почему ты недоволен? Ведь власть применяет твои принципы. Неужели ты хочешь противостоять собственным принципам?» Я не говорю этого и не намерен так действовать. Пока власть на деле будет соответствовать моим принципам, я, безусловно, не собираюсь отступать

МЕДАЛЬ В ЧЕСТЬ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ В ЛОНДОНЕ

Барельеф. Работа К. Винера (бронза), 1863]

На лицевой стороне — портрет Герцена, надпись: «Alexander Herzen» и подпись скульптора: «Ch. Wiener». На оборотной стороне надписи: «First decennium of the free Russian Press in London» («Первое десятилетие Вольной русской печати в Лондоне»); «1853—1863»; «Земля и Воля». «Vivos voco!»

Экземпляр, принадлежавший Герцену

Музей Герцена, Москва

от нее ни на шаг, но многое здесь причиняет мне огорчение... Видите, я рассуждаю почти так, как если бы был сторонником Бабёфа.

Простите за бесконечную нуднейшую болтовню: уже столько дней я не беседовал с вами, поэтому я чувствовал потребность говорить с вами как можно дольше. Я увлекся политикой и поэтому изливал душу без всякой жалости к своей жертве.

В Париже ли еще господин Тучков? Если он там, то пожмите ему руку столь же крепко, сколь велика моя привязанность к нему, передайте его семейству бесчисленные выражения моего глубокого уважения. Что сказать мадемуазель Мишель [9] (сколь нежно воспоминание о ней), чтобы слова выразили всю силу моего чувства?

Пинто [10] шлет бесчисленные поклоны и благодарит за память о нем...

Если мадемуазель Корш [11] не сумеет послать мне апельсин, то пусть пришлет хотя бы сигарету! Пусть она вспомнит о бедном Леопольдо и его не всегда приятных для окружающих привычках и пошлет ему никотиновое, наркотическое утешение... Да нет, пусть лучше пошлет слово, свидетельствующее о том, что она помнит обо мне; ведь это гораздо дороже, чем все другие утешения. С первым же письмом я пошлю одну новую народную песню с нотами, и м-ль Корш исполнит ее вместе с м-ль Эрн [12] (не знаю, правильно ли я написал ее имя). Передайте и ей мое глубочайшее почтение. У меня кончилась бумага, но не кончилось желание писать еще. Всяческие поклоны — вашей матери, самые сердечные приветы малышам.

Готовый выполнить любое ваше желание, горячо преданный вам

Л. Спини

На конверте:

Господину Александру Герцену, поручено передать через господина Ротшильда в Париже.

[1] Письмо Герцена к Спини от 28 апреля из Чивитавеккья неизвестно (см. *ЛЖГ* I, 449).

[2] 29 апреля 1848 г. Пий IX выступил в консистории (совещание кардиналов) с «Обращением» («Аллокуцией») — ответом на меморандум кабинета министров; в этом меморандуме содержалась просьба определить политическую линию в отношении войны с Австрией. Папа

осудил эту войну и заявил, что солдаты Папского государства были посланы к границам только для защиты целостности и безопасности его владений. Это заявление знаменовало важный поворот в папской политике, начавшей развиваться в реакционном направлении. Оно привело к окончательному крушению широко бытовавшего дотоле в Италии и во всей Европе мифа о либеральном папе, которому предназначено стать во главе борьбы за национальную независимость и единство Италии.

[3] *Монти и Трастевере* — районы Рима, жители которых в большинстве своем были сторонниками сохранения светской власти папы и крайне враждебно относились к либеральному правительству Мамиани (см. V, 295—296).

[4] Приверженцев точки зрения, будто Карл Альберт — единственный человек, который может возглавить итальянское национально-освободительное движение, называли альбертистами, противников — антиальбертистами.

[5] Эта мысль Спини чрезвычайно близка к следующему рассуждению Маццини: «При всем отвращении, которое я питаю к Карлу Альберту, палачу моих лучших друзей, при всем моем презрении к его слабой и коварной натуре <. . .> будь он достаточно честолюбив, чтобы захотеть объединить Италию,— я дал бы на это мое благословение» (G. M a z z i n i. Scritti editi ed inediti, v. 33. Imola, 1921, p. 218).

[6] Спини имеет в виду покушение на жизнь французского короля Луи Филиппа, произведенное 28 июля 1835 г. группой заговорщиков во главе с корсиканцем Дж. Фиески. В момент, когда король со свитой отправлялся на празднование годовщины июльской революции 1830 г., с помощью «адской машины» был осуществлен взрыв. Луи Филипп остался невредим, но вокруг него оказались убитые и раненые.

[7] Алексей Алексеевич *Тучков* (1799—1878) — декабрист, друг Н. П. Огарева, отец Н. А. Тучковой-Огаревой. Во время пребывания с дочерьми в Риме в 1848 г. он поддерживал дружеские отношения со Спини.

[8] Граф Теренцио *Мамиани делла Ровере* (1799—1885) — итальянский политический деятель, ученый и писатель, активный участник либерального движения в Папском государстве. Ему было поручено формирование конституционного правительства, созданного 4 мая 1848 г., где он занял пост министра внутренних дел, но фактически был главой правительства, отстаивая необходимость продолжения войны с Австрией и создания лиги итальянских государств. В 1860—1861 гг. Мамиани занимал пост министра просвещения в правительстве Кавура, затем ряд дипломатических постов.

[9] Каролина *Мишель* — француженка-гувернантка дочерей А. А. Тучкова.

[10] Микеланджело *Пинто* (1818—1910) — журналист, историк и историк литературы. Вместе со Спини редактировал газету «Ероса». См. о нем в «Лит. наследстве», т. 64, с. 441—445.

[1] Мария Федоровна *Корш* (1809—1883) — близкий друг семьи Герцена; сопровождала ее в поездке за границу.

[12] Мария Каспаровна *Эрн* (впоследствии по мужу Рейхель; 1823—1916) — друг семьи Герцена; как и М. Ф. Корш, уехала с ними в 1847 г. за границу.

2

Дж. Спини — Герцену

Рим, 25 июня 1848 г.

Будьте милосердны, пишите мне. Прошел уже месяц, как я послал вам письмо, на которое не получил ни слова в ответ. При тяжких муках, моральных и физических, которые мне приходится переносить, я чувствую потребность в утешениях дружбы: ведь только она поддерживает мое мужество. Я твердо знаю, что вы при вашей доброте знаете цену этому мужеству. Поэтому пишите мне, пишите.

Уже с месяц (после ужасных событий в Неаполе) [1], как груз моих обязанностей увеличился сверх всяких возможностей: никакой передышки. Напряжение возросло в десятки раз. Если бы результаты соответствовали затраченным усилиям, то это было бы святое дело. Но беда в том, что получается немногое или почти ничего. Я чувствую себя с каждым днем все более бессильным; я бы сказал, что почти теряю всякую надежду, всякую веру. Какой же тогда смысл будет иметь жизнь?

Вы правы, мой дорогой Герцен, в отношении Карла Альберта и всего многочисленного рода королей: вы правы, тысячу раз правы, и вы глубоко проникли в душу своего бедного друга. Читая вас, я от всего сердца жал вам руку. Вы правы также и во многом другом. И если я все же продолжаю оставаться среди тех, кто окружает правительство Мамиани (однако всегда на свой манер, т. е. сохраняя приверженность только одним принципам, только справедливым идеям и всю полноту моей свободы и независимости); если я продолжаю принадлежать к правительственной сфере в указанной выше манере, то в отношении Карла Альберта я су-

«ВОН ИНОЗЕМЦЕВ!»

Аллегория, символизирующая борьбу итальянского народа против владычества Австрии

Литография неизвестного художника, 1848

Из книги: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unitá d'Italia. Vol. 3. Milano, 1936

щий дьявол. Я задыхаюсь от гнева и чувствую, что разум покидает меня, когда я слышу, как по всей стране, по всей Италии, его провозглашают «Спасителем», «Победителем», «Триумфатором», подобно тому как в древнем Риме превозносили Неронов и Домицианов. И еще огорчительнее выслушивать, как каждое твое незначительное слово неодобрения о нем вызывает самые жестокие оскорбления в мой адрес; выслушивать, как тебя называют иезуитом, приверженцем австрийцев и прочее, и прочее. Однако, кто знает, может быть, со временем обстановка изменится к лучшему и я смогу наконец вздохнуть с облегчением. Мне уже теперь кажется, если не ошибаюсь, что я чувствую не слишком далекое легкое дуновение. Но и сейчас уже я не могу молчать; из-за нервной раздражительности я

часто теряю рассудок. Не иллюзии ли это, не обманет ли нас судьба во всем? — Кто знает, кто знает!.. Возвращаясь к Мамиани, следует признать в его правительстве то достоинство, что оно является до сих пор колесом, крушащим церковный правящий слой. Возмущение и почти открыто реакционные выступления этих сил происходят во все более угрожающих размерах. Распространяются уже не только письменные угрозы: угрожают вслух, угрожают целым группам людей, угрожают министерству, министру Мамиани, журналисту, который его поддерживает и выступает за свободу и войну. Они толпами носятся по улицам с криками подобного рода. Не знаю, до каких пределов и до каких проявлений еще дойдет реакция и смогут ли наши усилия ей противостоять. Сегодня утром в палате депутатов либеральная партия держала в карманах оружие, и я сам поступил так же, поскольку почти наверняка должно было произойти вторжение санфедистски [2] настроенных жителей Монти и Трастевере, которые хотели бы, организовав побоище, разогнать палаты, уничтожить конституцию, помешать дальнейшему развертыванию военных действий. На этот раз ничего не случилось, но — не сегодня, так завтра — только чудо сможет избавить нас от этого.

После всего того, что объясняет мою поддержку Мамиани в правительстве, я скажу, что наше несогласие с властью все же столь велико (и это, честно говоря, относится и к Мамиани), что в эти дни, когда правительство, разрушаемое постоянным противоборством с папой, находилось и находится накануне падения, мы, сотрудники «Ероса», принимая Мамиани на званом обеде (как это у нас заведено по праздничным дням), с непередаваемой радостью пили за падение правительства, поздравляя друг друга с тем, что в ближайшем будущем возможно возвращение к естественной нашей позиции противников правительства, а не его сторонников.

Но оставим это в стороне — Италия, эта несчастная Италия, как плохи ее дела! Вот коротко каково положение — судите сами: Карл Альберт, трусливый и тщеславный, как всегда, по существу, ведет себя двусмысленно по отношению к австрийцам, чтобы, ничем не рискуя, выиграть хоть кое-что. Он настолько малодушен, что из страха даже не жаждет победы. Он прижался к правому берегу Адидже. Из-за того, что он не оказал помощь, потеряна Виченца и потерпела поражение папская армия [3]. Из-за его ненависти к республиканским идеям и ревности к другим итальянским государствам потеряна Венецианская область. Он же король... Этим все сказано. Что теперь делать? Венецианская область — полностью в руках австрийцев, мы — без армии и даже без самой отдаленной надежды восстановить ее — при всем усердии небольшого числа участников движения и палат (страна обессилена, невыразимо обессилена, и даже более того). Неаполь — враг!.. И после этого еще сохранять веру — это ли не наивысшее проявление человеческого мужества? Но что же сказать о Неаполе, если дошло до того, что двенадцатитысячная армия, посланная для участия в войне за независимость, собиралась уже переправиться через По, и в это время бурбонская гиена расстреляла народ [4], отозвала свое войско, и эти негодяи подчинились [5]. В значительной своей части они рассеялись по Романье, мародерствуют и бушуют в Кампанье... но это еще полбеды. Хуже обстоит дело в самом Неаполе. Для него было сделано больше, чем в наших силах. Множество разного рода печатных изданий распространено в провинциях, но удалось поднять лишь немногие районы королевства. Хотя, по правде говоря, это самые боеспособные силы, но их все же было недостаточно для успеха дела. Однако с каждым днем там все более оживает призрачная надежда на то, что тиран будет изгнан.

Сицилия (подумайте только!) жаждет отдать себя во власть какого-либо короля: совместно с комиссарами, приехавшими оттуда, здесь предстоит по крайней мере обсудить их намерения [6]. Благодаря известному авторитету, который я приобрел у этих комиссаров, я мог бы сделать значительно больше, если бы знал, где обитает в Риме либеральная партия. Я спрашивал об этом на площадях, в адресных бюро, и никто не смог мне ответить. Она считает себя партией, но неизвестно, насколько это обоснованно. Кроме шуток, идея свободы вызывает теперь здесь зевоту: горе нам! Тем не менее, что касается Сицилии, то мой друг из «Ероса», который всегда просит меня передавать вам приветы [7], отправляется туда, чтобы добиться какого-

либо положительного результата, чего даже сегодня требуют от меня сицилийские друзья.

Но вернемся к Риму. Существует сильный и страшный Рим священников, а Рим либералов — это бледная тень без души и без нервов. Положение в Монти и Трастевере вызывает озабоченность, поскольку эти районы находятся в постоянном возбуждении из-за опрометчивых речей против либералов, войны и т. д. и т. п., с которыми время от времени выступает папа и которые распространяются среди низов. Со дня на день может наступить смертельный кризис для партии свободы... и тогда я, если останусь в живых, окажусь в Париже. Я собирался приехать туда в момент затишья, хотя мои друзья не слишком это одобряли. Теперь я вижу, что, хотят они этого или нет, я все равно должен буду думать об отъезде.

Считая, что не следует желать сильного правительства, вы были бы правы, если бы в Италии не шла война с иноземцами, война за свободу и независимость. Но теперь, скажу по чести, я бы хотел, чтоб у нас было даже не сильное правительство, а диктатор, который привел бы нас железной рукой к победе. Именно слабость, свойственная здешнему правительству, ведет к тому, что мы не можем получить даже одного солдата, хотя бы одного солдата, чтобы прогнать австрийцев. Эта идея сейчас владеет мной, и простите, что я почти неизменно придерживаюсь ее, хотя она и противоречит сокровенным чаяниям и чувствам моего сердца. И простите меня также за то, что я чересчур долго говорил о себе и здешних делах.

Итак, Франция находится в весьма грустном положении, по крайней мере, как мы ее видим из нашего далека! Сколько иллюзий терпит крушение! Кто победит? Что из всего этого получится? А бедный класс, который веками силится подняться со своего тяжкого ложа, проливает кровь, мечется в ужасных конвульсиях и просит у земли и у неба хотя бы часа отдохновения, просит мира и того, чтобы судьба избавила его от деспотизма и эгоизма. Будет ли этот бедный класс освобожден и получит ли он что-либо?.. Или же и на этот раз, как и в тысячу предыдущих, он восстал, вновь пролил кровь и опять оказался поверженным? Поверженным, изнуренным собственными бесплодными усилиями... угнетенным...*

[1] 13—14 мая 1848 г. в Неаполе состоялось предварительное совещание депутатов, избранных в палату депутатов; оно было посвящено обсуждению текста присяги депутатов при открытии палаты. В связи с этим возник острый конфликт между королем Фердинандом II и депутатами. Депутаты отвергли королевский текст присяги. Весть об этом конфликте вызвала сильное волнение в Неаполе. Вечером 14 мая в центре Неаполя появились баррикады. 15 мая войска заняли важнейшие стратегические пункты города. Героическое сопротивление восставших (их было всего около тысячи человек), преимущественно ремесленников и представителей мелкой буржуазии, было сломлено двенадцатитысячным войском и поддержавшими его неаполитанскими лацаронн. День 15 мая вошел в историю как контрреволюционный переворот, осуществленный неаполитанским королем.

[2] Понятие «санфедизм» родилось в период неаполитанской революции 1799 г., когда возглавивший контрреволюционное движение кардинал Ф. Руффо выдвинул лозунг защиты святой веры (santa fede). С тех пор всякое реакционно-клерикальное движение в любой части Италии называлось санфедистским.

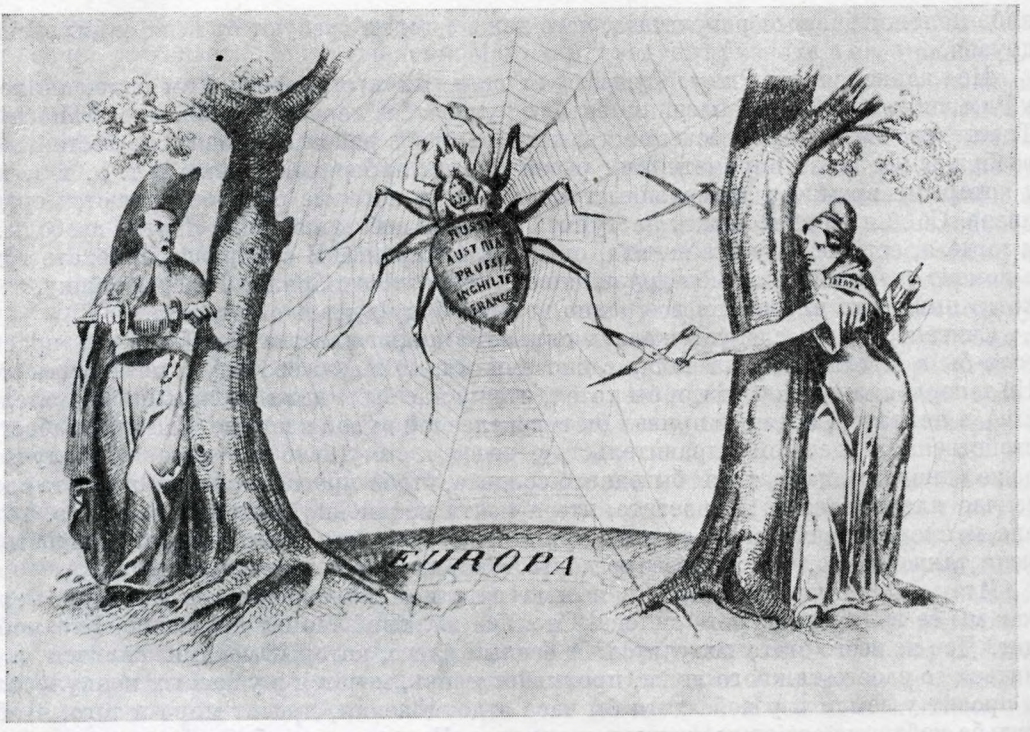
[3] В результате бездействия пьемонтского командования, упустившего благоприятный момент и не атаковавшего австрийские силы при их отступлении из г. Мантуи к р. Адидже в начале 1848 г., австрийский фельдмаршал Радецкий перешел в наступление и с тридцатитысячным войском 10 июня атаковал г. Виченцу. Защищавший город одиннадцатитысячный корпус папских войск под командованием генерала Дурандо оказал отчаянное сопротивление, но вынужден был капитулировать.

[4] Имеются в виду события 15 мая — см. прим. 1.

[5] Информация об этом событии, полученная Спини, оказалась не совсем точной. В действительности генерал Г. Пепе, командовавший экспедиционным корпусом, получив 22 мая приказ немедленно вернуться в Неаполь, решил не выполнять распоряжения короля и двинуться в Венецианскую область. Однако большинство офицеров и солдат корпуса воспротивились этому и покинули Пепе. За генералом последовали лишь два батальона волонтеров и некоторые регулярные воинские части (главным образом артиллерийские и инженерные). 8 июня отряд Пепе переправился через р. По и 13 июня прибыл в Венецию. Пепе был назначен главнокомандующим сухопутных войск Венецианской республики.

[6] 13 апреля 1848 г. по решению сицилийского парламента Бурбонская династия была лишена прав на сицилийский престол. Было решено также, что новым королем сможет стать лишь

* Конец письма не сохранился.— *Ред.*



«НИТЬ ПЕНЕЛОПЫ»

Карикатура, высмеивающая попытки европейской реакции и итальянских клерикалов подавить освободительное движение в Италии

Сатирический журнал «Don Pirlone», 1849 (редактор — Леопольдо Спини)

один из итальянских принцев. Руководители Сицилии собирались предложить корону либо герцогу генуэзскому, второму сыну Карла Альберта, либо лотарингскому принцу — второму сыну великого герцога тосканского Леопольда II.

[7] По-видимому, М. Пинто. См. вступительную статью к настоящей публикации.

3

Л. Спини — Н. А. Герцен

〈Рим.〉 1 октября 〈1848 г.〉

Среди единственно возможных утешений в эти горестные для моей Родины дни [1] одним из самых больших было ваше дорогое письмо, которое, позвольте мне признаться в этом, я прижал к своему сердцу, как желаннейшего друга. Что остается мне теперь, кроме мыслей и чувств благородной души, которая меня понимает и благоволит даровать мне чувство того возвышенного сострадания, которое ободряет и не унижает?

О бедах моей Родины вы, конечно, знаете. Более страшные разочарования в такой краткий срок и не могли бы нас постигнуть. Признаюсь, что, хотя я за многие годы приучил себя не питать больших надежд, тяжкая беда, разразившаяся столь быстро, ошеломила меня до глубины души. Я мог предвидеть поражение на поле битвы, но всего того непостижимого, что случилось, я никогда, никогда бы не ожидал. Как можно было предположить, что наступит такое охлаждение, апатия, хуже того, я бы сказал ярость в отношении к либеральным идеям, полная, всеобщая, абсолютная! Что ни говори, остается лишь незначительное и слабое меньшинство, которое еще горит желанием посвятить себя Родине и *мечтает* о ее возрождении, о ее независимости. Сколько горестей пришлось вынести, сколько страданий приходится переживать ежечасно от укоров, ненависти, ярости, причем я имею здесь

КАРИКАТУРА НА ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ ЛУИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Луи Наполеон пытается погасить свет «славы и чести Франции»

Подпись: «У всякого свой вкус. Мой дядя зажег, а я погашу»

Отклик на поддержку, оказанную Францией папскому Риму в его борьбе с итальянским освободительным движением

Сатирический журнал «Don Pirlone», 1849 (редактор — Леопольдо Спини)

в виду не правительство, что общеизвестно, но собственных сограждан, которые в разгар событий поддерживали тебя, а теперь подло возлагают на тебя всю тяжесть вины, считая, что именно ты погубил Родину. О господи, господи, это ужасно! Мужество, которое не покидает и не покинет этих немногих до последнего дыхания, дает им силы оказывать сопротивление правительству, из-за неорганизованности и глупости еще не рискующему предпринимать то, что даже при всей его слабости все же могло бы предпринять. Мы будем бороться до самого конца: поддержкой нам — наша совесть. В сердцах наших издавна живет мысль, что лишь в самих себе и в убеждении, что мы действуем правильно, можно найти награду за свои дела. И хотя то, к чему мы стремимся, лишь витает в воздухе, мы и теперь, когда нас хотят накрепко *связать*, смело идем своей дорогой. Борьба против Мамиани достигает невероятной силы, «Contemporaneo» и «Ероса» будет трудно противостоять непрерывным ударам в виде вызовов, процессов, угроз и всеобщего отступления их союзников. Пыл газетенок, находящихся на содержании у правительства, который направлен против нас, именно против нас, захлестывает страну. Народ жадно глотает эту пищу, и я бы сказал, что скорее от народа, чем от правительства, мы можем ожидать каких-либо насильственных действий.

Чтобы отбиться от этих мелких газеток, мы с Пинто придумали один дерзкий, учитывая условия в Риме и наше положение, шаг: издание листка, который разоблачал бы происки обскурантизма, иезуитов и т. д. и т. п. и содержал бы аллегорические карикатуры. Для подобных изданий существует закон о предварительной цензуре. Очень тонко, но вместе с тем с предельной откровенностью мы выпустили в свет свой листок, не представив его вышеназванной цензуре. Вопли поднялись до небес. Обскурантизм служил и служит дьяволу. Открытый процесс, вызовы, вну-

шения, вплоть до прямого строжайшего порицания папы. А мы идем вперед, говоря себе: «Следуйте своим путем», пользуясь тем, что закон не может быть осуществлен по сути своей в условиях конституционного режима вследствие определенных обстоятельств места и времени, которые нетрудно обнаружить у такого правительства, как наше, скроенного из столь старых и рваных лоскутков. Кажется, что правительство пока побаивается публичности и действует исподтишка, но газета тем временем выходит. Благодаря одному из противоречий, органически присущих Риму, где рады посмеяться над каждым, народ получает удовольствие от листка, в котором высмеиваются священники, кардиналы, папа, обскурантисты и т. д.— одним словом, его нынешние идолы. Газету принимают так хорошо, что только здесь каждый день неизменно продается по 1 700 экземпляров; факт весьма значительный, если иметь в виду всю страну. Название этого маленького листка «Don Pirlone» [2], то есть итальянизированный мольеровский «Тартюф». Можете представить себе, каких усилий нам это стоит, если никто из нас раньше не умел написать ни строчки в юмористическом стиле, если у нас нет ни одного карикатуриста... Однако по воле божьей дело идет вперед.

Но хватит обо всех здешних докучных делах. Что касается вас, то вы не поверите, как тяготит меня мысль увидеть вас все еще столь огорченными тем, что происходит повсюду. Мое сердце глубоко чувствует ту боль, которую наверняка вы испытываете в это несчастное время. Те мгновения, которые принадлежат мне, я целиком посвящаю мыслям о вас, и они служат единственным и великим утешением. Я думаю о прошедших минутах, совсем кратких мгновениях, и сердце наслаждается воспоминаниями о них, как если бы они все еще длились. Я потерял теперь всякую веру, одно все же продолжает жить во мне—это *дружба*, та нежная и сладостная дружба, о которой мне так много раз говорил ваш голос. На днях я побывал во Фраскати и вспоминал нашу прогулку по паркам, заход солнца, свое настроение в этот день, красные ягодки, собранные для малышки Наталины и маленького Александра. Вчера в Тиволи я обедал в гостинице Сибиллы и вновь увидел собачонку, которую маленький Александр, невинно шутя, назвал (не знаю почему) «портретом мадам Герцен»! Меня смешит это немыслимое сопоставление, даже когда я пишу об этом! Я побывал и у маленьких каскадов и думал о сравнениях, которые приходили мне на ум в тот день... Я вспомнил любимые стихи Гете об Италии, прочитанные мне вами и господином Герценом. А здесь — вилла Дориа, Пинчо, Колизей, термы Каракаллы — ах! — термы Каракаллы при прекрасном лунном свете [3], они всегда говорят мне о вас, только о вас!.. Я очень несчастлив, но у меня есть сокровища, позволяющие мне переживать великие мгновения, беспредельные, как вечность, и счастливые, поистине счастливые. Как бы ни была тяжела жизнь, она имеет великие блага... Однако простите меня за мою обычную меланхолию, я сам не люблю ее, не могу ее любить и хотел бы, чтоб она исчезла.

Я очень огорчился, узнав о возвращении мадемуазель Наталины в Россию, прежде всего за этого милого ангела, а затем за вас [4], ведь вы окажетесь так далеко друг от друга! Сделайте милость, напомните ей обо мне, когда будете ей писать. Мне также жаль, что мадам Корш покинула вас.

Однако ваша душа полна такой силы и философии, такого величия (поэтому в ней всегда вижу образец для подражания, которого почти не надеюсь когда-нибудь достигнуть), что вы, конечно, перенесете эти лишения менее болезненно, чем это могли бы сделать другие. О, утешьте меня дорогой надеждой, что я снова увижу вас и вновь пожму вашу руку; скажите мне, что я вновь увижу в Италии господина Герцена, если хотите доставить мне самое большое на свете удовольствие.

Напомните обо мне малышам, которых я нежно целую, позвольте через вас поклониться и мадемуазель Герц [5]. С изъявлением глубоких и неизменных чувств сердечного уважения

верный вам Л е о п о л ь д о

[1] 16 сентября 1848 г. в Риме П. Росси сформировал реакционное правительство «сильной власти». Был усилен полицейский аппарат и ограничена свобода печати. Внешнеполитический курс Росси противостоял тенденциям возобновления войны за независимость Италии.

[2] Сатирический листок «Don Pirlone» начал выходить 1 сентября 1848 г. Редакцию возглавлял М. Пинто. Несмотря на преследования правительства, газета выходила до июля 1849 г.

[3] В «Письмах из Франции и Италии» Герцен рассказывает о том, как ночью, сидя на «полуобрушившемся своде терм Каракаллы», он беседовал с «одним молодым итальянцем» о величии прежнего Рима, горячо отвергая теории «тщедушного утилитаризма» (V, 85—86). Этим письмом точно устанавливается, что он имел в виду Спини (см. *ЛЖГ* I, 428).

[4] Речь идет о Н. А. Тучковой. В письме к ней от 17 октября 1848 г. Н. А. Герцен процитировала эту фразу из письма Спини на итальянском языке («Русские пропилеи», т. I. М., 1915, с. 251). «Он убит всем тем, что делается в Италии»,— замечала она далее.—«Журналов в руки не беру, разве только «Ероса», и то, чтоб посмотреть, есть ли Spini на конце,— это, мне кажется, самое умное и интересное»,— писала Н. А. Герцен в другом письме от 21 декабря 1848 г. (там же, с. 255). Н. А. Тучкова, в свою очередь, весной 1849 г. откликается на большую цитату из письма Спини, посвященную восхвалению ее достоинств: «Я очень благодарна Spini за его дружбу, право он хороший человек...» (там же, т. IV. М., 1917, с. 90).

[5] Вероятно, в автографе описка, и Спини имел в виду М. К. Эрн (Рейхель).

4

Л. Спини — Герцену

Рим. 1 октября 1848 г.

Мой дорогой Герцен,
Мой дорогой, мой дорогой!

Стыдно, очень стыдно за недостойную слабость итальянцев, и это чувство стыда не позволяло мне до сих пор обратиться к вам с письмом. Что сказать? Что непостижимая трусость лишила нас человеческого достоинства? Что мы были не чем иным, как стадом овец? Что мы вопили, как бесчестные твари, требуя, чтобы другие платили за то, чем владеть мы были недостойны? И разве может служить утешением то, что Франция, более того, вся Европа такие же, как мы? Что народы чувствуют себя столь несчастными, что готовы сами призвать снова к власти тирана, который терзал бы их? Что они не понимают, зачем им свобода, боже мой, свобода, которая является единственным подлинным благом для человека! Ах, Герцен, Герцен, поймите, какие горестные чувства вызывает подобное представление в душе, которая до сих пор жила лишь *мечтой*, *безумной*, *несбыточной мечтой* о полной, великой и всеобщей свободе. Я закрыл книгу: все происходящее — всего лишь стечение обстоятельств.

О том, что касается меня, я подробно написал госпоже Герцен, надоедая ей длинным и скучным рассказом о вещах, которые я сумбурно нагромоздил, как это часто ныне случается со мной. Могу сказать, что теперь, при полной неопределенности моего существования, у меня нет другого утешения, кроме немногих, очень немногих друзей. Считая вас одним из первых среди них, я очень уповаю на вас: сделайте так, чтобы моя жизнь была менее грустной. Вспоминайте обо мне и пишите мне время от времени. Сделайте так, чтобы наступил день, когда я смогу обнять вас! О, если бы я сумел где-нибудь на свете найти город, где жили бы одни настоящие приверженцы свободы, как я об этом мечтаю! Но пока это невозможно, сделайте так, чтобы я пожал руки хотя бы вам, которого я считаю в немногочисленной семье моих друзей самым близким, самым нежным другом.

С намерением вскоре написать вам более подробно прошу передать мое самое искреннее почтение вашей матери и от всего сердца жму вам руку.

Всегда ваш Л е о п о л ь д о

П. ФАБРИЦЦИ, Ф. АБИНЬЕНТЕ И А. ЦАНЕТТИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. И. К о в а л ь с к о й

Паоло *Фабрицци* (1805—1859) — врач, участник итальянских революций 1831 и 1848—1849 гг., брат известного итальянского демократа Н. Фабрицци. После 1849 г. эмигрировал в Марсель, затем обосновался в Ницце, где поддерживал знакомство с семьей Герцена.

Филиппо *Абиньенте* (1814—1887) — участник революции 1848—1849 гг., был избран депутатом неаполитанского парламента. После поражения революции был арестован, но бежал и

обосновался в Сардинском королевстве. До 1860 г. жил в Ницце. После объединения Италии возвратился в Неаполь. Был одним из инициаторов реформы университетского образования, в течение семнадцати лет избирался в парламент.

Алессандро *Цанетти* — один из деятелей Венецианской республики 1848—1849 гг., сподвижник ее руководителя — Д. Манина. После поражения революции эмигрировал в Ниццу.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. Вюильмье на языке оригинала в *AAH*, 78—79.

Перевод с итальянского:

〈Ницца. 8 мая 1852 г.〉

Гражданин и брат,

Несчастье, недавно постигшее вашу семью [1], вызвало в вашем сердце мысль, что другие несчастные, оставившие родину, как и вы, во имя святого дела, терпят нужду в своей долгой ссылке. И вы, как свойственно благородным людям, откликнулись на это и совершили акт милосердия и гражданства, пожертвовав 250 лир нуждающимся итальянским эмигрантам. В связи с этим эмигрантский комитет [2] выполняет теперь свой долг, выражая вам живейшую благодарность.

Да сделает господь так, чтобы несчастья больше не испытывали вашу стойкость и чтобы в награду за прекрасную душу ваша жизнь, посвященная служению справедливости и свободе, была счастливей вплоть до момента, когда вы вновь встретитесь на небесах с дорогими душами ваших умерших. Во имя той идеи объединения различных стран и народов, которую вы отстаиваете, и мы в надежде на лучшие времена шлем вам от всего сердца братский поцелуй.

Приморская Ницца, 8 мая 1852 г.

На обороте:

Многоуважаемому Человеку Александру Герцену — Доктор П. Фабрицци, Филиппо Абиньенте, Алессандро Цанетти

[1] Смерть Н. А. Герцен 2 мая 1852 г.

[2] Специальный комитет, уполномоченный собирать средства в пользу итальянских эмигрантов и распределять их, был создан в 1850 г. в Ницце, входившей тогда в Сардинское королевство, где существовала большая колония политических эмигрантов — выходцев из других итальянских государств. Во главе комитета стоял Абиньенте. Тогда же (между 4 и 8 мая 1852 г.) Герцен пожертвовал 500 фр. нуждающимся жителям Ниццы и 250 — в пользу французских эмигрантов (*ЛЖГ* II, 85).

Ф. ОРСИНИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. И. Ковальской

«Временами мы были даже очень близки»,— писал Герцен о своих взаимоотношениях с одним из виднейших деятелей Рисорджименто — Феличе *Орсини* (1819—1858).

После поражения революции 1848—1849 гг., активным участником которой был Орсини, он провел несколько лет в Генуе и Ницце, где познакомился «через Маццини» с Герценом (см.: Ф. Орсини. Воспоминания. М.— Л., 1934, с. 159—160).

В «Былом и думах» Герцен посвятил Орсини несколько страниц, поражающих тонкостью психологического проникновения в характер этого человека «дикой силы и страшной энергии». «Такие личности, как Орсини,— писал Герцен,— развиваются только в Италии 〈...〉 заговорщики-художники, мученики и искатели приключений, патриоты и кондотьеры 〈...〉 все, что хотите — только не пошлые будничные мещане 〈...〉 Они дивят добром, дивят злом, поражают силой страстей, силой воли» (X, 74).

В свою очередь, Орсини писал о Герцене: «Это — высококультурный и образованный русский эмигрант с чрезвычайно либеральными взглядами, с глубокими познаниями в социальных науках, прекрасный писатель и чрезвычайно щедрый человек» (Ф. Орсини. Указ. соч., с. 162).

Приведенное высказывание предваряли строки, проникнутые глубоким сочувствием к постигшей Герцена беде — гибели его матери и сына. Герцен писал в связи с этим, что Орсини принимал «самое горячее участие в несчастии, поразившем меня» (X, 271).

ПОКУШЕНИЕ ФЕЛИЧЕ ОРСИНИ НА НАПОЛЕОНА III
Париж. 14 января 1858 г.
Гравюра неизвестного художника
«Illustration», 23 января 1858 г.

Орсини связал Герцена, отправившегося в июне 1852 г. в Геную, со всеми своими «лучшими друзьями-итальянцами» (*Л* VII, 67—68).

Первое из публикуемых писем свидетельствует о том, что в конфликте Герцена с Г. Гервегом Орсини был полностью на стороне Герцена, несмотря на то что его связывала большая дружба с женой Гервега Эммой. Человек действия, Орсини счел своим долгом не только морально осудить Гервега, но даже разработал совместно с Энгельсоном план его убийства (X, 292—293). «Это человек, который должен быть и морально, и физически вычеркнут из списка людей»,— заявил он (*Л* VII, 74—75).

Бывая в начале 1850-х годов в Лондоне, Орсини не забывал своего русского друга. Как вспоминает Мальвида Мейзенбуг, «он часто заходил по вечерам провести часок в интимной беседе, много возился с детьми Герцена и с чувством говорил о своих маленьких дочках, которые остались в Италии» (М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.— Л., 1933, с. 277). В этот период Орсини вместе с Мадцини участвовал в подготовке ряда заговоров, неизменно терпевших крушение. Таково было Миланское восстание 1853 г., а также попытки в 1853—1854 гг. поднять города Ломбардии Сарцану и Вальтеллину, которыми руководил непосредственно Орсини по поручению Мадцини.

«Заговоры в самых когтях австрийского коршуна» окончились для Орсини в декабре 1854 г. арестом и заключением в крепость Мантуя. В октябре 1855 г. Орсини послал Герцену из тюрьмы короткое письмо, публикуемое ниже.

В марте 1856 г. Орсини совершил героический побег из крепости. С этим было связано возникшее между Орсини и Герценом недоразумение, впрочем быстро разъяснившееся. «Орсини вскоре уехал в Париж,— писал Герцен, завершая свой рассказ об этой ссоре,— и античная, изящная голова его скатилась окровавленная на помосте гильотины» (X, 366—369).

Трагическому финалу жизни Орсини предшествовал период раздумий над причинами провалов всех мацциниистских революционных планов. В его «Воспоминаниях» отразилось критическое отношение к тактике Мадцини. Герцен, с большим интересом читавший мемуары Орсини (опубликованные уже после его смерти, в 1857 г., сначала нелегально у него на родине, а затем в Англии), даже упрекал автора в излишней резкости. «Жаль, что он увлекается тогдашней злобой на Мац⟨цини⟩»,— писал он в 1867 г., рекомендуя дочерям эту книгу (XXIX, 246). Однако Орсини противопоставил мацциниистским методам ложный путь индивидуального террора. Усматривая в политике Наполеона III главную опасность для Италии, Орсини и его три сообщника 14 января 1858 г. бросили бомбы в карету французского императора. Этим актом Орсини хотел разбудить революционные силы Европы и создать благоприятную обстановку для революции в Италии. Покушение, как известно, окончилось неудачей, и 13 марта 1858 г. Орсини был казнен, но приобрел, по словам Герцена, «великое имя в истории». Этот «страшный громовой удар в душную ночь» потряс Европу. «Бледный от ужаса траурный кучер,— писал Герцен о Наполеоне III,— мчащий Францию на кладбище, покачнулся на козлах» (X, 67, 73).

П. 1 печатается впервые по фотокопии с автографа *IISG*; п. 2 по тексту, впервые опубликованному в кн.: A. L u z i o. Felice Orsini. Milano, 1914, p. 52. Местонахождение автографа неизвестно.

1

⟨Ницца. 26 июля 1852 г.⟩

Carissimo amico,

Engelson mi ha trasmesso la dichiarazione emessa dagli amici di Genova intorno al ⟨1 *нрзб*⟩ azione ⟨?⟩ [1] vi rimetto l'accluso foglio che vale come se io stesso l'abbia sottoscritto.

Caro amico — ai traditori morte e mille anche se fosse possibile, altrimenti le società saranno sempre in balía del *tradimento* e del *gesuitismo*. Addìo di cuore, salutate gli amici, comandatemi ed abbiatemi però vostro affetoso amico.

Felice O r s i n i

Nizza, il 26 luglio 1852

На обороте:

Monsieur Alexandre Herzen

П е р е в о д:

Любезнейший друг,

Энгельсон передал мне декларацию, посланную друзьями из Генуи по поводу ⟨1 *нрзб.*⟩ дела ⟨?⟩ [1]: я прилагаю листок для подтверждения того, что присоединяюсь к подписям.

Любезный друг, предателям — смерть и даже тысяча, если это возможно, иначе человеческие общества всегда будут во власти *предательства* и *иезуитства*. Сердечно прощаюсь с вами, приветствуйте друзей, распоряжайтесь мной и считайте меня при этом самым любящим вашим другом.

Феличе О р с и н и

Ницца, 26 июля 1852 г.

На обороте:

Господину Александру Герцену

[1] Речь идет о декларации итальянских эмигрантов в Генуе от 23 июля 1852 г. в поддержку Герцена в связи с его отказом от дуэли с Г. Гервегом. Они заявляли, что, «отвергнув при данных обстоятельствах дуэль с г. Гервегом», Герцен поступил согласно их убеждениям (X, 494). К этому коллективному обращению присоединился и Орсини (см. *Л* XII, 82—83).

2

⟨Мантуя. 24 октября 1855 г.⟩

Mon cher ami,

Je vous recommande M. Correnti qui vous apportera ces lignes [1]. Il y a un mois que je me trouve avec lui après avoir été seul dans ma secrète. Je fus arrêté à Hermanstadt en Transylvanie le 17 décembre 1854. Quant à moi je n'espère rien du tout, et je prends

les choses, comme l'on doit faire lorsque on a la conscience pure et sans crimes. Serrez la main à votre cher enfant, à Engelson si vous le verrez ⟨!⟩ et si ma destinée veut que je ne vous voie plus, ayez quelquefois un souvenir à votre ami malheureux

Felice Orsini

Du Château de prison de Mantova le 24 octobre 1855

На обороте:

Mr Alexandre Herzein ⟨!⟩
Euston Square, № 25

Перевод:

⟨Мантуя. 24 октября 1855 г.⟩

Любезный мой друг,

Рекомендую вам г. Корренти, который доставит вам эти строки [1]. Вот уже месяц, как я нахожусь вместе с ним после пребывания в одиночной камере. Я был арестован в Германштате в Трансильвании 17 декабря 1854 г. Что касается меня, то я совсем ни на что не надеюсь и воспринимаю вещи так, как и подобает тем, у кого совесть чиста и незапятнанна. Пожмите руку вашему дорогому детищу, Энгельсону, если его увидите; и коль судьбе угодно будет, чтоб я больше не виделся с вами, вспоминайте иногда о вашем злополучном друге

Феличе Орсини

Из тюремной крепости Мантуя 24 октября 1855 г.

На обороте:

Г-ну Александру Герцейну ⟨!⟩
Euston Square, N 25.

[1] Художник *А. Корренти* (1824—1896), сидевший в тюрьме вместе с Орсини и написавший там его портрет, был освобожден в октябре 1855 г. и собирался отправиться в Лондон, но, попал ли туда, неизвестно. Первый публикатор письма, итальянский исследователь А. Луцио, предположил, что Корренти не сумел передать письмо Орсини Герцену. Автограф, по-видимому, остался в Италии, где его владельцем ко времени издания книги Луцио оказался инженер Р. Куттика из г. Леньяно, который и предоставил письмо для публикации.

А. МОРДИНИ — ГЕРЦЕНУ

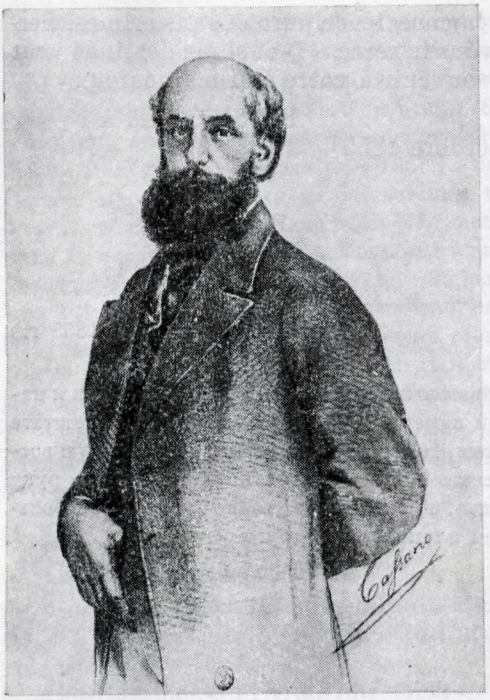
Публикация М. И. Ковальской

В «Былом и думах» среди близких людей и дорогих имен Герцен назвал (X, 77 и 288) видного деятеля Рисорджименто Антонио *Мордини* (1819—1902).

Вступив в ряды участников республиканско-демократического движения во Флоренции в 1840-е годы, Мордини стал в период революции 1848—1849 гг. одним из активнейших ее деятелей. Он участвовал в революции в Милане, в обороне Венеции, возглавлял затем во Флоренции редакцию газеты «Costituente». Позднее Мордини стал членом Временного правительства Тосканы, выполняя обязанности министра иностранных дел и некоторое время совмещая их с функциями военного министра. После поражения революции Мордини эмигрировал на Корсику, а затем в Пьемонт.

В 1851 г. в Ницце Мордини познакомился с Герценом и его семьей. Он был одним из близких друзей, приглашенных по желанию смертельно больной Н. А. Герцен на празднование дня рождения Герцена 6 апреля 1852 г. (X, 295—296). Тесные контакты между Мордини и Герценом поддерживались и в период пребывания последнего в Генуе в июне 1852 г. Мордини шлет уехавшему в те дни в Швейцарию Герцену письмо со словами дружеского участия: «Ради бога, вернитесь ⟨...⟩ Ждем вас с нетерпением ⟨...⟩ Успокойтесь и отныне готовьтесь посвятить делу народов свой столь могучий ум и свое столь горячее сердце» (*Л* VII, 70—71). Как и Орсини, Мордини сделал официальное письменное заявление о присоединении к «декларации» итальянских эмигрантов от 3 июля 1852 г. в связи с отказом Герцена от дуэли с Гервегом (*Л* VII, 83—84).

В начале 1850-х годов Мордини сблизился с Мадцини. Однако между ними вскоре начались расхождения. В этот период Мордини разделял точку зрения группы влиятельных генуэзских эмигрантов, полагавших, что Лондонский комитет не способен возглавить итальянское демокра-



АНТОНИО МОРДИНИ
Литография с рисунка Кассано
Государственное собрание эстампов, Милан

тическое движение и добиться создания единого фронта патриотических сил. Мордини был автором проекта, написанного в 1852 г., о перестройке революционной организации и передаче руководящих функций от Лондонского комитета Генуэзскому.

События 1859 г. способствовали дальнейшему отходу Мордини от маццинистских установок. Вместе со своими единомышленниками Медичи и Козенцем он становится активным сторонником объединения сил с сардинской монархией. Стремясь заручиться поддержкой передовой европейской общественности, Мордини 31 января 1859 г. обратился к Герцену с разъяснением своей позиции: «Мы прекрасно понимаем, какие новые несчастья может принести нашей стране королевская война, даже если она будет победоносна. Мы заранее содрогаемся при мысли о тех требованиях, которые предъявит царственный союзник. Но, с другой стороны, мы знаем, что в настоящее время невозможно создание единой Италии не только на республиканской, но даже на унитарно-монархической основе без единства мыслей и действий всех итальянцев» (цит. по кн.: G. Quazza. La lotta sociale nel Risorgimento. Torino, 1951, p. 290—291; З. М. Цыпкина. Указ. соч., с. 59).

Публикуемое письмо Мордини Герцену, содержащее ту же мысль, свидетельствовало и о том, что, несмотря на расхождения с Мордини, Медичи и Козенцем в оценке перспектив и целей войны, Герцен с готовностью оказал им помощь. Мордини участвовал в боях в составе корпуса альпийских стрелков, затем был избран депутатом ассамблеи Тосканы. По поручению ассамблеи он был послан в Турин для переговоров о слиянии Тосканы с Сардинским королевством.

В ходе революционных событий 1860 г. Мордини отправился в Сицилию, чтобы присоединиться к силам Гарибальди. В сентябре Гарибальди назначает его продиктатором Сицилии. На этом посту Мордини удалось наладить хорошие отношения с умеренно-либеральными силами. Эволюция его идейных позиций вправо, сближение с умеренными либералами с того времени идет ускоренным темпом. После объединения Италии Мордини неизменно был депутатом итальянского парламента.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. Вюильмье на языке оригинала в *AAH*, 79—80.

Перевод с итальянского:

Турин, 15 мая 1859 г.
Антонио Мордини

Дорогой Герцен,

И я хотел бы мира, но, поскольку война неизбежна, не остается ничего иного, как стремиться извлечь из нее то положительное, что возможно, содействуя этому делом и мыслью и по крайней мере прилагая все усилия для достижения итальянского единства.

Мои друзья и я, все мы были уверены, что вы нас не забыли. От их имени, поскольку они отсутствуют, и от моего собственного я благодарю вас за милые слова в вашем послании [1]. Я на днях видел их обоих в Кивассо [2] — в чине полковника под началом Гарибальди. Как только вернусь из Тосканы, куда я должен отправиться на несколько дней, сразу же присоединюсь к ним. Хотелось бы, чтобы итальянские патриоты, которые свободны от какого бы то ни было личного тщеславия,

продолжали собираться в корпусе Гарибальди, с тем чтобы именно в нем нашла свое воплощение подлинно национальная идея.

Мы были уверены, что вы окажете помощь рекомендуемой нами даме [3]. *Если вы считаете это удобным*, то можете в ее поддержку использовать имена Козенца, Уллоа [4], Меццакапо [5], которые все являются ее друзьями, а также имя Мишле. Мы ручаемся за ее взгляды и способности и надеемся, что сделаем хорошее дело для Родины, если с вашей помощью ей удастся установить связь с какой-либо крупной английской газетой, ежедневной или еженедельной.

Вместе с этими моими строками вы получите письмо госпожи Монье, которая подробно сообщит вам обо всем [6].

Желаю вам всяческих благ, бесчисленных удач и успехов и широкого признания. С надеждой вскоре сообщить вам добрые вести о наших делах братски жму руку

Преданный вам Антонио М о р д и н и

[1] Это письмо Герцена («послание») неизвестно. Из публикуемого текста следует, что оно было обращено к Мордини и двум другим республиканско-демократическим деятелям Рисорджименто — Дж. Медичи (1819—1882) и Э. Козенцу (1820—1898). Оба они участвовали в 1859 г. в военных действиях в корпусе Гарибальди как полковые командиры альпийских стрелков. Сам Мордини позднее воевал в полку под командованием Медичи.

11 мая Герцен писал сыну, что получил письмо от Мордини и Козенца, а 12 мая сообщал венгерскому революционному эмигранту Ф. Пульскому о письме от «закадычных друзей — полковника и бывшего министра» (XXVI, 264—265). Поскольку эти два письма Герцена написаны почти одновременно, а звания полковника и бывшего министра соответствуют Козенцу и Мордини, то трудно сомневаться, что речь идет об ответе Герцена на их письмо.

[2] *Кивассо* — городок в Сардинском королевстве.

[3] В письме к Ф. Пульскому от 12 мая 1859 г. Герцен излагал просьбу своих друзей Мордини и Козенца помочь «поместить в газете корреспонденцию, которую пришлет одна французская дама». «Не думаете ли вы,— продолжал Герцен,— что можно попытаться в «Daily News» или в другой газете? Корресп‹онденция› эта будет в итальянском, республиканском духе — но, per interni ‹в сущности›, пиэмонтской и за войну» (XXVI, 265—266). Из публикуемого далее текста ясно, что фамилия этой женщины — *Монье*.

[4] Джироламо *Уллоа* (1810—1891) — неаполитанский офицер, участник революции 1848—1849 гг. и войны 1859 г. В чине генерал-майора он стоял во главе вооруженных сил Тосканы. После конфликта с сардинским правительством перешел на службу к неаполитанскому королю Фердинанду II, вместе с которым в 1860 г. уехал из Неаполя в Рим.

[5] Карло *Меццакапо* (1817—1905) — неаполитанский офицер, участник обороны Венеции в 1848 г. В войне 1859 г. был начальником штаба волонтеров Романьи. После объединения Италии — генерал, в 1876 г.— военный министр Итальянского королевства.

[6] Это письмо остается неизвестным.

М. КВАДРИО — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. И. К о в а л ь с к о й

Ближайший друг и сподвижник Мадцини — Маурицио *Квадрио* (1800—1876),— по отзыву Герцена, «неутомимый работник итальянского дела ‹...›, не уступивший никогда никому ни в чем ни одной йоты своего credo» (XI, 125). Жизнь Квадрио — важная, но до сих пор мало изученная страница в истории русско-итальянских общественных и революционных связей.

Выходец из ломбардской мелкобуржуазной семьи, он изучал юриспруденцию в университете г. Павии, когда в 1820 г. разразилась неаполитанская революция. За публично выраженную солидарность с революционерами Квадрио был арестован. В 1821 г. он участвовал в пьемонтской революции в составе студенческого батальона «Минерва». После поражения революции он эмигрировал в Испанию, намереваясь принять там участие в освободительном движении. Однако этому помешала тяжкая болезнь. Оправившись после нее, Квадрио остался без всяких средств к существованию и пешком перешел Пиренеи, работая сельскохозяйственным рабочим, а затем каменщиком во Франции и Швейцарии. На родине его разыскивала австрийская полиция (он был заочно приговорен к смертной казни), и, чтоб избегнуть ареста, он вскоре снова покинул Италию. В своих скитаниях Квадрио добрался до Петербурга и несколько лет жил там, преподавая итальянский язык и латынь.

В ноябре 1830 г. Квадрио сражался в рядах польских повстанцев на варшавских баррикадах. Здесь он получил тяжелое ранение. Позднее Квадрио добрался до Одессы и также препода-

вал там итальянский язык. Однако тоска по родине заставила его пренебречь опасностью и в 1834 г. вернуться в Ломбардию.

Умелая самозащита, в которой немалую роль сыграли самые лестные рекомендации высокопоставленных русских семей, где он преподавал язык, помогла ему добиться отмены ждавшего его смертного приговора и отделаться шестимесячным тюремным заключением в Милане.

В конце 1830-х и в 1840-х годах Квадрио служит в торговых и транспортных компаниях Ломбардии. Посещая по делам службы различные европейские государства, он сближается там с эмигрантами — деятелями итальянского демократического движения. В 1848 г. в Лугано Квадрио встречается с Дж. Маццини, и с тех пор до конца жизни он самый верный, «фанатический», по определению Герцена, друг и интерпретатор идей вождя итальянской демократии.

Во время революции 1848—1849 гг. Квадрио по назначению Временного правительства Ломбардии — военный комиссар своей родной провинции Вальтеллина, затем — секретарь Временного правительства Тосканы. В 1849 г. Квадрио вслед за Маццини приезжает в Рим. Здесь он активно сотрудничает в качестве секретаря и редактора в «Italia del Popolo».

После поражения революции Квадрио эмигрирует в Женеву и редактирует «Italia del Popolo». В сентябре 1851 г. он перебирается в Лондон и занимает пост секретаря Итальянского национального комитета, а затем по поручению Маццини тайно поселяется в Генуе, чтоб оказать помощь местным маццинистам в издании «Italia e Popolo» и потом «Italia del Popolo». Как первый, так и второй орган выпускались в труднейших условиях крайней финансовой нужды и жесточайших преследований со стороны пьемонтского правительства: секвестры, судебные процессы следовали один за другим; не хватало средств, чтобы платить сотрудникам. О жизни Квадрио той поры можно судить по письмам Маццини. Так, из его письма к Эмилии Гоукс от апреля 1855 г. видно, что Квадрио, важнейший сотрудник печатных изданий Маццини, находится на грани нищеты и вскоре окажется «без всякого источника существования». Маццини терзался тем, что не может помочь («Mazzini's Letters to an English Family», v. II, L.—N.Y., 1922, p. 30).

В другом письме, написанном в октябре 1857 г., Маццини вновь сетует на еще ухудшившуюся обстановку в Генуе, мечтая о том, чтобы Квадрио вернулся в Лондон, где он мог бы писать «блестящие статьи» об Италии, «рецензировать литературу по России» и т. д. (Ibid., p. 92—93).

Именно к этому трудному для Квадрио времени и относится публикуемое письмо его к Герцену, с которым он познакомился через Маццини еще в 1849 г. Все содержание письма красноречиво говорит об огромном интересе Квадрио к различным сторонам жизни России, о вере в ее будущее. Он считает своим долгом знакомить итальянских читателей с Россией, прежде всего публикуя сочинения самого Герцена, перевод которых на итальянский язык Квадрио брал на себя.

Квадрио участвовал в ряде восстаний, организованных маццинистами в Италии в 1850-е годы и потерпевших крушение. Находясь в 1857 г. в Ливорно, он выступил в поддержку экспедиции Пизакане и был вновь, как и в 1821 г., заочно приговорен к смертной казни.

В конце 1850-х годов Квадрио вернулся в Лондон и стал активно сотрудничать в журнале Маццини «Pensiero ed Azione», выступая главным образом по проблемам Восточной Европы. Он участвовал в подготовке экспедиции Гарибальди в Сицилию в 1860 г. Вместе с тем Квадрио выступал в печати с республиканских позиций против выдвинутого в то время Гарибальди лозунга «Италия и Виктор Эммануил».

В «Былом и думах» Герцен рассказал о своей встрече с Квадрио в Лугано в середине 1860-х годов, назвав его «одним из крепких старцев той удивительной семьи 〈...〉 мучеников и апостолов, пропагандистов и поборников своего дела, всегда являвшихся около всякого креста, около всякого освобождения» (XI, 125).

Известны три письма Квадрио к Герцену и Огареву, относящихся к концу 1860-х годов и свидетельствующих об их большой и взаимной симпатии. Квадрио благодарил Герцена за память о нем и, в свою очередь, подчеркивал, что забыть «таких людей, таких друзей, как Герцен и Огарев, нельзя» (*Л* XXI, 519). В это же время о «старом друге Квадрио» писал Герцену Огарев («Лит. наследство», т. 39—40, с. 567).

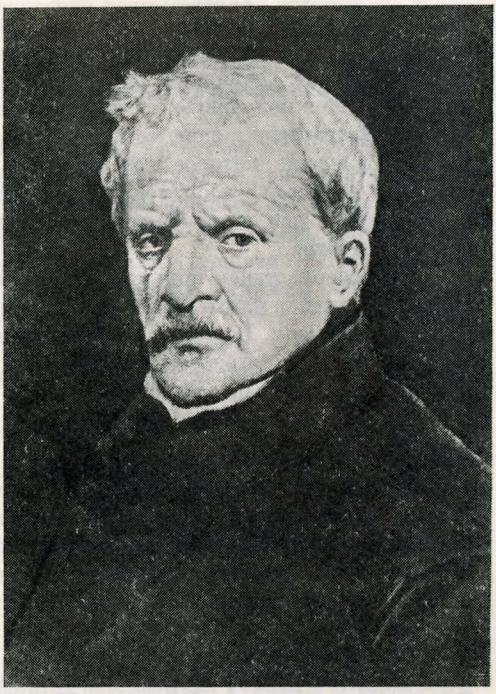
Как бы подтверждая высказанную в «Былом и думах» несколькими годами ранее уверенность в готовности Квадрио, «как прежде, на бой, на гибель» (XI, 125), он заявил в одном из писем к Герцену: «Мы в восторге, что борьба не утомила вас 〈...〉 Не устали и мы, и уж, разумеется, не пали духом, а будем стойки до конца» (*Л* XXI, 520; ср. 522).

Письмо печатается впервые по микрофильму *ГБЛ* с автографа *IISG*.

Lundi ⟨22 февраля 1858 г.⟩ [1]
22, Halton Garden, Holiborn

J'ai reçu vos *Lettres d'Italie et de France:* soyez sûr que j'en profiterai pour atténuer en partie l'erreur funeste, commise jusqu'ici par l'Europe qui a dédaigné d'étudier la Russie-peuple et de compter avec elle.

J'ai envoyé à l'*Italia del Popolo* la traduction de votre lettre inserrée dans le *Bulletin International* [2], et je profiterai du temps que la nécessité de gagner le pain quotidien me laissera pour transmettre à notre journal les extraits de vos écrits qui me paraîtront le plus à propos. Si au besoin sérieux qu'a la démocratie de connaître ce qu'elle peut espérer du peuple russe et ce qu'elle doit craindre de la Russie officielle *без бороду* ⟨!⟩ [3], vous ajoutez l'intérêt secondaire pour notre journal d'avoir les prémices de vos écrits, vous comprendrez le plaisir que j'aurai et l'importance que je mets à obtenir de vous la communication de votre travail sur le *Rapport* de M. Korff [4].



МАУРИЦИО КВАДРИО
Портрет работы Коста (масло)
Институт Маццини, Генуя

Je ne connais de Haxthausen que ce que vous en avez dit dans votre ouvrage publié en 1849 [5]. Le jugement que je m'en suis formé, c'est qu'il s'est borné à nous décrire la commune rurale sans nous faire savoir ce qu'elle était dans l'origine, et quelles étaient ses exigences dans l'avenir et de quel danger la prolongation de cet état violent c'était pour le gouvernement.

Je recevrai avec plaisir la revue russe sur la possession communale. Il y a quelques jours que je suis indisposé et que je garde la chambre: par conséquent je ne sais rien de la lettre de Mazzini. En tout cas, je n'en suis point inquiet [6].

Le proverbe «Век живи, век учися» ne me sert de rien pour Mazzini: je suis certain qu'il ne se fourrera point.

Agréez le salut fraternel du

Maur⟨izio⟩ Q u a d r i o

T.S.V.P.

P. S. En donnant, encore un coup d'œil d'amitié au titre de votre livre, j'y trouve deux lignes de votre écriture à mon adresse. Vous savez déjà que je suis en état de les lire et de les comprendre. Sachez encore qu'elles me sont très chères et que je sens n'en être pas tout-à-fait indigne [7].

Merci!

П е р е в о д:

Понедельник ⟨22 февраля 1858 г.⟩ [1]
22, Halton Garden, Холиборн

Я получил ваши «Письма из Италии и Франции»; будьте уверены, что я воспользуюсь ими, чтобы частично смягчить пагубную ошибку, до сих пор допускавшуюся Европой, которая пренебрегла изучением народной России — и не считалась с ней.

Я послал в «Italia del Popolo» перевод вашего письма, напечатанного в «Bulletin International» [2], и воспользуюсь временем, которое оставит мне необходимость зарабатывать хлеб насущный, чтобы передать в нашу газету те извлечения из ваших сочинений, что покажутся мне более подходящими. Если к серьезной потребности, испытываемой демократией,— узнать, чего может

она ждать от русского народа и чего она должна со страхом опасаться от официальной России *без бороду* (!) *[3],— вы прибавите дополнительную заинтересованность нашей газеты в получении первинок ваших сочинений, то поймете, как много удовольствия я из этого извлеку и какое значение придаю я получению от вас сообщений о вашей работе над «Докладом» г. Корфа [4].

О Гакстгаузене я знаю только то, что́ вы сказали о нем в своем труде, опубликованном в 1849 г.[5] Суждение, которое я оттуда вынес, это что он ограничился описанием нам сельской общины, не ознакомив нас с тем, чем она была при возникновении, каковы были ее требования к будущему и какую опасность представляло бы продолжение этого беспокойного состояния для государства.

Я с удовольствием получу русский журнал с материалами об общинном владении. Уже несколько дней я плохо себя чувствую и не выхожу из комнаты: следовательно, ничего не знаю о письме Маццини. Во всяком случае, меня это ничуть не беспокоит [6].

Что касается поговорки «*Век живи, век учися*» *, то я никак не могу применить ее к Маццини: я уверен, что ничто не собьет его с пути.

Примите же братский привет от

Маур⟨иция⟩ К в а д р и о

П⟨ереверните⟩, п⟨ожалуйста, страницу⟩.

P. S. Бросив еще один дружеский взгляд на титульный лист вашей книги, я нахожу там обращенные ко мне две строки, которые написаны вашей рукой. Вам уже известно, что я в состоянии прочесть их и понять. Знайте же также, что они мне очень дороги и что я чувствую себя не совсем их недостойным [7].

Спасибо!

[1] Письмо датируется по помете «понедельник» в соотнесении со временем выхода в свет 2-го издания «Писем из Франции и Италии» и появлением статьи Герцена в «Italia del Popolo». *Холиборн* — городок близ Лондона.

[2] Существует предположение (*ЛЖГ* II, 401), что речь здесь идет о статье «La conspiration russe de 1825», опубликованной в «Bulletin de l'Association Internationale» (издание это в СССР не обнаружено, и дата публикации не установлена). Итальянский перевод статьи был напечатан в № 51—52 газеты «Italia del Popolo» от 20 и 21 февраля 1858 г. (*Л* IX, 586). Не исключено, однако, что, говоря о «письме» Герцена, Квадрио имел в виду «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», опубликованное впервые в «Колоколе» 1 октября 1857 г. Однако факт публикации этой статьи в «Bulletin de l'Association Internationale» и в «Italia del Popolo» не установлен.

[3] Дворянам в России до Александра II запрещено было носить бороду.

[4] В труде Герцена и Огарева «14 декабря 1825 г. и император Николай. Издано редакцией „Полярной звезды“ по поводу книги барона Корфа» (L., 1858) была подвергнута уничтожающей критике клеветническая книга статс-секретаря М. А. Корфа «Восшествие на престол Николая I» (СПб., 1857).

[5] О Гакстгаузене Герцен писал в статье «La Russie», опубликованной в немецком издании «С того берега». В переводе на итальянский язык появилась в 1849 г. в «Italia del Popolo» Маццини как открытое письмо к Г. Гервегу (см. VI, 195—196, 198—202 и 515).

[6] 21 декабря 1857 г. Маццини писал Эмилии Гоукс (по-видимому, в связи с интересовавшей Квадрио проблемой русской сельской общины): «Посмотрим, как Герцен сумеет помочь К⟨вадрио⟩ в поисках источников. Кстати, можете сказать Герцену, что, кроме субботы и воскресенья, Квадрио не бывает свободен. Иначе он тут же пойдет навещать его» (G. M a z z i n i. Scritti editi ed inediti, v. 60, Imola, 1931, p. 203). Вероятно, Герцену было сообщено содержание этого письма и он написал об этом Квадрио.

[7] Эта дарственная надпись Герцена, обращенная к Квадрио, на книге «Письма из Франции и Италии» (1855 и 1858) или на ее немецком издании, озаглавленном «Briefe aus Italien und Frankreich», остается неизвестной.

ДЖ. МАЦЦИНИ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. И. К о в а л ь с к о й **

О деятельности вождя итальянской революционной демократии, основателя подпольного общества «Giovine Italia» («Молодая Италия») Джузеппе *Маццини* (1805—1872) Герцен многое узнал из книги Л. Блана «Histoire de dix ans». Чтение этого труда в декабре 1843 г. наталкивает

* В подлиннике по-русски.— *Ред.*

** При участии В. Е. Н е в л е р а, которым подготовлено письмо 4-е.

Герцена, уже пережившего тюрьму и ссылку, на следующие размышления, которые он записывает в своем дневнике: «Вообще историю этого времени читать грустно, все так мелко, пóшло... разумеется, прорываются громадные деяния и громадные характеры, но это исключение». Среди немногих упомянутых «исключений» — «великая, святая личность и огненная натура Маццини» (II, 321).

После начала революции 1848 г. в Италии Маццини поспешил вернуться из Лондона, где он находился с 1837 г., на родину, чтобы принять участие в борьбе. 7 апреля он приезжает в Милан. В статье «Vixerunt!» Герцен, внимательно следивший за перипетиями борьбы Маццини и его соратников (хотя лично они еще не были знакомы), писал о том, что для Маццини, до того дня «скитавшегося изгнанником», наступил момент, которого он «ожидал полжизни»: «На итальянском языке, при громе рукоплесканий» он говорил «в Милане на площади, открыто, слова независимости и братства, не боясь белого мундира и желтых усов» (VI, 79). Спустя четыре месяца, однако, несмотря на усилия демократических сил, сопротивление Ломбардии было подавлено австрийцами, и Маццини, как писал Герцен, «пришлось ‹. . .› увидать Радецкого в Милане» (VI, 80).

Осенью 1848 г. в Италии начался новый революционный подъем. Восстание в Риме привело к бегству Пия IX и провозглашению в начале 1849 г. Римской республики. Маццини приехал в Рим 5 марта. В условиях нараставшей угрозы австрийской интервенции 29 марта в Риме был создан триумвират с неограниченными полномочиями для ведения войны за независимость и спасение Республики. В него вошли К. Армеллини, А. Саффи и Маццини, фактически возглавивший триумвират. Римская республика просуществовала только около трех месяцев и пала в начале июля, раздавленная силами европейской реакции. С ее падением завершился высший этап всей деятельности Маццини.

Осенью 1849 г. Маццини находился в Женеве. Именно тогда и состоялась первая встреча с ним Герцена. «Маццини, знавший о моей римской жизни,— рассказывал Герцен в «Былом и думах»,— хотел со мной познакомиться. Одним утром мы отправились к нему ‹. . .› с Л. Спини ‹. . .› Маццини встал и, глядя мне прямо в лицо своими проницательными глазами, протянул дружески обе руки ‹. . .› Деятельная, сосредоточенная мысль сверкала в его печальных глазах; в них и в морщинах на лбу — бездна воли и упрямства. Во всех чертах были видны следы долголетних забот, неспанных ночей, пройденных бурь, сильных страстей, или, лучше, *одной* сильной страсти, да еще что-то фанатическое — может, аскетическое» (X, 65—66).

Обаяние героической личности Маццини для Герцена было по-прежнему велико. В его оценках чувствуется даже некоторая экзальтация, гиперболизация роли Маццини — «величайшего политического человека из всех существующих в наше время» (XXIII, 188). «Он знал каждое биение сердца своей партии, чувствовал малейшее сотрясение, немедленно отвечал на каждое и давал общее направление всему и всем с поразительной неутомимостью. Фанатик и в то же время организатор, он покрыл Италию сетью тайных обществ, связанных между собой и шедших к одной цели»,— писал Герцен в «Былом и думах» (X, 66). На деле же даже в период наивысшего распространения влияния мацциниетской «Молодой Италии» на Апеннинском полуострове в начале 1830-х годов вряд ли можно было говорить о столь тесной связи между находившимся в эмиграции ее вождем и местными ячейками. Одна из главных слабостей этой организации как раз и состояла в том, что контакты были крайне затруднены и что Маццини далеко не всегда удавалось давать «всему и всем» общее направление. Многое в итальянском освободительном движении происходило не «по указаниям Маццини», а вопреки им. Тем более эту характеристику Герцена нельзя было отнести к концу 1849 г., когда от Маццини начали отходить вследствие идейных разногласий даже те, кто недавно еще были его ближайшими соратниками.

Восторженное отношение Герцена к вождю итальянской демократии не помешало ему, однако, с первых же дней их знакомства увидеть оборотную сторону «фанатизма» Маццини, господства в его душе только «одной сильной страсти» — стремления к национальной независимости и объединению Италии. «Я с ужасом за него видел, что в споре со мной он отворачивался от некоторых истин и, след‹овательно›, касался тех страшных пределов, за которыми и он — ретроградный человек...» — писал Герцен в Москву в сентябре 1849 г. после первых встреч с Маццини (XXIII, 188). Их идейные расхождения отчетливо обнаружились, когда Маццини попытался привлечь Герцена к деятельности создававшегося им Европейского демократического комитета. Он повторял свои предложения несколько раз на протяжении конца 1849 г. и в 1850 г., но Герцен неизменно отклонял их. Он критиковал комитет (в письме к Маццини от 13 сентября 1850 г.) за его несоответствие задачам времени («где следы грозных уроков после 24 февраля?»), за отсут-

ствие конструктивной мысли. Центральная задача, которую ставил комитет перед европейским движением,— освобождение угнетенных национальностей — не была, по мнению Герцена, основополагающей, поскольку первенствующее значение он придавал социальным вопросам. Немалую роль в отказе Герцена от вступления в Европейский комитет играл и состав этой организации, в которую входили люди, повинные, по мнению Герцена, в поражении революции 1848—1849 гг. «Я 〈. . .〉 проповедую,— писал он,— полный разрыв с неполными революционерами» (X, 153—155).

Герцена огорчала недостаточная гибкость Маццини, даже несколько преувеличенная в его представлении неспособность менять свои установки в связи с изменяющимися историческими условиями. «Я опасаюсь за Маццини,— писал он в апреле 1850 г.,— мне кажется, что еще шаг — и он очутится не впереди, как был всегда, а позади 〈. . .〉 Личность благородная 〈. . .〉 но непрогрессирующая» (XXIV, 37).

Наиболее острым пунктом идейных разногласий между Герценом и Маццини было враждебное отношение последнего к социализму. Не понимая социальных корней взглядов Маццини, Герцен вместе с тем сумел правильно подметить, что Маццини видел в росте влияния социалистических идей угрозу осуществления в Италии национальных задач (см. XVIII, 358). В подобном отношении Маццини к социализму Герцен усматривал архаичность его учения.

Идейные и политические расхождения не мешали дружескому общению Герцена и Маццини. О том, что Маццини придавал большое значение политической и публицистической деятельности Герцена, свидетельствует тот факт, что он настойчиво стремился привлечь его в Европейский демократический комитет и к сотрудничеству в своих изданиях.

В газете «Italia del Popolo», издававшейся Маццини в Швейцарии в 1849 г., были опубликованы две статьи Герцена: «La Russie» и «Lettre d'un Russe à Mazzini». Публикацией этих сочинений в составе немецкого издания «С того берега» и в парижской газете («Voix du Peuple»), а затем в итальянской Герцен положил начало регулярному ознакомлению европейского, и в частности итальянского, читателя с внутренними и внешнеполитическими проблемами России. Издатели итальянской газеты, высоко оценив содержание первой статьи, сопроводили ее следующим критическим комментарием: «Мы разделяем мнение автора, что не испорченный цивилизацией могучий народ, к которому он принадлежит, призван оказать большое влияние на европейские события. Мы, однако, не можем принять обвинения западноевропейских народов в бессилии, то и дело встречающегося на страницах этого сочинения» (F. V e n t u r i. Op. cit., p. 54—57).

Маццини принял близко к сердцу смерть жены Герцена. Узнав о случившемся из газет, он послал Герцену письмо, проникнутое глубоким сочувствием. «Страдаю за вас и с вами 〈. . .〉 мужайтесь! Страдайте, но стойко!» Он отговаривал Герцена от намерения уехать в Америку: «Останьтесь в Европе с нами, старыми борцами. Что вы найдете в Америке? Свободу? Но разве она не с вами? Задача в том, чтобы создавать свободу там, где ее нет. Помогайте мне в этом 〈. . .〉 Любите меня, как я люблю вас» (*Л* VII, 59).

«Как старого приятеля» встретил Маццини Герцена, приехавшего в Лондон в конце августа 1852 г. И вместе с тем первая же встреча вновь выявила острые разногласия между ними. Герцен поддерживал точку зрения генуэзских демократов (с поручением от которых он пришел к Маццини), что революционное выступление в Италии несвоевременно. Но Маццини упорно держался мнения, что в 1850-е годы там возможна новая революция. «Маццини тогда уже обдумывал свое 3 февраля 1853 г.»,— писал впоследствии Герцен (XI, 17). Крах попыток организовать восстания в Милане в феврале 1853 г. и осенью 1854 г. подтвердил правоту генуэзских демократов и Герцена, не раз говорившего в этот период о «невозможности серьезного движения в Италии». «Я не преподобный Осип*, я не думаю, чтоб могло что-нибудь практическое быть теперь»,— писал он М. К. Рейхель в марте 1853 г. (XXV, 25).

После переезда Герцена в Лондон, несмотря на то что его идейные и политические разногласия с Маццини становились все острее, личные отношения между ними окрепли. Маццини оказывал большую моральную поддержку Герцену, чрезвычайно одинокому на первых порах в Лондоне. Почти все знакомства и связи как с англичанами, так и с представителями европейской эмиграции Герцену помог установить именно Маццини. Так, благодаря Маццини Герцен сблизился со многими членами большого клана Ашерстов, которые были ближайшими друзьями итальянского изгнанника в Лондоне (см. выше раздел «Герцен и Англия»). В переписке Маццини с сестра-

* Т. е. не Маццини.— *Ред.*

ми Матильдой Биггс, Эмилией Гоукс и Каролиной Стэнсфилд * то и дело мелькает имя Герцена. Находясь в Италии и в Швейцарии, Мадцини продолжает интересоваться делами их общего русского друга (см.: G. M a z z i n i. Scritti editi ed inediti, v. 52. Imola, 1929, p. 45; v. 56. Imola, 1930, p. 347 etc.). Порой он даже с некоторым оттенком ревности высказывается о тесных контактах и большом влиянии Герцена на их общих английских и итальянских друзей. Так, 30 мая 1856 г. Мадцини пишет Эмилии Гоукс: «Саффи здесь. Я видел его вчера лишь несколько минут 〈. . .〉 Он, конечно, торопился к Герцену» (Ibid., v. 56, p. 263—264), а спустя полтора месяца у Мадцини возникает даже подозрение, не под влиянием ли Герцена находится Эмилия и не стала ли она меньше доверять ему (Ibid., p. 303). Возможно, именно в этом причина несколько раздраженного тона, изредка прорывавшегося в отзывах Мадцини о Герцене. В одном из писем, относящемся к декабрю 1854 г., он назвал Герцена «типом могильщика» — «the burying man» (Ibid. Appendice, v. 5. Imola, 1941, p. 33), в другом, от 19 декабря 1864 г., он сообщал о появлении в Лондоне Герцена, «большого и шумливого, как всегда» (Ibid., v. 76. Imola, 1938, p. 237). Огорчало Мадцини и то, что в его спорах с Герценом не только Саффи, но и другие (в частности, как он пишет в декабре 1857 г. Матильде Биггс, «Уильям, оуэнист» **) оказываются на стороне Герцена (Ibid. Appendice, v. 5, p. 241).

Все сказанное выше, разумеется, не определяло отношения Мадцини к Герцену. В большинстве его высказываний — глубокое уважение и любовь к русскому другу, забота о здоровье и благополучии всех членов его семьи. Красноречивее всего об этом свидетельствует переписка Мадцини — прежде всего его письма к Герцену, большая часть которых относится к 1850-м годам, а также материалы мадцинистской прессы.

Высоко оценивая публицистический талант Герцена, Мадцини не раз печатал его труды в своих изданиях. После уже отмеченных выше публикаций 1849—1850 гг. в 1854 г. в «Italia del Popolo» была помещена прокламация Герцена, обращенная к русским солдатам в Польше (XII, 201—205; *Л* VIII, 72—73). В предисловии к этой публикации, написанном, по-видимому, самим Мадцини, говорилось: «А. Герцен, подписавший прокламацию,— это выдающийся публицист, известный как своими твердыми демократическими убеждениями, так и эрудицией и талантом» (G. M a z z i n i . Op. cit., v. 51. Imola, 1928, p. 330).

Мадцини с радостью встретил весть о задуманном Герценом в 1855 г. издании «Полярной звезды». В ответ на приглашение участвовать в первой книжке альманаха Мадцини, ссылаясь на занятость, обещал написать что-нибудь в следующие тома и вместе с тем всячески одобрял этот замысел: «Мы — братья в борьбе, которую ведем»,— писал он (*Л* VIII, 173).

Стремясь использовать большой авторитет Герцена среди итальянских революционеров, Мадцини обратился к нему в сентябре 1856 г. от имени издателей газеты «Italia e Popolo» с просьбой участвовать в подписке на приобретение десяти тысяч ружей для будущего восстания. Главным здесь, как подчеркивал Мадцини в письме к Эмилии Гоукс, были бы не деньги, а письменная поддержка Герцена, «выражение симпатии к этому делу, которое можно было бы опубликовать здесь» (G. M a z z i n i. Op. cit., v. 57. Imola, 1931, p. 81). На протяжении 1857—1858 гг. Мадцини опубликовал в своей газете две статьи Герцена: «Письмо к Джузеппе Мадцини о современном положении в России» (1857, № 18, 10. III) и «Русский заговор 1825 г.» (1858, № 51—52, 20—21. II).

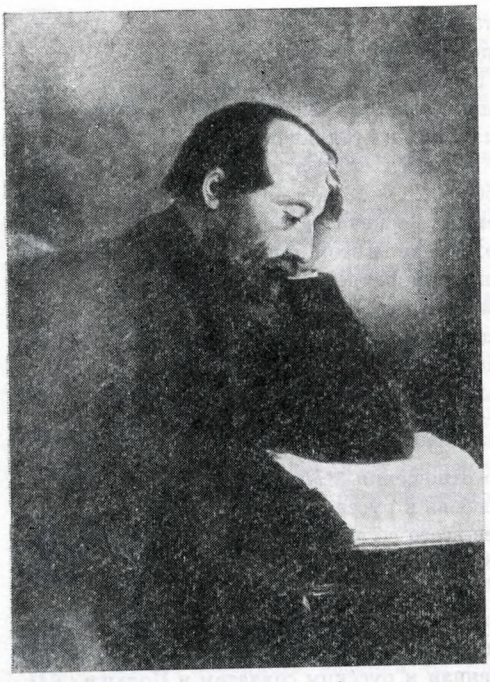
О своем преклонении перед декабристами Мадцини писал Герцену в уже цитировавшемся письме по поводу издания «Полярной звезды»: «Я вспоминаю еще, что в моем первом политическом сочинении, в 1831 г.,— замечал он,— имя Пестеля и его товарищей-мучеников явилось невольно в уме моем рядом с именем Менотти и наших мучеников Италии» (*Л*, VIII, с. 173). Вслед за публикацией статьи «Русский заговор 1825 г.» Мадцини обратился к Герцену с просьбой прислать еще материалы — «возможно скорее все относящееся к заговору Пестеля». Дальнейшее содержание этого письма свидетельствует о живом интересе Мадцини и к творчеству Пушкина. «Я знаю, что ваш сын Александр перевел французской прозой несколько отрывков из Пушкина,— писал он.— Мне очень хотелось бы, чтобы он дал мне их на время. И если бы он согласился перевести для меня дословно оду „К кинжалу“, я был бы ему бесконечно благодарен» («Лит. наследство», т. 62, с. 306; уточнение датировки — *ЛЖГ* II, 404).

В 1858 г. «Italia del Popolo» была закрыта пьемонтскими властями. Ей на смену Мадцини начал выпускать в Лондоне двухнедельный журнал «Pensiero ed Azione», и 15 сентября 1858 г.

---

* Все они были дочерьми адвоката У. Г. Ашерста.

** Возможно, ее брат У. Ашерст-младший.



ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ

Фотография с портрета неизвестного художника
На обороте надпись Л. Риста: «Cadeau de Mazzini à M. Meisenbug. Propriété d'Olga Monod» («Подарок Маццини М. Мейзенбуг. Собственность Ольги Моно»)

Музей Герцена, Москва

напечатал в ней «важную», по его словам, статью Герцена «Lo tzar Alessandro II e il giornale *La Campana*», которую на итальянский язык перевел А. Саффи (см.: G. M a z z i n i. Op. cit., v. 61. Imola, 1932, p. 171, 181).

Находясь в Лондоне, Герцен по просьбе Маццини оказывал материальную помощь не только «итальянскому делу», но и отдельным итальянским эмигрантам и членам их семей, попадавшим в беду. Герцен, в частности, послал деньги самому Маццини, скрывавшемуся в Швейцарии после поражения Миланского восстания 1853 г. В 1856 г. Маццини писал Эмилии Гоукс о том, что получил от Герцена на нужды движения двадцать фунтов. «Герцен — прекрасный человек»,— добавлял он (Ibid., v. 57, p. 51).

В 1860-е годы, особенно после отъезда Герцена из Лондона, связи между Герценом и Маццини — и деловые и личные — становятся менее тесными, но все же сохраняются.

Когда в 1862 г. Герцен готовился к поездке в Италию, в частности в Геную, Маццини предварил его приезд письмами к своим соратникам с просьбой хорошо встретить «моего и нашего друга» и давал Герцену самую лестную характеристику: «Он трудится над тем, чтобы познакомить с нашей борьбой свою страну, и это ему хорошо удается. Кроме того, он борется за освобождение крестьян» (ibid., v. 72. Imola, 1936, p. 168). По просьбе Маццини в газете генуэзских демократов «Dovere» 9 июля 1864 г. был опубликован перевод французской брошюры Герцена «Новая фаза русской литературы» (Ibid., v. 78. Imola, 1938, p. 214—215).

В последний раз Герцен и Маццини виделись в Теддингтоне в апреле 1864 г. во время знаменитой встречи Маццини и Гарибальди в доме Герцена.

И после этого, когда Герцен уже навсегда покинул Лондон, Маццини продолжал интересоваться деятельностью издателей «Колокола». 28 июня 1865 г. он писал Квадрио в Лугано: «Свяжись в Женеве с Герценом и Огаревым. Пусть они посылают тебе свои публикации» (ibid., v. 80. Imola, 1939, p. 319). В 1864—1865 гг. Маццини, глубоко сочувствующий Н. А. Тучковой-Огаревой, которая потеряла своих детей-близнецов, ведет с ней интенсивную переписку, причем в этих письмах постоянно выражает интерес к Герцену (отцу этих детей).

И в последние годы жизни Маццини не выпускает Герцена из своего поля зрения. Он читает издававшийся в 1868 г. на французском языке герценовский «Kolokol»» (ibid., v. 87. Imola, 1940, p. 109). Между обоими деятелями вновь оживляется переписка. Из немногих дошедших до нас писем Маццини к Герцену той поры очевидно, что идейные споры оставались главным их содержанием. «Мы глубоко расходимся на религиозной почве и частью даже на политической 〈. . .〉 — писал Маццини в мае 1869 г.— Что бы вы ни говорили, все великие революции в Европе совершит национальное чувство 〈. . .〉 Ради социального вопроса, слава богу, никогда не возникало крупной революции. Я говорю, слава богу, потому что в таком движении доминировала бы корысть, и оно дало бы нам в итоге буржуа в блузах, новый эгоизм взамен старого» («Былое», 1907, № 5, с. 219). Вместе с тем Маццини подчеркивал, что идейные разногласия не мешают ему испытывать самую искреннюю любовь и уважение к Герцену. Он просил как можно чаще писать ему, говорил о своем интересе к сочинениям Герцена: «Я стараюсь всегда читать, что̀ вы пишете» (*Л* XXI, 520—521). Когда Маццини из-за тяжелой болезни не в силах был сам написать письмо, он все же сделал приписку к письму Квадрио: «Я ценю и люблю вас. Д ж у з е п п е» («Былое», 1907, № 5, с. 219).

Герцен в этот период также не раз вспоминает о Маццини и в частных письмах, и в печати.

Он выступает в защиту Маццини против нападок представителей реакции в разных концах Европы. Так, в 1864 г. он резко отчитывает славянофила Ю. Ф. Самарина за его «брань Маццини»: «Из какого «Diario Romano» Антонелли * 〈. . .〉 вы начитали ваше мнение о людях, которые призвали к жизни ту Италию, которая теперь существует? Я видел Италию 1847 — и знаю, что сделали пропаганда Маццини и меч Гарибальди» (XXVII, 502).

В статье о пресловутом «деле Оболенской» («Siècle» от 1 сентября 1869 г.) Герцен рассматривает преследования Маццини как свидетельство деградации швейцарского правительства: «Когда несколько месяцев тому назад больного Маццини без всяких серьезных оснований выслали из Лугано, мы подумали, что конфедерация катится по наклонной плоскости» (XX, 596).

И в последнем периодическом издании Герцена и Огарева— французском «Kolokol» — Герцен не забывал о Маццини. В статье «Réponse à l'appel du centre républicain aux Russes» он назвал итальянского революционера «самым великим республиканцем нашего времени» (XX, 90). В конце того же года было опубликовано письмо Маццини к полякам. «Мы перепечатываем письмо великого итальянца, друга, которого мы привыкли любить от всей души»,— писал Герцен в введении к письму (XX, 369). В обращении к полякам Маццини развивал, в частности, следующую мысль: «Время работает на славян. Их национальный подъем станет *событием века*» («Kolokol», 1868, № 12, 15. IX).

Уверенность Маццини, Гарибальди и других итальянских демократов в великом будущем славянских народов, в существовании молодой, свободолюбивой России, заслуживающей уважение и сочувствие, были в большой мере следствием пропагандистской деятельности Герцена, который до конца своих дней неустанно знакомил Западную Европу с положением дел в России и с русским освободительным движением.

Письма 1—3 и 5—9 печатаются по фотокопиям с автографов *IISG*. Впервые опубликованы *J. M.* на языке оригинала в «Bulletin of the International Institute of Social History», 1953, № 1, p. 18—34; п. 4 публикуется впервые по автографу *ИРЛИ*, ф. 181, он. 3, ед. хр. 315, л. 1. На папке этой ед. хр. надпись: «Из архива Н. К. Михайловского»; неполный русский перевод опубликован В. Е. Невлером в «Лит. России», 1982, № 47, 19 ноября, с. 24.

Перевод с французского:

1

〈Лондон. 21 октября 1850 г.〉 [1]

Любезный мой Герцен,

Госпожа Матильда Биггс [2], англичанка, один из моих лучших друзей, проведет, быть может, несколько недель в Ницце со своими двумя очаровательными дочерьми и мужем. Мне хочется, чтоб она узнала вас, и от вас самих, так же как и вас, госпожа Герцен. Она способна оценить вас, и вы не замедлите оценить высокие достоинства ее сердца и ума.

Благоволите же связать ее с моим другом О〈рсини〉 [3] и примите заранее мои выражения благодарности за прием, который ей окажете.

Всем сердцем ваш Джузеппе

21 октября

[1] Год написания письма устанавливается по содержанию. В «Былом и думах» Герцен вспоминал о первой встрече с Матильдой Биггс: «Я с ней познакомился в Ницце, в 50 году, через Маццини» (XI, 205).

[2] Матильда *Биггс* (ум. в 1867 г.) — средняя дочь друга Маццини, лондонского адвоката У. Г. Аштерста.

[3] В своих «Воспоминаниях» Орсини рассказал о том, как в 1850 г. в Ницце он познакомился с «одним русским, Александром Герценом»: «Однажды он пришел ко мне с г-жой Б〈иггс〉, англичанкой, которая принесла с собой несколько облигаций национального займа. Я не задумался принять их...» (Ф. Орсини. Воспоминания. М.— Л., 1934, с. 159—160).

* Римская официозная газета, выходившая под контролем кардинала Дж. Антонелли и выступавшая против объединения Италии.

2

⟨Лондон. 29 ⟨?⟩ ноября 1853 г.⟩ [1]

Любезный Герцен,

Я позабыл новый адрес Ворцеля. Не окажете ли вы мне дружескую услугу, передав или послав по почте, возможно скорее, содержимое письма самому Ворцелю, или Дарашу, или Зенковичу [2] для него.

Всем сердцем ваш Джуз. М а ц ц и н и

Вторник

[1] Обоснование датировки см. в *ЛЖГ* II, 175—176.
[2] Леон *Зенкович* (1803—1871) —польский революционный публицист.

3

⟨Лондон. 19 или 26 января 1857 г.⟩ [1]

Любезный мой Герцен,

С удовольствием обращаюсь к вам с просьбой насчет письма о прогрессе революционных идей России, которое я велю перевести для «Italia e Popolo» [2]. Газета эта, в финансовом отношении принадлежащая биржевому дельцу, переходит в руки Партии [3]. Вполне возможно, что мы увеличим формат, и мне хотелось бы, чтобы корреспонденции или труды присылались в нее из разных европейских стран. Вы смогли бы доставлять по одной корреспонденции каждый месяц или каждые три недели; однако если нравственный результат не покажется для этой цели вам достаточно значительным, то напишите хотя б одну корреспонденцию, чтобы доставить удовольствие другу [4].

Преданный вам Джузеппе М а ц ц и н и

Понедельник

[1] Условная дата установлена по *ЛЖГ* II, 326. Конец письма был опубликован в русском переводе М. О. Гершензоном («Былое», 1907, № 5, с. 216).
[2] По-видимому, в ответ на эту просьбу Герцен написал статью «Lettera a Giuseppe Mazzini sulle presenti condizioni della Russia» (XII, 339—347).
[3] Главный орган мацциниcтов в Италии, газета «Italia e Popolo», выходил в Генуе с 1851 г. В феврале 1857 г. из-за противоречий между собственником и издателем газеты А. Моретти и ее редактором Ф. Б. Сави, а также в результате правительственных преследований газета прекратила свое существование. Сави и его сотрудники, среди которых важнейшую роль играл М. Квадрио, вскоре возродили издание под названием «Italia del Popolo», о чем и идет речь в публикуемом письме. Газета просуществовала в условиях жесточайших преследований властей до августа 1858 г., когда была окончательно закрыта.
[4] В «Italia del Popolo» (№ 27, 19 марта) был помещен итальянский перевод статьи Герцена «Смерть Станислава Ворцеля» (XII, 437—443). Материалов о России Герцен в этом году не присылал, хотя, судя по письмам Маццини, такое обещание было им дано: «Скажите Герцену, что он обещал мне второе письмо о русских делах»,— писал Маццини Эмилии Гоукс 18 мая 1857 г. (G. M a z z i n i. Op. cit., v. 58. Imola, 1931, p. 135). В конце 1857 г. Маццини сетовал в письме к Герцену, что тот не выполняет своего обещания «время от времени писать письма о положении дел в России» для «Italia del Popolo», а написал только одно («Былое», 1907, № 5, с. 217).

4

⟨Лондон. 29 января 1857 г.⟩

Cher ami,

Merci. Le journal passera en nos mains probablement le 10 février. Tâchez de faire en sorte que j'aie l'article pour ce temps-là, jour plus, jour moins peu importe; je ferai parvenir à Q⟨uadrio⟩ tout ce que vous voudrez. Mais vous pourrez envoyer vous-même, après le 10 ou lorsque je ne serai pas ici, à mons⟨ieur⟩ Savi, au bureau du journal, tel qu'il sera indiqué par le journal-même; je vous en donnerai un numéro, vous savez qu'on envoie livres et brochures sous bande à présent en payant comme pour les journaux ou à peu près.

Je viendrai prendre l'article moi-même lorsque vous me direz qu'il est prêt. Mais je ne peux pas venir le soir. J'irai vous voir le matin, et comme nous arrangerons pour le jour et pour l'heure, vous serez sûr d'être chez vous.

Adieu; serrez la main à votre ami O⟨gareff⟩ pour moi.

A vous de cœur.

Joseph M a z z i n i

29 ⟨I⟩ 57

П е р е в о д:

Любезный друг,

Спасибо. Газета перейдет в наши руки, вероятно, 10 февраля. Постарайтесь сделать так, чтобы статья была у меня именно в это время: днем раньше, днем позже — не имеет значения; я прикажу доставить К⟨вадрио⟩ все, что вы захотите. Но вы сможете и сами послать после 10-го, а если меня не будет здесь — г. Сави в редакцию, по адресу, который будет указан самой газетой: я дам вам один номер. Вы знаете, что теперь посылают книги и брошюры бандеролью, платя, как за газеты или почти столько же.

Я сам приду забрать статью, как только вы мне скажете, что она готова. Но я не могу прийти вечером. Я приду повидаться с вами утром, и поскольку мы согласуем день и час, у вас будет уверенность, что я приду к вам.

Прощайте; пожмите от меня руку вашему другу Ог⟨ареву⟩.

Всем сердцем с вами Джузеппе М а ц ц и н и

29⟨.I.⟩57 г.

5

⟨Лондон. Конец 1858 г.⟩ [1]

Любезный Герцен,

Есть у меня протеже. Это женщина-англичанка, вдова одного итальянца, чьего ребенка я держал на руках при крещении! Я знал ее еще при жизни ее мужа, молодой, интересной и перворазрядной пианисткой, поддерживающей отношения с высшим классом, имеющей уроки, играющей в концертах и т. д. Теперь я случайно нахожу ее — обремененную рядом обстоятельств, о коих бесполезно вам рассказывать, в самой глубокой нищете; имеющей в кармане только sixpence *, делающей пешком три мили, чтобы дать урок за шиллинг; без крова, без белья, без всего, если не считать троих детей, страдающих, я думаю, от голода. Естественно, я удовлетворил самые настоятельные ее потребности. Но речь идет о том, чтобы спасти ее, и сделать это может отнюдь не временная помощь. Так вот, если вы сможете быть ей полезным — если при вас будут говорить о возможных уроках, за любую плату,— вспомните ее имя и напишите мне. Зовут ее госпожа Бомпьяни. Вы окажете добрую услугу мне и Каролине Стэнсфилд [2].

Прощайте — сердечно преданный вам Джузеппе М а ц ц и н и

Она, повторяю вам, перворазрядная пианистка. Владеет французским и итальянским языками.

Пятница

[1] Условная дата определяется упоминанием имени г-жи Бомпьяни среди других «абсолютно бедных» женщин, которым необходимо помочь, в письме Маццини к Эмилии Гоукс от 4 декабря 1858 г. (G. M a z z i n i. Op. cit., v. 63. Imola, 1933, p. 24). Она была вдовой участника итальянского демократического движения эмигранта Л. Бомпьяни, лондонского сотрудника Маццини с 1841 г.

[2] О Каролине *Стэнсфилд* см. в разделе «Герцен и Англия».

*шестипенсов ик (*англ.*).

6

〈Лондон. 23 или 30 мая 1859 г.〉 [1]

Любезный мой Герцен,

Саффи сообщает мне о вашем письме [2]. Должен сказать вам только одно. Видите ли, хоть это вам покажется неправдоподобным, но я никогда не догадывался о том, что приведенные места принадлежат вам. Блинд *прочел* мне это [3]. Кавычек, указывающих на точные цитаты, я никогда не видел. Перевел Саффи. Корректур я не правил. Когда Стэнсфилд [4] рассказал мне о вашей с ним беседе, я находился у него. Я был удивлен, я попросил показать мне газету; и только тогда я впервые заметил эти « » и с сожалением понял, что цитаты принадлежат вам. Все это чистая правда. За все это можно обвинять *главного редактора* газеты, не проявившего достаточного внимания,— ничуть не больше.

Я не одобряю эти цитаты *в том виде, как они приведены*, и я не напечатал бы их из уважения к нашей дружбе.

Всем сердцем с вами Джузеппе М а ц ц и н и

Понедельник

[1] Письмо датируется условно по сопоставлению его содержания с пометой «понедельник».
[2] Это письмо Герцена к Саффи неизвестно.
[3] В письме к Саффи речь шла о статье К. Блинда «Славянский вопрос», помещенной в мацинистской газете «Pensiero ed Azione», № 17 от 16 мая 1859 г. Герцен протестовал против цитирования Блиндом его статей с нападками на русское правительство, о которых, как казалось Герцену, следовало бы молчать в момент, когда Россия стояла на пороге реформ. 21 и 28 мая 1859 г. Маццини писал Саффи, что, по мнению Герцена, он, Маццини, как главный редактор «совершил дурной поступок». Маццини просил Саффи передать Герцену в свое оправдание все то, что он вскоре сам изложил в публикуемом письме (XXVI, 499—500; G. M a z z i n i. Op. cit., v. 58, p. 244—249).
[4] О Дж. Стэнсфилде см. выше, в разделе «Герцен и Англия».

7

〈Лондон. 11 или 18 февраля 1861 г.〉 [1]

Любезный мой Герцен,

Сегодня я отправляюсь узнавать новости о вашем немце [2].

Мне жаль Бухера: он побит берлинской палатой и восхваляем аугсбургской газетой. Право, это уж чересчур! [3]

Как обстоят дела с русским вопросом? [4]

Известно ли вам что-нибудь насчет внешних сношений? с Л〈уи〉 Н〈аполеоном〉? с Данией? [5]

Знаю, что вы обедаете обычно в два или в три часа. Что ж, посмотрим. Для меня гораздо предпочтительней это время, нежели вечер. Я не свободен всю эту неделю; но нельзя ли мне попасть к вам в один из дней следующей недели и там, за обедом, *ленчем* или завтраком, немножко поговорить обо всех этих вещах? [6] С удовольствием я повидался бы с Огаревым, с госпожой Огаревой и с вашими дочерьми.

Вы подумаете об этом и скажете мне словечко о том, как вам будет удобнее.

Всем сердцем с вами Джузеппе М а ц ц и н и

Понедельник

[1] Письмо условно датируется по *ЛЖГ* III, 185.
[2] Кого имеет в виду Маццини, установить не удалось.
[3] Лотар *Бухер* (1817—1892) — немецкий публицист, участник революции 1848—1849 гг. После поражения революции эмигрировал в Лондон. Был знаком с Маццини. В середине января 1861 г. Бухер с двумя соавторами — К. Родбертусом и Ф. фон Бергом — выступил в немецкой печати с заявлением «Будь немцем!», посвященным объединению Германии, которое трактовалось ими в великогерманском духе, с включением Австрии в состав будущей Германии. Палата представителей прусского ландтага в Берлине, где преобладало прогрессистское «малогерманское» большинство, т. е. сторонники объединения Германии под главенством Пруссии без Австрии, исключила из своего состава Бухера и Родбертуса. «Бухер и Родбертус, значившиеся в списке депутатов от Берлина, *исключены* из него возмущенными „малогерманцами“ после опуб-

ликования их заявления»,— писал Маркс Энгельсу 29 января 1861 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 117). С другой стороны, это заявление вызвало похвалы «Allgemeine Zeitung», консервативной газеты, издававшейся в Аугсбурге.

[4] Маццини, по-видимому, имеет в виду ожидавшееся провозглашение крестьянской реформы.

[5] Скорее всего, речь идет об отношениях России и Дании в связи с шлезвиг-голштинским вопросом, являвшимся в 1861 г. одной из самых острых международных проблем.

[6] Как явствует из письма Герцена к сыну от 24 февраля 1861 г. (XXVII, 137), встреча с Маццини состоялась 23 февраля.

8

〈Лондон. 13 〈?〉 марта 1862 г.〉 [1]

Любезный Герцен,

Ваше письмо ко мне, только что переведенное, будет где-нибудь напечатано [2]. Возможно, что там упомянуто будет о состоянии *умственных способностей* клеветника [3]. Я предоставил бы разрешение хотя бы Муару [4], которому поручил сию работу.

Здешний процесс — это дело об инкриминируемых или же не инкриминируемых законом *словах*. Полагаю, что Ашерст способен справиться, но, во всяком случае, вы могли бы обратиться к У. Шену [5].

Наскоро прощаюсь с вами. Будем же трудиться и презирать. Лучший ответ всем врагам — это освобождение русского народа и итальянского народа.

Ваш друг Джузеппе Маццини

Четверг, вечер

[1] Письмо датируется по сопоставлению с датой открытого письма Герцена и Огарева в редакцию газеты «Free Press» (см. ниже) и по помете «четверг».

[2] Никаких сведений о письме Герцена к Маццини и факте его публикации обнаружить не удалось. По-видимому, в письме шла речь о статье, опубликованной 5 марта 1852 г. в основанной Уркартом английской газете «Free Press», где вновь повторялось старое клеветническое измышление, будто М. А. Бакунин является агентом русского правительства. Подобное же обвинение распространялось здесь и о Герцене. Герцен и Огарев послали издателю газеты письмо, опровергающее эту клевету (XVI, 78—79). 15 мая 1862 г. в «Колоколе» появилась статья Герцена «Ultimatum» на ту же тему (XVI, 99—101).

[3] В статье «Ultimatum» Герцен называет Уркарта «сошедшим с ума». Подобную же оценку этого деятеля он давал и значительно раньше в письме к Л. Пьянчани от 4 марта 1854 г., называя его «сбежавшим из Бедлама сумасшедшим», который утверждает, что «все русские — царские агенты, что Маццини подозрителен и т. д.» (XXV, 177). «Неудавшиеся министры,—писал Герцен в «Ultimatum», намекая на неудавшуюся политическую карьеру Уркарта,— готовы клеветать не только на каких-нибудь русских выходцев, но на Гарибальди и Маццини» (XVI, 99).

[4] *Дж. М. Муар* — секретарь лондонского «Гарибальдийского комитета за итальянское единство», созданного в 1861 г. на базе существовавшего ранее «Общества друзей Италии». Муар активно участвовал в английском движении солидарности с освободительной борьбой итальянцев и в 1860 г.

[5] По-видимому, Герцен собирался возбудить судебное дело против клеветника из «Free Press» и обратился по этому поводу за советом к Маццини, который назвал здесь имена двух своих близких друзей-адвокатов — *У. Ашерста-младшего* и Уильяма *Шена* (1821—1887), одного из руководителей Интернациональной лиги народов.

9

〈Лондон. 15 апреля 1864 г.〉 [1]

Любезный друг,

Гарибальди согласен на воскресенье, в полдень, но, в своем святом неведении изгнанников, ставит условием, чтобы и Ледрю-Роллен был у вас [2].

Так вот, я знаю, что по неведомым мне причинам вы и Ледрю-Роллен не слишком-то любите бывать вместе [3]. Что бы такое придумать? Не можете ли вы написать Ледрю, что вследствие живейшего желания Гариб〈альди〉 вы просите его встретиться с ним и со мною у вас? Не можете ли вы в то же время написать к Гверцони [4], секретарю ген〈ерала〉 Гариб〈альди〉, Stafford House Park, что вы не уверены в возможности зазвать его, не говоря о причине? Я не хотел бы, чтобы нашелся повод для жалоб, если его не найдут, на обман с моей стороны.

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ
Барельеф, 1859
Принадлежал Герцену
Надпись на барельефе: «Giuseppe Garibaldi. Guerra d'Italia 1859» («Джузеппе Гарибальди. Итальянская война 1859 г.»)
Музей Герцена, Москва

Заметьте хорошенько, что из-за его ошибки со времени парижского дела [5] Ледрю-Роллен и я холодно относимся друг к другу. У меня нет никаких возражений против встречи с ним, но передать ему приглашение я не могу.

Ледрю-Роллен живет на St. Johns Wood Park, № 24, С〈еверо〉-З〈апад〉.

Лучше всего будет, если вы сможете повидаться с Гверцони. Это он распоряжается. Скажите ему, что Ледрю часто не бывает в городе и что у вас нет уверенности заполучить его, но вы надеетесь, что он не поставит условия sine qua non *. С вами он договорится.

Ваш друг Джузеппе Маццини

Пятница.

[1] Письмо датируется по сопоставлению содержания с пометой «пятница».

[2] В «Былом и думах» Герцен изложил содержание этого письма Маццини следующим образом: «Маццини написал мне 〈...〉 что Гарибальди очень рад и что если ему ничего не помешает, то они приедут в воскресенье, в час. Маццини в заключение прибавил, что Гарибальди очень

* непременного (*лат.*).

бы желал видеть у меня Ледрю-Роллена» (XI, 272). Между тем отношения Ледрю-Роллена с Мадцини были крайне натянутыми.

[3] О своих взаимоотношениях с Ледрю-Ролленом Герцен писал в «Camicia rossa»: «В последние два года я его не видал. Не потому, чтоб между нами были какие-нибудь счеты, но потому, что между нами мало было общего ⟨...⟩ Ледрю-Роллен, с большой вежливостью ко мне, отказался от приглашения» (XI, 273—274).

[4] Джузеппе *Гверцони* (1835—1886) — итальянский литератор, участник гарибальдийских походов, автор двухтомной биографии Гарибальди (G. Guerzoni. Garibaldi (1807—1882). Firenze, 1886).

[5] Что имел в виду Мадцини под «парижским делом», явившимся причиной охлаждения отношений между ним и Ледрю-Ролленом, установить не удалось.

ГЕРЦЕН — М. ГУАСТАЛЛЕ

Публикация М. Куна (Будапешт)

При изучении русско-итальянских связей первой половины 1860-х годов бросается в глаза, что они теснейшим образом переплетены с другими международными революционными контактами, в частности с русско-польскими и польско-итальянскими. Одно из многочисленных свидетельств этого — публикуемое ниже письмо Герцена к итальянскому общественному деятелю эпохи Рисорджименто, жителю Флоренции Марко ⟨Марио?*⟩ *Гуасталле*, который до сих пор как корреспондент Герцена известен не был. Письмо написано в разгар польского восстания 1863 г. и является ответом на не дошедшее до нас письмо Гуасталлы к Герцену. В нем затрагиваются вопросы, связанные с польскими контактами Герцена.

Как известно, во время польского восстания передача денежных средств, собранных в пользу повстанцев за рубежами Польши частными лицами и специальными комитетами (они возникли в большинстве стран Европы, в том числе в Италии), нередко осуществлялась через Герцена.

«Я получил через Фрикена письмо от Долфи и к⟨омпа⟩нии, они хотят мне прислать что-нибудь или через меня вступить в сношение с пол⟨яками⟩»,— писал Герцен старшей дочери 26 февраля 1863 г. (XXVII, 294), имея в виду письмо председателя флорентинского комитета содействия полякам, который в мае того же года обратился к Герцену с аналогичной просьбой; о ее срочном выполнении хлопотал русский гарибальдиец А. Ф. Фрикен (см. XXVII, 336) **.

В подобных случаях Герцен действовал без промедления — приняв пожертвование, он сообщал о нем в «Колоколе» и, будучи тесно связанным деловыми контактами с представителем варшавского центра Й. Цверцякевичем, лично передавал деньги по назначению. О готовности редакции «Колокола» исполнить любые поручения и произвести любую пересылку на имя представителя Польского национального правительства в Лондоне Герцен сообщил, например, 19 марта 1863 г. Г. Фогту в Швейцарию (XXVII, 298—299).

Почему же у Герцена, судя по публикуемому ниже письму, возникли затруднения с передачей пожертвования польского комитета во Флоренции? Проблемы такого рода впервые появились в мае 1863 г., когда Цверцякевич был смещен со своего поста, после чего Герцен решил не брать на себя этих функций. Он опасался возникновения недоразумений, почти неизбежных, так как в это время участились случаи провокаций, целью которых было ухудшение и даже полный срыв отношений издателей «Колокола» с польским революционным правительством.

Гуасталла в своем письме, вероятно, выразил обиду по поводу того, что не был принят Герценом, когда приехал к нему в Теддингтон. В публикуемом ответе Герцен поспешил разъяснить причину, сорвавшую их встречу.

Некоторые детали в этом письме Герцена остаются не совсем ясными, однако совершенно очевидно, что речь в нем идет о предстоящей передаче Гуасталлой собранных во Флоренции денег парижским уполномоченным польского правительства через сына Герцена Александра Александровича.

Личная встреча Герцена с Гуасталлой, без сомнения, вскоре состоялась. 27 августа Герцен пишет в Париж своему давнему приятелю, польскому эмигранту К. Э. Хоецкому: «Докт⟨ор⟩ Мар-

---

* В 30-томном Собрании сочинений и в именном указателе к нему имя Гуасталлы обозначено *Марко*. На адресе публикуемого письма Герценом написано *Mario*.— *Ред.*

** О Дж. Дольфи см. в следующей публикации; письмо, упоминаемое выше, остается неизвестным.— *Ред.*

ко Гуасталла из Флоренции, член Польского комитета, явился ко мне с вопросом, кому внести сумму в 8 000 фр. на польское дело. После отъезда Цверцякевича я не смею взять на себя этой ответственности. Одни говорят, что граф Замойский является лондонским агентом Национального правительства — другие это оспаривают. В данном случае я взял на себя смелость направить его к вам. Дайте ему совет — идти ли ему к Орденге, к Браницкому или ждать (таково мое мнение) распоряжения со стороны правительства» (XXVII, 369).

Письмо публикуется впервые по ксерокопии с автографа, хранящегося в одном из итальянских архивов. На автографе оттиски печати с надписью: «Codici e mss Campori».

〈Londres.〉 20 août 1863. Elmfield House
Teddington, S〈outh〉-W〈est〉

Monsieur,

Certainement tout cela provient d'une série d'erreurs. Mon domestique m'a simplement mis votre carte sur la table. Pourtant supposant que c'était pour l'affaire de l'argent polonais... je suis allé chez vous. Je savais votre nom et j'ai oublié le N°; J'ai demandé alors à un de vos compatriotes *Tufrinori* [1]. Il m'a fait dire qu'il ne connaissait pas au juste — mais, peut-être, il faut demander au N° 19. Nous avons été là avec un Polonais [2]—vous n'y étiez pas... Alors je priai le Polonais d'aller encore une fois chez vous, ce qu'il n'a pas fait.

Demain avant le dîner, vers 4 heures, mon fils viendra m'excuser, et je pense venir samedi [3] moi-même à Londres — et venir vous présenter mes hommages.

Mon fils vous expliquera l'affaire, je pense que maintenant je ne pourrais pas 〈avoir〉 sur moi la somme — et qu〈'il〉 faut la rembourser à Paris [4].

Recevez, monsieur, mes salutations empressées.

A. Herzen

Monsieur le docteur Mario Guastalla

На конверте:

Dr. Mario Guast〈alla〉, Esq〈uire〉
19, Sheppard Street, Golden Square

Перевод:

〈Лондон.〉 20 августа 1863 г. Elmfield House
Теддингтон. Ю〈го〉-З〈апад〉

Милостивый государь,

Конечно, все это — следствие ряда ошибок. Мой слуга просто-напросто положил мне вашу карточку на стол. Предположив, однако, что это связано было с делом о польских деньгах... я отправился к вам. Мне известно было ваше имя, но я забыл №. Тогда я осведомился у одного из ваших соотечественников — *Туфринори* [1]. Он передал мне, что точно не знает — но что, возможно, надобно спросить в № 19. Мы побывали там с одним поляком [2] — вас там не было... Тогда я попросил этого поляка сходить еще раз к вам, чего он не сделал.

Завтра перед обедом, около 4 часов, мой сын приедет извиниться за меня, я же думаю приехать в субботу [3] сам в Лондон и явиться к вам, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Сын мой объяснит вам дело; кажется, теперь у меня нет при себе этой суммы, и ее придется внести в Париже [4].

Примите, милостивый государь, мой усердный поклон.

А. Герцен

Господину доктору Марио Гуасталле

На конверте:

Д-ру Марио Гуаст〈алле〉, эск〈вайру〉
19, Sheppard Street, Golden Square

[1] Сведениями о *Туфринори* мы не располагаем.
[2] Личность неустановленная.
[3] Суббота в 1863 г. приходилась на 22 августа.
[4] Как явствует из письма Герцена К. Э. Хоецкому, цитируемого нами во вступительной заметке, план пересылки денег через А. А. Герцена был отменен и Гуасталла сам повез их в Париж.

ГЕРЦЕН — ДЖ. ДОЛЬФИ

Публикация М. К у н а

Джузеппе *Дольфи* (1817—1869) — влиятельный революционный деятель эпохи Рисорджименто, владелец пекарни (где он работал наравне с подмастерьями и учениками) и небольшой булочной-кондитерской в центре Флоренции. «Долфи — молодец ‹. . .›,— писал о нем Герцен в ноябре 1863 г., вскоре после личного знакомства.— Мужчина с Бак‹унина› ростом, с лицом античной статуи, выражающим несокрушимую волю и энергию ‹. . .› Сидит в лавке с мукой и крупой и продает ее ‹. . .› и, продавая ее, он один страшнее всей франц‹узской› оппозиции правительству. Это самый популярный трибун во Флоренции» (XXVII, 376).

Дольфи был тесно связан с русской колонией во Флоренции. Он одним из первых вступил в основанное М. А. Бакуниным «Международное общество освобождения человечества» («Società segreta per l'emancipazione dell'Umanità»), часто встречался с Л. И. Мечниковым, А. Н. Веселовским, сыном Герцена Александром, А. Ф. Фрикеном, позировал Н. Н. Ге и П. П. Забелло, оставившим потомству удачные портреты Дольфи.

Дольфи являлся доверенным лицом и Маццини, и Гарибальди, а также одним из связующих звеньев в середине 1860-х годов между возглавлявшимися ими политическими группировками во Флоренции. Участник флорентинских событий («весны народов») и всех последующих выступлений против правившей в Тоскане династии, Джузеппе Дольфи к концу 1850-х годов приобрел огромную популярность среди ремесленников, мелких торговцев и рабочих всей Северной Италии. В дни бескровной революции 1859 г., вызвавшей окончательное присоединение Тосканы к объединенной Италии, вооружившееся население города называло его «capo popolo» («глава народа»).

Герцен познакомился с Дольфи в ноябре 1863 г. (переписывались они и раньше— см. предыдущую публикацию) во флорентинском доме их общих друзей — Пульских, носившем название «Villa Petrovich». Дом этот служил постоянным местом встреч гарибальдийцев и республиканцев-масонов Северной Италии. Пока в гостиной выступали известные музыканты, актеры и поэты, на антресолях происходили тайные заседания, а выручка, собиравшаяся с благотворительных концертов, поступала, как правило, на остров Капреру к Гарибальди для пополнения фонда гарибальдийцев или же в пользу польских повстанцев и эмигрантов (председателем флорентинского комитета по оказанию помощи польским повстанцам был, между прочим, Дольфи, и Герцен упоминает в своей статье «Ответ И. С. Аксакову» о присланном им векселе на крупную сумму для «вспомоществования полякам» — XIX, 252).

Публикуемое письмо Герцена почти целиком посвящено Гарибальди и статье о нем Герцена, написанной в эпистолярном жанре,— «Письмо к Гарибальди» (XVIII, 21—30). Целью этого произведения было отвести от издателей «Колокола» обвинение в «круговой поруке» с бесчеловечными и жестокими действиями царского правительства в восставшей Польше и доказать, что они «вовсе не умерли», что «движение русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей *неподавляемо*».

В этой статье Герцен, между прочим, писал: «Я собирался посетить вас, мне хотелось еще раз пожать вашу руку с глубоким уважением и полным сочувствием. Я слышал, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италию раньше, чем думал, и хочу воспользоваться поездкой к вам общего друга нашего, чтоб посетить вас письменно».

Публикуемое ниже письмо дает возможность утверждать, что под упомянутым «общим другом» Герцена и Гарибальди имелся в виду Дольфи. Раньше об этом известно не было.

Письмо печатается впервые по ксерокопии с автографа, хранящегося в одном из итальянских архивов. На автографе оттиски печати с надписью: «Codicie mss. Camporі».

‹Флоренция. 19 ноября 1863 г.›

Cher citoyen Dolfi,

Je n'ai pas eu le temps d'écrire ma longue lettre à Garibaldi; je désire lui faire un petit tableau de ce qui se fait en Russie, et la tâche n'est pas facile. Je finirai la lettre dès que j'aurai un moment libre...[1] Vous me permettrez de vous l'envoyer et de vous

ДОМ, ГДЕ В ИЮНЕ 1853 г. НАЧАЛА СВОЮ РАБОТУ ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ
Лондон, Риджент-сквер (дом 38)
Фотография, 1960
Архив «Литературного наследства», Москва
Вольная русская типография помещалась в этом доме до конца 1854 г. В это же время здесь находилась типография Польского демократического общества

prier à l'envoyer à Caprera. En attendant serrez de ma part la main du grand homme (il m'est impossible de l'appeler général, c'est beaucoup trop peu pour lui) [2]. Si je n'étais pas forcé de quitter l'Italie pour * mes affaires (je pars dimanche) [3], je serais allé faire mon pèlerinage aussi — maintenant je le prie de me permettre à lui adresser ma lettre — et encore une prière d'accepter la petite médaille que je lui offre — avec un sentiment de profonde sympathie — elle lui rappellera les traits d'un homme qui l'estime et qui l'aime de tout son cœur [4].

Maintenant, cher citoyen, permettez-moi de vous dire que votre connaissance que j'ai faite — votre accueil fraternel — resteront à tout jamais dans mon cœur... Sans phrases, sans compliments, permettez-moi de me compter au nombre de vos amis.

Tout à vous
Alexandre Herzen

19 nov⟨embre⟩ 1863
Florence

Перевод:

Любезный гражданин Дольфи,

У меня не было времени написать свое длинное письмо к Гарибальди; мне хочется представить ему в виде картинки то, что делается в России, а задача эта нелегка. Я закончу это письмо, как только улучу свободную минутку... [1] Вы позволите мне его вам послать и попросить вас переслать его на Капреру. Пока же пожмите от меня руку великому человеку (для меня невозможно называть его генералом, это слишком мало для него) [2]. Если б я не был вынужден покинуть Италию по своим делам (я уезжаю в воскресенье) [3], то совершил бы свое паломничество и я —

---

* В автографе: par.— *Ред.*

теперь же прошу его позволить мне обратиться к нему со своим письмом — и еще одна просьба: согласиться принять небольшую медаль, которую я ему предлагаю — с чувством глубокой симпатии — она напомнит ему черты человека, который уважает его и любит от всей души [4].

Теперь же, дорогой гражданин, позвольте мне сказать вам, что мое знакомство с вами,— ваш братский прием — навсегда останутся в моем сердце... Без лишних слов, без комплиментов позвольте мне считать себя в числе ваших друзей.

Всецело преданный вам
Александр Герцен

19 нояб⟨ря⟩ 1863 г.
Флоренция

[1] Статья Герцена «Письмо к Гарибальди» датирована 21 ноября 1863 г.
[2] Эту же мысль Герцен высказал в «Письме к Гарибальди»: «Любезный, глубокоуважаемый друг, maestro — всё, что хотите, только позвольте мне не прибавлять к вашему имени слово генерал, оно до такой степени мелко для вас, что не переходит через мое перо, и я скорее отказался бы от удовольствия писать к вам, чем назвать вас генералом» (XVIII, 21).
[3] Герцен уехал из Флоренции 22 ноября.
[4] Медаль, изготовленная К. Винером в честь десятилетия Вольной русской типографии, с изображением Герцена. Несколько первых экземпляров ее Герцен послал дочерям в Рим (XXVII, 346) и, отправляясь на континент, взял с собой экземпляр для передачи Гарибальди.

ГЕРЦЕН И ФРАНЦИЯ

Статья Л. Р. Ланского

Жизнь Герцена и его деятельность теснейшим образом связаны были с Францией и с французской культурой.

Вокруг него, еще в детские годы, часто звучала французская речь. Его учили французы по французским учебникам и произведениям французских классиков. Он был воспитан на литературе Франции, на ее понятиях, знал французскую историю, изучал и пропагандировал идеи Великой французской революции и французских социалистов-утопистов. В печати он дебютировал переводами французских естествоведческих трудов.

Герцен долго жил в Париже, посещал парламентские и судебные заседания, клубы, политические банкеты, лекции, театры, музеи; писал по-французски статьи и брошюры, знакомя Францию с духовной жизнью русского народа, обличая русское самодержавие и французскую реакцию. Он был очевидцем многих важнейших событий революции 1848—1849 гг., участвовал в демонстрациях на улицах Парижа и подвергался там полицейским преследованиям. Его книги того времени — «Письма из Франции и Италии» и «С того берега» — не только вершины художественной публицистики, но и бесценные памятники истории Франции.

В «Былом и думах», главном труде своей жизни, Герцен много писал о Франции и французах. Он высоко ценил «галло-франкский» гений Рабле, Паскаля, Монтеня, Вольтера, Дидро, Бомарше и «легкую, сверкающую игру» французского остроумия.

Герцен поддерживал дружеские и деловые отношения с виднейшими представителями французского революционного и демократического движения, литературы, науки и журналистики, сотрудничал во французских периодических изданиях, издавал на французском языке книги и газеты. Его личностью, литературным талантом и общественной деятельностью восхищались такие современники, как Гюго, Мишле, Кине, Леру... Сочинения Герцена, написанные по-французски, а также переведенные им самим или под его редакцией на французский язык, поражали французских читателей глубиной мысли, остроумием, блеском изложения, оригинальностью стиля, выразительностью и меткостью языка. В его русских произведениях нередки французские идиомы и галлицизмы, свидетельствующие о том, что ему близок был живой мир французской речи. Многие французы признавали Герцена не только русским, но и выдающимся *французским* писателем, сравнивали его с Вольтером и Дидро. Критические статьи о Герцене часто появлялись во французских газетах и журналах, и имя его еще при жизни пользовалось во Франции почетной известностью.

Герцен умер в Париже незадолго до Франко-прусской войны и Парижской коммуны и вначале был похоронен на кладбище Père-Lachaise. В последний путь его провожали французские демократы, участники революционного движения, деятели культуры и рабочие-«блузники». Французская пресса в многочисленных некрологах отмечала исключительный талант и интеллект Герцена, выдающееся значение его как публициста, издателя «Колокола», художника. Останки Герцена в том же 1870 г. перенесены были из Парижа на кладбище Ниццы; могила с его бронзовым изваянием — одна из исторических достопримечательностей французского Средиземноморья...

Через полтора года после смерти Герцена, когда «осерчалые лавочники» (так называл Герцен французскую буржуазию), подавив Парижскую коммуну, безжалостно уничтожали ее героических участников, вторая жена Герцена, Н. А. Тучкова-Огарева, писала Виктору Гюго: «Какие горькие времена! 〈. . .〉 Франция пожирает своих детей, никто не может удержать ее руку 〈. . .〉 Сколько страдал бы Герцен, он так любил Францию!» [1]

Да, Герцен любил Францию, страну «вулканических взрывов», несравненной культуры и деятельной пропаганды, родину Великой революции и ее бессмертных традиций. Он восхищался лучшими чертами французского национального характера — свободолюбием и трудолюбием,

энергией, трезвостью мысли, веселостью, готовностью к самопожертвованию; любил французский язык, точный, логичный, выразительный, благозвучный; любил французскую науку и художественную культуру. С детских лет Франция и Париж обладали для него, как он сам говорил, огромной чарующей силой. Его любовь к Франции еще усиливалась от ненависти к царскому самодержавию и петербургским порядкам, навсегда разлучившим его с родиной.

Любовь Герцена к Франции лишена была, однако, идиллической окраски — к ней нередко примешивались недовольство, горечь разочарований, досада неоправдавшихся надежд. «Почему я не содрогаюсь от ярости, читая берлинскую или лондонскую газету, а каждая гнусность, имевшая место в Париже, оскорбляет меня, заставляет терять веру в род человеческий и ожесточает против всей нации?» — с горечью восклицал он (XXIII, 260). Эти строки — свидетельство страстной и требовательной любви; и если Герцен порой ненавидел Францию, то именно так, как, по его собственным словам, ненавидят ревнивцы — от избытка любви и доверия (V, 320).

Один из французских друзей Герцена писал в посвященном ему некрологе: «Конечно, он не раз говорил о нас с суровостью, более чем оправдываемою в наших собственных глазах той низостью, до которой наша страна опустилась на слишком долгое время,— но в горечи его слов легко было распознать нежность друга, надежды которого были позорно преданы!» [2]

* * *

На формирование Герцена как человека, философа, художника, революционера и гуманиста немалое влияние оказали социально-политические произведения великих французских просветителей XVIII в.

Еще в ранней юности Герцен увлекался едким, ироничным, «все низвергающим» Вольтером, восхищался его свободомыслием, его разящим словом и считал себя настоящим вольтерьянцем. Затем наступило продолжительное охлаждение: прекраснодушный Шиллер во второй половине 1820-х годов, религиозные настроения середины 1830-х и увлечение немецкой философией в начале 1840-х не только оттеснили Герцена от его прежнего кумира, но и поставили по отношению к нему в воинственно-враждебную позицию. Он стал подвергать осуждению всепроникающую иронию Вольтера, его «ядовитую, адскую, змеиную насмешку», «улыбку самодовольствия с сжатыми губами» [3], «поверхностность мысли», «холод души», «сухую безнравственность» и «односторонность» (I, 21, 72, 330; XX, 258; XXI, 274). Однако под влиянием отрезвляющих событий конца 1840-х годов Герцен снова пересмотрел свой взгляд на великого просветителя, осознал неизмеримость влияния «приуготовителя революции» на современников и последующие поколения и проникся уважением к его деятельному гуманизму. В полной мере оценил он и острейшее оружие политической сатиры, которым так бесподобно владел Вольтер.

«Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо», «писания эгоиста Вольтера больше сделали для освобождения, нежели писания любящего Руссо — для братства»,— к такому выводу пришел в конце концов Герцен, сам принадлежавший к «фаланге великих насмешников» (VI, 129; ср. XII, 234; XVIII, 178; XXII, 368).

Вольтеровская жилка не переставала биться в Герцене и в те годы, когда с «фернейским старцем» он был не в ладах. Вольтер-историк; Вольтер-обличитель, проникнутый нетерпимым отношением к царящему злу и активный борец с этим злом; автор язвительных повестей, «Философских писем» и «Философского словаря», вольнолюбивых трагедий и всесокрушающего антиклерикального призыва «Раздавите гадину!» являлся прямым предтечей Герцена — художника, философа, публициста. Недаром французские и русские почитатели Герцена сравнивали его с этим исполином эпохи Просвещения, занимавшим во Франции середины XVIII в. примерно такое же место, какое Герцен займет в России середины девятнадцатого. И когда в расцвете своей обличительной деятельности издатель «Колокола» вспоминал о «потрясавшем и двигавшем массы» Вольтере, который «хохотал, печатая вне Франции свой смех», о Вольтере, чей смех «бил и жег, как молния» (XIII, 25; XIV, 117), он не мог миновать неизбежной исторической параллели между собой и великим французом *.

---

* «Мне в твоих статьях нравится то, что мне нравится в Вольтере или Дидро,— говорил Герцену его друг, историк западноевропейского мира Т. Н. Грановский.— Они живо, резко затрогивают такие вопросы, которые будят человека и толкают вперед...» (IX, 209). И о «Докторе Крупове»: «Это просто гениальная вещь ⟨...⟩ Так шутил Вольтер во время оно» (XI, 527).— «Оставайся нашим могучим Вольтером, в этом твоя истина и потому и сила твоя» (из письма М. А. Бакунина к Герцену 1867 г.) [4].— «Ты не поэт ⟨...⟩, но ведь и Вольтер не был поэт ⟨...⟩ —

Другого исполина французского Просвещения, Жан-Жака Руссо, Герцен в юности буквально боготворил. Особенно восхищали его социально-политические трактаты Руссо, в которых французский мыслитель безоговорочно осуждал социальные несправедливости и обосновывал необходимость политической борьбы, подчеркивая преимущества республиканского правления. Жгучие сентенции Руссо восхищали юного Герцена; они подкрепляли своим огромным авторитетом его рано принятое решение посвятить жизнь борьбе с самодержавием и социальным гнетом. В трактате «Об общественном договоре» — «символической», по выражению Герцена, книге — он видел «великий факт освобождения мысли, совести в сознании человека», «утреннюю зарю, осветившую вершины». «Руссо 〈. . .〉 подкапывал не одни учреждения, а все здание общественное старого мира»,— утверждал он в начале 1840-х годов (I, 329; II, 302; V, 306; X, 189; XVI, 27—28).

Позднее Герцен обнаружит зияющий разрыв между мировоззрением Руссо и идейными требованиями новой эпохи. «После Руссо прошли столетия» — так резюмирует он в 1848 г. свой взгляд на духовное наследие великого женевца. И хотя имя Руссо, как считал Герцен, оставалось свято и дорого всякому образованному человеку, его «понятия» стали «тесны для современного мира».

Попытку осмыслить историческое значение Руссо, его роль в Великой французской революции и в истории последующих десятилетий, вплоть до 1848—1849 гг., мы находим в книге «С того берега», особенно в главе «Consolatio» (VI, 28—29, 86—96; ср. III, 294; V, 318; XXIII, 57).

«Исповедь» Руссо и «Былое и думы» Герцена — две высочайшие вершины автобиографического жанра. Произведения эти во многом несхожи, даже антагонистичны, но имеют в себе немало общего. «Это не столько *записки*, сколько *исповедь*...» — так характеризовал «Былое и думы» сам Герцен (VIII, 9). «Тут попадаются и рассказы о самом себе, взволнованные и волнующие, как самые страстные излияния Жан-Жака Руссо»,— подметил еще при жизни Герцена в одной из своих французских статей его друг молодости Н. И. Сазонов [7]. Настойчивый интерес Герцена к автобиографическому жанру, жанру полнейшего самовыражения, в какой-то мере был пробужден, вероятно, прославленной книгой Руссо.

Во многом был близок Герцену и Дидро. В «Письмах об изучении природы» перекличка с этим «глубокомысленнейшим из всех энциклопедистов» (III, 312) особенно ощутима. Живость и увлекательность его изложения, смелость выводов, стилистический блеск и остроумие импонировали Герцену. Диалогическая форма отдельных глав «С того берега», возможно, была навеяна произведениями Дидро, в частности его «Племянником Рамо» *.

Других выдающихся энциклопедистов — Д'Аламбера, Гольбаха, Гельвеция, Кондильяка, Монтескьё, Бюффона — Герцен в юности, по-видимому, знал более поверхностно. Восхищенно отзываясь об «огромном здании», воздвигнутом философами XVIII в., он их апологетом, впрочем, не являлся и сильное пристрастие испытывал преимущественно к политической стороне их доктрины.

Серьезным изучением литературно-политического и философского наследия энциклопедистов Герцен занялся только в начале 1840-х годов, готовясь к работе над «Письмами об изучении природы» (последнее из этих писем, озаглавленное «Реализм», целиком посвящено эпохе французского Просвещения и философии XVIII в.). Век «анализа и разрушения» имел, по мнению Герцена, «что-то революционное в костях и мясе» (I, 25; II, 308; 298—302; IX, 45). Это, конечно,

---

однако его «Кандид» потягается в долговечности со многими великими художественными созданиями...» (В. Г. Белинский — Герцену по поводу «Кто виноват?» — XI, 523).— «Об остроумии Герцена впоследствии будут говорить так, как говорят об остроумии Вольтера: веселость, насмешка, лукавство, проникновенность, острая наблюдательность — в нем всё, всё» (из дневника французской писательницы Эрминии Кине — см. ниже). Бросая на гроб Герцена букет иммортелей, французский социалист-республиканец, член Учредительного собрания 1848 г. П. Малярдье провозгласил: «Вольтеру XIX столетия!» [5]. По мнению Г. Н. Вырубова, редактора первого, женевского, собрания сочинений Герцена, «нигде, ни в какой стране после Вольтера не было человека, который 〈...〉 одним своим пером имел бы такое необычайное влияние, каким было влияние Герцена на русскую публику...» Вырубов называл Герцена «русским Вольтером» [6].

* «Это превосходно! Под этим бы Дидро подписал свое имя 〈...〉 — с восхищением замечал о статье «Перед грозой» чуткий критик и эрудит В. П. Боткин.— Никогда еще глубочайшие проблемы жизни и истории не были поставлены с такою неумолимою яркостию и упорством, и никогда еще содержание, доступное только самой отвлеченной диалектике, не принимало таких простых, общепонятных форм...» [8].

усиливало его интерес к наиболее значительным явлениям умственной и социально-политической жизни эпохи *.

Свою юность Герцен называл временем революционного идолопоклонства. Его французский учитель, эмигрант Бушо, являлся, вероятно, небездеятельным участником взятия Бастилии и революционного террора. Именно ему обязан был Герцен первыми достоверными сведениями о Великой революции. От «террориста» Бушо он узнал, что Людовик XVI, окончивший жизнь на гильотине,— вовсе не «святой мученик» и что казнь его — акт народного возмездия. Это открытие поразило мальчика: ведь Французская революция со всеми своими грандиозными свершениями — не только в дворянском «фольклоре», но и в историографии — сводилась к одному гипертрофированному факту: «святотатственному убийству» помазанника божьего «кровожадными якобинцами».

Великую французскую революцию Герцен сравнивал с колоссальным огненным извержением, изменившим «все лицо планеты»,— извержением, горящие камни которого «разлетелись по всему свету» (I, 25).

«О, как мы любили вас, изо всех сил вбирая в свои легкие свежий воздух, впервые повеявший на мир через огромную пробоину 1789 года»,— восклицал он в конце жизни, обращаясь к французским демократам (XX, 73).

Культ Великой французской революции был «первой религией» Герцена. Значительные события и яркие фигуры этой величественной эпохи навеки врезались в его память. «Летописи» тех времен — речи Мирабо и «суровых личностей» Конвента, письма и мемуары современников читались и перечитывались, и интерес к ним возрастал при каждом чтении. Портреты вождей революции бережно хранились в заветных тайниках молодого Герцена и его друзей, подобно изображениям святых запрещенной церкви (XXX, 650) **.

Герцен и в зрелом возрасте не переставал изучать труды, посвященные Французской революции. О чтении сочинений А. Тьера, Ж. Мишле, А. Ламартина, Л. Блана, Ф. О. Минье, Т. Карлейля, Ж. Кларти, Эркмана-Шатриана и др. встречается немало упоминаний в его переписке.

В 1868 г. 56-летний Герцен сообщает автору «Истории Французской революции» Ж. Мишле: «Я плакал, читая последние страницы ⟨вашей книги⟩ о смерти Дантона и его друзей ⟨. . .⟩ Я только что закончил том... о последних монтаньярах,— как величественно ваше прошлое!» (XXIX, 271).

Интерес к исторической эпопее XVIII в. у Герцена никогда не иссякал. Менялась оценка событий и отдельных деятелей, подвергались переосмыслению движущие силы революции и ее конечные результаты, но к этой грандиозной лаборатории исторического опыта он постоянно возвращался, ища и находя там всё новые данные для постижения хода общественного движения и предвидения грядущих судеб человечества.

«Дела и люди этих торжественных дней истории остаются, подобно маякам, предназначенным освещать дорогу человечеству; они сопровождают человека из поколения в поколение, служа ему наставлением, примером, советом, утешением, поддерживая его в бедствиях и еще более в счастии...»,— писал Герцен в одной из своих французских статей 1850-х годов. В Великой революции находил он «могучую, титаническую поэзию» (VI, 243—244; XI, 33).

Чаще всего внимание Герцена приковывала к себе личность «неумолимого логика революции» Робеспьера. Герцен с двойственным чувством относил его, как и Сен-Жюста, к «святым палачам идеи». Понимая благородство помыслов «Неподкупного», его неоспоримую преданность народу и революционной идее, Герцен в то же время осуждал его за сухость, неуважение к истине, презрение к людям и даже упрекал в безнравственности — главным образом из-за того, что сам Робеспьер испугался результатов своих «далеко идущих проповедей». Красноречие Робеспьера, которым Герцен прежде безмерно восхищался, он в зрелом возрасте находил холодным и риторичным, с одной стороны, грозным и сентиментальным — с другой.

---

* Из предшественников энциклопедистов Герцен выделял «эксцентрического гения» М. Монтеня, П. Гассенди и П. Бейля — одного из «неутомимейших деятелей XVII века», причастного ко всем горячим вопросам, гуманного и едкого, уклончивого и дерзкого, живо выражавшего «деятельный, кипящий и неустроенный XVII век» (III, 251, 273; X, 190). Ценил он и цитировал также и Б. Паскаля.

** «Кто из нас не слыхал громовых речей Мирабо и Дантона,—писал в 1860-х годах Герцен,— кто не был якобинцем, террористом, другом и врагом Робеспьера, даже солдатом республики у Гоша, у Марсо?..» (XVIII, 322).

Несмотря на свою ненависть ко всевозможным «свирепым мерам», в том числе и к террору якобинцев, Герцен считал, что исключительные обстоятельства порой оправдывали грозные репрессии Конвента, и даже готов был видеть в них бесспорный признак величия. В то же время он отмечал, что не всех «актеров» 1793 г. можно любить (II, 348).

Этот намек относился в первую очередь к Марату. Великий якобинец особых симпатий у молодого Герцена не вызывал. На герценовском «революционном иконостасе» его портрет, по-видимому, отсутствовал, и позицию Марата по отношению к тайным и явным врагам революции он долго считал необоснованно жестокой. Однако трагический финал событий 1848—1849 гг. наглядно доказал Герцену, что доверчивость и беспечность, проявляемые народами, отнюдь не содействуют закреплению победы. И он приходит к выводу, что Марат свое дело знал; что без него плохо; что народу нужен такой пестун, «который был бы весь его, за него подозрителен, за него неутомим» (XXIII, 83).

Резка, но справедлива и принципиальна характеристика Марата — «раздражительного, болезненного, желчного, фанатичного, подозрительного, великого инквизитора революции ⟨. . .⟩, страдавшего с народом и проникшегося его ненавистью, его местью»,— во французской статье Герцена «Шарлотта Корде» (1850). Герцен убежденно защищает великого революционера, истинного друга демократической Франции, мстительно оклеветанного буржуазными историками. Тем не менее до конца жизни он все же продолжал считать, что карательная политика якобинцев и Марата имела чрезмерно жестокий характер и что Франция «не может обсохнуть от крови, пролитой во время террора» (VI, 245; XIX, 236).

Организатор «Заговора равных», «первый» француз-социалист Г. Бабёф заинтересовал Герцена еще в начале 1830-х годов. Насколько можно судить по черновому варианту статьи «Двадцать осьмое января» (1833), серьезного значения утопической доктрине Бабёфа он тогда не придавал. Позднее, однако, бабувизм стал рассматриваться Герценом как красноречивое пророчество будущего, а сам Бабёф — как прямой предшественник Сен-Симона и одна из тех «великих личностей, мучеников и побитых пророков, перед которыми невольно склоняется человек» (XI, 242). «Из пепла, брошенного умирающим Бабёфом, родился французский работник» (V, 314) — этим афоризмом Герцен рельефно выразил свое понимание бабувизма как предвестника социальной революции. Однако эгалитаристские крайности Бабёфа, проповедовавшего не только отмену частной собственности, но и строжайшую правительственную регламентацию всей общественной и личной жизни, «каторжное равенство», Герцен воспринимал как «безумие» и решительно отвергал. «Хирургические» методы Бабёфа, готового (как позднее М. А. Бакунин, а значительно ранее — Конвент) декретировать скачок из первого месяца беременности прямо в девятый, Герцену претили *. Учение Бабёфа он называл *великой мыслью*, хотя и нелепо выраженной.

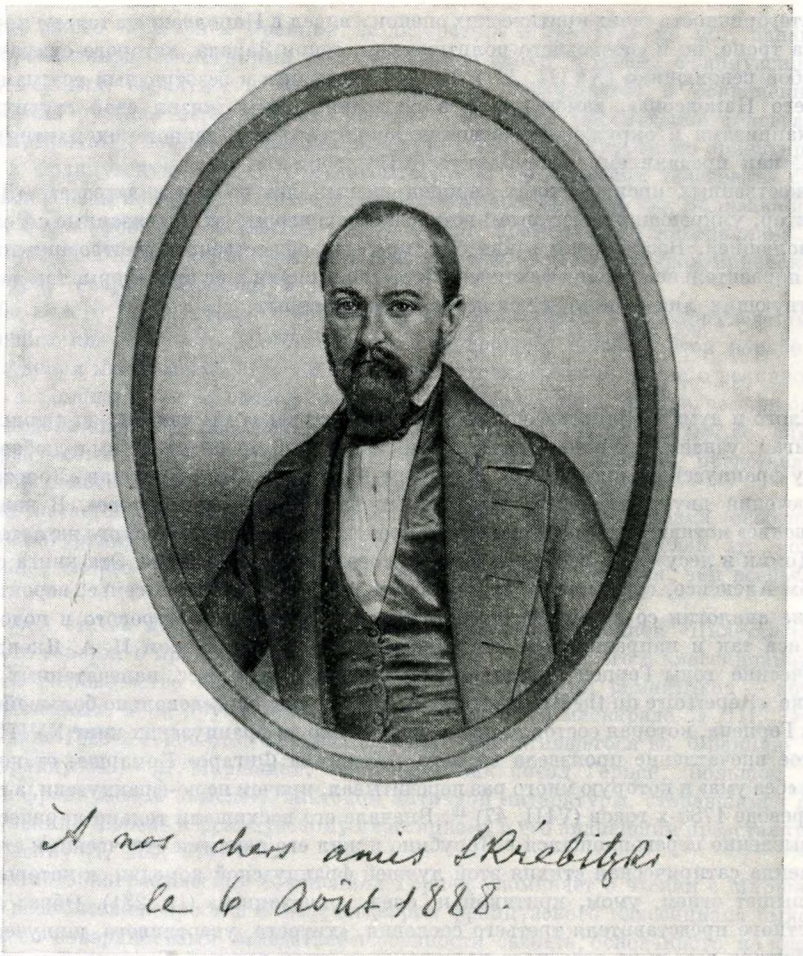
Империя Наполеона I рассматривалась историографией того времени как заключительный этап Великой революции. Романтическому культу Наполеона, столь характерному для западноевропейской молодежи 1820—1830-х годов, ненадолго поддался и Герцен. Позднее он увидит в Наполеоне великого кондотьера, водворителя рабства, укрепившего позорнейшее социальное положение, какое когда-либо существовало, и пролившего больше крови, чем все революции, вместе взятые (V, 242, 427; VI, 450). Годы правления Наполеона он стал рассматривать не как героическую эпопею революции, а как героическую эпоху восходящей буржуазии. Для зрелого Герцена Наполеон — человек прошлого, сбивший с пути целое поколение, ослепленное им, сведенное с ума, направленное к ложной цели. Герцен пересматривает свой взгляд и на так называемую «эпоху славы» императора — серию войн, усеявших трупами поля Европы; для него это уже не победы, а злодейства, всеобщая бойня, оргии убийства, апофеоз резни. Он осуждает дикий деспотизм Наполеона, а «глубокомыслие» императора, подчеркиваемое его биографами, вызывает у Герцена резкие иронические реплики; план войны с Россией он расценивает как явную нелепость ** (V, 194, 214, 426; VI, 137; VIII, 19; XIII, 242 и др.).

Памфлет Герцена «La France ou l'Angleterre?» (1858), направленный главным образом

---

* См. письма «К старому товарищу» (XX, 576; ср. XI, 241).

** Отец Герцена, И. А. Яковлев, часто рассказывал о своей встрече с Наполеоном в пылающей Москве, и, надо думать, в непочтительном и ироническом тоне. Это могло в какой-то мере повлиять на восприятие Герценом Наполеона как личности. Надо отметить, что Яковлев, «причастный» к истории Наполеона и упоминаемый во многих сочинениях о нем, постоянно читал научные труды и мемуары о французском императоре. Со многими из них, еще в юности, разумеется, ознакомился и Герцен.



ГЕРЦЕН

Фотография с дагерротипа. Париж, 1847

С дарственной надписью А. А. Герцена (сына:) «A nos chers amis Skrébitzki le 6 août 1888» («Нашим дорогим друзьям Скребицким 6 августа 1888»)

Музей Герцена, Москва

против Наполеона III, ретроспективно метит и в основателя наполеоновской династии; в ней Герцен видит болезнь дряхлости, маразм, «деспотизм конца», «метастаз» революции *. Характеризуя «гувернементализм, регламентацию, насильственное навязывание властью», присущие всем французским политическим системам, Герцен остроумно заключает: «Можно ли удивляться тому, что Людовик XVI, пройдя через фригийский колпак, сделался Наполеоном?» (XIII, 240—253). Дегероизация Наполеона — его личности и роли в истории — один из многозначительных мотивов «Былого и дум». Хотя аналогичная тенденция проявлялась в памфлетах П. Л. Курье, в «Ямбах» О. Барбье и в других прославленных произведениях французских авторов, под пером Герцена она приобрела исключительную убедительность. Впрочем, он иногда

* «Бонапартизм,— пишет здесь Герцен,— действует лишь при помощи смерти. Его слава — вся из крови, вся из трупов. В нем нет силы зиждительной, нет производительной деятельности; он совершенно бесплоден; все созданное им — только иллюзия, сон: кажется, будто что-то есть, а в сущности нет ничего; это призраки, привидения: империи, королевства, династии, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы... Подождите четверть часа: всего этого не существует; это очертания облаков. Действительность — это земля Испании, утученная трупами французскими; это пески Египта, усыпанные французскими костями; это снега России, обагренные французскою кровью» (XIII, 240—241. Перевод уточнен).

ослаблял категоричность своих критических оценок и видел в Наполеоне не только прозаического мещанина на троне, но и «последнего политического гения Запада, которого сумрачная фигура замыкает собой революцию» (XVIII, 307). Герцену ясен был и безотрадный трагизм положения «отяжелевшего Наполеона», заменявшего в последние годы жизни свой «тухнущий гений» упорными капризами и окруженного «своими кондотьерами в герцогских мантиях, готовыми предать его, как предали ему республику» (XIII, 100).

В художественных произведениях Герцена разных лет («Первая встреча», «Долг прежде всего», «Доктор, умирающий и мертвые») встречаются эпизоды, тесно связанные с Великой французской революцией. Воссоздавая в них быт, нравы и общественные настроения того времени, он проявил поразительное знание фактической стороны эпохи и ее атмосферы, так же как психологии действующих лиц — исторических и вымышленных.

* * *

Из «Былого и дум» и «Записок одного молодого человека» мы узнаём, как вошла в жизнь Герцена книга [9]; узнаём, что первое печатное произведение, прочитанное им с любовью, принадлежало перу французского писателя Ф. Г. Дюкре-Дюмениля. Это был роман «Лолота и Фанфан, или Приключения двух младенцев, оставленных на необитаемом острове». В нем сочетались «робинзоновские» мотивы с элементами романа нравов. Другое сочинение того же автора — «Алексис, или Домик в лесу» [10] — особенно заинтересовало юного читателя. Эта книга об отважном и несчастном Алексисе, страдающем от двусмысленного положения в семье, вероятно, вызывала у Герцена аналогии со своей собственной судьбой, а характер сурового и подозрительного отца Алексиса так и напрашивался на сопоставление с характером И. А. Яковлева.

В отроческие годы Герцен проглотил сотни французских пьес, напечатанных в многотомном сборнике «Répertoire du théâtre français» [11], находившемся в «довольно большой» библиотеке отца и дяди Герцена, которая состояла преимущественно из французских книг XVIII в. Но самое неизгладимое впечатление произвела на него «Женитьба Фигаро» Бомарше, от которой юный Герцен был «без ума» и которую много раз перечитывал, причем не по-французски, а в неуклюжем русском переводе 1780-х годов (VIII, 47) [12]. Вначале его восхищали только лирические эпизоды пьесы; он мысленно перевоплощался в Керубино и жил его первыми отроческими страстями. Затем его увлекла сатирическая стихия этой лучшей французской комедии, в которой «все живо, трепещет, пышет огнем, умом, критикой и, след., оппозицией» (II, 231). Образ энергичного, жизнерадостного представителя третьего сословия, «хитрого, увертливого, шипучего, как шампанское», Фигаро встает во весь рост на страницах произведений Герцена как символ живых сил предреволюционной эпохи (V, 33; XII, 338). В конце 1840-х годов он увидит этого «забавного, милого плута» Фигаро уже в новой трансформации: разбитной цирюльник в результате революции 1789 г. стал преуспевающим капиталистом-стяжателем, эксплуататором, типичным представителем правящей верхушки Июльской монархии; это Адольф Тьер в зените своей отталкивающей политической карьеры *.

С увлечением прочитал Герцен «Историю кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево д'Экзиля. Об этом чудесном произведении он и потом будет отзываться с большой теплотой и видеть в нем верную и великую коллизию, полную глубокого интереса и пафоса (II, 225).

Чтение Герцена в это время было лишено всякой системы. То ли из равнодушия, то ли из уважения к педагогическим идеям Руссо И. А. Яковлев предоставлял своему сыну гораздо больше возможностей для свободного развития, чем другие родители того же круга, настойчиво навязывавшие своим детям собственное мировоззрение, религиозные предрассудки и господствующие стандарты мышления. Конечно, бессистемное чтение классиков и даже забытых и полузабытых писателей прошлого было во всех отношениях лучше, чем школярская зубрежка прописей из казенных учебников.

---

* «...Тьер,— писал тогда Герцен,— полнейший представитель современного большинства, дерзкого на вид и смиренного на деле, которое, остря и помирая со смеху, ссылает на поселение, сажает на цепь, которое имеет одного бога — капитал и не имеет богов, разве его 〈...〉 Самая наружность Тьера, малорослого старичишки, с кругленьким брюшком, на тоненьких ножках, с видом плута-дворецкого, Фигаро, типически выражает буржуазную Францию.

Скорее отлейте его статую — статую в очках и в полуфраке — и поставьте ее на июльскую колонну, пусть она переглядывается с своим императором на Вандомской колонне. Наполеон и Тьер — героическая эпоха восходящего мещанства и эпоха ее тучного преуспеяния!» (V, 194).

Интерес юного читателя к Франции, ее литературе и культуре не мог, однако, удовлетвориться разрозненными сочинениями уже отдаленной эпохи *. Новых французских книг в доме родителей Герцена, вероятно, не было [14]. Немалую информацию о современной Франции, правда, давала русская периодическая печать **, особенно «Московский телеграф» — «журнал литературы, критики, науки», начавший выходить в 1825 г. и откровенно ориентировавшийся на Францию и французскую культуру и литературу. В «Московском телеграфе» систематически печатались переводы новейших произведений Гюго, Виньи, Мериме, Сю, Бальзака и, в частности, писателей, философов и экономистов левого крыла французского либерализма. «Московский телеграф» усердно пропагандировал и историков так называемой «доктринерской школы» — Гизо, Тьерри, Тьера, Сисмонди и др.

Борьба нового литературного направления — романтизма — с одряхлевшим, но все еще воинствующим классицизмом достигла тогда сильнейшего накала. Этой борьбе «Московский телеграф» уделял много места. Классицизм отождествлялся в это время с реакционным консерватизмом, а романтизм — со свободолюбием и свободомыслием. В прогрессивном романтизме молодежь видела открытый революционный протест против «старого мира»; все симпатии юного Герцена, разумеется, были на стороне этого «политического» течения, представлявшего собой как бы современное воплощение неумирающих принципов Руссо.

Что же касается «неистовых» проявлений французского романтизма (особенно свойственных его драматургии), то Герцен и им отдал некоторую дань, но делал это, можно сказать, умозрительно, скорее натягивая на себя преувеличенные страсти, чем всерьез проникаясь ими [15].

Во второй статье цикла «Дилетантизм в науке», озаглавленной «Дилетанты-романтики», Герцен много говорит о происхождении романтизма и о «тяжбе» его с классицизмом, приходя к выводу, что «человечество не хочет больше ни классиков, ни романтиков — хочет людей, и людей современных, а на других смотрит, как на гостей в маскараде...» (III, 24—40).

В середине 1820-х годов отец Герцена заменил возвратившегося во Францию Бушо новым учителем-французом — Ж. Маршалем, человеком, как писал Герцен, большой учености (но учености «в французском смысле»), знатоком античной литературы, старавшимся привить своему юному ученику любовь к французскому классицизму и его виднейшим представителям — Буало *** и Расину (I, 269; 274) [16].

В своих автобиографических сочинениях Герцен упоминает о чтении с Маршалем «Федры» Расина, но знакомство подростка с этим шедевром французского классицизма было тогда, надо думать, совсем поверхностным, вследствие особенности сюжета, основанного на кровосмешении, и, вероятно, ограничилось заучиванием хрестоматийного монолога Терамена из последнего акта трагедии — о гибели юного Ипполита. Этот длинный и несколько вялый монолог не мог произвести благоприятного впечатления на мальчика, уже подпавшего под неотразимое влияние «кипучего» Шиллера и французских романтиков; он лишь усиливал, должно быть, его антипатию к классицизму. И «Федру» и Расина Герцен открыл для себя только двадцать лет спустя, в Париже, на спектаклях Comédie Française благодаря гениальной игре Рашели.

Несмотря на приверженность литературе XVII в., Маршаль, по-видимому, не сумел по-настоящему заинтересовать своего ученика даже такими светилами, как Мольер, Корнель, Лафон-

---

* Увлечение Герцена Францией вольно или невольно поддерживалось его отцом, много лет прожившим в Париже и читавшим исключительно французские книги. О своем пребывании во Франции, которую он «безмерно любил», в самую блестящую эпоху наполеоновского могущества, о своих парижских знакомствах и театральных впечатлениях И. А. Яковлев много рассказывал, и Герцен не раз упоминает о том, что уже с детских лет мечтал о Париже.

Рассказывали о Франции и украшенные эполетами друзья и сослуживцы И. А. Яковлева, «покрытые славой едва кончившейся кровавой борьбы» (VIII, 22). Упоминая о русских офицерах, участниках Отечественной войны, Герцен как-то отметил одну любопытную черту: победы над французами были одержаны «людьми 〈...〉 любившими Париж и французов, любившими говорить по-французски» (II, 190). К этим людям принадлежали и многие декабристы. А. А. Бестужев-Марлинский вспоминал в «Полярной звезде на 1824 год»: «Войска возвратились с лаврами на челе, но с французскими фразами на устах, и затаившаяся страсть к галлицизмам захватила вдруг все состояния, сильней чем когда-либо...» [13].

** Отец Герцена постоянно выписывал французские газеты «Journal de St.-Pétersbourg» и «Journal de Francfort» (см. VIII, 93), в которых также много места занимала Франция.

*** Поэму «Искусство поэзии» Буало, которую Герцен разбирал с Маршалем и заучил наизусть, он считал «бездушной», но нередко цитировал впоследствии, и порой с явным одобрением (см. III, 62).

тен. К тому же немецкие романтики, в частности А. В. Шлегель, своими резко отрицательными высказываниями о французских классиках надолго отбили у Герцена охоту читать их, а тем более изучать *.

* * *

До нас не дошли — ни в полном виде, ни в отрывках — отроческие и юношеские, доуниверситетские произведения Герцена. Между тем его литературная деятельность во второй половине 1820-х годов, когда вырабатывались первоначальные основы мировоззрения и писательского мастерства будущего автора «Былого и дум», была значительна и разнообразна.

К этому времени относится, в частности, один из его «исторических разборов» — сравнение Бориса Годунова с О. Кромвелем.

Интерес к личности Кромвеля, несомненно, возник у Герцена под влиянием нашумевшей литературной новинки — исторической драмы Гюго «Кромвель» (вышла в 1827 г. со знаменитым предисловием автора, представлявшим собой боевой манифест романтической школы, открыто направленный против основных принципов классицизма) [17].

Во второй половине 1820-х годов Герценом был написан ряд статей «по эстетике» и несколько «литературных разборов», в которых он, вероятно под влиянием «манифеста» Гюго и статей «Московского телеграфа», «уничтожал» классицизм и подвергал едкой критике эстетические каноны Буало (I, 274).

Университетский (он же и послеуниверситетский) кружок Герцена, в котором главенствовали социально-политические интересы, в значительной мере ориентировался на Францию, где постоянно кипела интенсивная политическая жизнь и велась — в самых разнообразных формах — пропаганда вольнолюбивых идей. Пропагандистский опыт «родины революции» Герцен и его друзья высоко ценили и стремились использовать в русских условиях, проповедуя идеи, враждебные самодержавному строю, в первую очередь «французскую революцию» (X, 318).

Чтение и обсуждение прочитанных книг (в том числе запрещенных), и чаще всего французских,— общественно-политических, исторических, философских, естествоведческих, беллетристических, а также французских периодических изданий, с их обнаженной идеологической борьбой, ожесточенной полемикой, раскованной и хлесткой фразеологией,— революционизировали, откладывались в сознании как фундамент для будущей деятельности — литературной, общественной, научной и журналистской... Многие из республиканских идей Герцена вскормлены были французской оппозиционной литературой и публицистикой последних десятилетий — сочинениями Б. Констана, П. Л. Курье**, Беранже, А. Карреля, речами оппозиционных ораторов — Ж. А. Манюэля, М. Ж. Лафайета, Ж. Ш. Дюпон де л'Эра, П. П. Ройе-Коллара, передовицами радикальных органов печати.

Французские идеологи буржуазного либерализма эпохи Реставрации — и республиканцы, и конституционалисты — воспринимались Герценом и его современниками как прямые наследники и продолжатели революции 1789—1793 гг. Они вели свою пропаганду, направленную против короля Карла X и его правительства, под лозунгом «Свобода, равенство и братство». Франция, как и остальная часть Европы, плыла в это время, по словам Герцена, «на всех парусах буржуазного либерализма» (XIX, 187).

Авторитет французских либералов разных направлений, ратовавших за свободу мнений, свободу совести, свободу печати и за многие другие «свободы», был в России чрезвычайно велик. От них ожидали многого, чуть ли не конкретной программы для действий в русских условиях. Поэтому Июльская революция 1830 г. показалась вначале блистательным апофеозом политического либерализма, торжеством гуманных и свободолюбивых идей.

Сообщения о кровопролитных баррикадных боях в Париже, о падении Карла X вызвали у передовой молодежи уверенность, что разразившаяся революция открывает новую эру в истории человечества. Номера орлеанистской газеты «Journal des Débats» с известиями о революции восемнадцатилетний Герцен «прочитал сто раз» и «знал наизусть» (VIII, 133).

Первые месяцы прошли в радостном возбуждении. «Какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе,— вспоминал Герцен.— Романы, драмы, поэмы — все

* В «Письмах из Франции и Италии» Герцен писал о Расине: «Я его твердил на память лет десяти, а потом читал лет пятнадцати; но это уже было поздно. Имев счастие завершить начальное образование под маханье „Московского телеграфа“ и под теорию российского романтизма, я посматривал свысока на человека трех аристотелевских единств〈...〉Немецкая эстетика убедила меня, что во Франции искусства никогда не было...» (V, 50).

** Отметим, что Н. И. Сазонов в цитированной выше статье ставил Герцена-публициста в один ряд с П. Л. Курье (с. 200).

снова сделалось пропагандой, борьбой 〈. . .〉 Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и за генералом Ламарком, мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты...» (VIII, 133—134).

Июльская революция восстановила трехцветный республиканский флаг Франции, упразднив прежний — белый с лилиями — флаг Бурбонов. Бравируя опасностью, Герцен и его друзья демонстративно обернули шеи трехцветными — сине-бело-красными — шарфами, видя в этом фрондерстве дерзновенную пропаганду «свободы и борьбы». Недаром кружок Н. В. Станкевича и Белинского назовет Герцена и его друзей «фрондерами и французами» (IX, 17).

Однако революция не привела к установлению социальной справедливости и свелась к замене одной диктатуры другой, не менее отталкивающей, вызвав сомнения в целесообразности политической борьбы. Русская молодежь стала замечать убожество революционной идеи, господствующей во Франции: «Вера в беранжеровскую *застольную* революцию была потрясена» (VIII, 161). Потрясена была при этом и вера в прогрессивные результаты Великой французской революции, которая, по выражению Герцена, «ломала — и только» (XXI, 20), вместо того чтобы создать на обломках феодализма новый общественный строй, проникнутый социальной справедливостью.

Взамен скомпрометированных идей политического либерализма молодые русские настойчиво искали «чего-то иного».

Это *иное* явилось в виде утопического учения Сен-Симона. Знаменитые брошюры создателя этого учения и его последователей — С. А. Базара, Б. П. Анфантена, протоколы судебного процесса над сен-симонистами произвели на Герцена и его друзей громаднейшее впечатление. Семена нашли давно подготовленную почву...

Сен-симонизм представлял собой, по словам Герцена, «торжественный протест против общественной лжи и неправды» (XVI, 12) и отвергал весь существующий порядок вещей. Не ограничиваясь этим, сен-симонисты, «пылкие предтечи социализма» (VIII, 161), развивали в новых исторических условиях многие дорогие Герцену откровения «Общественного договора» Руссо. Обличение «нелепости гражданского быта»; проповедь преобразования всех общественных отношений, нравственного возрождения, прекращения эксплуатации человека человеком; идея исторического прогресса и неизбежности эпохи созидания, следующей за эпохой разрушений; полный отказ от спиритуализма — вот что Герцен особенно ценил в сен-симонизме. Приоритет экономической точки зрения над прежней, чисто политической; огромная роль, отводимая сен-симонизмом естествознанию; призыв к освобождению и равноправию женщины, к «реабилитации плоти»,— все это возрождало надежды, открывало перспективы осмысленной деятельности и борьбы.

Позднее все учения и школы социалистов-утопистов, от Сен-Симона до Прудона, Герцен находил «бедными» и характеризовал их как «первый лепет», как «чтение по складам», как «односторонние попытки»; в то же время он относил их к важнейшим ступеням общественного развития (XXV, 54).

Сен-симонизм являлся, как известно, религиозно-этическим учением и во многом напоминал учения времен раннего христианства *. Это придавало ему тот характер «апостольской пропаганды», экзальтированного альтруизма, который казался тогда Герцену и многим его молодым современникам истинным путем для «переплавки старого мира» в новый мир высокой нравственности и социальной справедливости.

«В первые времена 〈. . .〉 юности» (т. е., вероятно, в студенческие годы) Герцена глубоко поразил один французский роман (автора он не запомнил) под названием «Арминий». Роман этот «долго бродил» в его голове. С огромной впечатляющей силой воссоздано было в этой книге столкновение двух противоположных миров — античного и варварского — в период упадка Римской империи (это была одна из тем, разрабатывавшихся Сен-Симоном). Герцен настолько увлечен был «Арминием», что около 1833 г. начал писать ряд исторических сцен в том же роде (X, 238). Коллизии, изображенные во французском романе, долгие годы и по разным поводам навязчиво

* «Новое христианство» — так называлось последнее сочинение Сен-Симона. Проблемы, связанные с ранним христианством, и его сходство с сен-симонизмом возбуждали тогда у Герцена особенно большой интерес. «Именно во Франции социализм 〈...〉 — писал он в 1850-х годах,— сделался религией с Сен-Симоном, учением с Фурье, философией с Прудоном» (XIII, 245).

вставали перед Герценом при личных столкновениях с «отживающим» западным миром и его отдельными представителями.

В 1834 г. Герцен написал статью о книге видного сен-симониста Ф. Ж. Бюше «L'introduction à la science de l'histoire, ou Science du développement de l'humanité». Статья эта не сохранилась. Известна только одна подробность: Герцен разъяснял в ней свой взгляд на сен-симонизм как на «дальнейшее развитие учения о совершенствовании рода человеческого» (XXI, 422).

Доктрина социалиста-утописта Ш. Фурье, резко критиковавшего основы современного общественного устройства и констатировавшего возросший социальный антагонизм, также живо заинтересовала Герцена. Он считал, что учение Фурье стоит на более высокой ступени, чем сен-симонизм. Но и слабые стороны фурьеризма не остались им незамеченными: «У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании»,— отмечал он в своем дневнике 1844 г. (II, 345; ср. VIII, 253).

В первой дошедшей до нас статье Герцена, озаглавленной «О месте человека в природе» (1832) и уже отмеченной влиянием сен-симонизма, цитируются и упоминаются десятки иностранных авторов; больше всего среди них французов *. Отсутствие рабского пиетета к установившимся взглядам, горение мысли, молодой задор — определяющие достоинства этой статьи. Стиль Герцена здесь не совсем еще выработан, но ярок, эмоционален, афористичен. В манере его письма нельзя не увидеть щедрого влияния французских писателей и ученых, книги которых Герцен изучал, особенно ценя присущую французам ясность в отвлечениях, определенность во всем и их мастерство в популяризации самых трудных понятий и идей (V, 353) **.

Увлечение Герцена современной Францией и ее историей отражено в одном из сохранившихся фрагментов его ранней повести «О себе» — описании студенческой пирушки накануне завершения университетского курса (см. I, 170—182).

Среди ее участников — фанатичный почитатель Великой французской революции, друг Герцена медик Н. Х. Кетчер, который похож на террориста 1790-х годов и «как-то гильотинно умеет двигать бровями». Молодой астроном И. И. Савич, которого Герцен характеризует как «представителя материализма XVIII века», спорит с другим близким Герцену студентом, Н. И. Сазоновым — эрудитом, большим знатоком Франции, ее литературы, идей и общественно-политической жизни. В дискуссии со своим собеседником Сазонов утверждает, что «материализм сделал свое и умер» и что «Вандомская колонна — его надгробный памятник». Себя самого Герцен вывел здесь в образе «худощавого юноши с выразительным, умным взором»; он держит руки сложенными à la Napoléon и обращается к присутствующим с шутливой речью на французском языке. Все поют по-французски песню Беранже. Рано утром шумная компания отправляется в Архангельское, подмосковное имение князя Н. Б. Юсупова, где собраны сокровища французского изобразительного искусства. Друзья восхищаются статуями и картинами, в том числе работами «художника-террориста» Ж. Л. Давида. В речь Герцена и его друзей густо вкраплены галлицизмы, французские слова и выражения.

Несмотря на разочарование во Франции и Июльской монархии, Герцен не утратил интереса к французской культуре. Всеобщим любимцем в его кружке оставался Беранже — свободолюбивый, жизнерадостный певец демократической Франции, и его песни — политические, романтические, бытовые, сатирические, обличительные, антиклерикальные и гривуазные — декламировались и распевались при каждом случае. Многие из этих песен Герцен знал наизусть и охотно цитировал их, хотя политическая позиция Беранже, близкая к «детскому» либерализму конца 1820-х годов, в глазах Герцена была скомпрометирована. Как личность в высшей степени честную и благородную, как истинно национального поэта Франции, Герцен всегда ставил Беранже исключительно высоко. «Это великая руина, он сохранился свят и чист»,— писал он о Беранже в 1848 г. (XXIII, 90).

Необходимость пополнить и систематизировать знания, полученные в университете, Герцен отчетливо сознавал. Благодарность к своей alma mater он испытывал не столько за знания, сколько за приобретенный там метод научного исследования, который помог ему разделаться

* Судя по черновым вариантам этой статьи, в оценке явлений новейшей истории Герцен опирался на сочинения французских историков «доктринерской школы» Ф. П. Г. Гизо и О. Тьерри (I, 463).

** В статье «О месте человека в природе» особенно заметно влияние эклектической философии профессора и политического оратора В. Кузена, одного из усерднейших популяризаторов немецкого классического идеализма. Интерес к Кузену длился сравнительно недолго, и через несколько лет его «спутанный эклектизм» Герцен даже перестанет считать философией и назовет «высшим бездушием» (II, 8; V, 160, 353).

с дилетантизмом. Значение метода, так часто упоминаемого в письмах и сочинениях, настойчиво декларируется в кандидатской диссертации «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». Герцен ссылается там на «первого законоположителя методы, великого Декарта», который говорил, когда превозносили его математические открытия: «Хвалите не открытия, а методу» (I, 37). Часто повторявшиеся Герценом хвалы «методе» являются, как мы видим, своего рода вариацией на тему Декарта.

Пользуясь терминологией сен-симонистского учения, Герцен высказал в это время свои гипотезы насчет Франции, которая, по его мнению, уже выразила свою идею в прошлом, «критическом» веке и обновления человечеству принести не может. «Французский народ в грубом невежестве,— писал Герцен,— сверх того, он сделался участником разврата XVIII столетия, он нечист. Годился рушить, но им ли начинать новое, огромное здание обновления?» (XXI, 26).

Просвещение в ряде германских государств стояло тогда, по мнению Герцена, на гораздо более высокой точке, чем в буржуазной Франции. Он выразил намерение обработать эту мысль «в статье *для друзей*» (XXI, 26). Из подчеркнутых слов видно, что Герцен понимал невозможность появления этой статьи в подцензурной печати.

Доказательства превосходства германского просвещения над французским Герцен, вероятно, извлек из книги Кузена «Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne». Эту работу Герцен вскоре перевел в сокращенном виде на русский язык; в свет она, однако, не вышла вследствие ареста переводчика, и часть уже отпечатанных листов, хранившихся в следственном деле, исчезла, так же как и сама рукопись (XXX, 847). Надо думать, что Герцен не ограничился в ней пассивным воспроизведением текста Кузена и радикально переработал книгу, снабдив ее предисловием, в котором, насколько это было возможно в подцензурном издании, изложил свои просветительские взгляды.

О «юной» французской литературе Герцен в начале 1830-х годов был сравнительно высокого мнения. В статье «Гофман», написанной еще до ареста (1833—1834), он отметил крупный шаг, сделанный такими писателями, как Бальзак, Э. Сю, Ж. Жанен *, А. де Виньи. После состояния «похмелья», в котором находилась Франция в период Реставрации, писал Герцен, «явились эти анатомические разъятия души человеческой, тут-то стали раскрывать все смердящие раны тела общественного, и романы сделались психологическими рассуждениями». Герцен делает здесь оговорку, что происхождение этого рода произведений не французское, а заимствовано из Германии,— французы, полагал он, перенесли их к себе целиком, «прибавив свое разочарование и свой слог» (I, 70).

Как и другие современники (в частности, Лермонтов), Герцен долго находился под сильным впечатлением от обличительных стихотворений О. Барбье из сборника «Ямбы». С грозным пафосом поэт-демократ предавал в нем анафеме буржуазных властителей Франции и политиканов-либералов, изменивших народу во время Июльской революции. Саркастически клеймил он и «жидковолосого корсиканца» Наполеона I, «сломавшего спинной хребет» оседланной им «непокорной и дикой кобылице» — революционной Франции. В некоторых ямбах Барбье, по мнению Герцена, встречаются такие слова и стихи, которые «режут, делают боль, будят нашу внутреннюю скорбь». Во всей французской литературе после Монтеня только Барбье и Дидро, по позднейшему мнению Герцена, иногда проявляли «*талант* искренности и отрицания» и находили убедительные аргументы, способные отрезвить французов от их самодовольного и преувеличенного патриотизма (X, 79; XIII, 172) [18].

Как вспоминал один из членов герценовского кружка, «Ямбы» Барбье в 1830-х годах «волновали, захватывали и приводили в искренний восторг» Герцена и его друзей [19].

Середина 1830-х годов — период расцвета у Герцена романтических настроений — период, когда он, по его словам, «жил в сфере общечеловеческих, современных вопросов, придавая им субъективно-мечтательный цвет» (II, 234). С умонастроением и вкусами Герцена в это время особенно гармонировало творчество В. Гюго, главным образом «Собор Парижской богоматери». В годы вятской ссылки он без конца перечитывает этот роман, в частности главы, посвященные старинной архитектуре.

В конце десятилетия Герцен, однако, охладевает к Гюго. Самый жанр романтической драмы, который преимущественно разрабатывался тем в 1830—1840-х годах, уже казался Герцену чем-то

---

* Одновременно Герцен отмечал и слабые стороны Жанена как художника. В той же статье он упоминает о его «натянутых, вытянутых, раскрашенных повестях — детях странного соединения философии XVIII века с германской поэзией» (I, 76).

безнадежно устаревшим. «Какие-то сумасшедшие разных веков ходят растрепанные по сцене, машут руками, кричат, и все помешались на одном пункте — на риторике»,— раздраженно замечает он в «Письмах из avenue Marigny» (1847) и там же с острой иронией характеризует Гюго как «одного древнего писателя» (V, 229, 404). Только в 1850—1860-х годах Герцен снова по достоинству оценит творчество «великого ритора и поэта» и одобрительно отнесется к его сборнику политических стихотворений «Les châtiments», направленных против Наполеона III и бонапартизма.

«Отверженных» Гюго (1862) Герцен признавал крупным общественным явлением, хотя указывал на серьезные идейные и художественные просчеты писателя. В одной из глав «Концов и начал» мы находим развернутый анализ этого «романа-омнибуса». По мнению Герцена, Гюго потерпел неудачу в «утомительно подробной» психологической разработке образа Жана Вальжана и в описании его страданий. В этом персонаже, как считал Герцен, понятна только его «внешняя борьба доброго, несчастного зверя, травимого целым гончим обществом». Внутренняя же жизнь бывшего каторжника остается читателям «посторонней». В личности молодого, «бездушного, ограниченнейшего» буржуа Мариюса, «типического представителя пошлеющего поколения», уже не имеющего революционной «закваски XVIII века», Герцен видит отступление новой эпохи от прежних свободолюбивых и гуманных тенденций. Эти страницы герценовской статьи — как бы продолжение его полемики с Гюго, вызванной пренебрежительной оценкой в «Былом и думах» юного поколения французов 1830-х годов (VIII, 151—152; IX, 45), за которое горячо вступился автор «Отверженных». Выведенная Гюго во весь рост фигура «шакала порядка» — героя полиции, сыщика Жавера — показалась Герцену в высшей степени отвратительной — в ней он нашел подтверждение своего тезиса о непреодолимом пристрастии французов к полиции и шпионству (XVI, 153—155) * [20].

В конце 1830-х годов Герцен совершенно охладел к французской беллетристике, хотя это было время подлинного расцвета художественной литературы во Франции. «Французская философия французских романов» чуть ли не равняется нулю, если не стоит даже еще ниже,— к такому выводу приходит он в 1839 г. после чтения комплекта «толстого» парижского журнала «Revue des Deux Mondes» (XXII, 54). Можно серьезно сомневаться, достаточно ли глубоко успел Герцен ознакомиться с современной французской художественной литературой после нескольких лет ссылки в Вятке, где французских книг не было. В сочинениях и письмах Герцена совсем не упоминаются произведения таких первостепенных светил литературной Франции, как Стендаль и Мериме. О Бальзаке молодой Герцен также не упоминает. Правда, сохранилось свидетельство современника (Н. И. Сазонова) о восторженном отношении членов герценовского кружка (и, надо думать, самого Герцена) к «Шагреневой коже» (прим. 19 и XX, 718), но этот «философский этюд» с «ирреальным» сюжетом занимает особое место среди произведений выдающегося французского писателя. Вероятно, в Герцене еще сохранялся тогда романтический критерий, мешавший ему понять и принять новаторский реализм зрелого Бальзака **. Через полтора десятилетия, в «Былом и думах», он гораздо вернее и беспристрастнее оценит немеркнущие достоинства французской литературы 1830-х годов, в которой, «с ведома писателя или нет, везде сильно билась социальная артерия, везде обличались общественные раны, везде слышался стон сгнетенных голодом, невинных каторжников работы» (VIII, 327) ***, а в конце 1860-х гг., перечитывая отдельные произведения Бальзака, Герцен окончательно убедится в могуществе таланта и психологической глубине этого писателя («При всех недостатках Бальзак — великий мастер. В нем есть диккенсовские картины; я понимаю, почему Тэн недавно писал об нем» — XXX, 12—13) [21]. Пока же он убежденно противопоставляет «немощной» современной литературе

* См., например, в «Письмах из Франции и Италии»: «У них страсть к полиции и к власти; каждый француз в душе полицейский комиссар, он любит фронт и дисциплину; все независимое, индивидуальное его бесит» и т. д. (V, 173).

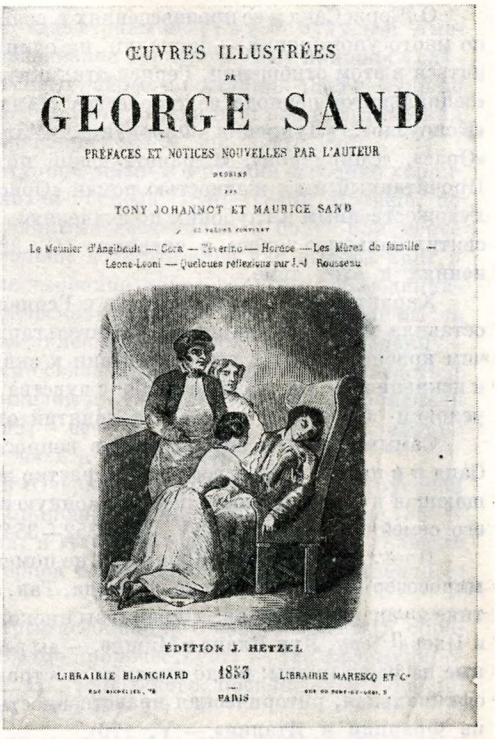
** В начале 1850-х годов Герцен доброжелательно отзовется о «Тридцатилетней женщине» и «очаровательных женщинах Бальзака», противопоставляя их развращенным героиням А. Дюма-сына, дамам «с камелиями и без камелий» (XII, 477).

*** О романах Сю, Бальзака и Дюма один из персонажей «Сороки-воровки» высказывает следующее, явно герценовское суждение: «...удивительное дело, самые пустые французские романы больше развивают женщину, нежели очень важные занятия развивают их мужей, и это отчасти оттого, что судьба так устроила француза: что б он ни делал, он все учит. Он напишет дрянной роман с неестественными страстями, с добродетельными пороками и с злодейскими добродетелями да по дороге или, вернее, потому, что это совсем не по дороге, коснется таких вопросов, от которых у вас дух займется, от которых вам сделается страшно, а чтоб прогнать страх, вы начнете думать» (IV, 216—217).

французов их литературу периода Реставрации, когда «новая историческая школа, новая философская, новая поэтическая печатала прекраснейшие произведения» (XXII, 10).

Вопросам, связанным с писательским мастерством, стилем, поэтикой, Герцен, в противоположность другим литераторам-профессионалам, первенствующего, а тем более определяющего значения никогда не придавал. Основой основ для него всегда являлась верная передача жизненной правды, социальная направленность, всепроникающая гуманность, философская глубина. Совершенство формы, конечно, подразумевалось само собой как непременное условие подлинной художественности, но сосредоточивать внимание на этой стороне творческого процесса Герцен не считал нужным. Произведения, не проникнутые передовым и современным мировоззрением и острокритическим отношением к социальному злу, отталкивали его, даже если они и отличались ярко выраженной талантливостью.

Единственным крупным художником-гуманистом во всей французской литературе 1830—1840-х годов Герцен считал Жорж Санд. Ее социальными романами, созданными под влиянием идей Руссо, Сен-Симона, Леру, он не уставал восхищаться. В Жорж Санд Герцен видел недосягаемый образец передового писателя, смелого обличителя пороков буржуазного общества, выдвигающего в то же время высокогуманную программу общественного и нравственного обновления.



«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ ЖОРЖ САНД»
Том второй. Париж, 1853
Обложка (иллюстрация Мориса Санда к роману «Кора»)
В этом томе напечатан роман «Орас», в герое которого Герцен отметил типичные черты буржуазной интеллигенции

Романы Жорж Санд давали Герцену отчетливое представление о современной Франции и о французском народе как в социальном, так и в нравственном аспектах. Жорж Санд чуть ли не первая в мировой литературе сделала объектом художественного воплощения рабочего, причем изображала его не в виде убогого отщепенца, а как человека богато одаренного, с яркой внутренней жизнью и благородными идейными исканиями *, что сильно повлияло на взгляды Герцена, рассматривавшего французский трудовой люд как «*единственный* народ Европы». Она выступала в защиту угнетенных, особенно женщины. Ее презрительно-враждебное отношение к буржуазии и в то же время возвышенный взгляд на французских пролетариев как на людей будущего сильно импонировали Герцену, во многом совпадая с его собственными взглядами. Это довольно частый лейтмотив его публицистики, художественных произведений и писем. В статьях 1840-х годов, в романе «Кто виноват?», в повестях «Сорока-воровка» и «Доктор Крупов», на многих страницах «Былого и дум» мы находим отчетливые отзвуки идейных исканий и проблем, волновавших Жорж Санд. Нельзя не отметить при этом, что увлечение творчеством Жорж Санд — одна из характернейших особенностей идейного развития передовых людей России той эпохи — от Белинского до молодого Щедрина.

Не только творчество Жорж Санд и ее «великое перо», но и личность этой «высокой женщины», «женщины-Робеспьера», «женщины St.-Juste» (XXI, 309) долго вызывала у Герцена восторженные эпитеты. Ее одну из современных французских писателей, рекомендуемых «для изучения жизни», внес он в 1848 г. в краткий список литературы наряду с Бомарше, «Манон Леско» аббата Прево, Вольтером и Дидро (XXIII, 107).

* Вопрос о том, не поэтизирует ли Жорж Санд своих персонажей-рабочих, в частности героев ее романа «Compagnon du Tour de France», нередко возникал у Герцена и его московских друзей. В первые месяцы пребывания во Франции Герцен сделал вывод, что «нисколько» (XXIII, 89).

О Жорж Санд и ее произведениях в сочинениях и письмах Герцена встречается исключительно много упоминаний — пожалуй, ни один другой французский писатель не может с ней сравниться в этом отношении. Герцен откликнулся на большинство романов и повестей Жорж Санд «социального» периода ее творчества: «Андре», «Грех господина Антуана», «Жак», «Звонарь», «Консуэло», «Лукреция Флориани», «Маленькая Фадетта», «Мельник из Анжибо», «Мопра», «Орас», «Спиридион», «Странствующий подмастерье», «Франсуа-найденыш», «Чертова лужа». Прочитанный им с жадностью роман «Орас» Герцен находил «великим произведением, вполне художественным и глубоким по значению». Характеристике романа и его главного героя он посвятил большую запись в дневнике (II, 222—223) и затем не раз возвращался в своих сочинениях к этой теме.

Характерную запись о беседе с Герценом по поводу Жорж Санд в середине 1840-х годов оставила его родственница С. В. Энгельгардт (Ольга N ***): «Он заговорил о Ж. Санде со жгучим красноречием. В его сочувствии к знаменитой писательнице сказались душевная теплота и искренность. Он стоял за свободу чувства, отстаивал права женщины против притеснительных условий общества и черствости понятий отживающего поколения...» [22].

Самым высоким авторитетом в вопросах, касающихся женщины, называл Герцен Жорж Санд и в начале 1850-х годов; он страстно желал, чтобы эта выдающаяся писательница, «воплощающая в своей личности революционную идею Женщины», сказала свое веское слово по поводу его семейной драмы (XXIV, 344, 352—354) [23].

Преклонение перед Жорд Санд не помешало, однако, Герцену увидеть и слабые стороны ее миросозерцания и творческого метода. Так, он писал о ней в следующей «групповой» характеристике конца 1840-х годов: «Французы нисколько не освободились от религии, читайте Ж. Санд и Пьера Леру, Луи Блана и Мишле, — вы везде встретите христианство и романтизм, переложенные на наши нравы; везде дуализм, абстракция, отвлеченный долг, обязательные добродетели, официальная, риторическая нравственность без соотношения к практической жизни» («Письма из Франции и Италии» — V, 176).

Французская социально-политическая литература 1840-х годов отличалась исключительным богатством и разнообразием.

В 1839 г. Герцен с восторгом прочел философский, научный и промышленный словарь «Encyclopédie nouvelle», частично составленный автором эклектической теории «христианского социализма» П. Леру *, «поэтом, примыкающим к сен-симонизму и к талмуду» (XXIX, 112). Ожесточенная критика капиталистического строя сочеталась здесь с проповедью нравственных перемен в общественной жизни как непременного условия социальных преобразований; проповедь революционного вмешательства — с религией самоусовершенствования; призывы к революции — с мифами о переселении душ. Герцен охарактеризовал эту книгу как «дивный памятник ве́денью XIX века» (XXII, 386). Самого Леру он считал тогда сильнейшим мыслителем Франции и в 1848 г. относил к вождям социализма наряду с П. Ж. Прудоном, Э. Кабе и Ф. В. Распайлем. С обостренным интересом, близким к восхищению, слушал он тогда его публичные выступления. Еще через двадцать лет Герцен подружится с этим человеком, которого «привык» любить и уважать. Леру, буквально влюбленный в Герцена, восхищающийся его энергичной и оригинальной личностью, принесет ему как-то для прочтения свой последний, проникнутый библейской мистикой труд, и Герцен, подавленный печалью и ужасом, назовет его сочинение «бредом поэта-лунатика», сошедшего «с *большого ума*» (II, 8; V, 368; XI, 497—498; XXIX, 104).

Познакомился Герцен в конце 1830-х годов и с нашумевшей книгой «Les affaires de Rome» родоначальника «христианского социализма» аббата Ф. Ламенне, посадившего, по выражению Гейне, «на крест якобинский колпак» [24]. Поборник социальной справедливости и раскрепощения, глубоко подрубавший «корни католицизма» (XI, 153), Ламенне с негодованием иконоборца обрушивался на католическую церковь и правительство Луи Филиппа. «Сколько огня, поэзии, увлеченья»,— восклицал Герцен после чтения книги «Les affaires de Rome», напомнившей ему речи великих трибунов 1790-х годов (XXI, 297—298). Эту «поэзию гнева» Герцен впоследствии по достоинству оценил, слушая публичные выступления Ламенне (XII, 278).

Сочинение А. де Токвиля «De la démocratie en Amérique», позднее приобретшее большую популярность и в России, нагнало на Герцена скорбь и грусть — по-видимому, вследствие контраста между политическим режимом Соединенных Штатов Америки, описываемым Токви-

* В середине 1830-х годов Герцен, по собственному признанию, находился под влиянием идей «мистически-социальных, взятых из Евангелия и Жан-Жака, на манер французских мыслителей вроде Пьера Леру» (VIII, 288).

лем, и положением дел на родине [25]. Тезис Токвиля, что «две страны несут в себе будущее: Америка и Россия», впоследствии без конца повторялся и развивался Герценом. Ему пришлось случайно встретиться с Токвилем в Париже во время июньского рабочего восстания 1848 г. Судя по тону, с которым Герцен описывает в «Былом и думах» эту встречу, Токвиль и как политический деятель и как человек отнюдь не пользовался его уважением (см. X, 30; XXI, 386).

Широкоохватное знакомство с общественной и культурной жизнью Франции особенно характерно для петербургского и московского периодов жизни Герцена (1840—1846). Прежде, во время ссылки, ему приходилось довольствоваться случайными сведениями и более или менее случайной литературой. Теперь он имел бесконечно больше возможностей для выбора книг и периодических изданий, так же как для общения с разносторонне образованными собеседниками, хорошо знающими современную Францию и ее историческое прошлое *. Оттачивающие мысль оживленные споры, посещение публичных лекций, спектаклей французской труппы и французских пьес в русских театрах [26], сношения с людьми, тесно связанными с Францией, и вследствие этого — знакомство с теми сторонами ее повседневной жизни и культуры, которые современная литература и периодическая печать не всегда освещали,— все это обогащает Герцена знанием страны, в которой ему через несколько лет придется жить и действовать... **

Еще при жизни Герцена Чернышевский отметил (в «Очерках гоголевского периода русской литературы»), что внимание автора «Писем об изучении природы» в конце 1830-х — начале 1840-х годов сосредоточено было преимущественно на истории, и «так как в последнее время главным театром исторического развития была Франция», то Герцен интересовался преимущественно ее историей [27].

События минувших веков вызывали у Герцена острые ассоциации с современностью; обращение к прошлому рождало провидение будущего. «Былое пророчествует» — так сформулировал Герцен свою излюбленную мысль после лекции Т. Н. Грановского, посвященной западноевропейской, и в частности французской, истории (II, 112) ***.

В начале 1841 г. Герцен поместил в «Отечественных записках» свой перевод-переделку первой главы «Рассказов о временах меровингских» французского историка О. Тьерри. В предисловии к публикации он с одобрением отмечал верность взгляда этого выдающегося ученого и популяризатора «на события французской истории и увлекательный рассказ самих событий».

«„Завоевание Англии норманнами“ и „Рассказы о временах меровингских“ ‹. . .›,— писал Герцен,— великие, обширные эпопеи, в которых события и индивидуальности воссоздаются с какой-то художественной рельефностью, в которых давнопрошедшие века выходят из могилы, стряхают с себя пыль и прах, обрастают плотию и снова живут перед вашими глазами» (II, 7). Таков был идеал Герцена в воссоздании прошлого. Он был убежден, что исторические дисциплины, живо, ярко, логично и увлекательно излагаемые французами, могут служить образцом для популяризации и других наук, в частности философии. В этом мастерстве популяризации, «где француз дома и полон поэзии», он видел многообещающий фактор не только просвещения, но и революционизирования масс. Герцен утверждал, что, когда французы, применив свою природную логику и ясность мысли, примутся обобщать и популяризировать германскую науку, наступит «великая фаза революционной деятельности». Он полушутливо предсказывал неизбежность революционного переворота во Франции: «Вот как французы примутся писать комментарии к таким идеям, того и смотри, что попадешь на фонарь». И остроумно добавлял: «Французы народ веселый, а шутить не любят» (II, 100).

---

* А. Я. Панаева вспоминала о своем пребывании у Герцена в 1840-х годах: «Шли горячие споры о положении Франции, так как на нее обращено было общее внимание как на лабораторию, в которой совершались химические опыты над разными современными общественными и политическими вопросами» [25].

** Одним из достоверных источников информации об интеллектуальной жизни Франции был для Герцена широко осведомленный А. И. Тургенев, друг Пушкина и брат декабриста. «Приятно слушать его всесветные рассказы, знакомства со всеми знаменитостями Европы» «от Шатобриана и Рекамье»,— писал Герцен (II, 242; IX, 153). Он, конечно читал публикации «Парижских писем» Тургенева в петербургских и московских журналах [27]. О более ранней эпохе Герцен многое узнал из рассказов О. А. Жеребцовой, его петербургской знакомой, принимавшей немалое участие в общественно-политической жизни Запада начала века (см. IX, 72). Нельзя не указать попутно как на незаурядный источник информации о Франции «Парижские письма» Л. Берне и публицистические циклы Г. Гейне — «Французские дела», «Люте́ция», «О французской сцене» и др.

*** Ср. в «Концах и началах»: «Будущее импровизируется на тему прошедшего» (XVI, 198).

Герцен полагал, что философия как наука все еще не дается французам: «Где нет философии как науки, там не может быть и твердой, последовательной философии истории»,— заявлял он (II, 8).

Появление исторических сочинений, отличающихся яркостью и общепонятностью изложения, Герцен всегда горячо приветствовал [29].

Обобщение материалистических представлений о природе и внедрение их в «поток общественного сознания» (II, 140) он также считал одной из главных задач философии. Излагая эту мысль в статье «Публичные чтения г-на профессора Рулье» (1845), Герцен для ее подтверждения ссылается на автора «Гаргантюа и Пантагрюэля». «Рабле,— пишет Герцен,— очень живо понимавший страшный вред схоластики на развитие ума, положил в основу воспитания Гаргантуа естественные науки...» *. И добавляет: «Французы сделали больше всех для популяризации естественных наук, но их усилия постоянно разбивались об толстую кору предрассудков» (II, 140—142). В этой статье цитируются и упоминаются выдающиеся французские естествоиспытатели — Ж. Л. Бюффон, Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Иллер, М. Ж. П. Флуранс, Ж. Б. А. Дюма, Ф. В. Распайль, Ф. Мажанди. Развернутые характеристики Бюффона и Кювье свидетельствуют не только о внимательном, но и, можно сказать, о любовном изучении их трудов [30].

В 1842—1845 гг. Герцен вел дневник, значение которого для изучения его внутренней жизни и духовного развития, можно сказать, неисчерпаемо. Дневник этот разносторонне освещает и тему «Герцен и Франция».

«Cours de la littérature française. Tableau du XVIII siècle» профессора Сорбонны, создателя новой романтической историографии А. Вильмена оживляет в памяти Герцена «полузабытые» времена энциклопедистов, имена Вольтера и Бюффона («великие имена!») и вызывает новые мысли о XVIII в., о таких деятелях, как Дидро, Гольбах и пр. С небольшими вариантами эти размышления о просветителях XVIII в. перешли потом из дневника на страницы «Писем об изучении природы» и других сочинений.

Книга Вильмена долго служила Герцену чуть ли не основным источником сведений о французской литературе XVIII в.

Летом 1843 г. он погружен в чтение обширной монографии Ф. П. Г. Гизо «Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I jusqu'à l'avènement de Charles II». Некоторые факты, приводимые в этой книге, вызывают у Герцена ассоциации с русской действительностью — черта, для него особенно характерная **.

Чтение труда другого историка «доктринерской школы», А. Карреля, «Histoire de la contre-révolution en Angleterre» вызывает ряд записей в дневнике о самодержавии в его западном и русском вариантах (II, 293—294).

С обостренным вниманием изучает Герцен многотомную «Histoire de dix ans» Л. Блана — детализированное и документированное исследование первых десяти лет Июльской монархии. Книгу эту Герцен характеризует как чрезвычайно значительное явление по взгляду, изложению и разоблачениям. После чтения книги Блана в сознании Герцена окончательно выкристаллизовывается истинное состояние дел в современной Франции: цинизм и безнравственность правящего класса, отчаянное положение пролетариата. Прозаический, «далекий от всякой гениальности» облик «короля-гражданина» Луи Филиппа, «царя во имя посредственности и для нее», поселяет в нем отвращение (II, 284).

«Историю этого времени читать грустно,— записывает Герцен,— все так мелко, пошло... Разумеется, прорываются громадные деяния и громадные характеры, но это исключение» (II, 321).

В формировании взглядов Герцена на французскую буржуазию и буржуазию вообще, а также на противостоящий ей пролетариат эта работа Блана сыграла исключительно важную роль.

Чтение второго тома книги Блана заставляет Герцена сделать вывод, который после поражения революции 1848 г. он будет постоянно варьировать как итог горького опыта неудавшихся революций: политические перевороты в новое время без переворота социального невозможны, т. е. безрезультатны (II, 287).

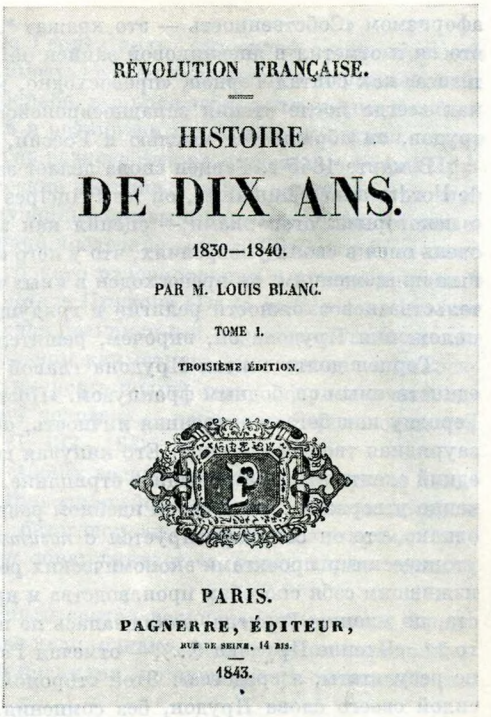
---

* «Рабле идет еще дальше ‹чем Сервантес›, с отважной дерзостью француза»,— замечал Герцен о великом гуманисте в «Дилетантизме в науке» (III, 36).

** Особенно типичен в этом отношении этюд Герцена о положении французского общества XVIII в., появившийся в «Колоколе» 1857 г.,— «Революция в России» (XIII, 24—28).

Прочитав третий том, он записывает: «Необходимость социального переворота теперь стала очевидна, враги развития, как Гизо, понимают и трепещут ⟨...⟩ Франции принадлежит великая инициатива этого переворота. Она ему положила начало Конвентом. Болезненно достигает она до осуществления. Достигнет ли, когда? — Все равно человечество ей не забудет первый шаг» (II, 288—289).

Книга Блана открыла Герцену причины поражения июльской революции 1830 г., во многом схожие с теми, которые приведут затем к краху и революцию 1848 г.: «Демократия была бессистемная, социализм — едва родившийся» (II, 284). После изучения «Histoire de dix ans» для Герцена окончательно уяснилась пагубная роль либералов и «политических революционеров» в Июльской революции и в годы правления Луи Филиппа. Приехав во Францию в последние месяцы существования Июльской монархии, Герцен был подготовлен к тому, что увидал в разных сферах политической и социальной жизни. И этим он в немалой мере обязан был сочинению Блана.


RÉVOLUTION FRANÇAISE.

HISTOIRE

DE DIX ANS.

1830—1840.

PAR M. LOUIS BLANC.

TOME I.

TROISIÈME ÉDITION.

PARIS.

PAGNERRE, ÉDITEUR,

RUE DE SEINE, 14 BIS.

1843.

ЛУИ БЛАН. ИСТОРИЯ ДЕСЯТИ ЛЕТ. 1830—1840
Одно из первых изданий книги. Париж, 1843
Титульный лист первого тома

Впоследствии Герцен глубоко разочаруется в Блане как теоретике и практике революционного движения; он не раз возложит на него ответственность за неудачи революции 1848 г., а его самого охарактеризует как «дилетанта социализма», ничего в социализме не смыслящего. Знаменитую работу Блана «De l'organisation du travail» он назовет «пустой». Именно она и «несколько блестящих фраз составили ему репутацию»,— сурово констатирует Герцен.

К новым выводам относительно Франции и ее общественной жизни привели Герцена и две другие нашумевшие книги: «Essais de palingénésie sociale» философа-эклектика П. С. Балланша и «La destinée sociale» социалиста-утописта, ученика и последователя Фурье — В. Консидерана.

Книгу Балланша Герцен не принял всерьез, только перелистал. Вывод, сделанный им при этом, афористически четок: «Ум ⟨...⟩ пластический, чувственно логический и не способный к диалектике, но множество *предчувствий* истинных, симпатий и придыханий к будущему ⟨...⟩ Имя его не должно забывать ни в развитии философии истории, ни в истории социализма» (II, 342).

Сочинение Консидерана представляло собой переработку и дальнейшее развитие системы Фурье; большое место уделено в ней анархии капиталистической экономики, кричащим противоречиям между буржуазией и пролетариатом. Герцен нашел, что оно «несравненно энергичнее, полнее, шире по концепции и по исполнению всего вышедшего из школы Фурье. Разбор современности превосходен, становится страшно и стыдно. Раны общественные указаны, и источники их обличены с беспощадностью» (II, 359).

Несмотря на высокую оценку критической стороны труда Консидерана, Герцен не был ослеплен проповедуемой в нем фурьеристской утопией, считая, что это неполное решение задачи. Впоследствии он охарактеризовал теорию Консидерана как теорию «уступчивую» (V, 314).

В дневнике отражено увлечение Герцена первыми произведениями П. Ж. Прудона. «Злобный характер» сочинений Прудона, т. е. их обостренный и откровенный радикализм, по мнению Герцена, объяснялся и оправдывался гнусностью современного общественного состояния, тяжелым положением французской бедноты, жестокостью буржуазного законодательства (II, 266—267).

Только в декабре 1844 г. Герцену удалось наконец достать нашумевшую брошюру Прудона «Qu'est-ce que la propriété...?», изданную во Франции еще в 1840 г. и поразившую читающий мир

афоризмом «Собственность — это кража» *. Главный тезис брошюры для Герцена не был нов, что он и отметил в дневниковой записи об этом «прекрасном произведении». Развитие же этого тезиса, как считал Герцен, «превосходно, метко, сильно, остро и проникнуто огнем». И, почти как всегда после чтения западноевропейских философских, исторических и социологических трудов, он обращается мыслью к России, к ее проблемам и нуждам (II, 391; ср. 320—321).

В марте 1845 г. Герцен снова делает запись о Прудоне, в связи с его сочинением «Création de l'ordre dans l'humanité, ou les Principes de l'organisation économique». Эту книгу Герцен — с некоторыми оговорками — оценил как замечательнейшее явление; он находит, что Прудон очень смел в своих умозрениях, что у него «бездна ярких мыслей», что, «выходя везде к конкретным приложениям, он превосходен в иных местах» и что «самая лучшая часть — это его доказательства невозможности религии в грядущем; вывод его смел, энергичен и силен». Некоторые положения Прудона он, впрочем, решительно оспаривает (II, 408—409).

Герцен долго считал Прудона главой подлинно революционного принципа во Франции и единственным свободным французом. «Поэт диалектики», Прудон и в дальнейшем импонировал Герцену как богато одаренная личность, освободившаяся от традиционных влияний, и как незаурядная творческая сила. Его кипучая деятельность, бескомпромиссный атеизм, смелая речь, едкий скептицизм, беспощадное отрицание, неумолимая ирония восхищали Герцена, и он откровенно утверждал, что в своем идейном развитии многим обязан Прудону. Это вовсе не значило, однако, что он солидаризируется с *позитивной* стороной доктрины Прудона, с его «детскими», утопическими проектами экономических реформ, смысл которых состоял в возвращении к давно изжившим себя способам производства и кредита. «Страшная сила» этого мыслителя и публициста, по мнению Герцена, заключалась не в созидании, а в *отрицании* и критике существующего **. «Чтение Прудона 〈...〉,— отмечал Герцен,— дает особый прием, оттачивает оружие, дает не результаты, а средства». Этой стороной своих произведений, мощной диалектикой, огнем и силой своего слова Прудон, без сомнения, сильно возбуждал «творческий нерв» публициста-обличителя, будущего издателя «Колокола». Прудоном, по убеждению Герцена, начался «новый ряд французских мыслителей», его сочинения составляли переворот не только в истории социализма, но и в истории французской логики. Брошюру Прудона «Confessions d'un révolutionnaire» (1849) Герцен находил великолепной; последняя ее страница — восторженный гимн иронии,— по мнению Герцена, была «исполнена самой высокой поэзии» и казалась ему «глубочайшим достижением действительности, жизни».

Восхищался Герцен и книгой Прудона «Manuel du spéculateur à la bourse» (1853), в которой видел воспроизведение «социальной патологии» буржуазного общества и «новую вивисекцию» разлагающегося общественного организма (IV, 529; X, 184—185; XIII, 95—96; ср. XXIII, 177, 208; XXVI, 94).

Отрицание Прудоном государства и государственности, культ свободы личности также находили у автора «С того берега» более чем сочувственный отклик.

Из тактических соображений Герцен иногда пытался для успеха дела использовать международный авторитет Прудона. В «Былом и думах» он прямо сознается в этом (на что, кажется, ранее не обращалось внимания) ***.

Прудону и его деятельности Герцен посвятил в «Былом и думах» целую главу (см. X, 183—201).

---

* Эта книга Прудона, по словам К. Маркса, «электризовала читателей [и] при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление» [31].

** Смелое выступление Прудона с трибуны Национального собрания после Июньских дней, 31 июля 1848 г. (на этом заседании, вероятно, присутствовал сам Герцен), усиливало его восхищение (см. X, 188—189; XXIII, 80). Продолжение Прудоном политической и литературной деятельности в условиях строгого тюремного заключения также вызывало уважение, и Герцен охарактеризовал своего французского коллегу как «нового Самсона, потрясающего из недр своей тюрьмы европейское здание» (VII, 242).

*** «Оттого-то я и старался, когда мог, ставить свою мысль под покровительство европейской нянюшки. Ухватившись за Прудона, я говорил, что у дверей Франции не Катилина, а смерть»,— писал Герцен в «Былом и думах» (XI, 480). Это выражение Прудона Герцен употребил в статье «Omnia mea mecum porto» из «С того берега», придав ему интерпретацию, не имевшую ничего общего с прудоновской (см. X, 482—483). Отмечу аналогичное указание Герцена, сделанное в 1867 г.: «Я 〈...〉 очень доволен, что могу взять за руку Кине и сказать: „Вот и почтенный друг мой Кине говорит в 1867 о латинской Европе то, что я говорил обо всей в 1847 и во все последующие“» (XI, 480).

К мелкобуржуазному характеру теорий Прудона Герцен долго относился с удивительной снисходительностью, несмотря на свою острую нетерпимость ко всем проявлениям буржуазности. Подчеркнутое равнодушие Прудона к политической борьбе, его враждебное отношение к социализму, готовность идти на компромиссы с буржуазией и реакционными правительствами долгое время не встречали со стороны Герцена сколько-нибудь резкого отпора. Отдельные акции Прудона приводили его в недоумение, вызывали иронические реплики и порой возмущали до глубины души, но чаще всего Герцен принимал их за случайные срывы и недолговременные «падения» крупной, из ряда вон выходящей личности. Однако последние труды Прудона решительно осуждались Герценом; они явились поводом для глубокого разочарования в прежнем «единомышленнике». Первым сочинением в этом ряду была книга Прудона «De la justice dans la révolution et dans l'Eglise» (1858), в которой он развивал свой реакционный, «средневековый» взгляд на женщину, брак и семью, квалифицированный Герценом как «строго высказанная и диалектически развитая нелепость». «Человек, который мог написать целый том ⟨...⟩ римско-католической клеветы против женщины,— это не свободный человек»,— заключал Герцен свой суд над Прудоном и его книгой (II, 61; X, 196—201; XXVI, 182—184).

Еще больше возмутило автора «Былого и дум» в 1860-х годах отношение Прудона к польскому вопросу, оправдание политики угнетения, проводившейся царским правительством в Польше. Надо сказать, что К. Маркс, как и Герцен, безоговорочно осуждал в это время Прудона, заявляя, что в своей книге о Польше * он обнаруживает «в угоду царю» «цинизм кретина» [32].

Эта недостойная позиция человека, которого Герцен считал ведущим социалистом Франции, беспредельно его огорчала. До открытого разрыва дело, однако, не дошло; они продолжали время от времени обмениваться внешне любезными письмами, но прежние их отношения так и не восстановились.

«Как пытка, как камень, привалённый к груди», подействовала на Герцена знаменитая книга маркиза де Кюстина «La Russie en 1839». Это сочинение, обличавшее русское самодержавие, Герцен называет в своем дневнике 1843 г. самой занимательной и умной книгой, написанной иностранцем о России. Несмотря на ошибки и поверхностность многих оценок Кюстина, Герцен находит у него «истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокий взгляд, умеющий ловить на лету, умеющий по нескольким образчикам догадаться о массе». Книга Кюстина «вовсе не враждебна России». Напротив, писал Герцен,— «он более с любовью изучал нас и, любя, не мог не бичевать многого, что нас бичует» (II, 311—312, 315).

В статье «La Russie» (1849) дана более развернутая и разносторонняя характеристика сочинения Кюстина. Автор книги, как считает теперь Герцен, «по легкомыслию, впал в большие ошибки; из страсти к фразе он допустил огромные преувеличения — как в хвале, так и в осуждении, но все же он хороший и добросовестный наблюдатель ⟨...⟩ Его книга кишит противоречиями; но сами эти противоречия, нисколько не скрывая правды от внимательного читателя, показывают ему ее с разных сторон». При этом Герцен отмечает, что Кюстин не только не узнал русского народа, так как вращался только в придворных и правительственных сферах, но ничего не узнал и о «мире литературном и научном» (VI, 196—198).

Огромную роль в изучении Герценом социальной жизни современной Франции сыграли зарубежные периодические издания 1840-х годов. В них находил он конкретные сведения о росте пауперизма, обострении социальных противоречий, приближении революционных бурь. Характерна в этом отношении одна из записей в дневнике, сделанная после чтения в парижской радикальной газете «Siècle» статьи, обнажающей классовый характер французского буржуазного суда. «Подобные случаи выставляют разом во всей гнусности современное общественное состояние»,— резюмирует Герцен, делая вывод о необходимости неотложных социальных решений в духе Фурье (II, 266—267).

Еще находясь в России, задолго до Февральских и Июньских дней 1848 г., под непосредственным впечатлением от газетных сообщений Герцен приходит к пророческому выводу, что «без крови не развяжутся эти узлы» и что «отходящее начало ⟨...⟩ готово всеми нечеловеческими средствами отстаивать себя» (II, 309).

Герцен не закрывал глаза на слабые стороны французской буржуазной прессы. Даже в органах печати, близких ему по направлению, он отмечал резко отрицательные свойства. Так, давая восторженную оценку острой публицистичности «Revue Indépendante», издававшегося

* «Si les traîtés de 1815 ont cessé d'exister». P., 1863.

П. Леру и Жорж Санд, он вместе с тем находил в этом журнале «плоскость пониманья истин независимо от современных интересов». «Философски-политические статьи» в этом издании, добавлял Герцен, «просто смешны»: «фр⟨анцу⟩зы двумя веками отстали в спекуляции * от немцев,— повторяет он свою излюбленную мысль,— так, как немцы пятью от французов в приложении идеи права к действительности» (II, 224).

Циклы статей 1840-х годов — «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», «Капризы и раздумье» и примыкающая к ним статья «Об историческом развитии чести» — свидетельствуют об эрудиции Герцена в вопросах, связанных с Францией, с ее наукой, философией, культурой и общественной мыслью.

Характеризуя исключительно важную роль, сыгранную в развитии французской материалистической философии Вольтером, Герцен особенно подчеркивает (в «Письмах об изучении природы») высоко ценимые им особенности французского национального гения: способность каждый частный вопрос превращать в общечеловеческий; вечные требования *нового*; отсутствие «всякой узды»; «пламенно-энергический» характер, быстрое соображение, дар «блестящего, увлекательного изложения» (III, 308—311).

«Труды англичан,— отмечает Герцен,— совершенно затмились изложением французов. Франция воспользовалась всем, засеянным в Англии: Англия имела Бэкона, Ньютона — Франция рассказала всему миру их мысли**; Англия предложила робкий материализм Локка — во Франции он развился в дерзость Ольбаха ⟨Гольбаха⟩ с товарищами; Англия века́ жила высокой юридической жизнью — француз *** написал „De l'esprit de lois...“» (III, 311).

В цикле «Капризы и раздумье» Герцен подвергает анализу «психологический быт» в сфере *личных* отношений. Проблема эта занимала его давно, и постановка ее была тесно связана с французскими социальными теориями и французской литературой, в частности с проблематикой социальных романов Жорж Санд. Поиски новых форм личных отношений занимали важное место еще в учении сен-симонистов. Вопрос об эмансипации женщины был поставлен ими в известном манифесте 1830 г. В 1840-х годах этот вопрос приобрел еще более острый характер. Противопоставляя рутине буржуазных нравов «новых людей» и новые формы жизни, передовые французские писатели, а затем их эпигоны во Франции и за ее пределами возбуждали ожесточенную полемику в прессе и в обществе.

Непосредственным поводом для первой статьи этого цикла — «По поводу одной драмы», давшей возможность Герцену во всю широту поставить вопрос о взаимоотношениях личного и общественного и в то же время отразить и осмыслить свою собственную, во многом осложнившуюся семейную жизнь, явилась второразрядная французская драма О. Арну и Л. Фурнье «Huit ans de plus». Эту пьесу Герцен в 1842 г., после прочтения ему переводчиком, видел на сцене московского Малого театра с участием М. С. Щепкина. Подробный анализ пьесы мы находим в дневнике Герцена (см. II, 227—228).

Так же лаконично сформулированы и два основных тезиса будущей статьи Герцена: «Брак, когда от него отлетит дух,— позорнейшая и нелепейшая цепь» и «...человек не должен себя погружать в одно индивидуальное чувство. У него якорь спасения в идее, в мире общих интересов» (II, 228).

Вторая статья цикла «Капризы и раздумье», озаглавленная «По разным поводам», также посвящена анализу семейных и личных отношений в современном обществе. Приписывая свои афористические суждения вымышленному персонажу, много разъезжавшему в качестве туриста по Европе, Герцен демонстрирует большую осведомленность во французских делах, как бы предвосхищая аналогичные оценки, которые возникнут под его пером несколько позднее, когда он познакомится «в натуре» с Францией Луи Филиппа.

Статья «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (1846) имеет эпиграф из «Персидских писем» Монтескьё. Это не случайность, поскольку отправным пунктом для многих положений статьи явились сочинения Монтескьё, в особенности его главный труд «L'esprit des lois», который Герцен, вероятно, изучал еще в юности (см. XXI, 20—21) [33].

* * *

В официальных прошениях Герцена о выдаче ему заграничного паспорта (1846) ни Франция, ни Париж не упоминались: для русских властей эти географические названия звучали еще кра-

* Здесь: умозрении (от франц. spéculation).
** Намек на популяризацию этих учений во Франции Вольтером.— *Л. Л.*
*** Имеется в виду Монтескьё.— *Л. Л.*

мольно, хотя июльская монархия, вступившая к тому времени в семнадцатый год своего существования, давно порвала со своим «баррикадным» прошлым и могла считаться вполне «благонамеренной» *.

По дороге в Париж, куда Герцен торопился «так болезненно страстно» (XI, 445), он пересек несколько германских государств, а затем Бельгию, представлявшую собой как бы преддверие Франции. Кратковременное пребывание в Брюсселе, не без оснований именовавшем себя «маленьким Парижем», и в других бельгийских городах было приятно и интересно, но Герцен на все смотрел, по его словам, полурассеянно и мимоходом, торопясь поскорее добраться до «города городов» (X, 16).

Герцен въехал в Париж «с трепетом сердца, с робостью, как некогда въезжали в Иерусалим, в Рим» (V, 141) **. Его заветная мечта осуществилась: он здесь, на родине революции, в центре европейского общественного движения, в конституционном государстве, без привычного кляпа во рту, с чувством полной раскованности, с предвкушением новых впечатлений и разносторонней деятельности ***.

За огромными окнами гостиницы знакомо возвышается Вандомская колонна, увенчанная статуей Наполеона [37]. Совсем рядом, справа и слева, легендарные улицы, площади, бульвары, с названиями которых Герцен сроднился еще в юные годы; здания, освященные великими и дорогими именами Мирабо, Дантона, Руссо, Вольтера, Дидро... В этом городе, под этим небом, живут и дышат такие деятели современной культуры, как Жорж Санд, Гюго, Бальзак, Беранже, Гейне, Прудон, Мишле, Шопен, Рашель, Мицкевич, Домье... «Так это правда, это действительность — я в Париже — в Париже! и вся кровь бросилась мне в голову!» — вспоминал Герцен (XIX, 307; X, 16; см. XI, 491).

«Мы привыкли с словом „Париж“,— писал он вскоре,— сопрягать воспоминания великих событий, великих масс, великих людей 1789 и 1793 года; воспоминания колоссальной борьбы за мысль, за права, за человеческое достоинство <...> Имя Парижа тесно соединено со всеми лучшими упованиями современного человека...» (V, 141).

Это был Париж, мало изменившийся — внешне — с эпохи Великой революции, Париж «с поднятым пульсом», внушавший, по словам Герцена, «горячую любовь и жгучую ненависть, уважение без границ и отвращение без пределов» (X, 325).

Приподнятое настроение и туристское благодушие первых недель пребывания в Париже несколько скрадывало симптомы тяжелого кризиса, в котором находились тогда Франция и ее столица. Пауперизация масс, все возрастающая дороговизна, случаи голодной смерти на улицах (о чем то и дело сообщалось и в газетах) не остались, конечно, незамеченными Герценом. Однако «пестрые декорации» еще скрывали от него полную правду и он не сразу уловил социальную обусловленность экономического неблагополучия, так же как истинные размеры бедствий, обрушившихся на трудовое население страны ****.

К тому же французы и Париж оставались верными себе и своей репутации. «В Париже танцуют, поют, смеются всюду и несмотря ни на что,— отмечалось тогда в одной из газет.— Хлеб дорог — а танцуют; наводнение разобьет провинции — а танцуют в пользу потерпевших; танцуют наверху, внизу, в пользу всех несчастных, в пользу всех изгнанников. Французский характер во все времена все устраивал подобным образом» [38].

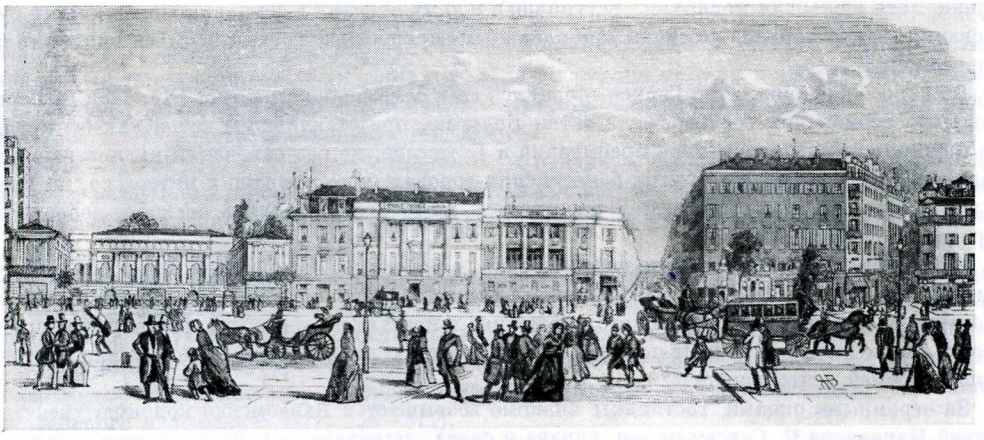
Как и другие иностранцы, впервые попадавшие в Париж, Герцен бо́льшую часть времени проводил в центре города, на Больших бульварах, Елисейских полях, «в толпе всякой всячины» (X, 81), среди праздношатающихся из привилегированных классов — так называемой «золотой молодежи» и художественной богемы — живых персонажей бальзаковских романов. Многое

* Русские пробирались тогда во Францию «всегда более или менее секретным, воровским образом,— вспоминал П. В. Анненков,— так как в наших паспортах заграничных того времени поименование Франции официально воспрещалось» [34].

** В «Былом и думах» Герцен признается, что слова «в Париже» едва ли значили для него меньше, чем «в Москве» (X, 16) [35]. «Для нас с самого детства Париж был нашим Иерусалимом, великим городом Революции, Парижем Jeu de paume, 89, 93 года»,— писал он в конце жизни (XIX, 307) [36].

*** «С какой завистью и болью слушал я, бывало, людей, приезжавших из Европы в тридцатых годах,— вспоминал Герцен,— точно будто у меня отняли все то, что они видели... а я не видал» (XVI, 160). «Итак, он в Рим, Париж, а я — все здесь и с цепью на ногах»,— писал он в дневнике в связи с отъездом Огарева (II, 213).

**** Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «Туристы наши скользили по лакированной поверхности французской жизни, не зная ее шероховатой стороны, и были в восторге от всего: от либеральных речей, от песней Беранже и карикатур Филипона» (X, 322).



ПАРИЖ. БУЛЬВАР СЕНТ-МАДЛЕН
Гравюра неизвестного художника, 1845
Из книги: «Journées illustrées de la Révolution de 1848». Paris, ⟨1849⟩

здесь вызывало обманчивую иллюзию всеобщего благополучия, благосостояния и благоденствия; редко кто без крайней необходимости сворачивал с чисто вымытых торцов богатых и ярко освещенных кварталов в темные и грязные ущелья густонаселенных «плебейских» улиц *.

Первое время он прилежно знакомился с достопримечательностями Парижа. У него был отличный чичероне, знаток французской культуры — П. В. Анненков, изучавший парижскую жизнь не только для удовлетворения интереса ко всему новому, но и ex-officio: он вел в «Современнике» под рубрикой «Парижские письма» ежемесячную хронику.

«Париж ⟨...⟩ Лудовика Филиппа обаятельно действовал различными сторонами своей политической жизни на русских ⟨...⟩,— писал в своих позднейших воспоминаниях Анненков.— Они припадали к городу со страстию и увлечением путника, вышедшего из голой степи к давно ожидаемому источнику. Первое, что бросалось в глаза при этой встрече с столицей Франции, было, конечно, ее социальное движение ⟨...⟩ Не было возможности удержаться от участия к этому движению, которое слагалось из метких, остроумных статей журнального мира, из пропаганды на театре, из периодических лекций и конференций ** профессоров и непрофессоров ⟨...⟩ Движение дополнялось еще массой социальных книг, начавших известную войну против официальной политической экономии, и фамильными собраниями честных, начитанных и развитых работников, уже принявших к сведению новые положения социализма и обработывавших их по-своему ⟨...⟩ Все это были огоньки, которые предшествовали знаменитой революции 48 года, никем, впрочем, еще тогда не предчувствуемой...» [39].

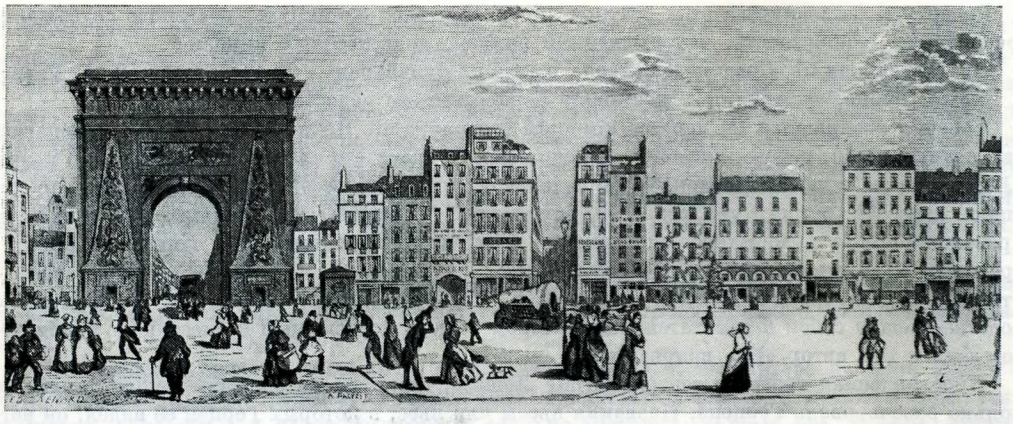
Одним из примечательнейших событий парижской культурной жизни весной 1847 г. была ежегодная художественная выставка в Луврском музее. На ней было экспонировано около пяти тысяч скульптур, картин и гравюр. По мнению большинства французских и зарубежных обозревателей, этот «салон» свидетельствовал о крайнем упадке французского искусства. Надо думать, что впечатлениями от этой выставки вызваны были строки Герцена (1848), характеризующие тлетворное влияние буржуазии на культуру: «Взгляните на их искусства — на эти истомленные, исковерканные сладострастием статуи, на выражение лиц, которое домогается схватить живописец». Другими приметами «смерти» буржуазного класса Герцен здесь же называет его литературу, газеты, «ученые общества», «гулянье, где пошлость, мескинность *** спорит с нелепостью и безвкусием», а также театр (V, 320).

---

* Богатый и пышный Париж в те времена не был так надежно отгорожен от нищего населения, как впоследствии: мрачные трущобы сплошь и рядом упирались в аристократические кварталы и величественные общественные здания. Так, собор Парижской богоматери был тогда тесно окружен убогими обиталищами парижского «дна», «страшная жизнь» (V, 46) которых была описана Э. Сю в «Парижских тайнах» — книге, которую Герцен хорошо знал (см. X, 379: XXII, 172).

** докладов (от франц. conférences).

*** мелочность (от франц. mesquin).



ПАРИЖ. БУЛЬВАР СЕН-ДЕНИ
Гравюра неизвестного художника, 1845
Из книги: «Journées illustrées de la Révolution de 1848». Paris, ⟨1849⟩

Единственной картиной, привлекшей к себе всеобщее внимание на выставке, было огромное полотно художника Т. Кутюра «Римляне времен упадка», изображавшее оргию в древнем Риме. «Лица осветились синевато-бледным цветом, как на римской оргии Кутюра». Эта строка из «Былого и дум» (X, 229; ср. XI, 643) свидетельствует о том, что Герцен побывал на выставке, где и видел сенсационную работу Кутюра.

23 марта в 69-летнем возрасте умерла знаменитая актриса Comédie Française мадемуазель Марс, о которой много рассказывал отец Герцена, живший в Париже сорока годами ранее и безмерно его любивший (см. VIII, 49). Смерть прославленной исполнительницы главных ролей классического и романтического репертуара вызвала огромный отзвук во Франции. Ее грандиозные похороны на следующий день после приезда Герцена предоставили жителям Парижа и туристам редкую возможность увидеть «в натуре» весь цвет литературного и театрального мира. В погребальном кортеже принимали участие В. Гюго, А. Дюма с сыном, Э. Скриб, Э. Сю, Ж. Жанен, виднейшие актеры Парижа — Рашель, Ф. Леметр, М. Буффе и др. На всем пути следования процессии плотными рядами стояли любопытные; балконы и окна были забиты людьми. Среди них был П. В. Анненков и, надо думать, Герцен.

Приезд Герцена совпал с почти полным обновлением репертуара парижских театров. «Сколько-нибудь значительных новостей нет,— заявил 25 марта, в день приезда Герцена, обозреватель распространенного журнала «Illustration»,— но летаргия эта вскоре окончится, и через несколько дней все театральные афиши будут обновлены».

Поразивший Герцена ажиотаж — длиннейшие «хвосты» у театральных касс и битком набитые залы — объяснялся не только неиссякаемым интересом парижан к театральным зрелищам вообще, но и тем, что это была полоса премьер после довольно продолжительного «поста».

В Париже тогда было около двадцати пяти постоянно действующих театров. Это поражало воображение русских путешественников: ведь в Петербурге функционировало только три театра, а в Москве — два! Вскоре, однако, Герцену пришлось убедиться, что это изобилие зрелищ не всегда свидетельствовало об их значительности и даже об истинном разнообразии.

Театральная жизнь столицы во всех подробностях освещалась парижской прессой. Сообщения о предстоящих премьерах, рецензии с изложением содержания пьес и характеристикой игры актеров печатались во многих периодических изданиях, и осведомленность Герцена была бы достаточно велика, даже если б он и не посещал спектакли, а только просматривал рецензии. Но будущий автор «Писем из avenue Marigny» в первое время почти каждый вечер проводил вместе с Анненковым в театральных залах. Сценические представления интересовали его не только с эстетической точки зрения, но и как реальная возможность изучения Франции и ее народа.

Особый интерес вызывали у него так называемые театры на бульварах — Palais Royal, Variété, Vaudeville, Porte St.-Martin.

Репертуар большинства этих театров лишен был сколько-нибудь серьезного содержания. Преобладали скабрезность, двусмысленные намеки, нравственный цинизм *.

Блистательная игра ведущих актеров театра на бульварах — П. Левассора, П. А. Равеля, М. Буффе, Верне, Э. Арналя — доставила Герцену много радостных ощущений.

Особенно восхищался он первым комиком театра Palais Royal Левассором, обладавшим невероятным даром перевоплощения и смешившим Герцена «до слез, до истерики», «до колик». В Левассоре он находил «полнейшее выражение французской веселости, беззаботности, простодушной дерзости, острого ума, шалости, gaminerie» **, квинтэссенцию парижского склада ума и революционного духа, живое воплощение антибуржуазных тенденций передовой прессы и передовых художников *** (V, 54—55; XXIII, 20; XXV, 268). Веселые шутки Левассора, поток его каламбуров, вероятно, вызывали у Герцена мысль о некотором «избирательном сродстве» между собой и замечательным актером — ведь неутомимым и блестящим каламбуристом был и сам автор «Кто виноват?»[40].

Прославленная травести театра Variété Дежазе, несмотря на свой блестящий талант, несколько разочаровала Герцена. Названия пьесы или пьес, в которых Герцен ее видел, он нигде не указывает, упоминая только, что пятидесятилетняя актриса «все является в мужских ролях» (XXIII, 23). В это время Дежазе особенно часто играла в водевиле Ж. Ф. А. Бейара и П. Вермона «Enfant d'amour», и поэтому вполне вероятно, что Герцен видел ее именно в этой пьесе (в роли юного маркиза Сен-Жака). Он мог видеть Дежазе и в комедии Ж. Габриэля и Депеньи «Moulin à paroles».

Через много лет, в «Былом и думах», он отнесет Дежазе к высшим представительницам того исчезнувшего типа французских женщин, к которому принадлежали гризетки Беранже; в них сильны были, по мнению Герцена, духовный элемент, своеобразная гуманность, лично выработанные понятия о чести, бескорыстие, веселость, общительность. Дежазе охарактеризована там как «живая песня Беранже, притча Вольтера» (XI, 460). «Франция реставрации, Франция Беранже, последняя веселая Франция имела своим живым, веселым, гениальным представителем — Дежазе»,— писал позднее Герцен (XVII, 269).

К этим женским образам «беранжеровского Парижа» относится и «живой цветок» — очаровательная гризетка Леонтина из «Былого и дум», «подвижная, умная, избалованная, искрящаяся, вольная и, в случае надобности, гордая» (XI, 452). Модификацией этого образа можно считать и жену В. П. Боткина, гризетку Арманс — «живое, милое дитя Парижа, совершенно уродившееся в отца». «От ее языка до манер и известной самостоятельности, отваги — все в ней принадлежало благородному плебейству великого города,— писал Герцен в «Былом и думах».— Она еще была работница, а не мещанка 〈. . .〉 Беззаботная веселость, развязность, свобода, шалость и середь всего этого чутье самосохранения, опасности и чести» (IX, 256).

Автор «Былого и дум» не раз будет отмечать и позднее, что этот исполненный изящества и обаяния тип молодых парижанок совершенно исчез в бонапартистской Франции, уступив место отталкивающему «продукту» новой, буржуазной эпохи и буржуазного потребительства — содержанке с грубыми вкусами и низменными запросами.

Герцен давно уже мечтал увидеть Рашель — величайшую трагическую актрису современности, прославившую себя и театр Comédie Française блестящим исполнением ролей классического репертуара.

Первый спектакль, увиденный Герценом в главной цитадели французского классицизма, где еще жили традиции великого Тальма́, была трагедия Расина на библейский сюжет — «Гофолия». Его потрясла не только игра Рашели, но и сама трагедия и ее автор, которого он вдруг «научился понимать». В Расине Герцен, к своему удивлению, обнаружил изумительного по силе и мастерству поэта-гуманиста, глубокого знатока сценических законов. Только теперь он оценил его проникновенный психологизм, прелесть благозвучного стиха, так же как «стройную,

---

* «Есть нечто грустное и оскорбительное в зрелище двадцати зал, в которых набились битком люди с шести часов вечера, для того чтобы до двенадцати восхищаться глупыми пьесами, сальными фарсами, и это всякий вечер. Пристрастие к двусмысленностям и непристойностям испортило великие сценические дарования: художники, увлекаемые громом рукоплесканий (на которые здесь очень скупы), так избаловались, что они каждому слову, каждому движению умеют придать нечто... нечто кантаридное»,— отмечал Герцен (V, 38).

** мальчишества (*франц.*).

*** «Страсть к шутке, к веселости, к каламбуру составляет один из существенных и прекрасных элементов французского характера»,— отмечал Герцен (V, 37).

спокойно развивающуюся речь» расиновских героев. Это заставило Герцена пересмотреть свой прежний взгляд на классицизм. Ему стало ясно, почему именно на Расине воспитывались революционеры XVIII в.— Робеспьер и его соратники. Грация движений, античное изящество, умение дать какую-то осязательную выпуклость роли приятно поразили Герцена в актерах первого театра Франции. Но подлинный вес представлению давала, разумеется, «потрясающая сердце» и вызывающая «слезы участия» легендарная Рашель. Ее «резкие, выразительные, проникнутые страстью» черты в сочетании с удивительной игрой и голосом, который «походил на воркованье горлицы и на крик уязвленной львицы» (V, 51—55), производили исключительное впечатление *.

В «Гофолии» Рашель создала впечатляющий образ «необузданной, восточной царицы», «страстной кошки, по которой пробегает какая-то дрожь от властолюбия и от сознания своей силы».

Как только на сцене появляется Рашель, отмечает Герцен, «все актеры исчезли, лицо у нее горит страстью, ее губы трепещут, а взгляд не позволяет вам дышать, и сколько в этом взгляде презренья, гордости... и нежности любви; сколько мужских, грубых нот в этом голосе — и сколько девственных, свято-мягких» (XXIII, 22).

Это, пожалуй, один из выразительнейших словесных портретов гениальной истолкователь-ницы Расина.

К своим наиболее ярким театральным впечатлениям Герцен относил и спектакли с участием выдающегося актера Ф. Леметра в театре Porte St.-Martin — главной «опорной базе» романтической драмы.

В первое время своей парижской жизни Герцен мог видеть Леметра только в двух пьесах — «Рюи-Блазе» Гюго и «Доне Сезаре де Базане» Ф. Ф. Дюмануара и А. Ф. Деннери. Несмотря на виртуозную игру Леметра, Герцен от этих спектаклей в восторг не пришел. Самый жанр романтической драмы уже казался ему в это время чем-то безнадежно устаревшим. Выше ведущих драматургов-романтиков того времени — В. Гюго и Ф. Сулье **— Герцен ставил даже презираемого им Э. Скриба, у которого был хоть примитивный, но реализм (V, 404).

Заметным событием сезона 1847 г. и в то же время «величайшим торжеством» Леметра явилась премьера социальной мелодрамы «Le chiffonnier de Paris», автором которой был известный писатель-республиканец Ф. Пиа, впоследствии добрый знакомый Герцена, вынесший на сцену «мир голода и нищеты 〈...〉, мир подвалов и чердаков» (V, 42—43). Эта пьеса, проникнутая духом социального протеста, особенно резко выделялась на фоне безыдейного репертуара театров на бульварах (и самого театра Porte St.-Martin) и была почти таким же предвестником революции 1848 г., как «Женитьба Фигаро»,— революции 1789 г. Леметр создал «беспощадный», по выражению Герцена, образ главного героя пьесы — тряпичника, вырывающего «из груди какой-то стон, какой-то упрек, похожий на угрызение совести» (V, 42). Этот персонаж казался современникам типичнейшим воплощением «парижского пролетария».

В произведениях и письмах Герцена не раз встречаются упоминания об одном из самых блестящих сценических образов, созданных Леметром,— Робере Макэре, циничном и преуспевающем пройдохе, красноречивом символе буржуазного предпринимательства периода Июльской монархии. Герцену, конечно, известны были и бессчетные карикатуры в журналах, изображавшие Робера Макэра, а также объемистый альбом литографий О. Домье «Cent et un Robert Macaire» с предисловием и едкими подписями издателя «Charivari» Ш. Филипона, вышедший двумя изданиями в начале 1840-х годов. Герцен относил Робера Макэра к «великим карикатурам», «иногда гениально верным» (XVI, 136; ср. XII, 338).

---

* Внешность Рашели вызвала у Герцена мысль о своеобразии «французской красоты», состоящей, по его мнению, «в необыкновенно грациозном сочетании выразительности, легкости, ума, чувства, жизни, раскрытости...». Красота эта «чрезвычайно человечественна, социальна 〈...〉 Она не в одной наружности, не в одной внутренней жизни, а в их созвучном примирении. Такая красота,— пишет Герцен,— результат жизни — жизни целых поколений, длинного ряда влияний органических, психических и социальных; такая красота воспитывается веками, вырабатывается преемственным устройством быта, нравов, достается в наследие, развивается средою, внутренней работой, деятельностию мозга,— такая красота факт цивилизации и народного характера» (V, 53).

** Из пьес Сулье в это время в Париже шла только драма «La closerie de genêts» в театре Ambiguë comique, имевшая тогда колоссальный успех; следовательно, именно ее и видел Герцен.

В своем известном письме из Парижа, адресованном М. С. Щепкину, Герцен с горечью констатировал, что большинство парижских театров, приспособившихся к низменным вкусам «материальной силы, силы сегодняшнего дня» — богатой буржуазии («мещанства», по терминологии Герцена),— довело себя до позорного падения (XXIII, 19—23). Эту же мысль он развивает и в «Письмах из avenue Marigny», саркастически характеризуя творчество плодовитого, талантливого, но сервильного драматурга Э. Скриба, «хитрого царедворца» буржуазии, поставившего себя на службу низменным вкусам правящего класса. Этот «царедворец, ласкатель, проповедник, гаер, учитель, шут и поэт буржуазии» (V, 34) не только превозносил буржуа: для его ублаготворения он унижал все, что противостояло ему или находилось от него в зависимости. Нет сомнения в том, что с произведениями Скриба Герцен был хорошо знаком еще в России по театральным постановкам и рецензиям и некоторые из его пьес читал *. Отзывы о Скрибе в «Письмах из avenue Marigny» имеют характер реминисценций, так как в то время, когда Герцен находился в Париже, ставились лишь единичные и малохарактерные пьесы Скриба — совсем не те, которые дали автору «Писем» материал для конкретных замечаний и обобщений [41].

В отличие от других театров на бульварах театр Porte St.-Martin посещался и демократической публикой («Chiffonnier de Paris», например, видел буквально весь Париж, в том числе и рабочий люд). Однако для беднейшей части населения обычно устраивались другие, подлинно общедоступные зрелища. Герцен, постоянно испытывавший желание поближе познакомиться и как бы слиться с «парижским народом», о котором он еще в России, по литературным источникам, составил себе чрезвычайно высокое представление, не упускал возможности побывать и на народных представлениях.

С февраля 1847 г. несколько месяцев подряд в Cirque Olympique ставилась грандиозная историческая драма-феерия Ф. Лабрусса и Ж. Маллиана «La Révolution française», воспроизводившая в костюмах эпохи, при грохоте пушек и ржании коней, наиболее эффектные эпизоды Великой французской революции. Конечно, все это было примитивно и грубо сколочено и Герцена удовлетворить не могло, но постановка вызывала самую восторженную реакцию у «людей из народа»; впечатляющие сцены героического прошлого отцов и дедов по-настоящему их волновали, и Герцен, вероятно, смотрел в зрительный зал не меньше, чем на арену **.

Посещал он и маленькие балы (куда ходили «простые люди» — ремесленники, прачки, служанки), с удовольствием наблюдая за народными развлечениями, которые резко отличались, по его мнению, своим нравственным здоровьем от цинизма буржуазных увеселений. Гуманность, сознание собственного достоинства парижского «простого народа» — «детей и внучат» участников Великой французской революции — больше всего поражали Герцена, так же как «парижский воздух», поддерживавший в пролетариате революционные умонастроения (V, 31—32, 46).

Письмо третье «Писем из avenue Marigny» целиком посвящено французскому театру; оно завершается упоминанием о «модной комедии» и «бенефисе Жирардена», на котором Герцен, по его словам, «в половине июня» сидел несколько дней на трибуне с десяти часов утра до половины седьмого вечера (V, 55).

Герцен имел в виду не бенефис какого-то актера, а судебный процесс известного политического дельца и журналиста, издателя газеты «Presse», члена палаты депутатов Э. Жирардена, который внезапно выступил в своей газете с сенсационными разоблачениями министров и ряда высокопоставленных лиц, обвиняя их в коррупции и должностных преступлениях. За это Жирарден был предан суду палаты пэров. «Ловкий, злой» удар, нанесенный Жирарденом, превратил «развращающее министерство», по словам Герцена, в «позорный столб» (V, 309). «...Дело

* «Замечательно, что французские писатели, начиная с первоклассных и до поставщиков повестей,— писал Ю. Ф. Самарин в «Москвитянине» 1847 г.,—обличают общество 〈...〉 но почти всегда щадят простой народ и заступаются за него 〈...〉 Они полагают, что творческое начало в народе, что жизнь общественная обновляется приливом сил, в нем заключенных 〈...〉 Поэтому очень понятно, что люди прогресса указывают на высокие качества народа, может быть, преувеличивают их. Ко всему этому присоединяется естественное чувство справедливости; народ всегда и везде менее виновен, чем другие сословия, и всегда долее и тяжеле других искупает каждую вину, свою и чужую» (№ 2, с. 201).

** «Театр полон ремесленниками, работниками в блузах, женщины бывают там даже с грудными детьми, говорят, хохочут, кричат, тут берет за живое — и тут хорошо»,— писала в Москву жена Герцена, бывшая вместе с ним на представлении (XXIII, 24). Сам Герцен находил, что этот гала-спектакль, а также бесконечно длинная инсценировка романа А. Дюма «Королева Марго» в Историческом театре (основанном в том же 1847 г. самим Дюма) — несравненно лучше для «бедняка», «нежели 1001 водевиль» в театрах на бульварах (XXIII, 21).

РОБЕР МАКЭР (справа) И ЕГО СООБЩНИК БЕРТРАН
Литография О. Домье (из серии «Робер Макэр»)
Из книги: H. Domier. Les cent et un Robert Macaire. Paris, 1839
Герцен высоко ценил эту серию карикатур Домье, центральный персонаж которой — циничный пройдоха Робер Макэр, символизировал буржуазное предпринимательство эпохи Луи Филиппа

Теста [42] и Алкивиада буржуази Э. Жирардена развлекает,— сообщал он московским друзьям,— я после этих представлений перестал ходить в театр» (XXIII, 31).

Характеризуя безнравственное царствование Луи Филиппа, Герцен делает многозначительный вывод: «Семнадцатилетняя проповедь самого грубого эгоизма и самого нечистого поклонения материальным выгодам и спокойствию не могла образовать особенно преданных и самоотверженных защитников июльскому трону...» (V, 143).

Процесс Жирардена послужил толчком для новых, еще более сокрушительных разоблачений правительственной клики. Герцен, собиравшийся дать русским читателям в письме четвертом «Писем из avenue Marigny» отчет о судебном разбирательстве, вскоре отказался от этого намерения: на фоне новых ужасающих фактов, всплывавших на поверхность чуть ли не ежедневно, дело Жирардена выглядело уже недостаточно масштабным.

С самого начала своей парижской жизни Герцен каждое утро жадно набрасывался на свежие газеты «всех величин, всех цветов» и просматривал их «десяток» (V, 56—57, 232), хотя для французской периодической печати весна 1847 г. была довольно глухим временем: ни в международной жизни, ни внутри страны сенсаций тогда не было. Особенно пресными казались Герцену официальные орлеанистские газеты во главе с «Journal des Débats», которую он за лживость и мелочность называл парижской «Северной пчелой» (XXIII, 31). Оппозиционная печать представляла для Герцена гораздо больший интерес. В «Réforme», например, то и дело сообщалось о тяжелом экономическом положении Франции, о голоде, рабочих стачках и их жестоком усмирении. В памяти Герцена могло надолго запечатлеться сообщение о судебном процессе молодого

типографского рабочего, потребовавшего от Дж. Ротшильда крупную денежную сумму. Свой анонимный ультиматум, предъявленный банкиру-миллионеру, рабочий закончил красноречивым предостережением: «Готовится страшная гроза... Вы знаете, что самые высокие деревья обладают зловещей привилегией притягивать к себе молнию. Наш совет может отвести ее от вашей головы. Поразмыслите...» [43] Разве нельзя допустить, что это упоминание о готовящейся «грозе» не отразилось потом в символических названиях двух выдающихся герценовских статей 1848 г. (из цикла «С того берега») — «Перед грозой» и «После грозы», а также в главке «Былого и дум» — «В грозу»?

Герцен особенно любил и постоянно читал ежедневную сатирическую газетку «Charivari». Она издавалась в Париже с 1830 г. и сыграла огромную революционизирующую роль в годы Июльской монархии. Это издание, надо думать, не прошло бесследно для дальнейшей деятельности Герцена. Не только формат и шрифт газеты, но и сама «подача» материала во многом напоминают будущий «Колокол». Создавая в 1857 г. свой боевой орган, Герцен, вероятно, использовал опыт своей любимой французской газеты *.

В каждом номере «Charivari» 1847 г. Герцен находил дерзкие и проникнутые жгучей иронией нападки на правительство Луи Филиппа, на крупную буржуазию и на всю социальную систему, господствующую во Франции. Герцен охарактеризовал «Charivari» как «Ван-Дика и Рембрандта мещанства», т. е. буржуазии, как ее «портретную галерею», «лобное место» и «позорный столб» (XVI, 136). В этом воинственном органе постоянно печатались под рубрикой «Carillon» («Колокольный звон») едкие обличительные заметки, которые могли послужить своего рода образцом для герценовской «Смеси» в «Колоколе». Да и само название «Колокол», возможно, возникло как реминисценция «Колокольного звона» «Charivari».

Вот для примера несколько взятых почти наугад заметок из «Carillon», которые, как и многие другие, органично вошли бы в «Смесь» «Колокола»:

«Газеты объявляют о большом числе арестов, произведенных в Париже в течение последних дней и по неизвестным мотивам. Но разве есть надобность в мотивах для ареста граждан при нашем режиме свободы?» [44]

«Вам известно, что г. Дюшатель недавно испытал небольшое недомогание; он жалуется на неудобства, вызванные его жировыми отложениями. Увы! Это тот вид недомогания, с которым народ в нынешние времена почти незнаком» [45].

«Одна газета утверждает, что может доказать, будто обещание кресла в палате пэров продано было за 80 000 франков. Это в четыре тысячи раз дороже его настоящей стоимости» [46].

«Вчера на трибуне Бурбонского дворца мы были свидетелями повторения валаамова чуда: Ланн заговорил!» **[47].

Антибуржуазная направленность «Charivari» особенно рельефно проявлялась в иллюстрациях Домье, Гаварни и других прогрессивных художников (в каждом номере печаталось по большой карикатуре на целую полосу). Вот один из характерных примеров: в № 88 газеты от 29 марта (через четыре дня после приезда Герцена в Париж) была воспроизведена очередная карикатура Гаварни с изображением самодовольного, откормленного буржуа, который, проходя мимо изнуренного нищего, изрекает (подпись под рисунком): «Он, видите ли, голоден... Лень одолела... Я сам голоден, но все же беру на себя труд идти домой обедать».

Летом 1847 г. Герцен соприкоснулся с французской провинциальной жизнью, пробыв две недели в Гавре. Там, на живописном берегу Ла-Манша, им завершена была работа над первой редакцией повести «Долг прежде всего». Среди персонажей ее несколько французов. Действие одной из глав происходит в конце XVIII в., и Герцен мастерски воссоздает атмосферу предреволюционного Парижа и затем взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Описание этого исторического дня во многом предвосхищает те приемы, при помощи которых он через год запечатлеет июньское рабочее восстание в статье «После грозы» (VI, 40—43, 388).

«Воровство, продажа пэрства и крестов, подкупы министров, убийства в герцогских комнатах, крапленые карты в Тюльери, кража лесов королем, министр юстиции, пойманный в публичном доме, сын короля (Монпансье), выброшенный из дому почтенным генералом за непри-

---

* «6 № „Коло〈кола〉“ — хорош, но, по-моему, немного сбивается на „Charivari“»,— писал Герцену 7 января 1858 г. И. С. Тургенев — и не без осуждения, так как к тому времени «Charivari» уже растеряла многие краски, а революционный темперамент ее почти сошел на нет.

** Намек на евангельскую притчу о внезапно заговорившей Валаамовой ослице. Фамилия депутата Ланна звучит по-французски точно так же, как осёл (l'âne).

личное поведение,— вот чем были полны журналы и разговоры». Так в сжатом виде охарактеризовал Герцен политические сенсации лета 1847 г. (V, 144).

Этот год *, как отмечал Герцен, был «очень важен в обнаружении 〈...〉 внутреннего состояния Франции, ни в какое время не падавшей так глубоко в нравственном отношении» (V, 57).

Познакомившись с истинным положением дел, он испытывает «тяжелое, болезненное чувство»— удивление, огорчение, испуг (V, 141). Сомнений нет, пора навсегда расстаться с наивными иллюзиями! Герцена окружал не идеальный Париж простодушных и бескорыстных героев Беранже, а Париж, населенный персонажами Домье, Гаварни и Сю, беспощадно верно охарактеризованный в «Ямбах» Барбье:

Париж, что некогда, как светлый купол храма
Всемирного, блистал,
Стал ныне скопищем нечистоты и срама,
Помойной ямой стал,
Вертепом подлых душ, мест ищущих в лакеи,
Паркетных шаркунов,
Просящих нищенски для рабской их ливреи
Мишурных галунов,
Бродяг, которые рвут Францию на части
И сквозь щелчки, толчки,
Визжа, зубами рвут издохшей тронной власти
Кровавые клочки...**

Наступила пора «зловещего раздумия и патологического разбора». Чем больше вглядывался Герцен в симптомы упадка Франции, тем несомненней становилось для него, что мелкими реформами и изменениями ее не спасешь, что ее может воскресить только «коренной экономический переворот — 93 год социализма» (V, 9).

К осени Герцену стало «невыносимо тяжело». Париж представлял собой «край нравственного растления, душевной устали, пустоты, мелкости» и напоминал остывший кратер, превратившийся в грязь и слякоть. Герцену известно было, что существует другой, подлинно демократический Париж, Париж честных тружеников, радикальных кружков, подпольной борьбы, «мучеников идеи и мучеников жизни», но связей с этим Парижем у него не было. Не поддерживал он сношений и с французским литературным миром. «Причин на это было много,— объяснял Герцен.— Прямого случая не представлялось — искать я не хотел. Ходить, только чтоб смотреть знаменитости, я считал неприличным. К тому же мне очень мало нравился тон снисходительного превосходства французов с русскими 〈...〉 Чтобы стать с ними на другую ногу, надобно *импонировать*; на это необходимы разные права, которых у меня тогда не было и которыми я тотчас воспользовался, когда они случились под рукой» (V, 68; X, 36, 191; ср. XXIII, 90).

Покидая столицу Франции в середине октября 1847 г., Герцен почувствовал, что ему становится страшно: «Париж — центр, выезжая из него, выезжаешь из современности» — так объяснял он это ощущение. С любовью всматривается он напоследок в «капризную, разнообразную архитектуру парижских построек», в удивительную панораму обоих берегов Сены, в собор Парижской богоматери, Тюильри, Лувр, остров Сите (V, 68—69).

В Лионе Герцен осматривает зловещие бастионы с пушками, направленными на рабочие кварталы и способными уничтожить десятки тысяч человек одновременно. С ужасом и отвращением выслушивает он подробности кровавого подавления восстания 1831 г.; ему становится ясно, что приказ о массовом убийстве рабочих был тогда отдан правительством Луи Филиппа только для того, чтоб успокоить буржуазию, опасавшуюся утратить свои имущественные привилегии, и чтобы скрепить связь между новым порядком и ею (V, 71). Герцен не предвидел, что меньше чем через год, в Июньские дни, буржуазные политиканы совершат подобное же злодеяние в самой столице — и в неизмеримо большем масштабе.

---

* Точнее было бы сказать: середина и вторая половина года.— *Л. Л.*

** Перевод В. Г. Бенедиктова.

* * *

О революции во Франции — громовом ударе 24 февраля 1848 г.— Герцену стало известно только 3 марта.

Хотя в «Письмах из Франции и Италии» он утверждает, что с «восторгом летел» из Рима в революционный Париж (V, 133), он еще целых два месяца оставался в страстно любимой им Италии, переживавшей в это время праздник революционного пробуждения.

За полгода его отсутствия политический климат французской столицы заметно изменился. В воздухе ее носилось что-то резкое и возбужденное, напоминающее 1790-е годы. Рабочие митинги в Тюильрийском саду, политические афиши, прокламации — все это волновало и радовало. Это был закат, принимавшийся Герценом за «восхожденье новой жизни» (V, 134; XXIV, 288).

Накануне приезда Герцена, 4 мая, открылось Учредительное собрание, избранное по введенному Временным правительством всеобщему голосованию. Эта «арифметическая» реформа, давшая, по мнению Герцена, голос орангутангам, предоставила большинство мест в парламенте богатым провинциальным буржуа. Их «ограниченные лица», «скупые глаза» собственников, «черты, искаженные любовью к барышу и к порядку», вызывали непреодолимое отвращение (V, 174, 373; XXIII, 111).

Одним из немногих реальных завоеваний Февральской революции была неограниченная свобода собраний и политических клубов. Время от времени Герцен посещал эти «маленькие парламенты», участвовал в политических банкетах. Выступления революционных ораторов дали ему возможность не только познакомиться со взглядами виднейших французских представителей революционной демократии, но и убедиться в несостоятельности их политических и экономических доктрин.

Он восхищался двумя «корифеями демократии» — «беззлобным и юным душою», «доверчивым, всегда готовым отдать за республику последнюю каплю крови» А. Барбесом и еще больше — «грозным трибуном» О. Бланки, обладавшим «резким, страстным, проникающим в душу слушателей» даром слова, человеком колоссального интеллекта, несгибаемой воли, громадной энергии и «желчевой злобы» (V, 168—169, 367). Что касается идеолога утопического коммунизма Э. Кабе («отца Кабе»), то о его «мечтаниях» Герцен отзывался с иронией, не принимая всерьез «бесплодные» опыты создания новой «барщины» (V, 314; XI, 49—52; XX, 122, 578).

С Барбесом и Бланки у Герцена впоследствии были эпизодические, но крайне впечатляющие встречи (см. XI, 49—51).

Сенсационные выступления Рашели в Théâtre Français * с пением «Марсельезы» представляли собой не только художественное, но и заметное политическое событие этого времени. На одном из них Герцен присутствовал (вместе с И. С. Тургеневым и П. В. Анненковым **) [48].

Несколько позднее Герцен отозвался на «Марсельезу» Рашели прекрасным «стихотворением в прозе», по-видимому обращенным к М. Ф. Корш и озаглавленным «Dedication» ***. Он охарактеризовал там великое создание Руже де Лиля в исполнении гениальной артистки как «погребальный звон середь ликований брака», как «гимн, зовущий на пир крови, мести», как «упрек, стон отчаяния середь надежды». В выступлении Рашели он видел грозное пророческое предвещание трагических событий ближайшего будущего — Июньских дней **** (VI, 40).

15 мая 1848 г. Герцен стал свидетелем грандиозной народной манифестации и безуспешной попытки парижской бедноты разогнать буржуазное Национальное собрание. Ему пришлось увидеть ряд решающих эпизодов отчаянной исторической схватки, описанных затем в «Письмах из Франции и Италии», и прийти к неоспоримому выводу, что революция окончательно погибла.

---

* Так называли тогда Comédie Française.— *Л. Л.*

** «Рашель ⟨...⟩ явилась перед публикой в образе древней статуи с белою туникой, но с трехцветным знаменем в руке, олицетворяя таким образом Францию,— писал П. В. Анненков о ее выступлениях.—Певучим речитативом и вполголоса при мертвой тишине партера произносила она стихи знаменитой песни, сообщая каждой строфе особенную интонацию, переходя от глубокого чувства грусти по родине к сосредоточенному негодованию на врагов и, наконец, к отчаянной решимости сопротивления ⟨...⟩ Благодаря этой декламации, продолжавшейся немного более одной четверти часа, зала Французского театра наполнялась народом сверху донизу и оглашалась неистовыми рукоплесканиями» [49].

*** Слова dedication во французском языке нет. Герцен, по-видимому, хотел написать Dédicace («Посвящение»). Правда, dedication означает «посвящение» *по-английски*, однако трудно уловить логику английского названия для такой чисто французской темы.

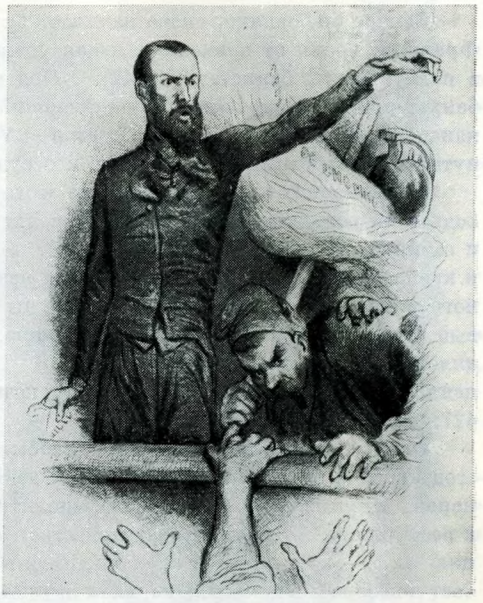
**** Впоследствии в «Былом и думах» Герцен сделал весьма существенную переоценку «Марсельезы» Рашели, увидев в ее исполнении не столько проявление «живой боли», сколько лицедейство (X, 226).

Через пять недель, в июне, разразилось всеобщее рабочее восстание. По словам К. Маркса, это была великая, решающая битва за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя [50].

На глазах у Герцена столица Франции покрывалась баррикадами. Под звуки набата, как бы навсегда прощаясь с Парижем, он залюбовался панорамой великого города, и в эту минуту испытывал к нему страстную любовь.

Ожесточенная четырехдневная борьба закончилась, как известно, полным поражением парижского пролетариата.

В статье «После грозы» — одной из вершин мировой революционной публицистики — Герцен описывает «предгрозовой» Париж, Париж «в грозу» и Париж «после грозы». Вначале он передает слуховое отражение исторической битвы — «выстрелы, топот несущейся кавалерии, тяжелый, густой звук лафетных колес по мертвым улицам ⟨...⟩, крики, барабанный бой» и затем «правильные залпы с небольшими расстановками» — массовые расстрелы участников восстания. Далее воссоздаются трагические картины «умиротворенного» Парижа после четырехдневной бойни (VI, 40—48).



АРМАН БАРБЕС НА ТРИБУНЕ

Гравюра по рисунку Т. Жоанно, 1848

Из книги: Louis Reybaud. Gérôme Paturot à la recherche de la meilleure des républiques. Paris, 1849

«Барбес пользуется огромным преимуществом людей, которых твердость и чистота выше всякого подозрения» («Письма из Франции и Италии»)

Через двадцать один год, в письмах «К старому товарищу», со все еще не утихшей болью Герцен вспомнит, как, «стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстреливали пленных», он «всем сердцем и всем помышлением звал дикие силы на месть и разрушение старой, преступной веси» *. «Первый широкий,— по словам Герцена,— но неудачный опыт ввести социальные начала в государственный строй» закончился удручающим провалом. «Сплоченный в одну дружину мир консервативный» одержал победу. Франция не только остановилась на пороге социализма, но и надолго воротилась вспять — к ожесточенному консерватизму, беспросветной политической реакции, к порабощению трудовых масс (XX, 576, 586).

Герценовская концепция революции 1848 г., неоднократно излагавшаяся и варьировавшаяся им в разных сочинениях и письмах, в основном может быть сведена к следующим положениям. Для социальной республики Франция еще не была готова; февральский переворот явился лишь гениальным вдохновением, импровизацией парижских рабочих. Буржуазные республиканцы, возглавившие революцию, были перепуганы социальным характером требований низов и тотчас же, из эгоистических побуждений, перешли на позиции ожесточенного консерватизма. Глубокая неудовлетворенность пролетариата, рассчитывавшего на коренные социальные перемены, делала неизбежной «свирепую» схватку его с буржуазией, намеренно обострявшей классовые противоречия, чтобы вызвать преждевременное восстание и обескровить своих извечных врагов. В Июньские дни, на баррикадах, пролетарии спохватились, что у них нет ни программы, ни «построяющей, органической мысли». Трагический исход революции был предрешен. Консервативные силы, ставившие своей целью усмирить, подавить «химеру социализма», пошли еще дальше: они усмирили всякое свободное движение, подавили «всякую независимость, всякое человеческое достоинство».

«Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его ⟨...⟩ Париж в один год отрезвил меня, зато этот год был 1848»,— с горечью отмечал позднее Герцен, разъясняя причины своей мучительной духовной драмы и пессимизма, вызванного тем, что Франция «разошлась с революцией» (V, 212; XVIII, 278).

---

* «Я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности»,— отмечал Герцен в другом месте (XIV, 243).

Вскоре он, однако, снова начинает проявлять интерес к общественно-политической жизни Франции, время от времени посещая уцелевшие от разгрома революционные клубы, участвуя в политических банкетах (X, 42) *. Под непосредственным впечатлением от одного из таких банкетов, на котором выступал виднейший деятель революции 1848 г., буржуазный республиканец Ледрю-Роллен, написана статья «LVII год республики единой и нераздельной», проникнутая безотрадными размышлениями о судьбах революции и ее участников (VI, 49—61).

В сочинениях и письмах Герцена этого и позднейшего времени немало характеристик руководителей революционной и псевдореволюционной Франции. Некоторые из них своим накалом и сатирическими красками напоминают позднейшие герценовские обличения царских сатрапов и крепостников в «Колоколе». Так, для ненавистного ему министра-соглашателя, сентиментального романтика А. Ламартина он находит десятки едких эпитетов и метафор: «сладкоглаголивый стихотворец и политический аферист», «Манилов французской революции», «политический дилетант», «пошлая личность» и пр. «Я 〈...〉 его ненавижу не как злодея,— с презрением пояснял Герцен,— а как молочную кашу, которая вздумала представлять из себя жженку» (V, 146, 427; XXIII, 97 и др.).

Оглядываясь в конце 1849 г. на события минувших месяцев, Герцен осыпает проклятиями «год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства, тупоумья»; клянет «революционеров, испугавшихся революции», «политических шалунов, паяцев свободы», которые «играли в республику, в террор, в правительство», «дурачились в клубах, болтали в Камерах...». «Франция 〈...〉,— констатирует Герцен, имея в виду и ее интервенцию в пределы Италии,— погрязает в позоре и низости». Она, «как леди Макбет, не так-то скоро смоет кровавые пятна со своих братоубийственных рук» (VI, 107—109, 233).

13 июня 1849 г. Герцен принял участие в массовой демонстрации, организованной мелкобуржуазными республиканцами, и в «Былом и думах» описал это торжественное шествие многих тысяч и тысяч людей по Большим бульварам Парижа с пением «Марсельезы» [51].

В «Былом и думах» мы находим саркастические характеристики французских профессиональных революционеров «второго порядка» («хористов», «пустоцветов», «репейников» и «мухоморов» революционного движения), для которых разного рода «банкеты, демонстрации, протестации, сборы, тосты, знамена — главное в революции» (X, 45—48). Вскоре — в Женеве и Лондоне — Герцену придется близко соприкоснуться с этого рода деятелями «заднего двора» революции и даже стать их бытописателем и прокурором.

13 июня 1849 г. во многом отличалось от Июньских дней 1848-го, когда «великий парижский народ», по словам Герцена, звал вождей буржуазной демократии «на площадь», рассчитывая, что они возглавят вооруженную борьбу, но демократия тогда «спряталась»; теперь же она «сошла на площадь», но народ с демократами не пошел **.

В конце 1849 г. П. Ж. Прудон начал издавать в Париже большую ежедневную общественно-политическую газету «Voix du Peuple», в которой сотрудничал Герцен.

Самая значительная из французских статей Герцена, относящихся к этому времени,— «Donoso Cortès...» (1850) появилась в «Voix du Peuple» в виде передовицы и заняла всю первую полосу газеты. Позднее ее перевел сам Герцен на русский язык, и она вошла в книгу «С того берега» (1855), причем, как всегда в своих авторских переводах, Герцен внес в текст значительные изменения, почти написал ее заново. Первоначальный, французский вариант, появившийся в «Voix du Peuple», имеет ряд неоспоримых преимуществ перед позднейшей русской редакцией — он энергичнее, нервнее, злее, в нем резче проявляется полемический задор. Десятки тысяч французских современников Герцена и виднейшие деятели международной демократии ознакомились с его злободневной статьей именно по этому тексту.

---

* Частое посещение Герценом политических банкетов подтверждается следующими строками «Писем из Франции и Италии»: «Впоследствии я *много раз* с горькой улыбкой смотрел на распорядителей демократических банкетов, как они помыкают гостями, кричат, распоряжаются и всё попустому» (V, 377. Курсив мой.— *Л. Л.*).

** Герцен делает при этом следующую ключевую оговорку: «Когда я говорю „народ", я, разумеется, говорю об одном народе, который существует в Европе,— о *французском* народе. Насколько вся образованная часть Франции развращена, гнусна и не имеет никакого будущего, настолько велики пролетарий и даже крестьянин,— и это важнейшая победа после 1848». В то же время Герцен считает нужным подчеркнуть, что «народ вообще слишком хвалят», что это «революционный jargon: французский народ вовсе не готов ни к социализму, ни к свободе,— но он готов к революции; сознание общественной неправды, злоба и удивительное единство — вот его сила» (XXIV, 198—199: ср. V, 199).

БАРРИКАДЫ НА ПЛОЩАДИ МОБЕР В ПАРИЖЕ 23 ИЮНЯ 1848 Г.
Гравюра неизвестного художника
«Illustrated London News», 1 июля 1848 г.

В другой статье (без названия) Герцен резко осуждает реакционную парижскую журналистику — «памфлетистов сточных труб», выступающих в защиту правительственных репрессий и поливающих грязью лучших деятелей революционной демократии (XXX, 496—497).

23 марта 1850 г. в Théâtre de la République (Comédie Française) состоялась премьера драмы Ф. Понсара «Шарлотта Корде». Для «Voix du Peuple» Герцен написал на нее большую рецензию с развернутой характеристикой французской революции XVIII в. и ее выдающихся деятелей (VI, 239—246).

Получение на руки крупного капитала, вырванного из рук царского правительства, сталкивает Герцена с деловым миром Парижа — банкирами, нотариусами, домовладельцами. Во главе финансовой олигархии стоял тогда барон Дж. Ротшильд, с которым Герцен нередко встречался и переписывался *. Впоследствии Ротшильд занял заметное место в обширной портретной галерее «Былого и дум». Специфический характер их взаимоотношений заставлял Герцена писать о Ротшильде в сдержанных и порой благожелательных тонах, избегая всего, что могло оскорбить или обидеть «делового партнера». Герценовский Ротшильд совсем не похож на отталкивающего выскочку-банкира, вроде того, которого густыми мазками изобразил Бальзак в нескольких своих романах под именем *барона Нусингена*. Ротшильд, возможно, был одним из прототипов Нусингена — собирательного образа капиталистического воротилы и аферист времен Июльской монархии,— но отнюдь не психологическим портретом конкретного лица.

Тогда же Герцен столкнулся в Париже с изощренным бюрократическим формализмом французских правительственных учреждений, причем в порядках республиканской Франции и самодержавной России он обнаружил немало общих черт. Подобные аналогии вызывала у Герцена и французская политическая полиция — от префекта до «шпионствующего юноши» в префектуре.

Общественная атмосфера того времени впечатляюще передана Герценом в «Письмах из Франции и Италии»:

«Террор, сальный, скрывающийся за углом, подслушивающий за дверью, тяготит каким-то чадным туманом надо всем 〈...〉 Все боятся дворников, комиссионеров, трех четвертей знако-

* Письма Герцена к Ротшильду до сих пор не обнаружены.

мых; письма приходят подпечатанные, на углах улиц постоянно бродят подозрительные фигуры в сюртуках не по мерке, в потертых шляпах, с подло военным видом и с палкой в руке. Они провожают глазами прохожих и передают их своим партнерам» (V, 195—196).

Летом 1850 г. Герцен был выслан из Франции и переехал в Ниццу, входившую тогда в состав Сардинского королевства.

Последнее, четырнадцатое письмо «Писем из Франции и Италии» написано в Ницце уже после государственного переворота, произведенного Луи Наполеоном 2 декабря 1851 г., когда Франция надолго «разошлась с революцией». Герцен с глубокой горечью подводит в нем итоги недавним событиям, заглядывая в то же время за горизонты ближайшего будущего. Он испытывает при этом глубокую жалость к французскому народу, который «так славно жил», был так любим — «может, больше, нежели сознаём»,— и предостерегает от «холодных слов», насмешливых улыбок, укоров и упреков по адресу Франции, отныне превращающейся, по его мнению, в чисто историческое понятие. «Париж останется в памяти веков Иерусалимом революции,— поясняет свою мысль Герцен.— Религия будущего родилась середь потоков французской крови, в груди французских мыслителей, среди страдания французского пролетариата *. Да не посмеет ни один народ радоваться ее падению ⟨...⟩ Если Франция во многом виновата — она много наказана...» (V, 212—215).

Красноречива характеристика «Цезаря полиции» — президента республики Луи Наполеона, этого интригана «по семейному преданию», «иностранца, выросшего вне Франции», постоянно изучавшего жизнь своего дяди Наполеона I и не находившего в ней «ничего, кроме беспредельного презрения к французам и к людям вообще».

Писатель убежденно предсказывает свирепый террор и — главное — войну, которая необходима новому правительству, чтоб удержаться у власти.

И в других своих произведениях и письмах Герцен бичует этого «бледного от ужаса кучера, мчащего Францию на кладбище»; человека, «в котором воплотилась и революция и реакция»; честолюбивого, на все способного авантюриста; «сфинкса с узенькими глазками, ухарски зачесанными висками»; «косого кретина», «пресного, бесхарактерного, бесплодного, стертого», «угрюмого, некрасивого ⟨...⟩ прозаического» (V, 197; XI, 491; XIV, 215; XXIII, 110) **.

«Франция упала по горло в Наполеона ⟨III⟩ и успокоилась в нем»,— к такому безотрадному выводу приходит Герцен (XIV, 166).

«Военный деспотизм, правительственный произвол, всемогущую и бесконтрольную полицию, отсутствие личной свободы» — вот что принесло Франции, по мнению Герцена, безжалостное подавление попыток социальной революции. Новый порядок совместил в себе «все тяжкое монархии и все свирепое якобинизма» (XI, 52; XX, 20).

В августе 1852 г. автор «Писем из Франции и Италии» покидает Европейский континент и переселяется в Англию. Начинается новый этап его жизненного пути. Вскоре он надолго снимет с себя «вериги чужого языка» (XII, 62) и отдастся главному делу своей жизни — «русской пропаганде». «Впавшая в детство» Франция уже не будет занимать в его интересах такого заметного места, как прежде. Отрекаясь от Франции буржуазной, прозаической, деградирующей, он не перестанет, однако, ценить ее науку, культуру и социальные учения.

Из «западных» проблем, продолжавших волновать Герцена, оставалась одна, настоятельно требовавшая осмысления (главным образом на французском материале),— о роли буржуазии в современном обществе и о ее исторических судьбах. Этой проблеме посвящен ряд работ Герцена («Западные арабески» в «Былом и думах», «Première lettre», «Оба лучше», «Концы и начала» и др.), и от нее во многом зависела судьба его далекой родины. Вопрос ставился так: быть или не быть в России буржуазии и буржуазным порядкам.

Уже в первых главах «Писем из avenue Marigny» Герцен подверг обличительной критике французскую буржуазную культуру, отрицая не только «великое прошедшее» буржуазии, но и самую возможность для нее великого будущего.

Буржуазия, по мнению Герцена, не разрешила ни одного из важнейших социальных вопросов, поставленных перед ней Великой французской революцией. Свобода, провозглашенная

---

* В понятие *пролетарий* Герценом, как известно, вкладывалось содержание, отличавшееся от современного: это был не «наемный рабочий в капиталистическом производстве», а неимущий представитель городских низов.

** В «Былом и думах» Герцен обозначает его и как «господина средних лет, ни толстого, ни худого» (XI, 491) — это гоголевская характеристика Чичикова, что не отмечено комментаторами 30-томного Собрания сочинений.

У НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ПАРИЖЕ
Гравюра Смита
«Illustrated London News», 13 мая 1848 г.

тогда первым и основным принципом нового общества, превращена была буржуазией в свободу *только для собственника*; демократия свелась к чисто внешнему уравнению в правах. С момента своего появления буржуа представляет собой «прозу жизни» и является на исторической сцене больше домовладельцем, чем гражданином (V, 34, 63—64, 125—130; XII, 472—474). Наследник блестящего дворянства и грубого плебеизма, буржуа, как считал Герцен, «соединил в себе самые резкие недостатки обоих, утратив достоинства их».

Французскую буржуазию Герцен упрекал за ее непростительное отступничество, за предательский отход от революционных идеалов своих предков. «Собственность — это блюдо чечевичной похлебки, за него вы продали великое будущее, которому ваши отцы широко распахнули ворота в 1789 году»,— возмущенно восклицал он (XX, 61).

Характернейшим представителем нового типа западноевропейской буржуазной интеллигенции Герцен в 1850-х годах считал Ораса — главного героя одноименного романа Жорж Санд, аморального эгоиста и беспринципного честолюбца, готового на любое преступление и предательство. Он утверждал, что «вся действующая, пишущая Франция» состоит из Орасов и что Орас — главный виновник недавних бедствий, обрушившихся на Европу.

Интересен вывод, который делает Герцен, сопоставляя персонажей двух смежных социальных формаций — мелкого буржуа середины XIX в., Ораса, и аристократа конца XVIII в., героя известного романа Луве де Кувре «Приключения шевалье де Фоблаза»: для уничтожения «мира Фоблаза», т. е. французского феодального строя, понадобился «громовой удар» 1789 г., т. е. революция ограниченной силы, в то время как «мир Ораса» — буржуазное общество — может быть уничтожен лишь «землетрясением», т. е. грандиозным *социальным* переворотом.

Герцен сравнивает Луве де Кувре с нравоописателем французской буржуазии периода Июльской монархии Полем де Коком, объясняя популярность последнего резким понижением культурного и художественного уровня как писателей, так и читателей во Франции 1830—1840-х годов.

Этот процесс деградации искусства и его восприятия еще не прекратился, констатирует Герцен, и герои произведений минувших десятилетий, имевшие в своем облике немало симпатичных и гуманных черт, постепенно вытесняются новоявленными персонажами, олицетворяющими последнюю фазу буржуазного строя. Находчивый, остроумный, свободолюбивый герой комедии Бомарше — Фигаро, бессребреница Лизетта (любимый персонаж Беранже) в середине XIX в. кажутся, по мнению Герцена, чуть ли не средневековыми святыми, рыцарями без страха и упрека.

Переходя от литературы публичных женщин к литературе «публичных мужчин», т. е. политиков, Герцен также отмечает резкое падение нравственного уровня, характерное для современной общественной жизни, художественного творчества и публицистики. В прежние исторические периоды отдельные аморальные явления и люди, чтобы стать предметом живописания, должны были достигать исполинских масштабов. Теперь же самые заурядные шпики и провокаторы считают возможным писать о себе книги и выставлять себя напоказ, словно они — героические личности, а не подонки общества (см. XII, 471—480).

Из суждений Герцена о Франции, французах и французском национальном характере можно было бы составить выразительную антологию, в которой преобладали бы отнюдь не беспристрастные оценки, а резкие и желчные филиппики.

Восхищаясь «деятельным французским фибрином», так же как исключительной «энергией, отвагой, благородством» французов, их «подвижной натурой» и свободолюбием (V, 173—176, 328; VI, 49; X, 218 и др.), Герцен в то же время обвинял их в ряде кричащих недостатков — умственной ограниченности, консерватизме, кровожадности, невежестве, скупости, страсти к стяжанию, к риторике, к полицейскому террору, власти и т. п. Чем объяснить это противоречие и противоречие ли это?

Настоящим народом Герцен считал не французов вообще, а только трудовой люд, особенно городских работников; в них видел он истинное воплощение лучших человеческих свойств, революционной стихии, а также блистательные задатки социалистического будущего. Французского крестьянства Герцен почти не знал (в чем откровенно признавался — ср. XI, 57), французская же аристократия в какой-то мере пользовалась его расположением из-за своих богатых исторических и культурных традиций, и он представлял ее себе как антипода буржуазии, «мещанства» — той «мелкой и грязной среды», которая, по его словам, словно тина, «покрывает зеленью своей всю Францию» (VI, 49). Таким образом, большинство негативных отзывов Герцена о Франции и французах имеет четкий социальный критерий и относится преимущественно к «среднему сословию» — французской буржуазии *. Так, отмечая как аксиому, что «французы — народ притеснительный, тупой в уважении к формальной законности, инквизитор и шпион по отсутствию понятия чести», он недвусмысленно поясняет, что это понятие *«глубоко лежит в душе пролетария и аристократа»*, но что его *«вовсе нет в мещанине и легисте»* ** (V, 318; XXIII, 87).

В годы лондонской ссылки Герцену нередко приходилось вступать в более или менее тесные контакты с многочисленными «хористами революции», оказавшимися после событий 1848—1849 гг. на положении «рефюжье». Почти все эти второстепенные и третьестепенные участники революционного движения принадлежали к нетрудовым слоям мелкой буржуазии и несли на себе неизгладимую печать своего социального происхождения ***.

---

* Герцен, разумеется, понимал, что властительница современной Франции, крупная буржуазия, представляет собой особую социальную группу и резко отличается от мелкой буржуазии — «бедного мещанства», нередко сливающегося с «пролетариатом». «Простые, небогатые буржуа 〈...〉 на меня не делают того омерзительного впечатления, как не простые»,— замечает он в «Былом и думах» (X, 219).

** Курсив мой.— *Л. Л.*

*** Большинство французских эмигрантов, по мнению Герцена, было увлечено в изгнание «благородным порывом и риторикой». Они не имели отчетливого представления о целях и задачах социальной революции, но за красивую революционную фразу готовы были в любую минуту ринуться на баррикаду. «А уж коли француз пойдет, он с нее не побежит»,— добавлял Герцен (XI, 54).

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОШКИ»
Реакционеры пытаются погасить огонь, зажженный февральской революцией 1848 года
Литография Домье, 1848
«Charivari», 3 июня 1850 г.

В нескольких главах «Былого и дум» воссоздается безотрадный трагикомизм повседневной жизни французских эмигрантов. Искренне сочувствуя этим обездоленным и обескураженным людям, оказавшимся вне родины и без средств к существованию в чуждой и враждебной среде, Герцен все же не отказывается от их беспощадных портретов и характеристик. В своих очерках о французских эмигрантах он постоянно варьирует такие определения, как «мелкость в самолюбии», «пустота», «узкость», «бедность умственных сил», «упорство в раздоре» и т. п. В том же духе, и не менее едкими красками изображал в это время лондонскую эмиграцию и К. Маркс.

Многие из беспощадных суждений Герцена о «французах» вообще и французских буржуа в частности, несомненно, основывались на его личных впечатлениях от типичнейших представителей французской эмиграции *. Такой возможности близко и долговременно наблюдать жизнь

* «Я был в соприкосновении, знаком и теперь знаком почти со всеми громозвучными репутациями трех революций, развалины которых теперь проживают в Швейцарии»,— писал он в 1849 г. (XXIII, 187).

и нравы французских обывателей, проникать в их «зафасадную» жизнь у него в Париже не было. Герцен не раз опровергал распространенное мнение, будто французы «сообщительны», и говорил, что у них это «только форма, только болтовня» и что нет города, где легче было бы «наделать тьму шапочных знакомств, как в Париже, и нет ничего труднее, как в самом деле сблизиться там с несколькими людьми» (V, 319).

Конечно, не ко всем французам-«рефюжье» Герцен относился с презрением или полупрезрением. Из массы эмигрантов он, например, безоговорочно выделял богато одаренного революционера-пролетария, деятельного участника революции 1848 г. Э. Бартелеми. Сочетание в этом незаурядном человеке природной гуманности с непримиримой классовой ненавистью убедительно подтверждало взгляд Герцена на французских «городских работников» как на истинных потомков революционеров конца XVIII в. и как на единственный «искренний и настоящий элемент революции» (X, 219). Трагической судьбе Бартелеми Герцен посвятил сочувственную главу в «Былом и думах», заключив ее словами: «Какой комментарий дал мне этот человек к ужасам 93 и 94 года, к сентябрьским дням, к той ненависти, с которой ближайшие партии уничтожали друг друга!» (XI, 78—79).

Среди французских демократов и эмигрантов у Герцена было несколько глубоко преданных ему друзей, которых он, в свою очередь, очень любил. Это были главным образом активные участники революции 1848 г.— «кроткий и добродушный» М. Э. Тесье дю Моте — химик и естествоиспытатель, но все же «слишком француз во всем» (X, 307, 312); «добрый, милый» А. Таландье (XI, 459) — адвокат, публицист и музыкант; фурьерист А. Девиль — профессор медицины, домашний врач Герцена в Лондоне. Среди близких знакомых и завсегдатаев Герцена были братья Боке — «премилейший», смешнейший капитан Камилл и революционный активист Жан Батист, дававший уроки сыну Герцена. По этому «сентиментальному и свирепому» человеку Герцен, как он говорил, изучал «всех этих сильных резателей 93 года», т. е. якобинцев (XXIII, 114). В перечень французских приятелей Герцена следует включить и высокообразованного, умного и свободомыслящего революционного эмигранта Ж. Доманже, постоянного собеседника Герцена, «подчищавшего» язык и стиль его французских сочинений. О своем друге И. Лавироне, инженере, сложившем голову при защите революционного Рима от французских интервентов в 1849 г., Герцен выразился так: «В его жилах текла, без всякой примеси, энергическая, суровая, когда надобно, и добродушная, веселая галло-франкская кровь девяностых годов» (X, 81). Это был тот тип французов, которым Герцен не уставал восхищаться.

С виднейшими представителями французской эмиграции в Лондоне Ледрю-Ролленом и Л. Бланом Герцен время от времени встречался; в «Былом и думах» он оставил их параллельные характеристики.

Ледрю-Роллен представлял собой, по мнению Герцена, живой анахронизм; несерьезность его суждений и беспочвенность надежд на близость революционного взрыва во Франции свидетельствовали об умственной ограниченности и об утрате чувства реальности. Революционный жаргон Ледрю-Роллена в глазах Герцена являлся почти пародийным перепевом речей великих ораторов в Конвенте 1793 г., и автор «Былого и дум» не только на страницах этой книги, но и при личных встречах с прославленным деятелем 1848 г. не мог удержаться от вполне оправданной иронии.

Ограниченным, хотя и блестяще одаренным и весьма симпатичным человеком Герцен считал и Л. Блана, с его незыблемой самоуверенностью, «японской» неподвижностью ума «во всем общем» и исключительным интересом к Франции, «только к Франции» (XI, 47—50). В то же время он отмечает, что это человек «строгий по жизни, неукоризненной чистоты в мнениях, вечно работающий сам, sobre ⟨трезвый⟩, мастер говорить, популярный без фамильярности, смелый и вместе осторожный», умеющий действовать на массы (XI, 40).

Еще в 1851 г., приехав из Ниццы на короткое время в Париж, Герцен смог убедиться, что пользуется во Франции почетной известностью, и даже почувствовал себя, как он сам говорил, «очень львом, в моде» (XXIV, 191).

Известности Герцена как публициста заметно способствовала его брошюра «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» *, представлявшая собой широкую историческую панораму идейного развития России. Это сочинение как бы осуществляло задачу, завещанную Герцену его старшим другом П. Я. Чаадаевым. Автор «Философических писем» убеждал Герцена

* До сих пор не установлено, на каком языке была написана эта брошюра — французском или русском.

«сродниться с каким-нибудь из народов европейских и с языком его, чтобы ‹...› высказать все, что на сердце». «Всего бы, мне кажется, лучше было ‹бы› усвоить вам себе язык французский,— писал Чаадаев.— Кроме того, что это дело довольно легкое, при чтении хороших образцов, ни на каком ином языке современные предметы так складно не выговариваются» (XI, 532).

Французский язык в XIX в. был языком международным. Несмотря на очевидные пробелы в теоретическом знании языка *, Герцен писал по-французски ярко, выразительно, сохраняя своеобразие своего неповторимого русского стиля. Даже то, что обычно считается крупным стилистическим недостатком — калькирование иноязычного синтаксиса,— благодаря ярко выраженной индивидуальной манере Герцена превращалось в редкое достоинство. Это подчеркивалось и французскими рецензентами, и личными знакомыми Герцена — французами. Особенно характерен отзыв газеты «Courrier de l'Europe» при публикации отрывка из «Былого и дум», переведенного самим Герценом,— «страниц, полных жизни, ума, нежности и той благотворной иронии, которая высмеивает только зло, которая, вместо того чтобы раздражать, пробуждает и просвещает самые великодушные чувства, свойственные человеческой природе». «Наши читатели, так же как это бывало с нами каждый раз по прочтении чего-нибудь написанного Герценом по-французски,— продолжал рецензент,— будут удивлены и очарованы, видя, какой оригинальный характер принимает французский язык под этим русским пером; и, отдавая себе отчет в том, насколько автор в своем стиле является одновременно и русским и французом, они, без сомнения, подумают, какой удачей для французской литературы было бы почаще предоставлять права гражданства таким писателям» [52].

Брошюра «Du développement...» имела во Франции большой и долговременный успех. Французские читатели «серьезного круга» отзывались о ней как об «интересном и глубоко задуманном труде», обладающем полной мощью (П. Ж. Прудон) [53], «великолепном исследовании, цельном и оригинальном», содержащем «неприкрытые истины, глубоко волнующие места» (Э. Кёрдеруа — XI, 63), как о новаторской книге, в которой равно отразились «историк и философ, политик и истинный революционер» (Т. Торе**—*Л* VI, 672—675). Он «пишет на нашем языке с героической мощью»,— заявил по поводу этой книги знаменитый историк Ж. Мишле (см. ниже).

Одной из лучших своих вещей Герцен считал написанную им по-французски брошюру «Le peuple russe et le socialisme» в форме открытого письма к Мишле. Эта работа должна была ознакомить европейскую общественность с народной Россией, являвшейся тогда для Запада и сфинксом, и пугалом одновременно. Он доказывал при этом, что основы русской крестьянской жизни во многом близки вожделенным идеалам французских социалистических учений. Новое сочинение Герцена также вызвало восторг у Мишле. Между ними навсегда установились тесные дружеские отношения. Поразительный талант Герцена, его энергичная натура и целеустремленная общественно-литературная деятельность высоко поставили его в глазах Мишле. Герцен же «под сединами» своего французского друга находил безгранично много «поэзии и юности» (XXX, 584). Умение выдающегося историка с художественной рельефностью воссоздавать прошлое Франции, его редкая эрудиция и героический гуманизм сильно импонировали Герцену, хотя идеалистическая философия истории, которой проникнуты многие труды Мишле, казалась ему несерьезной и устарелой. Из всех работ своего друга он особенно оценил «La Renaissance», горячо пропагандировал эту книгу, доказывавшую, «как мало иссякла французская мысль»; называл ее «подлинным шедевром», «поэмой, картиной, философией эпохи» (XII, 277—288) и даже лично перевел на русский язык и напечатал несколько глав из нее в «Полярной звезде».

---

* Откликаясь в одном из своих писем на восторженные похвалы его французскому слогу, Герцен сознавался, что ему не хватает «углубленного и точного знания» французского и немецкого языков. «Я брал смелостью и не мог принудить себя заняться изучением этих языков, когда переполнены были сердце и разум. Поэтому мне приходится поручать кому-либо исправление грамматической стороны языка. Я воюю за свой стиль с моими друзьями-корректорами, как доблестный рыцарь, но смиренно уступаю, когда речь идет о сослагательном наклонении» (XXIV, 207—208). По поводу своей французской статьи «Prolegomena» (1867) Герцен писал: «Кому дать поправить, не знаю. Всем им статья станет поперек горла. А слог гадить я не позволю — далее чистки subjonctif'a ‹сослагательного наклонения› — ничего» (XXIX, 189; ср. 172).

Надо сказать, что Герцен до конца жизни делал орфографические ошибки в своих французских рукописях и письмах. Не всегда давалось ему согласование времен и правильное применение сослагательного наклонения.

** В своем дневнике 1852 г. Торе сделал запись: «Среди изгнанников всех наций наиболее разумным и истинным представителем всеобщей Революции является, по-моему, Герцен» («Souvenirs et pensées de Théophile Thoré (1807—1869)».— «Nouvelle Revue Retrospective», 1901, N 86, p. 82).

Французский друг Герцена, А. Таландье, в открытом письме к нему, появившемся в первой книжке «Полярной звезды», блестяще определил характер его деятельности: «Вы стараетесь, чтоб Запад и Россия поняли друг друга на почве революции, чтоб будущее единство народов основалось не на самовластии, а на свободе, было бы вольным братским признанием друг друга. Я не знаю цели в наше время,— добавлял Таландье,— которая была бы выше и благороднее вашей».

Наметившееся после Парижской мирной конференции 1856 г. тесное сближение между бонапартистской Францией и императорской Россией сильно встревожило Герцена. В своей французской брошюре «La France ou l'Angleterre?», специально написанной по этому поводу, он горячо доказывал, что нынешняя Франция не может являться для России достойной попутчицей в будущее, что союз с нею и бесплоден, и вредоносен. Эта «воинственная, солдатская» Франция, утверждал Герцен, находится в состоянии деградации; в ней свирепствует политический террор, уничтожающий «мысль и стремления», преследующий «сожаление и скорбь», развращающий, подкупающий деньгами и орденскими крестами. «Если позволить этому так продолжаться,— предупреждал Герцен,— то через одно-два поколения излечить народ, имеющий лишь сбивчивые понятия о праве, возможно, будет уже слишком поздно». При этом он горячо рекомендовал французам взять на себя «великий труд внутренней перестройки», прислушаться к голосу своих серьезных мыслителей и не только подвергнуть отрицанию монархическую и феодальную Францию, но и Францию поверхностного либерализма, Францию Беранже, благоговейно хранящую в памяти громовые победы Наполеона (XIII, 228—253).

После появления в 1854 г. во влиятельнейшем парижском журнале «Revue des Deux Mondes» двух больших статей о Герцене, написанных критиком и переводчиком И. Делаво, он может уже безоговорочно считаться всеевропейской знаменитостью. Первая из этих статей была посвящена философским и художественным произведениям Герцена [54], вторая, вызванная выходом в свет русского издания «Былого и дум», представляла собой перепечатку (в виде выдержек) значительной части «Тюрьмы и ссылки».

Несмотря на поверхностный характер этих «добрых, но уж очень глупо консервативных» статей (VIII, 406; XXV, 204), в них встречались «крайне лестные» характеристики Герцена, прочно усвоенные затем французской и вообще зарубежной критикой,— о его исключительной талантливости и о высоком месте, занимаемом им в первых рядах современной русской литературы среди выдающихся последователей Гоголя.

Французские критики утверждали, что одна страничка Герцена вернее раскрывает внутреннюю жизнь России, национальную душу народа и сущность вещей, чем длинные, кропотливые описания других мемуаристов. «Правда сверкает в его умных воспоминаниях со всей прелестью неожиданности»,— писал один из рецензентов [55].

С почти единодушным одобрением отозвалась парижская пресса на изданный во Франции в 1860—1862 гг. очень хороший, по мнению Герцена, авторизованный им перевод начала «Былого и дум» (X, 381), который был напечатан Э. Дантю в трех томах под названием «Le monde russe et la révolution» (название это Герцен находил «скверным» — XXIX, 131) *. Рецензенты превозносили громадный талант Герцена, его редкий интеллект, «свежесть чувств», цельность верований, мощь и разнообразие познаний, «почти женскую впечатлительность», предельную искренность. Отдавалось должное и искусству, с которым Герцен «приоткрывал для публики святилище своих личных переживаний» [56].

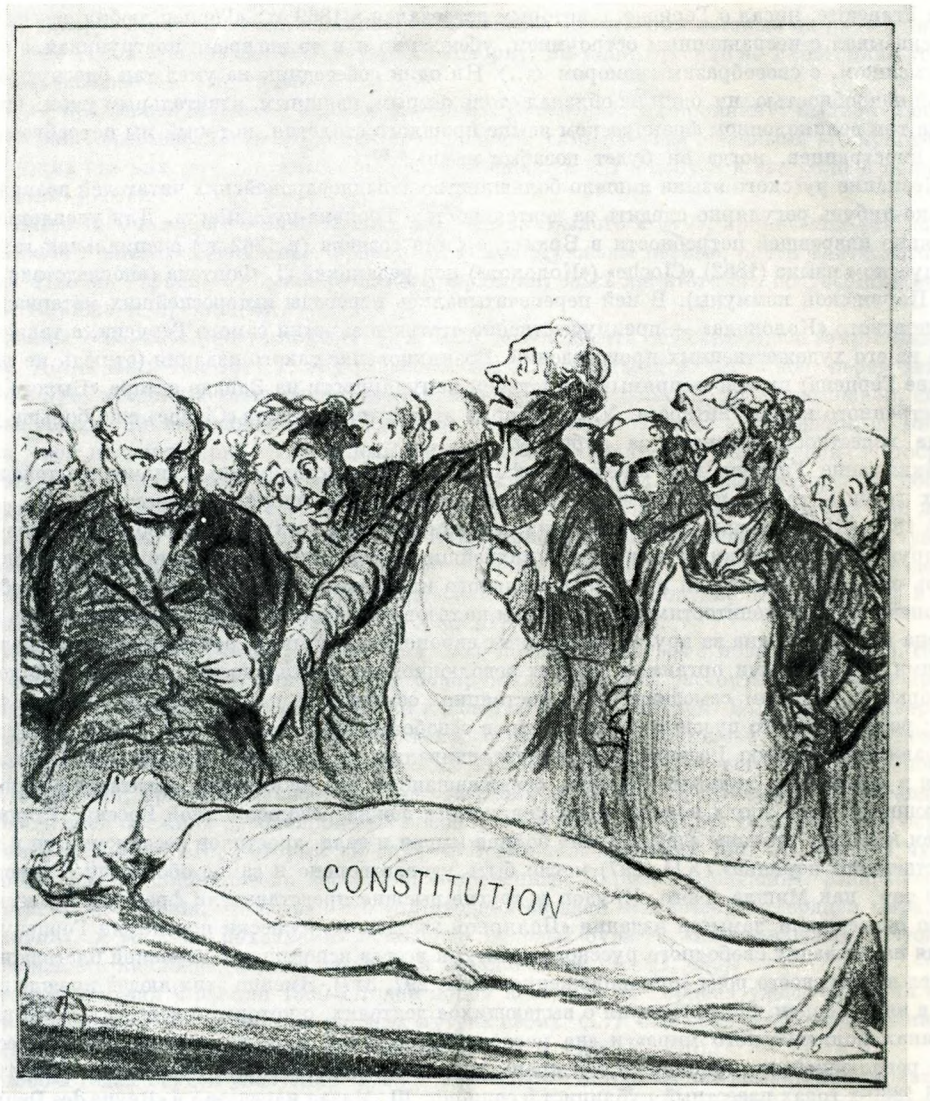
В предисловии к этому изданию переводчик особенно акцентировал исключительную верность красок Герцена и объективность при создании портретов современников, несмотря на едкость и иронию, свойственные его таланту.

Гюго охарактеризовал «Былое и думы» как «летопись чести, веры, высокого ума и добродетели». «Вы заставляете ненавидеть деспотизм, вы способствуете уничтожению чудовища; в вас виден неустрашимый боец и великодушный мыслитель. Я с вами!» — писал он автору после прочтения первого тома издания Дантю [57].

Мишле нашел в книге Герцена «сотни вещей, трепещущих жизнью». «Все, что исходит из-под вашего пера, носит на себе яркую печать оригинальности, остроумной и красноречивой»,— заявил он в письме к Герцену (*Л* VI, 131).

---

* Переводчик указал в предисловии, что заглавие было им изменено не из рекламных соображений, а потому, что в придуманном им названии книги «ясней и отчетливей» проступает ее главная тема. Интересно также указание Делаво, что перевод был просмотрен Герценом в рукописи и что все его пожелания были учтены (ср. XXV, 326).



УРОК АНАТОМИИ
Литография О. Домье
«Charivari», 21 августа 1869 г.

Французская пресса 1850—1860-х годов отмечала беспощадную прозорливость Герцена, его энергическую мысль, сосредоточенную страсть, поразительную чистоту побуждений, а также изящество и силу его французского слога [58].

Зарубежные знакомые восхищались и *устной* французской речью Герцена. Это «человек редких достоинств и изумительный собеседник», отмечалось в одной из французских газет (1865) [59]. Рафинированные стилисты и блистательные знатоки французского литературного языка братья Э. и Ж. Гонкуры артистически оценили в своем дневнике его «мягкий, медлительный говор», «тонкие, изящные, отточенные, иногда даже изощренные мысли», которые «всегда уточняются, освещаются словами», приходящими к нему «не сразу, но зато каждый раз удачно» * [60]. А Ж. Кларти, историк, прозаик, драматург и публицист, впоследствии директор Со-

* П. Д. Боборыкин несколько иначе характеризовал французскую речь Герцена. Описывая встречу и «диалектический турнир» автора «Былого и дум» с известным философом-позитивистом,

médie Française, писал о Герцене, с которым встречался в 1869 г.: «Герцен любил рассказывать и рассказывал с несравненным остроумием, убежденно и в то же время подтрунивая, с гортанным смешком, с своеобразным юмором ⟨...⟩ Ни один собеседник не умел так блеснуть неожиданной подробностью, ни один не обладал столь острым, изящным, язвительным умом. Он говорил на том великолепном французском языке прошлого столетия, который мы потребуем обратно у иностранцев, когда он будет позабыт нами» * [62].

Незнание русского языка лишало большинство западноевропейских читателей возможности сколько-нибудь регулярно следить за деятельностью Герцена-публициста. Для удовлетворения этой явно назревшей потребности в Брюсселе была создана (в 1862 г.) специальная газета на французском языке (1862) «Cloche» («Колокол») под редакцией Л. Фонтена (впоследствии участника Парижской коммуны). В ней перепечатывались переводы интереснейших материалов из герценовского «Колокола» — преимущественно статьи и заметки самого Герцена, а также некоторые из его художественных произведений. Возникновение такого издания (отнюдь не по инициативе Герцена) являлось прямым следствием популярности на Западе автора «Былого и дум» и обостренного к нему интереса. Удовлетворяя этот интерес, газета «Cloche» еще больше увеличивала известность Герцена за рубежом.

Включение Герцена в «Panthéon parisien» — «Альбом современных знаменитостей» начала 1860-х годов — также красноречиво свидетельствует о его широкой известности.

В 1850—1860-х годах (живя в Англии, а затем в Швейцарии) Герцен продолжал поддерживать дружеские отношения и переписку с виднейшими представителями французской демократии. Теперь он мог не опасаться пренебрежительного или покровительственного тона при общении с европейскими знаменитостями, так как сам пользовался известностью в западном мире. Книги Герцена выходили одна за другой на главных европейских языках, рецензировались значительнейшими зарубежными органами печати; революционная деятельность издателя «Колокола», его борьба с русским самодержавием постоянно освещались периодической печатью разных стран; роль «великого русского изгнанника» в освобождении крепостных, а также его влияние на правительственную Россию даже преувеличивались и обрастали всякого рода легендами. Яркая и самобытная личность Герцена, отражавшаяся в его сочинениях, вызывала восхищение. Выдающиеся люди эпохи видели в нем подлинного вождя революционной России. Таким отношением к себе со стороны «неутомимых бойцов мысли и дела, апостолов независимости и нового общественного порядка» (XII, 297) могло быть удовлетворено и самое обостренное самолюбие.

О том, как Мишле, Гюго, Прудон и другие высшие представители французской культуры горячо поддержали замысел издания «Полярной звезды» и дружески протянули Герцену руку, «придя на закладку свободного русского дела», он всегда вспоминал с глубокой благодарностью и видел в этом своего рода «рукоположение» (XII, 297, 317). Именно этих людей прежде всего и имел в виду Герцен, когда говорил о выдающихся деятелях, с которыми встречался «на высших вершинах политического мира» и «на последних маковках литературного и артистического», когда революцией его прибило «к тем краям развития, далее которых ничего нет» (IX, 112).

В 1860-х годах известный публицист и социолог Ш. Мазад напечатал в «Revue des Deux Mondes» ряд серьезных статей о пореформенной России, охарактеризованных Герценом как «блестящие и превосходные картины» (XX, 52). Заметное место в них уделено издателю «Колокола». «Могущество г. Герцена в России поразительно,— писал Мазад в первой статье.— Это истинный диктатор нового поколения; и в признании, что его нравственный авторитет одерживает верх над материальным авторитетом самого правительства, нет ни малейшего преувеличения. Без всякого тщеславия может он сказать, что в состоянии померяться силами с Александром II и обращаться с ним, как равный с равным. К тому же это литературный талант, полный мощи и страсти; он владеет красноречием иронии и негодующей насмешки. Он рожден агитатором, великолепно умеет

создателем четырехтомного «Словаря французского языка» Э. Литтре, мемуарист писал: «И тут я сразу увидел, до какой степени Герцен, несмотря на продолжительное пребывание за границей, остался русским человеком и москвичом 30-х и 40-х годов. Говорил он бойко по-французски, но думал по-русски, и нам всем, присутствовавшим при этом состязании, было заметно, что старик Литтре часто затруднялся сразу схватить то или иное выражение Герцена; его слова были французские, а обороты — русские» [61]. Между тем «настоящие французы» именно это своеобразие особенно ценили во французском стиле Герцена, предпочитая его гладкому и нормализованному строю языка.

* Как уже отмечалось мною в начале статьи, в детстве и отрочестве Герцен учился у французских эмигрантов, они-то и передали ему свое произношение с некоторыми особенностями, характерными для XVIII в. и уже утраченными в самой Франции.

вызывать доверие своих соотечественников, пользоваться всеми особенностями их национального духа — и до такой степени искусно, что, как говорят, ни один русский не в состоянии устоять перед воодушевлением его слова...»

«Это,— продолжал Мазад,— человек глубоких убеждений, он проникнут пылкой любовью к своей родине; возвышенность его характера признана самыми ожесточенными его врагами» [63].

В других статьях того же цикла Мазад возвращается к Герцену и к его роли в политической жизни России [64].

Франции 1860-х годов посвящена последняя глава «Былого и дум», иронически озаглавленная «La belle France» («Прекрасная Франция»). В ней отражены первые, почти фантасмагорические впечатления Герцена от бонапартистской Франции; здесь же итоги его позднейших наблюдений в Париже и провинции.

Границы «*смирительной* империи» (XI, 515) почти десять лет оставались закрытыми для Герцена. Когда же летом 1861 г. ему разрешен был наконец въезд во Францию, перед автором «Былого и дум» предстала совершенно «незнакомая страна», спокойная, уравновешенная, словно прибитая градом. До неузнаваемости изменился перестроенный Париж, утративший, по мнению Герцена, свой прежний ярко выраженный национальный характер. Нравственная стертость бонапартистского Парижа поразила Герцена. Это был не тот город, который он прежде любил и ненавидел; не тот, в который стремился с детства; не тот, который покидал с проклятьем на устах. Это был Париж, утративший свою личность, равнодушный, откипевший. Во всем чувствовался постоянный гнет сильной руки. Полиция — зримо и незримо — присутствовала везде и во всякое время; ужасающий конформизм французской жизни проявлялся во всем, особенно в журналистике и искусстве (см. XI, 490—494; XX, 617; ср. X, 325).

В следующие свои приезды Герцен стал мало-помалу свыкаться с новым Парижем. Не все ростки общественной жизни, как он вскоре обнаружил, оказались растоптанными бонапартистской реакцией — многое продолжало расти и развиваться под спудом. В Латинском квартале, по мнению Герцена, медленно, но неотвратимо созревало революционное и социалистическое будущее Франции. Студенческая молодежь 1860-х годов поразила Герцена своей серьезностью, трезвостью мысли, принципиальностью. Она отвергала не только официальную пропаганду, но и отжившие идеи прежних революционных вождей, в частности П. Леру. Вызывал у нее осуждение и «старик-поэт» Гюго, который по случаю Всемирной выставки 1867 г., потеряв чувство реальности, идолопоклоннически восхвалял современный Париж — «падший», развращенный, бонапартистский Париж,— называя его «путеводной звездой человечества, сердцем мира, мозгом истории», и «пьянил похвалами» поколение молодых буржуа, «измельчавшее, ничтожное, самодовольное и кичливое, падкое на лесть и избалованное...» (XI, 499).

Провинциальная Франция 1860-х годов порой наводила на Герцена ужас: во время своих поездок он убедился в том, что она «во всех нутрах своих ⟨...⟩ еще находится в состоянии времен Тюрго», т. е. на уровне второй половины XVIII в. (XXIX, 370).

В 1860-х годах Герцен увлеченно читал и перечитывал исторические романы двух соавторов-эльзасцев — Эркмана и Шатриана: нашумевшую «Историю новобранца 1813 года», «Мадам Тереза, или Волонтеры» и «Историю одного крестьянина». Он находил, что это «превосходные вещи по простоте, верности и пр.», в которых «галльский элемент исправляет недостатки тевтонства, а тевтонство смягчает галльский элемент». Все отзывы Герцена о произведениях Эркмана-Шатриана в высшей степени хвалебны. Особенно ценил он их огромное познавательное значение. «История одного крестьянина» для него — самая живая история Великой французской революции. «Рельефнее трудно представить эту эпоху»; «ярче картин из времен французских войн мало найдете»: «Дант бледнеет в своей хирургической поэзии, в своих описаниях божественного бесчеловечья перед очерками Эркмана и Шатриена»,— утверждал Герцен (XIX, 108; XXVIII, 12, 14; XXX, 142, 156).

Среди бумаг писателя сохранилась вырезка из какой-то французской газеты от двадцатых чисел мая 1868 г. со статьей-отчетом о судебном процессе над рабочими, членами Парижской секции I Интернационала, обвиненными в нарушении закона о собраниях. В этой статье воспроизведена речь Л. Э. Варлена, рабочего-переплетчика, впоследствии одного из руководителей Парижской коммуны, расстрелянного версальцами.

Обращаясь к своим буржуазным судьям, Варлен восклицал:

«Почва проваливается под вашими ногами — берегитесь!

Класс, только что появившийся на мировой сцене, чтобы воплотить в жизнь несколько великих идей общественной справедливости, класс, который был угнетен при всех правлениях,

класс труда, намерен принести начала возрождения 〈...〉 Один лишь ветер полной свободы может очистить эту атмосферу, пропитанную беззаконием и столь чреватую грозными бурями для грядущего.

Когда один класс утратил свое моральное превосходство, доставившее ему главенство, он должен поспешить стушеваться 〈...〉 Пусть же поймет наконец буржуазия 〈...〉, что ей остается только слиться с молодым классом, приносящим с собой мощное возрождение, равенство и солидарность в свободе».

Последний абзац приведенного отрывка отчеркнут на полях Герценом. Отчеркнуто им и начало статьи с информацией о Парижской секции Интернационала и о вынесении приговора. Этот документ представляет собой характерную иллюстрацию к известному тезису В. И. Ленина об интересе, проявлявшемся Герценом к I Интернационалу [65].

В течение 1868 г. Герцен и Огарев издавали в Женеве как продолжение русского «Колокола» газету на французском языке «Kolokol (Cloche)» с подзаголовком: «Обозрение социального, политического и литературного развития в России». В этой газете и в Прибавлении к ней напечатаны десятки французских статей и заметок Герцена, обращенных к французской и общеевропейской демократической аудитории. Как и в конце 1840-х годов, Герцен доказывал западным читателям, что, помимо царской России, «воинственной и деспотической, завоевательной и агрессивной», существует *подлинно народная* Россия, вступившая на путь открытой общественной борьбы. При этом Герцен подвергал ожесточенной критике социальную систему Западной Европы, ее нравственность и цивилизацию, «часы» которой, по его мнению, «уже остановились» (XX, 51—70). Герцена возмущало и приводило в бешенство «высокомерное невежество» французов, особенно в отношении народной и революционной России, которую они отождествляли с Россией правительственной, официальной.

В «серьезных кругах» Франции эти статьи Герцена производили сильное впечатление. Некоторые из статей, по его собственным словам, были написаны «бойко и с петардами»; в других он «бархатной перчаткой» подавал «французам» «полынную пилюлю». Язык этих французских статей Герцена «безмерно хвалил» сам Гюго (см. XXIX, 163; XXX, 167).

Герцен перепечатал в «Kolokol» перевод своего «Доктора Крупова», появившийся на французском языке двадцатью годами ранее в парижском журнале «Revue Française» [66]. Специально переведенный им самим рассказ «Aphorismata к психиатрической теории доктора Крупова» также напечатан был в «Kolokol» 1868 г.

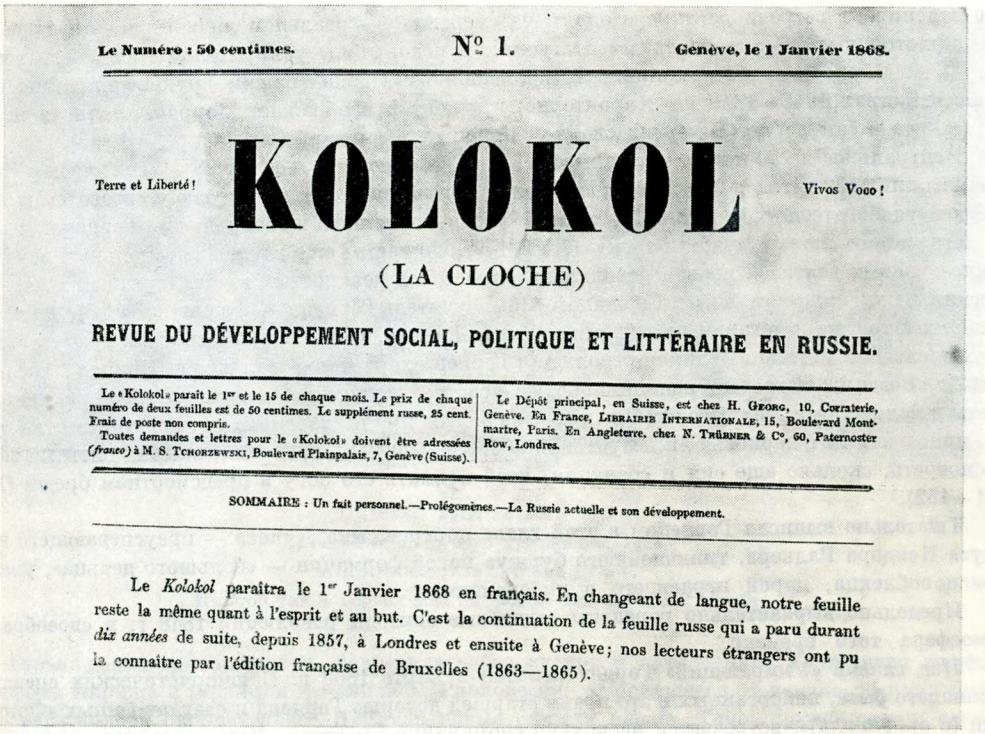
«Успех Крупова в Париже очень велик — помирают, хохочут да и только. Каков старина!» — не без удивления отмечал Герцен. «Об этом бедняге нет двух мнений — все им довольны...»; «Насколько нас наши стали меньше ценить,— настолько чужие любят и ценят больше — странно»,— писал он в это время (XXIX, 308—310; XXX, 128).

Отдельные главы «Былого и дум» и «С того берега», появившиеся в «Kolokol» на французском языке, также произвели, по словам Г. Н. Вырубова, «большую сенсацию» в Париже, т. е. «в молодом Париже» (XXX, 21). Это поставило на очередь вопрос о публикации во Франции неизвестных там глав и частей, а также о переиздании в дополненном виде уже распроданных томов перевода «Былого и дум» — «Le monde russe et la révolution». Эту идею горячо поддерживали Мишле, Кине и Гюго. И Герцен вступил в переговоры с брюссельскими и парижскими издателями.

В конце 1868 г. Герцен принял решение прекратить издание «Kolokol». Свою попытку «рассказывать нашим соседям историю наших могил и наших колыбелей» он признал ошибочной и ненужной: «Мы мешаем им, нам присуща неуклюжая, несносная правдивость, бестактность варваров и неумолимая, дерзкая логика» (XX, 399—402) — так объяснял он причины ликвидации «Kolokol». Этот шаг сильно огорчил французских друзей Герцена. «Никто не сожалеет больше меня о „Kolokol“,— писал ему Э. Кине.— Ничто его не заменит. Я испытываю потребность поблагодарить вас за прекрасные часы, которыми я вам обязан. Каждый из ваших номеров был для меня ослепительным *северным сиянием* на нашем немом Западе» (XX, 566) *.

Художественные произведения Герцена конца 1860-х годов — серия очерков «Скуки ради» и повесть «Доктор, умирающий и мертвые» — можно, пожалуй, назвать «самыми французскими» во всем творческом наследии Герцена, исключая «Письма из Франции и Италии». Это не только

* Это письмо Кине Герцен опубликовал в подстрочном примечании к своему французскому переводу статьи «Мазурка», сделанному по настоянию того же Кине, который безмерно восхищался этим памфлетом. «La mazourka» вышла в Женеве в 1869 г. с посвящением Кине. Последние слова Кине были, вероятно, ошибочно разобраны Герценом, и их следует читать: *и в нашей западной ночи.*



Le Numéro : 50 centimes. № 1. Genève, le 1 Janvier 1868.

Terre et Liberté! **KOLOKOL** Vivos Voco!

(LA CLOCHE)

REVUE DU DÉVELOPPEMENT SOCIAL, POLITIQUE ET LITTÉRAIRE EN RUSSIE.

Le «Kolokol» paraît le 1er et le 15 de chaque mois. Le prix de chaque numéro de deux feuilles est de 50 centimes. Le supplément russe, 25 cent. Frais de poste non compris.
Toutes demandes et lettres pour le «Kolokol» doivent être adressées (*franco*) à M. S. Tchorzewski, Boulevard Plainpalais, 7, Genève (Suisse).

Le Dépôt principal, en Suisse, est chez H. Georg, 10, Corraterie, Genève. En France, Librairie Internationale, 15, Boulevard Montmartre, Paris. En Angleterre, chez N. Trübner & C°, 60, Paternoster Row, Londres.

SOMMAIRE : Un fait personnel.—Prolégomènes.—La Russie actuelle et son développement.

Le *Kolokol* paraîtra le 1er Janvier 1868 en français. En changeant de langue, notre feuille reste la même quant à l'esprit et au but. C'est la continuation de la feuille russe qui a paru durant *dix années* de suite, depuis 1857, à Londres et ensuite à Genève; nos lecteurs étrangers ont pu la connaître par l'édition française de Bruxelles (1863—1865).

ПЕРВЫЙ НОМЕР ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ «КОЛОКОЛА»
Женева. 1 января 1868 г.
Фрагмент первой страницы

разностороннее (намеренно фрагментарное, «мозаичное») воссоздание жизни Второй империи, но и своего рода квинтэссенция философских, политических и эстетических взглядов Герцена на современную Францию. Значительную часть этих двух взаимно связанных сочинений занимают диалоги лирического героя с главным персонажем — разговорчивым доктором-французом, чудаковатым, но очень умным, много повидавшим, много испытавшим на своем веку эксцентричным человеком, сохранившим до старости лет душевную теплоту и «несколько угловатый юмор» (XX, 456).

Еще в 1865 г. Герцен познакомился в южнофранцузском городе Монпелье с врачом-физиологом, членом Французской академии Ф. А. Лонже (1811—1871) — «веселым», «добрым и прекрасным» французом. В одном из своих писем, а также в «Скуки ради» и в статье «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский» он воспроизвел живую и остроумную реплику Лонже во время их совместной прогулки (см. XIX, 38—39; XX, 446; XXVIII, 14—15). Характернейшие особенности речи Лонже в передаче Герцена так близки по манере и колориту к «диалекту» главного персонажа «Доктора, умирающего и мертвых» (скорее, так *совпадают*), что можно без всякой натяжки предположить в Лонже прототипа (или одного из прототипов) герценовского доктора.

Французский «доктор Крупов» подвергает справедливой, хоть и едкой критике презираемый им буржуазный мир, буржуазное мировоззрение, нравы и нравственность; с глубоким отвращением отзывается он, в частности, о бонапартистском режиме, колониальной политике Франции, либеральных фразерах, погубивших революцию 1848 г., предавших народные интересы во имя частной собственности и права на стяжание. Клеймит он и беспринципный, навязчивый и хищный клерикализм. Взгляды доктора — это чаще всего взгляды самого Герцена; они проникнуты безотрадным скептицизмом в отношении ближайшего будущего Франции и разочарованием в результатах всех трех французских революций, особенно революции 1848 г., очевидцем которой, как и Герцен, был доктор.

Для главного героя повести, как и для Герцена, совершенно ясна неизбежность «свирепого» столкновения в недалеком будущем между трудом и капиталом. Рельефно переданы в повести и

впечатления от встречи доктора с одним из «мертвых» — реальной личностью — преуспевающим, плотоядным и самодовольным отступником революции, усмирителем Июньского восстания — А. Маррастом, беспринципным «временщиком», захватившим руководящие посты в правительствах 1848—1849 гг. Характерно, что доктор изображает Марраста точно в том же ключе, что и сам Герцен в других своих сочинениях и письмах (см., напр., VI, 63).

Центральное место в повести занимает глава «Умирающий» и ее герой — «святой Дон-Кихот революции» 1790-х годов Лукас Ральер, доживающий свой век на хлебах у своего сына и невестки, разбогатевших «мещан». Этот образ и раньше вставал в воображении Герцена, наводя на него, по его словам, «ужас и тоску» (XVI, 149). Он застал еще в живых нескольких величественно-суровых деятелей первой революции, «апостолов девяностых годов» (среди них наряду с известным художником А. Ф. Сержаном * был учитель Герцена — француз Бушо), принадлежавших к той же категории людей, что и Лукас Ральер. Невыразимый трагизм существования этих последних могикан Великой революции Герцен охарактеризовал еще в «Концах и началах» (1862): «Везде его встречает непониманье, безучастье, осужденье, полускрытый упрек, мелкие счеты и мелкие интересы. Его якобинских слов боятся при посторонних ⟨. . .⟩ Его невестка мучит его примирением с церковью, и иезуитский аббат шныряет по временам, как мимолетный ворон, посмотреть, сколько еще сил и сознания, чтоб поймать его богу в предсмертном бреде» (XVI, 151—152).

Тщательно выписан Герценом в этой главе портрет сына Лукаса — преуспевающего нотариуса Изидора Ральера, типичнейшего буржуа новой формации — «большого дельца», умелого приспособленца, порой играющего в либерализм.

Предельно выразительно переданы отдельные эпизоды революции 1848 г. и своеобразная атмосфера того времени.

Над главой «Умирающий» Герцен работал в марте 1869 г. В юмористических сценах из домашнего быта, набросанных в это время старшей дочерью Герцена и озаглавленных «Фотографии (с оригинала)», встречается несколько упоминаний о повести «Доктор, умирающий и мертвые» и об одном ее персонаже — священнике-иезуите отце Амаранте (этим придуманным им именем, означающим в переводе «бессмертник», Герцен, как оказывается, был особенно доволен). Судя по «Фотографиям (с оригинала)», Герцену очень хотелось, чтобы глава «Умирающий» возможно скорее была переведена на французский язык, дабы «побесить французов поганых». В этих же сценках воспроизводятся — несколько заостренно и с заметным пародийным оттенком — желчные реплики Герцена вроде следующей: «Скаттина этот Emile Girardin. Нет, с каждым днем я Францию больше и больше ненавижу ⟨. . .⟩ Один только человек и есть у них, который что-нибудь да понимает,— зато мошенник» ** [67].

«Мои „Доктор и умирающий француз“ делают всеобщий фурор...»,— писал Герцен из Брюсселя в августе 1869 г. (XXX, 163),— по-видимому, он сам читал эту повесть брюссельским знакомым в собственном неизвестном нам переводе.

В конце 1860-х годов перед Герценом с большой остротой встал вопрос о выборе постоянного местожительства. Мысль «пристроиться» в Париже, продолжавшем, несмотря ни на что, оставаться центром европейского общественного движения, политической, научной, литературной и художественной жизни, напрашивалась сама собой. Однако бонапартистский режим был глубоко ненавистен Герцену, и ему казалось, что жизнь в Париже окажется для него невыносимой, несмотря на существенную либерализацию режима, проводившуюся с 1868 г. Наполеоном III. «Оставьте мысль, что я ненавижу Францию и Париж, я просто *вижу* ⟨. . .⟩,— так отозвался он на совет одного из друзей переехать в Париж.— Если б моя борьба, мое ремесло жизни было в Париже, я не задумался бы ни на минуту и переселился бы туда ⟨. . .⟩ Но добровольно, без пользы, нанять квартиру возле полицейской секальни — и слушать, как секут других,— не хочу» (XXX, 55).

Между тем политическая обстановка во Франции стала заметно меняться. Крупный успех антиправительственной оппозиции на выборах, обличительный тон радикальной прессы, рост стачечного движения, усиливающееся влияние I Интернационала — все говорило о близости падения Второй империи.

---

* Сержан умер летом 1847 г. в Ницце, за несколько месяцев до приезда туда Герцена, который о нем там, наверно, много наслышался.

** Имеется в виду тот же Э. Жирарден. Ср. в одном из писем Герцена 1869 г.: «Надобно опять их ошельмовать — дураки, т. е. франц⟨узские⟩ публицисты. Е. Жирарден всех умнее» (XXIX, 153).

ПАРИЖ. УЛИЦА РИВОЛИ
Гравюра неизвестного художника, 1854
«Illustration», 28 октября 1854 г.
На этой улице Герцен жил последние недели своей жизни

«Гроза, давно собиравшаяся, разразилась без ударов и потрясений. Удушливая тяжесть атмосферы Парижа и Франции изменилась. Равновесие, устроившееся от начала реакции после 1848, нарушилось окончательно. Явились новые силы и люди». Такой постскриптум сделал Герцен к повести «Доктор, умирающий и мертвые» летом 1869 г. (XX, 555; ср. 572).

«Поспала Франция довольно,— кажется, она просыпается»,— читаем мы в одном из его писем, также относящихся к этому времени (XXX, 134).

Прежде чем окончательно решиться на переезд в Париж, Герцен отправляется туда для изучения обстановки на месте. Париж на этот раз показался ему «пёклом». Атмосфера там была насыщена электричеством, во всем чувствовалась близость грозы. «Здесь хаос, и мы бродим на вулкане 〈. . .〉 Эта страница парижской жизни стоит томов»,— писал он Огареву (XXX, 222—223).

В Париже Герцен часто встречается с политическими деятелями разных группировок оппозиционных партий, с писателями и учеными; он чуть ли не ежедневно бывает в редакциях радикальных периодических изданий, на собраниях и митингах, с обостренным интересом ко всему присматривается и прислушивается, приходя к неутешительному выводу, что острый кризис переживается не только правительством, но и его оппонентами. В революционных кругах Герцен обнаруживает полнейшее отсутствие единства, разброд, междоусобную борьбу, неутихающую взаимную ненависть. Накал политических страстей, впрочем, вызывает в нем своего рода уважение к враждующим борцам, которые в своих столкновениях доходят до «героизма», или, как формулирует Герцен, «до сумасшедшей отваги» (XXX, 222, 516).

По словам современника, общественная жизнь Парижа, тревожная и бурная, волновала в это время Герцена, «точно молодого политического бойца. Он ходил всюду, где проявлялось брожение, посещая публичные лекции и сходки...» [68]. Прежний пессимизм по отношению к Парижу уже прошел, но все же «сангвинических упований» у него не было (XXX, 208).

В Париже оказалось «много хорошего и серьезного». Для Герцена бесспорно, что история совершает «свой акт» именно теперь и именно здесь. Многое самым волнующим образом напоминает Герцену Париж 1848 г. В предвидении близких революционных потрясений он задумывается над странностями своей жизненной судьбы, явно предназначающей его для наблюдения «над новым кризисом старой болезни» и для ее описания... «Я был накануне 24 фев〈раля〉 1848 г. в Париже и писал мои письма об нем. Я был при Июньской борьбе 〈. . .〉 и — судьба опять достается мне через двадцать лет схватить несколько черт» (XXX, 200, 224, 227, 299, 516—517) *.

---

* В парижских газетах 1869 г. время от времени появлялась информация о Герцене, и из этого он сделал вывод, что продолжает «числиться по львам». Он вообще чувствовал, что там «очень хорошо поставлен» (XXX, 176, 200).

Внезапная, неожиданная, преждевременная смерть помешала, однако, Герцену стать очевидцем и летописцем надвигающихся событий всемирно-исторического значения — Франко-прусской войны, падения Второй империи, торжества Парижской коммуны, славного ее двухмесячного существования и кровавого разгрома версальцами...

Демократическая Франция восприняла уход из жизни великого русского публициста и революционера как горькую и невосполнимую утрату.

Опасаясь антиправительственных выступлений, французская политическая полиция приняла ряд провокационных мер для их предупреждения. За прахом Герцена все же следовало несколько сот французов — рабочих, активных участников революции 1848 г., политических деятелей, журналистов, литераторов, ученых [69],— во много раз больше, чем при похоронах другого великого изгнанника, Г. Гейне, также скончавшегося в Париже четырнадцатью годами ранее.

Смерть Герцена вызвала во французской прессе разных направлений многочисленные некрологи. В них отмечались масштабы потери, давалась оценка Герцену как личности, гражданину, революционному борцу, художнику и публицисту. Отмечалось историческое значение общественной деятельности этого «великого русского патриота», его «огромный интеллект», «жгучая ирония», «доблестное сердце», «редкая энергия», «доброта». «Ум, страстность, красноречие являлись характернейшими чертами его таланта»,— указывалось в одном из некрологов. Сравнивая Герцена с прославленным оппозиционным публицистом А. Рошфором, газеты отдавали предпочтение Герцену за его «более возвышенные взгляды» и «более серьезный патриотизм» [70].

Что касается реакционной печати, то она сделала попытку снизить революционный авторитет Герцена, безапелляционно утверждая, будто он под конец жизни отошел от своих прежних убеждений и окончательно примирился с самодержавием. Этим инсинуациям дал решительный отпор М. А. Бакунин в большой статье о Герцене, напечатанной в газете А. Рошфора «Marseillaise» [71].

«Вчера угас голос сотни миллионов людей: великий представитель славян Искандер-Герцен умер,— писал Ж. Мишле.— Нам в Париже ⟨. . .⟩ выпало на долю принять его с распростертыми объятиями, сказать ему о том глубоком братском чувстве, которое мы ⟨к нему⟩ питаем» (*Л* XXI, 562—563).

Из всего, что написано было в это время о Герцене во Франции, своей глубокой проникновенностью выделяется некролог А. Таландье в газете «Démocratie». Причисляя «величайшего изгнанника» и «величайшего мыслителя» России к «самым великодушным, к самым нежным, подлинно гуманным сердцам, которые любовь к справедливости и ненависть к преступлению и лжи заставляли когда-либо биться», Таландье заключал: «Пусть Россия, являющаяся добычей реакции ⟨. . .⟩ даже не понимает теперь размера понесенной ею жертвы; мы убеждены тем не менее, что великий голос, недавно умолкший, вскоре будет услышан, признан, вызовет последователей и влияние его будет тем более могущественно, чем мучительней была жертва, которую он сумел принести. Близок день, когда ⟨. . .⟩ вся европейская социалистическая демократия наденет траур по этому великому гражданину, великому изгнаннику. Отныне Франция, на долю которой выпало хранить бренные останки Герцена, будет верно оберегать эту могилу — залог мира и дружбы между Западом и русским народом» [72].

На родине Вольтера имя Герцена не забыто и теперь. Издаются переводы его сочинений; время от времени выходят в свет посвященные ему монографические работы; разыскиваются и публикуются отдельными книгами и в периодической печати разного рода документальные материалы. Рукописи Герцена и его переписка, хранящиеся во французских архивах и библиотеках, систематически изучаются и становятся достоянием французской, советской и мировой науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Лит. наследство», т. 63, с. 522.

[2] Некролог А. Таландье в «Démocratie» (там же, с. 529—530).

[3] Эти строки из «Гофмана» явно перекликаются с яростной инвективой против Вольтера, его «отвратительной улыбки» и «злокозненного влияния» в поэме А. де Мюссе «Ролла» (гл. IV). Поэма вышла в свет в 1833 г., т. е. именно тогда, когда Герцен писал «Гофмана».

[4] *Письма М. А. Бакунина*, с. 209 (письмо от 23 июня 1867 г.).

[5] Г. Н. Вырубов. Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров).— «Вестник Европы», 1913, № 1, с. 61.

[6] Там же, с. 62. «Г-н Герцен близок во многом к нашим великим людям 18-го века, особенно к Дидро»,— констатировал в 1866 г. молодой французский историк Г. Моно, в будущем зять Герцена («Вопросы литературы», 1979, № 9, с. 311).

[7] «Gazette du Nord», 1860, 26.V. (цит. по «Лит. наследству», т. 41-42, с. 200).

[8] Письмо от 16 сентября 1848 г. («Лит. наследство», т. 62, с. 45).

[9] См. об этом подробно в моей статье «Клад в забытой комнате» («В мире книг», 1977, № 1, с. 82—84).

[10] Читал ли Герцен сочинения Дюкре-Дюмениля по-французски или же в русском переводе, не установлено. Заглавия приводятся здесь по русским изданиям 1800—1802 гг.

[11] «Я прочел томов пятьдесят французского „Репертуара“ и русского „Феатра“,— вспоминал Герцен,— в каждой части было по три, по четыре пьесы» (VIII, 47).

К словам «французского „Репертуара“» в 30-томном Собрании сочинений Герцена дан следующий комментарий: «Имеется в виду „Répertoire du théâtre français“, 68 vol. P., 1823—1829» (VIII, 47, 449). Это совершенно ошибочное указание. В «грудах» старых книг XVIII в., обнаруженных мальчиком около 1822 г., не могло находиться еще не вышедшее в свет серийное издание 1823—1829 гг. Надо сказать, что под этим и схожими названиями *в конце XVIII и начале XIX в.* в Париже почти одновременно выпускались разные серии пьес французского классического и современного репертуара. Одну из таких серий и читал в детские годы Герцен. Скорее всего, это была серия из 51 тома, выпущенная в 1813 г. издателями Менаром и Реймоном и, возможно, приобретенная братьями Яковлевыми для «обновления» своих парижских театральных впечатлений недавнего времени.

Серия разделена на две части: «Произведения первостепенные» и «Произведения второго порядка». Первая состоит из 23 томов — это собрание драматических произведений Корнеля (1—4), Расина (5—7), Кребийона (8—9), Вольтера (10—13), Мольера (14—20) и Реньяра (21—23); вторая часть — с 24-го по 51-й том — трагедии, драмы и комедии «второстепенных авторов». Среди них фигурируют, кстати сказать, Дидро, Бомарше, Лесаж, Мариво... Это издание имеется в Государственной театральной библиотеке (Москва).

«*Феатр*», упоминаемый Герценом, — сорокатрехтомная серия аналогичных сборников, выпускавшихся Российской академией в Петербурге в 1786—1794 гг. под заглавием «Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений». В этих сборниках напечатано 175 пьес.

[12] «Фигарова женидьба, комедия в пяти действиях, сочинения Петра Августина Карона де Бомарше. Переведенная на российской язык А. Л‹абзиным›». М., 1787. Керубино в этом переводе назван *Любимом*. Среди других действующих лиц — *Дон Гусман Оглупилов*, судья *Взяткогладков* и пастух *Стадин*. Персонажи Бомарше из‹ясняются следующим образом: «У меня от ужаса в голове засвербело», «хороша девка», «оболванил кругленько Базиля» и т. п.

[13] «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» («Полярная звезда на 1824-й год», с. 3).

[14] Как сообщает в своих воспоминаниях Т. П. Пассек, Д. П. Голохвастов по поручению отца Герцена привез из-за границы «большой ящик французских и немецких книг для Саши» (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет, т. I. М., 1963, с. 151). Когда это было и было ли вообще — не установлено. Сам Герцен об этих книгах нигде не упоминает.

[15] Т. П. Пассек отмечает одну характерную подробность, относящуюся к 1830 г.,— о совместном чтении с Герценом только что вышедшей ультраромантической трагедии Гюго «Эрнани». «Оба мы плакали над нею...» — отмечает мемуаристка (там же, с. 356).

[16] Маршаль оставил заметный след и в умственном развитии Герцена, и в его творчестве — он послужил прототипом Жозефа, благородного, кроткого, гуманного, безупречно честного и высоконравственного гувернера Бельтова в «Кто виноват?».

В этом произведении есть еще два колоритных персонажа французского происхождения. Первый из них — «француженка-мадам» Элиза Августовна, занимавшаяся с детьми супругов Негровых «одной французской грамматикой, несмотря на то, что тайна французского правописания ей не далась и она до седых волос писала с большими промахами» (IV, 46). У этой пронырливой и преуспевающей особы, надо думать, был реальный прототип: «наставница-иностранка», гувернантка сестер Тучковых, m-me Моро де ля Мельтьер, по свидетельству ее ученицы,— «уже старушка, хитрая и большая говорунья», которая с детьми «скучала и предпочитала разговаривать со старшими» (в 1840 г. Герцен посещал в Москве дом Тучковых). Второй персонаж, вероятно тоже имевший свой прототип,— г-жа Жукур, содержательница пансиона для девиц, распутная женщина, «неумолимо строгая к вопросам нравственности ближнего», одна из тех «бессрочноотпускных лореток и отставных актрис», о которых Герцен в «Былом и думах» говорит, что они «с отчаянья бросаются на воспитание, как на последнее средство доставать насущный хлеб» (IV, 81—82; VIII, 328; *Тучкова-Огарева*, 39).

[17] Пушкинский «Борис Годунов» в то время еще не был опубликован. Чтения трагедии Пушкиным в 1826 г. в Москве у Веневитиновых и в некоторых других домах явились одним из самых ярких и значительных событий московской литературной жизни второй половины 1820-х годов. Сведения о чтениях и о самой трагедии дошли до Герцена, скорее всего, через его русского учителя И. Е. Протопопова, восторженного поклонника великого поэта.

[18] *О. Барбье* — автор сборника стихов, озаглавленного по-итальянски «Il pianto» («Плач»). Возможно, что подзаголовок «Il pianto» главы «Западные арабески» «Былого и дум» (X, 116)

представляет собой реминисценцию названия книжки Барбье. Не исключено и то, что в этом заглавии — перекличка с одноименным произведением итальянского поэта У. Фосколо (ср. XXI, 271).

[19] См. воспоминания Н. И. Сазонова («Лит. наследство», т. 40-41, с. 196).

[20] С этим отзывом Герцена об «Отверженных» мог ознакомиться и сам Гюго. Французский перевод «Концов и начал» был напечатан в «Cloche» в том же 1862 г.

[21] Герцен, вероятно, имеет в виду известную работу И. Тэна о Бальзаке в книге: «Nouveaux essais de critique et d'histoire». P., 1865.

[22] «Русский вестник», 1887, № 11, с. 706.

[23] Н. А. Герцен, находившаяся под сильным влиянием Жорж Санд, была, по-видимому, немало удивлена, когда Герцен, вопреки своим теоретическим воззрениям на свободу уже находящейся в браке женщины, решительно отверг на практике (узнав о ее сближении с Гервегом) принципы, проповедовавшиеся в романах Жорж Санд.

[24] Г. Гейне. Собр. соч., т. VII. М., 1958, с. 303.

[25] А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., 1956, с. 135.

[26] В 1828 г. дядя Герцена, Л. А. Яковлев, возил его на спектакли французской труппы, в репертуаре которой были Мольер, Скриб, Делавинь и др., и это было для юноши «высшим наслаждением» (VIII, 53). В своих мемуарах Т. П. Пассек приводит любопытный эпизод, связанный с водевилем Скриба («любимым водевилем Саши Герцена») «Les premières amours, ou Souvenirs d'enfance». Позднее, в студенческие и послестуденческие годы, Герцен часто бывал в Малом театре, где преобладающее место в репертуаре занимали пьесы французских драматургов, и среди них — плодовитого Скриба. В периоды пребывания в Петербурге Герцен посещал Александринский и Михайловский театры. В последнем французская труппа исполняла на языке оригинала последние новинки парижских театров. На этой сцене Герцен, между прочим, видел известную пьесу Скриба «Geneviève, ou la Jalousie paternelle» с участием знаменитой актрисы Сильвены Арну-Плесси, которую он назвал *великой* («голос ее проникает в глубину сердца», «она тип величавой красоты, подавляющей силой, высотой» — XXII, 259).

Герцен не был ни меломаном, ни балетоманом, но с удовольствием посещал французские оперные и балетные спектакли. Либретто лучших опер того времени — «Жидовка» Галеви, «Немая из Портичи» («Фенелла») Обера, «Роберт Дьявол» и «Гугеноты» Мейербера — принадлежали, как известно, перу Скриба, и в некоторых из них Герцен «любил либретто больше музыки» (II, 265, 313).

[27] См.: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.— Л., 1964, с. 506—526.

[28] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, с. 216.

[29] Характерен в этом отношении отзыв Герцена о статье А. Лебра, посвященной Гегелю (в «Revue des Deux Mondes»): «Очень умно и проницательно написана. Честь французу. Все ловко и живо схвачено, многое понято верно и горячо» (II, 274).

[30] В «Былом и думах» Герцен упоминает о том, что его двоюродный брат А. А. Яковлев («Химик») подарил ему в 1827 г., за два года до поступления в университет, естествоведческие труды О. П. де Кандоля и Ж. Кювье (VIII, 112, 456).

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 25.

[32] Там же, с. 30.

[33] Ср.: «Лит. наследство», т. 61, с. 693—694.

[34] П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М. 1960, с. 298.

[35] Аналогичные высказывания мы находим и в разных автобиографических заметках В. С. Печерина.

[36] Об исключительно сильном влиянии французской общественной жизни и социальных учений 1840-х годов на передовую молодежь России вспоминает в своей книге «За рубежом» М. Е. Салтыков-Щедрин (Собр. соч., т. XIV. М., 1972, с. 111—114).

[37] «...Столбик с куклою чугунной//Под шляпой с пасмурным челом//, С руками, сжатыми крестом» («Евгений Онегин», гл. VII, ст. 19).

[38] «Journal de St. Pétersbourg», 1847, № 176, 11/23.

[39] П. В. Анненков. Указ. соч., с. 298.

[40] В «Письмах из avenue Marigny» Герцен приводит название только одной пьесы (О. Ф. Дювера и О. Т. Лозанна), в которой видел этого замечательного актера,— «Le docteur en herbe», назвав ее «торжеством Левассора» (XXIII, 22). Из других пьес с участием Левассора, шедших в это время, Герцен мог видеть «карнавальную шутку» Ш. Ла Варенна и Т. М. Дюмерсана «L'amour et le biberon» (Левассор исполнял в ней две роли), обозрение Ф. Ф. Дюмануара и Л. Ф. Клервиля «La poudre-coton», комедию Ла Варенна и Э. Бурже «Croquignol»; на сборных концертах, в частности на «экстраординарном представлении» во время одного бенефиса судя по газетным объявлениям, исполнялась комедия А. О. Ж. Мелесвиля, Ш. Дюверье и П. Ф. А. Кармуша «La fièvre brûlante», и в ней принимали участие «все комические артисты» Парижа, а Левассор сыграл новые сцены, озаглавленные «Le portier, ou le Jour de terme», А. О. Ж. Мелесвиля (Дювейрие) и П. Ф. А. Кармуша и танцевал с артисткой Натали «божественное па» из комедийного обозрения «La poudre-coton».

Из одной беглой реплики в «Былом и думах» по поводу актерских способностей В. А. Энгельсона («до такой *едкости* никогда не доходил Левассор, разве Грассо в лучших своих созданиях» — X, 339) можно заключить, что Герцен побывал на спектаклях с участием комика Palais Royal П. Л. Грассо, актера исключительно талантливого и оригинального, игравшего тогда в «La poudre-coton», «La fièvre brûlante» и др. «Грассо не поддается анализу. Ничто, в са-

мом деле, не может передать его взгляд, его жест, его скачкообразную и шутовскую пантомиму; ни на каком языке не найти точной ноты, которая могла бы охарактеризовать этот великолепный носовой смех, вызывавший у нас взрывы хохота»,—вспоминал один из современников («Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle», par Pierre Larousse, v. VIII. P., s. a., p. 1467).

[41] В тот вечер, когда Герцен видел в Palais Royal «Le docteur en herbe», шло еще несколько пьес, в том числе «La fièvre brûlante», «Une chambre à deux lits» неустановленного автора и «Poisson d'avril» П. Лейя. В трех последних (так же как в комедии «L'amour et le biberon») главные роли исполнял выдающийся актер П. А. Равель. Его «ужимки и фарсы» Герцен вспомнит через двадцать лет, когда вновь увидит на сцене этого заметно постаревшего, но сохранившего все особенности своей игры Равеля (см. XXX, 30).

Ведущее место в театре Vaudeville занимал Э. Арналь. Его комическое дарование, по мнению Герцена, в некоторых отношениях было выше, чем Левассора. Видел он его в популярном водевиле О. Ф. Дювера и О. Т. Лозанна «Ce que femme veut» и в пьесе Леру «Une chaise pour deux».

В театре Variété Герцен получил представление об игре двух других театральных корифеев — М. Буффе, Верне. Вскоре он охарактеризует их как «превосходных актеров всякой сцены». В этом отношении они, как считал Герцен, также были выше Левассора по таланту, однако в них он не находил той чисто французской, парижской жилки, которая так восхищала его в премьере театра Palais Royal (V, 54—55, 407).

Буффе в это время играл во многих пьесах. Особенно хорош он был, по мнению рецензентов, в специально для него написанной комедии Дюбуа-Довена «Pierre Février», в которой он создал неповторимый тип старого, лукавого и вкрадчивого бродяги из крестьян, беспощадно третирующего выскочек-буржуа. Из других пьес в его исполнении особенным успехом пользовались «Léonard le perruquier» Ф. Ф. Дюмануара и Л. Ф. Клервиля и «Turlulu» неустановленного автора.

Буффе и Верне совместно играли в «Vieux péchés» Ш. Портье, «L'enfant de troupe» Э. Дюнуайе и А. Буржуа и в «Porte-respect» Ф. Ф. Дюмануара.

[42] Жан Батист *Тест* (1780—1852) — министр-взяточник, отданный под суд летом 1847 г. и приговоренный к тюремному заключению. Герцен присутствовал на его допросе в Палате.

[43] ГИМ, ф. 342, ед. хр. 196, л. 1.

[44] «Charivari», 1847, № 188, 7.VII.

[45] Ibid., № 139, 19.V. Шарль Мари *Дюшатель* (1803—1867) — министр внутренних дел.

[46] Ibid., № 155, 4.VI.

[47] Ibid., № 162, 12.VI; Альфред *Ланн*, граф Монтебелло (?—1861) — брат наполеоновского полководца, маршала Ж. Ланна, член палаты депутатов.

[48] И. С. Тургенев. Письма, т. III. М.— Л., 1961, с. 180—181.

[49] П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки. Отд. I. СПб., 1877, с. 324—325. См. также: И. С. Тургенев. Соч., т. XIV. М.-Л., 1967, с. 130.

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 29—30.

[51] В 1857 г. Герцен говорил А. П. Милюкову: «А знаете, какая музыкальная вещь всего больше поразила меня? Это «Марсельеза», которую пели, двигаясь по парижским бульварам, двадцать тысяч блузников! Никакая оратория не произведет на меня такого потрясающего впечатления» (А. Миллюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, с. 162).

[52] Цит. по «Лит. наследству», т. 63, с. 796—797.

[53] P. J. Proudhon. Carnets, v. IV. P., 1974, p. 271.

[54] Эта статья называлась «Современный роман в России.— Г-н Александр Герцен». В ней подвергались разбору «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», «Кто виноват?», «Прерванные рассказы», а также разные политические сочинения.

[55] Статья критика О. Нефтцера в «Presse» (см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 811).

[56] См. там же, с. 812—813; т. 41-42, с. 200—201.

[57] Там же, т. 31-32, с. 830.

[58] Там же, т. 63, с. 822—823.

[59] Там же, с. 822.

[60] Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневники, т. I. М., 1964, с. 488—489.

[61] П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. II. М., 1965, с. 489. В других сочинениях Боборыкин воспроизводит этот эпизод с некоторыми любопытными вариантами: «По-французски говорил он бойко, но с московским барским акцентом. Употребляя непрестанно фразы и обороты, которые он тут же переводил с русского, он очень часто затруднял Литтре, не привыкшего к такой французско-русской диалектике» (П. Д. Боборыкин. Столицы мира (Тридцать лет воспоминаний). М., 1911, с. 496); «Литтре не сразу схватывал фразеологию своего собеседника. Герцен бойко вел французский разговор, но думал он при этом не по-французски, а по-русски и целиком переводил фразы своего полугегельянского жаргона, чем и приводил не раз Литтре в недоумение» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. II, с. 40).

[62] Ср.: Л. Ланский. Неизвестные воспоминания о Герцене» («Новый мир», 1959, № 6, с. 275—277).

[63] «Revue des Deux Mondes», 1862, 15.I.

[64] Ibid.; ср. *Л* XV, 35—36.

[65] См.: «Лит. наследство», т. 63, с. 827—828.

[66] Перевод выходца из России поэта И. Аксенфельда. В «Краткой литературной энциклопедии» ему посвящена биографическая заметка, не учтенная комментаторами и составителями именного указателя 30-томного Собрания сочинений, вследствие чего его личность осталась со-

вершенно нераскрытой. Не воспроизведена там и авторская правка Герцена на переводе Ак сенфельда (см. ее в «Лит. наследстве», т. 63, с. 798—799). Возможно, что Аксенфельд переписы вался с Герценом по поводу этого перевода, а может быть, и на другие темы.

[67] «Лит. наследство», т. 63, с. 473—477.

[68] П. Д. Боборыкин. Литературные воспоминания, т. II, с. 491. Боборыкин упоми нает о том, что Герцен в середине января 1870 г. присутствовал в Salle des Capucines на публич ной лекции революционного публициста О. Вермореля, после которой схватил простуду, че рез несколько дней осложнившуюся воспалением легких, что и свело его в могилу (с. 492—493)

[69] В *ГБЛ* сохранилась газетная вырезка статьи Е. С. Некрасовой из «Русских ведомостей с ее авторской правкой. В статье сообщаются интереснейшие подробности о похоронах Герцена (69/13/2, л. 13).

[70] Сводку некрологов см. в «Лит. наследстве» (т. 63, с. 528—530, 537—538); *Л* XXI, 564—575 и *Л* XXII, 147—148.

[71] См.: «Лит. наследство», т. 63, с. 523—528.

[72] Там же, с. 529—530.

ПЕРЕПИСКА С ФРАНЦУЗСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К А. ДЕВИЛЮ, Э. КИНЕ И Г. МОНО.— ПЕРЕПИСКА С Л. БЛАНОМ, В. ГЮГО И П. Ж. ПРУДОНОМ.— ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Э. АКОЛЛА, С. БЕРНАРА, Ф. БЮЛОЗА, Ж. МИШЛЕ, С. Э. РАЛЛЕ И Ш. РИБЕЙРОЛЯ

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского при участии М. Вюильмье (Женева), А. Звигильского (Париж), М. Кадо (Клермон-Ферран) и Моники Партридж (Ноттингем) *

ПЕРЕПИСКА С П. Ж. ПРУДОНОМ

Публикация Л. Р. Ланского

Герцен долго считал себя близким другом и единомышленником Пьера Жозефа *Прудона* (1808—1865), известного социолога и революционного публициста, и видел в нем «одного из высших, лучших представителей» современного мира, «действительную главу французского социализма», «единственного гениального и инициативного человека среди французских писателей» (V, 318, 416; XVIII, 314; XXIII, 189). Первые брошюры Прудона, прочитанные еще в России, произвели на него очень сильное впечатление. С живым интересом читал Герцен и остальные работы Прудона (XII, 277).

Прудон был тем революционным мыслителем и «мощным бойцом», с которым Герцену особенно хотелось бы по-дружески сойтись. Желание это можно было легко осуществить весной 1847 г., когда они познакомились в Париже у М. А. Бакунина. Однако Прудон интереса к приезжему русскому «туристу» не проявил, а Герцен был слишком самолюбив, чтобы домогаться благоволения европейской знаменитости. Их личные отношения поэтому свелись тогда к двум-трем малозначительным встречам **.

Прудону напомнили о Герцене два года спустя их общие знакомые, когда французский публицист решил возобновить, под новым названием, издание своей запрещенной властями газеты «Peuple» и ему понадобилось 24 000 фр. для внесения в казначейство залога. После нескольких безуспешных попыток привлечь какого-нибудь состоятельного соредактора или просто капиталиста, готового ссудить эту крупную сумму, Прудон вынужден был обратиться к Герцену, которого уже некоторое время подвергали «обработке» К. Э. Хоецкий (Ш. Эдмон) и Н. И. Сазонов (см.: «Лит. наследство», т. 62, с. 532—545; «Вопросы литературы», 1975, № 4, с. 199—209).

В июле 1849 г. Прудон писал Герцену:

---

* Все письма в этом разделе переведены с французского Л. Р. Ланским.

** «Каюсь, что и я сначала был увлечен и думал, что поговорить в кафе с историком „Десяти лет“ или у Бакунина с Прудоном — некоторым образом чин, повышение,— писал Герцен в «Былом и думах»,— но у меня все опыты идолопоклонства и кумиров не держатся и очень скоро уступают место полнейшему отрицанию» (X, 326).

«Вполне присоединяюсь к мнению Ш. Эдмона о необходимости безотлагательно приступить к изданию новой демократической газеты. Законы о печати не должны нас останавливать. Задача не в том, чтобы с пафосом возбуждать народ, а в том, чтоб уяснить самой буржуазии ее истинные интересы. Особенно необходимо воспрепятствовать демократии впасть в отчаянье, что неизбежно случится, если не разъяснять ей изо дня в день положение вещей и смысл событий» (*Л* V, 293; текст перевода исправлен мною по факсимильному воспроизведению автографа в *CMRS*, XII, 1971, с. 1-2, p. 146—147).

В «Былом и думах» Герцен писал по поводу предложения Прудона:

«Я 〈. . .〉 подумавши несколько, согласился, хотя и знал, что залога ненадолго станет 〈. . .〉 Мне хотелось с самого начала показать ему, что он не имеет дела ни с сумасшедшим prince russe *, который из революционного дилетантизма, а вдвое того из хвастовства дает деньги, ни с правоверным поклонником французских публицистов, глубоко благодарным за то, что у него берут двадцать четыре тысячи франков, ни, наконец, с каким-нибудь тупоумным bailleur de fonds **, который воображает ***, что внести залог за такой журнал, как «Voix du Peuple»,— *серьезное* помещение денег. Мне хотелось показать ему, что я очень знаю, *что делаю*, что имею свою положительную цель, а потому хочу иметь положительное влияние на журнал; приняв безусловно все то, что он писал о деньгах, я требовал, во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, права заведовать всею иностранною частию, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи 〈. . .〉 Прудон согласился на мои требования, но все же они покоробили его» (X, 184, 191).

Приехать к Герцену в Женеву для переговоров сам Прудон не мог — он находился в это время в тюремном заключении и собирался из тюрьмы Консьержери «дирижировать» газетой. 13 августа Прудон известил Герцена, что посылает к нему для переговоров своего «друга и соотечественника» А. Гильмена, бывшего администратора газеты «Peuple», с проектом договора («Лит. наследство», т. 39-40, с. 269).

Переговоры с Гильменом продолжались несколько дней и закончились 19 августа, когда и написано было первое из публикуемых писем. Извещая своего корреспондента, что дело, касающееся залога, уже почти закончено, Герцен послал Прудону на рассмотрение текст договора с несколькими внесенными им изменениями.

Герцен не раз выражал недовольство узким кругозором, мелкотемьем и рутинностью французской радикальной прессы: его возмущало равнодушие революционных публицистов к событиям, происходящим за пределами Франции, и он мечтал о создании такого печатного органа, который представлял бы собой своего рода «штаб» международного революционного движения. Именно такой характер рассчитывал он придать иностранному отделу «Voix du Peuple», о чем недвусмысленно сообщил Прудону. Но это отнюдь не улыбалось будущему редактору «Voix du Peuple», намеревавшемуся проводить в своей газете совершенно противоположную линию, ориентированную на теснейший политический и экономический союз буржуазии и пролетариата во имя будто бы общих выгод; в этой соглашательской политике он видел панацею от всех социальных бед. Но могла ли в одной газете уживаться проповедь сотрудничества двух враждебных классов с зажигательными бомбами международной революционной пропаганды, способными распугать сторонников «порядка» и защитников частной собственности? Однако другого выхода в данный момент у Прудона не было, и он скрепя сердце принял эти условия Герцена, рассчитывая на то, что их потом удастся так или иначе саботировать (в значительной мере это и было осуществлено). Вполне понятен поэтому характер ответного письма Герцена: в «Былом и думах» сказано, что оно было «учтиво, но холодно и с некоторой сдержанностью» (X, 191).

Прудон известил Герцена, что целиком принимает предложенный им проект договора и что переписал его «почти слово в слово». При этом он выразил надежду, что ему никогда не придется вносить в статьи Герцена какие-либо поправки, вызванные несходством мнений.

На это Герцен отозвался большим письмом от 27 августа, сообщая, что вексель уже выслан. Далее он подробно изложил свой взгляд на то, каким должен быть руководимый им отдел газеты. «Больше всего хотелось бы мне,— писал Герцен,— придать иностранной части журнала характер, отражающий глубокую и безграничную ненависть к старому миру, к агонизирующей цивилизации». «Ваши соотечественники очень далеки от того, чтобы разделять эти идеи,— добавил Герцен.— Я знаю только одного свободного француза — это вас» (XXIII, 177—178).

---

* русским князем (*франц.*).

** вкладчиком капитала (*франц.*).

*** В тексте явная опечатка или описка: соображает.— *Л. Л.*

15 сентября Прудон сообщил, что залог в казначейство внесен, и заверял своего корреспондента, будто полностью разделяет высказанные Герценом мнения насчет так называемого республиканизма и с радостью видит, что в этих вопросах им не о чем будет спорить. «В сотрудниках редакции и во мне самом,— заверял Прудон,— вы найдете людей, способных действовать в единомыслии с вами, это я вам гарантирую». Соглашаясь с мнением Герцена, что «революция не допускает больше методического, мирного движения с осторожными формами переходов», он не мог воздержаться от следующей симптоматичной оговорки: «Но я думаю, что в качестве публицистов, возвещая грядущие социальные катастрофы, нам не должно представлять их необходимыми и справедливыми. Мы должны неизменно изыскивать для каждого момента наиболее умеренные и благоразумные решения. А то нас возненавидят и будут гнать. А нам, прежде всего, надобно жить».

В том же письме Прудон предложил Герцену прислать для подготавливаемого проспекта «Voix du Peuple» соображения, которые он найдет полезными («Лит. наследство», т. 62, с. 500).

Пробный номер «Voix du Peuple» был выпущен в свет и разослан 25 сентября 1849 г. В передовой статье отмечалось безудержное господство в основных странах Европы контрреволюционной буржуазии и образование мощной коалиции привилегированных сословий, прямо направленной против европейского пролетариата. Газета призывала противопоставить священному союзу богачей «великую европейскую Лигу труда». Это сделано было, вероятно, по настойчивой рекомендации Герцена.

На последней странице пробного номера помещен был проспект. Один небольшой абзац в нем представляет собой, по-видимому, резюме взглядов Герцена на характер международного отдела газеты, высказанных им в это время в не дошедших до нас письмах к сотруднику «Voix du Peuple» Ш. Эдмону (Хоецкому) и к самому Прудону (может быть, это текст самого Герцена):

«Внешняя политика будет обсуждаться в «Voix du Peuple» весьма широко. Специальные корреспонденты из разных стран дадут нам возможность сообщать нашим читателям новости и суждения, которых они не найдут ни в одной другой газете».

Вышедший 1 октября первый номер «Voix du Peuple» открылся программной статьей Прудона. Передовица эта, написанная в форме обращения к редакторам газеты, объявляла, что новое периодическое издание будет являться органом дискуссионным, а *отнюдь не оружием классовой ненависти*. Такое определение характера газеты не могло вызвать одобрения Герцена, мечтавшего о боевой и непримиримой позиции по отношению не только к врагам революции, но и к «неполным революционерам» из собственного лагеря.

И пробный выпуск, и первые номера газеты вызвали у Герцена полнейшее разочарование. Его осенние письма 1849 г. полны иронических и негодующих реплик по поводу «дрянного парижского листка», печатающего «длинную, унылую жвачку из министерских сплетен и антологию выдержек из всех парижских газет». «Нет, не так надо вести европейский орган 〈. . .〉 — писал Герцен.— Словом, нужна такая газета, где даже передовица говорила бы о европейском движении, где Франции была бы отведена второстепенная роль, вполне ею заслуженная уже за одно упорство, с каким она все еще стремится всецело погрузить внимание читателей в мелкие дрязги своего официального мира» (XXIII, 194—195, 202; ср. X, 37).

Огорчение Герцена было настолько велико, что у него, по-видимому, не возникало желания поправить положение своими собственными оригинальными статьями. Во всяком случае, в течение нескольких недель в газете не появилось ни одной сколько-нибудь значительной статьи или заметки, которая могла бы быть приписана Герцену. Внешнеполитические обзоры, печатавшиеся в это время в каждом номере еженедельных прибавлений к «Voix du Peuple», были чрезвычайно тусклы и совершенно лишены тех особенностей, по которым распознается энергичное перо Герцена. Возможно, что их писали Н. И. Сазонов, рекомендованный Герценом на должность редактора иностранного отдела, и его соредактор К. Э. Хоецкий. Только в письме Герцена к Хоецкому от 20 октября 1849 г. мы находим распоряжение напечатать полностью или частично какой-то «проспект» с «маленьким обращением» (XXIII, 200). Этот документ, вероятно посланный в том же письме, до нас не дошел. В «Voix du Peuple» он не появился.

Всю осень 1849 г. Герцен прожил в Швейцарии, преимущественно в Женеве, поддерживая дружеские отношения с Д. Фази, возглавлявшим тогда правительство Женевского кантона. Из переписки Герцена видно, с каким напряженным вниманием следил он в это время за общественно-политической жизнью и международным положением Швейцарии, переживавшей один из напряженнейших периодов своей истории. Герцен не мог оставаться равнодушным к опасности, нависшей над чуть ли не последним островком свободы и демократии в Европе, хотя он не пи-

ПЬЕР ЖОЗЕФ ПРУДОН
Портрет работы Г. Курбе (масло), 1865
Музей «Petit Palais», Париж

тал никаких иллюзий в отношении революционности женевского правительства. И его политические симпатии, и дружба с Фази, и тревога за судьбу нескольких тысяч революционных эмигрантов, которым иностранное вторжение грозило суровыми репрессиями,— все это должно было возбудить в нем желание использовать трибуну «Voix du Peuple» для защиты правительства Фази от разнузданной травли, которую вела против него международная реакция, и для предотвращения готовящейся интервенции.

И действительно, в этой газете в конце 1849 и начале 1850 г. появилось несколько корреспонденций, атрибутированных мною Герцену *.

---

* См.: «Вопросы литературы», 1970, № 10, с. 247—248; «Лит. газета», 1971, № 4, с. 7. Из более поздних анонимных статей Герцена в «Voix du Peuple» мною ему атрибутированы ‹«Charlotte Corday»› (VI, 239—244), «Contenti estote», ‹«Ce que nous étonne...»›, «Le journal suisse nie le fait...» (XXX, 493—494, 498).

Осенью 1849 г. в Берне печатался на немецком языке сборник статей Герцена «С того берега» («Vom anderen Ufer»). Книга завершалась публикацией его двух открытых писем — Г. Гервегу и Дж. Маццини. Вскоре Герцен принял решение перепечатать их французский перевод в «Voix du Peuple». В очередном еженедельном прибавлении к этой газете от 12 ноября под рубрикой «Всеобщая политика.— Солидарность народов» появилась статья Ш. Эдмона. Он особенно акцентировал в ней намерение редакции «Voix du Peuple» заниматься преимущественно изучением России. Хоецкий добавил, что вскоре газета начнет печатать «труд по русскому вопросу, который написан одним из наших друзей и в то же время знаменитым русским писателем. Труд этот будет предшествовать нашим исследованиям об Австрии, Пруссии, Италии, Англии и пр.». «„Voix du Peuple“,— писал Шарль Эдмон,— явится, таким образом, министерством иностранных дел французского социализма, трибуной, с которой народы Европы поочередно смогут освещать свое положение и вступать в братство и союз с французскими республиканцами против коалиции кабинетов, дипломатий и полиций контрреволюции». Приведенные строки если и не являются прямой выдержкой из декларации самого Герцена, то, во всяком случае, представляют собой точное изложение его программы.

Открытое письмо Герцена к Гервегу было напечатано в еженедельных прибавлениях к «Voix du Peuple» в ноябре-декабре 1849 г. под заглавием «La Russie» и за подписью *Русский*; оно представляло собой довольно точный перевод немецкого текста из «Vom anderen Ufer» *.

Большое место в этой статье занято критическим анализом нашумевшей книги «блестящего и легкомысленного» маркиза де Кюстина «La Russie en 1839», о котором Герцен в свое время сделал несколько ярких записей в своем дневнике (см. вступительную статью к настоящему разделу).

Об авторском участии Герцена в «Voix du Peuple» также говорится во вступительной статье.

Остается добавить, что после запрещения газеты (последний номер ее вышел 14 мая) Прудон попытался возобновить издание под снова измененным названием «Peuple de 1850». Газета эта просуществовала еще недолгое время, выходя то один, то два, то три раза в месяц, и затем подверглась запрещению. В ней был напечатан французский перевод статьи «Перед грозой» (из «С того берега»).

Перед тем как покинуть Париж, в мае 1850 г., Герцен навестил Прудона в тюрьме. «У обоих было много дум в голове,— вспоминал Герцен,— но говорить не хотелось 〈. . .〉 Он знал, что я его понимаю, знал и то, как немногие его понимают, и ценил это» (X, 195).

В свои отношения с Прудоном Герцен вносил много сердечной теплоты и дружелюбия. Он восхищался диалектическими способностями и творческой натурой Прудона, радикализмом его взглядов, полемическим блеском и дерзкой иронией и признавался, что многим обязан ему в своем развитии, что был бы счастлив с ним вместе работать и быть ему полезным и что благодарен Прудону за дружеское участие, проявленное в трудные минуты жизни,— после гибели матери и сына при кораблекрушении и особенно в конфликте с Г. Гервегом. В середине 1850-х годов он предложил Прудону переехать в Англию, чтобы совместно основать большую социалистическую газету. Прудон этот план принял, но так и не решился покинуть Францию (см. XX, 414).

Полного единомыслия между ними, однако, не было даже в годы наибольшей близости. Основы мировоззрения их не совпадали. Прудон был убежденным противником классовой борьбы и стоял за соглашение с буржуазией, в то время как Герцен являлся непримиримым врагом буржуазии и капиталистического строя.

«Средневековые взгляды» Прудона на женщину и семью, высказанные в его книге «De la justice dans la révolution et dans l'Eglise» (1858), благожелательная позиция по отношению к Австрии и поддержка царского правительства в антипольской политике привели к заметному ослаблению его связей с Герценом. Герцен перестал видеть в Прудоне вождя революционной Европы, своего единомышленника, и даже заклеймил в «Колоколе» «ужасное бесчеловечие» Прудона, упрекающего Польшу в том, что она «не хочет умирать» (XIX, 176).

---

* Кому был поручен этот перевод, остается неустановленным, так же как не установлено, на каком языке — русском или немецком — было написано самое сочинение и относится ли к нему указание на титульном листе немецкого издания «С того берега»: «Перевод с русского манускрипта». Во всяком случае, даже если это письмо было написано по-русски и лишь затем переведено на немецкий язык, выбор в качестве основного текста французского перевода (в издании М. К. Лемке и 30-томном), выполненного не Герценом и лишенного его авторизации в буквальном значении этого слова, следует считать ошибочным. Основным должен пока, по-видимому, признаваться немецкий текст, напечатанный в «Vom anderen Ufer», хотя Герцен и находил впоследствии, что французский перевод «в общем хорош» (XXIII, 213).

Правда, в некрологе, появившемся в 1865 г. в «Колоколе», Герцен назвал Прудона своим «покойным учителем» и следующим образом сформулировал его историческое значение: «Прудон не разрешил великих вопросов, не снял страшных сомнений, он не основал школы, но оставил диалектический таран. Может, он и думал, что умеет лечить, но сила его была не в лечении, а в рассечении трупов. Прудон не создавал, он ломал, а главное — он *двигал*, он все *двигал*, все покачивал, все затрогивал...» (XVIII, 314).

В «Былом и думах» Герцен посвятил Прудону целую главу, воссоздав в ней историю их взаимоотношений и самую личность «неукротимого гладиатора, упрямого безансонского мужика» (X, 183—201). При этом надо отметить, что в жизни Прудона Герцен занимал явно второстепенное место; в его письмах и записных книжках упоминаний о Герцене очень немного, и они, как правило, малозначительны.

Письма печатаются по ксерокопиям с автографов Bibliothèque municipale de la ville de Besançon (г. Безансон, Франция). Впервые опубликованы, в сокращенном переводе, Л. Р. Ланским, получившим в 1970 г. полный комплект ксерокопий из безансонской библиотеки («Лит. газета», 1971, № 4, 27 января, с. 6 — «Безансонская находка»); позднее, на языке оригинала,— М. Мерво, *CMRS*, v. XII, 1971, с. 3, p. 307—315. Письмо Прудона (п. 2) впервые опубликовано М. Мерво на языке оригинала — *CMRS*, v. XII, 1971, с. 1—2, p. 110—188.

1

Герцен — П. Ж. Прудону

Genève, le 19 août 1849 [1]

Monsieur,

Je m'empresse de vous avertir que nous avons presque terminé avec m-r Guillement * l'affaire concernant le cautionnement; je soumets à votre appréciation les petits changements que j'ai cru nécessaire de proposer à m-r Guillement. Mais ce n'est pas le côté matériel qui me préoccupe le plus, je n'ai jamais envisagé cette affaire comme placement, plus ou moins avantageux, d'un capital, je n'ai pas même pour le moment de capital à placer; M. Guil⟨lement⟩ vous dira que j'ai emprunté l'argent en question à raison de 5% [2], donc je suis parfaitement désintéressé dans l'affaire. Si m-r Herwegh insistait dans ses lettres à m-r ⟨···⟩ **, pour avoir des conditions précises — c'est que nous ⟨voulions?⟩ ** savoir la mesure de notre participation morale — et c'est au sujet des droits de notre participation à la rédaction de la partie étrangère du journal que nous attendons une réponse de vous. Nous pensions avoir le droit de disposer d'un coin de votre journal, pour en faire l'organe du mouvement européen — certainement sous votre direction, qui ne pouv⟨ait⟩ ** que nous être très agréable, vos convictions, vos principes étant les nôtres. Vous savez mieux que nous, monsieur, que cela n'est pas chose facile de trouver à Paris des collaborateurs pour l'étranger, la connaissance des autres peuples n'étant pas le fort de vos compatriotes.— Nous voulions vous faciliter votre tâche, vous aider *de jure*. Sans cette influence sur une partie du journal, notre coopération serait reduite au rôle très humble d'un bailleur de fonds — ce qui, je le dirai franchement, ne me sourit que médiocrement.

Pour le moment mon ami Herwegh et moi nous restons à Genève — mais cela n'est pas pour toujours. Herwegh se propose de retourner à Paris le mois prochain [3], il sera enchanté de prendre part à la direction de la partie étrangère. Deux de nos amis, des hommes distingués par leur érudition et qui ont l'honneur d'être connus par vous ne demandent pas mieux que de participer activement à une œuvre dirigée par vous — je parle de m-r Sasonoff et de m-r Chojecki. Nous avons toute la possibilité de procurer des correspondances d'Allemagne, de l'Italie, de la Russie même — précisez-nous seulement nos droits.

---

* Герцен ошибочно называет так Guillemin'a.— *Ред.*

** Рукопись повреждена.— *Ред.*

«ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ УНИЧТОЖИТЬ СОБСТВЕННОСТЬ»

Шарж на Прудона. Литография по рисунку неизвестного художника, 1848

Национальная библиотека, Париж

Dès que j'aurai l'honneur de recevoir votre réponse, je mettrai la personne que vous aurez la bonté de l'indiquer en rélation directe avec la Maison Rotschild, pour recevoir l'argent [4].

Agréez mes salutations fraternelles.

Alexandre Herzen

M-r Herwegh présente ses hommages.

Перевод:

Женева, 19 августа 1849 г.[1]

Милостивый государь,

Спешу уведомить вас, что мы почти окончили с г. Гильманом * дело, касающееся залога; предлагаю на ваше рассмотрение те небольшие изменения, которые я счел необходимым предложить г. Гильману. Но не материальная сторона меня более всего беспокоит, я никогда не рассматривал это дело как более или менее выгодное помещение капитала; в настоящее время у меня даже и нет капитала для помещения; г-н Гиль⟨ман⟩ скажет вам, что деньги, о которых идет речь, я взял взаймы по 5% [2], так что я совершенно не заинтересован в этом деле. Если г. Гервег настаивал в своих письмах к г. ⟨...⟩ ** на точных условиях, то лишь потому, что мы ⟨хотели бы?⟩ ** узнать о мере нашего нравственного участия — и особенно в отношении прав на наше участие — в редактировании иностранной части газеты, на что мы и ждем от вас ответа. Мы полагали, что будем иметь право располагать уголком в вашей газете, чтобы превратить ее в орган европейского общественного движения — разумеется, под вашим руководством, которое мог⟨ло⟩ бы быть нам весьма приятно, поскольку ваши убеждения, ваши принципы — в то же время и наши. Вы знаете лучше, нежели мы, милостивый государь, что найти в Париже сотрудников для иностранного отдела — вещь нелегкая, ибо знание других народов — отнюдь не сильная сторона ваших соотечественников.— Мы хотели облегчить вам вашу задачу, помочь вам de jure ***. Без этого влияния на один из отделов газеты сотрудничество наше свелось бы к чрезвычайно жалкой роли вкладчика капитала — что, скажу вам откровенно, мне не слишком-то улыбается.

В настоящее время мой друг Гервег и я еще остаемся в Женеве — но отнюдь не навсегда. Гервег предполагает возвратиться в Париж в будущем месяце [3], он счастлив будет принять участие в руководстве иностранным отделом. Двое из наших друзей, люди редкой эрудиции и имеющие честь быть вам знакомыми, только и мечтают, что о деятельном участии в руководимом вами предприятии,— я говорю о г. Сазонове и о г. Хоецком. Мы имеем полную возможность обеспечить себя корреспонденциями из Германии, из Италии, даже из России — определите лишь нам с точностью наши права.

Как только я удостоюсь чести получить ваш ответ, я поставлю лицо, которое вы соблаговолите мне указать, в непосредственное сношение с домом Ротшильда, для получения денег [4].

Примите мой братский привет.

Александр Герцен

Г-н Гервег выражает свое глубокое почтение.

[1] Ответ на письмо Прудона от 13 августа 1849 г. («Лит. наследство», т. 39-40, с. 269).

[2] Эти деньги Герцен взял взаймы у своей матери.

---

* Герцен ошибочно называет так Гильмена.— *Ред.*

** Рукопись повреждена.— *Ред.*

*** по праву (*лат.*).

[3] Герцен в Париж так и не возвратился. До конца августа 1850 г. он находился в Швейцарии, а потом переехал в Ниццу (Прудон в своем письме к Герцену от 15 сентября 1849 г. настойчиво рекомендовал Гервегу не возвращаться в Париж, где он мог подвергнуться правительственным репрессиям (см.: «Лит. наследство», т. 62, с. 499—500). Упоминаемые выше письма Гервега к К. Э. Хоецкому (Ш. Эдмону) остаются неизвестными. См. вступительную заметку к настоящей публикации и статью: Л. Л а н с к и й. Из переписки Герцена и о Герцене («Вопросы литературы», 1975, № 4, с. 199—209).

[4] О попытке Герцена получить в 1853 г. от Прудона возмещение денежной суммы, внесенной в залог за «Voix du Peuple», см. выше, в комментариях к переписке Герцена с К. Фогтом и *ЛЖГ* II, 142.

2

П. Ж. Прудон — Герцену

Перевод с французского:

Париж, 23 августа 1849 г.

Господину Герцену в Женеву

Отвечая на ваше дружеское письмо от 19-го числа текущего месяца, имею честь, со своей стороны, сообщить вам статьи и условия заключаемого между нами договора касательно залога за «Voix du Peuple» в соответствии с проектом, который вам благоугодно было мне направить.

Не обнаружив в этом проекте ничего, кроме разумного и справедливого, я ограничился тем, что переписал его почти слово в слово; единичные изменения, которые я себе позволил, сделаны лишь для большей ясности.

Именно теперь вам надлежит, милостивый государь, прислать мне дубликат, написанный и подписанный вами: формальности, связанные с гербовым сбором, необязательны для признания законности соглашения и, впрочем, могут быть получены администрацией в любое время, соответственно с тарифом. Соглашения с незарегистрированным договором, заключаемые между негоциантами путем обмена письмами, никогда на гербовой бумаге не пишутся.

Итак, решено, что под общим моим руководством вы частично берете на себя редактирование «Voix du Peuple»; что ваши статьи в нее будут приниматься без другого контроля, кроме того, к которому редактора газеты обязывает уважение к своим принципам и страх законов. Вы понимаете, милостивый государь, что, согласные в понятиях, мы можем расходиться только в выводах; в оценке же зарубежных событий мы всегда будем обязаны обращаться к вам. Вы, как и мы,— миссионер единой мысли; наша общая полемика покажет вам, впрочем, какого пути вы должны будете держаться, и я не думаю, что мне когда-либо придется вносить поправки в ваши мнения. Я счел бы это величайшим несчастием, какое только могло бы случиться, ибо, не скрою от вас, что от согласия, которое должно царить между нами, будет зависеть весь успех нашей газеты. Надо поднять вопрос демократический и социальный на высоту начинания европейской лиги: предположить, что мы не достигнем согласия между собою,— это значит предположить, что мы не обладаем ничем необходимым для издания газеты; это значит предположить, что нам надлежало бы лучше хранить молчание.

Теперь, если, посылая мне свою подпись, вы хотите предоставить разрешение получить деньги г. Гильмену, который имел честь видеться с вами, то, думаю, нам делать более ничего не потребуется для подготовки нашего появления, которое совершится, как я ожидаю, около 15 сентября.

Извините за лаконизм моего письма; я охотно рассказал бы вам о положении дел, но я так удручен и испытываю такой ужас к писанию писем, что прошу у вас разрешения закончить теперь же свое маранье.— Г-н Хоецкий сообщает мне, впрочем, о длинном послании, которое он вам направляет и в котором сообщает вам о нашей беседе [1].

Примите, так же как г. Гервег, мой дружеский привет.

П. Ж. П р у д о н

[1] Это письмо (возможно, адресованное Г. Гервегу) неизвестно (см.: «Вопросы литературы», 1975, № 4, с. 199—209).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Entre les soussignés

P. J. Proudhon, directeur du journal la *Voix du Peuple* d'une part et
A. Herzen, homme de lettres, d'autre part
il a été déclaré ce qui suit.

Les soussignés ont l'intention de fonder en commun à Paris un journal quotidien sous le titre de la *Voix du Peuple*. Pour réaliser ce projet il a été fait entre eux les conventions suivantes:

Art⟨icle⟩ 1

M. Herzen s'oblige à verser au trésor la somme de *vingt quatre mille* francs à titre de cautionnement pour la publication du dit journal.

Art⟨icle⟩ 2

Pendant tout le temps que la somme ci-dessus reste dans les caisses du trésor, l'intérêt en sera payé à M. Herzen par l'administration du journal sur le pied de 5% pour an, après chaque semestre ou avant — au gré de l'administration.

Art⟨icle⟩ 3

M. Herzen s'engage à ne réclamer son remboursement pendant cinq ans que dans les cas ci-dessous désignés:

Si le journal était supprimé,

Si la loi sur le cautionnement était abrogée.

En cas de suppréssion de son journal, M. Proudhon ne pourrait disposer de la somme versée par M. Herzen, pour le cautionnement d'un autre journal que du consentement de M. Herzen — comme aussi dans le cas où M. Proudhon serait forcé par les circonstances d'abandonner la direction du journal la *Voix du Peuple*. M. Herzen se reserve le droit de retirer ou de maintenir son versement.

En cas de saisie du tiers de la somme, par suite de condamnation judiciaire si l'administration est hors d'état d'acquiter l'amende et de faire lever la saisie, M. Herzen se reserve de retirer le reste du cautionnement.

Il sera loisible à M. Proudhon d'anticiper sur l'époque fixée pour le remboursement en prevenant M. Herzen trois mois d'avance, l'intérêt cessera alors à partir du jour du remboursement.

Art⟨icle⟩ 4

La loi sur le cautionnement exigeant que le gérant soit propriétaire d'un quart de la somme, il sera fait à M. Herzen une cession en bonne forme des trois quarts du cautionnement versé au trésor où il sera fait mention de son droit pour être exercé par lui par préférence à tous autres.

Art⟨icle⟩ 5

La direction générale de la rédaction du journal sera exclusivement confiée à M. Proudhon.

Art⟨icle⟩ 6

Quant à la rédaction, M. Proudhon cède un droit de participation active à M. Herzen dans la partie de la politique étrangère, en acceptant des articles et des correspondances envoyés par lui et en confiant de préférance la rédaction de cette partie aux personnes recommandées par M. Herzen ou choisies d'un accord commun.

La direction générale restant c⟨omme⟩ il s⟨uit⟩ d'art⟨icle⟩ 5, à M. Proudhon il a le droit de refuser les articles lorsqu'ils sont contraires à la tendance générale du journal ou bien lorsqu'ils seraient de nature à donner lieu à une condamnation.

Quant aux particuliarités de cette participation, M. Herzen a pleine confiance dans la justice de M. Proudhon et par conséquent ne croit pas opportun à les détailler.

Art⟨icle⟩ 7

Pour les arrangements avec des tiers qui devront être ultérieurement reglés par un contrat, M. Proudhon a seul mission d'en stipuler les clauses et les conditions.

Art⟨icle⟩ 8

M. Herzen n'entrant dans l'affaire qu'à titre de bailleur de fonds, il lui sera donné dans le plus bref délai possible les garanties stipulées dans l'art⟨icle⟩ 4.

Genève, Hôtel des Bergues, le 25 août 1849

Alexandre Herzen

На обороте:

Monsieur
Monsieur
Proudhon
De la part d'Al. Herzen [1]

Перевод:

Между нижеподписавшимися

П. Ж. Прудоном, редактором газеты «Voix du Peuple», с одной стороны, и
А. Герценом, литератором, с другой стороны,
было заявлено нижеследующее:

Нижеподписавшиеся имеют намерение совместно основать в Париже ежедневную газету под названием «Voix du Peuple». Для осуществления этого плана между ними заключены были следующие соглашения:

Ст⟨атья⟩ 1

Г-н Герцен обязуется внести в казначейство сумму в *двадцать четыре тысячи* франков в качестве залога за издание вышеназванной газеты.

Ст⟨атья⟩ 2

Во все время, пока означенная сумма остается в кассах казначейства, проценты с нее будут уплачиваться г. Герцену администрацией газеты из расчета 5% в год, после каждого семестра или вперед, по воле администрации.

Ст⟨атья⟩ 3

Г-н Герцен обязуется не требовать возвращения его денег в течение пяти лет, кроме как в обозначенных случаях:

Если газета будет запрещена;

Если закон о залоге будет отменен.

В случае запрещения своей газеты г. Прудон может располагать суммой, внесенной г. Герценом, в качестве залога за другую газету лишь с согласия г. Герцена — так же как в случае, если г. Прудон вынужден будет по некоторым обстоятельствам отойти от редактирования газеты «Voix du Peuple», г. Герцен сохраняет за собой право изъять или же оставить внесенную им сумму.

В случае конфискации трети суммы вследствие судебного приговора, если администрация окажется в невозможности выплатить штраф и отменить конфискацию, г. Герцен оставляет за собой право изъять остаток залога.

Г-н Прудон вправе будет возвратить деньги ранее установленного срока, предупредив об этом г. Герцена за три месяца вперед; начисление же процентов в таком случае прекратится со дня выплаты.

Ст⟨атья⟩ 4

Так как закон о залогах требует, чтобы редактор являлся собственником четвертой части залоговой суммы, то г. Герценом будет сделана соответствующая передача владения с надлежащим оформлением трех четвертей залога, внесенного в казначейство, где будет упомянуто о его праве подлежать удовлетворению преимущественно перед всеми другими.

Ст⟨атья⟩ 5

Общее заведование редакцией газеты доверяется исключительно г. Прудону.

Ст⟨а т ь я⟩ 6

Что касается редакционной части, то г. Прудон уступает г. Герцену право деятельного участия в разделе иностранной политики, соглашаясь принимать статьи и корреспонденции, посылаемые им, и предпочтительно доверяя редактирование этого раздела лицам, рекомендуемым г. Герценом или избранным по общему соглашению.

Поскольку общее заведование остается, соотв⟨етственно⟩ ст⟨атье⟩ 5-й, за г. Прудоном, то он имеет право отвергать статьи, когда они будут противоречить общему направлению газеты или же когда они по своему характеру могут повлечь за собой судебную кару.

Что касается отдельных частностей этого сотрудничества, то г. Герцен питает полное доверие к нелицеприятности г. Прудона и, следовательно, не считает уместным входить в подробности.

Ст⟨а т ь я⟩ 7

При тех сделках с третьими лицами, которые впоследствии должны будут заключаться по договору, г. Прудону одному будет препоручено составлять необходимые при этом соглашения и условия.

Ст⟨а т ь я⟩ 8

Так как г. Герцен вступает в дело лишь в качестве вкладчика капитала, то ему будут даны в кратчайший срок гарантии, установленные ст⟨атьей⟩ 4-й.

Женева, отель «Де Берг», 25 августа 1849 г.

Александр Г е р ц е н

На обороте:

Господину Прудону
от Ал. Герцена [1]

[1] Публикуемый текст, целиком написанный рукой Герцена, представляет собой сильно переработанный вариант договора, предложенного Герцену Прудоном 19 августа (ср. XXIII, 399—400; XXX, 633—634).

3
Герцен — П. Ж. Прудону

Надпись на книге «Le monde russe et la révolution», v. I. P., 1860 (французское издание «Былого и дум»):

⟨Лондон. 9 марта 1860 г.⟩

A P. J. Proudhon,
témoignage d'amitié et de sympathie sans bornes de la part d'A. H e r z e n.

9 mars 1860
Park House
Fulham [1]

П е р е в о д:

П. Ж. Прудону,
свидетельство дружбы и безграничной симпатии от А. Г е р ц е н а

9 марта 1860 г.
Park House
Фулем [1]

[1] 15 марта 1860 г. Прудон сообщал Герцену: «Меня посетил ваш юный соотечественник и передал книгу и письмо, которое вы дали ему для меня. Книгу я уже прочел; часть ее была уже известна, хотя сейчас не мог бы сказать, где с нею познакомился. Это нисколько не убавило моего весьма живого интереса к вашим воспоминаниям о вашем семействе, вашей юности и жизни в России, о начале преследований. Как вам и предсказали, вы были предназначены стать одним из самых важных людей России; вы понимаете, конечно, что, говоря эти слова, я вам не делаю чрезмерного комплимента ⟨...⟩ Будьте же мужественны, искренне убежденный революционер, не замедляйте вашей работы...» (*Л X*, с. 267—268).

4

Герцен — П. Ж. Прудону

〈Londres.〉 11 avril 1860. Park House Fulham [1]

Cher monsieur Proudhon,

J'ai reçu les essais philosophiques [2], j'ai pensé en demandant un programme — tout bonnement un prospectus ou une annonce — pour l'insérer dans notre feuille [3]. Je vous remercie beaucoup pour ce volume. Dans un mois je reste seul pour l'été — et je pense que j'aurai beaucoup de temps pour travailler.

En attendant voilà une question — pouvez-vous admettre des études sur des questions spéciales — comme l'émancipation des paysans russes — avec la terre. On répète ces choses — mais on connaît très peu le fond. Et d'un autre côté le petit format et le contenu algébrique, pour ainsi dire, de la Revue excluent, je pense... les questions d'application.

Mon ami Ogareff pourrait de suite vous envoyer q〈uel〉q〈ue〉 chose [4].

Ici personne ne sait de ce que vous faites et une nouvelle édition et une revue. Les Anglais ne savent rien de ce qui se publie hors de l'Angleterre, les Français qui sont ici ont l'avantage — d'ajouter à cela — autant de froideur pour les livres anglais. Maintenant une partie des réfugiés est hors d'elle — par l'enthousiasme pour l'annexion — j'ai montré vos q〈uel〉q〈ues〉 lignes. Mais le patriotisme est trop incurable [5].

L. Blanc fait des «Lectures». Cela va bien... Conversation intéressante sur Cagliostro, Mesmer [6]. La salle était remplie.

Je vous serre la main de tout mon cœur.

A. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 11 апреля 1860 г. Park House Фулем [1]

Любезный господин Прудон,

Философские очерки я получил [2]; прося программу, я имел в виду просто проспект или объявление — чтобы поместить его в нашей газете [3]. Очень благодарен вам за этот том. Через месяц я остаюсь в одиночестве на лето — и полагаю, что для работы у меня окажется много времени.

Пока же вот вопрос — можете ли вы принять очерки по таким специальным вопросам, как освобождение русских крестьян — с землею? Об этих вещах судят и рядят — но очень мало знают, в чем суть дела. С другой же стороны, малый формат и алгебраическое, так сказать, содержание журнала исключают, как мне кажется... вопросы, связанные с применением на практике.

Мой друг Огарев смог бы тотчас же вам кое-что послать [4].

Здесь никто не знает, что вы готовите и новое издание, и журнал. Англичанам совершенно неизвестно, что публикуется вне Англии, а находящиеся здесь французы имеют то преимущество, что присоединяют к этому такую же холодность к английским книгам. Теперь часть изгнанников вне себя от восторга — в связи с аннексией — я показал нес〈коль〉ко ваших строк. Но патриотизм слишком уж неизлечим [5].

Л. Блан читает «Lectures» *. Дело ладится... Занимательная беседа о Калиостро, Месмере [6]. Зал был набит битком.

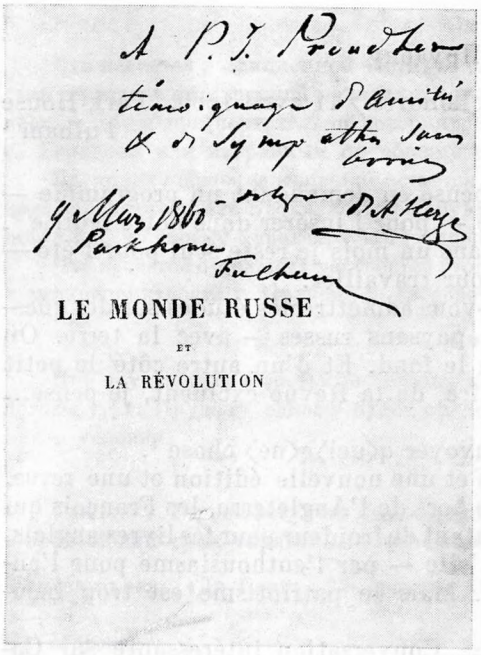
Жму вам руку от всей души.

А. Герцен

[1] Ответ на письмо Прудона от 30 марта 1860 г. («Лит. наследство», т. 39-40, с. 272—273), в свою очередь отвечавшего на письмо Герцена от 23 марта (XXVII, 31—33).

[2] 15 марта Прудон известил Герцена, что поручил послать ему экземпляр первого выпуска («ливрезона») брюссельского переиздания своей книги «De la justice dans la révolution et dans l'Eglise» под заглавием «Essais d'une philosophie populaire» (см. об этой книге: X, 196—197),

* «Лекции» (*англ.*).



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА ПРУДОНУ НА ФРАНЦУЗСКОМ ИЗДАНИИ «БЫЛОГО И ДУМ» (ПАРИЖ, 1860):

«A P. J. Proudhon témoignage d'amitié et de sympathie sans bornes de la part d'A. Herzen 9 Mars 1860. Parkhouse. Fulham)» («П. Ж. Прудону в знак дружбы и безграничной симпатии от А. Герцена. 9 марта 1860. Park House, Фулем»)

Библиотека г. Безансона, Франция

и разъяснял: «Она будет выходить отдельными выпусками от 150 до 200 страниц; в каждом будет: 1) *этюд* из прежнего издания, 2) примечание, пояснения и оценки современных фактов. Первый выпуск содержит, кроме того, «Программу популярной философии». Ссылаясь на то, что и он и Герцен служат одному делу, Прудон просил «время от времени» цитировать в «Колоколе» кое-что из его сочинений и сам обещал приводить выдержки из сочинений Герцена. «Это было бы началом союза между Францией и Россиею, эти‹ми› дву‹мя› стран‹ами›, которые, в конце концов, созданы, чтобы понимать друг друга»,— замечал Прудон. Играя на любимой струнке Герцена, Прудон выражал намерение раздобыть корреспондентов, «немецких, фламандских, голландских, английских, быть может, швейцарских, австрийских, итальянских, испанских, американских, греческих и т. д. При небольшом усердии,— писал он,— мы могли бы в течение шести месяцев обхватить всю Европу нашей сетью». В заключение Прудон просил: «Два слова, пожалуйста, мне в ответ, и что бы вы ни печатали на французском, не забудьте меня. Я рассчитываю на ваши сообщения, чтобы украшать ими мои Этюды» (*Л* X, 267—269). Все эти намерения о привлечении иностранных корреспондентов и участии Герцена в издании Прудона не осуществились. Второе издание книги «De la justice...» так и осталось монографией Прудона, снабженной его собственными дополнениями и комментариями.

В своем письме Прудон обращал внимание Герцена и на начало «Программы популярной философии», которую он ввел в первый выпуск, а также на свой «довольно слабый» «дебют в области текущей политики». «Чтение программы, — указывал Прудон,— даст вам представление о том, что я делаю и куда иду».

23 марта, откликаясь на сообщение Прудона об издании им нового журнала, Герцен писал ему: «Есть ли у вас проспект вашего „Revue“? Я бы напечатал его в „Колоколе“» (XXVII, 33).

[3] Заметку об издании Прудона Герцен поместил в л. 71 «Колокола» от 15 мая (XIV, 377). Программа издания перепечатана им не была.

[4] Материалы Огарева в издании Прудона не появились. Нет там и упоминаний о Герцене.

[5] 24 марта 1860 г. был подписан англо-сардинский договор о присоединении Ниццы и Савойи к Франции, что вызвало взрыв шовинистических настроений не только в бонапартистской Франции, но и среди значительной части французской революционной эмиграции в Лондоне.

[6] В 1860—1861 гг. Л. Блан прочел серию лекций на английском языке о XVIII в., которые пользовались огромным успехом. Среди слушателей были Диккенс, Теккерей (см. *ААН*, 250) и, вероятно, сам Герцен.

Граф *Калиостро* (Жозеф Бальзамо; 1743—1795) — итальянский шарлатан, с успехом подвизавшийся при дворе Людовика XVI; Фридрих *Месмер* (1733—1815) — немецкий врач, создатель теории животного магнетизма (так называемого *месмеризма*).

5

Герцен — П. Ж. Прудону

‹Лондон. 21 августа 1860 г.› [1]

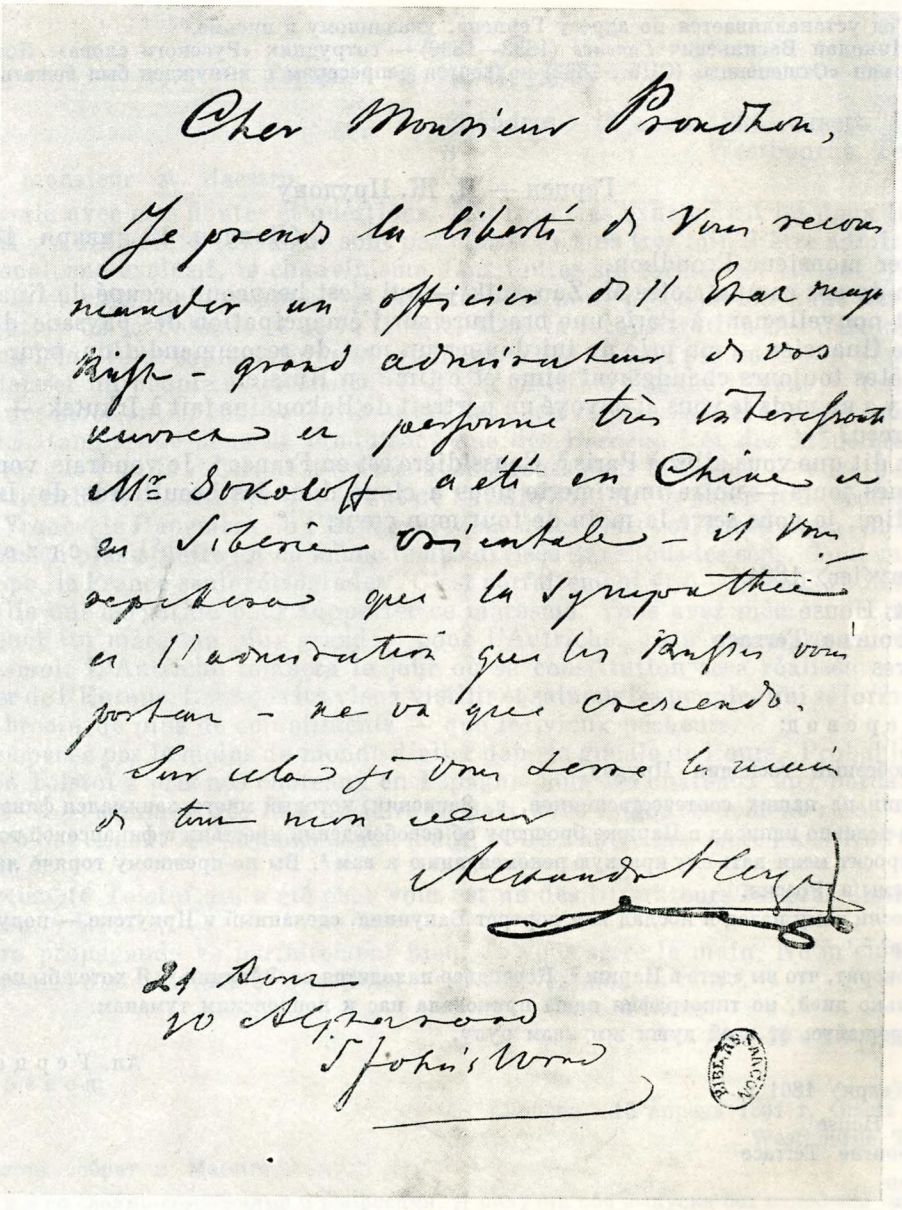
Cher monsieur Proudhon,

Je prends la liberté de vous recommander un officier de l'état-majeur russe — grand admirateur de vos œuvres et personne très intéressante [2]. M-r Sokoloff a été en Chine et en Sibérie orientale — il vous répétera que la sympathie et l'admiration que les Russes vous portent — ne va que crescendo.

Sur cela je vous serre la main de tout mon cœur.

Alexandre Herzen

21 août
10 Alpha Road. S. John's Wood



Cher Monsieur Proudhon,

Je prends la liberté de Vous recommander un officier de l'Etat major Russe - grand admirateur de vos œuvres et personne très intéressante Mr Sokoloff a été en Chine et en Sibérie Orientale - il Vous apportera que la sympathie et l'admiration que les Russes vous portent - ne va que croissant.

Sur ceci je Vous serre la main et tout mon cœur

Alexandre Herzen

21 Aout
10 Alpha road
St John's Wood

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА П. Ж. ПРУДОНУ

Автограф. Лондон, 21 августа <1860 г.>

Библиотека г. Безансона, Франция

Перевод:

Любезный господин Прудон,

Беру на себя смелость рекомендовать вам офицера русского штаба — большого почитателя ваших трудов и личность весьма интересную [2]. Г-н Соколов побывал в Китае и в Восточной Сибири — он вам повторит, что симпатия и восхищение, с которыми к вам относятся русские, всё продолжают возрастать.

Сказав это, жму вам руку от всей души.

Александр Герцен

21 августа
10, Alpha Road. S. John's Wood

[1] Год устанавливается по адресу Герцена, указанному в письме.
[2] Николай Васильевич *Соколов* (1832—1889) — сотрудник «Русского слова». Позднее за свой роман «Отщепенцы» (СПб., 1862) подвергся репрессиям и вынужден был бежать за границу.

6

Герцен — П. Ж. Прудону

〈Лондон. 19 января 1861 г.〉

Cher monsieur Proudhon,

Un de nos compatriotes M. Zapasnik — qui s'est beaucoup occupé de finances et a écrit nouvellement à Paris une brochure sur l'émancipation des paysans du point de vue financier — me prie de lui donner un mot de recommandation pour vous [1]. Vous êtes toujours chaudement aimé et estimé en Russie.

Il y a un mois je vous ai envoyé un portrait de Bakounine fait à Irkutsk — l'avez-vous reçu? [2]

On dit que vous allez à Paris [3]. Caussidière est en France [4]. Je voudrais venir pour quelques jours — notre imprimerie nous a cloué dans les brouillards de Londres.

Adieu, je vous serre la main de tout mon cœur.

Al. Herzen

19 janv〈ier〉 1861
Orsett House
Westbourne Terrace
Londres

Перевод:

Любезный господин Прудон,

Один из наших соотечественников, г. Запасник, который много занимался финансами и совсем недавно написал в Париже брошюру об освобождении крестьян с финансовой точки зрения, просит меня дать ему краткую рекомендацию к вам [1]. Вы по-прежнему горячо любимы и уважаемы в России.

Месяц тому назад я послал вам портрет Бакунина, сделанный в Иркутске,— получили ли вы его? [2]

Говорят, что вы едете в Париж [3]. Коссидьер находится во Франции [4]. Я хотел бы поехать на несколько дней, но типография наша приковала нас к лондонским туманам.

Прощайте, от всей души жму вам руку.

Ал. Герцен

19 ян〈варя〉 1861 г.
Orsett House
Westbourne Terrace
Лондон

[1] Александр *Запасник* — экономист, автор книг «О погашении государственных налогов» (СПб., 1857) и «Etudes financières sur l'émancipation des paysans en Russie, sur l'impôt foncier, le système monétaire et le change extérieur» (P., 1860). Последнюю книгу высоко оценил Огарев (см. XXVII, 114—115). В ответном письме от 11 апреля Прудон писал Герцену: «Кажется, что навестил меня и г. Запорник 〈!〉, о посещении которого сообщало ваше второе письмо; но я не сохранил воспоминания об этом господине: все русские лица как-то сливаются в моей памяти» («Лит. наследство», т. 15, с. 284).

[2] В том же письме Прудон откликнулся и на получение «портрета нашего общего друга Бакунина», т. е. копии фотографии, сделанной с Бакунина в Иркутске и подаренной им Герцену после бегства из России. Герцен послал эту копию Прудону при не дошедшем до нас письме от 24 декабря 1860 г. (см. XXVII, 905).

[3] Прудон жил в это время в Брюсселе, куда бежал из Парижа после присуждения его к трехлетнему тюремному заключению за книгу «De la justice dans la révolution et dans l'Eglise». Он был амнистирован в 1860 г., но в Париж возвратился только через два года.

[4] Марк *Коссидьер* (1809—1861) — французский революционный деятель, префект парижской полиции во время революции 1848 г. Возвратился в Париж из эмиграции незадолго до смерти и в политической жизни уже участия не принимал. Герцен с ним эпизодически встречался в Лондоне.

7

Герцен — П. Ж. Прудону

⟨Londres.⟩ 13 avril 1861. Orsett House
Westbourne Terrace

Cher monsieur et Maestro,

Me voilà avec mes doutes et questions. J'ai reçu très exactement les deux livraisons [1]. Il y a des points qui ne me sont pas clairs. Je suis très loin d'être admirateur du nationalisme exclusif, le chauvinisme dans toutes ses formes est ridicul, j'ai en horreur le patriotisme annexateur et égoïste — et nous prêchons du haut des toits la séparation de la Pologne et de la Russie. Mais la reconstitution des nationalités vaut bien l'équilibre diplomatique et artificiel. Et je ne vois pas de raison pourquoi ne pas laisser un peuple se reconstruire et se constituer comme il veut — lorsqu'il produit des héros antics comme Garibaldi et des persévérances à toute épreuve comme Mazzini... tandis que nous ne produisons que des Baroche [2] et des Mouchanoff [3]. Vous dites que l'unité italienne n'est pas avantageuse pour la France — encore moins pour l'Autriche [4]. Mais est-ce que le but de l'Italie doit être le surcroît de sécurité — pour la France, le Danemark ou l'Espagne? Vous dites dans votre lettre que «la France de plus en plus aplatie est en même temps divisée dans tous les sens. Tout marche en Europe, la France seule rétrograde»[5]. C'est parfaitement vrai — et vous voulez faire de l'Italie une caryatide pour supporter ce marasme. Vous avez même une miséricorde pour un marasme plus grand — pour l'Autriche. Je n'y comprends rien — éclairez-moi. L'Autriche tombera le jour où sa constitution sera réalisée — c'est le cancer de l'Europe. Laissons les vieux vieillir et saluons les peuples qui se forment — ils ont besoin de plus de compliments — que les vieux pécheurs.

Je ne pense pas le moins du monde d'aller dans la gueule de l'ours. Probablement le comte Tolstoï a pris nos châteaux en Espagne pour des châteaux aux bords de la Volga [6]. Nous sommes très loin de faire la paix avec le gouvernement russe — qui émancipe noblement les paysans d'une main, et de l'autre massacre dans les rues de Varsovie [7].

Le c⟨om⟩te Tolstoï qui a été chez vous est un des littérateurs les plus distingués de la jeune Russie.

Notre propagande va parfaitement bien. Je vous serre la main. Ne m'en voulez pas pour mes dissertations et questions — et écrivez-moi un mot [8].

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 13 апреля 1861 г. Orsett House
Westbourne Terrace

Дорогой собрат и Maestro,

Вот и я со своими сомнениями и вопросами. Я получил оба выпуска без малейшей задержки [1]. Есть пункты, которые мне неясны. Я очень далек от восхищения исключительным национализмом, шовинизм во всех своих формах смехотворен; меня приводит в ужас аннексионистский и эгоистический патриотизм — и мы во всеуслышание проповедуем отделение Польши от России. Но перегруппировка национальностей имеет бóльшую цену, нежели дипломатическое и искусственное равновесие. И я не вижу причины, почему бы не дать народу возможность перегруппироваться и устроиться так, как ему хочется, когда он производит таких античных героев, как Гарибальди, и таких непоколебимых упрямцев, как Маццини... в то время как мы порождаем лишь Барошей [2] и Мухановых [3]. Вы говорите, что итальянское единство невыгодно для Франции,— еще менее для Австрии [4]. Но разве целью Италии должно являться усиление безопасности Франции, Дании или Испании? Вы говорите в своем письме, что «Франция, все более и более унижаемая, в то же время разделена во всех отношениях. Все движется в Европе, одна лишь Франция тянет вспять» [5]. Это совершенно верно — а вы хотите сделать из Италии кариатиду для поддерживания этого маразма. Вы даже преисполнены сострадания к еще большему маразму — к Австрии. Я этого совсем не понимаю — просветите меня. Австрия падет в тот день, когда ее конституция воплотится в жизнь,— это рак Европы. Предоставим же старцам

стариться и обратимся лучше с приветствием к формирующимся народам — они больше нуждаются в комплиментах, нежели старые грешники.

Меньше всего на свете думаю я полезть в пасть к медведю. Вероятно, граф Толстой принял наши воздушные замки за замки на берегах Волги [6]. Мы очень далеки от примирения с русским правительством, которое одной рукой благородно освобождает крестьян, другой же производит резню на улицах Варшавы [7].

Г⟨раф⟩ Толстой, побывавший у вас,— это один из самых выдающихся литераторов молодой России.

Пропаганда наша идет превосходно. Жму вам руку. Не сердитесь на меня за мои рассуждения и вопросы — и напишите мне словечко [8].

Всецело преданный вам

А. Герцен

[1] Ответ на письмо Прудона от 11 апреля, в котором он, между прочим, извещал Герцена, что выслал ему по старому адресу два последних выпуска своей книги «De la justice...»— 11-й и 12-й («Лит. наследство», т. 15, с. 284—285).

[2] Пьер Жюль *Барош* (1802—1870) — реакционный политический деятель; в 1861 г.— министр без портфеля в правительстве Наполеона III.

[3] Павел Александрович *Муханов* (1798—1871) — член Совета управления Царства Польского, попечитель Варшавского учебного округа, махровый реакционер, частый объект обличений Герцена.

[4] В 11-м выпуске своей книги, под рубрикой «Новости революции», Прудон напечатал статью «Моя амнистия» — в связи с получением от имперского прокурора извещения о полном его прощении императором. Касаясь среди других тем международного положения, Прудон писал: «Франция вовсе не должна поддерживать единство Италии; она скорей должна была бы бороться с ним и изо всех сил поощрять противоположную партию и делать это из следующих трех соображений: 1. Идея единой и ретроградной, анахронистической Италии противоречит интересам социалистической демократии и истинным принципам свободы ⟨...⟩ 2. Эта идея — угроза для Франции ⟨...⟩ 3. Она противоречит традициям Италии и желанию большинства народов. Поскольку идея итальянской централизации в высшей степени противна революционному праву, так же как традициям народов, и вдобавок она враждебна Франции еще больше, нежели Австрии, то император французов и в своих собственных интересах должен воспрепятствовать ей...» (р. 183—184).

[5] Герцен имеет в виду следующее место из письма Прудона от 11 апреля: «Франция, все более и более унижаемая, в то же время разъединена во всех отношениях. Общественная мысль пошла ко дну, мораль послана к чёрту. Все движется вперед в Европе, Франция только одна, размахивая своим огромным канатом, тянет вспять...» («Лит. наследство», т. 15, с. 285).

[6] Отклик на замечание Прудона: «Говорят, что вы мечтаете о возвращении в Россию. Друг мой, это было бы прекрасно, если бы только ваша свобода там не была поставлена под угрозу». В том же письме Прудон сообщал, что у него на днях был «г. Толстой, ученый», т. е. Л. Н. Толстой, которому Герцен дал рекомендательное письмо к Прудону. Судя по публикуемым строкам, Герцен решил, что неверный слух о его возвращении сообщен Прудону Толстым.

[7] См. статью Герцена «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (XV, 65).

[8] Ответ Прудона от 21 апреля (*Л* XI, 86—88).

8

Герцен — П. Ж. Прудону

⟨Londres.⟩ 24 juillet 1864

Cher et vénérable ami,

Quelques mots que vous avez dit à M. Gromort [1] et le désir d'avoir mon portrait me montrent que vous ne m'avez pas oublié... et plus que cela — que vous n'avez rien contre moi — quoique je n'ai pas accepté tous les principes de vos dernières publications [2]. Voilà que je me rencontre avec un homme très éminent, un des amis de ma jeunesse — mais qui est dans le champ le plus opposé au mien. Il désire avoir quelques mots d'introduction — pour vous, il admire — précisément ce que je n'admire pas dans votre brochure sur la Pologne [3].

G. Samarine a joué un rôle très grand dans l'émancipation des paysans en Russie. Il joue un grand rôle — maintenant, homme d'une intelligence et d'une civilisation profonde — haut placé dans la société — il peut vous dire mille choses remarquables — et entre autres tout ce qu'il a contre notre propagande.

Recevez-le avec la même bienveillance comme le c⟨om⟩te Tolstoï et pensez quelquefois à votre vieux ami

A. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 24 июля 1864 г.

Любезный и почтенный друг,

Несколько слов, сказанных вами г. Громору [1], и желание иметь мой портрет показывают мне, что вы меня не забыли... и, более того, что вы ничего против меня не имеете — несмотря на то, что не все основополагающие взгляды ваших последних публикаций приняты мною [2]. Но вот я встречаюсь с человеком, весьма выдающимся, одним из друзей моей юности — но действующим на поприще, противоположном моему. Ему хочется получить несколько рекомендательных слов к вам; он восхищается именно тем, чем я не восхищаюсь в вашей брошюре о Польше [3].

Ю. Самарин сыграл весьма большую роль в освобождении крестьян в России. Он играет большую роль — теперь, человек очень умный и глубоко образованный — занимающий высокое положение в обществе,— он может рассказать вам тысячи замечательных вещей — включая и все то, что он имеет против нашей пропаганды.

Примите же его с той же благожелательностью, с какой приняли гр. Толстого, и думайте иногда о вашем старом друге

Ал. Герцене

Письмо написано на бланке «Royal Hotel. Chatham Place, Blackfriars Bridge, London. P. de Keyser».

[1] *А. Громор* — парижский переводчик и издатель.

[2] См. предыдущие письма. Герцен мог иметь в виду и новые брошюры Прудона «La fédération et unité d'Italie» (P., 1862) и «Actes du futur congrès» (P., 1863). В 1865 г. вышла новая брошюра Прудона — «Unité italienne. Nouvelles observations sur l'unité italienne», в которой он много места уделил Австрии и ее отношениям с Италией. Что касается книги «De la justice...», то Герцен резко осудил ее еще в 1859 г., после ознакомления с первым изданием (см. X, 196—201).

[3] Юрий Федорович *Самарин* (1819—1876), с которым Герцен встречался и спорил в Лондоне,— «Робеспьер монархии» (XXVII, 498), адресат герценовских «Писем к противнику» (XVIII, 274—296). Говоря о «брошюре» Прудона, Герцен, вероятно, имел в виду его сочинение «Si les traités de 1815 ont cessé d'exister. Actes du futur congrès» (P., 1863)— глава шестая озаглавлена «Польский вопрос» (p. 65—100) — или же книжку «La guerre et la paix», вышедшую в Париже и Брюсселе в 1861 г. В «Общем заключении» к ней Прудон наряду с другими проблемами затрагивает и польский вопрос. Там встречаются следующие строки: «Что потерял весь мир, позволив погубить Польшу? Существует ли польская идея? Польша, как всегда, может предложить миру лишь свой католицизм и свое дворянство» (t. I, p. 413).

Не исключено, что Герцен имел в виду и следующие строки из 2-го издания книги Прудона «De la justice...» (1861): «В Варшаве, в Литве, в герцогстве Познанском происходят волнения. Польша, подобно Италии, желает возродиться. В ее ли это силах? Обладает ли она идеей, которая заставит ее жить? 〈...〉 По какому праву, на каком основании, ради какой цели думает она вернуться к жизни? 〈...〉 Продолжайте же спать, поляки, раз вы способны быть лишь золотой серединой...» («Лит. наследство», т. 39-40, с. 287).

Через три дня, 27 июля, Герцен просил С. Тхоржевского переслать Громору выбитую в честь десятилетия Вольной русской типографии медаль «для передачи Прудону с величайшим респектом» (XXVII, 496). Не получая отклика ни от Громора, ни от Прудона, Герцен в письме к Самарину от 17 августа просил не забыть при поклоне Прудону осведомиться насчет этой медали (см. XXVII, 506).

Самарин не встретился с Прудоном и поручение Герцена выполнил письменно (см. письмо Прудона к Самарину от 3 ноября 1864 г.— *Л.*, XVII, 336—337).

Ж. МИШЛЕ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Герцен познакомился с Жюлем *Мишле* (1798—1874) в июне 1851 г. Сочинения знаменитого историка были ему известны еще со студенческих лет, а в 1847 г. он, вероятно, успел прослушать и несколько публичных лекций Мишле в парижском Collège de France (см. V, 81, 312). Знакомство их вскоре перешло в дружбу, продолжавшуюся до смерти Герцена, и можно с уверенностью сказать, что более пылкого и искреннего почитателя, чем Мишле, у Герцена среди «горных вершин» западного мира никогда не было. Своего прославленного друга Герцен ценил не только как красноречивого историка-художника, республиканца и антиклерикала, но и как гуманиста, наделенного юношеской живостью чувств и сердечной теплотой.

Публикуемые письма Мишле относятся преимущественно к первым месяцам их знакомства и тесно связаны двумя брошюрами Герцена: «Du développement des idées revolutionnaires en

Russie» и «Le peuple russe et le socialisme» (вторая была написана в виде открытого письма к Мишле), а также с мемуарно-биографическим очерком Герцена «Michel Bakounine».

Первую из этих брошюр Герцен лично преподнес Мишле летом 1851 г., во время продолжительных бесед о России и ее исторических судьбах. Тема эта живо интересовала Мишле, работавшего тогда над очерками о взаимоотношениях России и Польши. По словам Герцена, его брошюра очень понравилась историку (XXIV, 187). Это подтверждается отзывами в статьях и письмах Мишле. Однако общая концепция «Du développement...» и разнообразный фактический материал, содержавшийся в брошюре, совершенно не отражены в первых тринадцати главах труда Мишле «Pologne et Russie. — Légende de Kosciuszko», печатавшегося с 28 августа 1851 г. в парижской газете «Evénement». Эта романтическая биография вождя польского восстания 1794 г. поражала крайней предвзятостью мнений и бьющей в глаза антирусской направленностью и свидетельствовала о поверхностном знании истории России и незнании ее народа (черта, характерная для всех западноевропейских демократов того времени) *. Мишле утверждал, например, что России вообще *нет*, что она лишь «фантасмагория, мираж, империя иллюзий». Он отрицал существование русской литературы и науки, а русским людям отказывал в нравственных достоинствах.

Эти суждения авторитетного ученого сильнейшим образом огорчали Герцена. «Я с глубоким прискорбием прочел ваши озлобленные слова,— писал он своему недавнему собеседнику.— Печальный, с тоскою в сердце, я, признаюсь, напрасно искал в них историка, философа и прежде всего любящего человека, которого мы все знаем и любим...» (VII, 312).

Герцен понимал, однако, что появление антирусского памфлета имело и положительную сторону, так как давало возможность для открытой полемики в международной печати и пропаганды собственных воззрений.

Брошюра «Le peuple russe et le socialisme», вероятно, уже была почти закончена Герценом, когда в Ниццу прибыли очередные номера «Evénement» с последними главами легенды Мишле о Костюшке. Вместо обычных оскорбительных выпадов против России он с изумлением обнаружил в этих главах сочувственные характеристики порабощенного русского народа, крепостного крестьянства, «героев-декабристов», П. Я. Чаадаева и М. А. Бакунина. Эта внезапная перемена взглядов, как пояснял сам Мишле, являлась прямым результатом влияния на него Герцена и его книги. Мишле подробно изложил французским читателям, предельно близко придерживаясь «Du développement...», историю появления в «Телескопе» «Философического письма» Чаадаева и к словам «под гробовой доской таится искра» сделал следующее красноречивое примечание о сочинении Герцена:

«Искра! Не в той ли она восхитительной брошюре, которая только что вышла в свет? Автор <. . .> пишет на нашем языке с героической мощью, которая раскрывает его анонимность и повсюду обнаруживает великого патриота! Я с изумлением читал и десять раз перечитывал эту книгу. Мне чудились в ней древние герои Севера, начертавшие беспощадным мечом приговор нашему жалкому миру... Увы! Это не только осуждение России, это осуждение Франции и Европы <...> Но пока в Европе есть такие люди, ничто еще не безнадежно».

Первым желанием Герцена после прочтения этих «преображенных» глав было, как он сам сообщил Мишле, бросить в огонь уже написанные полемические страницы. «Ваше теплое, благородное сердце не дождалось, чтобы кто-нибудь другой поднял голос в пользу непризнанного русского народа. Ваша любящая душа взяла верх над принятою вами ролей *неумолимого* судьи, мстителя за измученный польский народ»,— заявил он с благодарным чувством (VII, 334—335).

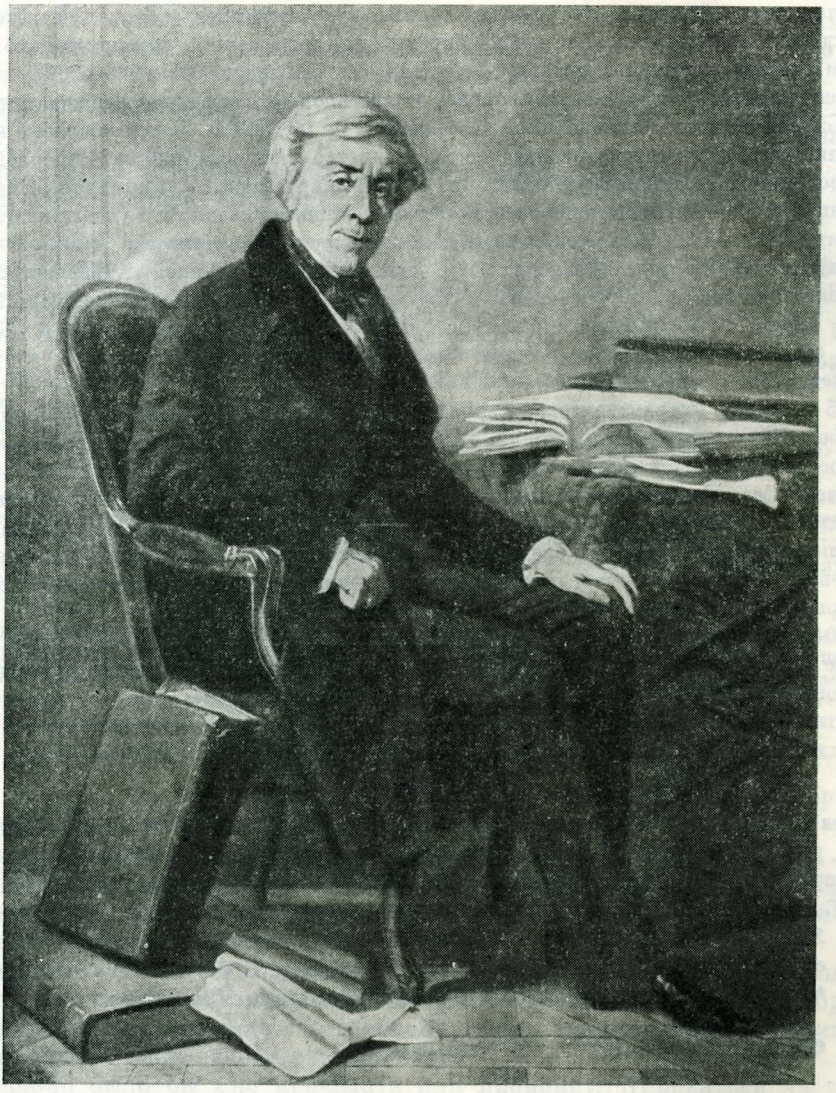
В начале октября Мишле писал Герцену:

«Милостивый государь, я был счастлив в своих польских и русских легендах выразить, хоть отчасти, свое глубокое уважение к вашему таланту и вашему характеру; я найду как-нибудь случай поговорить о вашей книге более обстоятельно *и по душе*.

Ни в коем случае не судите, прошу вас, эти легенды *по крайне неточной* публикации ее в одной из газет; я вскоре перепечатаю их отдельным томом и не премину их предложить вам очищенными от типографских ошибок и от нескольких своих. Я вычеркиваю, в частности, то, что несправедливо сурово сказал о русской литературе. Упрекаю себя за эти слова о прославленных патриотах, выдающаяся заслуга которых в том, что они приподняли своими головами этот ужа-

---

* Герцен писал впоследствии, что Мишле прежде понимал Россию «совершенно по-французски», т. е. «вовсе не понимал, бранил сплеча» (XII, 430).



ЖЮЛЬ МИШЛЕ
Портрет работы Т. Кутюра (масло)
Музей «Carnavalet», Париж

сающий ледяной свод и приоткрыли небольшую щель, дабы дать возможность хоть чуточку вздохнуть этому бедному погребенному народу.

Если, как мне сказали, вы собираетесь опубликовать замечания на эти легенды, то, каковы бы эти замечания ни были, я поблагодарил бы вас за эту высокую честь и приложил бы все свои силы, чтобы дать вашей критике самое большее распространение.

Узы, связывающие меня с вами, слишком прочны, поверьте, чтобы какие-нибудь потуги литературного тщеславия могли порвать их или ослабить.

Меня связывают с вами и общая вера, и общие дружеские отношения, Бакунин, все великие патриоты нашего времени, русские и польские.

Горячо приветствую вас. Ж. М и ш л е

Верна ли весть о смерти Бакунина?»

(«Revue», 1907, № 10, p. 150. Перевод значительно уточнен: ср. *Л* VI, 464—465).

«Мишле с величайшим беспристрастием принял мои замечания, требовал серьезных объяснений, согласился с ними, и все это с той искренностью и простотой, которая только принадлежит людям, страстно любящим истину»,— писал позднее Герцен (XII, 288—289).

С 27 сентября в газете «Evénement», вслед за легендой о Костюшко, началось печатание новой серии статей Мишле, озаглавленной «Les martyrs de la Russie». В ней подробно излагались и развивались взгляды Герцена на русское крестьянство и на декабристов. В первой же главе мы снова встречаем выразительную ссылку на «Du développement...». Упоминая о своей «легенде», посвященной жизни и деятельности Костюшко, Мишле указал, что уже привлек там внимание читателей к «этой героической книге великого русского патриота».

19 ноября в той же газете, выходившей под измененным названием «Avènement du Peuple», по настоянию Мишле была перепечатана (в сокращенной редакции) новая брошюра Герцена — «Le peuple russe et le socialisme». Во вступительной заметке к ней редактора К. Беррю Герцену дана была в высшей степени лестная оценка (она цитируется мною ниже, в публикации «Письмо незнакомки к Герцену»).

В 1855 г. Мишле охарактеризовал Герцена в открытом письме к издателю «Полярной звезды» как представителя «сознанной мысли» России, ее «древней, давно подавленной души» — и в то же время ее «молодой души», «пророчески сознающей будущее» (XII, 290).

Все касавшееся Герцена живо интересовало Мишле; он искренно делил с ним все его горести и радости. С восторгом отозвался Мишле на призыв Герцена поддержать своим влиянием и авторским участием «Полярную звезду», неутомимо хлопотал об издании в Париже французского перевода «Былого и дум» и редактировал этот перевод. Отзывы Мишле об этой «славной книге» Герцена представляют собой сплошной хвалебный гимн.

В 1860-х годах друзья время от времени встречались и переписывались. Герцен не раз читал Мишле свои новые сочинения, которые продолжали вызывать у чуткого слушателя самые экзальтированные оценки.

Известие о внезапной кончине русского друга потрясло Мишле. «Великое сердце перестало биться,— сказал он со слезами на глазах.— Это был человек, каких мало на земле» («Лит. наследство», т. 63, с. 531).

Письма печатаются по тексту журнала «Revue» (Париж), 1907, № 10 р. 151—153, 156, 157, 160; № 11, р. 312, 313, 316), где опубликованы впервые Г. Моно на языке оригинала. Частичный русский перевод п. 1, 3, 7 (в изложении или цитатах) опубликован М. О. Гершензоном (еще до Моно) в «Былом» (1907, № 4); п. 2, 4, 5, 6 — М. К. Лемке в *Л* VI, 465, 466, 531, 532; п. 9 — в *ЛЖГ* II, 321; письмо Мишле к А. А. Герцену (в приложении) печатается по книге: Jules Michelet. Légendes démocratiques du Nord. P., 1968, p. LVI, где опубликовано впервые М. Кадо. Автографы хранятся в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Перевод с французского:

1

21 октября 1851 г.[1]
Парижское предместье aux Thernes
rue Villiers, № 43

Будьте совершенно уверены, что если бы письмо не прошло, то это означало бы, что я там никаким влиянием не пользуюсь. Они нерешительны, робки, но все же поместят [2].

Я рассчитываю немножко поговорить в постскриптуме о нашем несчастливце! Особенно же сказать, что из него ничего не выжмешь, по той серьезнейшей причине, *что он ничего не знал.*

Всем известна была его откровенность, его открытый характер, его героическая несдержанность. Никто ему не решился бы что-либо доверить.

Эта ужасная весть пронзила мне сердце; мне отрадней было думать, что он умер. Насколько это лучше было бы, чем стать игрушкой для тигров...[3]

И все же, как знать?.. Не может ли случиться взрыв, удачное 14 декабря?

...И не в 1852 ли году, когда армии окажутся в походе, лицом к лицу с армиями революции? Это правдоподобнее теперь, чем дворцовый переворот.

Если бы вы могли сообщить мне, как достать какие-нибудь биографические сведения о Бакунине, вы крайне меня обязали бы; несколько дат... Я их использовал бы хоть в новом издании, которое вскоре вам пришлю [4].

От души приветствую вас.

Ж. Мишле

Правда ли, что в Ницце конфисковали брошюру Искандера? Если это верно, то можно ли сообщить об этом? [5]

[1] По-видимому, ответ на не дошедшее до нас письмо Герцена.

[2] Около 12 октября Герцен просил М. К. Рейхель сообщить Мишле через А. Бернацкого, что ему будет адресовано открытое письмо, которое Герцен хотел бы видеть в газете «Evénement» «с ответом или без» (XXIV, 202; см. вступительную заметку к настоящей публикации). Сокращенный перевод этого письма к Мишле, получившего название «Русский народ и социализм», появился 19 ноября в газете «Avènement du Peuple» (так стала называться после запрещения ее правительством газета «Evénement»). См. факсимильное воспроизведение начала и конца этой публикации в «Лит. наследстве» (т. 64, с. 241).

[3] Речь идет о М. А. Бакунине, выданном австрийскими властями царскому правительству. В конце своей «Легенды о Костюшке» Мишле обращался к Бакунину — «герою», «прославленному мученику <...>, погребенному с кандалами на ногах в одной из темниц России»: «О доблестное сердце, благородная натура, любящий друг Польши и Франции <...> Если случится, что моя книга проникнет через стены, за которыми вы заключены, пусть она скажет вам, что наши сердца полны вами, и что наши глаза полнятся слезами при мысли о вас, и что все чувствуют тяжесть ваших цепей...» О Бакунине в это время и позднее распространялись слухи, будто он является агентом русского правительства.

[4] См. следующие письма.

[5] Первое французское издание «Русского народа и социализма», напечатанное в Ницце (тогда итальянской), во время пересылки большей части тиража во Францию было перехвачено французской полицией в Марселе и, по-видимому, уничтожено. Сохранившаяся часть тиража имела хождение только в Пьемонте и Швейцарии (VII, 271).

2

<Париж.> 27 октября 1851 г.

Дорогой господин Герцен,

Вот вопрос, который для меня в настоящий момент всего важнее.

Мне говорили: «Император — освободитель крепостных не только в 1842 г., но и позднее, и совсем еще недавно он с угрозами настаивал на освобождении крепостных» [1].

Мне очень хотелось бы раздобыть точные факты для ответа. То немногое, что мне известно, указывает лишь, что император хочет серьезнейшим образом попугать дворян, держать над их головой угрозу галицийского погрома [2]. Да и могут ли они по-настоящему освобождать?

Где можно было бы мне прочитать или проконсультироваться насчет этого?

Историк Николая, Шницлер, останавливается, к сожалению, на 1842 годе [3].

Если у вас есть для меня какие-либо разъяснения, буду вам за них чрезвычайно признателен.

Считаете ли вы достоверной новость о смерти бедного Бакунина? [4]

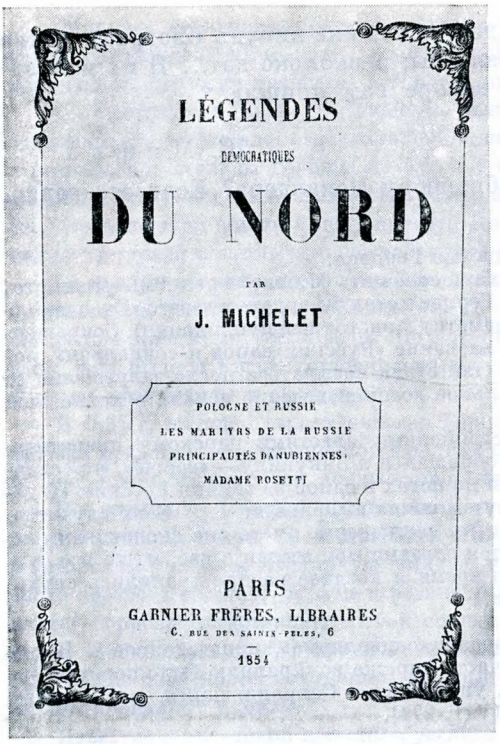
Вашей критики я еще не получил; я тотчас же передам ее в «Evénement». Существуют ли какие-нибудь портреты Пестеля и Рылеева? Я поместил бы их в своей молельне. А Бакунин, рисовали ли его? [5]

Жму вам руку, и от души.

Ж. М.

Я занимаюсь также и Дунаем, и пропагандой, которую ведет там русское правительство [6].

[1] 2 апреля 1842 г. Николаем I был подписан указ «об обязанных крестьянах», по которому помещики могли отпускать крепостных на волю, заключая с ними договоры о предоставлении им земельных участков «в пользование за условленные повинности» (см. скептический отзыв Герцена об этом указе в его дневнике 1842 г.— II, 209). Мишле имеет здесь в виду и другие попытки русского самодержца несколько смягчить взаимоотношения помещиков и крепостных — например, его речь при приеме депутации от смоленского дворянства (1847) и обращение к дворянству петербургскому (1848). См.: М. Полиевктов. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 312—320.



ЖЮЛЬ МИШЛЕ. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА

Париж, 1854

Обложка

В этой книге Мишле характеризует Герцена как «величайшего патриота», чье перо обладает «героической мощью»

[2] В 1846 г. в ответ на попытку восстания в Галиции австрийские власти устроили там массовую резню.

[3] Труд И. Г. Шницлера (1847) «Etudes sur l'empire des tzars.— Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825» (t. I—II) Герцен охарактеризовал как «холодные компиляции, не свободные от официального влияния» (VI, 195). Следующий том вышел в свет в 1850 г.

[4] «Немецкие газеты заговорили о его смерти „от последствий *водянки*". Неужели это правда? Бедный Бакунин!» — в свою очередь писал Герцен Мишле (XXIV, 207). Слух о смерти Бакунина оказался недостоверным.

[5] 7 ноября Герцен обещал Мишле постараться достать для него «портреты наших мучеников», хотя «не так-то легко получить их из Москвы» (XXIV, 204).

[6] В это время Мишле работал над своей «Легендой о Дунае» (начата 26 октября).

3

〈Париж.〉 3 ноября 1851 г.

Каждое ваше слово, милостивый государь, это *дело*. И последним из них я тронут был до слез [1].

Нет, вы не погибнете [2]. Мы спасемся все вместе. Франция 52-го года вскоре воскреснет, мир будет еще жить [3].

Вы, бесспорно, в известном смысле,— авангард рода человеческого [4]. Да убережет меня бог от спора с теми, кто занимает сей почетный пост!

Я не дожидался ваших замечаний, чтоб изменить то, что сказано было мною о русской литературе [5].

Что же до всего остального, то свои сомнения я изложу вам в конце нового издания легенды, которую вскоре вам преподнесу [6].

Я сейчас же зайду к Франку [7], чтобы договориться с ним насчет экземпляров, которые он отправит в газеты. Сделаю так, чтобы все (по крайней мере все наши) поместили отрывок или же рецензии.

Обращаюсь к вам, дорогой Герцен, и с *просьбой насчет подробностей о Бакунине* [8] (лишь самое существенное, я же изложу это по-своему), а также о *вопросе, касающемся освобождения*, если у вас есть какие-либо факты, освещающие взаимоотношения царя и помещиков. Возможно скорее, прошу вас.

Сердечно жму вам руку.

Ж. М.

Не могу достаточно выразить, как я люблю вашу новую книгу и восхищаюсь ею.

[1] Отклик на неизвестное письмо Герцена, к которому была приложена его брошюра «Le peuple russe et le socialisme».

[2] В конце своей брошюры, говоря о погибающем в сыром каземате у ледяных вод Ладожского озера М. А. Бакунине, Герцен предсказывал: «И мы так же погибнем на полпути, как и он» — и добавлял: «Но тогда вашим строгим и величавым голосом скажите еще раз нашим детям, что за ними остается долг...» (VII, 339).

[3] В 1852 г. истекали полномочия французского Национального собрания и президента республики. Это поддерживало надежды на возможность ослабления реакционного режима во Франции.

[4] Объяснение этих слов — в ответном письме от 7 ноября, где Герцен писал: «Я еще сохранил веру в 1852 год, и если в конце своего письма упомянул о нашей гибели, то имел в виду лишь

нас, русских». В том же письме он отмечал, что русские находятся «в авангарде арьергарда» (XXIV, 204).

[5] Во второй главке «Легенды о Костюшке» Мишле писал: «Нам дела нет до того, что несколько талантливых людей, упражняясь на якобы ученом русском языке, позабавило Европу бледным представлением о пресловутой русской литературе. Вся эта литература, кроме нескольких редких благородных усилий, вскоре же задушенных,— не что иное, как результат подражания».

[6] Книга Мишле «Pologne et Russie.— Légende de Kosciuszko» вышла 26 ноября (с датой: 1852). В нее включен только «Костюшко». Специального обращения к Герцену там нет. «Вторым изданием» Мишле называют это издание в отличие от первоначальной, *газетной* публикации.

[7] Альбер *Франк* — парижский книготорговец, комиссионер ряда изданий Герцена.

[8] По настоятельной просьбе Мишле Герцен прислал ему специально написанную для него статью «Michel Bakounine», начинавшуюся так: «...я глубоко тронут честью, какую вы мне оказываете, обращаясь ко мне и предоставляя мне возможность поговорить об этом герое, с которым я был очень близок. Пусть эти наспех сделанные заметки помогут вам создать ему мученический венец! — он достоин, милостивый государь, венца, сплетенного вашими руками» (VII, 351).

4

〈Париж.〉 7 ноября 1851 г.

Недавно я послал вам благодарность за это произведение, восхищающее своей силой и жизнью [1]; благодарность свою я выражу публично в конце нового издания своей «Легенды о мучениках России», изложив вам при этом свои сомнения по некоторым пунктам [2].

Дошло ли до вас мое письмо?

Сразу же после того, как оно было мною написано, я побывал у г. Франка, чтобы переговорить с ним относительно газет. Он сказал мне, что ждет ваших распоряжений насчет раздачи им экземпляров.

Рукопись я получил и вскоре предложу ее ежедневным газетам (что будет намного лучше); если у них не окажется места, то подумаем о журналах.

Ради бога, пришлите мне Бакунина: я занят печатанием, и меня торопят.

Сердечно жму вам руку.

Ж. Мишле

[1] Вероятно, письмо Мишле от 3 ноября с откликом на получение статьи «Michel Bakounine».

[2] См. прим. 4 к следующему письму.

5

〈Париж.〉 17 ноября 1851 г.[1]

Дорогой господин Герцен,

Интересную рукопись и три брошюры [2] я получил и настойчиво рекомендовал их в «Evénement», в «National» и в «République» — не газетам вообще, а моим друзьям, там сотрудничающим. «Evénement», надеюсь, полностью опубликует десять последних страниц.

Мой издатель [3], по несчастию, чрезвычайно медлительный, вскоре выпустит в свет новое издание моих «Мучеников России». К ним я прибавлю эпилог, в котором поблагодарю вас за ваше восхитительное письмо, изложив вам одновременно свои сомнения насчет отдельных пунктов [4].

Мне особенно хотелось бы поместить именно в «National», одно за другим, то, что вы мне прислали, но *подпись там необходима*. Должны ли мы поставить ваше имя или же имя того молодого человека (весьма достойного), о котором я говорил вам? [5] Он устранил бы некоторые мелкие небрежности языка, прибавил бы кое-какие сведения, которыми мы здесь располагаем, и *настойчиво занимался бы делом, связанным с ее помещением*.

Вам трудно будет и поверить, насколько это последнее необходимо. Раз десять наведаешься в газеты; тебе десять раз пообещают, а сделать ничего не сделают.

Ответьте же мне возможно скорее насчет этого пункта. *Без подписи* мы ничего не можем сделать [6].

Сердечно жму вам руку.

Ж. Мишле

Попытаюсь заставить «Presse» повторить несколько слов из «Evénement»[7]. Как только Франк получит экземпляры, я возьму их для «Siècle», «Semaine», «Liberté de Penser», «Nouvelle Revue» Теофиля Готье.

[1] Посылая это письмо, Мишле еще не знал о страшном несчастье, постигшем Герцена в ночь с 16 на 17 ноября,— гибели при кораблекрушении его матери и сына. На это письмо ответило по просьбе Герцена неустановленное лицо с инициалами (латинскими) *А. Н.*, ошибочно расшифрованными публикаторами как Э. Гауг (XXIV, 392—393). Сам Герцен откликнулся на письмо Мишле только 30 ноября (XXIV, 210—211).

[2] Вероятно, рукопись Энгельсона «Петрашевский», о получении которой Мишле упоминает в предыдущем письме, и три экземпляра брошюры Герцена «Le peuple russe et le socialisme».

[3] По-видимому, один из братьев Гарнье, владельцев издательской фирмы «Garnier-frères»,— Огюст (1812—?) или Ипполит (1816—?). В их издании вышла книга Мишле «Légendes démocratiques du Nord».

[4] Своего намерения Мишле не выполнил, вероятно огорчив этим Герцена, с нетерпением ожидавшего эпилога. В предисловии к изданию 1863 г. Мишле упоминает о том, что ему давно уже снова хотелось поговорить о Польше и России, но что его смущали «Колокол» и «любимые имена русских мучеников», «очаровательный ум Герцена, возвышенность его чувств, героизм Бакунина». Он завершал предисловие словами: «Да умрет *бессердечная* империя! но не русская нация, ибо благодаря ей будет жить Россия».

[5] В письме от 11 ноября Мишле просил Герцена поручить его знакомому Л. Ноэлю, остро нуждающемуся в заработке, наблюдение за публикацией его статей в парижской печати и составление к ним пояснений (*Л* VI, 687—688).

[6] По закону, принятому во Франции в 1850 г., все статьи в ежедневных газетах должны были подписываться полными именами авторов.

[7] Вероятно, этот план был сорван переворотом 2 декабря.

6

〈Париж.〉 20 ноября 1851 г.[1]

Дорогой господин Герцен,

Никогда я не смогу в достаточной мере отблагодарить госпожу Герцен за подарок, который ей угодно было мне сделать... Я принял его с живым волнением признательности как бесценный залог братства [2].

В «Evénement» (который я вам вчера отправил) [3] напечатаны прекрасные слова о Бакунине. Лучше всего письмо отдать в «National».

К тому же есть очень важная вещь, которую надобно принять во внимание: это что хотя «Evénement» и имеет большое распространение (печатается в 14 000 экземпляров), но продается только в Париже. «National» же продается *во Франции*.

Дабы обеспечить помещение заметки в «National», не сделать ли нам допущение, что по прочтении в этой газете небольшого надгробного слова о Бакунине [4] вы выразили сожаление насчет полного отсутствия подробностей о его жизни и что вы посылаете эти биографические подробности *главному редактору*. Это облегчило бы продвижение дела.

Все это, подобным образом представленное, и *письмо*, *дополненное* г. Леоном Ноэлем (под моим наблюдением) по делу С. Роша с поляками и под конец несколько подправленное в отношении отдельных незначительных языковых подробностей, даст, надеюсь, как я уже говорил вам, возможность извлечь из этого сколько-нибудь денег для Ноэля и его семьи, буквально умирающей с голоду [5].

Должна ли статья о молодом Петрашевском также быть подписана *Искандер*? А как надобно подписать другую? [6]

Я получил три экземпляра для «National», «République», «Evénement» и вскоре возьму остальные у Франка для прочих газет.

Сердечно жму вам руку [7].

Ж. Мишле

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Н. А. Герцен сделала специально для Мишле, по памяти, карандашный набросок лица Бакунина. Позднее, в 1855 г., Мишле писал Герцену: «В моей теперешней комнате 〈...〉 висит портрет русского; портрет этот полон трагического смысла для меня, он мне вдвойне дорог — это черты нашего Бакунина, набросанные умирающей рукой вашей жены. Я часто не могу оторвать глаз от него и думаю, и думаю, такое множество чувств возбуждает он, такое море мыслей...» (XII, 289).

[3] Накануне, 19 ноября, в газете «Avènement du Peuple» (Мишле по привычке называет ее «Evénement») появилась сокращенная публикация «Русского народа и социализма» (см. выше).
[4] Бакунин, как известно, умер четверть века спустя.
[5] «Я буду очень признателен г. Ноэлю, если он пожелает подписать статьи своим именем. Вообще же поступайте так, как найдете нужным, и не лишайте меня своей дружбы»,— так ответил Герцен на это и аналогичные вопросы Мишле 30 ноября (XXIV, 211).
[6] О статьях, присланных Герценом Мишле, см. выше.
[7] Ответ Герцена от 30 ноября — XXIV, 210—211.

7

Париж. 16 марта 1852 г.

Дорогой господин Герцен,

Вы мне говорили о столь сильно пошатнувшемся здоровье супруги. Больше ничего вы мне по этому поводу не говорили. Я преисполнен беспокойства [1]. Никогда не забуду той исключительной доброты, с которой она преподнесла мне набросок портрета нашего бессмертного Бакунина.

Я полностью погружен в 93-й год, спешу закончить мою историю [2] *до новых событий* [3]. Под впечатлением от слова, сказанного мною как-то у себя за столом в присутствии нескольких друзей по поводу вашего безмерного несчастья, в особенности же от торжественного выражения в вашем письме: «Я погиб с целым миром» [4], Прео [5] сделал рисунок. Вы, без сомнения, его получили: это *скорбь*, *владеющая миром*, *терзающая его*, *вертящая им*, держащая под пятой сей злополучный шар, который продолжает вращаться, не подвигаясь вперед [6]. Вдали либо море, либо Сибирь, *бесплодная* бесконечность, как *жестоко* говорит Гомер.

Получив воплощение, обращенный лицом к морю, этот памятник был бы, по моему мнению, поистине величествен. Будет ли он или не будет создан, примите все же этот рисунок как свидетельство живой симпатии, которую вы внушаете здесь всему, что мыслит; как залог глубокого единения между великими художниками и прославленными патриотами всех стран.

Сердечно жму вам руку.

Ж. М.

Покажите его достойным людям, литераторам, если хотите, но только не художникам... они так ревнивы! [7]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.
[2] Семитомная «Histoire de la Révolution française» Мишле выходила с 1847 по 1853 г. в Париже.
[3] Письмо написано через три с половиной месяца после бонапартистского переворота, во время непрекращающегося правительственного террора.
[4] Это письмо неизвестно.
[5] Антуан Огюст *Прео* (1809—1879) — французский скульптор и художник.
[6] Возведение памятника матери и сыну Герцена, а также воспитателю последнего И. Шпильману близ места их гибели при кораблекрушении в Йере несколько раз откладывалось и в конце концов не состоялось. 13 октября 1853 г. в ответ на просьбу Прео, переданную через Мишле, Герцен писал последнему: «Ради бога, извинитесь за меня перед г. Прео; вы не представляете себе нашего бродячего существования. Мы кочуем из страны в страну, оставляя всюду половину книг, вещей и т. д. Я сделаю все возможное, чтобы отыскать в Швейцарии рисунок Прео» (XXV, 122). Возможно, что этот эскиз был возвращен автору, который собирался соорудить что-то подобное этому памятнику (см. XXV, 128).
[7] Ответное письмо Герцена неизвестно.

8

Париж, rue de l'Ouest, № 44
30 июля 1855 г.[1]

То, что я предвидел, случилось, дорогой господин Герцен, моя дочь недавно умерла [2].

Я же все более привязываюсь к тому, что не умирает. Письмо ваше — сильное живительное средство, которое при необходимости могло бы и воскрешать. Восхищаюсь вашей несокрушимой мощью. Особенно понятна мне надежда, возбуждаемая в вас результатами последнего года [3].

Ваш книготорговец должен был получить одиннадцать или двенадцать экземпляров «Реформации». Благоволите написать ему, прошу вас, как должно их распределить [4].

Из этой книги вы увидите, что я благожелательно трактую протестантскую революцию XVI столетия: какой бы бессильной она себя с той поры ни показала, в те времена она была бесконечно полезной. Научный и рациональный элемент Возрождения (воплощенный в Колумбе, Копернике, Рабле, Галилее и пр.) явился в достаточно *целостной* форме, чтоб организовать сопротивление. Без Женевы иезуиты вновь захватили бы мир на целое столетие или на еще более продолжительное время.

Братски жму вам руку и с нетерпением жду «Звезды», если у вас есть возможность переслать мне второй номер [5].

Тысяча предварительных благодарностей за то, что вы соблаговолите сделать для «Реформации».

Ж. Мишле

[1] Ответ на письмо Герцена от 8—9 июля (XXV, 275—280). Публикуемое письмо по недосмотру не отражено в *ЛЖГ* II, 249.

[2] Дочь Мишле, жена профессора Э. С. Дюмениля (см. упоминание о ней выше, в «Переписке с К. Фогтом», и XXV, 295).

[3] Сообщая Мишле о предстоящем выходе первой книжки «Полярной звезды», Герцен писал: «Последний год был для меня необыкновенно важен ‹...› Только теперь у меня появились ощутимые доказательства того, что я не напрасно пожертвовал всей своей жизнью с 16-летнего возраста; пройдя через ряд несчастий, закалившись в горниле самого разрушительного скептицизма, я, наконец, встречаю надежду» (XXV, 278).

[4] Второй том «Истории XVI века» Мишле, о предстоящем выходе которого он известил Герцена 23 января (см. XXV, 457; «Revue», 1907, № 11, p. 312—313), имел подзаголовок «Réforme» («Реформация»). Герцен собирался поместить перевод нескольких страниц из этой книги во второй книжке своего альманаха (см. XII, 286), но это намерение им реализовано не было.

[5] Вторая книжка «Полярной звезды» вышла только в мае 1856 г.

9

‹Париж.› 10 января 1857 г.

Дорогой господин Герцен,

Это превосходно. И ваша душа, исполненная очарования, искрится тут в каждой строке [1]. Полагаю, однако, что изменения *здесь* [2] все же были бы нужны. Мы чрезмерно строги. Духовенство добивается преследований «Revue de Paris» за какой-то невинный роман [3]. Это вызвано тем, что это жалкое духовенство, имевшее свои собственные процессики о *содомии*, об ассигнациях, старается показать, что и *мы* — отпетые негодяи. И оно подталкивает правительство, и так уже враждебно относящееся к прессе.

Полагаю тем не менее, что с двумя или тремя небольшими сокращениями мы могли бы перепечатать эту восхитительную статью. Я буду действовать, если вы на это согласитесь.

Богородица, т. е. материнство *без установленного отца*, имеет много нравственных и гражданских неудобств. Оно в немалой степени способствовало тому, что у нас возникло *бессовестное* общество, в котором мы живем, где каждый старается играть роль *святого духа* в доме своего лучшего друга [4]. Это наводит ужас.

Семья на алтаре [5], но *отец — не отец*, *мать — не мать*, поскольку она остается девственницей, а *сын-то*, наконец, чей?..[6]

С нежностью жму вам руку, тысяча пожеланий и на этот год, и навсегда.

Ж. Мишле

[1] Мишле говорит здесь о посланном ему Герценом номере «Courrier de l'Europe» (Лондон) с авторским переводом на французский язык главы XXIV «Былого и дум» (см. VIII, 409—416, 481—482).

[2] Вероятно, в своем не дошедшем до нас письме Герцен выразил желание напечатать ее в каком-нибудь легальном французском издании; *здесь* — т. е. в бонапартистской Франции.

[3] «Госпожа Бовари» Флобера.— О цензурной политике наполеоновского правительства можно судить и по ожесточенному судебному преследованию в 1857 г. «Цветов зла» Бодлера.

[4] Намек на «адюльтерный» характер роли «святого духа» (по евангельскому мифу) в его сближении с «богородицей» Марией.

[5] В главе «Былого и дум», о которой идет речь, Герцен защищал матерей, рождающих вне брака, и отмечал при этом, что «богородица», «дева-родильница совсем не идет в холостую религию христианства. С нею невольно врывается жизнь, любовь, кротость — в вечные похороны, в страшный суд и в другие ужасы церковной теодицеи ‹...› Естественными родами мстит она за неестественное зачатие и вырывает благословение своему *чреву* из уст монашеских, проклинающих все телесное» (VIII, 386—387). Эту мысль развивает в своем письме и Мишле.

[6] Ср. аналогичную по форме реплику Мишле в «Легенде о Костюшке» (применительно к крепостнической России): «Семья — не семья. Женщина принадлежит мужу? Нет, прежде всего помещику. От кого же ребенок? Кто знает?» (Jules M i c h e l e t. Légendes démocratiques du Nord. P., 1968, p. 34).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ж. Мишле — А. А. Герцену

Перевод с французского:

‹Париж.› Суббота, 4 марта 1871 г.

Дорогой господин Герцен,

если б не эта лихорадка, то я сам отнес бы вам эти важные бумаги [1]. Дайте о них *расписку* подателю, чтоб я мог увериться в его пунктуальности.

Действительно, они составляют *нечто целое*, особенно за 1851—1852 гг.; делить их не следует.

Ими полностью оправдывается моя страсть к вашему отцу и к Мицкевичу. Русско-поляк и польско-русский — это уже союз великого племени.

Боже, как я любил их! И какой это идеал для будущего!

Это привело мне на память множество разных вещей. Мне очень хотелось бы в Пизе, куда я еду, вновь приняться за чтение трудов о России. Не знаете ли вы кого-нибудь, кто хоть немножко занимается этими вопросами?

Мы горячо приветствуем вас и вашу супругу [2].

Ж. М и ш л е

[1] Без сомнения, речь идет здесь о письмах Герцена к Мишле, возвращенных адресатом сыну Герцена. Они вошли в 30-томное собрание сочинений Герцена.

[2] Жена А. А. Герцена — *Терезина*.

ГЕРЦЕН — А. ДЕВИЛЮ

Публикация Л. Р. Л а н с к о г о

Амедей * *Девиль* (1820—1879) — участник революции 1848—1849 гг., революционный эмигрант, профессор медицины, домашний врач и друг Герцена и Огарева. Девиль был очень привязан к Герцену и его семье. Не исключено, что сын Герцена Саша своим выбором профессии естествоиспытателя и медика был в известной мере обязан влиянию Девиля, дававшего ему уроки анатомии: Девиль горячо советовал своему «молодому другу» переселиться в Россию в качестве профессора «естественных наук» (XXVII, 7).

В годы эмиграции у Девиля иногда проявлялись воинственно-шовинистические тенденции, сильно раздражавшие Герцена. Как медика Герцен ценил Девиля чрезвычайно высоко.

О Девиле и его отношениях с Герценом подробно рассказывается в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (М., 1959). См. также: «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français», publié sous la direction de Jean Maitron, v. II. P., s. a., p. 83.

Письма Герцена печатаются по ксерокопиям с автографов Direction des Archives de France (Париж). Впервые опубликованы в сокращенном переводе Л. Р. Ланским в «Вопросах литературы» (1966, № 3, с. 191—192). На языке оригинала, без ссылки на русскую публикацию, опубликованы Э. Зильбернером в «International Review of Social History», v. XVII, 1972, part 3, p. 705—711. Письма Огарева воспроизводятся по печатному тексту этого издания (p. 712—713) и хранятся в том же архиве. Ср. *Л* XXI, 563.

* В 30-томном Собрании сочинений Герцена и других изданиях Девиль, по-видимому, ошибочно назван *Францем*. Уточнение см.: «International Review of Social History», v. XVII, 1972, part 3, p. 705.

1

〈Лондон. 7 января 1853 г.〉[1]

Cher docteur,

Vous m'avez parlé d'une brochure très intéressante, qui a paru en français à Londres (ou à Jersey) et dans laquelle on parle du monde slave [2]. Vous m'avez même promis de me l'envoyer.— Si vous ne l'avez pas sous main, écrivez-moi le titre de l'ouvrage, vous m'obligerez bien amicalement.

Votre tout dévoué
A. Herzen

2, Barrow Hill Place, Primrose Road
7 janvier

Перевод:

Любезный доктор,

Вы говорили мне об одной очень интересной брошюре, появившейся на французском языке в Лондоне (или на Джерсее), в которой говорится о славянском мире [2]. Вы обещали мне даже прислать ее.— Если у вас ее нет под рукой, напишите мне название этого труда, вы меня этим истинно по-дружески обяжете.

Всецело преданный вам
А. Герцен

2, Barrow Hill Place, Primrose Road
7 января

[1] Год уточняется по адресу Герцена.
[2] О какой брошюре идет здесь речь, не установлено.

2

〈Londres.〉 10 septembre 〈1854〉[1]
Dimanche. 〈9 h〈eures〉 1/2

Cher Deville,

Venez, je vous en prie, voir ma fille, elle s'est fortement refroidie — et je pense que cela sera mieux de couper court la maladie. Elle a mal au côté [2].

Il y a un train chaque heure de *Waterloo station*, jusqu'à 10 h〈eures〉 du soir.

Tout à vous
A. Herzen

Richmond, 3, S. Helena Terrace

Перевод:

〈Лондон.〉 10 сентября 〈1854 г.〉[1]
Воскресенье, 9 1/2 ч〈асов〉

Любезный Девиль,

Приезжайте, прошу вас, посмотреть мою дочь, она сильно простудилась,— и я думаю, что лучше сразу же пресечь болезнь. У нее болит бок [2].

Есть поезд, который каждый час отходит от станции Ватерлоо, до 10 ч〈асов〉 вечера.

Всецело преданный вам
А. Герцен

Ричмонд, 3, S. Helena Terrace

[1] Год устанавливается по адресу Герцена.
[2] О внезапной болезни Таты, продолжавшейся три дня, Герцен сообщил М. К. Рейхель 9 сентября (XXV, 196).

3

Twickenham. Bridgefield Villas,
vis-à-vis de S. Helena Terrace
22 décembre ⟨1854⟩ [1]. Soir

Très cher monsieur Deville,

Premièrement, je veux vous voir — pour vous voir, et secondement j'ai voulu vous voir pour parler d'un refroidissement général qui nous a attaqué avec l'impétuosité Raglan—Canrobert [2] et qui s'est retiré de même. Je serai toujours heureux de vous voir, dimanche ou un autre jour, le matin ou le soir (moi je me lève à 8 heures et même avant) — mais pour le moment il n'y a pas urgence. J'ai enduit les enfants de l'huile de camphre et cela ne va pas mal [3]. Pourtant il me faut de votre part une permission absolue de m'adresser à vous en cas de besoin. C'est votre faute que je n'ai pas de confiance dans les autres médecins.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen

J'ai entendu parler de l'admirable opération que vous avez faite à Longepin [4]. Mercredi prochain je change de maison, aussi à Twickenham,— Richmond House.

Перевод:

Твикнем. Bridgefield Villas,
против S. Helena Terrace
22 декабря ⟨1854 г.⟩ [1]. Вечер

Любезнейший господин Девиль,

Во-первых, мне хочется вас видеть, чтобы вас видеть; а во-вторых, я хотел вас видеть, чтобы поговорить о всеобщей простуде, которая атаковала нас со стремительностью Раглана—Канробера [2] и сама собой убралась прочь. Я всегда буду рад видеть вас, в воскресенье или в другой день, утром или вечером (сам я встаю в 8 часов и даже раньше),— но в данный момент уже особой спешки нет. Я подстрекнул детей принять камфарное масло, и дела не в плохом состоянии [3]. Тем не менее мне надо от вас получить безоговорочное разрешение обращаться к вам в случае необходимости. Ведь вы сами виноваты в том, что я не питаю доверия к другим врачам.

Приветствую вас от всей души.

А. Герцен

Я слышал о великолепной операции, которую вы сделали Лонжпену [4].

В будущую среду я переезжаю в другой дом, также в Твикнеме — Richmond House.

[1] Год устанавливается по адресу Герцена.

[2] Генри Сомерсет *Раглан* (1788—1855) и Франсуа *Канробер* (1809—1895) — английский и французский генералы, главнокомандующие во время Крымской войны.

[3] На следующий день, 23 декабря, Герцен сообщал М. К. Рейхель подробности о заболевании его самого и всей семьи в результате «недели вьюги, дождя и всякой слыханной и неслыханной воздушной мокроты и пакости» (XXV, 221).

[4] *Лонжпен* — вероятно, французский эмигрант, участник революционных событий 1848—1849 гг., член Международной ассоциации в Лондоне в 1856 г. См. «International Review of Social History», v. XVII, 1972, part 3, p. 710.

4

⟨Лондон. Июнь 1855 г.⟩

Mon cher citoyen,

Vous ne m'en voudrez pas que j'abuse encore une fois de votre bienveillante amitié; voilà qu'un de nos co-exilés et mon collègue non en Jesus [1], mais en imprimerie, le c⟨itoye⟩n Cernecky désire profiter d'un conseil concernant un mal d'oreille qui l'inquiète depuis quelque temps. Veuillez de grâce l'examiner et lui donner les ordres *ad hoc*.

Je vous remercie pour Prévost [2] (je ne sais pas si j'écris bien son nom) — mon fils va bien, mais Tata n'est pas tout à fait bien; s'il y avait quelque chose je viendrai vous prier de nous aider.

Je vous salue fraternellement.

A. Herzen

Cholmondeley Lodge
Juin 1855. Richmond

ПАНОРАМА ТЕМЗЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЛОНДОНА

Гравюра неизвестного художника

«Illustrated London News», 26 мая 1849 г.

Цифрами отмечены места, где Герцен жил во время своего пребывания в Англии: 1 — Теддингтон (1863—1864), 2 — Твикнем (1854), 3 — Ричмонд (1854 — 1855), 4 — Путней (1856—1858)

Перевод:

Любезный мой гражданин,

Вы не рассердитесь на меня за то, что я снова злоупотребляю вашей благосклонной дружбой; дело в том, что один из наших сотоварищей по изгнанию и мой коллега не по Иисусу [1], а по типографии, гр⟨аждани⟩н Чернецкий, хочет воспользоваться вашим советом относительно боли

в ухе, которая беспокоит его с некоторого времени. Благоволите выслушать его и дать ему указания *ad hoc* *.

Благодарю вас за Прево [2] (не знаю, правильно ли я пишу его имя) — мой сын чувствует себя хорошо, но Тата не совсем здорова; если случится что-нибудь, я приду к вам с просьбой помочь нам.

Братски приветствую вас.

А. Герцен

Cholmondeley Lodge
Июнь 1855 г. Ричмонд

[1] Т. е. не по ордену иезуитов (Société de Jesus).
[2] Знаменитый в то время учитель фехтования, дававший уроки Саше Герцену (XXV, 285) и, очевидно, рекомендованный Девилем. Был дружески расположен к Герцену и его сыну.

5

⟨Londres.⟩ 24 avril ⟨1857⟩ [1]. At m-r Tinkler's Putney

Mon cher monsieur Deville,

J'ai été parfaitement convaincu que je vous devais beaucoup plus, avec Ogareff. Je vous envoie avec mille et mille remerciements les 16 p⟨ounds⟩ 5 sh⟨illings⟩ — permettez-moi de vous répéter que nous sommes vraiment tout à fait heureux d'avoir vos conseils et que nous vous estimons et aimons comme un ami et comme un coreligionnaire. Sceptique par nature, je n'ai de profonde confiance que dans vos opinions concernant la santé de la petite colonie cosaque de Putney [2].

Tout à vous
A. Herzen

Mais venez donc un beau dimanche vous promener vers 5, 6 heures **.

Перевод

⟨Лондон.⟩ 24 апреля ⟨1857 г.⟩ [1] At m-r Tinkler's Путней

Любезный мой господин Девиль,

Я был совершенно убежден, что должен вам гораздо больше, считая с Огаревым. Посылаю вам вместе с тысячью и тысячью благодарностей 16 ф⟨унтов⟩ 5 ш⟨иллингов⟩ — позвольте мне напомнить вам, что мы поистине счастливы пользоваться вашими советами и что мы уважаем и любим вас как друга и как единоверца. Будучи скептиком по натуре, я питаю глубокое доверие лишь к вашим воззрениям, касающимся здоровья маленькой путнейской казацкой колонии [2].

Всецело преданный вам
А. Герцен

Но приезжайте же как-нибудь в одно прекрасное воскресенье погулять, часам к 5—6-ти **.

[1] Год устанавливается по адресу Герцена.
[2] Н. А. Тучкова-Огарева отмечала в своих воспоминаниях, что Девиль, пользовавшийся в Лондоне огромной популярностью и дорого бравший за свои визиты, ограничивался самым скромным гонораром, когда дело касалось семьи Герцена. «У нас он был годовым доктором, сам вел счет своим визитам, и, когда Герцен в конце года спрашивал, сколько он ему должен, Девиль глядел бегло в записную книжку и назначал очень умеренную цену, которую нужно было уплатить, не говоря, что его счет очень скромен, ибо тогда он вовсе бы рассердился и, пожалуй, перестал бы к нам ездить» (с. 150). Публикуемое письмо, в котором Герцен с крайней деликатностью касается денежного вопроса, полностью подтверждает этот рассказ мемуаристки.

* для данного случая (*лат.*).
** Нижний конец листа отрезан.— *Ред.*

6

〈Londres.〉 4 janvier 〈1860〉[1]

Cher monsieur Deville,

Je viens vous voir pour un instant. Ogareff a eu une épilepsie, c'est à dire une attaque nerveuse très forte — à $3^1/_2$ et demie〈!〉. J'ai été présent — à la seconde moitié de l'attaque. Pensez-vous qu'il faut aller le voir aujourd'hui ou, peut-être, demain matin?

Je vous attends en bas.

Tout à vous
A. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 4 января 〈1860 г.〉[1]

Любезный господин Девиль,

Являюсь на минутку повидаться с вами. У Огарева была эпилепсия, то есть очень сильный нервный припадок в $3^1/_2$ с половиной 〈!〉. Я присутствовал при этом — при второй половине припадка. Не полагаете ли вы, что надобно поехать осмотреть его сегодня же или, может быть, завтра утром?

Жду вас внизу.

Всецело преданный вам
А. Герцен

[1] Год устанавливается по письму Герцена к сыну от 9 января 1860 г., в котором он сообщал, что «на днях у Огар〈ева〉 был его старый припадок. Такого еще не было с его приезда. Здоровье его плохо и очень» (XXVII, 7). На бумаге штемпель «Giraudier Hotel, 48, Haymarket. London».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. П. Огарев — Девилю

1

〈Лондон. 25 марта 1858 г.〉

Cher monsieur Deville,

Je m'empresse de vous dire, puisque le professeur Pavloff, homme d'un grand mérite, va venir (probablement) demain chez vous,— je m'empresse de vous dire qu'il est un maniaque; il est persuadé que partout il est poursuivi par des espions qui lui en veulent; il est capable de soupçonner les meilleures gens. C'est Paris qui lui a donné cette manie; il y a eu la tête rasée et traité sous ce rapport. Sans lui en parler — faites attention à ces préliminaires. J'ai cru de mon devoir de vous en prévenir [1].

Votre tout devoué
N. Ogareff

Ce jeudi soir [2]

P. S. Ecrivez-moi ce qu'il faut faire, pour que je puisse prendre de cet homme, qui, vraiment, est profondement 〈digne?〉 quant à la pureté de son caractère politique et ses travaux intelligents par rapport à l'histoire de ma patrie.

Перевод:

Любезный господин Девиль,

Спешу сказать вам, поскольку профессор Павлов, человек весьма достойный, вскоре придет к вам (вероятно, завтра), спешу сказать вам, что он маньяк; он убежден, будто его повсюду преследуют шпионы, имеющие зуб против него: он способен подозревать лучших людей. Этой манией его наградил Париж; именно там ему обрили голову и лечили соответствующим образом. Не говоря ему об этом, обратите внимание на мои предваряющие сведения. Я счел своим долгом вас об этом предупредить [1].

Всецело преданный вам
Н. Огарев

Четверг, вечер

P. S. Напишите мне, что можно мне предпринять в отношении этого человека, который поистине ⟨достоин уважения?⟩ чистотой своих политических убеждений и своими дельными трудами, связанными с историей моей родины.

[1] Платон Васильевич *Павлов* (1823—1895) — профессор истории Московского университета. О его приезде в Лондон Герцен упоминает в письме к Мальвиде Мейзенбуг от 25 марта 1858 г. (XXVII, 167). Н. А. Тучкова-Огарева вспоминала впоследствии в связи с его лекциями, прочтенными в доме Герцена: «Это была умная, даровитая личность, но, вероятно, надломленная гнетом той эпохи ⟨...⟩ Лекции Павлова были превосходны, увлекательны, но в разговоре он производил тяжелое впечатление психически больного. Он был мрачен и говорил постоянно о том, что за ним следят и что это его ужасно утомляет». Павлов, по словам мемуаристки, «прожил довольно долго в Лондоне, жалуясь постоянно на преследования русского правительства, и под этим впечатлением оставил Англию» (Т у ч к о в а - О г а р е в а, Цит. изд. с. 118).

[2] Четверг приходился именно на 25 марта.

2

⟨Londres.⟩ Le 2 septembre ⟨1859⟩ [1]

Cher monsieur Deville,

Herzen m'a dit que vous viendriez nous voir dimanche. J'en suis d'autant plus content que c'est le 4 sept⟨embre⟩, c'est-à-dire le jour de naissance de Lise, et je vous engage expréssement de ne pas nous oublier ce jour-là.

Si cela ne vous gênait pas, apportez les instruments, parce que je sens que le temps arrive, et nous aurions pu opérer [2] au lit, ce qui se fait toujours plus facilement. Si cela vous gênait le moins du monde,— laissons-le jusqu'au lundi.

Donc à dimanche.

Votre tout dévoué
N. O g a r e f f

П е р е в о д:

⟨Лондон.⟩ 2 сентября ⟨1859 г.⟩ [1]

Любезный господин Девиль,

Герцен сказал мне, что вы придете повидаться с нами в воскресенье. Я этим тем более доволен, что сие произойдет 4 сент⟨ября⟩, т. е. в день рождения Лизы, и я вас особо обязываю не позабыть о нас в этот день.

Если вас это не стеснит, принесите инструменты, так как я чувствую, что наступило время и мы смогли бы произвести операцию [2] в постели, что всегда легче делается. Если же это хоть сколько-нибудь может стеснить вас, то оставим дело до понедельника.

Итак, до воскресенья.

Всецело преданный вам
Н. О г а р е в

[1] Годовая дата устанавливается по упоминанию в тексте письма о том, что воскресенье приходится на 4 сентября. В этот день отмечалась вторая годовщина со дня рождения Лизы, дочери Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой.

[2] Речь идет о хирургической операции.

ПЕРЕПИСКА С В. ГЮГО

Публикация Л. Р. Л а н с к о г о

В «Былом и думах» Герцен охарактеризовал Виктора *Гюго* (1802—1885) как «самого блестящего представителя Франции последних годов Реставрации и Июльской династии», «социалиста-художника», «пышную, великую личность», как истинного поэта, истинного гуманиста, оказавшего своей литературной и публицистической деятельностью огромное влияние на два поколения своих современников» (IX, 45; XI, 44).

Сам Герцен в молодости испытал на себе влияние Гюго, восхищался «Собором Парижской богоматери», «Эрнани» и «Последним днем осужденного» — произведением, проникнутым гуманностью и сделавшим Гюго «великим монополистом по вопросам смертной казни» (XXV,

228; XI, 44). Затем наступила полоса охлаждения: «неистовые» романтические драмы Гюго с их преувеличенными страстями, неправдоподобными коллизиями и утомительным пафосом уже не соответствовали вкусам зрелого Герцена, а политическая деятельность пэра Франции, обласканного королем Луи Филиппом, по-видимому, его не особенно интересовала. Оказавшись в 1847 г. в Париже, Герцен не приложил никаких усилий, чтобы познакомиться с Гюго, «поклонником военной славы, республиканского разгрома, средневекового романтизма и белых лилий,— виконтом и гражданином, пэром орлеанистской Франции» (XI, 44). А между тем завязать это знакомство было очень легко: друг молодости Герцена, Н. И. Сазонов, был вхож в дом Гюго.

Автора «Собора Парижской богоматери» Герцен никогда не считал политиком в полном смысле этого слова, даже тогда, когда после государственного переворота 1851 г. Гюго вынужден был покинуть Францию и стал одним из самых влиятельных и самых импозантных деятелей революционной эмиграции. В то же время Герцен бывал рад каждой возможности продемонстрировать перед читающим миром неизменное сочувствие Гюго русскому общественному движению и полную солидарность его с издателем «Колокола».

Заочное знакомство Герцена и Гюго началось летом 1855 г., когда французский поэт «с поспешностью и радостью» ответил согласием на просьбу Герцена поддержать своим сотрудничеством «Полярную звезду». Гюго горячо одобрил «великую мысль» «дорогого согражданина» о выпуске альманаха. «Издание, которое вы основываете, будет одним из самых благородных знамен идеи. Я вам рукоплещу, благодарю вас и поздравляю ⟨...⟩,— заявил он в письме к Герцену.— Рассчитывайте на всю помощь, которую мне возможно будет вам оказать, и на самое глубокое мое сочувствие» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 828). С той поры Герцен и Гюго иногда переписывались, посылали друг другу свои книги, совместно участвовали в политических выступлениях, подчеркивая при каждом случае свое единство во взглядах на основные вопросы международного освободительного движения.

Отзывы Гюго о Герцене всегда выражены в той приподнято-романтической манере, которая иногда несколько коробила и смущала Герцена. Во всяком случае, публикуя некоторые из адресованных ему писем Гюго в собственном переводе, он старался по возможности «снизить» их тон и опускал в печати самые экзальтированные выражения восторга и восхищения, хотя, без сомнения, не мог не чувствовать себя польщенным похвалами одного из знаменитейших людей современности.

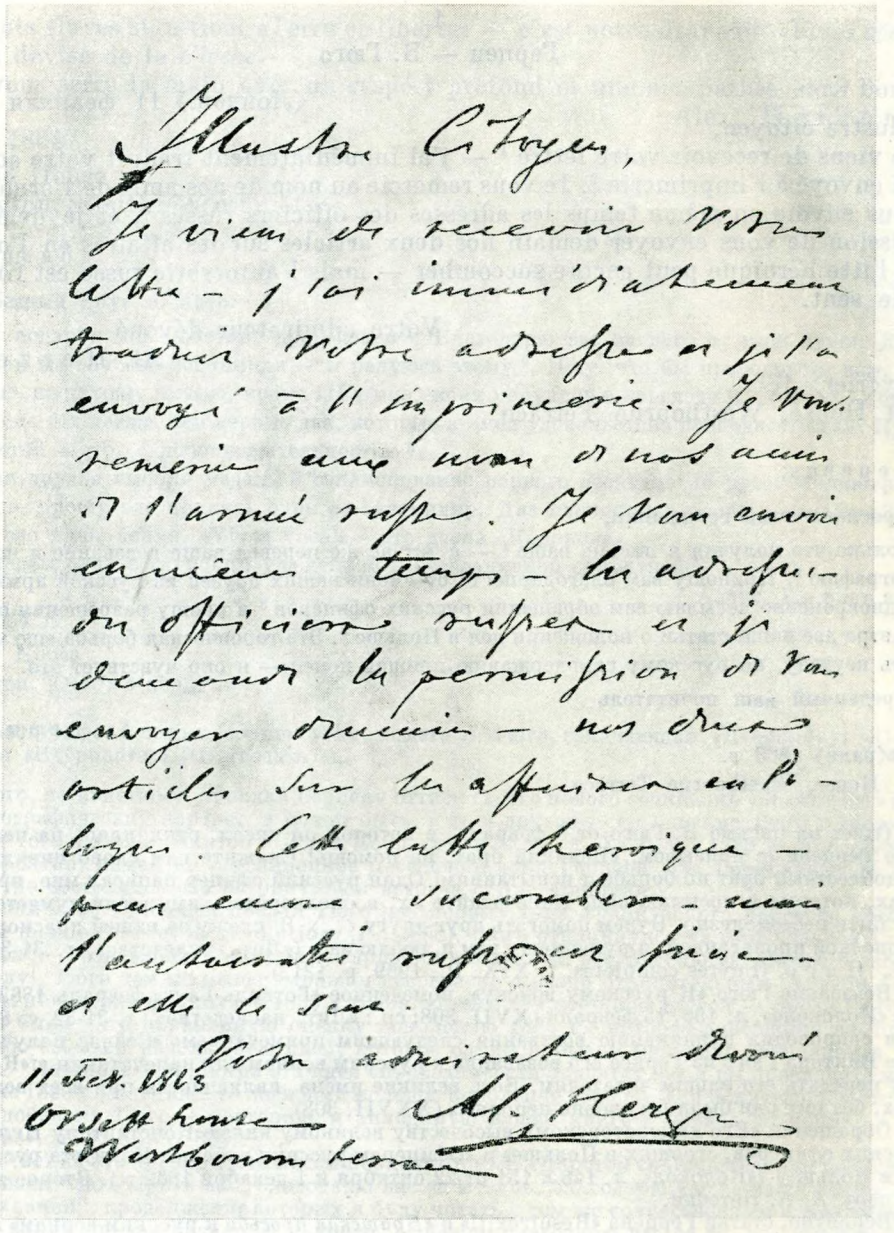
«Нет более возвышенного сердца и более благородного ума, чем Александр Герцен,— отозвался в 1857 г. Гюго на присылку ему четвертой книжки «Голосов из России».— Я счастлив теми свидетельствами симпатии, которые от него получаю. Я рукоплещу успеху „Полярной звезды", которую, к несчастью, не могу читать...» («Лит. наследство», т. 39-40, с. 280).

Отзываясь на присланный ему Герценом первый том «Былого и дум» во французском переводе Делаво, Гюго назвал эту «прекрасную книгу» «летописью чести, веры, высокого ума и добродетели» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 830).

Их первая встреча состоялась только за несколько месяцев до смерти Герцена. «Я нашел в нем любезнейшего старика,— писал он Огареву 15 августа 1869 г. из Брюсселя,— принял он меня превосходно, говорит много, но чрезвычайно умно и слогом, который лучше его печатных фейерверков» (XXX, 167). По просьбе Гюго Герцен прочел ему отрывки из «Былого и дум» в собственном переводе; они привели поэта в восхищение, и он горячо рекомендовал издать отдельной книгой французский текст «Былого и дум». 17 августа Гюго писал редактору радикальной парижской газеты «Rappel» Ф. П. Мерису о Герцене: «Он недавно прочел нам главу своих „Воспоминаний": Маццини, Гарибальди, Пизакане, Орсини,— которая, полагаю, с кое-какими сокращениями и кое-какими смягчениями, займет заметное место в „Rappel". Вы сами вынесете суждение об этом, так же как Огюст ⟨Вакери⟩. Герцен — это великий русский республиканец». И на следующий день, 18 августа, ему же: «Герцен приезжает к вам. Это мыслитель и борец, имя Герцена достойно „Rappel"» (Victor H u g o. Correspondance, t. III. P., 1952, p. 214—215).

Публикуемые ниже два письма Герцена к Гюго относятся к 1860-м годам. Они проникнуты «глубоким уважением и сердечной симпатией». Это заверение Герцена (во втором письме) — не обычное клише вежливости, а искреннее выражение реального чувства; оно верно передает подлинное отношение его к великому писателю, другу и прогрессивному деятелю.

П. 1 печатается по микрофильму *ГБЛ* с автографа *BN*. Впервые опубликовано на языке оригинала Е. Парви в газете «Kultura» (1969, № 5, 2. II); п. 2— по машинописной копии с ав-



ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ВИКТОРУ ГЮГО
Автограф. Лондон, 11 февраля 1863 г.
Национальная библиотека, Париж

тографа музея Maison de Victor Hugo (Париж). Впервые опубликовано (в русском переводе) Л. Р. Ланским («Вопросы литературы», 1966, № 1, с. 190); дарственная надпись Гюго на книге «La voix de Guernsey» печатается впервые по микрофильму *ГБЛ* с автографа ***BN***; письмо А. А. Герцена к Виктору Гюго публикуется по машинописной копии музея Maison de Victor Hugo. Впервые опубликовано М. Мерво в сборнике «Herzen. Ogarev. Bakounine. Lettres inédites». P., 1975, p. 68.

1

Герцен — В. Гюго

〈Лондон.〉 11 февраля 1863 г.

Illustre citoyen,

Je viens de recevoir votre lettre [1] — j'ai immédiatement traduit votre adresse et je l'ai envoyé à l'imprimerie [2]. Je vous remercie au nom de nos amis de l'armée russe. Je vous envoie en même temps les adresses des officiers russes [3], et je demande la permission de vous envoyer demain nos deux articles sur les affaires en Pologne [4]. Cette lutte héroïque peut encore succomber — mais l'autocratie russe est finie — et elle le sent.

Votre admirateur dévoué
Al. Herzen

11 fév〈rier〉 1863
Orsett House, Westbourne Terrace

Перевод:

Прославленный гражданин,

Только что получил я письмо ваше [1] — я тотчас же перевел ваше воззвание и послал его в типографию [2]. Приношу вам благодарность от имени наших друзей из русской армии.

Одновременно посылаю вам обращения русских офицеров [3] и прошу разрешения отправить вам завтра две наши статьи о положении дел в Польше [4]. Эта героическая борьба еще может потерпеть неудачу, но русскому самодержавию пришел конец — и оно чувствует это.

Преданный ваш почитатель
Ал. Герцен

11 фев〈раля〉 1863 г.
Orsett House, Westbourne Terrace

[1] Ответ на письмо В. Гюго от 8 февраля, в котором он писал, откликаясь на неизвестное письмо Герцена (с призывом: «Великий брат, на помощь! Скажите нам слово цивилизации»): «Мой доблестный брат по борьбе и испытаниям! Один русский офицер написал мне, прося о тех строках, которые я посылаю вам. Напечатайте их, воспользуйтесь ими, если думаете, что это может быть небесполезно. Будем помогать друг другу 〈...〉 Я слежу за вашей красноречивой и победоносной пропагандой, я рукоплещу вам и люблю вас» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 834; ср.: V. Hugo. Œuvres complètes, t. XIX. P., 1969, p. 1212).

[2] Воззвание Гюго «К русскому войску», помеченное «Готвиль-Гаус, февраль 1863», появилось в «Колоколе», л. 156, 15 февраля (XVII, 308; ср.: «Лит. наследство», т. 31-32, с. 834—835). Герцен сопроводил публикацию воззвания следующим примечанием: «Сейчас получил я при письме Виктора Гюго из Гернсе его воззвание к русским воинам для напечатания в «Колоколе». Спешу передать его нашим читателям. Есть великие имена, являющиеся при всех великих событиях, без них они были бы словно неполны» (XXVII, 308).

[3] Обращения «Его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше» и «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше» («Колокол», л. 148 и 151 от 22 октября и 1 декабря 1862 г.). Второе принадлежало перу А. А. Потебни.

[4] Вероятно, статьи Герцена «Resurrexit!» и «*Братская просьба* к русским воинам» из «Колокола», л. 155 от 1 февраля 1863 г. (XVII, 25—27 и 34—35).

2

〈Лондон. 2 мая 1864 г.〉

Cher ami et Maître,

Votre cadeau m'est bien précieux [1]. Je vous en remercie de tout mon cœur. Je devine comment vous vous êtes rappelé de moi — et je m'applaudis [2]. Je cherche ce que je pourrais vous offrir et malheureusement je ne trouve rien que le III vol〈ume〉 de mes mémoires dans la traduction de H. Delaveau — il l'a imprimé un an après les deux premiers que j'ai eu le plaisir de vous offrir. Recevez-le, cher Maître, avec bienveillance [3].

Des amis à nous ont frappé une médaille en commémoration du premier decennium de l'imprimerie russe à Londres — je vous prie d'en accepter un exemplaire. Les

deux mots slaves signifient «Terre et liberté» — c'est notre drapeau. «*Vivos voco!*» — c'est la devise de la *Cloche*.

Je vous serre la main avec un respect profond et une sympathie sans bornes [4].

Alex. Herzen

2 mai 1864
Elmfield House
Teddington. S⟨outh⟩-W⟨est⟩

Перевод:

Любезный друг и Мэтр,

Ваш подарок мне поистине драгоценен [1]. Благодарю вас за него от всей души. Догадываюсь, как вы обо мне вспомнили,— и радуюсь этому [2]. Ищу, что бы преподнести вам, но, по несчастию, не нахожу ничего, кроме III т⟨ома⟩ моих мемуаров в переводе И. Делаво — он напечатал его на год позже, чем первые два, которые я имел удовольствие преподнести вам. Примите его, дорогой Мэтр, с доброжелательностью [3].

Наши друзья выбили медаль в ознаменование первого десятилетия русской типографии в Лондоне — прошу вас принять один ее экземпляр. Два славянских слова означают «Земля и воля» — это наше знамя. «Vivos voco!»— это девиз «Колокола».

Жму вам руку с глубоким уважением и безграничной симпатией [4].

Алекс. Герцен

2 мая 1864 г.
Elmfield House
Теддингтон. Ю⟨го⟩-З⟨апад⟩

На автографе, в левом верхнем углу, помета В. Гюго, означающая: «R⟨épondu⟩» («О⟨твечено⟩») или «R⟨épondre⟩» («О⟨твечать⟩»).

[1] Гюго, по-видимому, прислал Герцену оттиск своего нового сочинения «Shakespear» или же свой фотографический портрет, а может быть, и то и другое — ср. письмо Гюго к Жорж Санд от 17 мая того же года (Виктор Гюго. Собр. соч. в 15 тт., т. XIV. М., 1956, с. 577—578).

[2] Вероятно, намек на сенсационное посещение дома Герцена Дж. Гарибальди 17 апреля 1864 г., где состоялась его историческая встреча с Дж. Маццини.

[3] Летом 1860 г. Герцен послал Гюго два первых тома французского перевода «Былого и дум»: «Le monde russe et la révolution» (P., 1860). Гюго откликнулся на этот подарок 15 июля. Восторженно отозвавшись о книге и поздравляя автора (см. вступительную статью к настоящему разделу), Гюго тем не менее выражал несогласие с резко отрицательным отзывом Герцена о молодом поколении французов 1830-х годов. «Более чем кто-либо другой,— писал Гюго,— вы достойны были дать правильную оценку поколению 1830 г., которое довершило во Франции революцию событий революциею идей; которое одним порывом породило социализм и романтизм ⟨...⟩ Настанет день, когда эта идея справедливости захватит вас и вы прославите молодое поколение 1830 г., клеймя в то же время молодое поколение 1860 г.». «За исключением этой страницы,— добавлял Гюго,— повторяю, я аплодирую вашей книге с начала до конца...» («Лит. наследство», т. 31-32, с. 830).

[4] В ответ на это письмо Гюго писал Герцену 16 мая: «Дорогой соотечественник по изгнанию, это я должен благодарить вас: благодарю вас за медаль, благодарю вас за ваши превосходные „Воспоминания“, продолжение которых я буду читать с тем же сочувственным и глубоким интересом, с каким прочел начало,— наконец, особенно благодарю вас за то, что вы: вы, красноречивый и доблестный человек, служащий делу народов, русский, реабилитирующий Россию, писатель во имя прогресса и свободы...» (там же, с. 835—836).

3

В. Гюго — Герцену

Надпись на отдельном издании поэмы Гюго «La voix de Guernsey» [1]

⟨Брюссель. Июнь 1869 г.⟩

Au généreux Herzen
remerciement et
applaudissement.

Victor Hugo

V. H., juin 1869

ВИКТОР ГЮГО

Гравюра Ж. Робера с фотографии, сделанной по заказу журнала «Illustration», 1867

«Illustration», 29 июня 1867 г.

Перевод:

Благородному Герцену
благодарность и
рукоплескание.

Виктор Гюго

В. Г., июнь 1869 г.

[1] Эту свою поэму о Гарибальди Гюго послал Герцену как бы в ответ на французский перевод «Мазурки», вышедший в Женеве в виде брошюры в начале июня (XX, 561—574).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. А. Герцен — В. Гюго

‹Londres.› Le 29 juin 63
Elmfield House, Teddington, S‹outh›-W‹est›

Monsieur,

Je reviens de Stockholm et je m'empresse de vous envoyer la traduction des *Misérables* en suédois. Les traductrices sont deux jeunes personnes, deux sœurs, qui sont enthousiasmées de vous et de vos Œuvres; l'une est m-me Straube, l'autre m-lle Spanier; leur adresse à Stockholm est: N 4, Skepparegatan. On dit que la traduction est bonne; elles demandent pour toute récompense que vous leur envoyiez votre portrait photographique avec votre signature autographe; elles m'ont supplié *de vous faire consentir*. J'ai pris sur moi de leur dire d'avance qu'il vous suffirait d'apprendre eur désir pour le remplir. Vous les rendrez vraiment heureuses en le faisant.

Je joins une lettre de l'une de ces dames, et j'ai l'honneur d'être

votre dévoué Alex. Herzen-fils

Mon père vous prie d'accepter ses salutations amicales [1].

Перевод:

‹Лондон.› 29 июня 63 г.
Elmfield House, Теддингтон, Ю‹го›-З‹апад›

Милостивый государь,

Я возвращаюсь из Стокгольма и спешу отправить вам перевод «Отверженных» на шведском языке. Переводчицы — две молодые особы, две сестры, которые преисполнены энтузиазма к вам и вашим произведениям; одна из них — г-жа Штраубе, другая — м-ль Спаньер; их адрес в Стокгольме: Skepparegatan, № 4. Говорят, что перевод хорош; они просят в качестве единственного вознаграждения, чтобы вы прислали им свою фотографическую карточку со своей автографической подписью; они умоляли меня *уговорить вас согласиться...* Я взял на себя смелость заранее заверить их, что вам достаточно только узнать об их желании, чтобы исполнить его. Вы их поистине осчастливите, сделав это.

Прилагаю письмо от одной из этих дам и имею честь оставаться преданным вам

Алекс. Герценом-сыном

Мой отец просит вас принять его дружеские приветствия [1].

[1] 18 августа 1869 г. Герцен писал сыну из Брюсселя: «Теперь к тебе комиссия от В. Гюго (он здесь, и мы с ним очень сошлись). Ты ему прислал письмо из Швеции от каких-то шведок, переводивших „Les misérables". Письма ваши ветром снесло с балкона, и он не мог их отыскать. Он говорит, что это у него на душе, и просит тебя поправить дело — а я думаю, что ты забыл и имя, и все остальное» (XXX, 169; ср. XXVII, 353; «Лит. наследство», т. 41-42, с. 82).

ПЕРЕПИСКА С Л. БЛАНОМ

Публикация М. Вюильмье и Моники Партридж

С известным французским социалистом-утопистом, историком и революционным деятелем Луи Жозефом Жаном *Бланом* (1811—1882) Герцен, возможно, познакомился еще до революции 1848 г., в которой Блан играл такую заметную роль. Однако близко сошлись они только во время лондонской эмиграции, в 1850—1860-х годах. Имя Блана нередко встречается на страницах сочинений и переписки Герцена, в частности в «Былом и думах», где он охарактеризован и как политический деятель и как человек.

Публикуемые письма свидетельствуют о взаимной симпатии обоих корреспондентов. «С такими просьбами решаешься обратиться лишь к тем, кого уважаешь и любишь» — так подчеркивал Блан свои дружеские чувства к Герцену в одном из адресованных ему писем (*Л* VIII, 506).

Письма Герцена к Блану печатаются М. Вюильмье по автографам *IISG*. Впервые опубликованы на языке оригинала в «Przegląd Historyczny», t. LXI, 1970, z. 2, s. 270—276 (с ошибкой в дате одного из писем: 24 июля 1866 г. (вм. 29 июля) — ср. *ААН*, 65, 248—261. Письмо Блана к Герцену (п. 5) публикуется Моникой Партридж впервые по автографу British Library. Dilke Papers, add. mss., 4909, p. 127.

1

Герцен — Л. Блану

〈Londres.〉 15 décemb〈re 1861〉 [1]
Orsett House, Westbourne Terrace

Mon cher monsieur Louis Blanc,

Permettez-moi d'introduire M. Fontaine de Bruxelles — rédacteur d'un journal et qui désire beaucoup savoir votre opinion sur un projet d'une feuille démocratique [2].

Je vous remercie de m'avoir envoyé le monsieur qui m'a offert les vins, je lui ferai une petite commande [3].

Les Ogareff vous saluent, ils ont deux enfants à la fois — une fille et un garçon [4]. Tout le monde se porte bien.

Votre tout dévoué A. Herzen

Перевод:

〈Лондон.〉 15 декаб〈ря 1861 г.〉 [1]
Orsett House, Westbourne Terrace

Любезный мой господин Луи Блан,

Позвольте мне представить г. Фонтена из Брюсселя — редактора газеты, который очень желает знать ваше мнение насчет проекта демократического листка [2].

Благодарю вас за присылку ко мне господина, предложившего мне вина, я сделаю ему небольшой заказ [3].

Огаревы приветствуют вас, у них родилось двое детей разом — девочка и мальчик [4]. Все чувствуют себя хорошо.

Всецело преданный вам А. Герцен

[1] Год устанавливается по содержанию письма.

[2] Леон *Фонтен* (1834—1895) — бельгийский журналист-социалист, издатель газеты «Uylenspiegel», которой он придал радикальный характер. На страницах этой газеты перепечатывались материалы из «Колокола», публиковались рецензии на «Былое и думы», статьи о Бакунине и т. п. Вероятно, в это время он вел с Герценом переговоры о регулярном выпуске в Брюсселе переиздания «Колокола» на французском языке (мысль об этом явно витала в воздухе — см. ниже письмо С. Бернара к Герцену). Намерение вскоре было воплощено в жизнь, и с 1862 г. начала выходить газета «Cloche (Колокол)» под редакцией Фонтена.

[3] В главе VIII части шестой «Былого и дум» — «Лондонская вольница шестидесятых годов», живописуя безотрадный быт эмигрантов в Лондоне, Герцен отмечает, что одно из средств существования для них состояло в «судорожном и артистическом комиссионерстве, в предложении разных разностей без внимания на запрос». «Французы,— добавляет Герцен,— по большей части *работали* в винах и водках», и далее он описывает ряд трагикомических случаев этого комиссионерства (XI, 187—188).

[4] Дети Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой — Леля-бой и Леля-гёрл (умерли от дифтерита в 1864 г.).

Герцен — Л. Блану

〈Londres.〉 13 mars 1862
Orsett House. Westbourne Terrace

Cher Monsieur Louis Blanc, voilà l'article de la *Revue des Deux Mondes* [1].

L'accusation infâme contre Bakounine vient d'Urquart [2]; je sais que chaque Anglais a le privilège d'être foux — je sais que c'est un maniaque, mais avec tout cela — quel sort étrange que le nôtre. Des existences entières dévouées à notre cause, rapports de famille brisés, fortune perdue en partie ou totalement — et avec cela on nous jette à la tête des accusations infâmes.

Oui, nous devons rester des étrangers sur ce sol où l'on ne sait pas distinguer un homme dévoué à ses convictions d'un espion.

Et cela vient juste avec la nouvelle (imprimée aujourd'hui dans le *Nord*) que le second* frère de Bakounine est aussi dans les casemates [3].

---

* Nous avons entendu que l'un de ses frères a été arrêté — mais nous n'avons pas même présumé de l'autre.

J'ai écrit un petit billet au rédacteur [4], mais je me propose de faire un peu plus et raconter l'histoire avec tous les détails [5] ⟨...⟩ *

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 13 марта 1862 г.
Orsett House. Westbourne Terrace

Любезный господин Луи Блан, вот статья из «Revue des Deux Mondes» [1].

Гнусное обвинение против Бакунина идет от *Уркарта* [2]; я знаю, что каждый англичанин имеет привилегию быть сумасшедшим,— я знаю, что это маньяк, но при всем том — что за странная у нас судьба. Жизни, целиком посвященные нашему делу, разорванные семейные связи, частично или полностью погубленное состояние — и при всем этом нам бросают в лицо гнусные обвинения.

Да, нам следует оставаться иностранцами на этой почве, где не умеют отличить человека, преданного своим убеждениям, от шпиона.

И это получается одновременно с новостью (напечатанной сегодня в «Nord»), что второй брат ** Бакунина также находится в казематах [3].

Я написал записочку редактору [4], однако предлагаю сделать нечто большее и рассказать эту историю во всех подробностях [5] ⟨. . .⟩ *.

[1] Статья Ш. Мазада «Россия в царствование Александра II», напечатанная в «Revue des Deux Mondes» от 15 января. Она произвела хорошее впечатление на Герцена — он назвал ее «очень интересной» и собирался поговорить о ней в одном из ближайших листов «Колокола» (XVI, 26). Намерение это осталось неосуществленным. Сравнивая Россию того времени с Францией 1789 г., Мазад показал, как потрясения, вызванные Крымской войной, пробудили всю Россию. Многие формулировки Мазада не могли не прийтись по вкусу Герцену, так как они свидетельствовали о влиянии его взглядов на автора статьи.

[2] В лондонской газете «Free Press» (№ 3 от 5 марта; издавалась публицистом Д. Уркартом, который, по словам Герцена, помешался на том, что русская дипломатия «подкупает и надувает всех государственных людей во всех государствах мира сего» — XI, 159) появилась статья «Бакунин»; в ней утверждалось, будто М. А. Бакунин — агент русского правительства.

[3] Алексей и Николай Александровичи Бакунины — участники так называемой «либеральной оппозиции» — были посажены в Петропавловскую крепость вместе с другими мировыми посредниками Тверской губернии, подписавшими заявление о том, что они считают себя обязанными руководствоваться в своей деятельности не официальными указаниями, а положениями либерального адреса тверского дворянства.

[4] Герцен и Огарев 12 марта обратились к издателю «Free Press» с открытым письмом, в котором заявляли, что утверждение относительно Бакунина «фальшиво и абсурдно» (XVI, 78—79).

[5] См. статью Герцена «Ultimatum», напечатанную в «Колоколе», л. 133 от 15 мая 1862 г. (XVI, 99—101).

3

Герцен — Л. Блану

2 mai 1866. Genève
7, Quai du Mont Blanc

Cher monsieur Louis Blanc,

Permettez-moi de vous recommander un de nos amis [1] qui désire de vous l'autorisation pour la traduction des *Salons du XVIII siècle* en langue russe [2]. Nous — c'est-à-dire Ogareff et moi — nous le connaissons parfaitement — son nom est Nicoladze (c'est un Géorgien).

Je lui don⟨ne⟩ l'occasion de me rappeler à votre souvenir et de vous dire que nous vivons assez bien en Suisse et ne cessons ni d'aimer ni de respecter nos amis.

Votre tout dévoué
Al. Herzen

Перевод:

2 мая 1866 г. Женева
7, Quai du Mont Blanc

Любезный господин Луи Блан,

Позвольте мне рекомендовать вам одного из наших друзей [1], желающего получить от вас разрешение перевести «Салоны XVIII века» на русский язык [2]. Мы — то есть Огарев и я — от-

---

* Конец письма с подписью в автографе отрезан.— *Ред.*

** Мы слышали, что один из его братьев был арестован,— но не могли и предположить того же о другом.

ЛУИ БЛАН
Фотография Надара
Из альбома: «Nadar». Torino, 1966

личнейшим образом знаем его — имя его Николадзе (это грузин).

Предостав⟨ляю⟩ ему возможность передать вам от меня поклон и сказать вам, что мы живем довольно хорошо в Швейцарии и не перестаем ни любить, ни уважать своих друзей.

Всецело преданный вам

Ал. Герцен

[1] Участник революционно-демократического движения 1860-х годов, грузинский публицист Николай Яковлевич *Николадзе* (1843—1928), в 1864 г. уехавший за границу. О нем и его отношениях с Герценом см. в статье Я. З. Черняка («Лит. наследство», т. 62, с. 402—404).

[2] Перевод книги Луи Блана Николадзе издан не был.

4

Герцен — Л. Блану

29 juillet 1866
7, Quai Mont Blanc. Genève

Cher monsieur Louis Blanc,

Un ami de mon fils, un jeune homme très distingué, M. Gabriel Monod, désire quelques mots d'introduction auprès de vous [1]. Je prends la liberté de lui donner ces lignes.

Si vous avez lu par hasard un article de «*Kolokol*» sur la guerre — traduit dans la *Rive Gauche* 22 juillet — vous avez pu voir que nous ne sommes pas trop loin de votre point de vue [2]. J'ai brisé pas mal des lames pour vos articles dans le *Temps* [3]. Dès qu'il y a une idée claire et de la logique — les braves gens ne comprennent rien.

Je vous salue de tout mon cœur — et je vous prie de ne pas m'oublier tout-à-fait.

Votre tout devoué

Al. Herzen

Перевод:

29 мая 1866 г.
7, Quai Mont Blanc. Женева

Любезный господин Луи Блан,

Друг моего сына, весьма выдающийся молодой человек, г. Габриэль Моно, желает нескольких рекомендательных слов к вам [1]. Беру на себя смелость дать ему эти строки.

Если вы случайно прочли статью «Колокола» о войне, переведенную в «Rive Gauche» 22 июля, вы смогли увидеть, что мы не особенно далеки от вашей точки зрения [2]. Я сломал немало копий за ваши статьи в «Temps» [3]. Когда возникает свежая и логичная мысль — добрые люди в ней ровным счетом ничего не понимают.

От всей души приветствую вас — и прошу вас не совсем забывать обо мне.

Всецело преданный вам

Ал. Герцен

[1] См. о нем ниже в этой публикации.

[2] Статья Герцена ⟨«Война»⟩, напечатанная в л. 223 «Колокола» от 1 июля (XIX, 105—109), была переведена на французский язык и появилась 22 июля (5 августа) 1866 г. в брюссельской газете «Rive Gauche» под названием «Русский голос о войне».

[3] Л. Блан был лондонским корреспондентом парижской газеты «Temps».

5

Л. Блан — Герцену

Londres. 16, Upper Montague St⟨reet⟩
⟨Апрель ⟨?⟩ 1869 г.⟩

Mon cher Hertzen,

Je vous demande votre plus cordiale poignée de main pour Sir Charles Dilke, dont j'aime la personne et dont je prise fort le talent. Vous connaissez certainement de réputation l'auteur du beau livre *Greater Britain*[1]. Inutile que j'en dise davantage. Quand vous l'aurez vu, vous me remerciriez de vous en avoir fourni l'occasion.

Mille amitiés à vous et aux vôtres.

Louis B l a n c

Перевод:

Лондон 16, Upper Montague St⟨reet⟩

Любезный мой Герцен,

Прошу вас сердечнейше пожать руку сэру Чарлзу Дилку, которого я люблю как личность и чей талант очень высоко ставлю. Вы, конечно, слыхали об авторе прекрасной книги «Greater Britain»[1]. Мне бесполезно говорить о нем больше. Когда вы его увидите, то вероятно, поблагодарите меня за то, что я предоставил вам для этого случай.

Тысяча дружеских приветов вам и вашим.

Луи Б л а н

[1] О Чарлзе *Дилке* (1843—1911) см. в «Лит. наследстве» (т. 73, кн. 2, с. 95—100) и выше, в нашей статье «Герцен и Англия». Точное название его книги: «Greater Britain. A Record of Travel in English-speaking countries», v. I—II. L., 1868.

В одной из записных книжек Дилка сохранилась следующая запись (на английском языке): «Бóльшую часть осени и зимы (1868—1869 гг.) я провел в России. Перед тем как ехать, я побывал в Женеве, с рекомендательными письмами к Герцену, вождю умеренного крыла русских революционеров» («Лит. наследство», т. 73, кн. 2, с. 95. Перевод уточнен). Далее Дилк писал: «У меня сохранилось письмо Луи Блана к Герцену, так как я ему вручил другие рекомендации ⟨...⟩ В Петербурге я видел многих передовых людей, к которым Herzen (или Hertzen) и Огарев меня направили» (The British Library. Dilke Papers, add. mss., 43909, № 27).

Среди тех, к кому Дилк имел рекомендательные письма в Россию, в его адресной книжке значатся: «Господин Кельсиев (он и его жена пишут в «Заре»), госпожа Кельсиева, госпожа графиня Сальяс, госпожа Трубецкая (подруга госпожи Сальяс), Евгений Утин (брат основателя Интернационального общества в Женеве и шурин Стасюлевича, который живет в том же доме). Пятеро Утиных живут в утинском доме. Евгений и Борис не женаты)» и: «профессор Каченовский, из Харьковского университета» (Ibid, add. mss., 43931, f. 38. См. также XXX, 168, 221, 223, 224 и *ЛЖГ* V (готовится к печати).

Ш. РИБЕЙРОЛЬ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Французский революционный публицист, историк и романист Шарль *Рибейроль* (1812—1860) во время Июльской монархии активно занимался журналистской деятельностью, был близок к сен-симонистам, фурьеристам и Э. Кабе. С февраля 1848 г. он являлся главным редактором одной из наиболее значительных французских радикальных газет — «Réforme» — и пользовался огромным авторитетом, хотя материалы за его подписью публиковались там очень редко. После 13 июня 1849 г. Рибейроль, как и Герцен, вынужден был тайно покинуть Францию и переехал в Лондон, а оттуда на о. Джерси, где близко сошелся с В. Гюго. На Джерси он издавал демократическую газету «Homme» с «благородным направлением» и «чистыми намерениями» (XIV, 8), в которой сотрудничали многие французские революционные эмигранты и нередко появлялись произведения Герцена. Рибейролю адресовано большое открытое письмо, включенное впоследствии в «Письма из Франции и Италии» (V, 218—224).

В 1855 г. газета Рабейроля была запрещена и сам он был выслан с Джерси. По возвращении в Лондон Рибейроль вел почти нищенскую жизнь, с трудом зарабатывал себе на хлеб, но отвергал все филантропические предложения о помощи. В 1860 г. он отправился в Южную Америку, взяв на себя составление путеводителя «Живописная Бразилия», и на обратном пути умер от тропической лихорадки.

Рибейроль был разносторонне одаренной и обаятельной личностью; Герцен считал его «человеком с большим талантом» (XIV, 8); его высоко ценили К. Маркс, Ф. Энгельс и Гюго (написавший стихотворную эпитафию Рибейролю), и даже сотрудники французских буржуазных энциклопедий XIX в., крайне нетерпимые к революционерам, не могли отказать Рибейролю в теплой посмертной характеристике, несмотря на радикализм его взглядов.

При публикации в т. 61 «Литературного наследства» адресованных Рибейролю писем Герцена дан перечень его статей, напечатанных в газете «Homme», и приведены отзывы о нем из этой газеты (с. 218—225).

Письмо печатается впервые по микрофильму *ГБЛ* с автографа *BN*.

London. 5 *february* 56

Cher citoyen,

J'ai reçu vos domestiques et je vous remercie; ce sont d'assez bonnes gens; s'ils boivent un peu trop, ce n'est pas moi qui les ferai pendre...

J'esperais pouvoir vous envoyer aujourd'hui les vers inédits de Victor Hugo; mais ce grand homme m'écrit que toutes ses pièces sont à l'impression en Belgique et qu'il faut attendre les premières épreuves [1].

Dès qu'il m'enverra, vous recevrez.

Je vous salue fraternellement.

Ch. Ribeyrolles

Перевод:

Лондон, 5 february * 56 г.

Дорогой гражданин,

Я принял ваших слуг и благодарю вас; это довольно славные ребята; если они и выпивают чуточку лишнего, то отнюдь не я потащу их на виселицу...

Я надеялся, что смогу послать вам сегодня неизданные стихи Виктора Гюго, но сей великий человек пишет мне, что все его стихотворения печатаются в Бельгии и что надо ждать первой корректуры [1].

Как только он мне пришлет, вы получите.

Братски приветствую вас.

Ш. Рибейроль

[1] По-видимому, Герцен собирался опубликовать неизданные стихи В. Гюго в очередной книжке «Полярной звезды». В это время в Брюсселе печатался объемистый двухтомник стихов Гюго «Les contemplations».

С. БЕРНАР — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. Вюильмье

Симон *Бернар* (1817—1862) — врач, деятельный участник революции 1848 г., прозванный «Бернаром-клубистом». После майских событий 1849 г. он эмигрировал в Бельгию, откуда вскоре был выслан за антирелигиозную пропаганду. В Лондоне Бернар участвовал в нескольких антибонапартистских заговорах. Обвиненный в соучастии с Ф. Орсини (другом Герцена) в подготовке покушения на Наполеона III (1858), он по просьбе французского правительства был арестован в Англии и предан суду. Герцен, как известно, с напряженным вниманием следил за ходом этого процесса и оставил о нем в «Былом и думах» живой и красноречивый рассказ. 8 апреля 1859 г. Бернар был торжественно оправдан английским судом. Эта счастливая развязка, последовавшая за падением премьер-министра Г. Д. Пальмерстона, ознаменовала провал попыток ограничить свободу эмигрантов в Англии. Вот почему Герцен в «Колоколе» провозгласил оправдание Бернара как «мирное Ватерлоо» Англии «Наполеону мира» (XIII, 266).

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано на языке оригинала М. Вюильмье в *AAH*, 246—247.

* февраля (*англ.*)

Перевод с французского:

〈Лондон.〉 10, Barkplace, Bayswater
Воскресенье, 21 апреля 〈1861 г.〉 [1]

Любезный гражданин,

Благодарю вас за оказанное мне любезное внимание — присылку мне вашей книги, первые страницы которой, прочитанные мною сегодня утром, живо меня заинтересовали [2]. Я собирался отправиться к вам сегодня вечером, чтобы поблагодарить вас изустно и заодно побеседовать с вами о деле, лежащем у меня на душе; но, задержанный до одиннадцати часов, я не смог нанести вам визита и, поскольку завтра я буду очень занят, обращаюсь к вам ad hoc * письменно. Дело вот в чем:

Ваш «Колокол» читается только русскими: негодяи, чьи мерзости вы разоблачаете, в России известны как таковые и заклеймлены общественным мнением; в Европе же, в Париже, в Лондоне, если г-н князь или граф Икс посещает гостиные, то он принят всюду благодаря своему титулу: никто не знает, что он мошенник. Так вот, если бы здесь издавалась, на французском языке, двухнедельная газета, воспроизводящая самые наперченные статьи из «Колокола» (те, которые вы указывали бы сами), то это явилось бы ударом грома для ваших лихоимцев, которые увидели бы, что перед ними закрываются двери хотя бы лондонских гостиных, ибо в Париже обретается столько доморощенных продувных бестий, что ваши нашли бы там для себя подходящую компанию.

Тафери сказал мне как-то, что Трюбнер охотно взял бы на себя распространение довольно большого числа экземпляров газеты, выпускаемой на французском языке в означенном мною направлении [3],— я попросил Тафери написать Трюбнеру, и в ответе сказано, что Трюбнер будет очень рад договориться с редактором «Bouche de Fer» — я указал такое название [4].

Хочу знать: 1. Есть ли у вас какая-либо причина не желать, чтоб этот французский перевод издавался. 2. В противном случае не будете ли вы так добры отметить в перечне статей самые жгучие, злободневные по отношению к личностям, кои там обличаются.

Если это вам подходит, то я нашел молодого человека, который переведет мне их *на свой французский язык*, а я сам отредактирую это для публикации.

Мой переводчик — русский, которого я как-то у вас видел,— долговязый, сухопарый малый, с чащей черных волос, зачесанных назад и ласкающих ему плечи и спину [5].

Как только у вас найдется время, благоволите ответить мне; если вы дадите согласие, работа пойдет быстро [6].

Всем привет, а вам — братский поклон.

С. Бернар

[1] Воскресенье на 21 апреля приходилось в 1861 г.

[2] Вероятно, первый или второй том «Былого и дум» во французском переводе И. Делаво. См. выше.

[3] Вероятно, владелец типографии *Ф. Тафри* (около 1822—?) — сотрудник французской провинциальной газеты «Œuil du Peuple». Он был изгнан из Франции в 1852 г. и жил сначала в Бельгии, а затем на острове Джерси. Вместе с Гюго и другими французскими эмигрантами он подвергся высылке и переселился в Лондон, где, вероятно, сблизился с издателем Герцена *Н. Трюбнером*.

[4] Эти письма Тафри и Трюбнера остаются неизвестными. Предложенное Бернаром название для новой газеты не отличалось оригинальностью: так назывались до нее и некоторые другие французские периодические издания.

[5] По предположению Л. Р. Ланского, речь идет о В. И. Кельсиеве, с 1859 г. жившем в Лондоне.

[6] Ответ Герцена на это предложение Бернара остается неизвестным, и французские «извлечения» из «Колокола» в Лондоне не выходили — быть может, потому, что Бернар вскоре заболел и умер. Идея эта, однако, оказалась удачной, и периодическое издание «Cloche (Колокол)» с переводом статей Герцена и различных материалов из «Колокола» стало регулярно выходить с сентября 1862 г. в Брюсселе под редакцией Л. Фонтена (см. вступительную статью к настоящему разделу).

---

* по этому случаю (*лат.*).

С. РАЛЛЕ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. Кадо и Л. Р. Ланского

Селестен (Эжен) *Ралле* (1814—1865) около 1840 г. отправился в Россию в качестве домашнего учителя. Совместно со своим младшим братом Альфонсом он основал в Москве парфюмерную фабрику. В 1850-х годах, разбогатев и возвратившись во Францию, поселился с семьей в имении своего брата близ Гренобля, занялся политической деятельностью и в 1865 г., незадолго до смерти, был избран членом муниципального совета.

Знакомство Герцена с Ралле относится к 1840-м годам. В анонимно изданной книге друга Н. И. Сазонова эльзасца Ж. Ж. Рора «Un missionnaire républicain en Russie» (P., 1852) немало говорится о Герцене, Грановском и других видных представителях московской интеллигенции 1840-х годов. Там фигурирует и преподаватель французской литературы, обозначенный инициалом *R*. Это и был Ралле (см.: XXIV, 314; XXV, 23; «Лит. наследство», т. 58, с. 694—696, 699—700; сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 501—503; Michel C a d o t. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. P., 1967, p. 146—149; *AAH*, 334—336).

Письмо печатается по фотокопии с автографа Archives municipales d'Isère et Dauphinée (Франция). Впервые опубликовано на языке оригинала (с большой купюрой) М. Кадо в «Revue de la Littérature Comparée» (1970, N 1, p. 96) и затем в *AAH*, p. 333—336. Текст о смерти Николая I, выявленный при сверке с фотокопией письма, публикуется впервые Л. Р. Ланским.

Перевод с французского:

⟨Бивье близ Гренобля. Конец апреля — начало мая 1865 г.[1]⟩

Дорогой господин Герцен,

Вот уже неделя, как я возвратился в Гренобль; тщетно разыскиваю я в навале, в хаосе бумаг заметку, о которой говорил вам,— касательно смерти императора Николая. Из-за ее отсутствия или в ее ожидании, ибо я надеюсь еще разыскать ее, посылаю вам подробности, которые по этому поводу мне доставляет память,— передайте их г. Долгорукову [2] и обратите особенное его внимание на возможность подтверждения их и умножения путем осторожных расспросов г. Имбера [3], если он еще живет в окрестностях Петербурга или же во Франции, если туда возвратился. Не сомневаюсь, что адрес его можно получить у дворецкого нынешнего императора или же у главных содержателей петербургских ресторанов — Леграна, Сен-Жоржа и других; даже французское консульство могло бы помочь разыскать его и установить, подтвердить столь важный исторический факт, столь драгоценный результат 30-летнего царствования. Прибавлю, что первые слухи об этих обстоятельствах дошли до меня от первых слушателей г. Имбера (г. Дюлу, г-жи Минангуа, г-жи Жордан, у которых г. Имбер обедал); из них первые живут в Париже, а последняя в Москве. Адрес г. Дюлу, которого я теперь не знаю, мог бы быть получен у его брата, rue Taitbout, № 85, и его свидетельство служило бы подкреплением моего для г. Долгорукова и особенно г. Имбера, который перед лицом этих свидетелей мог бы менее упорно отрицать свои прежние рассказы, если б ему и предписан был закон молчания.

Что же касается заметок, о которых я говорил вам, относительно выпуска в обращение в 1855—56 гг. кредитных билетов, то они находятся у меня под рукой, и я готов прислать их вам в оригинале, если вы этого захотите, чтобы вы увидели, каким путем я следовал и как постепенно, от билета к билету, я дошел до наивысших н⟨омеро⟩в выпуска и вслед за тем установил сумму циркулирующих кредитных билетов. Вопрос этот, однако, значительно потерял свой интерес после признаний Министерства финансов в 1859 г., которое привело тогда сумму, равную той, что была отгадана или предвидена в 1856 г., еще во время войны [4].

Теперь, когда мы вдруг оказались соседями благодаря соединяющим нас линиям железных дорог, я надеюсь, что смогу видеться с вами то здесь, то в Женеве, куда мы время от времени ездим, и поддерживать отношения, всегда для меня бывшие драгоценными. Примите же мои уверения в самых сочувственных

воспоминаниях и передайте их хоть частично вашей бедной и безутешной спутнице по столь плачевному путешествию [5]. Нежный привет Лизе [6] от моих детей и от их отца, и остаюсь сердечно преданный

Э. Ралле

Бивье — близ Гренобля

На отдельном листе:

Г-н Имбер — дворецкий императора Николая, приехавший в Москву в первые месяцы 1856 г., — говорил там в присутствии нескольких человек об исключительных обстоятельствах, сопровождавших его смерть. Я выражал желание услышать этот рассказ, и вот подробности, которые мною самим услышаны из уст г. Имбера:

«Императору нездоровилось; врачи предписали очищение желудка и удалились. Г-н Мандт оставался один в комнате перед кабинетом императора; я вошел, принеся отвар, который должен был служить для этой процедуры, когда принесли предписанное из Дворцовой аптеки. Тогда я увидел, как г. Мандт подменил только что переданный ему пакет другим пакетом, извлеченным им из своего кармана, и вошел в кабинет императора. Эта явная для меня подмена, таинственная напряженность, с которой она была совершена, внушили мне подозрения, и я счел нужным пойти поделиться ими с министром императорского двора...

Несколько мгновений спустя е⟨го⟩ имп⟨ераторское⟩ в⟨ысочество⟩ великий наследный князь поспешно вошел в кабинет императора и вышел оттуда сильно взволнованный, тотчас же приказал вызвать гр. Орлова к императору. Тотчас же прибежали, запыхавшись, принцы и принцессы, и вскоре во дворце стало известно, что императору плохо, потом — что очень плохо, потом — что он умирает, потом — что он умер. Первая моя мысль, — добавлял г. Имбер, — была, что он ⟨Мандт⟩ отравил императора, но обстоятельства, последовавшие за сделанным мною демаршем перед министром императорского двора, заставили меня предположить, что император приказал себя отравить» [7].

Г-н Имбер, после 12 или 15 лет службы при императоре Николае, купил в 1856 г. имение в окрестностях Петербурга на Ораниенбаумской дороге и мог бы, *терпеливо порасспрошенный*, дать еще более важные, более обстоятельные подробности *.

[1] Приблизительная дата письма устанавливается по упоминанию о недавней встрече Ралле с Герценом и его «бедной и безутешной спутницей» — Н. А. Тучковой-Огаревой — в Канне 10 апреля и о приезде Герцена 17 апреля в Женеву («теперь, когда мы вдруг оказались соседями...»). Нет сомнения, что письмо написано было вскоре после беседы с Герценом, которому Ралле обещал прислать интересовавшие его материалы.

* Приводим французский текст той части письма, которая оказалась пропущенной в зарубежных публикациях:

«M-r Imbert — maître d'hôtel de l'empereur Nicolas, venu à Moscou dans les premiers mois de 1856, y avait parlé devant plusieurs personnes des circonstances extraordinaires qui avaient accompagné sa mort. J'exprimais le désir d'entendre le récit, et voici les détails que je recueillis moi-même de la bouche de M. Imbert:

„L'empereur était souffrant; les médecins avaient prescrit une purgation et s'étaient retirés. M-r Mandt seul était resté dans la pièce qui précède le cabinet de l'empereur; j'entrai apportant moi-même un bouillon qui devait servir à cette médication, quand on rapporta la prescription de la Pharmacie de la cour. Je vis alors M. Mandt substituer au paquet qui venait de lui être remis un autre paquet tiré de sa poche et entrer dans le cabinet de l'empereur. Cette substitution évidente pour moi, l'embarras mystérieux avec lequel elle était faite m'inspirèrent des soupçons et je crus devoir en aller faire part au grand Maître de la Cour...

Peu d'instants après s ⟨on⟩ a⟨ltesse⟩ imp⟨ériale⟩ le grand duc héritier accourut dans le cabinet de l'empereur et en sortit tout ému après quelques minutes et fit appeler immédiatement le c⟨om⟩te Orloff à l'empereur. Les princes, les princesses accoururent immédiatement, effarés, et bientôt on apprit dans le palais que l'empereur était mal, très mal, puis qu'il était mourant, qu'il était mort. Ma première pensée, — ajoutait M. Imbert, — était qu'il avait empoisonné l'empereur; mais les circonstances qui ont suivi la démarche faite par moi auprès de grand maître du palais m'ont fait supposer que l'empereur s'était fait empoisonner" [7].

M. Imbert, après 12 ou 15 ans de service auprès de l'empereur Nicolas avait acheté en 1856 une propriété aux environs de Pétersbourg sur la route d'Oranienbaum et pourrait, *patiemment interrogé*, donner des importants détails plus circonstanciels encore».

[2] Ралле сообщил Герцену во время этой встречи, что располагает данными об обстоятельствах смерти (самоубийства?) Николая I и готов предоставить их в распоряжение обличителя царской династии кн. П. В. Долгорукова (см. конец письма).

[3] Личности *Имбера*, как и других упоминаемых в письме французов из Петербурга, установить не удалось.

[4] В своей книге «La vérité sur la Russie» (P., 1860) кн. П. В. Долгоруков отмечал, что в России середины 1850-х годов была сильная инфляция (количество кредитных билетов к моменту подписания Парижского договора 1856 г. вдвое превышало их наличие в 1850 г.— p. 268). Ралле предложил уточнить этот факт своими наблюдениями.

[5] 27 марта 1865 г. Герцен и Н. А. Тучкова-Огарева похоронили в Ницце своих малолетних близнецов — Лелю-боя и Лелю-гёрл, умерших в Париже от дифтерита в декабре 1864 г. На следующий день он с убитой горем подругой переехал на три недели в Канн. О встрече с Ралле Герцен сообщил Огареву 10 апреля (XXVIII, 59). Из Канна Герцен и Тучкова-Огарева уехали в Женеву.

[6] Дочь Герцена и Тучковой-Огаревой.

[7] Как отмечает биограф Николая I, в Петербурге, тотчас же после смерти императора, начала ходить молва, что он отравился, и в обществе многие были очень враждебно настроены против Мандта. Он заключает: «До настоящего времени нет достаточно данных, чтобы судить, насколько все эти слухи были обоснованы» (М. Полиевктов. Николай I. М., 1918, с. 376—377).

Ф. БЮЛОЗ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Франсуа *Бюлоз* (1804—1877) пользовался большой известностью как во Франции, так и за ее пределами, хотя почти ничего не писал. Имя его не забыто и теперь. Этим он обязан исключительно тому, что в течение полувека, с 1831 по 1877 г., издавал авторитетный «толстый» журнал либерального, умеренно-оппозиционного направления —«Revue des Deux Mondes».

Бюлоз обладал большими организаторскими способностями. Из влачившего жалкое существование журнальчика он создал общеевропейский орган с огромным для того времени тиражом и сумел привлечь к сотрудничеству литературных деятелей такого масштаба, как Бальзак, Беранже, Бодлер, Виньи, Готье, Гюго, Кине, Ламартин, Мериме, Мюссе, Стендаль, Сент-Бёв, Жорж Санд. Из русских писателей в «Revue des Deux Mondes» чаще всего печатался И. С. Тургенев.

Личность Бюлоза и его деятельность удивительно напоминают издателя-редактора «Отечественных записок» А. А. Краевского, которого с полным правом можно было бы назвать «российским Бюлозом», так же как его журнал (в 1847—1867 годах) — российским «Revue des Deux Mondes».

Бюлоз всегда отдавал предпочтение крупным именам, уже устоявшимся репутациям, «лицам с положением». Журнал его в 1840—1860-х годах придерживался «респектабельной» позиции и сохранял некоторую независимость мнений (стараясь избегать «острых» вопросов и полемики), что очень импонировало буржуазным читателям. Публиковаться у Бюлоза считалось честью, доступной далеко не всем (даже известным) деятелям литературы и науки.

Как видно из переписки Герцена, он еще во времена своей молодости увлеченно читал «Revue des Deux Mondes» (см. выше мою статью «Герцен и Франция»). Постоянное обращение к этому «зеркалу современности» было характерно не только для французских интеллигентов, но и для русских, английских, немецких, американских читателей, круг интересов которых определялся политикой, экономикой, историей, литературой. Даже в конце 1860-х годов Герцен отмечал, что в каждом номере «Revue...» есть «очень интересные вещи» (XXVIII, 34).

Стремясь знакомить читателей своего журнала со всеми выдающимися явлениями современности, Бюлоз не упустил из виду шумного успеха английских и немецких переводов «Былого и дум» и поместил в номере от 15 июля 1854 г. под рубрикой «Литература в России» огромную статью французского переводчика этой книги И. Делаво «Современный русский роман. — Александр Герцен» и в номере от 1 сентября того же года — «Годы тюрьмы и ссылки русского писателя», с обширнейшими цитатами, представлявшими собой, по словам Герцена, перепечатку «полкниги» (IX, 266; см. мой обзор иностранных отзывов о «Былом и думах» (XI, 761—762) и вступительную статью к настоящему разделу). В библиографическом отделе «Revue des Deux Mondes» печатались рецензии и на другие сочинения Герцена.

Автор «Былого и дум» охотно пользовался влиятельной общеевропейской трибуной, хотя политическое направление этого чисто буржуазного «респектабельного» органа не внушало ему особого уважения.

В 1864 г. Герцен сделал попытку напечатать в журнале Бюлоза свою большую французскую статью «Новая фаза русской литературы», которую он специально написал для этого издания. Бюлоз, однако, очень долго под разными предлогами оттягивал публикацию и под конец совершенно уклонился от нее, очевидно опасаясь, что резкий тон статьи Герцена и особенно его обличения некоронованного властителя «северной державы» М. Н. Каткова могут вызвать неудовольствие в правительственных кругах России и, следовательно, уменьшить там влияние журнала и число подписчиков. «Они, т. е. Бюлоцы и бюлоцверы, до такой степени трусы и педанты, что беда ⟨...⟩ А. Клячко⟨!⟩ — чуть в клочки не рвет за неосторожные выражения»,— писал Герцен сыну по поводу предстоявшей, но неосуществившейся публикации своей статьи в «Revue...» (XXVII, 446; ср. 468 и *ЛЖГ* III, 626; польский эмигрант Ю. Клячко был помощником Бюлоза по редакции). Несмотря на эту неудавшуюся попытку сотрудничества в «Revue des Deux Mondes», Герцен спустя два года снова вступает в сношения с Бюлозом. Публикуемое письмо — по-видимому, ответ на неизвестное обращение Герцена. Сохранились только его единичные письма, относящиеся к марту 1866 г.; упоминаний о контактах с редактором «Revue...» в них нет. Однако из опубликованной в л. 218 «Колокола» от 15 апреля 1866 г. заметки Герцена «От издателей» мы узнаем, что Бюлоз «самым любезным образом» позволил поместить в «Колоколе» русский перевод статьи Ш. Мазада, впервые напечатанной в «Revue des Deux Mondes» (XIX, 49). Несомненно, что именно *этот* ответ Бюлоза и публикуется ниже. Вместе с тем Бюлоз отвечает и на какой-то другой вопрос Герцена. Из письма Герцена к К. Э. Хоецкому от 7 июня того же года можно получить некоторое представление о том, что мог предложить он для публикации Бюлозу: «У меня есть целый том повестей, статей, обозрений, всякой всячины, переведенный двумя русскими дамами из моих opera * ⟨...⟩ Нет ли дурака издателя, который захотел бы издать или купить за стоимость печати?» (XXVIII, 193). Вероятно, аналогичное предложение Герцен сделал двумя-тремя месяцами ранее и Бюлозу (приятель Герцена Г. Н. Вырубов настойчиво советовал ему печататься в «Revue des Deux Mondes», так как, по его словам, «у Buloz'a сохранилось известное благочиние в форме, известное спокойствие слога, можно обо всем говорить» («Лит. наследство», т. 62, с. 58).

Несмотря на предельно любезный тон письма Бюлоза и его заверения, что он преисполнен желания постоянно знакомить читателей с произведениями издателя «Колокола», сотрудничество Герцена в «Revue des Deux Mondes» так и осталось в области благих намерений.

О публикуемом ниже «очень учтивом письме Бюлоза» и о желании снова вступить с ним в переговоры насчет печатания в «Revue...» не издававшихся во Франции частей «Былого и дум» и других произведений (в том числе писем «К старому товарищу») Герцен упоминает в письмах, относящихся к лету и осени 1869 г. Автор «Былого и дум» сознавал при этом достаточно определенно, что вряд ли дело будет иметь успех, так как у его произведений «цвет неподходящий» для «целомудреннейшего и чопорнейшего» журнала Бюлоза (XXX, 70; IX, 266).

Письмо печатается впервые по микрофильму *ГБЛ* с автографа *BN*.

Paris, le 27 mars 1866

Faites, monsieur, ce que vous conviendra pour cet article sur la Russie; je demande seulement que vous disiez dans le *Kolokol* qu'il a paru dans la *Revue* [1]. Je serai bien aise de recevoir la nouvelle traduite dont vous me parlez et je désirerai aussi qu'Iskander mît souvent son nom dans la *Revue*, en nous donnant de beaux spécimens de littérature slave. Cette littérature est trop peu connue de nous.

Recevez, monsieur, avec mes salutations empressées, l'assurance de ma haute considération.

F. Buloz

Перевод:

Париж, 27 марта 1866 г.

Делайте, милостивый государь, все, что вам покажется подходящим, с этой статьей о России; прошу только, чтобы вы сказали в «Колоколе», что появилась она в «Revue» [1]. Очень рад буду принять переведенную повесть, о которой вы мне говорите, и мне хотелось бы также, чтоб

* трудов (*лат.*).

Искандер часто помещал свое имя в «Revue», давая нам прекрасные образцы славянской литературы. Литература эта слишком мало нам знакома.

Примите, милостивый государь, с горячими моими приветствиями, уверение в высоком моем уважении.

Ф. Бюлоз

[1] В своей статье «1789», появившейся в л. 217 «Колокола» 1 апреля 1866 г., Герцен выразил надежду ознакомить читателей в следующем номере с новой замечательной статьей Ш. Мазада: «Россия при царе Александре II.— Русское общество и правительство со времени польского восстания», появившейся в «Revue des Deux Mondes» 15 марта (XIX, 48). В связи с этим он и послал запрос Бюлозу. Несмотря на разрешение редактора «Revue...», уже готовый перевод статьи в «Колоколе» не появился: убедившись в том, что в России статья Мазада не запрещена, Герцен не счел целесообразным загромождать столбцы «Колокола» «легальными» материалами. Вдобавок далеко не со всеми положениями статьи Мазада он был согласен.

ГЕРЦЕН — Г. МОНО

Публикация А. Звигильского

Габриель *Моно* (1844—1912) — историк, ученик Ж. Мишле, впоследствии муж младшей дочери Герцена — Ольги.

В 1866 г. А. Герцен-сын случайно познакомился с Моно, приехавшим на отдых и лечение во Флоренцию, и через несколько недель представил его Мальвиде Мейзенбуг и сестре.

Герцен впервые встретился с Моно в следующем, 1867 г. В связи с этим Моно сообщал тогда родным из Флоренции: «Здесь находился Герцен-отец; я просто наслаждался знакомством с ним. Это очень симпатичный человек, одна из тех сильных и жизнерадостных натур, из которых мысль, красноречие, нежность изливаются волнами, без расчета и самоконтроля, свойственного холодным западным натурам. Я не встречал столь блестящих, столь естественных и столь многосторонних собеседников. Нет такого научного, философского и литературного вопроса, которого б он не коснулся с оригинальностью и неистощимым остроумием» («Лит. наследство», т. 63, с. 863). Моно, в свою очередь, производил на Герцена впечатление человека «очень делъного, умного и образованного», но консерватора и доктринера (XXIX, 119, 124).

Зимой 1867—1868 г. Моно был помолвлен с Ольгой. Герцен не знал об этом. Он стремился избежать брака своей дочери с человеком из чуждой ему буржуазной и вдобавок глубоко религиозной, протестантской среды, однако поддерживал с Моно вполне корректные отношения. Как известно, при сообщении об опасном заболевании Герцена Моно поспешил в Париж и вместе с членами семьи Герцена присутствовал при его последних минутах.

На Ольге Александровне Моно женился лишь в марте 1873 г., через три года после смерти Герцена. У них было четверо детей: Эдуард (Моно-Герцен, 1873—1962), Жермена (в замужестве Рист, 1875—1960), Бернар (1879—1905) и Жанна (в замужестве Анфу, 1880—1978).

Впоследствии Моно приобрел заслуженную репутацию крупного ученого-медиевиста. В 1890-х годах, вместе с Э. Золя и своим другом, профессором-филологом Г. Парисом, он стоял в ряду самых бескомпромиссных защитников Дрейфуса.

Перу Моно принадлежит статья о Герцене, которой открывается подготовленная им публикация двусторонней переписки Герцена с Ж. Мишле («Revue», 1907, N 10—11).

Письмо печатается по автографу, хранившемуся в личном архиве Жанны Анфу (Версаль). Впервые опубликовано на языке оригинала А. Звигильским в кн.: A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. P., 1970, p. 83.

⟨Женева. 29 июля 1866 г.⟩

Cher monsieur Monod,

Sans avoir le plaisir de vous connaître personnellement — je vous connais et même beaucoup. M-selle Meysenbug m'écrit ce matin [1] que vous désirez quelques mots d'introduction pour Louis Blanc. Je m'empresse de vous les envoyer [2].

Pourquoi ne venez-vous pas en Suisse? [3] Nous avons divers projets littéraires — entre autres une publication française,— peut-être vous nous auriez aidés [4].

J'attends mon fils de Florence, il passera ici le mois d'août.

Je vous salue avec sympathie. Al. Herzen

Genève, 7, quai du Mont Blanc
29 juillet 1866

Перевод:

Любезный господин Моно,

Не имея удовольствия знать вас лично, я знаю вас, и даже хорошо. М-зель Мейзенбуг пишет мне сегодня утром [1], что вы желаете несколько рекомендательных слов к Луи Блану. Спешу вам их послать [2].

Почему вы не приезжаете в Швейцарию? [3] У нас различные литературные проекты — между ними французское издание,— быть может, вы помогли бы нам [4].

Ожидаю своего сына из Флоренции, он проведет здесь август месяц.

С симпатией приветствую вас.

Ал. Герцен

Женева, 7, quai du Mont Blanc
29 июля 1866 г.

[1] Это письмо Мальвиды Мейзенбуг остается неизвестным.
[2] См. выше письмо Герцена к Л. Блану.
[3] Моно проводил лето в Гавре. В Женеву он поехал только в 1867 г.
[4] Об этом проекте периодического издания на французском языке и предполагаемом в нем участии Моно см. в письме Герцена к дочери Ольге и Мальвиде Мейзенбуг от 28 июля 1866 г., публикуемом в одном из следующих томов «Лит. наследства».

Э. АКОЛЛА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Эмиль *Аколла* (1826—1891) — французский политический деятель, профессор права, активный участник Женевского конгресса Лиги мира и свободы (1867), которому он пытался присвоить официальное название «Конгресса революции». Обвиненный совместно с Элизе Реклю в «заговоре», Аколла был приговорен правительством Наполеона III к году тюрьмы. Впоследствии он продолжал заниматься педагогической и общественной деятельностью, написал множество книг и брошюр юридического характера. Одно письмо Аколла к Герцену от 20 июня 1867 г. уже появилось в печати (см.: Н. П. Анциферов. Герцен и Женевский конгресс Лиги мира и свободы.— «Вестник Академии наук СССР», 1945, № 1-2, с. 24—25).

Письмо печатается впервые по микрофильму *ГБЛ* с автографа *IISG*.

〈Париж. 18 марта 1869? г.〉

Monsieur,

J'adresse ce court écrit au grand patriote russe, à l'éminent publiciste qui veut régénérer sa patrie par la liberté, à l'homme de foi vivace et ardente que l'exil et la souffrance n'ont point lassé.

Vous ne séparez pas, monsieur, comme nous le faisons trop souvent en Occident, le point de vue politique — agréez mon sincère hommage.

Ce petit livre n'est qu'un appel; s'il obtenait votre suffrage, je m'en serais fier[1].

Accueillez l'expression de mon respect et de mes vives simpathies.

Emile Acollas

2/11 〈rue〉 Le Prince
18 mars

Перевод:

Милостивый государь,

Обращаюсь с этим кратким письмом к великому русскому патриоту, выдающемуся публицисту, желающему возродить свою родину свободой, к человеку с жизнестойкой и пламенной верой, которого не утомили ни изгнание, ни страдание.

Вы не отходите, милостивый государь, как мы это слишком часто делаем на Западе, от политической точки зрения — примите же искреннее выражение моего почтения.

Книжка эта — только призыв; если она заручится вашим голосом, я буду этим горд [1]. Благоволите принять выражение моей почтительности и живейших симпатий.

Эмиль Аколла

Le Prince, 2/11
18 марта

[1] Год написания устанавливается приблизительно по времени выхода в свет брошюры Аколла, которую, как можно предположить, он послал при этом письме: Emile Acollas. Les élections en 1869. Simple opinion d'un démocrate. P., 1869. Не исключено, конечно, что Аколла мог послать Герцену какой-нибудь другой свой труд; однако в перечне книг и брошюр Аколла, напечатанном в «Cathalogue général de la Bibliothèque Nationale», пожалуй, нет издания, более подходящего к определению «призыв». Отмечу, кстати, что среди бумаг Герцена сохранилось открытое письмо Аколла к В. Гюго, напечатанное в виде листовки: «A M. Victor Hugo, président du congrès de Lausanne» от 10 сентября 1869 г. (см.: «Лит. наследство». т. 63, с. 862).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕРЦЕН — Э. КИНЕ

Публикация Л. Р. Ланского

Эдгар *Кине* (1803—1875) — известный французский историк, философ, поэт и драматург, участник революции 1848—1849 гг. Некоторые произведения Кине Герцен читал еще в юности (первое упоминание о нем мы находим в письмах 1833 г.— XXI, 21), личное же их знакомство, дружеское сближение и переписка относятся к 1860-м годам. Государственный переворот во Франции (1851) вынудил Кине надолго покинуть родину, и он поселился в швейцарском городке Вето, где несколько раз принимал у себя Герцена «с распростертыми объятиями», как отмечал сам автор «Былого и дум» (XXVIII, 145; *Л* XVIII, 283).

Герцен с большой симпатией и уважением относился к «знаменитому историку-мыслителю», считал его незаурядной личностью и крупным ученым, но отнюдь не причислял себя к безусловным сторонникам взглядов Кине (XI, 480). Они нередко вступали в споры, полемизировали и по вопросам чисто исторического характера и по вопросам, связанным с современностью.

Прославленное сочинение Кине «La Révolution» (1865) представляет собой не столько историю Великой французской революции, сколько рассуждения по ее поводу. Герцен отнесся к нему с огромным интересом. «Я только что просматривал и изучал ваш труд,— писал он Кине в конце 1865 г.— Если бы я чувствовал в себе достаточно сил, я приехал бы, чтобы высказать вам, прежде всего, что я восхищен вашим произведением» (XXVIII, 124). В то же время далеко не со всеми положениями этой книги Герцен соглашался; он оспаривал их и в своих письмах, и при личных встречах, охотно отмечая при этом необычайную, по его мнению, для француза отвагу, «искусство великого художника» и «ясность диалекта» (XVIII, 97).

Радовало Герцена и совпадение взглядов Кине с его собственными взглядами на глубокое нравственное падение бонапартистской Франции (XI, 480).

Кине, как и его близкий друг Ж. Мишле, со все возраставшим восторгом отзывался о Герцене и восхищался его сочинениями. «Он не нарадуется на отрывки из „Был〈ое〉 и думы", помещенные в „Кол〈околе〉"〈...〉 и заставил меня снова перевести мою статейку „La mazourka"». «Старик сделался решительно моим почитателем. В восторге. Требует издания». «Э. Кине изо всех сил побуждает меня издать продолжение моих мемуаров на французском языке. Он предрекает мне большой успех» (XXX, 123, 128, 140). Это выдержки из писем Герцена, относящихся к последнему году его жизни. Свою «Мазурку» Герцен в одном из писем охарактеризовал как «статейку», в которую влюблен Кине (XX, 138).

Опубликованные М. Мерво выдержки из дневника второй жены Кине — Эрминии (1821—1900), писательницы и мемуаристки, по словам Герцена, «умной, энергической женщины» (XXVIII, 145), дают теперь возможность восстановить ряд драгоценных подробностей, связанных со встречами Герцена и Кине. Особенно интересны отклики супругов Кине на чтение им Герценом «Мазурки» и отрывков из «Былого и дум» в своем собственном переводе.

Первая запись относится к 17 мая 1865 г. Вначале Герцен несколько разочаровал супругов Кине:

«Герцен, русский революционер, явился отдать визит Эдгару. Он менее тонок, менее изыскан, нежели мы полагали; мы находим, что у него немецкий склад ума. Коммунизм! вот его главное дело, остальное его не интересует. Эдгар высказал ему вещи, весьма значительные, насчет освобождения крестьян и опасности снова привязать их к императору, их *благодетелю*».

19 мая:

«Герцену он ⟨Э. Кине⟩ сказал в прошлый раз: „Итальянцы поступают подобно нам. Они стоят на коленях перед Церковью, придавая себе в то же время независимый вид. Лицемерие — могущественнейшее божество нашего времени“» (с. 56).

14 июня того же года Э. Кине с женой навестили Герцена в замке Буасьер близ Женевы.

«Что за сокровище мудрости во всем, что он ⟨Э. Кине⟩ говорил Герцену. Он должен был отдать ему визит, отдал его и нашел там массу русских. Говорили, главным образом, о Прудоне».

Тема разговора объяснялась недавней кончиной Прудона.

25 февраля 1866 г. Герцен снова посетил супругов Кине:

«Герцен оказался у нас одновременно с любезным английским кузеном сэром Питером Смитом и г-жой де Декан, но Герцен не говорит, он кричит. Эдгар восхитительно развил мысли, которые лягут в основу его критики „Революции“» (с. 62).

ЭДГАР КИНЕ
Фотография, 1850-е гг.
Из книги: Edgar Quinet. Le livre de l'exile. 1851—1870. Paris, 1875

4 июня состоялась встреча Герцена с супругами Кине у Ж. Мишле.

«Сегодня мы видели революционную Россию; мы видели, у Мишле, Герцена, блещущего умом, одушевлением, страстным патриотическим порывом; и при всем этом веселость, которая то и дело взрывается искреннейшим, звончайшим смехом. „У нас те же ненависти, те же патриотические страстные чувства, что у вас, но вашего прекрасного смеха у нас нет!“ — сказала я ему. Его литературный отрывок о мазурке, ошиканной в Петербурге, исполнен красноречия, которое исторгает слезы. Да, у них — их ужасный царь, их ужасная Сибирь. Мы же имеем царя *2 декабря* *, Кайенну и Ламбессу. И, охваченные собственной скорбью, дрожа от собственного негодования, слушали мы эту великолепную „Мазурку“, читанную самим Герценом! Ах, без сомнения, мы так же горим сочувствием к Польше и проклинаем ее палачей, но о Франции 2 декабря кто же думает, кроме Эдгара и меня?..».

Подробности освистания публикой мазурки из «Жизни за царя» («Ивана Сусанина») Глинки во время спектакля в Мариинском театре в Петербурге 9 мая 1867 г., на котором присутствовали зарубежные делегаты Славянского съезда, но не было делегатов-поляков, см. в статье Герцена «Мазурка», высоко оцененной Кине и переведенной Герценом по его настояниям на французский язык (XIX, 270—272, 474—476; XX, 561—571).

Запись от 29 мая 1869 г.:

«Мы приняли визит одновременно Герцена и Гюстава Ревийо **, двух антиподов ⟨. . .⟩ Герцен прочел великолепную страницу, которую назвал „Мазурка“, она полна энергии и оригинальности».

---

* Т. е. Наполеона III, провозглашенного во Франции императором 2 декабря 1852 г.— *Л. Л.*

** Гюстав *Ревийо* (1817—1890)— плодовитый швейцарский литератор и библиофил. — *Л. Л.*

И 8 июня:

«Александр Герцен прочел нам вечером (в присутствии польской графини *) отрывок из своих мемуаров, подлинный шедевр! Это способно вызвать рыдания. Есть нечто гениальное в этом стиле, столь оригинальном, исполненном блеска, чудодейственно остроумном, одушевленном. Какие восхитительные портреты Гарибальди, Маццини нарисовал он, изображая одного из них на борту своего корабля в 1859 г., закутанного в плащ моряка, проявляющего свой гений и свой героизм восхитительным образом: плавучая Революция не нашла себе пристанища в Европе, но Америку она отвергла, поскольку изгнание — это забвение родины.

А Маццини? В апогее своей власти, в 1849 г., со своей божественной, живой мыслью, держа в руках нити из Италии, которую он покрыл сетью тайных обществ; все средства для него хороши, все орудия, богачи и бедняки, солдаты и художники, нищие, люди из народа, патриции и плебеи,— он завербовал всех в этот обширный заговор, целью которого является освобождение родины.

А с каким высоким комизмом высмеивает он бестолковых немцев — Струве среди прочих. Не устаешь слушать эти пламенные страницы; хотелось бы заставить его читать еще и еще. Никто, кроме Герцена, уже не обладает подобным остроумием; об остроумии Герцена впоследствии будут говорить так, как говорят об остроумии Вольтера: веселость, насмешка, лукавство, проникновенность, острая наблюдательность,— в нем всё, всё.

Он своим „Колоколом" также держит в руках нити из России...»

Авторский перевод прочитанной Герценом главы «Былого и дум» до нас не дошел. Тем более интересен отзыв о нем Эрминии Кине. Как известно, переводя свои произведения на французский язык, Герцен обычно коренным образом переделывал их, обогащая иноязычный текст массой новых мыслей, фактов, наблюдений, остроумных афоризмов.

8 июня Эрминия Кине отмечает в своем дневнике следующий факт:

«Эдгар хотел сам отнести на почту рекомендательные письма, которые Герцен просил его написать нашим друзьям в Брюссель, где он проведет некоторое время. Эдгар в своих письмах к ⟨Л.⟩ Лосседа, Бону, г. ⟨Ф. Ван⟩ Меенену говорит о „великом патриоте" Герцене, как если бы тот был „гениальным писателем"».

12 июня Герцен в письме к Кине поблагодарил за эти письма (XXX, 130) и 22 июля повторил свою благодарность, отметив «превосходный прием», оказанный ему и Ван Меененом, Лосседа и Боном (XXX, 152). Все эти письма неизвестны.

После последней приведенной записи прошло всего полгода... Герцена не стало. 23 января — в дневнике появляются взволнованные строки:

«Вот еще одна новость, на днях умер Александр Герцен. Это истинное горе для Эдгара, который так к нему стал привязываться. Что за сверкающий ум! Когда говорят о *французском* вдохновении, надо цитировать этого русского. Эдгар говорит: «Какая полная жизнь! В мизинце его было больше силы, больше жизненности, нежели во всей нашей левой ⟨оппозиции⟩. Русские ⟨власти⟩ будут ликовать от того, что от него избавились. Поляки были к нему весьма неблагодарны». Приведенные выше записи цитируются в русском переводе по статье М. Мерво «Дружба и полемика: Герцен — критик Кине» (*CMRS*, v. XVII, 1976, с. I, p. 53—79).

О *Кине* и его жене см. в сб.: «Centenaire du décès d'Edgar Quinet.— Hommage de sa ville natale. Catalogue de l'exposition». Ville de Bourg-en-Bresse, 1975).

Дарственная надпись печатается впервые по машинописной копии с автографа Bibliothèque municipale de la ville de Bourg-en-Bresse».

Дарственная надпись на книге Герцена «Camicia Rossa». Bruxelles — Gand, 1865

⟨Около 1 июня 1865 г.?⟩ [1]

Monsieur E. Quinet, témoignage de profond respect d'Al. H e r z e n.

П е р е в о д:

Господину Э. Кине, свидетельство глубокого уважения от Ал. Г е р ц е н а.

[1] Условно датируется по времени выхода брошюры (ср. XXVIII, 79).

---

* Сидония Ревицкая (1818 — после 1873) — дочь польского политического эмигранта А. Шумлянского.—*Л. Л.*

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ, БАКУНИН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

Статья и публикация Е. Л. Рудницкой

Деятельность Герцена, Огарева и Бакунина, связанная с польским восстанием 1863 г., широко отражена в их литературном наследии. В фондах Шведской королевской библиотеки хранится богатая коллекция их автографов и других материалов, которые раскрывают ее скандинавский аспект. В своей совокупности они могут быть поняты и оценены только в контексте происходивших исторических событий, в их живом потоке, с учетом идейной направленности, программных и тактических установок, которые вырабатывались в русском революционном движении.

В основу настоящей работы положен архивный комплекс, включающий материалы фондов Э. Квантена [1] и А. Сульмана [2]. Обозначенные хронологические грани входящих в комплекс документов — 1862—1881 гг. Фактически же они относятся к событиям 1862—1863 гг. и принадлежат двум связанным между собой сюжетам: польскому восстанию 1863 г. и скандинавским связям Лондонского революционного центра; польскому восстанию 1863 г. и деятельности Бакунина в Швеции [3].

Все документы получены в ксерокопиях с оригиналов, хранящихся, как сказано, в Шведской королевской библиотеке (Стокгольм) [4]. Автографы Герцена и Огарева приводятся на языке оригинала и в переводе на русский язык [5], остальные — только в переводе с французского, немецкого и шведского языков [6].

* * *

Находящаяся в коллекции наиболее ранняя группа документов — письма З. Иордана (1824—1866), активнейшего деятеля польской аристократической эмиграции, человека с бурной политической биографией, в прошлом участника венгерской революции и Крымской войны. Письма Иордана служат как бы завязкой того сложного переплетения интересов, политических планов, идейных и организационных контактов, которые в целом можно определить как процесс объединения польских и русских сил национального и социального протеста в борьбе с царским самодержавием. Однако в этом объективном процессе наряду со стремлениями, сознательно направленными на такое объединение разных потоков в освободительной борьбе, имели место и иного рода соображения и политические устремления. Сказанное относится прежде всего к тому недолгому сотрудничеству, которое связало на определенном отрезке времени действия Русского революционного центра в Лондоне и польской аристократической партии в Париже в отношении скандинавских стран. Парижская резиденция лидеров партии, князей Чарторыских,— Отель Ламбер — представляла центр широко разветвленной организации с обширными связями в европейских правительственных кругах, в литературной сфере, в прессе. Созданный при Отеле Ламбер специально для усиления пропаганды тайный орган «Бюро польских дел» располагал многочисленным штатом агентов в европейских столицах, в Турции и на Балканах. Член этого тайного органа Иордан еще в начале 1861 г. вступил в переговоры с Герценом и Огаревым. Он старался выяснить возможности использования их огромного авторитета в интересах польской аристократической эмиграции. Редакторы «Колокола» не обманывались насчет политического лица «чарторыщины» и проводили последовательную и самостоятельную политику в отношении Польши. Однако они все же считали целесообразным установить деловые контакты с Отелем Ламбер. Немаловажное значение при этом они придавали его связям, особенно в литературной, газетно-журнальной сфере. По словам исследователя истории польской эмиграции, «развитие революционного движения в Царстве Польском вынудило Чарторыского в начале января 1862 г. вновь послать Иордана в Лондон для переговоров о конкретном сотрудничестве с „Колоколом“. В результате неоднократных обсуждений отчетов Иордана о его беседах с Герценом, Огаревым

и Бакуниным Отель Ламбер 20 января 1862 г. принимает решение „заключить сделку" и создать при „Бюро польских дел" „Русскую комиссию"» [7]. Прямым результатом состоявшегося соглашения, которое предусматривало взаимную помощь в пересылке пропагандистской литературы, была предпринятая Иорданом в конце января 1862 г. попытка найти посредников-книготорговцев в Копенгагене для распространения изданий Вольной русской типографии среди русских моряков [8]. Эта попытка представляется одним из звеньев той кипучей и многообразной деятельности, которую развил Иордан, проникая в различные общественные и правительственные сферы прежде всего Скандинавских стран. По словам В. И. Кельсиева, Иордан «имел большие связи при разных дворах, особенно при стокгольмском...» [9]

Острый интерес к Швеции был вызван сложившейся там в это время политической ситуацией. Крымская война дала мощный импульс идее скандинавизма, в которой гегемонистские устремления Швеции тесно переплетались с антирусскими настроениями. Объединение Швеции, Норвегии и Дании рассматривалось как составная часть общеевропейской политики, направленной против России. В обстановке подъема национально-освободительного движения европейских народов, успехов Рисорджименто в Италии, все более очевидного приближения освободительного взрыва в Польше внешнеполитические и национальные проблемы Швеции оказывались в теснейшей взаимосвязи со всеми этими процессами. Скандинавизм выступал как одна из моделей национальных движений с широкой амплитудой социальной и политической ориентации. Особую струю в нем представляли свекоманы — направление финского национального движения, связывавшее со Швецией свои надежды на освобождение от царского самодержавия. Государственное будущее Финляндии, которая в результате русско-шведской войны 1808—1809 гг. вошла в состав Российской империи и получила наименование Великое княжество Финляндское, мыслилось ими как автономия в составе федерации Скандинавских стран. Стокгольм стал центром финской эмиграции, придерживавшейся идеи политического скандинавизма. Противостоявшие им фенноманы все более сужали свою национальную и социально-экономическую программу. Под пером Ю. С. Юрье-Коскинена, своего идеолога, они заявили о себе в 1860-е годы как о «партии, радикальной в отношении языка, но умеренной в государственном отношении». Направление фенноманов в финском национальном движении было, по существу, удовлетворено политикой царизма. Оно ограничивалось в основном требованиями в национально-культурной сфере и было враждебно внешнеполитической ориентации и радикализму свекоманов [10].

Публикуемые ниже письма Иордана к поэту и публицисту *Эмилю Квантену* (1827—1903) — центральной фигуре финской политической эмиграции в Швеции — вводят в область отношений польской аристократической партии с деятелями финского национального движения. Напористый и предприимчивый агент Чарторыских стремился получать систематическую информацию об отношении шведских общественно-политических кругов к польскому движению, и в первую очередь к представляемой им партии «белых». Иордан рассчитывал на политические услуги со стороны финской эмиграции, которая располагала в Швеции значительными связями и общественным весом. Письма раскрывают и политическую игру «чарторыщины», связанную с обострением политической конъюнктуры в Швеции: в подходе к скандинавской национальной проблеме противоборствовали между собой умеренно-либеральное и демократическое направления. Иордан стремился использовать в интересах «белых» каждую из группировок. Письма свидетельствуют о его упорной и целенаправленной работе по привлечению к сотрудничеству наряду с финскими эмигрантами крупнейших шведских политических деятелей. В обоих случаях Квантен был для него ценнейшим человеком, на которого, как видно, он прежде всего и опирался.

Квантен еще в 1851 г. покинул Финляндию и сумел приобрести в Швеции влиятельное положение, став членом рикстага и вице-библиотекарем Королевской библиотеки — пост, полученный им непосредственно от короля [11]. По заключению исследователя финской литературы Э. Г. Карху, Квантен не принадлежал, в строгом смысле слова, ни к партии свекоманов, ни к партии фенноманов. До эмиграции он входил в состав радикальной группировки материалистов и атеистов, образованной студентами выборгского и нюландского землячеств в Гельсингфорсском университете. Группировка — ее главой считался К. Квист — отражала настроения той части шведской и финской интеллигенции, которая выступала за буржуазно-демократические преобразования, отвергала специфически национальные требования, и в частности признание языка как решающего условия бытия нации. Квист призывал прежде всего к политическим и экономическим преобразованиям. Решение национальных задач Финляндии связывалось этой группировкой со свободой личности. В своей политической ориентации она была враждебна царизму [12].

СТОКГОЛЬМ
Гравюра неизвестного художника
Из книги: «Stockholm. Historia och topografi». Stockholm, 1855

Пропаганде идей равноправного союза Финляндии и Швеции Квантен посвятил две свои брошюры, выпущенные им в 1854—1855 гг. под общим названием «Фенноманы и скандинавизм» и призывавшие к войне Швеции с Россией. Квантен продолжал поддерживать тесные контакты с Финляндией и был прекрасно осведомлён о положении в стране. В течение 1857—1861 гг. он издает четыре сборника писем своих финских корреспондентов под названием «Финляндские условия» и, кроме того, «Цензурный альманах» — сборник статей, не пропущенных цензурой в Финляндии [13]. Внешнеполитическая ориентация Квантена, его возможности как депутата парламента и влиятельного публициста, непосредственно связанного с внутрифинским движением, служили основой острой заинтересованности в нем Иордана.

В письмах Иордана к Квантену от 12 сентября и 15 октября из Парижа выявляется практическая основа отношений, связывавших финскую политическую эмиграцию с польской аристократической партией. Руководство Отеля Ламбер открывало финской эмиграции доступ в прессу, французскую прежде всего, через те каналы, по которым шла к европейскому общественному мнению их собственная пропаганда. Со своей стороны Иордан настойчиво требовал от Квантена информации о политической ситуации в Швеции, о перспективах получения поддержки парламента и правительства. Между Иорданом и Квантеном имелась договоренность о взаимной поддержке в каких-то общих политических действиях конспиративного характера. Высказывания Иордана о преждевременности выступления в Польше отражали установки партии Чарторыского, связывавшей решение польского вопроса исключительно с вмешательством европейских держав. Возможно, что он смягчал, учитывая демократические симпатии Квантена, формулировки в отношении самой возможности и желательности восстания в Польше. Взрыв национальных чувств в Швеции, вызванный указом Александра II о праздновании в 1862 г. годовщины Полтавской битвы, был всемерно использован Иорданом. Во время визита в Швецию в 1862 г. в качестве представителя князя Чарторыского Иордан организовал в Стокгольме 8 июля контрманифестацию в память Полтавской битвы и выступил с речью [14]. Он постоянно возбуждает эти настроения и в письмах в Швецию предлагает, как это видно из письма к Квантену от 15 октября 1862 г., участие польской эмиграции в сборе средств на сооружение монумента в память шведских солдат и офицеров, погибших во время Полтавской битвы. С этим же вопросом связана его

записка, адресованная А. Сульману [15]. Она свидетельствует об инициативной роли Иордана в развертывании на страницах шведской прессы кампании, направленной против царского самодержавия, приоткрывает его связи со шведскими либеральными органами, в ряду которых руководимая Сульманом стокгольмская газета «Aftonbladet» занимала наиболее радикально-демократическую позицию. Как и А. Бланше, упоминаемый Иорданом среди лиц, о роли которых в рикстаге он просил Квантена рассказать ему, Сульман был влиятельным членом созданного в Стокгольме в 1860 г. так называемого «Общества движения вольных стрелков». Радикально-демократическому характеру решения проблемы объединения скандинавских стран, осуществляемого путем народной инициативы, сопутствовало в программе Общества островраждебное отношение к Российской империи [16]. Интересовавший Иордана С. Г. Лаллерстедт, с 1851 г. главный акционер консорциума, приобретшего газету «Aftonbladet», был признанным шведским национально-либеральным лидером. В 1856 г. в Париже вышла его книга «La Scandinavie, ses craintes et ses espérances», целью которой было убедить европейское общественное мнение в необходимости содействовать объединению Скандинавии и возвращению Швеции Финляндии [17]. Депутат Палаты городского сословия рикстага с 1856 по 1863 г. Лаллерстедт выдвигал и отстаивал в нем принципы национального единства и суверенитета скандинавских народов под эгидой шведского короля.

Иордана интересует и влиятельнейший представитель финской эмиграции, юрист и политик И. Я. Нордстрём. Еще в 1846 г. он покинул Финляндию, где был профессором права Гельсингфорсского университета и одним из основателей Финского литературного общества. Нордстрём, как и Квантен, сохранял с Финляндией прочные связи, имел там большой авторитет, что позволяло ему оказывать воздействие на ее общественно-политическую жизнь. Нордстрём сумел приобрести крупное общественное положение и в Швеции. Депутат рикстага на протяжении десятилетия 1853—1863 гг., хранитель Королевского архива, он выступал как сторонник скандинавской федерации при сохранении автономии Финляндии, был известен своей оппозиционностью к российскому самодержавию. Последнее обстоятельство, также объединявшее его с Квантеном, определило главным образом заинтересованность в них Иордана.

Сульман, Бланше, Лаллерстедт, Нордстрём, упоминаемый в письмах Иордана к Квантену депутат Палаты городского сословия рикстага А. В. Бьёрк — представитель шведских буржуазно-либеральных кругов — и прежде всего сам Квантен, как и ряд других шведских и финских деятелей, с которыми сблизился или стремился сблизиться Иордан,— это люди, принадлежавшие к разным политическим направлениям, не всегда близкие по своей идеологии. Но все они были едины в стремлении создать в Швеции мощное общественное движение в пользу поляков, направленное против русского царизма. Для финской эмиграции такое движение сливалось с их прямыми национальными интересами.

Хотя Отель Ламбер относился к сотрудничеству с «Колоколом», а также и с финнами как к временной сделке, события подстегивали его деятелей, заставляли идти на укрепление взаимных контактов. Третье, находящееся в фонде Квантена, письмо к нему Иордана послано из Лондона 19 января 1863 г., т. е. за пять дней до восстания, начавшегося в ночь на 23 января. В Лондон Иордан был направлен с тем, чтобы уговорить издателей «Колокола» поместить статью, которая задержала бы взрыв в Польше [18]. Со своей стороны он предпринимает дополнительные усилия, чтобы содействовать интересам Вольной русской типографии в Швеции. Мы узнаем из этого письма о действиях, предпринятых Иорданом в Швеции во время пребывания там в 1862 г. в порядке выполнения соглашения Отеля Ламбер с Герценом и Огаревым. Вот что Иордан писал Квантену (по-французски):

«Лондон, 19 января 〈1863 г.〉

Милостивый государь!

Во время моего пребывания в Стокгольме я поручил г. Боннье связаться с издателями «Колокола» в Лондоне, взять на себя продажу и распространение книг и изданий, выпущенных Вольной русской типографией.

Г-н Боннье, в соответствии с договоренностью, направил письмо г. Бакунину; к сожалению, оказалось, что это письмо потеряно и не дошло по месту назначения.

Желая облегчить проникновение упомянутых книг и изданий в Россию, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с просьбой поговорить на эту тему с г. Боннье и поддержать не только политические интересы, которые с этим связаны, но и коммерческие, чтобы Русская лондонская типография не потеряла по крайней мере свой капитал, необходимый ей для дальнейшего существования.

Я обращаюсь к вам с полным доверием, потому что гг. Герцен, Бакунин и Огарев говорили откровенно и не скрывая, что Финляндия имеет такое же право распоряжаться своей судьбой, как и Польша и другие народы, страдающие от царского гнета.

Я возвращаюсь в Париж через несколько дней и буду ждать с нетерпением от вас новостей, которых у меня не было уже давно.

Жму вашу руку и передаю привет вам и всем вашим друзьям.

Преданный вам Зыгмунд И о р д а н» [19].

ЭМИЛЬ КВАНТЕН

Гравюра неизвестного художника, 1860-е гг.

Из книги: C. Bååth-Holmberg. Skaldedrömmar och skaldepolitik. Emil von Qvanten och Hans Tid. Stockholm, 1906

Как видим, Иордан не ограничился поисками посредников-книготорговцев в Копенгагене для продвижения изданий Вольной русской типографии в Россию. Он предпринимает такие же действия в Стокгольме и достигает практической договоренности с А. Боннье — главой крупнейшей шведской издательской и книготорговой фирмы, известным своими либеральными убеждениями. Пропажа его письма к Бакунину сорвала возможность наладить посреднические отношения между ним и лондонскими деятелями еще в 1862 г. Письмо Иордана из Лондона представляет тем не менее значительный интерес: во-первых, в нем содержится прямое и наиболее раннее свидетельство о позиции Лондонского центра русского революционного движения в отношении Финляндии, и, во-вторых, оно фиксирует начало контактов Герцена, Бакунина и Огарева с Квантеном, раскрывает источник их информации о финской эмиграции в Швеции, о ее политической ориентации.

Завязывавшиеся через Иордана отношения с финскими деятелями приобретают особую актуальность для русского заграничного центра в связи с начавшимся в Польше восстанием. Вырисовывалась перспектива создания дополнительного фронта на северных рубежах России, сомкнутого с польским восстанием. Такой возможностью был, несомненно, воодушевлен Бакунин, всецело поглощенный в это время идеей совместного русско-польского выступления.

Характер революционной деятельности Бакунина в 1862—1863 гг., когда он вновь появился на политической арене, пройдя перед тем саксонские, австрийские, русские тюрьмы и сибирскую ссылку, раскрывается в ряде воззваний, опубликованных им в «Колоколе». Бакунин выступал в качестве идеолога «крестьянской России», его политические и социальные идеалы определялись формулой: исключительное присвоение народу права собственности над всей землей и общинное владение ею, «общинное самоуправление, государственное, федеральное общеславянское управление» [20]. Революционно-демократические в своей основе воззрения Бакунина с ясно выраженной народнической окраской в то же время сохраняли еще существенные элементы дворянской революционности. Идея, которую он развивал в прокламации «Пугачев, Романов или Пестель», что император Александр II мог бы встать во главе русского освобождения, была отнюдь не пропагандистским приемом, рассчитанным на русского, монархически настроенного читателя. С подобными заявлениями он выступил вскоре и в шведской прессе, разъясняя шведской публике политическую конъюнктуру в России. В политической программе Бакунина Россия выступала как ведущая революционная сила среди всех остальных славянских народов и народов, подчиненных России, хотя он и допускал при этом, что Польша может оказаться впереди на пути к социальной революции.

Свое понимание действенного русско-польского революционного сотрудничества при начале восстания в Польше Бакунин изложил в письме к Центральному национальному комитету от 21 февраля 1863 г. (ЦНК — Польское революционное правительство в Варшаве). Пропаганда в России, в армии и провинциях, и создание в Польше «в самом лагере польской революции рус-

ского легиона» — вот два вида помощи со стороны русских революционеров, писал Бакунин, которые они могли бы оказать восставшей Польше. Последнее — создание русского легиона — было для самого Бакунина, по его словам, «главной целью и самым заветным желанием» [21].

Основные положения письма Бакунина разделялись Герценом и Огаревым. Они находились в соответствии с позицией Лондонского и внутрирусского революционных центров по польскому вопросу, закрепленной в переговорах между варшавским Центральным национальным комитетом, Комитетом русских офицеров в Польше и руководством «Земли и воли», которые происходили во второй половине 1862 г. в Петербурге, Лондоне, Варшаве. Их завершили лондонские и петербургские переговоры конца 1862 г., на которых был юридически оформлен русско-польский революционный союз [22]. Позицию русской стороны при солидарности с «красными», представлявшими ЦНК на всех этих переговорах, отличало убеждение в преждевременности восстания ранее весны 1863 г., в отсутствии готовности к нему со стороны русских революционных сил. Герцен и Огарев в условиях, когда восстание, спровоцированное царскими властями, вспыхнуло, хотя и предвидели его обреченность, считали своим долгом оказать ему всю возможную поддержку. Позицию Бакунина отличала вера в случайный успех восстания и крайнее преувеличение революционности расположенных в Польше войск. Его письму в ЦНК предшествовали переговоры руководителей Лондонского центра с членом ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцовым, который приехал в феврале из Петербурга уже через охваченную восстанием Польшу, и с А. А. Потебней — главой Комитета русских офицеров в Польше. Обсуждение положения, сложившегося там к этому времени, нашло отражение в письме Бакунина. Объективные и субъективные обстоятельства первых дней восстания нарушили подготавливавшийся план совместного выступления поляков и русских воинских частей, возглавляемых офицерами — членами военно-революционной организации. Потебне удалось создать повстанческий отряд из членов офицерской организации, но неизвестная случайность повлекла за собой либо его роспуск, либо привела к военному поражению [23]. В этих условиях переговоры о новом плане создания русского легиона в Польше составляли едва ли не главную цель поездки Потебни в Лондон. Над выработкой и осуществлением плана будут трудиться и русские землевольцы, и Лондонский центр. С этим планом были прямым образом связаны обстоятельства, вследствие которых Бакунин оказался в Швеции.

С началом восстания Бакунин обратился в Варшаву с просьбой разрешить ему приехать в Польшу. Однако ЦНК, опасаясь слишком энергичного вмешательства Бакунина в польские дела, не дал ему разрешения на въезд. План создания легиона усиливал нетерпение Бакунина. Он решает приблизиться к цели иным путем: отправиться в Швецию, чтобы по пути туда или уже на месте добиться контакта с руководителями восстания [24].

21 февраля, т. е. в тот же день, которым помечено его письмо в ЦНК, Бакунин выезжает из Лондона в Стокгольм. Его путь лежал через Брюссель, Гамбург, Киль, Копенгаген. А днем ранее, предваряя появление Бакунина в столице Швеции, Иордан писал туда Квантену из Парижа *:

«Милостивый государь!

Время так дорого и дела такие срочные, что я могу написать вам всего несколько слов, чтобы рекомендовать г. Магнуса Беринга вам, г. Манкелю, Бланше и вашим друзьям, которым он захочет быть представленным. Примите его как своего друга, говорите с ним обо всем, что вас интересует, постарайтесь с ним договориться и оказывайте ему в дальнейшем помощь и поддержку. Я не имел возможности подробно с ним беседовать перед его отъездом, поэтому я не могу сообщить вам никаких подробностей о его планах, но я глубоко уверен в чистоте его намерений по отношению к Польше и Финляндии. Он может, как все люди, ошибаться, но он не обманет. В данный момент он может оказать нам значительные услуги. Вы сами увидите, что вы с ним сможете устроить.

Я надеюсь в скором времени направить к вам одного из моих соотечественников, поэтому я не хочу писать в письме того, что он сможет передать вам лично.

Еще раз рекомендую и прошу принять с полным доверием г. Магнуса.

Жму вашу руку, милостивый государь, и прошу вас передать привет всем моим друзьям.

Преданный вам Зыгмунт И о р д а н» [25].

Под именем Магнуса Беринга скрывался Бакунин, охотно пользовавшийся различными псевдонимами. Таким образом, письмо Иордана сообщает еще один бакунинский псевдоним и документально подтверждает подлинность письма Бакунина к польскому эмигранту в Париже

* Перевод с французского. — *Ред.*

А. Гуттри с датой «2 марта 1863» и подписью: М а г н у с Б. Он соглашался в нем с мнением своего адресата, что для него, Бакунина, еще не настало время отправиться в Польшу, и сообщал свой ближайший план: обосноваться прежде в Стокгольме, «дождаться там благоприятных известий», а затем употребить «усилия к тому, чтобы возбудить в Финляндии движение, которого желаем не только мы, но и наши друзья в Петербурге» [26]. Ссылка на Петербург, несомненно, являлась результатом переговоров со Слепцовым. И в письме к Гуттри, как и в рекомендательном письме Иордана, поездка Бакунина в Стокгольм связывалась с планами в отношении Польши и Финляндии [27]. Как мы увидим ниже из писем Бакунина, он в Швеции даром время не терял и за какой-нибудь месяц сумел установить самые тесные отношения и политические контакты с представителями шведских правительственных и общественно-политических кругов и с наиболее видными деятелями финской эмиграции.

Польские дела и личное участие в восстании оставались для Бакунина первостепенным делом. Большие возможности открывала для него морская экспедиция Лапинского, снаряжавшаяся в Лондоне по поручению повстанческого правительства в марте 1863 г., когда восстание распространилось на территорию Литвы и Белоруссии. Эта экспедиция направлялась в Литву для доставки туда добровольцев и — что было особенно важно — оружия, в котором так нуждались повстанцы. Командование экспедицией поручено было Т. Лапинскому, правительственным комиссаром назначен Ю. Демонтович. Характер экспедиции и ее цели полностью отвечали установкам Русского заграничного центра. «Польская революция,— писал Огарев незадолго до этого,— действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание» [28]. На Литву при этом возлагались наиболее серьезные надежды.

По договоренности Герцена и Огарева с Демонтовичем, которому они помогали в подготовке экспедиции, Бакунин должен был присоединиться к ней на пути ее следования. Находившийся в составе экспедиции русский офицер Л. Н. Рейнгартен, член Комитета русских офицеров в Польше, намечался командиром русской дружины, Бакунину же поручалось распространение восстания на русские губернии [29].

Для перевозки добровольцев и оружия был зафрахтован английский пароход «Ward Jackson». 22 марта он вышел из Саутгемптона и направился к берегам Швеции. Как только Бакунин получил это известие, он тотчас же, 23 марта, покинул Стокгольм, чтобы присоединиться к экспедиции в Гельсингборге. «Ward Jackson» прибыл туда 25 марта. За день до этого Бакунин в сопровождении Квантена и А. Норденшёльда — финского эмигранта радикального направления, известного географа и путешественника, исследователя Арктики — находился в Готтенберге, на пути к Гельсингборгу. Здесь перед расставанием с провожавшими его финскими друзьями он начинает свое письмо к сыну Герцена, Александру,— «Юниору» («младшему»), как он его именует. Бакунин предполагал, что надолго покидает Швецию, и передавал все им начатое в Стокгольме в руки Герцена-младшего, который должен был его заменить как представителя русских революционных сил, посланника редакции «Колокола».

1863 год для А. А. Герцена был временем, когда дело, которому посвятил свою жизнь его отец, стало и его делом. В 1861 г. он вернулся в Лондон из Берна, где блестяще окончил университет и получил степень доктора медицины. А. А. Герцен все более втягивается в политическую деятельность. Уже во время своего морского путешествия в Норвегию и Исландию в мае — сентябре 1861 г. он выполняет поручение редакторов «Колокола» и налаживает связи с норвежскими книготорговцами [30]. Его посещение Гейдельберга в декабре 1861 г. сопровождалось политической демонстрацией. В лице сына Герцена гейдельбергская студенческая русско-польская колония на специально устроенном торжественном обеде приветствовала издателей «Колокола». А. А. Герцен держал ответную речь. Герцен считал эту встречу решающим моментом в политической биографии своего сына, его вступлением на революционный путь. «И как отец, и как друг я желаю, чтобы ты этим путем шел, чтоб я мог всегда и твердо опереться на тебя и тебе завещать часть нашего дела» (XXVII, 203),— писал он ему в Гейдельберг 21 декабря. Огарев, также горячо желавший приобщения сына Герцена к революционному служению России, добавил от себя: «Если я действительно и искренно бывал доволен каким-нибудь увлечением, то это теперь твоим. Сделай же из него не увлечение, а внутреннюю правду всей твоей жизни» (XXVII, 204). Дальнейшая переписка А. А. Герцена с отцом свидетельствует о том, что Герцен-младший был в курсе дел и замыслов русской революционной эмиграции. А. А. Слепцов во время пребывания в Лондоне, по-видимому, оформил фактическое членство А. А. Герцена в «Земле и воле». На него возложены были обязанности связного между Лондоном, Гейдельбергом и

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ
Фотография, 1860-е гг.
Из книги: A. Lewak. Dzieje emigracji polskiej w Turcji, 1935

Парижем, куда Слепцов выехал во второй половине февраля 1863 г. Герцен-младший вновь посещает один из центров русской «молодой эмиграции» — Гейдельберг. Там в это время идет сбор денежных средств и мобилизация сил для создания русского легиона в Польше. Насколько близок был к гейдельбергским предприятиям А. А. Герцен, свидетельствует его письмо в Гейдельберг к В. О. Ковалевскому от 7 апреля 1863 г., в котором он высказывает свои соображения по поводу проекта П. И. Якоби организовать отряд русских революционеров и отправиться в Польшу. Из письма явствует, что переписка по этому вопросу сына Герцена с Ковалевским велась и ранее, что с его мнением и оценкой общей ситуации считались при осуществлении плана. Сын Герцена в силу своего положения был естественным связующим звеном между руководителями русского заграничного революционного центра и «молодой эмиграцией».

В единственном сохранившемся письме Герцена к секретарю Парижского народного комитета польской эмиграции Р. Пиотровскому, датированном 12 апреля 1863 г., т. е. пятью днями позже письма «Junior'а» и самого Герцена к Ковалевскому, он запрашивал у него сведения «об состоянии революции в Литве и кто там более надежный, равно в каких местах главные отряды» (XXVII, 307). Необходимость подробных сведений с приложением маршрута Герцен объяснял намерением «двоих союзников» («оба русские») принять участие в восстании. Письмо заканчивается передачей поклона от сына. Представляется справедливым предположение, содержащееся в комментарии к этому письму, что в нем идет речь о П. И. Якоби и В. О. Ковалевском (XXVII, 758). Близость с Якоби — активным участником гейдельбергской студенческой организации, реализация замысла отправиться в Польшу (Ковалевский оставался там непродолжительное время, а Якоби занял крупное командное положение в рядах повстанческой армии) были лишь одним из моментов живой причастности Ковалевского к той кипучей работе, которой была охвачена русская революционная эмиграция. Справедливость предположения, что в письме Герцена к Пиотровскому речь шла именно о Ковалевском и Якоби, подтверждается письмом Ковалевского к Герцену от 22 октября 1863 г., где он пишет о своем приезде в Краков к Якоби, «о котором и вместе с которым 〈...〉 уже писал вам еще в апреле» [31]. Такой штрих, как поклон от сына в письме к польскому революционному деятелю, которого он именует «сотрудником» и от которого требует информацию о состоянии революционных сил («поторопитесь собрать сведения»), представляется дополнительным свидетельством того, что, выполняя прямые поручения, связанные с «Землей и волей», Герцен-младший деятельно сотрудничал с революционной Польшей. Его переписка с Ковалевским, из которой до нас дошло лишь названное письмо,— один из эпизодов этого сотрудничества.

Требование Бакунина, чтобы Герцен-младший немедленно выехал в Стокгольм, последовало как раз в момент, когда он целиком был поглощен конспиративными делами, связывавшими Лондон, Париж, Гейдельберг, Варшаву, Краков. Однако, покидая Швецию, Бакунин не сомневался в его немедленном приезде и оставлял для него подробные инструкции. 26 марта Бакунин прибыл в Гельсингборг и поднялся на борт парохода «Ward Jackson». Перед самым отплытием 28 марта он отправил следующее письмо Квантену:

Дорогой друг!

Через два часа я покидаю Гельсингборг, чтобы отправиться прямо в Польшу. До свидания. Спасибо за твою дружбу. В самые последние мгновения мы с тобой, так же как и с Норденшёльдом, пили на брудершафт.— Я посылаю тебе начало неоконченного письма к младшему Герцену. Прочти его и дай прочесть Норденшёльду. То, что я не успел сказать ему, скажите ему сами. Особенно помогите ему с Боннье — т. е. успешно осуществить дело с Боннье и финско-русскую конспирацию, а также связь и пропаганду через Финляндию в Петербург. Отведите его к Нордстрёму, затем к Бьёрку и Ерту, но особенно к фон Бильдту, и к Кенигу, и принцу Оскару, и не успокаивайтесь, и сделайте все возможное и невозможное, и да будет над вами обоими дух Революции и помните

вашего верного друга М. Бакунина *[32]

К этому письму приложено было письмо Бакунина, адресованное А. А. Герцену, начатое им еще по дороге в Гельсингборг.

Александру Герцену
junior'у

24 марта 1863 г. Готтенберг
по дороге в Польшу

Мой дорогой друг и брат Александр junior! — Я начинаю с того, что мысленно пью с тобой на брудершафт (как раз сейчас я пью чай) — и говорю тебе *ты*, и, если нам суждено увидеться, мы отныне отбросим дипломатически вежливое *вы*.

То же самое я сделаю с Квантеном и Норденшёльдом.— Я рекомендую тебе двух неоценимых друзей, а именно вышеупомянутого Эмиля фон Квантена и Норденшёльда. Оба они финские эмигранты, серьезные финские патриоты. И этого одного было бы достаточно как для нас, так и для них, чтобы уяснить необходимость наших взаимных связей — так как они, хотя и вдали от нас, стремятся к объединению со Скандинавией, и именно поэтому наши интересы солидарны.— Они хотят освободиться от нас и стать независимыми, мы хотим ради нашей собственной свободы, чтоб они с помощью собственных немедленных действий освободились от нас,— наше обоюдное стремление к самоосвобождению должно связывать и будет связывать нас. На этом основании мы протянули друг другу руку во имя общего дела. Поэтому твоя первая забота — подтвердить моим, а значит, и твоим, нашим общим друзьям, что на самом деле не только я или только мы, лондонские русские, но что вся русская революционная партия убеждена в необходимости взрыва русского государства и безусловного освобождения его соединенных лишь с помощью насилия частей ⟨...⟩ что для нас дальнейшее развитие русского народного дела является необходимым условием — sine qua non **. И именно поэтому мне так дороги эти новые друзья, что они это тотчас поняли и отнеслись ко мне с безусловным доверием.— К тому же, как везде, где только заходит речь о России, известно, что деятельность твоего отца бесконечно много внесла и его имя очень высоко ценится нашими друзьями и многими в Швеции. Однако это не должно тебя соблазнять публично фигурировать в Стокгольме под фамилией Герцена, назвись Магнусом Берингом и оставайся сыном Герцена лишь для немногих, для обоих друзей, для господина Нордстрёма, г. Бильдта, для Кенига, а также для господина Бьёрка и господина Ерта, для принца Оскара, правда в меньшей степени для Лаллерстедта, Зольмана и для моего хорошего друга д-ра Минса, с которым и Лаллерстедт должен быть знаком.

Теперь снова я возвращаюсь к моим друзьям. Квантен и Норденшёльд — не только политические, но и дорогие личные друзья, к которым я требую неограниченного и безусловного доверия. Они любят наше дело почти так же страстно, как свое собственное. Они были для меня здесь и будут для тебя бесконечно полезными. Следовательно, все, что ты здесь будешь предпринимать, делай с полного их согласия. Я заключил с ними от моего имени и от имени всей партии союз на жизнь и на смерть, простой принцип которого есть свобода и абсолютно свободное самоопределение для всего — как для нации, так и для провинции. Пусть твой отец напишет Квантену и Норденшёльду письмо по-французски и ратифицирует наш союз и личную дружбу.

Но так как мы не оставляем места для чувств — а сразу переходим к делу, то мы решили следующее:

* Перевод с немецкого.— *Ред.*
** непременным условием (*лат.*).

1) Квантен и Норденшёльд немедленно основывают в Финляндии тайную организацию, целью которой должно стать дисциплинирование общественного мнения, агитация в Финляндии, организация там восстания против русского владычества. Для этой цели мы уже вызвали одного друга из Финляндии в Стокгольм.

И так как мы должны все делать сообща и непременно доверять друг другу, ты должен принимать деятельное участие во всех обсуждениях. Что тем более необходимо, так как:

2) они должны добиться непосредственной связи финских организаций с Лондоном и Петербургом. Наш лозунг должен быть: *мы для них, они для нас, чтобы быть свободными друг от друга и друг с другом*. Петербург и Лондон должны предоставлять Финляндии всю возможную помощь как печатью, так и делом. Со своей стороны, Финляндия окажет нам неоценимую помощь во всем, что касается русской пропаганды и тайной корреспонденции с Петербургом и остальной Россией.— У меня было немного времени, и потому я мог заложить лишь первые камни этого важного предприятия. Твой долг будет состоять в том, чтобы систематически, смело и одновременно осторожно, с помощью финских друзей, распутать весь этот клубок. Поэтому ты должен оставаться в Стокгольме по меньшей мере два-три месяца. Ты в этом сам убедишься, ибо Швеция для нашего дела — неоценимая сокровищница.

3) Ты должен непременно вызвать какого-нибудь друга из Петербурга в Стокгольм.— Если бы я оставался там дольше, я сам бы это сделал. Сделай же это, не теряя времени, *пока мир между вами не нарушен*. Я дам тебе для этого ключ. Одна дама, настоящая дама, которой можно доверять и которую тебе рекомендуют Квантен и Норденшёльд, должна послать в Петербург следующую телеграмму:

Александр Штефен
Санкт-Петербург, Васильевский остров,
1-я линия
Дом Фрике
Бедная Кристина очень больна. Ждем Карла.
Имя дамы. Стокгольм, улица и №.

Если вы из осторожности предпочитаете отказаться от Стокгольма, что также было бы правильно, то вы могли бы телеграфировать из какого-нибудь другого города, даже из Копенгагена. Тогда и там должен быть друг, которому можно было бы доверять и который бы дал телеграмму за вас.

Если кто-нибудь приедет из Петербурга, то вам должны телеграфировать петербургские друзья обратно:

«Карл выезжает такого-то». И это всё.

Если никто не сможет приехать, то пошлите кого-нибудь из финнов в Петербург к ближайшим друзьям, чтобы через Финляндию и Стокгольм связать Петербург непосредственно с Лондоном.

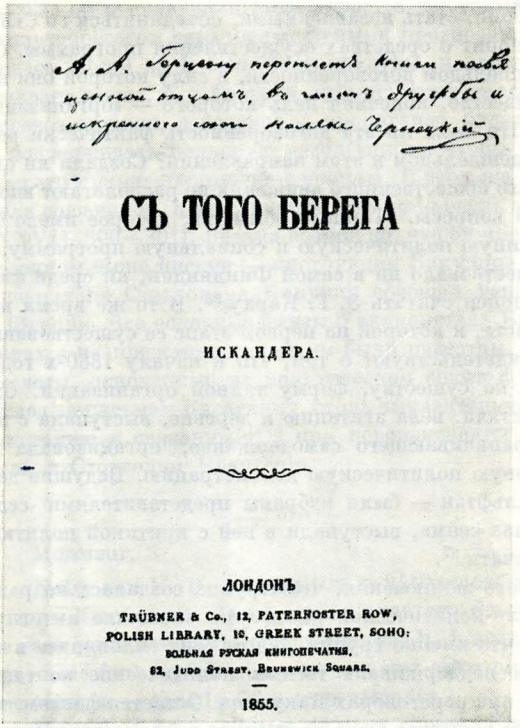
М. Бакунин *[33].

Хотя Бакунин, писавший обычно, по словам Герцена, «письма-волюмы» (т. е. целые тома), считал свое послание к Герцену-младшему лишь «началом неоконченного письма», оно вместе с запиской к Квантену дает довольно ясное представление о фактической стороне дела, настроении самого автора и его политических планах.

Перечень лиц, которым Бакунин просит представить сына Герцена и о которых пишет ему самому, включает уже, в большинстве, знакомых нам финских и шведских политических деятелей. Это И. Я. Нордстрём, А. В. Бьёрк, Г. Лаллерстедт, А. Сульман, делегат рикстага Л. Ю. Ерта — сторонник унитарного объединения скандинавских стран. Если Сульман на протяжении всей деятельности Бакунина в Швеции был практически наиболее полезен ему в среде либерально и радикально настроенной шведской общественности, то с Лаллерстедтом связывались планы использования для сношений с петербургским подпольем стоящие вне подозрения корреспондентские каналы этого банкира и политика.

Особо выделяет Бакунин Д. А. Бильдта, генерала шведской армии, первого адъютанта короля, человека, имевшего самые широкие связи в придворных кругах. Его имя, но прежде всего сама просьба представить А. А. Герцена принцу Оскару — брату короля, а также самому королю Карлу XV и уверенность, что ему несомненно придется иметь с ними дело (Бакунин

* Перевод с немецкого.— *Ред.*



А. А. Герцену переплетъ книги, посвященной отцомъ, въ знакъ дружбы и искренняго союза поляк Чернецкій

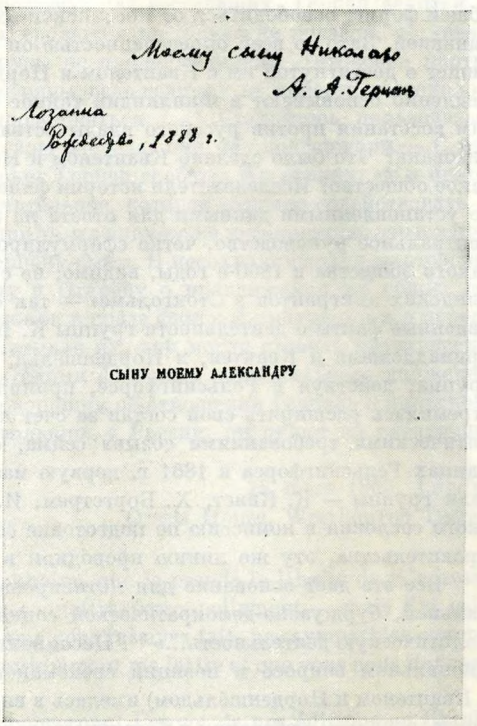
СЪ ТОГО БЕРЕГА

ИСКАНДЕРА.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW,
POLISH LIBRARY, 16, GREEK STREET, SOHO;
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ,
62, Judd Street, Brunswick Square.

1855.



Моему сыну Николаю
А. А. Герцен

Лозанна
Рождество, 1888 г.

СЫНУ МОЕМУ АЛЕКСАНДРУ

«С ТОГО БЕРЕГА». ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ. ПОСВЯЩЕНО СЫНУ АЛЕКСАНДРУ
Лондон, 1855

Обложка и посвящение с дарственными надписями: «А. А. Герцену переплет книги, посвященной отцом, в знак дружбы и искреннего союза поляк Чернецкий»; «Моему сыну Николаю А. А. Герцен. Лозанна. Рождество, 1888 г.»

Публичная и Университетская библиотека, Женева

«Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе» (Герцен. Сыну Александру)

называет их в числе лиц, в общении с которыми сын Герцена не должен скрывать своего подлинного имени), усиливают достоверность сообщения С. Боот Холмберг, что Бакунин был принят королем и кронпринцем [34]. Бакунин не советовал А. А. Герцену выступать под своим собственным именем и передавал ему, как мы уже знаем, одно из своих конспиративных имен — Магнус Беринг [35].

Самый тон обращения Бакунина к Квантену и Норденшёльду, содержание записки и письма свидетельствуют, что его бурная энергия устремлена была по приезде в Стокгольм главным образом на привлечение финской политической эмиграции к широкому и многостороннему сотрудничеству, вписывающемуся в широкие рамки русско-польского революционного союза. Бакунин шел по стопам Иордана, пользовался уже опробованными каналами, но ставил при этом совершенно иные политические цели. Он препоручает Герцену-сыну (и просит содействия в этом Квантена и Норденшёльда) довести до конца начатые Иорданом переговоры с книготорговой фирмой А. Боннье о транспортировке в Россию лондонских изданий. Но это лишь часть решения жизненно важной для Русского заграничного центра задачи — установления связей с Петербургом, с «Землей и волей» — связей, утерянных с началом восстания в Польше.

В полном своем объеме эта задача могла быть решена лишь в рамках русско-финской конспирации. Программа русско-финского сотрудничества предусматривала, как это вытекает из письма-инструкции Бакунина Герцену-сыну, обязательство со стороны финнов обеспечить связь с Петербургом и Лондоном, связать непосредственно между собой Русский заграничный центр с «Землей и волей», организовать транспортировку через северную границу России пропагандистской литературы. Со своей стороны русская революционная партия обязывалась содействовать финнам «печатью и делом». Об их политической программе Бакунин говорил в самой

общей форме: освободиться от Российской империи, стать независимыми, объединиться со Скандинавией. Зато со всей определенностью он говорит о средствах осуществления программы. Он пишет о достигнутой им с Квантеном и Норденшёльдом договоренности, в силу которой они немедленно основывают в Финляндии тайное общество, конечная цель которого — «организация там восстания против русского владычества». Но была ли эта договоренность фактически реализована? Что было сделано Квантеном и Норденшёльдом в этом направлении? Создали ли они такое общество? Исследователи истории финского общественного движения не располагают вполне установленными данными для ответа на эти вопросы. «Тайного общества, которое имело бы центральное руководство, четко сформулированную политическую и социальную программу,— такого общества в 1860-е годы, видимо, не существовало ни в самой Финляндии, ни среди финляндских эмигрантов в Стокгольме» — так склонен считать Э. Г. Карху [36]. В то же время выявленные факты о деятельности группы К. Квиста, к которой на первом этапе ее существования принадлежали и Квантен, и Норденшёльд, свидетельствуют о том, что к началу 1860-х годов группа, действуя в Гельсингфорсе, приняла, по существу, форму тайной организации. Она стремилась расширить свой состав за счет крестьян, вела агитацию в деревне, выступала с политическими требованиями созыва сейма, ограничивающего самодержавие, организовала на улицах Гельсингфорса в 1861 г. первую массовую политическую демонстрацию. Ведущие деятели группы — К. Квист, Х. Боргстрем, И. Альфтан — были избраны представителями сельского сословия в комиссию по подготовке созыва сейма, выступали в ней с критикой политики правительства, эту же линию проводили в печати [37].

Все это дает основание для мотивированного заключения, что «группа создалась на радикальной, буржуазно-демократической социально-политической платформе и начала активную политическую деятельность...» [38]. Несомненно, что именно группа Квиста (она склонялась в национальном вопросе к позиции свекоманов и поддерживала тесные политические контакты с Квантеном и Норденшёльдом) имелась в виду при переговорах Бакунина. Остается фактом, что договоренность о создании в Финляндии тайного общества была достигнута и были предприняты некоторые практические меры, связанные с ее реализацией: оттуда был «вызван друг».

Чтобы объективно оценить степень политического реализма, заключенного в письме Бакунина к сыну Герцена, сбросив при этом со счета его экспрессию и восторженное возбуждение, следует учесть время и ситуацию, когда оно писалось. Первоначальная растерянность, которая была вызвана срывом расчетов на согласованные действия армейской революционной организации — Комитета русских офицеров в Польше — и польских повстанцев, к марту сменилась новым приливом оптимизма в отношении перспектив русской революции. Одной из главных причин этого наряду с аграрными декретами повстанческого правительства было начавшееся в феврале крестьянское восстание в Белоруссии и Литве. Внимательно следивший за ходом событий Ф. Энгельс отметил это как «самое важное» для судеб польского восстания [39]. Так же оценивал перспективу борьбы и Огарев. Агитационно-пропагандистская деятельность Вольной русской типографии берет курс на призыв к революции. Созданная осенью 1862 г. бернская типография в феврале 1863 г. начинает впервые печатать агитационные материалы и прокламации (их автором был Огарев), обращенные к солдатам русской армии, офицерам, русскому народу. Они призывали к объединению сил с восставшей Польшей. Опубликованная 15 марта 1863 г. в «Общем вече» — издании, обращенном к демократическим массам России,— статья Огарева «Слово правды» оповещала о создании в России тайного общества и призывала примыкать к нему ввиду приближающейся «слушной поры».

Действия руководителей Русского заграничного центра, всю направленность их пропаганды, предпринимаемые ими организационные меры, нацеленные на мобилизацию сил русской революционной эмиграции, контакты с «Землей и волей», с руководителями и деятелями польского восстания питало убеждение в близости революции в России. Выразительное свидетельство о настроении издателей «Колокола», о размахе предпринимавшихся ими организационных и практических действий в начале весны 1863 г. содержит написанное Герценом почти в те же самые дни, когда Бакунин писал его сыну, письмо к В. И. Касаткину, помеченное 27 марта. По форме и содержанию это тоже своего рода инструкция — инструкция доверенному представителю Лондонского центра по поводу бернской типографии, созданной специально для расширения его издательской базы в связи с польскими событиями. «Печатайте без счета, а коммуникации будут скоро восстановлены»,— писал Герцен Касаткину. В письме шла речь о прокламациях, предназначенных для отправки в Польшу, о бланках для окружных комитетов «Земли и воли», о пересылке их в Москву, Харьков, Киев, об оперативной переписке с Краковом и связи с Вар-

шавой, об отправлении волонтеров, о денежных средствах для восставших. Герцен делится со своим адресатом самыми радужными прогнозами: «Революция не только не погасла, но увеличилась, вести из России благоприятны, и наши труды не пропадут даром. Литовская партия ожидает весны, а в Австрии организуются новые отряды, ведь границу не обнесут частоколом, перевоз оружия, а главное — пропаганда будет продолжаться ⟨...⟩ Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую револ⟨юцию⟩, чтобы, в свою очередь, они нас поддержали.— С весною это примет настоящие размеры». В этом же письме Герцен сообщал Касаткину: «Мы приобрели союзников, и между ними есть лицо очень значительное, которое обещало содействовать...» (XXVII, 300—301). Весьма возможно, что он имел при этом в виду ту же информацию, что и в приведенном выше письме — инструкции Бакунина Герцену-сыну. В несохранившихся мартовских письмах из Стокгольма Бакунин сообщал Герцену и Огареву о продвижении их общих дел в Швеции. Все основные факты о знакомствах Бакунина в среде финской эмиграции и о переговорах с их представителями им были известны. Учитывая их, они могли строить практические расчеты, основанные на политическом союзе с деятелями финского национального движения. Вслед за письмом Касаткину, столь выразительно говорящим об отношении Герцена к польскому восстанию и связанными с ним перспективами революции в России, он пишет на следующий день в Стокгольм Квантену:

28 mars 1863. Londres
Orsett House, Westbourne Terrace

Monsieur,

Notre ami M. B. a dû quitter si hâtivement Stockholm, que je prends la liberté de m'adresser à vous directement. Je n'ai pas l'avantage de vous connaître personnellement — mais j'ai celui de vous connaître parfaitement bien par B. L'accueil que vous lui avez fait, nos sympathies communes — me font espérer que vous recevrez assez bienveillamment ma lettre et que vous nous donnerez une réponse — sans la faire trop attendre.

B. parlait dans sa lettre de deux choses, l'une concernant l'envoi de nos éditions au libraire A. Bonnier — nous l'avons déjà fait par l'intermédiaire de son correspondant Longman à Londres et nous attendrons ses commandes ultérieures.

La seconde chose a aussi une très grande importance. B. nous a écrit sur la possibilité d'établir des rapports intimes entre vos compatriotes et nous, il parlait encore d'un projet de voyage d'un de ses amis en Finlande. Je serais prêt à aller moi-même à Stockholm — mais je pense que mon fils pourra me remplacer parfaitement — et son voyage n'aura pas l'inconvenance de retarder nos travaux. J'attendrai votre lettre (ou un télégramme)— pour l'envoyer, en le recommandant à votre appui fraternel. C'est un jeune homme de 24 ans — il possède *toute notre confiance*, même sous le rapport de la plus grande discrétion. Si ma présence était tout à fait nécessaire — je pourrais venir après. Je vous pris de m'écrire. Nous pensons en outre d'instituer à Stockholm une imprimerie russe — pour y transporter une partie de notre besogne.

En attendant votre réponse je vous prie d'accepter les salutations les plus amicales de la part de mon ami et collègue N. Ogareff, ainsi que de la mienne.

Alexandre H e r z e n

P.S. Si par hasard vous savez quelque chose sur le succès du voyage de B.— dites-le nous.

Sollten Sie vorziehen die deutscher Sprache, schreiben Sie uns deutsch — wir verstehen die Sprache — wie auch englisch. Erlauben Sie uns auch Ihren Freunde zu begrüssen.

Ganz der Ihrigen.

Adr⟨esse⟩: A. Herzen. *London*
Orsett House, Westbourne Terrace
Dass für ein Telegramme.

J'ai écrit à Bruxelles pour qu'on vous envie *La Cloche* [40].

П е р е в о д:

28 марта 1863 г. Лондон
Orsett House, Westbourne Terrace

Милостивый государь,

Наш друг М. Б.* вынужден был так поспешно выехать из Стокгольма, что я беру на себя смелость обратиться непосредственно к вам. У меня нет возможности познакомиться с вами

* Здесь и ниже инициалы *М. Б.* и *Б.* означают М. А. Бакунина.— *Ред.*

лично — но я прекрасно знаю вас через Б. Прием, который вы ему оказали, наши общие симпатии дают мне основание надеяться, что вы достаточно благосклонно примете мое письмо и дадите нам ответ, не заставляя слишком долго ждать.

Б. говорил в своем письме о двух вещах, одна насчет посылки наших изданий в книжную лавку А. Боннье — это мы уже сделали при посредничестве его корреспондента Лонгмена в Лондоне, и мы будем ждать его последующих заказов.

Вторая вещь также очень важна. Б. писал нам о возможности наладить близкие отношения между вашими соотечественниками и нами, он говорил также о проекте поездки одного из своих друзей в Финляндию. Я бы сам готов поехать в Стокгольм — но думаю, что мой сын отлично сможет заменить меня, а его поездка не вызовет неудобства, связанного с задержкой в наших трудах. Буду ждать вашего письма (или телеграммы), чтоб отправить его к вам, поручая его вашей братской поддержке. Это молодой человек 24 лет — он пользуется *полным нашим доверием* и даже в наиболее секретных делах. Если все же мое присутствие оказалось бы совершенно необходимо, я мог бы приехать позже. Прошу вас написать мне. Мы думаем, кроме того, устроить в Стокгольме русскую типографию — чтобы переслать туда часть нашей работы.

В ожидании вашего ответа прошу принять самый дружеский привет от моего товарища и коллеги Н. Огарева, так же как и от меня.

Александр Герцен

P. S. Если вы случайно знаете что-нибудь об успехе путешествия г. Б., скажите нам это.

Sollten Sie vorziehen die deutsche Sprache, schreiben Sie uns deutsch — wir verstehen die Sprache — wie auch englisch. Erlauben Sie uns auch ihren Freunde zu begrüssen.

Ganz der Ihrigen *.

Адр⟨ес⟩: A. Герцен, *Лондон*
Orsett House, Westbourne Terrace
Das für ein Telegramme **

Я написал в Брюссель, чтоб вам посылали «Cloche» [40].

Как видим, переговоры с А. Боннье, одним из крупнейших шведских книготорговцев и издателей, вступили в стадию реализации. Из писем Герцена известно, что вплоть до июня 1863 г. на имя Боннье шли из Лондона ящики с изданиями Вольной русской типографии. Герцен сообщал Бакунину точные расчеты и условия торгового соглашения, поручая ему посредничество в этом деле (XXVII, 316). Письмо свидетельствует также о том, что Герцен связывал поездку своего сына в Швецию, а если будет необходимость, и собственную поездку для координации усилий с финскими демократическими деятелями. Подчеркнутые Герценом слова о полном доверии даже в самых секретных делах, которым пользуется его сын, могут служить прямым свидетельством о причастности А. А. Герцена к «Земле и воле». В этом письме содержится первое заявление о намерении руководителей Лондонского пропагандистского центра организовать типографию в Стокгольме (как это было уже сделано в Берне). Создание типографии в Стокгольме, помимо удовлетворения возросших потребностей в издании пропагандистской литературы, должно было служить еще одной задаче: печатанию в безопасном месте и в непосредственной близости от русской границы изданий «Земли и воли» (см. XXVI, 319).

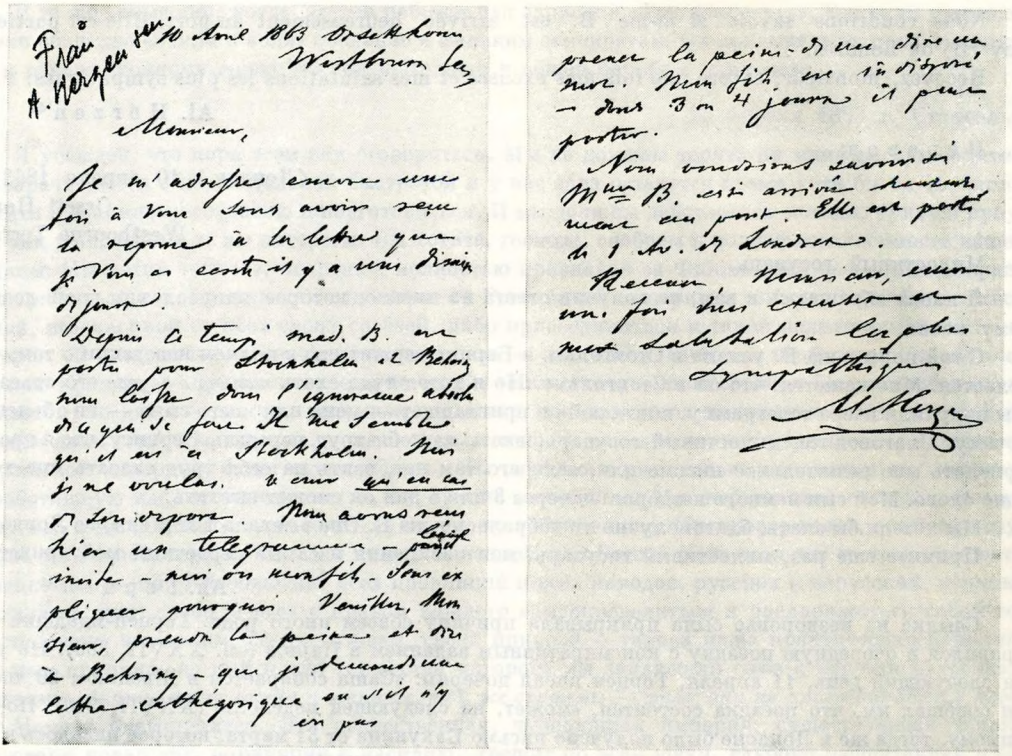
Письмо Герцена было помечено тем же числом, что и прощальная записка Бакунина к Квантену — 28 марта — днем отплытия «Ward Jackson» из Гельсингборга. Герцен с нетерпением ждал известий «о путешествии г-на Б.».

Между тем, как известно, экспедицию Лапинского постигла неудача. Неудачи преследовали ее с самого начала из-за неумелой конспирации. И уже в Мальме, когда туда прибыл «Ward Jackson», шведское правительство, не желая содействовать открытой военно-революционной операции против России, задержало пароход и интернировало польский отряд. Он оставался здесь более двух месяцев. Предпринятая 11 июня попытка достичь берегов Литвы на датской шхуне окончилась трагически: часть отряда, высаженная в шлюпки близ взморья у Паланги, была потоплена бурей. Экспедиция так и не достигла своей цели, и немногие из оставшихся в живых участники были распущены.

Но Бакунина уже не было при последних драматических событиях. Сразу же после интернирования отряда ему удалось покинуть Мальме, и 2 апреля он вернулся в Стокгольм [41]. Для

* Если вы предпочитаете немецкий язык, то напишите нам по-немецки — мы понимаем этот язык, равно как и английский. Передайте также наш привет вашему другу. Всецело ваш (*нем.*).

** То же для телеграммы (*нем.*).



ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ

Автограф. Лондон, 10 апреля 1863 г.

Наверху слева помета Квантена: «Frau A. Herzen sen⟨ior⟩» («От Герцена стар⟨шего⟩»)

Шведская королевская библиотека, Стокгольм

него было очевидным, что непосредственное личное участие в польском деле становится все более проблематичным. Это вытекало не только и не столько из неудачи экспедиции Лапинского, сколько из отношений, сложившихся у него с поляками, в частности с представителем Временного национального правительства в Лондоне Ю. Цверцякевичем [42]. Оставалась возможность лишь косвенным путем содействовать делу соединения польской и русской революций. Широкие перспективы для этого, по убеждению Бакунина, открывало финское национальное движение, скандинавизм в целом. И он с головой уходит вновь в стокгольмские дела. Это обстоятельство привлекло к себе самое пристальное внимание русских правительственных агентов в Швеции. Но они уже стояли перед свершившимся фактом [43].

Герцен первое время оставался в неведении относительно местопребывания Бакунина. Не получив от Квантена ответа на свое обращение, он вновь пишет ему (обозначая Бакунина псевдонимом *Беринг*):

⟨Londres.⟩ 10 avril 1863. Orsett House
Westbourne Terrace

Monsieur,

Je m'adresse **encore** une fois à vous sans avoir reçu la réponse à la lettre que je vous ai écrite il y a une **dizaine** de jours.

Depuis ce temps mad⟨ame⟩ B. est partie pour Stockholm, et Behring nous laisse dans l'ignorance absolue de ce qui se fait. Il me semble qu'il est à Stockholm. Mais je ne voulais venir *qu'en cas* de son départ. Nous avons reçu hier un télégramme — par lequel il invite — moi ou mon fils — sans expliquer pourquoi. Veuillez, monsieur, prendre la peine et dire à Behring que je demande une lettre catégorique ou, s'il n'y est pas, prendre la peine de me dire un mot. Mon fils est indisposé — dans 3 ou 4 jours il peut partir.

Nous voudrions savoir si m-me B. est arrivée heureusement au port. Elle est partie le 1 av⟨ril⟩ de Londres.

Recevez, monsieur, encore une fois mes excuses et mes salutations les plus sympatiques.

Al. Herzen[44]

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 10 апреля 1863 г.
Orsett House
Westbourne Terrace

Милостивый государь,

Я вновь обращаюсь к вам, не получив ответа на письмо, которое написал вам дней десять тому назад.

С той поры г-жа Б. уехала в Стокгольм, а Беринг держит нас в полном неведении о том, что делается. Мне кажется, что он в Стокгольме. Но я хотел туда ехать *только в случае* его отъезда. Мы получили вчера телеграмму, в которой он приглашает — меня или моего сына — не объясняя почему. Благоволите, милостивый государь, взять на себя труд передать Берингу, что я прошу прислать мне решительное письмо или, если его там нет, взять на себя труд сказать мне хоть одно слово. Мой сын немного нездоров — через 3 или 4 дня он сможет выехать.

Мы хотели бы знать, благополучно ли добралась г-жа Б. Она выехала 1 апр⟨еля⟩ из Лондона.

Примите еще раз, милостивый государь, мои извинения и самый сердечный мой привет.

Ал. Герцен[44]

Ссылка на нездоровье сына прикрывала причину совсем иного рода: Герцен-младший отправился в очередную поездку с конспиративным заданием в Париж (см. XXVII, 300). Но уже на следующий день, 11 апреля, Герцен писал дочерям: «Саша собирается в Швецию»; 20 числа он сообщал им, что поездка состоится, «может, на следующей неделе...» (XXVII, 310). По-видимому, тогда же в Лондоне было получено письмо Бакунина от 31 марта, которое писалось в несколько приемов и было отправлено лишь 15 апреля (см. XXVII, 311). Из этого письма Герцен понял, что бакунинское требование срочного приезда его самого или же его сына было просто напрасной суматохой. И Герцен, и Огарев ставили теперь отъезд Александра Александровича в Швецию в прямую связь с перспективой европейской войны вследствие демарша Англии, Франции и других европейских держав в поддержку Польши[45]. Вопреки Бакунину, считавшему допустимым использование войны в революционных целях, Герцен и Огарев категорически исключали подобную позицию: «идти с Наполеоном» и «двадесяти языцами» означало бы стать «неприятелем русского народа» (XXVII, 311). «Если будет война,— писал Огарев Бакунину,— то нам ничего не остается, как переждать ее, ибо вмешаться с этой стороны и самому противно и совершенно кредитоподрывательно» (XXVII, 311—312). Кроме того, поездка сына Герцена в Стокгольм связывалась также с дальнейшей судьбой экспедиции Лапинского (см. XXVII, 305, 311), ибо от этого зависело, останется ли Бакунин в Швеции или вновь присоединится к экспедиции, чтобы отправиться в Литву. Именно в эти дни, между 21 и 28 апреля, Огарев работает над пространной запиской («Три вопроса...») — для отъезжающего в Стокгольм Герцена-младшего (29 апреля помечено письмо Герцена к Огареву, содержавшее замечания на эту записку,— финское письмо). Эта записка должна была служить ему ориентиром во взаимоотношениях с финнами.

Инструкция Огарева учитывала изменения, которые произошли в политической ситуации к концу апреля 1863 г. Не оправдались расчеты на подъем к весне массового крестьянского движения в России. Польское восстание с присоединением к нему партии «белых» все определеннее принимало преимущественно националистический характер, хотя еще оставались неясными дальнейшие возможности движения в Литве, где под руководством З. Сераковского в борьбу все шире втягивались массы крестьянства. Огарев предусматривал и возможные повороты в ходе событий. Он считал, что, поскольку европейская война в поддержку Польши пока не возникла, русская революционная партия могла продолжать работу по налаживанию русско-финского сотрудничества для общей борьбы с царизмом. Но сотрудничество это должно было иметь своей целью не организацию немедленного выступления против царизма, как это мыслилось еще недавно. Речь шла теперь о «союзе на серьезную подготовку общего восстания через два, три, четыре года, т. е. тогда,— писал Огарев,— когда все шансы будут в нашу пользу и силы достаточно подготовлены. В этом случае Швеции остается тайное покровительство всего, что мы с финнами будем устраивать...».

В те же самые дни, когда Огарев работал над запиской «Три вопроса...», Бакунин пишет от имени общества «Земля и воля» послание к финским демократам. Он призывает их присоединиться к революционному союзу России и Польши в общей борьбе с царизмом:

25 апреля 1863 г. Стокгольм

Я убежден, что пора всем нам сговориться. Мы не должны терять ни минуты, ибо события разворачиваются с поразительной быстротой и у нас едва останется время хотя бы на то, чтобы прийти к взаимному согласию и подготовиться. И мы должны действовать сообща, рука об руку, так как у нас одни и те же интересы. Вы хотите, господа, свободы и полной независимости вашей родины. Мы хотим того же, искренне, полностью признавая за Финляндией неоспоримое право распоряжаться собой, право на отделение от Российской империи с тем, чтобы либо остаться одной, независимой от всех своих соседей, либо присоединиться к такой политической системе, которая ей понравится. Признание этого права — для нас логическая необходимость, потому что наш принцип — принцип свободы во что бы то ни стало, полной свободы без условий и ограничений. Это даже более чем разумное следствие, это диктуется положением. Мы никогда не сможем сами стать свободными, пока централистское и насильственное учреждение, именуемое Российской империей, будет существовать. Мы глубоко и решительно ненавидим эту систему, поработившую нас, чтобы сделать из нас орудие завоевания. Мы жертвы этой системы, так же как и вы, и мы не сможем освободиться от нее, не избавляя вас. Ниспровержение, полное разрушение этой основанной на насилии империи, называемой Российской, хотя она в своей сущности немецкая империя, освобождение всех провинций и всех народов, русских и нерусских, испытывающих ее гнет, свободы всех с правом каждого самоопределяться и распоряжаться собой согласно своим желаниям, своим нуждам, своей природе — такова наша практическая цель, таков наш принцип, во имя и для торжества которого мы заключили союз с нашими польскими братьями; *финны, наши соседи и жертвы той же системы,— разве они не присоединятся к нам?*

Момент благоприятен. Эта искусственная, чудовищная империя, существующая только благодаря коварству, коррупции и насилию, трещит по всем швам, глубоко расшатанная в самой основе. Необходимо покончить с ней. Поляки показывают нам благородный пример. Последуем ему. Устав переносить унижения и мучения, черпая свою силу в своем отчаянии, они поднялись безоружные и ныне противостоят армии царя, бессилие которой они вскрыли. Их движение, вначале слабое, беспорядочное и ограниченное той территорией, которая на дипломатическом языке называется Королевством Польским, принимает сейчас всеобщий народный характер и, распространяясь на все другие польские провинции, глубоко потрясает Польшу в ее прежних границах до прежних границ России, до Двины и Днепра. Оно не остановится там, так как русский народ, столь же уставший от рабства и не ожидая больше ничего от императора Александра, ждет только сигнала к восстанию.

В последние годы в Европе, полагаю также и в Финляндии, много говорили о так называемых благодеяниях теперешнего императора, о реформах, которые он якобы предпринял для цивилизации и освобождения своих народов, а также в целях содействия материальному прогрессу. Люди позволили обмануть себя словами и приняли за поступки обещания и фразы, которыми это лицемерное, в корне неисправимое правительство, умерившее свою спесь после победы иностранных армий, вынуждено было воспользоваться после спасительной Крымской катастрофы, чтобы скрыть от мира подлинность своих дурных намерений. Мы, инакомыслящие русские,— мы не дали себя обмануть. Мы хорошо знали, что это правительство, вся императорская система, основанная исключительно на угнетении и зле, не способна на добро, не способна даже на помыслы о нем, и еще более не способна его осуществить, даже если каким-то чудом подобные помыслы могли бы зародиться у нее. Государство это насквозь немецкое, условием и основой существования его является полное отрицание всего, что называется правом, свободой, человечностью. У него нет другой цели, другой функции и других возможностей, как только порабощение внутри страны и завоевание вне ее, то есть зло в самом широком смысле слова. Итак, чтобы делать добро, императорская система должна была бы начать с разрушения самой себя. Но никогда зловредная власть не уничтожала самое себя. Необходимо, чтобы мы пришли ей на помощь.

Катастрофа в Крыму была большим счастьем для России. Она пробудила Россию от мертвого сна, на который обрек ее Николай. Она позволила ей дышать свободнее, заставив пошатнуться здание варварского деспотизма, воздвигнутое мощной рукой царя Петра и давившее в течение целого века на страну, как ужасный кошмар. Последствия этой гибельной войны, по-

кончившей с императорским престижем и всемогуществом, не только не огорчили народ, напротив, Россия почувствовала себя как бы возрожденной.

Империализм пал, но русский народ начал новую жизнь. Стихийная радость, охватившая все население, вера и новые надежды, внезапно загоревшиеся во всех сердцах по всей территории империи, резко отличались от мрачного уныния официального мира и доказали, что между империализмом, обреченным на гибель, и нацией, призванной к великому будущему, нет ничего общего.

Однако был момент, когда сама власть, вновь обретя надежду и мужество, как будто намеревалась присоединиться к этому естественному порыву и вступить на путь справедливости и свободы. Говорили о реформах, об освобождении, признавали открыто прошлые ошибки, сваливая их, впрочем, на голову императора Николая, вчера еще объекта почитания, лести и страха, а сегодня преданного хуле и презрению. Юный император, неповинный в ужасном прошлом, сердце которого, казалось, было переполнено чувством справедливости, уважения к людям и любви, занял престол, обещая золотой век. Увы! Иллюзии были очень недолгими. Император Александр не злой человек. Его склонность к лени и сластолюбию влекла его, естественно, к доброжелательному отношению к людям и веселой жизни. Ему хотелось бы угодить всем недорогой ценой и увидеть себя обожаемым, не утруждая себя. Опьяненный всемогуществом, которым он был вдруг облечен, он одно время вообразил себя призванным возродить Россию, не понимая, что, будь он даже человеком гениальным и высокой души, он все же был бы скован и парализован по самой природе своей порочной власти, препятствующей в самой своей сущности любому подлинному и здоровому развитию нации. У него, скудоумного, малообразованного, способного лишь на мелкие чувства, зародилась весьма странная идея: провести необходимые реформы и освободить народы, находящиеся под его гнетом, сохраняя во всей неприкосновенности самодержавие; установить честность в администрации и справедливость в суде, ограждая повсюду произвол министров и высших чиновников; дать крестьянам свободу, оставляя их прикрепленными к земле, дать им землю без права собственности, наконец, заставить поляков обожать его и прослыть восстановителем и благодетелем Польши, одновременно продолжая придерживаться варварской, святотатственной системы императора Николая.— Одним словом, предстать в роли освободителя, не поступаясь ни малейшей частицей тиранической и зловредной власти, унаследованной им от отца. Это была жалкая иллюзия разнузданного воображения, убогая фантазия недалекого ума. Он должен был, разумеется, потерпеть неудачу и в конце концов понял, что задуманные великие реформы были несовместимы с самыми условиями его власти. И он отказался от них, чтобы сохранить ее. Вот в нескольких словах вся его история. Ныне он стал более деспотичным, более жестоким тираном, чем когда-либо был император Николай. Тирания Николая была неумной, но железной, верившей в себя. Тирания Александра — это тирания слабости и малодушия. Он трусит и не без основания, так как дни его царства сочтены. Он и его династия, а вместе с ними вся императорская система осуждены на гибель.

Великие перемены уже произошли в русском народе. Тот, кто знал этот народ лишь во времена императора Николая, не узнал бы его теперь. Он взял все то, что ему были вынуждены даровать, но не удовлетворился этим. Он никогда не шел на уступки императорской власти и никогда не прекращал борьбы с нею. Именно об этой упорной борьбе русского народа против официальной России, против императорской России совершенно не знают за границей; эта борьба началась задолго до Петра, еще в царствование его отца, царя Алексея, и никогда не прекращалась вплоть до наших дней. Жертвы этой двухвековой борьбы должны исчисляться не сотнями, не тысячами, а сотнями тысяч. Эта борьба была покрыта мраком и оставалась неизвестной до сих пор, ибо она велась в глубинных слоях народной жизни, но она полна драматизма, и ее необходимо знать, чтобы правильно понимать происходящее сегодня в России. Громадное большинство русской нации никогда не соглашалось с тем, что называют реформами царя Петра, ни с немецкой чужеродной цивилизацией, насильственно введенной им в России. Идея Петра была следующей: он хотел создать великое государство, на манер немецкого, даже скорее прусского, основанного на насилии как внутри страны, так и за ее пределами, военное, бюрократическое и способное завоевать половину Европы. А ведь это, как ничто более, противоположно русскому духу, не воинственному, не стремящемуся к завоеваниям и охотно довольствующемуся примитивной свободой общинной жизни, который никогда не создал бы по собственной воле то, что называют Российской империей. Эта империя и вся эта бюрократическая, немецкая, официальная Россия, являющаяся ее плотью,— предмет глубокой непримиримой ненависти русского народа, и не без бунта Россия позволила надеть на себя эту смирительную рубашку. Эта битва

не на жизнь, а на смерть между народом варварским — если угодно,— но чувствующим себя настолько самобытным, чтобы развиваться по-своему, и этой императорской чужеземной системой, русской только по имени, приняла с самого начала характер религиозной борьбы. Вы, конечно, слышали о наших раскольниках, ярых врагах официальной церкви. Они враги не только церкви, они, кроме того и главным образом, враги государства, слепым и раболепным орудием которого является и сама эта церковь. Борясь против Святейшего синода, они борются с императором, и они борются с ним во имя свободы общин и автономии провинций, составлявших до Петра основу русской национальной жизни. Император для них — антихрист, а его империя, вся эта бюрократическая, военная организация, все привилегированные сословия — для них орудие угнетения — царство дьявола. И не без основания наши цари, начиная с Алексея и до наших дней, преследовали раскольников с ожесточением, которое может сравниться лишь с жестокостью римских императоров по отношению к первым христианам. Цари прекрасно поняли, что раскольники представляли величайшую опасность для чудовищного немецкого государства, основанного Петром на крови и обломках национальной жизни. Ничто не может дать надлежащее представление о варварских преследованиях, которым подвергались эти бедные верующие в течение всей двухвековой борьбы. Начиная с Алексея не проходило, наверно, и года, чтобы тысяча, что я говорю, несколько тысяч раскольников не истреблялись пулями и штыками солдат или не погибали под кнутом палачей. Целые деревни сжигались, уничтожались, тысячи женщин и детей гибли в лесах, где они укрывались от императорского варварства, сотни тысяч ссылаемых в Сибирь умирали на полпути — от холода, голода и плохого обращения,— все это из-за общеизвестной «честности и гуманности» русских чиновников, из-за этого великолепного пренебрежения к жизни ближнего, составляющего отличительную черту всей нашей императорской администрации. Все же, несмотря на все эти ужасы, русские раскольники полностью сохранили свою силу. Преследования, как всегда и везде, не сломили их, а увеличили их число. И император Николай, этот деспот из деспотов, этот идеал тирана и, безусловно, самый неумолимый враг и самый ожесточенный преследователь сектантов, совершавший чудеса жестокости при их истреблении, был вынужден в конце своего царствования во всеуслышание признать, что он оказался бессильным против раскольников. Сегодня, по официальной статистике, насчитывается около пятнадцати миллионов раскольников. Они представляют собой самую жизненную, самую энергичную и самую мыслящую партию русского народа. Верные старинным традициям, они требуют сегодня, как и прежде, но с еще большей настойчивостью, чем когда-либо, свободы, полной свободы для народа и земли для него, т. е. эмансипации общин, владеющих землей и самоуправляющихся при помощи выборных лиц, полное уничтожение всякой бюрократии и всей этой немецкой организации империи, административной автономии провинций, и вместо этого гнусного централистского государства — федерацию провинций. Таков идеал, такова народная воля. Такова также программа тайного общества, распространяющего свою организацию на всю империю и охватывающего все классы, начиная с молодой и мыслящей части дворянства до последнего крестьянина. Тысячи преданных людей всех классов — дворян, буржуазии, крестьян, священников, артистов, ремесленников, крупных и мелких военных и гражданских чиновников — входят ныне в это могущественное общество, начертавшее на своем знамени два символа народной веры: «Земля и воля».

Я обращаюсь к вам, господа, от имени этого общества, которое дало мне право представлять его за границей, право, которое я разделяю с моими лондонскими друзьями Герценом и Огаревым. Я полагаю, что ясно изложил наши взгляды и политическую цель. Попытаюсь еще раз сформулировать все это в нескольких словах.

1. Мы хотим полного и всеобщего разрушения Российской империи, так как мы глубоко убеждены, что существование этой империи, основанной на варварском угнетении, на систематическом и абсолютном отрицании национальной жизни и способной держаться только благодаря насилию как внутри страны, так и вне ее, несовместимо со свободой. Мы, следовательно, враги этой империи, но не как изменники, а как патриоты, так как, будучи сорокамиллионным народом великороссов, мы чувствуем в себе достаточно сил, чтобы не нуждаться ни в коварстве, ни в насилии, ни в чужой собственности для обеспечения себе достойного существования. В противовес императорской централизации, мы — федералисты, не по капризу, не по чрезмерному увлечению какой-либо теорией, но потому, что это диктуется самим нашим положением, ибо суровый опыт двухвековой борьбы доказал нам, что бюрократическая система делает невозможным свободное развитие сил и жизни народа.

2. Требуя свободы для нас самих, мы требуем ее и должны ее требовать для всех наших

соседей, особенно для тех из них, которых завоевательная политика Санкт-Петербурга насильственно соединила с нами. Мы не только признаем право Финляндии, Латвии, Польши, Литвы, Украины и Малороссии, Бессарабии, Грузии и всего Кавказа на свободное и независимое от нас существование, но мы хотим помочь им завоевать эту свободу. Мы этого хотим как из чувства симпатии, так и по необходимости, ибо, находясь под одним и тем же игом, мы должны объединить наши усилия, чтобы сбросить его. Освобождая себя, мы непременно освобождаем вас, и наоборот. В этом духе мы заключили союз с революционной Польшей, и в этом же духе мы предлагаем вам нашу помощь.

3. Мы твердо убеждены, что пробил час для императорской династии и что близко падение империи, угнетавшей Север в течение двух веков. Мы считаем, следовательно, что настоятельный долг каждого народа, входящего в эту империю, подумать о своем будущем и подготовить его. Горе тем, кто спит, горе тем, кто позволил ослепить себя кажущимся могуществом этой отмирающей империи, горе тем, кто предвидит неизбежность падения и кто не встретит его бодрствующим и подготовленным. Они будут раздавлены под ее обломками. Мы надеемся, что финны тоже настороже, что они верят нам и что они протянут нам руку.

4. Нам хотелось бы заключить подлинный и тесный союз с ними, имеющий целью наше общее освобождение. Как ближайшие соседи, объединенные гнетом общего господина, мы можем, мы должны оказывать помощь друг другу в борьбе против него. Основы предлагаемого союза таковы:

А) Мы признаем открыто и от всей души, без ограничений и оговорок, право финского народа на полную независимость, и мы чистосердечно и всеми способами поможем ему освободиться от нас, чтобы установить у себя такую форму правления и войти в такой союз или в такую политическую организацию, какую он желает. В будущем мы единственно ждем от него добрососедских отношений, основанных на полной независимости и на уважении наших взаимных свобод.

Б) Взамен мы просим помочь нам всеми средствами низвергнуть империю С.-Петербурга. Финны могут помочь нам немедленно, во-первых:

а) Начав активную пропаганду в своей стране, пропаганду, конечно направленную против С.-Петербурга, в соответствии с польским и русским революционным движением. Впрочем, они должны ее вести ради самих себя, если только они хотят что-нибудь предпринять. Что касается Польши и нас, то мы извлечем из этого ту крупную выгоду, что правительство С.-Петербурга, боясь финского движения, будет вынуждено раздробить свои силы. Дерзайте, господа! Это правительство, напуганное до мозга костей, но надеющееся еще обмануть мир своей деланной смелостью, уступит вам во многом. Но не останавливайтесь на полпути, в особенности не давайте обмануть себя пустыми обещаниями, используйте каждую уступку, вырванную вами у правительства, чтобы потребовать новых. Дерзайте и берите побольше. Пора взять все! И не забывайте, что мы вам поможем.

б) Вы можете помочь нам и в то же время самим себе, ведя пропаганду среди эстонских и латвийских крестьян Ливонии, Эстонии и Курляндии. Не может быть, чтобы среди ваших друзей не нашелся кто-нибудь говорящий на этих языках. Поэтому пишите, печатайте брошюры или присылайте их нам, чтобы мы могли их напечатать в Стокгольме, посылайте проповедников свободы и национальной независимости к этим крестьянам, ненавидящим немецких баронов, присутствие которых бесчестит эти страны. Помогите нам поднять там восстание.

в) Вы можете также помочь нам, распространяя наши пропагандистские издания в России либо через С.-Петербург, либо через прибалтийские провинции, либо через Олонецкую губернию. Вы можете помочь нам установить постоянные связи между С.-Петербургом, Стокгольмом и Лондоном.

г) Для того чтобы ваша деятельность была более плодотворной, вам нужно также объединиться в тайное общество. Создайте Центральный комитет из пяти, семи или даже десяти лиц, служащий центром всей финской конспирации и придающий регулярный, гармоничный и единый характер всей работе финского союза. Затем, после того как вы создадите свою организацию, свяжитесь с Временным польским правительством, с Лондоном через Стокгольм и с С.-Петербургом. Организуйте пути сообщения и пункты для перевозки писем, печатных изданий и отдельных лиц по всей Финляндии безусловно верными, безусловно осторожными и безусловно преданными людьми — особенно на пути из Стокгольма в Петербург через Або и Гельсингфорс, чтобы иметь возможность расстроить планы русской шпионской службы, которая, несомненно, будет становиться с каждым днем все более подозрительной, более придирчивой и более тирани-

ческой. Установите между всеми нами возможно более регулярную систему сообщения. Это самая насущная необходимость.

д) Податель сего письма снабдит вас также всеми необходимыми адресами для связи вас с Стокгольмом и через него с Лондоном. Кроме того, он доставит вам все необходимое для установления постоянной связи с Центральным комитетом «Земли и воли» в С.-Петербурге.

А теперь, господа, мне остается только выразить надежду, что вы примете это письмо с такими же искренними чувствами, какими оно было продиктовано, и что вы не откажетесь заключить с нами союз, столь же необходимый для нашей свободы, как и для вашей.

Надеюсь также, что вы не замедлите с ответом.

От имени общества «Земля и воля»

М. Бакунин *[46]

Как мы видим, в отличие от руководителей Русского заграничного центра, Бакунин полностью игнорировал конкретную политическую ситуацию, положение дел в России и Польше. Его позиция в финском вопросе с марта 1863 г. не претерпела никаких изменений. Бакунин уверен, что русский народ «ждет только сигнала к восстанию». Вопреки истине Бакунин уверяет финнов, что движение в Польше «принимает сейчас всеобщий народный характер», и он призывает их использовать благоприятный момент. В то время как Огарев делал ставку на общую длительную подготовительную работу, Бакунин звал к немедленному действию. Он полон нетерпения и стремится внушить то же своим адресатам. «Мы не должны терять ни минуты»,— подстегивает их Бакунин.

И в оценке готовности русского народа к восстанию, и в характеристике Российской империи, которая, по его словам, «существует только благодаря коварству, коррупции и насилию, трещит по всем швам, глубоко расшатанная в самой своей основе», выявляла себя не только присущая Бакунину политическая безответственность. Эти оценки и представления были связаны со всей системой его философско-исторических воззрений, которые дали теоретическую оснастку уже вынашивавшейся им анархистской доктрине. Авантюризм Бакунина был тем опаснее, что в его политических заявлениях и действиях соединялись установки, отражавшие подлинные позиции русской революционной партии, с его собственными стремлениями и безудержными измышлениями. Сказанное относится и к его призыву, адресованному финским демократам, поднять немедленно на восстание прибалтов — крестьян «Ливонии, Эстонии и Курляндии», испытывавших двойной гнет: немецких землевладельцев и русских чиновников — и действительно рассматривавшихся «Землей и волей» как потенциально взрывчатый для русского царизма район. Однако призыв к немедленному восстанию был собственной инициативой Бакунина. Это относится и к характеристике, данной им старообрядчеству, которому он безоговорочно приписывает требования, прямо сближающие это религиозное течение с программой общества «Земля и воля». Особенно безудержна фантазия Бакунина в отношении самого этого общества. Он называет его «могущественным», распространившимся на всю империю и охватывающим все классы — «тысячи преданных людей всех классов», от дворян «до последнего крестьянина». Мистификации Бакунина относительно силы и численности общества «Земля и воля», его состава, установок его создателей не уживались с фактическим положением дел. Организация находилась только в стадии становления, когда белый террор, к которому правительство приступило с середины 1862 г., а затем начавшееся в Польше восстание сначала затормозили, а затем и вовсе приостановили широко развернувшуюся работу по объединению различных революционных групп и кружков в единую подпольную федерацию, какой была «Земля и воля». Не осуществилось и намерение сделать общество народным, вовлечь в него крестьян, о чем неоднократно писал, например, Огарев. Своими крайне преувеличенными сведениями о размахе деятельности русской революционной организации Бакунин хотел возбудить и активизировать финское национально-освободительное движение. Весь его исторический экскурс в прошлое русского царизма, оценка современного состояния противоборствующих в стране сил должны были служить доказательством изоляции и фактического бессилия императорской власти перед лицом нарастающего против нее протеста, с которым должна слиться и борьба за национальное освобождение народов, подчиненных России. И в тот момент, когда Бакунин, как казалось, уже был на пути в Польшу, чтобы вместе с польским отрядом экспедиции Лапинского распространить восстание на собственно русские пределы, и вслед за тем, когда эта надежда рухнула,

* Перевод с французского.— *Ред.*

объединение сил русского, польского и финского народов в борьбе против царизма он считал делом назревшим, нуждавшимся лишь в организационном оформлении. Между тем, не говоря о других аспектах проблемы, состояние финского национального движения, его идейно-политические установки и организационные возможности не соответствовали, как подтвердило ближайшее будущее, тем задачам, которые ставил перед ним Бакунин.

Хотя Бакунин и дает финнам конкретные рекомендации относительно создания централизованного тайного общества, которое должно связаться с «Временным польским правительством, с Лондоном через Стокгольм и с С.-Петербургом» и придать «регулярный, гармоничный и единый характер всей работе финского союза», его письмо ничего не прибавляет к решению вопроса, связанного с финской конспирацией. В своей позитивной части послание Бакунина очень близко к его письму, адресованному сыну Герцена, от 24 марта. Оно конкретизирует задачи деятельности финских патриотов у себя на родине и говорит о намерении Бакунина непосредственно связаться с ними через доверенное лицо и, в свою очередь, связать их с Центральным комитетом «Земли и воли» в Петербурге. Послание, адресованное в Финляндию и сохранившееся в архиве Квантена, скорее всего, не было передано им по назначению: оно не соответствовало характеру финского национального движения, его готовности откликнуться на призыв к немедленному открытому действию.

В сложившейся ситуации Бакунин все больше сближается со шведскими журналистами, с политическими деятелями, представлявшими наиболее радикальное — либеральное и демократическое — направление в скандинавизме. Он активно сотрудничает в газете А. Сульмана «Aftonbladet». Начиная с мая 1863 г. здесь печатается цикл его статей под названием «Царская власть и молодая Россия». Одновременно Бакунин выступает и в другой упомянутой выше влиятельной стокгольмской газете — «Nua Daglitt Allehande», которую отличал острый интерес к национальным проблемам, поддержка национально-освободительной борьбы народов Европы. С ее редактором — К. А. Линдстрёмом, депутатом парламента на протяжении 1858—1863 гг., Бакунин, скорее всего, сблизился через Ю. Нордстрёма: Линдстрём был его заместителем на посту хранителя Государственного шведского архива.

Сближение с руководителями двух крупнейших стокгольмских газет открывало перед Бакуниным широкие возможности для ознакомления шведского общества с Россией и с ее освободительным движением, завоевания его симпатии и создания, таким образом, благоприятных политических условий для превращения Стокгольма в опорный пункт русско-польского и русско-финского революционного сотрудничества.

Именно таково было назначение сохранившегося в фонде Сульмана обзора материалов польской печати за февраль—апрель 1863 г. Он был составлен по просьбе Бакунина деятелем польского освободительного движения, участником экспедиции на пароходе «Ward Jackson» Ф. Зенковичем. Материалы выявляют факт перепечатки польской газетой землевольческой прокламации «Русские люди», выпущенной в бернской типографии. Прокламация клеймила преступления царского самодержавия в Польше, призывала русских людей заявить свой решительный протест, подняться на борьбу за созыв Земского собора, объединить свои усилия с восставшей Польшей. Высказывая вслед за тем свои соображения о практическом значении этой прокламации, Зенкович писал: «В ожидании результатов пропаганды русского комитета среди народа следует заметить, что все более и более часто случается, что русские офицеры и даже солдаты переходят в ряды повстанцев». И далее, со ссылкой на польские газеты, Зенкович продолжал:

«Много корреспонденций, адресованных в польские газеты с театра военных действий, говорят о русских, которые храбро сражаются за дело поляков. Потебня, русский офицер и первый организатор Комитета русских офицеров в Варшаве, носящего то же название „Земля и воля", героически погиб в битве у Скала, застигнутый русской пулей во главе колонны польских косинеров, которых вел в атаку. У Лани (железнодорожная станция С.-Петербургской железной дороги) майор, комендант подразделения войск, которые занимали эту станцию, перешел в ряды повстанцев вместе с тремя офицерами и тридцатью солдатами, все с оружием... В Белостоке многие офицеры перешли в лагерь восставших, то же самое произошло в Кутно и Калише. А в Люблине шесть солдат покинули свои посты в карауле и отправились к повстанцам вместе со своим оружием» [47]. Анализируя эти материалы, В. А. Дьяков отмечает их ценность для истории организации русских офицеров в Польше, деятельности бернской типографии по изданию прокламаций, отражающих борьбу русских революционных кругов за независимость Польши, для истории взаимоотношений внутрирусского и Лондонского центров революционного

движения. Весьма существенно, что, как видно из приведенных текстов, в представлении осведомленных современников офицерская организация, возглавлявшаяся Потебней, являлась неотъемлемой частью «Земли и воли» [48].

Между тем долго откладывавшийся отъезд в Швецию сына Герцена состоялся наконец 16 мая. Его письмо к некоему А. Папо свидетельствует о том, что все это время конспиративные замыслы поглощали Герцена-сына. Письмо приоткрывает попытку организовать новую экспедицию; ее план обсуждался в Лондоне издателями «Колокола» с приехавшими «друзьями» и несомненно был связан с Польшей, с поддержкой восстания [49].

А. А. Герцен вез с собой в Стокгольм, кроме инструкции, составленной для него Огаревым, еще и его письмо, помеченное 15 мая. Оно предназначалось финскому эмигранту в Стокгольме, но не имело обозначения имени адресата [50]. Сам Огарев имел в виду Ю. Нордстрёма, руководствуясь информацией о нем, полученной от Бакунина. «В моем письме к Нордшт⟨рёму⟩,— писал Огарев А. А. Герцену 30 мая 1863 г. в Стокгольм,— он по имени не назван, следст⟨венно⟩, надписавши мой пакет, можно отдать его кому угодно; но замечу: или он со мной согласен, или характеристика его в 1-м письме Б⟨акунина⟩ чистейший вздор; это что-то очень хитросплетенно» (XVII, 333—334).

А. А. ГЕРЦЕН
Фотография, 1858
Музей Герцена, Москва

Записка («Три вопроса...») и письмо к финскому деятелю отражали общую позицию издателей «Колокола» в отношении Финляндии. Хотя нам и неизвестно письмо Бакунина, на которое ссылается Огарев, скорее всего, он характеризовал взгляды Нордстрёма как отличающиеся от господствующего направления в среде ведущих деятелей финской эмиграции в Швеции, с их преимущественной установкой на военное вмешательство западных держав и присоединение Финляндии к Швеции. Руководители Лондонского центра ориентировали финнов на развертывание внутрифинского национального движения, на идею союза независимой Финляндии и «свободной России (или, вернее, славянской федерации)», с одной стороны, и Скандинавскими странами — с другой. Создание общественного мнения в России в пользу независимости Финляндии «без всякой войны» — эту задачу должна была решать русская революционная пропаганда, общество «Земля и воля» в России, «Колокол» — в Лондоне. Огарев так разъяснял финскому адресату цель поездки сына Герцена в Швецию: «Именно для того, чтобы скрепить наше будущее объединение и обсудить во всех подробностях, что мы можем и должны сделать в настоящее время, к вам и послан молодой Герцен; ему даны все необходимые инструкции» [51].

Как видим, Герцену-младшему давались широкие полномочия. Наряду с переговорами о принципиальной основе русско-финского сотрудничества на него возлагалось оперативное решение задач русско-финской конспирации. Она включала создание склада лондонских изданий в Швеции, установление контактов с «Землей и волей», транспортировку литературы в Россию, «учреждение типографии в Стокгольме» и приобретение необходимого для всего этого «покровительства Швеции» [52].

Первое письмо А. А. Герцена из Стокгольма в Лондон содержало, как видно, какие-то разочаровывающие сведения о возможностях, которыми располагала местная финская эмиграция, чтобы установить связи с петербургским революционным подпольем. Этим вызвано в какой-то мере сомнение Огарева в характеристике, данной Бакуниным Нордстрёму, и замечание, что «пакет» (т. е. письмо Огарева) можно отдать «кому угодно». Во всяком случае, А. А. Герцен вручил его не Нордстрёму, а Квантену, благодаря которому Бакунин еще в конце апреля отправил письмо в Петербург руководству «Земли и воли» (см. XXVII, 322, 679) [53]. Второе письмо, уже по приезде в Стокгольм А. А. Герцена, было направлено в Россию им и Бакуниным

через близкого Квантену финского эмигранта К. Веттергоффа — литературного критика и публициста, сотрудника газеты «Nua Daglitt Allehande», в качестве корреспондента которой он бывал в Финляндии [54].

Интенсивность сотрудничества Бакунина в стокгольмской прессе дает основание считать вероятным сообщение «Leipziger Zeitung», на которое ссылается Огарев в письме к А. А. Герцену от 21 мая 1863 г., что «Бак⟨унин⟩ хочет издавать в Стокгольме журнал» (XXVII, 329).

Огарев скептически оценивал возможности Бакунина-издателя и вообще не видел необходимости создавать за границей новый русский орган. Но от намерения «устроить в Стокгольме типографию», о котором Герцен писал Квантену двумя месяцами ранее, они не отказались. В записке («Три вопроса...»), ставя эту задачу, Огарев разъяснял назначение типографии: «печатать русские издания по договорам с стокгольмскими книготорговцами ⟨. . .⟩ рукописи, присылаемые из Лондона», а кроме того, она должна будет печатать и пропагандировать материалы, которые будут присылать «из русского общества, и, вместе с тем, заменит тайные станки для России» [55]. В письме к А. А. Герцену эта мысль Огаревым конкретизируется. Он называет «Колокол» и «Свободу» органами, достаточными для решения пропагандистских задач русской революционной партии, но при этом замечает: «Для последней надо устроить станок, вот и все» (XXVII, 329).

Сразу же вслед за Герценом-младшим в Стокгольм, кроме комплектов «Колокола», были отосланы и «буквы», т. е. русские шрифты для типографии (XXVII, 334, 329).

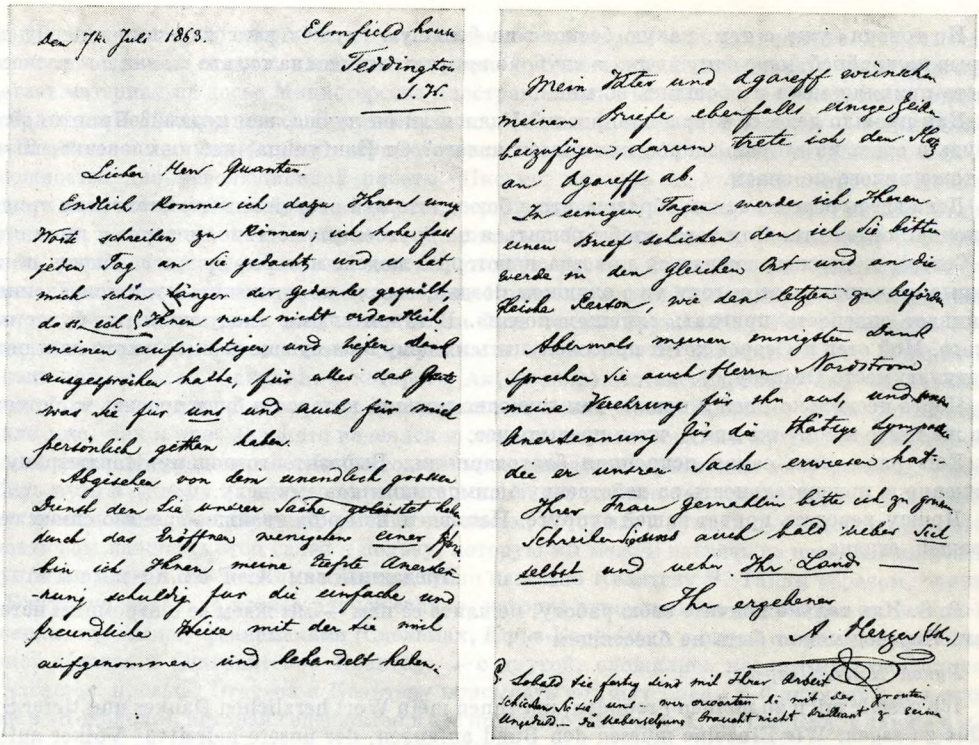
Ко времени, когда писал Огарев, был отпечатан только № 1 листка «Свобода», органа ЦК «Земли и воли» [56]. Захват властями в конце февраля 1863 г. вывезенного в имение Мариенгаузен (Люцинский уезд Витебской губернии) из Петербурга в декабре 1862 г. землевольческого станка лишил руководство тайного общества возможности продолжать издание [57]. Таким образом, намерение создать типографию в Стокгольме наряду с интересами русской заграничной пропаганды отвечало жизненно важным потребностям внутрирусского революционного центра, ЦК «Земли и воли».

28 мая шведскими либеральными кругами был устроен в Стокгольме банкет в честь Бакунина. Герцен писал по этому поводу в «Колоколе» (заметка «Пир в Стокгольме»):

«В ответ нападениям на Швецию в полуофициальных журналах стокгольмские граждане сделали пир в честь М. Бакунина. Бакунин, мы уверены,— первый русский, в честь которого шведы давали не дипломатический, вынужденный обед, а дружеский, братский пир. Наконец-то и шведы увидели, что петербургское правительство и русский народ не одно и то же. На этом обеде молодой поляк провозгласил тост „в память Потебни и всех русских, погибших за польское дело!“» (XVII, 189) [58]. Поляк, имени которого не назвал Герцен, был Ф. Зенкович. С речью на банкете выступил, кроме того, А. А. Герцен.

Заметкой «Пир в Стокгольме» Герцен прежде всего брал под защиту Бакунина от инсинуаций русской прессы и пользовался возможностью снова указать на русско-польскую революционную солидарность. Что же касается содержания речи, произнесенной Бакуниным, в которой, говоря об обществе «Земля и воля», он повторил те же фантастические сведения о его численности и составе, что и в своем послании к финским патриотам, и, кроме того, указывал на его местонахождение и связи, то она вызвала самую резкую критику со стороны издателей «Колокола». Подспудно нараставшее взаимное отчуждение вело к фактическому разрыву деловых и идейных связей. Бакунин считал, что реакция в России имеет верхушечный и весьма временный характер, хотел, «чтобы все было сейчас, поскорей». От этого «фейерверкность» его действий — «пустота, ненужность, призрачность всех этих переговоров, сближений, отдалений, объяснений», которыми он был занят, по словам Герцена, в Стокгольме (XXVII, 370). Именно в несоответствии устремлений Бакунина и инструкций, полученных сыном Герцена в Лондоне, в расхождениях, касающихся оценки обстановки и вытекавших отсюда различий в тактике, суть конфликта, возникшего между Бакуниным и А. А. Герценом как двумя представителями «Земли и воли» в Скандинавии. Этот конфликт усугублялся недостаточностью такта, неопытностью сына Герцена в политических делах, с одной стороны, и присущими Бакунину приемами и методами — с другой.

Столкновение с А. А. Герценом, которого Бакунин обвинял в честолюбивом превышении своих полномочий, привело к полному разрыву Бакунина с Квантеном и со всей финской эмигрантской колонией в Стокгольме, что повлекло за собой его изоляцию в делах русско-финской конспирации. Между тем именно в Квантене сын Герцена приобрел самого близкого и деятельного сотрудника. В архиве Квантена сохранилась недатированная записка к нему А. А. Герце-



ПИСЬМО А. А. ГЕРЦЕНА ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ

Автограф. Теддингтон, 7 июля 1863 г.

Шведская королевская библиотека, Стокгольм

на, запечатлевшая один из моментов деловых контактов между Junior'ом», деятелями финской эмиграции и представителем Польского национального правительства в Скандинавии, функции которого были возложены на бывшего комиссара экспедиции Лапинского — Ю. Демонтовича. Он писал:

«Дорогой Квантен! Я сейчас ухожу к Демонтовичу. Если это как-нибудь возможно, будьте дома сегодня вечером в 9 часов и попросите господина Нордстрёма прийти к вам.

Простите — я страшно тороплюсь.

Ваш А. Герцен» [59].

И Герцен, и Огарев вначале одобрительно относились к тому, как повел дела в Стокгольме Герцен-младший. Однако они считали, что при сложившейся в России политической конъюнктуре оперативная связь с Петербургом невозможна и потому дальнейшее его пребывание в Швеции нецелесообразно. В обязанность А. А. Герцена вменялось только приготовить для возможного посланца «Земли и воли» «надлежащий прием» и затем возвратиться поскорей в Лондон, ибо, как писал ему Огарев 11 июня, «скоро кто-нибудь настоящий приедет и гораздо лучше знать от тебя что и как и все устроить viva voce *» (XXVII, 339, 341).

А. А. Герцен вернулся в Лондон 24 июня. 7 июля датировано его письмо к Квантену с припиской Огарева и отдельное письмо Герцена. Герцен-младший писал в Стокгольм:

Elmfield House
Teddington, Ю⟨го⟩-З⟨апад⟩
7 июля 1863 г.

Дорогой господин Квантен!

Наконец-то я получил возможность написать вам несколько слов; я думал о вас почти каждый день, и меня давно уже мучила мысль о том, что я все еще не выразил вам свою искреннюю и глубокую благодарность за все хорошее, что вы сделали *для нас* и для меня лично.

* в беседе (*итал.*).

Не говоря уже о том, какую бесконечно большую службу вы сослужили нашему делу, открыв по крайней мере одну дверь, я глубоко признателен вам за то, что вы так по-дружески и просто приняли меня и обошлись со мной.

Как прошло дело со вторым запросом? Удался ли он лучше, чем первый? Пришло ли что-нибудь в ответ на второй запрос или совсем ничего? От Бак‹унина› нет ни словечка, поэтому мы тоже ничего не знаем.

Дела здесь обстоят таким образом, что я боюсь, что мой второй визит в Стокгольм придется несколько отложить. Для того, чтобы решиться на другое путешествие, которое я имел в виду (на Север), я должен дождаться приезда некоторых людей, которые могут сообщить об этом важные сведения: в этом году уже слишком поздно, и если не поспешить туда немедленно, то возникает опасность приехать слишком поздно. В таком случае следующий год будет начат с этого. Мой отец и Огарев хотят присовокупить к моему письму еще несколько строк, а потому я уступаю место Огареву.

Через несколько дней я пошлю вам еще одно письмо, которое я буду просить вас отослать в то же место и тому же лицу, что и предыдущее.

Еще раз — моя самая искренняя благодарность. Выразите господину Нордштрёму мое уважение и признательность за действенную симпатию к нашему делу.

Прошу передать привет вашей супруге. Напишите нам в ближайшее время о самих себе и о вашей стране.

Преданный вам А. Герцен (сын)

P. S. Как только кончите свою работу, пошлите ее нам — мы ждем ее с огромным нетерпением. Перевод может быть не блестящим *.

Рукой Н. П. Огарева:

Ich geselle mich zu meinen Freunden, um Ihnen mein Wort herzlichen Dankes und tiefer Sympathie zu sagen. Wir Einzelne müssen den Bund anfangen, der unsere befreiten Völker auf dem Grunde friedlicher Unabhängigkeit binden muß. Sie werden mich äußerst verbinden, wenn Sie mir einige Notizen über Finnland und die finnländischen Bestrebungen schicken, irgendein Werk (deutsch oder französisch) über Finnland empfehlen, damit ich gewissenhaft die Fragen Ihres Volkes studieren und unseren Lesern darlegen könne. Das werde ich gewiß mit der größten Sympathie erfüllen. Auch schicken Sie uns öfters alles Neues Finnland betreffend, daß wir es drucken könnten.— Erlauben Sie mir offenherzig Ihre Hand zu drücken und empfehlen Sie mich Ihren Freunden.

Ihr ergebenster N. Ogareff

A. B. werde ich diese Tage schreiben; das Übersiedeln in die neue Wohnung hat mir diese Zeit ‹in Anspruch genommen,› so daß ich nicht zu Schreiben kommen kamm [60].

Перевод:

Я присоединяюсь к моим друзьям, чтобы высказать вам слово сердечной благодарности и глубокой симпатии. Мы, каждый порознь, должны основать союз, который должен связать наши освобожденные народы на основе мирной независимости. Вы меня очень обяжете, если пришлете мне несколько заметок о Финляндии и стремлениях финнов и порекомендуете какой-нибудь труд о Финляндии (по-немецки или по-французски), чтобы я мог добросовестно изучить вопросы вашего народа и изложить ‹их› нашим читателям. Это я сделаю, конечно, с величайшей симпатией. Посылайте нам также чаще все новое, касающееся Финляндии, что мы могли бы опубликовать.

Разрешите мне сердечно пожать вашу руку и кланяйтесь от меня вашим друзьям.

Преданный вам Н. Огарев

На этих днях я напишу А. Б.; переезд на новую квартиру ‹отнял› это время, ‹так что я не› мог заниматься письмами [60].

«Запросы», о которых осведомлялся у Квантена сын Герцена, постигла одна и та же судьба: они вернулись обратно — первый к Квантену, второй — к Бакунину «за неотысканием людей по данным адресам» и были сожжены. Из письма Герцена-младшего следует, что его планируемая поездка «на Север» — это «другое путешествие», а отнюдь не вторичная поездка в Швецию, как выглядело это намерение по ранее известным его письмам и письмам Герцена. Квантен,

* Перевод с немецкого.— *Ред.*

пишет Герцен-младший, открыл для русского дела «по крайней мере одну дверь». Это замечание находится в прямой связи с планами северного путешествия. Разобраться в данном вопросе помогает материал из досье Министерства иностранных дел Швеции, к рассмотрению которого мы обратимся несколько позже. Отметим только, что ни той, ни другой поездке — ни «на Север», ни в Швецию — не суждено было осуществиться вследствие дальнейшего ухудшения в России возможностей для революционной работы. Письмо, которое А. А. Герцен просил Квантена отослать «в то же место и тому же лицу, что и предыдущее»,— это, скорее всего, письмо Огарева к «финнам», о котором он говорит в своей приписке. Если это так, то редакторам «Колокола» удалось установить через Квантена конспиративную связь с финляндскими деятелями внутри страны. Учитывая политическую ориентацию Квантена в отношении внутрифинского национального движения, такими деятелями могла быть только группа К. Квиста. Косвенное подтверждение этому содержит письмо Бакунина к Огареву от 19 августа 1863 г. «Разрыв мой с Квантеном,— писал Бакунин,— которого Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩ был единственной причиной, и последовавшее за ним охлаждение со всеми проживающими здесь финляндцами не дали мне, как я прежде на это надеялся и ожидал, воспользоваться прибытием сюда многих дельных финляндцев из края. Но благодаря моим шведским приятелям мне, наконец, удалось пробить путь к одному из значительнейших и наиболее уважаемых членов партии фенноманов. Посылаю вам на особом листе отрывки из его писем, которых, я думаю, будет достаточно, чтобы доказать вам важность этой связи и пользу, которую мы можем извлечь из нее». Имени деятеля Бакунин не назвал, не желая, чтобы оно стало известно Квантену [61]. Таким образом, ориентация Бакунина отразила четкое размежевание, которое существовало в финском национальном движении, где «между фенноманами (Снельман, Юрье-Коскинен), с одной стороны, радикальной группой Квиста и эмигрантской Квантена — с другой, сложились натянутые отношения» [62]. Что касается просьбы Огарева к Квантену присылать ему материалы о Финляндии для публикации в «Колоколе», которая содержится в его приписке к письму А. А. Герцена, а также в постскриптуме письма последнего, то ее результат остается не совсем ясным: Квантену или Бакунину обязана была редакция «Колокола» получением статьи «Голос из Финляндии» с подписью «Финляндец» и пометкой «Гельсингфорс» (помещена в ноябрьском номере «Колокола» 1863 г.) [63]. Статья написана человеком радикальных, демократических убеждений, проникнута презрением и иронией по отношению к царизму и горячей приверженностью к идее финской независимости. Она свидетельствует, что автор был осведомлен о русской революционной партии и имел четкое представление о соотношении политических сил в России. Польским брожением, «волнением будто бы освобожденных крестьян в России да тайным брожением общества „Земля и воля“» объяснял автор статьи либеральные маневры русского правительства в Финляндии, которые привели в конце концов 18 сентября 1863 г. к открытию в княжестве сейма.

Редакторы «Колокола» использовали всю доступную им информацию, в том числе почерпнутую из иностранных газет, чтобы пропагандировать с его страниц идею финской независимости. Это было их реальным вкладом в дело русско-финского сотрудничества, намечавшегося в переговорах с финскими радикалами. В двух июньских номерах 1863 г. «Колокол» поместил заметки, в которых приветствовалась независимая и благородная позиция финской общественности, отказавшейся, несмотря на сильнейший нажим, послать в Петербург верноподданнические адреса [64]. С этими заметками прямо перекликается письмо Герцена к Квантену от 7 июля 1863 г. («несколько строк отца», как писал о нем Герцен-младший), не вошедшее в собрания его сочинений:

7 juillet 1863. Londres
Elmfield House
Teddington. S⟨outh⟩-W⟨est⟩

Monsieur,

Vous me permettrez de vous serrer la main avec un sentiment de profonde gratitude pour la réception sympathique et amicale que vous avez faite à mon fils. Lui et moi nous le devons à la communauté des idées — qui nous lie — et c'est au nom de ces idées que je me sens en droit de vous écrire.

Vos compatriotes ont donné un magnifique exemple aux Russes — dans l'affaire des adresses de dévouement et de servilité.

Pour le moment le gouvernement en Russie, avec l'aide d'une littérature vendue et de la malheureuse question des frontières — a évoqué un patriotisme intempestif — et insolent — mais cela ne durera pas.

Le grand nœud de la position pour le moment — n'est pas plus delié qu'il n'a été au mois de mars. Tout dépend de la guerre, et moi j'en doute encore de la guerre. Il nous reste donc le travail de préparation, de voies de communications, de l'échange continu — d'idées et de vues. C'est ce que nous tâchons d'organiser — et comme une grande aorte va par votre patrie — nous comptons avec foi et confiance sur votre assistance.

Si le gouvernement russe fera des concessions et si tout ira⟨!⟩ par les conférences diplomatiques,— le gouvern⟨ement⟩ perdra immensemment en force morale. Il y a des bruits qu'à travers toute la rhétorique du dévouement — on parle aussi de la convocation d'une *Douma*. Le journal panslaviste d'Aksakoff l'a imprimé. La *Douma* — c'est l'inévitable premier pas — *sine qua non*.

D'autres forces, d'autres élements montreront alors quel sera le chemin que la Russie prendra.

La férocité des repressions en Pologne — va au-delà de la bestialité de Nicolas. Et il y a une littérature entière qui applaudit et des hommes de la société à Moscou — qui portent le toast de Mouraviéff.— C'est triste et atroce.— Heureusement, c'est une éruption cutanée — nous sommes loin de désespérer, mais le temps que nous traversons est bien lourd.

Encore une fois remerciez vos amis — nous avons tout entendu maintenant — que nous vous connaissons et estimons de tout notre cœur — et recevez vous-même ma gratitude et mon amitié.

Alex. Herzen [65]

Перевод:

7 июля 1863 г. Лондон
Elmfield House
Teddington. Ю⟨го⟩-З⟨апад⟩

Милостивый государь,

Вы позволите мне пожать вам руку с чувством глубокой благодарности за сердечный и дружеский прием, который вы оказали моему сыну. Он и я обязаны этим той общности взглядов — которая нас соединяет,— и вследствие этого я чувствую себя вправе написать вам.

Ваши соотечественники дали великолепный пример русским в деле адресов с выражением преданности и раболепия.

В настоящий момент правительство в России с помощью продажной литературы и злополучного вопроса о границах вызвало несвоевременный — и наглый — патриотизм, но это продлится недолго.

Огромный клубок настоящего положения остается таким же запутанным, каким он был в марте месяце. Все зависит от войны, а я еще сомневаюсь в том, что она произойдет. Нам остается, таким образом, подготовительная работа по поиску путей для связи, постоянного обмена мыслями и взглядами. Это то, что мы пытаемся организовать,— и поскольку огромная аорта проходит через вашу родину, мы с верой рассчитываем на ваше участие.

Если русское правительство сделает уступки и все пойдет путем дипломатических совещаний, правительство понесет неизмеримый моральный урон. Ходят слухи, что, наряду со всей риторикой преданности, поговаривают и о созыве Думы. Панславистская газета Аксакова напечатала об этом. Дума — это неизбежный первый шаг — sine qua non *.

Другие силы, другие элементы покажут тогда, какой путь выберет Россия.

Жестокость репрессий в Польше превосходит все зверства Николая. И существует целая литература, которая рукоплещет им, и в Москве есть люди из общества, которые провозглашают тост Муравьеву.— Это грустно и ужасно.— К счастью, это лишь кожная сыпь — мы далеки от отчаяния, но время, переживаемое нами, очень тяжело.

Еще раз поблагодарите ваших друзей — мы теперь поняли всё,— которых мы знаем и уважаем от всего сердца, и примите сами мою благодарность и мою дружбу.

Алекс. Герцен [65]

Письма Герцена, Огарева и А. А. Герцена к Квантену от 7 июля подводили в известной мере итог отношениям, установленным Лондонским центром с финскими радикалами, и определяли их дальнейшее содержание. Оно мыслилось как длительное и прочное сотрудничество в подготовке открытой борьбы с царизмом. Один из основных элементов сотрудничества руководители Вольной русской прессы видели в пропаганде на страницах «Колокола» идей независимости Финляндии, ознакомление русского общества с социальными и культурными проблемами этой страны. Важными слагаемыми русско-финского революционного сотрудничества оставались

* непременное условие (*лат.*).

возможность использовать Скандинавию, Финляндию в особенности, как трассу для лондонских изданий и связи с Россией вообще; содействие в этом деятелей финского освободительного движения; дальнейшее укрепление завязавшихся с ними контактов.

Бакунин, который продолжал оставаться в Стокгольме, сумел, как он уверял издателей «Колокола», найти и использовать пути переброски через Финляндию в Россию революционных изданий, «бросить,— по его словам,— в север России (в губерн〈ии〉 Архангельскую и Олонецкую особенно) около 7000 экземпляров разных воззваний, между прочим, ваших воззваний к солдатам и офицерам».

Мы не располагаем данными в полной мере подтверждающими сообщение Бакунина [66]. С Петербургом установить связь ему не удалось. 20 сентября Бакунин покидает Стокгольм и направляется в Лондон. По существу, это означало признание им политической бесперспективности дальнейшего пребывания в Скандинавии, во всяком случае в отношении перспектив финского национально-освободительного движения. Признание права Финляндии на самостоятельное существование, революционно-демократическая программа, которая выдвигалась Герценом и Огаревым, революционные призывы к действию со стороны Бакунина не могли найти широкого отклика в Финляндии, национальные устремления которой на этом этапе с наибольшей полнотой отражали фенноманы. Для финской национальной буржуазии, которая возглавляла эту партию, был в равной мере неприемлем союз ни с революционной Россией, ни с революционной Польшей. Она искала компромисса с царизмом на путях национально-культурной автономии и либерализации политической жизни страны. Принятое Александром II еще в июне 1863 г. решение о восстановлении сейма, его августовский рескрипт об уравнении финского и шведского языков исчерпали оппозицию фенноманов в ее наиболее значительном проявлении. Царизму удалось на время добиться политической стабилизации своих позиций в Финляндии [67].

Письмо, посланное Бакуниным 29 октября 1863 г., по приезде в Лондон, А. Сульману и сотруднику его газеты, журналисту и политику П. Р. Торсмедену, совсем не касается финских дел. Однако оно свидетельствует, что Бакунин в это время был еще целиком поглощен русскими проблемами. Все его политические помыслы сосредоточены были на идее крестьянской революции в России и задачах русско-польского революционного сотрудничества. «Я встретил здесь (в Лондоне),— писал Бакунин,— весь мой небольшой кружок соотечественников, кроме двух Герценов — отца и сына, которые путешествуют по Италии и которые вернутся сюда только в декабре. Наше общество пополнилось господином Утиным, молодым русским, очень воспитанным и умным, который был и продолжает оставаться весьма влиятельным членом нашей ассоциации „Земля и воля“ в Санкт-Петербурге и которому посчастливилось бежать как раз накануне своего ареста. Я нашел дела нашей партии в России в состоянии лучшем, чем я осмеливался надеяться. Она восстановилась, реорганизовалась после ужасного террора, который в течение всего этого года опустошал ее ряды по всей территории Империи. И так как польское национальное правительство, в результате скрытой и внутренней революции, снова стало полностью красным и народным, и т. д., наша партия снова с ним сблизилась, и я ожидаю самых больших благ от этого сближения. Посмотрим, что будет весной» [68].

Письмо явно отразило впечатления Бакунина от бесед с Огаревым, который осенью 1863 г. был занят разработкой организационных мер по восстановлению утраченных за время восстания в Польше связей с обществом «Земля и воля». Этой цели служила поездка Герцена на континент, его переговоры с представителями русской революционной эмиграции в Италии, а затем в Швейцарии. Составленная Огаревым для Герцена в связи с его поездкой специальная памятная записка (при публикации она получила условное название «О восстановлении связи с обществом „Земля и воля“») содержала подробную схему путей транспортировки продукции Вольной русской типографии в Россию. В условиях политической реакции, восторжествовавшей в России, одной из мер возрождения общества Огарев предлагал учреждение за границей «множества агентств из членов общества, случайно путешествующих, или эмигрантов». Эти агентства должны были обеспечивать присоединение приезжающих к Обществу, транспортировку в Россию пропагандистской литературы, а также передачу материалов в европейскую прессу и доставку «в Лондон и комитет нужных сведений и случаев». В перечне пунктов размещения агентств он помечает: «Лондон, Швейцария, Константинополь и Стокгольм готовы» [69].

Письмо Бакунина зафиксировало его первые, вполне положительные впечатления от знакомства с Н. И. Утиным, который бежал из России ввиду нависшей над ним угрозы ареста и в августе 1863 г. добрался до Лондона. Что касается его оптимистических прогнозов, связанных с переменами в составе повстанческого Национального правительства, то время вскоре их рас-

сеяло. Новое правительство пополнилось в сентябре 1863 г. рядом новых членов, придерживавшихся радикальных взглядов. В своем обновленном составе оно стремилось, хотя и не очень дружно, придать восстанию социальную направленность. Но просуществовало оно всего около двух недель. Партия «белых» взяла верх в руководстве и решительно пресекла социально-демократические тенденции восстания.

Дальнейшая история польских акций Бакунина несколько проясняется письмом Герцена к сыну во Флоренцию. Он писал ему из Лондона 7 декабря 1863 г., вернувшись из поездки на континент:

«Теперь как можно будь осторожнее с Бак⟨униным⟩ и не отдавай ему без нужды письма. В Женеве ко мне приехал из Цюриха Провансов * и рассказал, что у них есть одно предположение, пренелепое и, по-моему, превредное, более вредное Lapinskiad'ы. Тут выбора мне не было — я сказал, что я кладу со своей стороны veto; но этого было мало, и надобно было в том же смысле иметь влияние на Б⟨акунина⟩. Я все сделал и виделся с ним ⟨...⟩ Он всеми силами хочет мира с нами и потому ничего не сделает для скандала. Огар⟨ев⟩ будет к нему об этом писать» (XXVII, 387). Комментируя это письмо, Б. П. Козьмин отмечал, что упоминание Герценом об экспедиции Лапинского дает основание предположить, что предприятие, задуманное Слепцовым с Бакуниным, было связано с экспедицией, предпринимавшейся польскими эмигрантами в Средиземном море [70]. Имея в виду фактическое участие, которое действительно принял Бакунин (несмотря на заверения, по-видимому, данные им Герцену) в организации так называемой экспедиции Збышевского [71], нам представляется несомненным, что «предположение», о котором Слепцов вел разговор с Герценом в Женеве, касалось участия русской эмиграции именно в этой экспедиции. Герцен был категорически против. В том же смысле Бакунину, находившемуся тогда в Париже (где с ним и встретился Герцен), должен был писать Огарев. Отрицательный отзыв в письме к сыну об экспедиции Лапинского был связан не с отношением Герцена к самому ее замыслу, а с его реализацией. Провал экспедиции был в значительной мере обусловлен несогласованностью действий Польского национального правительства и его заграничных агентов и борьбой враждующих группировок в руководстве восстанием. Отрицательно сказалась и конфликтная ситуация, сложившаяся при этом у Бакунина с поляками. Что же касается новых планов Бакунина, связанных с экспедицией Збышевского, то здесь Герцен занял непримиримую позицию, в принципе отвергая ее. Он исходил при этом из трезвой оценки общей ситуации в России и положения дел в Польше, полностью исключавших прежние расчеты на объединенное русско-польское социальное движение. Был и другой момент. Экспедиция Збышевского была нацелена на признание западными державами Польши как воюющей стороны. От этого зависела прежде всего возможность покупки оружия. Такое признание требовало, чтобы польский флаг появился на одном из морей, открытых для английских и французских судов. Действия Збышевского как командира неизбежно должны были приобрести характер своего рода морского разбоя, каперства. Естественно, что для Герцена и Огарева это было совершенно неприемлемо.

Отрицательное отношение к экспедиции усугублялось участием в ее организации Бакунина. Когда Герцен предупреждал сына, чтоб он был «как можно ⟨...⟩ осторожнее с Бакуниным», он имел в виду невозможность какого бы то ни было сотрудничества с ним на политической почве. Опыт Швеции выявил присущее Бакунину безоглядное стремление к немедленному революционному действию. Герцен делал для себя однозначный вывод, разрывая всякую политическую солидарность и общую деятельность с Бакуниным.

Именно в Париже, куда отправился из Лондона Бакунин на пути в Италию и где в это время проходили переговоры Збышевского с представителями Польского национального правительства, он и взял на себя связующую роль между поляками, русской революционной эмиграцией и итальянской Партией действия в подготовке этой морской экспедиции. На пути во Флоренцию Бакунин заезжает на Капреру к Гарибальди, о чем сообщает Л. И. Мечникову 23 января 1864 г. из Генуи [72]. Для продолжения переговоров и осуществления практической связи с итальянской стороной Мечников, уполномоченный Збышевским и Бакуниным, также отправился из Флоренции на Капреру. Имея в виду эту поездку, Мечников писал много позднее редактору «Отечественных записок» М. Е. Салтыкову-Щедрину: «Последняя моя встреча с Гарибальди состоит в тесной связи с организацией польской вооруженной экспедиции на Черное море, составляющей интересный pendant к экспедиции Лапинского» [73]. Миссия Мечникова, его поездка на Капреру в феврале 1864 г., была не изолированным фактом, а одним из звеньев русско-польского

* Конспиративная фамилия А. А. Слепцова.— *Е. Р.*

М. А. БАКУНИН
Фотография Надара. Париж, 1860-е гг.
Из альбома: «Nadar». Torino, 1965

революционного сотрудничества периода польского восстания 1863 г., в частности систематической оперативной связью русской колонии во Флоренции с поляками и координацией ее с итальянской Партией действия [74].

Как справедливо отмечал Ю. М. Стеклов, одной из причин, толкавших Бакунина в Италию, была его «специальная страсть — разрушение Австрии», которую он считал тюрьмой славянских народов; это сближало его с итальянцами, а также с венгерской эмиграцией, группировавшейся во Флоренции вокруг одного из ее руководителей — Ф. Пульского. Перспективы русской революции и польского восстания, по-видимому, продолжали целиком занимать Бакунина [75]. Однако решение польской проблемы отныне целиком связывается им с перспективами общеевропейской социалистической революции. «Первый и, без сомнения, самый горестный акт польской революционерской трагедии,— писал Бакунин С. Тхоржевскому 24 апреля 1864 г.,— кажется, пришел к окончанию. Но ⟨...⟩ польская революция не только что не окончилась, но, по моему глубокому убеждению, только что начинается. Кончился только кровавый пролог под названием „Героическое падение польской шляхетской демократии". Началось польское хлопское дело, которого русское правительство никогда не будет в состоянии ни умиротворить, ни удовлетворить... Мы должны же наконец понять, что в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контрреволюцией...» [76]. Глубинным содержанием деятельности Бакунина становится теоретическая и практическая подготовка тайного международного социально-революционного альянса. Начинается

новый, анархистский этап его политической биографии. В то время как историко-философские искания Герцена вели его от критики социальной ограниченности национально-освободительных движений европейских народов, проходивших под республиканским знаменем, к признанию исторической истинности международного объединения «работничьих классов» под знаменем социализма, Бакунин создает другую позитивную программу. Он строит ее на использовании национальных движений, которые в конечном счете должны быть подчинены и в организационном и в идейном отношении решению задач, выдвигаемых Международным тайным обществом освобождения человечества,— «объединение революционных элементов всех стран для создания подлинно священного Союза свободы против Священного союза всех тираний в Европе: религиозных, политических, бюрократических и финансовых» [77].

В том же письме к Тхоржевскому Бакунин сообщал ему о своем намерении отправиться летом в Швецию. Он объяснял цель этой поездки тем, что получил «вести и из Стокгольма и из Финляндии, т. е. от Straube и от E. Folkstrue» [78], и имеет возможность встретиться сам с ними обоими. Однако подлинная цель вторичной поездки в Швецию была связана именно с реализацией этих широких планов в их приложении к скандинавизму. Бакунин ехал в Швецию для учреждения там национальных ячеек Тайного интернационала, первые камни которого начал закладывать в Италии. Адресованная Сульману рукопись «Международное тайное общество освобождения человечества», созданная им сразу же по приезде в Стокгольм (датируется временем не ранее 6 сентября и не позже начала октября 1863 г.), начинает новый период во взаимоотношениях Бакунина со шведскими радикалами [79]. Непосредственно примыкает к этой рукописи комплекс ценнейших документов Бакунина из фонда шведского публициста, сотрудника «Aftonbladet», пламенного сторонника скандинавизма А. Хедина, опубликованный, глубоко и тщательно проанализированный итальянским исследователем С. Фурлани. Особый интерес в ряду этих документов представляет «Проект организации семьи Скандинавских братьев», позволяющий увидеть конкретное преломление планов Бакунина,— механизм, посредством которого он стремился к достижению своей цели. Проектировавшаяся тайная Скандинавская ассоциация призвана была руководить учрежденной 6 сентября 1864 г.— в день приезда Бакунина в Стокгольм — открытой и общедоступной Северной национальной ассоциацией (Nordiska National forening). Ее учредители, Сульман и Хедин, намеревались вести ее по пути политического скандинавизма в его наиболее демократической форме. При этом Бакунин настойчиво отстаивал вопреки антифинской позиции Сульмана и Хедина тезис о необходимости включения Финляндии в Скандинавский союз на условиях предоставления ей автономии [80]. Таким образом, Бакунин продолжает дело, начатое в 1863 г., но финская проблема, являвшаяся для него частью проблемы русской революции, становится теперь в единый ряд с его интернациональными замыслами. Точно так же и польская проблема предстает перед ним теперь как часть общего международного заговора, а польские деятели фигурируют в письмах Бакунина, сохранившихся в архиве Сульмана и Хедина, исключительно в связи с созданием тайной заговорщической организации [81].

* * *

Коллекция писем З. Иордана, Бакунина, Герцена, Огарева и А. А. Герцена из фондов Квантена и Сульмана позволяет, как мы видим, значительно углубить исследование интернациональных связей русского революционного движения и проясняет один из аспектов этих связей. В момент, когда Польша поднялась на открытую борьбу с царизмом, русская революционная демократия предприняла энергичные меры не только для непосредственной поддержки восстания, но и для мобилизации собственных сил, чтобы вызвать военно-крестьянскую революцию в России. Возникает план создания дополнительного фронта на северных рубежах Российской империи, включения в русско-польский революционный союз финского национального движения. Попытка реализации этого плана, его практический итог отразили не только общее состояние русских революционных сил — его идейный и организационный уровень, но и характер освободительного движения народов, входивших в состав Российской империи, и прежде всего внутрирусских социально-политических условий. Неудача восстания в Польше подвела окончательную черту революционной ситуации, возникшей в стране к концу 1850-х годов. «Самоликвидацией» весной 1864 г. общества «Земля и воля» завершался целый этап истории русского революционного движения, частью которого была деятельность русской революционной эмиграции в период польского восстания 1863 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *SKB* (Шведская королевская библиотека), ф. Э. Квантена. Фонд состоит из автографов писем Герцена (3), Н. П. Огарева (1), М. А. Бакунина (4), А. А. Герцена (2) и польского политического деятеля З. Иордана (4).

[2] *SKB*, Политическая переписка А. Сульмана. Фонд включает в себя автограф записки Иордана к Сульману и «Польскую переписку» — обзор материалов польской печати за февраль—апрель 1863 г., составленный Ф. Зенковичем. В фонде Сульмана находится, кроме того, автограф рукописи Бакунина «Société Internationale secrète de l'émancipation de l'humanité» (см. ее публикацию в статье: Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества».— Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.»,т. VI. М., 1974, с. 295—355), а также ряд других автографов Бакунина, выходящих за тематические рамки данной работы (см.: Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности революционеров 60-х годов в Скандинавии.— Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. V. М., 1970, с. 286—294).

[3] Предварительному анализу этих документов посвящена ранее опубликованная нами статья: Е. Л. Рудницкая. Новые материалы о связи редакции «Колокола», Михаила Бакунина с финским национально-освободительным движением («Вопросы истории», 1967, № 12, с. 36—52).

[4] В комплекс материалов *SKB* входит также досье Министерства иностранных дел Швеции, озаглавленное: «Распространение русских нигилистических прокламаций среди русских моряков в Финнмаркене. 1881».

[5] Из документов, вошедших в данную работу, письма Герцена уже фрагментарно опубликованы в статье Л. Р. Ланского «Неизвестные письма А. И. Герцена» («Вопросы литературы», 1966, № 3, с. 192—194). Письмо Бакунина к А. А. Герцену и записка к Квантену вошли в состав публикации: Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности.., с. 281—285.

[6] Русско-польской перепиской Квантена, имевшимися у него автографами Бакунина располагала шведская исследовательница С. Боот Холмберг. Она использовала переданные ей Квантеном рукописные материалы в своей книге «Skaldedrömmar och skaldepolitik. Emil von Qvanten och haus tid» (Stockholm, 1906). Книга эта, как пишет Э. Г. Карху, приобрела поэтому в какой-то мере характер первоисточника, вследствие чего «другие зарубежные исследователи, касавшиеся данного вопроса, излагали его главным образом по этой книге и предшествовавшим ей статьям того же автора» (Э. Г. Карху. Финляндская литература в России 1850—1900. М.—Л., 1964, с. 22). Из ряда приведенных в книге Боот Холмберг данных и цитат становится очевидным, что в ее распоряжении находился в свое время ряд документов или копий с них из фонда Квантена, которые ныне хранятся в *SKB*. Кроме работ Холмберг, интерпретация которой русско-польских связей Квантена носит узкоограниченный, консервативно-националистический характер, данные документы частично учтены в капитальной работе финской исследовательницы Л. Крусиус-Аренберг «Der Durchbruch des Nationalismus und Liberalismus in politischen Leben Finlands 1856—1863» (Helsinki, 1934). Материалы фондов Квантена и их интерпретация в работах Крусиус-Аренберг легли в основу очерка М. Фатрелла о взаимоотношениях Герцена, Огарева и Бакунина с финской эмиграцией в Стокгольме (см. «Окно в Гаммерфесте» — глава кн.: Michael Futrell. Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland. 1863—1917. L., 1963). Деятельность Бакунина в Швеции в 1860-х годах освещается с учетом названных выше советских публикаций, а также других материалов и новых архивных документов в статьях итальянского исследователя С. Фурлани, представляющих большой интерес для нашей темы ввиду содержащихся там ценнейших сведений о шведском окружении Бакунина (Silvio Furlani. La Svezia, lo scandinavismo e il Risorgimento italiano.— Estratto della Rassegna Storica del Risorgimento, Anno LXIII, 1976, fascicolo III, p. 283—303; Idem. Bakunin e la sua Associazione segreta dei fratelli scandinavi del 1864.— Estratto della «Rivista Storica Italiana», 1977, fascicolo III—IV).

[7] С. М. Фалькович. Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х гг. XIX века. М., 1966, с. 147—148.

[8] Там же, с. 134.

[9] В. И. Кельсиев. Исповедь («Лит. наследство», т. 41-42, с. 348).

[10] Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 7, 9; Матти Клинге. О социальном характере различных течений в финском национальном движении. Материалы русско-финского симпозиума. М., 1969, с. 21—22; Л. А. Лоone. О связях А. И. Герцена и Н. П. Огарева с Финляндией («Скандинавский сборник», XV. Таллин, 1970, с. 190).

[11] По сведениям, которые сообщает Боот-Холмберг в названной книге, именно Иордан добился назначения Квантена вице-библиотекарем, что обеспечило ему роль посредника между Карлом XV и польской эмиграцией (Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 31).

[12] Л. А. Лоone. Указ. соч., с. 191.

[13] Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 29—30.

[14] С. М. Фалькович. Указ. соч., с. 143. Боот-Холмберг также сообщает о выступлении полковника З. Мордана, приехавшего из Парижа, на митинге, состоявшемся 9 июля 1862 г. в Стокгольме по поводу годовщины Полтавской битвы (Э. Г. Карху. Указ. соч.,с. 31).

[15] *SKB*, Политическая переписка Августа Сульмана. Сообщение Иордана (1862).

[16] Silvio Furlani. La Svezia..., p. 291.

[17] Ibid., p. 284—285. В том же году с изменениями и добавлениями она была напечатана на английском и немецком языках в Англии и Швеции.

[18] С. М. Фалькович. Указ. соч., с. 316.
[19] *SKB*, ф. Квантена. Письмо Иордана от 19 января (1863).
[20] «Колокол», 1862, л. 122-123 от 15 февраля, с. 1025.
[21] Сб. «Русско-польские революционные связи», т. II. М., 1963, с. 26—27.
[22] В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964, с. 132.
[23] Там же, с. 154.
[24] *Письма М. А. Бакунина*, с. 102—107.
[25] *SKB*, ф. Квантена. Письмо Иордана от 20 февраля (1863 г.).
[26] «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II. М.— Л., 1933, с. 567.
[27] См. ниже.
[28] М. В. Нечкина. Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева («Лит. наследство», т. 61, с. 521).
[29] «Русско-польские революционные связи», с. 8.
[30] Сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 507.
[31] «Из переписки В. О. Ковалевского с Герценом и М. А. Бакуниным». Публикация С. Я. Штрайха («Лит. наследство», т. 62, с. 259).
[32] *SKB*, ф. Квантена. Письмо Бакунина от 28 марта 1863 г.
[33] Там же. Письмо Бакунина от 24 марта 1863 г.
[34] Э. Г. Карху. Указ. соч., с. 36. Вероятность посещения Бакуниным короля (хотя для более позднего времени — 13 мая 1863 г.) допускает анализ книги аудиенций Карла XV, произведенный Н. Ф. Хольдмом. «Остается неясным,— замечает, однако, в этой связи С. Фурлани,— в каких пределах является допустимой идентификация Бакунина с лицом, носящим имя Лорер и принятым королем 13 мая 1863 г. Известно,— продолжает он,— что, прибыв в Швецию, Бакунин принял имя Анри Сулэ» (Silvio Furlani. Op. cit., p. 296).
[35] Другие псевдонимы Бакунина в Швеции: А. Сулэ, а также «Лиза». Кроме того, в фонде Сульмана сохранилась записка Бакунина, пополняющая список его псевдонимов еще одним, ранее не известным: Шали. Приводим текст этой записки полностью в переводе с французского:

«10 марта 1863 г.

Глубокоуважаемый господин!

Я вам бесконечно обязан за билет для посещения клуба, который дает мне теперь возможность читать все газеты,— и я также рад, что моя брошюра нашла отклик в вашем сердце и уме.— Я хочу вскоре посетить вас и надеюсь также видеть вас у себя. С искренним и глубоким уважением ваш

М. Бакунин — называемый Шали»

(Архив Карельского филиала АН СССР, разряд XV, оп. 3, ед. хр. 1). Записка фиксирует первые шаги Бакунина в Стокгольме. Брошюра, о которой он упоминает, скорее всего, прокламация «Пугачев, Романов или Пестель», опубликованная сначала в «Колоколе», а затем выпущенная отдельным изданием (1862). Мысли о возможных путях русского освобождения, которые развивал здесь Бакунин, он пропагандировал, как отмечалось выше, в Швеции. Весьма вероятно, что, обращаясь к новому для него лицу, представлявшему шведские круги, он считал нужным сообщить другое свое конспиративное имя, а не то, под которым он фигурировал при рекомендации Квантену.
[36] Э. Карху. Герцен и финны («На рубеже», 1962, № 2, с. 109).
[37] Л. А. Лоone. Указ. соч., с. 194—195.
[38] Там же, с. 195.
[39] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 276.
[40] *SKB*, ф. Квантена. Письмо Герцена от 28 марта 1863 г.
[41] «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II, с. 569; ср. XXVII, 306.
[42] Несостоятельность обвинений в адрес Бакунина, возлагавших на него вину в неудаче экспедиции и связанных, в частности, с его попыткой сгладить противоречия с представителем в Стокгольме Отеля Ламбер В. Калинкой, прибывшим вслед за ним в Гельсингфорс, была подтверждена специальным оправдательным документом, который подписали Демонтович и Лапинский. См.: *Письма Бакунина*, с. 230—231; М. Кун, И. С. Миллер. Новые материалы о международных связях русских революционеров в начале 60-х годов XIX века (сб. «Эпоха Чернышевского». М., 1978, с. 239—240).
[43] «Материалы для биографии М. Бакунина», т. II, с. 245—246 — донесения русского посланника в Стокгольме.
[44] *SKB*, ф. Квантена. Письмо Герцена от 10 апреля 1863 г.
[45] Ноты европейских держав с представлением в пользу поляков были получены в Петербурге 17 апреля. Герцен узнал об этом, по-видимому, между 23 и 27 апреля (XXVII, с. 312—313). А 29 апреля он писал Бакунину, что поручения А. А. Герцену «совершенно будут иные — если будет война, иные — если не будет войны. Вот причина, почему я оттягивал его отъезд» (XXVII, 315).
[46] *SKB*, ф. Квантена. Письмо М. А. Бакунина от 25 апреля 1863 г.
[47] *SKB*, Политическая переписка А. Сульмана. «Польская переписка».
[48] Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности..., с. 275—276.
[49] По мнению публикатора письма И. М. Белявской, «Александр Папо» — конспиративный псевдоним, за которым скрывался «русский, посвященный в планы революционной деятельности издателей „Колокола“» («Лит. наследство», т. 64, с. 774).

[50] Опубликовано С. А. Макашиным как письмо Огарева к Квантену («Лит. наследство», т. 63, с. 145—150).

[51] Там же, с. 149.

[52] Там же, т. 61, с. 518.

[53] Э. Г. Карху, основываясь на данных биографии Квантена, отводит утверждение З. Кеменовой («Лит. наследство», т. 41-42, с. 72), что именно он ездил в Петербург для передачи письма Бакунина (Э. Г. К а р х у. Русская литература в Финляндии, с. 39). Это же имя в данной связи фигурирует в комментариях (XXVII, 762, 785—786, 803). Текст письма Бакунина к Герцену, послуживший основанием для такого раскрытия имени финна, может быть понят таким образом, что Квантен лишь организовал пересылку письма (*Письма М. А. Бакунина*, с. 238).

[54] Э. Г. К а р х у. Указ. соч., с. 27.

[55] «Лит. наследство», т. 61, с. 518—519.

[56] Содержание № 1 «Свободы» свидетельствует о том, что текст листка был создан до начала восстания в Польше: исследователи датируют его декабрем 1862 г. Однако в тексте № 1 «Свободы» имеются приметы, говорящие о том, что дата публикации листка более поздняя. Мы имеем в виду имеющееся в конце листка уведомление о создании в России тайного общества, которое приняло название «Земля и воля», и обращение от имени Совета общества с просьбой присылать для него денежные пожертвования в кассу, образованную при редакции «Колокола». Известно, что подобное же оповещение было помещено в самом «Колоколе» и в «Общем вече» впервые в марте 1863 г. Оно было результатом обсуждения между руководителями русской заграничной пропаганды и представителем ЦК «Земли и воли» А. А. Слепцовым вопросов, связанных с уточнением функций и взаимоотношений Лондонского и внутрирусского революционных центров. Несомненно, что без согласования с издателями «Колокола» оповещение в России о создании кассы при «Колоколе» не могло быть сделано. Видимо, текст уведомления для № 1 «Свободы», подобно тому как это произошло с прокламацией «Льется польская кровь, льется русская кровь...», был послан Слепцовым для печати в Россию из-за границы. За позднюю публикацию № 1 «Свободы» говорит и то обстоятельство, что первые сведения о ее распространении относятся к середине февраля 1863 г. (РПРС, т. II, с. 65). Редакция «Колокола» получила № 1 «Свободы» в первой половине мая 1863 г. (XVII, 146) и опубликовала в л. 164 от 1 июня 1863 г.

[57] В. И. Н е у п о к о е в. «Земля и воля» по материалам Динабургского процесса («Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», с. 305—334).

[58] «Колокол», 1863, л. 165 от 10 июня, с. 1363.

[59] *SKB*, ф. Квантена.

[60] Там же.

[61] *Письма М. А. Бакунина*, с. 238, 254.

[62] Л. А. Л о о н е. Указ. соч., с. 196.

[63] «Колокол», 1863, л. 173 от 15 ноября, с. 1421—1422. В комментариях к 30-томному Собр. соч. высказывается предположение, что автором статьи мог быть финский демократ Э. Фолькструэ и что именно о нем идет речь в письме Бакунина от 19 августа 1863 г. (XXVII, 795).

[64] «Колокол», 1863, л. 164 от 1 июня, с. 1356; л. 165 от 10 июня, с. 1363.

[65] *SKB*, ф. Квантена. Письмо А. И. Герцена от 7 июля 1863 г.

[66] *Письма М. А. Бакунина*, с. 242. Ценный комментарий по этому вопросу содержит досье Министерства иностранных дел Швеции «Распространение русских нигилистических прокламаций среди русских моряков в Финнмаркене» (1881). Оно заключает в себе переписку шведских властей с королевским правительством и местной администрацией в Норвегии, находившейся с 1814 г. в личной унии со Швецией, по поводу обнаруженной в Гаммерфесте (Норвегия) русской революционной прокламации и листов «Колокола». Это был поздний отзвук 1863 г. Оригинал прокламации в досье отсутствует. Сохранился только французский перевод с копии, причем указано, что оригинал на церковнославянском языке. Как выяснилось из сопоставления текстов, перед нами перевод прокламации В. И. Кельсиева (первые слова которой: «Господи Иисусе Христе, сын божий, помилуй нас, грешных»), датированной 19 февраля 1863 г. Дело, по-видимому, не ограничилось перепечаткой Огаревым прокламации в № 12 «Общего веча» от 8 марта 1863 г. под заглавием: «От старообрядцев народу русскому послание». Вопреки утверждению Кельсиева в его «Исповеди», что составленная и отлитографированная им в Константинополе прокламация была случайным и не имевшим последствий делом, какое-то количество экземпляров было отправлено в Стокгольм. Дальнейшая история проникновения этой прокламации в Россию выясняется из Отчета III Отделения за 1863 г., в котором сообщалось, что в Архангельской губернии в октябре появилось «возмутительное» воззвание «К русскому народу», литографированное славянскими буквами и названное местными жителями молитвой. Оказалось, что оно тождественно воззванию, перевезенному перед тем во множестве листов через шведскую границу в город Торнео, и что несколько экземпляров этого воззвания были привезены крестьянами в конце навигации из Норвегии, где были получены от гаммерфестского купца Руста, раздавшего их русским промышленникам. Из числа последних два — Каренский и Бурков — сообщили их своим «односельцам» (сб. «Крестьянское движение 1867—1869 гг.», вып. II. М.—Л., 1931, с. 51). По-видимому, гаммерфестский книготорговец Бергер, связанный лично с Герценом-сыном, прислал из Стокгольма прокламацию на имя Руста, названную в жандармском отчете «К русскому народу». Ею могла быть единственная известная из прокламаций 1860-х годов, написанная славянским шрифтом и начинавшаяся как молитва, какой являлась прокламация Кельсиева. Она была направлена в Россию вместе с рядом других прокламаций, печатавшихся в это время в Лондоне и Берне. Транспорты этих прокламаций, по словам Лемке, в сентябре 1863 г. шли не только из Швеции через Финляндию, но и «прямо из Норвегии в Петербург»

Л XVI, 255—256). Несомненно, что это было только начало реализации широких замыслов. О том, что именно Гаммерфест как удобный пункт для распространения революционной пропаганды, давно привлекал внимание в Лондоне, мы находим указание в «Исповеди» Кельсиева. Автор сообщает, что во время приезда в Лондон осенью 1861 г. С. С. Джунковского, возглавлявшего тогда католическую миссию в Северной Европе, он «сговорился с ним об устройстве в его типографии в северной части Норвегии, в нескольких верстах от Норд-Капа, в городе...+, отделения для печатания старообрядческих книг» (В. И. Кельсиев. Исповедь.— «Лит. наследство», т. 41-42, с. 292). Ближайшим городом от Норд-Капа был порт Гаммерфест. Свое намерение Кельсиев связывал именно с этим городом, потому что сюда, по его словам, «каждое лето ходят с хлебом беломорцы, которые все — беспоповцы поморского согласия» (там же, с. 295). Тогда, осенью 1861 г., как мы помним, совершил путешествие в Норвегию сын Герцена. Это была первая разведка. Как выясняется из письма А. Бенни к Кельсиеву, во время пребывания Бенни в Лондоне в октябре 1861 г. он обсуждал с Герценом-сыном, незадолго до того вернувшимся из путешествия, практические вопросы, связанные с использованием «гаммерфестского пути» для транспортировки лондонских изданий. А. А. Герцен высказал мнение, что путь этот — «очень далекий» для *современных* номеров, но для годовых экземпляров он может быть очень полезен («Лит. наследство», т. 62, с. 26). Именно о годовых комплектах «Колокола» и пересылке их к «господину Бергеру из Гаммерфеста» писал А. А. Герцен к Е. Штраубе («Лит. наследство», т. 41-42, с. 82).

На морской трассе Гаммерфест—Архангельск агентами по приему и дальнейшей транспортировке литературы во внутренние губернии России предполагалось использовать политических ссыльных. «Путешествие на север», о котором писал А. А. Герцен Квантену 7 июля 1863 г.,— это, несомненно, поездка в тот же Гаммерфест, самый северный тогда порт Европы. Вероятно, это и есть та «дверь», которую открыл для Лондона Квантен. А. А. Герцен ждал точных сведений, чтобы вступить в Гаммерфесте в непосредственный контакт с агентами «Земли и воли». «Путешествие» не состоялось. Судьба застрявших в Гаммерфесте воззваний и листов «Колокола» — все, что случайно осталось от склада русских изданий,— находится в прямой связи с этим несостоявшимся путешествием. Таким образом, в организации пересылки пропагандистской литературы в Россию слились усилия, предпринимавшиеся и сыном Герцена, и Бакуниным.

[67] Л. А. Лооне. Указ. соч., с. 197; Л. В. Суни. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50—70-е годы XIX в. Л., 1979, с. 74—75.

[68] Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности.., с. 288.

[69] Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философ. произведения, т. II. М., 1956, с. 125—126.

[70] Письмо Е. И. Утина к Герцену и Огареву («Лит. наследство», т. 62, с. 635).

[71] Граф *Б. Збышевский* — офицер русского военно-морского флота, участник восстания; выступал под именем *Карпь*. 10 февраля 1864 г. Национальным правительством он был назначен главным организатором всех морских сил Польши. Его первой акцией должна была стать подготовка польской вооруженной экспедиции на Черном море. Купленный для этой цели в Англии корабль был отправлен в Средиземное море (Stephan Kieniewicz. Powstanie Styczniowe. W., 1972, с. 691—692). Усилия, предпринятые для реализации этого замысла, выявляют связующую роль русской революционной эмиграции в привлечении итальянцев и в осуществлении непосредственных переговоров с Гарибальди. Как и другим намерениям подобного рода, экспедиции Збышевского не суждено было осуществиться. 15 февраля корабль, шедший из Англии в Мессину, где на него должен был вступить Карпь, был конфискован в Малаге.

[72] «М. А. Бакунин в Италии в 1864 г. (Из воспоминаний Л. И. Мечникова)».— «Исторический вестник», 1897, № 3, с. 810.

[73] «Лит. наследство», т. 13-14, с. 362.

[74] См. об этом: Е. Л. Рудницкая. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975, с. 51—67; Она же. К истории русско-польско-итальянских революционных связей («Эпоха Чернышевского»).— Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. VII. М., 1978, с. 7—20.

[75] М. Кун, И. С. Миллер. Указ. соч., с. 241—244.

[76] *Письма М. А. Бакунина*, с. 264—265.

[77] ‹М. А. Бакунин.› Международное тайное общество освобождения человечества («Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», с. 313).

[78] *Письма М. А. Бакунина*, с. 266.

[79] Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Возникновение Тайного Интернационала Михаила Бакунина («Новая и новейшая история», 1971, № 6, с. 113—124); Они же. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864 г.).— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», с. 295—355.

[80] Silvio Furlani. Bakunin e la sua Associazione segreta dei fratelli scandinavi del 1864 (Estratto della «Rivista Storica Italiana», Anno LXXXIX, 1977, fascicolo III—IV, p. 618).

[81] Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. О деятельности.., с. 280, 291—294; Они же. Новые материалы о Тайном интернациональном братстве М. А. Бакунина («Проблемы итальянской истории». М., 1972, с. 307—342).

БАКУНИН И ГЕРЦЕН
В ПОЛЕМИКЕ ПО СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА К ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация С. Д. Л и щ и н е р

1 июля 1867 г. в л. 244-245 «Колокола» появилась статья Герцена «Из письма к М. Бакунину», посвященная проходившему в Москве незадолго до того — с 16 по 21 мая (ст. ст.) — Славянскому съезду [1]. Он был организован по инициативе Московского славянского комитета, видная роль в котором принадлежала М. П. Погодину, И. С. Аксакову, кн. В. А. Черкасскому, М. Ф. Раевскому, В. И. Ламанскому и другим славянофильски, а отчасти и панславистски настроенным деятелям. Созыв съезда явился результатом подъема в 1866—1867 гг. освободительного движения южных и западных славян против турецкого и австрийского владычества. В то же время организация съезда в Москве отвечала расчетам некоторых группировок царской дипломатии и либеральной буржуазно-националистической верхушки в руководстве самим славянским движением — их целям направить это движение к усилению российского влияния на Балканах и в Центральной Европе. Удобную же возможность собрать такой съезд предоставил приезд более восьмидесяти зарубежных славянских гостей на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (была открыта с 23 апреля по 18 июня 1867 г.).

Оживление славянского освободительного движения и вместе с тем закулисная деятельность вокруг него русских официальных кругов, сопровождаемая демагогической риторикой в славянофильской и официозной прессе, находились весной—летом 1867 г. в центре внимания Герцена. Связанные с этими сюжетами, в частности со Славянским съездом, герценовские статьи одна за другой появлялись в каждом листе «Колокола», начиная с л. 235-236 от 1 марта 1867 г.: это «„Москва“ — мать и мачеха», «Пророк-издатель», «На площади св. Марка», «Жаль», «Crédit et débit», «Славянская агитация», «В юже меру мерите...», «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка», «Катковское „Vive la Pologne!“», «Вопросы, запросы, загадки и сфинксы», «Первое предостережение», «Котам игра, мышам слезы». И, наконец, в л. 244-245 напечатана подытоживающая многостороннюю разработку названных тем и сюжетов статья «Из письма к М. Бакунину». На этом листе от 1 июля 1867 г. издание русского «Колокола» прекратилось (затем, 1 августа, вышел лишь «Прибавочный лист к первому десятилетию»).

Обращенность итоговой статьи по славянскому вопросу к Бакунину объяснялась рядом причин. Во-первых, задачей Герцена было осмыслить Славянский съезд в Москве в историческом ракурсе — как очередной, новейший эпизод, симптом определенного нового этапа в славянском движении за независимость и единство. Обращение к Бакунину, одному из идеологов и лидеров первого Славянского съезда в Праге (июнь 1848 г.), давало нужный масштаб для сопоставлений как во времени, так и в характере провозглашавшихся требований. В отличие от московского съезда в программных выступлениях на пражском преобладали демократические настроения, питавшиеся революционным возбуждением масс в Европе 1848 г. Во-вторых, форма открытого письма к Бакунину для завершающего выступления «Колокола» по славянскому вопросу определялась тем, что по мере печатания названных выше статей Герцена Бакунин в письмах к нему и Огареву — от 7, 23 мая, 22 июня — высказал несогласие с их позицией [2]. Открытое письмо Герцена стало не только косвенным откликом на эти личные письма, развернутой репликой в споре — оно служило как бы «приглашением» к публичному обмену мнениями. И Бакунин принял это «приглашение».

Уже в его письмах к редакторам «Колокола» от апреля—июня 1867 г. не раз упоминается о замышлявшейся полемической статье, вернее, даже цикле статей по польскому и славянскому вопросам. «Мои мнения будут иногда расходиться с вашими,— писал Бакунин 20 апреля,— но это, не правда ли? не помешает вам их напечатать, с теми оговорками и примечаниями, которые вам покажутся необходимыми» [3]. Герцен приветствовал этот замысел (см. XXIX, 87). Работа по его осуществлению задержалась (очевидно, в связи с известием о предстоящем прекращении «Колокола»), но не была прервана. Упоминания о полемическом «письме» Бакунина, о его «французской тетради» встречаются в переписке Герцена с Огаревым за август—сентябрь 1867 г. [4]

А вопрос Герцена в письме к сыну от 3 октября: «Видел ли ты ответ Бакунина на мое письмо в „Libertà e Giustizia"?» (XXIX, 206) — свидетельствовал, что «ответ» был написан и появился в названной газете неаполитанских республиканцев.

Письмо Герцена с этими сведениями было обнародовано в 1923 г. (*Л* XX, 17—18). Таким образом, оно не было известно биографу Бакунина М. Неттлау, когда он, выясняя характер связей Бакунина с «Libertà e Giustizia» летом—осенью 1867 г., на основании других источников писал: «Газета получила серию статей Бакунина „в форме письма к Герцену против панславизма" — для меня пропавшую без вести работу» [5]. Причем писал предположительно, с оговоркой: «Если газета его статью действительно получила». Статья Бакунина, а также точное время ее публикации оставались неизвестными и комментаторам 30-томного Собрания сочинений Герцена (см. XXIX, 629, 630, 635).

Подтверждающие и уточняющие сведения о появлении письма Бакунина к Герцену в «Libertà e Giustizia», и именно в № 3 за 1867 г., сообщены И. В. Григорьевой в ее книге, посвященной рабочему движению в Италии 1860-х годов. Там же кратко изложено содержание «письма». Но автору осталось неизвестным, что публикация письма была продолжена и в следующем номере газеты [6].

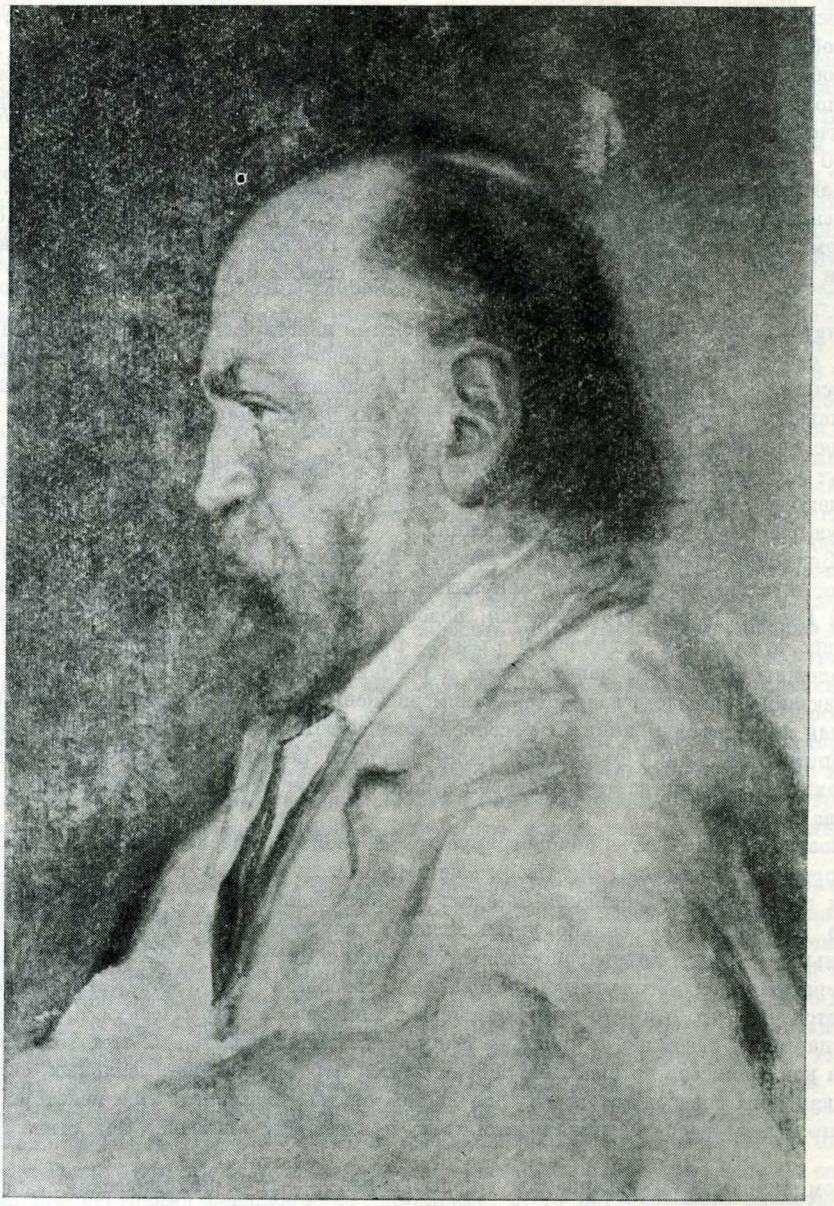
Между тем незадолго до появления труда Григорьевой в Бергамо вышла из печати книга, в которой П.-К. Мазини были собраны неаполитанские статьи Бакунина: M. Bakunin. Scritti napoletani (1865—1867). Bergamo, 1963. А в 1977 г. в Салерно, в одном из томов серии «Testi e documenti per la storia del Mezzogiorno», был перепечатан П. Ла Велья полный комплект газеты «Libertà e Giustizia». Лишь теперь, после появления этих итальянских научных публикаций, забытое «письмо» Бакунина к Герцену предстает перед исследователями в его полной первопечатной редакции и стало возможным воссоздать тот политический и общеисторический контекст, в котором оно было обнародовано.

Начало письма появилось, как сказано, в № 3 «Libertà e Giustizia» от 31 августа 1867 г. Бакунинскому тексту здесь предшествовали редакционное вступление и итальянский перевод (несколько сокращенный) статьи Герцена «Из письма к М. Бакунину» — под общим для всего комплекса заглавием «La questione slava» [7].

Мы далее вернемся к редакционному вступлению, а сейчас заметим лишь одно: из него выясняется, в частности, что письмо Бакунина было передано в газету им самим (очевидно, вместе с герценовским) и печаталось «в переводе на итальянский с оригинала». Следовательно, надо полагать, что, предназначенное специально для этой газеты, оно было написано по-французски [8]. Русское же письмо Герцена, как мы думаем, было предварительно переведено (с сокращениями) самим Бакуниным на французский язык, а затем уже в редакции газеты с этого французского сделан итальянский перевод (использование французского языка как посредствующего — путь обычный для прижизненных переводов русских произведений Герцена на итальянский язык). Возможно, открытые письма Герцена и Бакунина были переведены с французского на итальянский А. Туччи, который, по сведениям Неттлау, переводил и некоторые другие публицистические документы Бакунина этого времени, связанные с обществом «Libertà e Giustizia» [9].

Публикация открытого письма Бакунина была продолжена в № 4 «Libertà e Giustizia» от 8 сентября 1867 г. под заголовком «Risposta di Bakounine ad Herzen» [10]. По замыслу автора, это не было еще окончание «письма». Об этом свидетельствует не только редакционное указание в конце текста: «Продолжение следует», но и сам текст, завершающийся словами: «Но прежде чем закончить это письмо, я должен еще кое-что прибавить». Однако предполагавшаяся заключительная часть письма отсутствует в последующих номерах газеты. Вероятно, она и не была написана Бакуниным. Так случалось со многими его произведениями: изложив основную мысль, он, захваченный новыми замыслами, часто охладевал к начатому труду. В данном случае это было бы особенно естественно: 5 сентября Бакунин приехал из Неаполя в Женеву на I Конгресс Лиги мира и свободы, проходивший с 9 по 12 сентября. В его работе он принял видное участие, был избран членом комитета Лиги. На очередь дня встали новые споры, новые формы деятельности.

И тем не менее проблемы, затронутые в неаполитанском «письме» к Герцену, продолжали живо волновать автора. Как свидетельствуют сентябрьские письма Огарева, Бакунин, оставшийся в Швейцарии, с нетерпением ждал приезда Герцена в Женеву, чтобы «поговорить-и поспорить», до конца месяца не оставлял намерения «кончить» открытое письмо [11]. Возможно, именно приезд Герцена 1 октября, их личные встречи и беседы оказались той причиной, которая «сняла» продолжение, на этом этапе, печатной полемики.



ГЕРЦЕН

Портрет работы Н. А. Герцен (дочери). Масло, 1865
Из собрания Ноэля Риста (Париж)

* * *

В чем же существо спора Бакунина и Герцена по славянскому вопросу летом—осенью 1867 г.?

Прежде всего следует отметить, что это был полемический диалог единомышленников, связанных общностью последовательно демократического существа воззрений: основу позиции того и другого составляло твердое убеждение в праве каждой нации на самоопределение, на свободное развитие культуры, языка, общественных форм; протест против любых видов национального гнета господства одних народов над другими, навязывания, чуждого строя жизни.

Таков пафос открытого письма Бакунина, но такова же коренная стратегическая линия «Колокола» на протяжении всех десяти лет его издания. Герцен всегда предостерегал славян-

скую общественность от надежд на помощь Российской империи в деле национального освобождения, разоблачая корыстные цели самодержавного государства в его панславистской демагогии. И он, подобно Бакунину, видел будущее славянских народов в федерации, где «части связаны общим делом, и никто никому *не принадлежит*», а путь к ней усматривал в свободном союзе демократических сил этих народов (XIV, 22).

В 1860 г., на гребне общественного подъема в России, Герцен писал, обращаясь к сербам и черногорцам: «Недостаточно продолжать ненавидеть турков и не терпеть Австрии 〈...〉 надобно *окончательно не надеяться на русское правительство* 〈...〉 Да будут вам судьбы Польши вечным уроком». «По счастью, Зимний дворец — не вся Россия 〈...〉 Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах, растет 〈...〉 приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку» (XIV, 331—334).

И в статьях весны—лета 1867 г. Герцен, клеймя властвующую в России «олигархическую реакцию», способную «сгубить, вместо помощи», «греко-славянское дело», постоянно напоминает: «Россия прежде должна дома очиститься и переделаться», обнажает в славословиях печати в честь Славянского съезда-«братания» скрытую в них пропаганду «злокачественного патриотизма» «присоединений и усвоений» (XIX, 234—235, 277).

Но тут мы подходим вплотную к водоразделу во взгляде двух деятелей русской революционной демократии на славянские дела — водоразделу, который и вызвал полемику 1867 г., отразившую различие их способов мышления.

Для Бакунина каждый эпизод московских торжеств — лишь точка отталкивания от действительности, отправной пункт для неприятия самой возможности объединения славян вокруг тогдашней России. Мысль его движется, подобно маятнику,— в плоскости прямых противопоставлений: московский славянский съезд — противоположность пражскому 1848 г., ибо противоположны программы панславистов и революционных демократов, ибо царский деспотизм, пытающийся овладеть ныне славянским движением,— враг народов и их свободы. И далее, мощная сила отталкивания от российского абсолютистского режима устремляет мысль и аргументацию Бакунина к максималистским выводам: решительное отрицание возможностей самодержавного государства стать лидером в деле освобождения славян ведет его к отрицанию государства вообще.

Так новонайденная статья демонстрирует те же свойства идеологических построений Бакунина, которые были отмечены Энгельсом еще в 1849 г. на материале документов и обращений, связанных с Пражским славянским съездом: «Действительность 〈...〉 изображается как нечто абсолютно негодное, произвольно установленное „конгрессами деспотов“ 〈...〉 Этой дурной действительности просто противопоставляется мнимая народная воля со своим категорическим императивом, с абсолютным требованием „свободы“» [12]. К 1867 г. эти требования кристаллизуются уже, что открыто провозглашено в «письме», в анархическую программу тотального отрицания. И здесь же, в «письме» Бакунина, можно наблюдать, как этот максимализм отрицания компромиссов на практике оборачивается перечеркиванием реальных, сиюминутных задач славянского освобождения: «Лучше нашим братьям потерпеть еще некоторое время от варварского гнета турок и цивилизаторских притеснений немцев, чем быть спасенными царями».

В ином направлении развивается мысль Герцена — не к анархическому абстрактному, абсолютному отрицанию сущего, а к опоре на самую действительность, на объективное движение истории, каким бы сложным оно ни было. В конце 1864 г., анализируя в статье «Что же дальше?» новую политическую ситуацию в Европе после разгрома царизмом польского восстания, когда наступила полоса торжества реакционных режимов, военных захватов и присоединений, Герцен размышлял: «Нас оскорбляет, что дела идут не по нашей программе, что пути их не разумны, не чисты; взволнованные рядом жертв и злодейств, мы забываем, что они все же *идут*. История не создается à priori, не творится из одной мысли. Разум не имеет столько власти над фактами, чтоб заправлять ими, не принимая постоянно в расчет *событий совершившихся* — они составляют необходимую базу его операций 〈...〉 Только в этом сочетании фактического материала с сознательным идеалом и состоит историческое деяние». Разоблачая захватническую политику реакционных правительств, эксплуатирующих в своих целях национальные интересы народов, Герцен предрекает крах насильственным империалистическим агломерациям и рождение им на смену демократической федерации народов. Его оптимистические прогнозы охватывают как будущее Европы в целом (ибо хотя «народы снова покорились прежним властям, но покорились не прежними»), так и, в частности, «славянского мира», перед которым на очередь

дня выступает особенно неотвратимо борьба за «федерализацию», «равноправный *славянский союз*» (XVIII, 300—309).

Тем же пафосом объективного историзма, уважением к поступательному ходу самой жизни, которому можно способствовать, лишь «подвигая историческую стрелку» в направлении ее собственного движения (XIX, 234), проникнуто, как уже сказано, открытое письмо к Бакунину в последнем, июльском «Колоколе». Им дышат и все статьи Герцена весны—лета 1867 г., посвященные «восточной волне» (XXIX, 88). Для него любой инцидент на Московском съезде — не повод для абсолютного отрицания искаженного панславистскими тенденциями движения, а клубок реальных жизненных противоречий, анализ которых неизменно ведет к заключению о назревшей необходимости коренной демократизации общественного строя страны. Это непременное условие прочного объединения славянских народов вокруг России в их предстоящей борьбе против турецкого и австрийского господства. А поскольку такое объединение — объективная историческая тенденция, лишь революционные, передовые силы России могут служить их естественным союзником, неустанно напоминает Герцен (в частности, указывая на роль Бакунина в Праге 1848 г., на интернационалистскую пропаганду Вольной русской типографии), лишь они могут стать бескорыстной и действенной опорой славянского освобождения.

На эту «историческую гравитацию» как на «настоящую точку» отсчета в рассуждениях о славянском вопросе указывал и Огарев в сентябре 1867 г., когда, ознакомившись с французской рукописью «письма» Бакунина, счел необходимым включиться в спор («Я не могу согласиться в некоторых основаниях») [13]. В ответе Бакунину он так развивает эту мысль: «Освобождение из-под турко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности. Большое противоречие, возникающее на этом пути, заключается в следующем вопросе: станет ли у славян силы, чтобы самим сбросить ярмо? Это вопрос, который они себе поставили и который неизбежно влечет их к России, какова бы она ни была, с тем, чтобы, воспользовавшись ее помощью, потом порвать с нею, если она к тому времени не осуществит у себя реформу ⟨...⟩ Но ты не можешь не видеть, что рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет) придет на помощь освобождению славян. Это стремление — историческое тяготение, от которого так же невозможно уйти, как от земного тяготения ⟨...⟩ Из великого столкновения должна разгореться крестьянская революция (другой и не существует) во всех ее формах, и что поделаешь, если элементы ее могут быть порождены одним лишь славянским востоком?» [14]

Заключительные положения этого фрагмента связаны с иллюзиями, характерными для «русского социализма». Следует учесть притом, что выраженная здесь столь безапелляционно обращенность революционных надежд исключительно к крестьянству и в связи с этим к «славянскому востоку» становилась постепенно тем пунктом, который в конце 1860-х годов начинал уже отличать позицию Огарева от герценовской, по мере движения мысли последнего к объективной социологии, к намечающемуся единому углу зрения на перспективы социализма в России и Европе [15]. Бóльшая политическая широта, масштабность взгляда Герцена сказалась в тех же статьях 1867 г., в частности в знаменитой «громовой» (XXIX, 116) «Мазурке», где славянский вопрос рассматривается не только в плане судеб славянской демократии. В обстановке роста империалистических тенденций бисмарковской Германии, наполеоновской Франции, царской России Герцен теоретически осмысляет национальный вопрос в его целом, в соотношении с общими перспективами революции и социализма, всего исторического развития — как проблему, подчиненную им. Этот критерий позволил ему четко отделить национально-освободительное движение угнетенных народов (которому он выражает сочувствие) от спекуляций правящих кругов разных стран на национальном чувстве народных масс для отвлечения их от «вопросов революционных и социальных» (XIX, 270).

Так же и в рассматриваемой полемике выступление Герцена характеризуется интернациональной широтой и вместе с тем политической конкретностью подхода к национальной проблеме. Герцен как бы предвосхищает мысль Ленина: «Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии» [16].

Теперь нам нетрудно заметить, что сами идеи «исторического тяготения» к России, как они мыслились Герценом и Огаревым, прозорливо улавливали подлинные тенденции развития этих народов: с тех пор это было подтверждено и в близких к рассматриваемому моменту, и в более далеких, но и более результативных исторических коллизиях и катаклизмах. Существенно, что эти идеи и тогда уже разделялись передовой частью демократической славянской общественности.

Так, когда в обсуждение перспектив славянства летом 1867 г., включился журнал группы польской революционной эмиграции «Gmina», проводя мысль о славянской демократической федерации и выражая полную солидарность с «Колоколом» [17], в частности непосредственно с открытым письмом Герцена к Бакунину, редактор журнала «Gmina» Ю. Токажевич писал Герцену 11 августа: «В вашу Россию, даже с вашими прадедами-тиранами, дедами-палачами и отцами-помещиками, можно влюбиться... [18] Для меня *иная* будущность славянского мира — не только вера по Гегелю, как для Бакунина, но и по евангелью, как для Ворцеля. Без России же славянство немыслимо: нет для него ни *выхода* на работу, ни даже работы» [19].

Таким образом, полемика Бакунина и редакторов «Колокола» летом—осенью 1867 г., демонстрируя непримиримую враждебность обеих сторон к формирующимся великодержавным доктринам панславизма, обнаруживает вместе с тем со стороны Герцена и Огарева (при отмеченных оттенках и в их взглядах) бо́льшую, чем у Бакунина, степень исторической конкретности, прозорливости в их подходе к проблемам славянского освободительного движения.

Общий пафос революционно-демократической этики нашел яркое выражение и в эмоциональном строе открытого письма Бакунина. Его пламенная речь сильна испепеляющей ненавистью, логикой всеобъемлющего отрицания царского деспотизма, идеологии и морали его приспешников-панславистов. Однако это логика абстрактных, абсолютных противостояний желаемого и сущего. Вновь найденное «письмо» Бакунина позволяет полнее восстановить еще один узловой момент в идейном расхождении его с Герценом, которое неуклонно углублялось со времени приезда Бакунина в Лондон в 1862 г. [20] Притом узловой момент, в котором за «разногласием в тактике» начинает уже проступать та «пропасть между миросозерцанием» [21] (отражающая разные социальные тенденции в революции), которая явственно обозначится вскоре в письмах «К старому товарищу».

* * *

«Демократически-социальный» еженедельник «Libertà e Giustizia» был основан в Неаполе в августе 1867 г. группой итальянских республиканцев-социалистов (Дж. Фанелли, Р. Милетти, К. Гамбуцци, А. Драмис, С. Фриша, А. Туччи, П.-В. де Лукка и др.), которые составляли ядро образовавшегося в феврале этого года радикально-демократического общества с тем же названием «Libertà e Giustizia» («Свобода и справедливость»). Газета выходила с 17 августа по 24 декабря 1867 г. Всего вышло 16 номеров. Ответственным редактором первых двенадцати номеров был Джузеппе де Тиволи, последующих четырех — Карло д'Орси. С начала издания в ней декларировалась близость к I Интернационалу, были опубликованы некоторые его документы и предисловие К. Маркса к т. I «Капитала». Примечательно, что Маркс, получив два первых номера газеты, в письме к Ф. Энгельсу от 4 сентября заметил (по поводу «удачной атаки на Мадзини» в № 2): «По́лагаю, что к этому причастен Бакунин» [22].

Действительно, редакция газеты испытывала воздействие идей Бакунина. Почти все ее сотрудники ранее, в 1865—1866 гг., были привлечены им в «Тайное интернациональное братство освобождения человечества». Однако сферой преимущественных интересов неаполитанской группы «Libertà e Giustizia», как и ее печатного органа, было, при их возникновении, национальное и социальное освобождение Италии.

Публикации открытых писем Герцена и Бакунина в № 3 «Libertà e Giustizia» предпослано следующее предисловие редакции:

«Славянский вопрос, несомненно, один из наименее знакомых и совсем мало обсуждаемых в Италии, но в то же время один из важнейших и серьезнейших. Ведь речь идет о сотне миллионов человек, населяющих пространство от Балтийского до Черного моря, от Урала до Альп. Правда, эта раса не имела такой славной и блестящей истории, как латинская и германская расы; правда также, что ее художественная и литературная история не представляется столь же богатой, как у них; правда и то, что славянские народы находятся еще в состоянии полуварварства. Но все это не создает препятствий освобождению и возрождению славян, а напротив, может послужить им на пользу. Уж мы-то, итальянцы, это знаем по опыту, не говоря о других. С Данте мы пытались воскресить исторический призрак Римской империи, с Кола ди Риенцо и Петраркой [23] — призрак республики, и нас постигло разочарование. И в то время, как гвельфы и гибеллины с неописуемой яростью в диком смятении гнались за двумя великими призраками Истории, называвшимися Церковью и Империей, пока на бурном небе Италии расцветала великолепнейшая радуга изящных искусств, у нашей родины исподтишка, предательски отнимали свободу, честь и независимость. Что же сделали за три долгих столетия, чтобы помочь ее

возрождению, наши писатели, исключая немногих, самых гениальных? Разве ныне главным источником коррупции и самой большой помехой свободе не служит официальное образование, университетское доктринерство и их следствие — столь распространенная лжеученость? Добавим еще, что во все времена Италию топтали и терзали нашествия с Севера, ибо варвары вообще всегда одерживают верх над древними, пришедшими в упадок народами, разложение которых является условием появления и существования варваров. Итак, речь идет о том, чтобы понять, станут ли эти огромные людские массы могучей опорой для завоевания всемирной свободы, или же, схваченные когтями российского орла, они окажутся страшным орудием всеобщего угнетения. Этот вопрос представляет чрезвычайный интерес для всех народов, особенно же для итальянцев, соприкасающихся со славянами на своих восточных границах и уже имевших немало горчайших случаев узнать, чем может быть славянин в руках австрийского деспотизма [24].

Мы охотно предоставляем слово по этому вопросу двум европейским знаменитостям, двум прославленным русским патриотам, посвятившим всю свою жизнь и свой замечательный ум борьбе за победу народного дела и дела свободы у себя на родине и повсюду.

Герцен, редактор известного русского журнала „Колокол", печатающегося в Женеве, опубликовал недавно письмо к Бакунину по поводу Славянского этнографического съезда. Воспользовавшись этим предлогом, Бакунин в своем ответе вновь поднимает славянский вопрос с той же энергией, с какой поднимал его на Славянском конгрессе в Праге в 1848 г. и впоследствии. Учитывая серьезность дискуссии и важность затронутых вопросов, мы приглашаем наших читателей и всю печать внимательнейшим образом отнестись к этому письму, полученному нами непосредственно от Бакунина. Мы очень рады представить его нашим читателям в переводе на итальянский с оригинала».

Как видим, во взглядах итальянской редакции на историю и будущие судьбы славянства наряду с ложными представлениями, бытовавшими на Западе, сказалось знакомство с русским общинным социализмом — с публицистикой Герцена предшествующих лет, с представлениями Бакунина о «традиционном социализме» славянских народов, связанном с их исторической отсталостью. При этом существенно, что редакцией «Libertà e Giustizia» подчеркнута актуальность поднятой в дискуссии Герцена и Бакунина славянской проблемы для международного революционного движения в целом, мировое значение ее демократического решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее о его подготовке и ходе см. в кн.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, с. 166—235.

[2] См.: «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, с. 195, 204—205, 209. Опечатка в дате последнего письма исправлена в «Лит. наследстве» (т. 62, с. 776).

[3] *Письма М. А. Бакунина*, с. 199, см. также с. 194, 195, 209.

[4] См. письма Герцена от 31 августа, 14, 16, 19 сентября (XXIX, 187, 198, 200, 202), Огарева от 12, 14, 23 сентября («Лит. наследство», т. 39-40, с. 472—474).

[5] M. Nettlau. Bakunin und die Internationale in Italien bis zum Herbst 1872 («Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Bd. II. Leipzig, 1912, S. 291). Исследователь основывался на сведениях из находившегося в его распоряжении неопубликованного французского письма Бакунина от 19 августа 1868 г. и цитировал его.Ср. также: M. Nettlau. Bakunin e l'Internationale in Italia dal 1864 al 1872. Ginevra, 1928, p. 117.

[6] И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966, с. 55, 318. Микрофильм № 3 «Libertà e Giustizia» поступил к этому времени в фонды библиотеки *ИМЛ* (Москва).

[7] В содержании номера публикация обозначена так: «Questione slava: lettera di Herzen ad Bakounine ed risposta di Bakounine ad Herzen» («Славянский вопрос: письмо Герцена к Бакунину и ответ Бакунина Герцену»).

[8] Возможно, в него включена автором в переработанном виде и написанная в мае часть русской статьи для «Колокола» (см.: *Письма М. А. Бакунина*, с. 194, 209).

[9] M. Nettlau. Bakunin und die Internationale... («Archiv...», S. 288).

[10] «Libertà e Giustizia». Salerno, 1977, p. 81—83.

[11] «Лит. наследство», т. 39-40, с. 473, 474.

[12] Статья «Демократический панславизм» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 291).

[13] «Лит. наследство», т. 39-40, с. 472, 477. Следует попутно указать на неточность, допущенную в названной выше книге И. В. Григорьевой, полагавшей, что «журнал „Libertà e Giustizia" посылался Герцену» (с. 318). В действительности не только Герцен и Огарев не видели — по крайней мере до октября — итальянской публикации, но и Бакунин со времени отъезда из Италии не получал еженедельника, на что жаловался 25 октября в письме к К. Гамбуцци и Дж. Фанелли. См. указанную статью М. Неттлау («Archiv...», S. 290).

[14] «Лит. наследство», т. 63, с. 156—157. Публикатор С. А. Никитин датировал этот текст «маем—июнем 1867 г.», в комментариях же 30-томного Собрания сочинений Герцена он связывается с упоминаниями в сентябрьских письмах Огарева о работе над «возражением» на открытое письмо Бакунина (XXIX, 630). Теперь, после нахождения самого «письма» Бакунина, прямая соотнесенность с ним именно этих рассуждений Огарева становится очевидной, а тем самым приобретает несомненную достоверность и тезис, что названные упоминания в письмах от 12, 14, 23, 27 сентября относятся к этому «ответу Бакунину» («Лит. наследство», т. 39-40, с. 472—474, 477). Таким образом, письмо Огарева датируется серединой сентября 1867 г. Работа над ним велась по крайней мере несколько дней, автор придавал ей большую важность. Эти сведения, а также то, что письмо написано по-французски, позволяет заключить, что оно по замыслу было, как и документы Герцена, Бакунина, открытым письмом, предназначенным для печати. Возможно, текст его дошел до нас не полностью. Во всяком случае, затронутая в споре проблематика оставалась актуальной для Огарева и после завершения письма. 27 сентября он признавался Герцену, что «писать просто о славянском вопросе» его «ужасно подмывает» (там же, с. 477).

[15] См. об этом в работе: С. Д. Гурвич-Лищинер. Об идейной эволюции А. И. Герцена в 60-е годы (Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., «Наука», 1965, с. 176—179).

[16] Статья «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260).

[17] См. статью о «панславизме» в № 7 от 30 июня и в № 8 от 15 июля статью Ю. Токаржевича «Perwszy lipca 1867» («Первое июля 1867 г.») — обращение к издателям «Колокола» по поводу его десятилетия (перевод — «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III. М., 1958, с. 996—998). Герцен ответил на оба выступления в статье «Польское дело» («Колокол», «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г.): «*Двадцать лет* кряду мы проповедуем, что славянскому миру только и есть будущность, что в *федеральном союзничестве*, а потому-то нам и дорого сознательно понятое сочувствие со стороны юной Польши» (XIX, 299).

[18] Непосредственный отклик на критику Герценом в статье «Суд в Париже и убийство в Петербурге» гражданственной неразвитости и других пороков русского общества как исторического наследия крепостного права и абсолютизма (см. «Колокол» от 1 августа 1867 г.; XIX, 297—298).

[19] «Лит. наследство», т. 62, с. 581.

[20] Сам Бакунин в письме к К. Марксу от 22 декабря 1868 г. говорит о «политическом» разрыве с Герценом, «особенно с 1863 г.» (сб. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 166—167).

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 288.

[23] *Кола ди Риенцо* — вождь антифеодального восстания в Риме 1347 г. и глава Римской республики, провозглашенной в мае 1347 г. (продержалась до декабря 1347 г.; вновь ненадолго восстановлена в 1354 г.). Ф. Петрарка воспевал в стихах «благородный дух» Кола ди Риенцо, побуждая его к решительным мерам в борьбе с феодальными магнатами.

[24] В австро-итало-французской войне 1859 г. австрийские соединения, набранные из южных славян (хорватов, далматинцев и пр.) и действовавшие в Ломбардии против войск Гарибальди, отличались особой жестокостью.

ОТВЕТ БАКУНИНА ГЕРЦЕНУ *

Любезный Герцен,

Не благодарю тебя за лестные вещи, которые ты с такой добротой сказал мне в своем письме. Между нами нет места комплиментам, ведь ты бы не писал того, что не думаешь. Но боюсь, любезный друг, как бы это письмо не породило недоразумений, как бы в глазах плохо осведомленной Европы мы оба не показались сторонниками панславистской политики, введенной императором Николаем и с таким пылом продолжаемой русским правительством, той политики, против которой мы непрерывно боролись всю жизнь.

Говоря о втором Славянском съезде — не о первом, как ты его назвал ошибкою, поскольку первый, несравненно более значительный, чем этот, состоялся в Праге в 1848 г. и действительно оказал мне честь, избрав своим членом, — итак, говоря об этом новом съезде, который устроили в Москве по случаю Этнографической выставки, ты удивляешься и огорчаешься тем, что мое имя не было упомянуто, тогда как я был, как ты справедливо говоришь, одним из первых среди тех русских, которые приняли участие не только со стороны теории, но деятельное и практическое в развитии, — хотя, увы, не в окончательном разрешении, до ко-

* Перевод с итальянского М. И. Перпер.

торого, по-моему, еще очень далеко,— великого и животрепещущего вопроса об освобождении славянского племени. Этот вопрос, на самом деле, не легок и не мал, потому что речь идет об освобождении ста миллионов рабов в Европе, в том числе шестидесяти миллионов славян в Российской империи, находящихся в рабстве, быть может, ничуть не менее тяжком, чем рабство славян в Турции. Ты, кроме того, оказываешь мне справедливость, признавая, что я всегда отдавал все силы, действуя согласно своим убеждениям, не заботясь о пустой славе и общественном признании. Потом, посмеявшись над странными превращениями, которые должны были претерпеть твои и мои мысли, прежде чем быть представленными публике как в Петербурге, так и в Москве, ты прибавил, примерно, следующее: «Для нас не имеет значения, назовут нас или нет, если посеянное нами зерно проросло и обещает богатый урожай,— хотя пшеница и смешана с лебедой».

Вот тут, любезный Герцен, я должен сделать замечание и в случае необходимости заявить протест. Ты ведь не хотел сказать, что дело, которому среди банкетов и балов этот съезд славянских простаков и мошенников посвящал свои труды, было тем самым делом, которому мы с тобой посвятили свою жизнь, с тех пор как стали сознавать себя?

Если бы такова была твоя мысль, то я должен был бы действительно протестовать всеми силами души. Но ты не мог так думать. Что общего между целью, которую мы себе ставили, и той, которую ставят себе теперь в Москве и в Петербурге с разрешения русского правительства? Какая солидарность возможна между нами, непримиримыми врагами не только императорской тирании, но и любой системы насильственного объединения, удушающей и угнетающей людей под видом управления, и этими панславистами, добровольными рабами, фанатическими сторонниками чудовищной централизации, которая носит имя Российской империи? Мы всегда стремились к свободе, ко всякой свободе: научной, социальной, политической и религиозной; они же всегда и во всем предпочитают рабство. Мы стремимся к безоговорочной истине, они — к вечной лжи. Мы всегда хотели быть сначала людьми, а потом уже русскими, они же, русские, в конце концов позабыли, что они люди, и, развращенные нелепым тщеславием более, чем страстью дикого патриотизма, опозорили имя русского и унизили дело нашей родины. Итак, повторяю, что может быть общего между ними и нами?

Ты, Герцен, должно быть, как-то сошелся с ними на одной из идей, так блестяще излагаемых в твоих статьях,— относительно общинного устройства земельной собственности в нашей стране и того, что ты так удачно назвал естественным и традиционным социализмом русского мужика. Но даже и в этом какая пропасть лежит между вами! Наши панслависты хотели бы, чтобы в общинном землепользовании преобладал патриархальный элемент, отеческая власть, прежде всего верховная власть царя-опекуна, этого бесчеловечного отца своего народа, и ее неизбежное следствие — бесконтрольная власть царских чиновников, грабящих и порющих крестьян,— и все с благословения нашей родной и святой православной — и официальной — церкви. Ты, социалист до глубины души, ненавидишь патриархальность и деспотический режим — вечные причины застоя и апатии, одичания и медленного разложения как в семейной жизни, так и в жизни народов. Ты полагаешь, что можно бы обойтись без царя и его чиновников. Ты ненавидишь нашу черную бюрократию — военную и гражданскую, ты не любишь и нисколько не уважаешь нашу церковь, это учреждение религиозной полиции, действующее в пользу государства,— самую тупую, невежественную и подлую среди всех церквей; ты вообще отвергаешь все, что отдает культом государства.

Итак, в конечном счете тебя можно считать, по крайней мере теоретически, решительным врагом всякой религии и любой церкви, как и всякой государственной власти. Ты стремишься к свободной организации общества снизу вверх, основанной на его естественных влечениях, интересах и потребностях и руководствующейся только разумом, как общим, так и отдельных индивидов, как теоретическим, так и практическим,— а не к организации общества сверху вниз по методу централизованных и унитарных государств, которые всегда основываются единовременно с помощью вооруженного насилия и держатся систематическим от-

равлением порабощенного населения религиозной ложью, ложью, которую в нецивилизованных странах и среди обучающегося юношества заменяют лженаука и убогое доктринерство немногочисленных официальных патентованных и привилегированных мыслителей, по самому своему положению заинтересованных в том, чтобы лгать во имя той истины, которую им поручено преподавать. Ты любишь свободу и требуешь серьезных и реальных мер, для того чтобы она стала всеобщим достоянием, отстаиваешь право каждого владеть землей и капиталом... Одним словом, ты федералист, ты социалист и я — твой единомышленник. Что же может быть общего у нас с московскими панславистами?

В одном пункте, однако, я с ними схожусь: я не согласен, в отличие от многих других русских, разделяющих наши взгляды, игнорировать славянский вопрос. Я по-прежнему убежден в громадной важности этого вопроса не только для России, но и для всей Европы и считаю, что от того, как он будет разрешен, зависит все будущее Европы; поэтому передо мною всегда стоит дилемма: окажется ли славянское дело на стороне свободы и станет мощным средством освобождения России из ее нынешнего рабского состояния или же на стороне Российской империи — и сделается не менее мощным орудием подавления свободы во всей Европе? — вообще, подобно независимым и искренним панславистам (панслависты, находящиеся на содержании у русского правительства, не имеют ни убеждений, ни чувств), я чувствую себя славянином; как и эти бедняги, одураченные имперской панславистской политикой, я испытываю глубокую симпатию к нашим братьям-славянам, одинаково угнетаемым в Пруссии и в Австрии, в Турции и в Российской империи.

Между мною и этими панславистами есть одно простое и небольшое различие: они ждут освобождения славянства от усиления мощи царской империи, а я — от ее разрушения. Ибо я убежден, что, пока существует эта империя, она будет удерживать в самом жестоком рабстве и полуславян Великороссии, и чистых славян Малороссии, Подолии, Волыни, Белоруссии, Литвы, Польши — не в силу злонравия нашего правительства, которое, впрочем, на доброту никогда не претендовало, а просто по необходимости, вытекающей из самого существования империи. Поскольку отдельные части этого рокового имперского конгломерата чужды друг другу и по инстинкту, и по своим интересам, их связывает лишь убедительная угроза Сабли да Кнута, и лишь с помощью насилия империя может сохранять свою власть и существование. При неизбежно деспотическом внутреннем устройстве царизм и в своей внешней политике может стремиться только к уничтожению всякой свободы. Поэтому нужно быть просто безумцем, чтобы требовать от царизма освобождения славян Пруссии, Австрии и Турции! Кто же видел, чтобы жестокость помогала человечности, чтобы деспотизм способствовал свободе?

Поймут ли когда-нибудь, что только свободные люди и народы могут создать, укрепить и защищать свободу, деспотизм же хлопочет о свободе, только чтобы предать и задавить ее. Рабы из рабов, хуже которых нет в мире, московские панслависты воображают, что могут дать свободу другим! Но начните с самих себя, разбейте свои собственные вековечные цепи, дайте прежде миру доказательство своей независимости, человечности, своего достоинства, а потом уж проповедуйте справедливость и свободу другим народам! А иначе всякий раз, как вы заговорите об этом, вас будут с полным правом считать обманщиками или орудиями обмана.

Для наших братьев-славян я больше всего боюсь именно этого традиционного в нашей империи обмана. Русское правительство, чинящее жестокую расправу внутри страны, за ее пределами всегда проявляет чрезвычайное лицемерие, сбрасывая маску лишь тогда, когда полагает, что может безопасно для себя действовать с привычной и присущей ему жестокостью. Польша и Малороссия, страны преимущественно славянские, имеют уже некоторое представление об этой жестокости! Я боюсь, что славяне подвергнутся унизительному, деморализующему и потому пагубному воздействию этого правительства, способному уничтожить самую сущность жизни и будущность славянства; так что я всегда считал, что лучше нашим братьям потерпеть еще некоторое время от варварского гнета турок

и цивилизаторского притеснения немцев, чем быть спасенными царями. Безмерно тяжелое, страшное покровительство царизма могло бы убить в них то, что никогда не удавалось убить ни туркам, ни немцам, — славянскую душу, славянские языки и обычаи, их природную свободу, общинные и областные вольности, их традиционный социализм, ту экономическую солидарность, которая никого не исключает из права пользования землей, их прекрасное славянское братство... Одним словом, все те столь драгоценные свойства, которые славяне сумели сохранить веками в самых тяжелых обстоятельствах и которые, оплодотворившись новым духом, духом великой Справедливости, великой Свободы и всеобщего Братства, положат когда-нибудь основание новой цивилизации.

Есть еще одно огромное различие между мною и нашими панславистами. Они все унитаристы любой ценой и общественный порядок предпочитают свободе, я же анархист и предпочитаю свободу общественному порядку, то есть — скажу по-другому, чтобы моим врагам было не за что зацепиться, — я федералист с головы до пят. Выше всего я ставлю братство и единение, я убежден, что человечество неудержимо движется к свободному объединению и образует — когда, не знаю — великую всемирную федерацию. Но я ненавижу централизованное единство, находящее в наше время сбыт на тех огромных рынках, где торгуют благоденствием народов, — в Петербурге, Вене, Берлине, Париже, а ныне, может быть, и в . . .*, в Риме же — во все времена. Это идея по сути своей самодержавная, католическая, религиозная, божественная, сверхчеловеческая и, следовательно, мацциниевская — идея, общая для Национального конвента, Робеспьера, Сен-Жюста, Наполеона, для панславистов — фанатиков византийско-московского православия — и особенно для папы, этого великого еретика с нашей, раскольников другого толка, точки зрения. Итак, я ненавижу это единство, настоящую могилу духа и свободы, единство, губительное для внутренней организации не только народов, но и рас. Сейчас мне необходимо выразить свою ненависть к панславизму, но в равной степени мне отвратительны пангерманизм, панлатинизм и все прочие пан...измы в мире, потому что я убежден: в каждом из таких конгломератов кроется отрицание человечности и человечества, страшная опасность для всеобщей свободы. Правда, таким способом удается иногда приобрести и на какой-то срок удержать значительное материальное могущество, возрастающее, впрочем, за счет духовных потерь, но так нельзя достичь интеллектуального и нравственного величия, прочного благосостояния; можно навлечь бедствия на человечество, но никак не принести ему благо.

Вернемся же к этому Славянскому съезду в Москве, который ты, друг мой, неправильно называешь общеславянским, тогда как поляки там не присутствовали; я смотрю на него как на подлинную катастрофу и огромную беду для славянского дела. Эти славянские депутаты, явно потерявшие всякую надежду на самостоятельную будущность, веру в жизнеспособность своих народов, готовые принести в жертву царю Александру и ревнивое чувство автономии, и дух местной независимости, составляющие самую основу славянского характера, эти депутаты отправились в Петербург клянчить помощи у империи, не славянской и даже не русской — разве только по названию, — империи, которая всегда обманывала, предавала и продавала славян, никогда не уважала никаких прав, никаких народных обычаев; которая, например, ныне деспотически навязывает населению Малороссии великорусский язык, как в прошлом столетии таким же образом навязывала ей крепостничество; империи, которая с самого своего возникновения ничего другого не ведала, ничем другим не занималась, как только обирала, грабила, порабощала, давила, душила, истребляла народы и отдельных людей — все для выгоды бесчисленной массы своих чиновников и ради вящей славы своего подлинного божества — царя. И для совершения этого акта подчинения, отказа от самих себя эти депутаты выбрали еще такое печальное время.

Герцен, ты сожалеешь, что на этом Славянском съезде не вспомнили моего имени. Но там забыли другое имя, несравненно более важное, чем мое, имя вели-

---

* Многоточие в итальянском источнике.— *Ред.*

кой, благородной и несчастной Польши, без возрождения и восстановления которой невозможна ни свобода, ни само существование славянства, Польши, которую новый славянский император, Александр II, как раз накануне встречи депутатов в Москве приговорил к уничтожению и русификации, иначе говоря, к полной и решительной татаро-германизации. Многим из депутатов съезда пришлось по пути в Россию проехать через эту Польшу, еще окровавленную, растерзанную и трепещущую от ужасов последнего подавления; они не могли не видеть там следов *московитского* братания *; не понимаю, по правде говоря, как эти страшные свидетельства не послужили им предостережением, не заставили их вернуться с дороги и бежать прочь от святотатственного съезда! Но нет! Они храбро прошагали по трупу славянского народа, спеша пожать руку его убийцам. Вот точная характеристика этого съезда: он состоялся на трупе Польши. Дураки или предатели, идиоты или мошенники, простаки или мерзавцы — вот кто преобладал среди русских и славянских депутатов этого зловещего сборища в Москве. А те немногие, кто не подходит ни под одну из названных категорий, вовлеченные туда случайно или обманом, должны были вернуться домой, навсегда излечившись от иллюзии московского побратимства.

Я прочитал, любезный Герцен, отчеты этого московского съезда [1], в котором — несомненно, чтобы Москва была представлена более полно и достоверно, — наше правительство заставило участвовать целую толпу крупных и мелких чиновников в парадных мундирах, не забывая и проклятых душ Шувалова, чинов высшей полиции, в том числе, конечно, и жандармов, по самой своей природе являющихся самыми пылкими патриотами империи. Корифеи литературы ныне терпимой и разрешенной, коноводы литературы продажной и покровительствуемой правительством, несколько либеральствующих и демократствующих с официального разрешения администраторов, несколько рьяных славянофилов среди многих панславистов на содержании у государства — вот русские Демосфены и Цицероны этого съезда [2]. Я прочел их речи: какая ложь! Какое кощунственное злоупотребление самыми святыми словами и какие подлые мысли! Какое ребячество и дурацкое притворство! Какое гнусное раболепие и сколько себялюбия! Можно сказать, что там собралось дурачье и жулье со всего света, чтобы возвестить миру торжество глупости и полнейшей деморализации! И это, следовательно, программа расы молодой, с богатым будущим, расы, которая с основанием, пожалуй, гордится тем, что является наследницей двух предшествовавших ей в истории рас?

Один молодой серб записал в альбом московской высокопоставленной дамы знаменательные слова: «Счастлив народ, обладающий национальным дворянством!» [3] Несчастный! В наказание за эту нелепость стоило бы приговорить его всего лишь к тому, чтобы он оказался в шкуре русского мужика, каково ему было десять, пять лет тому назад, нет, что я говорю, даже сейчас, чтобы он раз навсегда избавился от привычки рассуждать о национальном дворянстве. Один из русских участников съезда произнес шутовскую речь, смысл которой примерно таков: «Мы, русские, никогда не упускаем случая выпить. Пьем мы в радости и пьем с горя. При вашем приезде мы выпили, чтобы выразить свою радость, а сегодня пьем, потому что скорбим о вашем отъезде. Надеемся еще встретиться с вами и снова выпить в вашей компании» [4]. Вот оно как! Бедные славяне, бедные простофили! У этого бедняги есть основание разыгрывать шута; когда вы на самом деле окажетесь под покровительством русского императора, у вас тоже не будет иного утешения, как это, — подобно русскому народу, придя в отчаяние от действительности, не обещающей никакого выхода, и будучи, быть может, слишком реалистами, чтобы довольствоваться утешениями религии, вы устремитесь в рай пьянства.

---

* Что касается меня, я принимаю эпитет «московитский», которым неправильно пользуются поляки, обозначая им всех нас: и народ и правительство, — я принимаю этот термин, чтобы применять его исключительно ко всему нашему официальному миру. Так употребляют его малороссы, называющие «москалями» даже своих соотечественников — тех, которые становятся солдатами, чиновниками либо литераторами, писаками, преданными русскому правительству.

Но лучшую из речей произнес князь Черкасский. Я был неправ, заявив, что никто на этом съезде не вспомнил о Польше. Один из старейших и важнейших чешских депутатов, Ригер [5], когда-то бывший упорным сторонником Австрии, а ныне сделавшийся русофилом, один из тех, кто ищет спасения своей стране не в твердости принципов, а в ловкости дипломатических интриг, устыдился все же подлого молчания всех этих собравшихся вместе славян о великом и несчастном славянском народе, не представленном на съезде, и в своей речи, весьма робкой, трусливой, полной оговорок и уступок палачам того народа, любезным гостеприимством которого он пользовался [6], осмелился все же сказать, что Польша имела право занять свое законное место на славянском съезде. Возражал ему князь Черкасский [7]. Старый славянофил и сторонник древней боярской Московии, князь Черкасский прославился тем, что больше всех приложил усилий к сохранению телесных наказаний в наших сельских общинах; рьяный полонофоб, он был в числе добровольных помощников статского советника Милютина, вместе с ним отправившихся после победы в Польшу, чтобы демократизировать ее на российский лад. Заметьте: большинство этих демократов-реформаторов воротилось домой, набив карманы. Разумеется, именно этому глубокому знатоку польского вопроса подобало дать ответ Ригеру.

Отдыхая отъ публицистической дѣятельности, нѣкоторый журналистъ занимался дѣятельными приготовленіями къ пріему славянскихъ гостей.

КАРИКАТУРА НА «БАНКЕТНОЕ» НАПРАВЛЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ СЛАВЯНСКОГО СЪЕЗДА В МОСКВЕ

«Искра», 23 апреля 1867 г.

Съезд вылился в серию торжественных обедов и приемов. На карикатуре изображен один из организаторов съезда — И. С. Аксаков, редактор газеты «Москва»

Он сказал: «Польша — это преступная и предательская славянская страна; она потеряла всякое право на наши симпатии и даже на наше сострадание. Все же сердце у нас не каменное, если она обратится к нам без своей обычной дерзости и гордыни, а раскаявшаяся, смиренная, униженно попросит... ну, тогда, но только тогда, мы сможем, пожалуй, простить ее!» [8]

И ни один из славянских депутатов не покинул зала после этой речи! Пойми же, Герцен, что ни твое, ни мое имя не должны были, не могли быть произнесены на этом собрании.

Не таков был характер первого Славянского съезда, который состоялся в Праге в 1848 г. Он не был выражением отчаяния, забвения всех принципов, всех прав, всех убеждений и всякого человеческого достоинства, как московский съезд, порождение глубокой деморализации, охватившей Европу после разгрома революций 1848 и 1849 годов, после катастрофы при Новаре [9], покорения Венгрии, декабрьского государственного переворота [10], победы политики Кавура, кровавого подавления последнего польского восстания, побед австрийцев и пруссаков в Дании, наконец, последних успехов прусско-бисмарковской политики объединения всей Германии [11]... одним словом, следствием установления в Европе повсеместного господства правящего насилия.

Пражский же съезд был порожден революцией. За ним была вся молодежь, все благородство, вера, убежденность — увы! — утраченная теперь убежденность, которая была все-таки залогом жизни и гарантией будущего. В небольшом сочинении, которое я скоро выпущу в свет, я расскажу о работе этого съезда и своем участии в нем [12]. Но прежде чем закончить это письмо, я должен кое-что прибавить.

[1] Возможно, Бакунин читал не только отчеты о съезде в русских газетах, но ознакомился с изданием «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года» (М., 1867), подготовленным секретарем Славянского комитета Н. А. Поповым и выпущенным редакцией «Известий Московского университета» сразу по завершении съезда.

[2] Еще по пути на съезд, в Петербурге, славянские гости были приняты министром иностранных дел кн. А. М. Горчаковым и министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым, представлялись Александру II и «августейшей фамилии», а в Москве они посетили генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукова и митрополита Филарета. В ходе съезда, 18 мая, состоялось заседание в Московском университете совместно с депутациями от восемнадцати ученых обществ, на котором с речами выступали ректор университета профессор С. И. Баршев, президент Императорского общества любителей естествознания профессор Г. Е. Щуровский, секретарь Общества древнерусского искусства профессор В. И. Буслаев, секретарь Общества любителей российской словесности П. К. Щебальский и др. На публичном заседании этого общества 19 мая, помимо речей его председателя Н. В. Калачева, И. С. Аксакова, поэта А. Н. Майкова, фольклориста П. А. Бессонова, читались стихи Ф. И. Тютчева, Б. Н. Алмазова, К. С. Аксакова, Ф. Б. Миллера, кн. Цертелева. На банкетах и разных торжествах, сопровождавших съезд, выступали с речами также М. П. Погодин, профессор истории С. М. Соловьев, секретарь Славянского комитета Н. А. Попов, городской голова кн. А. А. Щербатов; состоялись встречи славянских участников съезда с Ю. Ф. Самариным, А. И. Кошелевым и другими лидерами славянофильства, а также с редакторами «Московских ведомостей» М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым.

[3] Запись, сделанная участником съезда, редактором венского русинского журнала «Страхопуд» И. Н. Ливчаком в альбом кн. Е. Э. Трубецкой, фрейлины императрицы, воспроизведена в статье без подписи, озаглавленной «Внушительный разговор» («Весть», 1867, № 58, 22 мая). Герцен иронически комментирует эти слова Ливчака в статье «Вопросы, запросы, загадки и сфинксы» («Колокол», л. 243 от 15 июня 1867 г.— XIX, 275—276).

[4] Имеется в виду речь ректора Московского университета С. И. Баршева на прощальном обеде в честь славянских гостей в Московском купеческом собрании 26 мая 1867 г. (см.: «Всероссийская этнографическая выставка...», с. 401—402).

[5] Франтишек Ладислав *Ригер* (1818—1903) — чешский политический деятель и публицист, руководитель либеральной партии старочехов. В своей речи на сокольническом банкете в Москве 21 мая 1867 г. (в нем участвовало шестьсот человек), он, оговорив свое неодобрение польскому восстанию, призывал русских признать «право» «побежденных братьев»-поляков «на свое народное существование» («Всероссийская этнографическая выставка...», с. 342—348). Герцен упоминает о речи Ригера в статье «Катковское „Vive la Pologne!“» («Колокол», л. 243 от 15 июня 1867 г.; XIX, 273).

[6] Ф. Л. Ригер вместе с другим чешским либеральным лидером, Ф. Палацким, приехал на Славянский съезд из Парижа, где они под предлогом посещения Всемирной выставки вели безуспешные переговоры с Наполеоном III о дипломатической поддержке их требований упрочить чешскую автономию в составе Австрийской империи. Путь Ригера и Палацкого в Петербург лежал через Польшу и Литву, где им был устроен торжественный прием в Варшаве 6 мая, а затем в Вильно.

[7] Князь Владимир Александрович *Черкасский* (1824—1878), публицист славянофильского направления, будучи в годы подготовки крестьянской реформы членом Редакционных комиссий, выступил с проектом, предусматривавшим в будущей сельской общине оставление за дворянином-землевладельцем права телесного наказания крестьян (до восемнадцати розог), вообще права суда, опеки и надзора. В 1864—1866 гг. Черкасский был главным директором и председательствующим в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского.

[8] Стенографический отчет о речи Черкасского на банкете 21 мая (фрагмент которой изложен Бакуниным) опубликован в «Московских ведомостях» (1867, № 113 от 24 мая). См. также: «Всероссийская этнографическая выставка...», с. 356—363. Герцен писал о ней в статье «Мазурка» («Колокол», л. 243 от 15 июня 1967 г.; XIX, 272).

[9] Речь идет о поражении при Новаре 23 марта 1849 г. армии Пьемонта в войне против Австрии (военные действия были начаты королем Пьемонта Карлом Альбертом 20 марта под воздействием подъема национально-освободительной борьбы народа Италии, однако боязнь народной революции и бездарность генералов привели его армию к разгрому уже через три дня).

[10] Государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г., приведший к власти Наполеона III.

[11] Война Австрии и Пруссии против Дании 1864 г. привела к отторжению от Дании герцогств Шлезвиг и Гольштейн. А затем, в июне 1866 г., Пруссия развязала войну с Австрией, в результате которой добилась гегемонии в Германском союзе; часть мелких немецких государств она просто присоединила к своей территории.

[12] Этот замысел, очевидно, не был осуществлен.

ОГАРЕВ, БАКУНИН И Н. А. ГЕРЦЕН-ДОЧЬ В «НЕЧАЕВСКОЙ» ИСТОРИИ (1870 г.)

Статья и публикация С. В. Житомирской и Н. М. Пирумовой

В семейном архиве Герцена и Огарева, после их смерти хранившемся у детей Герцена, были материалы, которые семья считала не подлежащими гласности — вообще или в течение весьма длительного срока. К ним принадлежали: часть «Былого и дум», посвященная семейной драме Герцена, и связанная с этим переписка; переписка Герцена и Огарева, раскрывающая роль Н. А. Тучковой-Огаревой в жизни их обоих и детей Герцена, и, наконец, документы, связанные с С. Г. Нечаевым. Эти последние были окружены особенно глубокой и длительной тайной. Не только их обнародования, но даже какой-либо информации об их существовании дети Герцена не допустили до конца своих дней. Причины этого выясняются только теперь.

Пересылая Огареву 2 августа 1870 г. последнюю, вызывающе грубую записку Нечаева (см. п. 66), Бакунин писал: «Записку дай прочесть О⟨зеро⟩ву и отдай на сохранение Tata. Она — наш архивариус» [1]. Еще до этого именно у Натальи Александровны Герцен постепенно собирались в подлинниках или копиях все письма и финансовые документы, касавшиеся совместной деятельности Бакунина и Огарева с Нечаевым и последующего их разрыва. У нее же, естественно, хранился собственный дневник того времени и переписка ее с Нечаевым.

Долг «архивариуса нечаевской истории» — если понимать его только как долг безусловного сохранения документов — Н. А. Герцен выполнила с предельной добросовестностью. Она сохранила все, что у нее было,— даже и те документы, которые, по ее же понятиям, компрометировали не только дорогую ей память Огарева, но и ее самое. Но при этом в течение многих лет, до конца своей жизни, она упорно ограждала их от гласности и отрицала само их наличие у себя. Характерен в этом отношении, в частности, такой случай. Публикуя в середине 1890-х годов письма Бакунина к Герцену и Огареву, М. П. Драгоманов для их комментирования обращался с рядом вопросов к детям Герцена. Заинтересовала его и та записка Нечаева, о которой шла речь в приведенном выше письме Бакунина от 2 августа 1870 г. Но, судя по примечанию Драгоманова к этому письму, Н. А. Герцен заявила ему, что никакой записки Нечаева она от Огарева не получала [2]. Той же линии поведения она придерживалась и далее. На первый взгляд это трудно понять. Ведь уже к началу XX в. факт причастности Н. А. Герцен к группе, связанной в 1870 г. в Швейцарии с Нечаевым, был освещен опубликованными к тому времени письмами и воспоминаниями. Скрывать документы, относящиеся к этому кратковременному эпизоду, казалось бы, не было смысла. Более того, обнародование их (как можно утверждать теперь, после знакомства с ними), объяснив подлинные, чисто идейные причины разрыва ее, Бакунина и Огарева с Нечаевым, устранило бы многие обвинения, родившиеся из скудости источников. Но этого как раз и не могла сделать Н. А. Герцен: документы, о которых идет речь, противоречили той версии «нечаевского дела», которую она настойчиво стремилась представить читающей публике и специалистам. С наибольшей полнотой эта версия отразилась в ее воспоминаниях «Нечаев и дети А. И. Герцена», написанных, по-видимому, не без влияния близкого к ней тогда Ф. И. Родичева и напечатанных в 1931 г. в парижской эмигрантской газете «Последние новости» [3]. Непосредственным поводом к этому выступлению в печати послужила вышедшая в Париже в 1930 г. книга Е. Извольской «Vie de Bakounine», изложение в которой интересующего нас эпизода Н. А. Герцен сочла нужным опровергнуть публично, напечатав свою версию событий. Выясняется, однако, что версия эта сложилась у нее гораздо раньше полемики с Извольской. Сохранился и недавно поступил в московский Музей А. И. Герцена черновик письма Н. А. Герцен в Москву от 9 января 1927 г. Он написан рукою Ф. И. Родичева, но авторство Н. А. Герцен подтверждается приписанной ею в конце собственноручно фразой о В. Н. Фигнер. Письмо это, без обращения,— ответ кому-то из тех лиц, которые после смерти в 1925 г. М. О. Гершензона взяли на себя труд завершить и издать книгу «Архив Н. А. и Н. П. Огаре-

вых»[4]. В ней, как известно, публиковался не печатавшийся прежде фрагмент воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой об отношениях ее и Н. А. Герцен с Нечаевым[5].

Естественным поэтому было желание публикаторов проверить достоверность фактов в них, обратившись к живой еще участнице описываемых событий. В своем ответе Н. А. Герцен решительно опровергала рассказ Тучковой-Огаревой. Она писала:

«1) Крупнейшее заблуждение Нат⟨альи⟩ Алекс⟨еевны⟩ изложено на стр. 163, где она рассказывает, как Нечаев меня посылал куда-то в горы. Бакунин и Нечаев не внушали мне никакого доверия, и я никогда не приняла бы никакого поручения от них. Огарев просил меня отвезти Нечаеву некую рукопись. Уверенная, что успею вернуться в тот же день, не предвидя, что поездка продлится дольше, я не могла говорить Нат⟨алье⟩ Ал⟨ексеевне⟩, что мое отсутствие продлится два дня. Ее рассказ о моей поездке сплошь неверен.

2) Нат⟨алья⟩ Ал⟨ексеевна⟩ вполне неверно освещает мое отношение к Нечаеву, рассказывая на стр. 168 про посещение нас Нечаевым, когда он просил приютить его. Из рассказа Нат⟨альи⟩ Ал⟨ексеевны⟩ выходит, как будто я была предупреждена Нечаевым и подготовляла его появление у нас. Я удивилась ему не меньше Нат⟨альи⟩ Ал⟨ексеевны⟩ и раньше не имела понятия о его намерении укрыться у нас ⟨. . .⟩

3) Продолжая давать неправильное освещение моему отношению к Нечаеву, Н⟨аталья⟩ А⟨лексеевна⟩ влагает в мои уста предположение, что рубец на руке Нечаева может иметь отношение к делу Иванова.— В совершенной простоте души я спросила Нечаева, что за рубец у него. «Это так, ничего»,— отвечал он и заговорил о другом.

Только [много] позже я узнала правду о смерти Иванова, о значении рубца на руке Нечаева (след укуса Иванова во время борьбы). Это сообщил мне Герм⟨ан⟩ Лопатин, отговаривая идти на собрание по просьбе Нечаева. Я тогда же решилась не идти на это собрание. После этого никаких отношений к Нечаеву у меня не было.

И подробный рассказ о собрании, где обсуждался вопрос о Нечаеве,— во всем, что касается моего присутствия на этом собрании,— совершенный вымысел. Я на этом собрании не была не случайно, а намеренно. Узнав о роли Нечаева в трагическом деле Иванова, я не желала иметь никакого касательства к делу о Нечаеве.

У меня нет никаких моих писем к Нечаеву. Другой переписки, кроме коротеньких сообщений, у меня с Неч⟨аевым⟩ не было. Мои ответы не могли иметь особого значения». Далее в черновике зачеркнуто: «И ответные мои записки к нему касались только его».

Как и в воспоминаниях 1931 г., в письме этом ошибки памяти, вполне объяснимые возрастом автора и давностью событий, сочетаются с отступлениями от истины, которые нельзя приписать простой забывчивости. Если бы Н. А. Герцен стремилась точно восстановить прошлое, то ничто не мешало ей обратиться к хранившимся у нее подлинным документам, и прежде всего к собственному дневнику тех лет и к своим письмам к Нечаеву, наличие которых она отрицала. Но именно этого она не хотела. «Нечаевский» эпизод ее биографии, несмотря на свою кратковременность, оказался решающим для всего направления ее последующей жизни: после него она раз и навсегда отстранилась от какого бы то ни было участия в революционном движении. Едва только события, связанные с Нечаевым, отошли в прошлое, они стали казаться ей невероятной и отталкивающей фантасмагорией. И если летом 1870 г. она еще могла правдиво рассказывать о своем увлечении не только в дневнике, но и в письме к М. К. Рейхель («Бросили мне пыль в глаза, рассказали разные небылицы; частью я поверила, потому что представить себе не могла, что талант лжи можно довести до такого совершенства,— ну и увлеклась я, правда на очень короткое время — не личностью, а делом одним»[6]), то вскоре она — может быть, подсознательно — начала «выпрямлять» события, чтобы оправдать прошедшее в собственных глазах. Позднее же, когда почти чудом она получила назад свои письма к Нечаеву (по рассказу М. П. Сажина, привезшего после ареста Нечаева его архив из Парижа в Цюрих, письма Н. А. Герцен к Нечаеву были ей возвращены. Подробнее см. ниже), приемлемая для нее версия могла складываться уже намеренно и за долгие годы прочно укоренилась в ее сознании.

Почти двадцать пять лет спустя, в июне 1893 г., Н. А. Герцен так освещала в беседе с Е. С. Некрасовой характер своих взаимоотношений с Нечаевым: «От Якоби мы перешли к Герману Лопатину,— записывала Некрасова в тот же день в своем дневнике.— Она говорит, что она ужасно благодарна этому человеку, что он раз пришел и предупредил ее, чтобы она не сближалась, не знакомилась с Нечаевым, который очень хлопотал о знакомстве и просил даже у нее денег. Г⟨ерман⟩ же Л⟨опатин⟩ сказал мне, что Неч⟨аев⟩ — убийца, что это не социалист, что он только убийца»[7].

Н. А. ГЕРЦЕН — ДОЧЬ ГЕРЦЕНА

Фотография. Париж, 1869

На обороте надписи: рукой Н. А. Герцен — «Natalie, от Таты Г.», рукой Н. А. Тучковой-Огаревой — «24-го сентября 1869»; рукой Е. С. Некрасовой: «Карточка прислана Нат⟨альей⟩ Алексеев⟨ной⟩ Огаревой»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой, с которыми полемизировала Н. А. Герцен в приведенном письме, действительно не точны в некоторых деталях, забытых за четверть века (они были написаны в 1894 г.). Очевидны в них и субъективный взгляд автора на описываемую ситуацию, и недостаточная осведомленность. Тем не менее они во многом ближе к действительности, чем версия Н. А. Герцен [8].

Один из главных пунктов полемики — могла ли Н. А. Герцен предполагать, что рубец на руке Нечаева был связан с убийством Иванова. Она решительно отрицала в своем письме самую возможность своей осведомленности, утверждая, что лишь «много позже узнала правду о смерти Иванова». В действительности о роли Нечаева в этом преступлении семья Герцена, как и вся революционная эмиграция в Швейцарии, знала с момента его приезда в Женеву в декабре 1869 г. Когда же русское правительство в феврале 1870 г. потребовало выдачи Нечаева, то дискуссия шла не о том, совершил ли он убийство, а лишь о характере убийства — уголовном или политическом. Как известно, Нечаев утверждал, что Иванов был убит как агент III Отделения, и добивался для себя политического убежища в Швейцарии.

Дневник Н. А. Герцен показывает, что она не только знала обо всем этом, но и одобряла убийство Иванова как политическую акцию. Еще в первый свой приезд в Женеву в начале февраля 1870 г. она обсуждала это с братом, и оба они сходились в такой оценке действий Нечаева (см. дневник). А вот как размышляла она перед своей поездкой в Локль к Нечаеву: «Ехать, сама не зная к каким людям, для свидания с убийцей — приходило и это мне в голову,— но ведь он убил шпиона, дело хорошее» (там же). Да и могла ли она рассуждать иначе? Очевидно, нет.

Анализируя три года спустя уроки нечаевщины и обращаясь к своему опыту, Ф. М. Достоевский писал: «Итак, почему же вы думаете, что даже убийство à la Нечаев остановило бы если не всех, конечно, то по крайней мере некоторых из нас в то горячее время, среди захватывающих душу учений и потрясающих тогдашних европейских событий (. . .)?» Говоря далее, что убийство было представлено Нечаевым товарищам как дело «политическое и полезное для будущего „общего и великого дела“», Достоевский объяснял, что в романе «Бесы» «попытался изобразить те многоразличные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же чудовищного злодейства» [9]. Проницательное суждение писателя, стремившегося понять природу нечаевщины, как будто прямо объясняет оправдание действий Нечаева дочерью Герцена в начале их знакомства.

Но вернемся к поздним воспоминаниям Н. А. Герцен. Изображение в них характера ее отношений с Нечаевым и Бакуниным еще дальше от истины, чем в разобранном выше письме. Это с полной очевидностью доказывает подлинный ее дневник 1870 г. Вся структура и окраска этих воспоминаний подчинены двум целям: завуалировать истинные свои отношения с Нечаевым, преувеличить свое недоверие в то время к нему и Бакунину и, с другой стороны, противопоставить им Огарева. Для этого подчеркнуты разногласия Огарева с Нечаевым — будто бы имевший место его протест против некоторых пунктов в отправляемой с Татой к Нечаеву в Локль рукописи (наличие каких-то дискуссионных параграфов не подтверждается ни ее дневником, ни письмом, отправленным Огаревым Нечаеву по ее возвращении,— см. п. 13). В воспоминаниях не только не освещено реальное участие Н. А. Герцен в практической деятельности Огарева, Бакунина и Нечаева, но намеренно сдвинута вся последовательность событий. Так, она не случайно поместила изложение той беседы с Нечаевым и Бакуниным, когда они убеждали ее разрешить использовать ее имя при издании «Колокола», до рассказа о поездке в Локль: она стремилась обосновать таким способом свое утверждение, будто сразу по возвращении из Локля «потеряла Нечаева из виду». Не случайно и просьба Нечаева сделать для него рисунки, изображающие русского мужика, представлена ею так, будто целью рисунков было изготовление фальшивых денег [10], а сама просьба была высказана в присутствии Бакунина. В таком варианте аморальность действий Нечаева (а вместе с ним и Бакунина) становилась очевиднее для читателя, чем если бы, в соответствии с подлинными фактами, Н. А. Герцен объяснила, что речь шла о рисунках для пропагандистских картинок, как это видно из дневника. Стремление приспособить воспоминания к позднейшим своим позициям сказалось даже в мелочах: Н. А. Герцен рассказывает в них, например, будто паролем, который должен был подтвердить в Невшателе Д. Гильому, что ее можно направить к Нечаеву в Локль, служили названия цветов. Вряд ли она забыла, что паролем служили слова «от имени Народной расправы»; но назвать их — значило бы обнаружить хоть некоторую свою причастность к делу, само наименование которого навсегда стало для нее символом лжи, клеветы, мошенничества, убийства. Еще не завершилась в ее жизни эта странная история, когда она писала М. К. Рейхель: «Осталась у меня только сильная ненависть против людей, которые проповедуют иезуитскую фразу „Цель оправдывает все средства“ и на практике доказывают или показывают, что они в этом убеждены» [11].

Позднее ей хотелось бы просто забыть о печальном эпизоде своей молодости. Но, лишенная возможности отрицать этот факт, уже известный в печати, она постаралась закрепить его в памяти потомства в несколько более приемлемом для нее виде. После этого ей только и оставалось упорно и до конца скрывать существование у нее «нечаевской» документации [12]. В составе последней, помимо дневника и переписки с Нечаевым, оставались письма к Н. А. Герцен Бакунина, Огарева, Лопатина, Лаврова, письма Бакунина к Огареву, а также копии той переписки Бакунина с Нечаевым и с другими лицами вокруг Нечаева, которую Огареву и Бакунину казалось нужным сохранить как важные документы на случай дальнейших осложнений. Нет сомнения, что все это далеко не исчерпывало документацию, реально возникшую в ходе совместной деятельности Огарева, дочери Герцена, Бакунина и Нечаева в 1870 г. и их последующего разрыва. Достаточно сказать, что среди них нет большинства писем Огарева и Бакунина к Нечаеву,

которые раскрыли бы многие детали всей этой истории. Но они, очевидно, входили в те части нечаевского архива, одна из которых после его ареста в 1872 г. попала в руки З. К. Ралли, а другая, оставшаяся в Париже, была привезена М. П. Сажиным в Цюрих.

З. К. Ралли рассказывает об этом так: «Вскоре после ареста Сергея Геннадиевича явился ко мне в Цюрих Владимир Серебренников и предложил купить у него архив Нечаева; требовал же он за этот архив 400 франков. Возмущенный этим предложением, я отнял у него архив силою и выгнал его. Архив Нечаева был разобран мною совместно с Бакуниным и Сажиным; часть документов была тут же сожжена, а часть осталась у Сажина» [13].

По словам же Сажина, к нему в Цюрихе, после выдачи Нечаева русской полиции, явилась Е. Н. Южакова, последней имевшая свидание с ним, и передала следующую его записку: «Мой архив у г-жи Клеман в городе, откуда я вам когда-то писал; возьмите его. Я уверен, что вы используете его к лучшему. Я погиб». Поняв, что речь идет о Париже, Сажин отправился туда, с помощью П. Л. Лаврова разыскал квартиру, где жил раньше Нечаев, а в ней нашел пакет с бумагами. Сведения о его содержимом очень важны, поэтому приведем почти полностью дальнейший рассказ Сажина. «В Цюрихе,— пишет он,— мы рассмотрели бумаги. Я занялся пакетом, носившим надпись „Меморандум", где нашел бумаги и письма, там указанные. Там были многочисленные письма А. И. Герцена; в одном из них он писал Огареву: „Я ставлю крест на всей своей предшествующей деятельности". Многие другие были полны автокритики этого рода или конфиденциальных сообщений о своей семейной жизни... Письма дочери Герцена к Нечаеву были ей возвращены. В том же пакете был знаменитый „Катехизис революционера", написанный весь целиком рукою Бакунина, его расписка о получении 150 рублей от „Народной расправы". Кроме этих двух документов, писанных Бакуниным, там не было ничего ему принадлежащего ⟨. . .⟩. И, наконец, письма, а именно И. С. Тургенева, Г. А. Вырубова и других. Все эти бумаги были сейчас же сожжены ⟨. . .⟩; исключение было сделано только для писем дочери А. И. Герцена, Натальи Александровны Герцен ⟨. . .⟩. Таким образом, все эти архивы были уничтожены. Теперь можно было спать спокойно, не было риска, что какая-либо из этих бумаг попадет в руки полиции» [14]. Наконец, третья часть бумаг Нечаева была захвачена при его аресте швейцарской полицией и хранится до сих пор в Гос. архиве в Цюрихе. В ней не было писем, а лишь журналы, списки различных лиц с адресами их и записная книжка Нечаева [15].

Тот факт, что из всех находившихся у Нечаева бумаг были не сожжены, а возвращены только адресованные ему письма Н. А. Герцен, говорит о постоянной ее тревоге по этому поводу, о которой знали не только Огарев и Бакунин, но, вероятно, и другие. При свойственной ей недоверчивости она не удовлетворилась бы ничьими заявлениями о сожжении ее писем вместе с остальными и могла быть спокойна, только получив их в собственные руки.

Бумаги, которые сохранялись у Н. А. Герцен и столь долго держались ею в тайне вместе с известными ранее письмами Бакунина, исчерпывают, таким образом, дошедшие до наших дней письма участников этого эпизода. Подробности «нечаевской истории», содержавшиеся в сожженных письмах, утрачены, по всей вероятности, навсегда — однако можно полагать, что это действительно лишь подробности. Главные документы перед нами.

После смерти в 1936 г. Н. А. Герцен они хранились в той же строгой тайне у ее сестры, О. А. Моно-Герцен, а после смерти последней — в ее семье. И только в 1960-х годах дочь О. А. Моно-Герцен Жермен Рист передала их в парижскую Национальную библиотеку. Тогда и появилась наконец возможность начать вводить их в науку, и в 1966—1971 гг. значительная их часть была постепенно напечатана: во Франции — Т. А. Бакуниной (Осоргиной), Ж. Катто и М. Конфино [16] и в Нидерландах — А. Ленингом [17]. Но как единый и полный комплекс источников документы эти предстают перед читателем впервые. Кроме того, обследование московских архивов позволило дополнить документы из Национальной библиотеки рядом весьма ценных, освещающих тот же вопрос писем. При этом выяснилось любопытное обстоятельство: строго засекретив «нечаевские» бумаги в узколичной части своего архива, Н. А. Герцен не подвергла соответствующему отбору ни основной массив архива семьи Герцена, ни бумаги, оказавшиеся в семье после смерти Огарева. Именно поэтому М. П. Драгоманов получил возможность еще в 1896 г. обнародовать касающиеся Нечаева письма Бакунина к Огареву [18], а ряд документов оказался среди тех частей герценовского архива, которые передавал в Россию еще А. А. Герцен, и тех, что поступили в советские хранилища из Праги и Софии. Так, например, в «пражской» коллекции обнаружено адресованное Нечаеву и, судя по пометам на нем, переданное через Н. А. Герцен шифрованное письмо, первоначально принадлежавшее, несомненно, к «секретной» части ее бумаг [19].

Материалы, публикуемые ниже, точно, в хронологическом порядке документируют всю историю отношений Огарева, Бакунина и дочери Герцена с Нечаевым с конца 1869 по август 1870 г. Они восстанавливают канву событий, в которых в разное время и по разным причинам участвовали люди различных общественных направлений — Герцен, Огарев, Бакунин, Лопатин, Лавров, Н. А. Герцен, Озеров, Жуковский, С. Серебренников, Трусов и многие другие. Бумаги эти позволяют представить себе неуловимые прежде идейные оттенки, дополняют или уточняют программные и тактические позиции участников. В ряде случаев в них обнаруживаются ответы на такие принципиальные вопросы, которые до настоящего времени не удавалось выяснить. И, главное, они глубоко вскрывают как причины временного союза старых революционеров с Нечаевым, так и далеко не полностью известные до сих пор основания и конкретные обстоятельства их разрыва.

Но прежде чем перейти к их анализу, необходимо восстановить последовательность событий, обнаруживающуюся из совокупности новых и прежде известных документов.

Важно заметить, что появлению Нечаева за границей предшествовало его обращение не к Бакунину, а к Герцену. «Вчера,— писал Огарев Герцену 1 апреля 1869 г.,— пришло на твое имя письмо с просьбой напечатать послание к студентам от одного студента, только что удравшего из Петропавл⟨овской⟩ крепости. Послание, может, немножко экзальтировано, но не печатать нельзя; по моему глубокому убеждению, оно, во всяком, случае, поворачивает на воскресенье заграничной прессы ⟨. . .⟩ В печать я отдам сегодня, а подробности лучше сообщу с Тх⟨оржевским⟩» [20]. Речь шла о прокламации «Студентам университета, Академии и Технологического института в Петербурге», подписанной «Ваш Нечаев» [21]. Огарев предлагал поместить ее в Прибавлении к «Колоколу», Герцен же посоветовал «пустить листком». «Прокламация к студентам не того — просто шлехтодыровато»,— отозвался он в письме к Огареву (XXX, 77). Оценка эта не охладила увлечения последнего. Б. П. Козьмин был прав, вероятно, объясняя впечатление Огарева тем, что Нечаев сразу же мог выдать себя за представителя тайной революционной организации в России. Это косвенно подтверждается одной из записей в дневнике Н. А. Герцен: «Ты веришь, что у них организовано общество, которое имеет большое влияние?» — спрашивала она Огарева зимой 1870 г. «То, что они сильны,— отвечал он,— доказывает уже сам по себе факт побега Волкова *, то, что его освободили товарищи» (см. дневник, с. 442). Огарев не мог остаться равнодушным и к тому, что «внуки» лучше поняли и оценили «отцов», чем «дети» [22]. Но обращение Нечаева к Герцену, как показало дальнейшее, было вызвано совсем не уважением к его деятельности и даже не интересом к ней, а лишь намерением использовать его материальные возможности и имя для целей понимаемой по своему революционной пропаганды.

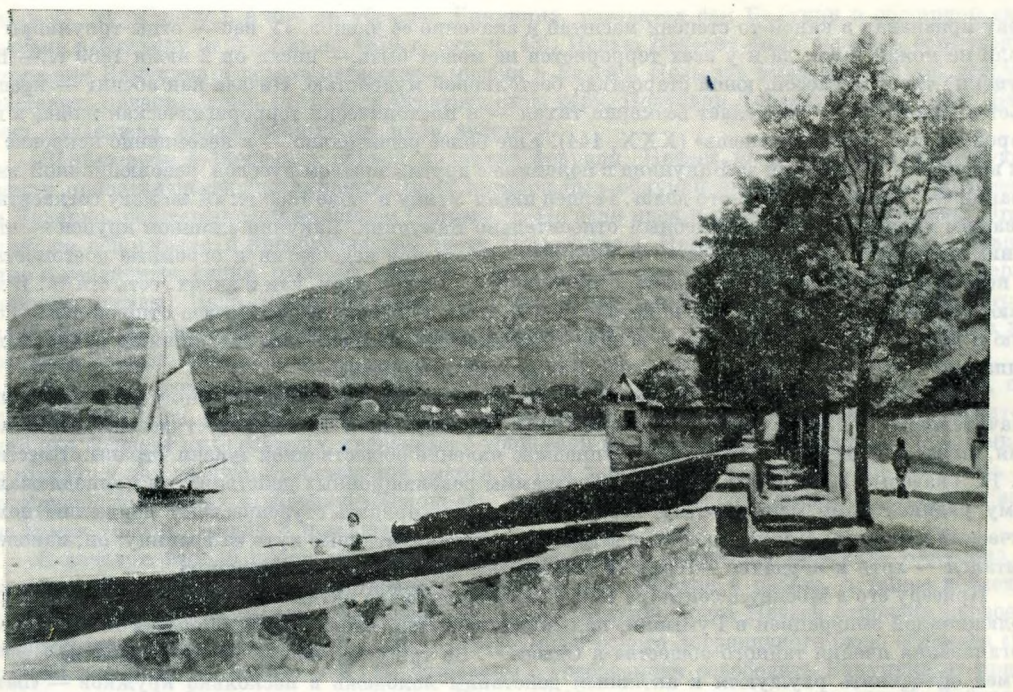
В Женеве Нечаев появился в первых числах апреля 1869 г. «Вчера я его передал Бакунину,— писал Огарев Герцену 7 апреля.— Не думаю, чтоб было что очень широкоразвитое, но развита энергия и много узнается и увидится нового — в этом я почти уверен». У Бакунина «лишнее место,— прибавлял он,— и он юношу взял к себе ночевать» [23]. С этого момента начинается продолжавшееся до конца лета 1869 г. теснейшее общение Нечаева с Огаревым и в особенности с Бакуниным.

Из этих продолжительных бесед и выросла та глубокая привязанность к Нечаеву, которую испытывал Бакунин и которая изумляла и современников и позднейших исследователей. Образование, культуру, революционный опыт, наконец, возраст этих людей нельзя было и сравнивать. Но дело было в ином: Нечаев оказался тем единственным за всю жизнь Бакунина человеком, энергия которого равнялась энергии его самого. Полное отречение от всего личного во имя революционной борьбы также было близко Бакунину. «Яркое пламя любви к народу», «боль по нашей народной беде», звучавшие в речах Нечаева, довершили дело. Бакунин полностью доверился ему во всем, что касалось пропаганды и революционной организации в России.

Фанатическая приверженность Нечаева к делу революции и его исключительная энергия покорили при личной встрече и Огарева. Он, по словам Е. Л. Рудницкой, «увидел в нем яркое воплощение революционера новой формации, тех выходцев из „низов", которые, как он писал еще задолго перед этим, „должны стать руководящей силой будущей крестьянской революции"» [24].

Пропагандистская кампания, развернутая Огаревым, Бакуниным и Нечаевым весной и летом 1869 г., вызвала решительное осуждение Герцена. Первые его письма к Огареву об этом сначала касались только прокламаций, согласия на печатание которых, а затем и подписи Герцена просил его старый друг. В отказе своем Герцен был непреклонен. «Мне очень больно,— писал он Огареву 20 апреля 1869 г.,— что я чуть ли не в первый раз не только не согласен с тобой —

* Имя, под которым фигурирует Нечаев в первой обширной записи Н. А. Герцен.— *Ред.*



ЖЕНЕВА. ВИД С НАБЕРЕЖНОЙ ПАКИ
Картина К. Коро, 1860-е годы
Музей искусства и истории, Женева

это бывало,— но не уступаю...» — и продолжал на следующий день: «И если ты видел, что воззвание необходимо,— отчего же ты его не написал сильной и благородной кистью? Ведь и Нечаева воззвание ни к черту не годится.— Я искренно и истинно не понимаю, что за ослепление и неразумье» (XXX, 91). Протесты Герцена, однако, ни к чему не привели, печатная агитация развертывалась все шире. 2 мая 1869 г. Герцен с горечью писал сыну: «Огар⟨ев⟩ все шалит. Закусил удила, да и только — шумит, бранится, еще написал манифест. Что с ним это? — Ведает бог да Бакунин» (XXX, 102).

Между тем Огарев стал настойчиво предлагать Герцену встретиться с Нечаевым — и надеясь, что личная встреча сломит упорство Герцена, и вместе с тем сомневаясь в немедленном успехе. «Мой мужичок тебе с первого взгляда, пожалуй, не понравится; мы с ним и сблизились только весьма постепенно»,— писал он Герцену. В том же письме он отделял себя в какой-то степени от позиции Бакунина и Нечаева, признаваясь: «Мне приходится стоять как-то посредине между элементом шума и элементом консервативного социализма. Как это тяжело, мой, во всяком случае страстно любимый брат,— ты себе этого представить не можешь» [25].

10 мая Герцен приехал в Женеву и прожил там с небольшим перерывом шесть недель. Опасения Огарева оправдались: Нечаев вызвал у Герцена резкую антипатию [26]. Разногласия между Герценом и «триумвирами» остались непримиримыми. 22 июня Герцен с горечью сообщал старшей дочери о «войне» не только с Бакуниным, но и с Огаревым, который «стал такой кровожадный — что и бог упаси.— Пугачают и стращают. Бакун⟨ин⟩ не только на Волге, но и здесь, на Роне, проповедует светопреставление» (XXX, 138).

Одними из главных в женевских спорах, помимо общих революционных проблем, были вопросы о возобновлении «Колокола» и об использовании Бахметьевского фонда для агитационной кампании Огарева—Бакунина—Нечаева. Уступив Огареву, аргументировавшему, в частности, свою настойчивость тем, что деньги были оставлены под их общую расписку, Герцен вынужден был предоставить ему половину всей суммы.

При всем том впечатление, произведенное на Герцена женевскими встречами, было неоднозначным. Осуждая деятельность «тройки», он даже в самых острополемических письмах к Ога-

реву признавал в какой-то степени масштаб и значение ее членов. «У вас — отцы-триумвиры — воли не может быть, да и у всех террористов не может быть,— писал он 2 июля 1869 г.,— Бакун⟨ин⟩ тяготит массой, юной старостью, бестолковой мудростью. Нечаев как абсинт — крепко бьет в голову. И то же делает безмерно тихая — и платонически террористическая жила, в которой ты себя поддерживаешь» (XXX, 144). Еще более решительно — и несомненно искренне — он вступался в те же дни за Бакунина в полемике с другим крылом русской революционной эмиграции — группой «Народного дела». Герцен писал Утину в июле 1869 г.: «Я не могу согласиться с вашим мнением, очень враждебным относительно Бакунина. Бакунин слишком крупен — чтоб с ним поступать sommairement *. У него есть небольшие недостатки и огромные достоинства. У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем ⟨. . .⟩ В людях, как в винах, есть cru **. Я думаю, что Бакунин родился под кометой» (XXX, 158). В июле 1869 г. Нечаев отправился в Россию и вопрос о «Колоколе», как и вообще о дальнейшем направлении заграничной пропаганды, выпал на время из переписки Герцена с Бакуниным и Огаревым.

Деятельность Нечаева в России как по масштабам, так и по общественному резонансу была значительной. В 1868 и первой половине 1869 г. он был одним из лидеров студенческого движения, представлявшего в то время крупнейшее явление общественной жизни страны. Вместе с П. Н. Ткачевым Нечаев был автором «Программы революционных действий»; он принадлежал к тому радикальному меньшинству, которое стремилось придать студенческому движению политический характер; ему удалось наладить южные конспиративные пути за границу; он, наконец, пытался — хотя и неудачно — создать тайную революционную организацию.

Приезду его в Москву в сентябре 1869 г. предшествовало активное общение с болгарской революционной эмиграцией в Румынии, налаживание путей, явок, связей, попытки или реальная организация ячейки тайного общества в Одессе [27]. За три с половиной месяца в Москве Нечаев сумел объединить рвущуюся к активным действиям молодежь в несколько кружков — «пятерок», которые в целом должны были составить централизованную тайную организацию «Народная расправа», руководимую будто бы Комитетом, а в действительности — одним Нечаевым. Однако внедрение им иезуитских приемов в среду товарищей по борьбе, требование неукоснительного подчинения таинственному Комитету, его личное диктаторство — все это не способствовало укреплению организации. Убийство же И. И. Иванова (21 ноября 1869 г.), организованное Нечаевым после отказа первого подчиниться его диктатуре, привело к полному провалу: несколько сот людей было арестовано, 87 из них преданы суду. Самому Нечаеву удалось скрыться: он уехал в Петербург, а оттуда бежал в Швейцарию. Еще из России, 20 декабря, он письмом сообщил Огареву о скором своем приезде в Женеву. 5 января 1870 г. Огарев известил об этом Герцена и Бакунина. Герцен отвечал: «Я буду очень рад, если бой выздоровеет,— но видеться мне с ним не нужно» (XXX, 297). Ответ Бакунина был: «У меня для него стол и постель всегда готовы» [28].

9 или 10 января Нечаев приехал в Женеву и, очевидно, в тот же день начал добиваться свидания с Герценом и получения от него второй половины Бахметьевского фонда. Деньги нужны были срочно, ибо в ближайшую программу Нечаева входило не только издание прокламаций, но и возобновление «Колокола». 12 января Герцен писал Огареву, продолжавшему настаивать на встрече его с Нечаевым: «1-ое. Юношу видеть я могу и мужеству его отдаю полную справедливость — но деятельность его и двух старцев считаю положительно вредной и несвоевременной ⟨...⟩. 2-ое. На каком основании ты думаешь отклонять от назначения фонд? Не знаю. Твое «приготовь, сколько хочешь» меня сконфузило: что же за мера в «сколько хочешь», а потому я буду ждать от тебя приказа в цифрах. И выполню его для того, что ты того желаешь» (XXX, 299). Холодный ответ Герцена не остановил ни Огарева, ни тем более Нечаева. В письме от 15 января Огарев указал цифру — 5 тысяч франков, выразив здесь же всю непоследовательность своей позиции: «Я с твоим мнением не согласен, да во многом и с ним не согласен; но мешать нельзя» [29]. 17 января, в последнем своем письме к Герцену, не зная еще о его смертельной болезни, Огарев вновь настаивал на немедленной, «без рассуждений», высылке денег [30].

Пока Огарев и Нечаев в Женеве строили планы издания нового «Колокола», Бакунин оставался в Локарно, где его удерживали семейные дела. Сюда к нему около 20 января приехал Нечаев. (21 января датировано рекомендательное письмо Бакунина к И. Ф. Беккеру в Женеву (см. п. 2), которое, несомненно, было вручено Нечаеву при свидании.) О том, с чем явился Не-

---

* бесцеремонно (*франц.*).
** своя почва (*франц.*).

чаев на эту встречу и в чем он убеждал Бакунина, рассказал сам Бакунин в обширном своем письме к Нечаеву от 2—9 июня 1870 г. (см. п. 43). Целью Нечаева было рассеять естественные сомнения Бакунина в успехе нечаевской миссии в России. Цель эта была достигнута: нетрудно заставить поверить того, кто боится утратить свою веру. Позволив Нечаеву убедить себя, Бакунин поддержал предложенный им план действий.

Вернувшись в Женеву в первой половине февраля, Нечаев развернул лихорадочную по темпу пропагандистскую кампанию, план которой был обдуман им, очевидно, еще до поездки в Локарно, под решающим влиянием Огарева [31]. Но если идея и план были предложены Огаревым, то исполнение в преобладающей части определялось Нечаевым. Прокламации, обращенные к различным слоям русского общества, носили характер скорее мистификации, чем серьезной пропаганды. Чего стоили одни подписи в них: «Потомки Рюрика и Партия Российского независимого дворянства», «Контора вольных русских купцов», «Истинные пастыри», «Дума всех вольных мещан» и т. п.

В это же время был издан второй выпуск «Издания общества „Народной расправы"», принадлежащий перу Нечаева. Передовая статья его имела целью не только осветить в желательном для Нечаева духе события, связанные с убийством Иванова и последовавшими арестами, но и пустить в ход версию о собственной смерти от рук жандармов [32]. Одновременно началась интенсивная подготовка к изданию «Колокола», первый номер которого вышел 2 апреля [33] (всего до 9 мая 1870 г. вышло 6 номеров).

С началом второй пропагандистской кампании Нечаев попытался заставить Бакунина переехать в Женеву для непосредственного практического участия в работе, а также вовлечь в свою деятельность Наталью Александровну Герцен. Именно тогда Нечаев отправил первое из угрожающих писем, посылавшихся им от имени мифического Заграничного бюро общества «Народная расправа»,— письмо к Н. Н. Любавину с требованием освободить Бакунина от принятого им на себя обязательства перевести «Капитал» Маркса для русского издания [34]. Добиваясь от Бакунина, чтобы он полностью отдался «русскому делу», Нечаев обещал ему уладить этот вопрос с издателем — и «уладил» таким, только ему свойственным путем.

Вовлечение в «русское дело» дочери Герцена пошло сперва весьма успешно. В Женеву она приехала через две недели после смерти отца — приехала, чтобы побыть с Огаревым. Несколько дней спустя в его доме она встретилась с Нечаевым.

Душевное состояние Натальи Александровны в это время было тревожным и неуравновешенным. Впечатление от перенесенной недавно болезни, тяжесть и боль утраты сочетались в ней со смутным стремлением найти свой путь в жизни — и, может быть, в причастности к революционному делу. Она помнила слова отца: «Ты мой Петр, „на котором созижду храм мой..." (только Петр немного вялый и недеятельный)» (XXX, 95). По натуре она действительно была недеятельной, сдержанной, скрытной, осторожной и порой подозрительной; но ее мысли и симпатии, весь ее внутренний склад отвечал высоким требованиям, которые Герцен предъявлял к своим детям [35]. Еще в декабре 1869 г. она писала Огареву: «Я вижу, понимаю, что жизнь так коротка, надобно каждой минутой пользоваться, надобно бы что-нибудь да делать для других, хоть для близких, а все что-то мешает.— Что мешает? А должно быть то, что я все играю, все думаю... припоминаю все, что слышала, ваши споры, споры у Шиффов и т. д.— Мне это трудно, все разбросано, все перепутано — я хочу привести все в порядок, ищу заключения» (XXX, 278). Эти стремления к «заключению», к пониманию смысла своей жизни стали еще острее в те дни, когда она встретилась с Нечаевым. Волевая, неукротимо целеустремленная натура человека, представлявшего, как ей первое время казалось, последнее слово русского движения, не могла не произвести на нее впечатления. Вопреки сопротивлению брата и Н. А. Тучковой-Огаревой она уступила настоятельным просьбам Нечаева и Огарева и решилась переехать в Женеву, чтобы помогать им [36].

Сближения с дочерью Герцена Нечаев добивался не только в расчете на дальнейшую финансовую поддержку (исполняя просьбу Огарева, А. А. Герцен уже дал согласие передать ему вторую половину Бахметьевского фонда), но и в связи с задуманным возобновлением «Колокола». Стремление Нечаева связать новое издание с традицией герценовского «Колокола» побуждало его попытаться привлечь дочь Герцена к редакции или по крайней мере добиться согласия на использование ее имени. Об этом недвусмысленно рассказывает ее дневник (см. с. 456). Попытка Нечаева была поддержана обоими «старцами», убеждавшими не только Н. А. Герцен, но и ее брата. А. А. Герцен, приехавший в конце февраля 1870 г. в Женеву для свидания с сестрой и передачи Огареву бахметьевских сумм, просил отказаться от мысли назвать новое издание «Ко-

локолом», но, разумеется, не смог в этом убедить не только Нечаева, но и Огарева (Бакунина в Женеве в это время еще не было) [37]. Дать свое имя новому «Колоколу» Н. А. Герцен решительно отказалась; однако она не только не перестала сотрудничать с Нечаевым, но взяла на себя (по-видимому, совместно с В. А. Озеровым) функции секретаря редакции [38].

Еще в начале февраля стало известно, что русское правительство, преследуя Нечаева как уголовного преступника, убийцу Иванова, требует от швейцарских властей его выдачи. 8 февраля Бакунин сообщал Огареву, что написал «по требованию» Нечаева «наскоро статью о полицейских услугах, оказываемых иностранными правительствами русскому в деле разыскания мнимых разбойников, воров и делателей фальшивых бумажек» [39]. Статья эта под заглавием «Police suisse», напечатанная 19 февраля в «Progrès», в части, касавшейся Нечаева, имела целью внушить сомнение в существовании вообще такого лица [40]. Пытаясь затем организовать общественный протест и обратившись по этому поводу к А. Рейхелю, Ш. Перрону, А. Фогту, И. Ф. Беккеру [41], Бакунин даже в письмах, опасаясь перлюстрации, продолжал развивать мысль, не является ли разыскиваемый Нечаев мифом, изобретенным русским правительством в своих реакционных целях. Сам же Нечаев, в условиях полной конспирации укрывшийся на время в Локле, отправил в конце февраля в «Journal de Genève» письмо — якобы из Лондона. Газета напечатала его 2 марта (см. п. 11). В это время и у Нечаева, и у Огарева оставались еще иллюзии, что швейцарские власти либо поверят в его пребывание в Лондоне (см. п. 13), либо под давлением общественного мнения откажутся его выдать. Надежды эти, однако, не оправдались. 29 февраля кантональное правительство попыталось найти Нечаева в Локарно у Бакунина, о чем последний по своим каналам предупредил Нечаева. Но вместо поисков еще более надежного укрытия Нечаев предпочел вернуться в Женеву, где вскоре появился и оставался более месяца и Бакунин.

Здесь, продолжая попытки воздействия на общественное мнение Швейцарии, Бакунин написал брошюру «Бернские медведи и петербургский медведь» (напечатана Гильомом в мае), где защищал «русского патриота Нечаева», критиковал действия Федерального совета и призывал «совершенно уничтожить в принципе и фактически все, что называется политической властью» [42].

В марте в Женеве готовились к печати первые номера нового «Колокола», продолжались споры о его направлении, шла интенсивная работа всех участников пропагандистской кампании. В то же время достигли кульминации личные взаимоотношения Нечаева и Н. А. Герцен, которые теперь, после знакомства с их перепиской и ее дневником, вряд ли можно свести только к очередной мистификации Нечаева, предпринятой для опутывания богатой наследницы. Задумав, вероятно, именно это, Нечаев неожиданно для себя оказался во власти истинного чувства, которое все с большей убедительностью проступает в его письмах — особенно в письмах, написанных в конце мая, после его бегства с помощью Н. А. Тучковой-Огаревой из Женевы. Но чем более пылкими становились письма Нечаева, тем настороженнее относилась к нему Н. А. Герцен, и появление в Женеве Г. А. Лопатина с последовавшим разоблачением Нечаева только облегчило желанный уже для нее полный разрыв отношений.

Отметим здесь, что ни полученные только что от А. А. Герцена деньги, ни ежедневные встречи с Н. А. Герцен не помешали Нечаеву в то же самое время, в начале марта, предпринять враждебную акцию против семьи Герцена. Она была частью его действий по вовлечению Бакунина в «дело» и ограждению для этого его репутации — ограждению свойственными Нечаеву методами. Узнав, что А. А. Герцен и Н. А. Тучкова-Огарева намерены напечатать в готовившемся «Сборнике посмертных статей» Герцена письма «К старому товарищу» (о характере их Нечаев мог слышать от Огарева или Бакунина), Нечаев прибегнул к уже испытанному приему: 7 марта он отправил Н. А. Тучковой-Огаревой и А. А. Герцену письмо от имени Заграничного бюро «Народной расправы» с требованием отказаться от этого замысла и с угрозами прибегнуть в случае отказа к «менее деликатным мерам» [43]. Реакция адресатов на него была в высшей степени достойной: «наглое и нелепое», по словам А. А. Герцена, письмо, полученное им, только покончило с его колебаниями, печатать ли «К старому товарищу» и части «Былого и дум», посвященные «молодой эмиграции» [44]. Характерно, что ни А. А. Герцен, ни Н. А. Тучкова-Огарева не решились обсуждать этот инцидент с Татой Герцен, а недоверие их к ней простиралось в этот момент до того, что А. А. Герцен специально просил Наталью Алексеевну спрятать рукописи у А. Фогта и не выдавать их «даже Тате».

Между тем в печати все еще не было сведений о решении швейцарских властей по поводу выдачи Нечаева. Стремясь выяснить свое положение, Нечаев — снова будто бы из Лондона — обратился 21 апреля с запросом в Федеральный совет. Огарев сопроводил этот запрос коротким

письмом от себя (см. п. 26 и 27). На следующий день канцелярия Швейцарской конфедерации официально уведомила Огарева, что Нечаев преследуется как уголовный преступник и доказательства этого, представленные русскими властями, несомненны. Поэтому швейцарское правительство не может предоставить Нечаеву убежища без предварительного следствия, которому он будет подвергнут, если окажется на территории страны (см. п. 28).

Тучи сгустились над головой Нечаева. Общественный протест, к которому призывал Бакунин своих швейцарских друзей, не был организован. В защите Нечаева не была едина и русская революционная эмиграция. Резко враждебная по отношению к Бакунину группа «Народного дела», ставшая к этому времени Русской секцией Интернационала, решительно отстранялась от какой-либо солидарности с Нечаевым и Бакуниным. Ее позиции ясно выражены в печатаемом ниже письме А. Трусова к С. Марковичу (см. п. 40). Отношение к Бакунину в революционных кругах осложнялось в этот момент распространившимся слухом о присвоении им Бахметьевского фонда. И. Ф. Беккер, на поддержку которого в защите Нечаева так рассчитывал Бакунин, 13 марта писал об этом Марксу: «Бакунин, который был очень беден, вследствие смерти Герцена получил недавно в свое распоряжение сумму в 25 тысяч франков. Эта денежная сумма была передана Герцену его друзьями для целей пропаганды (. . .). Бакунин, который лишь недавно рассыпался в оскорблениях и клевете на Герцена, поспешил завоевать расположение его сторонников, принявшись за канонизацию его в прессе. Маневр удался и вскоре снова появится „Колокол". Увидим тогда, заявит ли „гражданин" Бакунин в „Колоколе" выражение тех же чувств, какие проявлял еще недавно, будучи пролетарием! Если он этого не сделает, мы его в лучшем виде загоним в угол, возможно через Русскую секцию»[45]. 30 апреля статья с прямым обвинением Бакунина в присвоении этих денег появилась в газете «Volksstaat». Прочтя ее, Бакунин потребовал от Огарева публичного заявления о непричастности его, Бакунина, к Бахметьевскому фонду[46].

В Женеве между тем возникли и иные трудности. Диктаторская манера Нечаева привела к отказу Чернецкого печатать «Колокол» в своей типографии[47]. На шестом номере от 9 мая издание было прекращено.

В те же дни была сделана все-таки попытка организовать протест русских эмигрантов против готовившейся выдачи Нечаева. Это и было упоминавшееся уже собрание 7 мая. Неуверенность Огарева и Нечаева в исходе обсуждения ясно отразилась в том, что накануне Огарев телеграфировал Бакунину, прося разрешить голосовать за него,— каждый голос мог иметь значение (см. п. 29). Собрание, по-видимому, высказалось все же в пользу протеста против выдачи Нечаева, хотя личность и деятельность его не вызывали сочувствия у большинства присутствовавших.

Женевские власти тогда же перешли к решительным действиям: 9 мая на улице был арестован один из членов группы Огарева—Бакунина—Нечаева, С. И. Серебренников — цюрихский студент, приехавший в Женеву и живший, как и Нечаев, у Огарева. Полиция приняла его за Нечаева и продержала в тюрьме до 20 мая, пока не убедилась в своей ошибке. В эти дни Огаревым было написано то протестующее письмо президенту Женевского кантонального совета Камперио, которое печатается ниже (см. п. 30). Арест Серебренникова был воспринят Огаревым, Бакуниным и Нечаевым как повод для еще одного общественного действия. Рассказ Серебренникова о происшедшем с ним был переведен Огаревым на французский язык и издан отдельной брошюрой[48]. Одновременно С. Серебренников, по общему решению, обратился к адвокату и начал судебный процесс против женевской полиции. Арест Серебренникова показал Нечаеву масштаб опасности, угрожающей непосредственно ему, и принудил его к предосторожностям. Именно тогда он оказался на время в квартире Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой, откуда уехал в горы[49].

В дни, когда происходили все описанные события, Бакунин в Локарно был обуреваем тревогой из-за отсутствия писем из Женевы. Уезжая оттуда, он поставил условием своего переезда из Локарно для постоянной работы в «Колоколе» получение достаточно определенного материального положения и точную договоренность о своей роли в издании[50]. Нечаев должен был сообщить ему в Локарно ответ «Комитета» — но и не думал этого делать. Бакунин бомбардировал Огарева и Нечаева письмами и телеграммами, не получая в ответ сколько-нибудь ясной информации. Опасаясь за судьбу Нечаева, он в середине мая лично отправился в Берн и 19-го сообщал оттуда в «соборном» письме, отправленном на имя Озерова, о полученном им от Адольфа Фогта обещании быть «деятельным бюро по делу Нечаева и Серебренникова для всей немецкой Швейцарии». Вернувшись в Локарно, он повторил это в письме к Огареву от 20 мая, где прибав-

лял: «Жду, наконец, от нашего комитета ответа 〈. . .〉 предупреждая вас, что я 〈. . .〉 не иначе поеду в Женеву, как убежденный, что еду к вам на возможное и прочное положение как в отношении к самому делу, так и в отношении к средствам существования» [51]. Но на следующий день, не в силах, по-видимому, больше дожидаться ответа, Бакунин выехал в Женеву.

Туда же для встречи с ним приехал в это время Г. А. Лопатин. Полностью информированный о ситуации, сложившейся во взаимоотношениях Бакунина, Любавина и Нечаева, Лопатин поехал в Женеву для решительного объяснения с Бакуниным. Целью его было раскрыть Бакунину глаза на истинную роль Нечаева и смысл всей его эпопеи. Объяснения между Лопатиным, Бакуниным и Нечаевым во время встреч в Женеве в мае 1870 г. достаточно ясно освещены печатаемыми ниже письмами [52].

Только все это показало наконец Бакунину не воображаемый, а близкий к реальности образ его ближайшего соратника. Поняв невозможность дальнейшего безоговорочного союза, он по возвращении в Локарно принялся за письмо к Нечаеву, которое, не отрываясь, не перечитывая, не согласовывая порой одно с другим, писал целую неделю, с 2 по 9 июня. Письмо это — еще не разрыв с Нечаевым. Это осмысление опыта, размышления, планы и надежды, надежды на будущее новое сотрудничество. Выдающееся значение и особый интерес этого документа состоит как в том, что в нем подробнейшим образом изложены теоретические основания, программа и тактика Бакунина, так и в том, что все общественные проблемы, неразрывно переплетаясь с глубоко личными, составляют его «интимно-политический» сюжет. Эмоциональность изложения: беспощадные обличения Нечаева и тут же восхваление его достоинств, горькие сожаления о своей недальновидности и новые иллюзии, страстная вера в неизбежность революции и мысли о неготовности к ней народа, призывы к нравственности и апология разбоя — все это придает письму неповторимый колорит, делает его одним из важнейших документов, характеризующих личность Бакунина.

Для историков общественной мысли и революционного движения письмо 2—9 июня, впервые полностью публикуемое в советском издании [53], важно не только как вариант русской программы Бакунина, как памятник заблуждений, стремлений и надежд крупной исторической личности; именно оно полнее всего объясняет подлинные причины разрыва с Нечаевым, которые более ста лет оставались неясными исследователям [54].

Принципы программы и тактики анархистской революции, разработанные Бакуниным в 1864—1866 гг. в таких документах, как «Международное тайное общество освобождения человечества» [55], «Революционный катехизис» [56] и др., были в общих чертах и предельно кратко изложены им в конце 1860-х годов в статье «Наша программа» в № 1 «Народного дела». «Мы хотим,— писал Бакунин, — полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа». Под первым он понимал освобождение от веры в бога и «всякого идеализма вообще»; под вторым — ликвидацию права наследственной собственности, уравнение женщин в правах с мужчинами, воспитание детей обществом. «Основой экономической правды,— говорилось далее,— мы ставим два коренные положения: земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда — работникам, рабочим ассоциациям».

Политическое освобождение трактовалось как уничтожение государства и создание свободной федерации земледельческих общин и фабрично-ремесленных ассоциаций, построенной по принципу «снизу вверх». Для всех народов, угнетенных империей, программа провозглашала «полнейшее самораспоряжение на основании их собственных инстинктов, нужд и воли» [57].

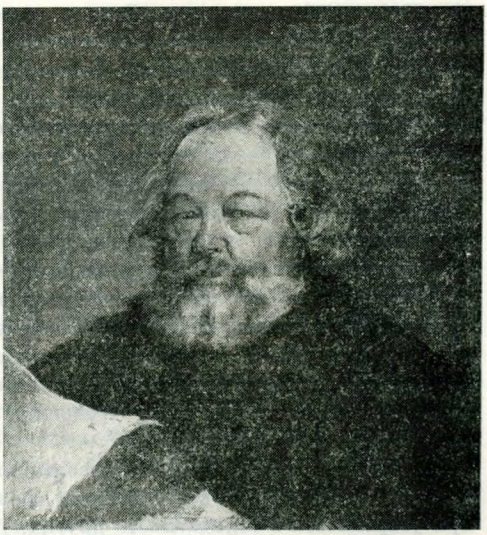
Положения эти оставались для Бакунина основополагающими и в 1870 г. Именно поэтому первым пунктом возможного, как он еще считал, дальнейшего союза с Нечаевым было «полное, целостное и страстное» признание программы № 1 «Народного дела». Однако программа эта отражала лишь общие принципы Бакунина, не связанные с национальными особенностями России.

Необходимость сформулировать программные положения и тактику движения для России возникла именно в связи с Нечаевым. Его появление возбудило надежды Бакунина на создание в России отделения «Альянса». Как он говорил З. К. Ралли, он был уверен в возможности провести «через Нечаева и его товарищей наши идеи и наш взгляд на вещи в России». «А также я думал серьезно,— прибавлял Бакунин,— что Нечаев способен будет стать во главе русской ветви революционного союза моего. Этим он и был дорог мне» [58].

Эти надежды и предпринятая в связи с ними пропагандистская кампания требовали программного обеспечения. Хотя авторами брошюр, листовок, статей выступали и Огарев, и Бакунин, и Нечаев, но наибольшая активность в формулировании программных положений принад-

лежала двум последним. При этом Нечаев проявлял склонность к регламентированию как деятельности тайной организации в настоящий момент («Катехизис революционера»), так и принципов построения будущего «порядка вещей» («Главные основы будущего общественного строя» в № 2 «Издания общества „Народной расправы“»).

Из политических течений того времени Нечаев ближе всего был к бланкизму. Анархистскую фразеологию Бакунина он использовал главным образом в тактических целях. Этого не понимал Бакунин, даже в письме 2—9 июня продолжавший утверждать, что сначала программа Нечаева была «вполне одинакова» с его собственной. Теоретические разногласия он стал замечать лишь во второй приезд Нечаева в Швейцарию. Разоблачение же Нечаева Лопатиным и надвигавшаяся неизбежность разрыва заставили Бакунина изложить подробнейшим образом все свои программные требования и предъявить их Нечаеву в качестве ультиматума. Именно поэтому письмо 2—9 июня стало первым полным, широко аргументированным программным документом Бакунина, посвященным специально русскому движению. Два года спустя, в «Прибавлении А» [59], адресованном русской революционной молодежи и ставшем для значительной ее части руководством к действию, он повторит все главные теоретические положения своего письма.



М. А. БАКУНИН
Портрет работы неизвестного художника (масло), 1870-е гг.
Музей Герцена, Москва

В центре построений Бакунина — народ с его собственными идеалами, собственной, инстинктивно им осознанной программой. Программа народа и есть программа «стихийной или народно-социальной» революции. Задачи тайной организации — лишь угадать ее и помочь ее осуществлению. «Наш народ не белый лист бумаги, на котором любое тайное общество может написать, что ему угодно ⟨. . .⟩. У него выработалась отчасти сознательно, на три четверти, пожалуй, бессознательно, программа своя, которую тайная организация должна узнать, угадать и с которой она обязана будет сообразоваться» (см. п. 43, с. 507).

Характеристика народного сознания как «чистого листа бумаги» принадлежала П. Я. Чаадаеву и глубоко запомнилась Бакунину со времени московских споров [60]. Еще в 40-х годах, ранее, чем пришел к этому Герцен, Бакунин считал присущими русскому крестьянству стремление к освобождению и общинный уклад: «Характер русской революции как революции социальной предуказан заранее и коренится во всем характере народа, в его общинном укладе»,— утверждал он в 1849 г. [61] Указывая Нечаеву в письме от 2—9 июня 1870 г. на два начала народной жизни, на которые должны опираться революционеры,— «частые бунты и вольно-экономическая община»,— он, в сущности, развивал ту же мысль. Важно, однако, обратить внимание здесь не столько на устойчивость оценки Бакуниным революционных потенций русского народа, сколько на совсем иную трактовку возможностей народных масс Западной Европы. В рукописи «Международное тайное общество освобождения человечества» он определял народ как «невежественную, инертную массу, покорную традициям и необходимости и неспособную двигаться вперед, если ее не ведут за собой». И даже передовое меньшинство этой массы, городских рабочих — «категорию, несравненно более пробудившуюся», он считал «неспособною продвигаться самостоятельно» [62].

Таким образом, в рассматриваемом письме неспособному к самостоятельной борьбе народу на Западе противопоставлен русский народ, постоянно бунтующий и располагающий собственными идеалами общественного устройства. В противоположность Западу, где народные массы приходится увлекать «вопреки их воле для решения их судьбы» [63], в России достаточно лишь «соединить множество частных крестьянских бунтов в один общий всенародный бунт» (см. п. 43, с. 507).

И хотя уже ясно было, что «народ не встал», что рассказы Нечаева об обстановке в России по меньшей мере недостоверны, Бакунин не желал отказаться от этого тезиса, допуская теперь все же, что революция может вспыхнуть «не прежде 10 или 20 лет».

Каким же представлялся Бакунину народ — армия революции? Бунтарем, стремящимся по праву захватить всю помещичью и кулацкую землю. «Совокупителем» же и «соединителем» общинных бунтов, составляющих, по словам Бакунина, обыденное явление народной жизни, мог стать «казачий воровско-разбойный мир». Эта мысль не впервые высказывалась им здесь: она присутствовала и в «Постановке революционного вопроса» (1869). Именно по поводу этого Герцен писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «Он совсем закусил удила, и я привезу его новую статью — которая наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность» (XXX, 109) [64]. Но и в анализируемом письме Бакунин продолжал настаивать на активной роли «разбойного мира» и доказывать, что она «подтверждается всею нашею историей».

Само отождествление Бакуниным казачества с «разбойным миром» говорит прежде всего о весьма слабом его знакомстве и с подлинной историей народа, и с жизнью современной ему русской деревни. Появление этих идей в бакунинских программных документах в период его совместной деятельности с Нечаевым менее всего можно приписать влиянию последнего. Напротив, развернутая их аргументация была развита Бакуниным в том самом письме, где его взгляды противопоставлялись нечаевским. Продолжал он настаивать на этом и в следующем программном документе — «Прибавлении А» [65].

Итак, естественную армию революции составляет, по Бакунину, объединенный в общины русский народ, бунтарь и социалист «по инстинкту». Однако каждая деревня восстанет лишь при уверенности в солидарности других. Вот тут-то и должна проявиться роль революционной организации, которую Бакунин еще в воззвании «К офицерам русской армии» назвал «штабом революционного войска». Задачам этого штаба в письме от 2—9 июня не случайно отведено столь значительное место: узкой заговорщической тактике Нечаева Бакунин пытается противопоставить тактику народной войны, развязыванию и организации которой должен только помогать «штаб», пробуждая во всех общинах «сознание их неотвратимой солидарности», а затем, во время самой революции, помогая народу самоопределиться, содействуя «полному осуществлению народной свободы». При этом тайная революционная организация остается все время лишенной всякого официального права и значения и действует лишь как «слуга, помощник, отнюдь не повелитель народа, а также и не распорядитель над ним», даже ради народного блага.

Определяя характер деятельности тайной революционной организации, Бакунин вплотную подошел к проблеме революционной нравственности — ведь его полемика с Нечаевым развернулась вокруг несуществовавшего Комитета «Народной расправы» и существовавшей программы поведения членов организации («Катехизис революционера») с ее отказом от нравственных норм и апологией иезуитских методов.

Принадлежа по образованию и культуре к презираемому Нечаевым поколению 40-х годов [66], Бакунин не раз обращался к проблемам нравственности. Тем не менее в период своего недавнего увлечения Нечаевым нравственный аспект деятельности «триумвиров», казалось, не существовал для него. Больше того — и теперь, в пору крушения своих иллюзий, он далеко не сознавал всю глубину своей моральной ответственности за активное участие в «нечаевской истории». Но все случившееся заставило его — может быть, впервые — осознать масштаб вреда, который наносит революционному делу забвение нравственных принципов. Возражая против этого, стремясь четко формулировать свои представления о нравственности революционера, он проводит резкую грань между моральными принципами внутри организации и поведением по отношению к врагам: «Правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении к каждому человеку, который способен быть и которого Вы бы желали сделать братом; ложь, хитрость, опутывание, а по необходимости и насилие в отношении к врагам». Это не значило, впрочем, что Бакунин признавал такие средства борьбы с правительством нравственными: он допускал их лишь потому, что на реальной арене борьбы не видел возможности без них обойтись.

Проблема нравственности революционера увязывалась Бакуниным в его программном письме с социальным статусом ее носителей. Если неудачи революционных движений на Западе он приписывал в значительной мере тому, что руководители их были выходцами из привилегированных классов, то Россия, по его мнению, и в этом отношении была «счастливее Запада». В массе «образованных, мыслящих и лишенных всякого положения, всякой карьеры, всякого выхода» людей, короче — в разночинной интеллигенции, составлявшей особенность русской жизни, Бакунин видел «материал, драгоценный для тайной организации». Он оговаривался при этом, что в среде ее «настоящей нравственности очень немного», что «народолюбива она 〈. . .〉 только благодаря положению, отнюдь же не по сознанию и воле». Для создания революционной нравственности необходимы свободное сознание и воля, без них она невозможна. Задача, следовательно,

состояла в том, чтобы развить в этих людях сознание и волю, укрепляя в них «единую всепоглощающую страсть всенародного общечеловеческого освобождения». Страсть, сочетающая в себе протест против ненавистного общественного строя и идеал нового, и должна была стать нравственной основой тайной организации.

Излагая в 21 пункте основные принципы этой организации, Бакунин подчеркивал, что сила ее будет зиждиться на нравственности каждого члена, полной равноправности, солидарности, искренности и взаимопомощи всех, на безусловном соблюдении правила «один за всех и все за одного». Все это было полемикой с «Катехизисом революционера» и всей системой действий Нечаева. «Вы по образу мыслей подходите больше 〈. . .〉 к иезуитам, чем к нам»,— писал ему Бакунин в том же письме. Можно подумать при чтении этого письма, что и «Катехизис», и вся иезуитская система Нечаева только теперь стали известны Бакунину, почему и возникла необходимость противопоставить им обстоятельное теоретическое обоснование собственных представлений о революционной морали.

Но это было далеко не так. В том же самом письме Бакунин признавался, что еще в первый приезд Нечаева говорил ему: «Для Вас ничего не стоит солгать, когда Вы полагаете, что ложь может быть полезна для дела». Он не только знал «Катехизис революционера», но, по приведенному нами выше свидетельству Сажина, переписал его своей рукой [67] (именно этот список «Катехизиса», обнаруженный Сажиным в бумагах Нечаева, столь долго давал основание приписывать Бакунину авторство этого печально известного сочинения). Правда, письмо от 2—9 июня показывает, что он возражал тогда против него («Помните, как Вы сердились на меня, когда я называл Вас абреком, а ваш катехизис — катехизисом абреков»), но не так значительны были для Бакунина эти споры, чтобы разорвать альянс его с Нечаевым. Не исключено, что подобная полемика возникла и вокруг брошюры «Начало революции», и вокруг статей в первом номере «Издания «Народной расправы», но ведь и они выходили не без ведома Бакунина.

Таким образом, столь убедительно развиваемые им в письме от 2—9 июня идеи нравственных принципов революционера занимали вовсе не столь важное место в системе его взглядов, чтобы ими нельзя было пренебречь тогда, когда союз с Нечаевым представлялся Огареву и Бакунину реальным революционным делом. Ни очевидная с самого начала безнравственность нечаевской системы, ни даже подозрение обмана в оценке Нечаевым обстановки в России и возможности народного восстания, появившиееся у Бакунина, когда, вернувшись из России, Нечаев приехал к нему в Локарно (см. п. 43, с. 541), не смогли оттолкнуть его от своего кумира. И поэтому моральная ответственность за нечаевскую эпопею, возложенная на Бакунина революционной общественностью, была вполне заслуженной.

Была, однако, область, в которой Бакунин не допускал уступок: его доктрина анархизма. Пока ему представлялось, что в союзе с Нечаевым он сохраняет инициативу в главных теоретических вопросах, он шел на достаточно широкие компромиссы в других направлениях. Когда же дело коснулось этих теоретических основ, конфликт стал неизбежен [68] — и только тогда Бакунин не счел уже возможным закрывать глаза на неприглядные приемы своего соратника.

Нечаевская эпопея, заставившая Бакунина пристальнее вдуматься в роль нравственных проблем, ничуть не повлияла на его доктрину в целом. Не прав поэтому Конфино, утверждая, что «нечаевское дело в силу своего жестокого провала 〈. . .〉 явилось для Бакунина поводом для пересмотра своих взглядов 〈. . .〉 и переосмысления всего своего мировоззрения» [69] и что оно будто бы положило начало «политическому закату Бакунина в России и Западной Европе» [70]. Главные свои работы («Кнуто-германская империя и социальная революция» и «Государственность и анархия») он написал именно после «нечаевщины». В 1872 г. появилось и «Прибавление А», сыгравшее важную роль в народническом движении. Что же касается прямой революционной деятельности во Франции, Италии, Швейцарии, Испании, то и здесь его организационная активность (начиная именно с конца лета 1870 г.) достигла широкого размаха.

Нельзя согласиться и с утверждением Конфино о том, что почвой, на которой выросли теоретические разногласия Бакунина и Нечаева, были бакунинская верность своим принципам и полная беспринципность Нечаева [71]. Противопоставление это неправомерно. Теоретические принципы Бакунина сравниваются здесь не с аналогичными принципами, а с тактикой Нечаева, готового использовать либерализм, анархизм, бланкизм и любое другое течение политической мысли в той мере, в какой оно могло послужить разрушению существующего строя. Это вовсе не значит, однако, что он был лишен собственных теоретических убеждений — такие убеждения, действительно, противоположные анархистской доктрине Бакунина, у него были, был и свой

идеал общественного устройства — «казарменный коммунизм», как его назвал Маркс, и железная диктатура «нашего Комитета» [72].

Вот по этой линии противоречий анархизма авторитаризму и проходило теоретическое размежевание Бакунина с Нечаевым. Первым симптомом конфликта стали разногласия вокруг издания «Колокола».

7 января 1870 г. Герцен писал Огареву: «Для возобновления „Колокола" — нужна программа — даже для нас. На таком двойстве воззрений, которое мы имеем в главном вопросе, нельзя создать журнал» (XXX, 297). Справедливое это мнение после смерти Герцена уже никем из «триумвиров» не принималось в расчет. «Колокол» возник даже не на «двойстве», а на полном разнобое воззрений, хорошо описанном Н. А. Герцен в ее дневнике. Споры о «красном» или «пестром» направлении «Колокола», по ее же словам, окончились тем, что «старики уступили молодому тирану» (с. 494).

Записи Н. А. Герцен отразили, правда, лишь внешнюю сторону полемики, доступную ее пониманию. В действительности все было сложнее. Обратимся к свидетельствам бакунинского письма от 2—9 июня: «Несчастная попытка Ваша издавать „Колокол" на невозможных условиях»; «Исковерканная программа „Колокола", от которого Комитет и Вы требовали просто нелепости, невозможности»; «Против своего убеждения, я уговорил Огарева согласиться на издание „Колокола" по выдуманной Вами дикой, невозможной программе». Фразы эти, разбросанные по тексту письма, подтверждают диктат Нечаева в этой «несчастной попытке» и убеждают в том, что сначала предполагалась другая программа издания и что Огарев упорнее, чем Бакунин, сопротивлялся «дикому, невозможному» направлению «Колокола». Последнее обстоятельство кажется странным, поскольку именно Огарев принял затем самое деятельное участие в издании, открыв его обращением «К русской публике», выступив в четырех номерах из шести, редактируя ряд других материалов.

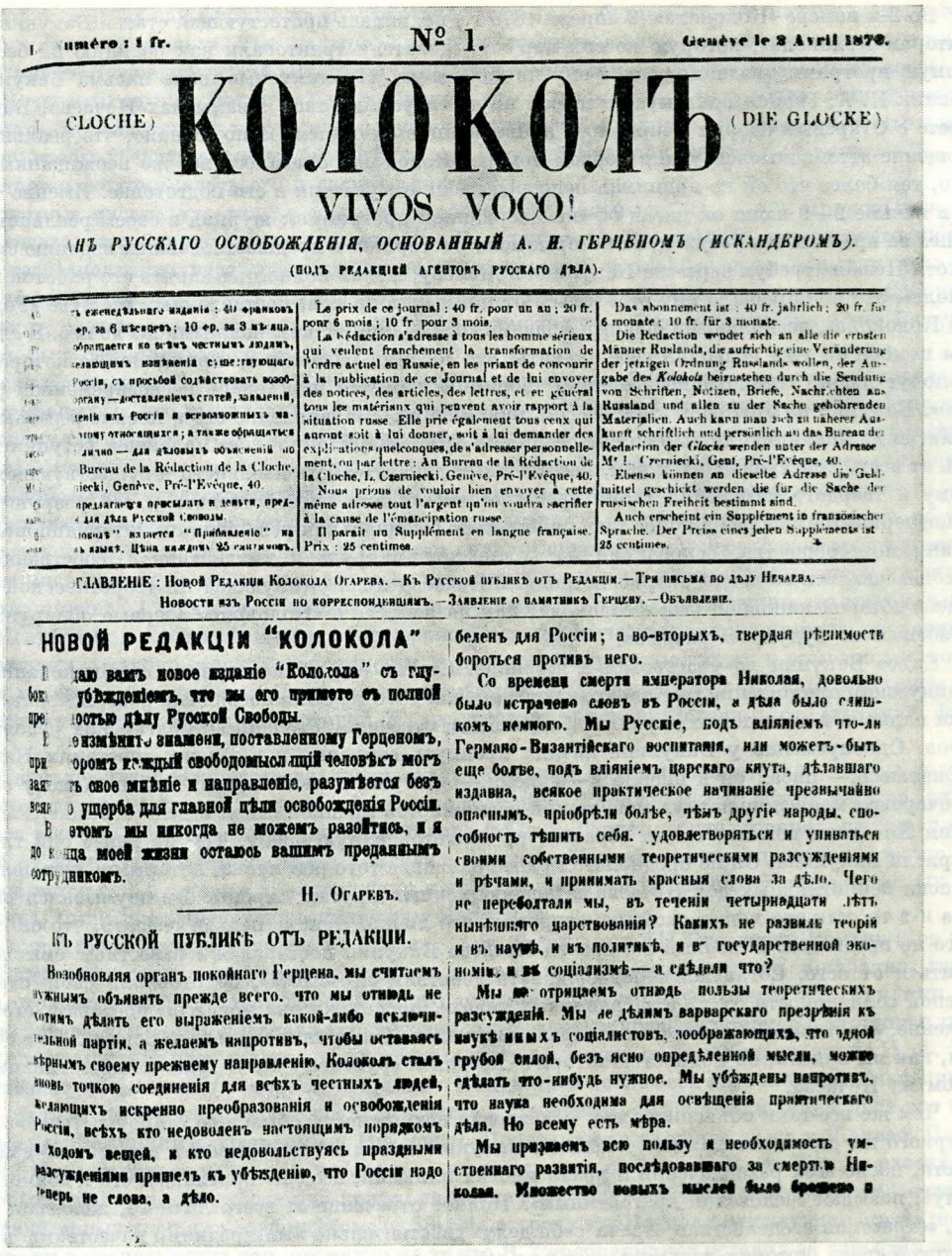
Можно предполагать, что первое время после смерти Герцена позиция Огарева определялась его верностью старому знамени, но затем он счел возможным согласиться с Нечаевым, думая, что «пестрое» издание, обращенное и к либеральному лагерю, заполнит брешь в пропагандистской кампании [73].

«Пестрота» программы «Колокола» заслуживает особого внимания. Материалы, рассчитанные на различные слои либеральной общественности, сочетались в его номерах с призывами к уничтожению самодержавия, освобождению народа, объединению всех оппозиционных сил, включая сторонников немедленного бунта, с подробным рассказом о тайном революционном обществе с центром в России (статья Огарева). «Дикой, невозможной» программа эта была потому, что она, как и вся деятельность Нечаева, строилась на мистификации, стремилась ввести в заблуждение и столкнуть разные общественные течения [74].

Центральной фигурой в «Колоколе» был Нечаев. Он же был и анонимным автором части материалов. Невзирая на мимикрию, с помощью которой он пытался предстать в разных статьях в различных обличиях, особенности его лексики и способа аргументации, рельефно отражающие черты его личности, дают возможность без труда узнавать их автора [75].

На вопрос, обладал ли Нечаев достаточным образованием и литературными способностями для журнальной деятельности, Ю. М. Стеклов, ссылаясь на мнения В. И. Засулич и других современников, отвечал отрицательно [76]. Мы придерживаемся другого мнения. Он обладал и тем и другим в достаточной степени, чтобы выступать со статьями в европейских газетах, в «Колоколе», почти единолично издать два номера «Общины», листки «Народной расправы» и многое другое. В крепости он писал статьи, романы, воспоминания, читал массу книг на трех европейских языках. Анонимный рецензент III Отделения, бывший, по-видимому, единственным читателем написанного Нечаевым в крепости, писал в 1876 г.: «Вообще говоря, нельзя назвать автора личностью дюжинной. Всюду сквозит крайняя недостаточность его первоначального образования, но видна изумительная настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии» [77]. Считая это свидетельство по меньшей мере беспристрастным и опираясь на все известное об интеллектуальном развитии Нечаева до заключения, вряд ли можно безоговорочно согласиться с утверждениями Конфино, оценивающего Нечаева как «обладателя весьма упрощенной, заурядной культуры и отнюдь не выдающегося ума» [78].

В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. М. Достоевского, возражавшего тем, кто считал «Нечаевых» просто «идиотическими фанатиками». «Да,— писал он,— из Нечаевых могут быть существа весьма мрачные, весьма безотрадные и исковерканные, с многосложнейшей по происхождению жаждой интриги, власти, с страстной и болезненно-ранней потребностью высказать



Numéro : 1 fr. № 1. Genève le 2 Avril 1870.

(CLOCHE) КОЛОКОЛЪ (DIE GLOCKE)

VIVOS VOCO!

(КЪ РУССКАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ, ОСНОВАННЫЙ А. И. ГЕРЦЕНОМЪ (ИСКАНДЕРОМЪ).

(ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АГЕНТОВЪ РУССКАГО ДѢЛА).

съ еженедѣльнаго изданія : 40 франковъ
ор. за 6 мѣсяцевъ; 10 ор. за 3 мѣсяца.
обращается ко всѣмъ честнымъ людямъ,
желающимъ измѣненія существующаго
Россіи, съ просьбой содѣйствовать возоб-
органу—доставленіемъ статей, заявленій,
ѣній изъ Россіи и всевозможныхъ ма-
ріаловъ относящихся; а также обращаться
лично — для дѣловыхъ объясненій по
Bureau de la Rédaction de la Cloche,
niecki, Genève, Pré-l'Evêque, 40.
предлагаетъ присылать и деньги, пред-
для дѣла Русской Свободы.
локолъ" издается "Прибавленіе" на
съ языкѣ. Цѣна каждому 25 сантимовъ.

Le prix de ce journal : 40 fr. pour un an ; 20 fr. pour 6 mois ; 10 fr. pour 3 mois.

La Rédaction s'adresse à tous les homme sérieux qui veulent franchement la transformation de l'ordre actuel en Russie, en les priant de concourir à la publication de ce Journal et de lui envoyer des notices, des articles, des lettres, et en général tous les matériaux qui peuvent avoir rapport à la situation russe. Elle prie également tous ceux qui auront soit à lui donner, soit à lui demander des explications quelconques, de s'adresser personnellement, ou par lettre : Au Bureau de la Rédaction de la Cloche, L. Czerniecki, Genève, Pré-l'Evêque, 40.

Nous prions de vouloir bien envoyer à cette même adresse tout l'argent qu'on voudra sacrifier à la cause de l'émancipation russe.

Il paraît un Supplément en langue française. Prix : 25 centimes.

Das Abonnement ist : 40 fr. jährlich ; 20 fr. für 6 monate ; 10 fr. für 3 monate.

Die Redaction wendet sich an alle die ernsten Männer Russlands, die aufrichtig eine Veränderung der jetzigen Ordnung Russlands wollen, der Ausgabe des *Kolokols* beizustehen durch die Sendung von Schriften, Notizen, Briefe, Nachrichten aus Russland und allen zu der Sache gehörenden Materialien. Auch kann man sich zu näherer Auskunft schriftlich und persönlich an das Bureau der Redaction der *Glocke* wenden unter der Adresse Mr L. Czerniecki, Gent, Pré-l'Evêque, 40.

Ebenso können an dieselbe Adresse die Geldmittel geschickt werden die für die Sache der russischen Freiheit bestimmt sind.

Auch erscheint ein Supplément in französischer Sprache. Der Preis eines jeden Supplements ist 25 centimes.

ГЛАВЛЕНІЕ : Новой Редакціи Колокола Огарева.—Къ Русской публикѣ отъ Редакціи.—Три письма по дѣлу Нечаева.
Новости изъ Россіи по корреспонденціямъ.—Заявленіе о памятникѣ Герцену.—Объявленія.

НОВОЙ РЕДАКЦІИ "КОЛОКОЛА"

Я даю вамъ новое изданіе "Колокола" съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вы его примете съ полной преданностью дѣлу Русской Свободы.

Я не измѣнилъ знамени, поставленному Герценомъ, подъ которомъ каждый свободомыслящій человѣкъ могъ защищать свое мнѣніе и направленіе, разумѣется безъ всякаго ущерба для главной цѣли освобожденія Россіи.

Въ этомъ мы никогда не можемъ разойтись, и я до конца моей жизни остался вашимъ преданнымъ сотрудникомъ.

Н. Огаревъ.

КЪ РУССКОЙ ПУБЛИКѢ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Возобновляя органъ покойнаго Герцена, мы считаемъ нужнымъ объявить прежде всего, что мы отнюдь не хотимъ дѣлать его выраженіемъ какой-либо исключительной партіи, а желаемъ напротивъ, чтобы оставаясь вѣрнымъ своему прежнему направленію, Колоколъ сталъ вновь точкою соединенія для всѣхъ честныхъ людей, желающихъ искренно преобразованія и освобожденія Россіи, всѣхъ кто недоволенъ настоящимъ порядкомъ и ходомъ вещей, и кто недовольствуясь праздными разсужденіями пришелъ къ убѣжденію, что Россіи надо теперь не слова, а дѣло.

беленъ для Россіи; а во-вторыхъ, твердая рѣшимость бороться противъ него.

Со времени смерти императора Николая, довольно было истрачено словъ въ Россіи, а дѣла было слишкомъ немного. Мы Русскіе, подъ вліяніемъ что-ли Германо-Византійскаго воспитанія, или можетъ-быть еще болѣе, подъ вліяніемъ царскаго кнута, дѣлавшаго издавна, всякое практическое начинаніе чрезвычайно опаснымъ, пріобрѣли болѣе, чѣмъ другіе народы, способность тѣшить себя, удовлетворяться и упиваться своими собственными теоретическими разсужденіями и рѣчами, и принимать красныя слова за дѣло. Чего не переболтали мы, въ теченіи четырнадцати лѣтъ нынѣшняго царствованія? Какихъ не развили теорій и въ наукѣ, и въ политикѣ, и въ государственной экономіи, и въ соціализмѣ—а сдѣлали что?

Мы не отрицаемъ отнюдь пользы теоретическихъ разсужденій. Мы не дѣлимъ варварскаго презрѣнія къ наукѣ нѣкоторыхъ соціалистовъ, воображающихъ, что одной грубой силой, безъ ясно опредѣленной мысли, можно сдѣлать что-нибудь нужное. Мы убѣждены напротивъ, что наука необходима для освѣщенія практическаго дѣла. Но всему есть мѣра.

Мы признаемъ всю пользу и необходимость умственнаго развитія, послѣдовавшаго за смертью Николая. Множество новыхъ мыслей было брошено и

ПЕРВЫЙ НОМЕР ВОЗОБНОВЛЕННОГО «КОЛОКОЛА»

Женева, 2 апреля 1870 г. (фрагмент)

Номер открывается обращением Огарева «Новой редакции «Колокола» и передовой статьей «К русской публике от редакции»

личность, но почему же они «идиоты»? Напротив, даже настоящие монстры из них могут быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми» [79].

Нечаев, действительно, был и развит, и совсем не прост: достаточно вспомнить, с каким успехом пользовался он до определенного времени мыслями и фразеологией Огарева и особенно Бакунина, чем и убедил их в общности с ними своей теоретической программы, и с какой легкостью отбросил затем как ненужную эту теоретическую маску, идя на конфликт со своими недолгими соратниками.

Во 2-м номере «Колокола» (9 апреля 1870 г.) появилась протестующая статья Бакунина «Редакторам Колокола», которую до сих пор исследователи трактовали как реакцию на беспринципную программу издания, ранее ему не известную. Публикуемые ниже письма Бакунина и дневник Н. А. Герцен показывают совсем иную ситуацию: зная о замыслах Нечаева, Бакунин вместе с Огаревым спорил с ним, но в конце концов смирился. Ясно, однако, что реальное воплощение этих замыслов уже в первом номере «Колокола» оказалось все же неожиданным для него, тем более что он не принимал непосредственного участия в его подготовке. Именно поэтому в письме 2—9 июня он писал об «исковерканной программе»: журнал в своем реальном виде вышел за пределы тех уступок, на которые пошли «старики» в предшествовавших изданию спорах. И хотя Нечаев, требуя переезда Бакунина в Женеву, желал полностью занять его работой в «Колоколе», это не помешало ему отделаться от прямых вопросов, поставленных в статье «Редакторам Колокола», несколькими общими фразами «от редакции», помещенными после нее. В следующем номере он уже позволил себе заявить, что «особый радикализм принципов, о котором так хлопочут люди, занимающиеся одними теориями, кажется нам теперь несвоевременной роскошью». Бакунин на этот счет имел совсем иное мнение. Ни заявление его в письме в редакцию о согласии на коалицию лишь в случае, если она будет «неуклонно и без малейшей уступки требовать от всех, приступающих к нам, несомненных доказательств ненависти к существующему порядку и твердого намерения всеми средствами и силами способствовать к его разрушению», ни подчеркнутое еще раз в конце письма его credo («социальная революция и интернациональная организация общества, основанная на коллективном труде и коллективной собственности») не согласовались со всеми хитросплетениями Нечаева и сопутствующей им теоретической путаницей, которой наполнен был «Колокол». Так на вопросе о «Колоколе» впервые обнаружилась неизбежность будущего разрыва.

Более Бакунин не участвовал в журнале. Статья его «Панславизм», опубликованная во французском приложении к «Колоколу» от 9 апреля 1870 г., была посвящена разоблачению политики царизма в славянских странах и, возможно, отвечала пожеланиям болгарских революционеров. Одновременно у Бакунина начали крепнуть сомнения и в других действиях Нечаева. «Признаюсь,— писал он в письме 2—9 июня,— что уже первый приезд мой в Женеву сильно разочаровал меня и пошатнул мою веру в возможность крепкой связи и дела с Вами». Разоблачения Лопатина попали, таким образом, на подготовленную почву. Тем не менее они глубоко потрясли Бакунина. Он не предполагал ранее размеров того резонанса, который может получить огласка неприглядных дел Нечаева в революционных кругах Европы. Не вдумывался он всерьез и в то, как это может скомпрометировать его лично. Однако нельзя сказать, что он совсем этого не предвидел. В первый же приезд Нечаева Бакунин постарался в известном смысле обособиться от него. Соглашаясь поддерживать действия «Комитета», он оговорил свой отказ от «слепой солидарности ⟨. . .⟩ в заграничных делах», поскольку она могла бы поставить его в положение, «противное обязанностям и правам как члена Интернационального Союза». Но в остальном, как мы видели, он полностью и горячо предался «русскому делу», рассчитывая главным образом на Нечаева.

Чем же все-таки объяснить, что, подозревая возможность обмана со стороны Нечаева, зная с первого же дня о методах его действий, Бакунин не только игнорировал все это, но даже год спустя, после всех разоблачений и краха многих иллюзий, все еще приглашал его к совместному «делу», называя «человеком драгоценным»? Полное отречение от всего личного, железная энергия, «страстная всецелостная отдача себя делу» действительно были редкими качествами в эмигрантской среде, которую только и знал в те годы Бакунин. Это и заставило его назвать Нечаева самым преданным «из всех нам известных русских людей». Склонный к идеализации, страстным увлечениям идеями и людьми, Бакунин часто не замечал того, что не хотел видеть. Уже на пути к полному разрыву он все еще продолжал уверять себя и других, что Нечаев лишен «личных себялюбивых капризов и самообольщений» и только увлечен ложной системой. При такой схеме интересы дела логически должны были, как рассуждал Бакунин, заставить его союзника отказаться от своей системы и создать возможность продолжения совместной работы, но уже на новых условиях. Такой горячей надеждой был продиктован последующий ряд писем Бакунина. Анализ их и объясняет дальнейший ход его мыслей и поступков.

Пересылая через друзей свое огромное письмо Нечаеву, он сопроводил его «Соборным посланием» — первым из трех написанных с 9 по 20 июня писем-призывов спасать Нечаева от него самого. «Мы должны все вместе своротить его с направления, на котором он себя и дело погубит»,— писал он 10 июня (п. 48). Надежды на «исправление» Нечаева Бакунин основывал на том, что

ложь, принятая им как фундамент его действий, сочеталась будто бы в его натуре с «неспособностью к ловкому обману». Этот наивный аргумент становился еще более шатким, когда в письме от 10 июня (более других проникнутом мрачными сомнениями в успехе задуманных переговоров с Нечаевым) сам же Бакунин начал обвинять его в «громадном самолюбии», «самодурстве», «огромном, поразительном отсутствии разума и внутренней правды». «Я сказал все, что умел, что мог, чтобы убедить его и чтобы убедить вас,— писал Бакунин Огареву 14 июня.— Теперь мне остается поэтому ждать его и вашего ответа» [80].

Ответные письма участников «собора» не заставили себя ждать (см. п. 49). Пришло известие и от Нечаева: он собирался лично встретиться с Бакуниным [81]. Это вызвало у последнего новый взрыв необоснованных надежд и совершенно поразительную психологически попытку еще раз найти оправдания всем действиям Нечаева. Попытка эта была сделана в следующем «Соборном послании», спешно отосланном друзьям 20 июня, несмотря на то, что в ближайшие дни Бакунин должен был сам приехать в Женеву.

Если о письме от 2—9 июня Бакунин говорил, что «писал прямо из головы и из сердца», не перечитывая того, что вылилось на бумагу, то в гораздо большей степени это можно отнести к последнему его письму. Кажется, будто он забыл о только что высказанных им же обвинениях Нечаева. Нечаев снова становится лишенным самолюбия и честолюбия обладателем «глубокой, высоко-доблестной и девственно-чистой правды», ставшим лишь жертвой ложной системы (п. 50). Но мало этого: теперь Бакунин пробует найти оправдания и самой системе или, вернее, обстоятельствам, из которых она родилась. Для этой цели он обращается к российской действительности, пытаясь взглянуть на нее глазами своего бывшего и, как он надеялся, будущего союзника. Попытка оправдать Нечаева, объяснив истоки его ложного пути окружавшим его миром, вылилась в глубокий и в известной мере обоснованный психологический анализ причин, породивших «нечаевщину». Однако степень одержимости, с которой Бакунин защищал в этом письме новый взгляд на вещи, может быть объяснена лишь страстным, доведенным до абсурда желанием любой ценой удержать ту силу, которой в его глазах обладал Нечаев, этот «высокий фанатик».

В заключение Бакунин снова предлагал участникам «собора» встретиться, чтобы договориться об условиях и средствах воздействия на «барона». Готовясь к этой общей встрече, он попытался еще раз повлиять на С. Серебренникова и Н. А. Герцен, о чем говорят письма к последней от 26 и 28 июня (см. п. 51—53). Слова в письме к Наталье Александровне о том, что Нечаев «остается ⟨. . .⟩ лучшим и в отношении к делу, не лицам, честнейшим человеком между всеми нами», были последней данью иллюзиям Бакунина.

1 или 2 июля Бакунин приехал в Женеву. 4-го числа агент III Отделения Романн (под именем Постникова известный Герцену, Огареву и всему кругу революционной эмиграции, где он сумел, к сожалению, добиться определенного доверия) доносил начальству, что «Бакунин уже два дня здесь». Очевидно, уже начало переговоров с Нечаевым убедило наконец Бакунина в тщетности его надежд. Первое свидетельство об этих днях — запись от 3 июля в дневнике Н. А. Герцен, где она рассказывает о «первом свидании с Бакуниным после всех этих историй и переписки» и где уже нет речи о каком-либо сотрудничестве с Нечаевым. «Кажется, в самом деле все кончено между Бакуниным, Огаревым и Нечаевым. Последний тоже опять здесь в Женеве. По-видимому, они все ужасно спорили эти дни» — в этой записи от 7 июля Н. А. Герцен рассказала и о событиях 5-го числа, когда она получила последнюю (из известных нам) записку Нечаева с требованием выяснения отношений (см. п. 58). На встречу эту Наталья Александровна не пошла ни 5-го, ни в последующие дни, несмотря на то что В. Серебренников оставил ей еще одну записку (см. п. 60). Далее записи в дневнике обрываются, но с Нечаевым ей еще пришлось встречаться. Была она, как свидетельствует Бакунин, на «соборном» собрании, состоявшемся между 7 и 10 июля: 10 июля в письме к Лаврову Н. А. Герцен упомянула, что Огарев и Бакунин «прекратили все сношения с Нечаевым и его товарищами» (п. 61).

Об этом собрании Бакунин рассказывал дважды, разоблачая Нечаева в письме к Таландье 24—28 июля [82] и в письме к Мрочковскому от 19 августа. «Да, он крал наши письма ⟨. . .⟩ — писал он последнему.— Да, он компрометировал нас, действуя от нашего имени без нашего ведома и согласия. Да, он всегда лгал нам бессовестно. Во всем этом я его уличил при О⟨зер⟩ове, при Огареве, при Тате (M-lle) Herzen,— и приведенный к невозможности отрицать моими доказательствами, знаете, что он мне отвечал? — Мы очень благодарны за все, что вы для нас сделали и, но, так как вы никогда не хотели отдаться нам совсем, говоря, что у вас есть интернац⟨иональные⟩ обязательства, мы хотели заручиться против вас на всякий случай. Для этого я считал

себя вправе красть ваши письма и считал себя обязанным сеять раздор между вами, потому что для нас не выгодно, чтобы помимо нас, кроме нас, существовала такая крепкая связь» [83].

Но и на этом откровенно-циничном ответе объяснение, как ни странно, не прекратилось. Нечаев не только продолжал доказывать свою правоту, но, как рассказывал в письме к Таландье Бакунин, «упрашивал меня изложить эту теорию в русском журнале, который он предлагал мне основать» [84]. Вот для чего нужны были эти переговоры Нечаеву — не идти на компромисс с Огаревым и Бакуниным он стремился, а еще раз попытаться заставить их работать на себя и свою систему.

Между тем в дни разрыва с Нечаевым Огарев и Бакунин сами были заняты мыслью об издании нового журнала. Я. З. Черняк, публикуя наброски Огарева к этому изданию под заглавием «Община или Русская община», высказывал мнение, что именно он был автором программы предполагаемого журнала [85]. Однако новые документы позволяют утверждать, что программа эта была плодом совместного творчества Огарева и Бакунина. Показывают они также роль Лаврова в готовившемся издании и уточняют причины, по которым этот замысел не был реализован. По словам участвовавшего в обсуждении этого плана Сажина, «предполагалось при посредстве этого журнала связаться с русским обществом и интеллигенцией» [86]. Согласно донесению Романна (Постникова), Бакунин и Огарев 10 июля заходили к нему, чтобы поговорить о журнале, а 14 июля состоялось уже специальное совещание, где, кроме инициаторов, присутствовали Постников, Озеров и Жуковский. Постникову было предложено снабжать издание корреспонденциями из России (что позволило ему неразоблаченным вернуться туда). С письмом по поводу журнала в Париж к Лаврову 16 июля был отправлен Сажин [87].

Лавров обратился с письмом к Бакунину еще в мае 1870 г. Однако Бакунин, погруженный в свои сложные отношения с Нечаевым, долго не отвечал, ограничившись припиской в письме к Лопатину от 9 июня: «Скажите, пожалуйста, Лаврову, что мне бесконечно совестно, что я еще до сих пор не ответил на его письмо» (п. 47). Теперь же, в новой ситуации, совместное издание представилось Огареву и Бакунину делом реальным. Вот что писал последний в письме, которое повез Сажин: «Письмо Ваше ко мне застало маленький кружок наш в переходном кризисе. Прежде, чем я мог отвечать Вам, необходимо было для нас определить и выяснить многое, а также освободиться от многого. Теперь могу объявить Вам, что все наши отношения с господином Нечаевым окончательно порваны, так что он отныне не будет иметь ни прямой, ни косвенной связи с каким бы то ни было из наших предприятий. Податель этого письма, наш общий приятель Сажин, объяснит Вам причины этого разрыва» [88].

По изложенному в письме замыслу предполагалось издавать ежемесячное «Revue», посвященное атеизму, отрицанию государственности, борьбе с буржуазным индивидуализмом. Для России признавалось преобладание «социализма деревенского» и первым условием к его осуществлению выдвигалось «разрушение всероссийской империи».

Письмо кончалось весьма дипломатично: «Ваше имя, столь любимое в России, придало бы огромный вес нашему журналу. Но вряд ли Вы согласитесь нам дать его. Мы даже не смеем просить Вас об этом. И будем чрезвычайно Вам благодарны, если Вы согласитесь посылать нам время от времени статьи теоретические» [89].

Сотрудничество в «революционно-социалистическом» органе привлекало Лаврова, но в программе издания ему импонировало далеко не все. Обсудив предложение Бакунина с Лопатиным, Лавров решил, что свое участие он сможет оговорить, объявив себя несолидарным со многими мнениями редакции. 12 августа он писал Лопатину: «Я знаю, что мало надежды на скромность Бакунина и С°, но полагаю, что предисловие, с которым я пошлю первую статью, меня выгородит и определит мое положение, если журнал состоится» [90]. Эти слова показывают, что Лавров вовсе не отказывался от участия в журнале (как полагал Я. З. Черняк). Не состоялся журнал по другим причинам. В эти же дни, когда Огарев тоже готовил материал для нового журнала, Бакунин уже был занят иными мыслями. 11 августа он писал ему: «Ты под шумок происшествий думаешь только о нашем предполагаемом журнале и о своей статье. Вот ты какой философ. Тебе хорошо — ты только русский, а я интернациональ» [91]. Интернациональные обязательства, связанные с революционными событиями во Франции, заставили Бакунина надолго отвлечься от идеи этого издания.

Но вернемся к событиям июля 1870 г. Встреча Огарева и Бакунина с Нечаевым между 7 и 10 июля не была последней. Пока они строили издательские планы, Нечаев занялся «делом», а именно созданием отряда или, по словам Бакунина, «банды воров и разбойников ‹. . .› натурально с целью составить революционный капитал» [92]. Не будучи принципиальным противником

экспроприации в революционных целях, Бакунин полагал, что подобные дела можно вести, «*во-первых*, в самой строгой солидарности, а *во-вторых*, со знанием места, обстоятельств, людей и с чрезвычайным умом». Ничем этим Нечаев не располагал. Действуя на свой страх и риск, он привлек к своей затее, писал Бакунин Мрочковскому, «наших людей, напр⟨имер⟩ Henry, и к тому же так глупо, что все дело осрамило бы и погубило нас всех до конца. Вот почему я разрушил его» [93]. Из письма же к Таландье мы узнаем, что Бакунин заставил Нечаева покинуть Швейцарию, «так как он непременно был бы открыт ⟨. . .⟩. Он бы пропал,— погубил бы с собой и нас» [94]. Погубил бы потому, что, согласно своей методе, постарался бы запутать и скомпрометировать как можно больше людей.

Средства, при помощи которых Бакунин «разрушил» замысел Нечаева, остаются неизвестными. Несомненно, однако, что именно это было предметом еще одного, последнего личного объяснения былых «триумвиров». Оно состоялось, очевидно, 15 или 16 июля (19-го, судя по письму от этого числа Лаврова к Н. А. Герцен, уже до Парижа дошли слухи о том, что Нечаев покинул Швейцарию) [95]. Огареву и Бакунину удалось заставить Нечаева отказаться от своей новой авантюры и согласиться на немедленный отъезд. Внешние приличия были, однако, соблюдены. «Расставаясь с вами, Мм. Гг., после окончательного объяснения,— напишет потом Нечаев,— я дал вам руку как друг» [96]. У каждой стороны был свой расчет: Нечаев хотел использовать знакомства и связи Бакунина в Лондоне и Париже, Бакунин и Огарев — выиграть время, чтобы попытаться вернуть себе бумаги, которые, как они обнаружили, украл у них Нечаев.

Все это не помешало Нечаеву прихватить с собой еще одну порцию бумаг. На этот раз исчезновение важных документов было замечено сразу же после отъезда Нечаева из Женевы. Вслед за ним по случайно обнаружившемуся следу отправился Озеров. Детективную историю охоты за нечаевским чемоданом с бумагами рассказал в своих воспоминаниях Д. Гильом. «В начале июля,— начинает он свой рассказ,— в то время, пока Бакунин был в Женеве, я получил от Нечаева известие, что он собирается отправить ко мне принадлежащий ему чемодан и просит меня хранить его в течение нескольких дней. Чемодан прибыл, и я поместил его в надежное место». Спустя некоторое время, очевидно уже уехав совсем из Женевы, в Невшатель к Гильому явился сам Нечаев в сопровождении молодого итальянца, который был при нем «чем-то вроде слуги». Чемодан он, однако, не взял, а предупредил только, что за ним скоро придет один из его друзей. На другой день действительно явился В. Серебренников, благополучно получивший чемодан у ничего не подозревавшего Гильома. К удивлению последнего, еще через день в его дверь позвонил Озеров с тем самым итальянским рабочим, который ранее приходил с Нечаевым. Они спросили о чемодане, причем Озеров рассказал Гильому о его содержимом и обо всех предыдущих событиях. При этом выяснилось, что о местопребывании Нечаева они узнали от этого молодого итальянца, сбежавшего от него и по возвращении в Женеву рассказавшего, что «padrone» * был зол, обращался с ним как с собакой, угрожал ему револьвером, чтобы заставить повиноваться». Из Невшателя, по указанию Гильома, Озеров отправился вдогонку за Нечаевым в Локль, но «экспедиция эта окончилась ничем». Выясняется из рассказа Гильома и еще одна любопытная деталь. «Не они одни,— продолжает он,—включились в эту кампанию. В тот же день, когда они уехали в Локль, или на следующий меня посетила молодая дама с таинственными манерами и передала записку от Бакунина. Это была мадемуазель Натали Герцен, старшая дочь основателя „Колокола". Она хотела тоже добраться до Нечаева и попытаться путем убеждения получить то, что Озеров рассчитывал получить насилием; она также потерпела неудачу: она представилась от моего имени Огюсту Шпишигеру, который проводил ее в дом, где прятался Нечаев; но разговор, происшедший у нее с последним, был безрезультатен» [97].

Так, благодаря воспоминаниям Гильома, стало известно, когда в действительности произошло последнее свидание Н. А. Герцен с Нечаевым.

Новая кража бумаг и отказ их возвратить сделали необходимым срочно предупредить об истинном облике Нечаева всех общих знакомых. Гильом был уже извещен, нужно было теперь писать в Лондон, куда направлялся Нечаев. Очевидно, уже 17 июля и Бакунин, и Огарев написали Таландье. Но Нечаев опередил их и, явившись к Таландье, был представлен им Мрочковскому и его жене З. С. Оболенской. Узнав об этом, Бакунин 24 июля вновь написал обоим своим лондонским друзьям, а в августе повторил ряд подробностей еще в одном письме Мрочковскому.

---

* хозяин (*итал.*).

Н. П. ОГАРЕВ
Фотография, 1870-е гг. (Пересъемка О. Ренара, Москва)
Музей Герцена, Москва

В конце июля Нечаеву стало известно об этих предупреждениях. Это и побудило его написать последнюю личную записку Огареву и Бакунину. Получив ее 1 августа, последний в письме к Н. А. Герцен вынужден был признать: «...нам всем, а мне более всех остается покрыть голову пеплом и с горем воскликнуть: мы были круглыми дураками!» (п. 69).

Так был подведен итог лично-общественным, или, говоря словами Бакунина, «интимно-политическим», отношениям двух старых революционеров с Нечаевым.

Нечаев, однако, не считал свои дела с ними законченными. В изданном им в Лондоне вместе с В. Серебренниковым № 1 журнала «Община» он поместил «Письмо к Огареву и Бакунину». «Не предвидя скорой возможности лично видеться с вами, я прошу вас через посредство старшей дочери Герцена, заведующей нашей кассой, доставить в редакцию „Общины" остаток того фонда, которого части получены мною при жизни А. Герцена и еще в недавнее время». Заявляя далее, что, несмотря на разногласия, он не перестает смотреть на них «как на лучших представителей поколения, к сожалению бесследно сходящего со сцены истории», Нечаев весьма двусмысленно и дерзко выражал надежду на сохранение дружеских отношений с ними — не по какой иной причине, как та, «что вы никогда не выступите более как практические деятели русской революции» [98].

Это было хитрое письмо. Признавая публично факт получения Бахметьевского фонда, в чем он ранее упорно отказывался выдать расписку, Нечаев как будто шел на уступку. Но тем самым публично демонстрировалась его совместная деятельность не только с Огаревым и Бакуниным, но и с Герценом и его дочерью. Более того, подчеркивалась не ослабевшая будто бы его связь с Н. А. Герцен, «через посредство» которой предлагалось передать деньги.

Последняя, со своей стороны, так реагировала на новую выходку Нечаева: «...отличился Нечаев и С-ie,— писала она 3 октября М. К. Рейхель,— напечатал один № журнала «*Община*», в котором требует от Огарева и Бакунина какие-то деньги — и чтобы переслали через *мое* посредство, так как *я заведую их кассой*. Это только милая шутка, чтоб отомстить за то, что, раскусив их, я отшатнулась с ужасом» [99].

Кроме того, «Община» становилась как бы естественным продолжением того общего «практического дела», отказываясь от которого бывшие соратники должны были вернуть свой долг. Публикация письма диктовалась не расчетом на возобновление разорванного союза; это была акция, рассчитанная на публику, предпринятая с тем, чтобы обезопасить себя против дальнейших разоблачений Бакунина и Огарева.

Но разоблачений этих не последовало. Шла франко-прусская война. В массовых стихийных демонстрациях французских рабочих, требовавших после поражения в августе 1870 г. французских войск свержения Наполеона III и вооружения народа, Бакунин увидел начало социальной революции, которая, как ему казалось, должна охватить все романские страны. 9 сентября он выехал в Лион. «Я решил понести туда свои старые революционные кости и там, вероятно, сыграю свою последнюю игру»,— писал он перед отъездом А. Фогту [100]. 19 сентября, сообщая Огареву из Лиона, что «здесь все готовится для настоящей революции», он просил, между прочим: «Пришли мне журнал лондонских мерзавцев. Прочту и скажу тебе свое мнение, как поступить». Был ли послан и дошел ли журнал, было ли что-нибудь предпринято Огаревым и Бакуниным —

неизвестно. Ясно только, что с этого времени «нечаевская история» стала для них прошлым.

Своеобразным эпилогом к ней служит письмо Бакунина Огареву от 2 ноября 1872 г. «Итак, старый друг, неслыханное свершилось. Несчастного Нечаева республика выдала. Что грустнее всего, это то, что по этому случаю наше правительство без сомнения возобновит нечаевский процесс и будут новые жертвы. Впрочем, какой-то внутренний голос мне говорит, что Нечаев, который погиб безвозвратно и без сомнения знает, что он погиб, на этот раз вызовет из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера. Увидим скоро, прав ли я. Не знаю, как тебе, а мне страшно жаль его. Никто не сделал мне, и не сделал намеренно, столько зла, как он, а все-таки мне его жаль 〈. . .〉 Под конец он стал дураком круглым. Вообрази себе, что еще недели за три или за две до ареста мы через знакомых — не прямо, потому что ни я и никто из моих друзей с ним не хотел встречаться,— мы предупреждали его, чтоб он убирался скорее из Цюриха, что его ищут. Он не хотел верить и говорил: „Это бакунинцы гонят меня из Цюриха" — и прибавлял: „Теперь не то, что в 1870 году; теперь у меня в бернском федеральном совете есть свои люди, друзья,— они предупредили бы меня, если б мне грозила такая опасность". Ну вот и пропал» [101].

Последние слова Бакунина сказаны будто специально для того, чтобы подтвердить поразительное проникновение Достоевского и психологию Нечаева: в заготовках к роману «Бесы» еще за два года до ареста Нечаева, весной 1870 г., он писал о своем персонаже: «Он 〈. . .〉 до того презирал всех, что не брал особенных предосторожностей и сделал множество промахов» [102].

В своей оценке будущего поведения Нечаева Бакунин был прав. За десять лет заключения в крепости Нечаев действительно проявил всю свою «энергию и доблесть». Процесс же над ним, вопреки прогнозам Бакунина, не вызвал новых жертв. Глубокое сожаление и человеческое участие к судьбе Нечаева, звучащие в этом письме, тем более важны, что действительно никто другой не сделал Бакунину намеренно столько зла. Ведь именно действия Нечаева, тенденциозно поданные в докладе Утина [103], явились (всего лишь за месяц до этого) одним из важных оснований для исключения Бакунина из Интернационала. Но Бакунин, как видим, сумел сохранить объективность и человечность к недолгому своему прежнему соратнику.

Обратимся к некоторым итогам. Благодаря Н. А. Герцен, всю жизнь скрывавшей, но не решившейся уничтожить «нечаевскую» документацию, любезной помощи правнука Герцена Л. Риста и Национальной библиотеки в Париже, предоставившей «Литературному наследству» микрофильм документов, ряду находок в архивах нашей страны и публикациям Института социальной истории в Амстердаме оказалось возможным достаточно полно представить сложные взаимоотношения как главных действующих лиц (Огарев, Бакунин, Н. А. Герцен, Нечаев), так и тех, кто был причастен ко всем этим событиям.

Предыдущие зарубежные публикации документов, рассматривая их изолированно, не касаясь, как правило, сопутствующих обстоятельств, не объединили в одно целое ни сами документы, ни все события, развернувшиеся в среде русской эмиграции в Швейцарии с декабря 1869 г. по август 1870 г. Единая публикация всего комплекса бумаг, введение ряда дополнительных материалов и хронологический принцип построения повествования, которое ведут сами документы, позволили представить цельную и достоверную картину этих событий [104]. Восстанавливая ее, вскрывая неизвестные ранее обстоятельства разрыва Бакунина и Огарева с Нечаевым, публикуемые документы отвечают на неясные прежде вопросы или уточняют роль каждого из участников событий. В последнем смысле весьма важно фактическое опровержение категорического утверждения Ю. М. Стеклова (четырехтомная монография которого до сего времени является самым фундаментальным в советской историографии трудом о Бакунине) о будто бы главной, определяющей роли Бакунина в «нечаевской истории» [105].

Если новые документы делают яснее степень моральной ответственности старого революционера, если они наглядно демонстрируют далекую от принципиальности тактику Бакунина, то они же определяют и инициативную роль Нечаева, и его самостоятельность при решении ряда важнейших практических и теоретических вопросов.

Проясняют документы и степень участия Огарева как в совместной пропаганде, так и в повседневных делах Нечаева. Особая близость Огарева с последним оказывается характерной для 1870 г., периода совместной работы по изданию «Колокола» в отсутствие в Женеве Бакунина. «Соборное послание» от 9 июня, в котором содержится и личное обращение Бакунина к Огареву, подтверждает, что и тогда еще Николай Платонович продолжал находиться под известным гип-

нозом нечаевских представлений о революционном «деле» [106]. В этом смысле прав, очевидно, Стеклов, предполагавший, что «к середине июня месяца Огарев был скорее на стороне Нечаева» [107].

По-новому раскрывают документы облик Н. А. Герцен. Период ее жизни, который ей хотелось скрыть, оказывается полным деятельности, необычных приключений, конспирации, острой идейной полемики. Ее окружают люди незнакомого ей прежде рода, происходят небывалые в ее жизни события, требующие быстрых и самостоятельных решений. В столь сложной, непривычной обстановке она руководствуется точным знанием меры дозволенного, твердыми нравственными принципами, воспитанными в ней отцом. В том, что опыт ее участия в революционных конспирациях оказался негативным, виновны были те уродливые формы, какие они принимали под воздействием Нечаева и которые она сочла за общие черты тогдашних русских революционеров.

Документы еще раз продемонстрировали остроту и точность оценок Герцена, сразу увидевшего вредность деятельности «триумвиров», и подтвердили всю справедливость самобичевания Бакунина, писавшего Огареву в августе 1870 г.: «Нечего сказать, были мы дураками, и как бы Герцен над нами смеялся, если б был жив, и как бы он был прав, ругаясь над нами!» [108].

Противоречивее и оттого более достоверным и живым предстает со страниц этих документов и образ Нечаева — не только как одержимого, сурового «абрека», но и как очень еще молодого человека, в котором могло, вопреки предписаниям его же собственного «Катехизиса революционера», возникнуть искреннее чувство к Н. А. Герцен. Становится ясно, как глубоко угадывал Достоевский эту неоднозначность душевного мира Нечаева, когда писал в набросках к «Бесам», что бывали случаи, когда Нечаев «действовал отчасти сердцем» [109], а впоследствии в «Дневнике писателя» признавался: «Позвольте мне про себя одного сказать: Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может и мог бы... во дни моей юности» [110].

Еще более важную информацию несет теоретическая сторона документов. Прежде всего это относится к письму 2—9 июня, явившемуся первой русской программой Бакунина. К отразившимся в нем и рассмотренным выше теоретическим положениям бакунизма следует добавить важность положения о необходимости периода организационной подготовки революции — в связи с чем тайные общества «должны быть заложены и организованы не в видах близкого восстания, а с целью продолжительной и терпеливой подземной работы» (п. 43).

Новым для освещения как мировоззрения Бакунина, так и недостаточно разработанной в литературе проблемы революционной нравственности является весь комплекс его суждений об этом в печатаемых ниже письмах.

Среди многих новых фактических обстоятельств, вводимых в широкий научный оборот настоящей публикацией, необходимо подчеркнуть важные и принципиальные сведения о так называемом «любавинском деле». Угрожающее письмо Нечаева, написанное им от имени «Комитета» Н. Н. Любавину, как теперь стало ясно, не было известно Бакунину до конца мая. Об этом свидетельствует и он сам в письме 2—9 июня, и Лопатин в письме от 26 мая. Когда Бакунин узнал от Лопатина об этих угрозах, он дважды, по свидетельству Гильома, заявил Нечаеву свой письменный протест: «Два письма Бакунина видел в 1872 г., после ареста Нечаева в Цюрихе, Р⟨осс⟩ С⟨ажин⟩, который поехал из Цюриха в Париж, чтобы сжечь бумаги, оставленные там Нечаевым в чемодане» [111]. О том, что письмо Любавину написал будто бы Бакунин, Генеральному совету Интернационала сообщил Н. Утин. Тогда К. Маркс попросил Даниельсона достать текст письма. Он был доставлен и на Гаагском конгрессе «сделал свое дело» [112]. Лопатин же в это время уже около года находился в Сибири и не мог разъяснить истинное положение дел. Единственный человек, могший внести ясность,— Н. А. Герцен, у которой хранились копии писем и Бакунина, и Лопатина,— не только далека была уже от деятелей революции, но с негодованием отшатнулась бы от мысли еще раз вернуться к тяжелой для нее странице своего прошлого.

Исследователи общественной мысли и революционного движения в пореформенной России получают теперь в свои руки всю, по-видимому, недоставшую документацию второго заграничного этапа «нечаевской истории». Особая ценность ее состоит в том, что на большом материале она еще раз подтвердила и укрепила взгляд советской историографии на «нечаевщину» как на явление исключительное, никак не связанное с нравственными принципами и революционными традициями русского освободительного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биограф. введением и объяснит. примечаниями М. П. Драгоманова». Женева, 1896 (далее: Письма М. А. Бакунина), с. 299.

[2] Там же, с. 300.

[3] «Последние новости», 1931, № 3614, 13 февраля; воспроизведены под заглавием «Мои встречи с Нечаевым»: «Лит. наследство», т. 63, с. 488—497.

[4] «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон». Ред. и предисл. В. П. Полонского. Прим. Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка. М.— Л., 1930 (далее: Архив Огаревых).

[5] Указ. соч., с. 268—279.

[6] Письмо от 6 июня 1870 г. Фотокопия с автографа *BN*: *ГБЛ*, ф. 69, 24.14, л. 7.

[7] *ГБЛ*, ф. 196, 7.18, л. 47. Последняя фраза — по-французски.

[8] Спорные моменты (помимо главного, изложенного далее) касаются поездки Н. А. Герцен в Локль к Нечаеву и ее присутствия на собрании эмигрантов, где обсуждался вопрос о его выдаче русским властям. Многое из этого было сходным образом освещено Н. А. Герцен в воспоминаниях 1931 г., поэтому важно понять, в чем эта версия расходилась с фактами прошлого. Как ясно стало из дневника Н. А. Герцен, она действительно ездила в Локль не по поручению Нечаева: ее отправил туда Огарев. Однако утверждение, что она не приняла бы поручений от Бакунина и Нечаева, далеко от истины: о выполнявшихся ею поручениях свидетельствует и ее дневник, и ее письма к Нечаеву. Права оказалась Тучкова-Огарева и в вопросе об участии Н. А. Герцен в собрании эмигрантов по делу Нечаева. 7 мая 1870 г. в Женеве состоялось такое собрание, где обсуждался вопрос, предъявить ли швейцарским властям общий протест эмигрантов против подчинения диктату русского правительства (о нем см. телеграмму Огарева — п. 29, а также письма к нему Бакунина —Письма М. А. Бакунина, с. 274—275, 277). На собрании присутствовал сам Нечаев и «обе Натали». Н. А. Тучкова-Огарева хорошо запомнила это собрание, потому что именно там произошло ее столкновение с Мэри Сетерленд, рассказ о котором не раз повторялся в ее письмах, и в том числе, что особенно важно, в письмах к Огареву. Так, в письме к нему от 12 апреля 1875 г. Наталья Алексеевна напоминала: «Когда раз во время митинга, при Нечаеве, эта женщина, тоже без малейшего повода, бросилась на меня с поднятыми кулаками, ты просил меня ее простить — и я простила» («Лит. наследство», т. 63, с. 514). В письме же к Е. С. Некрасовой от 8 апреля 1893 г. Н. А. Тучкова-Огарева рассказывала: «Раз в Женеве был сход эмигрантов, и мы с Н⟨аташей⟩ были. Огарев тоже пришел. Народу было много, собрание длилось до полночи. Вдруг Мэри явилась за О⟨гаревым⟩, она была пьяна, подошла к нам с Н⟨аташей⟩ с поднятыми кулаками. К счастию, незнакомые русские увели ее силой, а один из них проводил нас» (*ГБЛ*, ф. 196, 18.18, л. 31).

Возражения Н. А. Герцен против этих утверждений Н. А. Тучковой-Огаревой в воспоминаниях — плод недоразумения. Она полагала, несомненно, что речь идет о втором, более позднем собрании, где обсуждался уже текст протеста, написанный Бакуниным и Жуковским, и на которое она после разоблачения Нечаева Лопатиным (см. об этом ниже) действительно не пошла. Как показывает памятная запись Н. А. Герцен (см. п. 31), до этого она участвовала в более узком по составу обсуждении текста протеста и ставила там условием своей подписи включение в него ясно выраженного заявления, что революционная эмиграция не солидарна с деятельностью и взглядами Нечаева, а протестует лишь против нарушения швейцарскими властями права политического убежища.

[9] Ф. М. Достоевский. Одна из современных фальшей (Полн. собр. соч. в 30 т., т. 21. Л., 1980, с. 131).

[10] «Лит. наследство», т. 63, с. 489.

[11] Письмо от 6 июня 1870 г. Фотокопия с автографа *BN*: *ГБЛ*, ф. 69, 24.14, л. 8.

[12] Отвечая на письмо президента Академии наук СССР А. П. Карпинского от 24 сентября 1931 г. с просьбой предоставить для переиздания «Колокола» те материалы, которые, как он писал, «находятся в Вашем, Наталия Александровна, распоряжении», Н. А. Герцен утверждала, в частности: «Относительно „Колокола" издания Нечаевского среди этого архива имеется только мой рассказ о моих отношениях к Нечаеву. Рассказ этот написан по-французски и в переводе напечатан в „Последних новостях"» (Н. С. Рогова. К истории архива А. И. Герцена.— «Ист. архив», 1962, № 1, с. 95). В том же духе она отвечала двумя месяцами позже на обращение В. Д. Бонч-Бруевича (там же).

[13] З. К. Ралли. Сергей Геннадиевич Нечаев.— «Былое», 1906, № 7, с. 146.

[14] М. П. Сажин (Арман Росс). Воспоминания. М., 1925, с. 70—74. Именно эти воспоминания убедительно подтверждают факт кражи Нечаевым бумаг из архива Огарева, в чем Бакунин обвинял его в письмах к Таландье и Мрочковскому (Письма М. А. Бакунина, с. 286—290, 303).

[15] «Archives Bakounine publiées par l'Internationaal Instituut voor sociale Geschiedenis Amsterdam par A. Lehning», t. IV. Leiden, 1971, p. 475 (далее: *AB*). По свидетельству С. Кочрэна, ознакомившегося в Цюрихе с этими бумагами, в книжке был «список представителей высшего русского дворянства, очевидно составленный в связи с планами, изложенными в „Народной расправе"» (S. Cochran. The Collaboration of Nečaev, Ogarev and Bakunin in 1869. Nečaev's Early Years. Giessen, 1977, p. XIX).

[16] *CMRS*, v. VII. Paris, 1966, № 2 (письма Нечаева к Н. А. Герцен во французском переводе), № 4 (письмо Бакунина к Нечаеву от 2—9 июня и «соборное» от 9 июня 1870 г.); v. VIII,

1967, № 1 (письма Бакунина к Огареву, Озерову и др. от 10 и 20 июня 1870 г., переписка Бакунина с Н. А. Герцен, репродукция последней записки Нечаева Бакунину и Огареву), № 3 (письма Лопатина к Н. А. Герцен от 1 июня и 5 июля 1870 г., к Бакунину от 26 мая 1870 г., письмо Бакунина к Лопатину от 9 июня 1870 г.), № 4 (письмо Лопатина к Н. А. Герцен от 1 августа 1870 г.); v. X, 1969, № 1 (дневник Н. А. Герцен).

[17] *AB*, t. IV. Leiden, 1971 (в частности, франц. перевод письма Трусова к Марковичу). В этом издании помещен и ряд документов, хранящихся в Международном институте социальной истории в Амстердаме, часть которых мы также воспроизводим в настоящей публикации.

[18] Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896.

[19] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 845. Расшифровать это письмо пока не удалось, не установлены, следовательно, и его авторы (их, по-видимому, два).

[20] Н. П. Огарев. Избр. соц.-полит. и философ. произведения, т. 2. М., 1956, с. 534.

[21] Сб. «Наша страна». СПб., 1907, с. 228—231.

[22] В этой оценке мы согласны с Б. П. Козьминым (см.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, с. 556).

[23] Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, с. 535—536.

[24] Е. Л. Рудницкая. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, с. 387.

[25] Н. П. Огарев. Указ. соч., т. 2, с. 542.

[26] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1929, с. 411.

[27] В. Я. Гросул. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973, с. 347—397.

[28] Письма М. А. Бакунина, с. 254.

[29] «Лит. наследство», т. 39-40, с. 573.

[30] «Известия АН СССР», серия лит. и яз., 1967, т. 26, вып. 2, с. 162.

[31] «Лит. наследство», т. 41-42, с. 139—145. «Можно утверждать, что самый план одновременного обращения к различным классам и группам русского общества принадлежал именно ему»,— пишет Б. П. Козьмин об Огареве (указ. соч., с. 563), напоминая о его воззваниях 1861—1862 гг. Соглашаясь с этим мнением, Е. Л. Рудницкая добавляет, что возрождение старого пропагандистского плана Огарева «было искусственным, поскольку иным стало положение в России» (Е. Л. Рудницкая. Указ. соч., с. 389).

[32] Французский перевод Гильом напечатал 5 февраля в «Progrès», затем он был перепечатан в «Internationale» (Брюссель) 13 февраля и в «Volksstaat» (Лейпциг) 16 февраля.

[33] Огарев и Нечаев предполагали первоначально начать издание «Колокола» гораздо раньше: в письме к Н. А. Герцен от 15 февраля Огарев писал, что напечатает там статью «Памяти Герцена» 1 или 15 марта (фотокопия с автографа *BN*: *ГБЛ*, ф. 69, 25.51, л. 7).

[34] «Лит. наследство», т. 41-42, с. 155—156. Об условиях, на которых нуждавшийся в деньгах Бакунин взялся за этот перевод, см. в его письме к Огареву от 16 декабря 1869 г. (Письма М. А. Бакунина, с. 247).

[35] См., например, его письмо к Тате от 30 апреля 1869 г. (XXX, 100).

[36] В том же письме от 15 февраля 1870 г. Огарев писал ей в Париж: «Ты мне много поможешь в Женеве и возьмешь на себя кой-какие работы на русском языке, которые меня ужасно отвлекают от настоящего занятия писаньем статей и пр.».

[37] Драгоманов в примечании приводит рассказ ему об этом А. А. Герцена, ошибочно упомянувшего о присутствии при этих спорах Бакунина (Письма М. А. Бакунина, с. 536).

[38] Ее рукой написана большая часть счетов по расходованию фонда на издание, также оставшихся в «нечаевском» комплексе ее бумаг (фотокопия с автографа *BN*: *ГБЛ*, ф. 69, 24.5). О своих занятиях она много записывала в дневнике (см. ниже).

[39] Письма М. А. Бакунина, с. 257—260.

[40] *AB*, t. IV, p. 43—45.

[41] См. п. 3, 8, 9, 12, а также: Письма М. А. Бакунина, с. 257—260.

[42] М. Бакунин. Избр. соч., т. III. Пб.—М., 1920, с. 22.

[43] «Лит. наследство», т. 41-42, с. 163.

[44] Архив Огаревых, с. 78—81. Все эти произведения вошли в вышедший в конце 1870 г. в Женеве «Сборник посмертных статей» Герцена. Еще до этого А. А. Герцен напечатал французский перевод писем «К старому товарищу» в приложении к третьему изданию книги «С того берега» (вышло в свет в Женеве в июле 1870 г.).

[45] Цит. по кн.: *AB*, t. IV, p. XIV.

[46] Письма М. А. Бакунина, с. 271—272.

[47] «Лит. наследство», т. 63, с. 711—712.

[48] См. об этом прим. 7 к п. 41.

[49] См. об этом в воспоминаниях Н. А. Герцен («Лит. наследство», т. 63, с. 494—496) и в письмах 35—39.

[50] См. его письма к Огареву от 9—10 мая (Письма М. А. Бакунина, с. 274—275) и к Нечаеву от 11 мая (там же, с. 277).

[51] Письма М. А. Бакунина, с. 278—279, 281.

[52] Объяснения эти происходили, очевидно, 22 и 23 мая: 20 мая, как мы видели, Бакунин писал еще из Локарно и приехал в Женеву, скорее всего, 22-го. В «самый вечер приезда», как он писал потом Нечаеву (см. п. 43, с. 537), произошел первый разговор втроем, а на следующий день — встреча Лопатина с одним Нечаевым. 26 мая Лопатин уже из Парижа, по возвращении из Женевы, отправил Бакунину свое длинное письмо (п. 34). 27 мая Н. А. Герцен сообщала Нечаеву, что Бакунин уже в Берне и хлопочет там по делам его и Серебренникова (см. п. 35). Нель-

зя не отметить, что и после разоблачений Лопатина Бакунин не ослабил своей активности в защите Нечаева, а, наоборот, еще раз поехал в Берн, добиваясь организации протеста швейцарской общественности.

[53] См. п. 43. Письмо ранее приводилось в отрывках в ряде работ советских историков: Е. Л. Рудницкая. Огарев в русском революционном движении. М., 1969; Она же. «Нечаевский» «Колокол» («История СССР», 1983, № 1); Н. Пирумова. Бакунин. М., 1970; Она же. М. А. Бакунин или С. Г. Нечаев? («Прометей», 1968, № 5); Она же. Новое о Бакунине на страницах французского журнала («История СССР», 1968, № 4); А. И. Володин, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Чернышевский или Нечаев? М., 1976.

[54] Так, например, Ю. М. Стеклов писал в 1927 г.: «При имеющихся сейчас в нашем распоряжении данных ответить вполне точно на вопрос о действительных причинах разрыва трудно. Обе стороны ловко законспирировали их не только от современников, но и от потомства. Таким образом, мы и сейчас принуждены о многом только догадываться, ограничиваясь темными намеками, отдельными выражениями, неясными фактами» (Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Биография, т. 3. М., 1927, с. 523). Близкую мысль встречаем мы у английского исследователя Карра. Он писал: «Странно, что ни один из обильных наших источников о деле Нечаева не сообщает сколько-нибудь ясно о разрыве, и поэтому остается широкое поле для умозрительных предположений» (E. Karr. The Romantic Exiles. L., 1933, p. 356). Это заявление тем более любопытно, что в предисловии к своей книге Карр с благодарностью вспоминал о тех личных впечатлениях, которыми делилась с ним Н. А. Герцен во время неоднократных бесед в ее доме в Лозанне.

[55] Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864).— Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1851 гг.». М., 1974, с. 313—355.

[56] «Тайный Интернационал Бакунина» (Сб. «Михаил Бакунин. Неизданные материалы и статьи». М., 1926, с. 67—92).

[57] «Народное дело», 1868, № 1, с. 6—7.

[58] З. К. Ралли. Бакунин. Из моих воспоминаний («Минувшие годы», 1908, № 10, с. 157).

[59] Прибавление к книге: М. А. Бакунин. Государственность и анархия. 1872. («Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов», т. 1. М., 1964, с. 38—54.)

[60] «Нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление, или, как утверждал тридцать шесть лет тому назад покойный Чаадаев, говоря именно о русском народе, писать на нем, как на белом листе, что угодно» («Прибавление А».— Указ. соч., с. 44).

[61] М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. 3. М., 1935, с. 408.

[62] Е. Л. Рудницкая, В. А. Дьяков. Указ. соч., с. 317.

[63] Там же, с. 316.

[64] Протест этот принял форму писем «К старому товарищу».

[65] «Прибавление А» (Указ. соч., с. 49).

[66] «Демократы-баричи, развивающиеся во времена Пушкина и ему подобных»,— с пренебрежением писал об этом поколении Нечаев, конкретно имея в виду Герцена и Тургенева («Община», 1870, № 1, с. 3).

[67] М. П. Сажин. Указ. соч., с. 72.

[68] «Теория,— писал Бакунин,— по природе своей нетерпима, и вся ее чистота, ее нравственность, искренность, сила обусловливаются и доказываются именно этою нетерпимостью. Поэтому всякая коалиция в теории безнравственна» (Письмо «Редакторам Колокола».— *AB*, t. IV, p. 86).

[69] CMRS, v. VII, 1966, № 4, p. 583.

[70] Ibid.

[71] Ibid., p. 599.

[72] См. его статью «Главные основы будущего общественного строя» в № 2 «Издания общества Народной расправы».

[73] Нужно согласиться с Б. П. Козьминым, считавшим, что возобновленный «Колокол» следует рассматривать не изолированно, а как часть всей нечаевской пропагандистской кампании (указ. соч., с 568).

[74] Конфино неправ, полагая, что «политическая линия „Колокола“ была либерально-консервативной, и он стоял за конституционную монархию с законными мирными реформами» (*CMRS*, v. VII, 1966, № 4, p. 594).

[75] Мимикрия была все же недостаточно умелой, что позволяло не только нам, и но современникам легко обнаруживать авторство Нечаева. Так, К. Маркс сразу же узнал руку Нечаева в ответе Боркгейму («Автору статьи „Письмо Нечаева“»), опубликованном в «Volksstaat» (1870, № 6) и в «Колоколе» (подробнее см.: «Колокол». Изд. общества политкаторжан. М., 1933, прим. Е. Мороховца к 4-му номеру, с. 74).

[76] Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 3, с. 443—444.

[77] П. Е. Щеголев. С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине (Сб. «Алексеевский равелин». М., 1929, с. 242).

[78] *CMRS*, v. VII, 1966, № 4, p. 585.

[79] Ф. М. Достоевский. Одна из современных фальшей (Полн. собр. соч. в 30 т., т. 21. Л., 1980, с. 128—129).
[80] Письма М. А. Бакунина, с. 282.
[81] Там же, с. 283.
[82] Там же, с. 286—290.
[83] Там же, с. 303.
[84] Там же, с. 290. Нечаев, по всей вероятности, имел в виду тот журнал, который он начал издавать в Лондоне в сентябре 1870 г. и для которого использовал название «Община», намечавшееся ранее Огаревым для своего журнала (см. его наброски: «Лит. наследство», т. 61, с. 575—576).
[85] «Лит. наследство», т. 61, с. 576—578.
[86] М. П. Сажин. Указ. соч., с. 34.
[87] Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. Л., 1925, с. 85—86.
[88] «„Вперед!", 1873—1877. Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова. Отобрал, снабдил примечаниями и очерком Борис Сапир», т. 1. Dordrecht, Holland — Boston, USA, 1970, с. 31.
[89] Там же.
[90] Там же, с. 34.
[91] Письма М. А. Бакунина, с. 300.
[92] Там же, с. 289.
[93] Там же, с. 303.
[94] Там же, с. 290.
[95] «Лит. наследство», т. 63, с. 485.
[96] «Община», 1870, № 1, 1 сент., с. 8.
[97] D. Guillaume. L'Internationale. Documents et souvenirs, t. 1. Genève, 1980, p. 63—64.
[98] «Община», № 1, с. 8.
[99] Фотокопия с автографа *BN*: *ГБЛ*, ф. 69, 24.14, л. 25.
[100] Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 4, с. 39.
[101] Письма М. А. Бакунина, с. 305, 443—444.
[102] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 11, с. 97.
[103] «Доклад Н. Утина Гаагскому конгрессу Международного товарищества рабочих» (Сб. «Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сент. 1872. Протоколы и документы». М., 1970, с. 322—425).
[104] Следует отметить также, что сверка опубликованных за рубежом текстов с оригиналами принесла ряд уточнений и дополнений — пропущенных или не прочитанных издателями мест.
[105] Ю. Стеклов. Указ. соч., т. 3, с. 430.
[105] Прося Огарева подтвердить его непричастность к Бахметьевскому фонду, Бакунин писал: «Озеров мне пишет, что тебя останавливает боязнь повредить делу ‹. . .› Пора же нам понять, наконец, что Нечаев ‹. . .› сам по себе не есть дело, что дело само по себе, а он сам по себе» (Письма М. А. Бакунина, с. 272).
[107] «Каторга и ссылка», 1934, № 3, с. 10.
[108] Письма М. А. Бакунина, с. 299.
[109] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 11, с. 279.
[110] Там же, т. 21, с. 129.
[111] D. Guillaume. Op. cit., t. 1, p. 261—262.
[112] См.: «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, с. 85.

I

ДНЕВНИК Н. А. ГЕРЦЕН

28 мая 1870

В первых днях февраля я поехала в Женеву с Тхоржевским [1]. Меня мучила мысль о том, что мы поселимся кто в Париже, кто во Флоренции, а Ага останется совсем один, как будто брошенный нами.

Несколько дней после приезда прихожу утром — Огарев еще спал. Вхожу в салон, Тхоржевский мне шепотом говорит:

— В той комнате сидит Мг Волков [2]. Позвать его сюда?

— Пожалуй,— отвечала я.

Очень мне было интересно видеть этого человека, о котором я имела очень неясное понятие, но все-таки кое-что слышала. Тхоржевский отворил дверь в столовую, впустил или, скорее, пригласил молодого человека, сказав:

— Не хотите ли перейти сюда? Здесь и Н‹аталья› А‹лександровна›.

Престранное впечатление сделало на меня явление Волкова — вся его фигура была оригинальна, чисто русская, но особенно обращали внимание темные

<. . .> * глаза, которые высматривали по временам из-за больших темных очков. Входя в комнату, он пробормотал: «Здравствуйте», засунул левую руку в карман, а правую — на грудь застегнутого пиджака и стал шагать из угла в угол, не поднимая взгляда.

— Принесли «Journal de Genève»? — спросил он Пана.

— Нет, — отвечал последний, обиженный тем, что Волков осмелился спросить его, как будто это его должность — носить ежедневно журнал.

— Ну, так потом принесите, надо взглянуть, — продолжал Волков, не обращая внимания на Пана, который через несколько минут ушел.

Мы остались одни. Волков продолжал шагать с опущенной головой, я стояла, облокотившись, у камина, ждала, чтобы он начал говорить. Промолчали мы несколько минут, наконец Волков спросил, не подымая головы и не смотря на меня:

— Вы поедете провожать гроб отца в Ниццу?

— Нет, один брат поедет с Тхорж<евским>; я вернусь к сестрам в Париж.

И опять настало молчание. Наконец я спросила:

— Читали вы русские газеты? Что нового?

— А вы разве интересуетесь русскими делами? — спросил он и взглянул в первый раз на меня, и то быстрым взглядом из-за очков, и опять опустил глаза на пол.

— Как же не интересоваться, особенно последнее время, — начались опять аресты, допросы.

— Почем я знаю, интересует вас это или нет — чай, давно за границей?

— Давно. Мне был год, когда мы выехали. Ничего не помню, но, тем не менее, интересуюсь всем тем, что там делается.

Этим кончилась наша первая встреча. Огарев взошел, я начала говорить с ним. Судя по лаконическим вопросам и ответам Волкова, по резкому тону, которым он их бормотал свысока, точно начальник какой-нибудь, я подумала, что, по его мнению, пустая трата времени разговаривать с «барышней», вследствие чего не начинала больше говорить с ним и вообще не обращала на него внимания, хотя и делала свои наблюдения на его оригинальные манеры и выходки.

Дня через два-три я говорила О<гареву> о своем намерении ехать в Берн и оттуда в Париж. Волков шагал из угла в угол по своему обыкновению, как медведь в клетке.

— Говорили о рисунках? — пробормотал он, проходя около О<гаре>ва.

— Нет, еще не говорил, — медленно ответил Ага, и еще медленнее повернувшись ко мне, как будто готовясь сказать что-то.

— Что за рисунки? — спросила я, удивленная, и, бог знает почему, промелькнула мысль о том, что мне предложат сделать или скопировать виньетку для фальшивых бумажек.

— Это длинная история, — продолжал Огарев, — потом тебе объясню. Но ты послезавтра уже едешь? Как же с этим быть, успеешь ли?

С трудом узнала я, в чем дело. Нужно было нарисовать мужика русского сначала, потом оказалось — лучше было бы нарисовать группу мужиков. Тут и Волков начал объяснять, не обращая внимания на мое замечание, что выйдет у меня все неуклюже, не верно, не живо, потому что я мужиков русских никогда не видела, а потом — потому что я фигур рисовать не умею, ограничивалась головами, что совсем другое дело.

— Это ничего не значит, — продолжал Волков, — нам артистические произведения не нужны. Сюжет и костюмы вам будут объяснены, вы только чертите, потом увидим — годится или нет. Удастся — много обяжете.

Поняла я наконец, что им хотелось: во-первых, не один рисунок, а целый ряд картин, которые бы имели влияние на народ, на мужиков. Волков объяснял сюжеты так:

— На одном рисунке вы, например, представьте толпу мужиков, вооруженных чем попало, косами, палками и т. д. Парень один впереди потерял шапку,

---

* Знаком <...> здесь и далее отмечены пропуски в тексте дневника.— *Ред.*

рвется как будто бы на ту сторону, указывая на солдат, которые там стоят, — тут останавливает его поп и бьет крестом по голове. Понимаете?

— Понимаю. Но задача трудная, мне не по силам. Очень жаль!

— Нечего руки-то опускать, не пробовавши; начните с одной фигуры — там увидим. Ну, напр⟨имер⟩, барин-помещик, как был,— толстый, богатый, развалившись на диване пьяный, и помещик, как он теперь,— худой, оборванный...

— Это скорее можно.

— Потом, коли удастся, нужно изобразить мужиков — например, на одной страничке — что делают мужики, а на другой — что им следует делать.

— А что им следует делать, по-вашему? — спросила я.

После минутного молчания он ответил:

— А вот, например, несколько мужиков подкрадываются тайком к господ⟨скому⟩ дому и поджигают.

— Помилуйте, что вы! — воскликнула я.— Ни за что бы не нарисовала, если б и могла. Нечего учить мужиков резать или поджигать; когда народ восстает, он слишком жесток, его надобно останавливать, а не подстрекать...

Ироническая улыбка показалась на лице Волкова, и он, продолжая шагать, крикнул Огареву, сидевшему в столовой:

— Эй вы, слышите, что «они» здесь говорят? Отказываются рисовать, вот видите, потому что против их воззрения учить мужиков поджигать.

О⟨гарев⟩ посмеялся, ничего не сказал. Поспорили мы еще немножко; группы я отказалась рисовать, сказала, что отдельных мужиков и фигур попробую составить. Огарев настаивал на том, чтобы я поскорее вернулась из Берна, что он мне еще много объяснит и расскажет. Саша, спешивший в Париж, меня, напротив, просил или советовал мне как можно дольше оставаться у Маши [3].

— Надеюсь, что ты тогда найдешь Огарева одного, а то что же это теперь — никак нельзя порядком говорить, все кто-нибудь у него да сидит. А знаешь, как Ц⟨амперини⟩ попался вчера вечером? Это меня очень удивило для такого опытного конспиратора. Едва мы поздоровались, он мне говорит с таинственным видом, указывая пальцем через плечо на Волкова: «Я пришел,— говорит,— по этому делу... понимаете, но не достал еще, это совсем не так легко; три уже передал, хлопочу о четвертом». Ты понимаешь, что я ничего об этом не знал, но мне жаль было старика, подумал о том, как стыдно и досадно ему будет, если заметит, что проговорился,— и ответил тоже с таинственным видом: «Да, да, понимаю, это не шутка». Эх, как смешны и бесполезны все эти штуки!

— Молодой, должно быть, очень энергический человек, но односторонний взгляд на все,— заметила я.

— Да,— ответил Саша,— но что же делать? С его точки зрения, он прав: без этой односторонности ничего не сделаешь. А если он шпиона отправил на тот свет, за это можно его только похвалить.

— Конечно,— подтвердила я.— Как интересно было бы знать, что такое у них делается в самом деле в России! Существовал заговор или нет?

Меня в самом деле это очень интересовало; я уже несколько раз расспрашивала Огарева, просила его объяснить мне, в чем состоит их дело и отчего папаша от них отстранился, отчего он не верил, не сочувствовал им.

О⟨гарев⟩. Г⟨ерцен⟩ уж давно как-то отстранялся, держался в стороне, вследствие чего многого просто не знал и не мог судить о теперешнем положении русской молодежи и о том, что они делают.

Я. Ты веришь, что у них организовано общество, которое имеет большое влияние?

О⟨гарев⟩. То, что они сильны, доказывает уже сам по себе факт побега Волкова, то, что его освободили товарищи. Но, впрочем, если б их было и мало, человек 50, 20 или десять, я все-таки был бы с ними, потому что считаю их дело делом справедливым и святым.

Мне хотелось яснее понять, в чем именно состоит это «*дело*» и это «общество», поэтому не сиделось в Берне; я осталась там дня два, а на третий день вернулась и опять начала расспрашивать Огарева. Ответы его меня не могли удовлетво-

рить: казалось, что он многое знает, но сказать не может, не должен; поэтому я начала расспрашивать Волкова и имела с ним даже очень длинные разговоры — вообще о работниках, о «буржуа», об эксплуататорах и «тунеядцах», но о русском деле мне ничего не становилось яснее. Понять можно было только одно, это — что он проповедует страшнейшую ипокризию *, повторяя, что «цель оправдывает средства».

— Помилуйте, — воскликнула я невольно, — да это просто иезуитизм!

— Да, конечно, — отвечал В⟨олков⟩, — да иезуиты были самые умные и ловкие люди, подобного общества никогда не существовало. Надобно просто взять все их правила с начала до конца, да по ним и действовать — переменив цель, конечно.

И удивило, и испугало меня это объявление. Как можно работать с такими людьми, — подумала я. И чем больше В⟨олков⟩ развивал необходимость такой системы и пускался в подробности, как, н⟨а⟩пр⟨имер⟩, необходимость иногда подслушивать у дверей, распечатывать чужие письма, лгать и т. д., тем больше я удивлялась, как Огарев мог соглашаться с таким образом действия. Когда я его об этом расспрашивала, он мне только отвечал:

— Бывают случаи, когда лгать необходимо.

— Ну, а подслушивать, чужие письма распечатывать и т. д.?

— Да на практике это никогда не приходится делать, — был его невинный ответ.

Из всех разговоров вывод можно было сделать тот, что цель у них хороша, стремятся они к тому, чтобы переменить существующий порядок, начать хотят с того, чтоб опрокинуть или уничтожить силу русского правительства, — а средства!..

Два дня до моего отъезда в Париж[4] Волков стал делать мне всевозможные вопросы, касающиеся до меня лично, до моих занятий, и наконец спросил, для чего я еду в Париж и что буду там делать.

— Сама еще не знаю,— ответила я.

— Плохо,— пробормотал он.

— Пока я остаюсь с Н⟨атальей⟩ А⟨лексеевной⟩ и с Лизой — буду ею заниматься, буду помогать Н⟨аталье⟩ А⟨лексеевне⟩ папашины рукописи переписывать и переводить. А дальше что будет, еще не знаю.

— Плохо — а говорите, что ищете дело, готовы бы и нам помочь.

— Конечно, если только могу,— но как, какое дело?

— Дела бездна, и под рукой; стоит серьезно захотеть и найдете, узнаете. Да вот здесь даже — сколько вы могли бы Огареву помогать!

— В чем же?

— Приходите сегодня вечером, я вам объясню. Но только следовало бы вам переселиться сюда, в Женеву.

— Теперь уже поздно — в Париже уж, верно, нанята квартира. Впрочем, увижу. Если б я думала, что в самом деле найду дело здесь, я, конечно, бы переселилась.

Вечером я опять пришла, несмотря на то что голова ужасно болела. Огарев был выпивши, играл на фортепиано. Волков сел около меня и начал таинственным шепотом рассказывать, что в России существует большое, сильное тайное общество, что он рискует говорить мне об этом, несмотря на то что так мало знает, потому что я внушила ему доверие, и рассчитывает на то, что никому об этом не буду говорить.

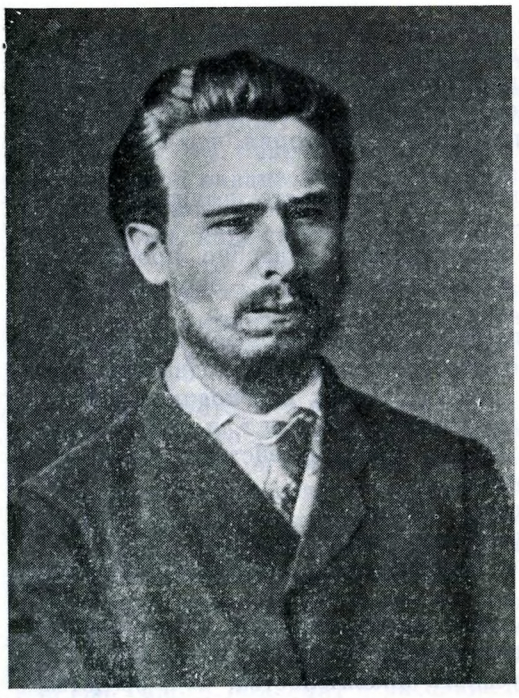
— Цель общества вы знаете; значит, теперь вы только скажите: считаете вы себя одной из наших?

— Т. е. как так? Принадлежу ли я к вашему обществу? Конечно, нет!

— Не то хотел сказать,— словом, хотите вы оставаться жить покойно, как светские, салонные барышни, или сделаться одной из *наших*, как сильные женщины, которые встречаются в России теперь и которых мы считаем своими сестрами?

---

* От французского hypocrisie — лицемерие.



С. Г. НЕЧАЕВ
Фотография, 1869
Литературный музей, Москва

Я. Т. е. вы меня спрашиваете, хочу ли я принадлежать к вашему обществу? На это я не могу ответить, я все-таки еще слишком мало об нем знаю.

В〈олков〉. Да вы только то решите: ближе вы к буржуа, тунеядцам, которые ничего изменить не хотят, или к нам, желающим все переделать?

Я. Конечно, к вам, т. е. я вашей цели сочувствую, но ваших средств одобрять не могу...

В〈олков〉. Вот все, что я знать хотел. Вы согласны с целью — значит, вы из наших; только это надобно доказать на деле, надобно работать и нам помогать.

Я. Однако позвольте, вы говорите, что я из *ваших*, я говорю, что с целью согласна, что готова помогать, но хочу знать условия вашего общества прежде, чем буду считаться его членом, и что мне делать придется?

— Условий нам никаких не нужно, кроме молчания. В России другое дело — там я не решился бы так скоро открыто говорить с вами. Никаких подписей, ни условий нам не нужно, к чему все это? Кто не хочет ничего делать, и подписавши не станет делать, а тот, кто искренно желает работать, и без этого будет работать. К чему же ненужные формальности?

— Да какое же дело вы мне предлагаете?

— Сейчас объясню. Вы видите, что там пошли аресты и всевозможные гадости в последнее время; начали тоже бежать из тюрьм, из крепостей; бегут за границу, а тут ничего не находят; остановятся в Германии — их выдают опять русскому правит〈ельству〉. Надобно непременно устроить какой-нибудь центр здесь, за границей, который был бы в сношении со всеми разбросанными русскими вне России — так, чтоб человек бежавший знал бы, куда обратиться, и не пропадал бы. Комитет нашего общества считает, что всего удобнее устроить это в Швейцарии, а именно в Женеве — вот хоть у Огарева, напр〈имер〉, так как его знают и уважают. Но Огарев стар, часто нездоров или в таком состоянии, как сегодня вечером. Надобно непременно, чтоб около него был человек молодой, свежий, который ему бы помогал, напоминал. Вам бы всего лучше и легче было бы взять это на себя. Без этого просто беда — мне на днях необходимо ехать, оставить его просто страшно. Бывают такие случаи, н〈а〉пр〈имер〉, приносят на днях важнейшую телеграмму — известие о том, что один из «наших» бежал; телеграмму надобно было немедленно прочесть и как можно скорее опять телеграфировать и дать знать, в чем дело, в другое место. А О〈гарев〉 распечатал, начал, было, читать, но заснул на стуле с телеграммой в руках. К счастью, я еще вовремя пришел, успел отправить депешу куда следует, а то бог знает, сколько человек бы погибло. Понимаете, что тут непременно должна быть *верная*, свежая личность, которая бы мало-помалу взяла бы все в руки, т. е. которая получала бы всю корреспонденцию и аккуратно бы все передавала, отвечала и т. д. Если бы вы за это взялись, вы оказали бы нам громадную услугу — ведь дело идет о жизни людей, которые тут даром погибают по неосторожности О〈гарева〉.

Положение так, как он мне его представлял, было в самом деле чрезвычайно нехорошо. Я поверила, что в самом деле в России что-то делается, что все кипит,

шумит и что готовится что-то к 19-му февраля 70 г. Я задумалась, перебирая обстоятельства и стараясь придумать, как устроить переезд после того, как я в Париже так решительно была против поселения в Женеве. К тому же вспоминалась мне болезнь моя, и страшно мне было, что приходится мне участвовать в тайном обществе, вспоминала я, как меня мучили всевозможные заговоры во время болезни, видения и т. д.

Волков прекратил все это вопросом:

— Видите необходимость переехать сюда хоть на время, на несколько недель или месяцев, на два, на три, словом, пока дело так горячо там? В Париже вам делать нечего, ⟨ничего⟩ важного, а здесь вы будете ужасно полезны. Решайтесь, помещение вам найдут здесь у О⟨гарева⟩ или... но, может, вы избалованы очень насчет того — комфорта?

— О, нет, я ко всему привыкла и мало обращаю внимания на комфорт!

— Тем лучше, — продолжал он, — тогда вам можно просто комнату нанять.

— Как так — [будьте уверены, что] я одна не приеду, кто-нибудь из моих со мной приедет тоже. Ведь я недавно выздоровела, они меня не пустят одну *.

— Это для чего? Это совсем не нужно. Нет, устройте так, чтоб вы одни приехали, других лиц сюда вмешивать не нужно — значит, они могут только мешать. То, что я вам говорю, должно остаться между нами. Итак, когда вы будете опять в Женеве? Помните, что каждый день тут дорог — ну, дня через три, четыре?

Я. Как можно? Невозможно так скоро все обделать — недели через две-три, никак не раньше.

В⟨олков⟩. Нет, недели через две — это уж максимум. Но надеюсь, что раньше, а то уж больно плохо здесь. Решились?

Я. Наверное не могу обещать; посмотрю, как и что устроено в Париже. Что могу — то сделаю.

— Нет, вы наверное устройте! Вы сами понимаете и видите, до какой степени важно, какие ужасные последствия могут случиться вследствие маленькой неаккуратности. Я на вас рассчитываю, а пока я вам дам кой-какие поручения в Париже. Приходите завтра поутру пораньше, я вам объясню, в чем дело.

На следующий день он мне дал ** несколько писем для передачи знакомым в Париже, прибавил рекомендательное письмо, которое я должна была отдать г.⟨...⟩, ему же он писал, чтобы он исполнял все мои поручения [5].

— Желательно, чтобы вы встречались с ним *не* в вашем доме.

Просил он меня писать поскорей, рассказывая подробно, как отнесутся все дома к моему желанию переехать.

— Как вы им объясните? Никто не должен знать, что вы в сношении с нами, — даже О⟨гареву⟩ прошу не говорить.

— Да **я** могу объяснить так, что хочу пожить около Огарева, — впрочем, я об этом уже писала до наших разговоров, потому что мне, право, жаль его оставлять одного. Н⟨аталья⟩ А⟨лексеевна⟩ мне на это отвечала, что ей все равно, что если мы можем в чем бы то ни было быть полезны (это касалось до его привычки слишком много пить), то она готова переехать сюда.

— Желательно, чтобы вы приехали одни, не нужно же вам нянек. Если меня не будет здесь, можно будет устроить встречу, свидание где-нибудь на дороге. Впрочем, это мы письменно обделаем.

— Это трудно будет устроить; надеюсь, что не будет нужно.

— Во всяком случае, я вам дам адрес и объясню, где это можно устроить.

Тут он мне назвал город N⟨euchâtel⟩, сказал, что такой-то господин его знает под именем S. [6], что я, входя, должна сказать, что прихожу от имени «Народной расправы».

Вернулась я в Париж, исполнила аккуратно поручения и чуть-чуть не попалась в «souricière» ***, устроенную в бюро «Marseillaise», так как у меня было

---

* Последняя фраза вписана на полях.— *Ред.*

** На полях против этой строки вписано: *Сани Тхоржевского.* Смысл этой пометы неясен.

*** мышеловка, ловушка (*франц.*).

поручение к редакции. Совсем случайно не попала: узнали, что все редакторы арестованы. Я немедленно написала Огареву [7].

Дня через два я уже получила письмо от Волкова с длинной диссертацией о «тунеядстве», о том, что я 25 лет жила бесцельно, бесполезной для других и т. д., словом — резюме наших разговоров и споров. В конце он просил бросить все эти «эфемерные связи и сентиментальности», отделаться от постоянного опекунства и ехать одной в Женеву [8].

Я отвечала, что устроить все это труднее, чем он предполагает, потому что то, что он называет эфемерным и сентиментальным, для ⟨меня⟩ очень важно и серьезно. Что он отношений моих к другим понять не может, потому что, верно, давно уже живет и работает один, не заботясь о других *.

Во втором письме я уже отказывалась ехать, находя, что это слишком беспокоит и огорчает всех моих дома, которые начинают кое-что подозревать, прибавила, что это немудрено, потому что я лгать не могу, а объяснения мои или мое молчание не могут их удовлетворить [10]. И в самом деле, бесконечные разговоры и рассуждения с N⟨atalie⟩, М⟨альвидой⟩ и Сашей меня ужасно огорчали: я видела, как они боялись за мое здоровье, понимала, что это основанно, потому что я в самом деле находилась в ужасно взволнованном состоянии. Заметили, что я получаю письма, писанные незнакомой рукой, — вообразили себе, что они от Б⟨акунина⟩.

Саша окончил дела с адвокатом, я подписала все нужные бумаги, Ольга тоже. Ему дела больше не было в Париже, к тому же он спешил к Терезине. Он и Тхоржевский взялись провожать гроб до Ниццы и все устроить там. Накануне отъезда у нас был еще длинный разговор — Саша старался доказать мне нелепость моего желания ехать в Женеву, говорил, что он в этом видит остаток моей болезни.

— Ну, сама рассуди, — говорил он, — в чем ты можешь Огареву помочь — так как ты говоришь, что для этого едешь? Если ты думаешь, что можешь иметь влияние на его привычку пить, это нелепо, ты ничего не сделаешь.

Я. Ага пишет в последнем письме, что я ему могу в некоторых вещах помочь и быть полезной.

С⟨аша⟩. И это тоже вздор! Ты знаешь, что он теперь сам рассудить не может, что он совсем под влиянием окружающих. Верю, что ему очень хочется, чтоб ты около него пожила, но, если он тебя зовет, это тоже под влиянием других лиц, которые просто рассчитывают на твой карман. Брось это, никакого дела ты там не найдешь.

Я. Не могу, там увижу, в чем дело и кто прав.

С⟨аша⟩. Во всяком случае, не нужно так торопиться, — продолжал бедный Саша, выведенный из терпения, но стараясь не слишком горячо противоречить мне, думая все о возможности возвращения моей болезни, — к чему это тебе ехать вперед? Подожди до конца месяца, обдумай хорошенько и, если не переменишь решения, поезжай с N⟨atalie⟩. Но теперь дай мне уехать покойно, обещай мне, что ты не уедешь одна. Подумай, как мне тяжело теперь ехать и оставлять тебя в таком странном, ненормально взволнованном состоянии.

Больно мне было видеть, что я его и других всех так огорчаю — не выдержала я и обещала, что не поеду без N⟨atalie⟩ [и что останусь до конца февраля].

— Ну, слава богу, — сказал Саша, вздохнув свободно, — что стоило добиться до этого! Очень поздно, пойдемте спать.

Тут вмешался Пан:

— На слово Н⟨атальи⟩ А⟨лексан⟩дровны можно рассчитывать, мы это знаем — поэтому мы знаем, что *до конца месяца* мы можем быть покойны. Н⟨аталья⟩ Алексеевна никак не соберется до 1-ого марта.

Как только Тх⟨оржевский⟩ начал говорить, я стала прощаться, Сашу целовать и так и ушла, не отвечая на замечание Тхор⟨жевского⟩. День или два после их отъезда я получаю следующее письмо от Волкова [11]. Может быть, и очень вероятно, что все то, что он мне говорил и писал, на меня так сильно действовало потому, что я еще была под влиянием болезненных видений; я невольно отыскивала сход-

---

* На полях против этого текста: *Огарев тоже писал, прося приезжать и помогать ему* [9].

ство теперешних обстоятельств и моих видений и видела в них опять что-то вроде предсказания. Саша и Пан уехали.

Письмо В⟨олкова⟩ меня ужасно взволновало; мне самой приходило в голову, что, если это положение продолжится, я, пожалуй, опять запутаюсь и заболею. Необходимо было решиться на что-нибудь — и я начала укладывать свои вещи. N⟨atalie⟩ все замечала и все больше и больше за меня беспокоилась. С тем вместе все боялись противоречить и избегали этого. Однако, увидя, что я укладываю, N⟨atalie⟩ спросила, что я делаю — решилась ли я ехать и когда? Вид мой ей очень не понравился. Узнав, что я решилась ехать дня через два, она преспокойно сказала, что тоже будет готова, что она предпочитает бросить деньги, вперед заплаченные за пансион, чем пустить меня одну. И в самом деле, мы на второй день уехали. N⟨atalie⟩ телеграфировала Саше и Тхор⟨жевскому⟩, чтобы последний ехал уж прямо в Женеву и не заезжал по-пустому в Париж.

В Женеву мы приехали усталые [12], с головными болями, в жалком состоянии; тем не менее я отправилась к Ага узнать, нет ли чего нового и в чем именно я могу ему помочь. Он очень обрадовался нашему приезду, сказал, что я в самом деле могу оказать большую помощь, что он на днях мне скажет, в чем дело.

На следующий день он мне передал письмо от Б⟨акунина⟩ «к двум Натали» [13], сущность которого состояла в том, что он сочувствует нам, но что духом падать не надо, особенно когда можно быть еще полезным для других и когда под рукой такое важное и святое дело, как то, что делается в России и для России. Когда я кончила читать, О⟨гарев⟩ меня спросил:

— Что ты думаешь, как отнесется к этому Natalie?

— Ты взгляд ее знаешь,— отвечала я ему,— и знаешь, что она совсем не сочувствует всей вашей деятельности и не верит, чтоб из этого вышла какая бы то ни было польза. Это письмо никакого влияния на нее не будет иметь.

— Так ты лучше отдай мне его. А у нас с Б⟨акуниным⟩ такая пошла переписка о тебе — вот посмотри его последнее письмо — просто статья целая, и только о тебе [14].

Я. Что же это он обо мне может писать? Он меня едва знает — что, о чем он заботится?

А⟨га⟩. Он слышал, что ты была больна. Мы говорили о тебе, я с ним согласен в том, что тебе необходима какая-нибудь деятельность. Ну вот, тут и найдется дело для тебя. Вот они там, Natalie и Саша, думают, что я тебя гублю, что тебе вредно работать,— я же убежден в противоположном: в этой пустой среде, буржуазной, бесцельной, поневоле опять с ума сойдешь. Не губить — спасать хочу тебя...

Меня поразил его раздраженный (интолерантный) тон — я стала защищать N⟨atalie⟩ и Сашу и доказывать ему, что они никогда не желали бесцельной жизни для меня, что естественно, что они боятся волновать меня теперь, зная, как все доктора советовали мне покой.

На второй или третий день Огарев показал мне письмо В⟨олкова⟩, в котором тот пишет, что ему непременно нужно переслать какие-то преважные бумаги, прибавляя: «Надеюсь, что Тата у Вас, она Вам во многом поможет. Пошлите ее ко мне с бумагами — я только ей и доверяю теперь» [15].

— Что же, возьмешься ты за это? — сказал Огарев после паузы.— А то я, право, не знаю, как сделать: по почте, говорят, никак нельзя посылать.

Озадачило меня это предложение. Представила я себе испуг и неудовольствие Natalie, потому что слышала, как раз с Сашей ⟨они⟩ рассуждали и говорили: «Лишь бы Б⟨акунин⟩ не употребил ее курьером, это было бы всего опаснее — будет пропадать бог знает куда; с ее экзальтацией она готова поехать в Россию». Поняла я, что это первый шаг для того, чтобы сделаться курьером. «Ехать, сама не зная к каким людям, для свидания с убийцей,— приходило и это мне в голову,— но ведь он убил шпиона, дело хорошее; какая у него энергия, он фанатик, в самом деле, кроме цели своей ничего не видит». К тому же я думала, что ему скоро придется ехать в Россию. Прочла я некоторые из их брошюрок — не понимала, как можно было такие ужасы печатать, и очень желала с ним об этом еще переговорить, да вообще многое себе объяснить.

Колебалась, колебалась я — да решилась поехать. Бедный Ага и обрадовался, и испугался.

— Не повредит ли это тебе? Ты себя чувствовала нехорошо после приезда. Уверена ли ты, что это тебе ничего не сделает?

Я его успокоила и стала придумывать, как бы это устроить, чтоб N⟨atalie⟩ как можно меньше беспокоилась и Сашу бы не испугала и чтоб Тхоржевский не вздумал провожать. Как мне ни было противно сказать неправду Natalie, я на это решилась: сказала ей, что еду в Берн, чтобы она не беспокоилась, потому что я остановлюсь у Маши. Я видела, как ей была неприятна эта новость, но она только сказала:

— Ты — не ребенок, я не имею права тебе мешать, но знай, что ты Сашу очень огорчишь: он разъездов всего больше боялся для тебя. Хоть бы Тхор⟨жевского⟩ с собой взяла.

— Не могу.

— Ну, так делай как знаешь. Знай, что и я буду ужасно беспокоиться. Когда ты вернешься?

— Послезавтра,— да я тебе напишу.

Ужас Тхоржев⟨ского⟩ был еще больше, он непременно хотел меня провожать хоть до станции. Я ему не сказала, с каким поездом еду, да так и поехала одна, с маленьким мешком и пуком бумаг *... Natalie стояла у окна и с беспокойством смотрела, как я сажусь в карету.

— Смотри же, не пропадай,— крикнула она мне вслед,— и береги себя!

А мне было так странно и забавно — конспиратором маленьким сделалась! Доехала я преспокойно до N⟨euchâtel⟩ — тут я должна была отыскать г. Г⟨ильома⟩. Никогда я прежде не была в N⟨euchâtel⟩; станция железной дороги за городом, дороги я не знала и никого спрашивать не хотела. Вижу, спускается большая часть пассажиров по довольно широкой дороге — я пошла за ними; некоторые с удивлением смотрели на меня — видно, заметно было, что я иностранка. В лавке у старушки спросила, где улица S⟨eyon⟩ и без затруднения нашла г. Г⟨ильома⟩ [17]. Он сам мне отворил дверь, посмотрел на меня подозрительно — не шпионка ли я. Спросила я его, не может ли он мне указать, где Волков.

— Я его знаю,— отвечал он,— но, где он теперь, мне неизвестно. А вы его знаете лично?

Тут-то я вспомнила условную фразу и поспешила сказать:

— Как же, знаю, и прихожу я от имени «Народной расправы».

Он улыбнулся и воскликнул:

— Да, да, так это вы? Знаю, вас давно ожидают. Мне недели две-три тому назад предсказали, что вы приедете. Вам придется еще некоторое время путешествовать по железной дороге.

— Но доеду ли я сегодня вечером?

— Как же, конечно. Темно будет, но не беспокойтесь — все будет устроено, вас будут ждать на станции; только, пожалуйста, держите белый платок в правой руке, вот так. Чтобы знали, что вы именно та личность, которую надобно проводить. А теперь позвольте мне вас проводить до станции и понести ваш мешочек. Неужели вы совсем одни приехали и одни отыскали меня?

Мы вышли вместе, направились к станции, но по другой, очень уединенной дороге. Он заметил, что он это делает из осторожности, так как его общество может компрометировать, и у него много врагов в N⟨euchâtel⟩.

— Конечно, я приехала одна — что ж тут удивительного? И одна отыскала вас, несмотря на то что никогда здесь не была. Чему вы удивляетесь?

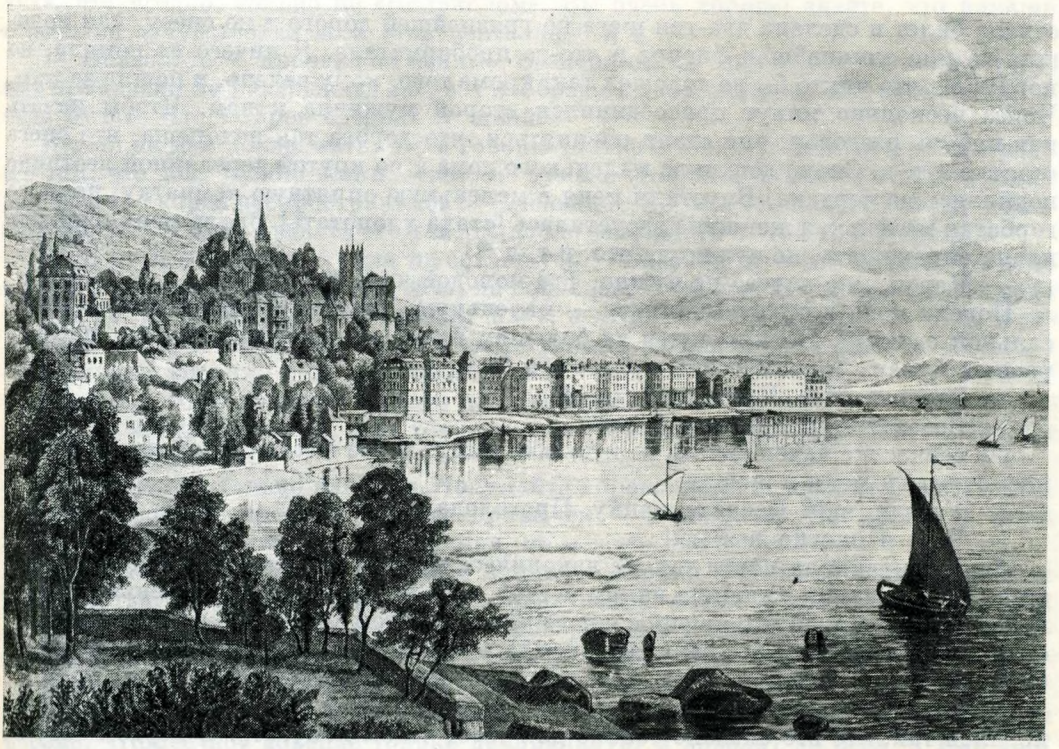
— Правда, что никогда бы я не догадался, что вы — конспиратор!

Я засмеялась.

— Если б мне было велено отыскать вас в толпе, мне в голову не пришло бы, что вас ожидают. Вы русская?

---

* На полях вписано: *N⟨atalie⟩ себе вообразила, что в 5-ом часу утра ко мне приходил Ц⟨амперини⟩* [16]. *Оказалось потом, что в пансионе живет итальянец, что он в 5-м часу кому-то сказал: «è pronto»* («я готов» — *итал.*).



НЕВШАТЕЛЬ
Гравюра В. Трамбауэра по рисунку Ю. Циммермана, 1870-е гг.
Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881

— Русская. Что же, вы находите, что я слишком молода?

— Во-первых, молоды. Потом у нас уже образовалось понятие известное о «нигилистках», которое совсем не соответствует вашему явлению, à toute votre apparition, votre extérieur, du moins *. Непременно ожидаешь известную небрежность в одежде, стриженые волосы, очки и т. д. Да прибавьте к тому, что я знаю наружность нашего знакомого и некоторых его товарищей.

— Очень странно, право,— прибавил он после минутного молчания.

— Так вам приходилось встречаться с нигилистками? Я хотя и сочувствую им во многом и сама себя считаю нигилисткой — так, как я понимаю это слово,— но считаю эти внешние формы и оригинальности совсем излишними и смешными.

Дошли мы до станции, приходилось ждать около получаса. Он удивился, что я не обедала, и настаивал на том, чтобы я поела что-нибудь в буфете. Делал некоторые вопросы, робкие, боясь быть нескромным, и несколько раз повторял:

— Как глупо, как досадно, что ни вам, ни мне ничего не сказали. Вижу, что у нас много общих знакомых. Знаете вы этот почерк, напр⟨имер⟩? — Я сейчас же узнала [18].— Странно! Ведь я их всех знаю, весь кружок. И в деле кн. О⟨боленской⟩ [19] брал самое деятельное участие.

— Что делать! Но если вам не было сказано говорить со мной — вы не говорите. И предупреждаю вас, что о *ваших* именно делах я очень мало знаю, или, лучше сказать,— ничего.

Спросил он меня еще, не нужно ли мне денег,— я, конечно, отказалась. Поезд подъехал, он усадил меня, а сам побежал телеграфировать.

Было уже совсем темно, когда я доехала до маленькой станции Л⟨окль⟩. Взяла я белый платок в правую руку, как было сказано, и самой было смешно. Едва я

* всему вашему облику, вашему внешнему виду по крайней мере (*франц.*).

отдала билет и сделала два-три шага по грязнейшей дороге и по снегу, как подошла ко мне длиннейшая фигура и что-то пробормотала. Я ничего не поняла, но подумала, что никто бы не подошел так, кроме того, кому велено, и пошла за ним. Через несколько минут присоединился второй мужчина к нам. Чтобы начать как-нибудь разговор, они стали извиняться, что дорога так нехороша, что снега столько и т. д. Скоро дошли до маленького дома и по крутой деревянной лестнице поднялись до чердака. Впустили меня в маленькую опрятную комнатку; немного горбатая маленькая женщина засуетилась [стала хлопотать] около меня, снимать плащ, спрашивать, не нужно ли что, и т. д.[20]

— Мерси, мне ничего не нужно. Где молодой человек?

Повели меня в другую комнату — маленькую, низенькую, освещенную одной сальной свечкой. Волков сидел за большим бюро, окруженный кипами писем и разных бумаг. Лаконический привет его был:

— Здравствуйте. Принесли? Давайте!

— Вот вам — и я отдала бумаги.

Он сейчас же начал читать — и только минут через шесть-семь поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Устали, чай? Давайте шапку. Проголодались, верно?

— Чаю я охотно выпью.

Я сама начинала почти так же лаконически отвечать, как он, хотя без резкостей. Горбатенькая женщина накрыла стол, принесла кофе, меду, варенья, громадный хлеб и т. д. и изучала меня с ног до головы, потом засуетилась около кровати, стала менять белье; я все-таки беспокоилась при мысли, что придется с ней спать. Сидела я, ела и думала: «Как это я решилась на такую штуку?»

Начали мы толковать, рассуждать и спорить. О всех печатных листках он относился так, что это сказано только для того, чтобы напугать. В первом часу он увидел, что я очень устала, и сказал:

— Что же не говорите, что спать хочется? Я бы ушел. Что, вы нездоровы, что ли? Вон пишет О⟨гарев⟩, чтоб за вами смотреть, ничем не раздражать, ничем не волновать. Уж больно вас любит-то! [21]

— Да, мне что-то нездоровилось последние дни в Женеве. Теперь ничего, только устала. Где же моя комната? Мне сказали, что в отеле неудобно, бросится в глаза.

— Здесь все приготовлено — оставайтесь в этой комнате, я пойду туда. В котором часу будете готовы завтра? Так, приблизительно?

— Около девяти. Прощайте!

— Покойная ночь.

Заперлась я громадным ключом и легла, думая о N⟨atalie⟩, Саше, всех своих: как бы удивились, если б знали, где я в самом деле.

Проснулась я очень рано. Два окошечка выглядывали на какие-то садики, на церковь, на два-три домика и на тропинку, терявшуюся в снегу, за сим холмы за холмами, покрытые снегом. Видно, совсем деревня. Ровно в девять явился Волков, начал с того, что уговорил меня не только не ехать с первым поездом, но немедленно написать О⟨гареву⟩, что не могу вернуться до вечера следующего дня.

— Сами знаете, что обо всем не переговоришь так скоро. А переговорить надо о многом. В письме он ничего мне не объясняет. Потом вы сами желали кой о чем еще расспросить меня. Ну, пишите скорее, чтоб не беспокоился.

Я написала ему и Natalie [22]. Потом опять начали спорить и толковать до самого вечера. Объявил он мне, что̀ хочет «Комитет», чтоб издавался журнал, чтоб журнал этот назывался «Колоколом». Я сказала, что мне это чрезвычайно неприятно, и не только мне, но и всем моим; прибавила:

— Верно, вы сами это выдумали, а не Комитет ваш — значит, можете переделать. Ваш журнал не будет иметь ничего общего с прошлым «Колокол⟨ом⟩», я это предвижу — к чему брать то же имя? Только потому, что вы надеетесь, что будут больше читать и распространять, по воспоминанию старого. Это своего рода эксплуатация имени папаши и его журнала. Повторяю, что это нам чрезвычайно неприятно. Мало ли есть имен более ⟨. . .⟩, пусть он назовется «Топор», «Меч», «Красный Пе-

тух», что угодно, только не «Колоколом». Вы очень хорошо знаете, что папаша совсем не сочувствовал всей этой деятельности и...

— Позвольте,— прервал он меня.— Во-первых, не горячитесь, не волнуйтесь, мне приказано не раздражать вас, вот я и боюсь с вами спорить. Ну, захвораете — беда будет. Что Огарев сделает со мной?

И стал он мне доказывать, что я говорю только с точки зрения дочери, а о деле и о том, что делу нужно или полезно, не думаю. Для *дела* полезно, чтобы журнал как можно скорей распространился — очевидно, что имя «Колокола» этому поможет, значит, и надо назвать его так. Надобно *всё* решать с этой точки зрения.

— В этом я никогда с вами не соглашусь,— сказала я.— Вы видите, что уже в этом случае мой взгляд, как *дочь*, не совпадает с вашим; ясно, что такого рода случаи будут встречаться на каждом шагу, а я знаю, что я никогда не буду в состоянии выработать в себе такой односторонний взгляд и все судить и решать с одной точки зрения — пользы вашего дела.

В⟨олков⟩. Не говорите — *вашего* дела, а *нашего*.

Я. Не могу. Я не могу и не хочу считать себя *вашей*. Вы ведь видите, что мы совсем не согласны.

В⟨олков⟩. Это только кажется. Подумайте хорошенько, освободитесь от разных предрассудков и сентиментальных привычек — и увидите, что правда с моей стороны и что вы, как умная женщина, не можете иначе думать.

Всего не передашь — записывать длинно. Спорили о деспотических условиях их общества, об их невозможной интолерантности; потом я заметила, что у них, по его словам, все основано на взаимном доверии, что у меня доверие к людям образуется чрезвычайно медленно, что я очень подозрительна, осторожна.

В⟨олков⟩. Я вам уже писал, что копеечного доверия нам не надо.

Я. Да об этом я хотела еще расспросить вас, я не поняла эту фразу в вашем письме: «Копеечное доверие только деморализует и доводит до бед» [23]. Как так? Как же сразу иметь полное, безграничное доверие? Это невозможно.

В⟨олков⟩. Конечно, полудоверие — безнравственная штука. Надобно быть или настоящим другом и товарищем, чтобы решительно ничего друг от друга не скрывать, что⟨бы⟩ все было прозрачно, каждая мысль, каждое движение души — или быть открытым врагом, которого всеми силами стараешься обманывать и уничтожать. А эти половинчатые отношения что такое? То относишься откровенно к личности, как к товарищу, то с недоверием и обманываешь его, как врага. Поэтому помните, что первое условие — это чтобы решительно ничего не скрывать. Комитет должен непременно знать все ваши мысли, вкусы, желания, чтобы не давать вам работу или поручения, которые вы бы неохотно исполняли.

Я. Помилуйте, стану я все это рассказывать незнакомым людям, ведь я никого из них не знаю. Такое доверие можно иметь только к известной личности, и то после долгого знакомства. Повторяю вам, что для меня, напр⟨имер⟩, нужно было бы месяцы и годы, чтобы выработать в себе такое безграничное доверие, а то это выйдет просто слепая вера, ни на чем не основанная. Вы, в сущности, этого-то и хотите. Это своего рода религия.

1) Показывал бумагу — как будто бы приказ Комитета — что́ «Колокол» должен (или просто — их будущий орган должен) превозносить *. Он видел по бесконечным спорам, как я всему этому не сочувствую. В чем будет состоять мое дело, все-таки не говорил: «Помогать Ог⟨ареву⟩, смотреть за аккуратностью корреспонденции и т. д.»

2) Вторую бумагу прятал, говоря: «Чтоб вторую видеть, надобно сперва согласиться с первой». Я отвечала: «Значит, никогда мне не покажете,—я с первой никогда не соглашусь». Однако он мне ее показал несколько неделей позже, подписанную Б⟨акуниным⟩. Для чего он мне эту [заповедь] отвратительную штуку показывал, бог знает (тайная редакция, фальшивая монета, фальшивые паспорты и т. д.) [24].

3) Поручил — разобрать стол Ог⟨арева⟩, привести все его бумаги в порядок.

---

* На полях против этого текста вписано: ⟨*Мара*⟩*т*, *Бабеф*.

Вернулась я в Женеву поздно вечером [25], отправилась прямо к Ог⟨ареву⟩, чтобы отдать письма и поручения. Встретила неожиданно там Чернецкого [26], который, думая, что я вернулась из Берна, стал расспрашивать о Рейхелях. Мне было чрезвычайно неловко и неприятно. Я прошла в другую комнату, Ог⟨арев⟩ взошел за мной. Я передала ему кой-какие поручения, он вдруг позвал Чер⟨нецкого⟩ и тут дал или объяснил, что касалось его работы, и так неловко, что Чер⟨нецкому⟩ нетрудно было догадаться, что я была не у Рейхелей. Вскоре после этого он и написал Саше, что я сделалась «карбонаркой» [27].

Немало я удивилась, когда несколько дней спустя опять увидела Волкова: прихожу к Ог⟨ареву⟩, он там сидит [28]. Сказал, что вышла какая-то путаница, что ему было необходимо ехать сюда. Я объявила, что все-таки не понимаю, какое может тут найтись дело для меня.

— А вот увидите — потолкуем, поговорим.

Под предлогом, что днем некогда и неловко говорить, он стал меня провожать по вечерам. Мало-помалу выяснилось, что мне сначала нужно будет заняться корреспонденцией с книгопродавцами, вести счетные книги, делать посылки и т. д., словом, устроить *бюро* и держать все в порядке.

— Но все это — не настоящее дело,— прибавлял он,— все это неважно, это может и другой делать. Главное — то, что вы должны соединить всю эмиграцию, сплотить их всех и повести в известном направлении.

Я. Помилуйте, где мне! Я себе и представить не могу, как тут взяться за это дело...

В⟨олков⟩. А вот я вам объясню. Когда рассуждениями и разговорами нельзя больше действовать на людей, надобно прибегнуть к другим средствам. Ну, напр⟨имер⟩, всех перессорить в каком-нибудь кружке — здесь, напр⟨имер⟩, всех эмигрантов, потом поодиночке на них действовать, толковать с ними.

Тут он пустился в подробности, развивал весь план действий, «чтоб забрать все в руки», и так возмутил меня, что я воскликнула:

— Да вам просто нужна хитрая *интриганка*! Мне все это противно! Покорно благодарю вас, если вы мне *такое* дело предлагаете!

Он иронически улыбнулся и сказал:

— Пожалуйста, не волнуйтесь, вам не велено волноваться. И за что, подумаешь! Что такое *интриганка*? Пустое слово!

Я. А по-моему, не пустое слово; и если вы это называете делом, так будьте уверены, что я вам помогать не буду, вот что!

Мало-помалу я стала тоже замечать, что мои лаконические ответы на все его вопросы о разных особ⟨ах⟩ его не удовлетворяют. Я ему прямо сказала, что совсем не намерена ему передавать все, что знаю и слышу.

— Как так? — заметил он с неудовольствием.— Что ж это будет за доверие? Говорил я вам, что копеечного доверия нам не нужно.

Я. А я вам говорила, что доверие так скоро не приобретается и нельзя себя принудить вот вдруг: имей доверие к такой-то личности!

В⟨олков⟩. Нет, вы должны иметь полное, безграничное доверие — без этого ничего делать нельзя. Вы должны так устроить, чтобы все имели такое же доверие к вам, все бы вам рассказывали, чтоб вы все знали.

Я. Для того, чтобы вам передавать?

В⟨олков⟩. А потом мне будете рассказывать, что узнали, слышали.

Я. Понимаю. Вы, другими словами, мне предлагаете быть шпионом,— сказала я, и кровь бросилась в голову.

Он опять иронически улыбнулся и сказал:

— К чему употреблять такие громкие слова? Вы этим ничего не докажете.

Конец каждого разговора было то, что я убеждалась все больше и больше, что пути их мне так противны, что я ничего с ними общего иметь не могу. Он мне все старался доказывать необходимость этих ⟨путей⟩. Вскоре приехал Б⟨акунин⟩ [29] и так хорошо ему в этом помогал, что чуть-чуть мне в самом деле ум совсем не свихнули.

— Как? — говорил он мне.— Наши враги в 10 тысяч раз нас сильнее и ника-

кими средствами не пренебрегают, а мы вздумаем бороться с ними, не употребляя те же средства?! Ведь это безумие — и пробовать нечего тогда, это даром людей губить! Какая цель? Переменить этот гнусный существующий порядок. Ну, первый шаг для этого — низвержение русского правительства, а для этого надобно всеми средствами пользоваться или плюнуть на все и сидеть сложа руки.

Разнесся слух, что мы хлопочем о Костромском имении, что хотим вернуться в Россию,— и пустились все трое бранить нас на чем свет стоит. Ог⟨арев⟩ под их влиянием начал бранить Сашу и Фогта, говорить, что они меня уговаривают ехать в Россию и делать подлости. Я, конечно, удивилась, стала их защищать и говорить, что мы, конечно, справлялись, можем ли мы вернуться просто, само собой разумеется — без подлостей, что мы и не думали писать или подписывать прошение [30].

— Знаем,— начал Б⟨акунин⟩,— одно то, что кто-нибудь из вас туда поедет, будет доказательством, что вы, т. е. семейство Герцена, помирились с правительством. Вас примут с распростертыми объятьями — еще бы! Попадете вы в аристократические кружки. Vous verrez comme on vous fêtera *. Брату вашему сейчас предложат кафедру — il se fera une magnifique carrière—mais il souillera par cela le nom de son père **.

Я начала, было, сердиться, а потом сделалось смешно, видя, как человек может увлечься пустыми фантазиями или играть какую-то роль, чтоб на мое воображение подействовать, и сказала наконец:

— К чему вы все это говорите? Саша и не думает ехать в Россию и искать там кафедры. Повторяю, что никто из нас никаких подлостей не сделает, чтоб получить это имение в России. Но если Фогт или Шаллер [31] об этом будут хлопотать и вытребуют его, опираясь на швейцарские законы,— конечно, мы не откажемся. И, признаться, не вижу никакой причины, чтобы делать подарки русскому правительству. Все, что вы сказали, до нас ничуть не касается.

Тем не менее Волков мне сказал шепотом:

— Сегодня вечером надобно непременно еще толковать. Но здесь неудобно. Пойдем к тому старику. Поняли?

Я. Конечно, понимаю. Но отчего же здесь неловко? Стоит зайти в другую комнату, если не хотите при Огар⟨еве⟩ говорить.

В⟨олков⟩. Сказал, что не годится,— значит, нельзя. Боитесь, что ли? Ведь ненадолго — полчасика.

Я. Чего мне бояться? Но, по-моему, не нужно — но, впрочем, пойдем. Только смотрите, не задерживайте дольше десяти — не хочу я каждый раз тревожить всех дома.

В⟨олков⟩. Боитесь, что ли? — сказал он иронически.— Н⟨аталья⟩ А⟨лексеевна⟩ побранит?

Я. Никого я не боюсь — сама не хочу поздно возвращаться без необходимости.

В⟨олков⟩. Вечно останетесь кисейной барышней! И от предрассудков своих никогда не отделаетесь.

Уж по дороге к Б⟨акунину⟩ он, в самом деле взволнованный или представляя, что возмущен, мне говорил как бы с бешенством:

— Разве вы не видите, что с вами делают? Ребенок вы, что ли, что не понимаете, или деревянная, что можете так равнодушно и спокойно смотреть, как кругом делают подлости?

Я. Я вас не понимаю! Отчего вы сердитесь, бранитесь? Кто делает подлости?

В⟨олков⟩. Поймите же, что вас продают,— сказал он бешеным шепотом,— те, которые называются вашими друзьями, близкими, вас продают русскому правительству.

Одну минуту я подумала, что он с ума сошел, и не отвечала, тем более что мы были у дверей Б⟨акунина⟩. Вошли мы в крошечную комнату громадного агитатора. Волков сел немножко поодаль с каким⟨-то⟩ диким взглядом; тирольская шляпа

---

* Увидите, как будут вас чествовать (*франц.*)

** он сделает великолепную карьеру — но замарает этим имя своего отца (*франц.*).

набок, громадный шарф небрежно обвертывал шею — во всей его фигуре было что-то ⟨от⟩ бандита, выражение поражало энергией, и злобой, и жестокостью.

Б⟨акунин⟩ начал мне объяснять, что не следует мне удивляться, что всего при Ог⟨ареве⟩ говорить нельзя,— сама вижу, верно, что это просто опасно, что он может проговориться, когда в нетрезвом виде,— повторять то, что уж говорил поутру, желая доказать мне, что N⟨atalie⟩, С⟨аша⟩ и компани — буржуа, тунеядцы, которые только о деньгах и думают и мечтают о том, как бы увеличить состояние, что N⟨atalie⟩ остается со мной только потому, что ей это *выгодно*; поэтому она и представляет, что ко мне привязана. Тут я сильно протестовала; заметила, что он не имеет права так говорить о ней, а потом слушала с удивлением все его выходки. Некоторые из них меня возмущали так, что я даже не давала себе труда отвечать. Повторил он, что, если мы вернемся в Россию и получим опять Костромское имение, это будет позор для поколения нашего, такое унижение, подлость и т. д.

Тут вмешался и Волков, взглянув на меня почти зверским взглядом, и сказал:

— Понятное дело, что, если вы все-таки поедете, нашим придется так или иначе с вами покончить.

Я с любопытством смотрела на это странное существо, не показала ни малейшего испуга или волнения и ждала, чем это кончится. Б⟨акунин⟩ с упреком посмотрел на него и сказал:

— Ну, что это — сейчас грозиться... Ни на что не похоже. А ведь он серьезно бесится — посмотрите.

Потом стал говорить о том, что мне надобно непременно решиться, с какой стороны я быть хочу,— потому ⟨что⟩ быть и тут и там не следует и нехорошо.

— Я понимаю, что вас теперь останавливает; вы теперь думаете: «Хитрят они со мной, я знаю, что они — иезуиты; с какой же стати я буду им теперь верить? Говорят они мне теперь одно, а в сущности думают и хотят другого. Может быть, они в самом деле хлопочут только о моих деньгах и хотят меня эксплуатировать». Ну, признайтесь, эта мысль у вас теперь в голове была или нет?

Я. Да, была не раз. Но главным образом мешает мне не это, а то, что я не вижу никакого дела для себя, и то, что вообще еще сомневаюсь, идете ли вы верным путем. Chi va piano, va sano *...

Длинная диссертация — и Б⟨акунин⟩ кончает:

— Поймите, что кругом вас в частной жизни ничего просто не делается, просто не говорится — вон там-то настоящие иезуиты, а не мы. Вы спрашиваете, что вы можете делать? Да это со временем покажется, увидим, а пока... да с вами прямо и просто говорить ведь нельзя, а то бы без лишних фраз просто бы сказал: оставьте себе strict nécessaire** на житье, остальное же давайте на общее дело. Но вам это теперь сказать нельзя,— продолжал он после паузы и видя, что я не отвечала.— Хотя тут ничего не поможет: бейтесь, сколько хотите, но рано или поздно до ваших денег доберемся... Социальная революция неизбежна... И скоро...

— Будьте уверены,— сказала я,— что, когда этот день придет, я горевать не буду и не буду ждать, чтоб у меня все отняли, а сама отдам.

Он иронически улыбнулся, взглянул В⟨олкова⟩ и сказал:

— А вот увидим скоро, искренно ли вы это говорите или нет. К несчастью, вы выросли в среде, в которой уважали золото и деньги больше всего. У отца вашего была эта слабость, он и вам, детям, оставил ее в наследство. Бедные вы — дети Герцена, жалею я вас — какая же эта ваша жизнь бесцветная, бесстрастная, ничем до сих ⟨пор⟩ не увлекались. Вечно были разумны, боялись сделать глупость, поэтому ничего не делали. Тот, который ничего не делает, тому легко не ошибаться, но зато он и путного ничего не делает. Что это вы — хотите в самом деле быть гувернанткой дочери Н⟨атальи⟩ А⟨лексеевны⟩ или нянькой детей брата вашего? Это недостойно вас, вам надобно шире поле — и тут под руками дело готово. Что вы это серьезно думаете, что мы вас ограбить хотим? Да сами рассудите — знаете

---

* Тише едешь — дальше будешь (*итал.*).

** строго необходимое (*франц.*).

ли, что у них в руках в России громадные капиталы, миллионы — очень нужны им ваши копейки! Что это для них — капля в море! * Но вы можете быть полезной вашим влиянием на Огарева, который в самом деле становится развалиной. Будете вы около него — он, наверное, будет меньше пить. Хоть вы его не оставляйте — я, право, это говорю из какого⟨-то⟩ чувства пиетета к бедному старику, ужасно жаль его.

(А пока он это говорил, у меня невольно приходила мысль в голову, что, в сущности, он думает о том, как бы я не уехала слишком далеко, потому что, пока я вблизи Ог⟨арева⟩, верно, из меня удастся высосать сколько угодно.)

Прощаясь, он сказал:

— Помните, Тата, что в ваши счеты с Ог⟨аревым⟩ мы вмешиваться не хотим, делайте там, как знаете, помогайте, сколько хотите,— мы об этом ничего знать не хотим и от вас никогда ничего не примем.

Я не отвечала, но мне внутренно было так смешно слышать эти гордые слова — ведь он очень хорошо знал, что если я Ог⟨ареву⟩ помогаю, то это потому, что они его вводят в траты, деньги все-таки из одного и того же источника — для чего же эта комедия? И вспомнила я его грубый намек, сделанный мне несколько дней до этого. Он мне сказал в присутствии Ог⟨арева⟩ и просто de but en blanc **:

— Надеюсь, что дети Герцена постыдятся оставить Огарева без средств.

Я почувствовала, как кровь бросилась в голову. Непостижимая неделикатность!

Я все не могла взять решение, да и неясно понимала, что же именно от меня хотят.

— Вы должны непременно сделать какой-нибудь решительный шаг,— говорил мне Волков,— чтоб доказать, что вы не бесхарактерны.

Когда я спрашивала, что он подразумевает под решительным шагом, он отвечал:

— Ну, уж это сами знать должны; докажите вы, что вы в самом деле недовольны существующим порядком,— а то все, что говорили, будут пустые фразы. Отделайтесь от всех предрассудков, протестуйте против теперешнего порядка, а то вы критикуете, а сами продолжаете идти тем же путем. Не нужна нам критика ваша — а если серьезного дела хотите, освободитесь от всех вас окружающих лиц, от всех этих Н⟨атальи⟩ А⟨лексеевны⟩, пан⟨а⟩ Тхор⟨жевского⟩ и т. д.

Я. А, так, по-вашему, сделать решительный шаг — это просто жить особо или по крайней мере не с Н⟨атальей⟩ А⟨лексеевной⟩?

В⟨олков⟩. Нет, не только это — хотя это, конечно, было бы начало. Вы этим бы доказали, что вы самостоятельны.

Я постаралась ему доказать, что это было бы хорошо, если б N⟨atalie⟩ меня притесняла, но так как она мне предоставляет полнейшую свободу и не вмешивается в их дела, то это не нужно.

— Вы увидите,— продолжал он,— что скоро между вами ничего общего не будет, для чего же тогда вместе жить? Гораздо лучше и свободнее врозь.

Я. А вот увидим. Я их люблю и хочу с ними жить. Если окажется, что ничего общего больше нет, пусть же они уедут, а я их бросать не хочу. Впрочем, вам дела до этого нет, где я живу,— я знаю, что я теперь совсем свободна.

Б⟨акунин⟩ меня в этом поддерживал, говорил — нечего слушаться В⟨олкова⟩, что он никакого рода привязанностей не признает, не верит в то, что, живя вместе, так привыкаешь друг ⟨к⟩ другу, что тяжело расставаться; все, что не «дело», по его мнению, пустое, сентиментализм и т. д.

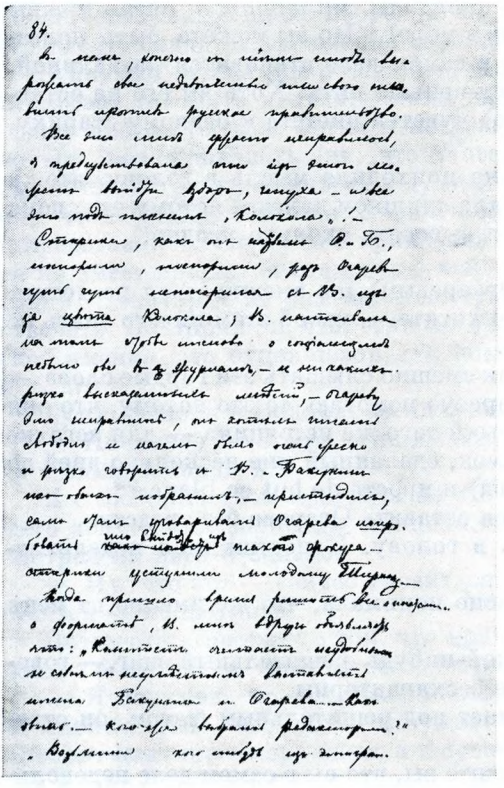
В некоторых вещах они были не согласны, напр⟨имер⟩, Волков мне говорил, что для того, чтобы им помогать и в самом деле сделаться «сильной женщиной», надо решительно все другое бросить и исключительно заняться их делом.

— И вот узнаете тогда, что значит настоящая жизнь,— говорил он с восторгом,— настоящая дружба и полное доверие. Мы всеми порами живем, а к товарищам у меня такое доверие, как к самому себе, и т. д.

---

* На полях вписано: *На каждом шагу противоречия.*

** ни с того, ни с сего (*франц.*).



СТРАНИЦА ДНЕВНИКА Н. А. ГЕРЦЕН
Запись 28 мая 1870 г.
Изложение споров между Огаревым, Бакуниным и Нечаевым о направлении возобновленного «Колокола»
Национальная библиотека, Париж

Начались у них споры о назначении журнала и какого цвета он должен держаться. Огарев и Бакунин без успеха старались убедить Волкова, что необходимо, чтоб «Колокол» был *красный*. Волков настаивал на исполнении своего фокуса, старался доказать, с своей стороны, необходимость издавать газету *пеструю* или *бесцветную*, так, чтоб всех озадачить, чтоб лица всех партий безразлично могли писать в нем — конечно, с тем, чтобы выражать свое недовольство или свою ненависть против русского правительства.

Все это мне ужасно не нравилось, я предчувствовала, что из этого может выйти вздор, чепуха — и все это под именем «Колокола»! Старики, как он называл О⟨гарева⟩ и Б⟨акунина⟩, поспорили, поспорили; раз Огарев чуть-чуть не поссорился с В⟨олковым⟩ из-за цвета «Колокола»: В⟨олков⟩ настаивал на том, чтобы ни слова о социализме не было бы в журнале и никаких резко высказанных мнений. Огареву это не нравилось, он хотел писать свободно и начал, было, очень жестко и резко говорить с В⟨олковым⟩. Бакунин их обоих побранил, пристыдил, сам стал уговаривать Огарева *попробовать* [как пойдет], что выйдет из такого фокуса. Старики уступили молодому тирану.

Когда пришло время решить все о печатании и о формате, В⟨олков⟩ мне вдруг объявляет, что Комитет считает неудобным и совсем неуместным выставлять имена Бакунина и Огарева.

— Как быть, кого же выбрать редактором?

— Возьмите кого-нибудь из эмигрантов, — сказала я, отгадывая, что у него уже готовый план в голове, — мало ли их — Жуковский, например, Мечников и т. д. Касаткина[32], если вы предпочитаете женщину.

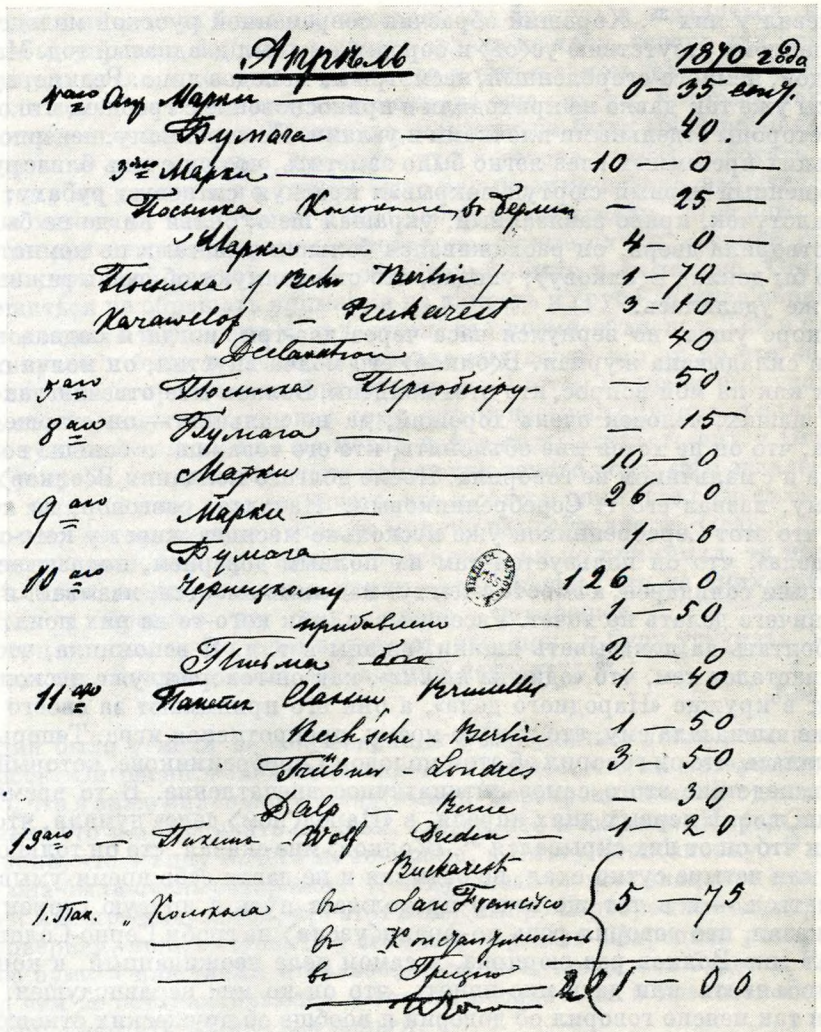
— Нет, все это никуда не годится. Ну, да будьте вы редактором, — воскликнул он вдруг, как будто пораженный новой блестящей мыслью, в то время как я очень хорошо заметила, что он уже мечтал об этой ловкой выходке, не знал только, как предложить мне, чтоб я никак не могла отказаться. Поэтому ему не очень приятно было, когда я отвечала:

— Ни за что на свете!

Посыпались вопросы:

— Как? Почему? Значит вы ничего не хотите делать для «*Дела*», хотите вечно быть тунеядцем, кисейной барышней?

Видя, что дерзости и насмешки не помогают, он стал просить, уговаривать ласковым тоном, говоря, что я, как умная женщина, *не могу* отказаться, для меня должно быть слишком ясно безвыходное положение, в которое я его ставлю. Что все дело за этим приостановится. Все это было даром. В этот раз я не уступила — повторила, что в самом деле быть редактором я не могу, что я и неопытна, и мало знаю, а роль куклы играть не хочу. Что им нужно только мое имя, а имя свое я им не дам, особенно для бог знает какого *пестрого* журнала, в котором, пожалуй, еще будут нападать на папашу.


Апрель 1870 года

1 лист Авр Марки — 0—35 сант.
Бумага — 40.
3 лист Марки — 10—0
Посылка Колонель в Берлин — 25—
Марки — 4—0
Посылка / Rebs Berlin / 1—70
Karawelow — Bukarest — 3—10
Declaration 40
5 лист Посылка Цюрих — 50.
8 лист Бумага — 15
Марки — 10—0
9 лист Марки — 26—0
Бумага — 1—0
10 лист Черницкому — 126—0
прибавлено — 1—50
Письма бол — 2—0
11 лист Пакетик Claessen Bruxelles 1—40
— Reichsche - Berlin 1—50
Trübner - Londres 3—50
Dalp — Berne — 30
1 дек — Пакетик Wolf Dresden — 1—20
— Bukarest
1. Пак. „ Колокол в San Francisco 5—75
— в Константинополь
— в Цюрих 201—00

ЗАПИСЬ РАСХОДОВ НА ИЗДАНИЕ И РАССЫЛКУ «КОЛОКОЛА»

Автограф Н. А. Герцен. Женева, апрель 1870 г.

Национальная библиотека, Париж

Среди пунктов назначения — Берлин, Берн, Бухарест, Дрезден, Константинополь, Лондон, Сан-Франциско. Расходы на рассылку оплачивались из средств Бахметьевского фонда

Несколько дней у нас были страшнейшие споры об этом, доводившие меня по минутам до отчаяния. Он так приставал, а когда я уходила, он говорил:

— Значит, это дело поконченное, мы об этом говорить больше не будем. Вы — редактор.

А я повторяла:

— Да, давно бы пора больше не говорить об этом. Вы видите, что я непоколебима и редактором вашего журнала я не буду, — и даже адреса своего не дам, чтоб письма посылали.

Бесился, бесился да поневоле отстал; потом выдумал такую штуку, что «Колокол» издается какими-то агентами русского дела.

3-его апреля в воскресенье должен был выйти первый номер «Колокола» [33]. Огарев написал записочку, прося прийти помочь на первый раз — пока Комитет еще никого не прислал — надписывать адресы, клеить и т. д. Прихожу я поутру — Mary [34] мне объявляет, что накануне поздно вечером явился вдруг *другой*

бой и ночевал у них [35]. Хороший образчик современной русской молодежи! Судя по совершенному отсутствию ус⟨ов⟩ и бороды, ему был двадцатый год. Маленького роста, худой, немного сгорбленный, несмотря на молодое лицо. Редкие, сухие, темные волосы уже так давно не приходили в прикосновение с гребнем, что они торчали во все стороны отдельными клочками и узлами. По странному, неверному взгляду маленьких претемных глаз легко было заметить, что он очень близорук. Длинный изношенный черный сюртук покрывал красную ситцевую рубаху; узенький черный галстучек, криво завязанный, украшал шею; белья нигде не было видно. Когда я отворила дверь, он расхаживался большими шагами по комнате и делал как будто бы доклад В⟨олкову⟩; увидав, что они толкуют об очень важных вещах, я сейчас же удалилась.

Он вскоре ушел, но вернулся часа через два-три, когда я сидела в комнате Генри [36] и складывала журнал. В⟨олков⟩ его молча впустил, он молча стал помогать. Так как на мой вопрос, кто этот мальчик, Волков мне отвечал лаконически: «Один из наших; человек очень хороший, да не мальчик — он старше меня», — я увидела, что он не хотел мне объяснить, кто его товарищ, и больше вопросов не делала, да и с мальчиком не говорила. После долгого молчания В⟨олков⟩, обращаясь к нему, назвал его г. Серебренниковым. Начался разговор, из которого я увидела, что этот Серебренников уже несколько месяцев живет у кого-то из «Народного дела», что он пользуется там их полным доверием, показывает им, что совсем с ними солидарен, а вместе с тем тут над ними смеется, называет их дрянью, которая ничего делать не хочет. Рассказывал, как кого-то из них поил, чтобы заставить болтать да показывать ящики, шкапы и т. д. Я вспомнила, что когда-то Волков хвастался тем, что «один из *наших*», как он говорил, уже несколько месяцев живет в кружке «Народного дела», а они его принимают за своего человека. Я тогда же высказала ему, что это, по-моему, препротивная игра. Теперь я узнала или догадалась, что он говорил об этом молодом Серебренникове, который произвел на меня вследствие этого самое антипатичное впечатление. В то время когда я его видела, т. е. в первых днях апреля, в «Народ⟨ном⟩ деле» думали, что он давно уехал, так что он от них скрывался [37]. В⟨олков⟩ мне сказал, что он только что приехал, три или четыре сутки ехал, не отдыхая и не давая себе время умываться или причесываться, — и в тот же вечер продолжает путь в другую сторону. Сам он мне рассказал, что говорил речь по-франц⟨узски⟩ на гробу Серно-Соловьевича [38].

Сделал мне Волков раз сюрприз, в самом деле неожиданный, в конце марта. Вздумал объявить или дать мне понять, что он ко мне неравнодушен. Долго он возился и так неясно говорил об доверии и вообще об дружеских отношениях, что я решительно ничего не понимала, — но под конец нельзя было не понять, и его вопрос был так неожидан, что я совсем смутилась, даже испугалась, сама не знаю чего. Вспомнила я вдруг всю историю с П⟨енизи⟩.

Я долго ему не отвечала, надеясь, что я не так поняла или что он не то сказал, что хотел. Да, я серьезно желала этого, потому что предвидела, что последуют самые скучные, неприятные, неловкие и глупые отношения. Однако он повторил вопрос после длинного молчания да прибавил:

— Понимаю, вам, верно, кольцо мешает отвечать?

Сомневаться и колебаться нечего было, и я отвечала:

— Вы меня ставите в очень неловкое и неприятное положение. Вы сами должны были заметить, что с моей стороны решительно ничего нет.

— Моя вина — ошибся, значит, не будем больше об этом говорить.

— Конечно, это всего лучше.

Никогда бы я не подумала, что этот шероховатый, полудикий мальчуган может произнести или написать слово о любви. Да благодаря моему скептицизму я ему и не поверила, а стала сейчас искать, насколько ему выгодно было сделать такую пробу и что он мог ожидать в случае удачи. Сомнение, т. е. предположение о возможности, что, может быть, хоть частичка искренности есть в его словах, пришло мне в голову гораздо позже, после того как он несколько раз повторял одно и то же, даже письменно, — и жаловался, что все его слова на меня не действуют, а точно в стену горох.

Как это я не сумела или не догадалась все бросить и отдалиться, несмотря на его просьбы, упреки в том, что я ничего делать не хочу, теперь для меня непонятно. Но тогда, когда я все еще верила, что у них в самом деле есть «Дело», что я в самом деле могу Ага в чем-нибудь помочь, да еще другим, которые, как говорили, в опасности, — все выходки В⟨олко⟩ва, как они ни были мне противны, не могли уничтожить во мне желание доказать, что я готова и хочу работать, насколько могу. К тому же у меня все в голове было невыносимо неясно, это меня ужасно мучило — я хотела во что б то ни стало добиться до правды, до ясного понимания. Со всех сторон слышались самые противоположные слухи — самой рассмотреть, разобрать, при этой таинственной обстановке, было невозможно. Оставалось одно — решиться не обращать внимания на дикость и грубо-дерзкое обращение Волкова, продолжать наблюдать и надеяться, что время объяснит. Так и случилось...

По минутам я была в отчаянии, писала ему даже, что ни во что не верю, что теории, системы и средства их мне противны, — а тем не менее ему удавалось возбуждать во мне минутное доверие к тому, что он называл «Делом», я опять путалась, и в этом туманном состоянии не могла найти силы отказать ему и Огареву в маленьких услугах, когда я получала записочки такого рода: «Мы завалены работой, помогите хоть эти дни; ведь вы знаете, что я совсем один, что со всех сторон скверные новости, — и вы именно в этакую минуту нас оставляете». Огарев писал и говорил в том же роде, мои просьбы и объяснения он не принимал, то повторял, что «Да ты *, Тата, немножко еще потерпи — ты знаешь, что на днях приедет кто-то из «них», а бросать нас так, право, нехорошо».

Наконец я поняла, что меня надувают, что, пока я буду уступать, меня никогда не отпустят. Волкову было необходимо переехать [39].

3-го июля 1870.

Сегодня было у меня первое свидание с Бакуниным после всех этих историй и переписок. Он очень желал меня видеть. Главное, что их интересует и беспокоит, это то, что я знаю маленького Влад⟨имира⟩ Серебренникова. В сущности, Б⟨акунин⟩ только это и хотел знать от меня, т. е. то, что я сказала «Народ⟨ному⟩ делу». Я повторила, что Утину ничего не говорила, а Ольгу Степ⟨ановну⟩ [40] предупредила, чтоб она была очень осторожна. Я испугалась за нее, зная, что она собирается в Россию; мне представилось, что этот Влад⟨имир⟩ Серебренников, пользуясь полным ее доверием, может оставить у себя или передать «Народной расправе» какие-нибудь ее бумаги или тайны и пользоваться ими, когда она будет в России. Они ни перед чем не останавливаются и готовы посадить ее в крепость или иначе мучить, чтобы высосать из нее все деньги.

От него же я узнала, что Нечаев ему сказал, что они меня ни за что не выпустят, прибавляя: «Помилуйте, 300.000 франков!» Потом, что мне *угодить* очень трудно, но что можно *подослать* кого-нибудь, чтобы я полюбила одного из *них*.

Кончила я тем, что пока говорить ничего не буду и ни во что вмешиваться не хочу. Но что я совсем не считаю себя обязанной держать какие бы то ни было обещания, потому что меня с самого начала надували самым бесстыдным образом. Показывают мне машину, удивительно построенную, дают мне ручку, просят помочь вертеть, говоря, что выходит хлеб или мука дешевая для народа, а через некоторое время я нахожу, что меня обманули, что я помогаю приготавливать ядовитое тесто, от которого друзья, равнодушные и враги страдают. Обязана ли я тут продолжать начатое дело, помогать им, держать все это в тайне? Ничуть. Я была обманута и ничем не обязана.

Б⟨акунин⟩ согласился, заметил только, что я, может быть, преждевременно говорила с Ольгой Степановной, просил пока больше ничего не говорить о Серебр⟨енникове⟩ (Владимире). Сказал, что я имею полное право говорить N⟨atalie⟩, как было дело моей поездки в Локль, что во всем этом участвовал гораздо больше Нечаев, чем он, Бакунин. Что письма, которые я получала в Париже, были не от

---

* Ошибочно прочтя «мы» вместо «ты», Конфино (Op. cit., p. 144) предположил, что фраза не окончена и часть текста отсутствует. В действительности текст не прерывается.— *Ред.*

Бакунина, а от Нечаева. Теперь я должна рассказать все Natalie, чтобы она знала факты до объяснения ее с Бакуниным.

7-го июля 70.

Кажется, в самом деле все кончено между Бакуниным, Огаревым и Нечаевым. Последний тоже опять здесь, в Женеве. По-видимому, они все ужасно спорили эти дни. Во вторник 5-го числа Семен Серебренников принес мне поутру записочку от Огарева, в которой он просил меня немедленно прийти к нему [41]. К счастью, у меня болела голова — я отказала, да к тому же я как-то отгадала, что Нечаев там сидит. После обеда пришел Быстров [42] предупредить, что Нечаев собирается ко мне; узнав, что я не буду, он, говорят, рассердился и требовал, чтобы все немедленно провожали его ко мне. Другие отказались. Спорили они без отдыха до самого вечера.

Около 7-ми часов вечера явился к нам Владимир Серебренников с запиской от самого Нечаева: пишет, что *объяснение необходимо* [43]. Влад⟨имир⟩ Серебр⟨енников⟩ не хотел верить, что меня нет дома, а я только что вышла с Сашей Рейхель [44]. В десятом часу вечера прибежал Быстров с запиской от Бакунина, в которой он, боясь за меня, советует мне уехать на несколько дней, а остаток фонда оставить у Огарева [45]. Быстров остался немного, думая помочь в случае нужды, т. е. если Н⟨ечаев⟩, Влад⟨имир⟩ Серебр⟨енников⟩ и Charles [46] захотят насильно войти. Но никто не приходил, зато вчера приходил опять В⟨ладимир⟩ С⟨еребренников⟩ — требовал непременно меня видеть. Ерминия ему сказала, что я уехала на несколько дней. Должно быть, он не поверил, потому что оставил записку с просьбой или приказом, чтоб я оставалась дома от 6 до ½ седьмого [47]. Я не намерена была принимать его, сидела дома целый день, но никто не приходил из них. Был Огарев, пришел в первом часу, несмотря на страшный жар — *33 градуса* сентиград *. Бедняжка боялся за меня, что Нечаев станет грубо обращаться. Бедный Ага! Сколько ему приходится разочаро⟨вы⟩ваться в своих *«детях»*! Взял он у меня фонд, т. е. остаток — *740 fr. 50*. Дал расписку — неравно Нечаев или Влад⟨имир⟩ Серебр⟨енников⟩ будет требовать — и отправился отдать банкиру Reverdin с Семеном Серебренниковым.

К чему мне видеться еще с Нечаевым? Что он от меня хочет? Бог его знает, пожалуй, опять станет уверять, что всегда искренно и откровенно со мной говорил! Или просто станет требовать остаток фонда, да, пожалуй, кой-какие письма — Бакунина или собственные. Или попробует напугать, чтоб я Ольге Степановне и вообще «Народному делу» не говорила о Владимире Серебренникове. И все-таки же после всего у меня остается нерешенный вопрос: фанатик он или подлый мошенник? Искренно он убежден в необходимости своей польско-иезуитской системы обмана и опутывания, или все это — гнусные орудия русского правительства?

Печатается по фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 24.1, с автографа *BN*.

Дневник Н. А. Герцен содержит два цикла записей, сделанных в разное время: первый из них относится к 1869 г. и отражает историю ее отношений (во Флоренции, где она жила тогда у брата) со слепым итальянским музыкантом графом Пенизи — отношений, окончившихся ее душевным заболеванием; второй цикл записей возник в Женеве весной и летом 1870 г. и связан с Нечаевым. Здесь печатается только эта последняя часть дневника, прямо относящаяся к теме публикации; флорентийская часть помещается в следующем томе «Литературного наследства» среди материалов семейного архива.

Дневник Н. А. Герцен принадлежит к тому типу подобных документов, в котором записи ведутся нерегулярно и поэтому могут ретроспективно отражать события, происшедшие в течение сравнительно долгого времени. Уже первая запись от 28 мая содержит рассказ обо всей, в сущности, истории участия автора в нечаевских делах в феврале—мае 1870 г.; последующие записи фиксируют только развязку этих отношений. Такой характер записей, делающий дневник Н. А. Герцен единым общим очерком событий, не позволил поместить его на какое-то определенное место в хронологической последовательности печатаемых здесь документов. Поэтому он выделен в особую, первую часть публикации.

[1] Семья Герцена после его смерти еще более месяца оставалась в Париже.
[2] Волков — один из псевдонимов Нечаева.
[3] У М. К. Рейхель, жившей в Берне.

* От французского thermomètre centigrade — термометр Цельсия.

[4] Н. А. Герцен уехала из Женевы в Париж около 10 февраля (см. письмо к ней Огарева от 13 февраля 1870 г. Фотокопия: *ГБЛ*, ф. 69, 25.51, л. 5, с автографа *BN*).

[5] Адресат рекомендательного письма Нечаева — тот же, очевидно, что упоминается в письме Н. А. Герцен к Нечаеву от 13 февраля (см. прим. 1 к п. 6).

[6] Псевдоним Нечаева, начинающийся с буквы S,— возможно, его имя по фальшивому сербскому паспорту, полученному в 1869 г. (Стефан Грозданов). Упомянутый «господин» — Джеймс *Гильом* (1844—1916), основатель секции I Интернационала в Локле (Швейцария), один из руководителей бакунинского Альянса, в 1870 г.— редактор газеты «Progrès» в Невшателе.

[7] Поручение в редакцию парижской радикально-демократической газеты «Marseillaise» состояло в том, чтобы передать для публикации «Письмо в редакцию» Нечаева (об этом и причинах ареста редактора газеты см. прим. 3 к п. 6). О своей неудаче Н. А. Герцен писала не только Огареву (это письмо неизвестно), но и Нечаеву (см. п. 4). Возможно, что она везла в редакцию газеты и написанный Бакуниным некролог Герцену (напечатан в «Marseillaise» 2 и 3 марта 1870 г.)

[8] Цитируемое письмо Нечаева неизвестно.

[9] Имеется в виду письмо Огарева от 15 февраля 1870. Фотокопия: *ГБЛ*, ф. 69, 25.51, л. 7, с автографа *BN*.

[10] См. п. 7.

[11] Это письмо Нечаева неизвестно, ответ на него Н. А. Герцен — п. 10.

[12] Судя по письму Н. А. Герцен к Нечаеву от 20 февраля (п. 10), она выехала из Парижа во вторник 22 февраля и оказалась в Женеве в тот же день или на следующий.

[13] «Лит. наследство», т. 63, с. 486—487.

[14] Письмо Бакунина от 22 февраля 1870.— Письма М. А. Бакунина, с. 368—372.

[15] Это письмо Нечаева к Огареву неизвестно. Предложение Огарева о поездке Н. А. Герцен в Локль было сделано, очевидно, 24 февраля: 28-го Огарев уже сообщал Нечаеву о ее возвращении, и она, следовательно, должна была выехать в Локль, где провела два дня, не позднее 25-го.

[16] Фердинанд *Цампарини* — рабочий-жестянщик, маццинист, один из членов-основателей Альянса, член женевской Итальянской секции I Интернационала.

[17] Адрес типографии Гильома в Невшателе: 14, rue de Seyon (см.: *AB*, t. IV, p. 475).

[18] Судя по воспоминаниям Н. А. Герцен, Гильом показал ей письмо Бакунина («Лит. наследство», т. 63, с. 491).

[19] Дело кн. Оболенской — вызвавшее протест всей русской революционной эмиграции насильственное похищение кн. А. В. Оболенским, генерал-майором и бывшим московским губернатором, его детей, живших в Швейцарии с оставившей его женой Зоей Сергеевной Оболенской (см. об этом письма Герцена членам своей семьи от 22 и 24 августа 1869 г.— XXX, 174—176).

[20] По рассказу Франсуа Флоке, у которого Нечаев жил первое время в Локле, он перебрался потом к старому рабочему Юлиссу Борелю (см.: *AB*, t. IV, p. XXXIV). Здесь, очевидно, и была Н. А. Герцен, рассказывающая в воспоминаниях о хозяине дома как о горбатом старике («Лит. наследство», т. 63, с. 492).

[21] Это письмо Огарева к Нечаеву неизвестно.

[22] Дневник опровергает утверждение Н. А. Герцен в воспоминаниях, будто бы Нечаев обманул ее, чтобы заставить остаться у него еще на сутки («Он повел меня окольной дорогой, и вышло так, что мы к поезду опоздали».— «Лит. наследство», т. 63, с. 492). Упомянутые письма Н. А. Герцен из Локля неизвестны.

[23] Цитируемое письмо Нечаева неизвестно.

[24] Можно полагать, что первая из этих бумаг, являвшаяся, по всей вероятности, еще одной мистификацией Нечаева, представляла собой «приказ Комитета» о направлении возобновлявшегося «Колокола». Характер и назначение второго документа неясны.

[25] Видимо, 27 февраля (см. выше прим. 14).

[26] Людвиг *Чернецкий* (1828—1872) — польский эмигрант, заведовавший Вольной русской типографией в Лондоне, затем в Женеве.

[27] Такое письмо Чернецкого к А. А. Герцену неизвестно.

[28] Судя по сохранившимся письмам (п. 14 и 15), Нечаев вернулся в Женеву в первых числах марта.

[29] Точных данных о дне приезда Бакунина в Женеву в марте 1870 г. нет. Ясно, однако, что в этот приезд он пробыл там примерно месяц, с середины марта до середины апреля: дневник Н. А. Герцен и все публикуемые ниже документы, так или иначе касающиеся возобновления «Колокола», показывают, что он был уже в Женеве, когда в середине марта обсуждалась программа будущего издания; в марте же в Женеве он написал такие работы, как «Наука и насущное революционное дело», «Всесветный Революционный Союз социальной демократии» (см.: *AB*, t. V, p. 38, 75); его письма в «Volksstaat» и «Marseillaise» датированы им так: «Женева, 8 апреля 1870» (Ibid., p. 107—116). Это совпадает с указанием Гильома, что, возвращаясь из Женевы в Локарно, Бакунин 18 апреля заезжал к нему в Невшатель (см. предисловие Гильома к тому: М. Бакунин. Избр. соч., т. III. Пб.— М., 1920, с. 5).

[30] Речь идет о костромском имении Герцена, секвестрованном царским правительством. Намерение добиться его возвращения было и у Герцена, и у его детей (см. письма Герцена к сыну от 12 апреля и 28 октября 1869 г.— XXX, 83, 230). А. А. Герцен еще при жизни отца пытался получить официальное разрешение вернуться в Россию и даже встречался по этому поводу с советником русского посольства в Берлине Горчаковым (см. XXIX, 483). Огарев был в курсе этих действий и мог информировать о них Бакунина. Упомянутый в этом контексте Фогт — вероятно, Карл Фогт (1817—1895), бывший тогда членом Федерального совета Швейцарии.

[31] Урбан *Шаллер* — управляющий банком Фрибургского кантона.

[32] Николай Иванович *Жуковский* (1833—1895) — революционный эмигрант с 1862 г., в 1870 г.— секретарь женевской секции Альянса; Лев Ильич *Мечников* (1838—1888) — публицист и историк, революционный эмигрант; Елизавета Васильевна *Касаткина* — вдова революционного эмигранта Виктора Ивановича Касаткина (1831—1867).

[33] Первый номер возобновленного «Колокола» вышел 2 апреля 1870 г.

[34] Мери *Сатерленд* — гражданская жена Огарева.

[35] Владимир Иванович *Серебренников* (псевд. Sallier, р. ок. 1850) — студент Медико-хирургической академии, участник студенческого движения 1868—1869 гг., до самого ареста Нечаева неизменный его соратник.

[36] Генри *Сатерленд* (р. 1851) — приемный сын Огарева, секретарь женевской секции бакунинского Альянса. В 1872 г. был исключен из I Интернационала вместе с Бакуниным.

[37] Роль нечаевского шпиона в группе «Народное дело», которую играл В. И. Серебренников, отразилась, кроме дневника Н. А. Герцен, в письме Л. Чернецкого Огареву от 2 мая 1870 г. («Лит. наследство», т. 63, с. 711—712).

[38] Александр Александрович *Серно-Соловьевич* (1838—1869) — участник революционного движения 1860-х годов, глава «молодой эмиграции», член Женевской секции I Интернационала. В августе 1869 г. покончил с собой. 26 декабря 1869 г. состоялось открытие памятника на его могиле на кладбище Plainpalais в Женеве. Среди других ораторов там выступил «прибывший за день или два до этого из России товарищ Нечаева Владимир Серебренников» (D. Guillaume. Op. cit., t. I, p. 253).

[39] Обширная первая запись Н. А. Герцен от 28 мая сделана ею вскоре после отъезда Нечаева из ее дома, где он укрывался некоторое время (первое письмо Нечаева к ней, написанное уже из Монтея, было получено ею 27 мая). Запись явно прервана и не доведена до конца: текст обрывается в начале страницы, остальная же часть ее пуста. Следующая запись от 3 июля начата на другом листе, и текст расположен поперек страницы. На отдельном листе начата и последняя запись от 7 июля.

[40] Николай Исаакович *Утин* (1841—1883) — член редакции и глава группы «Народное дело», ставшей в 1870 г. Русской секцией I Интернационала; один из редакторов ее органа «Egalité»; Ольга Степановна *Левашева* — сестра Аделаиды Степановны Жуковской, участница революционного движения 60-х годов, член Русской секции I Интернационала.

[41] Эта записка неизвестна.

[42] Такое лицо не фигурирует среди известных нам эмигрантов того времени в Женеве. Возможно, тоже псевдоним.

[43] См. п. 58.

[44] Карл Александр *Рейхель* (р. 1853) — сын М. К. Рейхель, впоследствии адвокат, профессор права.

[45] Эта записка неизвестна.

[46] Шарль — *Перрон* (Perron) (1837—1909) — художник, анархист, член правления бакунинского Альянса, редактор газеты «Egalité», органа романской федерации I Интернационала.

[47] См. п. 60.

II
ПИСЬМА

1
Н. Н. Любавин [1] — М. А. Бакунину

Гейдельб⟨ерг,⟩ 29 дек⟨абря⟩ 1869

Вероятно, Вы уже знаете, что в Питере происходит теперь сильная суматоха. «Открыт важный заговор», имеющий целью народное восстание на 19 февраля 1870. В течение одной недели заарестовано в одном Петербурге до 70 человек, кроме того, сделаны аресты в Москве и в провинции [2]. Арестуют крайних, арестуют и «умеренников». В числе арестованных находятся 2 наших общих знакомых: Негреск⟨ул⟩ [3] и Билиб⟨ин?⟩ [4], тот самый Бой, который взялся хлопотать о Ваших делах. Как говорят, аресты эти явились совершенно врасплох, их никто не ожидал, и начались где-то в провинции.

Перевод Ваш получил, мне он понравился, много только описок,— ну, да это не беда [5]. Сравнить с подлинником — согласно Вашему желанию — я не мог, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ у меня нет его под руками; но, кажется, передано верно.

Ваш Н. Любавин

Печатается по подлиннику *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 829.

[1] Николай Николаевич *Любавин* (1845—1918) — революционер-народник, друг Г. А. Лопатина, член I Интернационала. В предпринятом Бакуниным переводе «Капитала» К. Маркса являлся посредником между ним и издателем Н. П. Поляковым (см. об этом: Б. Козьмин, С. Переселенков. К истории нечаевщины.— «Лит. наследство», т. 41-42, с. 151—162).

[2] В эти же дни Н. И. Жуковский сообщал Огареву несколько иные цифры: «В Петербурге арестовано до шестидесяти человек, в Москве — до сорока. В Петербурге, между прочим, арестован Негрескул» (письмо от 31 декабря 1869.— «Лит. наследство», т. 63, с.139).

[3] Михаил Федорович *Негрескул* (1843—1871) — участник революционного движения 60-х годов, зять П. Л. Лаврова, был арестован по «нечаевскому делу». До этого, будучи за границей в 1869 г., он разоблачил нечаевскую легенду о побеге его из Петропавловской крепости (подробнее см.: Б. П. Козьмин. С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг.— Сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, с. 204—216). Негрескул намеревался показать истинный облик Нечаева на суде, но этому помешала его преждевременная смерть (см. письмо Н. Ф. Даниельсона К. Марксу от 28 мая 1872 г.— Сб. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1947, с. 63).

[4] Сокращенное это слово читается как Билиб., и возникает предположение, что речь идет об И. И. Билибине, хорошо знакомом Любавину (вместе с ним, Даниельсоном и Негрескулом он был членом организованного Лопатиным «Рублевого общества»). Билибин значится первым в списке арестованных по «нечаевскому делу», напечатанном в № 2 «Народной расправы». Но фраза у Любавина построена так, будто к слову «Билиб.» он относит поясняющее слово «Бой» — одно из имен, под которым фигурировал Нечаев. Возможно, он не знал точно, к кому относится это прозвище.

[5] Речь идет об единственной отосланной Бакуниным Любавину части перевода I главы «Капитала». Любавин сообщал впоследствии Марксу: «Всего я получил от него один, самое большее — два печатных листа» (письмо от 8/20 августа 1872 г.— «Лит. наследство», т. 41-42, с. 158).

2

М. А. Бакунин — И. Ф. Беккеру [1]

Перевод с французского:

〈Локарно.〉 21 января 1870

Старина, вот старый знакомый [2]. Сделай для него все, что сможешь, ибо все, что ты сделаешь, послужит социалистической революции. Ни слова о нем *кому бы то ни было*, за исключением Перрона [3].

Я писал тебе и не получил еще ответа от тебя.

Твой М. Бакунин

Печатается по *AB*, т. IV, р. XXIV.

[1] Иоганн Филипп *Беккер* (1809—1886) — немецкий революционер, один из создателей секций I Интернационала в Швейцарии, редактор журнала «Vorbote», друг Маркса. Связи его с Бакуниным восходят к их общему участию в революционных событиях 1848—1849 гг. В 1870 г. он порвал с Бакуниным и впоследствии способствовал его исключению из Интернационала.

[2] Старый знакомый — Нечаев, записка эта была вручена ему Бакуниным при свидании с ним в Локарно.

[3] О Перроне см. прим. 46 к дневнику Н. А. Герцен.

3

М. А. Бакунин — А. Рейхелю [1]

Перевод с французского:

3 февраля 1870

Мой старый друг,

Ты прочтешь мое письмо к Адольфу [2], и мне нет нужды повторять тебе его содержание; только одна просьба: помоги ему и, если будет необходимо, побуждай его сделать то, о чем я его прошу, и поторопись сообщить мне все возможные сведения.

Вот и Герцен умер, так неожиданно, так молниеносно. Я уверен, что это ужасно поразило бедную Мари. Er ist tot *, конец всего и всех. Я тоже, без сомнения, скоро буду tot **, но не хочу умереть, не сделав еще кое-что, и мне хотелось бы

* Он мертв (*нем.*).

** мертв (*нем.*).

наполнить остаток своих дней энергичными и резкими действиями. Пока же я вступил в систематическую переписку с двумя самыми передовыми газетами в Париже: «Marseillaise» и «Rappel», чтобы опровергнуть клевету «Presse» и «Liberté» против Герцена. Мои первые письма вскоре появятся [3]. Не сможешь ли ты сделать так, чтобы читать эти газеты и помещать время от времени переводы или резюме моих писем в немецких газетах — это очень помогло бы нам.

Сообщай мне новости о себе, прошу тебя. Рассказывай о своих делах, о здоровье твоем, Мари и всех детей. Есть ли у тебя новости о Матильде [4]? Все это меня интересует, ибо я все это люблю; а как твоя музыка? И веришь ли ты в бога и бессмертие души? Антония [5] жмет тебе руку и целует Мари. Я позволяю себе то же, и, любя вас по-прежнему,

ваш неизменный друг М. Б.

Печатается по *AB*, t. IV, p. 45.

[1] Адольф *Рейхель* (1817—1896) — пианист и композитор, друг Бакунина и Герцена, муж Марии Каспаровны Рейхель.

[2] Адольф — Фогт (1823—1907) — врач, профессор Бернского университета; брат его, зоолог, Карл Фогт (1817—1895), был в это время членом Федерального совета Швейцарии. Упоминаемое письмо к А. Фогту — просьба выяснить реакцию швейцарских властей на требование русского правительства выдать Нечаева (см. п. 9).

[3] Некролог Бакунина Герцену был напечатан в «Marseillaise» 2—3 марта 1870 г. Текст его см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 524—528.

[4] Сестра Адольфа Рейхеля.

[5] Жена Бакунина Антония Ксаверьевна (урожд. Квятковская).

4

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

Женева, 12 февраля 1870

После вашего отъезда [1] он закутил и вот третий день в бессознательном положении [2]. Мне необходимо ненадолго отъехать и вместе не на кого оставить дела. Голова идет кругом. Нынче непременно выезжаю во всяком случае. Торопитесь же ради всего святого!.. Вы нам теперь необходимы и неоценимо дороги.

Жму вам руку крепко, крепко!.. До свидания!

L a e n d l e y [3]

P. S. Надеюсь, что уже вы писали и я получу письма по приезде в Neuch⟨âtel⟩ [4]. Я узнал, что редакторы все взяты. Правда ли?.. Пока не получу определенных вестей от вас, посылать не могу [5]. Пишите же.

Это и все последующие письма Нечаева к Н. А. Герцен печатаются по фотокопиям: *ГБЛ*, ф. 69, 25.12, с автографов *BN*.

[1] О дне отъезда Н. А. Герцен из Женевы в Париж см. прим. 4 к ее дневнику.

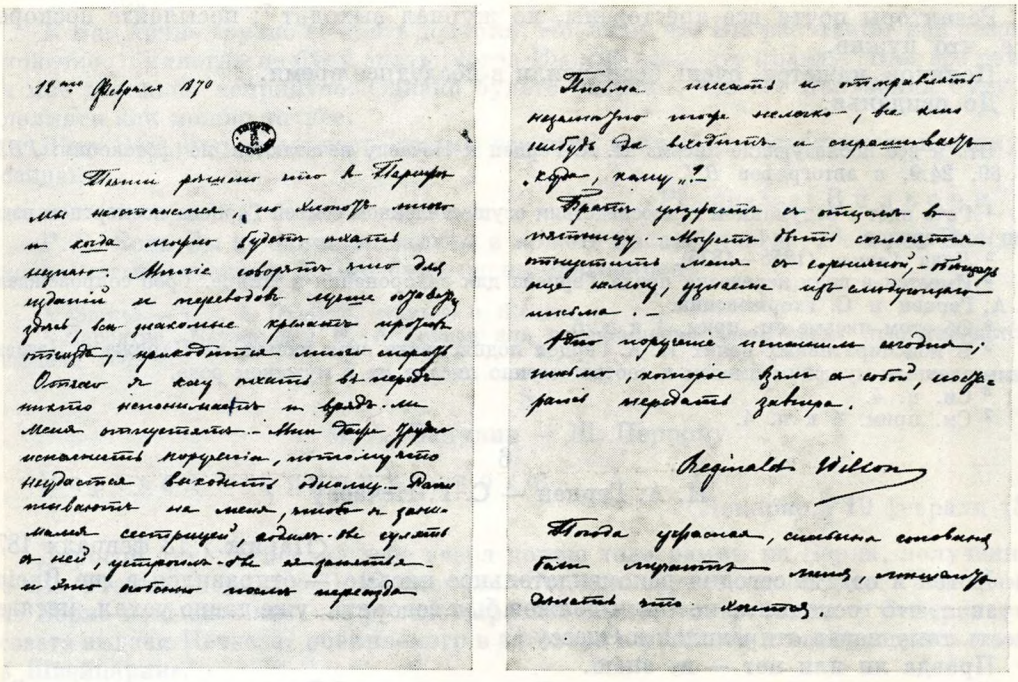
[2] Он — Н. П. Огарев.

[3] *Laendley* — один из конспиративных псевдонимов Нечаева.

[4] Нечаев ездил в Невшатель для свидания с Гильомом (D. G u i l l a u m e. Op. cit., I, p. 280). О Гильоме см. прим. 6 к дневнику Н. А. Герцен.

[5] Нечаев предполагал послать в газету «Marseillaise» копию своего «Письма в редакцию», содержавшего легенду об его аресте, истязаниях в Петропавловской крепости и побеге оттуда (19 февраля оно было напечатано Гильомом в «Progrès», а 20 февраля, в извлечениях, в «Marseillaise»; текст его см.: «Колокол». М., 1933, № 1, от 2 апреля 1870).

Арест редактора «Marseillaise», радикального публициста Виктора Анри Рошфора (1830—1913), и сотрудников редакции П. Груссе и Дефора произошел в связи с убийством в декабре 1869 г. принцем Пьером Наполеоном Бонапартом сотрудника этой же газеты Виктора Нуара. 30 декабря Рошфор напечатал в своей газете протест, кончавшийся словами: «Французский народ, не находишь ли ты, что уже довольно?» За это редакторы были 22 января приговорены судом к тюремному заключению. Фактический арест последовал только 7 февраля.



ПИСЬМО Н. А. ГЕРЦЕН НЕЧАЕВУ

Автограф. Париж, 12 февраля 1870 г. Подпись — «Реджинальд Вильсон»

Национальная библиотека. Париж

5

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Париж.〉 12 февраля 1870

Почти решено, что в Париже мы не остаемся, но хлопот много, и когда можно будет ехать, не знаю. Многие говорят, что для изданий и переводов лучше оставаться здесь [1], все знакомые кричат против отъезда, приходится много спорить.

Отчего я хочу ехать вперед, никто не понимает, и вряд ли меня отпустят. Мне даже трудно исполнить поручения, потому что не удается выходить одному. Рассчитывают на меня, чтоб я занимался сестрицей [2], ходил бы гулять с ней, устроил бы ее занятья; и это особенно после переезда.

Письма писать и отправлять незаметно тоже не легко, все кто-нибудь да входит и спрашивает: «куда, кому?»

Брат уезжает с отцом в пятницу [3]. Может быть, согласятся отпустить меня с горничной, — обещать еще не могу, узнаете из следующего письма.

Одно поручение исполнил сегодня; письмо, которое взял с собой, постараюсь передать завтра [4].

Reginald Wilson [5]

Погода ужасная, сильные головные боли мучают меня, мешают делать, что хочется.

13-ого

Только что получил ваше письмо [6]. Что могу, то сделаю, но Вы должны же понять, что, если слишком буду торопиться, непременно догадаются *все*. Брат уж, верно, подозревает. Он же принес мне ваше письмо сегодня и пристал. Мне лгать ужасно трудно, сейчас краснею. Впрочем, он будет молчать.

Редакторы почти все арестованы, но журнал выходит [7]; посылайте поскорее все, что нужно.

Поляков, кажется, очень беспокоили в последнее время.

До свиданья.

Это и все последующие письма Н. А. Герцен к Нечаеву печатаются по фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 24.9, с автографов *BN*.

[1] Речь идет о задуманном и впоследствии осуществленном семьей Герцена посмертном издании его трудов.

[2] Лиза *Герцен* (1858—1875).

[3] Имеется в виду перевозка праха Герцена для захоронения в Ницце. Гроб сопровождали А. А. Герцен и С. Тхоржевский.

[4] Об этом письме см. прим. 1 к п. 6.

[5] В конспиративных целях Н. А. Герцен подписывала свои письма из Парижа к Нечаеву вымышленным мужским именем и соответственно писала их в мужском роде.

[6] См. п. 4.

[7] См. прим. 4 к п. 4.

6

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Париж.〉 13 февраля 1870

Хотел я отдать сегодня рекомендательное письмо — отправился в rue Racine и узнал, что господин, с которым должен был говорить, уже давно уехал, месяцев шесть тому назад отправился в Одессу [1].

Правда ли или нет — не знаю.

Неужели мой старый друг до такой степени кутит? Вот и не знаю, верить Вам во всем или нет. Во всяком случае, уеду, как только будет возможно.

Дамы у нас все хворают, дом точно больница, бегаю от одной постели к другой.

Пишите скорей, что делать с письмом и что Вам нужно знать.

Адреса и имена я получу на днях. Получили ли первое письмо?

Будьте здоровы и сильны

〈Режинальд Вильсон

[1] Лицо, которому Н. А. Герцен должна была передать в Париже письмо от Нечаева, с достоверностью установить не удается. Можно предположить, что это был один из живших тогда в Париже болгарских революционных эмигрантов, адрес которого мог быть получен Нечаевым во время встреч с болгарскими революционерами в Румынии или с Каравеловым в Одессе. В ряду предполагаемых имен следует назвать прежде всего Марко Балабанова: к нему приезжали в Париж в 1869 г. болгарские делегаты Т. Райнов и Р. Грблев, с тем чтоб он сопровождал потом Райнова в Лондон для свидания с Маццини (см.: В. Я. Гросул. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе, с. 364); однако о связи Балабанова с Одессой сведений нет. Другая возможная кандидатура — учившийся в 1869 г. в Париже деятель «Молодой Болгарии» Д. Великсин. По жандармским донесениям, он был в Одессе летом 1869 г., в то самое время, когда там находился Каравелов, а затем уехал в Париж (там же, с. 447).

7

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Париж.〉 17 февраля 1870

Брату я ничего не говорил, он принес письмо, спросил от кого, хотел прочесть — я отказал, он догадался, от кого письмо, сделал несколько вопросов, я то не отвечал, то выдумывал; все это ему кажется подозрительно, особенно то, что хочу ехать один. Говорят, что это безумие, каприз, что я без того много тратил, а теперь хочу оставить заплаченную комнату, что здесь я должен помогать, а там [1] делать нечего. Может быть, после отъезда брата легче устроится, постараюсь выехать в понедельник вечером, но наверное не обещаю — раньше и думать нечего.

Должно быть, я Вас больше не увижу — очень жаль. Часть того, что Вы мне дали, я прочел после отъезда [2] — лучше было бы, если б можно было еще поговорить.

К Вам лично трудно не иметь доверия. Но, зная, что Вы работаете, как *иезуит*, конечно, я никогда не буду знать, когда Вы мне говорите правду. Вам все равно, а мне довольно неприятно. Однако будьте уверены, что все поручения буду исполнять как можно точнее.

Жму Вам руку и надеюсь, что мы все-таки где-нибудь встретимся, поэтому до свиданья.

Режинальд Вильсон

P. S. Если Вы не слишком заняты и можете писать иногда, *где* и ***как*** Вы (даже когда нет поручений), я Вам буду очень благодарен.

[1] «Здесь» — т. е. в Париже, «там» — в Женеве.

[2] Вероятно, Нечаев дал Н. А. Герцен для ознакомления часть своих пропагандистских изданий 1869 г.

8

М. А. Бакунин — Ш. Перрону

Перевод с французского:

〈Локарно.〉 19 февраля 1870

Дорогой друг, я послал тебе вчера копию телеграммы из Берна, полученную в «La Presse» (парижской) 16 февраля. Вот примерно ее содержание: «Телеграмма из Берна извещает нас, что русское правит〈ельство〉 потребовало у Федерального совета выдачи Нечаева, обвиняемого в заговоре и убийстве и находящегося теперь в Швейцарии».

Спроси, прошу тебя, от меня Огарева, знает ли он действительно, где находится этот г. Нечаев, который мне кажется мифом, и если он существует на самом деле и Огарев знает, где он, пусть скажет ему спрятаться получше, потому что, по-моему, он избежит очень серьезного риска.

В то же время, дорогой друг, я думаю, что нужно очень серьезно возбудить общественное мнение в Швейцарии и заставить гордых республиканцев взбунтоваться против федерального правительства, которое, кажется, склонно пойти в лакеи к русскому правительству. Грустное доказательство этому мы имели уже в деле Оболенской [1].

Для этого нужно написать много резких, но чисто радикальных статей во все швейцарские газеты — не одну или две, но массу статей. Не в одну газету, а во все патриотические газеты. Один или два протеста, изолированных и оставшихся без отклика, без результата, принесут больше вреда, чем пользы, — они ободрят наши власти, доказав им равнодушие общества. Поэтому, чтобы возбудить публику, надо поднять адский шум, особенно упорный и продолжительный; если возможно, проводить митинги, где на этот раз не надо поднимать голос социализма, а говорить о независимости и гордости республиканцев, о Вильгельме Телле и клятве в Грютли [2] и возбуждать народ против низости, против предательства правительства, которое служит царям, пьющим польскую кровь. Я писал в этом смысле Гильому, и вот записка нашему другу Филиппу Беккеру [3], который своим влиянием — если не прямым, то косвенным — может заставить заговорить немецкую прессу Швейцарии.

Передай ее ему сам, прошу тебя; прочти ему это письмо и договорись с ним, что делать. Итак, дорогой друг, действуйте энергично, развернув все знамена, — прошу тебя. Потому что с правительствами, как с молодыми девушками, важен лишь первый шаг — и аппетит приходит к ним во время еды.

Я снова пишу сегодня в Берн.

Преданный тебе М. Б.

Печатается по *AB*, t. IV, p. 45—46.

[1] О деле Оболенской см. прим. 19 к дневнику Н. А. Герцен.

[2] По легенде, национальный герой Швейцарии Вильгельм Телль подстерег в горах и убил жестокого германского наместника Геслера, ранее заставившего Телля стрелять в собственного сына; *клятва в Грютли*: в 1307 г. на лугу Грютли представители трех швейцарских кантонов заключили союз, поклявшись бороться против деспотии Габсбургов.

[3] В короткой записке к Иоганну Филиппу Беккеру, прилагавшейся к этому письму, Бакунин кратко повторял те же мысли о необходимости широкого протеста в печати и заканчивал: «Старый боец, поседевший в битвах, ты знаешь и понимаешь все это лучше меня. Поэтому я рассчитываю на тебя» (*AB*, t. IV, p. 46).

9

М. А. Бакунин — А. Рейхелю

Перевод с французского:

〈Локарно.〉 19 февраля 1870

Мой дорогой друг,

я писал тебе 3-го числа этого месяца и одновременно нашему другу Адольфу Фогту, на чье имя я адресовал оба письма [1], и просил тебя помочь ему оказать мне большую услугу: навести справки о шагах, которые может предпринять русское правительство перед швейцарским Федеральным советом в отношении русской эмиграции. Я думал и сейчас уверен, что Фогты занимают достаточно высокое положение, чтобы знать все, что происходит в Берне, и рассчитывал на остаток благожелательства других, на дружбу с тобой и Адольфом, чтобы получить совершенно необходимые мне сведения.

Я не получил даже ответа ни от тебя, ни от Адольфа Фогта. Так как я не могу сомневаться в вашей дружбе, я заключаю из этого, что либо мое письмо пропало, либо что вы оба больны. Теперь вот что я прочел вчера в парижской «La Presse» от 16 февраля: «Телеграмма из Берна извещает нас, что русское правительство потребовало у Федерального совета выдачи Нечаева, обвиняемого в заговоре и убийстве и находящегося теперь в Швейцарии».

Я не знал этого г. Нечаева. Я думал даже, что это какое-то вымышленное существо, изобретенное русскими официальными газетами. Но, кажется, я ошибался, поскольку его требуют.

Я прошу вас сообщить мне о двух вещах: 1. *Правда ли, что это требование имело место?* 2. И если правда, *что ответило федеральное правительство?* Я прошу вас как друзей *немедленно* сообщить мне это — и я надеюсь, что вы мне в этом не откажете. Мой адрес: Suisse, Canton de Tessin, Locarno, alla Signora Teresa Pedrazzini, per la Signora Antonietta.

Возможно ли, что федеральное правительство уступит требованию русского правительства? Если да — а дело Оболенской, увы! показало меру независимости и гордости этих странных республиканцев, — то, друг мой, вот третья просьба к тебе и особенно к Адольфу Фогту — употребить все его влияние, так же как влияние его братьев и друзей, чтобы возбудить радикальных журналистов в Берне и всей немецкой Швейцарии выступить против низости этого правительства в *массе статей*, а где возможно — и на митингах воззвать к швейцарскому республиканскому духу и гордости.

Во имя Вильгельма Телля, который тоже был обвинен в убийстве, во имя клятвы в Грютли — против республиканских властей, которые, превращаясь в лакеев, соглашаются играть роль г. Бисмарка, роль подручных палача по отношению к деспотизму царей, только что упившемуся польской кровью.

Молчать и воздерживаться в подобной ситуации было бы подлостью, и я не верю, чтобы братья Фогт дошли до такой степени личной удовлетворенности, что почет и преимущества их положения усыпили их, заставив забыть все гордые убеждения их прошлого.

Прочти, прошу тебя, это письмо Адольфу Фогту, переведи его матушке [2], и если ты меня еще любишь, ответь мне.

Твой всегда верный и неизменный М. Б.

Целую Мари [3] и детей.

Печатается по фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 26.17, л. 1—4, с автографа *BN*.

[1] См. п. 3.
[2] Мать братьев Фогтов — Луиза *Фогт*.
[3] Мария Каспаровна Рейхель.

10

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Париж.〉 Воскресенье, 20 февраля 1870.

Как вы могли найти малейший след «индифферентизма» в моей последней записке, право, не понимаю! Я предвидел и предсказывал вам, что будут большие препятствия. Если б я мог действовать открыто, другое дело, хотя и в этом случае пришлось бы очень бороться, потому что *все* они задерживали и отговаривали. *Все* здесь относятся к вашим занятиям как к какому-то безумию. Получивши ваше первое письмо, я хотел немедленно ехать, брат остановил, говоря, что мне необходимо подписать *разные бумаги*. Все эти несносные комедии кончились только в четверг, я подписался раз 20—30; когда кончилось, я объявил, что хочу ехать в понедельник. Вышла такая история, что просто ужас, — и если б я не обещал *не уезжать* без других, я думаю, мы бы все перессорились. Вы в самом деле думали, что это так легко вдруг все бросить! Слышать упреки со всех сторон. К тому же, кто-то из близких сказал мне, что в этом бессмысленном желании ехать видно доказательство, что я еще не выздоровел. И в самом деле, если беспокойное, почти лихорадочное состояние, в котором я нахожусь, с тех пор как вернулся, долго продолжится, я, пожалуй, опять начну бредить.

Все, что я вам говорил, было сказано совсем искренно. Как вы могли, и можете еще теперь, думать, что это *фразы*? «Эфемерные препятствия» [1], как вы их называете, совсем не эфемерны для меня; они меня *ужасно мучают*.

Вас удивило мое колебание. Когда доверье слишком скоро образуется, оно никогда не бывает *прочно* или редко. У меня к тому же очень недоверчивая натура. Я должен гораздо ближе познакомиться с делом и гораздо яснее видеть, каким путем хотят достигнуть цели, чтоб иметь полное доверие.

Во мне в самом деле есть что-то несамостоятельное, нерешительное и робкое, я сам это вижу и буду всеми силами стараться все это переменить.

Письма привезу [2] и много расскажу.

Окружающие думают, что зовет меня старый друг [3] и что он не дает мне покоя; сильно бранят его, говорят, что он знает, что месяца нет, как я выздоровел [4], что он меня погубит!

«Ты еще не можешь ясно рассуждать и обдуманно поступать по-прежнему, поэтому мы тебя одного отпустить не можем, не должны!» Вот что мне говорят. Признаться, вы в самом деле мне не дали много времени, чтобы хорошенько обдумать.

Брат уехал: в эту минуту он опускает гроб. Впрочем, вам дела до этого нет; скажете, пожалуй, что сентиментализм думать еще о Папаше.

Одному мне ехать *невозможно*, не ссорившись со всеми, — этого я не хочу, не могу. Все, что было в моих силах, то сделал — *поеду во вторник* с другими, т. е. с младшей сестрой и с ее матерью. Пожалуйста, не ждите, если вам *неловко*, поручите старику [5] сказать, что нужно.

Вы никогда не поймете, как мне было *трудно* достигнуть то, что я достигнул [6]. Вы свободный волк, по-вашему, все это предрассудки, поэтому я вам так мало писал, без подробностей. До свиданья, если оно возможно. Жму вам руку

Режинальд Вильсон

[1] Письмо Нечаева, которое цитирует Н. А. Герцен, неизвестно.
[2] По-видимому, письма от тех лиц в Париже, поручения к которым выполняла там Н. А. Герцен.
[3] Огарев.
[4] Речь идет о душевном заболевании Н. А. Герцен осенью 1869 г.
[5] Огареву.
[6] О реакции семьи на намерение Н. А. Герцен переехать в Женеву для помощи Огареву см. записи в ее дневнике.

11

С. Г. Нечаев — в редакцию «Journal de Genève» [1]

Перевод с французского:

Лондон [2], 22 февраля 1870

Господин редактор,

Узнав, что палач России, Александр II, обвинив меня в убийстве, обратился к Швейцарскому федеральному правительству о моей выдаче и что в Швейцарии уже имели место обыски и аресты среди наших эмигрантов, я прошу вас, господин редактор, поместить это письмо в вашей уважаемой газете и таким образом спасти моих соотечественников от всех неприятностей, вызванных интригой самой подлой на свете администрации — администрации России. Я не в Швейцарии; поэтому содействие федерального правительства (если бы оно на это согласилось) охоте за мной ничему не послужит. Вступив в ряды врагов русского правительства, я знал, с кем имею дело, и, следовательно, принял все предосторожности, чтобы уцелеть и не попасть в его когти как раз в начале битвы за русскую свободу.

Примите и проч.

Нечаев

Печатается по *AB*, t. IV, p. XXXIV.

[1] Напечатано в «Journal de Genève» 2 марта 1870 г.

[2] В действительности Нечаев скрывался в Локле, в Швейцарии. Указание на Лондон — конспирация.

12

М. А. Бакунин — А. Фогту

Перевод с французского:

⟨Локарно.⟩ 25 февраля 1870

Мой превосходный друг. Спасибо за твое доброе письмо. Но если в прошлую субботу, 19-го, известие о русском требовании было просто уткой, то сегодня это не так.

В «*Journal de Genève*» от 23 февраля помещена телеграмма из Берна, носящая настолько официальный отпечаток, что нельзя в ней усомниться. Суди сам: «Телеграмма, Берн, 22 февраля. Многие иностранные газеты напечатали телеграмму из Берна от 14 февраля, извещающую, что Россия при поддержке Пруссии потребовала выдачи Нечаева. *В этот день Федеральный совет не получал еще требования о выдаче, и установлено*, что эта телеграмма не была отправлена ни из Берна, ни из какого бы то ни было швейцарского почтового отделения. *Это требование о выдаче поступило в действительности вчера, 21 февраля, и, возможно, будет обсуждаться Федеральным советом завтра*».

Итак, нет сомнения, требование было сделано. Но каков был или будет ответ Федерального совета? *Вот что мне необходимо знать как можно скорее*, и я рассчитываю в этом на твою старую дружбу.

Но это не все: если федеральное правительство намерено оказать позорную услугу русскому правительству, *нужно поднять против него общественное мнение*. Я посылаю тебе № 8 локльского «Progrès», где ты найдешь мою статью «La police suisse» и письмо Нечаева. Нужно предать их возможно большей гласности, не говоря никому, что первая статья моя, что я знал Нечаева и что это я послал тебе этот номер «Progrès». *Предполагается, что я ничего не знаю.*

Признаюсь, дорогой друг, что нисколько не верю в революционные добродетели нашего федерального правительства. Меру их мы видели в деле Оболенской [1], в котором Серезоль, адвокат из Веве и член федерального правительства, сыграл *гнусную роль* продажного человека. Поэтому, чтобы помешать новому позору и спасти *человека драгоценного* и достойного всякой симпатии и восхищения, нужно пустить в ход, если это окажется необходимым, самые сильные средства и, как я уже сказал, надо возбудить и взволновать общественное мнение Швейцарии

против этого республиканского правительства, которое становится лакеем у его казацкого величества.

Адольф, так как вы не принадлежите к филистерам и не стремитесь ими стать, я рассчитываю на вас.

Если у тебя нет времени мне ответить, твоя дорогая жена согласится передать мне все, что ты захочешь мне сказать; только агитируй, а она мне напишет. Но, во имя всех богов Густава [2], отвечай как можно скорее.

Преданный вам М. Бакунин

Печатается по *AB*, t. IV, p. 50—51.

[1] О деле Оболенской см. прим. 19 к дневнику Н. А. Герцен.
[2] Густав Фогт, брат адресата, юрист.

13

Н. П. Огарев — С. Г. Нечаеву

P⟨our⟩ Neville *[1]

⟨Женева.⟩ 28 февр⟨аля 1870 г.⟩. Вторник.

Я решительно не согласен на ваш приезд (переписка лучше), тем более что К⟨амперио⟩ меня просил, чтоб вас здесь не было месяца с два, пока все интриги заглохнут, в чем нет сомнения [2]. Посылаю вам счет, которого у меня копия. Как же с ним распорядиться? У меня теперь ни малейших нет средств для уплаты [3].

На ваши замечания ответ пошлю завтра. Делегатов никаких не было. Все это, кажется, вздор [4]. Мы все здоровы. «Голос» тоже пошлю завтра, но не весь: в одном есть статья о Б⟨акунине⟩, которую надо прямо послать к нему [5].— Во всяком случае, торопиться совещаниями нечего до прихода денег, и бланки прежде выпускать не к чему. Это положительно.

Отрывок не набран и возвратится мне. Впрочем, все она привезла в порядке [6].

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.55, с автографа *BN*.

[1] *Невиль* — псевдоним Нечаева (другие конспиративные псевдонимы, которыми он пользовался в Швейцарии: «Бой», «Барон», «Волков», «Барсов», «Лендли»).
[2] Филипп *Камперио* (1810—1882) — лидер швейцарской Независимой партии, в 1865—1870 гг. возглавлял в Женеве кантональный департамент юстиции и полиции. Был хорошо знаком с Огаревым (29 февраля Бакунин писал Огареву: «Камперио, твой приятель, написал федеральному правительству, что этот г-н Нечаев — друг известного социалиста Бакунина и, без сомнения, скрывается у него в Локарно».— Письма М. А. Бакунина, с. 270).
[3] Очевидно, один из тех четырех счетов, которые до марта 1870 г. предъявил Чернецкий за печатание прокламаций и брошюр (см. фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 24.5, с подлинника *BN*).
[4] Возможно речь идет о делегатах цюрихских студентов, привезших в Женеву их обращение к революционной эмиграции с предложением коллективного выступления в защиту Нечаева (см. об этом ниже, в письме А. Трусова к С. Марковичу — п. 40).
[5] Огарев имеет в виду статью парижского корреспондента «Голоса» Н. В. Щербаня («Голос» № 41 от 10/22 февраля 1870 г.) — злобную реакцию на статью Бакунина «Смертная казнь в России. Редакции газеты „Rappel“» («Rappel», 15 февраля). Включившись в развернувшуюся на страницах этой газеты полемику о смертной казни в России, Бакунин доказывал, что, отмененная юридически, на деле смертная казнь в России существует (текст его статьи см. *AB*, t. V, p. 27—29).
[6] Письмо Огарева является ответом на не дошедшее до нас письмо Нечаева, привезенное Н. А. Герцен из Локля. Оно показывает, что целью ее поездки было получение замечаний Нечаева на одну из печатавшихся в это время прокламаций.

14

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

⟨Женева. Первых числа марта⟩ [1]

Зайдите непременно нынче хотя вечерком.
Здесь вышли гадости, надо разъяснить.

P. S. Утром были нужны очень.

[1] Относится ко времени после возвращения Нечаева из Локля и до начала осложнения отношений с Н. А. Герцен (см. ее дневник, с. 496—497).

* Для Невиля (*франц.*).

15

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 13 марта 1870

До тех пор, пока Вы мне не дадите *честное слово*, что Вы не будете меня целовать, я к О〈гареву〉 не буду ходить.

Да к тому же лучше, чтобы мы не встречались больше. Телом и душой отдаться делу я не могу, несмотря на то, что искренно ненавижу весь существующий порядок. Последнее слово мое я сказала; встреча поведет только к раздраженному разговору — поэтому прощайте.

Желаю Вам успеха.

Н. Герцен

16

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

〈Женева. 13 марта 1870 г.〉[1]

Я вам *слово* дал вчера, следовательно, причины непосещений не существует.

Ваш Laendley

А вы дали слово нынче быть, так и сдержите его, то есть придите после обеда. Это вы должны сделать, чтоб иметь право рассчитывать на честное слово других.

Ждем вас.

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.

17

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 17 марта 1870.

Я предчувствовала, что не буду в состоянии прийти сегодня, и в самом деле, у меня голова так болит, что я, верно, целый день останусь дома.

Как на смех, именно сегодня, когда могла бы всего больше вам помочь,— досадно! Но, так как это механическое занятие меня не утомляет, еще раз прошу вас прислать мне, что хотите, *сюда* (*с объяснениями*) — я исполню и отправлю.

Хоть бы «каша» кончилась и дала бы мне немножко покою!! То, что не к спеху,— оставьте до завтра,— потому что завтра верно буду у О〈гарева〉.

До свиданья, «Тигр Медведевич», обращайте немножко побольше внимания на внешние формы, самому вам и другим будет приятнее.

Н. Г.

С нашей горничной вы сами не говорите, не нужно, чтобы она знала ваши черты [1]. Вздумается Камперио ее допрашивать когда-нибудь, и будет беда.

« — Что вы вздор говорите!»

[1] Горничная — итальянка Эрминия *Жарделль*. Впоследствии, когда Нечаев прятался в квартире Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой, она не только знала его, но и способствовала его побегу (см. воспоминания Н. А. Герцен.— «Лит. наследство», т. 63, с. 494—496.)

18

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 Воскресение 20 марта 1870.

Мне все нехорошо, я еще в постели, утром не выйду, увижу, что будет после обеда, поправлюсь, так приду вам помогать; если вас дома не будет, оставьте объяснения, что мне делать.

Как припоминаю наши разговоры, вижу противоречье в некоторых ваших фразах. Помните, напр〈имер〉, как сказали раз: «Да, не путайте то, что касается

до меня *лично*,— с *делом*». А потом несколько раз говорили совсем другое, как: «Я цельный человек. Что касается до *дела*, то касается и *меня*, делить я это не могу. Вопрос только один. Я только о деле и говорю».

Признаться, тут для меня что-то неясно, по-моему, надобно непременно эти вопросы разделить. Итак, чтобы не вышли недоразумения, не забывайте, что, как только я поняла, что, кроме *дела*, Вы спрашиваете *тоже* о *личных* отношениях,— я вам сейчас же дала *отрицательный ответ* и несколько раз его повторяла. Вы мне говорите, что сама себя не знаю. Странный вы человек, должна же я знать, люблю я вас или нет; ну и опять говорю Вам, что *нет*,— не люблю.

Очень жаль мне, что у вас явилось это чувство, и в этом я совсем не виновата и повторяю, что решительно ничего не заметила до тех ⟨пор⟩, пока вы не заговорили прямо.

Только что принесли длиннейшее письмо из Италии [1].

До свиданья

Н. Г.

[1] Судя по записям расходов из Бахметьевского фонда, которые вела Н. А. Герцен (фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 24.5, с подлинников *BN*), Нечаев и Огарев интенсивно переписывались с итальянскими революционерами и посылали им свои издания. Так, 20 марта 1870 г. был отправлен пакет во Флоренцию, 22-го— в Венецию. Как выясняется из данного письма, для переписки пользовались и домашним адресом Н. А. Герцен.

19

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

⟨Женева.⟩ 27 марта 1870.

Если завтра можете прийти, особенно пораньше, то придите (часов 8—9). Надо. Тихонько прямо в угольную комнатку.

Ваш по уши.

Эх! Как бы вы больше да прямей и последовательней думали! Дайте волю уму, не сдерживайте его *приятными предрассудками*! Скоро перестанете качаться по волнам взбаламученного моря и пристанете к обетованной земле, если будете последовательны.

Знаете ли, как мне тяжело за вас. А ведь я вас... .

20

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

⟨Женева.⟩ 28 марта 1870.

Не зайду я, пока не получу то, о чем писала поутру [1]. Я это говорю очень серьезно.

А не хотите исполнить, так посылайте мне все сюда с объяснениями, я буду и писать, и переписывать.

Что это с глазами Ага? Н. Г.

[1] Это письмо Н. А. Герцен не сохранилось.

21

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

⟨Женева. 28 или 29 марта 1870 г.⟩ [1]

С вами я говорю просто и прямо и не хочу говорить еще как-то *серьезно*. Перестаньте капризничать за то, что с вами поступают как с человеком дорогим, а не как с кисейной барышней. Ведь я не Тхор⟨жевский⟩.

Эти капризы ниже вас. Они неразумны.

А ведь вы умница!

Вместо того, чтобы тратить силу мозга на размышления над приличиями да неприличиями, следовало бы вдуматься в реальную сущность жизни, а не в ее картинную видимость. Или хотите весь век пробыть украшением гостиных? Ну, да как знаете!

А вот *здесь* сплетни вышли!

Надо объяснить их происхождение. Придите непременно, а то я сам к вам приду.

Ваш.

Оз⟨еров⟩ [2] не уехал, потому что вы утром не были.

Принесите денег для Чернецкого [3].

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.

[2] Владимир Михайлович *Озеров* (1838 — ок. 1915) — штаб-ротмистр Волынского уланского полка, участник польского восстания 1863 г., член Ишутинского кружка, с 1866 г.— революционный эмигрант; друг Бакунина и Огарева, член Женевской секции I Интернационала. Вместе с Н. А. Герцен выполнял обязанности секретаря редакции нечаевского «Колокола».

[3] Речь идет о хранившейся у Н. А. Герцен части Бахметьевского фонда, предназначенной для оплаты счетов Чернецкого по издательским расходам.

22

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

⟨Женева.⟩ 31 марта 1870.

Не ставьте же меня в такое нелепое положение. Вы понимаете, что я не могу ходить к Огареву, пока Вы там. Вы мне покоя не даете, не умеете Вы обращаться по-человечески с людьми, а тут Ага все зовет, говорит, что дело есть. Ну, будьте же разумны, пожалуйста. Напишите мне то, о чем я просила. Уверяю Вас, что для меня эти или *этот* вопрос *совсем решен*, прошу Вас меня больше не мучить и никогда об этом не говорить. А если я Вам ни в чем помогать не могу,— скажите поскорей.

Н. Г.

Я в самом деле простудилась тогда вечером, возвращаясь (голодная) с Чернецким. Если исполните мою просьбу, приду завтра.

23

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

⟨Женева.⟩ 31 марта 1870.

Как Вы переходите из одной крайности в другую! Один день я «самое дорогое существо», на другой — «урод», и к чему эти грубые, жесткие упреки?!

Сама я знаю, что ничего не убудет, если я умру; два-три человека погрустят, другие будут довольны — вот и все. Я Вам просто и прямо сама говорила, что *ничего* до сих пор не делала.

Я *«оскверняю слово любовь!»* Какое право Вы имеете это говорить?

«Чтоб любить, надо знать, за *что*» [1]. Это совсем справедливо. Разве я Вам не говорила, что ваша привязанность ко мне ни на чем не основана? Почему Вы меня полюбили прежде, чем я что б то ни было сделала? Но лучше обо всем об этом не говорить, пока буря и биза совсем не прошли.

Очень рада, что наша встреча даром не пройдет. От всего сердца желаю успеха вашей брошюрке [2].

Завтра приду, приготовьте, что делать.

Н. Г.

[1] Письмо Нечаева, слова из которого приводит Н. А. Герцен, не сохранилось.

[2] Хотя Н. А. Герцен употребляет слова «вашей брошюрке», в действительности она имеет в виду не какую-то брошюру Нечаева, а написанную Бакуниным в защиту Нечаева брошюру

«Ours de Berne et l'Ours de Saint-Pétersbourg. Complainte patriotique d'un Suisse humulié et désespéré». Она печаталась в этот момент или только что была напечатана в типографии Гильома в Невшателе.

24

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 Вторник 〈19 апреля 1870 г.〉[1]

Вы сами можете понять, что все то, что случилось третьего дня и вчера вечером, мне чрезвычайно неприятно; всего досаднее то, что вы можете предполагать, что решение N〈atalie〉 взято *после* нехороших известий, *после* того, что случилось у Ага и т. д. А дело в том, что ей давно было *неловко*, *неприятно*, а я по глупости или рассеянности этого не замечала, а то бы прямо вам сказала, и вчерашняя сцена не случилась бы; уверяю вас, что очень жалею [2].

Решение мое вы знаете, значит, пор〈учать〉 * мне больше ничего не можете 〈и〉 не должны. Получила я от Б〈акунина〉 〈пис〉ьмо для вас; могу переслать через Ц〈амперини〉 [3] или нет? Назовите кого-нибудь.

Отвечайте также через Ц〈амперини〉.

Ходить я к вам не буду: во-первых, по разным причинам, о которых мы говорили, потом потому что для вас нехорошо, обращают внимание на дом.

Будьте осторожны.

Могу ли я деньги отдать Ц〈амперини〉?

[1] Датировано по дате первого вторника после отъезда Бакунина из Женевы (18 апреля). Об этой дате см. прим. 29 к дневнику Н. А. Герцен.

[2] Инцидент, о котором сожалеет Н. А. Герцен (по-видимому, какое-то столкновение Нечаева с Н. А. Тучковой-Огаревой), не освещен ни в воспоминаниях, ни в других дошедших до нас документах участников этих событий.

[3] Это письмо Бакунина к Нечаеву неизвестно. О Цамперини см. прим. 16 к дневнику Н. А. Герцен.

25

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 Середа (утро) 〈20 апреля 1870 г.〉[1]

Если б я была уверена, что в самом деле *никто*, кроме меня, ваших поручений исполнять не может, что исполнить их *необходимо*, я бы пошла к вам. Но от ваших длинных разговоров и особенно от странного вашего поведения я устала и решительно не хочу, чтоб это продолжалось. Ни в каких интригах я участвовать не хочу, поэтому не понимаю, какие поручения могу исполнять? Употребляйте на это *ваших*.

Отчего вы спрашиваете, струсила ли я? Что же может случиться со мной?? Решительно ничего. Одна «*Народ〈ная〉 Расправа*» может пожелать наказать или проучить меня.

Пошлите же денег бедному Б〈акунину〉, он, верно, ждет с нетерпением [2].

Поймите еще то, что ходить к вам мне не следует *для вас*, т. е. чтобы опять не нашли, где раки зимуют.

Потом помните, что *Татой* звать меня не нужно, мне это неприятно.

Н. Г.

Поговоривши с Ц〈ампери〉ни, я еще раз убедилась, что мне решительно к вам ходить не следует. Вы знаете, что обещают 5000 фр〈анков〉 тому, кто вас отыщет! Гадость какая! *Пожалуйста*, *посидите* смирно хоть несколько дней и слушайтесь Ц〈ампери〉ни. Когда будет возможно, он устроит. Пока пишите мне через него, если уж необходимо.

А всего лучше было бы, если б вы на время уехали, право.

---

* Текст поврежден.— *Ред.*

[1] Датируется по связи с предыдущим письмом.
[2] Речь идет о деньгах для устройства семейных дел Бакунина, при условии получения которых он мог переехать в Женеву.

26

Н. П. Огарев — Федеральному совету Швейцарской конфедерации

⟨Génève.⟩ 24 avril 1870

Un de mes compatriotes m'a chargé de vous communiquer une adresse. Cette communication arrive de Londres. J'attendrai votre réponse avec la plus grande patience. J'ai l'honneur d'être votre tout dévoué,

N. Ogareff

Перевод:

⟨Женева.⟩ 24 апреля 1870

Один из моих соотечественников поручил мне передать вам его обращение. Это обращение поступило из Лондона. Я буду ожидать вашего ответа крайне терпеливо.

Имею честь быть преданным вам Н. Огарев

Печатается по *AB*, t. IV, p. XXXV.

27

С. Г. Нечаев — Федеральному совету Швейцарской конфедерации

Перевод с французского:

24 апреля 1870

От личности, преследуемой русским правительством

Три месяца назад русское правительство потребовало от швейцарских властей моей выдачи.

Согласился ли Федеральный совет на это требование? Согласована ли моя выдача? В настоящий момент я все еще этого не знаю. После долгого ожидания я обращаюсь к представителям народа свободной Швейцарии — чтобы получить решительный ответ.

Могу ли я вернуться на гостеприимную землю Гельветической республики без опасности быть арестованным полицией царя Александра II?

В ожидании ответа Федерального совета честь имею быть

Сергей Нечаев.

Печатается по *AB*, t. IV, p. XXXV.

28

Канцелярия Швейцарской конфедерации — Н. П. Огареву

Перевод с французского:

Г-ну Н. Огареву, Каруж 43, Женева
Берн, 25 апреля 1870

Милостивый государь,

в ответ на письмо, направленное вами 24 текущего месяца в Федеральный совет, федеральной канцелярии поручено сообщить вам, что Нечаев обвинен русским правительством в совершении убийства 18-летнего студента и что доказательства этого обвинения, обнаруженные следствием, такого рода, что на Нечаева ложатся серьезные подозрения как на виновника этого преступления. К этому недавно добавился тот факт, что заявление, опубликованное им в последнее время в прессе, оказалось полностью лживым [1].

В таких обстоятельствах Федеральный совет ни в коем случае не согласится предоставить убежище Нечаеву, прежде чем положение дел не будет полностью

установлено расследованием. Федеральный совет воздерживается поэтому от предварительного следствия, пока он не будет найден на швейцарской территории, и не находит возможным в этом случае делать какие-либо заявления по поводу дальнейшего.

Примите, милостивый государь, уверения в нашем полнейшем почтении

От имени Федеральной канцелярии

Канцлер Конфедерации ⟨подпись⟩.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 519.

[1] Речь идет о «Письме в редакцию» Нечаева (см. прим. 5 к п. 4), перепечатанном в ряде газет, а потом опубликованном и в № 1 возобновленного «Колокола» 2 апреля 1870 г. (текст его см.: «Колокол». М., 1933). Опираясь на замечание Гильома, что это «Письмо» было, «возможно, составлено Бакуниным» (D. G u i l l a u m e. Op. cit., I, p. 280), авторство Бакунина считал несомненным Стеклов (Ю. С т е к л о в. Указ. соч., т. 3, с. 519—520). Однако и сам характер письма, и все известные теперь факты делают это утверждение совершенно неправомерным.

29

Н. П. Огарев — М. А. Бакунину

⟨Женева. 6 мая 1870⟩ [1]

Locarno. Terèsina Pedrazzini [2] per Antonia.
Donne-moi le droit de voter pour toi dans une assemblée pour les affaires de mon boy et telegraphie de suite. Le plus grand besoin.

O g a r e f f

П е р е в о д:

Локарно. Терезине Педраццини [2], для Антонии.

Дай мне право голосовать за тебя на собрании по поводу дел моего боя и телеграфируй тотчас же. Крайняя нужда.

О г а р е в

Печатается по черновику *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 424.

[1] Датируется по связи с готовившимся на 7 мая и состоявшимся в этот день собранием русских политических эмигрантов в Женеве (см. вступ. ст.).

[2] Терезина *Педраццини* — квартирная хозяйка Бакунина в Локарно.

30

Н. П. Огарев — президенту Женевского кантонального совета Ф. Камперио

Je suis malade, c'est pourquoi je n'ai pas pu me présenter chez Vous. Mais je ne puis laisser l'affaire sans protestation non seulement pour mon pauvre ami Netchayeff inculpé par le gouvernement russe d'un crime qu'il n'a pas commis, mais aussi pour le jeune homme Sérébrennikoff que vous avez arrêté au lieu de l'autre. J'espère toujours que Vous ne voudrez pas livrer un condamné politique au lieu d'un criminel et expédier aux travaux forcés un homme qui a cherché un refuge en Suisse — et encore moins un homme qui n'est pas encore persécuté. J'ai toujours foi en Votre honnêteté humaine.

J'ai l'honneur d'être Votre tout dévoué serviteur,

Nicolas O g a r e f f

П е р е в о д:

⟨Женева. После 9 мая 1870⟩ [1]

Я болен, и поэтому не мог прибыть к Вам лично. Но я не могу оставить дело без протеста — не только из-за моего бедного друга Нечаева, обвиненного русским правительством в преступлении, которого он не совершил, но также из-за молодого человека Серебренникова, которого вы арестовали вместо другого [2].

Я все еще надеюсь, что Вы не захотите выдать политического осужденного вместо уголовного преступника и отправить на каторгу человека, искавшего убежища в Швейцарии,— и еще менее человека, которого вообще еще не преследовали. Я всегда верил в Вашу человеческую честность.

Имею честь быть Вашим преданным слугой

Николай О·г а р е в

Печатается по *AB*, t. IV, p. XXXV—XXXVI.

[1] Датируется по дате ареста С. И. Серебренникова (9 мая 1870 г.).

[2] Семен Иванович *Серебренников* — в 1868—1869 гг. участник нечаевской организации в России; в 1869 г. уехал в Америку, откуда в декабре того же года приехал в Цюрих с намерением стать студентом Политехнической школы. Вызванный Нечаевым в Женеву, он остановился у Огарева. 9 мая был арестован на улице кантональной полицией, принявшей его за Нечаева, и находился в тюрьме до 21 мая. Этот инцидент был использован русской революционной эмиграцией для протеста против произвола швейцарских властей и подчинения их диктату русского правительства.

31

Памятная запись Н. А. Герцен об обсуждении протеста революционных эмигрантов против выдачи Нечаева

〈Женева. 25—26 мая 1870 г.〉 [1]

Насчет адреса я могу только сказать, что он в самом деле ловко написан. Прочитала я его в присутствии Б〈акунина〉, Сереб〈ренникова〉 и Озерова. Когда я кончила, он [2] сказал добродушно:

— Ведь такую штуку каждый подпишет. Не правда ли?

— Не знаю,— отвечала я,— я, например, не подпишу. Тут не сказано, что мы совсем не сочувствуем его образу действий и что совсем с ним не солидарны.

Все ахнули. А Б〈акунин〉 сердито заметил:

— Как не сказано? Как же вы читаете, перечитайте второй параграф.

И в самом деле там сказано: «*

Потом я остановилась на следующей фразе: «nous affirmons sur notre honneur etc. etc. ...et avec pleine conscience...»**, прибавляя, что никто из нас не может это подтвердить.

— Ce n'est qu'un sot qui puisse en douter — только дурак не подтвердит и еще может сомневаться, что рус〈ское〉 прав〈ительство〉 Н〈ечаева〉 не из-за политических целей преследует. Что за несносный мы народ — невыносимое русское резонерство, шагу не сделает, не разбирая все до ниточки, чтоб к чему-нибудь придраться и отказать, чтобы имя не компрометировать свое.

— Так и следует. Разбирать каждый должен и как можно строже.

— Ну, да сами рассудите. Стало бы р〈усское〉 пр〈авительство〉 так хлопотать о Н〈ечаеве〉, если б он был простой преступник? Ясно, что в нем преследуют политика.

— Если эту фразу вычеркнут, я подпишу.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 24.1, л. 100—101, с автографа *BN*.

[1] Датируется по следующим соображениям: из контекста ясно, что этот текст протеста обсуждался после отъезда Лопатина из Женевы (т. е. после 24 мая — см. вступительную статью), но до отъезда Бакунина в Берн, куда он увез для согласования эту новую его редакцию (в письме Нечаеву от 27 мая, п. 37, Н.А. Герцен сообщает, что Бакунин уже в Берне). Эта редакция протеста была получена Лопатиным в Париже до 1 июня (см. п. 43).

[2] Очевидно, Бакунин, полемика с которым и составляет содержание всей записи.

---

* Текст цитаты не вписан Н. А. Герцен.— *Ред.*

** Мы утверждаем своей честью и т. д. ... и с полным сознанием (*франц.*).

32

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

〈Монтей. 25—26 мая 1870 г.〉

Я попал в страшнейшую глушь [1] и, что всего неприятней, должен остаться здесь долее недели. Предвижу ужаснейшую тоску. Понимаете ли, какое удовольствие будут доставлять мне *ваши* письма? Знаете ли, с каким нетерпением жду их?

Пишите, пишите скорее и больше; пишите прямей, откровенней. Сейчас буду писать вам большое письмо, которое придет к вам по почте позже этой записки. Надеюсь, что вы не будете дожидаться его и напишете раньше. Да! вот мой адрес (храните в тайне) Chez M. Constantin Baraldini pour M. Pierre *à Monthey*.

Сделайте так, чтобы письма от Ог〈арева〉, Оз〈ерова〉 и других для меня брал Сереб〈ренников〉 и приносил вам, а вы уж пересылайте.

Будьте решительней и *самостоятельней*. Дорогой со мной Н〈аталья〉 А〈лексеевна〉 много говорила об вас, уже напишу [2]. Что она?

Как бы хотелось написать еще, да уезжает Ц〈ампери〉ни, торопит. До свидания! Передайте записочку Иванову [3] и счет Озерову. И письмо Н〈аталии〉 А〈лексеевне〉.

Не получено ли Огар〈евым〉 каких писем для меня, пришлите их.

ПИСЬМО НЕЧАЕВА К Н. А. ГЕРЦЕН
Автограф. Монтей, 26 мая 1870 г.
В левом верхнем углу помета Н. А. Герцен: «Получено 27-го мая 1870»
Национальная библиотека, Париж

[1] Убежище в горах Швейцарии после бегства Нечаева из Женевы было предоставлено ему итальянскими революционерами (см.: М. П. Сажин. Воспоминания 1860—1880-х гг. М., 1925, с. 62).

[2] Рассказ Н. А. Тучковой-Огаревой об этом эпизоде в ее воспоминаниях 1894 г. не содержит никаких сведений об ее беседах с Нечаевым (см.: Архив Огаревых, с. 275—278). Содержание ее разговора с Нечаевым частично отразилось в п. 35.

[3] В окружении Н. А. Герцен и Огарева лицо с такой фамилией неизвестно. Возможно, псевдоним В. И. Серебренникова.

33

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

〈Монтей.〉 26 мая 1870.

Дорогая Тата.

Писать к вам становится трудной, хотя и любимой задачей. Вы хорошо знаете, *почему* я не могу говорить с вами обиняками, почему не могу скрыть того, что думаю, и почему не в силах сдержать ту горячность (по-вашему — грубость), что выходит прямо из души.

Между тем в моих думах, в моих представлениях об вас есть много и много такого, что совершенно противоположно окружающему вас, что идет вразрез с тем, от чего вы не попробовали отвыкнуть или так или иначе отделаться. Словом, в открытой, прямой речи моей к вам есть часто укор, есть упрек в нерешительности, в слабости, в колебании и прочих свойствах, от которых вы когда-то обещали мне

стараться освободиться. Поэтому мои слова вам часто были неприятны, но я все-таки говорил их и буду говорить.

Знаю, что и в этом письме вы встретите не комплименты.

В первые дни встречи вы высказывали недовольство пошлой жизнью, но понимали очень смутно, в чем заключается причина этой пошлости. Жизнь пошла, когда нет в ней дела, когда человек сознает, что его существование ни для кого не нужно, кроме таких же пошляков, когда человек так мало верит в себя и в свои силы, что не решается ни на какой активный шаг сам по себе, а ожидает, пока судьба (глупейшее понятие) не сдвинет его так или иначе с места. Ну и двигаются такие люди *судьбой* в образе папенек и маменек или разных пекущихся ангелов-хранителей, вроде ....

Пока человек кружится только в подобной среде, он мало чувствует недовольства, он глуп, а потому может быть спокоен, зависимость и рабство его не оскорбляет, но, раз он столкнулся с *другими* людьми, увидел самостоятельность в комлибо, он уже не может оставаться в довольстве, он должен или делать смелый прыжок из болота, или, сознательно погружаясь в нем, все более и более презирать себя, пока наконец мысль не перестанет работать и человек не обратится в полуживотное.

До сих пор вы живете совершенно пошлой жизнью: без цели, без задач. Если б кто спросил вас, зачем живете? — Вы не могли бы отвечать. Вспомните ваше письмо: «...знаю, что не много убудет, если я умру; немногие пожалеют, поплачут!..» [1].

Сердце разрывалось у меня, когда я читал это сознание собственной бесполезности. И это пишет молодая, свежая девушка, еще не пробовавшая жить. Откуда же это отчаяние как бы отживающего человека, эта боязнь сбросить с себя оковы? Вот плод вашего бессмысленно проведенного прошлого, плод глупых забот и попечений, которыми вас окружали с детства и которыми до того приучили ваши руки к пеленкам, что вы и теперь чувствуете себя как бы связанной.

Да, если знаете, что вы бесполезны, так переставайте жить так, как жили до сих пор! Двиньтесь! сбросьте трусость! Посмотрите на других глазами живого, чувствующего человека, а не мутным взором богатой наследницы, ежеминутно боящейся грабежа и обмана. Есть много хороших людей, приставайте, работайте, а главное — скорее выдьте из зависимости и рабства позолоченной мишурой мнимой привязанности.

Это отсутствие жизненной задачи мешало вам выработать твердые убеждения, на которых бы вы могли опираться в своих поступках. Без убеждений вы были, без характера, робки, неопытны и боязливы. Вы сторонились всегда от столкновений, от борьбы, потому что борьба без дела — нелепа. Вот почему всё окружающее (а оно было очень плохо) влияло на вас, а вы не давали никакого отпора. Вот почему Н⟨аталия⟩ Алексеевна, уже отжившая женщина, смотрит на вас *с сожалением* и думает, что без ее советов вы погибнете. Она говорила мне, между прочим: «Когда я горячо возражала против намерения вторично переодеваться [2], Тата покраснела, сконфузилась, поцеловала меня и согласилась со мной. Мне жаль было смотреть на нее; так робка, послушна она была, так мало нужно было, чтобы ее разубедить» и пр., что сообщу вам потом.

Для нее вы положительно бесхарактерное существо, которому постоянно нужна нянька (так же, кажется, и брат ваш смотрит). Мне было больно, тяжело слышать эти полупрезрительные отзывы, худо скрываемые заботливостью. Я едва не разругался за вас. Я почему-то верю в вас и вам. Я предлагал Вам встать от спячки и идти вместе к общей цели. Я верю в вас, верю, что вы еще свежи и можете окрепнуть и развиться в деле. В моих к вам отношениях я поступал необдуманно, не совсем разумно (Вы знаете, почему), часто я забывал вашу слабость, вашу несамостоятельность. Я действовал резко и запугал вас. Вы начали сторониться меня. Как больно становилось порой, но все же я не потерял уверенности, что истина возьмет верх. Вы боитесь постоянно обмана, хитрости, интриг и сидите сложа руки. Я спрашиваю: когда боятся опасности быть жертвою интриг — тогда ли, когда идешь определенной дорогой, имея ясную цель перед глазами, проверяя каждый свой шаг и шаги идущих вместе, или когда находишься в положении, по-

добном вашему,— без всякого жизненного плана, при полном отсутствии понимания жизни, без любви, определенности.

Желал бы я, чтоб отвечали вы мне после размышлений самостоятельных, а не под влиянием разговоров с кем-либо.

Пишите, пожалуйста, скорее и больше.

Вследствие последней переполохи с преследованием план личного моего будущего участия в деле принимает большие изменения. Отвечайте мне прямей, если небольшое доверие мне в вас еще не ослабло, то я бы вам предложил кое-что?

Прилагаемую записочку передайте Огареву [3] и уничтожьте.

[1] См. письмо Н. А. Герцен от 31 марта (п. 23).

[2] Предполагалось сперва, что Нечаев выедет из Женевы переодетым и получит все необходимое для этого через Цамперини. Не имея терпения дождаться прихода последнего, Н. А. Тучкова-Огарева вывезла Нечаева в обычной одежде, усадив в коляску и сделав вид, что отправляется с Лизой в сопровождении своего знакомого на загородную прогулку (см.: Архив Огаревых, с. 275—278). Судя по письму Н. А. Герцен к Нечаеву от 27 мая (п. 35), к решению этому пришли не сразу, а думали сначала переодеть и Нечаева, и Н. А. Герцен и ехать всем вместе. Передавая свой разговор с Натальей Алексеевной, Нечаев упоминает о «вторичном переодевании»: дело в том, что еще раньше Н. А. Герцен сопровождала переодетого в женское платье Нечаева на тайное свидание с Бакуниным (см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 495).

[3] Записка эта неизвестна.

34

Г. А. Лопатин — М. А. Бакунину

Бакунину. Париж, 26 мая <1870 г.>.
Немедленно по получении письма из Женевы *

Я горько сожалею, что не прожил в Женеве еще дня два-три и вследствие этого принужден теперь письменно перерывать всю эту грязь. Но делать нечего: такие письма, как Ваше, не могут быть оставлены без ответа [1]. Итак, я начинаю по порядку.

Прежде всего я должен и желаю выгородить Л<юбавина> [2] из всей этой истории, в которой он не виноват, как говорится, ни сном, ни духом. Вы пишете: «Л<юбавин> поручил Вам объясниться со мною по этому делу...», «не понимаю, как могло Л<юбавину> показаться нужным даже хлопотать о возвращении этих писем», «пусть Л<юбавин> успокоится...», «если Л<юбавину> угодно искать третьего исхода, он волен», «когда Л<юбавину> угодно будет поднять свою клеветливо-грязную кутерьму...». Все эти фразы несправедливы, потому что Л<юбавин>, собственно говоря, здесь не при чем, как Вы это сейчас увидите из подробнейшего изложения всего дела.

Когда я приехал в Петербург [3], Л<юбавин> находился за границей, а N **[4] в тюрьме. Наши общие друзья очень опасались за них, на том основании, что оба эти лица в последнее время разошлись с Вами, а между тем в руках Нечаева находилась известная расписка <Даниельсона>, а в Ваших руках было несколько писем Л<юбавина>. Никто из моих друзей не предполагал никогда, что Вы употребите во зло имеющиеся у Вас в руках документы, но относительно Нечаева все эти господа находились в большом сомнении. Они сообщили мне, что, *говорят*, будто бы по поручению Нечаева некто Лихутин [5] делал уже <Даниельсону> некоторые довольно прозрачные намеки насчет возможности употребления его расписки в известном смысле, если он не сделает того-то и того-то. Далее, я слышал, что, по поручению того же Нечаева, *кто-то* угрожал Л<юбавину> имеющимися у Вас в руках его письмами: угрозы эти были сделаны по какому-то делу о 3000 рублей. (Вас, конечно, не удивит подобное отношение так называемого «Комитета» к *Вашим* письмам, так как Вы уже имеете образчик вмешательства его в Ваши лич-

* На верхнем поле листа приписка Г. А. Лопатина: *Отправление этого письма задержано мною немного, потому что я желал иметь у себя копию с него.*

** К этой букве, обозначающей Н. Ф. Даниельсона, под строкой примечание Г. А. Лопатина: *Я из осторожности переменил начальную букву фамилии хорошо известной Вам особы.* Далее этот криптоним раскрывается без оговорок.

ные дела по поводу перевода книги Маркса [6].) Мои приятели не могли представить мне серьезных доказательств двух сообщенных выше фактов, а передавали их только как довольно верные слухи. Но, принимая во внимание: 1. Вашу близость с Нечаевым; 2. Оригинальное отношение Нечаева к собственности, позволяющее ему иногда класть в карман интересные письма, ключи и т. п. «полезные вещицы», найденные им в отсутствие приятеля на его письменном столе, примеры чего мне известны из очень хороших источников, называть которые, однако, я не желаю по причинам, весьма понятным; 3. Принимая во внимание теоретические взгляды на революционную деятельность, развитые Нечаевым в разговорах с моими друзьями, а впоследствии и со мною самим; 4. И, наконец, его образ действий на практике, хорошо известный мне из достоверных сведений, собранных мною по этому поводу в Петербурге и Москве,— принимая во внимание все это, я не мог не согласиться, что опасения моих друзей имели за себя некоторые основания. Когда ⟨Даниельсон⟩ вышел из тюрьмы, он сообщил мне, что Л⟨юбавин⟩ действительно немного беспокоился за свои письма и очень желал бы получить их обратно. А потому ⟨Даниельсон⟩ просил меня, если я буду в Женеве и если это будет возможно, постараться достать обратно как письма Л⟨юбавина⟩, так и его расписку. Я надеюсь, что Вы не такой формалист и легалист, чтобы придраться ко мне за то, что в этом случае я не имел письменного поручения *прямо* от Л⟨юбавина⟩ хлопотать по этому делу. Но если бы был поднят этот вопрос, то я могу написать Л⟨юбавину⟩ хоть сейчас и немедленно представить Вам его подписку в том, что он одобряет все, что сделано мною по этому поводу до сих пор, а также и в будущем полагается на мое благоразумие. Во всяком случае, всего вышеизложенного совершенно достаточно, чтобы снять с Л⟨юбавина⟩ всякую ответственность в этом деле. Теперь, когда Вам известно начало истории, перейдем к рассмотрению того, как я действовал.

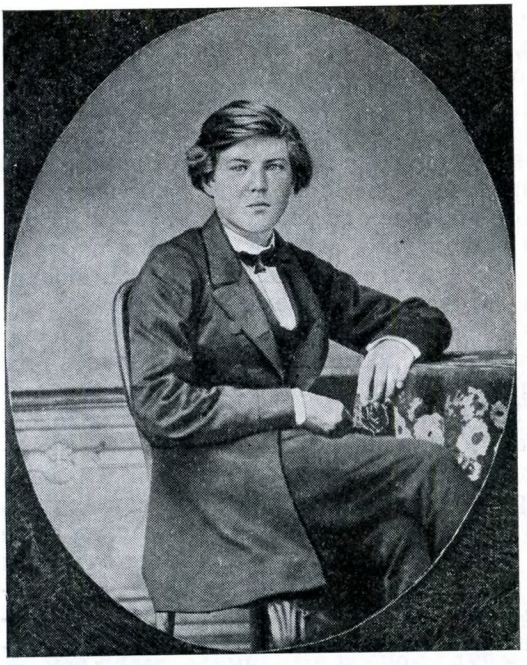
Вы негодуете на меня за то, что я «объяснялся по этому поводу со всеми, кроме Вас». Констатируем факты: я говорил об этом с Озеровыми [7] и у ⟨Н. А.⟩ Герцен по поводу разных теоретических рассуждений, которые завязывались у меня с ними; факт этот я приводил как положительный пример, в то время когда речь шла об оценке характеров и образа действий разных представителей русской эмиграции. Я говорил об этом с Жуковским [8] по поводу выраженного им совершенно случайно желания переводить Маркса. И Элпидину [9], и редакции «Народного Дела» этот факт и даже самое имя Л⟨юбавина⟩, к удивлению моему, были известны гораздо раньше моего приезда. Бумаги, показанные им мною в день моего отъезда, только способствовали выяснению некоторых подробностей в их истинном виде. Перечислив лиц, с которыми я говорил об этом предмете, я хочу поставить теперь этот вопрос на почву общих принципов и утверждаю, что, по моему мнению, я имею полное право говорить об этом предмете, с кем я захочу, если только я сочту это нужным; единственное условие, обязательное для меня, состоит в том, чтобы говорить одну истину. А я могу сослаться на всех, с кем я говорил об этом деле, что я сообщал им одни только сырые факты; я не позволял себе высказывать никаких соображений касательно того, принимали ли Вы какое-нибудь участие, и какое именно, в известном оскорбительном письме, полученном Л⟨юбавиным⟩ от т⟨ак⟩ н⟨азываемого⟩ «Комитета», или нет, представляя все подобные соображения на усмотрение моих собеседников. Таким образом, по этому пункту я считаю себя совершенно правым.

Теперь отвечаю на Ваш вопрос, почему я не объяснился по этому делу с Вами самими. Прежде всего я сошлюсь на Озерова и на М-lle Герцен в том, что я очень желал говорить с Вами по этому поводу; а затем я объясню Вам, почему я этого не сделал. Когда, в первый же вечер нашего знакомства, я провожал Вас к Нечаеву и по дороге заметил, что ни для кого из нас, конечно, не тайна, что все рассказы Нечаева есть чистая ложь,— удивление, высказанное Вами по этому поводу, показалось мне несколько натянутым и не совсем похожим на то удивление, которое высказывает человек, действительно слышащий в первый раз неожиданную и крайне неприятную для него новость. (Вы, конечно, не будете на меня в претензии за откровенное изложение моих впечатлений? Я следую Вашему же при-

меру.) Потом, когда мы были с Вами у Нечаева и когда он своим молчанием подтвердил мое мнение, высказанное ему прямо в лицо, мне опять показалось, что Вы не так поражены, как можно было бы ожидать. На другой день я с удивлением заметил, что Ваше обращение с Нечаевым нисколько не изменилось, что Вы опять выглядите добрыми приятелями, как будто бы он не насмеялся над Вами, обманув Ваше доверие таким грубым образом! Признаюсь откровенно, все это показалось мне несколько странным. Я подумал: вероятно, я не имел чести заслужить доверия Бакунина и искреннего, открытого обращения со мною. Поэтому я не решился начать с Вами разговора о таком щекотливом сюжете, не имея в руках документальных доказательств, о высылке которых я еще раньше просил Л⟨юбавина⟩: я предпочел лучше уехать, совсем не заговоривши с Вами об этом деле, чем заговорить, не имея чем подкрепить своих слов. К сожалению, ожидавшееся мною письмо пришло только в самый день моего отъезда, как это может подтвердить Вам Озеров, которому я читал его немедленно по получении. Тот же Озеров может сказать Вам, что я все-таки собирался видеть Вас в этот день, и если бы я не был задержан Нечаевым долее того, чем я рассчитывал, я непременно сделал бы это. Вы можете, конечно, спросить: почему я не остался в Женеве еще на один день? Что меня так тянуло в Париж? Но так как эти вопросы совершенно личные, то, согласитесь сами, я имею полное право уклониться от всякого ответа на них. Не мог; да и все тут! Повторяю, я не успел повидаться с Вами, и потому перед самым отъездом я отозвал Озерова в сторону и сказал ему следующее: «Вы знаете дело Л⟨юбавина⟩; Вы слыхали также от меня, что есть люди (кое-кого из них Вы знаете, кое-кого — не знаете), которые желали бы огласить это дело в печати. Эти люди выставляют Л⟨юбавину⟩ на вид следующие обстоятельства: 1. Он уже несколько компрометирован в России. 2. Письма, находящиеся у Бакунина, могут во всякое время компрометировать его окончательно. 3. Он имеет средства, позволяющие ему жить за границей столько времени, сколько ему угодно. Таким образом, ему незачем возвращаться в отечество; а следовательно, он не имеет никаких причин не отдать этого дела на общественный суд. И Вы и я считаем такой исход крайне неприятным, почти несчастьем, на основании соображений, о которых мы с Вами рассуждали не один раз. Поэтому потрудитесь сказать Бакунину, что я даю свое честное слово в том, что такого исхода никогда не будет, если он отдаст мне письма Л⟨юбавина⟩, потому что, согласитесь сами, кому же приятно постоянно чувствовать себя «à la merci» * черт знает кого, с позволения сказать: Нечаева? (Заметьте: ни я, ни ⟨Даниельсон⟩ и вообще никто из моих друзей не выражал опасения, что Вы употребите во зло эти письма.) — Я знаю несколько Озерова, и я убежден, что он передал мое поручение добросовестно. Разговор происходил перед самым отъездом, на кухне, в больших попыхах, и потому редакция поручения вышла, может быть, несколько шероховатая, но я уверен, что «по существу» дело было понято и передано Озеровым как следует. Быть может, в редакции поручения, в том виде, как она сейчас изложена, и звучит некоторая угроза. Но внутренно ни я, ни Озеров не сомневались, что если Вы и не отдадите писем, то никто и не подумает принимать каких бы то ни было мер во вред Вам, тем более что Л⟨юбавин⟩ в своем письме ко мне высказался самым категорическим образом против напечатания присланных им документов. Я надеюсь, что во всем, изложенном мною до сих пор, нет еще пока ничего такого, что могло бы поколебать до основания то приятное впечатление, которое, по Вашим словам, я произвел на Вас при первом нашем свидании?

Перехожу теперь к самому главному пункту: к рассказу Нечаева о моем разговоре с ним. Нужно ли говорить, что весь этот рассказ есть чистая ложь, с начала и до конца? Ложь самая бесцельная, потому что, ей-богу, я никак не могу понять: для какой надобности сочинил он всю эту мерзкую выдумку?! Чего он хотел этим достигнуть? Дело же происходило на самом деле следующим образом: Нечаев непременно пожелал видеть меня еще раз перед моим отъездом для какого-то, якобы очень «важного», разговора. Если оставить в стороне новый экзамен, про-

* отданным на милость (*франц.*).



Г. А. ЛОПАТИН
Фотография, Петербург, 1862
Литературный музей, Москва

изведенный им мне по обыкновению, и если отбросить прочь разные свойственные ему экивоки, то весь этот «важный» разговор может быть резюмирован следующим образом: «Зачем Вы мне вредите, распуская про меня повсюду неблагоприятные для меня слухи? Положим, мы с Вами расходимся во взглядах довольно значительно, но что же из этого? Все-таки и я, и вы, мы оба принадлежим к оппозиции. Не вредить, а помогать друг другу должны мы, по крайней мере хотя в тех пунктах, где мы с Вами сходимся». Я отвечал ему на это: «Когда я разговариваю с человеком, с которым я надеюсь столковаться и сделать из него себе сотрудника и помощника, я знакомлю его со своими взглядами двумя способами: я или прямо излагаю свои воззрения в положительной форме, или критикую другие, несимпатичные для меня учения, доказывая их теоретическую и практическую несостоятельность примерами, почерпнутыми из истории попыток, сделанных для проведения этих учений в жизнь. Я считаю такой образ действий вполне законным и честным; а потому намерен держаться его и вперед. Но я обещаю Вам не рассказывать повсюду Вашей истории без подобной надобности, с единственною целью — почесать язык. Я также готов помочь Вам в каждом случае, где я буду *ясно* понимать, в чем дело, и если дело это будет до некоторой степени согласно с моими взглядами. Но, заметьте, всякое обязательство подписывается *двумя* сторонами, и поэтому я попрошу и Вас не вредить людям приблизительно моего образа мыслей. (При этом я напомнил ему некоторые сплетни, которые он распускал когда-то про меня.) Как первый шаг на этом поприще я попрошу вас отдать мне расписку, выданную Вам ⟨Даниельсоном⟩, так как подобная вещь, по-моему, есть вред. Она парализует силы и добрую волю человека, вися над ним, как дамоклов меч, человек не в состоянии предаться со всею энергиею свободно выбранной деятельности, так как не от него, а от другого зависит все дальнейшее направление его жизни».— Он отвечал: «Я не могу Вам отдать этой вещи сию минуту, потому что она не у меня и не здесь; может быть, она даже сожжена; я напишу и дней через 10 дам Вам ответ. К тому же это зависит не от одного меня»; тут он снова упомянул своих «*мы*», каждый намек на которых вызывает у меня невольную улыбку. Я тогда прибавил: «Кстати, Вы задержали меня очень долго, и я не успею уже сегодня повидаться сам с Бакуниным: теперь уже время обедать, а после обеда мне необходимо зайти еще в три-четыре места, так не возьмете ли Вы на себя труд передать от меня Бакунину следующее», и тут я сказал ему точь-в-точь, *слово в слово* то, что я потом сказал Озерову. Нечаев уверяет, будто бы я хвастался ему и говорил: «Старик не выдержал и возвратил мне все письма». Послушайте, не смешно ли, не странно ли было поверить такой топорной выдумке?! Как? Я, человек, видавший Вас два или три раза, буду рассказывать Вашему короткому приятелю разные небылицы про Вас, в глупой уверенности, что он не передаст Вам этого? Г. Бакунин, Вы слишком уж плохого мнения об моих умственных способностях, о моей сообразительности! Говоря между нами, это не делает чести Вашей собственной проницательности: я имею слабость думать, что я нисколько не похож на туполобого олуха! И как же это так? Нечаеву я сказал, что письма

от Вас мною уже получены, а Озерова просил позаботиться о их получении?.. Дело что-то неладно!.. Затем Нечаев уверяет, что я даже показывал ему эти письма, не давая ему их, однако ж, в руки. Опять наглое искажение истинных фактов! Я показывал ему полученное мною в тот же день письмо от Л⟨юбавина⟩ с приложением копии известной бумаги т⟨ак⟩ н⟨азываемого⟩ «Комитета» и копии с письма Л⟨юбавина⟩ к Вам [10]. Когда он протянул руку, я заметил ему: «Не стоит терять на это времени: Вам, конечно, очень хорошо известно то, что Вы *сами же* писали Л⟨юбавину⟩»; затем я положил письма в карман. Письма эти видела у меня в руках М-lle Герцен в то время, когда я стоял у окна, дожидаясь Нечаева; я помню, еще она обратила внимание на странный заголовок Комитетской бумаги. Теперь я жалею, что я не предложил ей тогда прочитать этих писем: по крайней мере у меня был бы хотя один честный свидетель в объяснении с таким бесстыдным лжецом, как Нечаев. Впрочем, и Озеров, и его жена тоже видели эти письма, когда я получил их. Далее Нечаев говорит, будто я сказал: «Старик не выдержал, отдал письма, теперь он в *наших* руках: *мы* можем сделать с ним все; он против *нас* — ничего!» Я могу только пожать плечами, видя такую непроходимую бездну наглости. «Что за язык!» — воскликну я вместе с Вами. И почему это Нечаев воображает, что каждый человек, подобно ему, должен говорить про себя непременно «мы»? Смею его уверить, что, кроме его, только одни императоры выражаются так глупо! И почему Нечаев вообразил также себе, что все люди, подобно ему, только и думают что о том, как бы им держать других людей «в руках»? Еще раз смею уверить Нечаева, что это опять-таки императорская замашка; большинство порядочных людей хлопочет только о том, чтобы их самих никто «в руках» не держал. Поверьте, что это так, как ни удивительно покажется это Вам с непривычки!

Перебирая всю эту грязь, я никак не могу в конце концов понять некоторых вещей: я понимаю, что Нечаев, по несчастной привычке, мог наврать черт знает чего, это все еще довольно естественно, но как могли поверить всем этим выдумкам Вы, г. Бакунин? Положим, Вы меня не знаете; но все-таки до сих пор Вы не имели никаких данных считать меня лжецом и негодяем; Нечаев же — человек, уличенный во лжи при Ваших собственных глазах; и что же? Тем не менее Вы принимаете его показания без малейшего колебания, не потрудившись даже проверить их справедливости, и на основании подобных показаний делаете мне сцену! Согласитесь, что всякий должен считать такой образ действий по меньшей мере странным! Я не могу также пройти молчанием тот язык, которым написана вся эта часть Вашего письма, язык, который порядочные люди переваривают нелегко. Я извиняю Вам Ваш оскорбительный тон (смейтесь, если угодно) только потому, что если Вы искренно поверили выдумкам Нечаева, то Вы действительно имели полное право негодовать. Тем не менее я позволю себе думать, что Вы немного поспешили оскорблять меня. В своем ответе я стараюсь избегать обидных слов и выдержать спокойный тон; но я должен сознаться, что мне вовсе не легко удерживать пикантные выражения и горькие выходки, беспрерывно готовые сорваться с моего пера.

Изложив, таким образом, с полною основательностью главный сюжет, я постараюсь теперь ответить со всевозможною краткостью на остальные, более или менее важные пункты Вашего письма.

Вы спрашиваете: «И зачем это понадобились Л⟨юбавину⟩ или мне эти письма? Неужели мы оба испорчены нравственно до такой степени, что допускаем возможность употребления этих писем во зло?» Гм!.. А скажите, пожалуйста, для чего бралась расписка с ⟨Даниельсона⟩? И почему внизу на ней стоит *Ваше* имя? Неужели все это делалось так, ради шутки? Тогда все это просто глупо! А если это не шутка, то что это такое? Согласитесь, что подобные соображения могут навести иного человека на беспокойные размышления! Но я опять-таки скажу, что ни мои друзья не верят, чтобы *Вы* когда-нибудь могли злоупотребить этими письмами, хотя бы уже потому, что у *Вас* есть что терять. Но Нечаеву нечего терять: репутация, честь, доброе имя... всего этого у него нет уже давно. Неудивительно поэтому, что люди беспокоятся, узнав, что он может иметь какое-нибудь влияние на их интересы.

Вы рассказываете историю Ваших отношений к Л⟨юбавину⟩ и другим моим знакомым, историю, совершенно подходящую к тому, что мне известно из их собственных писем и рассказов: я очень хорошо знаю, что не Вы подделывались к их миросозерцанию, а они некоторое время воображали, будто бы они разделяют Ваши взгляды. Я знаю это потому, что я первый хлопотал о разбитии их кумиров, которые казались мне ложными богами, истуканами на глиняных ногах. И если Нечаев уверяет Вас, будто бы я говорил об этом предмете что-нибудь другое, то он опять-таки безжалостно обманывает Вас. Что же делать, когда у человека такая несчастная привычка! Он лжет также, когда говорит, будто бы я рассказывал о каких-то денежных подачках, полученных Вами от Л⟨юбавина⟩, кроме тех 300 рублей, которые он *передал* Вам в задаток за Маркса. Я не мог говорить этого, потому что я никогда ничего подобного не слыхал. А вот про Нечаева я действительно слышал, будто бы он сам, или при посредстве какого-то приспешника, вымогал у Л⟨юбавина⟩ 3000 р. на «дело». Но, во-первых, это только слух, а во-вторых, он относится не к Вам, а к Нечаеву, и мне очень прискорбно, что Нечаев так путает адресы. Пожалуйста, не позволяйте ему подписывать адресов на «Колоколе»: он, наверное, переврет, и выйдет чепуха!

Теперь о переводе. Я бы был не прочь содействовать разрешению этого дела по предлагаемому Вами способу как в видах скорейшего окончания этой «соблазнительной» истории, так и в виду интересов Жуковского. Но вот беда: я давно уже не получал ничего от своих приятелей, а третьего дня явился ко мне «некто» и сообщил мне, что человек, на адрес которого я писал, арестован; что попалось несколько моих писем, что узнан адрес, по которому писали обыкновенно мне; что, *вероятно*, некоторые письма, посланные по этому адресу, перехвачены, и именно те письма, в которых сообщались мне условия издателей. Таким образом, я сам сижу теперь, как рак на мели. Когда положение дел исправится, сообщу.

Вы ставите меня почему-то в одну компанию с Утиным [11], с которым я столько же близок, сколько и с Вами, и говорите, будто бы *мы* желаем во что бы то ни стало забросать Вас грязью. В защиту себя по этому поводу я опять-таки сошлюсь на Озерова, свидетельству которого Вы, надеюсь, дадите веру. Озеров может подтвердить Вам, что у меня очень просили Комитетскую бумагу и относящиеся к ней документы для некоторой цели [12]. Я отказался дать эти вещи в руки кому бы то ни было без разрешения Л⟨юбавина⟩. Рассказывая Озерову об этом, я прибавил: я напишу Л⟨юбавину⟩, чтобы он ни за что не соглашался на это, так как я не желаю, чтобы такой честный человек, как Л⟨юбавин⟩, сделался орудием интриги и личной вражды. Как видите, Вы опять дали промах! Верьте: я никогда не захочу пачкать собственных рук в грязи только для того, чтобы иметь сомнительное удовольствие — кидать этою грязью в Вас.

Вы прочли Ваше письмо Огареву и Озерову, выбрав их, так сказать, секундантами в нашем объяснении. Озерова я знаю давно и с удовольствием принимаю его и как своего секунданта; вторым же секундантом с моей стороны позвольте мне предложить M-lle Герцен, которая в те немногие разы, когда я ее видел, показалась мне человеком честным и справедливым и на имя которой я посылаю это письмо. Итак, оно будет прочитано Вами в присутствии Огарева, Озерова и M-lle Герцен; если M-me Озерова будет присутствовать при этом, то это не доставит мне ничего, кроме удовольствия. Я желаю также, чтобы это письмо было передано для прочтения Нечаеву, которому я Вас прошу сказать от меня, что я беру назад все данные мною обязательства, потому что для соблюдения обязательств требуется, чтобы *обе* стороны имели хотя некоторые самые элементарные понятия о чести и решились бы исполнять хотя какие-нибудь условия. Скажите ему, что отныне я буду считать себя обязанным предупреждать от какого бы то ни было столкновения с ним всякого человека, который хотя немного дорожит своим добрым именем.

Я считаю, что предмет исчерпан мною в моем письме с такою полнотою и обстоятельностью, что всякие дальнейшие прения по этому поводу я нахожу непроизводительною потерею времени, которого у меня немного; а всякую попытку дать мне нечто вроде очной ставки с Нечаевым, поставив меня таким образом на одну доску с таким человеком, как он, я сочту для себя личным оскорблением.

Вы говорите, что Вы не отдадите мне писем? Ваша святая воля! Сделайте милость, держите их; читайте их сами, читайте их своим друзьям — кому угодно!.. Делайте с ними, что хотите, воля Ваша!.. И поверьте, я не такой человек, который «дерзнул бы» богохульственно отвергать «священные права *собственности*».

В заключение позвольте мне сказать Вам, что я очень ценю Вашу сострадательность и Ваше доброе сердце, заставляющие Вас *жалеть* меня, но тем не менее я считаю нужным возвратить Вам обратно Ваши сожаления с присовокуплением моих собственных, которые, как кажется, придутся гораздо более кстати. Рассудите, в самом деле, сами: Ваше положение по отношению ко мне допускает только два объяснения, две альтернативы: или Вы обманываете меня, притворяясь, будто бы Вы поверили грубым, топорным выдумкам Нечаева; в таком случае — это нехорошо; или же Вы действительно были обмануты Нечаевым, и обмануты не в первый раз — это жалко! Выбирайте любое!

Л о п а т и н

Согласно Вашему желанию, я непременно прочту г. Лаврову и Ваше письмо, и мой ответ.

Я забыл сказать в своем месте, что Л⟨юбавин⟩ *не получал* от Вас *никакого* ответа на свое последнее письмо, хотя он жил в Гейдельберге еще 2 1/2 недели после его отправки. Он сам пишет мне об этом; а Вы сами знаете, что это человек, *физически* неспособный солгать. Следует навести справки на почте [13].

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.41, с автографа *BN*.

[1] Письмо Бакунина, на которое отвечает Лопатин, неизвестно.

[2] О взаимоотношениях Любавина и Бакунина в связи с переводом «Капитала» Маркса см. прим. 1 к п. 1 и вступит. статью.

[3] Лопатин, бежавший из ссылки, приехал в Петербург в январе 1870 г.

[4] Николай Францевич *Даниельсон* (псевд. Николай-он, 1844—1919) — участник революционного движения 1860—1870 гг., привлекался к суду по «нечаевскому делу». Закончил начатый Лопатиным перевод «Капитала». Расписка, выданная им Нечаеву в Москве о согласии участвовать в «Народной расправе», так и не была возвращена Нечаевым и, вероятно, находилась среди бумаг, сожженных Сажиным в 1872 г.

[5] По «нечаевскому делу» привлекались два брата Лихутины, студенты Медико-хирургической академии. Старший, Иван Никитич, был приговорен к $1^1/_2$ годам заключения и находился потом под надзором; младший, Владимир Никитич, в 1871 г. умер в заключении. О каком из них идет здесь речь — неизвестно.

[6] Имеется в виду угрожающее письмо Нечаева Любавину, посланное от имени Заграничного комитета «Народной расправы».

[7] *Озеровы* — В. М. Озеров (см. прим. 2 к п. 21) и его жена Александра.

[8] О Н. И. Жуковском см. прим. 32 к дневнику Н. А. Герцен.

[9] Михаил Константинович *Элпидин* (ок. 1835—1908) — политический эмигрант с 1865 г., владелец типографии в Женеве, где печатался журнал «Народное дело».

[10] Эти письма Любавина к Лопатину и Бакунину неизвестны.

[11] Об Утине см. прим. 40 к дневнику Н. А. Герцен.

[12] Просил, несомненно, Утин или его товарищи по Русской секции Интернационала. 1 августа 1870 г., сообщая В. Мрочковскому, что Маркс переписывается с Утиным, Бакунин прибавлял: «Утин и Comp⟨agnie⟩ собирают для него против меня документы для уничтожения меня» (Письма М. А. Бакунина, с. 298). Утин, В. Бартенев и А. Трусов почти в те же дни писали Марксу: «Итак, мы собираемся кратко формулировать наши обвинения против Бакунина и отправить их Вам на этой неделе. Правда, мы боимся, что Вам трудно будет судить о правильности наших утверждений без подтверждающих их подлинных документов, которые мы сохраняем для брошюры, но мы готовы прислать Вам также и их» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1947, с. 33). Впоследствии Марксу, как известно, удалось получить текст «комитетской бумаги» от самого Любавина (см. его письмо Марксу от 8/20 августа 1872 г.— «Лит. наследство», т. 41-42, с. 157—158).

[13] Письмо Бакунина к Любавину, о котором идет речь, Нечаев взял у Бакунина, обещав отправить, но обманул его и оставил у себя (см. п. 43). При письме была и расписка Бакунина в получении аванса за перевод «Капитала». Это дало основание Любавину и Лопатину обвинять Бакунина во лжи.

35

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 27 мая 1870

Ну, отличились Вы! Не думала я, что Вы умеете писать такие письма, как то, которое Вы написали Наталье Алексеевне [1]. Умеете и быть учтивым, и льстить, так что просто прелесть!

Насчет ваших замечаний, повторяю, что многие из них справедливы, а справедливые замечания и упреки меня не сердят. Не слова ваши меня сердили, Вы это очень хорошо знаете, а ваши дикие, деспотические манеры. К чему Вы мне повторяете, что жизнь моя никому не нужна и т. д., я Вам на это уже отвечала, так для чего же Вы трогаете [. . .] *. До сих пор я ничего не делала для других, ведь это не значит, что никогда делать не буду. Грабежа и обмана я могла бояться только с вашей стороны, зная ваш иезуитизм, это тоже совсем не значит, что я «богатая *наследница*, ежеминутно боящаяся грабежа и обмана *на каждом шагу и от всех*», как Вы изволите выражаться. Это относилось только к Вам и Б〈акунину〉, да и Вас-то я не боялась, а мне было просто [. . .] ** и возмутительно смотреть на Вас *по временам*, когда я принимала все ваши действия за разные фокусы, чтобы добиться до «моих копеек» или чтобы делать со мной все, что хотелось, как с куклой.

Если Наталья Алексеевна говорила обо мне с *сожалением*, то это под впечатлением воспоминаний о болезни, но я уверена, что она *никогда презрительно или полупрезрительно* не могла говорить и не говорила обо мне, вам могло это казаться, но мало ли что кажется.

Вы совсем не понимаете наших отношений. Если она иногда имела влияние на меня, то не раз и я влияла на ее образ действий или на ее взгляд, а это было бы невозможно, если б она меня презирала или бы обращалась бы со мной, как с «пустой дудкой». Насчет второго переодевания, мне самой далеко не хотелось повторять эту комедию; согласилась я исключительно потому, что думала, что Н〈аталии〉 А〈лексеевне〉 это будет менее неприятно, чем другое ваше предложение, а когда увидела, что она предпочитает последнее, я просто обрадовалась, что не придется с Вами выходить [2]. Совсем я не сконфузилась, говоря с Н〈атальей〉 А〈лексеевной〉, а стала ее успокаивать и говорить, что все устрою. Ну и устроила и этим удовлетворила ее и себя, Вам же было равнодушно. К чему Вы мне это пересказываете? Хотите испортить наши отношения, т. е. между Н〈атальей〉 А〈лексеевной〉 и мной? Предсказываю Вам, что ни Вам, ни другим не удастся, я слишком хорошо знаю ее, знаю ее недостатки, но, с тем вместе, умею ценить ее хорошие стороны.

Отчего Вы не защищали Б〈акунина〉, когда она на него нападала? Хороший Вы друг! Если она опять заговорит о нем и о том, что он слишком скоро, после моей болезни, меня втянул или хотел втянуть в ваш карбонаризм [3], я ей скажу, что не *он* главный виновник, а *Вы* и что Вы, может быть, знали больше всех других о моем состоянии. Достаточно кричат против бедного Б〈акунина〉, нечего выдумывать или прибавлять, даже молчание с вашей стороны нехорошо. Н〈аталья〉 А〈лексеевна〉 и не предполагает, что Вы во всем этом были гораздо деятельнее Б〈акунина〉.

Теперь он в Берне, хлопочет о Нечаеве и Серебренникове; последний будет к нам ходить — брать уроки французского языка. Письма должны все отдаваться Ц〈ампери〉ни, а не мне, это может обратить внимание. Англия Вас ждет с нетерпением, торопитесь; лучший путь по Средиземному морю. Не пишите прямо на мой адрес. Отдавайте все Константину [4].

Будьте здоровы.

---

* Далее вычеркнуто несколько нечитаемых слов.— *Ред.*

** Слово зачеркнуто и не читается.— *Ред.*

Письмо, посланное Вами по почте, я получила гораздо раньше той записочки, Вчера вечером был Ц⟨амперини⟩, угостил длинным, живым и подробным рассказом о путешествии, помещении и т. д.

Н⟨аталья⟩ Алексеевна благодарит за письмо (есть ли в нем хоть одно искреннее слово) и за любезности, поручения исполнит.

Получена брошюрка: «А. И. Герцен. Несколько слов от Русского к Русским» [5]. Я еще не читала. Сегодня получила. ⟨. . .⟩ * да не путайте отношений *. Перестаньте верить в силы «пустой дудки» [6].

[1] Это письмо неизвестно.

[2] О переодевании см. прим. 2 к п. 33.

[3] Мысль эта прочно укоренилась в сознании Н. А. Тучковой-Огаревой; более чем через 20 лет, в воспоминаниях 1894 г., она писала: «Бакунин и Огарев знали о недавней болезни Наташи. ⟨. . .⟩ Тем не менее эти господа решились со странной необдуманностью вовлечь ее в революционные бредни их партии» (Архив Огаревых, с. 268). В письме от 8 апреля 1893 г. она писала Е. С. Некрасовой, имея в виду свою жизнь с Н. А. Герцен в 1870 г. в Женеве: «Тут немало было хлопот, чтоб спасти ее: со слабой головой, после помешательства, в котором ей представлялась все революция, ее Бакунин придумал посылать в горы с революционными поручениями, ее завлекали, чтоб воспользоваться для революционных соображений, планов ее наследством. Наконец мне удалось убедить ее оставить это дело» (*ГБЛ*, ф. 196, 18.18, л. 31).

[4] Константин *Баральдини*, у которого Нечаев укрывался в горах (см. его адрес в п. 32). Возможно, это тот самый молодой итальянец, который сопровождал Нечаева к Гильому в июле 1870 г., после его разрыва с Бакуниным и Огаревым (см. вступит. статью).

[5] Брошюра «А. И. Герцен. Несколько слов от русского к русским», изданная анонимно в 1870 г. без указания места издания, по убедительной атрибуции ее Б. П. Козьминым, принадлежала перу публициста В. А. Зайцева, сотрудника «Русского слова», в 1869 г. ставшего эмигрантом (см.: Б. П. К о з ь м и н. Анонимная брошюра о Герцене 1870 г.— «Лит. наследство», т. 41-42, с. 164—177).

[6] Выше Н. А. Герцен упоминает об утверждении Нечаева, что Н. А. Тучкова-Огарева обращается с ней, как с «пустой дудкой»: вероятно, аллюзия к известной сцене из «Гамлета», где Гамлет спрашивает Гильденстерна: «...или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке?»

36

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

⟨Монтей.⟩ Пятница, утро. 27 мая ⟨18⟩70.

Писем от вас нет. Ждал вчера и жду сегодня, понимаете, с каким нетерпением. Скука здесь страшная. Место, в котором я обитаю, называют одним из прекраснейших в стране; и в самом деле здесь совмещены всевозможные *так называемые* красоты природы. Для поэта, для художника здесь, я думаю,— раздолье. Для меня — мука. Сколько я ни заставлял себя восхищаться закатами и восходами солнца, ничего не выходит. Все кажется глупо, бессмысленно. Кругом горы, леса, ручьи, долины, овраги и прочие прелести природы, которыми я не умею наслаждаться и которые только тоску на душу наводят, да еще какую тоску!

Из головы не выходите *вы*: что-то думает она теперь? Что у ней в голове? Что будет отвечать? Припоминаю все наши разговоры и чем более вдумываюсь в них, тем более и более недоволен собой. Да, я был слишком крут, слишком резок с вами; я именно запугал вас, никогда не встречавшую ничего подобного. Вас многое удивляло во мне, многое возмущало. Вы слишком нежное и молодое растение, еще только начинающее распускаться. Надо было бережно обходиться с вами, а я поступал с открытой искренностью, с несдерживаемой прямотой. Вы так привыкли к салонной искусственности, к светской натянутости отношений, что вас, на первых порах, отталкивало от меня только потому, что я заходил за пределы приличий (которые и вы сами в теории признаете глупыми).

Но теперь, кажется, вы привыкли ко мне, вы уже менее стесняетесь свободной речью и не оскорбляетесь проявлениями глубокой, разумной привязанности. Вы понимаете сущность вопроса, имеющего такую громадную важность для меня и для вас. Вы находитесь накануне разрешения жизненной задачи. И я верю те-

* Строка срезана.— *Ред.*

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ
Гравюра братьев Руарг, 1860
Из альбома: Xavier de Marmier. Voyage en Suisse. Paris, 1862
«Для поэта, для художника здесь, я думаю, раздолье. Для меня — мука ⟨...⟩. Кругом горы, леса, ручьи, долины, овраги и прочие прелести природы, которыми я не умею наслаждаться» (Нечаев — Н. А. Герцен)

перь, больше чем когда-либо, что вы не останетесь в спячке, не останетесь в детской зависимости, а выступите на свободную, разумную жизнь. Я верю в истину своих убеждений, верю в то, что они возьмут верх. Уверенность в вас у меня так глубока, что я не колебался даже в те минуты, когда вы (от непониманий и необдуманности или под влиянием окружающего), казалось, ненавидели меня, когда вы готовы были оторваться от меня.

Повторяю, я был бы слишком слаб, слишком бесхарактерен, если б сомневался в возможности для вас выхода из вашего зависимого положения, из бесцельного жизненного прозябания.

Не думаю, чтоб нужно было пояснять мои желания, мои стремления видеть вас *настоящей женщиной*. Причина страстной неотступности для вас ясна. Я вас люблю.

Пишите больше, пишите, пишите все, что на душе. Как получу письмо от вас, пишу еще.

Если С⟨еребреннико⟩ву понадобятся деньги,— дайте.

37

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

⟨Монтей.⟩ Понедельник, утро. ⟨30 мая 1870⟩ *

Я послал вам три письма и телеграмму вчера [1] — ни строчки в ответ ни от вас, ни от кого-либо из женевцев. Что случилось? Я теряюсь в предположениях! Ведь не полиция же перехватывает письма? Или у вас что-нибудь особенно важное по-делалось (тогда-то и надобно бы поскорей уведомить), или наш знаменитый конспиратор Ц⟨ампери⟩ни запугал вас и уговорил посылать письма только через

* На письме помета Н. А. Герцен: *получено 31-ого мая 1870.*

него, а сам клал их в карман и все, вероятно, ждет оказию. Умен? Вероятней, кажется, последнее. Но ведь я в первом письме сообщил вам свой адрес. Чего же вы боитесь? Я здесь прямо из Германии письма получаю.

В глуши, без писем, в неизвестности, я здесь измучился с тоски. Так долго не вынесешь! Я уже порываюсь прискакать в Женеву. А как я жду писем от вас!..

Как бы хотелось мне вас видеть. Имею многое сказать и спросить. Я пробуду здесь еще недели две. Из Р⟨оссии⟩ очень дурные известия, определяющие мое положение в будущем. Вот об этом-то и надо с вами потолковать, потому что очень важно для меня и для дела, как вы отнесетесь к моему предложению.

Соберитесь сюда погулять. Это не так далеко, как Локль. Всего 6-ть часов езды от Женевы. Уж как бы я был вам рад. Здесь в горах в моем распоряжении целый отель. Приезжайте же, прошу вас *как друга*, только, пожалуйста, без унизительного выпрашивания позволения. Мне тяжело и больно делается при мысли об этом. Ведь вы уже доказали, что можете ездить самостоятельно, не объясняя куда.

Итак, верую в вашу решимость и жду вас! Это письмо принесут вам завтра поутру (вторник), вы, прочитав его, телеграфируйте: «je viendrai ce soir. *Vilson*» * на адрес: Mr Baraldini à *Monthey* — и отправляйтесь поездом в 12 часов, т. е. в полдень, в *Monthey* по сенморисской дороге. Я буду ждать вас завтра, т. е. во вторник, вечером près de la gare **

Только, пожалуйста, никому не говорите.

Кстати Ц⟨ампери⟩ни должен приехать на неделе. Если успеете видеть его, то объяснитесь с ним. Скажите, что хотите ехать сами, имеете надобность; заберите от него все поручения и велите молчать и не говорить даже Н⟨аталье⟩ Алексеевне (что она?). Если Ц⟨ампери⟩ни станет отговаривать,— не слушайте, скажите «необходимо» и все-таки приезжайте.

О, с каким нетерпением буду ждать вашей телеграммы. Ах, какая тоска.

Ради «дела», ради всего того, что вы по-своему считаете святым, не отнеситесь к этому горячему желанию еще раз видеть вас с какой-нибудь скверной задней мыслью. Не много было у меня светлых минут в жизни, прошлое мое бедно радостями. Не отравляйте же и теперь подозрением самое чистое, высокое человеческое чувство. Приезжайте ко мне как старый товарищ, как дорогой друг, с полным доверием. От этого разговора с вами зависит очень многое. Если для вас ясно, что я имею некоторое значение для дела, то еще ясней, как много значите *вы* для меня. Одним словом, от вас зависит, чтоб я в 10 раз был сильней или слабей, чем я есть. Объяснение слишком важно и необходимо. Не заставляйте меня ехать в Женеву, когда вы можете прибыть сюда. Жду вашей телеграммы и надеюсь, что слово прямое отзовется у вас на душе.

Захватите папиросок и русские газеты, если в них что есть *относящееся*.

[1] Эти письма и телеграммы неизвестны.

38

Н. А. Герцен — С. Г. Нечаеву

⟨Женева.⟩ 31 мая 1870.

Пожалуйста, не беспокойтесь. Все ваши письма, их четыре и две телеграммы, получены. Ответ на первое письмо ваше я отдала Ц⟨амперини⟩ в пятницу вечером [1]; очень странно, что вы до сих пор не получили, должно быть, их, в самом деле, посылает только по оказии.

Ехать к вам я и не думаю, работать в одном деле с вами никогда не буду. Видеться нам совсем не нужно. Поезжайте в Англию, в Америку, живите там, пока вас не забудут.

* «приеду сегодня вечером. Вильсон» (*франц.*).
** у вокзала (*франц.*).

Искренно желаю, чтоб вы как можно скорее пришли к убеждению, что так относиться к людям, как вы это делаете, невозможно, не возбуждая в них недоверия, которое легко переходит в негодование, или ненависть, или все это вместе.

Ваши вещи здесь, что с ними делать?

Если вы будете постоянно употреблять мой адрес, это может обратить внимание, тем хуже для вас. Тот путь медленнее, но зато вернее.

Получили вы письмо ⟨от⟩ 27-ого мая?

Если не получили, виноват Ц⟨амперини⟩.

Н. Г.

Телеграфировать вам, я считала, совсем не нужно и не осторожно.

[1] См. п. 35.

39

С. Г. Нечаев — Н. А. Тучковой-Огаревой

⟨Конец мая 1870 г.⟩ *

Многоуважаемая Наталья Алексеевна,

Прошу вас передать возможно скорей прилагаемое по адресам.

Только сейчас, по прошествии 9 дней, я получил письма из Женевы; в продолжение этого времени я ждал, писал несколько раз и не мог понять причины общего молчания. Вчера думал, было, отправиться сам. Мог ли я думать, что причиной всему почтеннейший квазиконспиратор Ц⟨ампери⟩ни, удерживавший все письма в своем кармане в ожидании наивернейшей оказии, не думая о том, что в письмах могли быть очень нужные известия (как и оказалось). Ну, уж спасибо ему — удружил! С подобного рода осторожностью можно навлечь ужасные последствия.

В письме к вам (не знаю, получено ли вами оно) я просил похлопотать насчет моего чемодана. Разыскали ли его и находится ли он у вас? Я до сих пор не знаю и весьма беспокоюсь. Потрудитесь написать несколько строчек о сем предмете. Адрес мой известен Наталье Александровне, которая была тоже так удивительно осторожна, что до сих пор тоже не написала ответа на мои письма. Не зная, здорова ли она, не уехала ли, я обращаюсь теперь к Вам.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.48, с автографа *BN*.

40

А. Д. Трусов — С. Марковичу [1]

31 мая 1870. Женева, Montbrillant, 8

Любезный Маркович,

В свое время мы получили через вас письмо от некоторых из русских студентов, проживающих в Цюрихе.

Зная хорошо наши социально-революционные принципы и вытекающее из них отношение ко всяким правительственным властям, Вы, конечно, могли заранее предвидеть, что мы не можем протестовать перед Швейцарским федеральным советом против поведения русского правительства, потому что вы, точно так же, как и мы, знаете, что Федеральный совет — вполне достойный собрат русского шпионства и обращаться к нему с протестом значило бы оказывать ему то доверие, которого наша партия никаким образом не допускает.

Кроме того, мы полагаем, что, имея вполне основательные сведения *из России* о попытках Нечаева, точно так же, как и о всех проделках Бакунина, мы поступаем вполне основательно, отказываясь от какой бы то ни было солидарности с этими людьми. Поэтому-то мы и не могли даже идти на *собрание эмигрантов*, которое вздумали устраивать некоторые господа [2].

Целые годы добивались мы установления солидарности в русской эмиграции, но все усилия наши по этому предмету были безуспешны. Вследствие этого мы

* На письме помета Н. А. Герцен: *Получено 1 июня 1870.*

решили не считать себя более ни представителями, ни членами так называемой русской эмиграции: там, где нет внутренней солидарной связи во имя общего понимания, общих интересов, там одна форма, одно наименование ничего не сделает.

Теперь, находясь в связи с людьми, работающими в России, мы считаем себя здесь не более как агентами организации русской радикальной партии; поэтому и в своих действиях мы можем поступать только как члены организованной партии и вместе с тем как члены входящей в состав этой партии Русской секции Интернациональной Ассоциации. Наша принадлежность к этой Ассоциации сама собою указывает, как должны мы относиться, с одной стороны, ко всем правительствам, с другой стороны, к интриганам, для которых дорого их личное тщеславие, а не дело народного освобождения. Мы говорим это о Бакунине и его немногих приверженцах. Понятно поэтому, что мы не могли присутствовать на собрании, на котором мог быть Бакунин и Огарев, ни думать о каком-нибудь солидарном заявлении с ними.

Для вашего сведения прибавляем, что относительно Нечаева мы готовы были сделать все, что *практическим* образом могло спасти его: мы неоднократно предлагали ему средства и пути к безопасному выходу из Швейцарии для переезда в Лондон.

Мы не станем теперь распространяться о самом обращении к нам цюрихских студентов; они сами, конечно, уже поняли, что с их стороны было неосновательно писать следующее: так как вы ссоритесь в эмиграции, то мы знать не хотим никакого вашего дела, оно не может быть полезно для России! [3]

Мы же полагаем, что, во 1-х, следовало бы выяснить себе — в чем причина ссоры? Во 2-х, следовало бы все же *ознакомиться с делом* для того, чтоб убедиться — действительно ли серьезные люди, желающие содействовать русскому освобождению, могут отворачиваться от дела, которому мы служим; в 3-х, из ознакомления с нашим делом серьезные люди убедились бы, что никакого *нашего* дела здесь нет, а есть *общее* дело, которое нисколько не страдает, а, напротив, выигрывает оттого, что отстраняет от себя шарлатанов.

Мы готовы всегда выслушивать и пользоваться всякой критикой, всякими поправками, всякими возражениями и разъяснениями по общему делу — это наша обязанность; но, в свою очередь, мы можем требовать, чтобы люди, обращающиеся к нам, исполняли свою обязанность, т. е. знали бы и вникали бы в то дело и в те отношения, о которых они говорят.

Зная нас лично, вы, конечно, уверены в том, что мы нисколько не в претензии на некоторую странность сделанного обращения к нам. Напротив, мы рады тому, что цюрихские студенты высказали *готовность* участвовать в общем деле,— это для нас самый важный пункт из всего их письма, и в ответ на него мы готовы даже предложить, чрез ваше посредничество, устройство в Цюрихе *общей сходки*, на которую явятся и наши делегаты. Эта сходка между нами (от «Народного дела» и от Русской секции) и цюрихскими студентами (мужчинами и женщинами без всякого различия, конечно) могла бы повести к общему выяснению и договору. Если вы думаете, что это может быть полезно и удобно, уведомьте нас.

Теперь же просим вас обратить внимание на посылаемое вам прибавление к № 3 [4]. История ареста С. Серебренникова вам известна; мы полагаем, что в этом случае можно действительно проучить швейцарскую полицию, и потому мы охотно взялись содействовать Серебренникову в его процессе. Но для начала его требуется 500 фр. немедленно (залог).

Будьте добры созвать тотчас же цюрихских студентов, объяснить им дело и попросить их о помощи. Теперь представляется случай чрезвычайно важный, в котором они могут засвидетельствовать свою действительную готовность помогать положению здесь *политических* изгнанников.

Ждем вашего ответа телеграммою: «recevrez 2 fr.» или «refusé» *. Одно из двух.

---

* «получите 2 фр.» или «отказано» (*франц.*).

Дело не терпит отлагательства, и мы, согласно с Серебренниковым, решились обратиться в Цюрих при вашем посредстве.

За Редакционный совет секретарь
Антон Трусов

31 мая 1870 года.

P. S. Если сочтете нужным и полезным, то просим прочесть это письмо студентам.

Прилагаем 10 нумеров квитанций кассы «Народного дела» с дубликатами; последние возвратите нам с деньгами. На квитанциях должна быть обозначена приписка о назначении присылаемых денег. Фамилии жертвователей не ставятся, но одни литеры.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.55, с автографа *BN*.

[1] Антон Данилович *Трусов* — участник польского восстания 1863 г., член Русской секции I Интернационала, секретарь редакции «Народного дела»; Светозар *Маркович* (1846—1875) — сербский революционный демократ, публицист, агент-корреспондент Русской секции I Интернационала. В 1869—1870 гг. учился в Цюрихе.

[2] Речь идет об упоминавшемся уже собрании русских революционных эмигрантов 7 мая 1870 г. Секретный агент Горлов доносил в Петербург, что «сотрудники „Народного дела" наотрез отказались принять участие в какой бы то ни было подписке протеста потому именно, чтобы не встречаться с Бакуниным и его компанией» (цит. по кн.: Ю. М. Рапопорт. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма. М., 1960, с. 28).

[3] Текст обращения цюрихских студентов в редакцию «Народного дела» неизвестен. О составе русских студентов, учившихся в Цюрихе в 1870 г. и участвовавших, следовательно, в этом собрании, см.: J. M. Meijer. Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zürich 1870—1873. A Contribution to the Study of Russian Populism. Assen, 1955, p. 210.

[4] В № 3 «Народного дела» от 31 мая 1870 г. сообщалось о скором появлении в свет «Прибавления» к этому номеру, посвященного аресту С. Серебренникова. Текст «Прибавления» неизвестен.

41

Г. А. Лопатин — Н. А. Герцен

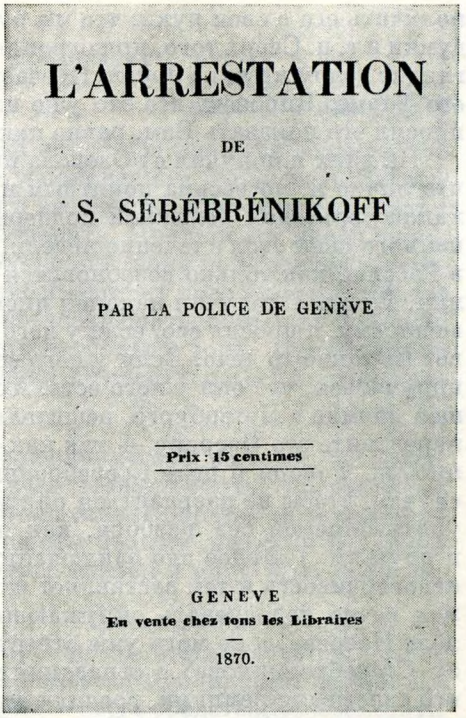
Париж, 1 июня ⟨18⟩70.

Я представлял себе много самых различных исходов, могущих последовать за моим письмом, но ни разу не сообразил возможности именно того исхода, который случился на самом деле и которого между тем так легко было ожидать [1]. Я, право, и сам нахожусь в некотором недоумении относительно того, что теперь делать. Полагаю, что единственная вещь, которую можно сделать, это переслать мое письмо Б⟨акунину⟩ по почте. Только, предварительно, я попрошу Вас дать его прочесть Огареву и Озеровым. Таким образом ему будет придана некоторая публичность, хотя, конечно, совсем не в таком роде, как я рассчитывал сначала. Но, во всяком случае, и Б⟨акунин⟩, и Н⟨ечаев⟩ будут знать, что это дело не осталось «между нами» и что есть люди, в присутствии которых они не могут говорить об этом деле все, что им угодно... Посылая мое письмо к Б⟨акунину⟩, Вы попросите его по прочтении переслать это письмо к Н⟨ечаеву⟩: я не решаюсь принять Вашего любезного предложения — переписать мое письмо и переписанный экземпляр переслать Н⟨ечаеву⟩ — это значило бы слишком злоупотреблять Вашею добротою; хотя, по многим причинам, такой способ передачи письма Н⟨ечаеву⟩ был бы, без сомнения, лучше, чем пересылка его чрез посредство Б⟨акунина⟩. Было бы скучно объяснять подробно все причины, на основании которых я не пожелал долее откладывать своего отъезда; расчеты мои не оправдались: я не нашел в Париже того, что мне было нужно, и теперь я сам жалею, что не остался в Женеве еще на один день, хотя я нисколько не сомневаюсь, что если бы я даже и остался в Женеве и объяснился лично с Б⟨акуниным⟩, то я все-таки не получил бы ничего, кроме неопределенных обещаний, как это уже испытано мною по делу о расписке ⟨Даниельсона⟩. Единственная выгода состояла бы в том, что Н⟨ечаев⟩ в моем присутствии не решился бы пустить в ход своей наглой выдумки.

Вы пишете: «трудно разобрать, кто тут играет комедию; однако ясно, что Б⟨акунина⟩ обманывают». К сожалению, я должен сознаться, что для *меня* даже и это

не ясно. Я повторяю: удивление, которое выказал Б⟨акунин⟩, узнав впервые про выдумки Н⟨ечаева⟩, показалось мне *более* чем натянутым; далее: нельзя отрицать что поверить выдумке Н⟨ечаева⟩ в данном случае для Б⟨акунина⟩ *очень выгодно*, потому что это дает ему возможность вывернуться более или менее ловко из чрезвычайно щекотливого положения; наконец, мне известны *доказанные* случаи, где Б⟨акунин⟩ *сознательно обманывал* некоторых из моих друзей; все это если и не дает мне права *положительно утверждать* солидарность Б⟨акунина⟩ и Н⟨ечаева⟩ в последнем деле, то по крайней мере дает мне право *сильно сомневаться* в искренности Б⟨акунина⟩ в данном случае.

Посылаю Вам знаменитую бумагу не менее знаменитого «Комитета» [2] и также письмо Л⟨юбавина⟩ к Б⟨акунину⟩, писанное в ответ на эту бумагу [3] (и то и другое — копии). Все эти вещи я попрошу Вас возвратить мне вместе с письмом Б⟨акунина⟩. Это и есть те самые письма, которые, по уверению Н⟨ечаева⟩, я ему показывал. Вы сами, конечно, согласитесь, что письмо Л⟨юбавина⟩, несмотря на то что оно написано несколько грубо, все-таки заслуживало какого-нибудь ответа, хотя бы уже потому, что бросало в лицо человеку довольно тяжелое обвинение. Б⟨акунин⟩ говорил, что он отвечал на него и даже послал Л⟨юбавину⟩ какую-то расписку; но я могу Вас уверить, что Л⟨юбавин⟩ до сих пор не получил ни этого ответа, ни этой расписки. А между тем пропажа писем на заграничных почтах — случай довольно редкий [4]. Развязка дела, даже в изложении самого Б⟨акунина⟩, кажется странною. Он пишет, что, получив такое оскорбительное письмо от Л⟨юбавина⟩, он, конечно, не счел для себя возможным продолжать далее взятую на себя работу. Почему же? Работа была дана П⟨оляковым⟩ [5], а не Л⟨юбавиным⟩, который был только простым посредником. Б⟨акунин⟩ мог просто сказать П⟨олякову⟩, что он желает, чтобы посредником между ними был с этого времени другой человек; вот и все. А то он разрывает контракт с П⟨оляковым⟩ за оскорбление, нанесенное Л⟨юбавиным⟩! Где же логика? Истинное объяснение дела состоит в том, что *фактически* он бросил работу гораздо раньше оскорбительного письма Л⟨юбавина⟩ и что вся эта история вышла, собственно говоря, вследствие понудительных писем Л⟨юбавина⟩, в которых он спрашивал Б⟨акунина⟩: когда же он пришлет наконец продолжение перевода?


L'ARRESTATION

DE

S. SÉRÉBRÉNIKOFF

PAR LA POLICE DE GENÈVE

Prix : 15 centimes

GENEVE

En vente chez tous les Libraires

1870.

«АРЕСТ С. СЕРЕБРЕННИКОВА ЖЕНЕВСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ»
Анонимная брошюра (на французском языке)
Женева, 1870
Титульный лист
Брошюра написана Серебренниковым при участии Огарева

Я с удивлением прочитал пересланную мне Озеровым последнюю редакцию «протеста»: при мне не было и речи о *подобной* редакции, или, лучше сказать, за нее был только один Огарев, который, вместе с цюрихскими студентами, желал, чтобы мы протестовали против *клевет* русского правительства. Редакция составлена умно, и желающие могут позволить понимать ее так, что *клеветою* мы называем *отрицание политического характера* в убийстве, совершенном Н⟨ечаевым⟩ (хотя правительство и не думает отрицать тут политических мотивов). Но все непосвященные несомненно поймут эту редакцию таким образом, что мы называем *клеветою* обвинение в убийстве, взведенное правительством на Н⟨ечаева⟩, чтобы

получить его в свои руки; что мы ручаемся *честью* в том, что это все злостные выдумки и т. п. Сверх того, при ограниченном числе лиц, подписавших протест, он выглядит делом кружка *друзей* Н⟨ечаева⟩. Вот почему я против протеста в последней его форме. Впрочем, все это уже изложено мною в письме к Озерову, которое я просил его показать Вам, равно как и всем другим лицам, подписавшим протест [6].

На днях я получил от Озерова письмо по делу Серебренникова. Я отвечал ему, что лично я, по весьма понятным причинам, не могу доставить в этом случае никакой серьезной денежной поддержки: я могу дать несколько франков, урезав немного свой стол в течение недели, двух; но и только. Но я обещал ему написать в Россию, как только возобновится моя насильственно прерванная корреспонденция. Вчера я получил наконец письмо от одного из своих старых приятелей. Отвечая ему, я просил его, если у него есть деньги, прислать мне франков полтораста вот на такое-то дело. Если у него есть деньги, он, конечно, пришлет; но я не могу поручиться, что они у него есть. А сборы с разных лиц, по подписке, при настоящей панике в Петербурге, решительно невозможны. Вы меня очень обяжете, если передадите это Озерову — так как мне и некогда, да и не хочется писать особого письма. Говоря о деле С⟨еребренникова⟩, я не могу пропустить этого удобного случая, чтобы не разразиться опять целою тирадою о вреде лжи в политике, лжи, употребляемой без разбора, как по отношению к врагам, так и по отношению к друзьям. Главное зло заключается, по-моему, в том, что она поселяет в людях недоверчивость и тем заставляет их страдать; потому что нет ничего мучительнее, как вечно подозревать окружающих вас людей. Вот, например, обжегшись на деле Нечаева, я не могу уже отнестись с полным, беззаветным доверием к рассказу С⟨еребренникова⟩ о страданиях, претерпенных им в Женевской тюрьме, где его связывали ремнями, грозили ему револьвером и пр.[7] Ничего подобного не случалось мне видеть даже в России. Я буду ужасно рад, когда следствие подтвердит все это, потому что, повторяю, подобные сомнения в правдивости окружающих вас людей — нестерпимо мучительны! До сих пор недоверчивость была болезнью, свойственною одним только богатым; страдания, причиняемые этой болезнью, уравновешивали отчасти избыток у них наслаждений материальных; мы же, бедняки, наслаждались постоянно полным миром и ясностью души. Вдруг теперь и на нас идет эта чума! Избави бог!

В заключение позвольте мне поблагодарить Вас за готовность, с которою Вы взялись исполнить мою просьбу, хотя обстоятельства и не позволили Вам выполнить ее так, как бы мне того хотелось. Я был бы очень рад, если б мог когда-нибудь быть в свою очередь Вам полезен.

Лопатин

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.8, л. 3—8, с автографа *BN*.

[1] Как видно из письма Лопатина Бакунину от 26 мая (п. 34), он пересылал его через Н. А. Герцен с просьбой, чтобы Бакунин прочитал его в присутствии ее, Нечаева, Огарева и Озерова. Но к моменту, когда это письмо достигло Женевы, там не было уже ни Бакунина, ни Нечаева.

[2] Письмо «Комитета» к Н. Н. Любавину см.: «Лит. наследство», т. 41-42, с. 155—156.

[3] Письмо Любавина к Бакунину неизвестно.

[4] См. об этом прим. 13 к п. 34.

[5] Николай Петрович *Поляков* (1843—1905) — книгоиздатель конца 1860-х — начала 1870-х годов и книготорговец (о нем и его участии в издании русского перевода «Капитала» см.: И. С. Книжник-Ветров. Издатель-демократ 60-х годов XIX века Н. П. Поляков. — Сб. «Книга», 1963, № 8).

[6] Обсуждение именно этой редакции протеста русских революционных эмигрантов против выдачи Нечаева отразилось в памятной записи Н. А. Герцен (см. п. 31).

[7] Рассказ С. И. Серебренникова об его аресте (автограф ГБЛ, ф. 69, 15.4) был переведен на французский язык Огаревым (доказывающий это фрагмент черновика перевода рукою Огарева см.: ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 550) и издан в июле 1870 г. отдельной брошюрой под заглавием «L'arrestation de S. Sérébrénikoff par la police de Genève» (текст ее см.: *AB*, t. IV, p. 337—346).

42

С. И. Серебренников — С. Г. Нечаеву

〈Женева.〉 2 июня 1870

На днях получил одно за другим три письма от... [1] Он вне себя, боится, что его расписка захвачена. Единственное средство успокоить его — показать. Пришли немедленно. Оттуда [2] приедет (обещался) мой и его земляк и приятель, на днях только приехавший в Европу,— ему он может поверить. Пришли же немедленно. Иначе он наверное застрянет в Европе на несколько лет, пока не убедится в успокоении — средства жить здесь в свое удовольствие имеются у него богатые, ст〈ало〉 быть, ничего не может заставить его рискованно возвращаться. Между тем, как я говорил, он склонен был остаться здесь никак не больше года. Присылай же немедленно, я должен отвечать ему. Иначе я должен согласиться с его благоразумным решением.

Ф〈онд〉 получен представит〈елем〉 Ком〈итета〉. Почему же он не может дать квитанции от себя, которая только в крайн〈ем〉 случае м〈ожет〉 б〈ыть〉 предъявлена для очищения от гнусной лжи человека, который всю жизнь борется за освобождение масс? [3] Все соображения и доводы против сшиты белыми нитками и крайне наивны. К чему это? Впрочем, что считал полезным, сделал и могу быть спокоен. Другие думают иначе— их дело!

Если бы собрался — была бы глупая неосторожность [4]. Или хочется прокатиться за казенный счет к черту на кулички?! Процесс и публикация делает их злейшими врагами, а у них ведь — можно допустить — есть средства, чтобы мстить безнаказанно! Уже спрашивали: зачем был в городе?

Процесс начнется в пятницу. Адвокат советовал отложить публикацию до начала процесса. Печатание уже начато [5]. В этом скандале интересы всех сливаются — все по-своему хлопочут. Я без языка — изображаю только мебель.

А что это за письмо, посланное какому-то издателю по поводу книги Карла Маркса? [6] Ведь если правда — как смотреть на подобную услугу, оказываемую своим друзьям? Кому это может больше принести вреда: делу ли народной свободы или врагам этого дела? Где живут «защитники» народной свободы: в облаках или на земле? Есть у них способность видеть что-нибудь? Должны помнить крыловскую басню «Пустынник и медведь»!

Что ж относит〈ельно〉 Сажина? [7] Явится сюда и останется без средств, а найдет ли хоть какой-нибудь работы — вещь сомнительная. Вероятно, и на переездку пришлось взять у людей с условием возвратить. Совсем говно!

Что же относ〈ительно〉 средств на издание нового Колокола? Ф〈онд〉а хватит на несколько месяцев только на набор, бумагу, печатание; а чем жить будет Б〈акунин〉 во время работы? Чем другие, которым придется тоже работать только для Колокола? Квартира и пр.? Должен же знать об этом еще кто-нибудь и быть уверенным, что все обеспечено.

Б〈акунин〉 * не намерен ни на йоту уступить из предложенных им условий и ждет положительного ответа; возьмется за дело не иначе, когда все будет обеспечено вполне. «Он слишком стар, чтоб играть» [8]. Мое мнение — он немножко поздно хватился: по отношению к Ком〈итету〉 он делал только выпляску до сих пор, в благодарность за это он оляпан врагами; но лучше поздно, чем никогда! Это урок ему на старости лет и предостережение другим.

Наконец, я сам должен знать, каково настоящее положение относительно этого проектированного издания, которому я так легкомысленно — каюсь в этом — обещал, впрочем под условием крайней необходимости, свое содействие. Руководясь в своей жизни исключительно пользой для народного дела, я — опять каюсь —

* Получено уже другое письмо.— *Прим. С. Серебренникова.*

легкомысленно и необдуманно, поверивши на слово, приехал во второй раз в Женеву. Всегда и везде, это знают другие лучше меня самого, я относился прямо к делу и к людям и до сих пор убежден, что такое отношение всего полезнее для дела. Не надувать ни других, ни себя; против врагов «Дела», а не личных искать прямые, надежные средства; увеличивать число защитников справедливого дела прямым — единственным путем, чтобы такие люди становились сознательно на сторону этого дела,— иначе они будут только связывать и мешать; словом, я не признаю систему интриг. Я не признаю опеки, хочу, чтобы она была уничтожена. Моя обязанность была отказаться прежде всего самому от всякой опеки, в чем бы она ни проявлялась. Людям надо доставлять возможность сознательно убедиться во вредности опеки для блага всех, а не сменять одной опеки на другую, не переменять только ярлыки.

Итак, относ⟨ительно⟩ проектированного издания я должен возможно скорее знать, как стоит дело, и иметь гарантию не в словах только, т. е. дальнейшее обеспечение издания и работников должно быть отнюдь не меньше гарантировано, чем существующий ф⟨онд⟩ на печать, etc.

Я потерпел расстройство в своем личном существовании и в своих личных занятиях; для того чтобы сколько-нибудь самоопределиться, я должен иметь самые положительные данные. Далее, вследствие соверш⟨енного⟩ полицией скандала я на время привязан к Женеве процессом, который я не считаю отнюдь своим — иначе я плюнул бы на него немедленно; временным прикреплением к Женеве я поставлен в необходимость жить и объедать Ник⟨олая⟩ Платоновича, имея в кармане 100 с небольшим франков и не имея теперь вовсе уверенности, что источник моего дохода не прекратится, так как он сделался известным полиции. Я не могу быть уверенным, что буду в состоянии расплатиться, и потому должен скорее выяснить для себя свое положение. Я не имею привычки обвинять кого бы то ни было за свое положение, но могу требовать объяснений и пр., чтобы возможно правильнее было какое-нибудь мое решение.— По выходе из тюрьмы мне сказали — не помню, кто,— что я должен на время процесса жить у Н⟨иколая⟩ П⟨латоновича⟩, недавно я говорил с ним самим об этом, и он подтвердил. Я объяснил мое финансовое положение. Может быть, со стороны Н⟨иколая⟩ П⟨латоновича⟩ тут только великодушие. То, что касается меня, должно быть разъяснено мне, и не впутывать сюда никого, кроме меня.

Этим письмом я снова даю доказательство за мое прямое и откровенное отношение и к делу, и к людям! Я хочу, чтобы со мной оставили выкидывать покус-фокусы!

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.54, с автографа *BN*.

[1] Судя по контексту, лицо, которое Серебренников обозначил многоточием,— Н. Н. Любавин: именно он располагал средствами для длительной жизни за границей; он не желал вернуться в Россию скомпрометированным связями с Бакуниным и особенно с Нечаевым; в этом же духе писал о нем Лопатин Бакунину 26 мая (п. 34). Конкретно речь шла о расписке в получении аванса за перевод «Капитала», которая оказалась в руках Нечаева. Последний, как правильно предполагал Любавин, мог использовать ее как средство шантажа. Об истории этой расписки см. п. 43.

[2] Из Гейдельберга, где жил Любавин.

[3] Имеются в виду обвинения Бакунина в присвоении Бахметьевского фонда. Непосредственным поводом к требованию Бакунина, чтобы Огарев публично заявил о его непричастности к фонду (см.: Письма М. А. Бакунина, с. 271—272), явилась появившаяся 30 апреля 1870 г. в газете «Volksstaat» статья С. Боркгейма, обвинявшего Бакунина в присвоении этих сумм для панславистской пропаганды.

[4] В письме, на которое отвечает Серебренников, Нечаев, по-видимому, высказывал намерение снова нелегально вернуться в Женеву; писал он об этом и к Н. А. Герцен (п. 37).

[5] Речь идет о процессе, начатом С. Серебренниковым против швейцарских властей, и о печатании его брошюры о своем аресте.

[6] Имеется в виду упоминавшееся уже угрожающее письмо «Народной расправы» Любавину (см. прим. 2 к п. 41).

[7] Михаил Петрович *Сажин* (псевд. Арман *Росс*, 1845—1934), революционер-народник, участник революционного движения с 1860-х годов. С 1869 г. жил в эмиграции в Америке, в мае 1870 г. через С. Серебренникова был вызван Нечаевым в Женеву. Прибыв сюда в начале июня, встретился с Нечаевым в горах Сен-Морис (см.: М. П. С а ж и н. Указ. соч., с. 62—63).

[8] Цитата из письма Бакунина к Огареву от 20 мая 1870 г. (Письма М. А. Бакунина, с. 281).

43

М. А. Бакунин — С. Г. Нечаеву

2 июня 1870. Locarno

Любезный друг — теперь обращаюсь к вам и через вас к вашему, к нашему Комитету. Надеюсь, что вы теперь добрались до безопасного места, в котором, свободные от мелких дрязг и хлопот, вы можете спокойно обдумать свое и наше общее положение, положение нашего общего дела.

Начнем с признания, что наша первая кампания, начатая в 1869 г., потеряна, мы разбиты. Разбиты по двум главным причинам: 1-ая — народ, на восстание которого мы имели полное право надеяться, не встал. Видно, чаша его страданий и мера его терпения еще не переполнилась. Видно, вера в себя, в свое право и в свою силу еще не загорелась в нем и не нашлось достаточного количества дружно действующих и по России разбросанных людей, способных возбуждать эту веру. 2-ая причина: организация наша и по качеству и по количеству своих членов и по самому способу своего составления оказалась недостаточною. Поэтому мы были разбиты, потеряли много сил и много драгоценных людей.

Это факт несомненный, который мы должны сознать вполне, нисколько не торгуясь с ним, для того чтобы сделать его точкою отправления для своих дальнейших рассуждений, предприятий и действий.

Вы, а с вами вместе, без сомнения, и ваши друзья сознали его прежде, гораздо прежде, чем высказали мне его; да можно сказать, что вы и не высказывали его мне никогда, я должен был его сам угадать из многих и явных противоречий в ваших речах и, наконец, убедиться в нем по общему положению дела, которое стало говорить так ясно, что не было возможности ⟨...⟩* скрыть его даже от непосвященных друзей. Вы были убеждены в нем более чем наполовину, когда приезжали ко мне в Локарно, а между тем вы говорили мне с полнейшею уверенностью и самым утвердительным образом о близости необходимого восстания. Вы обманули меня, и я, подозревая или чувствуя инстинктивно *обман*, сознательно и *систематически* отказывался верить *в него*; вы продолжали говорить и действовать точно как будто бы вы говорили мне чистую правду. Если б в свою бытность в Локарно вы показали бы мне настоящее положение дела и в отношении народном, и в отношении к организации, я написал бы воззвание свое к офицерам [1] в таком же самом направлении и духе, но другими словами; и это было бы для меня и для вас, а главное, для самого дела лучше. Я не стал бы им говорить о предстоящем движении.

На вас я не сержусь и не делаю вам упреков, зная, что, если вы лжете или скрываете, умолчиваете правду, вы делаете это помимо всех личных целей, только потому, что вы считаете это полезным для дела. Я и *мы все* горячо любим и глубоко уважаем вас именно потому, что никогда еще не встречали человека, столь отреченного от себя и так всецело преданного делу, как вы.

Но ни эта любовь, ни это уважение не могут помешать мне сказать вам откровенно, что система обмана, делающаяся все более и более вашею главною, исключительною системою, вашим главным оружием и средством, гибельна для самого дела.

Прежде, однако, чем попробую и, надеюсь, успею доказать вам это, скажу несколько слов о моих отношениях к вам и к вашему Комитету и постараюсь объяснить, почему, несмотря на все предчувствия и разумно-инстинктивные сомнения, предупреждавшие меня все более и более против истины ваших слов, я до сих пор не верил ⟨и⟩ до последнего приезда моего в Женеву говорил и поступал так, как будто я верил в них безусловно.

Можно сказать, что вот уже *30 лет*, как я отделен от России; от 40-го до 51-го года я пробыл за границей, сначала с паспортом, потом как эмигрант. В 51-ом году, после двухгодового заключения в саксонских и австрийских крепостях, я был выдан русскому правительству, которое в продолжение еще 6 лет держало

---

* Знаком ⟨...⟩ здесь и далее обозначены пропуски в копии письма (слова, не разобранные Н. А. Герцен и С. И. Серебренниковым).

меня — сначала в Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине, потом в Шлюссельбурге. В 57 я был отправлен в Сибирь, пробыл два года в Западной и два года в Восточной. В 61-ом г. бежал из Сибири, с ⟨тех⟩ пор, разумеется, не возвращался в Россию. Итак, в продолжение 30 лет я прожил всего 4 года (9 лет тому назад), от 57 до 61, на свободе в России, т. е. в Сибири. Это, разумеется, дало мне возможность ближе познакомиться с русским народом, с мужиками, с мещанами и с купечеством, и то специально сибирским, но не с революц⟨ионною⟩ молодежью. В мое время не было других политических ссыльных в Сибири, кроме немногих декабристов и поляков. Знал я еще, правда, 4-х петрашевцев: Петрашевского, Львова и Толя [2] — но эти люди представляли собою нечто переходное от декабристов к настоящей молодежи, были доктринерными, книжными социалистами, фурьеристами и педагогами. Настоящей молодежи, той, в которую я верю,— этого бессословного сословия, этой бездомно-⟨. . .⟩ фаланги народной революции, о которой я говорил несколько раз в своих писаниях, я не знал и только что теперь начинаю мало-помалу знакомиться с нею.

Бóльшая часть русских людей, приезжавших на поклон к Герцену в Лондон, были порядочники, или литераторы, или либеральствующие и демократствующие офицеры. Первый серьезный русский революционер был Потебня [3], второй вы. Об Утине и об остальных женевских эмигрантах я говорить не буду.— Значит, до самой встречи с вами настоящая русская революционная молодежь оставалась для меня «terra incognita» *.

Немного мне было нужно времени, чтобы понять вашу серьезность, чтобы поверить вам. Я убедился и до сих пор остаюсь убежденным, что, будь вас, таких, хоть немного, вы представляете серьезное дело, единственное серьезное революц⟨ионное дело⟩ в России, и раз убедившись в этом, сказал себе, что моя обязанность помочь вам всеми силами и средствами и связаться, сколько могу, с вашим русским делом. Тем легче было мне решиться на это, что ваша программа, по крайней мере в прошедшем году, не только вполне соответствовала, но была вполне одинакова с моею программою, выработанною постоянным ⟨. . .⟩ и целым опытом довольно продолжительной политической жизни. Определим в нескольких чертах эту программу, на основании которой мы с вами, в прошедшем году, соединились совершенно и от которой вы, по-видимому, теперь довольно значительно удаляетесь, но которой я, с моей стороны, остался до⟨такой⟩ степени верен, что, если б ваши убеждения и удаление ваше или ваших друзей от нее было совершенно окончательное, я считал бы себя обязанным разорвать все *интимно-политические* отношения к вам.

Программа ясно высказывается в нескольких словах: всецелостное разрушение государственно-юридического мира и всей так называемой буржуазной цивилизации, посредством народно-стихийной революции, невидимо руководимой отнюдь не официальною, но безыменною и коллективною диктатурою друзей полнейшего народного освобождения из-под всякого ига, крепко сплоченных в тайное общество и действующих всегда и везде ради единой цели, по единой программе.

Такова мысль и таков план, на основании которого я соединился с вами и для исполнения которых я подал вам руку. Вы сами знаете, как я остался верен признанному мною обещанию союза. Вы знаете, сколько я показал вам веры, убедившись раз в вашей серьезности и в одинаковости революционных программ между нами. Я не спрашивал Вас, ни кто ваши друзья, ни сколько их, не поверял вашей силы, а верил вам на слово.

Верил ли я по слабости, по слепоте или по глупости? Вы сами знаете, что нет. Вы знаете очень хорошо, что во мне слепой веры никогда не было и что еще в прошедшем году, в одиноких разговорах с вами и раз у Огар⟨ева⟩ и при Огареве, я вам сказал ясно, что мы вам верить не должны, потому что для вас ничего не стоит солгать, когда вы полагаете, что ложь может быть полезна для дела, что, следовательно, мы другого залога истины ваших слов не имеем, кроме вашей несомненной серьезности и безусловной преданности делу. Что это гарантия большая, но не

---

* «неведомой землей» (*лат.*)

спасающая, однако, вас от ошибок, а нас от промахов, если мы предадимся вам слепо.

И несмотря на это убеждение, несколько раз высказанное мною вам, я все таки оставался в связи с вами и помогал вам везде, сколько мог; хотите знать, почему это я делал? Во-первых, потому что до вашего отъезда из Женевы в Россию наши программы были действительно одинаковы. В этом я мог убедиться не только из всех наших ежедневных разговоров, но еще из того, что все писания мои, задуманные и напечатанные при вас, возбудили в вас большую симпатию именно теми пунктами, которые более и яснее других высказывали нашу общую программу, и потому что наши писания, напечатанные в прошедшем году, носили тот же самый характер.

Во-вторых, потому что, признавая в вас действительную и неутомимую силу, преданность, страсть ⟨. . .⟩ и мышленье, я считал вас и считаю способным сплотить вокруг себя, и не для себя, а для дела, настоящие силы; я говорил себе и Огареву, что если они еще не сплочены, то непременно сплотятся в скором времени.

В 3-их, потому что, признав вас из всех мне известных русских людей за самого способного для исполнения этого дела, я сказал себе и Огареву, что нам ждать нечего другого человека, что мы одни стары и что нам вряд ли удастся встретить другого подобного, более призванного и более способного, чем вы; то поэтому, если мы хотим связаться с русским делом, мы должны связаться с вами, а не с кем другим. Комитета и всего вашего общества мы не знаем и можем судить об них только по вас. Если же вы серьезны, почему же вашим друзьям, настоящим и будущим, не быть серьезными. Ваша несомненная серьезность была для меня залогом, с одной стороны, что вы пустых людей в свою среду не допустите, а с другой — что вы один не останетесь, а будете стараться создать коллективную силу.

Есть, правда, в вас один слабый пункт, поразивший меня с первых дней нашей встречи, но на который я, признаюсь, не обратил надлежащего внимания, это ваша неопытность, незнание людей и жизни и сопряженный с ними фанатизм, не чуждый мистицизма. Незнакомство с общественными условиями, привычками, нравами, мыслями и обычными чувствами так называемого образованного мира делает вас, даже и теперь еще, неспособным действовать с успехом в его среде, даже в видах его разрушения. Вы до сих пор еще не знакомы с средствами, которыми можно приобресть в нем влияние и силу, что обрекает вас на неминуемые промахи всякий раз, когда необходимость самого дела приводит вас с ним в соприкосновение. Это явно сказалось в несчастной попытке вашей издавать «Колокол» на невозможных условиях. Но о «Колоколе» поговорим после. Незнание людей обрекает вас на неизбежные промахи. Вы в одно и то же время слишком много требуете и слишком много ожидаете от них, задавая им задачи не по силам, в той вере, что все люди должны быть проникнуты тою же страстью, какою проникнуты вы. Вы, вместе с тем, совсем не верите в них, вследствие чего вы отнюдь не рассчитываете на страсть, возбужденную в них, на создавшееся в них направление, на самостоятельную честность их стремлений к вашей цели, а стараетесь их закрепить, запугать, связать внешними и большею частью далеко не достаточными контролями, так, чтоб, раз попавши в ваши руки, они никогда не могли бы вырваться из них. А между тем они вырываются и будут вырываться из них беспрестанно, пока вы не перемените систему действий с ними, ⟨пока⟩ не будете искать преимущественно в них самих главного соединения с вами. Помните, как вы сердились на меня, когда я называл вас абреком, а ваш катехизис — катехизисом абреков; вы говорили, что все люди должны быть такими, что полнейшее отречение от себя, от всех личных требований, удовлетворений, чувств, привязанностей и связей должно быть нормальным, естественным, ежедневным состоянием всех людей без исключения. Ваше собственное самоотверженное изуверство, ваш собственный истинно-высокий фанатизм вы хотели бы, да еще и теперь ⟨хотите⟩ сделать правилом общежития. Вы хотите нелепости, невозможности, полнейшего отрицания природы человека и общества. Такое хотение гибельно, потому что оно заставляет вас тратить ваши силы понапрасну и стрелять всегда мимо. Никакой * человек, как бы он

* В тексте ошибочно: *Но какой.*

ни был силен лично, и никакое общество, как бы совершенна ни была его дисциплина и как могуча ни была его организация, никогда не будут в силах победить природу. Пытаться ее победить могут только религиозные фанатики и аскеты — и потому я удивлялся недолго и немного, встретив в вас какой-то мистически-пантеистический идеализм. В связи с вашим характерным направлением мне казалось ясно совершенно, хотя и совершенно нелепо. Да, мой милый друг, вы не материалист, как мы грешные, а идеалист, пророк, как монах Революции, вашим героем должен быть не Бабёф и даже не Марат [4], а какой-нибудь Савонарола. Вы по образу мыслей подходите более к Мецену * <. . .> более к иезуитам, чем к нам. Вы фанатик — в этом ваша огромная характерная сила; но вместе с тем и ваша слепота, а слепота — большая и губительная слабость, слепая энергия блуждает и спотыкается, и чем страшнее она, тем неминуемее и тем значительнее промахи. В <вас> огромный недостаток критики, а при таком недостатке <. . .> оценка людей, положений и соразмерений средств с целью <. . .> невозможны.

Все это я понимал и говорил еще себе в прошедшем году. Но все это уравновешивалось во мне в вашу пользу двумя соображениями. Во-первых, я признавал и признаю в вас огромную и, можно сказать, абсолютно чистую силу — чистую от всякой себялюбивой и тщеславной примеси, силу, подобную которой я не встретил еще в других русских людях; а во-вторых, я говорил и говорю себе, что вы еще молоды, к тому же так цельны ** и так отрешены от личных, себялюбивых капризов и самообольщений, что не можете оставаться долгое время на ложном пути и в заблуждении, пагубном для самого дела. Я и теперь в этом уверен.

Наконец, я очень хорошо чувствовал и видел, что вы далеко не имели ко мне полного доверия и во многих отношениях стремились сделать меня средством для неизвестных мне ближайших целей. Но это нисколько не смущало меня.

Во-первых, мне нравилась ваша молчаливость насчет лиц, принимавших участие в вашей организации, и насчет ее ежедневных мер, предприятий и действий. Я всегда был того убеждения, что в такого рода делах людям самым доверенным и близким следует знать только о том, знание чего *практически* необходимо для успеха их специального дела. И вы мне отдадите эту справедливость, что я никогда не делал вам нескромных вопросов. Если б вы даже, в противность своей обязанности, назвали мне имена, то я все-таки не узнал бы ничего, не зная лиц, носящих эти имена. Я был бы принужден судить о них по вас, а вам я верил и верю. Комитет, составленный из людей, вам подобных и заслуживших ваше полное доверие, по-моему, заслуживает с нашей стороны не менее полное доверие.

Является вопрос: существовала ли действительно ваша организация или вы только сбирались кое-как создать ее? А если она существовала, была ли она многочисленна, составляла ли уже по крайней мере зародыш силы или все это существовало только в надежде? Существовал ли даже сам Комитет, ваша святая святых, в том виде и с тем несомненнейшим сплочением сил на жизнь и на смерть — или вы только готовились создать его, одним словом, представляли ли вы собою одиночную, весьма почтенную, правда, но только личную силу или силу коллективную, уже действительно существующую? И <. . .> если общество и руководящий Комитет действительно существовал, предполагая в них, особенно в Комитете, исключительное участие людей верных, крепких, так же фанатически преданных и от себя отрешенных, как вы сами, мне представлялся еще другой вопрос: было ли и есть ли в нем достаточно практического ума и знания, достаточно теоретической подготовки и способности, понимания условий и отношений русской народной и сословной жизни для того, чтобы сделать революционный <Комитет> никак не ничтожный, а действительный, и для того, чтобы покрыть всю русскую жизнь и проникнуть все общественные слои действительно могучею организацией. От горячей энергии действующих зависела искренность дела, от их практического ума и знания — его успех.

---

* Так в копии; вероятно, ошибка Н. А. Герцен, допущенная при переписке.— *Ред.*

** В копии ошибочно: *целы*.

Для того чтобы узнать это, для того, в действительности и в возможности, т. е. в уме вашего предприятия, я вам беспрестанно ставил множество вопросов и признаюсь, что ваши ответы отнюдь не удовлетворяли меня. Как вы ни отвертывались и ни виляли, вы поневоле мне высказали следующее: общество ваше по своей численности было еще весьма незначительно, по материальным средствам своим — еще менее. Практического ума, знания и умения в нем еще очень мало. Но Комитет, вами составленный, без сомнения, из людей, подобных вам, и между ними вы — один из самых лучших, из самых крепких. Вы создатель и до сих пор руководитель общества. Все это, мой милый друг, я понял и знал еще в прошедшем году. Но это отнюдь не мешало мне присоединиться к вам, признав в вас <. . .> умного и страстно-преданного деятеля, каких мало; уверенный в том, что вы успели найти хоть несколько людей, вам подобных, и сплотиться с ними, я также был уверен и до сих пор остаюсь уверенным в том, что путями опыта и горячих и неутомимых стремлений вы скоро добьетесь до того знания, ума и умения делать, без которого успех невозможен. — А так как, кроме вашего кружка, я не предполагал и не предполагаю возможности существования в России другого столь же серьезного кружка, то, несмотря на все, я решился остаться в соединении с вами.

Я нисколько не сердился на вас за то, что вы старались постоянно преувеличивать предо мною вашу силу, это обыкновенная и часто полезная, а иногда и смешная замашка всех конспираторов. Правда, что я видел в вашем старании обмануть меня доказательство вашего еще недостаточного понимания людей. Мне казалось, из всех разговоров наших вы должны были понять, что, для того чтобы привлечь меня, не требовалось с вашей стороны доказательств уже существующей и организованной силы, а только доказательство непреклонной и разумной воли создать такую силу. Я понял также то, что, являясь передо мной как представитель и нечто вроде посланника уже существующей и достаточно сильной организации, таким образом, казалось вам, вы ставили себя в положение представить мне свои условия от очень могучей силы; в то время когда бы вы явились только предо мною как лицо, собирающее силу, вы должны были бы говорить со мною, как равный с равным, как лицо с лицом и подвергнуть моему <. . .> и вашу программу, и <план> действий.

Это не входило в ваши расчеты. Вы были слишком фанатически преданы вашей программе и вашему плану, для того чтобы подвергнуть их чьей бы то ни было критике. А во-вторых, вы не имели достаточно веры в мою преданность делу и в мое разумение его, для того чтобы показать мне самое дело в настоящ<ем> его виде. Вы относились скептически ко всей эмиграции и были правы; ко мне, может быть, менее скептически, чем к другим, потому что я вам дал слишком много доказательств моей готовности служить делу, без личных притязаний и тщеславных расчетов. Но все-таки вы смотрели на меня как на инвалида, советы и знания которого могут быть иногда полезны, не более <. . .>: участие которого в вашем горячем деле было бы излишне и даже вредно. Я это слишком хорошо видел, но это отнюдь не обижало меня. Вы сами знали <. . .> этого и не могли меня побудить к разъединению с вами. Мне не след было доказывать вам, что я совсем не такой отпетый и <к> делу горячему, настоящему делу, не способный человек, как вам казалось. Я предоставлял и предостав<ляю> времени и вашему собственному опыту убедиться в противном.

К тому же было и до сих пор существует особенное обстоятельство, принуждавшее и принуждающее меня держать себя весьма осторожно по отношению ко всем русским делам и людям. Это мое совершенное безденежие. Всю жизнь я боролся с бедностью, и всякий раз, когда мне удавалось предпринять и делать мало-мальски что-нибудь полезное, я делал это не на свои, а на чужие средства. Это с давних времен навлекло на меня, особенно со стороны русской сволочи, целую тучу клевет и нареканий.

Эти господа совсем опоганили мою репутацию и тем значительно парализировали мою деятельность. Нужно было всей неподдельной страсти и искренней воли, которые в себе без всякого хвастовства и по опыту сознаю, для того, чтобы не сломиться, и для того, чтобы продолжать делать. Вы также <. . .> знаете, как ложны

и подлы слухи о моей личной роскоши и о моем стремлении наживиться на счет других, надувании других. А между тем русская эмигрантская сволочь: Утин и Компанй — смеет называть меня надувателем и своекорыстным эксплуататором, меня, который с тех пор, как я себя помню, никогда не жил и не хотел жить в свое удовольствие и стремился всегда к освобождению других. Не ⟨примите⟩ это за самохвальство — я говорю *вам это* и друзьям и чувствую необходимость и право высказать это вам один раз навсегда.

Ясно, что для того, чтобы предать себя полному служению делу, я должен иметь средства для жизни. Я становлюсь стар, восьмилетнее ⟨. . .⟩ заключение породило во мне хроническую болезнь, с моим поэтому попорченным ⟨. . .⟩, требующим известного ухода, известных условий, для того, чтобы служить делу с пользою, — к тому же у меня жена, дети, которых я не могу обречь на голодную смерть; я старался уменьшать донельзя издержки, но все-таки без известной суммы в месяц существовать не могу. Откуда же взять эту сумму, если я весь труд свой отдам общему делу?

Есть еще другие соображения; основав несколько лет тому назад Интернациональ — тайно-революционный Союз, я не могу и не хочу бросать его для того, чтобы предаться исключительно русскому делу. К тому же в моей мысли Интернац⟨иональ⟩ и русское дело — одно дело. До сих пор интер⟨национальное⟩ дело не давало мне средств к жизни, а только вовлекало в издержки. Вот вам в нескольких словах ключ к моему положению, и вы поймете, что эта бедность, с одной стороны, а с другой — подлые клеветы, распущенные обо мне русскими эмигрантами, связывают меня в отношении ко всем новым людям, в отношении ко всем делам. Видите, сколько было причин для меня вам не навязываться, не требовать от вас доверия более, чем вам казалось полезным; ⟨. . .⟩ ждать, чтоб вы и ваши друзья убедились наконец сами в возможности, в пользе и необходимости вашего доверия.

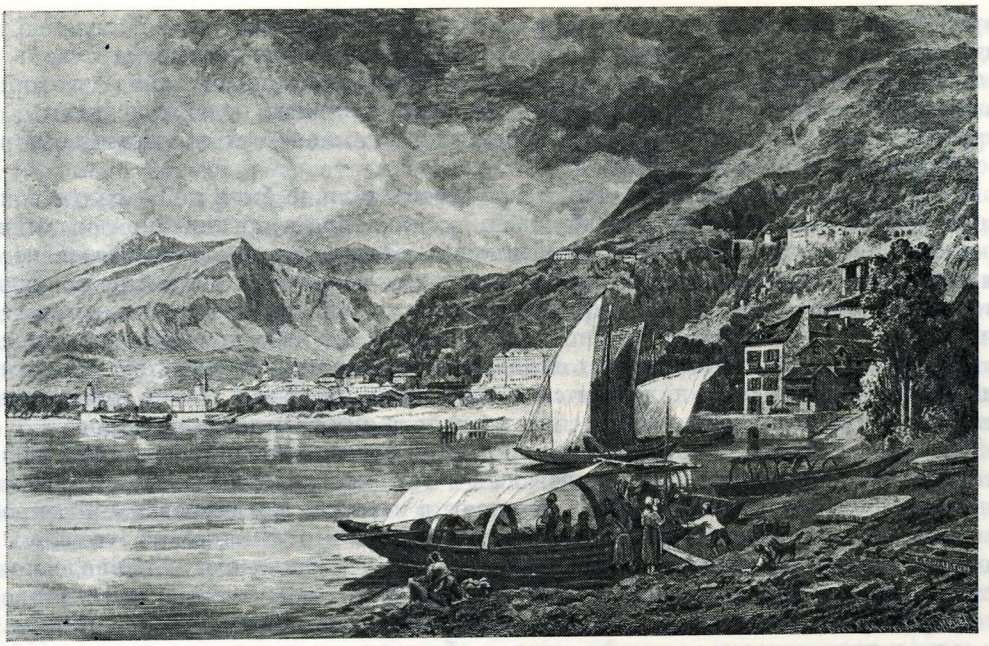
Вместе с тем я очень хорошо видел и знал, что, обращаясь ко мне не как равный к равному, не как доверяющий к доверенному лицу, вы, сообразно вашей системе и повинуясь, так сказать, логической необходимости, смотрели на меня как на опытное, на $^3/_4$ слепое орудие для дела и употребляли меня, мою деятельность, мое имя как средства. Таким образом, не имея в действительности той силы, о которой вы мне говорили, вы пользовались моим именем для того, чтобы создать силу в России; так что много людей действительно думают, что я нахожусь во главе тайного общества, о котором я сам, как вам хорошо известно, ровно ничего не знаю.

Должен ли я был позволить употребление своего имени как средства для пропаганды и для привлечения людей в организацию, план действий и ближайшие цели которой были мне на $^3/_4$ неизвестны? Не запинаясь, отвечаю утвердительно: да, мог и должен. Вот мои причины:

Во-первых, я всегда был убежден, что русс⟨кий⟩ революц⟨ионный⟩ Комитет должен и может действовать только в России и управление русс⟨кой⟩ революц⟨ией⟩ делать из-за границы — нелепость.

Если вы и друзья ваши останетесь долго за границей, то я и вас бы объявил неспособными быть долее членами Ком⟨итета⟩. Если вы сделаетесь эмигрантами, то вы должны будете так же точно, как сделал я, подчиняться во всем русск⟨им⟩ делам в России, безусловному руководству, признаваемому вами (на основании программ и плана, обсужденных вместе) новому Комитету в самой Рос⟨сии⟩; сами же образовать заграничный рус⟨ский⟩ Комит⟨ет⟩ для самостоятельного управления всеми русск⟨ими⟩ отношениями, делами, людьми и кружками за границей, в полном согласии с видами русск⟨ого⟩ Комит⟨ета⟩, но с подлежащею автономиею и независимостью в выборе средств и способов действий и, главное *, в совершенном согласии с Интернациональным Союзом. В таком случае я буду требовать по обязанности, по праву быть равноправным членом этого заграничного русского Комитета, что и сделал, впрочем, в последнем письме к Комитету и к вам[5], признавая, что русский Комитет должен быть в самой России. Я, разумеется, не имел возмож-

* Отсюа— копия рукою С. Серебренникова.— *Ред.*



ЛОКАРНО

Гравюра Р. Брандамура по рисунку Э. Комптона, 1870-е гг.

Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881

[1] В 1870 г. Бакунин жил в Локарно. Здесь было написано программное письмо к Нечаеву от 2—9 июня 1870 г.

ности и намерения возвратиться в Россию, не имею также и претензии быть его членом. С программою и общими целями действий его я познакомился через вас, и так как был с вами вполне согласен, изъявил свою готовность, свою твердую решимость помогать и служить ему всеми зависящими от меня средствами; а так как мое имя казалось *вам* средством, полезным для привлечения новых людей в *вашу* организацию, я дал вам свое имя. Я знал, что оно будет употреблено для дела (в этом мне служили ручательством наша общая программа и ваш характер) и не боялся, что рядом ошибочных действий, промахов оно может подвергнуться общественному нареканию — к ругательствам мне не привыкать стать.

Но вспомните, что еще прошедшим летом было выговорено между нами, что все русские предприятия, дела и люди за границей будут известны мне и что все, что ни будет сделано или предпринято за границей, не будет сделано без моего ведома и согласия. Это было условие необходимое: во-1-х, потому, что я гораздо лучше знаю заграничный мир, чем кто либо из вас, а во-2-х, потому, что слепая и несамостоятельная солидарность с вами в заграничных делах и публикациях могла бы поставить меня в положение, противное обязанностям и правам как члена Интернационального Союза. Это условие, как мы увидим, однако, не было исполнено с вашей стороны; *и если оно не будет* приведено в исполнение *совершенное*, я буду принужден разорвать с вами всякие интимно-политические отношения.

Прежде всего моя система разнится тем, что она не признает ни пользы, ни даже самой возможности другой революции, кроме стихийной или народно-социальной. Всякая другая революция, по моему глубочайшему убеждению, бесчестна, вредна, свободо- и народоубийственна, потому что она сулит народу новую нищету и новое рабство; а главное, всякая другая революция стала отныне невозможною, недостижимою и неисполнимою. Централизация и цивилизация, железные дороги, телеграфы, новое вооружение и новая организация войск, вообще административная наука, т. е. наука систематического порабощения и эксплуатирования народных масс, и наука укрощения народных и всяких других бунтов, столь тщательно

разработанная, проверенная опытом и усовершенствованная в продолжение последних 75 лет новейшей истории,— все это вместе вооружило государство в настоящее время такою громадною силою, что все искусственные, тайно-заговорные и вненародные попытки, внезапные нападения, сюрпризы, удары должны обрушиться об нее и что оно может быть побеждено, сломлено только стихийно-народно-социальною революциею.

Итак, единственною целию тайного общества должно быть не создание искусственной вненародной силы, а возбуждение, сплочение и организация стихийных народных сил; таким образом, единственно возможная, ед⟨инственно⟩ действительная армия революции не вне народа, а сам народ. Народ искусственно возбудить невозможно; народные революции порождаются самою силою вещей или тем историческим током, который подземно и невидимо, хотя и беспрерывно, и большею частью медленно течет в народных слоях, все больше их обнимая, проникая, подкапывая до тех пор, пока не вырвется из-под земли наружу и, своим бурным течением ломая препятствия, не уничтожит всего, что ему попадется на дороге.

Такую революцию искусственно произвесть невозможно. Нельзя даже ее значительно ускорить, хотя и не сомневаюсь в том, что дельная и умная организация может облегчить ее взрыв. Есть периоды в истории, когда революции просто невозможны; есть другие периоды, когда они неминуемы. В каком из этих двух периодов мы находимся ныне? По моему глубокому убеждению, в периоде повсеместной неминуемой народной революции. Не стану доказывать справедливость такого убеждения, потому что это завлекло бы меня слишком далеко. К тому же мне и не нужно доказывать ее, так как я обращаюсь здесь к человеку и людям, которые, кажется, разделяют это убеждение вполне. Я говорю: везде, в целой Европе социально-народная революция неминуема. Скоро ли она вспыхнет и где вспыхнет прежде: в России, или во Франции, или в какой другой части Запада? Никто этого предсказать не может. Может быть, она вспыхнет через год, прежде года, может, не прежде 10 или 20 лет. Не в том дело, и люди, которые намерены честно служить, служат ей не ради своей потехи. Все тайные общества, которые хотят принесть ей действительную пользу, должны прежде всего отказаться от всякой нервозности, от всякого нетерпения. Спать они не должны, должны, напротив, быть по возможности готовыми во всякую минуту, следов⟨ательно⟩, начеку, всегда способными воспользоваться каждым удобным случаем; но вместе с тем они должны быть заложены и организованы не в видах близкого восстания, а с целью продолжительной и терпеливой подземной работы по примеру ваших друзей — отцов иезуитов.

Ограничу свои рассуждения Россиею. Когда грянет русская революция? Мы этого не знаем. Многие, и я грешный, между прочим, ждали всенародного восстания в 1870 году, а народ не проснулся. Должно ли из этого заключить, что русский народ может обойтись и без революции, что он минует ее? Нет, такое заключение невозможно, было бы бессмысленно. Кто знает безвыходное, просто критическое положение нашего народа в экономическом и политическом отношении, а с другой стороны, решительную неспособность нашего правительства, нашего государства не только изменить, но хоть сколько-нибудь облегчить его положение — неспособность, вытекающую не из того или другого свойства наших правительственных лиц, а из самой сущности нашего государственного строя в особенности и вообще всякого государства,— тот непременно должен прийти к заключению, что русская народная революция неминуема. Она не только отрицательно, она положительно неминуема, потому что в нашем народе, несмотря на все его невежество, исторически выработался идеал, к осуществлению которого он знаемо или незнаемо стремится. Этот идеал — общинное владение землею с полною свободою от всякого государственного притеснения и от всяких поборов. К этому стремился он при Лже-Димитриях, при Стеньке Разине, при Пугачеве и стремится теперь непрестанными, но разрозненными и потому всегда укрощаемыми бунтами.

Я указал только на две главные черты народно-русского идеала, отнюдь не имея претензии очертить его вполне несколькими словами. Мало ли что живет еще в интеллектуальных стремлениях русского народа и что выйдет на свет с первою

революциею. Теперь мне и этого достаточно для того, чтобы доказать, что наш народ — не белый лист бумаги, на котором любое тайное общество может написать, что ему угодно,— напр⟨имер⟩, хоть вашу коммунистическую программу. У него выработалась отчасти сознательно, на три четверти, пожалуй, бессознательно, программа своя, которую тайная организация должна узнать, угадать и с которой она обязана будет сообразоваться, если только желает успеха.

Несомненный и равно нам известный факт, что при Стеньке Разине, так же и при Пугачеве, т. е. всякий раз, когда народный бунт удавался хоть на некоторое время, народ наш делал одно: забирал всю землю в общинное владение, отправлял к черту дворян-помещиков, царских чиновников, а иногда и попов и организовывал свою вольную общину. Значит, у нашего народа есть в памяти и в идеале уже один драгоценный элемент для будущей организации, элемент, которого еще нет у западных народов,— это *вольная экономическая община*. В народной жизни и в народной мысли есть два начала, два факта, на которые мы опереться можем: частые бунты и вольно-экономическая община. Есть еще третье начало и третий факт, это — казачество или разбойнически-воровской мир, заключающий в себе равно протест и против государственного, и против патриархально-общинного притеснения и напоминающий, так сказать, два первые.

Частные * бунты, хотя и вызываемые всегда случайными обстоятельствами, тем не менее проистекают из общих причин и выражают глубокое и всеобщее неудовольствие народа. Они составляют как бы обыденное или обыкновенное явление русской народной жизни. Нет деревни в России, которая бы не была глубоко недовольна своим положением, которая не ощущала бы нужду, тесноту, изменение ** и не таила в глубине своего коллективного сердца желание захватить всю помещичью, а затем всю крестьянско-кулацкую землю и убеждение, что она имеет на это несомненное право,— нет деревни, которую, умеючи, не было бы возможности взбунтовать. Если деревни не бунтуются чаще, так это единственно от страха, от сознания своего бессилия. Сознание это происходит от разъединенности общин, от отсутствия действительной солидарности между ними. Если бы каждая деревня знала, могла надеяться, что, в то время как она встанет, встанут все другие, то можно сказать наверное, что не было бы ни одной деревни в России, которая бы не взбунтовалась. Отсюда вытекает первая обязанность, назначение и цель тайной организации: пробудить во всех общинах сознание их неотвратимой солидарности и тем самым возбудить в русском народе сознание могущества — одним словом, соединить множество частных крестьянских бунтов в один общий, всенародный бунт.

Одним из главных средств к достижению этой последней цели, по моему глубокому убеждению, может и должно служить наше вольное всенародное казачество, бесчисленное множество наших святых и несвятых бродяг, богомолов, *бегунов*, воров и разбойников — весь этот широкий и многочисленный подземельный мир, испоконно протестовавший против государства и государственности и против немецко-кнутовой цивилизации. Это было высказано в безыменном листке «Постановка революционного вопроса» и вызвало у всех наших порядочников и тщеславных болтунов, принимающих свою доктринерскую византийскую болтовню за дело, вопль негодования [6]. А между тем это совершенно справедливо и подтверждается всею нашею историею. Казачий воровско-разбойнический и бродяжнический мир играл именно эту роль совокупителя и соединителя общинных бунтов и при Стеньке Разине и Пугачеве; народные бродяги — лучшие и самые верные проводники народной революции, приуготовители общих народных волнений, этих предтеч всенародного восстания, а кому не известно, что бродяги, при случае, легко обращаются в воров и разбойников. Да кто же у нас не разбойник и не вор? Уж не правительство ли? Или наши казенные и частные спекуляторы и дельцы? Или наши помещики, наши купцы? Я, с своей стороны, ни разбоя, ни воровства, ни вообще никакого противучеловеческого насилия не терплю, но признаюсь, что если мне приходится выбирать между разбойничеством и воровст-

* Отсюда — копия рукою Н. А. Герцен.— *Ред.*

** Возможно, должно быть: притеснение.

вом, восседающим на престоле или пользующимся всеми привилегиями, и между народным воровством и разбоем, то я без малейшего колебания принимаю сторону последнего, нахожу его естественным, необходимым и даже в некотором смысле законным. Народно-разбойничий мир, признаюсь, с точки зрения истинно человеческой, далеко, далеко не красив. Да что же красиво в России? Разве может быть что-нибудь грязнее нашего порядочного чиновно- или мещанско-цивилизованного и чистоплотного мира, скрывающего под своими западно-гладкими формами самый страшный разврат мысли, чувства, отношений и действий! Или, в самых лучших случаях, безотрадную и безвыходную пустоту. В народном разврате есть, напротив, природа, сила, жизнь, есть, наконец, право многовековой исторической жертвы; есть могучий протест против коренного начала всякого разврата, против государства — есть поэтому возможность будущего. Вот почему я беру сторону народного разбоя и вижу в нем одно из самых существенных средств для будущей народной революции в России.

Я понимаю, что это может привесть в негодование чистоплотных или даже нечистоплотных идеалистов наших — идеалистов всякого цвета, от Утина до Лопатина, воображающих, что они могут насильственным образом, посредством изустной тайной организации, навязать народу свою мысль, свою волю, свой образ действий. Я в эту возможность не верю, а убежден, напротив, что при первом разгроме Всероссийского Государства, откуда бы он ни произошел, народ подымется не по утинскому, не по лопатинскому и даже не по *вашему* идеалу, а по своему, что никакая искусственная конспирационная сила не будет в состоянии воздержать или даже видоизменить его *самородного* движения,— ибо никакая плотина не в состоянии воздержать бунтующего океана. Вы все, мои милые друзья, полетите как щепки, если не сумеете плыть по народному направлению,— уверен, что при первом крупном народном восстании бродяжнически-воровско- и разбойнический мир, глубоко вкорененный в нашу народную жизнь и составляющий одно из ее существенных проявлений, тронется, и тронется могущественно, а не слабо.

Хорошо * ли это или дурно, это факт несомненный и неотвратимый, и кто хочет действительно русской народн⟨ой⟩ революции, кто хочет служить ей, помогать ей, организовать ее не на бумаге только, а на деле, тот должен знать этот факт; мало того: тот должен считаться с ним, не стараясь его обходить, и встать к нему в сознательно-практическое отношение, уметь употребить его как могучее средство для торжества революции. Тут чистоплотничать нечего. Кто хочет сохранить свою идеальную и девственную чистоту, тот оставайся в кабинете, мечтай, мысли, пиши рассуждения или стихи. Кто же хочет быть настоящим революционным деятелем в России, тот должен сбросить перчатки; потому что никакие перчатки его не спасут от несметной и всесторонней русской грязи. Русский мир, государственно-привилегированный и народный мир — ужасный мир. Русская революция будет, несомненно, ужасная революция. Кто ужасов или грязи боится, тот отойди и от этого мира, и от этой революции; кто же хочет служить последней, тот, зная, на что он идет, укрепи свои нервы и будь готов ко всему.

Употребить разбойничий мир как орудие нар⟨одной⟩ революции, как средство для совокупления и для разобщения ** частных общинных бунтов — дело нелегкое; я признаю его необходимость, но вместе с тем вполне сознаю свою полнейшую неспособность к нему. Для того чтобы его предпринять и довести его до конца, надо быть самому вооруженным крепкими нервами, богатырскою силою, страстным убеждением и железною волею. В ваших рядах могут найтись такие люди. Но люди нашего поколения и нашего воспитания к нему не способны. Идти к разбойникам не значит самому сделаться разбойником и только разбойником, не значит делить с ними все их неспо⟨койные?⟩ *** страсти, бедствия, часто гнусные цели, чувства, действия; но значит дать им новую душу и возбудить в них другую, всенародную цель — у этих диких и до жестокости грубых людей натура свежая,

---

* Отсюда — копия рукою С. Серебренникова.— *Ред.*

** Вероятно, следует читать: для совокупления разобщенных

*** Слово не дописано в копии.— *Ред.*

сильная, непочатая и неистощенная и, след⟨овательно⟩, открыта для живой пропаганды, если пропаганда, разумеется живая и не доктринерская, посмеет и сумеет подойти к ним. — Об этом предмете я готов сказать еще много, если только придется мне продолжать с вами эту переписку.

Другой драгоценный элемент будущей народн⟨ой⟩ жизни в России, сказал я, это вольно-экономическая община, элемент действительно драгоценный, которого нет на Западе. Западная социальная революция должна будет создать этот необходимый и основной зародыш всей будущей организации, а создание его будет стоить Западу много, много хлопот. У нас он уже создан; случись революция в России, провались государство со всеми своими чиновниками, русская деревня организуется без малейшего труда сама собою в тот же день. Но зато в России предстоит трудность другого рода, которого нет на Западе. Наши общины страшно разъединены, почти не знают друг друга и часто становятся друг к другу во враждебное отношение, по древнему русскому обычаю. В последнее время, *благодаря финансовым мерам правительства*, они стали привыкать к волостному соединению, т⟨ак⟩ что волость приобретает все б⟨олее⟩ и б⟨олее⟩ народный смысл, народное освящение, но затем все и кончается. Волости решительно не знают и не хотят знать друг друга. А для устройства революц⟨ионной⟩ победы, для организации будущей нар⟨одной⟩ свободы необходимо, чтобы волости *собственным народным движением* соединились в уезды, уезды в области, области же образовали бы между собою вольную русскую федерацию.

Пробудить в наших общинах сознание этой необходимости ради их собств⟨енной⟩ свободы и пользы опять-таки дело тайной организации — п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ никто, кроме нее, никто за это дело приняться не захочет, интересы правительства и всех привилегированных классов ему прямо противны. Как за него приняться, что и как делать, чтобы пробудить в общинах это спасительное, едино-спасительное сознание,— об этом распространяться здесь не место.

Так вот, милый друг, в ее главных чертах целая программа народно-русской революции, глубоко запечатленная в историческом инстинкте и целом положении нашего народа. Кто хочет встать во главе народного движения, тот должен принять ее вполне и быть ее исполнителем. Кто захочет навязать народу свою программу, тот останется в дураках.

Сам народ, как мы видели, вследствие невежества и разъединения не в состоянии ее формулировать, связать в систему и сплотиться во имя ее. Значит, ему нужны помощники. Откуда же возьмутся эти помощники? Это во всякой революции самый трудный вопрос. До сих пор на целом Западе помощники революции, выходя из привилегированных классов, оказывались почти всегда ее эксплуататорами. И в этом отношении Россия опять-таки счастливее Запада. В России есть огромная масса в одно и то же самое время образованных, мыслящих и лишенных всякого положения, всякой карьеры, всякого выхода ⟨людей⟩: три четверти по кр⟨айней⟩ мере ныне учащейся молодежи находится именно в таком положении. Семинаристы, крестьянские и мещанские дети, дети мелких чиновников и разоренных дворян, ну да что говорить, вы знаете этот мир лучше меня. Принимая народ за революционную армию, вот наш генеральный штаб, вот материал, драгоценный для тайной организации.

Но этот мир надо действительно организовать и *морализировать*. Вы же своею системою его развращаете и готовите в нем себе изменников, народу же эксплуататоров. Вспомните, что во всем этом мире, за исключением малого числа железных, высоко нравственных натур, выработавшихся посреди грязного притеснения и несказанной нужды, по дарвинскому методу,— настоящей нравственности очень немного. Добродетельны, т. е. народолюбивы, они, стоят за всякую справедливость против всякой несправедливости, за всех притесненных против всех притеснителей — только благодаря положению, отнюдь же не по сознанию и по воле. Возьмите вы из этого мира по жребию сотню людей и поставьте их в положение, которое бы позволило им эксплуатировать и притеснять народ,— можно сказать наверное, что они будут его преспокойно эксплуатировать и притеснять. След⟨овательно⟩, самостоятельной добродетели в них мало. Надо, пользуясь их бед-

ственным, помимо воли, их добродетельным положением, постоянною пропагандою и силою организации возбудить, воспитать, укрепить в них и сделать страстно-сознательною эту невольную добродетель. А вы делаете совершенно противное: следуя иезуитской системе, вы систематически убиваете в них всякое челов⟨еческое⟩ личное чувство, всякую личную справедливость — как будто бы чувство и справедливость могли быть безличными,— воспитываете в них ложь, недоверие, шпионство и доносы, рассчитывая гораздо более на внешние путы, которыми вы их связали, чем на их внутреннюю доблесть. Так что стоит только перемениться обстоятельствам, достаточно, чтобы они сознали, что правительственный страх страшнее вашего страха, для того чтобы, воспитанные вами, они сделались отличными правительственными слугами и шпионами. Ведь факт теперь несомненный, мой милый друг, что огромное большинство ваших товарищей, попавших в полицейские руки, без особенного усилия со стороны правительства, *без пыток*, все и всех выдали. Этот грустный факт, если вы только исправимы, д⟨олжен⟩ вам открыть глаза и заставить вас переменить систему.

Как же морализировать этот мир? Возбуждая в нем прямо, сознательно и укрепляя в его уме и сердце единую, всепоглощающую страсть всенародного общечеловеческого освобождения. Это новая, единственная религия, силою которой можно шевелить души и создавать спасительную коллективную силу. Таково должно быть отныне единственное содержание нашей пропаганды. Ближайшая цель ее — создание тайной организации, организации, которая должна в одно и то же время создать народовспомогательную силу и сделаться практическою школою нравственного воспитания для всех членов.

Прежде всего определим ближе цель, значение и назначение этой организации. В моей системе, как я уже несколько раз заметил выше, она не должна составлять революционной армии — у нас должна быть только одна революционная армия — народ,— организация должна быть лишь только штабом этой армии, организатором не своей, а народной силы, посредницею между народным инстинктом и революционною мыслию. А революц⟨ионная⟩ мысль только потому и революционерна, жива, действительна, истинна, что она выражает, и только поскольку она формулирует народные инстинкты, выработанные историею. Стремиться навязать народу *свою* мысль, простую * (?) или чуждую его инстинктам,— значит хотеть поработить его новому государству. Поэтому организация, хотящая искренно только освобождения народной жизни, должна принять программу, которая была бы полнейшим выражением народных стремлений. Мне кажется, что программа, изображенная в первом нумере «Народного дела» [7], вполне соответствует этой цели. Она не навязывает народу никаких новых постановлений, порядков, форм жизни, а только разнуздывает его волю и дает широкий простор его самоопределению и его экономически-социальной организации, которая д⟨олжна⟩ б⟨ыть⟩ создана им самим, снизу вверх, а не сверху вниз. Организация должна нелицемерно проникнуться мыслию, что она слуга, помощник, отнюдь же не повелитель народа, а также и не распорядитель над ним, ни в каком случае и ни под каким предлогом, ни даже под предлогом народного блага.

Организации предстоит огромная задача: не только приготовить торжество революции народной посредством пропаганды и сплочения народных сил; не только разрушить до конца, силою этой революции, весь ныне существующий экономический, социальный и политический порядок вещей; но еще, пережив самое торжество революции, на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было госуд⟨арственной⟩ власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей,— потому что всякая власть, как бы она ни называлась, непременным обр⟨азом⟩ подвергла бы народ старому рабству в новой форме. Поэтому организация наша должна б⟨ыть⟩ довольно крепка и живуча, чтобы пережить первую победу народа,— а это совсем нелегкое дело — должна б⟨ыть⟩ так глубоко проникнута своим началом, что можно было надеяться, что даже посреди самой революции она не изменит ни мыслей, ни характера,

* Так в копии.— *Ред.*

ни направления. В чем же д⟨олжно⟩ будет состоять это направление? Что будет главною целью и задачею организации? *Помочь народу самоопределиться на основании полнейшего равенства и полнейшей и всесторонней человеческой свободы, без малейшего вмешательства какой бы то ни было, даже временной или переходной, власти, т. е. без всякого государственного посредства.*

Мы отъявленные враги всякой *официальной* власти — будь она хоть распреволюционная власть — враги всякой публично признанной диктатуры, мы — социально-революционные анархисты. Но если мы анархисты, спросите вы, каким правом хотим мы и каким способом будем мы действовать на народ? Отвергая всякую власть, какою властью или, вернее, какою силою будем мы сами руководить народную революцию? *Невидимою, никем не признанною и никому не навязывающейся силою, коллективною диктатурою нашей организации, которая будет именно тем могущественнее, чем более она останется незримою и непризнанною, чем более она будет лишена всякого официального права и значения.*

Вообразите себя посреди торжества стихийной революции в России. Государство и вместе с ним все общественно-политические порядки сломаны. Народ везде встал, взял все, что ему понадобилось, и разогнал всех своих супостатов. Нет более ни законов, ни власти. Взбунтовавшийся океан изломал все плотины. Вся эта далеко не однородная, а, напротив, чрезвычайно разнородная масса покрывает необъятное пространство всероссийской империи всероссийским народом; начала жить и действовать из себя, из того, что она есть в с⟨амом⟩ деле, а не из того более, чем ей было приказано быть, везде по-своему — повсеместная анархия. Взбаламученная грязь, которой огромное количество накопилось в народе, всплывает вверх; является на разных пунктах множество новых лиц, смелых, умных, бессовестных и честолюбивых, которые, разумеется, стремятся, каждый по-своему, овладеть народным движением и направить его к своей личной пользе. Люди эти сталкиваются, борются, уничтожают друг друга. Кажется, ужасная и безвыходная анархия.

Но представьте себе посреди этой всенародной анархии тайную организацию, разбросавшую своих членов мелкими группами по целому пространству империи, но тем не менее крепко сплоченную, одушевленную единою мыслию, единою целию, применяемую везде, разумеется, сообразно обстоятельствам и везде действующую по тому же самому единому плану. Эти мелкие группы, никем не знаемые как такие, не имеют никакой официально признанной власти. Но сильные своею мыслию, выражающей самую суть народных инстинктов, хотений и требований, своею ясно сознанною целию, посреди толпы людей, борющихся без всякой цели и без всякого плана, сильные, наконец, тою тесною солидарностью, которая связывает все темные группы в одно органическое целое; сильные умом и энергией членов, составляющих их и успевших создать вокруг себя круг людей, б⟨олее⟩ или м⟨енее⟩ преданных той же мысли и подчиненных, натурально, их влиянию,— эти группы, не ища ничего для себя, ни льгот, ни чести, ни власти, будут в состоянии руководить народное движение наперекор всем честолюбивым лицам, разъединенным и борющимся между собою, и вести его к возможно полному осуществлению социально-экономического идеала и к организации полнейшей народной свободы. Вот что я называю *коллективною диктатурою* тайной организации.

Эта диктатура чиста от всякого корыстолюбия, тщеславия и честолюбия, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ она безлична, невидима и не доставляет ни одному из лиц, составляющих группы, ни самим группам ни выгоды, ни чести, ни официально признанной власти. Она не угрожает свободе народа, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩, лишенная всякого официального характера, она не становится, как государственная власть, над народом и п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ вся ее цель, определенная ее программою, состоит в полнейшем осуществлении народной свободы.

Такая диктатура отнюдь не противна свободному развитию и самоопределению народа, равно как и организации его снизу вверх, сообразно его собственным порядкам и инстинктам, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ она исключительно действует на народ только натуральным личным влиянием своих членов, не облеченных ни малейшею властью, разбросанных невидимою сетью во всех областях, уездах и общинах и в

согласии друг с другом старающихся, каждый на своем месте, направить стихийно-революционное движение народа к общему, наперед сговоренному и твердо определенному плану. Этот план, план организации народной свободы, во-1-х, должен быть довольно твердо и ясно начерчен в своих главных началах и целях, для того чтобы исключить всякую возможность недоразумения и блуда со стороны членов, которые будут призваны содействовать его исполнению. А во-2-х, он д⟨олжен⟩ б⟨ыть⟩ достаточно широк и естественен для того, чтобы обнять и принять в себя все неотвратимые видоизменения, вытекающие из разных обстоятельств, все разнообразные движения, происходящие из разнообразия народной жизни.

Итак, весь вопрос состоит теперь в том, как организовать из элементов, нам доступных и известных, такую тайную коллективную диктатуру и силу, которая могла бы, во-1-х, в настоящее время повести широко народную пропаганду, пропаганду, действительно проникающую в народ, и силою этой пропаганды, а также и *организациею в с⟨амом⟩ народе* совокупить разрозненные силы народа в такое могущество, способное сломать государство, и которая, во-2-х, могла бы сохраниться посреди самой революции, не распалась бы и не изменила бы своему направлению на другой день народной свободы.

Такая организация, в особенности же основное ядро этой организации, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩ составлено из людей с⟨амых⟩ крепких, *с⟨амых⟩ умных и по возможности знающих, т. е. опытно-умных*, самых страстно, непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись, по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на всю жизнь, по самую смерть, от всего, что прельщает людей, от всех материально-общественных удобств и наслаждений и от всех удовлетворений тщеславия, чинолюбия и славолюбия, были бы единственно и всецело поглощены единою страстью всенародного освобождения; людей, которые отказались бы от личного исторического значения при жизни и даже от исторического имени после смерти *.

Такое полное самоотречение возможно только при страсти. Вы не произведете его ни сознанием абсолютного долга ни, еще менее, системою внешнего контролирования, опутывания и принуждения. Только одна страсть м⟨ожет⟩ произвести в человеке такое чудо, такую мощь без усилия. Откуда же берется и как образуется такая страсть в человеке? Она берется из жизни и образуется совокупным действием мысли и жизни; отрицательно, как ненавистный протест против всего существующего и гнетущего; положительно же, в обществе одномыслящих и одинаково чувствующих людей, как коллективное создание нового идеала; причем надо заметить, что эта страсть тогда только действительна и спасительна, когда в ней в одинаковой мере и тесно связаны обе стороны — отрицательная и положительная. Одна отрицательная страсть, ненависть, ничего не создаст; не создаст даже силы, необходимой для разрушения, а след⟨овательно⟩, ничего и не разрушит; одна положительная ничего не разрушит, а т⟨ак⟩ как создание нового невозможно без разрушения старого, также и ничего не создаст, оставаясь всегда доктринерским мечтанием или мечтательным доктринерством.

Страсть глубокая, неискоренимая и непоколебимая страсть, значит, основа всему. В ком ее нет, будь он семи пядей во лбу, будь он человек с⟨амый⟩ честный, тот не в силах будет выдержать до конца борьбы против страшного общественно-политического могущества, нас всех подавляющего, не в силах будет устоять против всех трудностей, невозможностей, а главное, против всех разочарований, которые ожидают и непременно встретят его в этой неравной и ежедневной борьбе; у человека без страсти не будет ни силы, ни веры, ни инициативы, не будет отваги, а без отваги такое дело не делается. Но одной страсти мало, страсть порождает энергию. Но энергия без разумного руководства бесплодна, нелепа. Вместе со страстью необходим поэтому также разум холодный, расчетливый, реальный, практический прежде всего, но вместе теоретический, воспитанный и знанием и опытом, широко объемлющий, но не упускающий также из виду никаких подробностей, способный понимать и различать людей, схватывать действительность, отношения

* В копии против этого абзаца на полях и в тексте два больших вопросительных знака.— *Ред.*

и условия общественной жизни во всех слоях и проявлениях, в их настоящем виде и смысле, а не мечтательно и не произвольно, как это делает довольно часто мой приятель, а именно вы. Потребно, наконец, положительное знание и России, и Европы, и настоящего социального и политического положения и настроения и той и другой.— Значит, самая страсть, оставаясь все-таки и всегда основным элементом, д⟨олжна⟩ руководиться разумом и знанием, должна перестать пороть горячку, не утратив своего внутреннего пламени, своей горячей непреклонности, сделаться холодною и тем сильнейшею страстью.

Вот вам идеал заговорщика, призванного быть членом ядра тайной организации.

Вы спросите: да где же взять таких людей, разве их в России, да и в целой Европе много? В том-то и дело, что в моей системе их совсем не требуется много. Помните, что вам не нужно будет создавать армию, а только штаб революции. Таких людей, уже почти совсем готовых, вы найдете, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, десять, а людей, способных сделаться такими и уже готовящихся ими сделаться, по кр⟨айней⟩ мере человек 50, 60 — и за глаза довольно. Вы сами, по моему глубокому убеждению, несмотря на все промахи, печальные и вредные ошибки, несмотря на отвратительный ряд пошлых и глупых обманов, в которые вас вовлекла только ложная система, отнюдь же не личное честолюбие, тщеславие и корыстолюбие, как многие, слишком многие начинают думать о вас, вы, с которым я буду обязан и решился разойтись, если вы не откажетесь от этой системы,— вы сами принадлежите к числу этих редких людей. *И вот единственная причина моей любви к вам, моей веры в вас, помимо всего — и моей долготерпимости с вами, долготерпимости, которой, однако, пришел конец.* Помимо всех ваших страшных недостатков и недомыслей, я признал и продолжаю признавать в вас человека умного, сильного, энергичного, способного к холодному расчету, хотя по неопытности и по незнанию, и часто ложному разумению, совершенно отрешенного от себя и страстно и всецело преданного и отдавшегося делу народного освобождения. Бросьте вы свою систему, и вы сделаетесь человеком драгоценным; если же не захотите бросить ее, вы сделаетесь, несомненно, деятелем вредным и в высшей степени разрушительным не для государства, а для дела свободы. Но я крепко надеюсь на то, что все последние происшествия в России и за границею открыли вам глаза и что вы захотите, поймете необходимость подать нам руку на искренних основаниях. Тогда, повторю еще, мы вас признаем за драгоценного человека и с радостью признаем вас за своего предводителя по всем русским делам. Но если вы таковы, то, без сомнения, найдутся в России по кр⟨айней⟩ мере десять человек, подобных вам. Если они не отысканы, поищите и найдете и заложите с нами новое общество на следующих основаниях и взаимных условиях:

1) Полное, целостное и страстное признание вышеупомянутой программы в «Нар⟨одном⟩ деле» с тем дополнением и объяснением, которые вам покажутся необходимыми.

2) Равноправность всех членов и их безусловная, абсолютная солидарность — один за всех, все за одного — с обязанностью для всех и для каждого помогать каждому, поддерживать и спасать каждого до последней возможности, поскольку это будет сделать возможно, не подвергая опасности уничтожения существование самого общества.

3) Абсолютная искренность между членами. Изгнание всякого иезуитизма из их отношений, всякого подлого недоверия, коварного контролирования, шпионства и взаимных доносов, отсутствие и положительный строгий запрет всех пересуживаний за спиною. Когда один член имеет что-нибудь сказать против другого члена, тот должен сделать это в общем собрании, в его присутствии. *Общий братский контроль* всех над каждым, контроль отнюдь не привязчивый, не мелочный, а главное, не злостный, должен заменить вашу систему иезуитского контролирования и д⟨олжен⟩ сделаться нравственным воспитанием и опорою для нравственной силы каждого члена; основанием *взаимной братской веры*, на которой зиждется вся внутренняя, а потому и внешняя сила общества.

4) Из общества исключаются все люди слабонервные, боязливые, тщеславные

и честолюбивые. Они могут служить, незнаемо для себя, орудием общества, но отнюдь не д⟨олжны⟩ быть в ядре организации.

5) Вступая в общество, всякий член обрекает себя навсегда на общественную неизвестность и незначительность. Вся энергия и весь ум его принадлежат обществу и д⟨олжны⟩ б⟨ыть⟩ устремлены не на создание себе своей личной общественной силы, а коллективной силы организации. Каждый д⟨олжен⟩ б⟨ыть⟩ убежден, что личное обаяние и бессильно, и бесплодно и что только коллективная сила может повалить общего врага и достигнуть общей положительной цели, поэтому в каждом члене личные страсти должны же мало-помалу замениться коллективною страстью.

6) Личный разум каждого теряется, как река в море, в разуме коллективном, и все члены повинуются безусловно решениям последнего.

7) Все члены равноправны, знают всех товарищей своих и вместе со всеми обсуждают и решают все главные существенные вопросы, касающиеся программы общества, равно как и общего хода дела. Решение общего собрания — абсолютный закон.

8) Каждый член имеет, в сущности, право знать все. Но праздное любопытство исключается из общества, равно как и бесцельные разговоры о делах и действиях тайного общества. Зная общую программу и общее направление дела, ни один член не спрашивает, не старается узнать о подробностях, ненужных для лучшего исполнения той части дела, которая будет специально на него возложена, и без практической нужды не будет говорить ни с одним товарищем о том, что ему поручено делать.

9) Общество из среды своей избирает исполнительный комитет из трех или пяти членов, который, на основании программы и общего плана действия, принятых решением целого общества, д⟨олжен⟩ организовать разветвление общества и руководить его деятельностью во всех областях империи.

10) Комитет этот выбирается бессрочно. Если общество — я буду называть его *Народным братством* — итак, если Нар⟨одное⟩ братство довольно действиями комитета, оно оставляет его на месте, и до тех пор, как он остается на месте, каждый член Народ⟨ного⟩ братства и каждая областная группа должны повиноваться комитету безусловно, исключая тех случаев, когда предписания комитета будут противоречить или общей программе, или основным правилам, или общему революционному плану действий, всем известным, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ все братья равно участвовали при их обсуждении и постановлении.

11) В т⟨аком⟩ случае члены и группы д⟨олжны⟩ приостановить исполнение комитетских предписаний и призвать комитет на суд перед общим *народно-братским* собранием. Если общее собрание недовольно комитетом, оно всегда может заменить его другим комитетом.

12) Всякий член, равно как и всякая группа, м⟨огут⟩ б⟨ыть⟩ судимы общим собранием Нар⟨одного⟩ братства.

13) Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ каждый брат знает все, знает даже личный состав комитета, то принятие нового члена в среду д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩ сопряжено с с⟨амой⟩ большою осторожностью, затруднениями и препятствиями — один плохой выбор м⟨ожет⟩ погубить все. Ни один новый брат не м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ принят иначе, как с согласия всех или по кр⟨айней⟩ мере и никак уже не меньше 3-х четвертей членов всего Народ⟨ного⟩ братства.

14) Комитет распределяет членов братства по областям и составляет из них областные группы или начальства. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, такое начальство, вследствие недостаточного числа членов, будет состоять из одного брата.

15) На областное начальство возлагается обязанность образования 2-ой степени общества — *областного братства* на основании той же программы, тех же правил и того же революционного плана.

16) Все члены *обл⟨астного⟩ братства* знают друг друга, но не знают существования *Народн⟨ого⟩ братства*. Им только известно, что существует *центральный комитет*, который передает им свои предписания для исполнения через *комитет областной*, им же самим, т. е. центр⟨альным⟩ комитетом, установленный.

17) Областной ком⟨итет⟩ состоит, по возможности, только из нар⟨одных⟩ братьев, назначенных и сменяемых Ц. К., но по кр⟨айней⟩ мере из одного нар⟨одного⟩ брата. В т⟨аком⟩ случае этот брат с согласия *Ц. К.* присоединяет к себе 2-х с⟨амых⟩ лучших членов областн⟨ого⟩ братства и составляет с ними вместе *Ком⟨итет⟩ областной*, уж не на равных правах всех членов его, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ *нар⟨одный⟩ брат* только один имеет сообщение с Ц. К., предписания которого он передает своим товарищам обл⟨астного⟩ К⟨омите⟩та.

18) Нар⟨одный⟩ брат или нар⟨одные⟩ братья, находящиеся в области, высматривают в обл⟨астном⟩ братстве людей, способных и достойных б⟨ыть⟩ принятыми в Нар⟨одное⟩ братство, и представляют их через К⟨омитет⟩ общ⟨ему⟩ собранию Нар⟨одного⟩ братства.

19) Всякий обл⟨астной⟩ Ком⟨итет⟩ устанавливает *уездные* комитеты из членов *обл⟨астного⟩ братства*, назначаемых и сменяемых им самим.

20) Уездные комитеты могут, если понадобится, но не иначе как с согласия обл⟨астного⟩ ком⟨итета⟩, основать 3-ю степень организации — *уездное братство*, с программою и регламентами, наиболее приближающимися к общей программе и регламенту Нар⟨одного⟩ братства. Программа и регламент уездного братства не войдут в силу, пока не будут обсуждены и приняты в общем собрании обл⟨астного⟩ братства и не получат подтверждения обл⟨астного⟩ Комитета.

21) Иезуитский контроль, система полицейского опутывания и лжи решительно исключаются из всех 3-х степеней тайной организации: точно так же из уезд⟨ного⟩ и област⟨ного⟩, как и из Народ⟨ного⟩ братства. Сила всего общества, равно как нравственность, верность, энергия и преданность каждого члена, основаны исключительно и всецело на взаимной истине, на взаимной искренности, на в⟨заимном⟩ доверии и на открытом братском контроле всех над каждым.

* * *

Вот вам в главных чертах план общества так, как я его понимаю. Разумеется, этот план д⟨олжен⟩ б⟨ыть⟩ развит, дополнен, иногда видоизменен сообразно обстоятельствам и характеру среды и определен гораздо яснее. Но я убежден, что сущность его д⟨олжна⟩ остаться, если вы хотите создать действительную коллективную силу, способную служить делу народного освобождения, а не новую эксплуатацию народа.

Система опутывания и иезуитской лжи из этого плана исключены совершенно как вредные, расторгающие и развращающие начала и средства. Но исключены также и парламентская болтовня, и тщеславная суетливость и сохранена строгая дисциплина всех членов в отношении к комитетам и всех частных комитетов в отношении к Ц. К. Суд и контроль над членами принадлежит братствам, а не комитетам. Но вся исполнительная власть в руках комитетов. Суд же над комитетами, не исключая Центр⟨ального⟩, принадлежит лишь одному Нар⟨одному⟩ братству.

Нар⟨одное⟩ братство, по моему плану, никогда не будет заключать в себе более 50—70 членов. Сначала, пожалуй, оно будет состоять из 10 человек, даже менее, и будет медленно расширяться, принимая в свою среду человека за человеком, подвергая каждого предварительно с⟨амому⟩ строгому, с⟨амому⟩ тщательному изучению, и если будет возможно, принимать его не иначе, как по единодушному решению всех членов Нар⟨одного⟩ братства или же никак не менее $^3/_4$ братства. Не м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, чтобы в продолжение года, 2—3-х лет не нашлось 30 или 40 человек, способных быть нар⟨одными⟩ братьями.

Итак, вообразите себе Нар⟨одное⟩ братство для целой России, состоящее из 40, много из 70 членов. Потом несколько сотен членов 2-хстепенной организации братьев областных, и вы покроете действительной могучею сетью целую Россию. Штаб ваш создан, и, как сказано, в нем приготовлены, вместе с строгою осторожностью и с исключением всей болтовни и всех тщеславно-пустозвонных парламентских прений, истина, искренность и взаимное доверие, действительная солидарность как едино морализирующие и соединяющие элементы.

Все общество составляет одно тело и прочно связанное целое, предводительствуемое Ц. К. и ведущее непрестанную подземную борьбу против правительства

AU NOM

DE SON ALTESSE SÉRÉNISSIME

LE PRIHOE DE SERBIE

MILAN M. OBRÉNOVITCH IV.

ET PAR ORDRE DE LA RÉGENCE PRINCIÈRE.

Signalement.

Nous Ministre au Département des affaires étrangères

Prions les autorités civiles et militaires des pays étrangers de laisser passer librement Mr Stephan Grozdanovic, habitant de Belgrade, allant en Autriche et en Roumanie et de lui donner aide et protection en cas de besoin.

Le présent passeport est valable pour deux ans

Délivré par l'Agent de Serbie en Roumanie

ФАЛЬШИВЫЙ ПАСПОРТ НЕЧАЕВА

Выдан на имя сербского гражданина Стефана Грозданова

Бухарест, 19 ноября 1869 г.

Из книги: «Archives Bakounine», vol. IV. Leiden, 1971

и против других обществ, или ему враждебных, или даже действующих вне его. А где война, там политика, там поневоле является необходимость насилия, хитрости и обмана.

Общества *, близкие по цели к нашему обществу, должны быть принуждены к слитью с ним или, по меньшей мере, должны быть подчинены ему, без своего ведома и с удалением из них всех вредных личностей; общества противные и положительно вредные должны быть расторгнуты — правительство, наконец, уничтожено. Всего этого одною пропагандою истины не сделаешь — необходима хитрость, дипломатия, обман. Тут место и иезуитизму, и даже опутыванию; опутывание — необходимое и великолепное средство для того, чтобы деморализировать ** и уничтожить врага; ⟨отнюдь не⟩ *** полезное средство для того, чтобы приобресть и привлечь к себе нового друга.

Итак, в основании всей нашей деятельности должен лежать этот простой закон: правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении ⟨к⟩ каждому человеку, который способен быть и которого вы бы желали сделать братом; ложь, хитрость, опутывания, а по необходимости и насилие, в отношении к врагам. Таким образом, вы будете морализировать, укреплять, теснее связывать своих и расторгать связи и разрушать силы других.

Вы же, мой милый друг, — и в этом состоит ваша главная, громадная ошибка — вы увлеклись системою Лойолы и Макиавеля, из которых первый предполагал обратить в рабство целое человечество, а другой — создать могущественное государство, все равно — монархическое или республиканское, след⟨овательно⟩ — также народное рабство, — влюбившись в полицейски-иезуитские начала и приемы, вздумали основать на них свою собственную организацию, свою тайную коллективную силу, так сказать, душу и думу всего вашего общества, — вследствие чего поступаете с друзьями, как с врагами, хитрите с ними, лжете, стараетесь их разрознить, даже поссорить между собою, дабы они не могли соединиться против вашей опеки, ищущей силы не в их соединении, а разъединении, и не доверяя им нисколько, стараетесь заручиться против них фактами, письмами, нередко вами без права прочтенными или даже уворованными, и вообще их всеми возможными способами опутать так, чтобы они были в рабской зависимости у вас. И к тому же вы делаете это так неуклюже, так ⟨. . .⟩, так неловко и неосторожно ****, так опрометчиво и необдуманно, что все ваши обманы, коварства и хитрости в самое

* Отсюда — копия рукою Н. А. Герцен; абзац отчеркнут, на полях знак NB ее же рукою.— *Ред.*

** В копии ошибочно: *характеризировать.*

*** По просьбе Бакунина Семен Серебренников прибавил после в другой копии слова «отнюдь не», которые совершенно изменяют смысл этой фразы. В оригинале этих слов нет.— *Прим. Н. А. Герцен* [8].

**** В копии ошибочно: *неоспоримо.*

короткое время выходят наружу. Вы так влюбились в иезуитизм, что забыли все другое, забыли даже ту цель, то страстное желание народного освобождения, которые привели вас к нему. Вы так влюбились в иезуитизм, что готовы проповедовать необходимость его всякому, даже Жуковскому, хотели даже печатать о нем, наполнить его теориями «Колокол» — как бы в пословицу Суворова: «Помилуй бог, тот не хитер, про которого все знают, что он хитер». Одним словом, вы стали играть в иезуитизм, как ребенок в цацку, как Утин в революцию.

Посмотрим же теперь, чего вы достигли и что успели сделать в Женеве, благодаря вашей иезуитской системе. Вам отдали Бахметьевский фонд. Вот единственный существенный результат, достигнутый вами. Но Огарев вам отдал его, и ⟨я⟩ горячо советовал отдать его вам не потому, что Вы иезуитничали с ним, а потому, что мы оба, помимо вашего далеко не мудреного иезуитизма, чувствовали и признали в вас человека, глубоко, горячо и серьезно преданного русскому делу. Но, знаете ли,— это с моей стороны горькое признание — я почти начинаю каяться в том, что советовал Огареву отдать вам фонд — не потому, чтобы я мог подумать, чтобы вы могли употребить его бесчестно, в свою личную пользу,— от такой подлой и просто нелепой мысли все святые меня упаси, и хоть убили ⟨бы⟩ меня, я никогда не ⟨по⟩верю, чтобы вы употребили хоть один лишний грош на себя,— нет, я начинаю каяться в том, потому что, глядя на все ваши действия, я перестал верить в вашу политическую зрелость, в серьезность и действительность вашего Комитета и всего общества вашего. Сумма небольшая, но единственная, и она пропадет даром, бесполезно, бесследно, в безумных и невозможных усилиях.

А с этою небольшою суммою в руках и с помощью небольшого числа людей, встретивших вас с полною искренностью и изъявивших вам готовность служить общему делу, без всяких требований и претензий, без тщеславия и честолюбия, вы могли сделать много полезного в Женеве — могли создать орган серьезный, с откровенною социально-революционною программою, и при нем заграничное бюро для ведения русских дел вне России и в известном, хотя и не абсолютном, но положительном ⟨. ..⟩ ему. С этой целью ваш Комитет, т. е. вы, приглашали меня в первый раз в Женеву. И что ж я нашел в Женеве? Во-первых, исковерканную программу «Колокола», от которого Комитет и вы требовали просто нелепости, невозможности. Знаете ли, что я не могу простить себе слабости, побудившей уступить вам в этом вопросе,— мне приходится отвечать за этот несчастный «Колокол» и за солидарность с вами вообще перед всеми моими интернациональными друзьями, благодаря, с одной стороны, Утину, а с другой — Жуковскому, из которых первый злостно, а другой добродушно клевещут на меня и на вас.

Кстати о Жуковском. Вы на нем показали ваше совершенное незнание, непонимание людей и вашу неспособность привлекать их прямым, честным, т. е. крепким, способом к вашему делу. Зная его отлично, я вам подробно описал его характер, его способности и неспособности, так что вам должно было быть не трудно поставить его в серьезное отношение с вами. Я вам описал его как человека очень доброго, способного, далеко не глупого, хотя и без всякой инициативы в уме, но принимающего все мысли из второй руки и способного их популяризировать или разбалтывать довольно красноречиво, не столько на бумаге, сколько в разговоре, артистически впечатлительного, довольно упорно преданного известному направлению, но бесхарактерного в том смысле, что он опасностей не любит, перед сильным противоречием ⟨. . .⟩ и легко поддается самым разнообразным влияниям. Одним словом, как человека весьма способного служить проводником пропаганды, но отнюдь не способного быть членом тайного общества. Вы должны бы были поверить мне, но не поверили, и вместо того, чтобы привлечь Жуковского к нашему делу,— оттолкнули его от себя и от меня. Вы старались его завербовать, опутать и, опутав, сделать своим рабом. Для этого вы стали бранить меня, смеяться надо мной,— а в Жуковском есть инстинкт честности, который взбунтовался. Он мне рассказал все, что вы ему обо мне говорили, рассказал с негодованием, с омерзением, и если бы я был посамолюбивее и послабее, этого могло бы быть достаточно, чтобы разорвать мою связь с вами. Вы помните, я довольствовался тем, что повторил вам все слова Жуковского, без примечаний, но верно —

вы не отвечали ничего, и я не считал нужным продолжать далее этот разговор.— Потом вы стали излагать Жуков‹скому› свои заветные теории государственно-коммунистические и полицейско-иезуитские и тем окончательно оттолкнули его от себя. Наконец, произошла эта несчастная сплетня Генриха [9], и Жуковский сделался вашим отъявленным и непримиримым врагом, врагом не только вашим, но чуть ли также и не моим. А он мог бы, несмотря на все свои слабости, быть полезным.

Признаюсь также, мой милый друг, что вся ваша система магнетизирования, опутывания и запутывания Таты мне чрезвычайно не нравилась — я только раз высказал вам все; вышло то, что вы в ней поселили глубокое недоверие к нам всем и убеждение, что вы и я намерены эксплуатировать ‹ее› денежные средства, эксплуатировать, разумеется, не для дела, а для себя. Тата, в глубоком смысле этого слова, честный и правдивый человек, лишенная, мне кажется, способности отдать себя всецело кому или чему бы то ни было, поэтому дилетант, если не по натуре, то по воспитанию,— дилетант и в умственном и нравственном отношении, но на честное слово которой можно положиться и которая может сделаться, если не нашим другом, то верным приятелем. С ней надо было поступать прямо и честно и не прибегая к тем ухищрениям, в которых вы думаете найти свою силу, но в которых проявляется именно ваша слабость. До тех пор, пока я полагал возможным и полезным говорить с ней прямо, откровенно, действуя на ее свободное убеждение, я делал это. Далее я с вами идти не хотел, мне это было противно. И лишь только я услышал от вас, что Наталья Алексеевна клевещет на меня, утверждая, что я имею виды на карман Таты, и увидел, что сама Тата недоумевает, не зная, справедливо ли это или нет, я решительно от нее оттолкнулся.

А кстати, вы мне утверждали несколько раз, что вы слышали от самой Таты, что Наталья Алексеевна и Тхоржевский везде кричат, всем говорят и пишут, что я хочу эксплуатировать денежные средства Таты. Наталья Алексеевна и Тхоржевский утверждают, напротив, что они никогда и никому этого не писали и не говорили,— и сама Тата подтвердила мне то же самое. В последнюю бытность в Женеве, вы мне сказали, что вы слышали от Серебренникова, что Жуковский говорил ему, Серебренникову (Семену), что я эксплуатирую Тату. Я спрашивал Серебренникова и узнал от него, что Жуковский говорил это не о мне, а о вас. Вы мне рассказывали также, что жена Жуковского уговаривала вас присоединиться к Утину, уверяя, что соединение со мной бесполезно, невозможно, вредно. Она говорила напротив: обо мне с вами не говорила; к Утину, с которым она сама разошлась более или менее, вас не звала, и что не она, а вы ей предложили искать средства для соединения, и что она ждала от вас этих средств.

Вы* видите, сколько ненужной глупой лжи и как она легко выходит наружу. Да, признаюсь, что уж первый приезд мой в Женеву уже сильно разочаровал меня и пошатнул мою веру в возможность крепкой связи и дела с вами. К тому же о деле, для которого я, собственно, был призван и единственно для которого я приехал в Женеву, между нами не было сказано ни одного дельного слова. Я несколько раз начинал разговор о заграничном бюро, вы избегали его, все ждали какого-то окончательного ответа от Комитета, который никогда не приходил. Я, наконец, уехал, написав через вас Комитету письмо, в котором требовал ясного определения и изложения дела, к которому был призван, и с твердым решением не возвращаться в Женеву, прежде чем не получу от него удовлетворительного ответа [10].

В мае вы опять стали вызывать меня в Женеву. Несколько раз я отказывался ехать, наконец поехал. Последняя поездка утвердила во мне все сомнения и совершенно потрясла мою веру в честность, в правдивость вашего слова. Ваш разговор с Лопатиным в моем присутствии, в самый вечер моего приезда, его прямые, резкие обвинения, высказанные вам в глаза с тоном уверенности, которая не допускает даже возможности сомнения в истине их слов,— слов, делавших все ваши слова ложью,— его прямое отрицание всех подробностей рассказа, напечатанного вами о вашем бегстве, его прямые обвинения против самых близких дру-

* Отсюда — копия рукою С. Серебренникова.— *Ред.*

зей ваших, обвинения в подлой и даже глупой измене перед следственною комиссиею, обвинение не голословное, но основанное на их письменных показаниях, которые, по его уверению, подтвержденному мне потом вами самим, он имел случай читать; особенно выраженное им презрение к поступкам и проделкам и совершенно ненужным доносам Прыжова * [11], о котором вы мне везде говорили, как об одном из лучших и крепких друзей ваших. Наконец, прямое и решительное отрицание его существования вашего Комитета, высказанное им такими словами: «Н⟨ечае⟩в мог рассказывать это вам, живущим вне России. Но он не попробует повторить все это вам в моем присутствии, зная очень хорошо, что мне известны все кружки, все люди и все отношения и факты в России. Вы видите, что он молчанием своим подтверждает истину всего того, что я говорю и о его бегстве, которого малейшие обстоятельства и подробности, как он сам знает, мне слишком хорошо известны, а также и о его друзьях, и о его мнимом Комитете» — и вы действительно на все это отвечали молчанием и не попробовали даже защищать не только себя, но даже ни одного из друзей ваших, ни даже действительность существования вашего Комитета.

Он торжествовал, вы перед ним пасовали. Я не могу вам выразить, мой милый друг, как мне было тяжело за вас и за самого себя. Я не мог более сомневаться в истине слов Лопатина. Значит, вы нам систематически лгали. Значит, все ваше дело проникло протухшею ложью, было основано на песке. Значит, ваш Комитет — это вы, вы, по крайней мере, на три четверти, с хвостом, состоящим из двух, 3—4 человек, вам подчиненных или действующих, по крайней мере, под вашим преобладающим влиянием. Значит, все дело, которому вы так всецело отдали свою жизнь, лопнуло, рассеялось, как дым, вследствие ложного глупого направления, вследствие вашей иезуитской системы, развратившей вас самих и еще более ваших друзей. Я вас глубоко любил и до сих пор люблю, Н⟨ечае⟩в, я крепко, слишком крепко в вас верил, и видеть вас в таком положении, в таком унижении перед говоруном Лопатиным было для меня невыразимо горько.

Мне было тяжко и за себя также. Увлеченный верою в вас, я отдал вам свое имя и публично связал себя с вашим делом. Я всеми силами старался укрепить в Огареве симпатию к вам и веру в ваше дело. Я постоянно советовал ему отдать вам весь фонд. Я привлек к вам Озерова и употребил все усилия, чтобы убедить Тату соединиться с нами, т. е. с вами, и отдаться вполне вашему делу. Наконец, против своего лучшего убеждения, я уговорил Огарева согласиться на издание «Колокола» по выдуманной вами дикой, невозможной программе. Одним словом, веря в вас безусловно в то время, как вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком — это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет — хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и к интернациональному делу.

Когда Лопатин ушел, я вас спросил: неужели он говорил правду, неужели все, что вы мне говорили, была ложь? Вы избегали ответа. Было поздно, я ушел. Все разговоры и переговоры с Лопатиным на другой день окончательно убедили меня в том, что Л⟨опати⟩н говорил правду. Вы молчали; я ждал результата вашего последнего разговора с Л⟨опати⟩ным; вы мне его не сказали; но я узнал его теперь из письма Л⟨опати⟩на, которое вам будет прочтено Озеровым [12].

Того, что я узнал, было для меня достаточно для того, чтобы принять меры против дальнейшего эксплуатирования себя и друзей моих вами, вследствие чего я написал вам ультиматум, который наскоро прочитал вам у Турок [13] и который вы, казалось, приняли.— С тех пор мы с вами не видались.

Наконец я получил 3-го дня письмо от Лопатина, из которого узнал два весьма грустные факта: во-1-х, вы (не хочу употреблять прилагательных), вы солгали, передавая мне ваш разговор с Л⟨опати⟩ным. Все, что вы мне передали из слов, будто бы сказанных им — чистая ложь. Он не говорил вам, что я отдал ему письма Любавина: «Старик не выдержал, теперь он в наших руках, теперь он ничего против нас сделать не может, а мы всё...»; на что вы будто бы отвечали ему: «Если

* В копии ошибочно: *Крыжова*.

Б⟨акуни⟩н имел слабость отдать вам письма Любавина, то у нас есть еще другие письма — и т. д.». Вы солгали, вы наклеветали на Л⟨опати⟩на, вы сознательно надули меня; Лопатин удивляется, что я вам поверил и в учтивой форме выводит ⟨из⟩ этого факта заключение, не совсем выгодное для моих умственных способностей. Он прав, в этом случае я оказался круглым дураком. Но он судил бы обо мне не так строго, если ⟨бы⟩ он знал как глубоко, как страстно, как нежно я вас любил и вам верил! Вы умели, нашли полезным убить во мне эту веру, тем хуже для вас. К тому же мог ли я подумать, чтобы человек умный и преданный делу, каким вы остаетесь в моих глазах до сих пор и несмотря на все случившееся,— мог ли я подумать, чтобы вы могли так нагло и так глупо лгать передо мною *, в преданности которого вы не могли сомневаться? Как вам не пришла мысль, что вам ваша наглая ложь выйдет наружу и что я потребую, что я должен был требовать объяснения у Л⟨опати⟩на, тем более что в моем ультиматуме было ясно высказано требование приведения в полную ясность дела с Любавиным.

Другой ** *факт*: Любавин не получил моего ответа на его дерзкое письмо, не получил, поэтому, также и расписки, приложенной мною к этому ответу. Когда я показал вам свой ответ и расписку, вы просили меня помедлить и не посылать их. Я не согласился, тогда вы взялись бросить их на почту и не бросили [14].

* * *

Всего этого довольно, Нечаев,— старые отношения и взаимные обязательства наши кончились. Вы сами разрушили их. Если думали и думаете, что вы связали, опутали меня в нравственном и в материальном отношении, то вы ошибаетесь жестоко. Ничто в мире не может связать меня против моей совести, против моей чести, против моей воли, против моего революционного разумения и долга.

Правда, что в финансовом отношении я, благодаря вам, нахожусь теперь в положении самом тяжелом. Средств к жизни нет, и единственный источник доходов, перевод Маркса и сопряженная с ним надежда на другие литературные работы — теперь для меня иссяк. Я сижу на мели — и не знаю, как снимусь с нее, но это последнее дело.

Правда, что я компрометировал друзей и компрометирован перед ними; правда, что на меня сыплются клеветы по поводу фонда, по поводу Любавинской истории, по поводу Таты и, наконец, по поводу всех последних происшествий в России.

Но все это не остановит меня; в случае крайней нужды, я готов принесть публичное признание и покаяние в своей глупости, от которой мне, разумеется, будет очень стыдно, но от которой еще менее поздоровится вам — но невольным союзником вашим не останусь.

Итак я объявляю вам решительно, что все до сих ⟨пор⟩ прочные отношения мои с вами и с вашим делом разорваны. *Но разрывая их, я предлагаю вам новые отношения на иных основаниях.*

Лопатин, не знающий вас так, как я вас знаю, удивился бы такому предложению *** с моей стороны, после всего, что между нами случилось. Вы не удивитесь, ни близкие друзья мои не удивятся также.

Не подлежит сомнению, что вы наделали много глупостей и много гадостей, положительно вредных и разрушительных для самого дела. Но несомненно для меня также и то, что все ваши нелепые поступки и страшные промахи имели источником не ваши личные интересы, не корыстолюбие, не славолюбие и не честолюбие, а единственно только ложное понимание дела. Вы страстно преданный человек; вы — каких мало; в этом ваша сила, ваша доблесть, ваше право. Вы и Комитет ваш, если последний, действительно, существует, полны энергии и готовности делать без фраз все, что вы считаете полезным для дела,— это драгоценно. Но ни в Комитете вашем, ни в вас нет разума — это теперь несомненно. Вы, как дети, схватились за ⟨. . .⟩ иезуитскую систему, и, увидев в ней всю силу вашу,

* В оригинале, должно быть, пропущено слово «лгать».— *Прим. Н. А. Герцен.*
** Отсюда — копия рукою Н. А. Герцен.— *Ред.*
*** В копии ошибочно: *предположению.*

успех и спасение, позабыли в ней даже самую суть и цель общества: освобождение народа не только от правительства, но и от вас самих. Приняв эту систему, вы довели её до уродливо-глупой крайности, развратили ею себя и опозорили ею общество на весь мир рядом белыми нитками шитых хитростей и непроходимых глупостей, подобных вашим грозным * письмам к Любавину, к Наталье Алексеевне, ‹. . .› шедших с вашею любезною долготерпеливостью с Утиным, с вашими заискиваниями у него, в то время, как он громко, нахально клеветал на нас всех; подобных вашей глупой коммунистической программе и целому ряду бесстыдных обманов. Все это доказывает огромное отсутствие разума, знания и понимания людей, отношений и вещей. Значит, на ваш разум, по крайней мере теперь, положиться невозможно, несмотря на то, что вы — человек чрезвычайно умный и способный к далекому развитию,— но это дает надежду на будущее, в настоящем вы оказались неловки и нелепы, как мальчик.

Убедившись окончательно в этом, я нахожусь теперь в следующем положении.

Вашим словам, вашим голословным уверениям и обещаниям, без подтверждения фактами, я теперь решительно не верю, зная, что вам ничего не стоит солгать, если это вам покажется полезным для дела. Не верю тоже в справедливость или разумность того, что вам показаться может, потому что вы и Комитет ваш дали мне слишком много доказательств своей положительной неразумности. Но, отрицая вашу правдивость и вашу разумность, я не только не отрицаю вашей энергии и вашей безусловной преданности делу, но думаю, что в отношении к ней и другой мало найдется в России людей, равных вам; это, повторяю вам еще раз, было главною, да единственною основою моей любви к вам и моей веры в вас — и до сих пор остается в моем убеждении залогом того, что вы, более всех других мне знакомых русских людей, способны и призваны служить революционному делу в России — разумеется, только под тем условием, что вы захотите и сможете переменить всю систему своих действий в России и за границей. Если же вы не захотите переменить ее, вы, именно вследствие этих качеств, составляющих вашу силу, сделаетесь непременно человеком в высшей степени вредным для дела.

Вследствие всех этих соображений и несмотря на все, происшедшее между нами, я желал бы не только остаться в соединении с вами, но соединиться еще теснее и крепче с вами, разумеется, в том предположении, что вы решительно перемените систему и положите в основание всех наших будущих отношений взаимное доверие, искренность и правду. В противном случае наш разрыв неминуем.

Теперь вот мои условия, личные и общие. Назову прежде личные:

1) Вы выгородите и очистите меня совершенно в Любавинской истории, написав общее письмо к Огареву, Тате, Озерову и С. Серебренникову, в котором вы, сообразно истине, объявите, что я о письме Комитета ничего не знал и что оно написано помимо моего знания и воли.

2) Что вы читали мой ответ Любавину с прилагаемой к нему распиской в 300 руб. и, взявшись его отправить, бросили или не бросили на почту.

3) Что я никогда не имел ни прямого, ни косвенного вмешательства в распоряжение Бахметьевского фонда. Что вы получили весь фонд в разные времена; сначала из рук Герцена ** и Огарева, а остальную бóльшую часть из рук Огарева, который, по смерти Герцена, один имел право им распоряжаться, и что вы приняли этот фонд от имени Комитета, которого вы были распорядителем.

4) Если вы не дали еще Огареву расписки в получении этого фонда, то должны дать ее.

5) Вы должны возвратить, в наискорейшее время, записку Даниельсона через нас и через Лопатина. Если она не в ваших руках (а я уверен, что она в ваших руках), вы в том же письме должны взять обязательство доставить ее нам в самое короткое время.

6) Вы бросите ни к чему не ведущие, а напротив — недостойные, а для дела — положительно вредные попытки сближения и примирения с Утиным, клевещущим

---

* Далее зачеркнуто: *угрозам.*

** Совсем неверно. — *Прим. Н. А. Герцен.*

на нас обоих и на все ваше в России самым гнусным образом, а напротив — обяжетесь, выбрав час и удобный случай, чтоб не повредить делу, повести против него войну открыто.

Вот вам мои личные условия; отказ в одном из них — а особливо в пяти первых и в первой половине шестого, т. е. разрыв всяких отношений с Утиным,— будет для меня достаточным поводом для того, чтоб разорвать все сношения с вами. И все это должно быть сделано вами широко, прямо, честно, без малейших недоразумений, <. . .>, недомолвок, намеков и экивоков. Пора нам играть в игру открытую.

Теперь вот общие условия:

1) Не называя нам * ваших имен, которые нам не нужны, вы покажете нам настоящее положение вашей организации и дела в России, ваших надежд, вашей пропаганды, ваших движений, без преувеличения и обмана.

2) Вы извергнете из вашей организации всякое <применение **> полицейски-иезуитской системы, довольствуясь ее применять, и только в мере самой строгой практической необходимости, а главное, разума, только в отношениях к правительству и ко враждебным партиям.

3) Вы бросите нелепую мысль, что можно совершить революцию вне народа и без участия народа, и примете в основание всей вашей организации стихийную народную революцию, в которой народ будет армией, а организация только штабом.

4) Вы примете в основание организации социально-революционную программу, изложенную в первом номере «Народного дела», план организации и революционной, революционерной пропаганды, изложенный мною в моем письме, с теми дополнениями и видоизменениями, которые в общем собрании мы сообща найдем необходимыми.

5) Все, постановленное нашим общим обсуждением и единодушным решением, будет предложено вами всем вашим друзьям в России и за границей. Если они отвергнут наши постановления, вы должны будете решить сами, хотите ли вы идти с ними или с нами, разорвать свою связь с нами или с ними.

6) Если они примут выработанные нами программу, план организации, регламент общества и план пропаганды и революционного действия, вы от их и от своего имени дадите нам руку и честное слово, что отселе эта программа, план организации, пропаганды и действий станут абсолютным законом и непременною основою для всего общества в России.

7) Мы вам поверим и на новом основании завяжем с вами новую, крепкую связь — Огарев, Озеров, С. Серебренников и я, а пожалуй, и Тата, если она захочет; и если вы и все другие согласитесь, мы будем по праву народными братьями — живущими и действующими за границей; поэтому, никогда не изъявляя никакого лишнего любопытства, будем иметь право знать и будем действовать <и> знать положительным образом, со всеми нужными подробностями, положение конспирационных дел и ближайших целей в России.

8) Затем мы все, вышеупомянутые, образуем заграничное бюро для ведения без исключения всех русских дел за границей, сообразуясь с общими указаниями политики в России, но выбирая свободно способы, людей и средства.

9) При этом будет издаваться «Колокол», с явною революционною социалистическою программою, если это окажется необходимым и если на это будут денежные средства.

Вот вам мои условия, Нечаев. Если уж <благоразумие ***>, дух трезвого понимания дела сошел на вас и если любовь к делу действительно сильнее в вас, чем все другое,— то вы их примете.

А если не примете — решение мое непреклонно, я должен буду разорвать всякую связь с вами и, не сообразуясь более ни с чем, кроме собственной совести, своего понимания и долга, буду действовать самостоятельно.

М. Бакунин

---

* В копии ошибочно: *вам*.

** В копии ошибочно: *примечание*.

*** В копии ошибочно: *слепоразумие*.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.8, с копии, сделанной Н. А. Герцен и С. Серебренниковым (*BN*).

[1] Имеется в виду прокламация Бакунина «К офицерам русской армии» (Женева, январь 1870 г.).

[2] Указав, что был знаком с четырьмя петрашевцами, Бакунин назвал по именам только трех: М. В. Петрашевского (1821—1868), Ф. Н. Львова (1823—1885) и Ф. Г. Толя (1823—1867). Четвертым был Н. А. Спешнев (1821—1882) — см. об этом: Н. Пирумова. Бакунин. М., 1970, с. 158—161.

[3] Андрей Афанасьевич *Потебня* (1838—1863) — глава революционной организации русских офицеров в Польше, член «Земли и воли», погиб во время польского восстания 1863 г.

[4] Упоминание имен Бабёфа и Марата здесь не случайно: они не раз, очевидно, фигурировали в рассуждениях Нечаева, в частности при обсуждении направления «Колокола». Об этом свидетельствует вставка имен Бабёфа и Марата на полях той страницы дневника Н. А. Герцен, где рассказано о дискуссиях по этому вопросу (см. с. 502).

[5] Письма Бакунина к «Комитету» и Нечаеву, о которых здесь идет речь, неизвестны. Они были написаны еще до его последнего, майского приезда в Женеву, что доказывает его письмо Огареву от 20 мая (Письма М. А. Бакунина, с. 281). Приехав же вслед за тем в Женеву, он передал Нечаеву еще один «ультиматум» (см. ниже в данном письме и прим. 13 к нему).

[6] «Постановка революционного вопроса» — прокламация Бакунина, напечатанная в ходе агитационной кампании 1869 г., в конце апреля или в начале мая. «Вопль» против нее, помимо возражений Герцена,— «запрос» Герцену, Огареву и Бакунину, напечатанный в № 7—10 «Народного дела» в ноябре 1869 г.

[7] Бакунин имеет в виду опубликованную в № 1 «Народного дела» за 1868 г. статью «Наша программа», принадлежащую перу Н. И. Жуковского.

[8] Н. А. Герцен ошибается в этом примечании: пропуск Бакуниным этих слов в письме (очевидно, по ошибке) искажал его мысль о двойном значении «опутывания» — допустимости его по отношению к врагам и недопустимости в отношениях с соратниками.

[9] Генрихом Бакунин называл Генри Сетерленда. О какой сплетне, переданной им Жуковскому, идет речь, установить не удалось.

[10] См. прим. 5.

[11] Иван Гаврилович *Прыжов* (1827—1885) — историк, этнограф и публицист, член «Народной расправы», участник убийства И. Иванова. Опубликованные показания Прыжова на следствии не подтверждают дошедший до Лопатина слух о его «доносах». Биограф Прыжова пишет: «Прыжов подтверждал только то, что никак не мог отрицать и что было следователям известно и помимо него из найденных при обысках документов и показаний других арестованных» (М. Альтман. И. Г. Прыжов.— «Каторга и ссылка», 1932, № 6, с. 88).

[12] См. письмо Лопатина к Бакунину от 26 мая (п. 34).

[13] Эпизод с прочтением «ультиматума» «наскоро у Турок» косвенно освещен в воспоминаниях Н. А. Герцен, где она рассказала, как сопровождала прятавшегося в ее квартире Нечаева на тайное вечернее свидание с Бакуниным, прибавляя: «Я решительно не знала, где мы были, и только через несколько лет мне рассказывали, что в старые времена в этой вилле жила какая-то турецкая компания» («Лит. наследство», т. 63, с. 495—496).

[14] Речь идет все о той же расписке Бакунина в получении аванса за перевод «Капитала» (аванс составлял 300 фр.— Письма М. А. Бакунина, с. 247).

44

С. Г. Нечаев — С. И. Серебренникову

〈Монтей. 3—4 июня 1870 г.〉 *[1].

Нехорошо, что до сих пор ничего не опубликовано из твоего дела. Во французских газетах (напр., «*Liberté*») начинают появляться искажения [2]. Если швейцарское правительство предупредит своим заявлением — конечно, в ложном свете,— тогда будет плохо, пропадет вся цель, и публика будет предупреждена.

Скорей пиши сам в «Volkstaat», в «Volkswille» [3] и прочее и проси перевесть на французский Наталью Алексеевну, да пусть будет послан перевод в Англию (она знает, кому). Главное, брат, не надейся на других. Это совсем плохо, никогда такие надежды не оправдываются. Не теряй времени напрасно, печатай у Чернецкого в форме бюллетеня по-французски и вели Озерову разослать во все редакции журналов, куда посылался «Колокол».

Относительно фонда твои предложения никуда не годятся. Не только какую-нибудь квитанцию от Комитета, но и говорить тебе об этом не следует ни с кем. Поступив по-твоему, значит дать знать эмиграции, а стало, и всему миру, что тайное общество в Р〈оссии〉 еще существует, тогда как теперешнее положение на-

* Помета С. И. Серебренникова: *Получ〈ено〉 31 мая или 1 июня.*

ших друзей (уцелевших от погрома) требует, чтобы правительство и обыкновенная публика думали, что уже все раскрыто и все схвачены, что в Р〈оссии〉 более ничего не существует.

Хозяин фонда — Огарев; он должен (в случае крайней надобности) заявить, что деньги, вверенные ему и покойному Герцену для русской пропаганды, находятся у него и что не считает нужным кому-либо давать отчет *преждевременно*. А о том, что сумма передана в Комитет, не должно и толковать. Растолкуй это Огареву — вместе с Озеровым, если сочтешь нужным (я не думаю, чтоб было необходимо).

По глупости Ц〈ампери〉ни я оставался в полной неизвестности в течение 10 дней; не получая ни писем, ни известий, я чуть было не собрался вчера к вам.

Молодая Наталья знает мой адрес. Пусть пересылает твои ко мне письма прямо, не передавая Ц〈ампери〉ни.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.54, с автографа *BN*.

[1] Ответ на письмо С. И. Серебренникова от 2 июня 1870 г. (см. п. 42). Помета С. Серебренникова сделана, несомненно, позднее и содержит неточные даты.

[2] «Liberté» — ежедневная вечерняя парижская газета, во главе которой в 1870 г. стоял Эмиль Жирарден. В номере от 25 мая в рубрике «Новости дня» в ней было помещено следующее сообщение: «Швейцария. Берн, 23 мая. В связи с тем, что Россия вновь потребовала выдачи Нечаева, обвиняемого в заговоре против русского императора, в Женеве был арестован некий человек под этим именем; но он был освобожден, так как идентичность его не подтвердилась». Вероятно, говоря об «искажениях», Нечаев имеет в виду упомянутое в этой корреспонденции обвинение его в «заговоре».

[3] «Volksstaat» — лейпцигская газета, выходившая под редакцией Вильгельма Либкнехта; «Volkswille» — венский еженедельник, орган австрийской социал-демократии.

45

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

〈Женева. Июнь 1870〉 *

О каких интригах пишете *вы*, участвующая в самой подлой интриге эксплуатации миллионов, вы, заедающая со дня рождения мужицкий хлеб и ничего не сделавшая и отказывающаяся от дела. Вы укоряете меня! Опомнитесь, вы пишете дичь, или это из опасения, что я покажу кому-либо ваши письма?

Эх вы, будущая Наталья Алексеевна!

Если нынче не увижу вас, завтра придти буду должен.

Как вам не стыдно бросать нас в критическую минуту?

Зачем вы прислали деньги?

Если для меня, то знаете, что от вас я не возьму ни копейки.

Если это касса, то ее возьмет кто-нибудь другой; это надо сделать толково. Подождите дня три-четыре.

Не понимаю, почему на свертке печати Ц〈ампери〉ни, да и многого не понимаю. Во всяком случае, возвращаю; им у меня теперь не место (я не знаю и сколько их).

Видеть вас мне *надо*; положение мое и в самом деле не очень безопасно, а потому, если вы еще обладаете здравым смыслом, то избавьте меня от необходимости идти к вам и немедленно попросите Ц〈ампери〉ни устроить рандеву.

Не вызывайте же меня на опасность, легко устранимую.

46

М. А. Бакунин — Н. П. Огареву, Н. А. Герцен, В. М. Озерову, С. И. Серебренникову

9 июня 1870. Locarno

Вот вам наконец, друзья, конец моего огромнейшего письма к Барону. Прошу Вас, прочтите его все внимательно. Вы найдете в нем много долгот, повторений — но надеюсь, что Вы будете согласны с его содержанием, а главное, с его заключе-

* Помета Н. А. Герцен: *В июне 1870.*

нием. Если будете согласны, то заявите это в конце моего письма с своею подписью — места осталось довольно для всех замечаний — и постарайтесь препроводить его как можно скорее, и, если можно, собственнолично и собственноручно, через Озерова, Барону. Я даже не перечитывал, а писал зря, прямо из головы и из сердца.

Письмо так длинно, так несносно длинно, что я боюсь просить Тату или друга Сашу, а если не их, так Серебренникова переписать его с самого начала и сохранить с него копию — а между тем это было бы для меня и для нас всех необходимо [1].

Надеюсь, что Вы будете довольны моим ответом Лопатину [2], который я Вам пошлю завтра, вместе с письмом Лопатина [3] (которое должно быть прочтено Серебренниковым, а храниться в Ваших нейтральных руках, как свидетелей,— должно быть также прочтено и Барону, но не отдано ему).

Наш друг Барон совсем потонул во лжи — этому надо положить конец. Недаром я в продолжение нескольких лет, от 1863-го по 1867-й год, держал себя в стороне от русских дел и от русских людей. Как только прикоснулся к ним, попал в кучу грязи,— но теперь отставать от них не хочу; надо терпеливо распутать все и все поставить на настоящие основания. Если Вы хотите помочь мне, я надеюсь, что вместе мы справимся.

Главное, теперь надо спасти нашего заблудшего и запутавшегося друга. Он все-таки остается человеком драгоценным, а драгоценных людей на свете немного.

Итак, давайте руки, будем спасать его вместе, не дадим Лопатиным, Жуковским [4] и Утиным окончательно стоптать его в грязь. Но надо прежде всего, чтоб он помог нам сам,— и к этому должны быть теперь направлены все наши стремления.

Ваш М. Б.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.10, л. 1—3, с автографа *BN*.

[1] *Друга Сашу* — А. Озерову. Письмо было скопировано С. И. Серебренниковым и Н. А. Герцен — именно эта копия сохранилась в ее архиве. Подлинник, врученный Нечаеву, находился, вероятно, у него вплоть до сожжения его бумаг Сажиным. Опираясь на рассказы ему Сажина, Гильом утверждал в своей книге, что Сажин видел среди бумаг Нечаева два письма Бакунина с протестами против действий Нечаева, свидетельствовавших, в частности, и о том, что Бакунин не имел никакого отношения к угрозам Нечаева Любавину (D. Guillaume. Op. cit., v. I, p. 261—262). Однако свидетельство Гильома, напечатанное впервые еще в начале нашего века, не было замечено и не привлекалось в литературе, посвященной этому эпизоду.

[2] См. п. 47.

[3] См. п. 34.

[4] Н. И. Жуковский поддерживал отношения и с «молодой эмиграцией», и с Герценом и Огаревым, за что Герцен назвал его «человеком двух миров» (XXX, 282). «Нечаевская история» еще осложнила отношения Жуковского с Огаревым и Бакуниным.

47

М. А. Бакунин — Г. А. Лопатину

9 июня 1870. Локарно

Прочитав внимательно Ваше письмо [1], я убедился, с глубочайшим прискорбием для Нечаева и для себя самого, но с радостью за Вас, что весь мнимый разговор Ваш, переданный мне Нечаевым, была со стороны последнего чистая выдумка, наглая ложь.

Зачем ему нужно было меня обмануть и почему я ему поверил, об этом теперь я с вами рассуждать не стану. Скажу только, что, поверив ему, я сделал непростительную глупость и, кроме того, большую несправедливость в отношении к вам, написав вам письмо оскорбительное, все выражения которого беру назад и в котором от всей души прошу у вас прощения.

В одном не могу согласиться с вами. Вы говорите, что Вы были вправе рассказывать всем встречным русским в Женеве историю моих отношений с Любавиным, известную Вам, по Вашему собственному признанию, даже не от Любавина прямо,

а со стороны, от общих приятелей, с моей же стороны Вам совершенно неизвестную, так как вы, прежде нашей встречи в Женеве, совсем не знали меня, и потому вам, во всяком случае, худо известную. Вы рассказывали всем встречным и поперечным как «пояснительный пример», посреди чисто теоретических рассуждений, «*для оценки характеров и образа действий разных представителей русской эмиграции*». А так как во всей этой печальной истории играл роль только один представитель русской эмиграции, именно я, вы рассказывали ее, очевидно, для оценки моего характера и *моего* образа действия, пожалуй, еще для оценки Нечаева, если вы хотите включить его в число эмигрантов. Вашею главною целью было, без сомнения, погубить и уничтожить Нечаева в общем мнении. Справедливо или нет вы судите о нем, об этом мы теперь рассуждать не станем. Но вы считаете его человеком в высшей степени вредным и потому смотрите на уничтожение его как на дело не только позволительное, но даже полезное. К тому же вы уверены, что знаете его хорошо и что вооружены против него фактами несомненными.

Меня же вы совсем не знали, и я никогда ничем не вызывал ваших враждебных действий против меня. Положим, что вы приехали в Женеву с сильным предубеждением против моего характера и против моей деятельности. Но умные, серьезные и добросовестные люди знают, что предубеждение не есть еще знание, и прежде чем они решатся действовать против него, они постараются убедиться в справедливости или несправедливости обвинений и нареков, слышанных ими против него.

Вы поступили не так. Стараясь уничтожить Нечаева, Вы клеветали или по крайней мере давали пищу и для клеветы против меня,— а охотников до такой пищи вы встретили в Женеве довольно. Вы знали, что я должен был приехать в Женеву, вы ждали меня. Почему же вы не подождали меня, чтоб пояснить, чтоб уяснить совершенно дело, вам плохо известное, прежде чем употреблять его в своих разговорах как *пояснительный пример* своих теорий. Я не полагаю, чтоб вы сделали это из злого чувства; вы не похожи на злого человека. Но думаю, что вы увлеклись своим обаятельным красноречием, а в праздноглаголании нет спасения.

Наконец, раз когда вы рассказали всем дело, вам так мало известное, и рассказали его так, что все ваши слушатели, увлеченные вашим красноречием, должны были вывесть из всего заключения, для моей чести самые неблагоприятные,— хотя вы сами, не зная меня, и не позволили себе выводить их,— не было ли вашею прямою и непременною обязанностью честного человека повторить мне все эти рассказы прямо в лицо, а не через третьего человека, и в случаях для этого у нас недостатка не было.

Вы пишете мне, что если вы не исполнили этой обязанности, мне кажется — несомненной, так это только потому, что вам показалось, что я недостаточно был поражен вашими обличениями Нечаева. Позвольте мне не принять этого объяснения и признаться вам, что я просто не понимаю его. Как вы могли узнать, что происходило в моей душе во время вашего разговора с Нечаевым? Положим, что вы были недовольны выражением моего лица. Но разве серьезный человек может судить по выражению лица о человеке, ему совершенно незнакомом и которого он видит в первый раз?

Допускаю даже, что я мог произвесть на вас неблагоприятное впечатление и возбудить в вас инстинктивное недоверие. Все-таки это не давало вам право молчать и не повторить мне в лицо все, что вы прямо или косвенно говорили обо мне за спиною. Надеюсь, что, обдумав все хладнокровно, вы согласитесь со мною и найдете в этих обстоятельствах хоть слабое извинение и для моей глупой веры в ложный рассказ Нечаева, и для оскорбительного письма, которое я вам написал вследствие этого рассказа.

Любавинские письма хранятся в сундуке у моего здешнего приятеля. Многие из них были немедленно уничтожены мною по прочтении. Все остальные я немедленно соберу и перешлю к вам через Озерова. Я употреблю все усилия и буду неотступно требовать, чтоб подписка Д⟨аниельсо⟩на была ему возвращена через вас.

Меня поразило известие, что Любавин не получил ⟨ни⟩ последнего письма, написанного мною ему в ответ на его последнее письмо, ни расписки, приложенной мною к этому ответу. Не могу объяснить этого неприятного факта как только тем, что Нечаев, взявшийся бросить это письмо на почту, вероятно, забыл бросить его; посылаю вам другую расписку, которую прошу вас переслать Любавину.

Принимая очень охотно Наталью Александровну и Озерова как ваших посредников в этом печальном деле, прошу Вас позволить мне присоединить, с своей стороны, к Озерову ныне освобожденного Серебренникова.

Ваше письмо ко мне и этот ответ на него будут прочтены Нечаеву.

М. Бакунин

Скажите, пожалуйста, Лаврову, что мне бесконечно совестно, что я еще до сих пор не отвечал на его письмо. Но чтоб он не думал, что я молчу от нерадения и лени,— я просто жду пояснения и определения некоторых обстоятельств, чтоб отвечать ему en pleine connaissance de causes *.

Если вы прочли Лаврову ваше письмо ко мне, то, без сомнения, найдете справедливым и нужным прочесть ему и этот мой ответ на него. Я, с своей стороны, с радостью и с полным доверием готов принять его за нашего общего посредника и даже судью.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.5, с копии рукою Н. А. Герцен (*BN*).

[1] Письмо Лопатина от 26 мая 1870 г. было получено Бакуниным только в начале июня (оно сперва было доставлено в Женеву, откуда Бакунин уже уехал к этому времени, а затем в Локарно).

48

М. А. Бакунин — Н. П. Огареву, Н. А. Герцен, В. М. Озерову и С. И. Серебренникову

10 июня 1870. Locarno

Ну вот вам, мои милые друзья, и мой ответ Лопатину с прилагаемой распиской для Любавина. Отсылаю вам и письмо Лопатина ко мне, которое так или иначе надо будет прочесть, но отнюдь не отдавать в руки барону Невилю, а хранить у себя как документ, который, может быть, понадобится.

Ответ мой прошу вас немедленно отослать Лопатину, но прежде снять с него копию и для прочтения его барону, и для сохранения ее у вас, так же как документа. Кого же просить взять на себя скучный труд переписать его, как не Серебренникова, который остается теперь, кажется, без всяких занятий. Я же задавлен разного рода писаниями и сочинениями, которых не успеваю окончить.

В ответе моем Лопатину я старался сколько мог не осуждать барона. Задача трудная, почти невозможная. Раз убедившись в его лжи, я должен был назвать ее наглой ложью, точно так же должен был высказать мою догадку — я мог бы сказать, мою уверенность,— что он задержал мое письмо к Любавину. Что делать, увлекшись проклятой иезуитской системой, наш друг залгался и исхитрился до глупости. Повторю еще раз, мы должны все вместе употребить все возможные усилия для того, чтоб своротить его с направления, на котором он и себя, и дело погубит.

В сотый раз повторяю: он человек драгоценный, самый энергичный и преданный из всех нам известных русских людей. Он чрезвычайно упорен, это правда, но вместе и очень умен, хотя и мало разумен; поэтому, сохранив все, что в нем есть доблестного, и прежде всего эту железную энергию, себя не жалеющую, это полнейшее отречение от себя и эту страстную и всецелостную отдачу себя делу, он может изменить все, что в нем есть плохого.

Но надо, чтобы он теперь же решился на это излечение, потому что, прежде чем он не переменит пути и системы, для нас невозможно идти с ним долее, мы должны будем отойти от него не только ради своей чести, но ради самого дела.

---

* с полным знанием дел (*франц.*).

Первый шаг его тайно-общественной и революционерной деятельности кончился страшным и позорным для него фиаско. Упорство во лжи, которая оказалась пагубною, было бы с его стороны непростительно глупо, и для нас следовать за ним далее по направлению, сознанному нами за ложное и пагубное, было бы более чем глупо.

Огарев, я положительно настаиваю на том, чтобы ты дал мне, нисколько не откладывая, через наших друзей и естественных посредников: Тату, Озерова и Серебренникова — письменное свидетельство в том, что весь фонд отдан тобой Нечаеву и что я в распоряжении им не имел никакого участия [1]. Ведь для этого никаких счетов делать не надо. Потом сделаем счеты подробные и потом потребуем на них расписки Нечаева [2]. А теперь можешь подписать это объявление в коротких, но ясных и определенных словах, чтобы уничтожить всякую возможность недоразумения. И твое объявление, мне кажется, может быть подписано Татою с полной добросовестностью с ее стороны, так как она была действительно свидетельницей этой передачи, при которой я действительно не присутствовал и все подробности которой мне неизвестны. *Я требую от тебя безотлагательно такого объявления, требую его во имя справедливости и дружбы, и ты не вправе мне отказать в нем.*

А оно может сделаться для меня необходимым ввиду злостных и грязных клевет г-на Утина, который, как мне известно, собирает против меня факты для посылки их Марксу [3]. Озеров мне пишет, что тебя останавливает боязнь повредить *делу*, т. е. нечто вроде raison d'Etat *, но, милый Огарев, это на тебя не похоже — такое иезуитское и государственное соображение совсем не в твоей природе, не в твоем духе и не в твоей привычке: правда и справедливость прежде всего — таков был всегда твой лозунг. Неужели и ты на старости лет захочешь и можешь сделаться иезуитом? Это пустяки, к тому же тут ровно нет никакого дела *до дела*. Ведь пора же нам понять наконец, что Нечаев, несмотря на все драгоценные качества, которые ему приобрели твою и мою веру, все-таки еще сам по себе не есть дело, что дело само по себе, а он сам по себе и что отождествлять его с делом значит унижать и уничтожить дело. Прежде всего мы должны объяснить это ему самому, чтоб он перестал себя принимать за Людовика XIV-го революции: «L'Etat (дело) c'est moi» **. Факты самые осязательные доказали нам, что его диктатура — диктатура его Комитета, что все равно, потому что он составляет, несомненно, $^{3}/_{4}$ или $^{9}/_{10}$ Комитета, что эта диктатура привела к гибельным результатам и в России и за границей, — значит, пришло время положить ей конец. Продолжать верить в нее и следовать за ней слепо было бы с нашей стороны более чем глупостью — преступлением. Факты в России нам мало известны, но то, что известно, то, что мы знаем наверное, соображая и сравнивая его собственные рассказы, очень плохо. Зато нам вполне и подробно известны заграничные факты, и этих фактов достаточно, чтоб нас убедить, что в сем Комитете, т. е. в Нечаеве, тьма энергии, горячей деятельности, преданности делу — зато в нем также есть и огромное, поразительное отсутствие разума и внутренней правды. Всю организацию свою он основал на систематическом обмане и на опутывании лиц. Это плохо, плохо также и то, что при таком горячем желании надувать всех и каждого он не умел даже скрыть своего обмана. Все его хитрости шиты белыми нитками и оказались хитростями или ребенка, или страуса, скрывающего свою голову за деревом, но не умеющего скрыть своего огромного тела. Неспособность к ловкому обману в Нечаеве меня радует, с одной стороны: значит, ложь не успела проникнуть в него, не успела сделаться его природою — значит, ему будет не трудно освободиться от нее; но, с другой стороны, эта неловкость, при всем его природном уме, доказывает страшный недостаток опытности, практического разума, понимания и знания людей и вещей — что ж за диктатор без разума, и может ли дело удаться без разума?

Мы любим его, мы верим в него, мы ожидаем от его будущей деятельности огромной пользы для народа, и потому именно мы обязаны остановить его на

---

* государственных соображений (*франц.*).
** «Государство — это я» (*франц.*).

ложном, на гибельном пути — но словами, рассуждениями мы его не остановим. На природы, подобные природе Нечаева, слова и рассудок не производят ровно никакого действия. Они уважают только факты, и потому действовать на них можно только фактами. Значит, мы обязаны остановить его силою факта. Если бы мы стали протестовать против него только рассуждениями и словами, продолжая на деле следовать за ним слепо, он стал бы слушать нас полурассеянно, полуиронически и продолжал бы, эксплуатируя нас самым бессовестным образом, портить дело. Но если мы все, дружно, не врознь, сказав ему правду, объявим ему, что мы далее на этом пути не пойдем, а разойдемся с ним, если он с него не своротит, он призадумается и, вероятно, уступит — а не уступит, так бог с ним! Но он должен будет уступить. Мы дали ему столько доказательств и нашей преданности делу, и нашей дружбы к нему, что он не может усомниться в искренности наших действий и слов. К тому же друзей у него, не только за границей, но даже в России, у него осталось немного. Он всеми покинут, и все порядочные и вроде Лопатина, все бла〈. . .〉дники вроде Утина и Comp〈agnie〉 бросают в него грязью. В эту минуту, самую критическую во всей его жизни и решительную для всей его будущей деятельности, дружный голос целой честной группы, готовой поддержать его, если он согласится отказаться от очевидно пагубной системы, но вместе с тем и решившей оставить его, если он *самолюбиво* и самовольно, самодурно захочет упорствовать в ней,— такой голос может спасти его.

Ему предстоит теперь сделать последний акт самоопределения, одержать последнюю победу над собою, над своим самолюбием, которого в нем оказывается более, чем мы думали. Полное кораблекрушение, им претерпенное и в России, и за границею, должно открыть ему глаза. Он должен сознать и иметь доблестную силу признать перед нами, что он ошибся и в выборе системы, и в выборе людей и средств, силу переменить направление и начать новое дело на основаниях новых, употребляя только ту часть старого материала, которая в этом новом направлении будет действительно годна.

Если он окажется способным совершить такой подвиг и одержать такую трудную победу над своим скрытым и тем более громадным самолюбием, над своим самодурством, ну тогда он будет действительно молодец и нам можно будет с полною верой идти с ним и, пожалуй, за ним. Если ж он этого сделать не сможет или не захочет, тогда для нас выбора быть не может — мы должны будем с ним разойтись, должны ради своей совести, своих убеждений, ради пользы самого дела. Таково, по крайней мере теперь, мое неизменное решение.

Каким же образом твое объявление, которого я требую и считаю себя вправе требовать от тебя, милый Ага, может повредить делу? Ведь оно, во-первых, будет храниться в тайне, как документ, в руках наших друзей, которые, разумеется, о нем разглашать не будут, и выйдет на свет только в самой крайней необходимости.

Мало того, ты должен требовать, мы все должны требовать от Нечаева, чтоб он дал тебе и всем нам письменное объявление, что он получил сначала одну часть от Герцена и от тебя и потом всю остальную часть от тебя одного, как единого правоимеющего, весь Бахметевский целиком в свои руки и что он один, сообща с Комитетом или без Комитета — об этом мы знать не можем,— распоряжался им и тратил его по своему благоусмотрению. Не требовать этого от него было бы с нашей стороны слабость, просто подлость, а не служение делу. Дело ясное и требует ясности: Комитет, мнимый или действительный, не скрывал и не скрывает своего существования. Он заявлял о нем нелепыми письмами к Любавину, к Наталье Алексеевне и, наконец, печатно в «Народной расправе».

Нас, то есть тебя и меня, могут упрекнуть в том, что мы признали этот Комитет: я печатно, ты фактически, отдачей фонда, но несомненно то, что мы его признали за единственного представителя серьезного революционного дела в России. На этом основании ты отдал фонд Нечаеву как представителю Комитета, и в этом характере Нечаев принял его от тебя; следовательно, перед публикою скрывать нечего: все произошло правильно.

А знаешь, чего я начинаю бояться? Если Нечаеву не хочется, кажется неудобным дать тебе расписку в получении фонда, то это отнюдь не столько из боязни

публики, как из опасения перед собственными друзьями — перед членами так называемого Комитета, которых он, может быть, обманывал точно так же, как обманывал нас. Он мог им сказать, что он получил от тебя только часть фонда или что по распоряжениям фонда управляет не он один, а ты и я вместе с ним и мало ли еще какую ложь, которая могла показаться ему необходимой, разумеется, не ради его личной пользы, но ради пользы дела. Я имею множество доказательств на то, что он проводил свою иезуитскую ложь решительно по всем направлениям, не исключая даже его Комитета. Не веря ни в кого и никому, он дошел до того, что стал считать себя единственным всецелостным революционером, и, дойдя таким путем до Элпидинского самодурства, считает себя вправе надувать всех и каждого во имя революции. Горячо желаю, чтобы мое опасение не оправдалось, но боюсь очень, чтоб оно не было справедливо. Во всяком случае, для меня очевидно, что только опасение перед друзьями, а не перед революционною публикой и не перед врагами может остановить его дать тебе эту расписку. Поэтому ты и мы все должны неотступно и дружно требовать ее от него ради спасения дела.

Кончаю это письмо выражением надежды, что, прочитав до конца мое длинное письмо к Нечаеву, вы согласитесь с его заключениями и что, на их основании, захотите сделать вместе со мною дружную и решительную попытку для спасения Нечаева от гибельной лжи, а общее дело от поражения.

Ваш М.

Печатается по фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 26.10, л. 4—15, с автографа *BN*.

[1] Такое свидетельство, заверенное подписями указанных лиц, было составлено Огаревым (см. автограф Огарева — *Л* XIV, 646; текст рукою Н. А. Герцен с подписями ее, Огарева, Н. А. Тучковой-Огаревой и С. Серебренникова — «Лит. наследство», т. 63, с. 499).

[2] Счета, сохранившиеся в архиве Н. А. Герцен, и были, вероятно, реализацией этой мысли (фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 24.5, с подлинников *BN*). Никакой расписки Нечаева получить им, конечно, не удалось.

[3] См. п. 34 и прим. 13 к нему, а также вступит. статью.

49

Н. А. Герцен — М. А. Бакунину

16 июня 1870

Campagne Baumgartner. St. Jean la Tour. Genève.

Надеюсь, что вы мне не будете больше делать упреков за то, что я с недоверием относилась к вашему protégé и всем его делам, Михаил Александрович?

Вам должно казаться естественно то, что все было для меня *неясно* в ваших делах, что я так долго колебалась, стараясь добиться до правды, до ясного понимания и убедившись, что это почти невозможно, решилась отстраниться и не иметь ничего общего с этими *неясными* русскими делами — несмотря на бесконечные разговоры и споры и на все усилия ваши, Огарева и Нечаева убедить меня в том, что я погибну, если *не буду* участвовать в них.

Я не могла себе вообразить, что кто бы то ни было, в самом деле, может увлечься этой отвратительной иезуитской системой, быть ей верен до такой возмутительно-бесчеловечной степени, как Нечаев,— ведь последовательность доходит у него до уродства!

Как вы можете еще думать о возможности работать с ним после всего того, что произошло между вами,— после всего того, что вы сами рассказывали в вашем письме к нему? На чем же будет основано ваше доверие? А если его нет — как же вы будете с ним работать? Почему вы знаете, что если Нечаев и примет, да, пожалуй, еще подпишет ваши условия (своим настоящим или каким-нибудь выдуманным именем), что он тайком не будет точно так же надувать вас, как он это делал в продолжение всего вашего знакомства? Для меня это было бы решительно невозможно. Он хотя и не магнетизировал меня никогда, как вы думаете, кажется, но он сделал хуже — он отравил и парализировал меня тем, что он развил во мне такое недоверие, от которого я долго не отделаюсь.

Теперь я ни в каких русских делах участвовать не могу и не хочу *.

Неужели Вы хотите, чтобы ваше письмо к Н⟨ечаеву⟩ держалось в тайне? Позволяете вы мне прочесть хоть отрывки ** двум-трем лицам, которые все еще верят, что вы и Н⟨ечаев⟩ одно и то же? Мне кажется, что это может быть только полезно для вас, а никак не вредно; потрудитесь дать мне знать, как Вы на это смотрите ***.

Когда вы собираетесь в Женеву? Кланяйтесь вашей жене от меня, поцелуйте детей, с которыми надеюсь познакомиться когда-нибудь.

Жму Вам руку
Н. Герцен

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 24.7, с. автографа *BN*.

50

М. А. Бакунин
Соборное послание Огареву, Тате, Озерову, Серебренникову, а если ⟨Жуковский⟩ привлечен к вашему собору, то также и ⟨Жуковскому⟩.

20 июня 1870. Локарно.

Друзья — из писем, полученных мною с разных сторон, мне кажется, что ваш собор пришел теперь к настроению слишком невыгодному для нашего друга барона. Я употребляю это слово: друг — не в ироническом, а в самом серьезном смысле, потому что я, по крайней мере, не перестал смотреть на него как на самого драгоценного человека между нами всеми для русского дела и как на самого чистого, или, употребляя выражение Серебренникова, как на самого *святого* человека в отношении всецелостной преданности делу и совершеннейшего самоотречения, к тому же одаренного такою энергией, постоянством воли и неутомимою деятельностью, каких мы еще никогда не встречали. Не думаю, чтоб кто-нибудь из вас в своей критике дошел бы до отрицания в нем этих качеств — их отрицать невозможно, они колют глаза. Значит, барон золотой человек, а золотых людей не бросают. Наши усилия, мне кажется, должны быть устремлены на сохранение его для дела и, так как мы сами преданы делу и хотим служить делу, — на сохранение с ним нашей связи.

В этом золотом, страстно преданном человеке много значительных недостатков, чему удивляться не следует: чем сильнее и страстнее натура, тем ярче выступают ее недостатки. Добродетелен, в смысле отсутствия недостатков, только ноль. Относительно добродетельны бывают легкие, гладкие и милые люди вроде Лопатина и Жуковского. Друг наш барон отнюдь не добродетелен и не гладок, напротив, он очень шероховат, и возиться с ним нелегко. Но зато у него есть огромное преимущество: он предается и весь отдается, другие дилетантствуют; он чернорабочий, другие белоперчаточники; он делает, другие болтают; он есть, других нет; его можно ухватить и крепко держать за какой-нибудь угол, другие так гладки, что непременно выскользнут из ваших ⟨рук⟩; зато другие — люди в высшей степени приятные, а он человек совсем не приятный. Несмотря на то, предпочитаю барона всем другим и больше люблю, и больше уважаю его, чем других. Однако я первый **** поднял знамя бунта против его диктатуры; не потому, чтоб диктатура его оскорбляла мое самолюбие — по-моему, кто лучше разумеет дело

---

* Называйте меня скептиком, М⟨ихаил⟩ А⟨лександрович⟩, может быть, вы правы, в этом случае скептицизм мой спас меня от бог знает каких пут и бед. Послано 21-го. Вторник. Июня 70.

** Конечно, не ваши *планы*, а *факты*, доказывающие, что вы не были с ним солидарны во всем.

*** На чистой части листа помета Н. А. Герцен: *Об фонде.*

**** Вставка С. Серебренникова: *Самый последний, и то еще не совсем, что показывает это письмо.*

кто более делает и всецелостнее предается, тот, пока он разумеет, предается и делает, и есть диктатор по праву, т. е. путеводитель, будитель, поощритель и подталкиватель всех других, и все другие естественным образом за ним следуют. Я взбунтовался против диктатуры барона, потому что она проникласъ ложною системою иезуитских приемов и лжи, на которые наш друг барон стал смотреть в последнее время чуть ли не как на лучшие средства для достижения цели. Фактов повторять я не стану, они всем вам известны теперь, я должен был взбунтоваться, потому что убежден вместе с вами, что такая система непременно погубила бы самое дело.

Но будем и тут справедливы. Почему барон выбрал эту систему? Вследствие ли какого-нибудь порока, гнездящегося в его существе: эгоизма, самолюбия, честолюбия, славолюбия, или корыстолюбия, или властолюбия? Нет — кто знает хоть сколько-нибудь барона, тот поклянется вместе со мною не в том, чтоб у него не было ни малейшего зародыша этих пороков— по моему мнению, во всяком нормальном человеке и особливо в натурах сильных есть зародыш всех возможных пороков,— а потому, что жизнь его была такого рода, что бо́льшая часть ее не могла в нем развиться, и потому, что в нем все другие страсти подавлялись высшею, революционною или народно-освободительною страстью. Он высокий фанатик и имеет все качества, а также и все недостатки фанатика. Такие люди бывают часто способны к страшным промахам, к опасным ошибкам. Ошибки милых людей обыкновенно бывают так ⟨. . . . . .⟩ * гладки и незаметны, как и добродетель их; в фанатиках же все крупно, и если они ошибаются, то ошибаются крупно. Пусть Огарев вам расскажет историю о том, как наш общий друг, покойный Белинский, вдруг сделался яростным поклонником и проповедником царской власти, к ужасу всех друзей. Вот до таких пароксизмов нелепости могут иногда доходить в развитии своем натуры искренние, святые и страстные. А барон ведь еще очень молод, и развитие его далеко не кончилось.

В основе всего нравственного и умственного существа его — я говорю и утверждаю это с полною уверенностью и по праву, потому что в прошедшем году в продолжение четырех месяцев сряду я жил с ним вместе, можно сказать, в одной комнате, и проводил почти каждую ночь в разговорах о всевозможных вопросах; мне подробно известна история его детства и первой молодости,— итак, я повторяю, в основе всего существа и всех стремлений его лежит страсть к народу, негодование за народ и дикая ненависть ко всему, что давит его, а след⟨овательно⟩, прежде всего к правительству, к государству. Я не встречал еще другого такого искреннего и последовательно⟨го⟩ революционера, как он. Барон умен, очень умен, но ум его дик, как его страсть, как его природа, и развился далеко не всесторонне, хотя и не лишен развития значительного. Но в нем все: и ум, и сердце, и воля — а сердца и воли в нем много — все подчинено главной страсти разрушения настоящего порядка вещей; а, следовательно, его ранней мыслью должно было быть создание организации или коллективной силы, способной исполнить это великое дело разрушения — составление заговора.

Кто на своем веку занимался составлением заговоров, тот знает, какие страшные разочарования встречаются на этом пути: вечная несоразмерность между громадностью цели и мизерностию средств, недостаток и незнание людей — сто промахов на один порядочный выбор, один серьезный человек на 100 пустоцветов и пустозвонов. А тут вечная игра самолюбий, маленьких и больших честолюбий, претензий, недоразумений, недомолвок, сплетен, интриг — и все это ввиду гигантской, мастерски организованной, подавляющей и карающей власти, которую хочешь разрушить. Сто раз в неделю руки падают от отчаяния и от усталости. Еще хорошо и сравнительно легко составлять заговоры в таком краю и в таком моменте, когда целый народ или по крайней мере часть общества, целый класс, одержим одною и тою же самою сильною страстью — как, напр⟨имер⟩, в начале шестидесятых годов в Польше. Но там, где объединяющей страсти нет или мало или где вместо страсти сердечной существует и действует страсть головная, где

* Текст залит чернилами и не читается.— *Ред.*

более склонность к резонерству, чем к делу, где развра⟨ща⟩ющим образом продолжает еще действовать византийское благословение и где, с другой стороны, научная критика, успевши разрушить старую нравственность, не успела еще создать нравственности новой, где научное отрицание свободного произвола объясняется большинством молодежи в смысле снисходительно-объективного созерцания своих собственных пакостей и имеет результатом естественным распущенность и обмельчение характеров, отсутствие всякой сосредоточенной страсти воли — одним словом, в России, образование тайного общества, серьезного, действительно заслуживающего это имя и способного к настоящему действию, становится невероятно трудным.

Испытав честно, но тщетно все честные средства: пропаганду принципа, страстное убеждение, человек, а особливо молодой человек, страстно стремящийся создать во что бы ни стало могучую и тайную коллективную силу и убежденный в том, что только действием такой силы можно освободить народ, естественным путем доходит до следующего результата, до следующей мысли: «Наша молодежь слишком развращена и дрябла для того, чтоб можно было надеяться силою одного убеждения довести ее до создания организации; но так как организация необходима и так как наши молодые люди не умеют и не хотят сплотиться свободно, то надо их сплотить помимо их знания и воли, и для того, чтоб эта организация, основанная наполовину на насилии и на обмане, не рушилась, надо их так опутать и компрометировать, чтобы возврат для них стал невозможным».

Вот первый естественный шаг к иезуитской системе — это шаг отчаяния, при первой встрече эта система претит такой сильной, страстной, *правдивой* и горячо *сердечной* натуре, как наш барон. Но в том моменте умственного и опытного развития, в котором он находился, другого исхода он не видел. Надо было или совсем отказаться от дела, или принять иезуитскую систему. Отказаться от дела он не мог и потому принял систему, а раз приняв ее, наперекор своему собственному сердцу, он, с свойственною ему страстною и беспощадною стремительностью, не щадя ни себя, ни других, жертвуя с дикой страстью и собой, и другими для дела или для того, что ему казалось таким, он довел эту систему до последней уродливой крайности. Я назвал барона *правдивым* и *глубоко серьезным* человеком. Да не удивит вас это, мои милые друзья. Этот человек полон любви, да иначе и быть не может: у кого нет любви, тот не мог бы действовать с таким полным самоотречением, с таким полным забвением не только своих удобств, выгоды, личных желаний, стремлений и чувств, но даже своей репутации и своего имени,— он готов обречь себя на бесчестье, на общее презрение, даже на совершенное забвение о нем для освобождения народа. В этом состоит его *глубокая*, *высоко-доблестная и девственно-чистая правда* — и силою этой чистоты и правды он давит всех нас: хотим не хотим; если мы хотим быть честными перед самими собою, мы должны перед ним преклониться. Он глубоко любящий человек, он привязывается к людям страстно и все готов отдать своим друзьям, и никак уж нельзя причислить его к тем холодным умам и натурам, которые для достижения своих целей играют людьми, как манекенами. Он не самолюбивый эгоист и не интригант, мои милые друзья, потому что он не преследует *своих* целей и не только не пожертвует ни одним человеком для *своей* выгоды, для *своей* славы или для удовлетворения *своего* честолюбия, но скорее готов пожертвовать собою для всякого. В этом человеке нежное сердце.

Каким же образом он мог дойти в своих действиях и до наглой лжи, и до беспрестанной интриги, и до беспощадного эксплуатирования и компрометирования своих лучших друзей? А система? Не позабудьте систему. Раз убедившись — разумеется, ошибочно — в необходимости употребления иезуитских правил и средств *внутри* организации — заметьте, что я не говорю о их *внешнем* употреблении, которое и по моему мнению часто становится необходимым, потому что в борьбе против организованного деспотизма, где не можешь взять силою, надо взять хитростью, но, разумеется, настоящею хитростью, такою, у которой не было бы написано на лбу: я хитрость,— раз убедившись в необходимости принять иезуитскую систему, он предался ей *по долгу*, тем страстнее, чем она была противнее

его собственной натуре; беспощадно для себя и для других, с суровостью религиозного аскета и фанатика, он стал убивать в себе и в других как преступные, т. е. делу мешающие слабости, все проявления личного чувства, личной правды и вообще все личные обязательства и связи. Чем более он чувствовал в себе самом склонности к личной страстной привязанности, тем фанатичнее стал он преследовать их в себе и в других. Он предпринял над самим собою и над всеми друзьями систематический курс нового воспитания, имеющего единою целью: систематическое убиение в себе и в других всего, что для каждого лично и общественно — не тайно, а публично общественно — свято и дорого. Мысль и цель его ясны: он видел и слишком сильно чувствовал и понимал, с одной стороны, громадность государственной силы, которую надо разрушить; видел с отчаянием, с другой стороны, историческую неразвитость, апатичность, разбросанность, бесконечную терпеливость и тяжелоподъемность нашего православного народа, который, если б понял и захотел, одним махом своей могучей руки мог бы свалить всю эту государственную постройку, но который, кажется, еще спит сном непробудным, — и, наконец, видел, с третьей стороны, дряблость нашей молодежи, теряющей всю энергию в нескончаемом и бесцельном резонировании и болтании. В таком виде явилась перед ним русская действительность. Как сломать ее? Где та Архимедова точка, на которую могло бы дело поставить рычаг для того, чтоб поднять этот мир и поставить его вверх ногами? Точка — общая русская беда; рычаг — молодежь. Но в своем настоящем виде эта молодежь далеко еще не рычаг, а паршивое, развратно и бессмысленно доктринерствующее и болтающее стадо. Значит, надо прежде всего преобразовать ее, переменить ее нравы и обычаи.

Что развращает ее пуще всего? Влияние общественной среды. Значит, надо ее оторвать от этой среды. Она привязана к ней двумя нитями: 1-ая — карьера; 2-ая — семейные связи, сердечные привязанности и тщеславно-общественные отношения. Поэтому надо было разорвать эти нити, уничтожить возможность карьеры, возможность выхода, компрометировать до конца и сделать возврат к обществу невозможным — точно так же надо было разбить все семейные связи, все сердечные и тщеславные связи с обществом — и таким способом образовать фалангу суровых абреков, у которых бы сохранилась одна страсть: страсть *государственно-общественного разрушения*. Согласитесь, что это фантазия не маленького ума и не маленького сердца и что в этой фантазии, увы! много законного и много истинного.

Общество — я говорю не о народе — общество наше, т. е. вся сословная, более или менее привилегированная среда, неразрывно связанная с государством и существующая только посредством его, — не имеет другого средства исправиться, как разрушиться окончательно. Кто, не теша себя самолюбивыми мечтами и призраками, прекрасными, но бесплодными стремлениями и бесцельною болтовнею, хочет действительно торжества русской революции, т. е. освобождения народа, тот должен хотеть коренного разрушения этого общества. Но буду ли я в состоянии искренно и всецело отдаться и служить делу этого разрушения, пока у меня останется с этим обществом хоть тень корыстолюбивых, славолюбивых, честолюбивых, привычных, семейных и других сердечных связей? — Нет, не буду. Значит, надо эти связи разрушить? Да, надо. — А нет силы их разрушить, не мешайся в революционное дело!

Ошибка барона, *по моему мнению*, состояла не в том, что он хотел окончательно оторвать молодежь от общества и поставить ее в бесцельно-враждебное отношение к нему, — это, по моему убеждению, необходимость, вытекающая из всего настоящего положения России, — а в том, что он в нетерпении своем желал собрать как можно скорее как можно большую силу, и, не находя, разумеется, в такое короткое время сотен людей, которые были бы на высоте этой программы, набирал людей без разбора, и вследствие отсутствия настоящей внутренней связи между ними вынужден был связать их обманом, компрометированием и насильством, и, наконец, пришел к тому, *что должен был ввести иезуитскую систему в самую организацию*, — и тем развратил ее. Он не понял того, что, разрушив для членов организации все общественные и семейно-сердечные связи, он должен был создать

для них внутри самой организации новую связь, не отрицательную, а положительную — страстно-солидарное братство, основанное на общей цели, на взаимной правде и вере и на самой строгой круговой поруке.

Отсутствие такой положительной связи произвело самые грустные результаты при первом разгроме. Гром ударил, и вся организация рассыпалась. Мало того, развращенные иезуитским учением, арестованные члены организации стали доносить друг на друга и выдавать друг друга без совести.

Таким образом, бедный барон наш потерпел свое полнейшее кораблекрушение. Но, вместо того чтоб переменить систему, он уперся в ней, и, как доктор Санградо в романе «Жиль Блаз» [1], который лечил всех своих больных горячей водою и кровопусканием, а когда они умирали, утверждал, что они умерли от того только, что они мало выпили горячей воды и недостаточно выпустили крови, — так и барон наш, вместо того чтоб бросить иезуитскую систему, хочет уверить себя, что вся беда произошла от того, что он недостаточно ввел ее в плоть и в кровь своей организации. Это упорство, это упорное ослепление бедственно, без сомнения. Но должны ли мы сердиться на барона за это? Можем ли даже удивляться, что он не так легко нам уступает?

Мои милые друзья, легкая уступка с его стороны была бы доказательством легкомыслия, доказательством того, что он не серьезно и не страстно верил в систему, употребленную им для составления организации. Когда такие цельные, сильные и страстные натуры, как наш барон, ошибаются, они врываются в ошибку так глубоко, что возврат для них гораздо труднее, чем для других, более милых и приятных, т. е. пустозвонных и пустоцветных людей.

Возврат для барона труден, но не невозможен. А так как он человек драгоценный, и лучше, и чище, и преданнее, и деятельнее, и полезнее нас всех, вместе взятых, — то, оставив все мелкие и самолюбивые движения своей души, все личные чувства и обиды свои в стороне, — я говорю это особенно для Вас, Тата, — мы должны дружно соединить свои силы для того, чтоб помочь ему выкарабкаться из омута и дать ему возможность на основании взаимной правды, веры и совершенной прозрачности стать в наши ряды, впереди наших рядов — потому что он все-таки будет самым неутомимо и беспощадно деятельным между нами.

Для этого мы должны:

во-первых, уговорившись между собою, без всякого личного самолюбия и без всякой личной обиды для него, поставить ему твердо, определенно и ясно наши условия;

а *во-вторых*, мы должны, разумеется с его помощью, употребить все усилия для того, чтоб защитить его против злостно-сплетнической болтовни милых и немилых бездельников, спасти его честь и по возможности очистить его имя.

Я вам писал, мои милые друзья, обо всем откровенно, потому что убежден в необходимости действовать на него, и для спасения его самого, дружно и вместе; я говорил откровенно, полагаясь на вашу честность и честь, на ваше уважение к делу, уверенный в том, что все сказанное в нашей маленькой среде останется *строго и безусловно* между нами и что никто из нас не будет так подло-самолюбив, так бессовестно-легкомыслен, так слабоумен, так слаб, чтоб вынесть из нашей среды внаружу — в угоду вертящимся вокруг нас и скандалы, и сплетни с такою злостною жадностью пожирающим акулам — хоть малейшую часть того, что высказано или будет высказано в нашей среде. Если б было иначе, я никогда не простил бы себе своего письма и смотрел бы на него как на измену и как на преступление против русского дела.

На каких условиях мы должны сговориться и какими средствами должны действовать на барона — об этом, друзья, мы переговорим лично. Завтра я выезжаю отсюда и на днях буду у вас. Прошу вас, не говорите никому о моем скором приезде.

Ваш М. Б.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.10, л. 16—24, с автографа *BN*.

[1] Речь идет об известном романе Алена Рене Лесажа (1668—1747) «История Жиль Блаза из Сантильяны».

51

М. А. Бакунин — Н. А. Герцен

⟨Сен-Морис.⟩ 26 июня 1870

Наталья Александровна,

Я приглашаю Серебренникова на свидание со мною — разумеется, в строгом секрете от всех, кроме вас. Что если бы вам вздумалось прогуляться по Женевскому озеру и приехать завтра в St.-Maurice? Я бы встретил вас на гавани с чрезвычайною радостью, но сомневаюсь больно, чтобы у вас на то достаточно ⟨было⟩ смелости, охоты и прыти. Во всяком случае, прошу вас передать прилагаемую записку Серебренникову и решительно никому не говорить о моем приглашении.

Ваш М. Б.

Много есть важных вопросов, о которых мне необходимо объясниться и перетолковать с вами.

Это и последующие письма Бакунина к Н. А. Герцен печатаются по фотокопиям *ГБЛ*, ф. 69, 25.1, с автографов *BN*.

52

М. А. Бакунин — Н. А. Герцен

26 июня 1870. Saint-Maurice, Hôtel du Simplon.

Наталья Александровна,

В объяснение моего утреннего письма, прошу вас, скажите Серебренникову, что я его жду здесь — чтоб он дешевизны и приятности ради ехал пароходом до Bouveret, а оттуда железною дорогою в St.-Maurice. Если б я знал, когда он выедет, я ждал бы его на горе. Не может ли он телеграфировать мне перед самым выездом так:

St.-Maurice, Hôtel du Simplon
Monsieur Benoît
Je pars par bateau-à-vapeur (ou par chemin de fer) à telle heure.
Emile *

Тогда я встречу его на горе — я говорю его, а не вас — потому что, хотя и очень, очень желаю, чтоб вы приехали с ним, не верю, чтоб вы решились ехать. Как бы то ни было, прошу вас передать содержание этого письма как можно скорее Серебренникову. Надеюсь, что он по крайней мере приедет и телеграфирует мне перед самым отъездом.

Ваш М. Бакунин

А чрезвычайно нужно было бы мне, просто необходимо видеть вас перед приездом моим в Женеву. Приезжайте, Наталья Александровна, сделаете настоящее и доброе дело. А до тех пор решительно не говорите никому, что я здесь.

53

М. А. Бакунин — Н. А. Герцен

⟨Сен-Морис.⟩ 28 июня 1870

Наталья Александровна,

Серебренников, с которым я провел целый вечер, спит, а я, прежде чем последовать его примеру, хочу сказать вам несколько слов. Из слов Серебренникова я убедился, что вы страшно возбуждены против Барсова, которого еще недавно считали лучшим между всеми нами. Мне мало известны ваши личные отношения с ним, но положим даже, что он так или иначе обидел вас лично. Но это все-таки

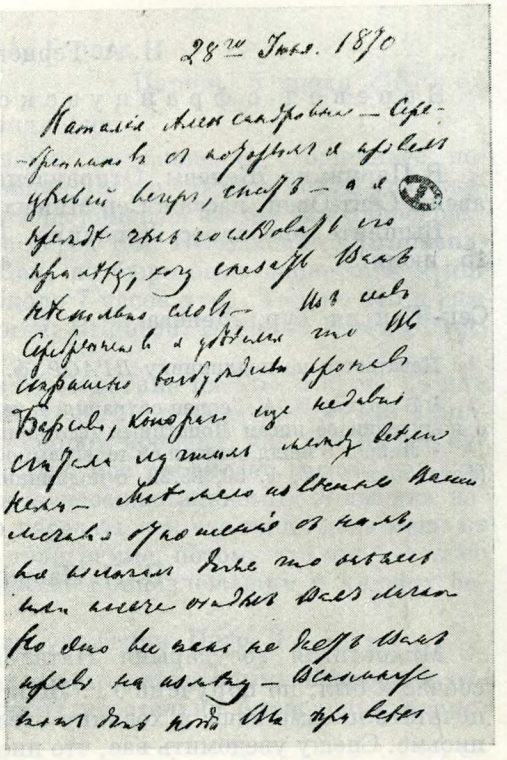
* Сен-Морис, отель Симплон, господину Бенуа. Выезжаю пароходом (или по железной дороге) в таком-то часу. Эмиль (*франц.*).

не дает вам права на измену. Вспомните тот день, когда вы при всех нас дали ему и нам руку на общее дело. С тех пор многое было доверено вам, и вам стали известны некоторые люди, принадлежащие к нашему лагерю, к нашему делу. Как бы ни велика и как бы даже ни законна была теперь ваша злость на Барсова, вы не имеете теперь права изменять вашему слову. Это была бы измена против вашей совести и чести. Теперь не могу писать вам подробно — но умоляю вас ничего не говорить и не делать, что могло бы повредить Барсову и делу, им делаемому, — может быть, и не всегда правильно, но всегда с безграничною преданностью и забвением себя. Каковы бы ни были его промахи, он все таки остается в моем и, надеюсь, также и в вашем убеждении лучшим и — в отношении к делу, не лицам, — честнейшим человеком между всеми нами.

Завтра напишу вам с Серебренниковым подробно. А теперь умоляю вас еще раз, не будьте преступницею против совести и чести.

Ваш М. Б.

Письмо это, надеюсь, останется между нами — и вы не покажете его, надеюсь, Наталье Алексеевне, которой никто из вас не имел права притягивать к нашим делам.



ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА К Н. А. ГЕРЦЕН О НЕЧАЕВЕ
Автограф. Локарно. 28 июня 1870 г.
Национальная библиотека, Париж

54

Н. А. Герцен — П. Л. Лаврову

Женева, 3 июля 1870
Campagne Baumgartner, St. Jean la Tour

Милостивый государь,

15 июня на почту в Женеве было сдано *застрахованное* письмо в конверте с широкой черной каймой, адресованное господину *Лопатину* [1], отель Масон, улица Вожирар № 3, Париж (№ 15). Только что я узнала, что господин Лопатин покинул Париж, но не знаю, когда. Не будете ли вы так любезны, милостивый государь, чтобы дать мне знать, пришло ли это письмо *до* отъезда господина Лопатина и получил ли он его сам или его послали вслед за ним?

Буду бесконечно обязана за скорый ответ.

Примите, милостивый государь, мои извинения и мою благодарность.

Наталья Герцен

Печатается по автографу: *ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, д. 107, л. 1.

[1] Н. А. Герцен пересылала Лопатину письмо Бакунина к нему от 9 июня (п. 47), оставив себе копию. Сопровождавшее письмо Бакунина письмо самой Натальи Александровны к Лопатину (см. об этом в п. 59) неизвестно.

55

Н. А. Герцен — П. Л. Лаврову

Перевод с французского

4 июля 1870

В Париж из Женевы. Отправлено 4-го в 9 ч. 49 мин.[1] Париж, Батиньоль, авеню Сент-Овен, пассаж Сен-Мишель 10, Полю Сидорову [2].

Вышлите мне адрес Лопатина. Получил ли он мое письмо, отправленное 15 июня?

Натали Герцен

Сен-Жан ля Тур, Женева

Печатается по подлиннику *ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, д. 107, л. 6.

[1] В архиве Н. А. Герцен сохранился черновик этой телеграммы, где она спрашивала вообще о получении ее писем Лопатиным (фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 25.8, с автографа *BN*).

[2] Лавров 5 июля ответил ей телеграммой с подписью «Сидоров», где сообщал адрес Лопатина (фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 25.22, с подлинника *BN*).

56

П. Л. Лавров — Н. А. Герцен

Париж, 4 июля ⟨1870 г.⟩

Милостивая государыня Наталья Александровна,

сейчас я был, по поручению г. Лопатина, в Hôtel Maçon, где мне пришлось распечатать письмо ваше к хозяину отеля, так как он не был уверен, к нему ли это письмо. Спешу уведомить вас, что письмо ваше, в которое, кажется, было вложено и письмо г. Бакунина, было получено Лопатиным *ранее* его отъезда. Он читал и сообщал мне некоторые отрывки и дал прочесть все письмо г. Бакунина [1]. Очень удивляюсь, что это вам неизвестно, так как немедленно по получении от г. Лопатина его адреса в Англии я писал по адресу Madame Alexandrine [2] в Женеву, Chemin des deux billards, где сообщил этот адрес, а также известие о получении г. Лопатиным писем, ему адресованных. На днях я ему послал еще одно письмо из Женевы, полученное в Hôtel Maçon. Почему мое письмо не дошло, не понимаю, так как это со мною еще не случалось. Оно было франкировано, и думаю, что я в адресе не ошибся. Позволяю себе надеяться, что это письмо дойдет вернее, и пользуюсь случаем, чтобы выразить вам то глубокое уважение, которое я питал к вашему отцу, то искреннее горе, которое я почувствовал, когда, собираясь бежать из России, узнал о его смерти, наконец, то полное сочувствие, которое я, человек, вовсе вам не знакомый, позволяю себе питать к дочери, которая несет достойным образом сама и поддерживает достойным образом традицию идей такого отца. Сожалею, что обстоятельства не дозволяют мне лично познакомиться с вами, так как я слышал о вас много хорошего.

Примите уверение в совершенном уважении

Петр Лавров

Paris, Batignolles, avenue St. Oven, passage St. Michel, 10
Адрес: Genève, St.-Jean la Tour, campagne Baumgartner, Mademoiselle Natalie Herzen.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.7, л. 1—2, с автографа *BN*.

[1] Разрешение на это дал ему сам Бакунин (см. п. 47).

[2] Madame *Alexandrine* — А. Озерова.

57

П. Л. Лавров — Н. А. Герцен

Париж, 5 июля ⟨1870 г.⟩

Милостивая государыня Наталья Александровна,

Вы получите, вероятно, зараз оба мои письма, вчерашнее и сегодняшнее, потому что вчерашнее письмо опущено было в ящик четвертью часа позже надлежащего срока. Ночью, в 11 часов, вернувшись вчера домой, я застал вашу телеграмму, полученную, как мне говорили, за 4 часа перед тем. Немедленно я отправился в телеграфическое бюро, чтобы ответить Вам, но бюро было заперто, и я мог послать телеграмму только сегодня утром, около 7 часов утра. Только что я сделал это, сажусь написать вам адрес г. Лопатина: Brighton, England, Essex Street, Brighton Arms, Mr. Clark for Mr. H. L.

Но, повторяю написанное вчера: получив от Лопатина письмо и адрес 23 или 24 июня, я *немедленно* послал адрес M-me Alexandrine с извещением, что Лопатин напишет многочисленные ответы в самом скором времени, как только это будет ему возможно. Мне чрезвычайно досадно, что мое письмо не дошло, так как оно было послано именно с целью успокоить женевских знакомых Лопатина насчет участи посланных ему писем и с целью передать им, что лишь дела мешают ему скорее ответить им. Адрес послал я не в телеграмме, потому что мне известно нежелание Лопатина давать этот адрес лицам, не принадлежащим к кружку более близких знакомых.

Примите уверение в совершенном уважении Петр Л а в р о в

Можно ли будет когда-нибудь обратиться к вам с некоторыми вопросами относительно сочинений и биографических данных касательно Александра Ивановича?

Печатается по фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 25.7, л. 5—6, с автографа *BN*.

58

С. Г. Нечаев — Н. А. Герцен

⟨Женева, 5 июля 1870 г.⟩ [1]

Вы наделали дела, поэтому объяснение с вами необходимо. Потрудитесь пожаловать к Огареву ненадолго и не ставьте в необходимость приходить к вам.

Не задерживайте, я здесь проездом.

Записку возвратите подателю [2], надписав на обороте ответ. Конечно, о содержании записки и от кого она вы не проболтайтесь.

[1] Дата установлена по дневнику Н. А. Герцен.

[2] Записку принес Владимир Серебренников (см. там же).

59

Г. А. Лопатин — Н. А. Герцен

Брайтон, 5 июля ⟨1870 г.⟩

Простите, что до сих пор не отвечал на ваше письмо и на присланное вами письмо Б⟨акунина⟩: право, никак не мог. Я очень рад, что дело кончилось таким образом: по характеру я далеко не ссорщик, и мне тяжелы все подобные объяснения. Посылаю вам мой ответ Б⟨акунину⟩: я надеюсь, что он написан в миролюбивом тоне, хотя я и счел необходимым выставить с новою силою те положения, которые Б⟨акунин⟩ оспаривает в своем ответе [1]. Мне очень жаль, если в моих письмах к вам попадаются места, выражающие сомнение и недоверие по отношению к Б⟨акунину⟩: я считаю, что иногда я имел основания, чтобы питать такие чувства, но теперь я не имею достаточных причин для того, чтобы их поддерживать. Я бы очень желал прочесть письмо Б⟨акунина⟩ к Нечаеву (о котором Вы говорите), конечно, если Б⟨акунин⟩ ничего не имеет против этого.

Я очень жалею, что Озеров удержал вас от пересылки моего письма к Нечае-

ву [2], потому что без этого дело не имеет окончательного смысла. Сверх того, я желал бы, чтобы Нечаев знал мое мнение о нем. В последнее время я получил из России показания некоторых из товарищей Н⟨ечаева⟩ и признания, сделанные друзьям некоторыми из соучастников его в убийстве Иванова. Эти признания бросают еще более мрачную тень на все это печальное дело. Так что я не желаю, чтобы для Нечаева или для кого бы то ни было оставалась хотя малейшая тень сомнения относительно характера моих отношений к этому юноше.

Вы желаете оставить у себя копию с известной бумаги «Комитета»? Я решительно ничего не имею против этого; так как в злоупотреблении ею вами против Б⟨акунина⟩ не может быть и речи; а это единственная причина, на основании которой я отказывал другим, желавшим иметь эту бумагу [3]. Вы недовольны ответом Л⟨юбавина⟩? Я и не думал выставлять его как вещь, достойную подражания. Я и сам нахожу, что можно наговорить нестерпимо оскорбительных вещей, не употребляя ругательных слов; но не забывайте одного: письмо Л⟨юбавина⟩ было *вызвано* бумагою Комитета [4]; между тем как полученное им оскорбление *не было вызвано* ничем, кроме его искреннего желания услужить Б⟨акунину⟩; а потому я никак не могу согласиться с вами в том, что «одно стоит другого».

Все свои сомнения касательно дела Серебренникова я беру назад. Многое зависит от формы передачи: в том виде, как мне его передал Озеров, оно показалось мне ужасно невероподобным; но в том виде, как оно изложено в известной брошюре [5], в нем нет ничего невероятного, и я ему верю.

В конце письма, по обыкновению, обращаюсь к вам с просьбою: 25-го июня я написал Элпидину очень важное для меня письмо, но не получил ответа; недавно я получил от него письмо, из которого увидел, что мое письмо им не получено; тогда я снова написал ему, на этот раз уже через Озерова, но опять не получаю ответа, так что меня берет сомнение: дошло ли мое второе письмо? Не может быть, чтобы Э⟨лпидин⟩ медлил ответом на такое письмо. — Поэтому я буду просить вас передать прилагаемую записочку Madame Озеровой; в ней вложено маленькое письмо к Элпидину. (Говоря в скобках, я бы не желал, чтобы в Женеве знали, что я в переписке с Э⟨лпидиным⟩; Озеров, правда, знает, но это другое дело.)

Если вы уведомите меня, хотя в двух словах, о получении этого письма, я буду вам очень благодарен. Л о п а т и н

Мой адрес: Essex Street, Brighton Arms. Mr Clarke for Mr H. L., Brighton, England.

P. S. Мне сейчас только пришло в голову: может быть, Озеровых нет в Женеве? Поэтому записочку Элпидину прилагаю отдельно: если Озеровых действительно нет, то потрудитесь сами переслать ее ему с кем-нибудь; вы этим меня крайне обяжете.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*. ф. 69, 25.8, л. 9—12, с автографа *BN*.

[1] Это письмо Лопатина неизвестно.

[2] Речь идет о пересылке Нечаеву письма Лопатина [Бакунину от 25 мая (п. 34). Именно поэтому подлинник, а не копия этого письма остался в бумагах Н. А. Герцен.

[3] См. об этом прим. 12 к п. 34. Впоследствии Лопатин отказал и Марксу в предоставлении этих бумаг, заявив, что не может «позорить ⟨. . .⟩ человека, игравшего такую роль в нашем революционном движении» (цит. по кн.: Ю. Р а п о п о р т. Указ. соч., с. 25).

[4] Письмо Любавина Бакунину, написанное в ответ на угрожающее письмо «Комитета», неизвестно.

[5] Брошюра Серебренникова об его аресте швейцарскими властями.

60

В. И. Серебренников — Н. А. Герцен

⟨Женева. 6 июля 1870 г.⟩ [1]

Я был у вас и прошу вас быть дома в 6 часов — до $6\frac{1}{2}$ я приду: мне непременно надо вас видеть. В. С е р е б р е н н и к о в

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.17, с автографа *BN*.

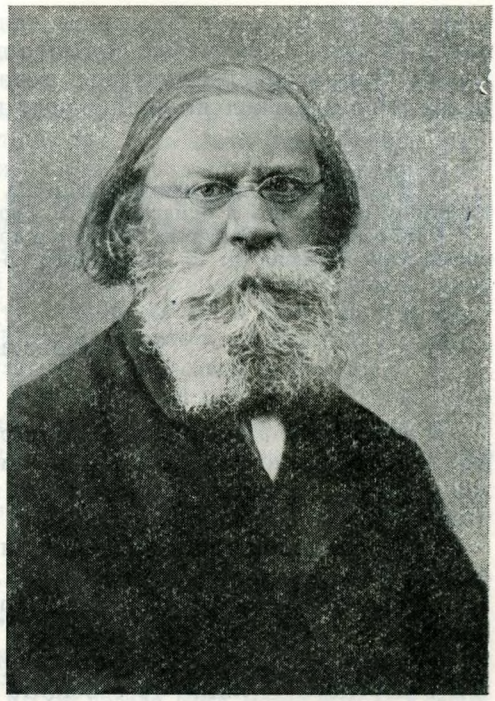
[1] Датируется по дневнику Н. А. Герцен.

61

Н. А. Герцен — П. Л. Лаврову

Женева, 10 июля 1870

Campagne Baumgartner, St. Jean la Tour



П. Л. ЛАВРОВ

Фотография Т. Бернара. Париж, начало 1880-х гг.

Литературный музей, Москва

Письмо ваше от 23-его и 24-ого июня Озеровы получили, потому что адрес г. Лопатина им известен; они мне его сообщили *после* того, как я вам телеграфировала. Не знаю, почему они не решались дать мне его раньше, может, из осторожности, зная, что г. Л⟨опатин⟩ не желает, чтобы все знали, где он находится. Не понимаю также, отчего они мне не сообщили, что моя посылка получена; они знали, как я беспокоилась; я несколько раз спрашивала их, не слыхали ли они хоть косвенно о том, что получил г. Л⟨опатин⟩ мое застрахованное письмо или нет.

После всех глупых и некрасивых историй, которые здесь были, поневоле делаешься подозрительным — поэтому я под конец начала думать, что письмо мое перехватили, вследствие чего я решилась обратиться к вам и вас побеспокоить, несмотря на то что не имею удовольствия быть лично с вами знакома, и очень, очень Вам благодарна за то, что вы так скоро мне ответили и меня успокоили.

Второе письмо Бакунина к г. Лопатину [1] не удовлетворило меня, потому что Бакунин в нем слишком мало говорит о Нечаеве и совсем не объясняет свои отношения к нему, а это необходимо, чтоб доказать, что он не всегда был солидарен с «Народной Расправой». Однако теперь Бакунин и даже Огарев убедились, что их надували, и прекратили все сношения с Нечаевым и его товарищами.

Я всегда готова отвечать на все ваши вопросы касательно Папаши и с удовольствием расскажу вам все, что знаю о его жизни. Рукописей он оставил очень мало, и некоторые из них нельзя еще печатать! [2]

Надеюсь, что мне удастся когда-нибудь лично с вами познакомиться, помню, с каким уважением Папаша говорил о вас и о ваших сношениях [3].

Н. Герцен

Печатается по автографу *ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, д. 107, л. 2—2 об.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Семья Герцена не считала возможным печатать некоторые части «Былого и дум», не изданные Герценом при жизни (о семейной драме, о «молодой эмиграции»). Кроме того, Н. А. Герцен не была, вероятно, еще информирована о принятом А. А. Герценом решении опубликовать «Письма к старому товарищу».

[3] Как известно, Лавров сотрудничал в «Голосах из России». Герцен знал и ценил и другие его работы. Сохранился, в частности, его отзыв на «Исторические письма», печатавшиеся в 1868 г. в «Неделе»: «Статья Миртова очень хороша»,— писал он Огареву 10 октября 1868 г. (XXIX, 460. Миртов — псевдоним Лаврова).

62

М. А. Бакунин — Н. А. Герцен

16 июля 1870. Женева.

Наталья Александровна,

Так как все объяснения мои с Лопатиным кончились удовлетворительным образом, то прошу вас возвратить мне письмо Лопатина, а также и копию с моего

ответа на это письмо [1]. Прошу вас также переслать мне через Семена копию моих писем Нечаеву [2]. Затем мне остается пожелать вам всего доброго и поблагодарить вас за беспристрастное участие, которое вы принимали во всех этих неприятных делах. Через несколько дней я уеду в Локарно.

Преданный вам М. Бакунин

[1] Оба указанных документа (п. 34 и 47) по неизвестным нам причинам не были возвращены Бакунину и остались в бумагах Н. А. Герцен.

[2] Из всех писем Бакунина Нечаеву в архиве Н. А. Герцен осталась только копия большого письма от 2—9 июня (п. 43). Остальные, по-видимому, были ею возвращены.

63

Г. А. Лопатин — Н. А. Герцен

Брайтон, 22 июля ⟨1870 г.⟩

Я слышал от Лаврова, что Вы справлялись о судьбе Вашего письма — вероятно, вследствие моего долгого молчания. Я надеюсь, что Вы уже давно получили мое письмо, посланное из Брайтона, и не отвечаете только потому, что дожидаетесь письма от Бакунина.

1 августа я переселяюсь в Лондон, и потому до получения моего нового адреса не адресуйте мне писем в Брайтон, а пересылайте их через Лаврова (Batignolles, avenue St. Oven, passage St. Michel 10, Mr. Sidoroff, pour remettre à Mr Lopatine).

Лавров писал мне как-то, что Озеровы, *кажется*, уже покинули Женеву. Если Вы в переписке с ними, то сообщите им при случае, что письмо, адресованное в Брайтон, не дойдет до меня, так как мне некому поручить здесь получение и пересылку мне моих писем. Если же они в Женеве, то потрудитесь передать им это на словах, avec mes compliments * (так, кажется, это говорится в образованном обществе).

Что хорошего делается в Вашей Женеве? Лопатин

Адрес: Switzerland. Mademoiselle Natalie *Herzen*. Campagne Baumgartner. St.-Jean la Tour. Genève.

Это и следующее письмо Г. А. Лопатина к Н. А. Герцен печатаются по фотокопиям *ГБЛ*, ф. 69, 25.8, л. 14—16.

64

Г. А. Лопатин — Н. А. Герцен

Брайтон, 28 июля ⟨1870 г.⟩

Лавров просил меня переслать Бакунину от него письмо, так как он не знает его адрес.

Бакунин, правда, сообщил мне свой адрес (Locarno и пр.), но так как из его письма я заключаю, что он живет в настоящее время в Женеве и так как я не знаю его женевского адреса, то я опять вынужден обратиться к Вам с просьбою передать ему прилагаемое здесь письмо Лаврова.

О деле Иванова я напишу уже из Лондона: в настоящую минуту я спешу окончить еще несколько нужных писем.

Лопатин

65

Н. Н. Любавин — П. Л. Лаврову

Тюбинген, 28 июля 1870

Петр Лаврыч,

Письма ваше, Лоп⟨атина⟩ и Бак⟨унина⟩ получил сегодня, последние 2 отослал, согласно желанию Л⟨опатина⟩, в Петербург [1]. Каковы наши герои, освободители несчастного человечества! Я не сомневаюсь, что среди политических дея-

* с приветом от меня (*франц.*).

телей всех стран можно найти немалое количество дряни, но нам, кажется, особенно везет в этом отношении; и я думаю, что причина этого отчасти заключается в сильном недоразумении насчет принципа «цель оправдывает средства», господствующего у нас. Сравнивая борьбу против существующего порядка с войною, забывают, что и на войне не все позволительно, что есть вещи (напр⟨имер⟩, расстреливать пленных), которых стыдятся даже люди довольно низкой нравственности. Главное же, не принимают в расчет, что крайняя неразборчивость в средствах невозможна без насилования того чувства, которое назыв⟨ается⟩ совестью, которое от частых подавлений, конечно, атрофируется, и тем самым подкашивается в самом корне и тот мотив, который побуждает человека посвятить свою деятельность на пользу общую, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ какой же это в большинстве случаев мотив, как не чувство долга? Недурный пример в этом отношении Лассаль, окончивший свое поприще дуэлью из-за знатной и смазливой девчонки [2].

Насчет нового издания Истории Каппа [3] ничего не слыхал. Знаю только, что в прошлом году вышло 2 выпуска прибавлений к его труду, содержащие исследования некоторых специальных вопросов из истории алхимии — насколько мне известно.

Я собираюсь уехать отсюда недели через 3. Не будет ли от вас каких-нибудь поручений в Петербург?

Н. Любавин

Печатается по автографу *ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, д. 655.

[1] 8 августа 1870 г. Лопатин писал по этому поводу Лаврову: «Вы пишете: «Я не знаю, желали ли Вы пересылки письма Бакунина в С.Петербург или нет» и пр. Но боже мой, я нарочно послал письмо мое к Л⟨юбавину⟩ открытым для того, чтобы Вы его прочли, хотя, может быть, я и забыл упомянуть об этом в моем письме к Вам. Я нарочно писал разные вещи в этих двух письмах для того, чтобы не заставлять Вас скучать, читая два раза одно и то же» («Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе». М., 1969, с. 136—137). Речь идет, без сомнения, о копии письма Бакунина к Лопатину от 9 июня 1870 г. (п. 47).

[2] Фердинанд *Лассаль* (1825—1864) — деятель немецкого рабочего движения, публицист и философ. Был смертельно ранен на дуэли, на которую вызвал прежнего жениха своей невесты Елены Деннигес, дочери баварского дипломата.

[3] Очевидно, речь идет о книге Эрнста Каппа (Ernst K a p p. Vergleichende allgemeine Erdkunde in wissenschaftlicher Darstellung. Braunschweig, 1868).

66

С. Г. Нечаев — М. А. Бакунину и Н. П. Огареву

⟨Лондон, конец июля 1870 г.⟩ [1]

Бакунин и Огарев,

Отчего при расставании, целуя меня, как Иуда, вы не сказали мне, что будете писать вашим знакомым? [2] Последнее письмо ваше к *Таландье* и предупреждение Гильома об опасности участвовать в деле, которого вы всегда были инициаторами в теории [3], — суть самые бесчестные и самые подлые поступки, вызванные мелкой злобой. Вы, наперекор всякому здравому смыслу и выгоде дела, непременно хотите упасть в грязь. Так падайте!

До свиданья.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 26.46, с автографа *BN*.

[1] Датируется по связи с письмом Бакунина Огареву от 2 августа 1870 г. (Письма М. А. Бакунина, с. 299). На самой записке помета другой рукой: «Август 1870».

[2] Имеются в виду письма Бакунина от 24 июня 1870 г. к Таландье и В. Мрочковскому (Письма М. А. Бакунина, с. 285—290).

[3] Речь идет об организации Нечаевым банды экспроприаторов (см. вступит. статью).

67

В. М. Озеров — Н. А. Герцен

〈Июль 1870 г.〉

Brighton, England. Essex Street, Brighton Arms. Mr Clarke for Mr H. L.

Наталья Александровна!

Посылаю Вам адрес Лопатина и прошу извинить, что не могу быть у Вас сам; когда будет посвободней, зайду непременно.

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.13, с автографа *BN*.

68

Г. А. Лопатин — Н. А. Герцен

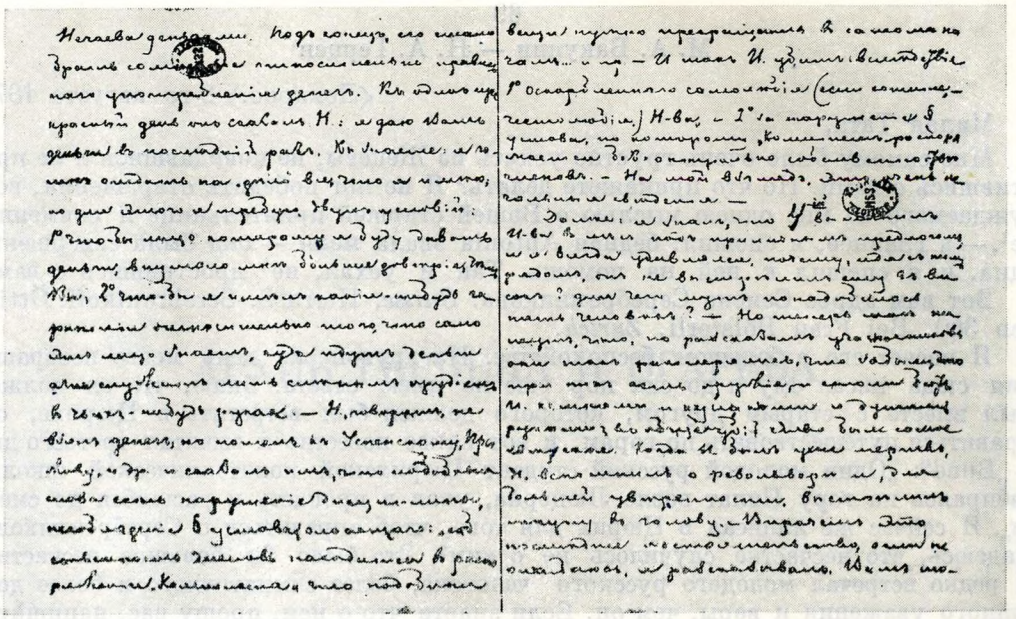
Лондон, 1 августа 〈1870 г.〉

Вот, в коротких словах, те новости, которые получены мною о деле Иванова. Я знал до сих пор, что И〈ванов〉 был умерщвлен не как шпион, а как человек, изменивший свои взгляды и отступивший от некоторых §§ устава «Комитета»; но *в чем* состояли эти отступления — я не знал. Вот что говорят лица, участвовавшие в убийстве, и некоторые другие. И〈ванов〉 был человек достаточный (может быть, даже — богатый) и не однажды снабжал Нечаева деньгами. Под конец его стало брать сомнение относительно правильного употребления денег. В один прекрасный день он сказал Н〈ечаеву〉: «Я даю вам деньги в последний раз. Вы знаете: я готов отдать на «дело» все, что я имею, но для этого я требую двух условий: 1) чтобы лицо, которому я буду давать деньги, внушало мне большее доверие, чем вы; 2) чтобы я имел какие-нибудь гарантии относительно того, что само это лицо знает, куда идут деньги, а не служит лишь слепым орудием в чьих-нибудь руках». — Н〈ечаев〉, говорят, не взял денег, но пошел к Успенскому, Прыжову и др. и сказал им, что подобные слова есть нарушение дисциплины, несоблюдение § устава, гласящего: «собственность членов находится в распоряжении „Комитета“», что подобные вещи нужно прекращать в самом начале... и пр. — Итак, И〈ванов〉 убит вследствие: 1) оскорбленного самолюбия (если хотите — честолюбия) Н〈ечаева〉 и 2) за нарушение § устава, по которому «Комитет» распоряжается бесконтрольно собственностью членов. На мой взгляд, это очень печальные сведения.

Далее: я знал, что У〈спенск〉ий выманил И〈вано〉ва в лес под приличным предлогом, и я всегда удивлялся, почему, идя с ним рядом, он не выстрелил ему в висок? Для чего тут понадобилось пять человек? Но теперь мне пишут, что, по рассказам участников, они так растерялись, что забыли, что при них есть оружие, и стали бить И〈ванова〉 камнями и кулаками и душить руками; вообще убийство было самое зверское. Когда И〈ванов〉 был уже мертв, Н〈ечаев〉, вспомнив о револьвере и для большей уверенности, выстрелил трупу в голову. Впрочем, это последнее обстоятельство, если не ошибаюсь, я рассказывал вам, точно так же, как и то, как в темноте Н〈ечаев〉 принял У〈спенско〉го за И〈вано〉ва и бросился на него, как И〈вано〉в пустился бежать, «Комитет» — за ним... и т. д. всю эту трагикомическую сцену [1].

Далее в письме сообщают мне историю происхождения «Комитета» и его развитие. Но так как тут все дело вертится на именах и фамилиях, то я не могу распространяться об этом. Притом же почти все личности вам не известны, а потому все это не может особенно интересовать вас.

Из сообщаемых мною Вам сведений вы можете делать какое вам угодно употребление. Но обратите внимание только на одно обстоятельство: я *верю* лицам, сообщившим мне все это; но, в случае недоверия и сомнения *с чьей бы то ни было* стороны, в случае каких бы то ни было *объяснений*, я наперед положительно *отказываюсь* сообщить фамилии этих лиц и вообще привести какие бы то ни было доказательства справедливости моих слов и рассказов. Я не считаю себя ни вправе,



ПИСЬМО Г. А. ЛОПАТИНА К Н. А. ГЕРЦЕН ОБ УБИЙСТВЕ СТУДЕНТА И. И. ИВАНОВА
Автограф. Лондон, 1 августа 1870 г.
Национальная библиотека, Париж

ни обязанным сделать это. Кто хочет — верит; кто хочет — нет: мне решительно все равно.

Любопытно также, как началось дело. Судебный следователь, видя, что труп не ограблен, не знал, что и подумать. Он расспросил у хозяйки И⟨вано⟩ва, кто был у него в последний раз, и, больше для соблюдения формы, произвел обыск у Успенского. Не нашел ничего. Выходя из квартиры, один из жандармов (офицер или солдат, не знаю) увидел торчащий из дивана клок бумаги. Разрыли диван и нашли в нем литографский станок, разные разности, между прочим — список около 400 лиц. (Не подумайте, что это все члены их общества! Нет! Но они вносили в свои списки всех лиц, которые, по слухам, могли быть полезными для них в чем-нибудь: против фамилии отмечали качества и пр. Между прочим, мне известно, что я и мой брат имели также честь быть занесенными в этот список. Впрочем, Бакунин может доставить об этом предмете гораздо лучшие сведения, чем я, так как он самолично видел если не все, то некоторые из этих списков.) Обратите внимание на технику дела: человек, решившийся на убийство и долженствующий ожидать следствия и других случайностей, продолжает держать у себя на квартире печатный станок, разные списки и пр.! Не правда ли, это остроумно!

Нечаев рассказывает начало дела несколько иначе и облекает его гораздо большей таинственностью... Но я имел уже удовольствие лично уверить его, что дело началось именно таким образом.

Извините, что пишу на клочках: не хочется идти нарочно из дому.

Лопатин

Печатается по фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 25.8, л. 19—24, с автографа *BN*.

[1] Версия, изложенная Лопатиным и дошедшая до него, по всей вероятности, как отголосок циркулировавших в русской революционной среде слухов, односторонне освещает причины и обстоятельства убийства Иванова, с достаточной основательностью выясненные на процессе нечаевцев в 1871 г. См. материалы процесса, опубликованные в «Правительственном вестнике» в июле—августе 1871 г. (№ 156—206). Об истории убийства Иванова см.: «Нечаев и нечаевцы». Сб. материалов. Подготовил к печати Б. П. Козьмин. М.— Л., 1931, а также главу «Нечаев за работой» в указ. соч. Ю. Стеклова (т. 3, с. 495—521).

69

М. А. Бакунин — Н. А. Герцен

⟨Локарно.⟩ 2-го августа 1870.

Милая Тата,

Мне самому было очень грустно уехать из Женевы, не повидавшись и не простившись с вами. Но что прикажете делать? Я не мог победить отвращения, возбуждаемого во мне одною мыслью о Вашей старшей приятельнице и соименнице[1], — а главное, я спешил: бедная Antonia звала меня — она была совершенно одна, и я спешил к ней на помощь. Так и уехал, не простившись с вами.

Вот вам адрес Семена Серебренникова: *Suisse*, Herrn S. Serebrenikoff, Öttingen 360. Bei Frau Bölsterli. *Zürich*.

Я насчет его в большом беспокойстве. На другой же день моего возвращения сюда писал ему и до сих пор еще не имею ответа. Знаю, что он должен был вместе с старым другом, которого должен был встретить в Цюрихе, отправиться путешествовать по горам, и вот какое известие я вычитал третьего дня в „Bund": „Один молодой русский студент Цюрихской политехнической школы, взбираясь на гору Пилат возле Люцерна, упал в пропасть и расшибся до смерти„. Я сейчас же написал в Цюрих для того, чтоб справиться о Серебренникове. Надеюсь, что несчастие случилось не с ним[2]. Это было бы большое несчастие. Я редко встречал молодого русского человека, более симпатичного и более достойного уважения и веры, чем он. Если знаете что о нем, прошу вас, напишите.

Вы спрашиваете меня, не слыхал ли я что-нибудь о нашем любезном «бароне» (Нечаеве) и его товарищах. С сею же почтою посылаю Огареву записку его, полученную мною вчера вечером, — прочтите и сохраните ее у себя как документ, под номером, в числе других документов. Ведь вы же наш архивариус! Дайте прочесть ее Озерову и Жуковскому, только под условием молчания. Как вам нравится эта записочка? Фанатик наш в своем более или менее искреннем изуверстве превосходит даже Робер-Макэра [3], а я начинаю сомневаться даже в искренности его изуверства, и нам всем, а мне более всех остается покрыть голову пеплом и с горем воскликнуть: мы были круглыми дураками! Вперед наука — жаль, что старость приходит и что немного лет остается для того, чтобы пользоваться наукою. Я просил Мрочковского, к которому он являлся, дать мне самые подробные известия о его адресе, новых связях и всех новых проделках. Что узнаю, вам сообщу.

А нескромна ли будет с моей стороны следующая просьба? К вам известия о военных действиях доходят посредством телеграфа тотчас же — к нам через два дня. Всякий раз, когда случится что крупное, французы ли вошли в Германию и поколотили немцев, немцы ли во Францию и поколотили французов, французский ли флот разбил прусский и совершил десант на немецком берегу, какая-либо новая держава: Россия, Австрия, Дания, Италия, Англия приступила к войне — одним словом, когда случится в каком бы то ни было отношении что важное, телеграфируйте мне на следующий адрес: Locarno. Signora Teresa Pedrazzini, да как можно точнее и подробнее. Если вы это сделаете, я буду Вам чрезвычайно благодарен.

Прощайте, жму Вашу руку

М. Бакунин

Антося вам кланяется.

Я вам пишу этот раз через Огарева, потому что забыл записать ваш адрес и боюсь ошибиться. Пришлите мне ваш точный адрес.

На конверте: à Mademoiselle Tata.

[1] Имеется в виду Н. А. Тучкова-Огарева.

[2] Несчастье случилось не с Серебренниковым (о нем см. прим. 1 к п. 32).

[3] *Записочка* — см. п. 660. *Робер-Макере* см. выше на с. 279 — персонаж пьесы «L'Auberge des Adrêts», в XIX в. ставший символом наглого мошенника.

АРХИВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

СУДЬБА АРХИВА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Статья С. В. Житомирской

I

Известные слова о книгах, «имеющих свою судьбу», с еще большим правом можно отнести к архивам — к документам, рукописям, письмам, возникающим в жизни человека и остающимся после него, запечатлевая ушедшую жизнь в слове. Судьба архива почти всегда — следствие жизненной и творческой судьбы его создателя. В истории русской литературы и общественной мысли немного примеров, столь наглядно подтверждающих эту мысль, как история архива Герцена — сложная и исключительная подобно самой его жизни.

Жизнь, расколотая на несоединимые части тюрьмой и двумя ссылками в России, потом, до конца, эмиграцией. Небывалое для русского писателя и публициста общественное поприще на Западе в эпоху сменявших друг друга исторических потрясений: «Жизнь... жизни, народы, революции, любимейшие головы возникали, менялись и исчезали между Воробьевыми горами и Примроз-Гилем; след их уже почти заметен беспощадным вихрем событий» (VIII, 12). Трагический конец семейной жизни; потом затяжная безвыходная драма нового брака, распад семьи, нестабильность всего существования. Подвиг Вольной русской печати — и диктуемая им неизбежная конспирация. Дети, выросшие на чужбине и утратившие связь с родиной (а потом внуки — французы, итальянцы, американцы, не знающие уже и русского языка). И, наконец, долгие десятилетия запрета его творчества в России — его трудов, обращенных к ней и созданных ради нее. Легко ли в такой жизни, в «беспощадном вихре событий» уцелеть бумагам?

Об их печальных судьбах немало свидетельств самого Герцена. О переписке с невестой: «Ни одного письма из писанных ею в тюрьму не могло у меня уцелеть. Я их должен был тотчас уничтожать» (VIII, 389). О рукописи первой своей автобиографии: «Два отрывка, искаженные цензурою, были напечатаны. Остальное погибло; я сам долею сжег рукопись перед второй ссылкой, боясь, что она попадет в руки полиции и компрометирует моих друзей» (VIII, 398). О «мемуаре», написанном для публикации Э. Гаугом после его объяснения с Гервегом по поручению Натальи Александровны Герцен: «И я еще раз благословил судьбу, что не только взял у него его тетрадь, но, уезжая в Англию, ее сжег» (X, 310).

Великий мемуарист, Герцен не просто знал цену документам — он дорожил ими более, быть может, чем большинство его современников. Это он сказал о письмах слова, поистине афористические: «Письма больше, чем воспоминания; это само прошедшее, задержанное и нетленное» (VIII, 290). Но самому ему часто не удавалось сберечь это прошедшее. «Жаль, что не много писем уцелело у меня,— писал он, публикуя в V книге «Полярной звезды» «Старые письма». — Моя жизнь прибивала меня к разным берегам, к разным слоям, я со многими входил в сношения, но три полицейские нашествия: одно в Москве и два в Париже [1], отучили меня от хранения всякого рода писем. Уезжая в 1852 г. из Италии и думая пробраться через *смирительную* империю, я сжег много дорогого мне» (XI, 515). Еще одно свидетельство Герцена иными обстоятельствами объясняет столь же печальную судьбу многих его бумаг: «Вы не представляете себе нашего бродячего существования,— писал он Мишле 13 октября 1853 г.— Мы кочуем из страны в страну, оставляя всюду половину книг, вещей и т. д.» (XXV, 122). Понятно, что в таких условиях уничтожалось все, что не казалось крайне необходимым в будущем. Сохранилось свидетельство об этом сына Герцена. Посылая П. Б. Струве в сентябре 1902 г. некоторые материалы из архива отца для использования в журнале «Современность», в том числе автограф статьи «Пророк-издатель», А. А. Герцен прибавлял в конце письма: «... посылаю вам подлинник статьи моего отца для „Колокола“, вещь весьма редкую, ибо он всегда уничтожал свои рукописи после напечатания» [2]. Как мы теперь знаем, из подобной практики было все же немало исключений, но в большинстве случаев так оно, вероятно, и было. Еще последовательнее проводил эту практику Герцен, по понятным соображениям, по отношению к рукописям и письмам, присылавшимся ему из России. Он писал об этом 28/16 декабря 1859 г. одному из своих русских коррес-

пондентов, Г. Я. Будковскому: «Предпринятое мною дело — дать голос русским страданиям — есть для меня священнодейство. Я знаю мою обязанность относительно тех, кто посылает мне что б то ни было, а потому *ни одна строка, ни разу, никогда* не выходила из-под ключа, а чтоб не было много рукописей, я их жгу» (XXVI, 319).

Но, разумеется, Герцен далеко не всегда считал нужным хранить и письма, не имевшие такого конспиративного значения, и далеко не каждое из них вообще ценил. Одни просто уничтожались, другие он мог подарить. Так, А. Б. Гольденвейзер со слов Л. Н. Толстого рассказал в своих воспоминаниях, как Герцен в присутствии Толстого в 1861 г. получил записку от Маццини, и Толстой тут же выпросил ее на память [3]. В 1857 г. Герцен дал некоему юноше, ехавшему в Женеву, рекомендательное письмо к Карлу Фогту. Потом планы юноши изменились, и он запросил Герцена, как поступить с письмом. «Продать в Россию как рукопись великого человека, адресованную еще более великому».— Таков был мой скромный ответ»,— шутливо сообщал об этом Герцен Фогту (XXVI, 143). Но пошучивая над возможностью собирания своих автографов, Герцен сам завел вскоре альбом, куда вклеивал автографы своих выдающихся современников,— и жаль, что далеко не все.

Шли годы, но образ жизни Герцена по-прежнему не создавал условий для сохранения рукописей и писем. Близкий к нему в последние годы его жизни Г. Н. Вырубов вспоминал: «Он переезжал на житье из города в город, перевозя все свои пожитки в небольшом кожаном чемодане; иногда, кроме чемодана, был еще ящик с книгами. Книг у него было довольно мало; уезжая, он большею частию оставлял их на месте с намерением потом перевезти, и покупал, когда было нужно, ту же книгу несколько раз» [4]. С бумагами было уже сложнее, их часто приходилось оставлять на хранение у более оседлых друзей.

В тот самый день 1849 г., когда во Франции полиция обыскивала квартиру Л. И. Гааг, Герцен, уже из Женевы, писал жене: «Не забудьте взять мои рукописи у Георга, будем отсюда их печатать» (XXIII, 148), а еще через две недели напоминал ей: «Собери мои рукописи, у Гервега два свертка» (XXIII, 161). Отправляясь после смерти жены из Ниццы в Лондон, Герцен многое сжег, а оставшиеся бумаги вместе с вещами несколькими частями отдал на хранение друзьям— М. К. Рейхель, Энгельсонам, К. Фогту, отвезшему их в дом своих родителей в Берн. В феврале 1853 г. Герцен просил Марию Каспаровну: «Теперь мне надобно достать мои рукописи; доля их у Энгельс⟨она⟩, могите попросить, взять и, прибавивши, если у вас что есть, приготовьте на случай случая сюда прислать» (XXV, 24). О том же он напоминал ей через месяц, 18 марта: «... предписывается вам сообщить мне, какие из моих рукописей русских есть у вас; да я вас просил взять у Энгельс⟨она⟩; приготовьте все это мне отправить при первой оказии» (XXV, 30). У нее были оставлены и книги: в июле 1853 г. Герцен писал: «Да мне очень нужно мои старые писания: «Об изучении природы» и «О дилетантизме» (XXV, 78).

Подобные просьбы содержатся и в письмах к К. Фогту. 24 марта 1853 г. он просит Луизу Фогт найти надежный способ переслать ему в Лондон ящик с картинами и папку с «довольно важными бумагами» [5]. Предложение Фогта вверить все это почте вызывает у Герцена сомнение: «Относительно папки не знаю, что сказать; *лучше* ее не отправлять. *У меня есть уже пример* пропажи бумаг, а там русские письма, имеющие для меня огромную ценность» (XXV, 41). В конце концов бумаги в августе того же года привез в Лондон знакомый Фогта Г. А. Редигер (XXV, 90) [6]. Но и тогда часть рукописей осталась в Берне. В октябре 1853 г. Фогт сообщил Герцену, что взял у родителей «сверток, в котором находятся ваши письма о буржуазии» [7]. «Письма» эти, по предположению составителей «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» — ранняя редакция «Письма первого» [8], еще долго находились у Фогта. Он напоминал Герцену в декабре 1856 г.: «Я вспомнил, что у меня хранятся ваши письма о буржуазии». Возможно, что Герцен так и не забрал их,— во всяком случае, они принадлежат к числу его рукописей, судьба которых неизвестна. Были случаи, когда через Фогта передавались бумаги, хранившиеся в других местах. Так, в апреле 1857 г. Герцен просил его переслать в Лондон (с ехавшим туда баденским демократом-эмигрантом Гёггом или «столь же надежным другим лицом») пакет с бумагами, хранившийся у некоей г-жи Танчони близ Женевы (XXVI, 87).

Уже в первые годы жизни в Лондоне Герцен тревожно задумывался о судьбе своих рукописей и бумаг. В конце 1854 г., на случай своей смерти, он письменно просил В. Энгельсона вместе с М. Мейзенбуг взять на себя «труд по приведению в порядок ⟨. . .⟩ бумаг, документов, рукописей и т. д.» (XXV, 260, 262). Позднее, в мае 1855 г., в следующем распоряжении он отказался от помощи Энгельсона, заменив его своим сыном Александром (XXV, 259—260). Герцену предстояла еще долгая жизнь, еще не раз круто менялись его отношения с семьей и близкими, но

функция будущего распорядителя документальным наследством навсегда осталась за его сыном.

Длительная и относительно стабильная жизнь Герцена в Лондоне способствовала не только сохранению большего, чем до этого, количества рукописей и писем, но и некоторому пополнению накапливавшегося в эмиграции архива бумагами, ранее оставленными в России. С оказиями (П. Л. Пикулин в 1855 г., Огаревы в 1856-м, Н. Н. Булич в 1858-м, племянник М. Ф. Корш Куманин в 1862 г. и др.) получена была часть писем времени вятской ссылки, письма 1830—1840-х годов от Белинского, Грановского, Полевого, некоторые документы из архива отца, портреты.

О приезде Булича и привезенных им бумагах Герцен в эти дни написал нескольким своим корреспондентам — П. В. Анненкову: «Б⟨улич⟩ привез мне кипу старых бумаг из 1840—46 года, в том числе с десяток писем Белинского» (XXVI, 198); М. Ф. Корш, с указанием других хронологических рамок полученных бумаг: «Между прочим он привез мне не только письма, бывшие у Ел⟨изаветы⟩ Б⟨огдановны⟩, но и кипу наших бумаг и писем от 38 до 46 года» (XXVI, 193).

В письме к М. К. Рейхель еще другие даты: «Булич привез мне пук разных писем старых врем⟨ен⟩ 1842—46» (XXVI, 195). Очевидно, как относительна точность данных, которые нам приходится извлекать из подобных беглых упоминаний в письмах [9].

Уезжая в 1847 г. из России, Герцен, конечно, вовсе не был уверен, что уезжает навсегда, и поэтому не имел необходимости увозить с собой весь сложившийся к этому времени архив. Было бы естественно просто оставить его дома. Но Герцен обладал уже достаточным опытом жизни в николаевской России. Все, что он считал необходимым сохранить и уберечь от жандармского внимания, было оставлено частью у Грановских, а частью — целый ящик — у Коршей (впоследствии, если верить указанию Лемке, М. Ф. Корш передала этот ящик Т. А. Астраковой — Л VII, 160). Понятно, что сейчас невозможно определить ни содержимое ящика, ни все ли, в нем находившееся, оказалось потом за границей. В письмах Герцена речь идет то о «бумагах и письмах» — значит, не только о письмах (письмо к М. К. Рейхель от 15 ноября 1852 г.— XXIV, 360), то о «ящике с письмами» и портретах (к ней же 27 декабря 1853 г.— XXV, 143). Но, по-видимому, бóльшая и самая дорогая для Герцена часть этих бумаг была доставлена к нему в Лондон.

В 1854 г., в книге «Тюрьма и ссылка», составившей потом II часть «Былого и дум», Герцен так писал о своей переписке с невестой: «Эти письма все сохранились. Я их оставил в Москве. Ужасно хотелось бы перечитать их, а страшно коснуться...» (VIII, 290). Через несколько лет, во 2-м томе лондонского издания 1861 г., он рассказывал: «Когда я писал эту часть «Былого и дум», у меня не было нашей прежней переписки. Я ее получил в 1856 году ⟨. . .⟩ В бумагах Natalie я нашел свои записки, писанные долею до тюрьмы, долею из Крутиц. Некоторые из них я прилагаю к этой части» (VIII, 389). Среди привезенных из России бумаг были также письма вятских знакомых А. и П. Скворцовых [10] и подруги юности Натальи Александровны Саши Вырлиной (VIII, 326—327). Но, конечно, что-то оставалось в московском доме — и из этого до нас дошло весьма немногое, случайно сохранившееся и еще более случайно обнаруженное потом первыми публикаторами наследия Герцена в России — Т. П. Пассек и Е. С. Некрасовой. Отчасти поэтому неизвестны рукописи большинства произведений Герцена доэмиграционного периода.

Рассматривая в данной работе судьбу архива Герцена, мы ограничиваем свои задачи именно архивом, не ставя перед собою цель проследить судьбу всего его эпистолярного наследия — ибо написанные им письма, с его письменного стола отправившись к адресатам, и не входили никогда в его архив. Нам придется касаться их кое-где, поскольку их разыскивали и собирали несколько поколений ученых и издателей. Но говоря о том, что должно было оказаться и сохраниться в России после отъезда Герцена в эмиграцию, нельзя не вспомнить о его письмах к друзьям, горевших в московских каминах — тех, что сожгла, например, «сама не зная зачем», Т. П. Пассек [11], и многих других. Так, в дневнике Е. С. Некрасовой, где передана ее беседа с дочерью Герцена Натальей Александровной в Лозанне в 1893 г., записано: «А Вы знаете,— ⟨спросила у нее Некрасова⟩,— куда девались письма Ваших родителей, адресованные М. Ф. Корш? — Нет.— Она отослала их Кетчеру, а тот бросил в камин» [12]. Происходили подобные ауто-да-фе и позже — та же Некрасова записала: «В 80-х гг., будучи в Петер⟨бурге⟩, Е⟨катерина⟩ А⟨лександровна⟩, узнав о начавшихся обысках и арестах, сожгла все письма Герценов и их портреты (слышано все от Линниченко)» [13].

Последнее десятилетие жизни Герцена было еще менее благоприятно для сохранения его архива, чем предыдущие. Неоднократные и долгие разлуки и со второй женой, и с детьми одним

из следствий имели обильную и необыкновенно ценную для будущих историков переписку с ними и с Огаревым. Но сложные и тяжкие семейные взаимоотношения сказались на далеко не полной ее сохранности.

«Писем моих не присылай,— писала Герцену в Борнемут 6 октября 1860 г. Н. А. Тучкова-Огарева,— сожги их, когда переедешь в Лондон» [14]. И через много лет в ее письмах звучит тот же мотив: «Жги мои письма, зачем нам их, ведь над нами нет суда» [15]. Отвечая вскоре на его возражения, она повторяла: «А насчет писем я остаюсь своего мнения и прошу тебя их уничтожать — нам они, кроме горечи, ничего не могут напомнить, а Лизе они будут вредны 〈. . .〉, по крайней мере, держи их в пакете с надписью: сжечь после смерти» [16]. Просьба эта не была выполнена, и многие письма сохранились — несомненно, однако, не все: «Летопись жизни А. И. Герцена» насчитывает 89 неизвестных писем Герцена к Наталье Алексеевне и 37 писем ее к нему.

С такими же просьбами Н. А. Тучкова-Огарева обращалась позднее к Огареву. 12 апреля 1875 г. она писала ему: «Я бы желала, чтоб ты сжег мои письма, старые особенно; к чему после нашей смерти посторонним копаться в нашей душе» [17]. Желание это, высказанное в момент, когда отношения были уже окончательно порваны, вызвало сопротивление и возмущение Огарева, писавшего Н. А. Герцен: «Хотя она 〈. . .〉 и требует, чтоб я истребил ее письмы ко мне, чтобы никого не мешать в наши дрязги, но я этого не сделаю, чтобы иметь на всякий случай показать, кто прав, кто виноват, кто добр, кто зол» [18]. Письма, о которых шла речь, сохранились: после смерти Огарева они достались детям Герцена и дошли до нашего времени.

Все сказанное до сих пор, отнюдь не претендуя на историю формирования архива Герцена и утрат из него при его жизни, имело более скромную цель; показать, насколько отрывочны наши сведения об этом и как трудна задача реконструкции состава тех бумаг, которые были налицо, когда в январе 1870 г. в своей парижской квартире неожиданно скончался их владелец.

Современные знания и об архиве Герцена и вообще о его рукописном наследии, далеко выходящем за рамки архива в точном смысле слова,— плод более чем столетних интенсивных исследований. Огромный объем сведений накоплен в литературе, и особенно в таких специальных изданиях, как «Русские Пропилеи», «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», «Звенья», посвященные Герцену и Огареву «Бюллетени Государственного литературного музея», шесть герцено-огаревских томов «Литературного наследства», печатные описания материалов Герцена и Огарева, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, ЦГАЛИ СССР и Пушкинском доме, научные переиздания «Колокола», «Полярной звезды», «Исторических сборников», «Голосов из России». Бесценный вклад в эти знания внесли оба фундаментальных издания собраний сочинений Герцена — под редакцией М. К. Лемке и академическое издание 1954—1965 гг. и, наконец, «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена», не только обобщившая в своей специфической форме все, к настоящему времени известное, но и внесшая много нового, в частности — указания на неизвестные рукописи и письма, присланные Герцену, т. е. неизвестную часть его архива. Но при всем этом сложившиеся представления о том, из чего в конце жизни Герцена состоял его архив и чего наука в нем недосчитывается, недостаточно точны и противоречивы. Причин этого несколько.

Дело в том, прежде всего, что сведения, рассыпанные в обширной литературе и комментаторском аппарате, связанные там, как правило, с каким-то конкретным документом или произведением, никогда еще не были обобщены и проанализированы под указанным углом зрения. Даже в собраниях сочинений в задачу комментаторов и составителей входило лишь указание на местонахождение подлинника или его неизвестность. Судьба архива, которая объяснила бы и то и другое обстоятельство (а, значит, и указала бы возможное направление поисков утраченного), здесь исследоваться не могла и не должна была. Возникновению более точных представлений препятствовало и отсутствие сводного описания рукописей Герцена (и тем менее — Огарева) в советских хранилищах, подобного осуществленным в последние десятилетия описаниям наследия Достоевского и Блока [19].

Понятно, что еще менее точны данные о части наследия, оказавшейся в зарубежных хранилищах. Настойчивые разыскания в этом направлении уже много лет ведет «Литературное наследство». Плодом их явился не только особый том «Герцен в заграничных коллекциях», но и значительное пополнение документальной базы тридцатитомного собрания сочинений. И все же, как выяснилось потом, результаты были не исчерпывающими — не были выявлены не только материалы, тогда еще хранившиеся в частных собраниях потомков Герцена, но и часть тех, что к тому времени давно уже хранились в европейских библиотеках и архивах. Нельзя не отметить здесь, что решающую роль в незавершенности поисков в те годы сыграло то обстоятельство,

что им не предшествовало подробное исследование судьбы архива Герцена. Более того — в нем не возникала потребность. К тому времени казалось, что история архива — история его постепенного расчленения между наследниками Герцена, а от них — между лицами и учреждениями в России и за границей — вполне выяснена. Основные ее этапы, освещенные в нескольких работах — Н. М. Мендельсона, С. А. Макашина и Б. П. Козьмина [20], далее повторялись без существенных изменений [21]. Но когда позднее в одно из зарубежных хранилищ поступил новый крупный комплекс материалов из архива Герцена, а главное, в давно сформировавшихся за рубежом собраниях обнаружились некоторые рукописи и письма из него, считавшиеся утраченными со времен Лемке, стало очевидным, что некоторые существенные стороны истории архива ускользнули от исследователей и нуждаются в уточнении. Достаточно указать, что при подготовке к печати «Былого и дум» в тридцатитомном собрании сочинений Герцена не удалось разыскать автограф той части, которая в этом издании была названа «Рассказ о семейной драме», хотя Лемке напечатал ее по копии с этого автографа, находившегося тогда у Н. А. Герцен (напомним, что, не найдя автографа, публикаторы вынуждены были положить в основу текста одну из копий, оказавшихся в составе Пражской коллекции). А тщетно разыскиваемая рукопись с 1938 г. хранилась в Международном институте социальной истории в Амстердаме, откуда в те же годы было получено немало фотокопий герценовских материалов. И если бы розыски велись на базе уже предпринятого исследования судьбы архива, на базе доступных и тогда источников, то выяснить это было бы нетрудно: рукопись эта, в ряду других материалов, упоминалась, как мы увидим далее, в переписке ее владельца Владимира Александровича Герцена с Литературным музеем. Аналогичная ситуация сложилась и с упоминавшимся уже альбомом писем «известных современников» Герцена, о котором писали, что он «неведомо куда девался» [22].

ГЕРЦЕН

Рисунок Н. А. Герцен (перо). 1860-е гг.
Национальная библиотека, Париж

Между тем, чем дальше идет время, тем сложнее становятся поиски еще не найденного и, может быть, до сих пор находящегося у многочисленных потомков Герцена или в непредсказуемых частных собраниях в Европе и Америке. Поэтому исходная для этих поисков реконструкция первоначального состава документов становится особенно необходимой. Очевидно, что первым шагом к ней должно быть более подробное и точное исследование посмертной судьбы архива — с 1870 г. до наших дней. Попыткой ее проследить, зафиксировав в исторической последовательности не только все доступные нам подробности членения архива и передачи из рук в руки составлявших его материалов, но и постепенное накопление сведений о нем у исследователей и публикаторов наследия Герцена, и является настоящая работа. Понятно, что автору придется не раз коснуться в ней истории издания этого наследия, тесно переплетающейся с судьбой архива.

Но прежде чем начать свой рассказ, мы должны обратить внимание еще на некоторые его особенности.

Существующая литература вопроса крайне неравномерно освещает различные моменты исследуемой здесь истории. Наряду с указанными уже общими работами, некоторые статьи и обзоры посвящены судьбе какой-то одной части архива [23], другие — тому или иному этапу изучения или издания Герцена [24]. Складывающаяся в результате картина очень пестра: одни сюжеты исследованы самым детальным, почти микроскопическим образом, другие намечены самыми крупными и нечеткими штрихами, а ничем не заполненные пустоты между ними лишают возможности осмыслить процесс в целом. Стараясь равномернее его осветить, мы должны были подробнее останавливаться на менее известном, хотя, быть может, и не более важном, а хорошо

изученные моменты лишь кратко излагать, дополняя и уточняя нужное. С другой стороны, различный объем доступных источников не позволял достичь желательной равномерности в полной мере.

К сожалению, за пределами таких источников остается документация, значение которой для данной темы первостепенно: переписка и вообще личные архивы всех трех детей Герцена, а также тех его внуков, которые потом были причастны к распоряжению его наследием. Вопрос о возможности использовать ее в исследовательских целях, достаточно деликатный сам по себе и осложняемый территориальной разобщенностью, не поднимался в то время, когда живы были внуки Герцена. Еще сложнее он теперь, когда многочисленные его потомки, живущие в разных странах, все дальше отходят от этих проблем [25]. В составе Пражской коллекции находится небольшая часть переписки дочери Герцена Натальи Александровны [26], несомненно отобранная по определенному принципу из всего, вероятно, немалого архива, который должен был накопиться за ее долгую жизнь. В нее входят письма к Н. А. Герцен от исследователей и издателей Герцена, но практически отсутствует ее переписка с братом, сестрой, племянниками (есть одно лишь письмо А. А. Герцена и черновик письма самой Натальи Александровны к племяннице Ж. Рист). В ту же коллекцию попала небольшая, случайная по составу группа бумаг А. А. Герцена [27], где тоже нет какой бы то ни было переписки с сестрами или взрослыми детьми. Исследователю доступно немало писем детей Герцена, а затем и его внуков в архивах лиц, причастных к собиранию его наследия или изданию его трудов в России. Но они позволяют наблюдать общение потомков Герцена лишь с внешним миром. Внутренняя же, семейная линия посмертной истории архива Герцена — конкретные обстоятельства его деления между наследниками, разногласия между ними в отношении судьбы бумаг, принятие тех решений, с которыми они выступали перед внешним миром, принципы отбора тех бумаг, которые постепенно передавались ими в русские и зарубежные хранилища,— все это остается за пределами доступных нам источников и восстанавливается по разрозненным, случайным и часто противоречивым свидетельствам. Многому, поэтому, суждено пока остаться не ясным или не вполне доказанным.

И, наконец, о проблеме архива Огарева, имя которого стоит рядом с именем Герцена не только в жизни, но и в предмете данной работы. Как известно, отчасти еще при жизни Герцена, а главным образом после его смерти, в архив, оставшийся у детей Герцена, влилась значительная масса бумаг Огарева — как возникших в эмиграции, так и привезенных с собой из России. Последующая судьба объединившегося документального наследия Герцена и Огарева была единой,— так, вместе, она только и может изучаться. Но рукописное наследие Огарева, состав и история его документов, рукописей, писем, а еще более — писем, обращенных к нему, исследованы в несравненно меньшей степени, чем Герцена: ведь нет не только собрания его сочинений, но и полного издания его писем. Очевидно, что восстановить судьбу бумаг Огарева с той же подробностью, что и бумаг Герцена, пока вряд ли возможно. Поэтому она освещается здесь лишь в той степени, в какой это неизбежно (и удается сделать) при исследовании судьбы наследия Герцена.

Все сказанное заставляет видеть в предлагаемой работе только первый и неизбежно неполный опыт свода доступных документальных данных о посмертной судьбе архива Герцена и Огарева.

II

После кончины Герцена его семья оставалась в Париже недолго. В первых числах февраля 1870 г. Н. А. Герцен в сопровождении С. Тхоржевского уехала в Женеву для свидания с Огаревым. Результат этой поездки был неожиданным: под влиянием Огарева и Нечаева она решила переехать совсем в Женеву и принять участие в их пропагандистской деятельности. Вернувшись вскоре в Париж, Наталья Александровна проявила не свойственную ей вообще настойчивость и добилась согласия брата и Н. А. Тучковой-Огаревой на переезд последней вместе с нею и Лизой в Женеву [28]. 22 февраля парижская квартира была ликвидирована. А. А. Герцену и Тхоржевскому, еще 18-го отправившимся для захоронения праха Герцена в Ниццу, телеграфировали, чтоб они не возвращались в Париж, и А. А. Герцен оттуда уехал домой во Флоренцию [29].

Использование рукописей Герцена и пересылка их начались в эти же первые недели. Еще в Париже, по-видимому, было принято решение об издании «Сборника посмертных статей», а в Женеве Н. А. Тучкова-Огарева приступила практически к его подготовке. В связи с этим она должна была оставить у себя предназначенные для сборника рукописи. Основная же масса материалов вместе с вещами была отправлена во Флоренцию. «Вот приносят предупреждение,—

сообщал А. А. Герцен Наталье Алексеевне,— что ящики, посланные из Женевы, приехали и находятся на таможне. Я спешу их оттуда достать: боюсь, чтобы вещи и особенно бумаги не испортились в сыром месте» [30]. Отправлена была, в частности, вся переписка Герцена. Об этом говорит обращенная к А. А. Герцену вскоре просьба Н. А. Тучковой-Огаревой о присылке ей в Женеву каких-то писем. «Какие письма ты хочешь? — отвечал он ей 12 марта,— Неужели *твои*? Да как же я их пошлю? Ну, а как пропадут?» [31]

Сохранившийся проект титульного листа «Сборника посмертных статей» и составленный Н. А. Тучковой-Огаревой перечень намеченных произведений раскрывают первоначальный план издания. Заглавие формулировалось так: «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена, не вошедших в «Былое и думы» или написанных в последние годы его жизни». Текстам должно было предшествовать предисловие его сына и биография Герцена, «написанная Николаем Платоновичем Огаревым, другом его и сотрудником» [32]. Но Огарев, весной и летом 1870 г. полностью отдавшийся совместной с Нечаевым пропагандистской деятельности и изданию возобновленного «Колокола», задуманной биографии не написал, хотя, очевидно, начинал работать над ней. Он дважды упоминал об этом в своих письмах к А. А. Герцену: в письме от 7 марта — «Биографии я ближе шести месяцев не могу приготовить», 12-го июня — «Я не статью о нем писать хотел, а работаю над биографическим очерком» [33]. А. А. Герцен, в отличие от него, предисловие для сборника написал. В марте 1870 г. он еще писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «О предисловии дай мне подумать — я чувствую, что оно у меня как-то не складывается ловко» [34], но потом все же кончил его и послал в Женеву. 28 июня он спрашивал ее: «Как вы находите мое предисловие?» [35] Оно, по-видимому, не удовлетворило читавших его в Женеве, и сборник, в конце концов, был предварен лишь несколькими вступительными строками Огарева. Рукопись предисловия А. А. Герцена, возможно, сохранилась в семейном архиве: в полученном редакцией «Литературного наследства» в 1965 г. из Международного института социальной истории перечне хранящихся там материалов из архива Герцена значится «рукопись статьи о Герцене его сына».

По вопросу о том, что включать в сборник, сразу же возникли разногласия. 7 марта 1870 г. Огарев писал А. А. Герцену: «Останови Натали печатать письмы Герцена, особенно впереди всего — это бросить камень в его память и возбудить вражду с двух сторон — со стороны реакции и прогресса, и присвоить его к буржуазии. Может вам этого хочется — я не знаю, но я решительно *требую*, чтобы их печатали в гораздо позднейшем выпуске» [36] (речь шла о письмах «К старому товарищу»). 10 марта А. А. Герцен ответил ему, что если он «этого особенно желает, то мы можем *начать* издание другими вещами, и эти письма напечатать попозже» [37]. Так, по всей вероятности, и произошло бы, если бы не нетерпеливое, грубое вмешательство Нечаева. Еще прежде чем этот ответ А. А. Герцена дошел до Огарева, Нечаев отправил Н. А. Тучковой-Огаревой письмо от имени «Народной расправы» с требованием отказаться от печатания писем и с угрозами [38]. Последняя вспоминала потом об этом: «Посмертное издание сочинений А. И. Герцена печаталось в Женеве под моим наблюдением; Н. П. Огарев просматривал корректуру, Александр же Александрович продолжал жить во Флоренции, поэтому письмо с угрозами было прислано мне» [39]. После этого выбора уже не оставалось: нельзя было подчиниться наглому диктату, и вопрос о печатании писем решился сам собой.

Слегка поколебавшись, не разделить ли издание на два или даже на три выпуска, и, решив, «чтобы бедного Огар⟨ева⟩ не слишком огорчать», поместить «несчастные письма» в конце [40], А. А. Герцен 12 марта написал Огареву письмо: «Я поступаю по совести; мой долг перед *ним*, перед Россией, напечатать *все* его статьи» [41]. Автор угрожающего письма был узнан А. А. Герценом без труда — недаром он писал Наталье Алексеевне: «Я не знаю, почему ты не хочешь с ним ⟨Огаревым⟩ и Татой об этом говорить. Ведь они наверное знают» [42]. Он, однако, ошибался: Огарев не только не подозревал о действиях Нечаева, но и гораздо позже, в июне 1870 г., накануне разрыва с ним, не считал его на них способным. Он писал А. А. Герцену: «Подметным письмам «Расправы» — я не верю: это какая-нибудь здешняя сплетня — из других рук» [43]. А. А. Герцен, со своей стороны, настолько опасался дальнейших акций Нечаева, что просил Н. А. Тучкову-Огареву спрятать подлинные рукописи отца у А. Фогта с тем, чтобы не выдавать их «даже Тате», а снятые уже к этому времени копии отправить ему [44].

В ходе подготовки к печати «Сборника посмертных статей» перед семьей Герцена впервые встал вопрос о судьбе той части «Былого и дум», где рассказана история семейной драмы. По первоначальному замыслу центром сборника должны были стать все без исключения не публиковавшиеся при жизни Герцена главы «Былого и дум». Уступая желаниям Огарева, А. А. Гер-

цен, как мы видели, готов даже был ограничиться ими на первых порах. Отдаленным отзвуком этой идеи явились слова Огарева в его кратком вступлении к сборнику: «Его дети решились печатать все, после него оставшееся, и начали с выпуска «„Былое и думы“». Но уже 1 марта Н. А. Герцен сообщала М. К. Рейхель, что «все, относящееся к истории с Гервегом, не будет печататься» [45]. Дерзкая выходка Нечаева, только усилившая решимость семьи напечатать все неизданное, внесла новые колебания и в этот вопрос. Н. А. Герцен сообщала по этому поводу М. К. Рейхель: «Хотели мы одно время печатать V-ый том папашиных записок («Былое и думы»), в котором он говорит о Ницце и об истории с Герв⟨егом⟩, но оказывается, что все еще рано. Мы через знакомых узнали, что жена его больше, чем когда-либо, его обожает и что если бы она узнала, что что бы то ни было печатается или напечатано, то она бы сделала скандал. Рано или поздно надобно будет напечатать, так как папаша это желал, но пока мы отложили еще на некоторое время» [46]. Сборник, вышедший в октябре 1870 г. [47], этой части «Былого и дум» не содержал. В принятом решении, диктовавшемся тогда опасениями, имевшими под собой реальную почву, впервые проявилась, помимо этого, внутренняя борьба, сопутствовавшая потом всей жизни детей Герцена: между стремлением публиковать и популяризировать наследие отца, с одной стороны, и потребностью максимально ограждать от гласности все лично-биографическое и вообще то, что им казалось бросающим тень на память ушедших близких людей. И хотя, с течением времени, личное, отступая в прошлое, становилось историческим, а ограждение это становилось все менее оправданным, наследники Герцена продолжали оставаться в плену раз сложившихся понятий и ими руководствоваться в своих действиях. Сознавая, как трудно было с годами следовать принятой позиции, в особенности — при неразрывном сплетении жизни и творчества Герцена, как противоречила она его собственному пониманию своей биографии как общественного явления, да и ясно выраженным его намерениям [48], они, тем не менее, поразительно долго не могли психологически перестроиться,— и без учета этих мотивов многие решения, определявшие судьбу наследия Герцена и Огарева и его издания, нельзя было бы понять.

Сведения о том, где находились материалы из архива Герцена в первой половине 1870-х годов, до отъезда Н. А. Тучковой-Огаревой в 1876 г. в Россию, довольно отрывочны. Можно все же полагать, что после издания «Сборника посмертных статей» рукописи Герцена, находившиеся в Женеве, были полностью возвращены его сыну: автографы напечатанных там глав «Былого и дум» от него поступили впоследствии в московский Румянцевский музей [49], а рукописи других вошедших в сборник произведений им же были переданы М. П. Драгоманову и обнаружены потом в Пражской коллекции [50].

С архивом, по-видимому, велась некоторая работа, направленная главным образом к собиранию писем Герцена. Свои задачи, однако, А. А. Герцен понимал не совсем обычным образом. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 26 августа 1873 г. он формулировал их так: «Что же вы Тургенева видели или нет? И спрашивали ли его о письмах? Было бы очень желательно, чтобы люди, бывшие в переписке с Папашей, или присылали бы мне его письма, или брали бы к себе свои; разрозненная переписка не имеет никакого интереса» [51]. Поэтому архив не только пополнялся, но из него иной раз уходили прямо принадлежавшие к нему документы — так, дочери Прудона Катрин Эннеги была возвращена часть писем ее отца к Герцену.

На проблеме возвращения писем к Герцену наследникам их авторов надо остановиться несколько подробнее. На подобные факты (возвращение писем Прудона, Луи Блана, Саффи) не раз указывалось в литературе [52]. Но эти повторяющиеся указания нуждаются в существенных уточнениях. Не вызывает сомнений только передача наследникам преобладающей части писем Саффи, местонахождение которых в настоящее время неизвестно («Летопись жизни и творчества А. И. Герцена» учитывает 9 неизвестных писем Саффи за 1853—1856 гг., но, судя по числу сохранившихся писем Герцена к Саффи — а они сохранились не полностью,— их должно было быть гораздо больше). Но и в этом случае три письма Саффи (4 ноября 1853 г., 21 октября и 12 ноября 1855 г.) остались у Герценов, тексты их были предоставлены сперва Гершензону для его работы «Герцен и Запад» [53], потом использованы в издании Лемке (Л VIII, 240—243, XIV, 6—7), а автографы теперь хранятся в Международном институте социальной истории (Амстердам) [54]. Из шести известных писем Луи Блана («Летопись» учитывает только одно неизвестное его письмо, на которое Герцен отвечал 13/1 марта 1862 г.) к моменту издания Лемке в семье Герценов хранились четыре (Л VIII, 506—507; IX, 221; XIV, 546; «Былое», 1907, № 4), теперь находящиеся в том же зарубежном собрании [55]. Остальные два письма — от 6 июня 1858 г. и 27 февраля 1858 г., оторвавшись от прочих, оказались в небольшой коллекции писем к Герцену его французских корреспондентов в составе обширного собрания рукописей и автографов, при-

надлежавшего кн. А. И. Барятинскому [56]. Опубликовавшая их в свое время Н. Д. Эфрос [57], указав, что «никаких сведений о личных связях Герцена с фельдмаршалом кн. А. И. Барятинским не сохранилось», резонно предположила, что письма были просто приобретены им у кого-то, как и другие материалы его коллекции. Очевидно, однако, что находящийся в собрании Барятинского целый комплекс писем к Герцену французских знаменитостей (2 письма Прудона, 2 письма Луи Блана, по одному письму Гюго и Мишле) не мог составиться из писем каждого из них, приобретавшихся поодиночке у разных наследников. Ясно, что весь он при неизвестных нам обстоятельствах был извлечен когда-то из архива Герцена, хранившегося у его детей, и потом куплен Барятинским. Это тем более вероятно, что последний жил в 1870-х годах сперва в Италии, затем в Швейцарии и умер в Женеве в 1879 г. Все приведенные данные о письмах Луи Блана к Герцену, как мы видим, противоречат утверждению, будто они были возвращены его наследникам.

Сложнее, чем могло показаться по упоминаниям в литературе, обстоит дело и с письмами Прудона к Герцену. Р. Лабри напечатал семь из них и упомянул еще об одном письме (от июля 1852 г.), хранившемся у дочери Прудона, но не предоставленном ему для публикации [58]. Лабри использовал для своего издания пять писем, ранее вошедших во французское издание переписки Прудона [59], куда были предоставлены его дочерью еще одно хранившееся у нее же письмо (от 23 августа 1849 г.) и письмо от 27 ноября 1851 г., которое позволила ему скопировать Н. А. Герцен. Лабри надеялся найти у нее подлинник еще одного письма Прудона— его приписку к письму Ш. Э. Хоецкого от начала августа 1849 г., в русском переводе напечатанную Лемке (Л V, 293), а до этого приведенную Гершензоном в статье «Западные друзья Герцена» [60]. Хотя он ссылался на указание Лемке «подлинник в семье Герцена» [61], Н. А. Герцен не удалось ее разыскать. Данные Лабри потом уточнил М. Мерво, поместивший в указанной выше публикации помимо изданных Лабри еще пять писем: два из собрания Барятинского, ранее опубликованные в «Литературном наследстве» [62], одно, от 11 апреля 1861 г., по фотокопии, полученной им у внучки Герцена Ж. Анфу [63], еще одно, оказавшееся в Пражской коллекции [64], и, наконец, не найденную ранее приписку к письму Хоецкого, обнаружившуюся в Международном институте социальной истории [65]. Если прибавить к ним то неизданное до сих пор письмо Прудона, которое его дочь не сочла возможным дать Лабри, то выясняется, что из сохранившихся 13 писем Прудона к Герцену А. А. Герцен возвратил его дочери только 7.

Наряду с возвращением наследникам некоторых, немногих писем к Герцену к архиву присоединялись письма его самого, полученные от ряда его корреспондентов — Т. А. Астраковой, М. К. Рейхель, С. Тхоржевского, Луизы Фогт, Мишле. С некоторых писем Герцена, подлинники которых не удавалось получить, для архива снимались копии.

Т. А. Астракова прислала Н. А. Герцен из России письма ее матери, содержавшие многочисленные приписки Герцена. Сообщая Н. А. Тучковой-Огаревой в январе 1885 г. о случившемся в ее доме пожаре, где, как ей сперва показалось, погибла преобладающая часть ее бумаг, она писала: «Сгорели все дорогие письма: Сатина, Герцена, Огарева и увы! Натальи Александровны матери. Остальные письма, которых было очень много, я еще отдала Мещерскому в 70-х годах для передачи Тате, за которые она тогда же благодарила» [66].

Обстоятельства возвращения детям Герцена его писем к М. К. Рейхель были уже изложены Н. П. Анциферовым на основании свидетельств самой Марии Каспаровны [67]. Появившаяся теперь в нашем распоряжении переписка ее с Н. А. Герцен позволяет несколько их уточнить. Сперва Н. А. Герцен попросила Марию Каспаровну переписать для нее только те письма отца, которые относились к семейной драме (в письме от 1 марта 1870 г.: «Насчет писем повторяю мою просьбу: пожалуйста, переписывай *все*, что я прошу, лично для себя, потому что все, относящееся до истории Герв⟨ега⟩, не будет печататься, а мы, дети, должны же все знать, он этого желал» [68]). Но Рейхель не успевала это сделать, и в августе 1870 г., посетив Берн, Н. А. Герцен взяла у нее письма («Уговорила я Машу дать мне папашины письма на некоторое время, я их в Женеве перепишу сама, а то, право, у Маши слишком много дела» [69]). 2 октября 1870 г. она писала Рейхель: «Папашины письма я привела в порядок, но еще не переписала. Я была бы тебе очень благодарна, если б ты их оставила еще некоторое время у меня. Огарев просил меня привести в порядок и его коллекцию писем папы — ему это *нужно*, и поскорее, поэтому хотелось бы для него докончить, а потом уж докончить *твои*. Позволяешь?» В следующем письме она заверяла: «Папашины письма у меня под ключом» [70]. Через несколько месяцев Н. А. Герцен сообщала: «Опять принялась за переписывание папашиных писем к тебе» [71]. Потом такие известия исчезают, копирование прекращается — а письма так и остаются у Н. А. Герцен. Через много лет,

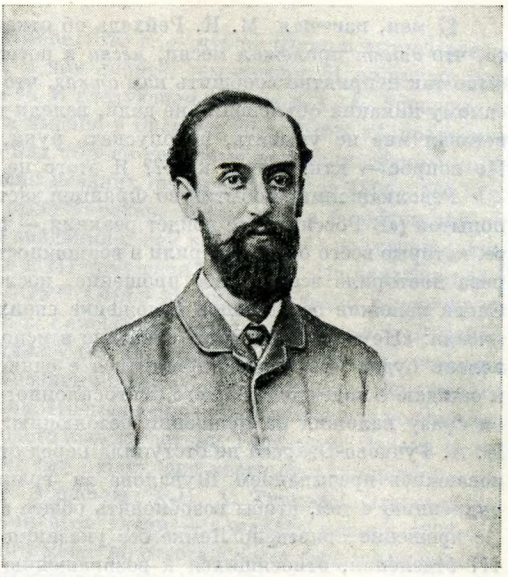
в 1903 г., откликаясь на просьбы Е. С. Некрасовой, М. К. Рейхель пожелала получить их назад, чтобы передать в Румянцевский музей, но Н. А. Герцен уклонилась от этого. «Письма папашины к тебе должны быть здесь,— отвечала она Марии Касларовне 2 ноября 1903 г.,— посмотрю завтра и скажу тебе; до сих пор не искала их, потому что простужена, а шкапы и ящики с бумагами у меня наверху в нетопленой комнате. Если эти письма здесь, я, конечно, тебе их пошлю — с просьбой отдать мне все, а не посылать в Россию. Со временем они тоже пойдут в «комнату людей 40-х годов», но пока мы живы, оставь их, пожалуйста, у нас» [72]. Настойчивость эта была не случайна. Еще впервые прочтя письма отца к М. К. Рейхель, Наталья Александровна полностью оценила их значение для истории его личной жизни. «Эти письма — клад,— писала она ей,— потому что вряд ли он кому бы то ни было писал в таком количестве и так откровенно, особенно в самые тяжелые минуты своей жизни» [73]. Особенно ее волновали письма 1850—1852 гг., впоследствии справедливо оцененные историком как «ценное дополнение к части пятой «Былого и дум», «непосредственное отражение дум и переживаний Герцена в пору труднейших личных испытаний» [74]. Именно поэтому Н. А. Герцен предпочитала еще надолго ограничить доступ к ним, оставив их у себя. Понятно, что М. К. Рейхель не стала настаивать, и письма остались у детей Герцена навсегда. В своих мемуарах М. К. Рейхель осветила это так: «...его письма 〈...〉 я после его кончины передала его старшей дочери, чтоб они не затерялись после моей смерти» [75]. В дальнейшем, обнаруживая в своих бумагах еще некоторые письма Герцена, она отсылала их Н. А. Герцен. Так, в 1906 г., найдя у себя письмо Герцена от 25 декабря 1850 г., она писала Н. А. Герцен: «Вот тебе, карейшая Тата, драгоценный листочек, оставь его теперь у себя и береги» [76].

Письма самой М. К. Рейхель к Герцену, естественная часть его архива, необъяснимым образом до нас не дошли. Только по «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» можно насчитать около полутораста ее писем, могло их быть и больше. Известны, однако, всего четыре письма 1851 г., обнаруженные в Пражской коллекции и, значит, находившиеся в семейном архиве Герценов [77]. Исчезновение остальных трудно понять. Предположение, что Герцен уничтожал их как конспиративные, по-видимому, неосновательно: ведь во многих ее письмах подобных мотивов, вероятно, не было. Вряд ли могло быть, чтобы дети Герцена вернули их Марии Каспаровне — в сохранившихся письмах Н. А. Герцен нет следов ничего подобного; кроме того, после смерти М. К. Рейхель в 1916 г. часть ее бумаг (можно сказать, вся ее русская и относящаяся к Герцену переписка) была передана ее детьми той же Н. А. Герцен и вместе с бумагами последней попала в Пражскую коллекцию [78] (письма ее к А. А. Герцену — в Международном институте социальной истории [79]). Очевидно, что там же должны были оказаться и интересующие нас письма к Герцену. Остается надеяться, что особо отложенные по каким-то причинам эти письма будут еще обнаружены в семейных бумагах потомков Герценов или Рейхелей.

Об обстоятельствах получения детьми Герцена писем его к Тхоржевскому и Л. Фогт свидетельств в письмах нет. Письма Герцена к Мишле были возвращены А. А. Герцену самим историком вместе с присланными ему когда-то самим Герценом рукописями — статьей Герцена о Бакунине и статьей Энгельсона о Петрашевском [80]. Мишле писал ему 4 марта 1872 г.: «Дорогой друг! Если бы меня не лихорадило, я лично отнес бы вам эти важные рукописи. Дайте расписку подателю сего для того, чтобы я имел уверенность в его аккуратности. В сущности, они представляют одно целое, особенно годы 1851—1852, их не следует разделять» (Л XXI, 563).

Но вернемся к 1870 г. Конец его и особенно начало 1871 г. проходят в семье Герцена под знаком планов возвращения в Россию — сперва только Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой с Лизой, а затем, возможно, и А. А. Герцена с семьей. Планы эти начинали принимать реальные черты. 24 января 1871 г. Н. А. Герцен писала М. К. Рейхель: «Мы все больше и больше думаем о России — и если ничего неожиданного не случится, то я надеюсь быть во Флоренции в конце апреля, а в мае или июне на дороге в Петербург с Natalie и Лизой», добавляя в конце: «Может быть, и мне придется посидеть в крепости, но понадеемся на русский *авось*» [81]. 15/27 февраля 1871 г. русский посланник в Швейцарии Н. К. Гирс в своем донесении товарищу министра иностранных дел В. И. Вестману сообщал о полученном им от Н. А. Огаревой и Н. А. Герцен прошении разрешить им въезд в Россию. Донесение Гирса, несмотря на его формально-официальный тон, не оставляет сомнений в благосклонном отношении самого посланника к этим просьбам. Надеясь, по-видимому на положительное решение вопроса и в Петербурге, он просит указаний, каким паспортом снабдить Огареву и «показать ли ее в оном российскою подданною» [82]. Не ограничиваясь этим, он добавляет в конце: «Изъявив мне искреннее желание посетить Россию для свидания с родственниками, девица Герцен, равным образом как и г-жа Огарева, дали

мне уверение, что не употребят во зло разрешение, о котором ныне ходатайствуют». Н. А. Тучкова-Огарева обосновывала свою просьбу стремлением повидаться с престарелыми родителями и тяжело больной сестрой, Н. А. Герцен — желанием увидеть старика-дядю Е. И. Герцена, возможно, ссылаясь на полученное ранее его приглашение [83]. Гирс, со своей стороны, считал удовлетворение их прошения настолько желательным, что наряду с официальным путем обратился с частным письмом к своему доброму знакомому, влиятельному чиновнику III отделения А. Ф. Шульцу, чтобы заручиться его поддержкой. Письмо это содержит весьма важные детали беседы, состоявшийся в Бернской миссии: «Я воспользовался, конечно, этим случаем,— пишет Гирс,— чтобы переговорить обстоятельно с этими дамами об их положении, и, сколько я могу судить из того, что они мне говорили, мне кажется, что козни и происки эмигрантов им порядочно опротивели. Обе просили меня держать пока в тайне их démarche auprès de moi *. Не знаю, до какой степени можно на них положиться, но, по моему крайнему разумению, было бы не дурно и даже политично показаться в настоящем случае великодушным относительно этих дам. В девице Герцен нашел я положительно благородные чувства и привязанность к России, хотя она ее оставила в детстве» [84]. Ясно, что в позиции, занятой Гирсом, помимо общих политических и дипломатических соображений, решающую роль сыграла именно эта беседа, а отнюдь не само прошение Н. А. Огаревой, французский текст которого крайне сух и лишен каких-либо полагавшихся в таких случаях изъявлений раскаяния и верноподданных чувств [85]. Необходимо напомнить, что все это происходило в момент, когда в России полным ходом шла подготовка к процессу участников нечаевской организации, а в Европе — охота за самим Нечаевым. И, главное, в то время, когда только что завершился потрясший Н. А. Герцен эпизод ее теснейших отношений с Нечаевым, потом его разоблачение и острые, горькие ее разочарования в связи с этим (подробнее см. выше в наст. томе). Даже при несомненно минимальной ее откровенности на этот счет с Гирсом, можно представить себе, что́ именно в ее словах произвело на него столь сильное впечатление.



А. А. ГЕРЦЕН
По завещанию Герцена был распорядителем его архива
Фотография, 1870-е гг.
Музей Герцена, Москва

Одновременно в III отделение поступило прошение А. А. Тучкова от 22 марта 1871 г. о возвращении в Россию дочери и внучки Лизы [86]. Уповая на успех предпринятых мер, Гирс, видимо, настолько обнадежил своих собеседниц, что они начали готовиться к отъезду, не ожидая окончательного ответа из Петербурга. 17 апреля Н. А. Герцен сообщала М. К. Рейхель: «Начинаем укладывать — фу, какая скучная работа. Из посольства все еще нет ответа ⟨. . .⟩ Мы, верно, еще увидим друг друга до нашего путешествия в Россию» [87].

Но власти в России посмотрели на полученное прошение иначе. Доложив о нем царю, шеф жандармов П. А. Шувалов написал на прошении Тучкова: «Уведомить просителя, что ходатайство не может быть удовлетворено, так как Огарев, по собственной воле оставивший отечество и сделавшийся его врагом, тем самым отрезал от родины и все свое семейство». Редакция ответа, отправленного Тучкову 31 марта, была еще выразительнее: «...муж г-жи Огаревой, по собственной воле оставив отечество и сделавшись главою русских эмигрантов, агитируя вместе с врагами России против существующего в ней порядка, тем самым отрезал от родины и все свое семейство» [88]. Министерство иностранных дел еще раньше, 17 марта, было информировано об отклонении присланного из Швейцарии ходатайства [89].

---

* обращение ко мне (*франц.*).

17 мая, извещая М. К. Рейхель об отказе, Н. А. Герцен писала: «Что всего досаднее, это то, что *ответ* пролежал месяц, *месяц* в посольстве. Посланник, извиняясь, объяснил, что ему было так неприятно сообщить нам *отказ*, что он все откладывал и не решался писать нам. Ему самому никаких объяснений не дали, велели только ответить в настоящую минуту. Сам он посоветовал мне не унывать, не опускать руки, хлопотать и продолжать действовать в России. Но вопрос — как? Через кого?? Я этого не ожидала. Ужасно досадно» [90].

Революционные события во Франции заставили Н. А. Герцен отказаться на время от новых попыток («В России тоже пойдет реакция,— писала она 9/21 июля,— все нам это говорят, даже те, которые всего больше верили в возможность нашего возвращения» [91]). Но Н. А. Тучкова-Огарева повторила все же свое прошение, послав его прямо на имя Шувалова в августе 1871 г. Снова изложив бедственное положение своих родителей и сестры, нуждающихся в уходе, она писала: «Неужели мне будет отказано в исполнении столь священного долга? Неужели не дозволено будет умирающей проститься с единственной сестрой? Нет, я не могу этому поверить и ожидаю с надеждою Вашего благосклонного решения». Шувалов не стал докладывать царю — он сразу наложил на прошении резолюцию: «Его величество в этом уже отказал» [92]. И снова Н. А. Тучкова-Огарева не отступила перед отказом. Еще через год, в сентябре 1872 г., воспользовавшись пребыванием Шувалова за границей в свите императора, она испросила у него аудиенцию с тем, чтобы возобновить общее с Н. А. Герцен ходатайство о возвращении в Россию. Ее прошение приведено Лемке без указания его местонахождения (Л XXI, 580—581); в делах III отделения, относящихся к возвращению ее на родину, обнаружить его не удалось. Судя по воспроизведенным Лемке резолюциям на нем (рукою Шувалова: «Это будет во всяком случае отложено, однако по возвращении в СПб прошу мне доложить», рукою чиновника III отделения: «Его сиятельство отказал ей в Париже»), аудиенция состоялась, но успеха не принесла. Дело было кончено — во всяком случае, для детей Герцена. Если до получения второго отказа, в сентябре 1871 г., Н. А. Герцен писала Рейхель: «Мы намерены расстаться со Швейцарией. Дело в том, что мы все-таки надеемся, что со временем нам позволят вернуться в Россию — и для этого гораздо лучше, чтоб мы пожили в другом месте, потому что Швейцария, и Женева в особенности, известное гнездо конспираторов» [93], то после 1872 г. она к этому вопросу более не возвращается.

В неудаче попыток семьи Герцена вернуться вскоре после его смерти на родину, как в зародыше, заключена была вся последующая трудная и сложная судьба его архива. Окажись русское правительство столь «политичным», как желал этого посланник в Берне — и всей истории, которой посвящена настоящая работа, просто не было бы.

В первой половине 1870-х годов, оставаясь в семье, которая, между тем, вскоре окончательно распалась на части (А. А. Герцен жил с семьей во Флоренции, Н. А. Герцен оставалась сперва у брата, а затем переехала к младшей сестре во Францию, Н. А. Тучкова-Огарева несколько раз переезжала в эти годы с места на место, а после гибели дочери, летом 1876 г., уехала в Россию), материалы из архива Герцена не раз передавались членами семьи друг другу. По-видимому ни тогда, ни позднее не был составлен полный их перечень, не было у членов семьи и точных представлений о их составе. Это и понятно: в отношении к ним, наряду с уважением к наследию отца и семейным реликвиям, с формирующимся историческим взглядом на них, жила еще та свобода, с какой люди обычно обращаются с собственными, рожденными живой жизнью бумагами.

У детей Герцена, а отчасти у Н. А. Тучковой-Огаревой и тогда уже находилась часть бумаг Огарева — например, ранние письма Герцена к нему (Наталья Алексеевна писала о них Н. А. Герцен 7 февраля 1875 г.: «Они никогда не были у Огарева — Герц⟨ен⟩ любил их перечитывать; в них немного,— как и в «Дневнике»,— напыщенный слог» [94]). Возможно, впрочем, что часть своих бумаг Огарев отдал Н. А. Герцен при ее отъезде из Женевы в 1871 г.— и решение это было принято после тех значительных хищений документов у него, которые произвел весной и летом 1870 г. Нечаев (после ареста Нечаева в 1872 г. его бумаги попали в руки М. П. Сажина, обнаружившего в их числе документы, украденные у Огарева, и, в частности, «многочисленные письма Герцена»; все это было Сажиным сожжено — см. об этом наст. том, с. 417). В 1873 г., приступая, по настоянию Т. П. Пассек, к писанию мемуаров и не найдя у себя ни своих «стихотворных записок», ни писем Герцена, Огарев объяснял ей в письме: «Они все хранятся у детей и Натали» [95]. Вскоре он просил А. А. Герцена: «Нет ли у тебя какой нашей переписки Герцена со мной? Отвечай и пришли немедленно. У меня идет серьезная работа, и я без старых переписок обойтись не могу. За целость отвечаю» [96]. Письма нужны были Огареву не только для начатой работы над «Записками русского помещика»: потом он собирался отослать их Пассек. «А вот

этим ты истинно удружишь,— писала она ему 1 октября 1873 г.,— что от Шушки выписываешь разные переписки 30-х годов — это-то и отлично, и чем скорее, тем лучше. Я пишу об этом времени. Поторопи Шушку и перешли скорее мне» [97]. В следующем письме к А. А. Герцену, от 10 октября 1873 г., Огарев уточнял, что нуждается именно в письмах 30-х годов: «А последние года, которые у меня, решительно не подходят, в них только семейные неудовольствия и эмигрантские» [98]. Но в действительности к этому времени поздних писем Герцена за 1864—1870 гг. у Огарева уже не было: часть, как уже сказано, была украдена Нечаевым, а большинство он отдал Т. П. Пассек в июле этого же года во время свидания с ней в Женеве. О получении этих писем она рассказывала несколько раз (в том числе в III томе своих записок «Из дальних лет») и везде называла количество полученных писем — 75 [99]. Иное их число указано в переписке Пассек с М. И. Семевским: в письме от 19 мая 1886 г. Семевский, печатавший тогда в «Русской старине» III том ее записок, подтверждал, что получил у нее для сверки «*шестьдесят восемь* писем подлинных А. И. Герцена» [100]. В данном случае разницу цифр можно объяснить: Семевскому могли быть посланы не все имевшиеся у Пассек письма. Но дальнейшая переписка еще усложняет подсчеты. Впоследствии, после конфликта, возникшего между детьми Герцена и Пассек из-за печатания этих писем в составе ее записок (об этом см. ниже), она через отправлявшегося за границу Семевского вернула письма А. А. Герцену. В письмах к Н. А. Тучковой-Огаревой по этому поводу она дважды упоминала о возвращении всех писем — в начале января 1888 г.: «Саше Герцену отослала *все письма его отца*, что были у меня; но ответа и *писем Огарева* на промен еще не получала» [101]; 17 января 1888 г.: «По моему разрешению Сем⟨евский⟩ все оригиналы передал Саше и писал мне из Швейц⟨арии⟩, что Саша взамен их дает ответы на них Огарева, а дал Семевскому письма Огарева к его жене Марии» [102]. Но в расписке, полученной у А. А. Герцена Семевским 13 ноября 1887 г., число писем совсем другое — 56 [103]. Остается неясным, следует ли приписать столь значительное расхождение в цифрах забывчивости Пассек или тому, что возвращено было все-таки не все. В последнем случае местонахождение 19 писем Герцена остается неизвестным. Чтобы исчерпать вопрос об этой группе его писем, скажем сразу, что доступ к преобладающей их части был решительно ограничен детьми Герцена на очень длительный срок. Даже Лемке не смог получить для своего издания 50 писем из их числа, которые Н. А. Герцен и после смерти Тучковой-Огаревой продолжала считать запретными для гласности. Впервые они увидели свет в 1953 г.[104]

18 октября 1873 г. А. А. Герцен прислал Огареву письма [105] — но не те, что он просил: «Это мои старые письма к нему, а не его ко мне»,— в тот же день писал Огарев Пассек [106]. Эти письма остались у Огарева и снова попали к детям Герцена только после его смерти. Они долго оставались у привезшей их из Англии Н. А. Герцен (спустя еще несколько лет А. А. Герцен писал Н. Н. Сатиной: «...бумаги Огарева были у моей сестры Наташи, в то время как бумаги нашего отца были у меня; теперь Наташа привезла их сюда, и мы вместе все еще раз просмотрели» [107]).

Но все перечисленные случаи движения бумаг были редкими и частными. Первый после «Сборника посмертных статей» случай более крупного использования архива был вызван подготовкой к печати собрания сочинений Герцена, изданного в Женеве в 1875—1879 гг. Хотя издание было предпринято по общему семейному согласию, но фактическое участие в нем из всей семьи принимала (до своего отъезда в Россию) одна Н. А. Тучкова-Огарева.

История этого издания недостаточно и не во всем точно освещена в литературе [108]. Нужно, поэтому, еще раз восстановить факты, опираясь на все доступные свидетельства. Инициативу издания Н. А. Тучкова-Огарева всегда приписывала себе. Она писала в «Воспоминаниях»: «Перепечатание всех сочинений Герцена началось по моей инициативе», точно определяя затем, что именно было ею сделано: она «собрала все, что Герцен когда-либо писал в России и за границей, сделала список всех его сочинений в хронологическом порядке и передала весь этот материал г-ну В⟨ырубову⟩, который брался за это дело охотно» [109]. Почти тогда же она так рассказывала об этом в письме к Е. С. Некрасовой: «Когда такой страшный удар сразил нас всех в 70 году, я стала собирать все *его* сочинения для нового издания ⟨. . .⟩. Тогда мы решили, что все дети дадут на это издание по 1000 франков. Кроме того, мне прислали из Харькова в Цюрих билет внутр⟨еннего⟩ займа от женщин — незнакомый мне передал. Я передала этот билет и свой экземпляр всех *его* сочинений Г. Н. Вырубову» [110]. Основываясь на воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой, письменных и устных, М. О. Гершензон написал в посвященном ей некрологе: «Женевское издание было осуществлено главным образом ее усилиями и ее личным трудом (много помог ей в этом деле умерший тоже недавно Г. Н. Вырубов)» [111]. Эти слова в некрологе вызвали возражения Н. А. Герцен, 17 мая 1914 г. писавшей Гершензону: «Ваше указание, что

женевское издание было осуществлено главным образом ее усилиями и личным трудом и что ей помог в этом деле г. Вырубов, я считаю ошибочным. Возможно, что она кое-что сделала для этого издания — но во всяком случае не Вырубов ей помогал, а она — Вырубову» [112]. Полностью положившись на это утверждение Н. А. Герцен, по его мнению, «находившейся в курсе издательских дел», М. К. Перкаль решительно отвел все заявления Тучковой-Огаревой. Но источники показывают, что возражения Н. А. Герцен были не вполне справедливы. Из переписки детей Герцена с Тучковой-Огаревой за 1872—1876 гг. [113] ясно прежде всего, что Н. А. Герцен не только не была тогда «в курсе издательских дел», но ни в какой степени не была причастна к этому изданию и, так же как ее брат, не считала его своим. А. А. Герцен впоследствии на прямо поставленный Е. С. Некрасовой вопрос об издании им за границей наследия отца отвечал безоговорочно: «Кроме посмертных сочинений отца, я никогда не издавал ничего» [114]. Более того: на связанные с изданием просьбы Н. А. Тучковой-Огаревой они откликались только после неоднократных напоминаний. Переписка эта подтверждает и инициативу ее в этом издании, и весьма активную ее роль в собирании произведений Герцена для него, а отчасти и в подготовке текстов. 15 октября 1872 г., сразу после отъезда Н. А. Герцен из Швейцарии к брату во Флоренцию, она писала ей, развивая, очевидно, тему, поднятую ранее устно: «Дело издания, вероятно, устроится», а месяцем позднее извещала, что вступила в переписку об этом с Вырубовым [115]. Предоставляя ей право вести переговоры с книгоиздателями и книготорговыми фирмами от имени всех наследников, А. А. Герцен в письме от 26 августа 1873 г., когда подготовка издания уже началась практически, писал ей: «Я тебе очень охотно даю право печатать все, что хочешь, но не желал бы этим лишить себя подобного права» [116]. Нельзя не обратить внимания на это слово «тебе» — семья воспринимала задуманное издание, как факт деятельности Тучковой-Огаревой. В следующих письмах вопросы, связанные с изданием, касались лишь получения юридической доверенности на ее действия или разыскания в семейном архиве нужных для него рукописей и книг.

Издание задумывалось сперва довольно широко, что требовало привлечения весьма значительного круга материалов архива. Постепенно большая часть хранившихся в семье печатных и рукописных текстов произведений Герцена была переправлена в Париж к Вырубову. В 1877 г., уже после отъезда Н. А. Тучковой-Огаревой в Россию, А. А. Герцен сообщал Арману Леви: «Все, чем я обладал из сочинений моего отца, находится в Париже у друзей, которые занимаются изданием полного собрания его сочинений» [117]. В напечатанном без подписи предисловии к первому тому автор его, Г. Н. Вырубов, писал о начатом издании: «Оно будет заключать в себе, по возможности в хронологическом порядке, все, что Герцен напечатал или оставил после себя в рукописи, кроме разве некоторых мелких отрывочных статеек, появившихся в «Колоколе» и имеющих чисто личный и временный характер; в последнем томе будет приложена имеющаяся, впрочем, немногочисленная, переписка». Обратим здесь внимание на два момента: на намерение издать все, написанное Герценом (из известных тогда семье и Вырубову его сочинений не печатались ранее «Дневник» и рассказ о семейной драме), и на мысль об издании переписки. Она действительно была немногочисленной — письма Герцена к разным лицам, связанные с его литературной и общественной деятельностью, почти не были еще собраны, семейная же переписка вообще не могла тогда иметься в виду. Но в издание собирались включить не просто письма Герцена, а двустороннюю переписку. 7 февраля 1875 г. Н. А. Тучкова-Огарева писала Н. А. Герцен: «Насчет интересных писем Герц⟨ену⟩ — надо бы прислать нам письма Фогта, Тургенева, Прудона (верно Саша снял копии), письмо Герц⟨ена⟩ Прудону. Если есть, тоже письма Бакунина, Самарина, Аксакова, Маццини» [118], в письме от 20 февраля: «Нам не нужно пустой записки Michelet, а письма Тургенева, Фогта, Прудона — они были, если Саша их не потерял» [119].

Но программа предисловия не была полностью реализована: переписка в издание не вошла, а из неопубликованного был напечатан только дневник 1842—1845 гг. Далеко не полностью были представлены и публиковавшиеся прежде произведения, даже вошедшие в «Сборник посмертных статей» [120]. Вначале же замыслы были иные, и прежде всего требовалась мобилизация рукописных материалов. Найти их в семейном архиве было не всегда легко. В 1874 и 1875 гг. Н. А. Тучкова-Огарева постоянно обращалась за этим к детям Герцена. 26 сентября 1874 г. она просила Н. А. Герцен взять у брата рукопись «V тома» (под этим названием в письмах членов семьи Герцена всегда фигурировала неизданная часть этого тома «Былого и дум» — рассказ о семейной драме) — «снявши копию, мы отдадим» [121], сообщая ей здесь же: «Ты спрашиваешь, что я делаю: кончила мирно материальные дела, теперь занята бумагами, готовлю IV том «Записок» к печати, хотя он не весь еще переведен» [122]. В письмах одна за другой следуют просьбы

о материалах для издания: 10 октября 1874 г.— о дневнике [123], 6 ноября 1874 г.— «Мне очень нужны, как можно скорей, дневник (его перепишет Тхоржевский) и V том, который я сама перепишу и тотчас отошлю Саше застрахованным» [124]. Спустя несколько дней она нетерпеливо напоминала Лизе, жившей у брата во Флоренции, но собиравшейся ехать в Париж: «Очень затягивает мои дела, что у меня нет Дневника, да и V тома, я бы его уже переписала. Если Ольга знает, где Дневник, не могла бы она передать его Talandier» [125]. Но дело не двигалось. В конце ноября Наталья Алексеевна снова просила Лизу: «Надо как-нибудь устроить свидание с Ольгой, а то она обидится, да как бы с ней отыскать Дневник — пусть Тата объяснит, где он, а то мы время теряем» [126]. Одновременно она писала Тате: «Пожалуйста, сообрази, не может ли Ольга найти «Дневник» — время идет даром, он был бы уже переписан. Для русских книг ⟨т. е. для женевского издания, в отличие от готовившихся в то же время переводов⟩ надо печатать теперь, чтоб к лету все было готово» [127]. В декабре 1874 г. дневник был ей, наконец, прислан [128].

Аналогичным образом разыскивались и письма. В феврале 1875 г. Н. А. Тучкова-Огарева писала Н. А. Герцен: «Письма Герц⟨ена⟩, Нат⟨аши⟩ и Огар⟨ева⟩, писанные 1839, 1840 etc., вероятно, потеряны во Флоренции, они должны были находиться с остальными бумагами» [129]. О них шла речь и в других случаях: «Милая Тата, нет ли писем Герцена с общ⟨ественными⟩ интересами? Может, между старыми письмами его с Огаревым, т. е. относящиеся к юности. Я думаю, ты найдешь их у Саши, я их знаю, большой формат» [130]. А. А. Герцен успел к этому времени забыть, очевидно, что за полтора года до этого отослал раннюю переписку отца Огареву, и в ответ через сестру запрашивал саму Тучкову-Огареву, где могут быть эти письма. «Странный человек Саша,— отвечала она 20 февраля,— две недели тому назад спрашивал через тебя, где эти письма, а теперь сам знает. Пиши к Огареву, пусть пришлет их к Вырубову» [131].

Для издания нужно было собрать и прижизненные издания сочинений Герцена. Немало просьб было связано с этим; в феврале 1875 г. Тучкова-Огарева сообщала: «В книгах большой беспорядок, 7-⟨го⟩ № «Полярной звезды» 3 экзем⟨пляра⟩, 6-⟨го⟩ — ни одного» и просила выписать недостающие вещи от Трюбнера [132]; 1 марта она писала Лизе: «Не забудь захватить с собой книги Выруб⟨ову⟩ — напомни Тате V том — письма Тургенева (он позволяет). Не понимаю, как не находят «*Доктора Крупова*» (брошюркой), должна бы быть у Саши» [133]. 10 апреля, уже зная, что поездка Лизы и Таты в Париж не состоится, она снова просила: «Поищите между бумагами «*Доктора Крупова*»; я помню, что он напечатан маленькой брошюркой (в России), нам необходимо его иметь теперь, потому что надо прибавить к Дневнику» [134].

Начало 1875 г. Тучкова-Огарева провела в Париже, непосредственно участвуя в работе Вырубова. В январе она писала: «Я должна иметь еще два месяца для издания», а в следующем письме разъясняла: «Приходится скоро перебраться в Париж для составления каталога и расчета по томам» [135]. Уже из Парижа, в начале февраля, она сообщала: «Ящик с книгами пришел ⟨. . .⟩ Теперь надо приниматься за дело — сколько возьмет времени, не знаю» [136]. Намеченная ею работа была закончена в конце марта, когда первые тома пошли в печать. Но все еще не был решен вопрос о публикации рассказа о семейной драме, не началось и копирование рукописи. Споры об этом еще обострились, когда Н. А. Тучкова-Огарева попыталась привлечь на свою сторону П. В. Анненкова, а Герцены — Тургенева.

7 апреля 1875 г. в Бадене скончался Георг Гервег. Находившийся там Анненков известил об этом Наталью Алексеевну. Он полагал, что одно из главных препятствий к публикации неизданной части «Былого и дум» отпало и что Эмма Гервег могла бы согласиться вернуть письма Н. А. Герцен к ее покойному мужу [137]. Но семья все еще колебалась. Активнее всех сопротивлялся мысли о публикации Г. Моно. Посетив Тучкову-Огареву в Париже, он настойчиво убеждал ею отказаться от такого намерения и, в частности, ссылался на то, какой удар это нанесло бы Ольге, совершенно не осведомленной об этой трагической странице семейного прошлого [138]. После этого Наталья Алексеевна писала Анненкову: «Верьте мне, если меня и Вырубова не станет, V том не будет издан. Саша — человек крайне равнодушный. Monod наполовину и его убедил. Я не понимаю всего этого: если бы мы нашли дневник, писанный лично для себя и только в горькие минуты, можно б сказать, что, может, он вовсе не желал печатать его ⟨. . .⟩, но он писал для печати — он хотел воздвигнуть ей памятник примирения...» [139]. На первых порах Анненков полностью разделял ее позицию: «О том, что Вы и Вырубов должны издать V том Герцена, несмотря на оппозицию г. Моно,— распространяться нет нужды. Истина во всем своем свете так же необходима для детей Герцена, каково бы ни было теперешнее их настроение, как и для русской публики, сберегающей имя Герцена в числе своего лучшего достояния, так еще — и, может, более всего — для памяти Наталии Алекс⟨андровны⟩ ⟨. . .⟩ Все ее дети, если не утеряли вполне

нравственного смысла, будут ею более гордиться, чем если бы она умерла в монастыре кармелиткой. А если они утеряли нравственный смысл, то не стоит и беспокоиться об их оппозиции» [140]. Но потом он круто изменил свой взгляд, и главную роль в этом, как и вообще в решении вопроса, сыграл Тургенев.

Летом 1875 г. Н. А. Тучкова-Огарева с радостью сообщала Анненкову: «Наконец Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩ прислал нам V том записок, стало он будет напечатан. Ал. Ал. написал Выруб⟨ову⟩, чтоб он прочел V том с Тург⟨еневым⟩ и Лугинин⟨ым⟩ и чтоб сделали, как решат втроем. ⟨. . .⟩ Я просила заменить Лугин⟨ина⟩ вами, но вы были тогда уже в России. Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩, приехавши из Флор⟨енции⟩, объявила мне, что ни она, ни брат ее не помнят, чтоб Герцен желал напечатать V том» [141]. Разумеется, оба они в действительности об этом помнили (это доказывает приведенное выше письмо Натальи Александровны к Рейхель — см. с. 556), заявление же это свидетельствует только о накале семейных разногласий.

Тургенев смог заняться рукописью (прислан был автограф Герцена) лишь через несколько месяцев. 19 января 1876 г. он писал Анненкову: «Я сейчас окончил чтением ту часть «Былого и дум», в которой Герцен рассказывает историю своей жены с Гервегом, ее смерть и т. д. Вы знаете, что это рукопись и что вопрос идет о том, должно ли ее печатать или нет — из уважения к оставшейся семье и в предвидении неизбежного скандала, который не преминет поднять вдова Гервега. (Мне эту рукопись вручила Тата.) С своей стороны я решительно против печатанья, хотя, как читатель, не могу об этом не жалеть, ибо все это написано огнем, слезами и кровью...» [142]. Через несколько дней Тургенев отправил рукопись вернувшемуся уже в Европу Анненкову. При этом он писал: «Не сомневаюсь в том, что она произведет на Вас сильнейшее впечатление. Как только Вы ее прочтете, пришлите ее мне, также в застрахованном пакете. Я совершенно разделяю Ваше мнение, что напечатать эту вещь, было бы вызвать целую бурю скандалов ⟨. . .⟩. Я так и сказал Тате, которая вполне со мною согласна. Один величественный Вырубов ⟨. . .⟩ уверяет, что ничего, мол. Для него, конечно, ничего» [143]. В ответном письме Анненков, признав реальность возможных враждебных действий Э. Гервег, уже полностью соглашался с Тургеневым [144]. Получив назад рукопись, Тургенев так подвел итог обсуждению: «Могу Вам сказать, что насчет печатанья рукописи Вы (как и все друзья Герцена) можете успокоиться: в свет она не появится. Когда-нибудь, лет через 50, вся тогдашняя русская публика насладится (если можно так выразиться) этой чудесной вещью, но до тех пор повода к «grosse Scandal» * не будет» [145]. Очевидно, таким образом, что Тургенева, потрясенного поразительной исповедью Герцена, останавливала главным образом боязнь публичного скандала. Но в его соображениях обращают на себя внимание слова «из уважения к оставшейся семье», показывающие, что, помимо возможности скандала со стороны Э. Гервег, играла роль и мысль, будто история любви и смерти матери может бросить тень на ее детей — мысль, не выраженная ими прямо, но всегда незримо присутствовавшая в их внутреннем сопротивлении печатанию этих страниц «Былого и дум». Это отношение, несомненно, было ясно Тургеневу, летом 1875 г. неоднократно встречавшемуся в Париже с Н. А. Герцен [146].

2 апреля 1876 г. А. А. Герцен мягко, но решительно отказал Н. А. Тучковой-Огаревой в своем согласии на публикацию рукописи: «Насчет 5-го тома — я никогда не думал, чтоб ты желала повредить памяти Мамаши, а просто думаю, что ты ошибаешься, ожидая от этого пользу. Публика не может принимать в частной трагедии то участие, которое принимают близкие друзья — близкие друзья знают, в чем дело; публика не может иметь к этой истории другого интереса как к любым faits divers ** какой-нибудь газеты. Так что молчание никому не вредит, а публикация может вызвать со стороны Mme Гервег самую неприятную и скандальную полемику. Не лучше ли подождать еще несколько лет?» [147] Здесь отчетливо проявилась субъективность и известная узость подхода А. А. Герцена, в рассказе о семейной драме — может быть, самой дорогой для Герцена странице «отражения истории в человеке» — увидевшего лишь «частную трагедию» и семейное дело.

Получив отказ, Тучкова-Огарева снова обратилась к Анненкову. Она надеялась, что ему удастся получить у Эммы Гервег письма Натальи Александровны. «Он ⟨А. А. Герцен⟩ мне отказал,— объясняла она,— под предлогом, что если напечатать *V том*, то Emma Herwegh может напечатать письма Natalie к ее мужу. Это предположение совершенно безумно и безысходно: можно будет вечно предполагать, что письма эти у детей Гервега, потом у внуков и пр.» [148] В ка-

---

* большому скандалу (*нем.*).

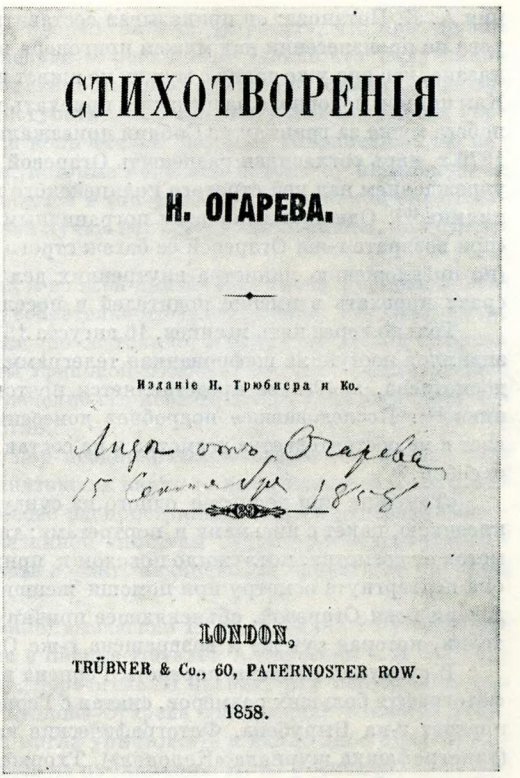
** репортажам (*франц.*).

ком-то смысле прогноз ее был правилен: рукопись не издавалась еще в течение почти полувека. Анненков в ответ убеждал ее примириться с принятым решением [149]. Так и не скопированная рукопись была возвращена Тургеневым Н. А. Герцен. Позднее, перед отъездом Н. А. Тучковой-Огаревой в Россию, Н. А. Герцен обещала прислать ей копию и добавляла в том же письме: «Мы совсем не решили, что не следует печатать его, а только что следует отложить печатание еще на некоторое время ⟨. . .⟩ Со временем непременно напечатаем» [150]. Обещание о присылке копии выполнено не было, но Наталье Александровне казалось, что она это сделала, и в течение многих лет это составляло предмет ее тревог.

В конце 1875-го — первой половине 1876 г. материалы архива Герцена, до сих пор хотя бы номинально принадлежавшие всей семье, были окончательно разделены между детьми и Тучковой-Огаревой [151]. Вырубов постепенно возвращал использованные в женевском издании рукописи (хотя кое-что у него осталось и всплыло потом только в период подготовки издания Лемке — дневник, несколько автографов сочинений Герцена («День был душный», «О месте человека в природе», заметки 1834 г. о цели журнала), два письма к Герцену: от Людмилы Пассек и от невесты Н. А. Захарьиной) [152].

Свои бумаги Н. А. Тучкова-Огарева увезла в Россию. В таможне на русской границе бумаги и книги были задержаны для просмотра. В конце концов рукописи и фотографии ей возвратили, книги же (в их числе сочинения Герцена и Огарева) конфисковали [153]. Эти события она не раз излагала в письмах. Так, например, летом 1892 г. она писала Н. А. Герцен: «Ты, может, не знаешь, что на таможне у меня взяли все книги. Еще, если есть, пришли стихотв⟨орения⟩ Огарева, печатанные в Л⟨ондоне⟩. У меня взяли экземпляр, подаренный им дочери, когда ей было 8 дней» [154]. Подробнее она рассказывала Пассек: «Да, у меня были все их труды, но граница все взяла, осталось только то, что мое отчаяние не могло уступить: письма и портреты; скорей я готова была ехать обратно, чем расстаться с последним моим достоянием» [155]. Известное недоверие к различным свидетельствам Н. А. Тучковой-Огаревой, возникшее, видимо, в результате отношения к ней детей Герцена и особенностей ее поведения во время семейной жизни в эмиграции, а потом закрепившееся в литературе, в значительной степени рассеивается, едва начинаешь проверять эти свидетельства фактами. И очень убедительным примером являются как раз факты, связанные с ее возвращением в Россию. Все, что она сообщала в письмах, полностью подтверждается, дополняясь рядом деталей, документами дела III отделения, посвященного ее возвращению [156].

Когда А. А. Тучков снова подал прошение на «высочайшее имя» о разрешении дочери вернуться в Россию (1 февраля 1876 г.) и запрошенный о ее поведении и связях русский консул в Ницце О. П. Паттон прислал не только свой благоприятный ответ, но и аналогичный отзыв местного комиссара полиции («По полученным сведениям, она положительно никаким политическим партиям не принадлежит, живя в печали и с весьма ограниченными средствами») [157], то на прошении была наложена довольно любопытная резолюция главного начальника III отделе-


СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ОГАРЕВА.

Изданіе И. Трюбнера и Ко.

Лизе отъ Огарева
15 Сентября 1858.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

«СТИХОТВОРЕНИЯ Н. ОГАРЕВА»
Лондон, 1858
Титульный лист с дарственной надписью: «Лизе от Огарева. 15 сентября 1858»
Музей Герцена, Москва

Н. А. Тучкова-Огарева полагала, что книга была отобрана у нее на таможне. На самом деле книга оставалась в семье А. А. Герцена. В 1982 г. г-жа Эва Рист (вдова правнука Герцена Л. Риста) подарила ее Н. П. Герцен, которая передала книгу в Музей Герцена

ния А. Л. Потапова: он приказывал составить всеподданнейший доклад «в том смысле, что Огарева по произнесении над мужем приговора просилась приехать в Россию, но ей в том было отказано, что она уже давно с мужем не живет и не видится и что поведение ее вполне одобряется. Как пример подобного разрешения приехать в Россию выставить жену *Бакунина*, которая после побега мужа за границу из Сибири приезжала с высочайшего разрешения в Россию» [158]. 9 марта 1876 г. царь согласился разрешить Огаревой приехать в Россию «на поручительство ее отца и с учреждением над ней строгого полицейского надзора, в особенности за заграничными ее сношениями» [159]. Одновременно всем пограничным таможенным пунктам были направлены указания «при возврате г-жи Огаревой ее багаж строго осмотреть и о приезде ее немедленно донести», а ее (по предложению министра внутренних дел Тимашева) тут же по приезде обязать подпиской сразу проехать в имение родителей и поселиться там [160].

Только через пять месяцев, 16 августа 1876 г., в III отделение из пограничного пункта Радзивиллов поступила шифрованная телеграмма: «Наталия Огарева приехала 15 августа вечером, досмотрена, *найденное* представляется почтою. Сегодня утром едет к отцу Пензенскую губернию» [161]. Последовавшее подробное донесение пограничной жандармской службы проливает свет и на обстоятельства досмотра и на состав материалов, которые Н. А. Тучкова-Огарева везла с собой.

«Таможня при досмотре одного из сундуков нашла на дне его, под прибитою к краям дна клеенкою, пакет с письмами и портретами; такое нарушение таможенных правил, скрытие предметов от досмотра, послужило поводом к приглашению г-жи Огаревой в отдельную комнату, где она подвергнута осмотру при помощи женщины, при чем найдено письмо от Елизаветы Герцен, дочери г-жи Огаревой, объясняющее причину смерти писавшей его, и 2 аршина бумажной материи, которая тут же и возвращена г-же Огаревой.

В сундуках найдены портреты Герцена в размер обыкновенной фотографической карточки, фотография больших размеров, снятая с Герцена по смерти его, в числе 8 экземпляров. Большой портрет г-на Вырубова. Фотографические карточки: Огарева с Герценом вместе, Чернецкого (типографщика журнала «Колокол»), Тхоржевского, двух братьев Жемчужниковых, по заявлению г-жи Огаревой, родственников ее, С. С. Громеки, Зиновича, Черкесова, Варвары Евграфовны Мечниковой 〈. . .〉 племянника г-жи Огаревой Сатина, карточки ее детей умерших 〈. . .〉. Письма Герцена к г-же Огаревой и дочери их Елисавете семейного характера, также переписка с ее родителями в России. Дневник ее, тетрадь, где Огарева записывала свои сны, тетрадь с ученическими упражнениями ее дочери, рисунки последней, ребяческие, касающиеся их семейных сцен. Затем книги: журнал «Дело», одна книга 1876 г., словари 〈. . .〉, курс практического акушерства на франц. языке и «С того берега», «Былое и Думы», Ранние произведения, Письма на французском языке в 2-х книгах и маленького формата, в $^1/_{32}$ долю листа стихотворения «Юмор», Герценские произведения.

Из переименованных выше вещей г-жи Огаревой я отобрал только последние, книги — произведения Герцена, остальное же, т. е. переписку Герцена и портреты, не счел удобным отобрать здесь, потому что, по беглому просмотру ее, я не видел в ней ничего имеющего значение, а г-жа Огарева поставила вопрос так, что «если вещи эти будут отобраны благодаря ее следованию в Россию, то она для возвращения их лучше предпочитает вернуться за границу», так что в случае конфискации писем можно было ожидать огласку 〈. . .〉. Уверенная в возможности сохранить свои письма и фотографии, она их уложила на дно своего сундука с тем, чтобы достать только в Пензе, где, как я думал, было бы удобнее подвергнуть ее более серьезному досмотру» [162].

Продолжения жандармская дипломатия не имела: никаких указаний пензенским властям о дополнительном просмотре или конфискации провезенных бумаг из III отделения не последовало. Книги были присланы в III отделение, а затем возвращены в Министерство внутренних дел [163]. В деле Н. А. Тучковой-Огаревой нет следов снятия с нее в дальнейшем надзора, об установлении которого тогда же, в августе 1876 г., напомнили Пензенскому жандармскому управлению.

Все документальные и изобразительные материалы, привезенные Тучковой-Огаревой из-за границы, объединились в России с тем, что было оставлено Огаревыми дома за двадцать лет до этого при отъезде в Лондон. Рассказ о семейных бумагах из архива Герцена в первые пять лет после его смерти, до отъезда Тучковой-Огаревой в Россию, на этом в сущности завершается. Но следующему этапу истории архива нужно предпослать некоторые рассуждения о роли в ней Тучковой-Огаревой, о том, сберегла ли она находившиеся в ее руках письма Герцена и Огарева.

Мы приводили выше отрывки из ее писем — просьбы к тому и другому жечь ее письма. Нет, однако, ни одного документального свидетельства, что таким же образом она поступила

когда-либо с их письмами, в особенности, после их смерти. Можно допустить, что при жизни это могло случаться — как неуравновешенная и гневная ее реакция на только что полученное письмо или на очередную коллизию в тягостных их взаимоотношениях. Но нет никаких оснований думать, что подобным же образом она могла поступать с оставшимся у нее наследием Герцена и Огарева. Это неопровержимо доказывается и количеством бережно сохраненных ею писем, и их содержанием. Это были те самые письма, которые показали потомству печальную ее роль в судьбе двух выдающихся людей. Это доказывается и той решимостью, с какой она отстаивала на границе свой архив от конфискации, готовая лучше вернуться в эмиграцию, чем отдать его.

Конечно, утраты в этой переписке имеются (как и во всей прочей переписке Герцена и Огарева), но их менее всего можно объяснить случаями сознательного уничтожения. Так, например, письмо Герцена к ней от 23 февраля 1868 г., где описано состояние, в каком он застал Огарева после перелома ноги, было в наличии во время работы Тучковой-Огаревой над «Воспоминаниями», где оно изложено [164]. В настоящее время местонахождение его неизвестно [165], хотя очевидно, что никаких причин для его уничтожения быть не могло.

Однако в литературе было высказано и с тех пор неоднократно повторялось мнение, что еще до отъезда в Россию Н. А. Тучкова-Огарева уничтожала какие-то находившиеся у нее письма Герцена или Огарева. Возникновение и дальнейшее распространение таких утверждений — характерный пример превращения однажды высказанной гипотезы путем простых словесных манипуляций и без привлечения новых доказательств в факт, начинающий бродить по научной литературе.

Впервые эту мысль (и только как предположение) высказала Н. А. Роскина в публикации «Из переписки Н. А. Тучковой-Огаревой». Заметив в письме Натальи Алексеевны к Н. А. Герцен от 7 февраля 1875 г. слова: «Никого не вижу, перечитываю письма, рву ненужные», она писала: «Обращает на себя внимание, что Н. А. Тучкова-Огарева уничтожала какие-то документы, казавшиеся ей „ненужными“. При этом она могла уничтожить и какие-либо бумаги Герцена и Огарева» [166]. Позднее М. К. Перкаль, опираясь на публикацию Н. А. Роскиной, но отбросив оттенок гипотетичности, сообщал уже как об установленном факте: «Уже после смерти Герцена Н. А. Тучковой-Огаревой были уничтожены какие-то его письма» [167]. В статье же следующего автора, Н. С. Роговой, то же утверждение приобрело характер почти обвинительного заключения (со ссылкой на ту же, приведенную Роскиной, цитату): «Некоторые заслуги Н. А. Огаревой в деле собирания эпистолярного наследия А. И. Герцена не компенсируют тот вред, который она причинила этому наследству, уничтожая «ненужные» бумаги» [168]. Двух слов «рву ненужные» оказалось достаточно для Н. С. Роговой, чтобы бездоказательно сравнить масштаб собранного, сохраненного и уничтоженного — и, разумеется, не в пользу Тучковой-Огаревой.

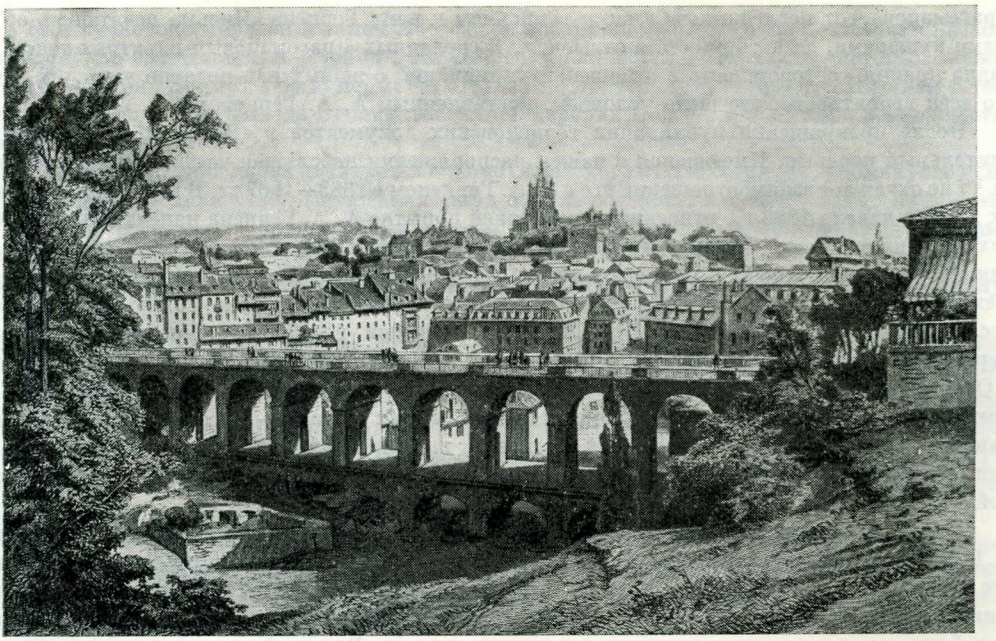
Попытаемся теперь извлечь из доступных нам документов все, что проливает свет на истинное положение дел. Прежде всего, если не ограничиваться одной уже известной нам цитатой, а познакомиться со всем контекстом писем Н. А. Тучковой-Огаревой к А. А. и Н. А. Герценам, к дочери Лизе, то предположение, что под «ненужными» она могла подразумевать письма Герцена или Огарева, отпадает само собой. Но кроме контекста есть и конкретные указания. 13 сентября 1874 г. Н. А. Тучкова-Огарева писала Лизе: «Я перебрала свои письма и многие изорвала — многие перечитала — от этой работы внутренняя боль ⟨. . .⟩ Тхорж⟨евский⟩ писал, что Ага уехал. Все же больно думать, что мы его больше не увидим. Я сохранила его письма — есть и к тебе» [169]. Письмо от 18 января 1875 г. к ней же касается уже писем Герцена: «На днях будет пять лет, что наша жизнь окончательно разрушилась — подумай с любовью об *нем*. Как он тебя любил! — Я перечитываю все письма, я вся в прошедшем. Когда-нибудь и ты будешь их читать со слезами умиления, не с теми горькими, безвыходными слезами, с которыми я их перечитываю» [170]. Во всей переписке Н. А. Тучковой-Огаревой с детьми встречается лишь однажды факт уничтожения ею какой-то рукописи, относящейся к семейной истории,— но отнюдь не писем Герцена и Огарева. В давно опубликованной переписке ее с А. А. Герценом есть два письма, которыми они обменялись в январе 1876 г., вскоре после гибели Лизы. В письме Натальи Алексеевны от 23 января говорится: «Ты приехал сюда поглощенный мыслью о моей рукописи. Уже на вокзале ты добивался говорить с г-жею Г⟨арибальди⟩ и, увидев ее, ты несколько раз говорил с нею исключительно о рукописи, и в коляске, после минут столь мучительных для меня, ты говорил со мною о рукописи ⟨. . .⟩. Только мы вошли в дом, ты потребовал рукопись; ты подал ее мне, и я бросила ее в огонь» [171]. Александр Александрович отвечал: «... ты сама мне говорила,

чтобы я ее взял и уничтожил. Находясь в Ницце, при тебе и M-me Garib⟨aldi⟩, я думал, что это дело лучше покончить сейчас, и напомнил о рукописи безо всяких задних мыслей, т. е. думая только, что лучше не оставлять никаких следов наших прежних недоразумений, а особенно в посторонних руках» [172]. Этот эпизод оставался бы непонятным, если бы в одном из позднейших писем Тучковой-Огаревой к Некрасовой не нашлось упоминание о нем: «Ведь Саша Г⟨ерцен⟩ вынудил меня сжечь или отдать ему письмо, которое было писано ⟨к⟩ M-me Garibaldi и должно было оправдать меня или, лучше, объяснить — но он боялся, совершенно ошибочно, что там есть что-нибудь о нем» [173]. По-видимому в сожженном письме Тучковой-Огаревой разъяснялись,— с ее точки зрения, конечно,— причины распада семьи с его тяжкими последствиями.

Позиция Н. А. Тучковой-Огаревой по отношению к документам, в которых отразилась драма ее семейной жизни с Герценом, была сформулирована ею в одном из писем к его сыну. Продолжая тему сожженного письма-исповеди, она писала 23 января 1876 г.: «Мы разные люди, милый Александр. Знаю, что у тебя есть в копии, сделанной моей рукой, тетрадь горьких размышлений, писанная твоим отцом в минуты гнева и недоразумений, а позже — болезни. Страницы, в которых выражалась его любовь к его второй семье, вероятно, вырваны им самим в дурную минуту. Я знаю: однажды ему показалось, что я говорила о нем Лизе без его позволения,— тогда он записал несколько жестких и беспощадных строк; позже все объяснилось, но эти страницы остались. Я их не боюсь, милый Александр, напечатайте их, распространяйте их; суд людей не так страшен, как мой собственный» [174]. В этих, может быть, и не до конца искренних словах существенно одно: очевидное все же стремление ее не уничтожать следы ушедшей в прошлое жизни, а сохранять их, в каком бы свете они ее ни представляли.

Вопрос о том, что станется с интимными письмами Герцена и Огарева после ее смерти, начал всерьез тревожить Тучкову-Огареву позднее, в преклонные годы. Осенью 1894 г. она писала Е. С. Некрасовой: «...бережешь, бережешь все, а как умрешь — все пойдет на обертку» [175]. Еще позднее, в сентябре 1902 г., она возвращалась к тому же: «На днях я пересматривала свои бумаги, письма Г⟨ерцена⟩, Ог⟨арева⟩ — одно свое прочла. Мы много страдали, но не хочется, чтоб каждый грязными пальцами до моей души дотрагивался: противно. И жечь жаль — а как ошибусь и не умру?» [176]. Об этих сомнениях Натальи Алексеевны и о своих советах ей написать еще одну, интимную часть воспоминаний Некрасова, очевидно, сообщила Н. А. Герцен. Последняя отвечала ей 31 января 1903 г.: «Вы правы, советуя Наталье Алексеевне дополнить свои воспоминания. То, что Вы рассказываете о письмах отца и Огарева, доказывает, что она не очень хорошо помнит. Вы должны ей сказать, что несколько лет назад она утверждала, что у нее нет писем отца и Ог⟨арева⟩ — и спросить у нее, откуда же они у нее теперь, и снова убедить ее не сжигать эти письма» [177]. В доступной нам переписке Тучковой-Огаревой подобного утверждения обнаружить не удается. От всех своих русских корреспондентов — Пассек, Некрасовой, Гершензона — она никогда не скрывала наличие у нее этих писем, и если подобное отрицание имело место, то только в сложных отношениях с детьми Герцена. Письма Герцена и Огарева она сохранила до конца жизни. Написала она и новую часть воспоминаний. 13 января 1903 г. она сообщала Некрасовой: «Я пишу то, что Вы желали, для Ру⟨мянцевского⟩ му⟨зея⟩, переживите меня, и Вы узнаете нас всех» [178]. В одном из последних писем к Некрасовой конца 1904 г. (Некрасова была уже тяжело больна и в начале 1905 г. скончалась) говорится: «Наконец, по Вашему желанию, посылаю Вам мою исповедь — едва ли Вы будете довольны» [179]. О судьбе всех остальных, бережно сохраненных Тучковой-Огаревой бумаг мы скажем в своем месте. Теперь же возвратимся к архиву, оставшемуся за границей.

В 1877 г. он пополнился бумагами Огарева. Не располагая перепиской дочерей и сына Герцена, нельзя точно установить, что́ именно привезла из Англии ездившая туда в последние дни жизни Огарева Н. А. Герцен. Связанные с этим обстоятельства известны только в пересказе Е. С. Некрасовой, но он, вне всякого сомнения, основан на том, что рассказывала ей во время встреч в Лозанне и Париже сама Наталья Александровна. «Когда Николай Платонович испустил последний вздох,— писала Некрасова,— Наталья Александровна вручила англичанке Мэри, которая давно уже жила при Огареве и ходила за ним, необходимые деньги на похороны и на все неизбежные в подобных случаях расходы, сама же не осталась дожидаться похорон, а захватив все «старые тетради», отказанные покойным поэтом «детям Герцена», простилась с покойником и поспешила уехать домой» [180]. Объясняя этот поспешный отъезд боязнью возможных неприятностей со стороны Мэри, Некрасова, при всей своей лояльности по отношению к Н. А. Герцен, в особенности в печатной работе, не смогла все же избежать заметной в этом рас-



ЛОЗАННА

Гравюра В. Гехта по рисунку Э. Кирхенера, 1870-е гг.

Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881

В Лозанне, в доме Н. А. Герцен хранилась большая часть архива Герцена

сказе ноты осуждения. Подобным же двойственным чувством, как мы увидим, отмечено ее отношение к А. А. Герцену.

Документы из объединившегося теперь архива Герцена и Огарева в течение нескольких следующих лет лежали без движения. Начало их публикации, а вместе с тем, и начало передачи их в другие руки, связано с именем М. П. Драгоманова. В 1881 г. А. А. Герцен с семьей переехал в Лозанну. Он и раньше считал, что Швейцария «несравненно лучше Италии для воспитания» и что «вся атмосфера в Швейцарии гораздо нравственнее» [181]. Обсуждая в письме от 8 ноября 1875 г., когда удобнее ставить памятник на могиле отца в Ницце, Н. А. Герцен писала Н. А. Тучковой-Огаревой: «Отложим лучше до будущего года, до момента Сашиного переезда в Швейцарию» [182]. Тогда этот план переезда не осуществился. Теперь же этого требовало будущее его многочисленных подрастающих детей.

В 1876 г. эмигрировал из России и поселился в Женеве уволенный из Киевского университета за политическую неблагонадежность известный украинский историк М. П. Драгоманов. Познакомившись (по-видимому в 1882 г.) с сыном Герцена, он предложил ему приступить к публикации писем из архива Герцена, не вошедших в женевское издание. Согласие было получено, и документы из архива Герцена впервые начали публиковаться без всякого участия кого бы то ни было из членов семьи Герцена. Драгоманов начал печатать их в издававшейся им газете «Вольное слово» под заголовком «Из бумаг редакции «Колокола»». Открывавшее публикацию письмо Бакунина к Герцену от 8 декабря 1860 г. было помещено в двух номерах газеты (№ 54 и 55 за 1883 г.). В первом из номеров, вышедшем 1 февраля, Драгоманов писал: «Мы получили от семейства А. И. Герцена и г-на Тхоржевского [183] большое количество бумаг бывшей редакции «Колокола» (Герцена, Огарева и Бакунина) <. . .> Количество этих бумаг слишком велико, чтоб быть помещено в нашей газете; по всей вероятности, они составят особый том, который в недалеком будущем выйдет в Женеве». В точном смысле слова замысел этот не был реализован, но Драгоманов действительно в течение ряда лет в разных формах издавал переписку Герцена и Огарева. В «Вольном слове» он напечатал за несколько месяцев (февраль — май 1883 г.) письма к Герцену С. С. Громеки (3), Н. А. Мельгунова (5), И. С. Аксакова (5), Б. Н. Чичерина (4), Бакунина (1), Анненкова (1), И. П. Галахова (1), И. И. Панаева (1), письмо М. А. Языкова к Огареву. Письмо Ю. Ф. Самарина к Герцену было напечатано вместе с полученным, по словам

Драгоманова, «от наследников Самарина» письмом к нему Герцена. Письма печатались с большими купюрами, а часть просто в отрывках. В сделанных Драгомановым изъятиях текста очевидна крайняя осторожность в отношении упоминаний о живых или недавно умерших людях. По всей вероятности, это было условием, поставленным А. А. Герценом.

После прекращения публикации герценовских документов в «Вольном слове» наступил длительный перерыв. Имеющаяся в нашем распоряжении небольшая часть архива Драгоманова [184] не отражает взаимоотношений его с А. А. Герценом в 1883—1887 гг. В нее входит переписка их лишь с начала 1888 г., относящаяся к первой попытке А. А. Герцена напечатать что-либо из архива отца в России. Такому его решению способствовал, несомненно, успех обнародования некоторых писем Герцена и Огарева в тексте III тома мемуаров Т. П. Пассек «Из дальних лет». Мемуаров этих мы коснемся здесь очень бегло (их история, как известно, детальнейшим образом исследована А. Н. Дубовиковым [185]) и лишь в той степени, в какой она пересекается с архивом Герцена и Огарева, хранившимся в Швейцарии. Выше упоминалось уже о получении Пассек у Огарева писем к нему Герцена и использовании их, а потом возвращении А. А. Герцену. С публикацией в «Русской старине» III тома мемуаров, а в их составе — писем Герцена, связан ряд фактов, поясняющих отношение детей Герцена к подобным публикациям, в особенности, если они освещали его личную жизнь. Продолжала их пугать и возможность обнародования неизданной части «Былого и дум».

Еще в марте 1886 г., опасаясь подобного поступка со стороны Пассек, Н. А. Герцен писала М. К. Рейхель: «Мы не хотим пока ничего печатать из этого V-ого тома, потому что m-me H⟨erwe⟩gh все угрожала, что если мы что бы то ни было напечатаем — она отмстит и напечатает все мамашины письма, которые у нее в руках. Может быть, она хвастается и ничего у нее нет, но зато, может быть, она в состоянии выдумать и сочинить письма. Во всяком случае, нельзя рисковать полемикой об этом, неправда ли?» [186]. Когда тревога эта рассеялась, она снова писала об этом Марии Каспаровне: «Носились слухи, что Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩ собирается печатать рукопись, о которой я тебе говорила. Одна Нат⟨алья⟩ Алексеевна могла бы ей дать копию, но вряд ли Нат⟨алья⟩ Алек⟨сеевна⟩ это сделает. Ведь мы с ней же решили в 72—73 году, что *не* следует еще печатать пока. С тех пор ничего не переменилось» [187].

Узнав в декабре 1886 г. о появлении в тексте мемуаров Пассек писем Герцена к Огареву, А. А. Герцен немедленно принял меры против этого: через М. К. Рейхель он обратился с протестом к Пассек и одновременно телеграфировал Семевскому. Печатание было приостановлено. Семевский, желая уладить дело и продолжить печатание мемуаров, в письме от 12/24 февраля 1887 г. предложил А. А. Герцену устранять из корректуры все, что он считает нужным. В результате затяжки, вызванной семейной цензурой, публикация возобновилась только в октябре 1887 г., а текст писем был значительно урезан [188]. Приведенная в указанной работе А. Н. Дубовикова переписка всех заинтересованных лиц, если подойти к ней под занимающим нас углом зрения, может быть несколько дополнена и уточнена.

Решимость А. А. и Н. А. Герценов и семьи Моно воспрепятствовать публикации Пассек любыми средствами, вплоть до суда, выясняется из письма Н. А. Герцен от 9 февраля 1887 г. к известному русскому юристу кн. А. И. Урусову: «Когда я имела удовольствие Вас видеть, у меня не было ни случая, ни *возможности* серьезно переговорить с сестрой и зятем. Они считают— и мой брат согласен с ними в этом — что мы не должны никому разрешать публиковать что бы то ни было принадлежащее нашему отцу, письма ли это или рукописи, без особого согласия с нашей стороны и без нашего контроля за тем, что публикуют. Если Вы увидите г. Семевского, благоволите сказать ему это. Впрочем январский номер «Русской старины» не содержит продолжения нескромностей г-жи Пассек — я надеюсь, что это результат нашей телеграммы г. Семевскому, которую мы послали из Лозанны в начале декабря, но ответа еще не получили. Мы хотим как можно скорее отправить Вам доверенность, которая, в случае, если бы кто-либо попытался предпринять новые публикации в журналах или отдельной книгой, позволила бы Вам протестовать от нашего имени. Как Вы думаете, будет ли подходящей и достаточной следующая формулировка? «Мы нижеподписавшиеся, Александр, Наталья и Ольга Герцен, дети и наследники Александра Герцена, доверяем г. князю Александру Урусову в случае, если в России будет сделана без нашего разрешения какая-либо публикация трудов или переписки Александра Герцена, заявить законный протест против сделки об этой публикации независимо от иска, который, в крайнем случае, может быть возбужден против ее автора или авторов» [189].

Но к таким крайним мерам прибегать не пришлось. «Насчет Семевского,— писал А. А. Герцен сестре 14 февраля 1887 г.,— думаю, что больше бояться нечего». Отговаривая ее от намерения

писать еще Тучковой-Огаревой и самой Пассек, он добавлял: «Натали сама достаточно позаботится о том, что ее касается, а „кузина", без сомнения, спишется с Семевским, который скажет ей: берегитесь, они примут любые меры»[190]. Нельзя не подчеркнуть здесь, что Наталья Алексеевна не только не урезывала публикаторские намерения Пассек, но, по мере возможности, ей способствовала.

В работе А. Н. Дубовикова цитируется письмо Семевского к А. А. Герцену, упомянутое нами выше,— однако, не полностью. Опущенная часть письма содержит важные детали. Напоминая А. А. Герцену о встрече и беседе в Лозанне летом 1882 г., Семевский спрашивал его, почему он не выполнил данных тогда «добрых обещаний»:

«1) Вы обещали прислать фотографию памятника на могиле Вашего отца. Таковой я не получал.

2) Вы обещали написать мне об условиях, на каких признаете возможным продать право напечатания в «Русской старине» неизданной части Записок Вашего отца — и ничего мне об этом не написали». «Казалось, теперь,— писал в конце Семевский,— когда минуло 20 лет со дня кончины Вашего достопамятного отца, следовало бы издать все, что до его жизни и деятельности относится»[191]. Ответ на это А. А. Герцена, если он вообще был, в архиве Семевского отсутствует. Ясно только, что был тогда момент, когда он снова склонялся к мысли о возможности опубликовать «V том», но снова отказался от нее.

Совсем иным было его отношение к публикации в России переписки Герцена и Огарева, хранившейся в его семейном архиве. Именно в это время он настойчиво этого добивается. Первым опытом такого рода явилась обширная публикация «Из переписки недавних деятелей», в 1888—1892 гг. появившаяся на страницах «Русской мысли».

Тут надо сказать прежде всего, что изучение относящихся к ней документов полностью рассеивает еще одну утвердившуюся в литературе легенду. Начиная с М. К. Лемке, все, кто так или иначе касался этой публикации, резко и во многом справедливо критиковали ее неисправность — обилие купюр и неверных чтений, часто вообще искажавших смысл; и все, естественно, осуждали публикатора. В качестве такового во всей литературе вопроса без тени сомнения указывалась Е. С. Некрасова[192]. Из многих подобных утверждений приведем лишь два: Н. М. Мендельсона, первым разбиравшего в начале 1920-х гг. и описывавшего в «Комнате людей 40-х годов» Румянцевского музея как раз те письма Огарева, которые печатались некогда в «Русской мысли», и Я. З. Черняка, много лет исследовавшего и фонд Огарева и фонд Е. С. Некрасовой в отделе рукописей Ленинской библиотеки, куда влились потом материалы «Комнаты».

«Всяческого осуждения заслуживают редакторские приемы Некрасовой при издании писем Герцена и к Герцену,— писал в 1933 г. Н. М. Мендельсон.— Намеренные и ненамеренные пропуски, искажения, вычеркивания (иногда даже в самом оригинале!) на каждом шагу. Эти замечания в полной мере применимы к тем публикациям, о которых сейчас же вспоминают, раз речь заходит о переписке Герцена. Говорю о длинной серии материалов, опубликованных в «Русской мысли» под заглавием «Из переписки недавних деятелей», широко использованных Лемке на страницах его издания. Вступительная заметка к этой серии подписана буквами А. Г., но ряд документов, хранящихся в Ленинской библиотеке, позволяет утверждать, что главную ответственность за публикацию должна нести Е. С. Некрасова»[193]. Как видим — ни сомнений, ни доказательств, ни попытки выяснить, кем подписана вступительная заметка, как и когда могли попасть к Некрасовой печатавшиеся в «Русской мысли» письма.

Столь же уверенно излагал обстоятельства дела Я. З. Черняк в своей работе «Фонд Н. П. Огарева»: «Переписка Огарева с Герценом, Кетчером, Грановским публиковалась систематически в течение многих лет в «Русской мысли» под общим заглавием «Из переписки недавних деятелей. Материалы для истории русского общества». Публикация осуществлялась Е. С. Некрасовой, которая была первой в России собирательницей рукописного наследия Герцена, Огарева и их друзей»[194]. Перейдя затем к оценке качества этой публикации, он не ограничился чисто текстологической критикой ее дефектов, но построил для их объяснения целую идеологическую концепцию.

«Не понимая борьбы, происходившей между революционными и либеральными элементами кружков, и не разбираясь ни в теоретико-философских, ни в политических разногласиях, разделивших многих членов кружка и приводивших уже в 40-х годах к страстным и резким столкновениям, Некрасова стремилась замолчать их, загладить конфликты, залить примирительным елеем споры и разногласия. При публикации она выбрасывала из писем целые абзацы, удаляла отрицательные характеристики отдельных лиц и т. д.»[195].

Но все эти объяснения недостатков публикации персональными особенностями Некрасовой, как оказалось, совершенно несостоятельны и лишь еще раз доказали, как опасно в научной работе опираться не на источники, а на логические умозаключения. Дело в том, что Некрасова не имела никакого отношения к этой публикации, и в то время, когда она предпринималась, даже письменно не была еще знакома с А. А. Герценом. Первое ее письменное обращение к нему относится к марту 1889 г., а первые материалы для публикации она получила у него во время своего пребывания в Лозанне в 1893 г. (подробнее см. ниже). По поручению А. А. Герцена письма в «Русской мысли» публиковал М. П. Драгоманов.

Переговоры по этому поводу с редактором «Русской мысли» В. А. Гольцевым начались, по-видимому, при их личной встрече в Лозанне в конце 1887 г.— во всяком случае, первое из сохранившихся писем А. А. Герцена к Гольцеву, от 21 февраля 1888 г., сопровождает уже отправку первой партии писем в копиях. Письма были подготовлены Драгомановым, которому А. А. Герцен предложил треть гонорара и вместе с которым решал вопросы отбора писем. 8 января 1888 г. он писал ему: «Приезжайте, когда Вам удобнее. «Из дальних лет» Т. П. Пассек у меня есть, а «Полярной звезды» и «Колокола» нет. Все это было у Огарева, он обещался мне отдать, но у него, вероятно, все стащили, и я так и не получил, а потом сам забыл достать и теперь не знаю даже возможности где-нибудь достать» [196]. Видимо Драгоманов предлагал сосредоточиться на письмах доэмиграционного периода, проверив по названным изданиям, что из них было уже напечатано и самим Герценом и Пассек. Посылая Гольцеву первую пачку текстов, А. А. Герцен писал: «Надеюсь, что они Вам покажутся интересными и окажутся цензурными. Я Вам ручаюсь за точность копий; подлинников я, разумеется, не желаю подвергать опасности длинного путешествия; если же найдутся на то охотники, то я, может быть, решусь после опубликования переписки в «Русской мысли» продать и аутографы всех «недавних деятелей», кроме моего отца ⟨...⟩ Все, что окажется неценсурным, я намереваюсь со временем издать за границей» [197]. 12 марта, сообщая Драгоманову о благополучном получении в России первой посылки, А. А. Герцен торопил его: «готовьте скорее новую пачку писем» [198]. Имя фактического публикатора Гольцеву было известно (28 сентября А. А. Герцен писал ему, например: «По просьбе моего сотрудника, посылаю Вам его статью о «Малороссах в Америке». Он просит Вас прислать ему в счет гонорара на мой адрес болгарско-русский лексикон Дювернуа и книгу Неведомского «М. Н. Катков» [199]), но нигде в журнале не было обозначено.

Публикация началась в июльской книжке журнала за 1888 г. и растянулась на пять лет, причем перерывы достигали иной раз 8—9 месяцев. В предисловии, подписанном инициалами А. А. Герцена, но, судя по всему, принадлежащем, как и весь комментарий, Драгоманову, говорилось: «Мы решаемся опубликовать эти письма во всей их полноте, с неизбежными в живом материале шероховатостями. Мы надеемся, что настоящее время уже настолько удалено от той эпохи, что эти шероховатости не заденут никого, а во всяком случае не принесут никому вреда» [200]. На деле текст напечатанных писем был далек от полноты, а за точность копий и вовсе не стоило ручаться: текстологический уровень работы Драгоманова был здесь еще ниже, чем в последующих его изданиях. Но ответственность за купюры вряд ли ложится на него. Преобладающая их часть относится к религиозно-философским проблемам, обсуждение которых в письмах могло показаться опасным с цензурной точки зрения уже редакции журнала, а затем и цензору. Другие же купюры, смягчающие остроту разногласий членов московского кружка, вряд ли объяснимые цензурными требованиями,— те самые, которые столь неудачно объясняли «либерализмом» Некрасовой, сделаны были, скорее всего, еще в Женеве по инициативе А. А. Герцена. Отметим, что в переписке его с Гольцевым, где много упреков в длительности печатания, задержке гонорара [201], нет ни слова возражений против купюр. Характеризуя в том же предисловии переписку Герцена и Огарева, Драгоманов отмечал: «К сожалению, у нас находится под рукою только одна половина ее: письма одного Огарева с приписками близких его» и делал далее еще одно существенное замечание — что письма эти «представляют не всю огаревскую половину корреспонденции, а только то, что от нее уцелело» [202]. В истории этой публикации проявилось и желание А. А. Герцена приступить к обнародованию наследия отца, диктовавшееся и моральными и материальными соображениями (при его огромной семье проблема гонорара была немаловажной), и сковывавшие его внутренние ограничения. Важно также, что ни тогда, ни позже он не мог сам этим заниматься, поглощенный своей профессиональной деятельностью и не обладая нужными знаниями и навыками. Его позицию в этом отношении характеризует письмо его к Драгоманову от 31 мая 1893 г., адресованное уже в Софию, куда тот пере-

ехал в 1889 г.: «Для литературного лексикона меня просят прислать краткую биографию отца· но главным образом желают очень точный ответ на следующие вопросы:

Основные фазы его философской, литературной и политической эволюции; значение и влияние его сочинений.

Каково было в точности его отношение к нигилизму, когда и почему он порвал с Бакуниным.

Каково значение «Переписки», недавно опубликованной в России.

Вы все это так отлично знаете, что для Вас гораздо легче написать статейку такого рода (не более 100 строк), чем для меня». В конце письма приписано: «Не вспомните ли, когда началась и когда кончилась публикация «Полярной звезды» и сколько томов «Колокола» вышло всего?» [203] Драгоманов согласился, и спустя несколько дней А. А. Герцен уже благодарил его за готовую работу [204].

Как же и почему возникла мысль, будто публикацию 1888—1892 гг. в «Русской мысли» готовила Некрасова? Во-первых потому, что именно она в конце 1880-х — начале 1890-х годов напечатала в русских журналах немало текстов Герцена и Огарева, в том числе и в данном журнале [205]. Во-вторых, подлинники тех писем А. А. Герцен впоследствии передал в «Комнату людей 40-х годов»,— а при полной неизученности ранее истории этого собрания можно было вообразить, что они были там уже в 1888 г. Переписка А. А. Герцена и Драгоманова не была известна. В этих условиях· трудно было сомневаться, что отчеркнутые в подлинниках купюры сделаны Некрасовой при подготовке писем к печати — в действительности, это мог быть только результат позднейшей сверки текстов с печатными.

В годы, последовавшие за публикацией в «Русской мысли», Драгоманов, пользуясь полученными от А. А. Герцена подлинниками, осуществил еще два отдельных издания переписки Герцена и Огарева: письма Кавелина и Тургенева, а затем — письма Бакунина [206]. В связи с первой из этих книг А. А. Герцен писал 21 августа 1890 г. М. М. Стасюлевичу: «Драгоманов, воспользуясь вакациями, приехал сюда за семьей и вовсе не намерен оставлять Софии; до своего возвращения туда он, действительно, надеется издать том писем Кавелина и Тургенева к моему отцу; на это заграничное издание мы решились, потому что его в России никогда не позволят — только мы, к несчастью, не могли достать писем моего отца к К⟨авелину⟩ и Т⟨ургеневу⟩. Никто не знает, куда они делись» [207]. Письма Герцена к Кавелину так и не были обнаружены. Племянник Кавелина Д. А. Корсаков сообщил тогда Драгоманову, что они, по-видимому, были сожжены женой Кавелина «во время полицейских тревог после пожаров 1862 г.» (XXVII, 572). Четыре известных письма Герцена публиковались по черновикам, отпускам и копиям (XXVII, 152—153, 226—227, 237, 249—250). О письмах Герцена Тургеневу, как известно, сохранившихся, будет сказано далее. По-видимому, Драгоманов задумывал еще некоторые публикации материалов из архива Герцена, которые смерть не дала ему осуществить,— иначе нельзя объяснить объем и состав тех документов, что были переданы ему А. А. Герценом.

Недолгая, в сущности, публикаторская деятельность Драгоманова сыграла роковую роль в судьбе архива. Значительная часть документов и рукописей, переданных ему А. А. Герценом, в Лозанну не вернулась, и реконструировать их первоначальный состав можно только гипотетически, по тем из ныне известных материалов, которые несомненно восходят к собранию Драгоманова, но все время имея в виду вероятность утрат в нем. О дальнейшей судьбе этого собрания речь пойдет позже.

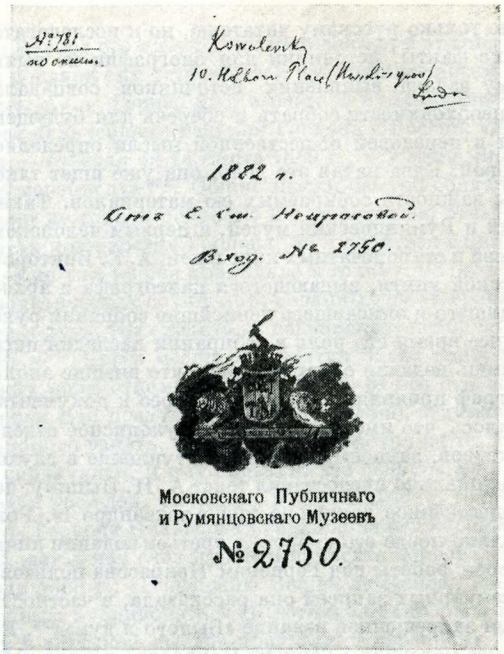
Последней страницей истории заграничного архива Герцена и Огарева до начала постепенного перемещения части его в Россию является еще одно зарубежное издание, к которому в какой-то степени были причастны дети Герцена,— издание Л. А. Тихомировым сборника статей Герцена из «Колокола» [208]. Рукописное наследие Герцена к нему не привлекалось, и мы упоминаем о нем лишь потому, что, по имеющимся данным, оно было поручено Тихомирову семьей Герцена, предоставившей ему хранившийся в Лозанне экземпляр «Колокола» с разметкой статей в нем. На эти обстоятельства впервые указал Лемке в предисловии к своему изданию, приведя в подтверждение и устные указания семьи Герцена и отрывок из письма к нему самого Тихомирова, где разъяснялось, что для атрибуции статей он пользовался двумя комплектами «Колокола»: «Мне дал свой экзепляр «Колокола» Н. Жуковский ⟨...⟩. Он в своем экземпляре своевременно отмечал личные статьи Герцена ⟨...⟩. Второй источник был сын Герцена, то есть его экземпляр с отметками статей Александра Ивановича⟨...⟩ Он также ручался за точность своих отметок статей А. И. Герцена» (Л I, VIII). Нельзя не заметить, что сведения Тихомирова явно противоречат приведенному нами выше утверждению А. А. Герцена в письме к Драгоманову

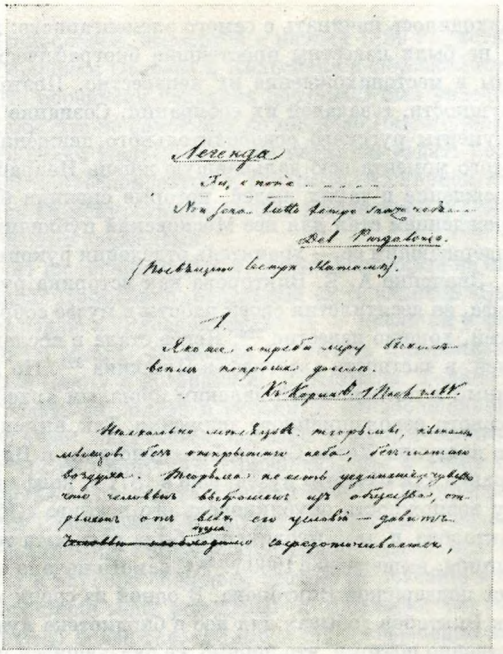
о том, что у него вообще нет «Колокола», а не то что полного комплекта с разметкой статей отца. Кроме того, переписка Лемке по этому поводу с Тихомировым возникла в конце 1912 г., после поездки Лемке в Лозанну, где он, несомненно, искал все возможные источники, но не получил никаких сведений о подобном комплекте. Только через два года после получения указания Тихомирова Лемке удалось выяснить, что такой комплект был ранее у Вырубова. 20 мая 1914 г. он запрашивал Н. А. Герцен: «Где экземпляр «Колокола», бывший сначала у А. А., а потом переданный Вырубову?» [209], а потом уточнял: «Нет ли в экземпляре у Николая Александровича каких-нибудь пометок под статьями неподписанными?». Н. А. Герцен отвечала: «Экземпляр «Колокола», о котором Вы говорите, бывший сперва у Саши, а потом переданный Вырубову, был возвращен нам и теперь находится у Николая» [210]. Но она не связывала его с вопросом о разметке статей, ибо прибавляла здесь же, что ничего об авторстве никем не подписанных статей не знает. Процитировав эти строки, В. И. Кулешов заключал: «Из переписки не видно, получил ли Лемке этот экземпляр «Колокола»» [211]. Можно с полной определенностью утверждать, что не получил: во всем его издании ни одна атрибуция статей в «Колоколе» не подтверждена ссылкой на такой экземпляр. Оставшись у Николая Герцена, он должен был иметь ту же судьбу, что и другие бывшие у него материалы из архива его деда.

После издания Тихомирова публикация наследия Герцена за границей прекращается надолго. С начала 1890-х годов все надежды семьи в этом отношении обращены к России,— и одновременно начинают передаваться на родину рукописи и письма из семейного архива.

III

Инициатива собирания документального наследия Герцена и Огарева в России принадлежит Екатерине Степановне Некрасовой, роль которой в судьбе их архива заслуживает подробного рассмотрения. В дореволюционной литературе деятельность Некрасовой в этом направлении освещена очень скупо — и это понятно. Но пробел этот не был восполнен и советской наукой: деятельности Некрасовой касались так или иначе многие исследователи и публикаторы наследия Герцена и Огарева, но почти исключительно в плане критики ее публикаций. На это есть причины. Во-первых, Некрасова, как и ее предшественник Драгоманов, была весьма неискушенным археографически публикатором. Обнаруженные потом ошибки в изданных ею текстах совершенно заслонили в глазах последующих издателей и исследователей общественное значение ее публикаций. Нельзя забывать, во-вторых, какое место в советской науке, особенно первых ее десятилетий, заняло очищение наследия русской литературы и общественной мысли от цензурных искажений. В пафосе очищения исследователи нередко упускали из виду реальные исторические условия, в которых появлялись эти издания, и, не отличая волю публикатора от жестких рамок, накладывавшихся на него подцензурным положением печати, безоговорочно обличали его вместе с царской цензурой. Так, в частности, оценивали и деятельность Некрасовой. Но мало этого: подобные суждения без достаточных оснований переносились и на обращение ее с оказавшимися в ее руках материалами Герцена и Огарева. М. К. Лемке, со свойственной ему неумеренностью и необъективностью оценок, решался обвинить ее в «покушении на уничтожение документов, так или иначе неприятных для искренно чтимого ею Герцена» и намекал, что она «кое-что и уничтожила самостоятельно» (Л I, 8). Резкость критических замечаний Лемке сыграла в формировании отношения к Некрасовой ту же пагубную роль, какую принесло его отношение к запискам Пассек [212]. Я. З. Черняк утверждал: «Виновником хаоса, внесенного в собрание, главным образом является Е. С. Некрасова. Она еще до 1905 г. придала рукописям тот вид, в котором должны были ими пользоваться на протяжении почти полувека многие исследователи, редакторы, научные работники. Ею были произвольно сшиты документы и обрывки текстов, ею были склеены вместе листы разновременных записей и текстов, разные тетради соединены в одну и т. д.» [213] Речь здесь идет о рукописях Огарева. Но автор не дал себе труда понять причины ее действий, объяснение которых можно найти в ее записных книжках, содержащих обильный материал по истории собранных ею рукописей. Есть там и запись о рукописях Огарева, присланных А. А. Герценом в 1901 г.: «А. А. Герцен предварительно многие тетрадки и записные книжки Огарева сократил: а именно, он повырвал из тетрадей чистую бумагу, отчего иногда вся тетрадка разваливалась, и тогда он сохранял только отдельные исписанные листочки, клал их в конверт. Таким образом, конверт заменял собою целую тетрадь. Поэтому, приводя в 1902 году в порядок рукописи Огарева, я не решалась соединять вместе листочки, лежавшие в разных конвертах, хотя мне часто казалось, что отдельные конверты составляли одну





ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ ГЕРЦЕНА. 1835—1838

В 1872 г. приобретена Е. С. Некрасовой на Сухаревском рынке в Москве. В 1882 г. передана ею в Румянцевский музей. Этим было положено начало Герценовскому собранию музея

Внутренняя сторона обложки (надписи отражают историю поступления рукописи в Румянцевский музей) и лист первый (автограф Герцена — начало повести «Легенда»)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

тетрадь» [214]. Можно было бы усомниться в точности этих данных, если бы в дневнике Некрасовой, который она вела во время пребывания в Швейцарии в 1901 г., не была подробно зафиксирована ее встреча и беседа с А. А. Герценом 17 июня 1901 г. Вот какой его рассказ там записан: «Когда я стал разбирать бумаги Огарева, встречаю множество тетрадок: одна крошечная, другая побольше, потом еще побольше и, наконец, большая. Развертываю, рассчитывая найти стихотворения, статьи — и вдруг целый десяток страниц пустых, затем одна страница исписана, потом опять идут пустые, а за ними две исписаны и т. д. Ну, куда держать весь этот хлам? Я взял исписанные страницы, вырезал, сложил их все вместе, а пустые тетради выкинул — по крайней мере я таким образом избавил себя от этой массы бумаг — ведь они составляли большой ящик (...).— Я внутренно при этом раздумывала: и какое же несчастье, что именно этому человеку достались все бумаги от отца и его друга!» [215].

Вряд ли можем мы осуждать Некрасову и за то, что в 1902 г. она не была способна проделать с этими рукописями ту ювелирную работу, какую спустя полвека совершили вооруженные накопившимися за это время знаниями и приемами современной текстологии исследователи-архивисты [216]. И во всяком случае, оценивая сделанное ею, мы обязаны понимать и состояние попавших к ней материалов, и мотивы ее действий.

Интерес к жизни и творчеству Герцена, а затем и Огарева, возник у Некрасовой еще в начале 1870-х годов и начался с редкой удачи, неожиданной находки неизданной рукописи Герцена. Она сама это описала: «Летом 1872 года, в один из воскресных торгов на Сухаревской площади, мне случайно попала под руку толстая тетрадь в переплете, валявшаяся на земле среди разного книжного хлама. Я развернула ее: оказалась рукопись» [217]. Это была записная тетрадь Герцена 1835—1838 гг., содержавшая «Легенду», «Первую встречу», «Вторую встречу» и различные наброски и заметки, впоследствии напечатанные Некрасовой [218]. По ее справедливому предположению, рукопись попала в книжный развал вместе с другим «хламом», выброшенным из дома Яковлевых после смерти Егора Ивановича Герцена [219].

Свою публикаторскую, исследовательскую и собирательскую работу по Герцену и Огареву Некрасова начала в то время, когда имя Герцена надолго исчезло со страниц русской печати.

Приходилось начинать с самого элементарного: не только русскому читателю, но и исследователю не были известны простейшие биографические факты, источники для биографии не выявлены и местонахождение их неизвестно. Поэтому задача выявления источников совпадала, в сущности, с задачей их собирания. Сознание необходимости собрать и сберечь для будущего документы русского освободительного движения и передовой общественной мысли определяет с этого момента всю дальнейшую жизнь Некрасовой. Едва начав это дело, она уже ищет такое учреждение и таких людей, которые оценили бы важность собираемых ею материалов. Таким учреждением стал для нее Московский публичный и Румянцевский музей, а первым человеком, поддержавшим ее,— хранитель отделения рукописей и старопечатных книг в нем, А. Е. Викторов.

Значение А. Е. Викторова как историка русской книги, выдающегося палеографа и археографа, за десятилетия своей работы в музее собравшего и описавшего ценнейшие собрания рукописей, хорошо известно [220]. Яснее стала в последнее время его роль в собирании наследия писателей, в частности автографов Пушкина [221]. Но лишь недавно обнаружилось, что внешне аполитичный и поглощенный далеким прошлым археограф проявлял заметный интерес к документам русского революционного движения. Так, выяснилось, что именно при нем в рукописное отделение поступил Устав Союза благоденствия, и Викторов, замаскировав это поступление в глухой справке для «Отчета» музея, еще в 1871 г. конфиденциально предоставил текст А. Н. Пыпину, дав ему возможность опубликовать его в книге «Общественное движение при Александре I». Роль Викторова в этой публикации была раскрыта только после его смерти, в третьем издании книги Пыпина, вышедшем в 1900 г.[222] С самого начала своей работы над Герценом Некрасова пользовалась поддержкой Викторова. В одной из своих мемуарных записей она рассказала, в частности, как Викторов добывал для нее в библиотеке музея запрещенное издание «Былого и дум» [223]. Естественно поэтому, что первые же оказавшиеся у нее материалы Герцена Некрасова начала передавать к нему в рукописное отделение. Первым даром такого рода была найденная на Сухаревке тетрадь Герцена, занесенная в «Книгу регистрации пожертвований» под датой 4 октября 1882 г.: «От Е. С. Некрасовой. Собственноручные записки А. И. Герцена. Принял А. Викторов» [224]. За ними последовали письма Н. А. Герцен к подруге ее юности А. Г. Клиентовой, полученные Некрасовой от адресатки и вскоре поступившие в музей. Они, однако, не были отмечены в инвентарной книге, а в «Отчете» музея отражены лишь десять лет спустя[225]. Действительное время их поступления выяснилось из позднейшего письма Некрасовой, где она упоминала «те письма Н. А. Герцен к А. Г. Клиентовой, которые я пожертвовала музею еще при А. Е. Викторове»[226] (Викторов скончался в 1883 г.).

В 1880-е годы Некрасова переходит к планомерным поискам материалов о Герцене и Огареве в среде живых еще их современников, родных и близких. Это время ознаменовалось появлением в печати публикаций, намечавших путь к возвращению в той или иной форме к запретной герценовской теме [227]. Не выходя за пределы доэмиграционного периода и не затрагивая острые проблемы конца 1850—1860-х годов, теперь в России можно было уже писать о Герцене и Огареве. Именно так поступала и Некрасова: напечатанные ею в ближайшее десятилетие рукописи и письма Герцена и Огарева, как и статьи о них, освещали лишь события, предшествовавшие отъезду за границу [228]. Однако обвинения ее в том, что она и не стремилась к публикации документов периода эмиграции, желала «спрятать правду» о Герцене и Огареве, прикрываясь лицемерными ссылками на цензурные препятствия [229], глубоко несправедливы. Как известно, все попытки издать тогда в России сочинения Герцена наталкивались на железную стену запрета, пробить которую удалось только в 1905 г., когда Некрасовой уже не было в живых [230]. Поэтому в ее деятельности изумляет, наоборот, та последовательность и стойкость, с которой она предалась собиранию документов о Герцене и Огареве и обнародованию всего, что удавалось. А при первой же открывшейся возможности она начала печатать и отдельные этюды, касавшиеся времени эмиграции [231].

Начав свои поиски с живых еще лиц из окружения Герцена и Огарева до их отъезда за границу — А. Г. Клиентовой, Боткиных, Коршей, Т. А. Астраковой, она вскоре расширяет их в стремлении получить как можно больше сведений о периоде эмиграции. Возникает, естественно, потребность познакомиться хоть письменно с Н. А. Тучковой-Огаревой и детьми Герцена. Затем в круг ее корреспондентов входит М. К. Рейхель. Если сперва речь шла только об установлении или уточнении тех или иных фактов, о разыскании портретов, затем о возможности отдельных публикаций, то вскоре у Некрасовой формируется идея собрать документацию и, опираясь на нее, написать биографию Герцена. Для этого важнее всего было установить связь с сыном Герцена.

Первое его письмо, сохранившееся в архиве Некрасовой, относится к началу 1889 г., когда она послала ему оттиск своей публикации писем Герцена и Огарева к Кельсиеву в «Русской старине». А. А. Герцен уже в разгаре публикации «Из переписки недавних деятелей» был увлечен идеей дальнейшего издания Герцена в России. «Жаль, что не списались со мною до Вашего издания,— отвечал он 14 марта 1889 г.,— у меня много писем Кельсиева, и мы могли бы издать полную переписку» [232]. Общие мысли быстро сблизили корреспондентов и вскоре А. А. Герцен начинает не только подробно и доверительно отвечать на конкретные запросы Некрасовой о документах и портретах Герцена, но и делиться с ней своими замыслами.

«Мне уже не раз приходило в голову, не позволят ли теперь издать в России некоторые из его неполитических сочинений, изданных им за границей? Напр⟨имер⟩ отдельные части записок «Былого и дум». Вы следите за перепиской, которую я издаю в «Русской мысли»?» — писал он в мае 1890 г.[233] Через месяц он излагал более конкретную мысль: «Я желал бы начать с переписки между моим отцом и моей матерью от его отъезда в Вятку и до брака во Владимире. Только я должен Вас предупредить, что недавно, вздумав издать ее книгой в России, я попросил одного знакомого узнать, позволят ли (несмотря на то, что в ней, разумеется, нет ничего политического); он справлялся, и ему сказали, что цензура ни за что не пропустит! Признаюсь, что я этому не верю и убежден, что если б издание вышло, то цензура не нашла бы в нем ничего» [234]. По просьбе А. А. Герцена Некрасова предложила эту переписку Стасюлевичу [235], но тот не решился на подобный шаг, о чем счел нужным написать непосредственно сыну Герцена. Последний отвечал ему 16 июля 1890 г.; «Благодарю Вас за любезное письмо и глубоко сожалею, что Вы не считаете возможным публиковать в «В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩» переписки моих родителей; я надеялся, что так как в «Русской мысли» пропустили переписку гораздо более *опасную*, то и эту, совершенно невинную, пропустили бы. Я мог бы Вам показать много интересных и важных вещей, если б Вам было возможно заехать ко мне, и Вы, может быть, могли бы мне помочь издать кое-что за границей и взять у меня кое-что возможное издать в России» [236]. Вопрос об этой публикации еще долго дебатировался в переписке А. А. Герцена со Стасюлевичем и Некрасовой. Оптимизм А. А. Герцена возрос в 1892 г. вследствие уверенности Л. Ф. Пантелеева, ведшего с ним переговоры, что удастся добиться разрешения на издание собрания сочинений Герцена в России. Теперь он был убежден, что переписку родителей не только можно будет напечатать «в любом русском журнале», но и выпустить отдельной книгой. «Я теперь кончил копию с этой переписки,— писал он Некрасовой,— они в продолжение 4-х лет писали каждую неделю. Переписка эта, *вся*, нечто невыразимо изящное, в ней нет *ни одного слова*, которое могло бы не понравиться цензуре» [237]. Но и Гольцев, и Стасюлевич наотрез отказались от нее, а к Семевскому А. А. Герцен сам не желал обращаться: «они платят вдвое или даже втрое дешевле» [238]. В одном из следующих писем А. А. Герцен приглашал Некрасову к себе в Лозанну [239].

Некрасова же, между тем, продолжала свои поиски в России. Решающую роль в их успехе сыграло знакомство и переписка с Н. А. Тучковой-Огаревой. Впервые Некрасова написала ей в июне 1892 г., надеясь получить портрет Н. А. Герцен, ибо готовила в то время к печати ее письма к Клиентовой. Тучкова-Огарева живо откликнулась на ее письмо, сообщив ей массу сведений об иконографии семьи Герценов (например: «У Т. А. Астраковой был портрет Наташи еще девицей, но он сгорел. В бумагах Герцена остался мой дагерротип, который был снят в день нашего объяснения с Огаревым») [240]. С этого времени в многочисленных письмах ее начинают постепенно раскрываться для ее корреспондентки самые разнообразные факты жизни Герцена и Огарева, круг близких к ним людей, судьба их рукописей и писем. Перечисляя в одном из писем лиц, которые знали Герцена (Лугинин, Усов, Обручев, Ге, Вырубов, Левицкий и др., «Л. Н. Толстой знал, но мало»), она писала: «Как быстро отживают, кого хочу назвать, всех уже нет на свете, лишь одна я стою, как памятник былого» [241]. С непостижимой для ее лет энергией Тучкова-Огарева включается в поддержку замыслов Некрасовой: сама посылает ей портреты, возобновляет старые связи с целью найти документы и изображения [242] и даже заставляет себя написать Н. А. Герцен, переписка с которой давно прервалась: «Поищи в бумагах твоего отца мой дагерротип и вручи его тому или той, кто передаст тебе эту записку» [243]. «Не могу не порадоваться,— пишет она Некрасовой 17 января 1893 г.,— Вашей конечной задаче — написать его биографию или их биографию» [244].

Дневники Некрасовой за 1892—1893 гг. позволяют проследить ее поиски день за днем. «Была у старика Е. Ф. Корша. Хотелось взглянуть на портрет Герцена,— записывает она 16 сентября 1892 г.— ⟨. . .⟩ И хотя его кабинет украшен дорогими людьми прошлого: Грановского, Белинского, Герцена портрет, но он — одна злоба». Описав далее, с каким раздражением отвергал прес-

тарелый Корш идеи и дело друзей своей молодости, она добавляет: «Только раз он вспомнил о них с чувством. «У меня сохраняется,— сказал он,— зеркальце Наташи, она подарила мне. Я каждый день гляжусь в него. Оно — есть, а ее и их нет» [245]. Еще за несколько лет до этого, в 1889 г., Корш передал в Румянцевский музей свою переписку «с русскими литераторами и учеными» [246], но в ее составе не было тогда писем ни Герцена, ни Огарева: он отдал их музею только после того, как они были напечатаны в сборнике «Помощь голодающим» в 1892 г. [247] Таким образом, к моменту визита Некрасовой этих писем у него уже не было. Но зато Корш рекомендовал Некрасову своей дочери, М. Е. Корш, унаследовавшей от тетки, М. Ф. Корш, значительную часть ее материалов. «Она живет одна в номере,— записывает Некрасова,— одна, окруженная могилами и портретами и реликвиями прошлого...» За этим следует полное и точное, как в описи, перечисление всего того, что удалось у нее увидеть [248]. От М. Е. Корш Е. С. Некрасова получила адрес М. К. Рейхель и сведения о том, что могло быть у Астраковой.

Последовал новый тур поисков: выяснилось, что Астракова недавно умерла, завещав свой архив доктору В. В. Антушеву; Некрасова написала ему — он не ответил: тогда она попросила своего знакомого, молодого врача В. И. Семидалова связаться с Антушевым, тот признался, что «не разбирал еще бумаги, они лежат в сарае» [249]. Затем фиксируется встреча с ним и поразившая Некрасову обнаруженная там «целая выставка портретов и картин» (здесь был ряд фотографий, теперь хорошо известных, некоторые с надписями Герцена — на фотографии Левицкого «1861 в память 40-х годов», на снимке Герцена 1857 г. с Н. А. и Н. П. Огаревыми, на картинке «Les pécheurs»; был там и кабинетный портрет Огарева, «рисован тушью» [250]. Эти записи показывают вместе с тем, насколько неопределенны были еще собирательские идеи Некрасовой. Ее влекли к себе в первую очередь изобразительные материалы и лишь те документы, которые можно было опубликовать. Достаточно сказать, что, встретившись с В. В. Антушевым, она ограничилась знакомством с поразившей ее «выставкой» и ни тогда, ни позже не просмотрела внимательно лежавшие в сарае бумаги. Невнимание к ним Некрасовой почти на сто лет отсрочило введение в науку обширного архива Астраковой, в составе которого были письма Герцена и Огарева [251].

«Из-за Герценов,— записала Некрасова в дневнике 7 января 1893 г.,— выглянуло на меня два новых лица, две старушки. С одной — Александрой Владимировной Щепкиной — меня познакомил С. С. Корсаков, к другой, Юлии Богдановне Шумахер, меня направила уже А. В. Щепкина» [252] Шумахер, по словам Щепкиной, выразила готовность передать Некрасовой «все, что может, о Н⟨аталии⟩ Ал⟨ександровне⟩» [253]. С трудом разыскав сестру Н. А. Герцен, Е. А. Селину, Некрасова получила у нее некоторые фотографии из семейного альбома [254]. «Со слов В. О. Ключевского,— пишет она,— у Кетчера был хороший портрет А. И. Герцена». Через И. И. Иванюкова ей удается узнать у К. Т. Солдатенкова, куда могли деваться бумаги Кетчера; выясняется — у А. В. Станкевича.

Оживленная переписка продолжалась и с Н. А. Тучковой-Огаревой, посылавшей ей все новые материалы («Присланный мною портрет Н⟨аташи⟩ был сделан в 48 году для меня неизвестным художником-итальянцем» [255]; «Я нашла неизданное стихотворение ⟨Огарева⟩, которое посылаю Вам на память в оригинале. Не знаю, кому оно написано, может, Грановскому» [256]). А. А. Герцен охотно сообщал ей об имеющихся у него портретах («Портретов моей матери вовсе нет, кроме одного, давнишнего и очень плохого; а моего отца у меня несколько; самый лучший, все-таки, фотография, снятая в 1862 г. С. Л. Левицким в Париже»; «Портрет отца, сделанный Витбергом, здесь у меня — один, а другой не знаю, где. Ах, если б можно было найти у кого-нибудь портрет матери того же времени или приблизительно! Неужели ни у кого нет? У меня всего дурной *дагерротип* 50-го года, да *очень плохой* портрет (масл⟨яными⟩ краск⟨ами⟩) 46-го»; «Я мало помалу соберу для Вас все, что мы имеем, и все вместе пришлю с хорошей оказией» [257]).

Но постепенно круг обсуждаемых проблем расширяется, и тем же летом 1892 г., явно отвечая уже на какие-то вопросы о семейной драме, А. А. Герцен писал: «Что же касается глубоко трагических событий 49—51 годов, то об них-то именно я и желаю переговорить с Вами, а покамест, ради бога, ни слова, ни намека!» [258]. Тогда же Некрасова, по поручению А. А. Герцена, попыталась убедить Гольцева поскорее завершить печатание переписки «недавних деятелей» (Герцен писал ей: «Лишь бы он поскорее кончил печатание переписки, находящейся у него, я за нее удовлетворюсь 100 р. с листа вместо 150» [259]) и читала даже корректуру последних писем, появившихся в № 8 за 1892 год. Отвечая на какой-то связанный с этим вопрос, А. А. Герцен писал ей 22 июля: «Сокращайте все, что Вам кажется лишним; я имею к Вам полное доверие». В этом же письме есть не вполне понятные слова: «На Ваши 4 вопроса отвечаю 3-мя словами: ничего не сохранилось (по крайней мере, *я* не имею у себя *ничего*, кроме писем)» [260]. Не зная писем Некра-

совой, можно предполагать лишь, что вопросы ее касались чего-то, противопоставляемого письмам, т. е., вероятно, рукописей произведений. Ответ этот, впрочем, мог и не соответствовать действительности: А. А. Герцен, а потом и его сестра, по разным соображениям, не всегда признавали наличие у них тех или иных материалов.

В замыслах Некрасовой все отчетливее становилась в это время мысль о создании в Румянцевском музее особой коллекции материалов о Герцене и Огареве. В своем дневнике — «Путевых заметках» во время поездки 1893 г. в Швейцарию— Некрасова записала, что она рассказывала Н. А. Герцен: «Как много мне прислала Н. А. Огарева портретов, как она живо отозвалась на мое предложение устроить какую-нибудь коллекцию в Московском Рум⟨янцевском⟩ музее в память А. И. Вам ведь гов⟨орил⟩ брат, что я хочу сделать коллекцию и что я просила Вас и его помочь мне?» Выяснилось, что «они с братом уже думали об этом — хотели нечто подобное устроить в Bibliothèque Nationale в Paris, думая, что в России не дозволят» [261]. Некрасова была убеждена, что это возможно. Живя в Нионе, она дважды, 26 июня и 17 июля 1893 г., ездила к Герценам в Лозанну. В ее дневнике фиксировались почти дословно беседы с ними и еще тщательнее — сведения о рукописях и изобразительных материалах, которые ей удалось там увидеть [262]. Беседа Некрасовой с А. А. Герценом коснулась вопросов издания Герцена в России и, в частности, «V тома» «Былого и дум». «Оказалось,— писала она в дневнике,— что из детей А⟨лександра⟩ А⟨лександровича⟩ никто не знает о романе Н⟨атальи⟩ А⟨лександровны⟩ с Гервегом» [263]. В переписке Некрасовой с Н. А. Тучковой-Огаревой проблема публикации «V тома» обсуждалась неоднократно — и до поездки Некрасовой в Швейцарию, и после нее. Наталья Алексеевна осуждала детей Герцена за их позицию в этом вопросе: «Не может быть других данных для биографии Наташи, как V том З⟨аписок⟩ Г⟨ерцена⟩, а они не хотят его печатать, мещанское чувство воспрещает. Их взгляды совсем иные, чем взгляды самой Н⟨аташи⟩ и Герцена» [264]. В другой раз: «В своей записке о Наташе я пропустила очень важную вещь: умирая, она просила Гер⟨цена⟩, чтоб дети ее все знали — если скрыть историю с Гервегом, то они не будут знать ее всю, не будут знать ее раскаяния — а дети стыдятся этой истории, вообще они попали в буржуазный мир и тем охладили к себе многих друзей Герцена» [265].

Оказавшись в гостях у А. А. Герцена, Некрасова не знала, позволят ли ей прочесть рассказ о семейной драме. Но тот сам ей это предложил, сказав: «...мне хочется, чтобы Вы прочли рукопись отца — 5-ую ч⟨асть⟩ В⟨ылого⟩ и Д⟨ум⟩. Но я ее ни в Нион, да не только что в Нион, а из комнаты не вынесу — это святыня, драгоценность. Печатать же ее, я думаю, рано, преждевременно. А там, когда умру, мы умрем, Вы издадите» [266]. Прочтя рукопись, Некрасова пыталась убедить его издать ее, но безуспешно. Из ее записей выясняется, что мнения в семье не были едины: «Я того мнения,— сказал А. А. Герцен,— что можно все напечатать, но Тата не хочет». «Ты сам отказываешься,— возражала ему Н. А. Герцен,— когда представишь последствия» [267]. Суждения по этому поводу А. А. Герцена, пока он еще не отступил окончательно перед протестом сестры, ясно выражены в его последующих письмах к Некрасовой. Пеняя на В. Гольцева, растянувшего на много лет печатание переписки, он писал 4 декабря 1893 г.: «Я намеревался дать «Русской мысли» недолго после окончания «переписки» и последнюю рукопись моего отца, ту главу из Б⟨ылого⟩ и Д⟨ум⟩, которая никогда не была напечатана. Но с этой прелестной вещью я, конечно, обращусь к другому журналу, который сдержит свои обещания...» [268]. Позднее, в одном из писем 1896 г., он подробно аргументировал свой взгляд: «Уж коли человек заслужил, чтоб люди занимались его жизнью и письмами, так давайте всего, такого, какой он есть; цель не та, чтоб они *обожали* фиктивного Г⟨ерцен⟩а, а чтобы *знали* настоящего, его психологию, его достоинства и недостатки; а то ведь это будет не *он*, а фигура из романа. Я не могу никому помешать заговорить о деле с Герв⟨егом⟩, о котором, впрочем, было уже много говорено — тогда, поэтому я всегда был за напечатание и той тетради, кот⟨орую⟩ Вы знаете» [269].

Во время второго посещения Герценов Некрасова увидела «все дагерротипы того времени, когда А. А. был мальчиком, его 14-летний портрет, сделанный для Гарибальди», рисунки его матери (профиль Герцена карандашом и «головка en face Н. А.» с ее надписью «для Саши 1851 года»), портрет Герцена работы Таты. Тереза Герцен подарила ей маленькую фотографию Герцена. Но главное, она получила у А. А. Герцена для публикации в России копии писем Герцена к невесте и подлинники писем к жене 1839—1840 гг.— первые подлинники, увозившиеся в Россию, а также письма его Огареву от 21, 25.III и 7, 27.IV 1839 г. (XXII, 19—21).

В квартире Н. А. Герцен в Париже Некрасова увидела как бы созданный уже уголок музея Герцена, где мемориальные вещи (стаканчик с надписью «Шушка», другой стакан с выцарапанной на стекле в Крутицах дарственной надписью Герцена Наталье Александровне «MDCCC —

XXXIV 24 juillet», образок, которым отец благословил Герцена перед арестом, перстень, подаренный Герцену в Вятке в 1837 г., эмалевое колечко с надписью: «1841 Новгород А. Г.», браслет с надписью «Lise 1843, 1844, 1845», медаль к десятилетию Вольной русской печати) были размещены среди портретов (Н. А. Герцен, Л. И. Гааг, дагерротип Н. А. Тучковой-Огаревой) и многочисленных рисунков Натальи Александровны — матери [270]. Альбомы фотографий сразу представляли Некрасовой все то, что она с таким трудом собирала по крупицам. «Альбом, подаренный А⟨лександром⟩ Ив⟨анови⟩чем Огареву,— записывала она с восхищением в «Путевых заметках»,— который начинается надписью, сделанной рукой А. И.: «Больше друзей не позволяется иметь в 48 лет». В этом альбоме все друзья: и Бакунин, и Огарев, и Боткин, и Нат⟨алья⟩ Алексеевна». Другой альбом, куда Н. А. Герцен «наклеила все бывшие у нее портреты, рисованные Горбуновым, а также и литографии. Тут, между прочим, портреты и Кетчера, и Тучкова — отца Огаревой, и Петра Алек⟨сандровича⟩ Захарьина, и Белинского, и Льва Толстого, и Пушкина-ребенка, и Матвея — лакея А. И. Г⟨ерцена⟩. ⟨. . .⟩ Тут портрет Грановского, его жены, жены Кетчера». Н. А. Герцен уверила Некрасову, что она «все эти реликвии впоследствии предназначает в музей» [271], но, к сожалению, потом это обещание не выполнила.

Перед отъездом в Россию Некрасова попыталась получить у П. Виардо письма Герцена к Тургеневу. Сама Виардо ее не приняла, а беседовавшая с ней «седая женщина», прочтя привезенное Некрасовой письмо Румянцевского музея, сказала, что письма уничтожены: «Как же вы хотите, чтобы их хранили — прошло десять лет...»

«— Но г-жа Виардо давала эти письма Анненкову.

— Да, я знала Павла Анненкова, мы давали ему письма, но теперь у нас ничего нет. Разве возможно хранить все эти бумаги...» Она прибавила потом, что несколько оставшихся писем передала Н. А. Герцен [272]. Любопытно, что Н. А. Герцен, выслушав рассказ Некрасовой об этом визите, действий Виардо не осудила. «Я действительно была у нее,— сказала Тата,— записывала Некрасова в дневнике,— и хоть Мещерский и мой брат не верят ей, а я верю. Она поступила как следует. Тургенев, умирая, сказал ей, чтоб она все его бумаги вручила Анненкову и сделала бы с ними так, как он скажет. Виардо так и сделала. Отдала все бумаги Анненкову, он вернул ей разобранными в отдельных папках, с надписями: от женщин, от издателей и т. д., и письма отца посоветовал сжечь — она так и сделала» [273]. В действительности письма Герцена вовсе не были сожжены, но местонахождение их еще долго не было известно. Они находились у А. Н. Пыпина, наследники которого многие годы не допускали к ним исследователей. Впервые они были напечатаны только в 1913 г. [274]

Вернувшись в Россию, Некрасова начинает публиковать полученные в Лозанне материалы — сперва в «Русской мысли», впоследствии в «Новом слове» [275]. Отношения А. А. Герцена с ней и с журналами были при этом те же, что прежде с Драгомановым: он выступал как владелец писем, она готовила тексты к печати, получая часть гонорара. Н. А. Тучкова-Огарева радостно откликалась на публикацию переписки Герцена с женой. 19 февраля 1894 г. она писала Некрасовой: «Тысячу раз благодарю за переписку, жду с нетерпением продолжения» и прибавляла, что оставит своей воспитаннице Оле письмо, в котором скажет, «что если когда-нибудь она полюбит человека, пусть прочтет переписку, эту современную поэму, до которой люди вообще не достигают. Это бы должна быть настольная книга для молодежи, для очищения ее перед вступлением в новую жизнь». По понятной ассоциации она спрашивала в том же письме: «Кстати, чего же ждет Саша Г⟨ерцен⟩ чтоб печатать V том Б⟨ылого⟩ и Д⟨ум⟩? Неужели все рано? Ее не стало в 52 году, Гер⟨цена⟩ в 70-м, а теперь 94 — чего же ждать?» [276]

Но в основном Некрасова сосредоточивает теперь свои усилия на создании, как она говорила, «памятника Герцену» в Румянцевском музее. Теперь такое хранилище как рукописное отделение, предназначенное для узкого круга ученых, ее уже не удовлетворяло: она стремилась к пропаганде жизни и деятельности Герцена и Огарева, к новому открытию их широкой публике. В течение 1895 г. она окончательно приходит к мысли о создании в Румянцевском музее особой комнаты, где материалы о Герцене и Огареве не только собирались бы, хранились и изучались, но были бы доступны для осмотра посетителями. Все, что она теперь собирает, она уже не отдает в рукописное отделение, а до поры держит дома. Почетное место в ее собрании занимают немногие письма, полученные ею в подлинниках из Швейцарии. Кроме привезенных ею самой, она с оказией получила от А. А. Герцена еще «пакет старых писем» и описание смерти Н. А. Герцен из неизданной части «Былого и дум», в копии, сделанной некогда Н. А. Тучковой-Огаревой [277]. «Старые письма», насколько можно судить по контексту письма А. А. Герцена, включали в себя и часть писем Огарева к его первой жене.

Письма к Некрасовой от Н. А. Тучковой-Огаревой позволяют понять степень участия последней и в собирании материалов, и в планах на будущее. Она посылает ей то «карточку Наташи с маленькой Ольгой на руках и еще карточку Герцена ⟨. . .⟩ А. И. был такой в 1856 г.», то «10 карточек — а Сатина и Кетчера особо» [278], то «карточку Огарева» [279], то сообщает: «У меня только остались миньятюрные портреты отца, матери и дедушки Огарева — их я могу оставить музею по завещанию. Портреты Огарева доморощенным художником есть у меня три ⟨. . .⟩, есть и его первой жены, если хотите» [280]. Немало в ее письмах и советов: «Портрет Огарева в юности у Марии Андреевны Гурко, а копия с него вероятно, у Саши Герцена, разве вы не видали в Лозанне?» [281], «... не будет ли случая в Англию, т. е. в Лондон. Там был бюст Герцена, очень похожий, у Трюбнера ⟨. . .⟩, потом портрет Герцена масляными красками, деланный г-жой О'Конель, надо бы поручить отыскать эти две вещи, и надо их купить для музея» [282]. О рукописях речи еще нет.

В это же время А. А. Герцен советовал Некрасовой позаботиться о том, что станется с архивом Тучковой-Огаревой. Откликаясь на появившуюся в начале 1896 г. статью К. И. Арабажина «А. И. Герцен», он писал ей: «Я с удивлением прочел биографию моего отца в «Русской старине»: все-таки начало». Отозвавшись тут же пренебрежительно о напечатанных в «Северном вестнике» воспоминаниях Тучковой-Огаревой, он заключал: «Кстати, Мещерский рассказывал мне, что она Вам говорила, что *она одна* виновата во всех действиях и страданиях наших и отца нашего. Правда ли это? Если б я мог наверное узнать, что она на старости лет понимает и раскаивается, я бы ей от души протянул руку — и это, может быть, было бы для нее последним утешением... А Вам, любезная Екатерина Степановна, следовало бы позаботиться и похлопотать о том, чтоб она оставила свои письма, бумаги, воспоминания и т. д. *Вам*, а не бог знает кому (особ⟨енно⟩ Сатиным!)» [283].

Планы Некрасовой становились все определеннее (уже в 1895 г. читаем в одном из писем Тучковой-Огаревой: «Вы говорили, что Лугинин был у Вас за моим адресом, а неужели он с Вами не говорил о Вашем плане относительно устройства комнаты в память Г⟨ерцена⟩ в Румянцев⟨ском⟩ музее?» [284]), но ни в делах музея, ни в переписке Некрасовой с его сотрудниками в 1895 г. об этом нет еще ни слова. В 1896 г. во главе музея стал новый директор. М. А. Веневитинов занял этот пост на склоне лет, завершая им свою долгую бюрократическую карьеру. В его жизненном пути (служба при воронежском губернаторе, затем в течение пятнадцати лет — разные посты во II отделении с. е. и. в. канцелярии, в их числе — заведующего архивом, в 1878 г.— член совещания для рассмотрения проекта Органического устава Великого княжества Болгарского, с 1888 г. воронежский губернский предводитель дворянства) ничто, на первый взгляд, не может объяснить, почему именно он поддержал планы Некрасовой. Но личность Веневитинова не исчерпывалась послужным списком. Принадлежа к высокоодаренной семье Веневитиновых и Вьельгорских и, тем самым, к вершинам дворянской интеллигенции, он никогда не ограничивался своей служебной деятельностью. Он занимался русским прикладным искусством и фольклором, внес значительный вклад в изучение литературных памятников Древней Руси [285], был членом Археографической комиссии и принимал участие в трудах Н. В. Калачева по устройству архивов. Пост директора Румянцевского музея наиболее соответствовал его интересам и кругозору — он же в качестве директора открывал для музея большие возможности благодаря своему имени и связям. Короткое директорство Веневитинова (1896—1900) составило, как справедливо сказано было в некрологе, «блестящую страницу в истории учреждения» [286]. Огромное значение для музея имела установившаяся при нем атмосфера, которой способствовал его взгляд «на ученое учреждение как на ученое общество» [287]. Она сохранялась потом еще долго: об этом можно судить, в частности, по словам в письме к Некрасовой следующего директора, И. В. Цветаева. «Что Вам за охота тратить время, чернила, энергию,— писал он ей 17 декабря 1904 г.,— на выписывание моих титулов? Неужели Вы думаете, что этот чиновный фимиам уже больно мне приятен? ⟨. . .⟩ Я — человек профессорского звания, которому эти титулы, ленты, позументы даются по табели о рангах, но и только ⟨. . .⟩, я не говорю уже о том, что Вы — часть коллегии Румянцевского музея, которая живет попросту, никаких канцелярских титулов в обиходе не употребляя» [288].

Но совсем уже неожиданным для крупного сановника был особый интерес Веневитинова к истории освободительного движения первой половины века, его занятия декабристами и даже Герценом [289]. Нетрудно понять теперь, что замысел Некрасовой мог вызвать у Веневитинова живое сочувствие. Надо, наконец, и оценить должным образом сам этот замысел. Создание в дореволюционном Румянцевском музее «Комнаты людей 40-х годов» — факт давно известный. Но

Е. С. НЕКРАСОВА
Фотография, 1890-е гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

только сейчас становится вполне ясным его значение. Прозрачная маскировка подлинного смысла этой музейной «комнаты» термином «люди 40-х годов» (и тогда всем понятным — в 1913 г. Н. А. Герцен писала Г. Н. Вырубову: «Вы, может быть, не знаете, что так называемая «комната людей 40-х годов» в Московском Румянцевском музее была основана Е. С. Некрасовой; это собственно и есть «комната Герцена», но ее не назвали так по чисто цензурным соображениям»[290]) слишком долго затуманивала в глазах иных исследователей то, что в действительности было задумано и осуществлено Некрасовой и музеем[291]. В общедоступном публичном музее было создано особое отделение, пропагандирующее не что иное как русское освободительное движение,—и отделение это было так же открыто для всех желающих, как картинная галерея, этнографические экспонаты или «христианские древности». Только в неустойчивой и неопределенной атмосфере конца века и благодаря решимости и такту Веневитинова идея эта могла воплотиться в жизнь, открыв собою одну из блистательных страниц прошлого Румянцевского музея. Но как ни значителен этот факт для истории музейного дела в России, еще важнее его место в истории архива Герцена и Огарева — в России появилось специально для него предназначенное хранилище.

Реализация этого плана потребовала чрезвычайно осторожных и продуманных действий. Веневитинов не стал просить согласия на устройство «комнаты» у Министерства народного просвещения, которому подчинялся музей. Воспользовавшись тем, что открытие новых зал и экспозиций составляло компетенцию музея, он провел это решение через Совет музея среди прочих маловажных дел: «Освободить одну небольшую комнату в отделении древностей и предоставить ее для помещения в ней воспоминаний о представителях сороковых годов»[292]. В мае 1897 г. в письме на имя директора музея Некрасова сформулировала условия, на которых она передавала музею собранные ею коллекции: «1) Чтобы все вещи помещались в отдельной комнате; 2) никогда бы не выносились из музея; 3) были бы открыты для осмотра публики»[293]. 20 мая Веневитинов письменно подтвердил свое согласие на эти условия[294], и тем самым публичное назначение «комнаты» было официально утверждено. В первой партии переданных Некрасовой материалов находились портреты: Герцена, его отца, жены и детей, Огарева, Сатина, Кетчера, Грановского, полученные от Тучковой-Огаревой, Е. А. Селиной, Н. Н. Сатиной, Белинского, Боткина. Еще одна группа материалов поступает от Некрасовой осенью 1897 г., но никаких сведений обо всем этом, как и о самом существовании в музее «Комнаты людей 40-х годов», в «Отчете» музея за этот год нет. Трудно сказать поэтому, была ли тогда передана какая-то часть рукописей, накопившихся к этому времени у Некрасовой. В одной из ее записных книжек, не датированной, но несомненно относящейся ко второй половине 1890-х годов, есть их перечень, озаглавленный «Список находящихся у меня рукописей». В него входят и материалы из архива Герцена и Огарева, и воспоминания Н. А. Огаревой, и присланная последней переписка с ней Т. А. Астраковой, Т. П. Пассек и М. К. Рейхель, и письма к самой Некрасовой от Герценов и Тучковой-Огаревой. В составе первой из этих групп уже тогда находились: отрывки из дневника Герцена, отдельные письма его к Огареву, как публиковавшиеся в «Русской мысли», так и не напечатанные там, переписка его с Натальей Александровной, письмо к А. Ф. Орлову с отказом вернуться в Россию, письма его и жены к Грановским, переписка Герцена с Некрасовым, списки разных стихотворений его рукой, список «Фантазии» рукою Тучковой-Огаревой и писем Герцена рукою его сына. Помимо этого, здесь была часть архива Натальи Александровны: ее дневник, письма к Клиентовой, Огареву и Марии Львовне, письма к ней от Э. М. Аксберг, Астраковых, А. А. Боборыкиной, А. Вырлиной, П. А. Захарьина, Клиентовой, П. П. Медведевой, записка от сына Коли. Из ма-

териалов Огарева у нее были какие-то стихотворения, письма его к первой жене и Сатину [295].

Вскоре Некрасова известила детей Герцена об открытии «комнаты», рассчитывая на новые и значительные пополнения [296]. Откликнулась только Н. А. Герцен. Она писала 9 октября 1897 г.: «Какое счастье, что Вам удалось получить комнату, о которой вы мне сообщаете. Конечно, мы сделаем все возможное, чтоб содействовать пополнению того, что ее украшает» [297]. Реальных результатов, однако не последовало, и Некрасова снова начала свои разыскания в России: у А. П. Боткиной она пыталась найти письма Герцена и Огарева к В. П. Боткину, у В. И. Куруты — фотографии его родителей [298]; всё новые материалы она получала от Тучковой-Огаревой. Следует, однако, отметить, что ни с рукописями, ни с письмами, хранившимися у нее, последняя до самой смерти Некрасовой так и не решилась расстаться. Сохранившийся в архиве музея список всего полученного Некрасовой от Тучковой-Огаревой (он был составлен Некрасовой 6 января 1903 г.— по-видимому для «Отчета» музея) отражает только изобразительные материалы [299].

Впервые все поступившие от Некрасовой материалы были, хотя и крайне суммарно, отражены в отчете музея за 1899 г. [300], и с этого времени отражались ежегодно [301].

Но главный источник получения рукописей и писем — заграничный архив — все еще не был использован. Не оставляя мысли об издании в России собрания сочинений отца, А. А. Герцен не считал возможным передать в «комнату» что-либо из хранившихся у него рукописей и писем. Из Швейцарии были присланы лишь книги [302] и фотокопии некоторых хранившихся в семье портретов [303]. Как известно, первым попытался получить разрешение на издание сочинений Герцена в России Л. Ф. Пантелеев в 1893 г. Посланное по его предложению А. А. Герценом ходатайство на первых порах было встречено благосклонно: в пользу издания, хотя и с некоторыми ограничениями, высказался цензор С. И. Коссович, а начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов предложил даже включить в издание кое-что из «Былого и дум» [304]. Но невзирая на согласие с докладом Коссовича Петербургского цензурного комитета и отсутствие возражений со стороны Главного управления по делам печати, дело дальше не двинулось. На издание требовалось согласие императора, а министр внутренних дел И. Н. Дурново не пожелал «утруждать государя таким делом» [305].

В 1894 г. А. А. Герцен уступил право издания сочинений отца в России Ф. Ф. Павленкову. Он писал об этом Некрасовой: «То, что Павленков Вам сказал, чистая правда. Пантел⟨еев⟩ не сумел ничего добиться; Пав⟨ленков⟩ предложил довольно круглую сумму, и я принял ⟨. . .⟩. Пав⟨ленкову⟩ я уступил все, кроме писем» [306]. Дальнейшая история известна: Павленков столкнулся с тем же сопротивлением властей, что и его предшественник, разрешение было получено только в 1900 г. после еще одного прошения А. А. Герцена, а осуществлялось издание уже после смерти Павленкова его душеприказчиками — главным образом В. И. Яковенко.

Так обстояло дело, когда летом 1901 г. Некрасова снова отправилась в Швейцарию. Переговоры ее с А. А. Герценом, подробно описанные в ее дневнике, протекали сначала не очень благоприятно. Выяснилось, во-первых, что накануне приезда Некрасовой А. А. Герцена посетил не знакомый ему прежде С. А. Переселенков, собиравшийся писать биографию Огарева. «По словам А. А.,— пишет Некрасова,— г. П⟨ереселенков⟩ — настоящий воробей, moineau, как называют французы. Он бедный человек, содержит на свой заработок мать и сестру ⟨. . .⟩. А⟨лександру⟩ А⟨лександровичу⟩ его жаль стало, он вручил ему весь материал и дал позволение его просмотреть, а через 3 недели вернуть его назад. При этом А. А. прибавил, что большого значения этот материал не имеет, но что после его просмотра он будет не прочь мне его отдать, если я берусь его провезти через границу в Румянцевский музей» [307]. Но в то же время на прямой вопрос Некрасовой, не подарит ли он что-нибудь для «Комнаты людей 40-х годов», А. А. Герцен «твердил все свое: «После моей смерти все получите вы»» [308].

В конце концов настойчивость Некрасовой оказала все же свое действие: А. А. Герцен решился начать отправлять в Россию материалы Огарева и некоторые рукописи отца. Это был большой успех. Во время этой же поездки Некрасова лично познакомилась с М. К. Рейхель, начавшей после этого передавать в «комнату» свои реликвии [309]. Откликаясь на письма от Некрасовой из-за границы, Н. А. Тучкова-Огарева писала ей туда 19 июля 1901 г.: «Для Вашей комнаты я хочу Вам дать портреты Огарева и его первой жены молодыми, портрет писан крепостным художником. Еще, кажется, есть у Саши Герцена портрет Огарева отроком, очень хорош», и там же прибавляла: «Вас удивляет, что Марья Каспар⟨овна⟩ так тепло отнеслась к Вашей коллекции, но и я, и она, мы люди николаевского времени, мы, может быть, глубже чувствуем, по-

тому что обучены молчанию... Кланяйтесь ей, скажите ей, что я и ныне играю марш Sinotti «A Roma la polvera indegna», под звуки которого мы шествовали впереди колонны республиканцев по духовно оживленному и взволнованному Риму; пожалуй, и теперь бы пошла: на людях и смерть красна — но теперь знаю, что из всего этого ничего не вышло» [310].

Ища пути доставки полученных рукописей в Россию, Некрасова обратилась к своему знакомому, попечителю московского учебного округа П. А. Некрасову, посоветовавшему выслать их прямо на адрес музея, «который, конечно, имеет право бесцензурной выписки заграничных изданий и рукописей» [311]. В сентябре 1901 г. 32 пакета из Лугано благополучно прибывают в Москву, но вскрываются таможней без представителя музея. В результате был утрачен конверт с подаренными Рейхель фотографиями М. Ф. Корш и К. Д. Кавелина [312].

Всю зиму 1901—1902 г. Некрасова разбирает полученные материалы, и только в мае 1902 г. они фактически поступают в «Комнату людей 40-х годов» [313].

В это время в переписке Некрасовой с Герценами неожиданно всплывает вновь вопрос о неизданной части «Былого и дум». Не оставлявшая их мысль, будто Тучкова-Огарева может издать текст по копии, почему-то именно в этот момент заставила их снова поднять тревогу. Оба они порознь обращаются к Некрасовой. Н. А. Герцен писала ей из Парижа 5 марта 1902 г.: «Как поживает Наталья Алексеевна? Куда она *дела копию* тома моего отца, которая у нее была и о которой мы вам говорили?» [314], А. А. Герцен 22 февраля: «Моя сестра еще не вернулась из Парижа. Она собиралась просить Вас выпросить у Нат⟨альи⟩ Алекс⟨еевны⟩ копию неизданной тетради «Былого и Дум», чтоб положить ее *запечатанную* в Вашу комнату» [315]. Некрасова уже знала, что у Натальи Алексеевны такой копии нет, но все же написала ей об этих просьбах. Тучкова-Огарева отвечала ей: «Да, у меня нет копии с 5 тома — Саша обещал сделать и прислать и не дал ⟨. . .⟩, а между тем он знал, что Герц⟨ен⟩ заставлял именно меня говорить с Татой и читать с ней 5 том; то же он желал сделать и относительно Ольги, но трудно было, так как она стала вовсе не русская и не могла ничего понять по-русски» [316].

Последняя партия материалов заграничного архива, присланная А. А. Герценом в музей через Некрасову, прибыла к ней в 1902 г. и оставалась у нее до мая 1903 г. В ней были рукописи и переписка Герцена. Состав и история этих двух поступлений не совсем точно описаны Н. С. Роговой, что заставляет охарактеризовать их несколько подробнее. Имеющиеся в тетрадях Некрасовой списки не всегда можно точно идентифицировать с современным описанием рукописей, сделанным после научной обработки архива, но значительная часть записей такой идентификации поддается. Обе группы материалов описаны Некрасовой в одной тетради под двумя заголовками. Первый из них гласит: «Рукописи Н. П. Огарева, пожертвованные А. А. Герценом вместе с рукописями его отца и привезенные мною из Швейцарии в Россию в 1901 году» [317]. Здесь перечислены отдельные стихотворения Огарева [318]; стихотворения, «относящиеся ко времени первой женитьбы» (13 л.), стихотворения «несколько желчного характера, последних годов» (17 л.); записные книжки и тетради Огарева [319] и множество комплектов листков, вырванных А. А. Герценом из тетрадей Огарева [320], повесть «Саша» (список рукою Тучковой-Огаревой), «История одной проститутки», аттестат Огарева с пометой о его женитьбе на Н. А. Тучковой. Второй список — рукописей Герцена, «пожертвованных А. А. Герценом в 1902 г.». Среди них — рукописи глав «Былого и дум» [321], другие статьи и отрывки [322], значительное число писем Герцена и к нему — в основном уже опубликованных к этому времени в «Вольном слове» и «Русской мысли» [323]. Все это постепенно передавалось Некрасовой в «комнату» и, по ее свидетельству, полностью оказалось там до мая 1903 г.[324]

Письмо директора музея И. В. Цветаева А. А. Герцену уже совсем не маскирует содержание дара адресата. Он выражал признательность за ценные пожертвования музею, «в котором теперь мало-помалу сосредоточивается обширный материал для истории деятельности А. И. Герцена» [325]. Некоторая таинственность, которой музей вынужден был сперва окружать «Комнату людей 40-х годов», постепенно теряла свое значение. Она была широко известна, в ней занимались историки революционного движения и общественной мысли, она была открыта для посетителей музея число которых в эти годы особенно заметно росло.

Крупное пополнение коллекций «комнаты» поступает от Некрасовой в последний раз в мае 1904 г.[326]. Это были большей частью материалы, полученные от Тучковой-Огаревой и от М. К. Рейхель, особенно активной в эти годы. Почти каждое ее письмо сопровождает какой-нибудь экспонат: «Портрет Егора Ивановича Г⟨ерцена⟩ прилагаю Вам» (29.I.1902), «Посылаю Вам портрет Павла Александровича Бакунина» (20/7.II.1902), «Я нашла маленькую приписку Нат⟨альи⟩ Ал⟨ександровны⟩ ко мне в Париже в начале моего замужества и строчки две самого

Г⟨ерце⟩на ⟨. . .⟩ Если Вы желаете, я могу прислать Вам этот листочек, после меня он все равно потеряется» (2.IV.1903), «...у меня есть маска и рука Натальи Александровны гипсовые, если Вы желаете, я могу прислать Вам» (10/28.II.1903), «Прилагаю еще один портрет нашего незабвенного А. И., с которым мне очень трудно расстаться, я его очень люблю и он очень похож» (23/10.V.1903) [327].

Н. А. Тучкова-Огарева в декабре 1904 г. высылает Некрасовой свою «Исповедь» [328]. Продолжались в ее письмах и советы о поисках: «Я думаю, карточки Энгельсонов должны быть у Н⟨атальи⟩ Ал⟨ександровны⟩ Гер⟨цен⟩ или у ее брата» (4.II.1902), «Очень бы желательно достать портрет Огарева отроком. Герцен ужасно любил этот портрет — он находился у M-me Salias — где он может быть теперь? Или у сына Сальяса или у М. Гурко» (4.I. 1902), «Вы знаете, у меня есть статья Герцена «После грозы», писанная Мар⟨ией⟩ Касп⟨аровной⟩, с поправками Герцена 48 года; примет ли ее Румянц⟨евский⟩ музей, она для него ничего не представляет. Он мне ее подарил в 48 году и сам мне ее прочел» (13.I.1903) [329].

В эти годы в пополнение коллекций «Комнаты людей 40-х годов» постепенно включается довольно широкий круг московской интеллигенции: среди лиц, от которых туда поступали в начале 1890-х годов портреты, скульптуры, книги,— врачи (В. И. Семидалов, А. И. Скребицкий, П. П. Стрельцов), юристы (М. Б. Ганнушкин, Д. Н. Доброхотов), издатели (С. А. Скирмунт), члены семей Готье, Маклаковых, Миримановых и др. Оставалась Некрасова и центром собирания сведений о материалах, относящихся к Герцену и Огареву. Так, в 1901 г. она записала со слов П. П. Стрельцова: «Имение гр. Шереметева, предводителя дворянства Звенигородского уезда Моск⟨овской⟩ губ. Там есть «комната Герцена», где стоит Герцена мебель, есть его рукописи. Туда ездил П. П. и все это видел» [330].

Тетради, в которых в 1902—1904 гг. Некрасова вела записи о пополнениях «комнаты», дают полную историю каждого документа или портрета и являются незаменимым пособием для их изучения. Но не все источники новых материалов были уже исчерпаны. Снова пытается она найти материалы, оставшиеся после умершего к этому времени Е. Ф. Корша. Переселенков, близко знакомый с М. Е. Корш, обратился к ней по просьбе Некрасовой, но «у ней,— как он сообщал 6 июня 1902 г., — как оказывается, ничего от отца не осталось, за исключением двух записочек Герцена — чисто интимного характера» [331]. Судьба этих записочек из дальнейшей переписки не выясняется, но можно предположить, что это два письма к М. Ф. Корш, принадлежавшие к той небольшой группе писем Герцена, которая еще очень долго оставалась в семье Коршей и только в 1968 г. поступила в Отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина от последнего носившего это имя потомка, Е. Ф. Корша [332]. Некрасова обратилась к брату М. Е. Корш, Федору Евгеньевичу. Тот отвечал ей: «Вещи, оставшиеся после моего покойного отца, перешли, правда, ко мне, и есть между ними портрет Герцена с его собственноручной надписью, но ни зеркальца, подаренного моему отцу Натальей Александровной, ни писем от кого-либо из людей 40-х годов я не видал ⟨. . .⟩. Я слышал, что мой отец еще задолго до своей смерти сжег много писем, разных бумаг и свои собственные записки. Те памятники сороковых годов, которые у меня найдутся, хотя бы самые ничтожные, будут сбережены для Комнаты людей сороковых годов» [333]. Подобные же заверения она получила от А. В. Станкевича [334], но ни тот, ни другой своих обещаний не выполнили.

В начале 1905 г. Е. С. Некрасова скончалась. По ее завещанию музей получил не только все остававшиеся еще у нее материалы Герцена и Огарева и ее собственный архив, но и сумму 1000 рублей «на пополнение собраний Комнаты людей 40-х годов». Кроме того, друзья покойной собрали 165 рублей на оборудование «комнаты» [335].

Изменившаяся в период революции 1905—1907 гг. общественная обстановка позволила именам деятелей русского революционного движения на какое-то время открыто появиться на страницах печати. Успел использовать это и Румянцевский музей — в 1907 г. отдельной брошюрой, в качестве приложения к «Отчету» музея, была издана «Инвентарная опись коллекциям, находящимся в комнате людей 40-х годов», первое в России печатное описание документального наследия и иконографии революционных демократов и декабристов. Но в последовавшие затем годы реакции публичность «комнаты» все суживалась, и она постепенно превратилась просто в одно из размножившихся в то время в музее особых хранилищ, «музейных комнат» (как «Толстовский кабинет», где хранились рукописи Толстого, «Тихонравовский кабинет», где хранилось собрание Тихонравова и его архив, завещанные музею). В таком виде она существовала до 1925 г., когда при расформировании Румянцевского музея и превращении его в Библиотеку имени В. И. Ленина ее коллекции были переданы в Отдел рукописей, где, соединившись с хранившимися и там материалами Герцена и Огарева, составили единый их фонд (ф. 69). Книги влились в фонды Отде-

ла редких книг. Изобразительные материалы позднее (в 1946 г.) были переданы в Государственный Исторический музей.

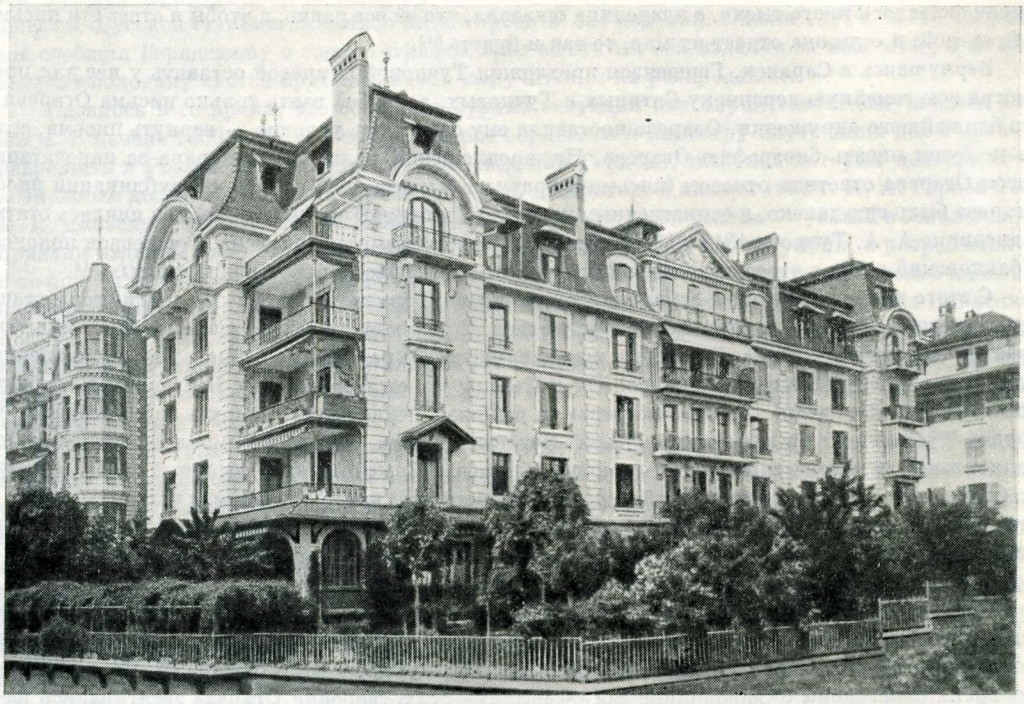
Вклад Некрасовой в собирание документального наследия Герцена и Огарева на их родине трудно переоценить. Но наряду с ней в последние годы ее жизни в это важное дело включается другой исследователь их жизни и творчества. Вслед за именем Е. С. Некрасовой следует назвать здесь имя М. О. Гершензона.

IV

В октябре 1894 г. Михаил Гершензон, только что окончивший Московский университет, где в семинаре проф. П. Г. Виноградова занимался историей античной литературы, записал в своем дневнике: «Вчера мне пришла к голову отличная мысль: когда-нибудь собрать и издать все стихи Огарева и написать статью о нем, исключительно как о поэте. Его небольшой талант очень привлекает меня своей задушевностью и грустью. Собрать его стихи будет трудно — они разбросаны по многим изданиям. К этой работе буду готовиться как Сарду к своим драмам: все, что узнаю об этом, буду записывать и заметки хранить отдельно» [336]. Он и не подозревал тогда, что мысль эта определит собою одно из главных направлений всей его литературной деятельности.

К близкому кругу проблем Гершензон вернулся пять лет спустя, находясь зимой 1898—1899 г. в Германии. «На днях приступаю к собиранию материалов о Герцене. Так как он был близок со многими немецкими деятелями 48-го года, то в немецкой мемуарной литературе о нем написано много»,— писал он брату из Берлина 10 мая 1899 г. Вскоре ему становится ясно, что прежде всего необходимо обращение к архивным материалам. Из Берлина еще он написал в Румянцевский музей, чтобы узнать, располагает ли он рукописными материалами Герцена и о Герцене — и получил телеграмму, что материалов мало (и действительно, в существовавшей уже «Комнате людей 40-х годов» документов было еще немного).

Следующей зимой Гершензон начинает вплотную заниматься Герценом и Огаревым. Прекрасно сохранившийся его архив позволяет почти день за днем восстановить всю его деятельность. Особое значение имеют в этом отношении его письма к брату А. О. Гершензону, которому он всю жизнь подробнейшим образом описывал свои дела несколько раз в неделю. В январе 1900 г. он писал ему: «Сижу до 3 ч. в Румянцевском музее, ищу и нахожу массу нового и интересного. Сегодня нашел ряд статей Герцена, напечатанных в русском журнале, конечно, под псевдонимом, о которых не знает даже сын [337] ⟨. . .⟩. Сегодня Стороженко дал мне письмо к Некрасовой, которая в последние десять лет напечатала множество писем Герцена и пр. Я сейчас от нее; просидел у нее слишком 3 часа, как во сне слушая ее рассказы, рассматривая подлинные письма Герцена, Огарева, Кетчера, Некрасова и пр., портреты их всех. Истинно сон» [338]. Но Гершензон не понравился Некрасовой, а его стремление самостоятельно собирать документы Герцена и Огарева она восприняла как нежелательное соперничество. Отношения осложнились почти сразу: когда во время второго визита Гершензон попросил у Некрасовой на время лондонское издание стихотворений Огарева, то получил резкий отказ [339]. Дальнейшие контакты становились невозможными, а это осложняло и доступ к документам, передававшимся Некрасовой в «Комнату людей 40-х годов». Тогда Гершензон попытался обратиться непосредственно к владельцам архивных материалов Герцена и Огарева — А. А. Герцену и Н. А. Тучковой-Огаревой. Попытку связаться с А. А. Герценом он предпринял через жившего в то время в Париже Н. В. Сперанского. Успех сразу показался сомнительным. Сперанский писал Гершензону 30 марта 1900 г.: «Насчет писем Огарева постараюсь Вам посодействовать в меру сил, но на успех не надеюсь. Дело это щекотливое, а общих знакомых с Герценами у меня всего ничего. Обратился я было за помощью к одной хорошей барыне, но получил решительный отказ: «Никогда у меня язык не повернется заговорить с Нат⟨альей⟩ Ал⟨ександровной⟩ о чем-нибудь, имеющем отношение к семейству Огаревых». Плохо, что все ходы мои ведут только к Нат⟨алье⟩ Ал⟨ександровне⟩. Не то чтобы она была человек плохой; напротив, все знакомые ее очень любят и по душе ставят гораздо выше брата. Но то-то и беда, что она ко всему, что касается отца, относится как чисто женская душа, к которой не знаешь, как и притронуться». Какой-то «ход» нашелся потом прямо к А. А. Герцену. В мае 1900 г. Сперанский прислал Гершензону полученный от него ответ: «У меня остается лишь несколько записок, которыми от случая к случаю обменивались мой отец и Огарев — слишком личных и интимных, чтобы представлять общий интерес. Не следует забывать, что с момента приезда О⟨гарева⟩ в Лондон он всегда жил вместе с моим отцом, и они не имели нужды в переписке. Вообще же лучше всего было бы бегло проскользнуть через последние годы Огарева, бывшие толь-



ЛОЗАННА. BLANC CASTEL
В этом доме, в квартире Н. А. Герцен, хранилась до 1936 г. большая часть архива Герцена
Фотооткрытка, 1937
Архив «Литературного наследства», Москва

ко быстрым упадком и преждевременным одряхлением ⟨. . .⟩. Печальный конец богатой и благородной натуры» [340]. «Думаю, что это не отговорка»,— прибавлял Сперанский, и глубоко заблуждался: преобладающая часть рукописей и писем Огарева еще нетронутая лежала тогда в доме А. А. Герцена в Лозанне, и только спустя год с ними ознакомились первыми С. А. Переселенков и Е. С. Некрасова. Первая же попытка Гершензона проникнуть к богатствам семейного архива Герценов на этом и завершилась.

Тогда же Гершензон впервые обратился письменно к Н. А. Тучковой-Огаревой. «Сегодня получил от старухи Ог⟨аревой⟩ драгоценное письмо со сведениями,— писал он брату,— и она посылает мне несколько очень важных документов» [341]. В феврале 1900 г., по приглашению Тучковой-Огаревой, он отправляется к ней в Саранск («Вчера утром получил ответ от Ог⟨аревой⟩, очень любезный; поэтому я решил, не откладывая в долгий ящик, на этих же днях съездить к ней» [342]). Уже оттуда он сообщал брату: «Вчера вторую половину дня провел у Огаревой, затем, вернувшись в нумер, списывал то, что она дала мне списать, до 2 ч. ночи, и теперь, встав, еще писал и кончил. Теперь спешу опять к ней, а в 12 ч. еду в бывшее имение Огарева Старое Акшено, где живет его племянница Сатина, у которой, по словам старухи, можно кое-что найти». С дороги в Москву он писал ему еще: «Увожу несколько сот писем 40-х и 50-х годов — одного Огарева фунта два, затем Грановский, Герцен, Некрасов, Кавелин, Чаадаев, Варнгаген фон Энзе и пр.— все из Акшена, где провел двое суток, разбирая тысячи писем. Поймете ли мое настроение?» [343]. О том, в каком состоянии он нашел эти материалы в Акшене, Гершензон рассказал впоследствии М. М. Стасюлевичу (в связи с публикацией в его журнале письма Чаадаева Сиркуру): «В феврале 1900 г. я ездил в Пензенскую деревню Сатиных, бывшую Огарева, искать материалов для биографии Огарева, которую пишу; там, в заброшенной и запыленной груде бумаг, среди сотен писем Огарева, Сатина, В. Боткина, Кетчера и др., нашел я и это письмо. Н. М. Сатин умер в 1873 г. и с тех пор никто не касался этих бумаг». Этот рассказ дополняется подробнейшим отчетом Гершензона брату об итогах своей поездки. На вопрос Гершензона, нет ли у нее писем, Н. Н. Сатина сказала: «Да, есть, горы целые, только я никогда не разбирала их, не знаю, какие такие».

Писем оказалось много тысяч, а владелица «сказала, что ей все равно, а чтобы я отвез эти письма к Огаревой, и если она отдаст их мне, то так и будет» [344].

Вернувшись в Саранск, Гершензон предложил Тучковой-Огаревой оставить у нее для просмотра всю семейную переписку Сатиных и Тучковых, а с собой взять только письма Огарева и его ближайшего окружения. Огарева поставила ему одно лишь условие — вернуть письма, если он не будет писать биографию Огарева. На предложение половины гонорара за напечатание писем Огарева ответила отказом (письмо к брату от 3 марта 1900 г.). Но до публикации писем Огарева было еще далеко, и единственным результатом первой поездки в Саранск явилась статья о дневнике А. А. Тучкова 1818 г.[345] Материалы, привезенные из Саранска, Гершензон положил в банковский сейф, а через полгода, в январе 1901 г., перенес в сейф Сабашниковых [346].

С этого времени активное собирание документов о Герцене и Огареве на долгие годы становится важной стороной деятельности Гершензона. С рекомендательным письмом П. Г. Виноградова он обращается к В. Ф. Лугинину, жадно слушает его рассказы о Герцене, но, к сожалению, не находит у него никаких документов [347]. В Петербурге он встречается с Венгеровым, сообщившим «интересные вещи насчет Огарева» и давшим Гершензону полную библиографию его трудов [348]. Здесь же он знакомится с С. А. Переселенковым. Работа в Румянцевском музее позволяет выявить неизвестные прежде рукописи Огарева («Сегодня нашел писанный собственноручно Огаревым план «политехнической» школы для крестьян, которую он думал устроить у себя — страшно интересный, но в России его невозможно напечатать» [349]), новые статьи Герцена; новые тексты посылает ему и Тучкова-Огарева («Посылаю Вам копию с письма Огарева моему отцу — в нем видны и его взгляды и вся нежность его сердца» — XXVII, 81).

Однако попытки Гершензона опубликовать что-либо из найденного в русских журналах все еще не имели успеха: цензура дважды, в 1900 и 1901 г., не пропустила одну из статей Герцена, которую А. И. Богданович хотел напечатать в своем журнале «Мир божий» [350]. Начатые в это же время переговоры с Сабашниковыми об издании стихотворений Огарева затягивались из-за прежней договоренности Тучковой-Огаревой с издательницей О. Н. Поповой. Дело было в следующем. Еще в 1899 г. она предложила Поповой издать стихотворения Огарева отдельной книгой и выслала ей материалы. В редакторы Попова пригласила С. А. Переселенкова, съездившего, как мы уже знаем, в 1901 г. в Лозанну и скопировавшего там те автографы Огарева, которые тем же летом были отправлены А. А. Герценом Некрасовой для «Комнаты людей 40-х годов». По условию А. А. Герцен должен был получить половину гонорара (в одном из писем к Переселенкову он так обосновывал свое право на это: «Не следует забывать, что все, что Огарев оставил, принадлежит *нам*, т. е. мне и моим сестрам» [351]).

Попова, однако, тянула с изданием, а попытка Переселенкова напечатать пока кое-что в журналах вызвала бурный протест Некрасовой. 22 марта 1902 г. она писала ему: «Я получила собственноручные тетради Огарева в подарок от А. А. Герцена с *правом все* печатать из них, *что хочу* ⟨. . .⟩. Относительно же Вас А. А. мне сказал, что позволил Вам пользоваться копиями с тетрадей *только* для составления биографии Огарева и для пополнения собрания его стихотворений, которым Вы заняты,— а за данное Вам такое право А. А. ждал от *Вашей издательницы* гонорара, а не за помещение стихотворений в журналах» [352]. Переселенков возражал ей: «Я все-таки продолжаю утверждать, что А. А. *позволил* мне печатать стихотворения в журналах» [353]. Вопрос этот, впрочем, тут же потерял практическое значение, потому что, как сообщал Переселенков, «из Огарева печатать не позволили *ничего*, на том основании, что поэт был эмигрант», а издание Поповой расстроилось [354]. О причинах этого Некрасова извещала Переселенкова: «Знаете, отчего Н. А. О⟨гарева⟩ разошлась с О. Н. П⟨опо⟩вой? Потому что последняя вдруг предъявила к ней требование, чтобы она заплатила *Вам* за поездку за границу, а затем выдала бы известную сумму А. А. за взятые у него стихотворения. Хорошо? Это требование сильно возмутило Н. А., она ответила отказом, сказав, что она не просила никого посылать за стихотворениями в Швейцарию, и взяла назад свои бумаги» [355].

Именно после этого в дело издания неожиданно для себя самого вмешался Гершензон. Выписав в письме к брату 13 октября 1902 г. свою старую дневниковую запись о намерении когда-нибудь издать стихи Огарева (с нее мы начали эту главу), он рассказывал ему: «Не чудо ли? Спустя 6 лет, когда я, конечно, меньше всего на свете думал об Огареве, однажды вечером М. П. Щепкин рассказывает мне, что старуха Ог⟨арева⟩ все предлагает Солдатенкову издать стихи Ог⟨арева⟩ и что Солд⟨атенков⟩ не хочет. «Не возьмутся ли Ваши Сабашниковы?»— И вот я поговорил с Саб⟨ашниковыми⟩, они в принципе согласились, и тогда М. П. написал об этом Огаревой, и я написал в том же письме. И так оно и началось». Отправившись первый раз к Огаре-

вой, Гершензон предложил ей издать у Сабашниковых еще и ее воспоминания, ранее печатавшиеся в «Русской старине», и взялся редактировать оба издания. 2 июля 1901 г. М. В. Сабашников сообщил Гершензону о своем согласии: «Мы выпустим оба издания за наш счет, и Огарева получит половину чистой прибыли, какая выручится от их распродажи».

Казалось в то время, что общая цензурная ситуация благоприятствует задуманным изданиям. В начале 1900 г. А. А. Герцен еще раз обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить в России публикацию тех произведений Герцена, «издание которых цензура сочтет возможным дозволить». Ответа пришлось ждать целый год. 9 января 1901 г. А. А. Герцен писал В. И. Яковенко: «Желаю Вам на Новый год здоровья, счастия и успеха — успеха в большом предприятии издания сочинений моего отца! Вот мы уже и в новый век вступили, а разрешения так и не получили. Неужели нам придется еще долго ждать его?» [356] Вскоре, однако, «высочайшее соизволение» было дано. Хотя его условием была строгая цензура, но душеприказчики Павленкова получили все же возможность приступить к работе над изданием. Не было оснований ожидать препятствий и изданию Огарева. Иллюзии эти рассеяло дальнейшее развитие событий. Но прежде чем рассказать о нем, остановимся кратко на взаимоотношениях Гершензона с издателями сочинений Герцена [357].

9 сентября 1901 г. Гершензон писал брату: «Душеприказчики Павленкова добыли разрешение издать полное собрание сочинений Герцена. Оно должно выйти к весне в 6 или 7 больших томах. Редактором приглашен Як⟨ушкин⟩, и вот он предлагает мне редактировать половину — именно, все, кроме «Былого и дум», которые он уже за лето приготовил к печати. Я с радостью согласился. Не веря глазам, я читал на томах Герцена: Дозволено цензурою 30 мая 1901 г. и т. д. Пропусков мало (все, что касается Польши и Николая I). Если душеприказчики согласятся, я поеду в Лозанну для переговоров с сыном Герцена насчет продажи рукописей». Но вскоре Якушкин, разойдясь с Яковенко по вопросу о принципах передачи текстов, вообще отказался от редакторства и предложил передать его Гершензону. Сообщая ему об этом, Яковенко писал 13 ноября 1901 г.: «Во избежание возможных дальнейших злоключений (их и так уже немало нависло темной тучей над Герценом), лучше всего вовсе отказаться в настоящем издании от редакции в собственном смысле слова и постараться лишь дать возможно полный и возможно правильный текст ⟨. . .⟩. От нашего издания, собственно первого в России и рассчитывающего на широкую публику,— больше ничего нельзя и требовать». На таких условиях и Гершензон не счел возможным взять на себя редакторство и лишь предоставил Яковенко тексты 18 статей Герцена, не вошедших в женевское издание и частью впервые им разысканных [358]. Еще не решив все это окончательно, он успел написать А. А. Герцену о своем намерении к нему приехать — и опоздал: как раз перед этим, в сентябре 1901 г., А. А. Герцен отправил основную часть материалов Огарева Некрасовой. Он сообщил об этом Гершензону, прибавив: «В моих руках остается лишь переписка Огарева с моим отцом, со мною самим и с моими сестрами чисто *личного*, семейного и интимного содержания, которую я никогда не выпущу из рук» [359]. Таким образом, поездка в Швейцарию пока была не нужна.

В отличие от Некрасовой, собирание и концентрация в России рукописей, писем и других подлинных документов Герцена и Огарева не были для Гершензона главной целью: они занимали его преимущественно как источники для исследовательской и публикаторской работы, для чего он мог удовлетворяться и копиями. Тем не менее, его настойчивость в разыскании все новых и новых текстов имела для судьбы документального наследия Герцена и Огарева самое положительное значение: энергия его в этом отношении была беспредельна, а попадавшие в его руки подлинные документы неизменно оказывались потом на государственном хранении.

Весной 1902 г., отправляясь погостить в саратовском имении своей приятельницы Е. Н. Орловой, Гершензон заехал, по приглашению Тучковой-Огаревой, в Акшено, где она тогда находилась. Она писала ему 16 января 1902 г.: «Теперь 50 лет кончины Г. А. Римского-Корсакова — и можно приступить к разборке его бумаг ⟨. . .⟩. Вы знаете, вероятно, что «*Горе от ума*» все основано на московских личностях, так, Софья Павловна взята с характера жены Серг⟨ея⟩ Алекс⟨андровича⟩ Римского-Корсакова, брата Г. А. Мне хотелось показать, как вообще в России и в особенности в царствование Николая оригинальные личности бездеятельно гибли, не находя себе выхода ⟨. . .⟩. Во время 14 декабря Корсаков жил за границей — его отсутствие спасло его, он был близок и с декабр⟨истами⟩ и с Пушкиным. Будете ли Вы свободны, чтоб заняться этими бумагами?» [360] Цель поездки, как видим, была далека от документов Герцена и Огарева, успех же ее для Гершензона превзошел все ожидания. В Отрадине у Е. Н. Орловой, внучки декабриста М. Ф. Орлова и, соответственно, близкой родственницы Раевских, Волконских, Давыдовых, он

открыл «целый склад старых писем — чудеса, и только!» «Сегодня,— писал он брату 9 апреля 1902 г.,— почти без передышки читал весь день и отложил груду для использования. Есть рукописи Чаадаева, Полонского, Вяземского и пр.» Отчет брату о поездке в Акшено гласил: «Три дня, которые я провел в Акшене, прошли как один час. С утра до вечера старушка неутомимо рассказывала, оживленная, иногда вдохновляясь и молодея на 40 лет. Она до такой степени умна, так много в ней душевного благородства, столько она видела, что слушать ее — больше, чем удовольствие ⟨. . .⟩ Она дала мне огромный тюк дневников Рим⟨ского⟩-Корс⟨акова⟩ 20-х годов, подарила большой портрет Герцена со своею надписью и обещала прислать из Пензы свой портрет» [361]. Короткая эта поездка заложила документальную базу (по крайней мере, преобладающую часть), на которой были построены почти все крупные работы Гершензона, написанные в следующее десятилетие: «История молодой России» (1908), статьи о Чаадаеве и книга «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (1908), «Грибоедовская Москва» (1914). Явилась она и толчком к тому, чтобы поехать все же к А. А. Герцену.

Лето 1902 г. Гершензон провел за границей. Из Кларана он списался с А. А. Герценом и сперва съездил к нему в Лозанну, а затем на время переехал туда. Письма оттуда к Е. Н. Орловой и к брату восстанавливают все подробности переговоров. «У него материалов множество,— писал Гершензон 9 августа после первого визита.— Есть у него: 1) много сотен писем Герцена семейных, он их даже не показал; 2) несколько сот писем Г⟨ерцена⟩ к Ог⟨арев⟩у и обратно (это для меня всего важнее); 3) много писем Гюго, Мишле, Маццини и др⟨угих⟩ иностранцев к Герцену; 4) пачка писем Огарева к его третьей «жене», англичанке, по-англ⟨ийски⟩. Итак: ⟨№⟩ 4) он отдал мне в полную собственность; это очень важно — это картина домашней жизни Ог⟨арева⟩ в последние 10 лет его жизни; ⟨№⟩ 3) он дал мне сюда для просмотра и выписок; верну их ему на будущей неделе ⟨. . .⟩. Наконец, ⟨№⟩ 2 он готов дать мне для использования с тем, чтобы я делал это в Лозанне; я согласился переселиться туда на неделю (с конца будущей недели). № 1, очевидно, недоступен, да и для меня не так интересен; главное № 2. Наконец, у него есть 5-ый том «Был⟨ого⟩ и Дум», рукопись, которую он хочет напечатать в 1920 году; это он даст мне прочитать в четверг у него в гостиной». В следующем письме от 14 августа читаем: «Г⟨ерцен⟩ оказался очень мил. Ему недавно изготовили копию с этой рукописи отца, и вот он кстати хочет ее сверить. Итак, с 1 1/2 ч. мы читали — один вслух оригинал, другой — исправляя копию. Мы прочитали сегодня половину, а кончать будем в пятницу ⟨. . .⟩. Эта ненапечатанная часть написана гениально, лучше всех остальных ⟨. . .⟩ и, представь себе, мне удалось убедить его напечатать первую главу — листа 1 1/2, и он предоставил это дело мне ⟨. . .⟩. А сегодня днем я писал из той самой чернильницы, из которой Г⟨ерцен⟩ писал «Колокол». В ходе совместной работы А. А. Герцен проникся таким доверием к московскому гостю, что еще через неделю согласился на многое, о чем вначале нельзя было и мечтать. 20 августа Гершензон сообщал брату: «Я получаю *всё* в свое распоряжение с условием печатать и присылать ему 1/3 или 1/2 гонорара, смотря по работе. Часть уже получил на руки, остальное он пришлет мне в Москву». В том же письме отразилось общее впечатление от пребывания в доме Герценов: «Дом — чисто швейцарско-французский, русского звука не слышно, только для красоты в столовой стоит самовар. Только один сын научился по-русски и читал сочинения деда ⟨. . .⟩, занимает здесь же кафедру римского права [362]; высочайший стоячий воротник, черный костюм-визитка, борода по-бурбонски. И это — внук! Остальные дети „слышали о деде“». Не очень доброжелателен и отзыв о самом хозяине: «Циничен в выражениях, остроумен, едва ли добр ⟨. . .⟩, внешний, западный человек».

Итогом этих встреч явился сохранившийся в архиве Гершензона документ в форме письма. Приведем его полностью.

«Лозанна, 12 сентября 1902 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Вы передали мне бумаги, оставшиеся после Вашего отца и содержащие преимущественно его переписку с Огаревым и с иностранными деятелями. Эти бумаги Вы разрешили мне печатать, не стесняя меня ни в сроке, ни в форме их опубликования (врозь, статьями или в виде книги). Я, со своей стороны, обязуюсь: 1) Все иностранные письма по использовании вернуть Вам или Вашим наследникам; 2) все русские письма по использовании их мною передать в московский Румянцевский музей; 3) не печатать тех частей этой переписки, которые касаются дела Гервега; точно так же до смерти Наталии Алексеевны Огаревой без ее согласия не печатать тех частей переписки, которые касаются ее отношений к Вашему отцу и Н. П. Огареву; 4) из гонорара, полученного за печатание моих статей, присылать Вам или Вашим наследникам *половину* по расчету страниц, занятых переданными Вами мне письмами, а по выходе моей книги, в которую войдут эти письма,

я должен как с первого, так и со всех дальнейших изданий ее доставлять Вам или Вашим наследниками *треть* гонорара по расчету страниц, занятых этими письмами; 5) я обязуюсь сделать распоряжение, чтобы в случае моей смерти все эти бумаги были в целости возвращены Вам или Вашим наследникам.

М. Гершензон»

Хотя документ датирован Лозанной, но фактически он был выслан Гершензоном уже из Москвы. А. А. Герцен исправил его и вернул обратно, написав в сопроводительном письме: «Договор — all right: у меня поправлено; этого довольно». Поправки сводились к следующему: А. А. Герцен зачеркнул пятый пункт договора, пометив: «Зачеркнутого не читать», и приписал после подписи Гершензона: «В случае моей или Вашей смерти, Михаил Осипович, я желаю, чтобы все полученные Вами от меня бумаги были переданы Румянцевскому музею в запечатанном пакете, который может быть вскрыт не ранее 1920-го года. А. Герцен». Другой экземпляр документа остался, несомненно у А. А. Герцена, и именно на него ссылались потом его наследники в возникших недоразумениях с Румянцевским музеем.

Полученные в Лозанне печатные материалы Гершензон от имени А. А. Герцена прямо оттуда отправил в Румянцевский музей. 6/19 сентября он сообщал сотруднику музея А. И. Калишевскому, что посылает «пачку вырезок из старых иностранных газет и журналов: эти бумаги важны для биографии и характеристики Герцена, и некоторые представляют даже unica» [363]. Судя по списку, составленному Калишевским для передачи полученного в «Комнату людей 40-х годов», посылка состояла из статей о Герцене из заграничной печати, появившихся после его смерти, некоторых статей самого Герцена, откликов на его произведения и, наконец, вырезки из лондонской газеты «Morning Advertiser» с объяснением Маркса по поводу кампании, поднятой против Бакунина [364]. Рукописные материалы Гершензон частично увез с собой, а частью получил потом из Швейцарии.

На протяжении ближайших двух лет, даже не все еще отослав Гершензону, А. А. Герцен не раз напоминал ему о необходимости передавать письма по мере использования в музей. 3 октября 1903 г. он писал: «Не забывайте, ради бога, отдавать письма по мере использования в Румянцевский музей; я ужасно боюсь за них. Кстати, скажите, что могло подать повод странной сплетне, будто Вы чуть не поссорились с директором Музея из-за того, что хотели, чтоб он принял письма от Вашего имени, а не от моего?» К сожалению, в доступных нам материалах из архива Н. А. Герцен [365] нет писем к ней Некрасовой, которая одна только и могла сообщить что-либо подобное, находясь в постоянных сношениях с сотрудниками музея. Судя по письму Н. А. Герцен к ней от 31 января 1903 г., Некрасова осуждала детей Герцена за то, что ценные документы были предоставлены Гершензону и, возможно, сообщала Н. А. Герцен неблагоприятные отзывы о нем. Та сдержанно возражала ей: «Лицо, которому мой брат доверил старые письма нашего отца и его друзей, было ему рекомендовано самым высоким образом и должно, как я понимаю, писать биографию Папаши» [366]. Более близкому человеку, М. К. Рейхель, она писала откровеннее: «Саша всегда отличался торопливостью, совсем непонятною в некоторых случаях. Г〈ершензон〉 явился с такими рекомендательными письмами, что внушил Саше слепое доверие 〈. . .〉. Когда я узнала, что С〈аша〉 отдал переписку Г〈ершензону〉, я ужаснулась, и мне было страшно жаль, потому что я давно ждала кого-нибудь, который бы мне помог читать эти письма. Одной разбирать их мне было слишком трудно и утомительно. Бесконечно жалею, 〈. . .〉 что Саша распорядился этими письмами, не спросивши наше мнение — знай, однако, что Некрасова преувеличивает неосторожность Сашину. С〈аша〉 уверяет, что все письма, относящиеся к Наталье Алексеевне, здесь, у него» [367].

Время шло, но Гершензон не печатал ничего из привезенной им и полученной позднее переписки Герцена и Огарева. Впоследствии он так объяснял причины этого М. К. Лемке: «История этих писем в двух словах такова. Они были присланы лично мне покойным проф. Герценом в подлинниках для печатания и два года лежали у меня; дело в том, что в них на каждой странице говорится о Нат. Алекс. Огаревой и говорится так, что я не считал возможным обнародовать их при ее жизни полностью, выбирать же из них отдельные и печатать я считал и считаю литературно неправильным. Все это я писал А. А. Герцену» [368]. Летом 1904 г., перед тем, как отослать в Москву последнюю часть обещанной Гершензону переписки Герцена и Огарева, А. А. Герцен настойчиво потребовал от него передачи ранее полученных материалов в музей. Он писал 25 июля 1904 г.: «Я мало-помалу старею и слабею, и м〈ежду〉 п〈рочим〉 меня мучит боязнь за переписку, находящуюся в Ваших руках. Мало ли что может случиться! На днях у меня был И. Вл. Цветаев, директор Рум〈янцевского〉 музея. Он мне сказал, что Вы до сих пор передали в музей всего

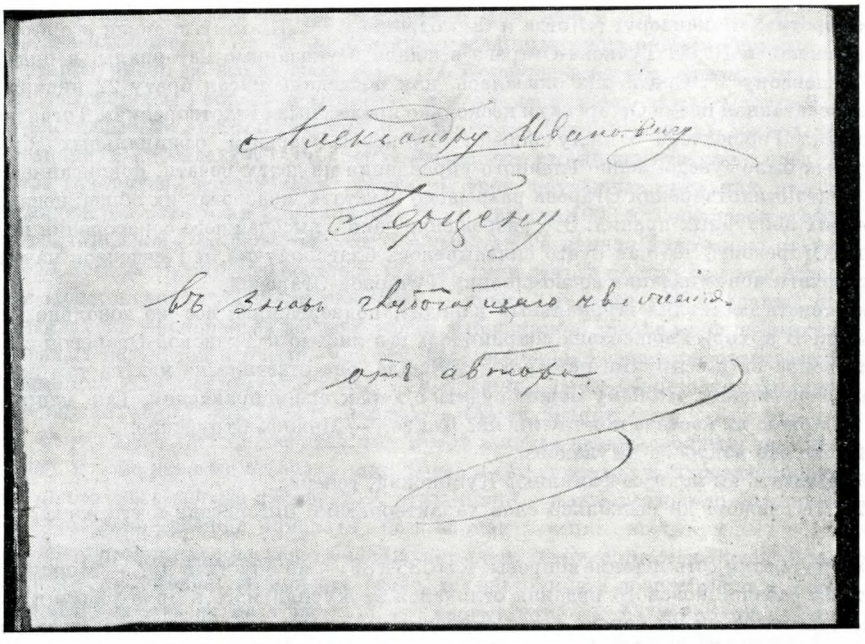
10 или 12 писем моего отца, а ведь они уже два года у Вас! Я для своего успокоения убедительно прошу Вас передать все в музей как можно скорее»[369]. В ответ Гершензон сообщил, что немедленно отдает все в музей, но просит сохранить за ним право использования материалов в печати еще на два года, до конца 1906 г. А. А. Герцен согласился на это, сообщил это условие музею и одновременно, 19 сентября 1904 г., отправил остальную переписку прямо в музей. Именно вследствие этого условия все, переданное Гершензоном и присланное из Лозанны, не было отражено в «Отчете» музея за 1904 г. и впервые описано в «Отчете» за 1906 г., вышедшем в свет в 1907 г. Но в конце 1906 г. Н. А. Тучкова-Огарева была жива, и причины, останавливавшие Гершензона в печатании писем, оставались в силе до конца отведенного ему срока.

В сопроводительном письме к отсылаемым в музей документам 19 сентября 1904 г. А. А. Герцен писал Цветаеву: «Посылаю Вам сегодня большой пакет, содержащий всю остающуюся у меня переписку (около 300 писем) между моим отцом и Огаревым. Кроме того, я поручил Мих. Ос. Гершензону передать в Ваше распоряжение всю переписку (также между моим отцом и Огаревым), мною доверенную ему, как я Вам говорил. Прошу Вас принять эту драгоценную переписку на хранение в Румянцевском музее — по возможности, в Комнате людей 40-х годов». Далее указывалось на предоставленное Гершензону исключительное право пользования ею до конца 1906 г., после чего она переходила в общее пользование. Забыл ли А. А. Герцен о требовании хранить переписку запечатанной до 1920 г., сформулированном в договоре с Гершензоном в 1902 г., или переменил свою точку зрения — но теперь, как мы видим, оно не было предъявлено музею[370]. Вслед за этим письмом в делах музея подшиты две расписки заведующего рукописным отделением Г. П. Георгиевского: одна, от 28 сентября 1904 г., о получении им от Гершензона принесенных А. А. Герценом в дар музею 204 писем Герцена и Огарева друг другу; другая, от 2 октября — о получении присланных из Лозанны 155 писем Герцена к Огареву и 120 писем Огарева к Герцену[371].

Но можно утверждать, что Гершензон привез из Лозанны гораздо больше писем и до передачи их в музей часть отправил А. А. Герцену обратно. Это выясняется из позднейшего письма его к М. К. Лемке: «Перед тем, как сдавать эти бумаги в музей, я сам выбрал из них все письма, печатание которых могло быть неприятно А. А. Герцену (там были и порочившие лично его, он этого не знал), и лично отослал их ему, чем он был очень доволен»[372]. Понятно, что, отправляя остальные письма в музей, А. А. Герцен эти, только что присланные из Москвы, оставил у себя, и, следовательно, был далеко не точен, когда писал, что передает музею «всю остающуюся у него переписку». Эти же письма упоминала, по-видимому, Н. А. Герцен со слов брата в приведенном нами письме к М. К. Рейхель.

Судьба этой пачки писем выразительно характеризует многоступенчатую цензуру, которой подвергалась в семье Герцена его переписка с Огаревым. Полученные от Гершензона обратно письма были отложены так далеко, что Н. А. Герцен, сперва хорошо знавшая, что часть этой переписки осталась в семейном архиве, потом, после смерти брата, настолько прочно забыла о их существовании, что сама изумилась, случайно обнаружив их в ноябре 1914 г.: «Открытие!!! — писала она Лемке.— Пачка писем моего отца, большей частью к Огареву 1868—1869 гг. Открыла я их в сундуке, наполненном бумагами; они оказались в картоне в полном порядке. Я и не подозревала об их существовании»[373]. Казалось бы, сделав такое открытие, Н. А. Герцен должна была бы спешно предоставить все копии Лемке, заканчивавшему в это время подготовку томов своего издания. Но нет: «Я их еще не успела прочитать,— писала здесь же Наталья Александровна,— но мне кажется, что среди этих писем есть много таких, которые не могут быть напечатаны»[374]. Спустя полтора месяца она возвращалась к ним: «Найденная мною пачка, по-видимому, была отложена особо моим братом»[375], а еще позднее сообщала: «Письма, найденные мною, уже переписаны. Пришлось отказаться от переписки нескольких писем, так как они не годятся для печати»[376]. Словом «несколько» обозначались те 52 письма, которые до конца жизни Н. А. Герцен оставались у нее, потом попали в Прагу и впервые были опубликованы в т. 61 «Литературного наследства»[377].

Следует отметить, что если подсчитать по упоминаниям в письмах А. А. Герцена числа имевшихся у него писем отца и Огарева друг к другу и сравнить их с названными выше количествами их писем, поступивших в 1904 г. в Румянцевский музей, то обнаруживается любопытная картина: число писем Герцена к Огареву, остававшихся в Лозанне до возврата части писем Гершензоном, примерно совпадает с числом полученных музеем; число же писем Огарева к Герцену значительно расходится с обозначенным в расписке Георгиевского. 3 октября 1903 г. А. А. Герцен писал Гершензону: «У меня остается еще штук 150 отцовских писем, да чуть ли не 200 огаревских».



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ГЕРЦЕНУ НА ОТТИСКЕ «ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» («ВРЕМЯ», 1861):
«Александру Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора»
Публичная и Университетская библиотека, Женева

Писем Огарева к Герцену, однако, было прислано в 1904 г. только 120, а впоследствии от наследников А. А. Герцена в зарубежные хранилища поступило еще 36 [378]. Не означает ли это, что у потомков Герцена осталось еще некоторое количество неизвестных писем Огарева?

Вернемся, однако, к 1904 г. В ответе музея на письмо А. А. Герцена содержится заверение, что все условия дарителя будут соблюдены, но вопрос о месте хранения материалов обойден молчанием. Они поступили не в «Комнату людей 40-х годов», а в рукописное отделение, и в этом, вероятно, сыграли роль напряженные отношения Гершензона с Некрасовой. Близкий к ней Калишевский, обвиняя в этом Гершензона, писал ей 2 октября: «Теперь, конечно, все это заберет Георгиевский, и я даже сомневаюсь в возможности поднимать по этому поводу вопрос» [379].

Документы, привезенные Гершензоном из Швейцарии в 1902 г., не ограничивались отданной им в музей в 1904 г. перепиской Герцена и Огарева, но передачи их А. А. Герцен почему-то не потребовал, и они остались у Гершензона до конца его жизни. Что это были за документы, выясняется по его позднейшим указаниям. Перечисляя в предисловии к 4-му тому «Русских Пропилеев» источники публикаций этого тома, он называл, в частности, и документы, «хранившиеся у покойного проф. А. А. Герцена в Лозанне и переданные им мне в 1902 г.» [380]. Анализ состава тома позволяет уверенно отнести к таким документам напечатанные там письма Огарева и Н. А. Тучковой-Огаревой к Герцену и Наталье Александровне до отъезда Огаревых за границу, многочисленные письма Н. А. Огаревой к Герцену, ее же письма к Огареву.

Вернувшись в 1902 г. из Швейцарии, Гершензон полностью отдается работе над Огаревым. В 1903 г. выходят три его статьи о нем [381], но главное внимание было сосредоточено на подготовке к печати двухтомного собрания сочинений Огарева.

История этого первого в России отдельного издания произведений Огарева почти не освещена в литературе, но очень подробно раскрывает ее переписка Н. А. Тучковой-Огаревой, Е. С. Некрасовой, С. А. Переселенкова и М. О. Гершензона.

27 декабря 1902 г., послав Н. А. Тучковой-Огаревой на подпись текст договора, М. В. Сабашников спрашивал Гершензона: «Напишите, пожалуйста, какого характера материал для печати находится у Н. А. Огаревой. Я помню, что она давала что-то О. Поповой, и затем вышла история с получением этого материала обратно». Поповой было передано издание Солдатенкова, стихотворения, ранее напечатанные в «Русской старине», «Юмор», «Господин», «Отступнице»,

«По краям дороги», «Искандеру» («Когда я был отроком») [382]. К этому времени все это было Поповой возвращено, и Н. А. Тучкова-Огарева выслала и указанные материалы, и ряд дополнительных Гершензону [383]. Среди них оказалась, как последний писал брату 22 января 1903 г., «целая ненапечатанная поэма Ог⟨арева⟩ и несколько прелестных стихотворений». Тогда же Сабашников известил Гершензона о получении от Тучковой-Огаревой официальных бумаг, одной из которых было «уведомление Главного управления по делам печати, подписанное Шаховским, о том, что стихотворения Огарева разрешено печатать, подвергая их общей цензуре на основании общих цензурных правил. Это разрешение дано с высочайшего соизволения по особому ходатайству Огаревой». Все как будто складывалось благополучно, и Гершензон начал спешно готовить к печати новое издание воспоминаний Тучковой-Огаревой.

Основу текста составлял журнальный вариант, подвергшийся все же довольно значительной редакции. В архиве Гершензона сохранилось его письмо к Тучковой-Огаревой с рядом редакторских вопросов и ссылками на текст в журнале, она ответила на них на том же листке и вернула его Гершензону. По нему можно судить о характере исправлений. Так, например:

«стр. 17 Можно ли назвать полные имена? Какие? — Можно. Струйские.

стр. 19 Тот же вопрос.— Шуваловы.

стр. 67 Назвать ли полную фамилию? Куцинский, генерал.

стр. 71 Не скажете ли несколько слов характеристики Энгельсона и его жены? — Не знала их».

Но наряду с этим есть и такие вопросы: «стр. 85 и 86 — не опустить ли? — Можно» [384]. В результате текст сабашниковского издания отличался от журнального и пропусками и вставками. При этом купюры отмечены только в тех случаях, когда они повторяли сделанные в журнале, новые же не указаны. Опущен, например, без всяких указаний на купюру рассказ Тучковой-Огаревой о ее дальнем родственнике, молодом поляке, отправленном в Сибирь по доносу какого-то случайно встреченного генерала [385]. В другом же месте, наоборот, вставлены слова Герцена, опущенные в журнале: «Вы выиграли пари,— кричал он с лестницы,— вот и шампанское. Республика провозглашена во Франции!» [386]. В издании были раскрыты почти все имена, в журнальном тексте обозначенные лишь начальными буквами.

В феврале 1903 г. «Воспоминания» были сданы в печать, а издание Огарева из-за загруженности типографии Сабашникову пришлось несколько отодвинуть. Пока же Гершензон поехал в Петербург для встречи с Переселенковым. Оттуда он писал брату: «Оказалось, что он летом 1901 г. в Лозанне списал у Герц⟨ена⟩ все бумаги Ог⟨арева⟩, которые Герц⟨ен⟩ осенью того же года отдал Некрасовой; Некр⟨асова⟩ держит их и, по-видимому, не хочет дать мне доступа до них — и вот у Перес⟨еленкова⟩ я нашел все это в копиях. Неизвестных стихов целые горы — вполне отделанных стих⟨отворений⟩ штук 50 (да плохих с сотню), три поэмы, драма и пр. ⟨. . .⟩. Он собирается сам писать об Ог⟨арев⟩е, поэтому я сказал, что прозы не возьму у него ни строки, а стихи все возьму для издания». Но не только удачи ждали Гершензона в Петербурге — дошли до него там и малоприятные известия. «Затем сел в конку и поехал к Яковенко,— рассказывал он дальше брату.— Я имел передать ему конец вятской переписки Герц⟨ена⟩, которую летом нашел у Герц⟨ена⟩ и взялся передать ему». От Яковенко он узнал о трудностях, вставших на пути павленковского издания Герцена. Известен рассказ о них Яковенко в опубликованном М. Перкалем письме его к Г. Моно 1907 г.: «Скоро князя Шаховского заменил в качестве начальника Главного управления по делам печати Зверев и взял это дело в свои руки. Он нашел, что кн. Шаховской был слишком либерален, и пересмотрел заново не только, что было уже пересмотрено кн. Шаховским и разрешено к печатанию, но и то, что мы уже успели отпечатать. Целый том в 30 печатн. листов, отпечатанный нами, был снова почеркан красными чернилами, и Зверев заставил нас перепечатать его» [387]. Рассказ Яковенко по свежим следам событий в передаче Гершензона дополняет прежний любопытными деталями: «Зверев, вступив во власть, приостановил печатание Герц⟨ена⟩ и потребовал во вторичную цензуру процензурованные уже Шаховским первые 6 томов женевского издания; он читает сам и черкает миллион слов и строк; вздумал было и вставлять от себя (например, перед именем Николая всюду Император), но Як⟨овенко⟩ уперся наотрез: черкать черкайте, но вставлять нельзя. До сих пор Зв⟨ерев⟩ выдал 7 томов (из 11) и читает медленно». Как известно, павленковское издание в конце концов составило всего 7 томов, и цензурная расправа, таким образом, сильно его сократила.

Не было все же ясно, коснется ли позиция нового руководства печати «высочайше» разрешенного издания Огарева и воспоминаний его жены. Воспоминания действительно вскоре вышли в свет. Н. А. Тучкова-Огарева не была довольна изданием, в особенности сокращениями, сде-

ланными Гершензоном. 24 июня 1903 г. она писала Некрасовой: «Я написала Саб⟨ашников⟩у, что я недовольна изданием ⟨. . .⟩, не напечатаны посланные мною письма Герцена, да, мне кажется, и из старых писем не все напечатаны ⟨. . .⟩ Конечно, в безразличных вещах это ничего, но в фактах, касающихся Герцена и Огарева, это для меня очень важно ⟨. . .⟩. Я не нахожу места, где я рассказываю, как три русские приезжали спросить Гер⟨цена⟩, не полезно бы было убить А⟨лександра⟩ Ник⟨олаевича⟩. Гер⟨цен⟩ отвечал, что это принесет только вред. Не нахожу того места, где говорится, что эту тайну знали мы трое, обученные молчанию при императоре Николае I. Вообще он переделал мои записки» [388]. В августе 1903 г. Гершензон сообщал брату: «В августовской книжке «Рус⟨ской⟩ м⟨ысли⟩» напечатана отданная туда мною отличная поэма Ог⟨арева⟩ по 50 коп. за строку, что составит 120 руб.; эти деньги пойдут на устройство народной библиотеки в Пенз⟨енской⟩ губ., если разрешат — имени Ог⟨арева⟩» [389]. Издание двухтомника Огарева затягивалось — сперва из-за забастовки наборщиков, потом из-за возникшей необходимости серьезных переделок в тексте. Чем это было вызвано, Гершензон рассказал в письме к брату. Изложив ему историю приезда в 1901 г. в Лозанну сперва Переселенкова, затем Некрасовой, он продолжал: «Когда я в 1902 г. был там — бумаг, значит, уже не было — они были у Некрасовой. А это все стихи не напечатанные. Когда я начал делать свое издание, то обратился к Некр⟨асовой⟩, но она даже не отвечала мне. Тогда я ⟨. . .⟩ поехал к Переселенкову, и он действительно отдал мне все снятые им копии. С этих копий я и печатал около 40 стих⟨отворений⟩ и 4 поэмы. Переселенков обещал прислать мне и варианты к ним, но тянул весь год и только в феврале, по моей настойчивой просьбе, прислал часть вариантов, а потом заболел. Я ждал, ждал, оттягивая верстку, и наконец, недели две назад, по настоянию Сабашн⟨икова⟩, решил больше не ждать и печатать окончательно. Сверстали все листы, осталось только подписать их к печати, набрали уже и мои примечания...» И тут-то выясняется, что полученные Некрасовой в Лозанне в 1901 г. рукописи Огарева давно уже хранятся в музее. «Словом,— продолжал Гершензон,— мне пришлось проделать опять огромную работу: сверить несколько десятков страниц с рукописями, совершенно переделать мои примечания, переставить хронологический перечень стихотворений и т. д.».

Но главные осложнения были впереди. В феврале 1904 г. текст поступил в цензуру. «Здешняя цензура наверное не пропустит его,— писал Гершензон,— придется перенести дело в Петербург, и пойдет история на месяцы». Так и случилось. Только 17 мая Сабашников сообщил Гершензону: «В субботу меня вызывали в Цензурный комитет, где объявили подписанную Зверевым бумагу Главного управления по делам печати, в которой сказано, что II том Огарева «может быть выпущен в свет лишь при условии исключения из него мест», подробно указанных мною на прилагаемой бумажке и отмеченных в высылаемом Вам экземпляре Огарева ⟨. . .⟩. Обидно сдаваться сразу без боя». Через много лет Гершензон так рассказывал эту историю во 2-м томе «Русских Пропилеев»: «Московский цензурный комитет постановил следующее решение, одобренное главноуправляющим по делам печати Н. А. Зверевым, который в те дни как раз случился в Москве: первый том, лирику, выпустить беспрепятственно, второй, поэмы — только с выключением указанных тринадцати мест». Требования цензуры были, например, таковы: «Предлагалось вырезать и перепечатать целую страницу, чтобы устранить написанные 65 лет назад два стиха:

И политический наш быт
Меня без отдыха теснит.

Заставили вырезать весь алфавитный список ранее изданных стихотворений Огарева, т. к. там были указаны: лондонское издание, один том Полярной звезды и Письма Бакунина— т. к. он-де является пропагандою нелегальной литературы» [390].

Попытка Сабашникова обойти эти требования, прибегнув к заступничеству Кони перед Зверевым, успеха не имела. Сообщая Гершензону 4 июня 1904 г. весьма уклончивый ответ Кони, Сабашников писал ему: «Из этого, мне кажется, можно заключить, что Кони разведал поле, на котором ему предстояло сразиться с З⟨веревым⟩, и от поединка уклонился. Так как мы сроками теперь не связаны, то, мне кажется, не следует еще соглашаться на членовредительство нашего издания ⟨. . .⟩ Обидно уступать требованиям цензуры, и хотелось бы настоять на своем». Упорство Сабашникова было не напрасным. Когда после убийства Плеве министром внутренних дел стал Святополк-Мирский и в ряду мероприятий «эпохи доверия» нашло свое место ослабление цензуры, Сабашников снова попытался «выручить II том с меньшими повреждениями» [391], и это ему удалось. Как он рассказывал позднее, «осенью 1904 г., в министерство Святополка,

Зверев нашел возможным пропустить книгу без всяких изменений» [392]. Таким образом (в этом признавался потом и сам Гершензон), все пропуски и сокращения в произведениях Огарева в сабашниковском издании, за которые его не раз упрекали в печати,— результат не требований цензуры, а его собственного приспособления к возможным ее претензиям [393].

После передачи в Румянцевский музей привезенной из Лозанны переписки Герцена и Огарева Гершензон только один еще раз обратился к А. А. Герцену для получения некоторых из остававшихся у него материалов — речь шла о письмах к Герцену его «западных друзей», тех письмах, которые в договоре 1902 г. значились под пунктом 1. На этот раз в подлинниках ему было отказано (судя по письму Гершензона к А. А. Герцену от 9/22 марта 1906 г.— в связи с тем, что их хотел публиковать во Франции Моно) и обещаны только копии. А. А. Герцен писал Гершензону 4 марта 1906 г. «Я Вам охотно доставлю (не сейчас) копию с писем «иностранцев»; высылайте 100 фр. Я предпочитаю покамест ничего не посылать в Москву, да и для Вас будет удобнее иметь их у себя» [394]. Эти слова наводят на мысль, что и до конфликта с Румянцевским музеем, возникшим у семьи уже после смерти А. А. Герцена, появлялись сомнения в целесообразности дальнейшей передачи туда документов из архива отца [395]. Гершензон еще ожидал обещанных копий, когда в августе 1906 г. получил известие о смерти А. А. Герцена. Дальнейшие переговоры велись уже с его сыном Николаем, официально взявшим на себя функцию представителя семьи. Копии были получены, и не только те, которые ранее приготовил А. А. Герцен, но и с писем, дополнительно разысканных его сыном: 33-х писем Мишле, двусторонней переписки Герцена с Орсини и др. Нельзя не отметить при этом ограниченность пожеланий самого Гершензона — он иной раз отказывался от предлагавшегося ему. Так, перечисляя найденные письма, Ник. А. Герцен прибавлял в конце: «Еще у нас имеются письма Фохта к А⟨лександру⟩ И⟨вановичу⟩, о которых в прошлом письме Вы писали, что они Вам не нужны» [396]. По-видимому, Гершензон подтвердил свой отказ, письма не были для него скопированы и стали поэтому известны только спустя шестьдесят с лишним лет, когда поступили в Женевскую университетскую библиотеку [397]. Отношения его с семьей Герцена сохранялись и впредь, хотя научные его интересы шли теперь в иных направлениях. Еще в сентябре 1905 г. он объяснял Лемке: «Начав лет 6 назад заниматься Герценом и Огаревым, я скоро пришел к убеждению, что о них невозможно писать, не раскопав почвы, на которой они выросли, и потому я начал в своих исследованиях подвигаться назад» [398]. Это «движение назад», к Печерину, Чаадаеву, декабристам, далеко уводило Гершензона в эти годы от непосредственных занятий Герценом и Огаревым.

Последний период интенсивной переписки Гершензона с наследниками Герцена связан уже не с использованием заграничной части архива Герцена и Огарева, а с осложнением отношений наследников и Румянцевского музея, начавшимся в 1907 г. и никогда уже не рассеявшимся полностью. История этих осложнений, имевших самые пагубные последствия для всей дальнейшей судьбы заграничного архива, заслуживает, поэтому, подробного изложения.

Направляя Наталье Александровне Герцен соболезнование по случаю смерти ее брата, директор Румянцевского музея И. В. Цветаев писал: «Эта утрата тем тяжеле для Московского публичного и Румянцевского музеев, которые столь многим обязаны Вашему покойному брату и с которыми он находился в более тесной и близкой связи, чем с каким-либо другим русским учреждением. Ему, главным образом, Музеи обязаны возникновением такого важного отделения, как «Комната сороковых годов», куда вошла значительная часть семейного архива Герцена. Этот материал надолго послужит драгоценным источником для будущих исследователей русской общественности». Упоминая далее о «неоднократных личных свиданиях» с покойным, Цветаев выражал надежду, что «установленная почившим связь Музеев с Вашей семьей не прервется и впредь» [399]. Весной следующего 1907 г. Цветаев обратился к Н. А. Герцен уже по важному деловому поводу. Переписку Герцена и Огарева, поступившую от А. А. Герцена из Лозанны и через Гершензона в 1904 г., музей до конца 1906 г. не считал своей собственностью, так как она была ограничена условием о правах на нее Гершензона, не регистрировалась и не отражалась в «Отчетах» музея. Только с 1 января 1907 г. музей внес ее в свои фонды, что и стало поводом к письму Цветаева. Он писал 14 марта 1907 г.: «С 1-го января 1907 г. переписка Вашего отца с Н. П. Огаревым поступила в собственность вверенных мне Музеев. Ознакомившись с содержанием переписки, я нахожу, что многие письма целиком касаются интимно-семейных отношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева и затрогивают лиц живущих и их ближайших родственников ⟨. . .⟩. Поэтому я полагаю необходимым выделить эти письма из всей переписки и в запечатанном конверте особо хранить их в Музее до определенного срока, например, до истечения пятидесятилетия со дня Вашей смерти» [400]. Ответное письмо Н. А. Герцен от 5 апреля 1907 г.

показывает прежде всего полную ее неосведомленность о действиях брата в последние годы его жизни: она спрашивает Цветаева, откуда музей получил переписку, о которой идет речь. Но помимо этого, она горячо благодарит Цветаева за его инициативу, просит принять все предлагаемые им меры, сохранив возможность доступа к запечатываемым письмам только для прямых потомков Герцена [401]. Вскоре Цветаев, считавший, что «эти письма нужно бы еще в Лозанне *сжечь*, а не передавать их кому бы то ни было», заверил Наталью Александровну, что «эти письма выделены и запечатаны» [402]. В таком же примерно смысле была составлена справка об этой переписке для вышедшего тогда же в свет «Отчета» музея за 1906 год: «...переписка развертывает великое множество подробностей личной, совершенно интимной жизни Герцена и Огарева 〈. . .〉. В этой части переписка должна оставаться неприкосновенной для постороннего глаза, особенно пока еще живы лица или ближайшие потомки тех лиц, о которых секретно беседовали друзья» [403]. При подобной деликатности музея, отношения его с наследниками Герцена складывались, казалось, безупречно, и не было сомнения в том, что материалы из семейного архива будут туда поступать и впредь. Этим можно объяснить репортерскую заметку, появившуюся в печати в апреле 1907 г. и основанную, несомненно, на информации, полученной в музее: «Скончавшийся недавно в Лозанне сын А. И. Герцена, профессор А. А. Герцен, завещал все бумаги, рукописи и переписку своего отца А. И. Герцена, а также все бумаги, относящиеся до современников А. И. Герцена, в дар Румянцевскому музею в Москве» [404].

В эти же месяцы заведующий рукописным отделением Г. П. Георгиевский начал публиковать новые материалы Герцена и Огарева в журнале «Вестник Европы». Сперва в майской книжке появились шесть стихотворений Огарева, извлеченных из поступивших в музей писем [405]. Это прошло не замеченным наследниками Герцена. Совсем иной была реакция на начатую в июньском номере публикацию переписки Герцена и Огарева. Николай Герцен так излагал дело в письме к Лемке (прямо заинтересованному в его выяснении — не только как сотруднику М. М. Стасюлевича, причастному к изданию журнала, но и как лицу, только что получившему согласие наследников на подготовку нового собрания сочинений Герцена): «В начале этого года мы получили от г. Цветаева 〈. . .〉 извещение о том, что переписка Герцена и Огарева, переданная моим покойным отцом Румянцевскому музею, ввиду интимности ее, не подлежит, по его мнению, публичному ознакомлению; причем предлагал совсем запечатать эту переписку и держать ее в таком виде еще лет 50. Мы поспешили ответить, что, будучи совершенно согласны с ним, просим его сделать это, тем более, что передача этих писем, очевидно, дело ошибки. Отец несколько раз повторял нам, что никакой переписки интимного характера он не передал г. Гершензону для музея». Надо прервать здесь эту длинную цитату с тем, чтобы, во-первых, напомнить о возвращении Гершензоном в Лозанну части писем, показавшихся ему слишком интимными (этим, конечно, следует объяснить, в первую очередь, эти заверения А. А. Герцена), а во-вторых, подчеркнуть, что критерии «интимности» были, по всей вероятности, совершенно различными — у А. А. Герцена и Гершензона в 1902 г., у Цветаева и наследников А. А. Герцена в 1907 г. «Каково же было наше изумление,— писал далее Ник. А. Герцен,— когда в июньской книжке «Вестника Европы» мы увидели часть этой самой переписки. На наш немедленный запрос г-н Цветаев ответил, что г. Георгиевский без его, Цветаева, ведома передал эту часть переписки для напечатания журналу». На высказанное здесь же Цветаевым предложение запретить дальнейшую публикацию, наследники ответили, что не хотят таких суровых мер, но просят, чтобы ее продолжал не Георгиевский, а Гершензон, «которого мы знаем лично и который никогда не выходил из пределов корректности» [406].

В действиях Георгиевского поражает, главным образом, игнорирование им норм авторского права, которых он не мог не знать как опытный уже архивист (к этому времени он уже 17 лет был хранителем рукописного отделения): в то время срок действия авторского права составлял 50 лет, и, следовательно, он, приступая к публикации, должен был испросить согласия наследников, а также предоставить им часть гонорара. Со дня смерти Герцена прошло 37 лет, Огарева — 30.

Гершензона это предложение наследников ставило в крайне щекотливое положение: согласие его могло придать всему вид затеянной им интриги с целью продлить свое право на использование материалов; он же вообще считал невозможным их печатание при жизни Н. А. Тучковой-Огаревой. Кроме того, как он писал в сентябре 1907 г. Стасюлевичу, Георгиевский «много труда положил на приведение писем в хронологический порядок, и хотя наделал при этом много ошибок, но все же значительно облегчил эту часть работы» [407], и отнимать у него публикацию было бы несправедливо. Желая уладить как-нибудь это дело, он, по совету Венгерова, предложил

Стасюлевичу договориться с Георгиевским о том, что он, Гершензон, готов просматривать подготовленные к печати письма («Таким образом и Георгиевский будет удовлетворен, и у Герценов будет гарантия, что ничего неприятного для них не попадет в печать»).

Такой вариант, как выяснилось, не устроил никого. Получив ответ Н. А. Герцена на свое предложение, Гершензон писал Стасюлевичу: «...оказывается, что они и мне не доверяют: сколько я могу понять, они требуют, чтобы им присылали на просмотр *до печатания* рукопись или корректуру. Он пишет: „Мы хотим своевременно видеть, что будет опубликовано; на этом последнем пункте настаивает моя тетка“» [408]. Требования Натальи Александровны были сформулированы в ее письмах к Цветаеву от 19 июля и 27 сентября. Она просила, во-первых, прислать ей те письма, которые предлагалось запечатать, а в отношении всех остальных прислать ей официальное заверение музея, что ни одно из них не будет когда бы то ни было публиковаться без ее предварительного разрешения, а в случае ее смерти — без разрешения Терезы или Николая Герценов, во-вторых, она настаивала на передаче публикации Гершензону [409]. Тут Цветаеву пришлось решительно выступить в защиту своего сотрудника. Объяснив наследникам, какая работа уже проделана Георгиевским с этими письмами и подчеркнув, что именно «его стараниям мы обязаны открытием нескольких писем исключительно интимного характера, о которых я писал Вам и которые выделены в особый пакет и запечатаны», он указывал, что отстранение Георгиевского «навлекло бы на него невыгодные для его репутации нарекания», а Гершензон сам этого не желает и предлагал Георгиевскому вести по-прежнему публикацию «на условии раздела гонорара пополам между им, Георгиевским, и Лозанной» [410]. Наследникам пришлось сдаться. Они отказались от требования о присылке писем на предварительный просмотр в Лозанну [411] и примирились с продолжением работы Георгиевского [412], уверенные, что самые опасные письма запечатаны, а из остальных, как уверял их Цветаев, исключено при публикации «все, так или иначе кого-либо из близких людей задевавшее» [413]. Публикация писем в «Вестнике Европы» возобновилась в январе 1908 г.

Но помимо этой, обращенной к Лозанне, стороны дела, была у него еще одна, скрытая от Герценов сторона. 12 июня 1907 г. Цветаев сообщал Георгиевскому: «Ах, какое неприятное заявление получил я «от имени лиц, занимающихся русской литературой и русской историей» по поводу напечатанных Вами писем Герцена в «Вестнике Европы». Протестуют против продажи журналу в свою пользу чиновником музея такого нового и интересного литературного материала». Авторов протеста возмущало особенно, что публикация принадлежит чиновнику музея, «который к Герцену и его кругу не имел де до сих пор никакого отношения» [414]. Дело, конечно, было не столько в гонораре, полученном Георгиевским, сколько в этих последних словах, скрывавших намек на крайне реакционную общественную репутацию его как человека, близкого к Союзу русского народа и личного друга редактора «Московских ведомостей» В. А. Грингмута.

Однако Георгиевскому нетрудно было оправдаться в глазах своего директора, игнорируя эти намеки и отвечая только по существу. Он писал Цветаеву 15 июня 1907 г.: «Письма Герцена поступили с 1 января в общее пользование без всякого ограничения в чью-либо пользу, а я слышал неоднократно упреки, что медлю с опубликованием их в интересах гласности и публики. Кизеветтер и Калишевский настаивали на печатании их тотчас же после 1 января, ввиду их интереса. Что касается до печатания литературных и исторических материалов самими хранителями, то оно ведется давно 〈. . .〉 Сошлюсь на примеры особенно И. А. Бычкова, Шумигорского, Щеголева и др.». В конце он прибавлял: «...я очень рад, что вопрос о печатании и выборе журнала я решил в свое время с Вашего ведома» [415].

Доводы Георгиевского были вполне убедительны, и Цветаев, конечно, прекрасно знал, что сам дал ему согласие на печатание писем. Но это не помешало ему, как мы видели ранее, заявить наследникам Герцена о том, что публикация предпринята Георгиевским без его, Цветаева, ведома, и предложить ее прекратить.

Неловкость ситуации, в которой он оказался и перед Герценами, и перед Стасюлевичем, и перед своим ближайшим сотрудником Георгиевским, усугублялась тем, что едва стало известно в литературно-научной среде, близкой к музею, о намерении запечатать письма на столь долгий срок, а публикацию их не продолжать, как осуждение обрушилось на директора музея со всех сторон. Перед лицом всего этого Цветаев предпочел скрыть, что инициатива запечатывания писем исходила от него. Вот как осветил он это В. Е. Якушкину (и, со слов Якушкина, Гершензон передавал Лемке): «Цветаев, директор Румянц〈евского〉 музея, получил письмо от Н. А. Герцен, где она пишет, что так как в письмах Герц〈ена〉 и Огар〈ева〉, поступивших с января в всеобщее

пользование, есть вещи, пока неудобные семейно для печати, то она спрашивает, как бы это сделать, чтоб они не получили гласности»[416]. Ему же немного позднее Гершензон рассказывал о своей беседе с Цветаевым на эту тему: «По письму Н. А. Герцен Цветаев положил письма Г〈ерцена〉 под спуд до истечения 50 лет (с какого срока — она не пишет, верно, с 1870). Я ему прямо сказал, что он не имеет права на это: 1) отданы были бумаги А. А. Герценом, а не Н〈атальей〉 А〈лександровной〉, 2) даже сам жертвователь, по уставу музея, не вправе менять первоначальное условие»[417]. Узнав же потом от самих Герценов, как возник весь инцидент, Гершензон не мог скрыть от Лемке свое возмущение: «Каков Цветаев! Он рассказал мне эту историю, совершенно утаив свою роль в ней, а представил все дело так, что Н〈аталья〉 А〈лександровна〉, увидев в июньской кн〈ижке〉 «В〈естника〉 Е〈вропы〉» письма, сама вздумала написать ему, и написала именно о 50-ти годах. А что он первый написал им об интимности писем 〈. . .〉, об этом ни слова»[418].

История эта имела продолжение на этапе следующего и наиболее крупного начинания публикации наследия Герцена — издания М. К. Лемке, и об этом будет сказано в своем месте. Здесь же необходимо сказать только, что все уверения Цветаевым наследников, что часть писем запечатана, не соответствовали действительности. Показались ли ему убедительными доводы Гершензона, или иная была причина, но в 1907 г. ничто запечатано не было. Герцены еще долго не подозревали об этом, но весь инцидент серьезно поколебал их доверие к музею. Более ни один подлинный документ от них в музей не поступил. Все их отношения с Россией сосредоточиваются с этого времени на подготовке порученного ими Лемке собрания сочинений Герцена. Но прежде чем перейти к этому важному в истории наследия Герцена этапу, остановимся на последующей деятельности Гершензона, относящейся к истории архива Герцена и Огарева.

За все годы, в течение которых он занимался разысканием рукописей и писем Герцена и Огарева, лишь дважды ему довелось столкнуться с решительным отказом владельцев предоставить материалы для печати или передать их в какое-либо из русских хранилищ. Во-первых, ему, как и ранее Некрасовой, не удалось получить доступ к документам, хранившимся у А. В. Станкевича. Некрасовой Станкевич в свое время ответил так: «Что касается писем и портретов, о которых Вы пишете мне, то пока я еще не могу передать их в музей, руководствуясь желанием лиц, поручивших их мне»[419] («лица» эти были члены семьи Корш, и, очевидно, доверяя документы Станкевичу, они указали срок их ограничения от использования). Гершензон попытался проникнуть к материалам через женатого на приемной дочери Станкевича В. И. Герье, но тоже получил отказ[420]. Мотивировка, правда, была на этот раз иной: Станкевич был недоволен отзывом Гершензона о Грановском в его работе «История одной дружбы»[421]. Станкевич и впредь не только никого не допустил к хранившимся у него документам до самой своей смерти (1912), но, видимо, оставил подобные распоряжения своим наследникам. Во всяком случае, материалы не были предоставлены даже Лемке — и находившиеся среди них шестьдесят два письма Герцена он печатал не по подлинникам, а по копиям, снятым в свое время П. В. Анненковым и сохранившимся в архиве А. Н. Пыпина[422]. Подлинники поступили в «Комнату людей 40-х годов» только в 1920-е гг. от Е. В. Герье.

Неудача ожидала Гершензона и в попытке ознакомиться с материалами Герцена и Огарева в архиве Пыпина, находившемся к этому времени в руках его зятя Е. А. Ляцкого[423].

В последние предреволюционные годы Гершензон, казалось, совсем отошел от занятий Герценом и Огаревым. Он охотно и активно помогал Лемке, но этим дело и ограничивалось. Однако обстоятельства заставили его снова надолго обратиться к этой теме.

Осенью 1913 г. скончалась Н. А. Тучкова-Огарева. Написав в связи с этим Н. Н. Сатиной, Гершензон вскоре получил ответ, касавшийся бумаг покойной. Н. Н. Сатина писала ему: «Что же касается ее писем и бумаг, их действительно очень много, но не знаю, удастся ли мне их разобрать, во всяком случае, если и удастся, то не скоро 〈. . .〉. Самое хорошее, что Вы бы могли сделать, это приехать на два или три дня сюда на Шалму, и тогда Вы бы сами разобрались и с корзинкой, и с остальными бумагами»[424].

Надо сказать, что этому письму Сатиной к Гершензону предшествовала некоторая ее переписка с Н. А. Герцен. Наталья Александровна, возможно, опираясь на какие-то слова Тучковой-Огаревой, которые могли быть сказаны во время их последнего свидания в 1912 г. в Берне у М. К. Рейхель[425], была уверена, что та завещает ей хранящиеся у нее письма Герцена. По крайней мере, она уверенно писала об этом Лемке[426]. Узнав в начале 1914 г. о кончине Натальи Алексеевны, она его же просила «раздобыть хоть часть оставшихся бумаг, относящихся к моему отцу»[427]. Тогда же она написала Н. Н. Сатиной — но ответ последней ее не обнадежил. «Об эпистолярном наследстве пока ничего не говорит,— писала Н. А. Герцен Лемке 24 февраля

1914 г.,— только обещает рассмотреть письма и сообщить»[428]. Гершензону, как видим, Сатина ответила иначе.

В феврале 1914 г. Гершензон сообщал брату: «...уезжал на два дня в Пензенскую губернию. Дело в том, что недавно умерла старушка Огарева. Я списался с ее племянницей насчет оставшихся бумаг, и когда выяснилось, что там некому их разобрать, я решил съездить. ⟨. . .⟩ Привез целый ящик бумаг и много вещей: последнюю шляпу Герцена, шляпу Огарева, много портретов и проч. Эти вещи сдал в Румянц⟨евский⟩ музей, письма Герцена — Лемке для его издания Герцена»[429]. Одновременно он извещал Лемке, что, с согласия Н. Н. Сатиной, посылает ему «гору писем Герцена», которые, сняв копии, тот должен был вернуть для передачи в музей[430]. Все, переданное в 1914 г. Гершензоном в Румянцевский музей как дар Н. Н. Сатиной, подробно перечислено в «Отчете» музея. Помимо названных вещей и других реликвий (конверт с волосами А. А. Тучкова, медальон Н. А. Тучковой-Огаревой, вышивки, портфель и сумка Лизы), фотографий, литографированных и гравированных портретов Тучковых, Огаревых, Герценов, родственников и знакомых, даггерротипа Натальи Алексеевны с Лизой на руках, в музей поступили девять писем Герцена к Наталье Александровне, письма его к Наталье Алексеевне и Лизе, письма Огарева к первой жене, его рукописи и тетради, учебные тетради Лизы, некролог Герцену рукою Н. М. Сатина[431]. Но значительный комплекс материалов остался у Гершензона, намеревавшегося тут же приступить к его публикации. В числе их он оставил у себя большую группу документов из архива самой Н. А. Тучковой-Огаревой — и периода ее жизни в эмиграции после смерти Герцена, и трех с половиной десятилетий после возвращения на родину. Нет, однако, сомнения, что этот архив был им отобран не полностью — в нем нет, например, писем Некрасовой, которые должны были представлять значительный интерес, нет ее переписки с приемной дочерью и многого другого. Не полностью сохранились ее мемуарные рукописи — нет, в частности, полного текста ее «Воспоминаний»[432].

Получив от Гершензона оттиск его некролога Н. А. Тучковой-Огаревой, напечатанного в «Русской мысли»[433], Н. А. Герцен писала ему: «С большим интересом прочитала эту статью. Я очень рада, что Вы защищаете Н⟨аталью⟩ А⟨лексеевну⟩ и реабилитируете ее. Я тоже всегда ее защищала, но все же нахожу, что Ваша характеристика слишком смягчена розовыми тонами. Н. А. обладала невыносимо тяжелым характером, от которого все ее близкие с детства ее, и мы все очень страдали». Спросив затем, каким образом в руках Гершензона оказались бумаги покойной («Она Вам их сама дала или Вы их получили уже после ее смерти?»), Н. А. Герцен не проявила никакого интереса ни к их составу, ни к их дальнейшей судьбе, примирившись, по-видимому, с тем, что к ней они не попадут[434].

Значительная часть хранившихся с этого времени у Гершензона материалов была напечатана им в сборниках «Русские Пропилеи» (т. 1—4), «Новые Пропилеи», «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых». Если в первых двух томах «Русских Пропилеев» использовались и материалы, хранившиеся в Румянцевском музее, и копии, ранее полученные из Швейцарии, в третьем томе совсем не было документов Герцена и Огарева, то 4-й том и, в особенности, книга «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», законченная Гершензоном в 1924 г.[435], но вышедшая в свет только в 1930 г., после его смерти, целиком построены на документах, полученных после смерти Тучковой-Огаревой.

Все оставшиеся у него бумаги много лет спустя поступили на государственное хранение от вдовы Гершензона Марии Борисовны. В феврале 1933 г., в самом начале деятельности Литературного музея, она, через М. А. Цявловского, предложила их В. Д. Бонч-Бруевичу. В ответ на его восторженный отклик, она сообщала: «Архив содержит в себе свыше трех тысяч документов (3400). Его можно подразделить следующим образом:

I. Бумаги Огарева, составляющие большую часть архива, в них включены архивы Сатиных и Тучковых ⟨. . .⟩

II. Архив Римских-Корсаковых.

III. Архив Печерина.

IV. Бумаги Чаадаева.

V. Два дневника Киреевских (Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩ и Мар⟨ии⟩ Вас⟨ильевны⟩).

Я очень хочу, чтобы все эти материалы не лежали без употребления, а были разобраны и представлены в пользование людей, изучающих старину,— надеюсь, что Центральный Литературный музей, как учреждение новое, наиболее соответствует такой цели»[436]. Находившиеся у нее бумаги Герцена М. Б. Гершензон считала входящими в первый из перечисленных ею разделов. Весь этот огромный массив документов был приобретен Литературным музеем, и то, что в нем

КОМНАТА 1840-х ГОДОВ В РУМЯНЦЕВСКОМ МУЗЕЕ
Фотография К. Фишера, 1906
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

относилось к Герцену и Огареву, было вскоре подробнейшим образом описано в печати, с тех пор войдя в науку [437]. Вместе со всеми рукописными материалами Литературного музея они в 1941 г. были переданы в состав фондов ЦГАЛИ СССР. Здесь документы, поступившие от М. Б. Гершензон, составили основу ряда отдельных фондов [438].

По тем или иным причинам, отдавая материал в Литературный музей, М. Б. Гершензон кое-что оставила у себя — может быть, просто не нашла своевременно. Позднее она передавала это уже в другие хранилища. Так, в 1939 г. от нее поступили в Отдел рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина (бывшее рукописное отделение Румянцевского музея, куда к этому времени влились и фонды закрывшейся «Комнаты людей 40-х годов») некоторые автографы Герцена (статьи «Москва — мать и мачеха», «À nos frères polonais», брошюра «Речь при открытии публичной библиотеки в Вятке» с дарственной надписью матери), письмо Бакунина Герцену, Правила Акционерного общества вольной русской типографии [439], а также автографы Гарибальди и Чернышевского.

Несомненно из ее же собрания происходит тетрадь с дневниковыми записями Герцена 1856 и 1860-х годов, содержащая также сделанные Герценом (а отчасти Тучковой-Огаревой) копии: дневника Натальи Александровны (под заглавием «Inside. Глава первая. Из журнала женщины»), ее писем к Огареву, двух собственных писем к Н. А. Тучковой-Огаревой и письма к дочери Тате от 5—10 декабря 1862 г. (теперь эта тетрадь хранится в Пушкинском доме [440]).

Нельзя сомневаться в том, что тетрадь находилась у Н. А. Тучковой-Огаревой до конца ее жизни и была привезена Гершензоном из последней его поездки к Сатиной. Об этом свидетельствует ряд обстоятельств. На самой тетради (л. 38 об.) имеется поздняя помета Н. А. Тучковой-Огаревой: «Страницы, исполненные любви, особенно к Леле и Лизоч⟨ке⟩, вырваны Алекс⟨андром⟩ Алекс⟨андровичем⟩ в то время, когда я жила у него на даче в страшные дни после внезапной кончины Л⟨изы⟩. Он почти не писал в хорошие минуты, а в мрачные», дословно совпадающая с текстом в ее письме 1894 г. к Е. С. Некрасовой [441]. Скорее всего, помета была сделана одновременно с письмом. Лемке, получивший в Лозанне копии почти всех дневниковых записей Герцена, обнаружившихся потом и в этой тетради (среди этих копий не было лишь текста короткой записи от 29 ноября 1868 г., впервые напечатанной только в «Литературном наследстве» [442]),

знал, вероятно со слов Н. А. Герцен, что тетрадь с дневниковыми записями Герцена принадлежала после его смерти Наталье Алексеевне. Печатая записи в собрании сочинений, вот как он их комментировал: «Сверено с подлинником, хранящимся в АСГ. Эта вырванная страничка, как и другие (дальше) указывает на возвращение Герцена время от времени к записыванию своих мыслей и переживаний; куда делись самые дневники, неизвестно; хранились они после его смерти у Н. А. Огаревой» (Л X, 492). Из самого контекста ясно, что это примечание было составлено раньше, чем Лемке узнал, что тетрадь нашлась.

19 февраля 1914 г. Гершензон, с самого начала работы Лемке над собранием сочинений Герцена не печатавший ничего из его рукописей и писем, писал Лемке: «Среди бесчисленных бумаг, которые я передам Вам, есть несколько листков записей Герцена 1860-х годов, на манер лаконического дневника — коротенькие записи. В них много горечи и скорби. Прошу у Вас разрешения напечатать их до Вашего издания» [443]. С такой же просьбой он обратился к Н. А. Герцен. Она отвечала ему 17 мая 1914 г.: «Я в принципе согласна на их печатание, но все-таки хотела бы видеть и прочитать их еще до набора, чтобы иметь представление, о каких листках идет речь». Лемке же она писала: «Гершензон, по-видимому, Вам сообщил, что он получил бумаги Огаревой и среди них кое-какие листки, писанные папашей. Как же Вы нам не сказали об этом? Гершензон желает напечатать эти листки и говорит, что Вы согласны; он спрашивает у нас разрешения» [444]. Начавшаяся вскоре война прервала переговоры по этому поводу и помешала отправке текста в Лозанну; кончилось тем, что Гершензон не напечатал записи Герцена. Несомненно, однако, что хотя он все время упоминал о «листках», в его руках была именно эта тетрадь — и вот почему: печатая в I томе «Русских Пропилеев» дневник и письма Натальи Александровны Герцен, он указывал в предисловии: «Как дневник, так и письма печатаются с подлинников, исключая второго и третьего писем к Огареву и последнего письма к Н. А. Тучковой, которые печатаются с копий, писанных рукою А. И. Герцена» [445]. Последнее письмо Н. А. Герцен к Н. А. Тучковой от 2 марта 1852 г. было после смерти жены собственноручно переписано Герценом и именно эта копия отослана адресатке в Россию. Понятно, что она хранила ее до конца жизни. Что же касается до упомянутых писем к Огареву, то дело обстоит сложнее. «Второе» (от января 1847 г.) сохранилось не только в копии в тетради, но и в автографе, который, возможно, не сразу был обнаружен Гершензоном при разборе бумаг (оно на маленьком клочке и имеет помету даты рукой Гершензона [446]). Но «третье» письмо (от 3 августа 1847 г.) вообще в подлиннике неизвестно, и текст его Гершензон мог извлечь только из этой самой тетради, куда оно, как и предыдущее, было переписано Герценом.

Не совсем ясно, почему Лемке не воспользовался все же впоследствии автографами Герцена в тетради, а печатал дневниковые записи по полученным в Лозанне копиям, не исправив даже комментария. Скорее всего Гершензон оставил тетрадь у себя, надеясь на публикацию, а за время войны Лемке попросту об этом забыл. Остается, однако, открытым более существенный вопрос: что же за тексты тех же дневниковых записей оставались в семейном архиве и копировались для него в Лозанне — были ли это подлинные автографические записи Герцена, вырванные из этой же или другой, предшествующей тетради, а потом переписанные Герценом вместе с дневником и письмами жены в интересующую нас тетрадь, или же Лемке, как это бывало и в других случаях, назвал «подлинниками, хранящимися в АСГ», имевшиеся в семейном архиве копии (местонахождение которых теперь неизвестно). Вероятнее все же первое предположение. Трудно поверить, что копии можно описать в комментарии как «вырванные листки». Кроме того, в тетради Пушкинского дома есть записи Герцена на вклеенных листках, вырезанных из другой тетради. Более того: есть случай, когда начало записи (от 27 апреля 1862 г.) рукою Герцена находится на вклеенном листке, а затем в тетради им приписан остальной текст. Если это предположение верно, то переписывание Герценом и объединение в одной тетради своих глубоко интимных записей с дневником и письмами жены под заголовком «Inside» указывает, может быть, на некий замысел, связанный с работой над рассказом о семейной драме [447].

Путь интересующей нас тетради от собрания М. Б. Гершензон до Пушкинского дома прослеживается лишь частично. Сюда ее передали в 1951 г. из ИМЛИ в составе небольшой группы автографов Герцена, собранных в рукописном отделе института в 1930-е годы из разных источников. Данная тетрадь поступила в ИМЛИ из Союза советских писателей [448]. Сама ли М. Б. Гершензон передала ее в Союз писателей или были промежуточные звенья, выяснить не удалось. После смерти М. Б. Гершензон никаких автографов Герцена или Огарева в архиве ее семьи не осталось.

V

После 1906 г. из зарубежного архива Герцена и Огарева ничто до революции не поступало более в русские хранилища. Огромный труд Лемке по выявлению наследия Герцена для собрания его сочинений подобных последствий, как известно, не имел. Семья Герценов предоставляла ему не подлинники, а копии, лишь в единичных случаях — экземпляры заграничных печатных изданий Герцена, иногда с дарственными надписями — но с непременным условием возврата. О передаче их в какое-либо русское хранилище и речи не было. Так, посылая ему в апреле 1913 г. лондонское издание «Былого и дум», Н. А. Герцен напоминала: «Экземпляр «Былого и Дум» нам особенно дорог, так как он был нам подарен отцом, который сам заказал переплет и сделал надпись. Я не сомневаюсь, что вы позаботитесь об его сохранности, но все же прошу при обратной отправке обратить внимание на упаковку» [449]. Аналогичные просьбы были и в других случаях: «Книги, по минова'нии надобности, пришлите мне обратно. Я очень дорожу экземпляром «Полярной звезды», подаренным мне папашей» [450]. Даже находя в России документы Герцена, Лемке не только не передавал их в музеи или библиотеки, но считал себя обязанным добиваться передачи их Герценам. Он писал Н. А. Герцен 20 ноября 1913 г.: «Пошлите, пожалуйста, благодарность ⟨. . .⟩ Василию Ивановичу Яковлеву (СПб., Невский 69) за подаренные им мне для Вас дипломы Герцена» [451].

Воспользоваться подлинниками Лемке смог только во время единственной своей поездки в Швейцарию осенью 1912 г. «Ездил с 8 октября по 28 октября,— записал он в своем дневнике за 1912 г.— Прожил в Лозанне 16 дней и работал там по 12 часов в сутки, чем всех удивлял. Набрал горы и очень доволен» [452]. Но ни один подлинник из этих «гор» он в Россию не привез. Копии для него снимались разными переписчиками, далеко не всегда разбиравшими почерк Герцена (прав был Гершензон, в начале работы Лемке предостерегавший его: «Писем масса, почерк Герцена — один из труднейших, какие я знаю» [453]). Значительную часть текстов скопировал близкий к семье Герценов Я. А. Зильберштейн, «смирновец», под этим прозвищем постоянно упоминавшийся в переписке Лемке с Лозанной [454],— его аккуратности Лемке доверял как будто более других. Он, в частности, скопировал все письма Герцена из Рапперсвильского архива, доставленные, по просьбе Ник. А. Герцена, хранителем архива в Лозанну [455]. Но и в его копиях, при сличении двух списков одного документа, Лемке с ужасом обнаруживал многочисленные разночтения. 16 января 1914 г. он писал Наталье Александровне: «Пришел сейчас в такой страх, что спешу Вам его поведать. Прилагаемая копия у меня в двух экз., оба писаны «смирновцем» и разница между ними громадная: до 20 ошибок, если сравнивать их между собой ⟨. . .⟩. Меня страшит другое: те копии, которые снимались без моей проверки, может быть, также не исправны? [456]». Но мало этого — в иных случаях Лемке получал копии не с подлинников, а с копий. Так было, в частности, с письмами Герцена к дочери Ольге и к Мальвиде Мейзенбуг. Ольга Александровна прислала сестре в 1913 г. копии некоторых писем отца к себе, сделанные сестрой Г. Моно (преобладающая часть писем вообще не была скопирована и оставалась неизвестной до нашего времени, увидев свет только в 1970 г. [457]). Но Н. А. Герцен послала Лемке не эти копии, а новые, снятые Я. А. Зильберштейном [458]. К проявившейся в этом двухэтапной семейной цензуре добавились, несомненно, ошибки двух копиистов.

Все изложенные обстоятельства снимают вопрос о важности материалов, не дошедших к Лемке от Герценов вследствие нарушения почтовых связей в начале первой мировой войны. Судя по тому, что Лемке не ответил на неоднократные вопросы по этому поводу Натальи Александровны (хотя и упомянул об этой пропаже в предисловии к своему изданию), нельзя предполагать потерю многих посылок [459], а в них — подлинников.

Таковы были условия работы Лемке над материалами, остававшимися за рубежом. Обширнейшие, без сомнения, подготовительные материалы к изданию Лемке практически отсутствуют в его архиве, хранящемся в Пушкинском доме (есть там только библиография Герценовской иконографии [460]). Не упоминает о них и М. Г. Вандалковская, видевшая бумаги, до сих пор остающиеся у дочерей Лемке [461]. Можно думать поэтому, что они не сохранились,— а именно они могли бы устранить многие недоумения, возникшие после издания Лемке, главным образом вследствие крайне неудачно избранного Лемке и нанесшего огромный вред последующей ориентировке в материалах архива Герцена условного указания на хранение их в семье (*АСГ*).

История издания Лемке и его архивных поисков достаточно освещена в науке [462], и это избавляет нас от необходимости подробно на ней останавливаться. Следует сказать, однако, что как источник для истории архива Герцена и Огарева издание Лемке все еще осмыслено не полностью. Анализ сведений, рассыпанных в обширных комментариях Лемке, в сопоставлении с

данными о наличии рукописей в советских и зарубежных хранилищах, не может, к сожалению, быть сделан и в настоящей работе: это предмет особого исследования. Поэтому мы ограничимся здесь лишь несколькими вопросами, либо прямо связанными с историей архива, либо нуждающимися в уточнениях.

Первый из них — вопрос об инициативе издания и о препятствиях, надолго задержавших его реализацию. В литературе история эта излагается примерно так: инициаторами явились наследники Герцена, от имени которых Николай Герцен обратился к Лемке с предложением предпринять новое издание сочинений деда и взять на себя редакцию; препятствия возникли вследствие тяжбы с душеприказчиками Павленкова, считавшими, что «им принадлежит монополия на издания Герцена» [463] (из самой формулировки вытекает мысль о неправомерности претензий фирмы). Все это, однако, требует корректив.

Рассказывая о начале сношений Лемке по этому поводу с семьей Герценов, М. Г. Вандалковская пишет: «Сын Герцена — Александр Александрович — был солидарен с Лемке в оценке семитомного, далеко не полного и искаженного издания фирмы Павленкова», доказывая это цитатой из письма А. А. Герцена к Лемке от 12 октября 1905 г.: «Первая, главная цель наша была проломить цензурный лед во что бы то ни стало» [464]. Только эти слова цитирует из данного письма и В. И. Кулешов [465]. В действительности оценка А. А. Герценом павленковского издания вовсе не совпадала с мнением Лемке — и это ясно из того же самого письма. Вот что он писал: «К изданию Павленкова Вы относитесь, мне кажется, слишком строго. Первая главная цель наша была *проломить цензурный лед* во что бы то ни стало, рассчитывая на то, что потом дыра станет мало помалу расширяться. Я первоначально желал издать лишь «Былое и Думы» и не смел надеяться, что позволят больше; так что я и этим изданием крайне доволен. Что в нем много недостатков — несомненно; будем надеяться, что следующие будут и лучше и полнее» [466]. Зная трудную цензурную историю павленковского издания, нельзя не признать, что мнение А. А. Герцена объективно было более справедливым — тем более, что Лемке, гневно обрушиваясь на своих предшественников, совершенно не учитывая иные общественно-политические и цензурные условия, в которых они работали, сам вынужден был не раз отклоняться от своего стремления издать «полного» Герцена, отступая и перед цензурой и перед требованиями семьи Герцена. Неоднократно вступая в споры с Н. А. Герцен по поводу изъятия из издания тех или иных текстов, он, тем не менее, и сам в иных случаях предлагал такой отбор. 12 мая 1913 г. он писал ей о переписке Герцена и Огарева: «Я думаю, что надо отложить все те письма, в которых сказано больше, чем напечатано в «Вестнике Европы», и если это большее таково, что проливает свет на отношения к Огаревой и пр.» [467]. Узнав о письмах, найденных Натальей Александровной на чердаке, он просил не только скорее прислать их копии (дело происходило в ноябре 1914 г., когда тома уже печатались), но и отметить места, не подлежащие публикации [468].

В историю возникновения замысла издания и взаимоотношений Лемке с семьей Герцена вносит ясность переписка Лемке и Гершензона. Начав в 1905 г. работать над книгой о Герцене и опираясь при этом почти исключительно на печатные источники, Лемке настолько слабо еще ориентировался в источниках архивных, что задавал Гершензону самые элементарные вопросы о их составе [469]. Несмотря на уверения Гершензона, что у А. А. Герцена более ничего не удастся получить, он все-таки к нему обратился. 5 октября 1905 г. он сообщал Гершензону: «К Герцену решил все-таки написать: а может быть, думал я, он что-нибудь еще разыскал, да и требования наши к материалу различны. Вот его ответ». Посланный при этом письме ответ А. А. Герцена уже приводился в печати: «Вы совершенно ошибаетесь, предполагая, что у меня находится еще богатый материал, относящийся к жизни или к деятельности моего отца: *кроме неизданной тетради «Былого и Дум»* (которую мы порешили не выпускать, во всяком случае, прежде 1920 г.), *у меня нет ничего*, и все, что находилось у меня, находится теперь в Москве в Румянцевском музее» [470].

Нас, представляющих себе реальный объем материалов, «относящихся к жизни или к деятельности» Герцена и в 1905 г. хранившихся у его сына, письмо это сперва поражает. Но если вдуматься — это пример того взаимного непонимания, которое осложняло выявление материалов, находившихся в семье. Отрицая наличие у себя материалов, А. А. Герцен вовсе не старался ввести Лемке в заблуждение. Просто он понимал его обращение как запрос о *неизданных автографах* Герцена — и в этом смысле отвечал правдиво. Не понимая, например, значения различных редакций писем «К старому товарищу», считая их изданными (ведь он сам их публиковал в «Сборнике посмертных статей»), он и вообразить не мог, что для верного ответа на вопросы Лемке должен был бы упомянуть о них. Подобный характер ответов членов семьи Герцена встре-

чается и в ряде других случаев — приведем, например, письмо Н. А. Герцен к Л. Э. Бухгейму от 13 декабря 1913 г. Благодаря его за финансовую поддержку издания Лемке, она писала: «Я помнила, что Вы обратились ко мне с просьбой дать Вам для печати материал из литературного наследства моего отца. Я тогда отказала Вам и сказала, что таких материалов у меня нет. И это была правда, так как у меня были только письма моего отца, о печатании которых тогда и думать было нельзя» [471]. В переписке Лемке с А. А. Герценом вопрос о новом собрании сочинений вообще еще не поднимался, Лемке занимался тогда лишь отдельными публикациями по Герцену [472]. В апреле 1907 г. Лемке впервые упомянул в письме к Гершензону о мысли издать собрание сочинений Герцена: «Знаете, я подумываю, не заняться ли нам здесь с осени редактированием нового собрания сочинений Герцена!... Ведь Вы знакомы с Яковенком, а он теперь достаточно знаком с отношением публики к его изданиям... Надо бы это сделать». «Герцен в кабале у Павленкова,— отвечал Гершензон,— мне кажется, что переиздать его вправе только Яковенко, или у него надо купить это право — а куда он денет свое горе-издание?» [473] Но Лемке не сдавался: он предложил добиться, чтобы Маркс купил у Яковенко право издания Герцена в приложениях к «Ниве», «а наследников настроить не только в пользу такой комбинации, но и на требование с их стороны, чтобы редакция принадлежала таким-то лицам» [474]. В этом смысле он и изложил свою идею Николаю Герцену. Тот сперва отклонил это предложение, объяснив, что его отец продал Павленкову право публикации трудов Герцена «на шесть лет с момента выхода в свет первого издания» и, следовательно, до 1911 г. он, Н. А. Герцен, обязан возражать против публикации в России всех тех произведений деда, какие уже изданы фирмой Павленкова [475]. Лемке написал Н. А. Герцену еще одно письмо, где продолжал убеждать его в возможности перепродажи этого права Марксу. Ответ Николая Герцена на это письмо до сих пор неправомерно считался его инициативой и исходной точкой всего дела. Вот как излагал Лемке Гершензону свое письмо, на которое он и получил этот ответ: «... я прибавил, что считаю нужным сказать лишь, что как бы они ни продали право издания, они обязаны предъявить издателям требование вести издание под редакцией лица, вполне для этого подходящего. Иначе издание будет недостойно памяти Герцена. Прилагаемое письмо является ответом на это. Видит бог, что я ни одним словом не намекал на себя, и потому совершенно свободен перед Герценами» [476].

Переписка Лемке с Герценами отражает всю последовательность их споров с душеприказчиками Павленкова о сроках прав фирмы на издание. Она не оставляет сомнения в законности этих прав. Включившись в это дело и выясняя историю вопроса, Лемке понял, что оспорить эти права в принципе не удастся. Однако он установил, что фирма напечатала двойной, по сравнению с соглашением, тираж и начал «настраивать Герцена поднять скандал» [477]. Но Яковенко предъявил копию письма А. А. Герцена от 6 ноября 1897 г., доказав, что фирме было продано право издания «не на известное число экземпляров, а на известное число лет», а именно — на 10 лет (а не 6, как думал ранее Н. А. Герцен) с момента выхода в свет первого тома. Таким образом, фирма была вправе не допускать других изданий до 22 июля 1915 г.[478] Попытка судебного иска наследников А. А. Герцена к фирме успеха не имела (дело слушалось в ноябре 1910 г., иск наследников защищал Новиков, фирмы Павленкова — один из известнейших адвокатов того времени Грузенберг), и Лемке вынужден был, как известно, начать работать впрок, ожидая истечения указанного срока.

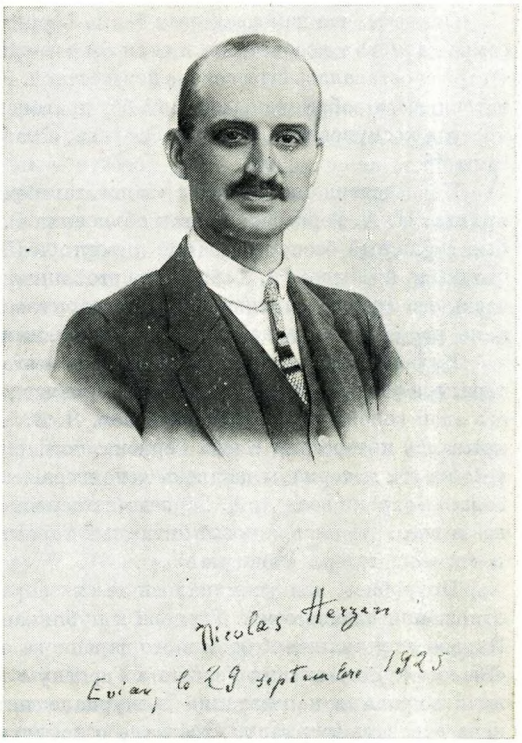
Собирая понемногу в течение нескольких последующих лет материалы, он реально приступил к работе над собранием сочинений только в начале 1912 г. «Недавно Н. А. Герцен напомнил мне,— писал он Гершензону 29 марта 1912 г.,— о моем согласии редактировать полное собрание сочинений Герцена и просил не отказаться от редактирования отдельно «Былого и Дум», которые он думает издать теперь же, в силу перемирия, заключенного с душеприказчиками Павленкова, сохранившими, однако, за собой право на сочинения до 22 июля 1915 г.» Речь шла об издании «Былого и дум», задуманном «Кружком имени Герцена». Убедив Николая Герцена не соглашаться на это отдельное издание, Лемке здесь же сообщил ему, что немедленно приступает к работе над собранием сочинений. Скажем, кстати, что идея соредакторства с Гершензоном, обсуждавшаяся в 1907 г., к этому времени давно отпала — и вовсе не потому, как объясняет М. Г. Вандалковская, что Лемке не одобрял его «веховские» настроения и связанную с ним оценку русского революционного движения. Перепиской Лемке это вовсе не подтверждается. Следует подчеркнуть прежде всего, что в 1912 г. Лемке был еще далек от своих будущих идейных позиций и никаких серьезных разногласий с Гершензоном у него не было. Больше того — вскоре после выхода «Вех» Лемке выражал полное согласие с заключенными в них идеями. Он писал Гершензону 6 апреля 1909 г.: «Вехи» не только пользуются моей поддержкой и сочувстви-

ем, но и больше: если их сравнить с записями в моем дневнике за 1905—1909 годы, то можно было бы подумать, что он местами просто выписан кем-то у меня,— до того схожи даже самые слова и фразы, не только сущность отдельных мыслей. Наша интеллигенция должна была получить хотя бы такой первый урок, какой дали ей Вы и другие Ваши товарищи по сборнику. Мы слишком преступно самоуверены и слишком плохо понимаем самих себя». Не расходились они в это время и по другим вопросам. Лемке отрицательно относился к деятельности и направлению «Кружка имени А. И. Герцена» и весьма резко высказывался о тех из его членов, кто популяризировал «один бок Герцена, поскольку он отвечает кадетским надеждам» [479] (отметим, впрочем, что чисто кадетским было руководство кружка, весь же его состав был довольно пестрым: в него входили, например, такие люди вовсе не кадетской ориентации, как Герман Лопатин, В. Г. Короленко, Н. А. Морозов и др.[480]). И Гершензон и Лемке были единодушны в противодействии замыслам кружка: и изданию «Былого и дум», опережающему новое собрание сочинений Герцена, и созданию Герценовского музея в Петербурге (по этому последнему поводу Гершензон писал Лемке: «Герценовский музей в Пет⟨ербурге⟩ — нелепость; материалов найдется уже немного, и им место там, где находится все — т. е. в Комнате людей 40-х годов» [481]). Идея соредакторства отпала задолго до 1912 г. из-за различия взглядов на план издания, а, главным образом, в связи с изменением направления научных интересов Гершензона. И в самом начале он брался только за вступительную статью. Когда речь шла еще об издании в приложениях к «Ниве», рассчитанном на несколько лет, он писал Лемке: «Я бы с охотою написал введение — большое, стр. в 120, т. е. так: в первом году Вы даете биографию, во втором, или, если угодно, тоже в первом, я пишу введение из 4 глав: 1) философское мировоззрение Герцена, 2) русская политическая деятельность Герцена ⟨. . .⟩, 3) Герцен как посредник между Россией и З⟨ападной⟩ Европой, 4) Герцен — писатель» [482]. Но как только началась разработка плана, выяснились слишком большие разногласия, чтобы дальше могла идти речь о совместном редакторстве [483]. После 1907 г. вопрос об этом в переписке уже не поднимался. В 1919 г., благодаря Лемке за присланные ему тома собрания сочинений, Гершензон писал ему: «Кроме расположения материала, с которым я и теперь не согласен, все великолепно» [484].

Переписка проливает свет и на объем сведений о документах Герцена и о их местонахождении, которым располагал Лемке, приступая в 1912 г. практически к изданию. Сведения эти были еще крайне ограниченны — и быстрота, с которой Лемке за следующие два года овладел гигантской массой материала, приводит в изумление. Напомним, что в конце 1913 г. первые тома были сданы уже им в набор, а за полтора года до этого он еще не приступил к использованию московского, главного для его работы хранилища. Для представления о реальных условиях использования рукописей, хранившихся в «Комнате людей 40-х годов», приведем их характеристику из письма Гершензона к Лемке: «Когда Вы просите чего-нибудь из «Комнаты», начинается волокита. Помощник берет ключи и отправляется в поход, причем Вам не возбраняется сопутствовать ему; дойдя, он долго ищет в связке ключ, наконец отпирает тяжелую дверь ⟨. . .⟩. Затем опять история с ключами: все вещи в витринах, витрин много, все заперты; он пробует один ключ, другой, наконец отпирает, вынимает нужную Вам папку или папки, и тогда опять все запирается, и Вы идете наверх. Там он посадит Вас за отдельный стол недалеко от себя и даст Вам — без знакомства только одну бумажку, а при знакомстве — целую папку. Через час-два Вы кончили работу над этой папкой, Вам нужна другая, а помощника нет за его столом, Вы ждете, досадуете, проходит полчаса, Вы отправляетесь искать его, теряете бездну времени и, наконец, получаете опять одну папку ⟨. . .⟩ Прибавьте к этому, что помощник и вообще приходит в музей только в 12 час., а то и в первом, а закрывается музей в 3 часа» [485]. Подобные же сведения он сообщал о Щукинском музее: «О Герцене его не спрашивал, а если и спросить, он скажет: «нет»,— а это значит, прежде всего, что он не помнит, есть ли, а если скажет: «есть», то, значит, лежит где-нибудь близко, и он принесет, не зная что там, и надо сесть в самой неудобной обстановке смотреть, что есть. Это опять неправдоподобно, как насчет Рум⟨янцевского⟩ м⟨узея⟩, а между тем — чистая правда ⟨. . .⟩. Советую Вам сохранить эти письма: когда Вы или Ваш секретарь приедете в Москву искать Герцена, эти письма помогут Вам сохранить самообладание» [486].

Даже при более благоприятных условиях длительная работа в Москве была невозможна для Лемке в связи с его служебным положением. Поэтому он обратился к наследникам Герцена с просьбой о ходатайстве перед дирекцией Румянцевского музея о высылке ему рукописей в Петербург. 12 мая 1912 г. А. А. Шахматов как директор I отделения Библиотеки Академии наук обратился в музей с письмом, к которому было приложено ходатайство наследников о пересылке в Петербург «решительно всех писем и бумаг, не ограничиваясь лишь теми, которые подлежат

выдаче каждому постороннему, но включив сюда и те, которые такой обыкновенной выдаче не подлежат». В соответствии с этим письмом директор музея князь В. М. Голицын написал 17 мая министру народного просвещения о том, что не имеет препятствий к пересылке и просит «исходатайствовать на этот предмет высочайшее разрешение» [487]. Ответа пришлось ждать несколько месяцев; только 27 сентября музей получил, наконец, разрешение Министерства «на основании высочайшего повеления», и тут же выслал первую партию рукописей [488]. Дела музея сохранили печальную летопись мытарств, которые претерпел и после этого Лемке: между возвращением одной партии и высылкой следующей проходили иной раз месяцы; были и случаи отказов Лемке в связи с тем, что рукописи были заняты другими исследователями. Так, в начале 1913 г. ему отказали в высылке той самой переписки Герцена и Огарева, вокруг которой ранее возник конфликт. Н. А. Герцен вынужден был специально обратиться по этому поводу в музей — и тут-то вопрос о запечатанных письмах поднялся с новой силой.



Н. А. ГЕРЦЕН — ВНУК ГЕРЦЕНА
После смерти отца стал распорядителем архива Герцена
Фотография. Лозанна, 1925
Музей Герцена, Москва

В своем письме от 6 февраля/24 января 1913 г. Ник. А. Герцен просил «отдавать Лемке безусловное преимущество перед всеми лицами, занимающимися бумагами нашего отца и деда, так как он совершает свой усиленный труд исключительно по нашей усиленной просьбе», и также, чтобы «особо запечатанный пакет бумаг был предоставлен для занятий только г. Лемке и больше никому» [489]. Одновременно с запросом по этому поводу Лемке обратился к Георгиевскому. Ответы на оба письма были совершенно идентичными. «О запечатанном пакете пора бросить легенду,— писал Лемке 23 марта 1913 г. Георгиевский,— А. А. Герцен прислал в Музей все в открытом виде и предоставил решительно все в общее пользование. Никаких закрытых пакетов мною не получено; таковых я и сейчас не имею — разумеется, в отделе переписки Герцена» [490]. Голицын сообщал Н. А. Герцену: «...все письма Герцена и Огарева получены были в сентябре 1904 года в открытых пакетах, ни одного запечатанного пакета бумаг в Музеи не поступало, и потому все письма хранятся в открытых пакетах и с 1907 г. поступили во всеобщее пользование на общих основаниях по уставу Музея, согласно распоряжению покойного дарителя этих писем, Александра Александровича Герцена» [491].

Крайне взволнованная Н. А. Герцен немедленно выслала и в музей, и Лемке копии прежних писем Цветаева к себе, где он заверял ее, что часть писем запечатана, а также копию своего письма к нему, где говорилось: «Разумеется, эти письма должны быть доступны публике лишь через 50 лет. Я настойчиво прошу Вас проследить, чтобы это условие было соблюдено» [492]. В письме к Лемке она добавляла: «Само собою разумеется, что теперь мы никому ничего давать не будем» [493]. Директора музея она просила «принять меры для проведения в практику всего обещанного и не исполненного», а для этого снова выслать переписку Герцена и Огарева к Лемке для отбора писем, которые «в общее пользование могут поступить не ранее 50 лет со дня смерти Наталии Александровны Герцен» [494]. В. М. Голицын надписал на ее письме: «Ответить, что никогда и никем письма не были запечатаны, но что теперь, по отобрании Лемке, письма эти будут мною запечатаны и сделана соответствующая надпись». Лемке сперва начал буквально выполнять это поручение. 12 июня 1913 г. он писал Г. П. Георгиевскому: «Следуя просьбе Герценов, мне приходится очень многое назначить для запечатания, что не особенно приятно ради истории литературы, но безусловно необходимо для спокойствия его семьи» [495].

Отметим, что намечавшиеся Н. А. Герцен сроки недоступности писем с течением времени не сокращались, а возрастали, и если бы ее воля была точно выполнена, то часть писем Герцена и Огарева оставалась бы и сейчас неизвестной. Но Лемке в конце концов не смог решиться оставить готовящееся собрание сочинений без драгоценных для него писем Герцена к Огареву, и запрет доступа коснулся только писем Огарева, оставаясь в силе до 1940-х годов, когда они были напечатаны [496].

Последствия инцидента с «запечатанным пакетом» были пагубны для судьбы заграничного архива. Н. А. Герцен потом так объясняла Г. Н. Вырубову: «Одно время в Румянцевском музее был страшный беспорядок (при директоре Цветаеве), из-за чего мы прекратили посылать туда что бы то ни было» [497]. Если бы не этот инцидент, то остававшаяся еще у детей и внуков Герцена часть его архива, вполне вероятно, вернулась бы в Россию в ходе подготовки издания Лемке, а не рассеялась по нескольким зарубежным хранилищам.

Изложенная нами подробно история этого инцидента полностью опровергает бытующие в литературе утверждения о причинах ограничения доступа к упомянутой переписке, объясняющие его злой волей администрации музея. Я. З. Черняк писал об этом так: «Замечательно, что прикрываясь интересами семьи Герцена, тогдашняя администрация рукописного отдела наложила veto на эти материалы, вопреки ясно выраженной воле А. А. Герцена» [498]; ему вторила Н. С. Рогова: «Вопреки воле А. А. Герцена на переписку Герцена с Огаревым было наложено veto якобы из-за того, что письма носят интимный характер» [499]. Необоснованность всех этих «прикрываясь» и «якобы» теперь очевидна.

Подробнее, чем упоминалось до сих пор в литературе, следует остановиться и на вопросе об отношении членов семьи Герцена к публикации в издании Лемке «Рассказа о семейной драме». Первое упоминание об этом в его переписке с Ник. А. Герценом связано с намерением журнала «Былое» купить письма Гервега к Герцену с тем, «чтоб их никогда не публиковать», а за это получить право на напечатание в журнале пятой части «Былого и дум». Лемке убеждал Герцена отказать журналу, чтобы «не ослаблять интереса к будущему полному собранию сочинений» [500]. Н. А. Герцен отвечал ему довольно сдержанно: «Что касается неизданных сочинений, то 5-ую часть Былого и Дум мы пока не решаемся издавать. Но ни Вы, ни издатель не должны понимать этого решения как окончательный скрытый отказ, так как оно может измениться в зависимости от обстоятельств» [501]. С Гершензоном Н. А. Герцен был откровеннее. «Есть много причин,— писал он ему тогда же,— по которым мы не можем сейчас публиковать пятую часть Мемуаров моего деда: прежде всего, мой дядя Моно не хочет, чтобы его жена узнала что-либо об этой истории. Вы, несомненно, сами помните, что дедушка высказывал некоторые сомнения о своем отцовстве по отношению к моей тетке Ольге. Затем вы знаете, что Гервег предстает там в крайне неблагоприятном свете. Поэтому мы уверены, что его наследники не остановятся ни перед чем, чтобы защитить его память» [502].

Вопрос оставался открытым и к тому времени, когда Лемке вплотную приступил к подготовке томов собрания сочинений. В течение всех этих лет позиция Натальи Александровны Герцен, упорнее всех возражавшей против публикации «V тома», только еще окрепла. Об этом сохранилось несколько свидетельств. В августе 1910 г. ее посетил в Лозанне Е. А. Ляцкий и записал свою беседу с ней и ее племянницей Жермен Рист — настолько характерную, что ее нельзя не привести полностью.

«Наталья Александровна,— сказал я с таким видом, как будто я собирался просить у ней взаймы.— Я очень просил бы вас разрешить мне взглянуть... т. е. прочесть ненапечатанную часть «Былого и Дум». Наталья Александровна как-то съежилась, помолчала несколько секунд.

— Видите ли, я об этом должна была бы спросить у моих родных,— сказала она, вопросительно посмотрев на Жермен. Это очаровательное создание решило, по-видимому, прийти мне на помощь.

— Mais, ma tante,— сказала она, глядя на нее своим добрым и грустным взглядом,—если Mr не возьмет ничего оттуда для печати.

— Конечно, конечно,— продолжала Наталья Ал⟨ександров⟩на,— там много есть интимного, неправда ли? Вы ведь не для печати, неправда ли?

Я покорно, но довольно неопределенно наклонил голову.

— Конечно, это можно было бы устроить, но, к сожалению, я завтра должна буду уехать на дачу в Эвиан. На месяц. Вы можете через месяц побывать у меня? Я сказал, что, к великому моему огорчению, через месяц буду уже в России» [503].

Годом позже с вопросом о возможности публикации «V тома» к Н. А. Герцен обратился

Н. П. Анциферов. Ответ ее гласил: «Причины, мешавшие моему отцу печатать тот отрывок «Былого и Дум», о котором вы говорите, существуют еще теперь, и сам отец мой был бы против их издания в настоящее время» [504].

В 1912 г., накануне своей поездки в Лозанну, Лемке письменно запросил Николая Герцена, сможет ли он там хотя бы ознакомиться с неизданной частью «Былого и дум». «Конечно, с удовольствием дам Вам прочесть 5-ю часть «Былого и Дум»,— отвечал тот.— Скажу даже больше я надеюсь добиться от сонаследников согласия на опубликование этой неизданной части ко времени истечения срока прав Павленкова» [505]. На радостное сообщение Лемке об этом Гершензон отозвался скептически: «Насчет 5 тома „Былого и Дум", думаю, Вы ничего не сможете сделать, пока живы Нат⟨алья⟩ Александр⟨овна⟩ и Ольга Ал⟨ександровна⟩» [506]. Он, однако ошибался: в Лозанне Лемке удалось, наконец, убедить Герценов и увезти с собой копию текста. Занявшись затем сбором средств на издание путем обращения к ряду состоятельных представителей русской интеллигенции, он, с разрешения Н. А. Герцен, организовал чтение рукописи в доме В. А. Морозовой [507] (Н. А. Герцен все же оговаривала свое согласие условием, «чтобы это не носило публичного характера и чтоб об этих чтениях не разболтали газеты [508]»).

Но при всех оговорках решение было принято. 3 декабря 1913 г. Н. А. Герцен писала Бухгейму: «Теперь многое переменилось, и является возможность опубликовать почти всю переписку моего отца и многое другое — и, главное, V том «Былого и Дум». Это становится тем более необходимым, что в печати встречаются неточности и искажения, которые очень мешают правильному пониманию личности и деятельности моего отца» [509]. Несколько туманно выраженные здесь мотивы столь нелегко давшегося решения гораздо яснее объяснены в дневниках Н. П. Анциферова. В 1914 г. он встречался за границей с обеими дочерьми Герцена. Вот его записи об этом.

«В Версале я должен был повидать дочь Герцена — Ольгу Александровну, жену историка Габриэля Моно. Она любезно приняла нас. Перед нами была типичная француженка с черными с проседью волосами, тонкими, точеными чертами лица, шумная, суетливая, говорливая. Она приняла нас за учеников ее покойного мужа. Но я сказал ей, что мы скорее ученики ее отца и пришли к ней спросить, когда будет дано разрешение печатать неизданную часть «Oceano nox» из «Былого и дум». В глазах Ольги Александровны появился испуг: «О, с этим вопросом Вы обратитесь к моей сестре Natalie!» Она поспешно встала и на листе бумаги написала адрес Натальи Александровны» [510]. О последовавшем посещении Н. А. Герцен в Лозанне Н. П. Анциферов уже рассказывал в печати [511]. Но его неизданные дневниковые записи содержат детали, впервые позволяющие до конца понять ее сложное, эмоциональное отношение к «Рассказу о семейной драме».

«Я напомнил ей письмо, которое она писала мне в 1911 году о неизданной части „Былого и дум", где говорится об уходе ее матери. Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩ всплеснула руками: „Вот и Вы говорите об уходе. Неужели в России все так думают? Ведь никакого ухода не было. Моя мать сумела победить свою страсть". И Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩ достала „Былое и думы" и показала мне ее слова: „Я возвращаюсь как корабль в свою гавань, спасенная". „Ведь она же ездила в Турин встретиться с отцом из дому, из Ниццы, который она никогда не покидала. „Возвращаюсь" она писала в духовном смысле». Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩ сказала мне, что ее потрясло известие, что в России существует такая точка зрения на семейную драму ее родителей. Она решила опубликовать все до последней строчки, чтобы реабилитировать память матери. Говоря это, она сильно волновалась».

Много позже, прочтя книгу Карра «The Romantic Exiles» (London, 1933), Анциферов «узнал о связи жены Герцена с Гервегом, о ее страсти, не погашенной до конца ее дней, до конца утаенной». «Мне стало известно,— пишет он дальше,—что и Нат⟨алья⟩ Алекс⟨андровна⟩ получила книгу Карра и, узнав правду, закрыла ее. Не стала читать дальше: „Лучше б я умерла, не знав этой ужасной книги"» [512].

Последний вопрос, которого необходимо коснуться в связи с изданием Лемке, это вопрос о тех источниках, которые были ему предоставлены потомками Герцена и местонахождение которых в настоящее время неизвестно. Как известно, в комментариях Лемке везде отмечена сверка с подлинниками и указано их местонахождение. Простой перечень ссылок на архив семьи Герцена (АСГ) позволяет выявить те рукописи и письма из его состава, которые были предоставлены Лемке в то время. Это дополняется приводимыми Лемке аргументами в пользу авторства Герцена с ссылками на те или иные документы того же архива. Не имея возможности сопоставить здесь полную роспись этих материалов с теми документами из заграничного архива Герцена и Огарева, современное местонахождение которых известно, продемонстрируем хотя бы на одном

примере заложенные в таком сопоставлении возможности. Наиболее убедительным для этого примером являются, на наш взгляд, статьи Герцена, напечатанные в «Колоколе».

Рассмотрим, прежде всего, какие из них Лемке видел в подлинниках в семейном архиве в Лозанне (или получил копии с несомненно наличествовавших там в то время подлинников). Статьи эти следующие:

1. Сечь или не сечь мужика? («Колокол», л. 6; Л IX, 76—78; XIII, 105—107).
2. Приложение крепостного права к журналистике (л. 20; Л IX, 285—286; XIII, 463—465).
3. Rappel à la pudeur (л. 21; Л IX, 304; XIII, 322).
4. А. Дюма (л. 23—24; Л IX, 345; XIII, 349).
5. Усердный раб Бутенев и великий визирь (л. 29; Л IX, 425, под заглавием ‹Колокол в Турции›; XIII, 407).
6. Пол парке в гимназии и потолок в мозгу Фишера (л. 90; Л XI, 14; XV, 237).
7. Языков — директор правоведения (л. 93; Л XI, 41; XV, 225).
8. Цензурные зуавы (л. 93; Л XI, 42; XV, 42).
9. Лист шпионов и «нордовское» обвинение русских офицеров в кровожадности (л. 96; Л XI, 69—71; XV, 68—70).
10. Полицейская пропаганда и налог (л. 154; Л XVI, 20—21; XVII, 22—23).
11. О якобы офицерском письме в «Тэймс» (л. 154; Л XVI, 20; XVII, 21—22).
12. Приговор Трувеллера (л. 190; Л XVII, 346; XVIII, 267).
13. Второе предостережение и второй Годунов (л. 220; Л XVIII, 395—396; XIX, 76—77).
14. Спасибо Муравьеву (л. 220; Л XVIII, 402; XIX, 77).
15. Коли надобно, отчего и не посечь; нашего брата хорошо посечь (л. 224; Л XIX, 14—16; XIX, 115—116).
16. Не стоит (л. 220; Л XVIII, 447; XIX, 78).
17. Ссора между врагами, сепаратизм «Моск. ведомостей» (л. 227; Л XIX, 56—58; XIX, 133—135).

Редакционные заметки и объявления

18. Извещение (л. 140; Л XV, 368; XVI, 277).
19. Общий фонд (л. 189; Л XVII, 341; XVII, 486).
20. Объявление (л. 211; Л XVIII, 305; XIX, 319).

Статьи из французского «Kolokol» и «Supplement» к нему

21. Bonne nouvelle! (л. 12; Л XXI, 83; XX, 370—371)
22. Dévoilez-nous donc! Démasquez-nous donc! (л. 12; Л XXI, 84—85; XX, 374).
23. Pissareff (л. 12; Л XXI, 87—88; XX, 376).
24. Le prince Pierre Dolgoroukoff (л. 12; Л XXI, 88—89; XX, 378).
25. À nos ennemis (л. 14—15; Л XXI, 190—199; XX, 403—412)
26. Réponse à M. G. Wyrouboff (Suppl.: du Kl.; Л XXI, 287—293; XX, 507—510).

Только четыре из перечисленных подлинников (№ 22—25) обнаружились впоследствии в Пражской коллекции (соответственно: ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 109, 110, 113) и, значит, поступили туда после смерти Н. А. Герцен. Ни в одном из хранилищ, куда попали другие части архива Герцена, рукописи остальных статей и заметок не значатся. Возможно, их следует искать среди материалов, и по сей день находящихся у потомков Герцена и, может быть, ими самими не обнаруженных.

Как очевидно из комментария Лемке, он не смог воспользоваться для своего издания материалами Герцена, к началу его работы хранившимися у дочери Драгоманова Л. М. Шишмановой. Почему так случилось, трудно объяснить. Хотя Наталье и Николаю Герценам не было известно, по-видимому, не только, что конкретно осталось в Софии после смерти Драгоманова, но, возможно, и сам факт передачи Драгоманову крупного массива материалов Герцена (в их переписке, где отразились их поиски в разных странах документов для издания Лемке, о драгомановских бумагах нет ни слова), но сам-то Лемке, казалось бы, не мог не знать об этом: он лично встречался с зятем Драгоманова И. Д. Шишмановым. В его дневнике за 1913 г. за вклеенным туда печатным обращением наследников Герцена к общественности от 27 апреля/10 мая 1913 г.[513] следует запись: «Это письмо ‹. . .› имело успех: ко мне обращаются разные люди и письменно и по телефону, и кое-что дают полезное ‹. . .›. Был у меня проф. Ив. Дмитр. Шишманов, когда-то

болгарский министр народного просвещения, знающий ученый ⟨. . .⟩. Он женат на дочери М. П. Драгоманова. Энергичный, милый человек, уже немолодой» [514]. Ни смысл, ни результат состоявшейся беседы в записи не отражен, что крайне удивляет, если иметь в виду объем и важность для Лемке хранившихся у Шишмановых материалов. Воспроизводя тексты писем Герцена по публикациям Драгоманова, Лемке со свойственной ему резкостью везде отмечал ясные ему и без сверки с подлинниками дефекты этих изданий, и, казалось бы, должен был добиваться получения из Болгарии подлинников или хотя бы новых, более исправных копий. Но ни единого упоминания о находившихся в Софии материалах нет в его переписке с Герценами, как нет и переписки с Шишмановыми. Все рукописи статей для «Колокола» и французского «Kolokol», находившиеся у Шишмановых, остались ему неизвестными и в издании воспроизводились по печатным текстам. Это следующие статьи: 1. Наше правосудие (XIX, 221—223), 2. В. И. Кельсиев (XX, 80—81), 3. Prolegomena (XX, 22—50), 4. Réponse à l'appel du Centre republicain polonais aux Russes (XX, 83—88), 5. Etudes historiques sur les héros de 1825... (XX, 146—226), 6. Le Schedo-Ferroty panslaviste (XX, 383—386), 7. Les Russes au Congrès de Berne (XX, 380), 8. Nos grands morts commencent à revenir (XX, 318—319), 9. La femme et le prêtre admis au droit de l'homme (XX, 325—327), 10. Une victoire du comte Chérémeteff (XX, 352), 11. ⟨Un certain monsieur a été condamné⟩ (XX, 351). Все они были обнаружены потом в Пражской и Софийской коллекциях [515], как и еще три заметки, предназначенные для французского «Kolokol», но не напечатанные там и впервые опубликованные в 63-м томе «Литературного наследства». Отметим, что для обоснования авторства Герцена в отношении статей, обозначенных нами № 8—10, Лемке опирался на какую-то записку А. А. Герцена (Л XX, 401; XXI, 584). Для наших рассуждений имеет значение и тот факт, что текст заметки «Наше правосудие», помимо Пражской коллекции, сохранился также в автографе (отрывке), принадлежащем Международному институту социальной истории в Амстердаме [516], но и он не был известен Лемке, он напечатал заметку по тексту «Колокола» (Л XIX, 452). Между тем в то время все документы, впоследствии поступившие в Амстердам, находились еще в семье. Это лишний раз доказывает, что семья предоставила Лемке далеко не все, бывшее в ее распоряжении,— и не из каких-либо особых соображений, а просто потому, что не все было найдено в семейном архиве. Именно поэтому нельзя быть уверенным, что все, обнаруженное потом из этих статей в Пражской коллекции, было в то время у Шишмановых.

До сих пор не обнаружена ни одна из «записок», «пометок», «отметок» Огарева, Чернецкого, Тхоржевского и А. А. Герцена, на которых во многих случаях Лемке основывал свои атрибуции. Мы уже знаем, что экземпляр «Колокола» с разметкой статей, по словам Н. А. Герцен, в период работы Лемке находился у ее племянника Николая. О его дальнейшей судьбе будет сказано далее, но сам он до сих пор остается неизвестным. Отсутствие этого комплекта, как и утрата преобладающей части автографов статей Герцена для «Колокола», делают поиски всех использованных Лемке документальных данных делом первостепенной важности. Попытаемся, поэтому, обобщить все, что можно извлечь об этом из комментария Лемке (опуская, конечно, те невразумительные указания, которые не ведут к каким-либо конкретным документам — типа «по указанию сына» или «по указанию Огарева»).

Авторство шести статей Лемке подтверждал пометами Герцена на экземплярах «Колокола»: 1. Слух (Л XI, 466), 2. Петербургские письма (Л XI, 470). 3. Оскорбление бедности и подлая месть (Л XI, 470), 4. Земля и воля (Л XVI, 569), 5. Царское non possumus (Л XVIII, 437), 6. ⟨«Современник» и «Русское слово»⟩ (Л XIX, 448). Значительно чаще основанием атрибуций служили «записки» Огарева и его пометки на корректурах и экземплярах (по указаниям Лемке не всегда можно понять, идет ли речь об одной «записке» или — что скорее всего — о многих, возникавших всякий раз в связи с какими-то практическими нуждами). По «запискам» Огарева устанавливалось авторство 22 статей Герцена, по его пометам на корректурах — четырех, на экземплярах «Колокола» — десяти. Существовали также записки А. А. Герцена об авторстве статьи ⟨«Г-н Будберг»⟩ (Л XVI, 570) и двух статей из № 10 французского «Kolokol», его пометки на экземпляре № 14—15 последнего издания об авторстве пяти статей в нем. Но особенно велико число ссылок на «записки» и пометы Чернецкого: по «запискам» атрибутировано 20 статей Герцена, по пометам на корректурах—20, пометам на экземплярах—5. «Записками» Тхоржевского подтверждал Лемке авторство 21 статьи, встречаются также указания на «записку» Вырубова (статья «Николай как оратор») и совсем уже загадочную «записку наборщика» («Фрегат «Генерал-адмирал» и швабра» — Л XI, 463). Обилие подобных указаний убеждает в безусловном значении всех названных документов для истории герценовской публицистики в «Колоколе» и в необходимости предпринять дальнейшие их поиски.

VI

Прежде чем перейти к судьбе заграничной части архива Герцена и Огарева после издания Лемке, необходимо вернуться несколько назад и рассмотреть историю тех бумаг, которые с 1880-х годов хранились у Драгоманова и его потомков.

Вначале Драгоманов сразу по использовании рукописей возвращал их А. А. Герцену. Так произошло с письмами И. Аксакова, Кошелева, Ю. Самарина, Чичерина, напечатанными в «Вольном слове», письмами Кавелина и Тургенева, изданными отдельной книгой: все они потом были переданы А. А. Герценом в Румянцевский музей [517]. Возвратилась к нему и переписка Герцена и Огарева, напечатанная Драгомановым в «Русской мысли»,— как мы уже говорили, она поступила потом в «Комнату людей 40-х годов». О части документов, наоборот, можно со всей определенностью сказать, что она никогда не была возвращена в семейный архив. К ней принадлежат все письма Бакунина к Герцену и Огареву, над подготовкой которых к печати Драгоманов работал до последних дней жизни, и другие документы, вошедшие в это издание [518]. Лемке печатал их с книги без обращения к подлинникам. Кроме того, на поступление этих документов в 1932 г. от Л. М. Шишмановой прямо указал в своей записке о фондах Русского исторического архива в Праге, составленной 23 июля 1945 г., заместитель директора архива А. Изюмов [519]. Такой определенности нет в отношении ряда других документов— например, писем С. С. Громеки и Н. А. Мельгунова, напечатанных в «Вольном слове» и находящихся в составе Пражской коллекции. Они с равной вероятностью могли принадлежать и к драгомановской части архива и к материалам, переданным в Прагу после смерти Н. А. Герцен. Вероятнее все же второе: вряд ли Драгоманов вернул А. А. Герцену не все напечатанное в «Вольном слове».

Наши сведения о документах, переданных Л. М. Шишмановой в Прагу, этим ограничиваются. Но нет сомнения, что у Драгоманова до конца оставался весь тот комплекс рукописей и документов из архива Герцена и Огарева, который из семьи Шишмановых в 1943 г. поступил на хранение в Болгарскую Академию наук — так называемая Софийская коллекция Герцена и Огарева [520], в настоящее время хранящаяся в составе фонда Герцена и Огарева в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина [521]. Состав ее настолько разнообразен, что нелегко представить себе цель, с которой эти материалы были предоставлены А. А. Герценом Драгоманову: здесь и главы «Былого и дум», и статьи для французского «Kolokol», одно письмо Герцена к Огареву, одно письмо А. П. Глинки — к Герцену; обширные материалы Огарева — рукописи ряда статей, черновики и выписки; черновики его писем к Бакунину, С. Г. Волконскому, Павлу Прусскому, Печерину, Цехановскому; письма к нему от Ф. И. Бруннова, Н. И. Жуковского, Комарова (Чаплии), М. П. Лозинского, Павла Прусского, Ф. И. Родичева, Н. И. Утина; материалы из архива «Колокола» и Вольной русской типографии [522].

В литературе имеются, однако, упоминания о том, что у Драгоманова были еще некоторые рукописи, помимо перечисленных,— теперь утраченные. Сведения эти, впрочем, не подтверждены документально. Предполагается, например, что какие-то герценовские материалы, находившиеся в его распоряжении, И. Д. Шишманов, ездивший в 1918—1919 гг. на Украину в качестве болгарского «посланника» при Скоропадском, взял туда с собой вместе с украинскими материалами из архива Драгоманова — и судьба их неизвестна [523]. Есть сомнение в том, что передавая потом архив отца в Украинский институт в Варшаве (фонды его погибли во время второй мировой войны), Л. М. Шишманова не передала вместе с ним часть документов Герцена и Огарева [524]. Проскальзывают в литературе и упоминания о передаче Шишмановой бумаг Герцена в Рапперсвильский музей, в 1930-х годах находившийся уже не в Швейцарии, а в Варшаве. Но это очевидное недоразумение. Передача эта могла происходить тогда же, когда другая часть документов была отдана в Прагу, после смерти самого Шишманова, в 1932-м или 1933 г. Между тем в 1934 г. хранившиеся в Рапперсвильском музее материалы Герцена и Огарева при помощи советского посольства в Польше были сфотографированы для Литературного музея. Сохранились списки хранившихся там документов, списки полученных фотокопий и переписка директора Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича с полпредом В. А. Антоновым-Овсеенко [525]. Все эти источники не оставляют сомнения, что ничего, восходившего к семейному архиву Герцена и Огарева, в Рапперсвиле не было. Находившиеся там материалы Герцена и Огарева принадлежали либо к большому архиву Е. В. Салиас (12 писем Герцена к ней и 26 писем Огарева), либо были присоединены к фондам музея еще в Швейцарии, поступив от адресатов писем (письма Герцена к Тхоржевскому, Кристину Островскому, Герцена и Огарева к швейцарско-польскому комитету в Берне и др.). Вероятнее всего все же, что основной массив документов, находившихся у Драгоманова, сохранился и находится теперь в советских хранилищах.

Н. А. ГЕРЦЕН И О. А. ГЕРЦЕН-МОНО (справа)
в квартире Н. А. Герцен, где хранилась большая часть архива Герцена
Фотография. Лозанна, 1930-е гг.
Собрание Н. П. Герцен, Москва

За вычетом драгомановских бумаг, в семье Герценов ко времени работы Лемке над своим изданием оставался еще весьма большой объем материалов; но о намерениях наследников по отношению к нему в переписке Лемке с ними речи не было. Регулярность этой переписки стала нарушаться в 1916 г. Последний обмен письмами в этом году был связан с кончиной М. К. Рейхель, о которой Н. А. Герцен написала Лемке 20 августа [526], сохранился и его отклик на это известие [527]. Было еще, по крайней мере, одно письмо Лемке, до нас не дошедшее, в котором он должен был просить прислать ему доверенность на заключение договора с Товариществом А. Ф. Маркс. Дело в том, что в начале 1917 г., намереваясь возобновить остановившееся с войной издание собрания сочинений, он договорился об этом с фирмой Маркса, перешедшей к этому времени в собственность И. Д. Сытина. Сохранился договор с ней, заключенный 22 марта 1917 г. о продаже фирме наследниками Герцена за 92 500 р. права издания полного собрания сочинений на период с 1 января 1918 г. по 9 января 1920 г. (9/21 января 1920 г. истекал срок авторского права на сочинения Герцена, составлявший по нормам того времени 50 лет). К договору приложена подписанная Натальей и Терезой Герцен и заверенная (как швейцарскими властями, так и русским консулом в Лозанне 27 марта 1917 г.) доверенность на имя Лемке — по ней он не только подписал договор, но и получил первую часть причитавшейся наследникам суммы — 25 тысяч рублей [528].

На этом переписка фактически кончилась. Лемке не откликнулся ни на восторженную телеграмму Н. А. Герцен в связи с Февральской революцией, ни на пришедшее вслед за ней письмо [529]. Можно было бы подумать, что его ответы просто не сохранились, как не сохранилось упомянутое выше письмо по поводу доверенности, и довериться словам в работе В. И. Кулешова: «Лемке неоднократно пытался завязать переписку с Натальей Александровной, но не получал ответа» [530],— но сохранился документ, это опровергающий. Это письмо Н. А. Герцен к Лемке

от 6—7 апреля 1918 г., которое доказывает, что именно Наталья Александровна пыталась восстановить утраченную после Октябрьской революции связь и добиться от него хоть строчки в ответ: «Может быть, и Вы вспомнили день рождения отца,— писала она,— и решились написать старшей дочери его хоть несколько строк? Целый год Вы молчали» [531]. Возможно, конечно, что Лемке не решался сообщить наследникам о совершившейся в декабре 1917 г. национализации и наследия классиков и банковских вкладов. Возможно, что письма просто не доходили в Лозанну. Но при всем этом трудно понять, что побуждало Лемке, утратившего связи с семьей Герцена, продолжать высказываться в печати как бы от ее имени. Так, в предисловии «От редакции» к IX тому собрания сочинений, датированному 17 января 1919 г., он писал: «По просьбе бывших издателей, наследников Герцена, замечу, что интересы подписчиков вполне охранены: они получат все издание до конца без какой бы то ни было доплаты». В однодневной газете «Колокол», изданной к пятидесятилетию со дня смерти Герцена 21 января 1920 г., он поместил еще более ответственное свое заявление — может быть, основанное на каких-то давних обещаниях Н. А. Герцен, но игнорирующее изменившиеся исторические условия: «Архив семьи Герцена при первой возможности будет подготовлен Натальей Александровной Герцен при содействии М. К. Лемке к перевозению в Россию» [532]. В отличие от этих заявлений, в посланной в юбилейные дни в Лозанну приветственной телеграмме за подписью В. И. Ленина и всех членов Совнаркома, об архиве не было сказано ни слова. В ней было выражено только пожелание, «чтобы прах А. И. Герцена и его жены, изгнанных из России волею российских императоров, был возвращен в Москву» и заверялось в том, что национализированный дом, где оба они родились, будет предоставлен потомкам Герцена, если они пожелают посетить его родину [533].

В противоречии с собственными утверждениями Лемке однажды не только сообщил в печати об утрате связей с семьей Герцена, но и преувеличил при этом давность этой утраты: в справке о роде Яковлевых-Герценов, помещенной им в томе, вышедшем в конце 1922 г., написано о потомках Герцена: «За отсутствием всяких почтовых сношений с Нат. Ал. Герцен с 1915 г., я, к сожалению, не могу установить, кто из них жив» (Л XXI, 576).

Почти в те же дни Лемке, с согласия советского правительства, обратился к Н. А. Герцен с письмом — предложением передать архив в Россию. Оно уже почти полностью приводилось в печати [534]. Ответ Н. А Герцен был уже откровенно враждебен: «Вы правы, мы много слышали дурного про большевицкий режим. Опровергнуть это дурное могут только факты. Добейтесь возвращения нам 30 000 рублей золотом, нам принадлежащих и пропавших во время «национализации» банков. Тогда можно будет поговорить. Это условие sine qua non» [535]. В обзоре В. И. Кулешова ошибочно указано, что следов этого ответа в архиве Лемке нет [536]. В действительности там есть не только сам ответ Н. А. Герцен, но и письмо Лемке в правительство от 20 февраля 1923 г., к которому был приложен этот ответ. Лемке писал там: «... архив, конечно, к нам не попадет. Мое личное мнение — оставить дело без дальнейшего движения» [537].

В печальном исходе первой попытки советской стороны вернуть на родину оставшийся за границей архив Герцена, решающую роль сыграла, конечно, та среда буржуазной эмиграции из Советской России, в которой оказалась тогда Н. А. Герцен. Можно думать, что особую роль играл здесь Ф. И. Родичев. Еще в довоенной переписке с дочерью Герцена Лемке предостерегал ее против него. Плохо понимавшая мотивы этого, Наталья Александровна спрашивала его в письме: «Видели Вы Родичева, после того как он был у нас летом? 〈. . .〉 У Вас, кажется, мало доверия к Родичеву — почему это и в каком отношении?» [538] Лемке отвечал: «Родичев 〈. . 〉 мне кажется человеком слов, а не дела, не отдающим себе отчета в том, как велик был Герцен и как мало понимает его он, популяризатор одного бока Герцена, поскольку он отвечает «кадетским надеждам» [539]. Позднее, резко осуждая Кружок имени А. И. Герцена, он снова возвращался к этому: «Родичев в этом отношении особенно грешен: он ценит и оттеняет Герцена как публициста, льющего воду, якобы, на мельницу кадетов» [540]. Но все это весьма слабо могло убедить Н. А. Герцен, далекую от общественной борьбы в России, изменить отношение к нему. Еще возросшая после революции близость ее к Родичеву длилась до самой его смерти в 1932 г., а дочь его Александра Федоровна просто жила у Н. А. Герцен до конца жизни последней. В архиве редакции «Литературного наследства» сохранилась копия письма внучки Герцена Жермен Рист к ее брату Эдуарду Моно от 13 декабря 1955 г., где о Н. А. Герцен говорится: «В последние годы ее жизни при ней была Александрина Родичева. Александрина была для нее самой верной помощницей, подругой, секретарем». Поэтому, по словам Ж. Рист, по желанию Н. А. Герцен после ее смерти А. Ф. Родичевой были отданы все оставшиеся наличные деньги и внесен залог в департамент кантона Во, чтобы она могла продолжать жить в Лозанне. Как мы увидим далее, у нее же

долго хранились все материалы из архива Герцена, не отправленные в Прагу. Судя по дневнику Н. А. Рубакина, Ж. Рист после смерти тетки приглашала его к себе, чтобы поговорить о «помощи А. Ф. Родичевой, которая остается без средств» [541]. Пока же был жив Родичев, он употреблял все свое влияние, чтобы воспрепятствовать передаче архива Герцена и Огарева в Советский Союз.

Новая попытка обратиться к Н. А. Герцен была предпринята в 1931 г. В связи с намерением переиздать «Колокол» со всеми приложениями и научным аппаратом президент Академии наук СССР А. П. Карпинский написал ей, прося предоставить для использования в этом издании имеющиеся у нее документы. Речь шла только о командировке научного сотрудника в Лозанну и копировании материалов. Часть писем, освещающих этот эпизод, а также следующий — возникшую после смерти Н. А. Герцен переписку Владимира Александровича Герцена с Литературным музеем, опубликована [542]. Однако публикация эта, где отобрана лишь часть относящихся к делу документов и отобрана очень произвольно, создает неточное представление о ходе и результатах переговоров. Кроме того, некоторые документы, напечатанные по черновикам из архива Н. А. Герцен, отличаются от подлинных писем в архиве В. Д. Бонч-Бруевича. Необходимо, поэтому, изложить здесь точно оба эти эпизода.

Ответ Н. А. Герцен на письмо Карпинского был сух, категоричен и просто не соответствовал фактам: «То, что в издании Лемке именуется архивом Герцена, это переписка моего отца с разными лицами, больше всего с Огаревым и семьей. Все письма, за исключением двух-трех писем, касающихся семейных дел, напечатаны в издании Лемке. Предоставить эти бумаги лицу, для этого специально командированному в Лозанну, я не могу по причинам даже физическим. Я не могу подниматься в помещение, где они хранятся. И не могу никому доверить эти бумаги. Поэтому на Ваше письмо ответ мой отрицательный» [543].

Затем в переговоры с Н. А. Герцен вступил В. Д. Бонч-Бруевич. Напомнив ей об отзывчивости, с какой она еще в начале века откликнулась на просьбу Библиотеки и архива РСДРП в Женеве, прислав некоторые издания Герцена, он писал ей 20 октября 1931 г.: «Если Вы пожелаете и разрешите сфотографировать нам письма, рукописи, дневники, фотографии и пр., что имеется в Вашем архиве, или разрешите организовать переписку всего этого, или, наконец, если Вы пожелаете все эти архивы передать на вечное хранение в Пушкинский дом в Ленинграде или Румянцевский музей в Москве — мы на все готовы идти навстречу» [544]. Ответ был еще суше и короче: «Архив — подлинники писем моего отца. Все они напечатаны в издании Лемке. Не напечатаны лишь немногие, совершенно интимные письма моего отца по семейным делам. Их всего два или три. Они никому не интересны» [545]. Но Бонч-Бруевич не отступил. Не согласившись, конечно, с оценкой неизданных писем Герцена как «никому не интересных» [546], он предлагал Наталье Александровне «снять с них фотографии, прислать нам их в запечатанном конверте с надписью, когда Вы сами назначите возможный срок их опубликования» и просил помочь в разыскании писем разных лиц к Герцену, указывая, в частности, на отсутствие писем М. К. Рейхель и малое число писем Огарева. Черновик ответа на это письмо написан рукою Родичева; это было последнее письмо, полученное от Н. А. Герцен в Москве. В нем даны краткие ответы на вопросы Бонч-Бруевича. По поводу неизданных писем Герцена она писала: «Те письма моего отца, которые не напечатаны у Лемке, касаются романических приключений моего брата и поэтому не подлежат обнародованию ни теперь, ни позже. После смерти моего брата Александра письма эти хранились у его вдовы. Я их никогда не касалась, никогда они у меня не были, и что с ними сделала покойная m-me Herzen, я не знаю. Считаю, что этот вопрос исчерпан» [547]. Ответ был правдив — как будет видно из дальнейшего, писем Герцена к сыну у Н. А. Герцен действительно не было. Но в то же время она совершенно умалчивала о находившихся у нее других многочисленных документах. Она, в частности, ни словом не упомянула о том, что после смерти племянника Николая получила от его вдовы Иды Герцен «рукопись V части Мемуаров Александра Герцена (Искандера), моего отца, для включения в собрание рукописей писем и реликвий Александра Герцена» (цитируем расписку, данную Н. А. Герцен Иде Герцен 20 декабря 1929 г. и хранящуюся в Женевской библиотеке). Вопрос, поднятый советской стороной, был, казалось, исчерпан. Был, однако, человек, в этом не вполне уверенный — Ф. И. Родичев. Он и принял свои меры. Скорее всего, именно он побудил своего давнего знакомого А. А. Кизеветтера — тогда председателя Совета Русского исторического архива в Праге, обратиться к Н. А. Герцен: письмо Кизеветтера было прислано Родичеву для передачи адресатке. В ее архиве сохранилось письмо Родичева, очевидно, от начала января 1932 г. (с пожеланиями на Новый год), где сказано: «Посылаю Вам письмо Кизеветтера. Приду сам для обсуждения этого письма» [548]. К нему было приложено письмо Кизеветтера на бланке архива от 30 декабря 1931 г. Формулировку в нем задач руководимо-

го им архива теперь трудно читать без улыбки: «Архив имеет своею целью собирать материалы, относящиеся к истории русского общественного движения и имеющиеся у лиц, живущих вне России — с тем, чтобы хранить в целости эти материалы до того времени, когда в России прекратится власть большевиков и установится правильный государственный порядок». Убеждая Н. А. Герцен, что бумаги Герцена должны быть охранены «от случайных превратностей за рубежом России», но ни в коем случае не отправлены в Советский Союз, Кизеветтер предлагал ей передать архив в Прагу. Ответа Н. А. Герцен мы не знаем. Ясно, однако, что и на этот вариант она сразу не решилась и до самой смерти его обдумывала.

Собирательное название АСГ, которым Лемке обозначил всю документацию, находившуюся перед первой мировой войной у разных членов семьи Герцена, покрывало собою, как теперь выясняется, по крайней мере четыре крупные части, на которые к тому времени распался когда-то единый архив: 1. Бумаги, принадлежавшие Н. А. Герцен, 2. Бумаги, по тем или иным причинам не переданные ей после смерти брата и оставшиеся у его вдовы Терезы Герцен, а после смерти последней в 1927 г. перешедшие к ее старшему сыну Владимиру, 3. Бумаги, принадлежавшие с момента смерти А. А. Герцена его сыну Николаю, и, наконец, 4. Сравнительно небольшая часть бумаг, принадлежавшая Ольге Моно. Судьба каждой из названных частей складывалась по-своему и должна быть прослежена отдельно.

Н. А. Герцен скончалась в Лозанне в сентябре 1936 г. О ее последних распоряжениях, касавшихся хранившихся у нее бумаг, свидетельствует письмо ее племянницы Жермен Рист к брату Эдуарду Моно: «Тетя Тата перед смертью много говорила со своей подругой Родичевой о бумагах, документах и книгах, относящихся к ее отцу; она надеялась передать их в музей в Лозанне. Когда музей заявил, что у него нет места, она решила отослать все в Пражский музей. 〈. . .〉 Она очень точно указала все, что должно было составить этот дар Пражскому музею, и вскоре после ее смерти при нас (Александрине, Нелле, Магне и мне [549]) были упакованы три ящика и отправлены в Прагу. У меня есть письмо от 16 марта 1937 г. от г. Фелькнера, швейцарского представителя Русского исторического архива в Праге, где он извещает меня о «благополучном прибытии в Прагу отправленных из Лозанны трех ящиков с документами, реликвиями, портретами и книгами из литературного наследия Вашего знаменитого деда Александра Ивановича Герцена». При этом этот господин послал мне подробный список содержавшегося в ящиках. Список был на 13 стр. машинописи, по-русски, и его почти невозможно было прочесть; в нем было 80 номеров, из которых под № 79 — вся портретная галерея, а под № 80 — коллекция из 62 книг и брошюр» [550]. Список этот, хранившийся либо у покойного Леонарда Риста среди бумаг его матери, либо в Национальной библиотеке, пока, к сожалению, неизвестен; он полностью разрешил бы все неясные вопросы, касающиеся составных частей Пражской коллекции. Официально наследницей Н. А. Герцен была ее сестра О. Моно, и передача в Прагу совершалась от ее имени [551].

Обратим внимание на то, что бумаги были отправлены в Прагу только через полгода после смерти Н. А. Герцен,— и это не случайно. Прежде чем выполнить волю покойной, Владимир Герцен, как старший теперь по мужской линии в роде, принял иное решение и попытался поступить с архивом иначе. Мотивы его нам неизвестны, но не исключено, что какую-то роль в этом решении сыграл его младший брат, крупный советский ученый-медик Петр Александрович Герцен. Сохранилось письмо, с которым к П. А. Герцену еще при жизни Н. А. Герцен обратился В. Д. Бонч-Бруевич. «Мне стало известно,— писал он,— что Вы в скором времени поедете за границу и 〈. . .〉 если Вы будете в Лозанне, то, пожалуйста, позондируйте там почву, нельзя ли нам получить в наш архив Государственного литературного музея все то, что найдется у родственников Герцена. Мы охотно бы все купили» [552].

В октябре 1936 г. Владимир Герцен обратился в советское посольство в Париже, предлагая купить весь архив. Как явствует из его писем, речь шла именно о передаче всего, оставшегося в семье. Очевидно В. Герцену удалось убедить свою тетку О. Моно, кузину Ж. Рист и сестру Н. Корваз отказаться от намерения отправить материалы в Прагу. Сказалось здесь и еще одно влияние. Н. А. Рубакин записал в своем дневнике беседу с Жермен Рист, состоявшуюся 1 октября 1936 г.: «Она советовалась с нами о судьбе герценовского архива. Я отсоветовал отдавать его в Прагу, но одобрил отдать его в Москву, когда наше смутное время сойдет на нет и не будет грозить войной» [553].

Получив через Наркоминдел известие о предложении В. Герцена, Бонч-Бруевич сразу ответил ему. Подробнейшим образом рассказав ему, какие материалы о Герцене и Огареве уже собраны Литературным музеем, он писал: «Я сообщаю Вам все это, чтобы Вы были уверены, что до-

кументы, которые Вы нам предлагаете приобрести, попадут в место, где их любят, почитают и тщательно собирают все, что можно найти о Герцене, его семье и окружении (. . .). Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сообщили денежные условия, на которых Вы передадите Ваше собрание, и убедительно прошу Вас не пренебрегать ни одной мельчайшей запиской или самыми незначительными почтовыми открытками, ибо для подробного изучения Герцена и его эпохи драгоценна каждая деталь». Не сомневаясь в этот момент в успехе начавшихся переговоров, Бонч-Бруевич советовал переслать архив через советское посольство [554]. Одновременно Бонч-Бруевич написал послу во Франции В. П. Потемкину, прося его «напрячь все силы и принять все меры к тому, чтобы это изумительное наследство Герцена и его окружения никуда бы от нас не ушло, а обязательно было бы приобретено нами (. . .). Лично Вам скажу, что этот материал поистине драгоценен, и какую бы цену они ни запросили, конечно, все будет хорошо. Но из этого не следует, что нам не нужно эту цену уменьшить елико возможно и деликатно» [555]. Представления Бонч-Бруевича о требуемых суммах, как выяснилось потом, были далеки от их истинного масштаба: в том же письме к Потемкину он с удовлетворением напоминал, что частью средств Потемкин располагает, в его распоряжении в Париже находятся 10 000 франков на покупки для Литературного музея. Сумма же, которую запросили наследники, составляла 250 000 франков, что соответствовало, как сообщил Бонч-Бруевичу сотрудник посольства, почти 59 тысячам рублей [556].

В. Герцен торопил с ответом. В письме от 20 ноября 1936 г. он сообщал, что квартира Н. А. Герцен должна быть очищена в кратчайший срок [557], а 26 декабря напоминал: «Квартира должна быть очищена в течение 15 дней» [558]. В письмах кратко перечислялось и содержание предложенного архива: «Многочисленные и важные документы Герцена, годичный комплект французского «Колокола» (который теперь нельзя найти), 250 писем, адресованных ему выдающимися людьми, русскими и иностранными за время с 1840 по 1860 г., включая сюда письмо Александра I 1812 года, копию письма А. Герцена-сына Николаю II, рукопись 5-й части его мемуаров и т. д.» [559]. В письме выражалось единодушное решение всех членов семьи Герценов возвратить архив отца и деда на родину, где «все эти памятники и документы попадут в единственное истинное их место, которым является его родина и где чтут его память».

Бонч-Бруевич был сперва полон надежд на успех дела. 22 декабря он писал В. Герцену: «Вчера я имел случай говорить с наркомом просвещения по Вашему делу и встретил у него полное сочувствие и желание хлопотать о покупке этих материалов, и он деятельно за это принялся. (. . .) Ответа жду очень скоро» [560]. Тогда же он писал Потемкину: «Сумма большая. Как Вы думаете, нельзя ли ее понизить? Владельцы говорят, что нам есть конкурент, но это, может быть, слова. Я лично сейчас же, немедленно, иду хлопотать во все высшие инстанции; не знаю, как мне удастся, но упустить эти материалы просто невозможно» [561]. Однако добиться приобретения оказалось не так просто. 21 января 1937 г. Бонч-Бруевич писал В. Герцену, что вопрос рассматривается и будет решен на днях [562]. Между тем, долгое ожидание нарушило единодушие наследников: вынужденная освободить квартиру Н. А. Герцен, Жермен Рист отправила все же указанную Натальей Александровной часть архива в Прагу. Оставшиеся бумаги были перевезены к Родичевой. Но Владимир Герцен продолжал ждать ответа из Москвы. 29 апреля он телеграфировал Бонч-Бруевичу: «Действительно ли вы покупаете. Ответьте. Герцен» [563].

Положение Бонч-Бруевича было крайне трудным. Только что изменилось руководство Наркомпросом. Получение столь крупных валютных ассигнований в этот момент было нереальным. Но даже в июне 1937 г., с опозданием на два месяца отвечая на телеграмму Герцена и ссылаясь при этом на длительную свою болезнь, Бонч-Бруевич пытался получить некоторую отсрочку [564]. 2 октября 1937 г. В. Герцен потребовал категорического ответа: «Ничего не получив после трех месяцев ожидания, семья Герцен уведомляет вас, что если к 15 октября, самое позднее, вы не заключите сделку и не вышлете просимую сумму 250.000 французских франков, она иначе распорядится наследством Герцена» [565]. Ответ Бонч-Бруевича не сохранился ни в делах Литературного музея, ни в его личном архиве — его, вероятно, и не было. После этого Владимир Герцен продал принадлежавшие лично ему материалы из архива деда Международному институту социальной истории в Амстердаме. В их число на этом этапе входила и рукопись «V тома» «Былого и дум» — как видим, и отбирая документы, предназначенные для Праги, Н. А. Герцен не решилась выпустить эту рукопись из семьи.

Переписка, хранящаяся в архиве Международного института социальной истории (ксерокопии были любезно присланы нам из Амстердама), полностью раскрывает историю и условия этой продажи. Не получив ответа из Москвы и правильно поняв это как окончательный отказ,

Владимир Герцен начал искать других покупателей. 17 декабря 1937 г. Б. Н. Николаевский, парижский представитель института, писал в Амстердам директору проф. Н. В. Постумусу «Внук известного Герцена, др. В. Герцен, 5, улица Жюля Ферри, Кламар (департамент Сены), предложил мне остаток архива своего деда. Речь идет о большом пакете, список содержимого которого я Вам при сем посылаю. Это в высшей степени интересные вещи, частично уже опубликованные. Кроме перечисленного в списке, у него находится еще большой пакет писем А. Герцена к его сыну Александру (отцу владельца архива), около 100 писем, по-видимому неопубликованных (я выборочно проверил). Архив этот интересен в первую очередь как русский архив, однако его ни в коем случае не следует рассматривать как чисто русский. В нем находятся, например, 135 писем к Герцену известнейших представителей западноевропейской демократии за 1850—1860-е годы, среди них письма Маццини, Л. Блана, Гарибальди, Мишле, В. Гюго и т. д.

За все эти вещи владелец архива просит 6000 франц. франков. Это, кажется, его крайняя цена. По моему мнению, это недорого. Если институт купит этот архив, то с его герценовским собранием сможет конкурировать только московское. Я очень рекомендую купить этот архив. Я договорился с владельцем, что он даст нам время до 1 января; хотелось бы, однако, дать ему ответ скорее. Я убежден, что с уплатой подождут до января.

Кроме архива, его владелец обладает также оригинальным портретом Герцена, написанным знаменитым художником Ге (это тот Ге, что писал Толстого и др.). Портрет этот весьма известен, считается лучшим и много раз печатался. Он очень велик (высотой полтора метра) и в раме. Владелец просит за него 20 000 французских франков, но не исключено, что уступит за 15—16 000. Конечно, было бы хорошо, если бы институт мог купить этот портрет, но это уже роскошь».

Бросается в глаза прежде всего огромная разница между суммой, на которой настаивал Владимир Герцен в переговорах с московским Литературным музеем, и весьма скромной ценой, названной амстердамскому институту. Очевидно на Западе оказалось не так много охотников уплатить крупную сумму за переписку Герцена — хотя, как покажет дальнейшее, В. Герцен просто не знал, к кому ему следовало обратиться.

Уже 21 декабря из Амстердама было отправлено письмо Николаевскому с согласием приобрести архив на предложенных владельцем условиях, и Николаевский, по-видимому, тут же съездил за ним в Швейцарию. 24 декабря он сообщал в институт из Парижа: «Архив Герцена я уже получил. Кроме вещей, перечисленных в списке, владелец передал нам некоторое количество других бумаг и документов, касающихся его деда, целый пакет семейных портретов и т. д.

Теперь, когда я просмотрел все это, я пришел к убеждению, что это очень дешево. Когда я вчера получал альбом Герцена с выставки 1812 г. (владелец предоставил его в распоряжение выставки), я узнал, что выставочный комитет получил предложение о покупке этого альбома. Покупатель, известный артист и собиратель документов по истории русской литературы, готов заплатить за этот альбом больше, чем мы заплатили за весь архив. Я думаю, было бы правильно перевести владельцу деньги как можно скорее». Написав директору института далее, что не будет отправлять архив, ожидая его приезда в Париж, Николаевский добавлял: «Владелец архива обратился ко мне с следующей просьбой: в альбоме находится письмо известного итальянского революционера (1848) Медичи, чей правнук женился на племяннице владельца архива. Этот правнук умолил его передать ему письмо прадеда как семейную реликвию. Я сказал, что спишусь с Вами по этому поводу. Лично я считаю, что мы не должны отдавать *оригинал*, но можно сделать фотокопию и послать ее владельцу архива, чтобы он отправил ее Медичи». Так и было сделано, письмо осталось в альбоме [566].

«Известный артист и собиратель документов», желавший купить альбом Герцена, это, несомненно, Сергей Лифарь. Альбом, как мы уже знаем, ему не достался. Остается неясным, купил ли институт предлагавшийся В. Герценом портрет Герцена работы Ге. Портрет этот (авторское повторение находящегося в Третьяковской галерее в Москве) после смерти Герцена принадлежал его сыну (он хорошо виден на фотографии 1890-х годов, где А. А. Герцен снят с женой и дочерью в своем доме в Лозанне [567]), потом, следовательно, старшему сыну А. А. Герцена Владимиру; в настоящее время у потомков В. А. Герцена этого портрета нет. Реальная передача приобретенных Николаевским материалов из архива Герцена в амстердамский институт состоялась, как следует из приведенного выше письма, только в начале 1938 г.

Выясненная по этим документам роль Николаевского в приобретении Международным институтом социальной истории архива Герцена позволяет разрешить еще одну загадку, уже несколько десятилетий бытующую в устной традиции герценоведов. Существует версия о том, что часть архива Герцена накануне второй мировой войны стала каким-то образом собственностью

жившего в Париже Б. Н. Николаевского, и дальнейшая судьба этой части неизвестна. Николаевский впоследствии переехал в США, увезя, естественно, с собой все свои бумаги, после его смерти поступившие в Станфордский университет. Однако сведения о составе архива Николаевского, довольно давно уже появившиеся в американских архивных справочниках, на какие-либо материалы Герцена не указывали. Все попытки проверить эту версию, предпринятые С. А. Макашиным (писавшим и в Станфордский университет и вдове Николаевского) и автором этих строк, обращавшейся в университет и непосредственно и через советских представителей в США, успеха не имели: оказалось, что часть бумаг Николаевского запечатана по его воле на длительный срок и состав ее неизвестен. Теперь становится ясно то недоразумение, которому эта версия обязана своим возникновением. Вот что рассказывал нам об этом С. А. Макашин: «Незадолго до начала второй мировой войны в Европе, по-видимому в 1938 году, престарелая мать Б. Н. Николаевского, жившая в Москве, с которой он вел интенсивную переписку, передала Б. П. Козьмину адресованное ей письмо сына из Парижа. А Б〈орис〉 П〈авлович〉 познакомил с этим письмом меня. Вот что в нем содержалось: Б. Н. Николаевский очень взволнованно сообщал матери, что он только что приехал из Швейцарии в Париж и привез с собой драгоценные архивные материалы. Оценивая их, он писал матери, что они вносят много нового в историю общественной мысли и революционного движения России прошлого века. При этом он добавлял, что документов так много, что они могли бы составить несколько томов „Литературного наследства“» [568]. Речь, конечно, шла именно о части архива Герцена, которую Николаевский привез не для себя, а для амстердамского института. Но это оставалось непонятным вплоть до нынешнего времени.

В. А. ГЕРЦЕН — ВНУК ГЕРЦЕНА
После смерти брата стал одним из распорядителей архива Герцена
Фотография, 1888
Музей Герцена, Москва

Как выясняется теперь, недоразумение могло бы разъясниться раньше. Еще в 1971 г., отвечая в письме от 18 января С. А. Макашину на ряд его вопросов, Леонард Рист писал ему, в частности:

«Международный институт социальной истории в Амстердаме купил архивы Герцена у Владимира Александровича Герцена в 1938 году через их парижского сотрудника Б. Н. Николаевского» [569].

К сожалению, это замечание Л. Риста, раскрывающее роль Николаевского в продаже архива, не было тогда замечено и по достоинству оценено. «Лишь теперь, — писал нам С. А. Макашин еще до получения ксерокопий из Амстердама,— обратившись к забытому мною письму Л. Риста, я прихожу к заключению, что Николаевский привез из Швейцарии 〈. . .〉 ту часть архива Герцена, которая была у Владимира Герцена и была продана при посредстве Николаевского в Международный институт в Амстердаме».

Таким образом, этот вопрос может в настоящее время считаться окончательно разрешенным.

VII

Нам остается осветить последний, очень существенный для истории архива этап собирания на родине материалов Герцена и Огарева, начавшийся сразу по окончании второй мировой войны и охватывающий, таким образом, уже более трех десятилетий. Этап этот связан с архивно-исследовательской и издательской деятельностью редакции «Литературного наследства», а в последние годы — и с активностью открывшегося в Москве в 1976 г. Музея Герцена.

Исходные данные о судьбе зарубежной части архива, как она сложилась после смерти Н. А. Герцен, были туманными и неопределенными. Лишь постепенно кое-что начало проясняться.

Некоторые сведения восходили к довоенному времени. Еще в 1936 г. И. С. Зильберштейн от жившего в Праге литературоведа В. Н. Тукалевского узнал, что в составе фондов Русского заграничного исторического архива в Праге хранятся переданные дочерью Драгоманова материалы Герцена и Огарева. Полученные оттуда с помощью Тукалевского фотокопии трех писем Л. Н. Толстого к Герцену были потом напечатаны в «Литературном наследстве» (т. 41-42, 1941). Перед самой войной В. Д. Бонч-Бруевичу стало известно, что архив получил документы, хранившиеся у Н. А. Герцен, и он сообщил об этом С. А. Макашину. Во время Великой Отечественной войны судьба солдата привела Макашина в Прагу, где и после окончания военных действий он пробыл еще семь месяцев. Тут он лично познакомился с одним из руководителей русского заграничного исторического архива проф. А. Ф. Изюмовым, но ознакомиться с хранящимися там бумагами из архива Герцена ему тогда не удалось. 4 мая 1945 г., когда советские войска подходили к Праге, И. С. Зильберштейн обратился к президенту АН СССР С. И. Вавилову с докладной запиской о необходимости перевезти в СССР фонды *РЗИА*. Записка была немедленно передана правительству; Тосканский дворец сразу же после освобождения Праги был взят под охрану, а в июне 1945 г. правительство Чехословакии приняло решение о передаче архива в дар Советскому Союзу [570].

Доставленная в июне же в Москву со всеми материалами *РЗИА* «пражская коллекция» бумаг из архива Герцена и Огарева первоначально поступила в ЦГАОР СССР (впоследствии она была передана в ЦГАЛИ, где образовала фонд № 2197). Здесь работниками архива М. И. Рыбинским, Н. Р. Прокопенко, Ю. П. Дзагуровой и др. был сразу же начат разбор бумаг «коллекции», а вскоре, совместно с редакцией «Литературного наследства», и подготовка их к печати в томах этого издания. Руководил последней работой С. А. Макашин. Осуществлялась она коллективом известных литературоведов и историков: Н. П. Анциферовым, Б. П. Козьминым, Л. Р. Ланским, М. В. Нечкиной, В. А. Путинцевым, Е. Л. Рудницкой, Я. З. Черняком, Н. Д. Эфрос и др.

Сразу по выходе первого из томов (т. 61 появившегося в свет весною 1953 г.), где в предисловии «От редакции» указывалось, что в «пражской коллекции» отсутствуют некоторые материалы, в свое время переданные А. А. Герценом Драгоманову, в софийской газете «Вечерни новини» появился отклик заместителя директора Архивного института Болгарской академии наук доктора Петра Миятева, разъяснявшего судьбу искомых материалов, переданных наследниками Драгоманова в 1943 г. в руководимый автором институт в Софии [571]. По-видимому, речь уже шла не о дочери Драгоманова, скончавшейся до войны, а о его внучке. Статья Миятева была замечена Л. Р. Ланским, сообщившим о ней С. А. Макашину, и вскоре в результате возникшей переписки с Болгарской академией наук Софийская коллекция была принесена в дар Советскому Союзу. Первоначально она поступила непосредственно в редакцию «Литературного наследства», а затем была передана — в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина — ф. 69. Материалы ее вошли в герцено-огаревские тома «Литературного наследства» [572].

Очевидно, было, однако, что этими двумя крупнейшими пополнениями собравшегося в Москве архива Герцена и Огарева дело не исчерпывается. Но сколько-нибудь достоверной информации о материалах, остававшихся еще у потомков Герцена или в европейских хранилищах, по-прежнему не было. Поэтому усилия, предпринятые тогда редакцией «Литературного наследства» с целью их обнаружения, велись сразу в двух направлениях: во-первых, разыскивали письма Герцена и Огарева к деятелям западной культуры и международной демократии, которые могли оказаться в любом зарубежном хранилище или частном собрании (в этих разысканиях участвовал весь тогдашний коллектив редакции — И. С. Зильберштейн, Л. Р. Ланский, С. А. Макашин, Н. Д. Эфрос и др., и результатом их явился не только специальный том «Герцен в заграничных коллекциях» — т. 64, но и значительное пополнение источниковой базы тридцатитомного собрания сочинений), во-вторых (и это нас, по предмету данной работы, интересует в первую очередь), стремились выяснить судьбу тех документов из герценовского архива, которые не попали ни в Прагу, ни в Софию, и по возможности получить к ним доступ. Это последнее направление поисков связано было преимущественно с именем С. А. Макашина.

Прежде всего необходимо было установить связи с потомками Герцена. Начало этому было положено в 1950 г., когда по случаю 100-летия со дня рождения Ольги Моно «Литературное наследство» направило ей поздравительную телеграмму. Ответа, понятно, не последовало, но как рассказывал впоследствии Леонард Рист, телеграмма была получена и сыграла свою роль в той благожелательности, с которой потом отнеслась к запросам Макашина дочь Ольги Александровны Жермен Рист.

О действиях друг друга после смерти Н. А. Герцен, как вскоре выяснилось, наследники были осведомлены недостаточно. Это обнаружилось с самого начала переписки С. А. Макашина с Жермен Рист. Она так отвечала 11 ноября 1955 г. на его запрос о части архива, оказавшейся в Амстердаме: «Мне говорили, что документы и, в частности, пятая часть мемуаров Александра Герцена находится в Институте социальной истории в Нидерландах. Эти бумаги принадлежали моему кузену Владимиру Герцену, скончавшемуся много лет назад. Я предполагаю, что он передал их в Институт социальной истории» [573]. Если начатые Макашиным поиски, как мы покажем далее, далеко не сразу достигли полного успеха, то одной из главных причин этого была неизученность истории распада архива Герцена, противоречивость и неточность имеющихся сведений. На приведенное письмо Ж. Рист он отвечал так: «Мы давно уже находимся в переписке с Международным институтом социальной истории в Амстердаме. Мы получили фотокопии с хранящихся у них писем Герцена и Огарева, но они ничего не сообщали нам о рукописи пятой части «Былого и дум», которую мы упорно ищем по всему свету. Мы предполагали, что материалы, найденные в Амстердамском институте, поступили туда от Николая Герцена или от его вдовы. Но Вы пишете о Вашем кузене Владимире Герцене. Это дает нам надежду, что существует, возможно, еще одно место хранения герценовских рукописей, в том числе и упомянутой пятой части «Былого и дум» [574]. Как видим, шли ощупью. А между тем, приведенная нами выше переписка В. Герцена с В. Д. Бонч-Бруевичем уже хранилась в ЦГАЛИ СССР и ясно показывала, что искомая рукопись в те годы принадлежала этому внуку Герцена.

ЖЕРМЕН РИСТ (ВНУЧКА ГЕРЦЕНА) С СЫНОВЬЯМИ НОЭЛЕМ И ЛЕОНАРДОМ в саду дома Ристов (Версаль), где хранилась часть архива Герцена
Фотография. Версаль, 1930-е гг.
Собрание Н. П. Герцен, Москва

Любопытно, что Жермен Рист была настолько не уверена в своих сведениях, что в следующем письме, 9 декабря 1955 г., писала Макашину: «Мне никогда не было известно, где находится рукопись 5 части мемуаров, как и рукописи первых четырех частей», а о Владимире Герцене высказывалась уже в вопросительной форме: «...он ли передал, как мне говорили, разные бумаги и письма, касающиеся Герцена, в Амстердам?» В присланном ею вскоре собственном письме к брату Эдуарду, сохранившемся в архиве редакции «Литературного наследства» (от 13 декабря 1955 г.), она высказывалась еще определеннее: «Я не знаю также, кто из детей дяди Александра передал в Амстердамский музей документы, относящиеся к Александру Герцену, и какие документы». Вскоре ей все же удалось кое-что уточнить, и 21 февраля 1956 г. она сообщала Макашину: «Одна дама, моя приятельница, пишет мне, что, как ей сказали, 5-я часть мемуаров Герцена находится в Институте социальной истории в Нидерландах. Я думаю, в Амстердаме — или в Гаага? Рукопись, по ее словам, принадлежала Владимиру Герцену, внуку Александра Герцена, и была продана».

Переписка С. А. Макашина с самим институтом в Амстердаме, хранящаяся в архиве редакции «Литературного наследства», отчасти объясняет причины, по которым получаемые оттуда све-

дения столь долго были неполными: как между А. А. Герценом и запрашивавшими его русскими исследователями возникало некогда взаимное непонимание, вытекавшее из узко поставленных вопросов, так и теперь ответы Макашину не выходили за рамки его вопросов. Так, задав вопрос о хранящихся в Институте социальной истории письмах Герцена, он получил соответствующий ответ директора института проф. А. Рютера от 9 декабря 1954 г., где перечислялись имевшиеся там письма Герцена — к жене (10), сыну (233 напечатанных Лемке и 34 неопубликованных [575]), Огареву (59), Н. А. Тучковой-Огаревой (2), а также напечатанные у Лемке письма к Долгорукову (12), Кавелину (1), Кельсиевым (5), Орсини (1), Рейхелю (9), Сазонову (1), Тхоржевскому (67), К. Фогту (3), Чарторыйскому (1). Указаны там были и письма Огарева к А. А. Герцену (98), Н. А. Герцен (4), О. А. Герцен-Моно (6), Нечаеву (1). Но ничего больше. И только после получения новых указаний от Жермен Рист Макашин повторил свой запрос в более общей форме — и вот тогда ответ института содержал уже указание на «Рукопись V части «Былого и дум», около 119 страниц, нумерованных от 9 до 125» и на многочисленные письма разных лиц к Герцену [576]. Но и при этом оставалась известная недоговоренность: ни во втором письме проф. Рютера от 18 октября 1956 г., ни в приложенном к нему перечне ни словом не было разъяснено, что часть упомянутых в перечне писем к Герцену находится в хранящемся также в институте альбоме писем, документов и изобразительных материалов «выдающихся современников» Герцена — том самом альбоме, который считался давно пропавшим [577]. Недоразумение это разъяснилось только тогда, когда фотокопии материалов из Амстердама были получены «Литературным наследством» (в порядке обмена на фотокопии из фондов Института марксизма-ленинизма и Библиотеки имени В. И. Ленина) и переданы в Отдел рукописей библиотеки [578]. Надо подчеркнуть, что полученные в 1970 г. фотокопии и на этот раз не исчерпали хранящуюся в Международном институте социальной истории часть архива Герцена и Огарева. Судя по списку, присланному С. А. Макашину проф. Лео Ван-Россумом, там хранятся еще следующие материалы Герцена: 1. Из альбома: а) письмо 24 польских эмигрантов к Герцену от 29 ноября 1854 г., б) письмо В. Неголевского к Герцену от 24 июля 1855 г., в) письмо неустановленного лица из Люцерна к Н. А. Герцен от 15 декабря 1850 г., г) автограф неустановленного лица, 5 строк с датой 1858; 2. Письма к Герцену: Гервега (21, 1850 г.), Ж. Мишле (30, 1851—1869 гг.), Н. А. Тучковой-Огаревой (3); 3. Письмо А. Х. Бенкендорфа П. М. Волконскому от 16 ноября 1834 г. о высылке Герцена; 4. Письмо И. А. Яковлева к А. А. Яковлеву 1838 г.; 5. Письмо Д. В. Голицына к И. А. Яковлеву от 3 апреля 1835 г.; 6. Метрическое свидетельство Н. А. Захарьиной, выданное 5 мая 1838 г.; 7. Официальные документы о жизни Герцена за границей: а) о натурализации его в кантоне Фрибург, б) предписание ему покинуть Францию, апрель 1850 г., в) разрешение ему остаться в Ницце от Министерства внутренних дел Италии, Турин, 12 мая 1851 г., г) отказ французского консула в Ницце Герцену во французской визе, 22 апреля 1852 г., д) отношение министерства полиции к барону Ротшильду 9 января 1853 г., е) отказ кантонального совета кантона Фрибург Герцену во французской визе, 24 сентября 1859 г.; 8. Материалы, связанные с погребением Герцена (9 док.); 9. Материалы, связанные с завещанием и наследством Герцена, 1870—1872 (9 док.); материалы Огарева: 1. Рукопись «Бедлам или день из нашей жизни (эскиз комедии)» 2. Письма к Огареву — А. А. Герцена (1), О. А. Герцен (1), Н. А. Тучковой-Огаревой (50); 3. Письма Огарева — Ольге Герцен (1), Н. А. Тучковой-Огаревой (1); письма Н. А. Тучковой-Огаревой к В. Кельсиевой (1), мадам Мишель (1), Н. А. Герцен (1), неустановленному лицу (1); статья А. А. Герцена об отце (для «Сборника посмертных статей»); письмо его к Николаю II 1899 г.; переписка его с Сатиными 1880-х годов, с Т. П. Пассек 1887 г.; переписка Н. А. Герцен с разными лицами 1919—1920 гг.; письма М. К. Рейхель к А. А. Герцену; некролог Герцену, написанный Мишле; печатные статьи о Герцене; фотографии (36). Как видно из этого достаточно обширного перечня, весьма ценные материалы еще неизвестны в науке и не опубликованы (хотя многое, например письма Гервега и Мишле к Герцену, напечатаны давно [579], но не всегда исправно).

Вернемся теперь к 1937 г., когда три ящика с документами, принадлежавшими Н. А. Герцен, уехали в Прагу, а все оставшееся от этой части архива Герцена продолжало храниться у Родичевой в Лозанне. Наталья Александровна до конца своих дней оставалась при убеждении, что не только некоторые документы ее личного архива (скажем, все, касающееся «нечаевской истории» — см. наст. том), но и часть бумаг отца еще долго, а может быть, и всегда, должны быть ограждены от гласности. Поэтому оставшиеся на попечение Родичевой документы еще почти двадцать лет никому не были доступны. О том, что они в конце концов поступили в парижскую Национальную библиотеку, С. А. Макашин узнал впервые из упоминавшегося письма Жермен Рист от 11 ноября 1955 г. Откликнувшись этим письмом на посланный ей том «Литературного

наследства» (т. 61) и отвечая на вопросы, содержавшиеся в приложенном к нему письме редакции, она, в частности, сообщила, что передала бумаги, доставшиеся ей от Н. А. Герцен, в Национальную библиотеку и обещала свое содействие в получении микрофильма с них. Здесь же было указано, что часть их закрыта для пользования до 1970 г. Более подробные сведения об истории этой части герценовских бумаг С. А. Макашин получил из писем к нему Т. А. Осоргиной, работавшей в те годы в Национальной библиотеке в Париже и прямо причастной к этой истории. «Мое участие в этом деле началось в конце лета 1954 г.,— писала она, отвечая на его вопросы,— с того дня, когда я получила письмо от Родичевой, извещавшей меня о том, что семья Рист собирается передать оставшиеся бумаги Герцена в какой-то американский университет. По-моему, дело шло о Колумбийском университете, но я не уверена. Родичева спрашивала меня, не захочу ли я снять копии с бумаг, касавшихся Мих. Бакунина. На это я ответила, что меня лично эти бумаги не интересуют, но что я не понимаю, почему отправлять архивы в Америку, раз вся семья Рист живет во Франции и раз сам Герцен умер в Париже. Написала на ветер, никогда не думая, что мое мнение будет принято во внимание. Однако оказалось обратное» [580].

Надо разъяснить, что к этому времени, а именно — в 1952 г., некоторые ценные материалы из этой части архива были уже проданы от имени престарелой Ольги Моно ее детьми Колумбийскому университету в США. Это были письма Герцена и его жены к Н. И. и Т. А. Астраковым, некогда присланные последней его старшей дочери [581]. Понятно, что после смерти О. Моно в 1953 г. Колумбийский университет пожелал приобрести и остальное, вступив в переговоры с ее дочерью и наследницей. Но после письма Т. А. Осоргиной семья Рист приняла иное решение. Осенью 1954 г. Жермен Рист перевезла весь оставшийся архив от Родичевой из Лозанны к себе в Версаль и обратилась к Осоргиной с просьбой помочь в разборе бумаг и передаче их Национальной библиотеке. «Вы, должно быть, удивлены моим молчанием,— писала она ей 8 ноября 1954 г.— Когда я видела г. Маклакова в начале октября, он мне сказал, что Вы еще в Женеве. А потом я была больна и прикована к дому. Г. Маклаков совершенно согласен с тем, чтобы бумаги моего деда Александра Герцена, которые еще находятся у меня, были бы переданы господину Порше в Национальную библиотеку (. . .) Я хочу Вас просить, если это не очень трудно для Вас, приехать в удобный для Вас день в Версаль, чтобы самой разобрать бумаги, некоторые из них, быть может, взять с собой (. . .) и составить список всему, что может быть передано в Национальную библиотеку» [582]. Таким образом, во-первых, не все предполагалось передавать, а во-вторых, при решении вопроса о судьбе бумаг семья Рист советовалась с Маклаковым. Однако предоставим снова слово Т. А. Осоргиной: «В ноябре или самом начале декабря я была у нее в Версале (ее муж был еще жив; если не ошибаюсь, он умер в январе 1955 г.), и в тот же самый день она мне отдала все пакеты с бумагами с просьбой разобрать их окончательно и выделить пакет 1852 г., который она хотела оставить запечатанным. Официальная передача в Национальную библиотеку задержалась в связи со смертью Шарля Риста и состоялась 24 апреля 1955 г. В этот момент не был передан только пакет писем Герцена к Тате, который, как я думаю, хранился где-то особо (. . .). Это все легко объяснимо: этот пакет был в Версале уже раньше и г-жа Рист о нем забыла».

В Национальную библиотеку поступил тогда последний крупный комплекс бумаг, находившихся у Н. А. Герцен, и часть принадлежавшего О. А. Моно (в их числе были переданы два автографа Герцена: перевод на французский язык отрывка «Братьям на Руси» из главы XXV 5-й части «Былого и дум» с посвящением Мальвиде Мейзенбуг — см. XXX, 518—522, и «Vues alpestres» — см. XX, 648—659, а также письма Герцена к М. Мейзенбуг). Все это составило там три номера — Slave 108, 109, 110. Запечатанный пакет тогда еще номера не имел.

Письма Герцена и некоторые другие материалы (как оказалось — только хранившиеся под номером Slave 108) с разрешения Ж. Рист были фотокопированы главным хранителем департамента рукописей Национальной библиотеки Ж. Порше для «Литературного наследства» в 1956 г., и неизданная их часть вошла в 64-й том этого издания (письма Герцена к дочери Тате и к Огареву). Сами же фотокопии редакция передала в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, где они влились все в тот же фонд Герцена и Огарева.

Однако появившиеся в 1960-х годах во Франции публикации герценовских материалов из Национальной библиотеки показали, что копии, полученные в 1956 г., отражали далеко не все, полученное в Париже из семьи Ристов (даже если учитывать, что один пакет был еще запечатан). Предположив, что часть архива поступила в Национальную библиотеку позже, С. А. Макашин обратился за разъяснениями к Т. А. Осоргиной и снова вступил в переписку с Национальной библиотекой, где к этому времени департамент рукописей возглавлял уже Марсель Тома. Т. А. Осоргина писала ему 13 апреля 1969 г.: «Повторяю Вам еще раз: все то, что Вы видели и что

зарегистрировано под номерами Slave 108, 109, 110, было передано одновременно, при моем посредстве. В первый день нашего знакомства, осенью 1954 г., г-жа Рист передала мне все пакеты и просила их разобрать, отделив то, что касается 1852 года». Напоминая далее, что сам Макашин настаивал на микрофильмировании именно писем Герцена к Тате и Огареву, что и было сделано, она продолжала: «Должна добавить, что в тот момент весь архив находился в довольно хаотическом состоянии и точно нельзя было сказать, что в нем находится. После того как были сделаны микрофильмы с писем Герцена Тате и Огареву 〈. . .〉 заведующий Архивом Жан Порше просил меня разобрать этот архив и подготовить его для переплета 〈. . .〉 Именно в момент разборки этого архива я и обнаружила письма Нечаева. Вероятно, кроме самой Таты никто и не знал раньше, что они там находятся [583]».

Дала свои плоды и начатая Макашиным переписка с М. Тома: летом 1970 г. из Национальной библиотеки в обмен на микрофильмы французских рукописей из Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина были получены микрофильмы всего, что хранилось под номерами 108—110. Сделанные с них фотокопии тоже вошли в фонд Герцена и Огарева Ленинской библиотеки. Но запечатанный пакет в число этих копий не вошел: во время микрофильмирования он еще не был вскрыт. Приглашенному присутствовать на церемонии вскрытия С. А. Макашину (он был приглашен правнуками Герцена Леонардом и Ноэлем Ристами и, со своей стороны, Марселем Тома) не удалось это осуществить. Оказавшись в Париже только в конце 1970 г., он нашел пакет уже распечатанным и получил возможность тут же заказать, в счет будущей компенсации микрофильмами из советских архивов, копии всего его содержимого (пакет получил уже номер Slave 111). В обмене на этот раз участвовал ЦГАЛИ СССР [584]. В 1977 г. фотокопии материалов пакета поступили в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина и еще пополнили фонд № 69[585]. Все не публиковавшиеся до сих пор в русской печати материалы Герцена и Огарева, поступившие от Ристов в Национальную библиотеку, увидят свет в настоящем и следующем герценовском томах «Литературного наследства».

Следует сказать, что и при почти исчерпывающей передаче из семейного архива пи́сьма Герцена к дочери Ольге все-таки переданы не были. Сохранившиеся 28 писем к ней (частично обращенные к другим детям и к Мальвиде Мейзенбуг) разделились между тремя ее потомками: 21 письмо хранилось у дочери Ольги Александровны, Жанны Моно-Анфу, а после ее смерти в 1978 г. они перешли к сыну последней Андре Анфу (два из них были подарены публикатору этих писем А. Звигильскому), 5 писем хранятся у сына Жермен Рист Марио Риста в Версале, еще 2 письма у другого ее сына Ноэля в Париже [586].

При содействии внуков Герцена редакции «Литературного наследства» удалось получить микрофильм и с оказавшейся в Америке переписки А. И. и Н. А. Герценов с Астраковыми (по просьбе С. А. Макашина Жермен Рист обращалась по этому поводу в Колумбийский университет [587]), и с переписки Натальи Александровны Герцен с Гервегом, которую потомки последнего передали в Британский музей (в этом деле заслуга принадлежит Эдуарду Моно-Герцену, добившемуся согласия на это музея; копии были получены и составили предмет обширного обзора-публикации Л. Р. Ланского [588]).

Перейдем, наконец, к последней, четвертой части архива, принадлежавшей внуку Герцена Николаю, жившему в Швейцарии. Последний его брак с Идой Вилле был заключен за два года до его смерти (в 1929 г.). Детей от этого брака не было, и принадлежавшие Николаю Герцену материалы из архива деда остались у вдовы. Когда именно разделили между собою архив Наталья и Николай Герцены, установить не удается. Перечень документов, сохранившийся в записной книжке Николая Александровича и составленный, по-видимому, вскоре после смерти его отца, еще объединяет документы, впоследствии оказавшиеся в разных частях расколовшегося архива, да и сама-то записная книжка попала потом в Прагу [589]. Ида Герцен скончалась в 1949 г., а местонахождение и состав унаследованных ею от мужа герценовских бумаг другим потомкам Герцена не были известны. В неоднократно уже цитированном письме от 11 ноября 1955 г. Жермен Рист писала Макашину: «Часть оригинальных изданий книг Александра Герцена и комплект газеты «Колокол» были пожизненно предоставлены моему кузену Николаю Герцену, а в случае его смерти должны были возвратиться к моей тетке г-же Натали Герцен. Я не знаю, было ли это сделано, но г-жа Николай Герцен (т. е. Ида Герцен) после смерти своего мужа подарила моему брату Эдуарду Моно-Герцен комплект газеты „Колокол“» [590]. Здесь как будто снова всплывает так и не найденный Лемке комплект «Колокола» с разметкой принадлежавших Герцену статей, о котором мы уже говорили. Однако здесь речь, по-видимому, идет не о нем, а всего лишь о полугодовом

Н. П. ГЕРЦЕН И ЛЕОНАРД РИСТ — ПРАВНУКИ ГЕРЦЕНА
Фотография. Москва, 1976
Музей Герцена, Москва

комплекте французского «Kolokol», принесенном позднее в дар музею Герцена в Москве. Архивные же материалы Герцена и книги из его библиотеки (теперь ясно, что вдова Николая Герцена не возвратила их Наталье Александровне) после смерти Иды Герцен достались ее другу и душеприказчице Этель Нагель, хранившей их у себя еще 18 лет. Только в июне 1967 г. все это приобрела у нее Публичная и университетская библиотека в Женеве.

С. А. Макашин узнал об этом, находясь в конце 1970 г. в Париже, и, возвратившись в Москву, немедленно обратился в Женеву к профессору университета Свену Стеллингу-Мишо и к хранителю отдела рукописей Ф. Монье. В тот момент большая часть купленных библиотекой материалов готовилась к изданию отдельной книгой [591], что препятствовало немедленному микрофильмированию. Но настойчивость «Литературного наследства» и благожелательное участие ЦГАОР СССР, предоставившего нужные для обмена микрофильмы, привели вскоре к успеху. Копии были получены, и это дало возможность осуществить в настоящем томе первую публикацию хранящихся в Женевской библиотеке материалов с текстологической редакцией по фотокопиям.

Помимо документов и книг, библиотека в Женеве приобрела у Э. Нагель фотографии, портреты Герцена и его невестки Терезины кисти Н. А. Герцен, некоторые вещественные реликвии: принадлежавшие Герцену часы, портфель, булавку для галстука. Бóльшая часть полученных книг принадлежала к собраниям сына и внука Герцена. К библиотеке же его самого, судя по списку, полученному из Женевы, восходят очень немногие книги: неполный комплект «Полярной звезды» (кн. 1—6), три комплекта «La Cloche» (два из них неполные), изданные при жизни Герцена сочинения русских писателей: Некрасова (изд. Солдатенкова и Щепкина, М., 1856), Гоголя (М., 1865; только т. 1—4), Кольцова (М., 1856), Грибоедова (Берлин, 1860), «Записки из Мертвого дома» Достоевского (оттиск из журнала «Время» с дарственной надписью автора Герцену [592]), анненковское издание Пушкина (т. 1—3, 5—7), стихотворения Полежаева (М., 1859), «Записки охотника» Тургенева (М., 1852, ч. 2), «Кобзарь» Шевченко [593]. Помимо названного — подаренные Герцену книги В. Лугинина («Густав Вернер и основанная им в Рейтлингене брат-

ская община»), Гржималы Любанского («La verité sur les lettres de M. J. Proudhon». Turin, 1862) и, вероятно принадлежавшие ему следующие: мемуары П. В. Долгорукова (Женева, 1867, т. 1), «La cour de Russie il y a cent ans» (Берлин, 1858), «Артели в древней и нынешней России» Н. Калачова (СПб., 1861), три книги Прудона, «La liberté» Стюарта Милля (Париж, 1864), «Auguste Comte et la philosophie positive» Литтре (Париж, 1863), наконец, изданные самим Герценом «Записки Екатерины II». Обращает на себя внимание и наличие в этой группе книг еще одного комплекта «Колокола». Хотя в нем нехватает номеров, неполны и приложения «Общее вече» и «Под суд!», но комплект этот явно мемориален: на нем есть пометы Герцена и одна из них адресована Тате.

Таким образом, итогом многолетних разысканий всех частей распавшегося архива Герцена и Огарева, которые велись редакцией «Литературного наследства», явились не только ставшие их следствием шесть герцено-огаревских томов (т. 61—64 и два тома, издающиеся теперь), но и воссоединение в Москве — отчасти в подлинниках (Пражская коллекция и Софийская коллекция), отчасти в фотокопиях (материалы парижской Национальной библиотеки — «парижская коллекция», Международного института социальной истории в Амстердаме — «амстердамская коллекция»; Университетской и Публичной библиотеки в Женеве — «женевская коллекция», Колумбийского университета в США — «нью-йоркская коллекция») — всех документов архива, которые дети и внуки Герцена постепенно передали в зарубежные хранилища.

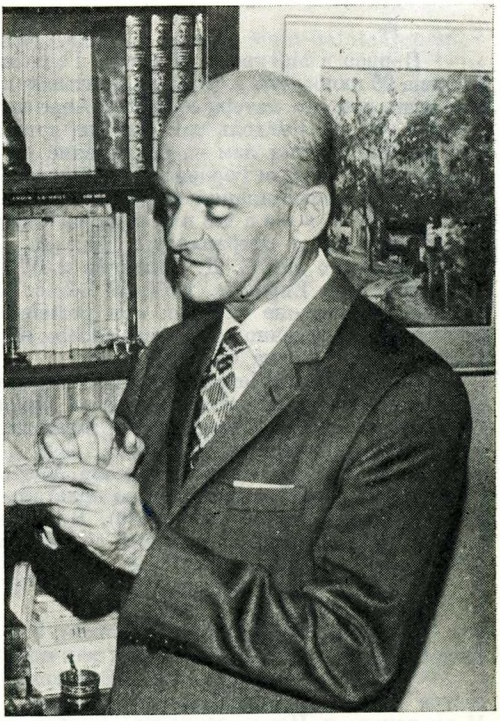
Наш обзор всех деталей этой истории был бы, однако, неполон, если бы мы не упомянули о реликвиях, оставшихся и после этого у потомков Герцена и только в последние годы то в подлинниках, то в копиях принесенных ими в дар московскому Музею Герцена. Среди них были и письма (17 писем Огарева дочерям Герцена и Мальвиде Мейзенбуг — они будут напечатаны в следующем томе «Литературного наследства», а также ранее известные письма Герцена к Мишле и Мейзенбуг), и мемориальные вещи уникального значения, картины, портреты, рисунки — и в том числе рисунки жены и дочери Герцена, непосредственная часть его архива.

Сведения о многом из перечисленного начали выявляться еще в ходе рассмотренной нами выше переписки С. А. Макашина с внуками Герцена. Уже в первом из своих писем Жермен Рист сообщала ему, что ее дядя Александр и тетка Натали раздали часть памятных вещей детям и племянникам, и называла многие хранящиеся у последних портреты. Ряд уточнений, а затем и даров — сперва «Литературному наследству», позднее, в период организации музея Герцена, открывшегося в Москве в 1976 г. как филиал Государственного литературного музея,— этому музею, последовал в результате переписки с правнуками Герцена Леонардом и Ноэлем Ристами и Сержем Герценом. Последний в ответ на обращение к нему С. А. Макашина прислал в дар будущему музею картину А. П. Боголюбова «Апофеоз «Полярной звезды» и «Колокола»», в 1860 г. преподнесенную Герцену колонией русских художников в Париже и высоко ценившуюся Герценом. От него же потом поступил в музей, как уже упоминалось, тот самый бюст Герцена работы Грасса, розысков которого так упорно добивалась в свое время Н. А. Тучкова-Огарева [594]. Ноэль Рист подарил музею цветную репродукцию принадлежащего ему портрета Герцена работы его старшей дочери. Особенно большой вклад в музей внес Леонард Рист. Встречавшийся с ним в конце 1960-х — начале 1970-х годов С. А. Макашин так вспоминает о нем и об этих встречах: «Это был удивительно милый, приятный, отзывчивый человек, сохранивший интерес к своему великому прадеду и ради этого взявшийся, уже в зрелые годы, за изучение русского языка. Он жил в Версале, в том самом доме — 18 bis, rue du Parc-de Clagny, где раньше жила его бабушка Ольга Александровна Моно-Герцен и его мать Жермена Шарль Рист. Его большой кабинет напоминал залы бывшего музея сороковых годов на Собачьей площадке в Москве. Так много было в этой комнате старинных предметов, фотографий, книг, мемориальных предметов, относящихся к Герцену, его семье и окружению. Я постарался убедить Леонарда Риста в необходимости передать все это в Москву, в будущий музей Герцена, решение о создании которого тогда только что было принято» [595].

Впоследствии беседы на эти темы были с большим успехом продолжены жившей в Москве (ныне покойной) правнучкой Герцена Н. П. Герцен, роль которой в передаче последних реликвий на родину трудно переоценить. Из каждой своей поездки во Францию — и при жизни ее кузена Леонарда Риста, и в 1982 г., уже после его кончины — она привозила, а затем передавала в Музей Герцена драгоценные материалы. Надо надеяться, что постепенно и все еще остающиеся за рубежом реликвии окажутся в доме Герцена на Сивцевом Вражке.

Скажем в заключение несколько слов о сделанной нами попытке обнаружить в составе хранящейся в фондах Государственной библиотеки имени В. И. Ленина библиотеки Н. А. Рубакина,

завещанной им Советскому Союзу, книги, некогда принадлежавшие Герцену. Версия о том, что дети Герцена передали Рубакину находившиеся у них книги из библиотеки отца, давно встречалась в литературе [596]. Достоверность ее, однако, никем не проверялась. Переписка Рубакина с дочерьми Герцена, хранящаяся в его архиве, а в особенности записи в его дневнике подтверждали, на первый взгляд, указанную версию. Дневник Рубакина за последние дни жизни Н. А. Герцен в сентябре 1936 г. и за следующий месяц, когда О. Моно, Ж. Рист и А. Родичева разбирали оставшееся имущество, показывает, что он получил для своей библиотеки «несколько сот» книг, принадлежавших Наталье Александровне [597]. Среди них могли, конечно, быть книги, доставшиеся ей от отца (хотя, если судить по свидетельствам Ж. Рист и по книгам, поступившим в женевскую библиотеку, они были особо выделены гораздо раньше).



СЕРЖ ГЕРЦЕН — ПРАВНУК ГЕРЦЕНА
Фотография. Блоне (Швейцария), 1974
Музей Герцена, Москва

Проверить это было нелегко, так как книги, поступившие от наследников Н. А. Герцен, растворились в обширной библиотеке Рубакина, насчитывающей десятки тысяч книг. Проверка производилась несколькими путями. Так как библиотека Рубакина хранится в том же порядке, в каком существовала в Швейцарии, и с составленным там систематическим каталогом, то оказалось возможным выявить все книги, изданные до 1870 г., в тех разделах, где литература скорее всего могла соответствовать предполагаемому и выясняющемуся из переписки Герцена составу его небольшой, как мы уже знаем, библиотеки (история, философия, социология, публицистика, художественная литература). Кроме того, проверялись книги всех авторов из окружения Герцена, чьи труды, скорее всего, у него были (близкие русские и иностранные друзья, деятели европейского революционного движения и общественной мысли). В результате удалось выявить около ста книг, происходящих из семьи Герцена: с владельческими надписями его детей и внуков, с их дарственными надписями друг другу, с дарственными им от авторов книг. В ходе проверки обнаружился и третий путь выявления: оказалось, что многие книги, принадлежавшие членам семьи Герцена, имеют характерные идентичные переплеты. Сплошной просмотр всей библиотеки Рубакина для отбора книг с такими переплетами еще пополнил выявленный ранее круг изданий. Но в результате стало ясно, что в библиотеке Рубакина нет ни одной книги, чья принадлежность Герцену, а не его потомкам, может быть доказана документально. Сам Рубакин считал принадлежавшей Герцену одну книгу — итальянско-немецкий и немецко-итальянский словарь Ф. Феллера (Лейпциг, 1868), на обрезе которого была сделана надпись: «A. H. Florenz». Вообразив, что это инициалы А. И. Герцена, Рубакин надписал на словаре: «Книга эта принадлежала А. И. Герцену. См. буквы А. Н. на обрезе. Редк⟨ая⟩». Но он ошибался: на защитном листе книги есть дарственная надпись: «Ricordo dello zio Guglielmo. Bortino, 23 ottobre 1868» *, сделанная, конечно, кем-то из родственников жены Александра Александровича Герцена, и книга, несомненно, была подарена ему. Таким образом, версия о книгах Герцена в составе библиотеки Рубакина не подтвердилась. Книги из библиотеки Герцена, которые не были в свое время отданы его внуку Николаю, остались в семье, так же как и книги, которые он сам дарил детям. Часть их поступила теперь в московский Музей Герцена.

Окончен наш рассказ о судьбе архива Герцена и Огарева. Но сложная и запутанная его история все еще не окончена. Не все опубликовано, многое не понято, многое не найдено. Поиски продолжаются.

---

* На память от дяди Гульельмо. Бортино, 23 октября 1868 (*итал.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первое в Москве: при аресте Герцена 21 июля 1834 г. Два в Париже: обыск в квартире Герцена 25 июня 1848 г. (бумаги, взятые полицейским офицером, впоследствии были возвращены); обыск на даче его матери в Виль-д'Авре под Парижем 23 июня 1849 г. после отъезда Герцена в Женеву. М. К. Рейхель так описала тогдашнюю ситуацию: «...были только бумаги Герцена, которые он оставил нам на сохранение <. . .> Я скоро нашла бумаги и привязала их себе под платье <. . .> Бумаги Герцена мы с Луизой Ивановной долго носили на себе» (М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, с. 65).

[2] И. А. Желвакова. Дом на Сивцевом Вражке. М., 1982, с. 137.

[3] Записка не сохранилась. См.: А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 234 (указано нам С. Д. Лищинер и И. Г. Птушкиной).

[4] «Вестник Европы», 1913, № 1-2, с. 55.

[5] В подлиннике сказано: «Un portefeuille avec des papiers assez graves» (XXV, 34). Слово «portefeuille» неудачно переведено словом «бумажник»: бумажник не мог вместить целый комплекс важных для Герцена бумаг.

[6] Составители «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена» предполагают, что среди привезенных Редигером материалов была рукопись «Долг прежде всего» (т. 2, с. 155).

[7] «Мешки еще в Берне,— прибавлял он.— Мать моя боится, как бы содержимое их не попортилось...» (см. наст. том, с. 113).

[8] «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена», т. 2, с. 218.

[9] Н. П. Анциферов ошибочно полагал, что Булич привез Герцену его письма к Астраковым («Лит. наследство», т. 63, с. 436). В действительности Т. А. Астракова прислала эти письма после смерти Герцена его старшей дочери (см. ее письмо к Н. А. Тучковой-Огаревой 1885 года.— *ГБЛ*, ф. 69, 9.23, л. 20).

[10] См. «Лит. наследство», т. 62, с. 755—757.

[11] Там же, т. 63, с. 602.

[12] *ГБЛ*, ф. 196 (Е. С. Некрасовой), 7.18, л. 24 об. Речь идет, конечно, лишь о какой-то части писем Герцена к М. Ф. Корш, так как немало его писем к ней известно.

[13] Там же, 7.20, л. 5—5 об. Екатерина Александровна Захарьина, в замужестве Селина,— сестра Натальи Александровны Герцен. И. А. Линниченко (1857—1926) — историк, проф. Московского и Новороссийского университетов.

[14] «Русские Пропилеи», т. IV. М., 1917, с. 253.

[15] Архив Н. А. и Н. П. Огаревых. М., 1930 (далее: *АО*), с. 61.

[16] Там же, с. 62.

[17] «Лит. наследство», т. 63, с. 514.

[18] Письмо от 1 мая 1875 г.— Там же.

[19] Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957; «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1. М., 1975; вып. 2. М., 1979.

[20] Н. М. Мендельсон. Судьба литературного наследства А. И. Герцена («Лит. наследство», т. 7-8); С. А. Макашин. Софийская коллекция рукописей из архива Герцена и Огарева («Известия АН СССР», отд. литературы и языка, т. XIII, вып. 5. М., 1954); Б. П. Козьмин. Софийская коллекция Герцена и Огарева («Вопросы истории», 1954, № 11).

[21] М. И. Гиллельсон, Е. Н. Дрыжакова, М. К. Перкаль. А. И. Герцен. Семинарий. М., 1965, глава «Судьба рукописного наследия»; Н. С. Рогова. Из истории переписки А. И. Герцена 1859—1861 гг. (Судьба документальных материалов).— «Труды Моск. гос. историко-архивного института», т. 16. М., 1961. Н. С. Роговой удалось несколько расширить накопленные сведения, но небольшой объем статьи и избранные ею узкие хронологические рамки помешали полной реализации ее замысла.

[22] С. А. Макашин. Указ. соч., с. 456; Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 320.

[23] Л. Р. Ланский, В. А. Путинцев. Рукописи произведений Герцена в Пражской и Софийской коллекциях («Лит. наследство», т. 63); Н. П. Анциферов. Иконографические и мемориальные материалы Пражской коллекции (там же); Л. Р. Ланский. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена (там же); Я. З. Черняк. Фонд Н. П. Огарева («Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» (далее: Зап. *ГБЛ*), вып. 12. М., 1951).

[24] В. И. Кулешов. Переписка М. К. Лемке с наследниками Герцена («Лит. наследство», т. 63); А. Н. Дубовиков. Воспоминания Т. П. Пассек «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарева (там же); М. Г. Вандалковская. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, глава «М. К. Лемке — герценовед»; С. В. Житомирская. Первый в России музей освободительного движения («Федоровские чтения за 1974 год». М., 1976).

[25] По родословной Герценов, составленной недавно скончавшимся правнуком Герцена Леонардом Ристом, в настоящее время в европейских странах и США проживает не менее 75 прямых потомков Герцена (*ГБЛ*, ф. 69, 26.72).

[26] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 623—681.

[27] Там же, ед. хр. 602—618.

[28] См. в наст. томе с. 421.

[29] Первое письмо его по приезде домой датировано 26 февраля (см.: *АО*, с. 77).

[30] Там же.

[31] Там же, с. 80.

[32] *ГБЛ*, ф. 69, 11.85, л. 2.
[33] M. M e r v a u d. Lettres de Nicolas Ogarev à Alexandre Herzen-fils. Mont-Saint-Aignan — Paris, 1978, p. 164, 166.
[34] *АО*, с. 80.
[35] Там же, с. 82.
[36] М. М е р в о. Указ. соч., с. 164.
[37] *АО*, с. 78.
[38] «Лит. наследство», т. 41-42, с. 163.
[39] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1958, с. 302.
[40] *АО*, с. 80.
[41] *АО*, с. 81 (с ошибочной датировкой февралем).
[42] Там же, с. 78.
[43] М. М е р в о. Указ. соч., с. 166.
[44] *АО*, с. 79.
[45] *ГБЛ*, ф. 69, 24.14, л. 5.
[46] Там же, л. 21.
[47] См. письмо Н. А. Герцен к М. К. Рейхель от 8 октября (там же, л. 23).
[48] Печатая в «Полярной звезде» главу «Oceano nox», Герцен писал: «Этот отрывок (никогда еще не печатавшийся) принадлежит к той части «Былого и дум», которая будет издана гораздо позже и для которой я писал все остальное» (X, 271). Тем же почти предварял он публикацию V части «Былого и дум»: «Многое, не взошедшее в «Полярную звезду», вошло в это издание, но всего я не могу еще передать читателям по разным общим и личным причинам. Не за горами и то время, когда напечатаются не только выпущенные страницы, но и целый том, самый дорогой для меня...» (X, 10).
[49] См.: «Описание рукописей А. И. Герцена». М., 1950, с. 8—10, № 7—14.
[50] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 118, 122—125.
[51] *АО*, с. 92.
[52] С. А. М а к а ш и н. Указ. соч., с. 456; Н. С. Р о г о в а. Указ. соч., с. 320; «Лит. наследство», т. 64, с. 319.
[53] М. О. Г е р ш е н з о н. Образы прошлого. М., 1912, с. 277.
[54] Фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 21.51.
[55] Фотокопии: там же, ф. 69, 20.51—52.
[56] *ОПИ ГИМ*, ф. 342.
[57] «Лит. наследство», т. 39-40, с. 282—285.
[58] «Herzen et Proudhon». Paris, 1928.
[59] «Correspondance de P.-J. Proudhon». Paris, 1875.
[60] «Былое», 1907, № 5, с. 208.
[61] М. Мерво в своей публикации «Herzen et Proudhon» ошибочно указывает, будто Лемке ссылался на подлинник приписки, находящийся в Москве. См.: «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», v. XII, N 1-2, p. 146.
[62] «Лит. наследство», т. 39-40, с. 269, 272.
[63] Ранее оно было напечатано Н. М. Мендельсоном по копии в его работе «Герцен, Прудон и Толстой» («Лит. наследство», т. 15).
[64] «Лит. наследство», т. 62, с. 497—498.
[65] Фотокопия: *ГБЛ*, 21.48. Приписка вклеена Герценом в альбом автографов. Тот факт, что Н. А. Герцен не нашла ее для Лабри, говорит о том, что уже тогда альбома у нее не было (см. ниже, с. 557).
[66] *ГБЛ*, ф. 69, 9.23, л. 8об. Письма хранятся с 1952 г. в Колумбийском университете (США), фотокопии: *ГБЛ*, ф. 69, 17.9—17, 22.3—27. Часть их напечатана впервые: «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, 1957 (письма Герцена и письма Н. А. Герцен, где были его приписки); впоследствии более исправно (письма Герцена): «Лит. наследство», т. 64. Оказалось потом, что сгорело далеко не все: в августе 1885 г. Астракова радостно извещала Наталью Алексеевну: «Нашлись записочки Наташи Герц‹ен› (московские), ваши письма и Огар‹ева› из П‹етербург›а и заграничные» (9.23, л. 12). Как показало недавнее приобретение Литературным музеем архива Астраковой, у нее уцелело немало писем, и в их числе — 16 писем или приписок Герцена и 21 письмо (или приписка) Огарева (см. об этом: И. А. Ж е л в а к о в а. Указ. соч., с. 155—186). Но, вероятнее всего, часть писем все же погибла.
[67] «Лит. наследство», т. 61, с. 300—301.
[68] *ГБЛ*, ф. 69, 24.14, л. 5.
[69] *АО*, с. 83.
[70] *ГБЛ*, ф. 69, 24.14, л. 19, 25.
[71] Там же, 24.15, л. 1.
[72] Там же, 24.26, л. 7—8.
[73] Там же, 24.15, л. 1.
[74] Н. П. А н ц и ф е р о в. Письма к М. К. Рейхель («Лит. наследство», т. 61, с. 292).
[75] М. К. Р е й х е л ь. Указ. соч., с. 73—74.
[76] Н. П. А н ц и ф е р о в. Указ. соч., с. 303.
[77] Там же, с. 307—314.
[78] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 768—805.
[79] В списке, присланном редакции «Литературного наследства» проф. Ван-Россумом, значится 14 писем М. К. Рейхель к А. А. Герцену за 1859, 1871—1875 гг.

[80] Ср.: Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 319, где сказано, что письма прислала Г. Моно, вдова Мишле. Статья Герцена «Michel Bakounine» (VII, 340—350), вторая статья — «Pétrachevsky» (*Л* VI, 487—502).
[81] *ГБЛ*, ф. 69, 24.15, л. 3.
[82] *ЦГАОР*, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 2.
[83] См. его письмо к ней от 24 июля 1869 г. («Лит. наследство», т. 63, с. 424—425).
[84] *ЦГАОР*, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 7об.
[85] Там же, л. 4—4об.
[86] Там же, л. 11.
[87] *ГБЛ*, ф. 69, 24.15, л. 16—17.
[88] *ЦГАОР*, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 14.
[89] Там же, л. 10.
[90] *ГБЛ*, ф. 69, 24.16, л. 2.
[91] Там же, л. 3.
[92] *ЦГАОР*, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35, л. 15.
[93] *ГБЛ*, ф. 69, 24.16, л. 6.
[94] «Лит. наследство», т. 63, с. 517.
[95] Там же, с. 590.
[96] М. Мерво. Указ. соч., с. 235.
[97] «Лит. наследство», т. 61, с. 594.
[98] М. Мерво. Указ. соч., с. 237.
[99] «Лит. наследство», т. 63, с. 603, 604, 606.
[100] Там же, с. 612.
[101] *ГБЛ*, ф. 69, 10.88, л. 1; об обещании А. А. Герцена прислать взамен ответные письма Огарева см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 609.
[102] *ГБЛ*, ф. 69, 10.88, л. 4—5.
[103] «Лит. наследство», т. 63, с. 610.
[104] Там же, т. 61, с. 379—454.
[105] М. Мерво. Указ. соч., с. 239.
[106] «Лит. наследство», т. 63, с. 595.
[107] Там же, с. 718—719.
[108] Подробнее всего осветил ее М. К. Перкаль (в кн.: «А. И. Герцен. Семинарий», с. 21—22), но и в его изложение вкрались некоторые неточности.
[109] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1958, с. 302—303.
[110] *ГБЛ*, ф. 196, 18.18, л. 3об.— 4 (письмо от 30 июня 1892 г.).
[111] *АО*, с. 289.
[112] Там же, с. 295.
[113] Письма А. А. и Н. А. Герценов — в кн.: «Архив Н. А. и Н. П. Огаревых, письма Н. А. Тучковой-Огаревой» (*ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 675—676) — частично приведены в обзоре Н. А. Роскиной «Из переписки Н. А. Тучковой-Огаревой» («Лит. наследство», т. 63, с. 517—520).
[114] *ГБЛ*, ф. 196, 12.9, л. 37об.
[115] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 675, л. 12, 15об.
[116] *АО*, с. 91—92.
[117] Подлинник на франц. яз. в сб.: «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 514.
[118] «Лит. наследство», т. 63, с. 517; сокращенное в подлиннике слово «Герц.» (в первом случае) при публикации неверно прочитано как «Герцена», что противоречит контексту. Подлинник см.: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 28об.
[119] Там же, л. 33об. В публикации («Лит. наследство», т. 63, с. 518) пропущено слово «если», что меняет смысл фразы.
[120] «А. И. Герцен. Семинарий», с. 20—21.
[121] «Лит. наследство», т. 63, с. 518.
[122] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 11—11об. Речь идет о французском переводе «Былого и дум».
[123] Там же, л. 14.
[124] «Лит. наследство», т. 63, с. 518.
[125] *АО*, с. 137 (письмо от 9 ноября 1874 г.).
[126] Там же, с. 140.
[127] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 20 (письмо от 23 ноября 1874 г.).
[128] Там же, л. 22.
[129] Там же, л. 27об. В обзоре Н. А. Роскиной цитата приведена с рядом ошибок (см. с. 517).
[130] Там же, л. 32.
[131] «Лит. наследство», т. 63, с. 518.
[132] Там же, с. 517.
[133] *АО*, с. 162.
[134] «Лит. наследство», т. 63, с. 518. Слово «Дневнику» в этой цитате ошибочно прочитано публикатором как слово «Давыдову», а вслед за этим сделана неудачная попытка объяснить появление в тексте непонятно откуда возникшего имени.
[135] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 676, л. 25 об., 31 об.
[136] *АО*, с. 147.
[137] Письмо от 23 апреля 1875 г. (*АО*, с. 169).
[138] «Лит. наследство», т. 63, с. 519.

[139] Там же, с. 519—520
[140] Письмо от 15 мая 1875 г. (*АО*, с. 176).
[141] «Лит. наследство», т. 63, с. 520.
[142] И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем, т. 11. М.—Л., 1966, с. 203. Почти дословно Тургенев повторил этот отзыв в тот же день в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину, в конце которого он прибавлял: «Жаль, что напечатать это невозможно» (с. 205).
[143] Там же, с. 206—207.
[144] *ПД*, ф. 7, № 11, л. 11—12.
[145] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, с. 211.
[146] См. его письма к ней от 6, 25 июня и 9 августа 1875 г. (там же, с. 100, 107, 112, 123).
[147] *АО*, с. 239.
[148] «Лит. наследство», т. 63, с. 521.
[149] *АО*, с. 243.
[150] *АО*, с. 244—245.
[151] Там же, с. 215, 229, 230, 244.
[152] В составе архива Вырубова все это попало в Библиотеку Академии наук в Петербурге, теперь этот архив в *ПД*, ф. 78.
[153] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1958, с. 275; *АО*, с. 281.
[154] ГБЛ, ф. 196, 18.14, л. 1 об. Это утверждение неверно: книга осталась во Флоренции у Герценов и только в 1982 г. была подарена вдовой Леонарда Риста Наталье Петровне Герцен, подарившей ее Музею Герцена в Москве.
[155] *АО*, с. 283.
[156] *ЦГАОР*, ф. 109, 3 эксп. III Отделения, 1871, д. 35.
[157] Там же, л. 27.
[158] Там же, л. 18.
[159] Там же, л. 34.
[160] Там же, л. 35, 41.
[161] Там же, л. 43
[162] Там же, л. 45—45 об.
[163] Местонахождение их сейчас неизвестно. Указания пензенским властям о повторном досмотре бумаг не последовало.
[164] Н. А. Тучкова-Огарева. Указ. соч., с. 223.
[165] В тот же день он писал Тате и Мейзенбуг: «Вот вам мой первый рапорт об Ог‹areве› — пишу почти слово в слово то, что написал сейчас в Ниццу» (XXIX, 281). Письмо «в Ниццу» (т. е. к Тучковой-Огаревой), как указано в комментарии (там же, с. 677), неизвестно.
[166] «Лит. наследство», т. 63, с. 517. Подчеркнем здесь слово *могла*.
[167] «А. И. Герцен. Семинарий», с. 8.
[168] Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 320.
[169] *АО*, с. 131.
[170] Там же, с. 143—144.
[171] Там же, с. 228—229.
[172] Там же с. 230.
[173] *ГБЛ*, ф. 196, 18.19, л. 11 об. (письмо от 25 октября 1894 г.).
[174] *АО*, с. 229. В ответном письме А. А. Герцен заверял ее, что никто не собирается печатать этот дневник (там же, с. 230).
[175] *ГБЛ*, ф. 196, 18.19, л. 10 об.
[176] Там же, 18.26, л. 33.
[177] Там же, 12.11, л. 41.
[178] Там же, 18.26, л. 3 об.
[179] Там же, 18.27, л. 23.
[180] Е. С. Некрасова. О последних годах жизни Н. П. Огарева («Русская мысль», 1902, № 5, с. 206).
[181] Письмо к Н. А. Тучковой-Огаревой от 20 ноября 1875 г. (*АО*, с. 212).
[182] *ЦГАЛИ*, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 232, л. 28 об.
[183] Обращает на себя внимание упоминание здесь имени Тхоржевского как одного из владельцев бумаг Герцена и Огарева. Архив его неизвестен, но не исключено, что в нем находились какие-то рукописи и письма, относящиеся к изданиям Вольной русской типографии.
[184] *ЦГАЛИ*, ф. 1065.
[185] А. Н. Дубовиков. Указ. соч. («Лит. наследство», т. 63, с. 565—646).
[186] Письмо от 14 марта 1886 г. (*ГБЛ*, ф. 69, 24.23, л. 1).
[187] Письмо от 27 марта 1886 г. (там же, л. 6).
[188] «Лит. наследство», т. 63, с. 606—609.
[189] ЦГАЛИ, ф. 514, оп. 2, ед. хр. 1 (подлинник на франц. яз.).
[190] ЦГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 647.
[191] Там же, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 613.
[192] Ошибка эта, к сожалению, повторена и автором этих строк, включившим публикацию «Из переписки недавних деятелей» в библиографическую справку о работах Некрасовой (см.: «Федоровские чтения за 1974 год», с. 31).
[193] Н. М. Мендельсон. Указ. соч., с. 289.
[194] Зап. *ГБЛ*, вып. 12, с. 46.
[195] Там же, с. 46—47.

[196] *ЦГАЛИ*, ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 6, л. 2.
[197] *ГБЛ*, ф. 77, 2.32, л. 1—1об.
[198] *ЦГАЛИ*, ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 6, л. 3.
[199] *ГБЛ*, ф. 77, 2.32, л. 5.
[200] «Русская мысль», 1888, № 7, с. 1.
[201] См., например, его письма от 13 августа и 28 сентября 1888 г. (*ГБЛ*, ф. 77, 2.32, л. 3,5).
[202] «Русская мысль», 1888, № 7, с. 2, 4.
[203] *ЦГАЛИ*, ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 6, л. 9—10. Текст от слов «Основные фазы» до «опубликованной в России» в подлиннике на франц. яз.
[204] Там же, л. 11. Хотя в письме А. А. Герцена шла речь о статье для «литературного лексикона», в действительности имелось в виду издание «Grande encyclopédie», подзаголовок которой, как известно, гласит: «Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts» («Толковый словарь наук, литературы и искусств»). Статья Драгоманова о Герцене, напечатанная в т. 20 энциклопедии (р. 27—28), отвечала по существу на все заданные редакцией вопросы. Статья подписана буквами D. H. M., легко расшифровывающимися как Драгоманов — Герцен — Моно. Таким образом, она оказывается единственной биографической справкой о Герцене, исходящей от его детей и коллективно ими подписанной, хотя и принадлежит перу Драгоманова.
[205] Произведения Герцена из его записной тетради 1835—1838 гг.: «Русская мысль», 1881. № 12; 1882, № 1 и 12; переписка Герцена с невестой: «Русская мысль», 1893, № 1; о переписке Герцена с Тургеневым: «Русская мысль», 1895, № 2.
[206] «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова». Женева, 1892; «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова». Женева, 1896.
[207] «Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3. СПб., 1913, с. 705.
[208] «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869)». Женева, 1887.
[209] «Лит. наследство», т. 63, с. 845.
[210] Там же, письмо от 16 июня 1914 г.
[211] Там же.
[212] См. замечания по этому поводу А. Н. Дубовикова: «Лит. наследство», т. 63, с. 566.
[213] Зап. *ГБЛ*, вып. 12, с. 58.
[214] *ГБЛ*, ф. 196, 7.22, л. 77—78.
[215] Там же, 8.1, л. 57 об.—58.
[216] Работа эта описана в той же статье Я. З. Черняка: Зап. *ГБЛ*, вып. 12, с. 59—67.
[217] «Русская мысль», 1881, № 12, с. 47.
[218] Хранится теперь под шифром: *ГБЛ*, ф. 69, 2.32; см. также: «Описание рукописей А. И. Герцена». М., 1950, с. 16—17.
[219] *ГБЛ*, ф. 196, 7.18, л. 25.
[220] И. И. Срезневский. Несколько припоминаний о научной деятельности А. Е. Викторова («Сборник ОРЯС», т. 21, № 8. СПб., 1881); А. Ф. Бычков. Воспоминания («Известия Академии наук», т. 33. СПб., 1883); Р. П. Матерна. Архив А. Е. Викторова (Зап. *ГБЛ*, вып. 16. М., 1954).
[221] С. В. Житомирская. К истории писем Н. Н. Пушкиной («Прометей», вып. 8. М., 1972).
[222] К. А. Майкова. Первые декабристские рукописи в Румянцевском музее. (Зап. *ГБЛ*, вып. 36. М., 1975).
[223] «Он принес мне ее в рукописное отделение, положил ее передо мной на стол, сделав вокруг или, вернее, с 3 сторон изгородь из книг, чтобы никто не мог увидеть, что передо мной лежат „Былое и думы“» (*ЛБ*, ф. 196, 23.49, л. 8об.). О поддержке им начинаний Некрасовой говорит и написанный ею некролог ему: Е. С. Некрасова. Алексей Егорович Викторов. Очерк по письмам и личным воспоминаниям («Русская старина», 1884, № 9, с. 425—448).
[224] Архив Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (далее: Архив *ГБЛ*), оп. 1, д. 602, л. 145.
[225] Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев (далее: Отчет *МП* и *РМ*) за 1892—1894 гг. М., 1895, с. 55—56.
[226] Письмо к А. И. Калишевскому от 11 ноября 1904 г. (*ГБЛ*, ф. 196, 9.22, л. 1 об.).
[227] Среди них следует назвать прежде всего статью П. В. Анненкова «Идеалисты 30-х годов» («Вестник Европы», 1888, № 3-4) и воспоминания А. П. Милюкова («Русский вестник», 1888, № 12).
[228] «А. И. Герцен. Его заметки и наброски» («Русская старина», 1889, № 1); «Письма Герцена и Огарева к В. Кельсиеву» (там же); «Переписка Н. А. Герцен с А. Г. Клиентовой» (там же, 1892, № 3); «А. И. Герцен и Н. А. Захарьина» («Русская мысль», 1893, № 1); «Связка писем Герцена» («Северный вестник», 1894, № 7-8); «Юношеские литературные труды Герцена» (там же, 1895, № 9); «Н. П. Огарев» (Сб. «Почин», вып. 1. М., 1895); «Герцен в Вятке» (там же); «Герцен, его хлопоты о заграничном паспорте» («Русская мысль», 1904, № 9, 11).
[229] Я. З. Черняк. Указ. соч., с. 48.
[230] См. ниже. Подробнее: М. К. Перкаль. Из истории издания произведений А. И. Герцена (Сб. «Книга. Исследования и материалы», вып. 6. М., 1962); «А. И. Герцен. Семинарий», с. 26—31.
[231] «Смерть Н. А. Герцен. Из дневника А. И. Герцена» (Сб. «Памяти Белинского». М., 1899); «Из заграничной жизни Герцена» («Русские ведомости», 1903, № 119); «Похороны Герцена» (там же, 1903, № 9).

[232] *ГБЛ*, ф. 196, 23.50, л. 6.
[233] *ГБЛ*, ф. 196, 12.8, л. 1.
[234] Там же, л. 3—3 об.
[235] Письмо от 16 июня 1890 г. (Сб. «Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3. СПб., 1912, с. 703).
[236] Там же, с. 704.
[237] Письмо от 22 марта 1892 г. (*ГБЛ*, ф. 196, 12.8, л. 5).
[238] Там же, л. 5 об.
[239] Там же, л. 11 об.
[240] *ГБЛ*, ф. 196, 18.18, л. 9 об.
[241] Там же, 18.17, л. 31—31 об.
[242] Она писала, например, почти незнакомой ей О. А. Голохвастовой: «Говорят, что Вы обладаете многими семейными портретами и миньятюрами семейства Яковлевых. Я очень понимаю, может быть, более кого бы то ни было, как дороги семейные портреты и воспоминания, и потому согласна, что при жизни расстаться с ними немыслимо, но оставлять их на произвол судьбы тоже очень жаль, особенно когда дело идет о личности, которая со временем будет так оценена в русской истории, как Герцен: все, что до него касается, будет драгоценно; вот почему я Вам смею предложить завещать все эти семейные портреты в Румянцевский музей, где они будут тщательно сбережены; то же сделаю и я с теми немногими драгоценностями, которые имею» (*ГБЛ*, ф. 196, 18.15).
[243] Письмо 1892 г. (датируется по письму Н. А. Тучковой-Огаревой к Некрасовой от 29 июля 1892 г.) — *ГБЛ*, ф. 196, 18.14.
[244] Там же, 18.18, л. 25.
[245] Там же, 18.11, л. 27 об., 31 об. Портрет Герцена, о котором идет речь, сохранился, но поступил в Отдел рукописей ГБЛ только в 1969 г. от внука и тезки Е. Ф. Корша (хранится в фонде семьи Коршей — ф. 465).
[246] Отчет *МП* и *РМ* за 1886—1888 гг. М., 1889, с. 107.
[247] Отчет *МП* и *РМ* за 1889—1891 гг. М., 1892, с. 76.
[248] *ГБЛ*, ф. 196, 8. 11, л. 33. Некрасова видела у М. Е. Корш медальонный дагерротип Н. А. Герцен 1847 г., портрет Герцена работы Леона Ноэля, с дарственной надписью Герцена М. Ф. Корш от 24 ноября 1847 г., портреты Саши и Таты детьми, М. К. Эрн с Колей, фотографии Таты, альбом, где есть «портрет Огарева с собственноручной надписью, данный в 1857 г.» (л. 34), альбом итальянских картин с дарственной надписью Герцена М. Ф. Корш.
[249] Там же, л. 35 об.
[250] Там же, л. 47.
[251] Архив Астраковой, сохранившийся в семье сына В. В. Антушева, лишь в 1978 г. поступил в Государственный литературный музей (см. об этом: И. А. Желвакова. Указ. соч., с. 152—186). Материалы из этого архива публикуются в следующем томе «Лит. наследства».
[252] *ГБЛ*, ф. 196, 8.11, л. 40.
[253] Там же, 22.44.
[254] Там же, 20.32.
[255] Там же, 8.11, л. 40 об.
[256] Там же, 18.17, л. 32 об.
[257] Письма от 9 апреля, 18 июня, 31 октября 1892 г. (там же, 12.8, л. 8—8 об., 14 об, 19 об.).
[258] Там же, 12.8, л. 14—14 об.
[259] Письмо от 9 апреля 1892 г. (там же, 12.8, л. 8).
[260] Там же, 12.8, л. 16.
[261] Там же, 7.18, л. 28—28 об., 65.
[262] Именно эти списки картин и мемориальных предметов, виденных Некрасовой в Лозанне, до сих пор служат для учета неизвестных еще материалов и атрибуции вновь найденных. См., например, обзор Н. П. Анциферова «Иконографические и мемориальные материалы Пражской коллекции», статью А. Ф. Коростина «Портрет Герцена 1836 г. работы А. Л. Витберга» («Лит. наследство», т. 63, с. 753—792, 649—654). Приведем одну из ее записей, чтобы показать их характер: «Портрет А. И., как он сидит облокотясь на стол <. . .> Очень хороший экземпляр портрета, сделанного в 1847 г. в Париже Леон Ноэль,— чистый, ясный, прекрасный. Большой портрет масляными красками Натальи Александровны, неизвестного художника. Портрет нехорош: она вышла с толстыми щеками, с выдающимся вперед подбородком, с карими глазами. А известно, что она всегда была худенькая, подбородок не выдавался, глаза не карие, а серые...» (*ГБЛ*, ф. 196, 7.18, л. 26 об.—27).
[263] Там же, л. 51 об.
[264] Там же, 18.17, л. 30 об.
[265] Там же, л. 29 об.
[266] Там же, 7.18, л. 51 об.
[267] Там же, 7.19, л. 26 об.
[268] Там же, 12.8, л. 39 об.
[269] Письмо от 11 декабря 1896 г. (там же, 12.9, л. 24).
[270] «...То Ольга изображена в профиль будучи годовалым ребенком, то ее головка в ночном чепчике, то Ольга делает первый шаг. Также несколько набросков Наташи в разных положениях крошечной девочкой <. . .> Тут же несколько карандашных силуэтов Александра Ивановича, карикатуры на Кетчера, Щепкина, Корша» (там же, 7.19, л. 18—19).
[271] Там же, л. 19 об.— 20.

[272] Там же, л. 10 об.— 12.
[273] Там же, л. 17—17 об.
[274] «Современник», 1913, кн. 6—9. Хранятся в фонде А. Н. Пыпина (*ПД*, ф. 250).
[275] «Русская мысль», 1893, № 3, 4, 6—8, 11; 1894, № 1, 4, 8; «Новое слово», 1896, № 1, 4, 5, 7, 9, 10; 1897, № 4—6, 8.
[276] *ГБЛ*, ф. 196, 18.19, л. 4, 6 об.
[277] См. письмо А. А. Герцена от 22 апреля 1895 г. (там же, 12.9, л. 15).
[278] Там же, 18.18, л. 55—57.
[279] Там же, 18.19, л. 33.
[280] Там же, 18.21, л. 7—7 об.
[281] Там же, 18.20, л. 9.
[282] Там же, 18.17, л. 13. Местонахождение бюста (у Н. А. Герцен) было впервые установлено М. К. Лемке. В наше время он хранился у правнука Герцена Сержа Герцена в Швейцарии и им подарен московскому Музею Герцена (И. А. Желвакова. Указ. соч., с. 142—143).
[283] *ГБЛ*, ф. 196, 12.9, л. 21 об.
[284] Там же, 18.20, л. 39.
[285] Осуществленное им издание «Хождения Даниила игумена», по мнению современных исследователей, «остается лучшим и в наше время» (Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв.— «Уч. зап. Мос. гос. пед. ин-та имени В. И. Ленина», № 363. М., 1970, с. 31).
[286] Михаил Алексеевич Веневитинов (некролог).— Отчет *МП* и *РМ* за 1900 год. М., 1901, с. 5.
[287] Отчет *МП* и *РМ* за 1901 год. М., 1902, с. 8.
[288] *ГБЛ*, ф. 196, 17.27.
[289] О декабристе В. Ивашеве: «Роман декабриста» («Русская мысль», 1885, № 10); см. также его неопубликованные воспоминания о знакомстве с дочерью декабриста М. В. Трубниковой: *ГБЛ*, ф. 48, 21.3. По поводу объявления А. И. Герцена см.: «Русская старина», 1888, № 6, с. 702. О юмористическом сочинении «Истинная и последняя эмансипация рода человеческого...» см. II, 128—131.
[290] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 625, л. 3.
[291] Так, авторы коллективного труда «История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 100 лет» (М., 1962) видели значение «Комнаты людей 40-х годов» только в собирании материалов, использованных впоследствии советской наукой, и утверждали, что «составители и хранители этого собрания замалчивали революционное значение «людей 40-х годов» (с. 21).
[292] Протокол заседания Совета музея от 5 марта 1897 г. (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 588, л. 7 об.).
[293] Письмо от 16 мая 1897 г. (там же, д. 520, л. 58).
[294] *ГБЛ*, ф. 196, 17.27.
[295] Там же, 7.20, л. 31—34.
[296] Там же, 9.41.
[297] Там же, 12.11. Подлинник на франц. яз.
[298] Там же, 10.62; 9.27.
[299] В нем значатся: портреты Герцена (фотография Л. Ноэля, литография с портрета Горбунова, Герцен в гробу), рисунок карандашом — с акварельного портрета Н. А. Герцен, сделанного в Италии в 1848 г., две фотографии Огарева и литография с его портрета, фотографии Анненкова, Астраковых, Кетчера, Сатина, Тхоржевского, Чернецкого, детей Герцена, снимок могилы Герцена, фотокопия портрета И. А. Яковлева, портреты маслом Огарева и М. Л. Огаревой работы крепостного художника, дагерротип Н. А. Герцен с ребенком, бюст матери Огарева (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 596, л. 84—85). Позднее, к маю 1904 г., от нее же поступили: рисунок Таты Герцен на обороте адресованного Тучковой-Огаревой письма, кабинетный портрет самой Натальи Алексеевны и «голубая косыночка Н. А. Герцен» (там же, д. 618, л. 23—24).
[300] Отчет *МП* и *РМ* за 1899 год. М., 1900, с. 48.
[301] Отчет *МП* и *РМ* за 1900 год. М., 1901, с. 30, 38—39; Отчет за 1902 год. М., 1903, с. 40—42; Отчет за 1903 год. М., 1904, с. 50—51.
[302] См. письмо Н. А. Герцен к Некрасовой от 21 января 1898 г. о том, что книги (вероятно, женевское издание — «oeuvres complètes») высланы в октябре (*ГБЛ*, ф. 196, 12.11, л. 15).
[303] Письма Н. А. Герцен от 17 февраля и 21 марта 1895 г. и А. А. Герцена (весна 1895 г.) еще раньше сообщали о намерении прислать их с оказиями (там же, 12.8, л. 15).
[304] См.: М. К. Перкаль. Указ. соч., с. 179—180; Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 639—644; Он же. К материалам об издании сочинений А. Герцена («Голос минувшего», 1917, № 11-12, с. 292, 295).
[305] «А. И. Герцен. Семинарий», с. 27.
[306] *ГБЛ*, ф. 196, 12.9, л. 6—6 об.
[307] Там же, 8.1, л. 54—55.
[308] Там же, л. 54 об.
[309] Она, в частности, отдала Некрасовой несколько фотографий Герцена: с надписью «С подлинным верно. 9 дек. 1868. А. Г. Лондон» (там же, 8.3) и Герцен, сидящий, облокотившись, с двумя дочерьми, с Огаревым, «в двух лицах: один сидит верхом на стуле ‹. . .› другой стоит перед ним скрестивши руки», с надписью: «Один вам, другой Рейхелю. 22 дек. 1865» (там же, 7.22, л. 33 об.—34). По поводу последней карточки Некрасова записала тут же: «Я слышала от Алексея Ник‹олаевича› Веселовского, что такую карточку он видел у кн. Мещерского, только на той внизу был подписан рукою А. И. Герцена тот разговор, который происходит между Гер-

ценом, который сидит, и Герценом, который стоит». 3 июня 1901 г. М. К. Рейхель писала Некрасовой: «Есть у меня еще кабинетс-формат Гер‹цен› с скрещенными руками, но этот уж оставлю, пока жива, у себя, он подписан: от неизменного друга М. К. Рейхель» (там же, 19.37, л. 6).

310 Там же, 18.24, л. 18—18 об.

311 Письмо от 3 сентября 1901 г. (там же, 17.36).

312 Резкий протест Некрасовой на имя министра народного просвещения позволил музею добиться запрещения таможне осматривать заграничные посылки для него иначе, как в здании музея (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 585, л. 148 об., 150—150 об.; д. 587, л. 69—69 об.).

313 Там же, д. 596, л. 30; Отчет *МП* и *РМ* за 1902 год, с. 40—42.

314 *ГБЛ*, ф. 196, 12.11, л. 34. Подлинник на франц. яз.

315 Там же, 12.9, л. 43.

316 Письмо от 1 марта 1902 г. (там же, 18.25, л. 10).

317 Там же, 2.14, л. 21.

318 По «Описанию рукописей Огарева» (М., 1950) они соответствуют номерам: 10, 97, 124, 194, 216, 259, 260, 264, 428.

319 № 2, 3, 6, 7, 9, 10—14, 16—20, 23, 31, 32, 36, 38 по тому же «Описанию».

320 Часть их соответствует № 2, 4, 18, 411 «Описания», другие при обработке архива разошлись по разным единицам хранения и соответственно номерам «Описания».

321 № 3, 4, 7, 13—16, 22—25, 27—29, 31, 34—35 по «Описанию рукописей А. И. Герцена».

322 № 37, 40, 47, 58—60, 81, 96 по тому же «Описанию».

323 «1-я серия» (1833—1841) писем Огарева к Герцену, «2-я серия» их (1841—1846), обмен письмами Герцена и Ю. Самарина, письма к Герцену И. Аксакова, Кавелина, Кошелева, Чичерина.

324 *ГБЛ*, ф. 196, 2.14, л. 39.

325 Письмо от 21 января 1903 г. (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 596, л. 86).

326 Письмо А. И. и Н. А. Герценов 1849 г. к Н. А. Огаревой, рисунок Таты Герцен с ее письмом к ней же, портреты Н. А. Огаревой, Сатина, Щепкина, заграничный паспорт Герцена, мемориальные вещи его жены и др. (там же, д. 618, л. 23—24; Отчет *МП* и *РМ* за 1904 год. М., 1905, с. 56).

327 *ГБЛ*, ф. 196, 19.38—39.

328 *ГБЛ*, ф. 196, 18.27; *АО*, с. 261—267.

329 Там же, 18.25—26.

330 Там же, 8.1, л. 75. Сведений об этой «комнате» нет.

331 Там же, 19.1, л. 13.

332 Зап. *ГБЛ*, вып. 32. М., 1971, с. 193—197.

333 Письмо от 5 мая 1902 г. (*ГБЛ*, ф. 196, 14.38).

334 Письмо от 8 октября 1901 г. (там же, 21.10).

335 Протокол Совета музея от 5 ноября 1905 г. (Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 588, л. 70—70 об.).

336 Личный архив М. О. Гершензона хранится частично в *ЦГАЛИ* (ф. 130), большая же его часть поступила в 1978 г. в Отдел рукописей *ГБЛ* (ф. 746), но обработана еще не полностью. Здесь и далее отсутствие ссылок с шифрами на материалы из архива Гершензона означает их принадлежность к ф. 746 *ГБЛ*.

337 Речь идет об очерках Герцена «Скуки ради», напечатанных под псевдонимом И. Нионский в трех номерах газ. «Неделя» (1868, № 48, 1869, № 10, 16). «Я очень рад,— писал Гершензон о своей находке матери 7 февраля 1900 г.,— это мне облегчит доступ к материалам о Герцене, которые находятся у сына».

338 Небольшая часть писем Гершензона к брату опубликована в кн.: М. О. Гершензон. Письма к брату. Избранные места. Вступительная статья и примечания М. Цявловского. М., 1927 (далее: *Письма к брату*). Цитируемое письмо см.: Письма к брату, с. 120—121.

339 Письмо к брату от 7 февраля 1900 г.

340 Подлинник на франц. яз.

341 Письмо к брату от 13 января 1900 г.

342 *Письма к брату*, с. 122.

343 Там же, с. 125.

344 Там же, с. 126—134.

345 «Вестник Европы», 1900, № 8; дневник и некоторые другие материалы Тучкова оставались у Гершензона до 1906 г., когда от имени Н. А. Тучковой-Огаревой были переданы им в рукописное отделение Румянцевского музея. См.: Отчет *МП* и *РМ* за 1906 год. М., 1907, с. 38; теперь хранятся в *ГБЛ* (ф. 69, 15.36—40).

346 Письмо к брату от 18 января 1901 г.

347 Письмо к брату от 6 октября 1900 г.

348 Ему же от 13 октября, а также: *Письма к брату*, с. 144.

349 См.: *Письма к брату*, с. 150; план Огарева см.: «Избранные социально-политические и философские произведения Н. П. Огарева», т. 2. М., 1956, с. 7—15; рукопись см.: *ГБЛ*, ф. 69, 7.112.

350 Письма к брату от 4 февраля и 4 марта 1901 г.

351 *ПД*, ф. 658 (Переселенкова), ед. хр. 18, л. 3 об.

352 Там же, ед. хр. 37, л. 4.

353 Письмо от 23 марта 1902 г. (*ГБЛ*, ф. 196, 19.1, л. 5 об.).

354 Там же, л. 7об.—8об.

355 *ПД*, ф. 658, ед. хр. 37, л. 15.

[356] *ЦГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 130.
[357] См. об этом: М. К. Перкаль. Указ. соч.; «А. И. Герцен. Семинарий», с. 28—31; С. А. Переселенков. Как разрешено было первое у нас издание сочинений и писем А. И. Герцена («Дела и дни», 1920, № 1).
[358] Письмо к брату от 13 ноября 1901 г.
[359] Письмо от 24 октября 1901 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 5, л. 7).
[360] Там же, ед. хр. 8, л. 59 об.—60.
[361] Письма к брату, с. 159—160.
[362] Имеется в виду Николай Александрович Герцен.
[363] Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 596, л. 82.
[364] Там же, л. 83. См. указ. статью о них Л. Р. Ланского («Лит. наследство», т. 63).
[365] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 619—747.
[366] *ГБЛ*, ф. 196, 12.11, л. 42.
[367] Письмо от 10 ноября 1904 г. (*ГБЛ*, ф. 69, 24.26, л. 36—37).
[368] *ПД*, ф. 661 (М. К. Лемке), ед. хр. 311, л. 10—10 об.
[369] *ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 5, л. 4 об.
[370] Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 618, л. 28.
[371] Там же, л. 29—30.
[372] Письмо от 12 июля 1907 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 311, л. 38—39).
[373] «Лит. наследство», т. 63, с. 834—835. Предположения по этому поводу В. И. Кулешова (с. 840) уточняются всем сказанным ранее.
[374] Там же, с. 840.
[375] Письмо от 26 декабря 1914 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 301, л. 43).
[376] Там же, ед. хр. 302, л. 1.
[377] «Лит. наследство», т. 61, с. 379—454.
[378] 33 письма 1846—1851 гг. в Прагу — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 425; 2 письма в Амстердам, фотокопии — *ГБЛ*, ф. 69, 21.42; одно в Париж, фотокопии — там же, 21.43.
[379] *ГБЛ*, ф. 196, 13.46, л. 6об.
[380] «Русские Пропилеи». М., 1917, с. 1.
[381] «Лирика Н. П. Огарева» («Вестник Европы», № 9); «Н. П. Огарев и его крепостные» («Научное слово», № 4); «История одной дружбы» (там же, № 8, 9).
[382] *ГБЛ*, ф. 196, 19.1, л. 9.
[383] Письмо к брату от 8 января 1903 г.
[384] В отдельном издании текст этот не был опущен.
[385] «Русская старина», 1890, № 10, с. 57.
[386] Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1903, с. 50.
[387] «А. И. Герцен. Семинарий», с. 31.
[388] *ГБЛ*, ф. 196, 18.26, л. 23об.—25об.
[389] «Спутник» («Русская мысль», 1903, № 8).
[390] «Русские Пропилеи», т. 2. М., 1916, с. 148—149.
[391] Письмо к Гершензону от 27 октября 1904 г.
[392] Письмо от 26 декабря 1905 г.
[393] «Русские Пропилеи», т. 2, с. 149.
[394] *ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 5, л. 13.
[395] Впрочем, на возвращении в Швейцарию тех документов, которые уже были высланы в Россию, А. А. Герцен не настаивал. Еще при его жизни, в июле 1906 г., В. Яковенко сообщил в Румянцевский музей, что должен передать туда, по воле владельца, подлинную переписку Герцена с невестой, которая была напечатана в последнем томе павленковского издания (см. его письмо: ГБЛ, ф. 217, 17.77). Фактически передача состоялась в 1907 г. См.: Отчет *МП* и *РМ* за 1907 г. М., 1908, с. 42—43.
[396] *ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 6, л. 5.
[397] См. наст. том, с. 92—175.
[398] *ПД*, ф. 661, ед. хр. 310, л. 14 об.
[399] Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 1—1об.
[400] Там же. л. 69.
[401] Там же, л. 14. Подлинник на франц. яз.
[402] Там же, л. 69 об.
[403] Отчет *МП* и *РМ* за 1906 год. М., 1907, с. 48.
[404] «Биржевые ведомости», 1907, 8 апреля, № 9838, с. 4.
[405] «Вестник Европы», 1907, № 5, с. 273—276.
[406] *ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 9—10, письмо от 7 августа 1907 г.
[407] В письме к Лемке от 29 июня 1907 г. Гершензон писал: «Этот Георгиевский читает у Герцена о Писареве: «*Маколей* русского нигилизма», а у Герцена сказано: „Маккавей!" И прочее в таком же роде» (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 311, л. 42).
[408] Письмо от 13 сентября 1907 г. Цитата из письма Н. А. Герцена в подлиннике на франц. яз.
[409] Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 2—3 об., 6—7. Ш
[410] Там же, л. 4—5. Копия рукою Георгиевского.
[411] Там же, л. 8—9.
[412] Письмо Н. А. Герцена к Гершензону от 9 октября 1907 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр.

6, л. 11) и Гершензона к Стасюлевичу от того же числа (русского стиля, чем и объясняется совпадение дат).

413 Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 5.

414 *ГБЛ*, ф. 217 (Г. П. Георгиевского), 15.26.

415 *ГМИИ*, ф. 6 (И. В. Цветаева), оп. 1, д. 526 (оба, указанные в этой и предыдущей сносках документа, сообщены нам Г. И. Довгалло).

416 Письмо от 12 июля 1907 г. (*ПД*, ф. 611, ед. хр. 311, л. 38).

417 Письмо от 29 июля 1907 г. (там же, л. 42—42 об.).

418 Письмо от 1 августа 1907 г. (там же, л. 44 об.).

419 Письмо от 8 октября 1901 г. (ГБЛ, ф. 196, 21.10).

420 *Письма к брату*, с. 161.

421 «Научное слово», 1903, № 8-9.

422 О составе хранившихся у Станкевича материалов см.: А. И. Герцен. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. М., 1927, с. 7—10.

423 См.: письмо к Гершензону от 21 ноября 1912 г. ходатайствовавшего за него Р. В. Иванова-Разумника; письмо Гершензона к Лемке от 12 декабря 1912 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 313, л. 36).

424 *ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 9, л. 7 об.

425 Об этом свидании см. письмо Н. А. Герцен к Лемке от 31 октября 1912 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 297, л. 4).

426 Письмо от 14 ноября 1913 г. (там же, ед. хр. 299, л. 25).

427 Письмо от 29 января 1914 г. (там же, ед. хр. 300, л. 15 об.).

428 Там же, л. 27 об.

429 *Письма к брату*, с. 176.

430 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 313, л. 47.

431 Отчет *МП* и *РМ* за 1914 год. М., 1916, с. 12.

432 В автографе сохранились только первые шесть глав журнального варианта «Воспоминаний», оставшиеся в редакции «Русской старины» (*ПД*, ф. 265, оп. 1, № 42). После смерти М. И. Семевского Н. А. Тучкова-Огарева долго добивалась от его вдовы возвращения своей рукописи и все-таки получила ее (по-видимому, неполную — письмо к Некрасовой от 17 января 1893 г., *ГБЛ*, ф. 196, 18.18, л. 46). Гершензон, однако, не привез эту рукопись после ее смерти.

433 Впоследствии перепечатан Гершензоном в *АО*, с. 287—294.

434 *АО*, с. 294.

435 См. его письмо к брату от 22 февраля 1924 г.

436 *ГБЛ*, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевича), 257.38.

437 Бюллетени Государственного литературного музея. Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 1940.

438 Ф. 129 А. И. Герцена; ф. 359 Н. П. Огарева (печатные описи их см.: «А. И. Герцен. Опись документальных материалов фонда». М., 1951; «Н. П. Огарев. Опись документальных материалов фонда». М., 1951); ф. 372. В. С. Печерина; ф. 426 Г. А. Римского-Корсакова; ф. 476 Н. М. Сатина; ф. 498 А. А. Тучкова; ф. 546 П. Я. Чаадаева; дневники Киреевских хранятся в их семейном фонде, № 236.

439 См.: «Описание рукописей А. И. Герцена», № 44, 58, 83, 1026, 1314.

440 *ПД*, Р III, оп. 1, № 826; текст записей Герцена: XX, 601—612.

441 *ГБЛ*, ф. 196, 18.19, л. 11 об.

442 «Лит. наследство», т. 61, с. 116.

443 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 313, л. 49.

444 Там же, ед. хр. 301, л. 11.

445 «Русские Пропилеи», т. I, М., 1915, с. 232.

446 *ГБЛ*, ф. 69, 9.254.

447 Заголовок «Inside», как заглавие всей этой части «Былого и дум», впервые был осмыслен И. Г. Птушкиной, сообщившей об этом в докладе на герценовской конференции в апреле 1982 г. Ее исследование публикуется в следующем герценовском томе «Лит. наследства».

448 См. акт передачи от 9 июля 1951 г., хранящийся в рукописном отделе ИМЛИ.

449 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 299, л. 18—18 об.

450 Там же, ед. хр. 300, л. 39 об.—40.

451 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 661, л. 65 об.

452 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 14, л. 207.

453 Письмо от 9 сентября 1905 г. (там же, ед. хр. 310, л. 16 об.).

454 Прозвище это объясняется просто пристрастием Я. А. Зильберштейна к «смирновской» водке (см. его приписку к письму Н. А. Герцен к Лемке: «Увы — и вино кончилось и смирновка приказала долго жить» — и слова в ее письме: «Сейчас идем ужинать, и Як. Арк. выпьет рюмку смирновки» (там же, ед. хр. 297, л. 13, 17 об.).

455 «Лит. наследство», т. 63, с. 834.

456 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 662, л. 4.

457 A. Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970.

458 См. ее письмо от 19 мая 1913 г. («Лит. наследство», т. 63, с. 844).

459 Ср. у В. И. Кулешова: «Немало писем и посылок с материалами пропало» (там же, с. 836—837).

460 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 21.

461 М. Г. Вандалковская. Указ. соч., с. 9.

462 В указанной работе М. Г. Вандалковской, ее же обзоре дневника М. К. Лемке («Архео-

графический ежегодник за 1969 год». М., 1971) и особенно в указанной работе В. И. Кулешова, подробно проанализировавшего такой важный источник, как переписка Лемке с наследниками Герцена.

463 «Лит. наследство», т. 63, с. 832, ср.: М. Г. Вандалковская. М. К. Лемке — историк русского революционного движения, с. 69—70.
464 Там же, с. 68.
465 «Лит. наследство», т. 63, с. 831.
466 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 295, л. 1 об.
467 «Лит. наследство», т. 63, с. 841.
468 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 661, л. 70.
469 См. его письма от 1 и 23 сентября 1905 г.
470 «Лит. наследство», т. 63, с. 839.
471 *ПД*, ф. 611 (Бухгейма), ед. хр. 7, л. 23—23 об.
472 «Былое», 1906, № 2; «Мир Божий», 1906, № 1.
473 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 311, л. 24.
474 Письмо от 27 апреля 1907 г.
475 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 3 об.—4 (письмо от 20 июня 1907 г.).
476 Письмо от 30 июля 1907 г.
477 Письмо Лемке к Гершензону от 19 октября 1907 г.
478 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 30—45.
479 «Лит. наследство», т. 63, с. 832.
480 См.: «Отчет кружка имени А. И. Герцена за 1913 год». СПб., 1914, с. 2.
481 Письмо от 6 декабря 1907 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 311, л. 79).
482 Письмо от 16 июля 1907 г. (там же, л. 57—58).
483 Письмо от 5 сентября 1907 г. (там же, л. 72 об.).
484 Там же, ед. хр. 313, л. 63.
485 Там же, ед. хр. 313, л. 20—21 (письмо от 31 марта 1912 г.).
486 Там же, л. 22 (письмо от 6 апреля 1912 г.).
487 Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 19—19 об.
488 Там же, л. 24, 26.
489 Там же, л. 47—47 об.
490 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 292, л. 1.
491 Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 56.
492 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 298, л. 28 об. Подлинник на франц. яз.
493 Там же, л. 22.
494 Архив *ГБЛ*, оп. 1, д. 659, л. 70.
495 *ГБЛ*, ф. 217, 12.50, л. 10.
496 «Лит. наследство», т. 39-40. М., 1941, с. 376—573.
497 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 625, л. 2.
498 Зап. *ГБЛ*, вып. 12, с. 56.
499 Н. С. Рогова. Указ. соч., с. 323.
500 «Лит. наследство», т. 63, с. 840—841. Письма Гервега, о которых идет речь, см.: Л XIV, с. 34—89.
501 Письмо от 9 октября 1907 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 306, л. 17—17 об.)
502 *ЦГАЛИ*, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 6, л. 12. Насколько нам известно, Герцен никогда не сомневался в своем отцовстве.
503 *ГБЛ*, ф. 69, 13.14, л. 19—20.
504 «Лит. наследство», т. 63, с. 503.
505 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 307, л. 8 об.
506 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 313, л. 30 об.
507 См. об этом: М. Г. Вандалковская. Указ. соч., с. 79.
508 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 299, л. 19. Принятое Натальей Александровной решение издать «V том» не только не было поколеблено потом, но в мае 1914 г., получив от Лемке проект объявления о подписке на издание, она спрашивала его: «Почему Вы не упоминаете о 5-й части «Былого и дум»? Ведь это „гвоздь“ нашего издания» (там же, ед. хр. 301, л. 16 об.).
509 *ПД*, ф. 611, ед. хр. 7, л. 23 об.—24.
510 *ГПБ*, ф. 27 (Н. П. Анциферова), дневники, т. II, л. 24 (дневники эти указаны нам Ю. П. Благоволиной).
511 «Лит. наследство», т. 63, с. 504.
512 *ГПБ*, ф. 27, дневники, т. III, л. 36.
513 См. о нем: «Лит. наследство», т. 63, с. 835.
514 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 14, л. 226.
515 1, 2, 3 (автограф и копия Н. А. Тучковой-Огаревой с авторской правкой — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 95, 102, 100—101; другая копия этой же статьи — *ГБЛ*, ф. 69, 14.18; 4 — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 103; 5 — *ГБЛ*, ф. 69, 14.15—16; автограф отрывка — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 105; 6 — там же, ед. хр. 112; 7— там же, ед. хр. 111; 8 — *ГБЛ*, ф. 69, 14.17; 9 — там же, 14.19; 10 — *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 107; 11 — там же, ед. хр. 106.
516 Фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 17.4.
517 «Описание рукописей А. И. Герцена», с. 120, 141—142, 149.
518 До нас дошли не все письма Бакунина, напечатанные Драгомановым: неизвестно место-

нахождение двух писем, от 15 января 1873 г. и без даты, относящегося к 1861 г. См. обзор Н. А. Роскиной «Письма М. А. Бакунина». («Лит. наследство», т. 62, с. 771).

519 *ЦГАОР*, ф. 7030, д. 95, л. 8 об.

520 С. А. Макашин. Указ. соч., с. 458, где он ссылается на заметку заместителя директора Архивного института Болгарской академии наук, писавшего, что «попавшие к Шишмановым документы Герцена <. . .> десять лет тому назад были переданы на сохранение в Болгарскую академию наук» (см. ниже прим. 572).

521 *ГБЛ*, ф. 69, 14.6—58, 15.1—28.

522 Состав коллекции подробно освещен в т. 63 «Лит. наследства», где материалы были впервые опубликованы.

523 С. А. Макашин. Указ. соч., с. 457.

524 Такое предположение высказал в своей записке об Русском заграничном историческом архиве в Праге А. Изюмов.

525 *ЦГАЛИ*, ф. 612 (Гос. лит. музея), ед. хр. 3433.

526 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 303, л. 4.

527 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 663, л. 38.

528 *ЦГАЛИ*, ф. 129, оп. 2, ед. хр. 27.

529 3 и 15 апреля 1917 г. (*ПД*, ф. 661, ед. хр. 304, л. 4—6).

530 «Лит. наследство», т. 63, с. 837.

531 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 304, л. 7.

532 «Лит. наследство», т. 63, с. 838.

533 «Лит. наследство», т. 80, с. 140.

534 «Лит. наследство», т. 63, с. 837—839.

535 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 304, л. 14.

536 «Лит. наследство», т. 63, с. 839.

537 *ПД*, ф. 661, ед. хр. 304, л. 15.

538 Там же, ед. хр. 299, л. 10 об.—11.

539 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, ед. хр. 661, л. 46 об.

540 Там же, ед. хр. 662, л. 38—38 об.

541 *ГБЛ*, ф. 358 (Н. А. Рубакина), 343.9, л. 29.

542 «Исторический архив», 1962, № 1, с. 94—104.

543 Там же, с. 95.

544 Там же, с. 97. Государственный литературный музей не был еще создан в это время, с мая 1931 г. действовала только комиссия по его созданию (В. А. Черных. В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры.— «Археографический ежегодник на 1973 год». М., 1974, с. 136).

545 *ГБЛ*, ф. 369, 257.35.

546 В опубликованном Н. С. Роговой черновом тексте письма этих слов не было, и возражения против них Бонч-Бруевича в опубликованном далее его письме оставались непонятными. См.: «Исторический архив», 1962, № 1, с. 98.

547 Там же, с. 100.

548 *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 659, л. 1.

549 Т. е. А. Ф. Родичевой, Нелле Корназ (дочери А. А. Герцена) и О. А. Моно (Магна — ее домашнее имя; см. разъяснение Эдуарда Моно на полях хранящегося в архиве «Литературного наследства» письма к нему Жермен Рист от 13 декабря 1955 г.).

550 Архив редакции «Литературного наследства». «Портретная галерея» — см.: *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 853—979.

551 См. указ. записку А. Изюмова (*ЦГАОР*, ф. 7030, д. 95, л. 8 об).

552 *ГБЛ*, ф. 369, 139.60. В 1936—1937 гг. Бонч-Бруевич активно разыскивал материалы Герцена и в других странах. Так, в Бельгии через депутата Пьерара ему удалось получить для музея подлинное письмо Герцена из архива брюссельской полиции (см. письмо к Бонч-Бруевичу советского постпредства в Бельгии от 16 июля 1937 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 3414). Получив сведения о поступлении в Британский музей архива Гервега и в его составе «300 писем Н. А. Герцен за 1848—1852 гг.», он сразу попросил советского посла И. М. Майского добиться получения фотокопий (там же, л. 17). Но Британский музей отказал: «Доступ к интересующим Вас материалам возможен лишь после 1952 г.»,— сообщало Бонч-Бруевичу посольство (там же, л. 22). Позднее фотокопии были получены «Литературным наследством» и использованы в обзоре-публикации Л. Р. Ланского (т. 64), фотокопии см.: *ГБЛ*, ф. 69. 17.25—34, 22.35—39, 23.1—27.

553 *ГБЛ*, ф. 358, 343.9, л. 29.

554 *ГБЛ*, ф. 369, 139.59, л. 1 об—2.

555 «Исторический архив», 1962, № 1, с. 100.

556 Там же, с. 101, 104.

557 Там же, с. 101.

558 *ЦГАЛИ*, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 841, л. 13. Подлинник на франц. яз.

559 Там же, л. 1. Подлинник на франц. яз. 5-я часть ошибочно названа в тексте 3-й.

560 Там же, л. 9. Подлинник на франц. яз.

561 «Исторический архив», 1962, № 1, с. 102.

562 *ЦГАЛИ*, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 841, л. 15.

563 Там же, л. 17.

564 Там же, л. 18.

[565] Там же, л. 21.
[566] Фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 21.38.
[567] «Лит. наследство», т. 63, с. 759.
[568] Цитируется письмо к нам С. А. Макашина от 16—20 июня 1982 г., присланное в ответ на ряд заданных нами ему письменно же вопросов. На сведениях, почерпнутых из этого письма, основаны все те факты, которые сообщаются далее без ссылки на источник.
[569] Архив редакции «Литературного наследства».
[570] И. С. Зильберштейн. Золотой юбилей «Литературного наследства»,— «Огонек», 1982, № 32, с. 24; его же. Культурные ценности возвращаются.— «Сов. культура», 1980, № 3, 13 мая.
[571] С. А. Макашин. Указ. соч., с. 457.
[572] «Вечерни новини», № 172 от 23 июля 1953 г.
[573] Архив редакции «Литературного наследства».
[574] Там же. Часть писем редакции «Литературного наследства» отправлялась за подписью главного редактора В. В. Виноградова, но фактически эту переписку вел С. А. Макашин. Ему самому пришлось это однажды объяснить. Он писал Т. А. Осоргиной 25 апреля 1969 г.: «Переписка 1950-х гг. с г-жой Рист и с г. Порше академика В. В. Виноградова и моя — это одна и та же переписка, по одному и тому же вопросу. В то время академик В. В. Виноградов был главным редактором «Литературного наследства», и некоторые, наиболее важные письма я давал на подпись ему» (Архив редакции «Литературного наследства»).
[575] Л. И. Матюшенко потом опубликовала их в томе 64 «Литературного наследства» (письма № 1—24, 27, 29—37).
[576] О составе фотокопий, полученных в 1970 г. по этому списку, см.: Зап. *ГБЛ*, вып. 34, М., 1973, с. 151—154.
[577] С. А. Макашин. Указ. соч., с. 456.
[578] Зап. *ГБЛ*, вып. 34, с. 153.
[579] Письма Гервега — Л XIV; письма Мишле — Л VI—IX. Те и другие напечатаны Лемке и Л. Р. Ланским в наст. томе. в русском переводе. В подлиннике письма Мишле опубликованы: «Revue», 1907, № 10-11.
[580] Письмо от 15 мая 1969 г. (Архив редакции «Литературного наследства»)
[581] «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, 1957. Фотокопии *ГБЛ*, ф. 69, 17.9—17, 22.3—27. Письма Герцена вошли в Собрание сочинений в 30-ти томах, письма Н. А. Герцен публикуются в одном из томов «Литературного наследства».
[582] Копия ее письма к Т. А. Осоргиной была приложена последней к своему письму и хранится в архиве редакции «Литературного наследства».
[583] Архив редакции «Литературного наследства».
[584] Микрофильм был заказан за счет французских коллег, получивших потом из Москвы микрофильмы нужных им материалов.
[585] О составе фотокопий, полученных в 1977 г., см.: Зап. *ГБЛ*, вып. 41. М., 1980, с. 124—126.
[586] Опубликованы А. Звигильским в кн.: Alexandre Herzen. Lettres inédites à sa fille Olga. Paris, 1970 — и будут напечатаны «Литературном наследстве».
[587] См. ее письмо об этом от 12 января 1956 г. в архиве редакции «Литературного наследства».
[588] «Лит. наследство», т. 64.
[589] *ЦГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 749.
[590] Архив редакции «Литературного наследства».
[591] «Autour d'Alexandre Herzen». Genève, 1973.
[592] «Александру Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора».
[593] «Кобзарь» привез Герцену от Шевченко неустановленный общий знакомый. Записку Шевченко к этому лицу («Посылаю Вам экземпляр «Кобзаря», на всякий случай без надписи. Передайте его А‹лександру› И‹вановичу› с моим благоговейным поклоном») Герцен вклеил в свой альбом автографов выдающихся современников (фотокопия *ГБЛ*, ф. 69, 26.66.).
[594] Подробнее см.: И. А. Желвакова. Указ. соч.
[595] Цитируется указанное выше письмо С. А. Макашина от 16—20 июня 1982 г.
[596] См., в частности, статью Е. П. Арефьевой «Н. А. Рубакин как книгособиратель и его библиотеки в Советском Союзе» (Сб. «Книга. Исследования и материалы», кн. 8. М., 1963).
[597] *ГБЛ*, ф. 358, 343.9, л. 27—30.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ ГЕРЦЕНА О К. МАРКСЕ И Ф. ЭНГЕЛЬСЕ (1850—1851 гг.)

Сообщение В. А. Смирновой

Взаимоотношения основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса с Герценом — пожалуй, одна из самых трудных тем в истории развития общественной мысли России. Об этом много писали, много раз пытались объяснить широко известные факты их взаимного непонимания, недоброжелательности, а зачастую и вражды.

Существующие в этой области представления в современной советской историографии сводятся к следующему: Маркс и Энгельс, с одной стороны, Герцен — с другой, не знали друг друга лично, а информация, которую получал о них русский революционер от общих знакомых, «способна была лишь дезориентировать Герцена» (см. XI, 678, а также XIV, 513). Эта точка зрения берет свое начало от Г. В. Плеханова, утверждавшего, будто дурные отношения Маркса с Герценом сложились в результате целого ряда «печальнейших недоразумений» [1]. Обращается также внимание на то, что формирование мировоззрения великого русского мыслителя (и это важно в первую очередь) происходило в социально-политической среде, резко отличной от той, в которой сложился марксизм. Противоположность классовых позиций и определила взаимную недоброжелательность и идейные расхождения [2].

Бесспорно, все это (особенно последнее соображение) верно. Однако из поля зрения исследователей выпадает существенный момент. Пусть все эти обстоятельства фатально воздвигали между ними барьер, однако трудно представить себе, что пытливая мысль Герцена могла пройти мимо революционной теории, открывшей новую эру в развитии человеческой мысли. Неужели в течение четверти века, с середины 1840-х годов и до своей кончины, Герцен не читал произведений Маркса и Энгельса и не имел представления об истинных масштабах и значении их деятельности? Изучение этой проблемы могло бы значительно обогатить картину идейной эволюции Герцена и показать, что его обращение к I Интернационалу было подготовлено не только успехами рабочего движения во второй половине 1860-х годов, но и знакомством с работами основоположников марксизма.

Как известно, Маркс и Энгельс, считая Герцена своим идейным противником, внимательно следили за его выступлениями и в печати и на арене общественной жизни. В общих чертах по произведениям, письмам, конспектам, маргиналиям Маркса и Энгельса марксоведами установлено, что́ и когда было прочитано ими «из Герцена» [3]. Подобная же работа по отношению к Герцену практически еще не проделана. Исследование здесь наталкивается на серьезные трудности. В произведениях и в письмах самого Герцена нет ни упоминаний о чтении книг и статей Маркса и Энгельса, ни прямых указаний на знакомство с их идеями. Однако отсутствие прямых источников в какой-то мере может быть восполнено косвенными данными — например, выявлением источниковедческой основы работ Герцена, скрытой конфронтации или, напротив, переклички, совпадения мыслей Герцена с идеями Маркса и Энгельса.

Наиболее перспективным представляется исследование того потока сведений, который Герцен мог (и, конечно, получал) от их общих знакомых и других лиц, имена которых неоднократно назывались и круг которых чрезвычайно широк. Это П. В. Анненков, М. А. Бакунин, Н. И. Сазонов, М. Гесс, А. Виллих, П. Ж. Прудон, Г. Гервег, К. Фогт, А. Эвербек и многие другие. Обращение к их переписке и иным документам позволило бы в изучении отношения Герцена к Марксу и Энгельсу выйти за пределы анализа лишь высказываний Герцена о них в «Былом и думах».

Разумеется, источники эти носят крайне субъективный характер, и сведения, полученные из них, нуждаются в постоянной проверке, а выводы по необходимости носят гипотетический характер. Однако уже сейчас, опираясь на них, можно немало сказать насчет той информации о Марксе и Энгельсе, которую Герцену удавалось получать от вышеупомянутых лиц: о том, что

Герцен читал работы Маркса и Энгельса в «Deutsch-Französische Jahrbücher» [4], должен был знать о взглядах Маркса на историческую роль буржуазии и пролетариата (через Анненкова во время дискуссий в Париже в сентябре 1847 г.) [5], был знаком с издаваемой Марксом газетой «Volk» (1859)[6], возможно, знал «Манифест Коммунистической партии», был осведомлен о Кёльнском процессе коммунистов. Тем не менее в целом пласт «вторичных» источников с этой точки зрения еще не исследован.

Из этой проблемы в данном сообщении выделяется конкретная задача: на основании ряда опубликованных, но большей частью забытых материалов показать, какую реальную информацию получил Герцен о Марксе и Энгельсе в 1850—1851 гг. из брошюры немецкого публициста С. Зейлера «Das Komplott vom 13. Juni 1849, oder Der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenwart», из писем и брошюры мелкобуржуазного публициста М. Гесса «Jugement dernier du vieux monde social» и из статьи мелкобуржуазного демократа Л. Симона «Das allgemeine Stimmrecht und die Arbeiterdiktatur».

Около 20 марта 1850 г. Герцен получил брошюру «Das Komplott vom 13. Juni 1849, oder Der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich», которая незадолго до того вышла в издании «Hoffmann und Campe» в Гамбурге. Ее автор, член Союза коммунистов С. Зейлер, в качестве редактора-стенографа французского Национального собрания был близко знаком с действующими лицами и событиями революции. Он был свидетелем разгрома 13 июня 1849 г. мирной демонстрации мелкобуржуазных демократов (партии Горы) против нарушения президентом республики Луи Бонапартом и большинством Законодательного собрания конституции Франции (бомбардировка и занятие французскими войсками Рима). Участником этой демонстрации был, как известно, и Герцен [7]. После победы реакции Зейлер стал жертвой репрессий и, общаясь в тюрьмах с представителями почти всех революционно-демократических и рабочих организаций Парижа, из первых рук получил информацию о планах и действиях Горы.

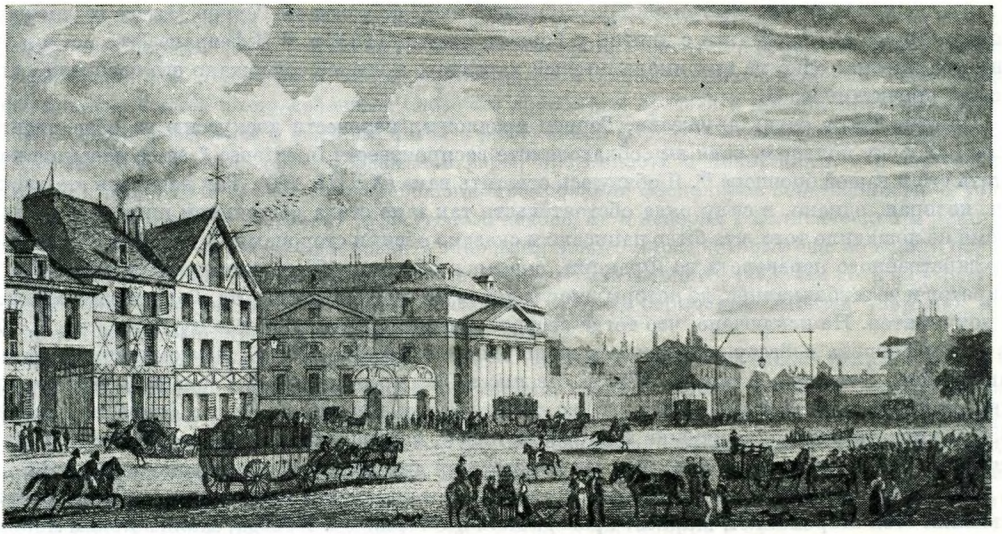
В повествовании Зейлера о ходе революции во Франции, ее влиянии на развитие революционных действий в других странах и предыстории событий 13 июня 1849 г. неоднократно упоминается Маркс, которого автор представляет как главу немецких коммунистов. Более того, брошюра открывалась посвящением Марксу, другу, редактору «Neue Rheinische Zeitung».

Говоря о политике французского республиканского правительства по отношению к немецким революционным рабочим в Париже весной 1848 г. и поощрении им планов вооруженного вторжения составленных из них отрядов в Германию, Зейлер указывает, что его истинная цель состояла в удалении из Парижа и Франции вообще опасного революционного элемента.

«Социалисты и коммунисты,— пишет он,— решительно высказались против всякого вооруженного насаждения немецкой республики извне. Они проводили свои открытые заседания на улице Сен-Дени [8], на которых присутствовала и часть будущих вольных стрелков [9]. На одном из этих заседаний Маркс в пространном докладе подробно рассказал о том, что Февральскую революцию следует рассматривать лишь как самое начало европейского движения; что здесь, в Париже, в самом ближайшем будущем разразится открытое сражение между пролетариатом и буржуазией, как это и подтвердилось в июне [10]; что от этого сражения будет зависеть победа или поражение революционной Европы. Маркс призвал поэтому немецких рабочих оставаться в Париже и готовиться к защите и вооруженной борьбе. Кроме того, он прямо разоблачил некоторых из присутствующих вождей легионеров (например, Б. Бернштейна) как бывших полицейских агентов Дюшателя» [11].

Зейлер раскрывает позицию коммунистов и «Neue Rheinische Zeitung» в вопросе об освобождении и объединении Италии, в установлении братских связей между немецким и французским пролетариатом, их энергичную защиту июньских повстанцев Парижа. Он говорит, что, в отличие от немецких мелкобуржуазных демократов, основатели газеты, т. е. Маркс и Энгельс, не получали никаких денежных субсидий от французского Временного правительства. Зейлер рассказывает также о том, что в 1849 г. (после закрытия прусскими властями «Neue Rheinische Zeitung») Маркс с мандатом Центрального комитета демократов, полученным им от революционного правительства в Пфальце, представлял в Париже интересы немецкого народа и установил связь с представителями демократического и социалистического движения во Франции. В брошюре упомянуто и об участии Энгельса в Баденском вооруженном восстании.

Зейлер ссылается, рассказывая о событиях, непосредственно предшествовавших 13 июня, на соответствующее место в «Классовой борьбе во Франции», где Маркс разоблачает вождей Горы, отказавшихся принять предложение руководителей тайных рабочих обществ поднять восстание в ночь с 11 на 12 июня 1849 г.[12] Зейлер придает этим разоблачениям очень важное значе-



ПАРИЖ. ЗАСТАВА СЕН-ДЕНИ
Гравюра Ог. Пюжена, 1830
Из книги: «Paris und seine Umgebungen». Berlin, s. a.
В этом районе, на улице Сен-Дени, в 1848 г. находился клуб немецких рабочих, которым руководил К. Маркс. На той же улице помещался клуб «Братства народов», который посещал Герцен

ние. И здесь же он упоминает, что в Лондоне Маркс возобновил издание «Neue Rheinische Zeitung» в виде журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Отдельные моменты в брошюре позволяют предположить, что она составлялась не без участия Маркса [13].

Брошюра Зейлера — хронологически первый из рассматриваемых материалов. Следующую группу составляют письма и брошюры немецкого социалиста М. Гесса. В 1840-х годах Гесс был активным участником духовных исканий передовой немецкой молодежи. Он работал вместе с Марксом в «Rheinische Zeitung», затем был членом Союза коммунистов, а во второй половине 1860-х годов входил в Международное товарищество рабочих, выступал против бакунизма и прудонизма. Однако его идейное развитие отмечено сложными, зачастую неожиданными поворотами. Так, в середине 1840-х годов Гесс оказался одним из создателей сентиментально-мещанского, реакционного «истинного социализма», который был подвергнут жестокой критике Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»; после раскола в Союзе коммунистов в сентябре 1850 г. Гесс увлекся авантюристическими планами фракции Виллиха — Шаппера; в конце 1850-х — начале 1860-х годов выступал с буржуазно-националистических позиций (не отказавшись от них до конца жизни), а затем стал лассальянцем. Маркс не раз крайне неодобрительно отзывался о писаниях и практической деятельности Гесса, называл его «путаной головой», но считал честным человеком [14].

С момента знакомства с Марксом в начале 1840-х годов Гесс стал его восторженным поклонником. Это не помешало ему, однако, затаить личную обиду на Маркса и Энгельса за их, по его мнению, резкую и несправедливую критику его взглядов. При этом, к чести Гесса, он сохранил способность более или менее объективной оценки роли Маркса в создании научного коммунизма.

Герцен познакомился с Гессом, вероятно, в конце 1848 г. [15] После поражения революции 1848—1849 гг. Гесс очутился в числе прочих немецких эмигрантов в Цюрихе. Оказавшись в трудном материальном положении, он обратился за помощью к Герцену через посредство Ф. Каппа [16], который в это время был учителем Саши Герцена. 26 ноября 1849 г. Герцен ответил Гессу. Так письменно, а затем, возможно, и лично возобновились их контакты [17].

Именно в это время в Цюрихе печаталась работа Герцена «Vom anderen Ufer». Книга увидела свет в начале 1850 г., однако корректурные листы читались в демократических кругах еще ранее, до ее выхода из печати. В 1855 г. во введении к русскому изданию этой работы Герцен писал: «В начале 1850 г. книга моя сделала много шума в Германии, ее хвалили и бранили с ожесточением» (VI, 9; см. также XXIII, 321 и выше, в статье «Герцен и Германия»).

В этих критических выступлениях особенный интерес у самого Герцена вызвали замечания Гесса, который познакомился с книгой у Гервега в начале 1850 г. [18] В феврале Гесс послал Герцену два письма, одно из них имело личный характер, а второе содержало его соображения по поводу прочитанного [19].

Ответив Гессу очень дружески, Герцен предложил перенести дискуссию на общественную арену: «Я буду польщен, если вы соблаговолите воспроизвести in extenso * ваше письмо и напечатать его в вашей брошюре [20]. Я обязуюсь ответить вам» (XXIII, 290). Так началась эта дискуссия, которая, однако, в силу ряда обстоятельств так и не стала достоянием широкой публики. Время не пощадило того, что было написано и сказано обеими сторонами. В декабре 1851 г. после государственного переворота во Франции, опасаясь обыска и боясь скомпрометировать тех демократов и республиканцев, до которых могла дотянуться рука Бонапарта, Герцен сжег множество документов. Не исключено, что тогда сгорели и некоторые письма к нему Гесса (см. X, 476). Из писем Герцена к Гессу сохранилось лишь одно, от 3 марта 1850 г., и упоминание о втором, написанном, очевидно, в ноябре 1851 г. Из писем Гесса, полученных Герценом, уцелело тоже одно, датированное 18 ноября 1851 г.[21], но зато до нас дошли относящиеся к февралю — апрелю 1850 г. многочисленные черновики и наброски писем, написанных в форме полемических статей и заметок [22]. Эти источники дополняются некоторыми другими, о которых говорится ниже.

Гесс в этой полемике, по его словам, представлял точку зрения пролетарской партии, открыто объявляя себя сторонником Маркса, проводником его взглядов. Правда, марксистским мировоззрение Гесса во все времена, даже в пору его наибольшего сближения с Марксом, может быть названо лишь очень условно [23].

Однако следует попытаться посмотреть на эту дискуссию с несколько иной точки зрения и определить, какую же информацию о Марксе и Энгельсе мог получить Герцен из полемических писем Гесса. Нам придется прибегнуть к обширным выдержкам из документов как уже известных русскому читателю, так и приводимых здесь впервые. При этом следует отметить, что в ряде вопросов, несмотря на вульгаризацию, Гессу удалось с известной мерой точности изложить некоторые существенные положения учения Маркса и Энгельса.

Уже в самом начале (в той статье, которую Гесс помечает цифрой 1 — см. прим. 22) он пытается ответить на многие вопросы, затронутые в книге Герцена «Vom anderen Ufer»: об объективности законов исторического развития, роли личности в истории, историческом детерминизме и т. д.

«В обществе,— пишет Гесс,— как повсюду, способ добывания средств к жизни есть тот центральный пункт, вокруг которого сосредоточивается весь образ жизни, а значит, в исторической жизни сознательных существ и весь их образ мыслей» [24].

Получив предложение Герцена перенести их полемику в печать, Гесс в марте-апреле 1850 г. работает над 2-й, 3-й и 4-й статьями «Писем к Искандеру». Круг вопросов, явившихся объектом полемики, здесь расширяется и выходит за пределы работы «Vom anderen Ufer». Во-первых, сам Герцен в письме от 3 марта обратил внимание Гесса на речь реакционного испанского политического деятеля Донозо Кортеса, которую тот произнес 30 января 1850 г. и которая мрачными предсказаниями гибели Европы и нашествия «славянских варваров» произвела сильное впечатление на определенные слои европейского общества. Далее, после 18 марта, Гесс получил еще одну книгу Герцена — «Briefe aus Italien und Frankreich», его статью о Донозо Кортесе и одновременно с этим первый выпуск издававшегося в 1850 г. журнала Маркса и Энгельса «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Это дало Гессу возможность прибегнуть к новым аргументам и прямо сослаться на Маркса в защиту своей точки зрения.

В большом письме, написанном после получения письма Герцена от 3 марта, Гесс разбирает главным образом речь Донозо Кортеса [25]. Это дает ему предлог для изложения некоторых положений исторического материализма Маркса и понимания на их основе конкретного исторического процесса.

«Если в общественных отношениях и связях, порождаемых среди людей определенным способом общественного производства, мы будем видеть только отражение этих общественных отношений в сознании, т. е. только духовную связь, тогда и в разложении общественных отношений мы увидим только разложение духовных связей, лишь отражающих, как в зеркале, движение самой действительности; тогда тончайший цвет общественной жизни, мораль и религия превратятся у нас в ее корень, вершина пирамиды — в ее основание и мы вообразим, что старые, разложившиеся общественные отношения могут быть восстановлены по-

* полностью (*лат.*).

средством восстановления старых духовных связей; тогда мы будем гибель данного мира выводить из гибели его морали, тогда борьба за господство в мире превратится в борьбу за моральные преимущества той или другой расы; тогда различные фазы общественных отношений, возникающих и исчезающих вместе с определенным способом добывания средств к жизни, превратятся в соответствующие фазы веры и неверия; тогда в разложении феодальных отношений собственности мы увидим только разложение феодальной веры, преданности и покорности, а в зарождении, развитии и результате буржуазного революционизирования феодальной собственности — только зарождение, развитие и результат буржуазного недоверия и неверия в политической и религиозной сфере; тогда мы не сможем распознать зародыши нового мира, которые еще не нашли отражения в сознании, потому что они таятся пока в мире бессознательного; тогда мы хоть и сумеем разглядеть конец буржуазной революции, последнюю ступень отрицания, атеизм, анархию, но за нею не увидим ничего, кроме мрака, сплошного мрака».

«Ничего, кроме мрака,— продолжает Гесс,— сплошного мрака не может открыть и ваш философ «с того берега», когда буржуазная революция, вступив в свою третью и последнюю фазу и перейдя тем самым в пролетарскую революцию, развернется до конца.— Как русский вы видите, правда, в славянском нашествии «белый парус ковчега» за сумрачными «волнами карающего потопа», наступление которого вы видите как философ,— между тем как Донозо Кортес видит в этом нашествии только вторжение варваров, которые пройдут по Европе с оружием в руках и сами впитают в себя яд разрушительных идей, которые они найдут у нас» [26].

Пессимизму Герцена, его скептическому отношению к революционному потенциалу Европы Гесс противопоставляет веру в пролетарскую революцию, которая принесет обновление старому миру:

«Но если эта положительная идея есть нечто большее, чем утопия, если она есть идеологическое выражение реальных отношений, то ее содержание совпадает с содержанием нашей нынешней революции, то эта революция, наносящая смертельный удар старому миру, уже должна в самой себе носить зародыш нового мира. А если в нашей революции содержится зародыш нового мира, если наши антагонистические отношения производства и собственности таят в своих недрах предпосылки тех гармонических отношений, которыми будут уничтожены все классовые и расовые различия,— тогда, дорогой друг, эти предпосылки будут получены нами не от славян, как вы думаете, с их общинным землеустройством» [27].

Если в этом втором письме Гесс изложил (с той или иной степенью точности) взгляды Маркса и Энгельса, то в следующем, третьем письме [28] он прямо пишет о самом Марксе: «Наконец-то, наконец я получил «Voix du Peuple», газету Прудона, в которой как premier-Paris * напечатан ваш ответ на речь г-на Донозо Кортеса, маркиза Вальдегамаса. Одновременно с этой газетой я получил еще две интересные вещи: ваши изданные Гофманом и Кампе письма об Италии и Франции [29] и первый выпуск выходящего в Лондоне политико-экономического обозрения Маркса» [30].

«Если вы хотите,— продолжает Гесс,— узнать разницу между вашим идеологическим и нашим реалистическим, или, коли угодно, материалистическим, пониманием истории, то только сравните вашу оценку французской истории с Июльской революции 1830 г. до июньских боев 1848 г. и после, изображенную в ваших последних письмах, с Марксовой оценкой того же исторического периода в первом выпуске вышеупомянутого обозрения...

Если вы хотите ближе познакомиться с отношением нашей партии к Прудону, то прочтите только французское сочинение Маркса против Прудона («Misère de la philosophie, réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon» par Karl Marx. Paris, Franck, 69, rue Richelieu). Я прошу вас прочесть вещи Маркса, прежде чем вы составите себе окончательное мнение о нашей партии. Прочтя эти вещи, которые, надо надеяться, еще можно будет достать в Париже у книготорговца Франка, 69, rue Richelieu, или где-нибудь в Брюсселе, вы убедитесь, что учителя социализма ⟨т. е. пролетарии⟩ находятся не в Германии, а там ⟨в Англии⟩ [31].

Я знаю хорошо, что, только отчаявшись в европейской революции, стали вы утешаться вашей славянской иллюзией: как только события в Европе, во Франции, в Париже начнут складываться более благоприятно для революции, так славянская иллюзия отойдет у вас на задний план.— Однако в самой-то европейской революции вы так легко отчаиваетесь потому, что берете ее только или, во всяком случае, главным образом с ее идеологической стороны. По той же причине вы восстаете вместе с Прудоном и немецкими философами против «убивающего свободу» коммунизма. Если бы вы поняли коммунизм не как утопию, а в его политическом значении, как историческое

* передовая статья парижской газеты (*франц.*).

движение, как пролетарскую революцию, как борьбу пролетариата за свое освобождение от господства буржуазии, как стремление рабочих избавиться от своих опекунов, от своих нынешних управителей, и взять управление своим трудом в свои собственные руки,— словом, если бы вы поняли коммунизм как классовую борьбу,— тогда бы вы сумели по достоинству оценить набившие оскомину фразы об уничтожении «личной свободы» и все прочие банальные упреки, все еще бросаемые с точки зрения действительности или с идеологической точки зрения буржуазии по адресу даже тех представителей пролетариата, которые уже давным-давно отказались от утопического коммунизма» [32].

Очень важна содержащаяся в третьем письме критика взглядов П. Ж. Прудона, в которой Гесс опирается на работу Маркса «Нищета философии». Таким образом, Гесс не только отсылает Герцена к работе Маркса, но и раскрывает ее отдельные положения. Говоря о Прудоне, Гесс подчеркивает принципиальное отличие мировоззрения Прудона от научного коммунизма, показывает его классовую сущность и говорит Герцену, что тот, по существу, не понимает этого французского философа; что в данный момент, даже с точки зрения Прудона, абсолютно не оправдан пессимистический взгляд на ход исторических событий в Европе.

«Прудон — представитель буржуазной анархии (революции) в ее последней фазе, представитель промышленных буржуазных средних классов, которые еще эксплуатируются и в городах, и в деревне крупными финансистами, банкирами и рантье. Если Прудон считает себя представителем подлинного народа, наемных рабочих, пролетариев, то это простительная и весьма естественная иллюзия, ибо огромное большинство французского народа принадлежит к представляемым им средним классам, и эти последние, чтобы избавиться от своих кровопийц, вынуждены делать одно дело с пролетариатом, который, в свою очередь, сам по себе во Франции еще слишком слаб, слишком мало развит для самостоятельного революционного выступления. Но Прудон знает, что его устремления имеют под собой реальную почву, что за ним стоит свыше 20 миллионов французов и что достаточно ему разъяснить им их положение, как его успех будет обеспечен. В этом тайна его силы и его самоуверенности. Он ошибается лишь в том, что принимает последнюю фазу буржуазной революции за конечную цель нашей революции. В тот момент, когда представляемые Прудоном средние классы, соединившись с пролетариатом, которого он не представляет, одержат победу, в тот самый момент тем же ударом, который порвет последние оковы промышленных средних классов, последняя буржуазная революция будет превращена в пролетарскую, в революцию, по отношению к которой Февральская была только прелюдией, только предвестием. За этой последней буржуазной революцией последуют июньские бои не к выгоде буржуазии, а к выгоде пролетариата — и тогда роль П. Ж. Прудона будет сыграна, тогда он тоже начнет сомневаться и испуганно отступать. Но до тех пор его мощь и самоуверенность могут только усиливаться.

Если бы вы были действительным сторонником прудоновской партии, если бы вы подошли к ее устремлениям не только с их идеологической стороны, то вы сейчас еще не могли бы так легко отчаяться в революции,— будь же вы действительным сторонником партии пролетариата, вы не могли бы так легко отчаяться в ней и после» [33].

В другом наброске к тому же письму [34] Гесс продолжает критику взглядов Прудона. Он вновь излагает взгляды Маркса и прямо ссылается на него:

«К чему стремится Прудон? К чему стремится Франция в экономическом отношении? К чему стремилась с этой точки зрения уже Февральская революция? — Свергнуть класс рантье, уничтожить эксплуатацию промышленных средних классов финансистами, так называемое «ростовщичество».— Как же должна быть уничтожена, по господину Прудону, эта эксплуатация «человека человеком», т. е. промышленника крупным банкократом? — Посредством сведения цены всех продуктов к стоимости их производства: производители — «рабочие», как полагает Прудон,— должны получить возможность обменивать продукты на продукты без необходимости прибегать к монополизированному средству обмена, находящемуся в руках банкократов, этих монополистов, которые требуют за свой кредит уплаты процентов, и притом «ростовщических».— С этой целью, а равно и по некоторым другим соображениям Прудон изобрел «народный банк».

Что так называемый «народный банк» может найти применение после *победы пролетариата*, т. е. после того, как крупная промышленность будет централизована *пролетарской государственной властью*, и будет вестись на ее счет,— этого я не оспариваю ни одной минуты. Но не с *этой* целью был он «изобретен» Прудоном. Прудон, буржуазный «анархист» и заклятый враг пролетарской государственной власти, воображает, напротив, что он сможет осуществить свою «идею»

на основе существующего способа добывания средств к жизни, только устранив с помощью все той же «идеи» «злоупотребления» этого способа.

Итак, если отбросить иллюзорную сторону прудоновской «идеи», то мы найдем, что в Англии она уже осуществлена — осуществлена без политической революции, осуществлена на основе существующего порядка, осуществлена предшествующим *экономическим* развитием буржуазного способа производства, осуществлена одними лишь успехами современной *буржуазной промышленности*.

Поскольку прогресс промышленности сосредоточил в руках промышленной буржуазии довольно значительные капиталы, он уже понизил в Англии процентную ставку до минимума. Поскольку промышленный прогресс переместил центр тяжести общества, жизненные средства общества и их производство из землевладения в промышленный капитал, постольку он прорвал монополию, связывающую промышленность и торговлю, реформировал в буржуазных интересах феодальное законодательство старой Англии, уничтожил хлебные законы, эту последнюю твердыню феодальных рантье,— словом, превратил политическую и экономическую зависимость буржуазной промышленности от феодального «ростовщичества», зависимость «хлопчатобумажного барона» от феодального барона в зависимость последнего от первого.— То, что Прудон выдвигает в качестве требований «социализма», *социальной революции*, сведение товарных цен к стоимости производства, пропорциональность заработной платы рабочему времени, обмен продуктов на продукты, уничтожение государственной власти, армии и ростовщичества, свобода и свободная торговля,— все эти *революционные* требования французских «социалистов» уже давно были *консервативными* требованиями английских экономистов, например Рикардо, и в той мере, в какой они были осуществлены, они привели не к воображаемому «равенству» французских «социалистов», а к образованию английского пролетариата. В этом отношении я должен еще раз рекомендовать вам работу *Маркса* против Прудона, в которой все это вы найдете изложенным in extenso и с четкостью, не оставляющей места ни для каких сомнений. Правда, буржуазия всех стран издавна обольщалась гуманистическими иллюзиями насчет своих стремлений, но ни в одной стране настолько, как во Франции, и Прудон является прежде всего классическим представителем *иллюзий* французской буржуазии.

Прудон отождествляет производителя (руководителя труда) с непосредственным рабочим, что в условиях и при высоком уровне современного способа производства так же смешно, как отождествление фабриканта с машиной. Прудон смешивает существующую еще во Франции классовую противоположность банкократии и промышленной буржуазии с классовой противоположностью буржуазии и пролетариата, до которой противоположности нашего антагонистического общества упростились только в Англии» [35].

Далее Гесс развивает тезис о близости пролетарской революции в Европе, неизбежность и успех которой определяют два фактора: зрелость социально-экономических отношений в Англии и революционность французского пролетариата.

Гесс подчеркивает авангардную роль пролетариата как «аванпоста всякой революции» и утверждает, что «ближайшая французская революция должна будет превратиться в мировую революцию, потому что она вызовет мировую войну,— в революцию пролетарскую, потому что она поднимет английский пролетариат» [36].

Один из самых интересных моментов в третьем письме Гесса — попытка охарактеризовать историческое значение Маркса. Эта оценка не однозначна. С одной стороны, Гесс сумел правильно определить масштаб личности и историческую роль Маркса. Он называет его «бесспорно гениальнейшим человеком нашей партии» [37]; в другом наброске — «самым выдающимся, самым талантливым, самым гениальным человеком нашей партии» [38]. Гесс пишет Герцену: «Вы так же мало, как и я, почувствуете себя обиженным, если я скажу, что манеру изложения Маркса я воспринимаю по сравнению с вашей и моей как неизгладимые письмена, выгравированные на бронзе железным резцом, тогда как нашу я сравнил бы самое большее с опрятным рисунком на веленевой бумаге» [39].

С другой стороны, Гесс не может скрыть своего личного недоброжелательного отношения к Марксу, затаенной обиды на его резкую критику. Видимо, понимая, что эти обиды покажутся ничтожными, что такие чувства не делают ему чести и могут уронить его достоинство в глазах Герцена, Гесс дважды пишет и дважды зачеркивает тот абзац письма, в котором содержится и высочайшая оценка Маркса, и мелочная критика его характера.

То обстоятельство, что Гесс так упорно искал приемлемого выражения для своих противоречивых чувств, а главное для характеристики роли Маркса, позволяет сделать предположение,

что эта характеристика все-таки вошла и в окончательный вариант письма, предназначенный для отправки Герцену и для печати.

Последняя статья цикла «Писем к Искандеру» [40] составлена Гессом после получения статьи Прудона «Philosophie du 10 mars», написанной им в связи с успехом демократических сил Парижа на дополнительных выборах во французское Законодательное собрание 10 марта 1850 г. и опубликованной в «Voix du Peuple» 25 и 29 марта 1850 г. Эта статья дала Гессу повод вновь обратить внимание Герцена на несостоятельность воззрений Прудона и его подлинную классовую сущность.

В данном письме Гесс прямо не упоминает Маркса, но обыгрывает название его работы, направленной против Прудона: «Сам Прудон своей новейшей «Философией 10 марта» лучше, чем кто-либо другой, сделал явной тайну «Misère de la philosophie», которая стояла за его «Philosophie de la misère»» [41].

В «Письмах к Искандеру» Гесс в самых общих чертах изложил основы исторического материализма, цели пролетарской революции, дал критику взглядов Прудона [42], подчеркнул разницу между научным коммунизмом Маркса и утопическим коммунизмом и социализмом и, наконец, попытался определить историческое значение Маркса как идеолога и главы пролетарской партии, а также назвал некоторые его работы.

Параллельно с работой над «Письмами к Искандеру» Гесс предпринимает шаги к их публикации. По его замыслу они должны были войти в брошюру, в первой части которой он хотел поместить «Письмо к европейской буржуазии» [43]. С этой целью 18, 27 марта и 5 апреля 1850 г. он отправил свои предложения издательской фирме «Hoffmann und Campe» [44]. С последним письмом издатель Ю. Кампе получил от Гесса и рукопись брошюры.

25 апреля Гессу было сообщено, что «Письмо к европейской буржуазии» в сложившейся обстановке в Германии публиковать нельзя, что же касается писем Герцену, то их выпуск возможен и издатели выразили согласие договориться о его условиях [45]. Однако издание, по-видимому, так и не было осуществлено [46]. Возможно, этому помешал переезд Гесса в апреле 1850 г. в Женеву [47].

В сентябре того же года произошел раскол в Союзе коммунистов и Гесс оказался в лагере противников Маркса, среди сторонников немедленного революционного действия, хотя создавшиеся условия социально-экономической и политической жизни в Европе исключали тогда всякую возможность успеха. Примкнув к авантюристической фракции Виллиха — Шаппера, Гесс возглавил общину отколовшегося союза в Женеве [48]. Удивительное смешение идей в его голове в результате самых противоречивых влияний отразилось в работе, которую важно рассмотреть для решения поставленной перед нами задачи. Речь идет о брошюре «Jugement dernier du vieux monde social», над которой Гесс начал работать в конце 1850 г. и которая вышла летом 1851 г.[49]

В ее содержании нетрудно усмотреть следы полемики Гесса с Герценом. Представление о «*старом* социальном мире», под которым Гесс имеет в виду социально-экономические отношения в Европе, идет от Герцена [50] и самым причудливым образом переосмысливается Гессом. С одной стороны, он ждет грандиозной социальной революции и создания нового мира по принципу «от каждого по его возможностям, каждому по его потребностям» и считает, что это новое общество возможно лишь благодаря установлению власти трудящихся. С другой стороны, отходя даже от своего собственного более раннего анализа социально-экономического положения в Европе, Гесс в гораздо большей степени оказывается во власти эсхатологических и мессианских настроений. В страхе перед реакционными силами Европы он призывает к единству классовых и национальных интересов [51].

Собственному тексту «Jugement dernier» предпослано введение «De l'Allemagne», в котором автор дает краткий очерк развития философской революционной мысли в Германии, начиная с Канта и кончая Марксом. Как и в «Письмах к Искандеру», Гесс выдвигает на первый план Маркса:

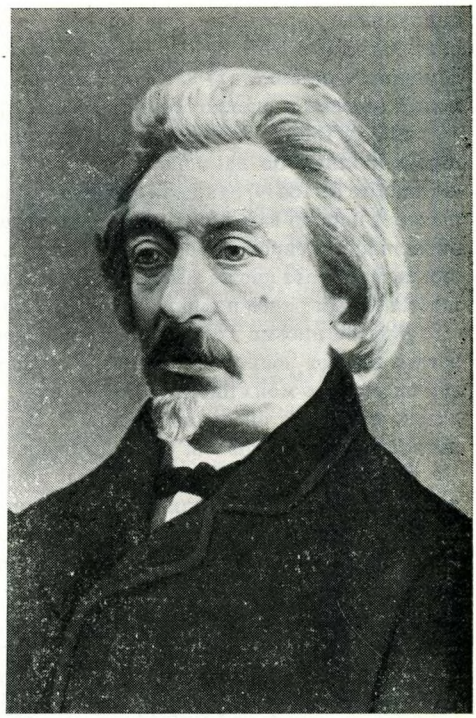
«После Фейербаха немецкая революция, если она хотела стать чем-то бо́льшим, чем негативной революцией, революцией лишь в интересах образованных и привилегированных, обязательно должна была покинуть область философии и переместиться в область политики. Это она и сделала уже перед Февральской революцией. Задолго до этой революции немецкая молодежь, которая до той поры принимала близко к сердцу лишь философию, душою и телом предалась политике, быстро прошла различные фазы великого социального движения нашего века и приблизилась вскоре к последней социальной проблеме, к вопросу труда и собственности. Для этих

дерзких мыслителей, которые уже разделались с небесным капиталом, не представляло труда разделаться также и с капиталом земным.

Заметим, однако, что превращение философов в социалистов не могло произойти без каких-то первоначальных схваток с теми, кто, оставаясь верным своим философским традициям, протестовал против революции (с помощью невежественного народа, *массы, презренной толпы*, которую немецкие философы стали ненавидеть даже раньше, чем г-н *Тьер* употребил это выражение [52].

С большим воодушевлением социалисты боролись с этими философами-эгоистами, и последние, с тех пор как *Карл Маркс* объявил им войну, удалились со сцены, преследуемые презрительным смехом зрителей.

В настоящее время только те немецкие социалисты, которые признают в качестве своего вождя *Карла Маркса, сорвав маску* с философских, экономических и политических консерваторов, не попадают больше ни в какие ловушки ни демократов, переряженных социалистами, ни утопистов, переряженных революционерами, ни буржуа, переряженных искателями разрешения проблем. Не только разрешение проблем, предложенное г. *Эмилем Жирарденом*, но и разрешение проблемы, предложенное г. *Прудоном*, разоблачено и показано немецкими социалистами в их действительной ценности.



МОЗЕС ГЕСС
Фотография, 1850-е гг.
Из книги: Moses Hess. Briefwechsel. 'S-Gravenhage, 1959

Незадолго до Февральской революции Карл Маркс написал против Прудона труд, в равной мере и ученый, и прекрасно выполненный,— труд, разоблачающий буржуазные идеи, временами абсурдные, которые лежали в основе философско-экономического труда Прудона. Замечательная работа Маркса, слишком мало известная во Франции, была написана по-французски [53]. В «*Новой рейнской газете*», впоследствии запрещенной прусским правительством, но продолженной в *Лондоне* в форме *ежемесячного журнала* под заголовком: «Политико-экономическое обозрение» [54], те же самые социалисты отличились верным определением социального положения в Европе. Зато эти всезнающие немецкие социалисты не могут ничего сделать. Для атаки на старый социальный мир они располагают лишь оружием критики. Они превосходнейшим образом владеют искусством рассекать мертвое тело нашего общества, анализировать его экономику и показывать его болезнь, но для воодушевления, которое электризует и увлекает народ, они слишком материалисты. Покинув идеалистическую философию, они бросились в объятия материалистической экономики. Они поменяли туманную концепцию немецкой философии на узкую и мелочную концепцию английской политической экономии [55].

Немецкое племя вращается между двумя крайностями: немецким спиритуализмом и английским материализмом.

Немецкие социалисты, о которых мы говорим, не составляют также большой революционной партии, как французские социалисты; это лишь школа ученых-экономистов с тем же малым числом приверженцев и с теми же претензиями, как философская школа, к которой они некогда принадлежали. Масса народа, пролетариат городов и сел, разоренная мелкая буржуазия, все те классы, которые составляют силу французских социалистов, не стоят за ними» [56].

В следующей главе Гесс говорит о Марксе лишь мимоходом, при сравнении его с Прудоном: «Прудон не уступает ни одному немецкому социалисту, даже К. Марксу, не обладая, впрочем, ни оригинальностью, ни эрудицией, ни диалектикой последнего» [57].

Как и в «Письмах к Искандеру», Гесс делает попытку определить в общих чертах роль Маркса в развитии немецкой философской мысли. Но здесь появляется новая нота. Если раньше критические замечания Гесса определялись личными мотивами, то теперь он пытается найти прин-

циальные «просчеты». Он серьезно недооценивает (вернее, вполне сознательно игнорирует) роль Маркса и Энгельса (в первую очередь он имеет в виду именно Энгельса, когда говорит о немецких социалистах) как революционеров, политических борцов и вождей пролетариата. Этот новый оттенок в оценке Маркса Гессом прямо связан с расколом в Союзе коммунистов.

10 мая 1851 г., отправляя Л. Кроликовскому (сторонникy икарийского утопического коммунизма, поляку по национальности, в 1848—1851 гг. фактическому редактору газеты Э. Кабе «Populaire de 1841») заключительные статьи серии «Jugement dernier», Гесс пишет: «Если вы пожелаете, я пошлю вам через несколько недель новую серию статей, может быть под тем же названием, в адрес европейской буржуазии» [58]. Это упоминание об обращении к европейской буржуазии наталкивает нас на мысль, не собирался ли Гесс после «Jugement dernier» вернуться к не осуществленным ранее планам публичной полемики с Герценом?

Другое письмо Гесса к Кроликовскому, от 21 ноября 1851 г., позволяет утвердительно ответить на этот вопрос: «Я думаю,— пишет Гесс,— что послужу нашему общему делу, отправляя вам экземпляр моих писем гражданину А. Герцену, чтобы опубликовать их или в одном из журналов, или в фельетоне вашей газеты [59]. Эти письма, которые я пишу сейчас Герцену и которые мне позволено опубликовать, были бы очень своевременны» [60].

Таким образом, между маем и ноябрем 1851 г. возникает и организационно оформляется идея возобновления публичной дискуссии между Герценом и Гессом о судьбах революции в Европе. Кто был ее инициатором на этот раз? Вероятно, сам Герцен. Упомянутое выше письмо к Герцену от 18 ноября 1851 г. Гесс начинает следующими словами: «Я получил ваше письмо с двумя экземплярами вашей новой работы [61], которую я передал гражданину Гринану [62]. Тысяча благодарностей за честь, которую вы мне оказали, предложив мне вступить с вами в дискуссию по вопросам, которые вы изложили в вашем письме к Мишле» [63].

Многое неясно в ноябрьской полемике. Мы не знаем, хотел ли и использовал ли Гесс в ней свои письма к Герцену от февраля — апреля 1850 г., сколько было написано писем в ноябре 1851 г., помимо упомянутого выше. Два события роковым образом сказались на судьбе этой второй дискуссии: 15 ноября 1851 г. в кораблекрушении погибли мать и сын Герцена, а 2 декабря того же года во Франции произошел государственный переворот.

Теперь следует вернуться на несколько месяцев назад и обратиться к журналу «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», который издавался в 1850 — первой половине 1851 г. А. Колачеком и служил трибуной для крайней левой франкфуртского Национального собрания. Герцен довольно активно сотрудничал в этом журнале: в августе 1850 г. он опубликовал в нем статью «Omnia mea mecum porto», а в декабре того же года «Эпилог 1849»; в 1851 г. здесь печатался немецкий перевод его работы «О развитии революционных идей в России» под псевдонимом *Искандер*. Вокруг герценовских работ в журнале завязалась активная полемика, в которой приняли участие Р. Зольгер, Я. Фальмерайер, К. Науверк и некоторые другие авторы [64].

Мы извлечем из этой полемики лишь одну статью, имеющую прямое отношение к нашей теме. Речь пойдет о выступлении Л. Симона, адвоката из Трира, бывшего депутата франкфуртского Национального собрания. Симон в марте и мае 1851 г. опубликовал в журнале Колачека обширную статью под названием «Всеобщее голосование и рабочая диктатура» [65]. Он выступил в ней в защиту буржуазно-демократических свобод, одновременно и против Герцена [66], и против Маркса, которые, в отличие от автора, на опыте революции 1848—1849 гг. показали их ограниченность и бесплодность. Симон защищал по существу право обывателей, мелких буржуа, составлявших тогда большинство населения в городах Германии.

Выразив сожаление в связи с расколом в среде революционно-демократической эмиграции и подвергнув критике взгляды отдельных представителей утопической социалистической мысли (Прудон, Л. Блан), Симон, однако, главный удар направил против О. Бланки и особенно против Маркса и Энгельса [67], против идеи диктатуры пролетариата. Полемизируя с ними, он включил в свою статью пространные выдержки из важнейших работ Маркса и Энгельса, опубликованных в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в которых они анализируют опыт и уроки революционных битв 1848—1849 гг. («Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» Энгельса: первый, второй и третий международные обзоры, принадлежавшие перу Маркса и Энгельса). Статья Симона производит впечатление бессильной попытки опровергнуть марксистский анализ опыта буржуазно-демократической революции и роли в ней пролетариата. Ее злобный и натужно-иронический тон, не говоря уже о прямых искажениях и вульгаризации,

жалок рядом с неумолимой логикой Марксовой мысли. Симон по существу целиком остается на «домартовских», дореволюционных позициях, не сумев извлечь никаких уроков из событий 1848 г.

Полемику с Марксом и Энгельсом Симон начинает следующим образом: «Еще не залечена глубокая рана, нанесенная свободе июньской битвой в Париже, и кто знает, когда она будет залечена полностью? Однако и во Франции, и в Германии не перевелись лица, ежедневно вливающие новый яд и видящие спасение мира лишь в полном господстве *одного* класса *над всеми остальными*. Если раньше осуществлял господство *класс дворян через королевскую власть*, то теперь должно наступить время *диктатуры рабочих* в лице какого-нибудь *коммунистического вождя*. В немецкой литературе эта точка зрения в наиболее острой форме представлена Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Передо мной лежат пять тетрадей издаваемого ими политико-экономического обозрения под названием «Neue Rheinische Zeitung» [68], в котором мы встречаем представление о французских отношениях, не только прямо противоположное нашему [69], но и видим, как это представление переносится на совершенно отличное от французского положение Германии, да и на положение всей остальной Европы» [70]. Далее Симон приводит следующее высказывание из работы Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию»: «*С момента июньского поражения 1848 г. для цивилизованной части европейского континента вопрос стоит так: либо господство революционного пролетариата, либо господство тех классов, которые господствовали до февраля. Среднее решение уже невозможно*» [71].

Симон воспроизводит оценку июньской борьбы парижского пролетариата, данную Марксом в «Классовой борьбе во Франции»:

«Только поражение его открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в *рамках* буржуазной республики остается *утопией* и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, к удовлетворению которых пролетариат хотел принудить февральскую республику, требований, чрезмерных по форме, но мелочных и даже все еще буржуазных по существу, *выступил смелый революционный боевой лозунг: Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*» [72]

Требование диктатуры пролетариата вызывает особенное негодование у Симона; он противопоставляет ему всеобщее избирательное право, мечтая на его почве объединить неосуществленные стремления к социальному освобождению пролетариата и интересы республиканской буржуазии, в том числе и мелкой; он считает необходимой «действительную коалицию *всех* подлинных республиканцев» [73]. В то же время Симон вынужден признать, что в определенных условиях бывает необходима диктатура, энергичная власть, но требует, чтобы это была диктатура... всех партий, силы которых нужны для победы [74].

Полемизируя с Марксом и Энгельсом о значении всеобщего избирательного права, Симон приводит значительные выписки из «Второго международного обзора» и из «Третьего международного обзора. С мая по октябрь» (совместные работы Маркса и Энгельса) и статьи Энгельса «Английский билль о десятичасовом рабочем дне». Приводимые тексты показывают, что в оценке роли всеобщего избирательного права Маркс и Энгельс исходили из конкретных, исторически сложившихся национальных и социальных условий, из соотношения классовых сил, отнюдь не абсолютизируя и в то же время не отказываясь от использования этого демократического института рабочим классом.

Полемика с идеей диктатуры пролетариата вынудила Симона привести также некоторые фрагменты перечисленных работ Маркса и Энгельса, в которых ставились вопросы о союзниках пролетариата, в частности о его взаимоотношениях с мелкой городской буржуазией и крестьянством.

«Французские рабочие,— цитирует Симон «Классовую борьбу во Франции»,— не могли двинуться *ни на шаг вперед*, не могли *ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам*» [75].

Он приводит из «Германской кампании за имперскую конституцию» отрывок, в котором Энгельс анализирует степень зрелости и расстановку классовых сил в Германии в революции 1848—1849 гг.

«*В Бадене, как и вообще в Южной Германии, почти нет крупной буржуазии...* Этому отсутствию противоположности между буржуазией и пролетариатом и вытекающему отсюда политическому преобладанию мелкой буржуазии следует приписать то обстоятельство, что *Баден*,

собственно говоря, никогда не знал социалистической агитации. Начатки социалистических идей, привнесенные извне либо через посредство рабочих, побывавших в более развитых странах, либо благодаря влиянию французской или немецкой социалистической и коммунистической литературы, *не* смогли *проложить себе здесь дорогу.* Красная лента и красное знамя означали в Бадене не что иное, как *буржуазную* республику» [76].

В связи с этим в статье затрагивается и вопрос о частной земельной собственности, крупной в Англии и мелкой в Германии. Симон с ужасом сообщает, что Маркс и Энгельс хотят «конфискации всей частной собственности и насильственного подавления любой частной формы присвоения» [77]. Он делает пространное извлечение из «Третьего международного обзора», где говорится о разногласиях среди чартистов по земельному вопросу.

«Главным спорным пунктом между обеими фракциями чартистов является земельный вопрос. О'Коннор и его партия хотят *использовать хартию* для того, чтобы посадить часть рабочих на *мелкие участки земли* и в конце концов сделать парцелляцию земельной собственности всеобщим явлением в Англии. Известно, как провалилась его попытка осуществить эту парцелляцию в небольших масштабах при помощи акционерного общества. Тенденция каждой буржуазной революции — раздробить крупную земельную собственность, несмотря на то, что эта тенденция постоянно дополняется безусловной тенденцией мелкой собственности к концентрации, к гибели при столкновении с крупным сельскохозяйственным производством, могла некоторое время порождать у английских рабочих представление о предложенной О'Коннором парцелляции, как о чем-то революционном. Этому требованию парцелляции земельной собственности революционная фракция чартистов противопоставляет *требование конфискации всей земельной собственности и требует, чтобы она не была разделена, а оставалась бы национальной собственностью*» [78].

Симон подчеркивает отличие концепции Маркса и Энгельса от современных им систем утопического социализма, приводя со своим комментарием выдержки из «Классовой борьбы во Франции» Маркса: «И вот в то время как пролетариат уступает этот социализм мелкой буржуазии, а борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим,— *пролетариат* все более объединяется вокруг *революционного* социализма, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем *Бланки.* Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата* как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия*, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений» [79].

Защищая частную собственность, Симон опирается на концепции Л. Блана и Прудона. Так, он пишет, в частности, по поводу приведенного выше фрагмента из «Классовой борьбы»: «Отличие этих планов от предложений Луи Блана очевидно сразу. В то время как Луи Блан диктаторски требует ⟨конфискации⟩ *лишь части* частной собственности (железные дороги, копи и т. п.) за компенсацию, чтобы полностью опрокинуть частное присвоение *примером* своих рабочих ассоциаций и сельскохозяйственных колоний, при этом *лишь моральным* ⟨примером⟩ и без *применения в дальнейшем силы*,— гг. Маркс и Энгельс конфискуют *всю* частную собственность (машины, капиталы и т. д.) *без всякой компенсации*, чтобы *насильственно* посредством коммунизма ассоциированного рабочего класса отменить частное присвоение» [80].

И наконец, Симон приводит тот отрывок из «Классовой борьбы во Франции», где Маркс говорит об условиях, при которых в тогдашней исторической обстановке была возможна победа пролетарской революции: «Задача рабочего, говорит г. Маркс, *разрешается* не во Франции, она здесь только *провозглашается.* Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в *мировую* войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда *мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии.* Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией. Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира» [81].

Мы привели лишь отдельные фрагменты из того, что было процитировано Симоном. Помимо полемики с теоретическими положениями статей Маркса и Энгельса из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в статье «Всеобщее право голоса и рабочая диктатура», в третьей ее

части, содержались и некоторые данные о расстановке сил в революционно-демократической эмиграции, а также о расколе среди пролетарских революционеров. При этом Симона не обманывает классовое чутье: несмотря на экстремистские планы группы Виллиха—Шаппера, он считал ее более умеренной и с откровенной враждой и страхом отнесся к течению, возглавляемому Марксом и Энгельсом, наиболее непримиримому по отношению к буржуазии, наиболее твердо выражающему позицию пролетариата.

Все написанное Зейлером, Гессом и Симоном в совокупности содержало довольно обширную информацию о Марксе и Энгельсе. Какие же существуют доказательства, что Герцен знал и читал эти материалы?

В отношении брошюры Зейлера с полной уверенностью можно сказать, что Герцен не только ее получил, но и прочитал. В письме к Г. Гервегу от 20 марта 1850 г. содержится ее прямая оценка, хотя и нелестная (XXIII, 310) [82].

Сложнее обстоит дело с материалами Гесса. Известно, что Герцен живо интересовался всем, что писалось о его работах в западноевропейской и американской печати (см. XXIV, 168). Выступление Гесса вызвало у него живейший интерес и самый доброжелательный прием. Прося Гервега переслать свое письмо от 3—4 марта 1850 г., адресованное Гессу, Герцен пишет: «Его критика превосходна, с подобных позиций можно еще раз обсудить множество вопросов» (XXIII, 291). Гесс откликнулся на книгу «Vom anderen Ufer» одним из первых, и это было особенно интересно автору. Соображения Гесса показались Герцену столь значительными, что они не утратили для него интереса и в 1851 г., раз он сам захотел возобновить дискуссию. Аргументы Гесса принципиально отличались от той полемики, которая велась с Герценом в 1850—1851 гг. в немецкой демократической печати, и в частности от упомянутой выше полемики в журнале Колачека.

Существуют косвенные доказательства того, что отношения Герцена и Гесса между мартом 1850 и осенью 1851 г. (даты их известных писем) не прерывались [83]. Вполне возможно, что летом 1851 г. в Женеве состоялось свидание Герцена и Гесса. Гесс жил в Женеве постоянно с апреля 1850 до конца 1851 г.[84], а Герцен останавливался в этом городе 28 и 29 июня и 5—7 июля 1851 г.[85] Вероятно, именно тогда они и договорились о возобновлении дискуссии, о которой Герцен писал Гессу осенью 1851 г. Какие-то отзвуки этих разговоров между Герценом и Гессом, в частности о Марксе, ходили в кругах, близких к Гессу. В июле 1850 г. Дронке сообщал, например, Энгельсу, что Герцен в Ницце и распространяет разного рода обвинения против Маркса [86].

Гесс постоянно получал новые работы Герцена: «Donoso Cortès, marquis de Valdegamas, et Julien, empereur romain», «Omnia mea mecum porto», «Briefe aus Italien und Frankreich», «Le peuple russe et le socialisme». Возможно, он читал и «Развитие революционных идей в России». Некоторые из этих работ, вероятно, были получены Гессом прямо от Герцена, например «Le peuple russe et le socialisme». Более того, Герцен, видимо, специально разъяснял своему корреспонденту отдельные вопросы. Так, в одном из вариантов письма Гесса к Герцену от ноября 1851 г. говорится: «Прочитав со всем вниманием, которого они заслуживают, ваши немецкие и французские труды, начиная с „Vom anderen Ufer“ и до вашего письма к гражданину Мишле „Le peuple russe et le socialisme“, и *комментарии, которые вы оказали честь мне сделать...*» *[87].

Разумно предположить, что, посылая весной 1850 г. Ю. Кампе для издания «Письма к Искандеру», Гесс отправил копию их самому Герцену. Осенью 1851 г. он поступил именно так: сохранившийся экземпляр письма от 18 ноября 1851 г., полученный Герценом, и почти идентичные ему два варианта к Кроликовскому [88] — убедительное тому доказательство. Таким образом, можно утверждать с большой долей вероятности, что Герцен знал текст «Писем к Искандеру», состоявший из четырех статей (или писем), а также предпосланное им «Письмо европейской буржуазии».

Можно считать, что Герцен знал и «Jugement dernier...». В письме Дронке к И. Вейдемейеру от 7 августа 1851 г. говорится: «Мозес Гесс написал брошюру „Dernier jugement du vieux monde social“, на расходы для печатания которой русский Герцен дал деньги» [89]. Таким образом, содержание этой брошюры Герцен должен был знать.

Можно утверждать, что Герцен читал и статью Симона. В 1850—1851 гг. он был тесно связан с Колачеком и, как уже говорилось выше, печатался на страницах его журнала. Из переписки Герцена видно, что он регулярно получал «Deutsche Monatsschrift...» (XXIV, 110, 122, 143, 162—163, 169—170). Статья Симона не могла пройти мимо внимания Герцена хотя бы потому, что автор

---

* Курсив мой. — *В. С.*

пытается там полемизировать не только с Марксом и Энгельсом, но и с самим Герценом. К тому же в это время в Ницце жил член редакции журнала и фактический глава этой группы К. Фогт, с которым Герцен повседневно общался. С другой стороны, члены общины Союза коммунистов в Женеве знали о выступлении Симона против Маркса. Несмотря на раскол в Союзе коммунистов, статья Симона против Маркса означала для них окончательный разрыв с мелкобуржуазными демократами [90]. Гесс, возглавлявший общину, также мог обсуждать этот вопрос с Герценом в случае, если в июне и июле 1851 г. он встречался с ним в Женеве.

Таким образом, в 1850—1851 гг. от Зейлера, Гесса и Симона Герценом была получена довольно обширная информация о Марксе и Энгельсе. Как уже говорилось, она носила субъективный, а зачастую враждебный и даже клеветнический характер (за исключением брошюры Зейлера). Таким образом, Гесс и Симон внесли свою лепту в укрепление недоброжелательного отношения Герцена к основоположникам научного коммунизма, а попытка объективной оценки роли Маркса в революции 1848 г. со стороны Зейлера, по-видимому, вызвала лишь раздражение Герцена. Ложное представление о личности Маркса, имевшее столь субъективную, пристрастную окраску, накладывалось на ряд других обстоятельств (мы не говорим здесь об этих широко известных фактах) и способствовало укреплению насторожённого и недоброжелательного отношения Герцена к Марксу и Энгельсу.

Отрицательную реакцию Герцена вызвало и враждебное отношение Гесса к его «славянскому мессианизму», негативная оценка Гессом Прудона, которого Герцен в это время очень высоко ценил, испытав на себе влияние некоторых его идей [91]. Немалую роль сыграл и грубый, «казарменный» подход Гесса к проблеме личности и ее прав, а также его бестактный поучающий тон.

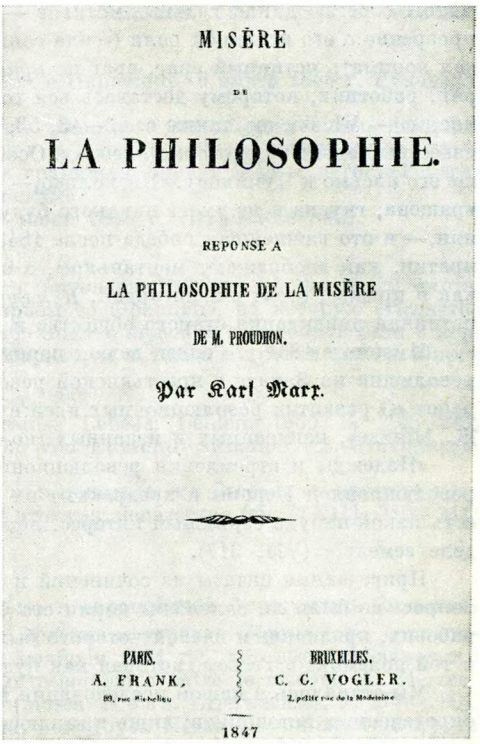
Однако знакомство Герцена с этими источниками нельзя сводить лишь к отрицательному результату. В самых общих чертах в них излагались некоторые положения исторического материализма Маркса и Энгельса, их представление о всемирно-исторической роли пролетариата, пролетарской революции и диктатуре пролетариата, критика Марксом и Энгельсом утопического социализма вообще и доктрины Прудона в особенности. Герцен мог составить себе представление о роли Маркса в развитии немецкой философской мысли, о революционном перевороте, который он совершил в этой области, о его роли как главы немецких коммунистов. Конечно, при этом следует иметь в виду, что информация о теоретических положениях марксизма носила фрагментарный и вторичный характер, это неизбежно вело и к упрощению, и к вульгаризации.

Герцен получил сведения о некоторых работах Маркса и Энгельса — о «Нищете философии» Маркса *, об их статьях из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». С обширными выдержками из последнего издания, особенно из «Классовой борьбы во Франции», «Германской кампании за имперскую конституцию», международных обзоров и др., он ознакомился по статье Симона.

Герцен мог составить общее представление о Марксе и Энгельсе как не только теоретиках пролетарской партии, но и политических борцах, вождях рабочего класса. Он знал об издании Марксом и Энгельсом «Neue Rheinische Zeitung» и «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» (о последнем журнале писали и Зейлер, и Гесс, и Симон); об оценке Марксом кардинальных событий революции 1848 г.; о его роли в этой революции, а также отчасти и о роли Энгельса (выступление Маркса против авантюристической тактики немецких мелкобуржуазных демократов, против создания немецкого легиона, его деятельность в Клубе немецких рабочих в Париже, участие Энгельса в Баденско-пфальцском восстании и др.).

Герцен был знаком с материалами Зейлера, Гесса и Симона, и это должно было сказаться в его сочинениях и письмах. Приступая к поиску этих следов, нужно иметь в виду те самые «печальнейшие недоразумения», которые постоянно возникали между обеими сторонами. Прежде всего, как мы уже неоднократно говорили выше, сама информация о Марксе и Энгельсе, особенно в статье Симона, имела враждебный и даже клеветнический характер, искажавший суть воззрений основоположников научного коммунизма. Однако при всем открыто враждебном (Симон) и порой раздраженно-недоброжелательном (Гесс) отношении к Марксу и Энгельсу, при всем недоверии Герцена к Зейлеру, при всех неизбежных искажениях их мысли нельзя было умалить революционной новизны воззрений, теоретической глубины и значимости их идей. Герцена могла раздражать высокая оценка Маркса Зейлером и Гессом [92], он мог с ней не соглашаться, но представление об исключительности личности Маркса и его интеллекта, принципиальной новизне его воззрений — хотел того Герцен или нет — постепенно откладывалось в его сознании.

* Вероятно, эту работу он прочел еще в 1847 г. в Париже, где она тогда вышла в свет.


MISÈRE

DE

LA PHILOSOPHIE.

REPONSE A

LA PHILOSOPHIE DE LA MISÈRE

DE M. PROUDHON.

Par Karl Marx.

PARIS. A. FRANK, 89, rue Richelieu

BRUXELLES. C. G. VOGLER. 2, petite rue de la Madeleine

1847

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ К. МАРКСА «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ»
Париж — Брюссель, 1847
Титульный лист

Разумеется, на основании только тех материалов, которые приведены в настоящем сообщении, нельзя ставить перед собой задачи выявления влияния Маркса и Энгельса на определение позиции Герцена в 1850—1860-х годах по отношению к важнейшим социально-экономическим и политическим проблемам современности, на формирование его отношения к пролетариату и впоследствии к Международному товариществу рабочих. Во-первых, мы не знаем достоверно, что к 1850 г. Герцен уже знал о взглядах Маркса и Энгельса; во-вторых, безусловно, помимо Зейлера, Гесса и Симона, и в указанные годы Герцен получал сведения о работах основоположников марксизма по другим каналам. Рассмотренные материалы дают возможность сделать лишь ограниченные выводы.

Знакомство с подлинными текстами Маркса и Энгельса (по публикации Симона) выявило для Герцена по крайней мере одну общую для обеих сторон точку зрения — беспощадную критику мелкобуржуазного и буржуазного политического радикализма как во Франции, так и в Германии. Причем, в отличие от критики Прудона, носившей огульный и зачастую абстрактный характер, критика Маркса и Энгельса, рассматривавшая отдельные институты буржуазной демократии — всеобщее избирательное право, буржуазный парламентаризм и др.— в конкретной, быстро меняющейся политической обстановке, в их диалектическом развитии, не могла не представить глубокого интереса для Герцена, воспитанного на гегелевской философии, и не показать беспомощность его оппонента (Л. Симона). Для Герцена в этих фрагментах из работ Маркса и Энгельса многое должно было бы быть новым — строго классовый анализ мотивов действий отдельных социальных слоев, групп, партий, политических деятелей во французской революции 1848 г., открытое изложение позиции пролетариата, анализ программы чартистов и другое. Разумеется, многое осталось ему чуждо, но был дан толчок подспудной пока работе мысли. В его представления о социальной структуре тогдашнего европейского общества, политических партиях, развитии общественного сознания были введены новые факторы, и с этим нужно считаться, рассматривая сложный путь идейного развития Герцена.

Не под влиянием ли полемики с Гессом Герцен уточняет значение своей концепции истории в книге «С того берега» и в письме московским друзьям от 19—20 июня 1851 г.: «Да вы всё не так смотрите на мою философию истории, это не наука, а обличение, это бич на нелепые теории и на нелепых риторов-либералов, фермент — и больше ничего, но это захватывает и ведет к жизни, это сердит и заставляет думать» (XXIV, 184).

Не под влиянием ли оценки Гессом (в «Jugement dernier...») роли Маркса в развитии революционной мысли в Германии Герцен пишет в 1851 г., что «лишь в последнее время немцы признали тесную связь науки и революции» (VII, 252) [93].

Не под влиянием ли полемики с Гессом — и особенно процитированных Симоном критических работ Маркса и Энгельса — он в еще большей степени укрепляется в отрицательном отношении к буржуазному и мелкобуржуазному радикализму, в понимании его бесполезности и антинародного характера?

В письме Герцена к А. А. Чумикову от 9 августа 1851 г. трактовка классовой сущности Июньских дней 1848 и 13 июня 1849 г. в какой-то мере близка к «Классовой борьбе во Франции» Маркса (XXIV, 198) [94].

Влияние идей Маркса и Энгельса сказалось в нюансировке отношения Герцена к пролетариату, к пониманию его роли в революционном процессе, а также к коммунизму. Если в книге

«С того берега» один из главных мотивов — сочувствие парижскому пролетарию и лишь мелькает прозрение о его истинной роли («сила социальных идей велика, особенно с тех пор, как их начал понимать истинный враг, враг по *праву* существующего гражданского порядка — пролетарий, работник, которому досталась вся горечь этой формы жизни и которого миновали все ее плоды» — VI, 55, см. также с. 42—43, 53, 57) [95], то в статьях и письмах 1851 г. намечается известный сдвиг в некоторых оценках. Особенно интересно в этом отношении уже упомянутое выше его письмо к Чумикову. «Насколько,— пишет он там,— вся образованная часть Франции развращена, гнусна и не имеет никакого будущего, настолько велики пролетарии и даже крестьянин,— и это важнейшая победа после 1848 г...[96] Французский народ — армия, армия не демократии, как воображают монтаньяры, а армия коммунизма... И вот отчего французы теперь, как и прежде, стоят в авангарде... *Коммунизма бояться нечего, он же неотвратим* *, это будет истинная ликвидация старого общества и введение во владение нового» (XXIV, 198—199).

Именно в 1851 г. Герцен делает первые шаги на пути к идее взаимодействия пролетарской революции на Западе с крестьянской революцией в России. Приведем несколько цитат из его работ «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм. Письмо г-ну Ж. Мишле», написанных и изданных (по-французски) в 1851 г.:

«Надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы и предрекают их союз в будущем» (VII, 255); «Разве в XIX столетии есть какой-нибудь серьезный интерес, лежащий вне вопроса о коммунизме, вне вопроса о разделе земель?» (VII, 317).

Приведенные цитаты из сочинений и писем Герцена за 1851 г. дают нам право поставить вопрос: не были ли заложены корни его будущего поворота к Международному товариществу рабочих, признанным главой которого был Маркс, еще тогда, в 1850—1851 гг., в частности, в той полемике с Гессом, которая как будто прошла, не затронув Герцена?

Мы старались в нашем исследовании не выходить за рамки 1850—1851 гг. и за узкий круг определенных источников; лишь в заключение мы позволим себе обратиться к последним годам жизни Герцена. Он пишет Огареву 29 сентября 1869 г.:

«Дай бог успеха бакун‹инскому› переводу Маркса **[97] — я одного не понимаю, почему же он держал под сурдинкой свои сношения с ним. Вся вражда моя с марксидами — из-за Бакунина» (XXX, 201) [98]. В этих немногих словах чувствуется столько горечи и тайного сожаления о злополучном характере отношений с Марксом, в этих словах сквозит понимание роли и значения Маркса, и не был ли поворот в идейном развитии великого русского мыслителя в конце его жизни поворотом не только к Интернационалу, но и к самому Марксу, к марксизму? И, вероятно, не случайно то обстоятельство, что Герцен при жизни не опубликовал главу «Былого и дум» — «Немцы в эмиграции».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 443.

[2] Я. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1963, с. 313—314, 341—342, 348, 406—410 и др.; Г. Фридлендер. Маркс и Энгельс и вопросы литературы. М., 1978, с. 544—549; С. С. Волк. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969, с. 45—51; *ЛЖГ* I, 16—17.

[3] Это исследование проведено в научно-справочном аппарате 2-го русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и издания на английском языке (Collected Works); см. также: Н. С. Румянцева. Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX в. (Сб. «Энгельс и проблемы истории». М., 1970, с. 274—275); Р. П. Конюшая. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1973, с. 386—387.

[4] В. Шульгин. К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40—60-х годах XIX века («Историк-марксист», 1939, № 5-6, с. 168—169); Л. Ланский. Библиотека Белинского («Лит. наследство», т. 55, с. 568—571); Он же. Введение к публикации «Письма Герцена к разным лицам» («Лит. наследство», т. 61, с. 207); Я. Эльсберг. Указ. соч., с. 237.

[5] В. Г. Белинский. Соч., т. XII. М., 1956, с. 448—449, 468; см. также: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967, с. 363, 370—379; Б. Ф. Егоров. П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг. («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 200. «Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение». Тарту, 1968, с. 59—60); В. А. Смирнова. К. Маркс и «Парижские письма» П. В. Анненкова (Сб. «Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1974, № 26, с. 114—116).

---

* Курсив мой.— *В. С.*

** Речь идет о переводе I тома «Капитала».— *В. С.*

[6] Это забытое издание введено в научный оборот Л. Р. Ланским. См.: «Лит. наследство», т. 64, с. 141—142; *ЛЖГ* I, 550.

[7] См. «Былое и думы» (X, 44—53).

[8] Речь идет о Клубе немецких рабочих, основанном в Париже 8—9 марта 1848 г. Руководящую роль в этом клубе играл К. Маркс.

[9] Участники немецкого добровольческого легиона, созданного мелкобуржуазными демократами (Г. Гервегом, А. Борнштедтом и др.) весной 1848 г. в Париже с целью вторжения в Германию и установления там республики. После перехода границы в апреле 1848 г. легион Гервега был разгромлен в Бадене правительственными войсками.

[10] Речь идет о восстании парижских рабочих в июне 1848 г. (Июньские дни).

[11] S. Seiler. Op. cit., S. 21.

[12] Ibid., S. 44; см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 67.

[13] Обращает на себя внимание следующая деталь: брошюра Зейлера вышла до 20 марта, а соответствующая — третья — глава «Классовой борьбы во Франции», на которую ссылается Зейлер,— около 11 апреля 1850 г. Таким образом, либо Зейлер видел ее в рукописи (или в корректуре), либо знал о ее содержании из уст самого Маркса. И в том и в другом случае Маркс мог знать о работе Зейлера.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 353.

[15] Ed. Silberner. Moses Hess. Geschichte seines Lebens. Leiden, 1966, S. 292—293.

[16] См.: Moses Hess. Briefwechsel. Herausgegeben von Edmund Silberner. 'S.-Gravenhage, 1959, S. 228—229.

[17] Герцен обещал быть в Цюрихе в декабре 1849 г. и повидаться с Гессом; он приехал туда 20 декабря и 22-го уехал; виделись ли они с Гессом в этот раз, неизвестно (см. XXIII, 210—211; *ЛЖГ* I, 528—530).

[18] Moses Hess. Briefwechsel, S. 239.

[19] Ibid., S. 233—234, 239—246.

[20] По-видимому, речь идет о брошюре Гесса «Письмо к европейской буржуазии». См. ниже.

[21] Опубликовано в *ААН*, 81—84. Конец письма в оригинале утрачен. Кроме того, сохранилось еще два варианта этого письма (датированы ноябрем 1851 г.), которые опубликованы Э. Зильбернером. Первый из них носит заголовок: «Correspondance entre le citoyen A. Herzen, socialiste russe, et le citoyen M. Hess. Novembre 1851» (Moses Hess. Briefwechsel, S. 277—280). Второй — «Lettres du citoyen Hess, socialiste allemand, au citoyen Herzen, socialiste russe» («La correspondance Moses Hess — Louis Krolikowski. 1850—1853».— «Annali», 1960, p. 616—619). Вариант из «Briefwechsel» опубликован с купюрами на русском языке Л. Ланским в «Вопросах литературы» (1975, № 4, с. 211—213).

[22] Черновики и наброски писем Гесса к Герцену, написанных по-немецки, хранятся главным образом в *IISG*. О них в нескольких словах упоминал Т. Злоцисти, а частично они были впервые опубликованы Ирмой Гойтейн (Th. Zlocisti. Moses Hess. Der Vorkämpfer des Sozialismus und Zionismus, 1812—1875. Eine Biographie. Berlin, 1921, S. 249—250; Irma Goitein. Probleme der Gesellschaft und des Staates bei Moses Hess. Leipzig, 1931). Публикация Гойтейн, содержащая ряд неточностей, послужила источником при перепечатке этих писем на русском языке в «Лит. наследстве», т. 7-8, с. 72—89 (в переводе И. Б. Румера). Наиболее полная публикация писем Гесса к Герцену осуществлена в 1959 г. Э. Зильбернером (Moses Hess. Briefwechsel, S. 233—264). Он поместил десять черновиков и набросков к письмам, относящимся к февралю — апрелю 1850 г., под № 141—145, 147—151. Только одно из них (№ 141) — личное. Письма же, пронумерованные в публикации Зильбернера как № 145, 147, 148, 149, 150, написаны в форме полемических статей по поводу работы Герцена «Vom anderen Ufer» и его же статьи «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамос...» (впоследствии включалась Герценом в качестве главы в книгу «С того берега»). Сам Гесс обозначил последовательность этих статей, получивших название «Писем к Искандеру», цифрами 1, 2, 3, 4, причем к № 148 и 149 он поставил цифру 3 и 3а (возможно, Гесс в конечном варианте включил эти два наброска в одну статью — написаны они примерно в одно и то же время и едины по теме). Последовательность этих статей (писем) Зильбернер обозначает следующим образом: № 145—1, № 147—2, № 148—3, № 149—3а, № 150—4; № 142, 143, 144, 151 носят характер предварительных набросков, некоторые из них (№ 142) нельзя датировать однозначно; мысли, содержащиеся в них, могли возникнуть у Гесса в разные моменты его полемики с Герценом. Набросок № 144 содержит постраничные замечания к работе Герцена «Vom anderen Ufer». В публикации Зильбернера определены даты отдельных писем; некоторые из них, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. В дальнейшем при анализе писем мы указываем исправления в их датировке.

[23] «Карл Маркс. Биография». М., 1968, с. 98.

[24] «Лит. наследство», т. 7-8, с. 75. Русский текст здесь и далее воспроизводится по публикации в «Лит. наследстве», сверенной с кн.: Moses Hess. Briefwechsel, S. 239.

[25] В публикации Зильбернера (№ 147, 2) письмо датируется так: «приблизительно март 1850 г.» (Moses Hess. Briefwechsel, S. 249). В *ЛЖГ* I, с. 548 — дата — «март, первая половина, после 8». Письмо написано после получения письма Герцена от 3 марта (отправлено Гессу через Гервега 4 марта) и до получения Гессом статьи Герцена о Донозо Кортесе, опубликованной в «Voix du Peuple» 18 марта 1850 г.

[26] Moses Hess. Briefwechsel, S. 252—253; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 83.

[27] Ibid., S. 253—254; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 84.

[28] В публикации Зильбернера это письмо (№ 148, 3) датировано «концом марта или началом апреля». Дата определяется тем, что данное письмо, как и примыкающее к нему (№ 149,

За), написано после 18 марта (дата публикации статьи Герцена о Донозо Кортесе в «Voix du Peuple») и до получения Гессом статьи Прудона «Philosophie du 10 mars», опубликованной в «Voix du Peuple» 25 и 29 марта 1850 г.

[29] «Briefe aus Italien und Frankreich (1848—1849) von einem Russen, Verfasser des «Vom anderen Ufer»». Hamburg, 1850. Книга поступила в продажу, вероятно, в первых числах марта (*ЛЖГ* I, с. 544).

[30] Речь идет о первом выпуске «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», в котором были опубликованы работы Маркса «Июньское поражение 1848 г.» (первая глава «Классовой борьбы во Франции») и Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (первые две главы).

[31] О том, что имеется в виду Англия, ясно из одного из черновых набросков (в публикации Зильбернера № 142): «Прочитав эти вещи, вы найдете, что наша партия, хотя и не в понимании Кортеса, будет представлена достойно в Германии и что «учителя социализма» находятся не во Франции, не в Германии — они в Англии» (Moses Hess. Briefwechsel, S. 235).

[32] Moses Hess. Briefwechsel, S. 255—257; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 84—85.

[33] Moses Hess. Briefwechsel, S. 257—258; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 85—86.

[34] В публикации Зильбернера — № 149, 3а (см. прим. 22). О дате этого письма см. прим. 28; Зильбернер датирует его приблизительно апрелем 1850 г. (Moses Hess. Briefwechsel, S. 258).

[35] «Лит. наследство», т. 7-8, с. 86—87; Moses Hess. Briefwechsel, S. 259—260.

[36] Ibid., S. 261; там же, с. 88.

[37] Ibid., S. 256; там же, с. 85.

[38] *ЦПА ИМЛ*, ф. 173, ед. хр. 19, л. 10.

[39] Moses Hess. Briefwechsel, S. 256; «Лит. наследство», т. 7-8, с. 85.

[40] У Зильбернера (№ 150, 4) датировано примерно серединой 1850 г. (Moses Hess. Briefwechsel, S. 261); более верная датировка в *ЛЖГ* I, с. 559 — апрель 1850 г. Скорее всего, письмо Гесса было завершено уже к 5 апреля, когда он послал весь цикл своих писем-статей для публикации. См.: Moses Hess. Briefwechsel, S. 265.

[41] Moses Hess. Briefwechsel, S. 263.

[42] В одном из набросков он подверг критике и метод Прудона; Зильбернер датирует этот набросок по-разному: в одном случае приблизительно 1850—1851 гг., в другом — январем 1852 г. (Moses Hess. Briefwechsel, S. 263; «Bulletin of the International Institute of Social History», 1954, N 3, p. 242). Возможно, однако, что он был сделан именно в марте-апреле 1850 г.

[43] Эта работа неизвестна исследователям. Э. Зильбернер считает, однако, что фрагмент этой статьи хранится в *IISG*. Основная идея в этом фрагменте сводится к тому, что Гесс предлагает европейской буржуазии объединиться с народом, чтобы противостоять победе «реакционного социализма», который еще более опасен для нее, чем победа пролетарской революции. См.: Ed. Silberner. Moses Hess, S. 308.

[44] Moses Hess. Briefwechsel, S. 264, 265.

[45] Ibid., S. 265—266.

[46] Злодисти писал, что по некоторым намекам можно предположить, будто одна французская социалистическая газета опубликовала эти письма (T. Zlocisti. Moses Hess, S. 249). Однако это предположение до сих пор не подтвердилось.

[47] Ed. Silberner. Moses Hess, S. 309.

[48] Ibid., S. 312—313, 665.

[49] M. Hess. Jugement dernier du vieux monde social. Genève, 1851. Первоначально эта работа печаталась в газете Э. Кабе «Populaire de 1841» (январь — июнь 1851 г.), которую в это время редактировал Л. Кроликовский (Ed. Silberner. La correspondance Moses Hess — Louis Krolikowski. 1850—1853.— «Annali», 1960, p. 592, 594—595).

[50] «Наше общество, движимое грубым эгоизмом, основано на рабском труде и имеет конечным результатом всеобщую эксплуатацию человека человеком, наше европейское общество исчерпало свои возможности для жизни и прогресса; оно одряхлело, оно умрет» (M. Hess. Jugement dernier..., p. 26). Ср. с «Omnia mea mecum porto» в «Vom anderen Ufer» (VI, 115 и др.).

[51] M. Hess. Jugement dernier..., p. 29.

[52] «*La vile multitude*» («презренная толпа») — выражение из речи А. Тьера в Законодательном собрании Франции 24 мая 1850 г. («Moniteur Universel», № 145, 25.V).

[53] Здесь Гесс дает под строкой точное библиографическое описание: «Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère, de M. Proudhon». Paris, librairie A. Franck, rue Richelieu, № 69 (M. Hess. Jugement dernier..., p. VIII).

[54] Речь идет о журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».

[55] Насколько нам известно, до сих пор только последние три фразы из брошюры Гесса опубликованы по-русски в статье: Г. Лукач. Новая биография М. Гесса («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. III. М., 1927, с. 458).

[56] M. Hess. Jugement dernier..., p. VII—IX.

[57] Ibid., p. IX.

[58] «Annali», 1960, p. 599.

[59] Речь идет о продолжении «Populaire de 1841», печатавшемся под названием «Républicain Populaire et Social». Всего вышло два номера — 11 октября и 29 ноября 1851 г. Выход «Populaire de 1841» прекратился 4 октября 1851 г.

[60] Moses Hess. Briefwechsel, S. 276; «Annali», 1960, S. 610.

[61] По-видимому, речь идет о брошюре Герцена «Le peuple russe et le socialisme», вышедшей в свет в Париже в 1851 г. В черновом варианте данного письма, опубликованном в «Annali», Гессом сделана следующая пометка: «Самая последняя работа гражданина Герцена только что появилась в иностранной книготорговле А. Франка, Париж, rue Richelieu, под названием: «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Jules Michelet, professeur au Collège de France». В том же книжном магазине есть и другие работы, немецкие и французские, того же автора» («Annali», 1960, p. 619). Несколько ранее, в том же 1851 г., вышла брошюра Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie»; не исключено, что Гесс имеет в виду ее, а о «Le peuple russe et le socialisme» говорит ниже.

[62] Возможно, что речь идет о Ж. Б. Гринане, участнике революции 1848—1849 гг. в Лионе.

[63] *ААН*, p. 81. Это письмо само по себе для нашей темы не представляет интереса. В нем Гесс не только ни разу не упоминает о Марксе, но и существенно отходит от своих первоначальных позиций.

[64] Об истории взаимоотношений Герцена с немецкими мелкобуржуазными демократами, группировавшимися вокруг «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», см.: «Вестник Европы», 1914, № 4, с. 118—160; E. Wolfgramm. Alexander Herzen und die «Deutsche Monatsschrift» («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1954, Beiheft I, S. 78—104).

[65] «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», 1851, Bd. I, H. 3, S. 401—414; Bd. 2, H. 5, S. 161—175, 279—291. О *Л. Симоне* см. выше, в публикации «Переписка с К. Фогтом».

[66] Герцен назван в статье Симона прозвищем Admonitor. Автор обыграл подзаголовок герценовской публикации «Omnia mea mecum porto» в «Deutsche Monatsschrift...» (август 1850 г.): «Eine freundliche *Admonition*», т. е. «Дружеское предупреждение». Фрагмент статьи Симона, содержащий критику Герцена, опубликован в *Л* V, 543.

[67] Эти ожесточенные нападки были продиктованы и личными мотивами, так как Маркс в 1850 г. подверг резкой критике брошюру Симона «Ein Wort des Rechts für alle Reichsverfassungskämpfer an die deutschen Geschwornen» (Frankfurt a.M., 1849). См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 214—217.

[68] Речь идет о журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».

[69] В первой части своей статьи Симон рассказывает о событиях во Франции с момента Февральской революции 1848 г.

[70] «Deutsche Monatsschrift...», 1851, Bd. II, H. 5, S. 162.

[71] Ibid.; см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 205. Здесь и далее пометы и курсивы в тексте Маркса и Энгельса принадлежат в основном Симону. Как правило, он цитирует довольно точно; незначительные расхождения нами не оговариваются.

[72] Ibid., S. 164—165; там же, с. 30—31.

[73] Ibid., S. 167.

[74] Ibid., S. 287.

[75] Ibid., S. 167—168; см. там же, с. 17.

[76] Ibid., S. 171; см. там же, с. 141, 142.

[77] Ibid., S. 173.

[78] Ibid., S. 164; см. там же, с. 472—473.

[79] Ibid., S. 163; см. там же, с. 91.

[80] Ibid.

[81] Ibid., S. 174; см. там же, с. 80.

[82] Возможно, что эта оценка связана с отрицательным отношением Герцена к личным качествам Зейлера, которые столь же отрицательно оценивались и Марксом, и Энгельсом (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 199, 493 и др.; т. 29, с. 10—11, 19 и др.).

[83] Э. Зильбернер, в частности, указывает, что в конце 1850 г. Гервег, Герцен, Фогт, Гесс, Э. Дронке, Симон и Ф. Зигель будто бы часто устраивали тайные встречи с Мадцини. При этом он основывается на полицейском досье Гесса, в котором излагается, по его уверению, содержание письма самого Гесса из Женевы (E. Silberner. Moses Hess, S. 315). Разумеется, эти сведения нуждаются в критической проверке; об отлучках Герцена осенью 1850 г. из Ниццы в Женеву до сих пор известно не было. Более того, как явствует из письма Герцена к Мадцини от 13 сентября 1850 г. и главы XI «Былого и дум», он отрицательно относился к планам Мадцини насчет организации Центрального комитета европейской демократии. Встречи Герцена с Мадцини в апреле-мае 1850 г. действительно имели место, но не в Женеве, а в Париже (X, 152—153, 475—476; т. XXIV, 37, 141—142); *ЛЖГ* I, с. 558, 565.

[84] E. Silberner. Moses Hess, S. 665.

[85] *ЛЖГ* II, с. 36, 39, 40.

[86] «Marx-Engels Gesamtausgabe», dritte Abteilung. Briefwechsel, Bd. III, S. 610. Если принять во внимание, что Дронке в 1850 г. довольно тесно общался с Гессом, то, по-видимому, за этим стоят какие-то реальные факты (ibid., S. 595, 649, 662, 685).

[87] Moses Hess. Briefwechsel, S. 277.

[88] См. прим. 21.

[89] «Zeitgenossen von Marx und Engels. Ausgewählte Briefe aus den Jahren 1844 bis 1852. Herausgegeben und annotiert von Kurt Koszyk und Karl Obermann». Amsterdam, 1975, S. 417; см. также: E. Silberner. Moses Hess, S. 321.

[90] Письмо П. Имандта Центральному комитету С. К. от 11 марта 1851 г. (*ЦПА ИМЛ*, ф. 20, ед. хр. 188).

[91] См. вступительную статью к разделу «Герцен и Франция».

[92] Отзвуки полемики с Зейлером и Гессом, в частности, мы находим в отрицательных и иронических высказываниях Герцена о Марксе («неузнанный гений первой величины — Маркс» — XI, 159 и др.).

[93] M. H e s s. Jugement dernier..., p. VIII.

[94] С оценкой этих событий Марксом Герцен мог познакомиться по статье Симона и по брошюре Зейлера.

[95] Мы не затрагиваем здесь вопроса, насколько на суждения Герцена повлияли работы Маркса, с которыми он был знаком ранее, дискуссии о роли пролетариата в 1847 г. и т. п.

[96] В «Былом и думах» Герцен называет городских рабочих «искренним и настоящим элементом революции» (X, 219).

[97] Об участии М. А. Бакунина в переводе т. I «Капитала» Маркса см. в письме Н. Н. Любавина к Марксу от 8 (20) августа 1872 г. (сб. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 257—260).

[98] Это письмо Герцена к Огареву впервые опубликовано в 1923 г. (*Л* XXI, 410). Стало быть, В. И. Ленин его еще не мог знать, когда в 1912 г. писал свою статью о Герцене.

О КОНСПИРАТИВНЫХ СВЯЗЯХ ГЕРЦЕНА С УЧАСТНИКАМИ РИСОРДЖИМЕНТО

Сообщение М. К у н а (Будапешт)

Герцен встречался с итальянскими эмигрантами не только на митингах, манифестациях и в гостиных своих друзей, но и на совещаниях нелегального характера. В «Былом и думах» по вполне понятным причинам не могли быть полно и точно отражены ни конспиративная деятельность Маццини и мацциниетов, ни связи Герцена с ними и другими итальянскими группировками. Многие события, о которых в мемуарах Герцена говорится полунамеками, проясняются лишь в сопоставлении с комплексом источников той эпохи — эпистолярных и мемуарных. Значительную ценность в этом отношении представляют мемуары венгерских деятелей, причастных к конспиративным действиям итальянского подполья. Так, в записках близкого знакомого Герцена, подполковника Ш. Телеки, активного сотрудника джерсийского издания «Homme», рассказывается о конспиративном собрании в Лондоне (по-видимому, в начале или середине 1850-х годов) под председательством А. Руге. На эту встречу Телеки явился с редактором «Homme» Ш. Рибейролем (см. о нем в разделе «Герцен и Франция») и встретил там Герцена среди их общих немецких, польских и итальянских знакомых (см.: Gr. T e l e k i Sandor. Emlékeim I. Budapest, s.a., o. 205—208; B a u m g a r t e n Sandor. A szabadgág kobor lovagja. München, 1962, o. 145).

В одном из очерков Телеки, выдержанном в юмористических тонах, мы находим любопытное упоминание о не дошедшем до нас письме Герцена к Рибейролю. Перед началом Крымской войны газеты всей Европы пестрели информацией о русской дипломатической миссии в Константинополе, возглавляемой кн. А. С. Меньшиковым. «Я же,— вспоминал Телеки,— готовил в это время к печати „Иностранный отдел“ газеты „Homme“ при помощи ножниц ⟨...⟩ Газета была набрана ⟨...⟩, наш главный редактор уже собирался уходить, когда вошел типографский подмастерье и сообщил:

— Господин Рибейроль!.. не хватает еще пятнадцати строк.

Рибейроль посмотрел на меня и сказал:

— Прошу тебя, сооруди им пятнадцать строк.

— О чем? — спросил я.

— Что-нибудь *о казаках*; впрочем, вот письмо *Герцена*, можешь что-нибудь списать у него.

Передав мне это письмо, он вышел. Из письма Герцена я смог воспользоваться лишь следующим местом:

«*Начало* войны зависит лишь от того, с какими инструкциями послан Меньшиков в Константинополь».

«Ну,— подумал я,— если начало войны зависит только от этого, то я снабжу Меньшикова соответствующими инструкциями»,— и написал: «Мы осведомлены из надежного источника, что Меньшиков послан в Константинополь со следующими инструкциями...». Сообщение это перепечатал «Times», а из «Times» все без исключения газеты... В конце концов русский официальный орган опубликовал опровержение и заверил ⟨...⟩ читателей в мирных намерениях царя Николая» (T e l e k i Sándor. Emlékozései. Budapest, 1958, o. 421).

В дневниковой записи Д. Танарки, воспитателя детей Ф. и Терезы Пульских, от 8 сентября 1854 г. (см. о них в «Лит. наследстве», т. 64, с. 419—438), скупо воспроизведены его впечатления от сугубо конспиративного совещания в доме Пульских (посторонним посетителям дома под различными предлогами заранее отказано было в приеме). На этом совещании присутствовал ближайший сотрудник Кошута Д. Ихас. Он встретился с Герценом 21 февраля 1854 г., когда сопровождал лидера венгерской эмиграции Кошута на вечер, устроенный лондонским консулом США Т. Сондерсом (см.: Феличе О р с и н и. Воспоминания. М.—Л., 1934, с. 178; P u l s z k y Ferenz. Eletem es korom. Budapest, 1958, o. 133). Кроме Ихаса, из венгров в дневниковой записи упомянуты лишь Пульские и сам Танарки. Почему-то (не исключено, что из конспиративных

соображений) им не были названы по имени двое итальянцев. Пользуясь выражением самого Танарки, это были итальянцы «не лондонские, а коренные», т. е. недавно прибывшие с Апеннинского полуострова. На совещании присутствовал от имени лондонского центра итальянского национального движения и «секретарь Маццини, его правая рука» (вероятно, П. Маццолени, о котором Герцен рассказывает в «Былом и думах» — XI, 139—140; ср. XXV, 129—130).

На этой конспиративной встрече, единственным невенгерским и неитальянским участником которой был Герцен, обсуждался лишь один наболевший вопрос: насколько реально воссоздание разветвленной агентурной сети в Северной Италии — как в Пьемонтском королевстве, так и в итальянских провинциях империи Габсбургов. (Эта агентурная сеть практически перестала существовать лишь после поражения Миланского восстания 6 февраля 1853 г.). Атмосфера этого совещания не могла быть проникнута оптимизмом, ведь это было время неудачной попытки мацциниетов организовать восстание в Риме, провалившегося выступления в Вальтеллине и ареста Орсини.

Примечательно само присутствие Герцена на нелегальном собрании, участники которого обязались скрыть свою встречу даже от своих ближайших товарищей по изгнанию. Интерес представляют и слова Герцена, зафиксированные в тот же вечер автором дневника: «Центром движения на этот раз вряд ли стоит избирать большие города. В них легче скрываться, но и легко попасть под наблюдение полиции. Может быть, легче рассылать эмиссаров с берегов Lago Maggiore. Место это хорошо в географическом отношении: близко к Австрии * и в то же время недоступно для венских гончих собак» **.

* Т. е. к территории итальянских провинций империи Габсбургов.— *М. К.*
** Подразумеваются агенты австрийской тайной полиции.— *М. К.*

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ К ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

В конце 1851 г. Герцен написал на французском языке брошюру, озаглавленную «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à monsieur J. Michelet, professeur au Collège de France». Печатая фрагмент из нее в парижской газете «Avènement du Peuple», редактор отдела К. Беррю сопроводил публикацию следующим подстрочным примечанием: «Чтение „Легенд демократии", которые г. Мишле публикует в „Avènement", вызвало со стороны одного из самых замечательных писателей-патриотов России ответ, трогательное красноречие которого заставит забиться все сердца. Спешим предложить несколько отрывков из него друзьям свободы во всех странах» (VII, 435).

В этой программной брошюре Герцен убедительно доказывал французской и европейской демократии, что она превратно судит о русском народе, который, несмотря на свою молодость, обладает полноценной национальной культурой, революционными и социальными традициями и всеми задатками для блестящего будущего.

Ж. Мишле, к которому обращено открытое письмо Герцена, был потрясен этим произведением, «исполненным силы и жизни» (VII, 439). Под влиянием доводов оппонента он пересмотрел свое отношение к русскому народу, отказался от прежних предубеждений и стал преданным другом «молодой России» — России, борющейся за новое социальное будущее.

Первое отдельное издание брошюры Герцена вышло в свет в 1851 г., но оно почти полностью конфисковано было марсельской таможней. Второе издание появилось на острове Джерси только четыре года спустя, в 1855 г. Это издание, скорее всего, и могло попасть в руки корреспондентки Герцена — русской женщины из образованного круга, которая, возвратившись из-за границы, обратилась к автору брошюры со словами одобрения. Ни своего имени, ни адреса, ни каких-либо конкретных данных о себе она Герцену не сообщила и подписалась так: *Une Compatriote*, т. е. *Соотечественница*.

Можно предположить, с большой долей уверенности, что это письмо, автограф которого хранится в архиве Женевской публичной и университетской библиотеки, относится к 1855 или 1856 г., т. е. написано вскоре после выхода в свет второго издания брошюры Герцена.

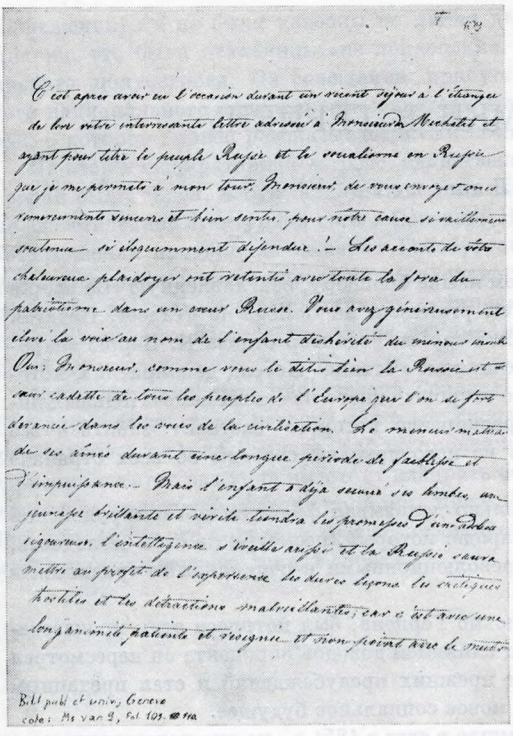
Письмо должно было доставить автору не только удовлетворение, но и радость. В ту пору ему редко писали эмансипированные (в хорошем смысле этого слова) женщины; вдобавок это был голос не просто читательницы, а *русский голос*, и подобный отклик не был безразличен для Герцена, помыслы которого устремлены были к России.

Пока не удалось установить, кто эта образованная и свободомыслящая патриотка: в письме отсутствуют конкретные данные о ее личности, а почерк недостаточно характерен, чтобы служить ключом для раскрытия загадки.

В письме нет и намека на то, что от Герцена ждут ответа на это дружеское послание. Автор брошюры «Русский народ и социализм» вынужден был молча принять донесшийся до него сочувственный голос.

C'est après avoir eu l'occasion durant un récent séjour à l'étranger de lire votre intéressante lettre adressée à monsieur de Michelet et ayant pour titre le *Peuple russe et le socialisme en Russie* que je me permets à mon tour, monsieur, de vous envoyer mes remerciements sincères et bien sentis, pour notre cause si vaillamment soutenue, si éloquemment défendue!

Les accents de votre chalereux plaidoyer ont retenti avec toute la force du patriotisme dans un cœur russe. Vous avez généreusement élevé la voix au nom de l'enfant deshérité, du mineur insulté. Oui, monsieur, comme vous le dites bien, la Russie est une sœur cadette de tous les peuples de l'Europe qui l'on si fort devancés dans les voies de la civilisation. Le mineur maltraité de ses aînés durant une longue période de faiblesse et d'impuissance.—Mais l'enfant a déjà secoué ses limbes, une jeunesse



ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОЙ ГЕРЦЕНУ

Автограф, 1855—1856(?)

Публичная и Университетская библиотека, Женева

brillante et virile tiendra les promesses d'une adolescence vigoureuse, l'intelligence s'éveille aussi, et la Russie saura mettre au profit de l'expérience les dures leçons, les critiques hostiles et les détractions malveillantes; car c'est avec une longanimité patiente et résignée et non point avec le mutisme de l'insensibilité qu'elle souffre le déchaînement et les outrages de la haine et les traits de l'ironie et du sarcasme. Votre belle caractéristique du peuple russe a victorieusement résolu la question outrageante de l'existence ou de la non-existence de ce peuple. Les tristes conditions de notre passé, la marche isolée de notre histoire nous ont en effet affranchi de tout engagement traditionnel vis-à-vis de l'Occident, c'est au moins une servitude qui doit nous manquer, une liberté qui ne doit point nous être imputée à tort. Vous avez fait vibrer aussi, monsieur, quelques uns des sons de notre Muse nationale et prouvé que notre lyre sait rendre des accents dont la triste mélodie ne serait point indigne des plus belles lyres de l'Occident explicants les sons profonds et cachés de cette mélancolique poésie. Pourrai-je aussi, monsieur, passer sous silence tant d'excellents apperçus, que contient votre petite brochure et qui pourront servir de texte à tout étranger qu'une investigation bienveillante ou tout au moins impartiale voudra pousser à la connaissance sérieuse et vraie de tout ce qui nous concerne.

Enfin, monsieur, chacune des lignes de votre admirable petit ouvrage exprime une pensée, révèle un sentiment qui gisaient enfouis au fond de nos cœurs et n'attendaient qu'une aussi éloquente interprétation pour obtenir l'accueil de nos suffrages sincères et de nos plus chaleureuses sympaties.

Recevez en, monsieur, l'hommage un peu tardif, mais non moins reconnaissant qu'affectueux,

d'une C o m p a t r i o t e.

П е р е в о д *:

Лишь после того, как мне представилась возможность во время недавнего пребывания за границей прочесть ваше интересное письмо, обращенное к господину Мишле и озаглавленное «Русский народ и социализм в России», я позволяю себе, в свой черед, милостивый государь, послать вам свою искреннюю и глубоко прочувствованную благодарность за то, что вы поддерживаете наше дело с такой отвагой и защищаете его с таким красноречием!

Звуки ваших пламенных защитительных речей отозвались в русском сердце со всей своей патриотической силой. Вы благородно возвысили свой голос от имени обездоленного ребенка, поруганного несовершеннолетнего. Да, милостивый государь, как вы верно говорите, Россия — это младшая сестра всех народов Европы, которые так сильно обогнали ее на путях цивилизации. С этим несовершеннолетним его старшие братья дурно обходились в долгий период слабости и бессилия.— Но дитя уже стряхнуло с себя свою младенческую немощь, блестящая и мужественная юность воплотит в жизнь все чаяния могучего отрочества, разум также пробуждается, и Россия сумеет извлечь пользу из опыта этих суровых уроков, враждебного осуждения и недоброжелательного злословия, ибо со спокойным и самоотверженным долготерпением, а вовсе

* Переведено автором публикации.

не с бесчувственной немотой переносит она разнузданность и оскорбительные проявления ненависти, а также иронические и саркастические выпады. Ваша прекрасная характеристика русского народа победоносно разрешила оскорбительный вопрос о существовании или несуществовании этого народа. Грустные условия нашего прошлого, изолированный ход нашей истории действительно избавили нас от всех традиционных обязательств по отношению к Западу, и мы не должны знать по крайней мере раболепия; свобода не должна быть у нас несправедливо отнята. Вы заставили зазвучать, милостивый государь, и отдельные струны нашей народной Музы и доказали, что лира наша умеет исторгать такие напевы, грустная мелодия которых не ниже прекраснейших западных лир и делает понятным глубокие и сокровенные звуки этой меланхолической поэзии. Могу ли я обойти молчанием, милостивый государь, столько превосходных суждений, содержащихся в вашей небольшой брошюре, которые могут служить предметом изучения для всякого иностранца, так что доброжелательное или хотя бы беспристрастное штудирование ее сможет привести к серьезному и истинному знанию того, что касается нас.

И, наконец, милостивый государь, каждая из строк вашего восхитительного, хотя и небольшого, труда выражает мысль, обнаруживает чувство, которые таились, скрытые в глубинах наших сердец и ждали такого красноречивого истолкования, чтобы вызвать у нас искреннее одобрение и самые пылкие наши симпатии.

Примите же в связи с этим, милостивый государь, несколько запоздалое, но исполненное не меньшей признательности, чем любви, свидетельство уважения

от одной Соотечественницы

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНТКА ГЕРЦЕНА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К ЛУИЗЕ ГАЛЕР

Публикация Моники Партридж (Ноттингем) *

С самого своего переезда в Лондон Герцен поддерживал тесные связи с семьей члена английского парламента Т. Мильнера-Гибсона (см. выше нашу статью «Герцен и Англия»). Известно, что они время от времени переписывались, но ни одно звено из их переписки до сих пор не появлялось в печати. Мне, однако, удалось обнаружить в архиве Collum Papers, № 58, помещающемся в Кембриджском Trinity College, публикуемое ниже небольшое письмо Герцена. К нему приложена следующая объяснительная записка Дж. Мильнер-Гибсона Каллума (другого сына Т. Мильнер-Гибсона): «А. И. Г. к мисс Галер, нашей гувернантке, сестре друга Маццини Альбера Галера, с упоминанием о моем брате Дадли. Дж. М. Г. К.».

Т. Мильнер-Гибсон женился на Сьюзен Каллум, которая стала хозяйкой лондонского салона, открытого для многих литературных знаменитостей и выдающихся изгнанников, среди которых, наряду с Герценом, были Дж. Маццини, В. Гюго и Л. Блан. Заметка, приложенная Дж. Мильнер-Гибсоном Каллумом, интересна потому, что точно устанавливает имя адресата герценовского письма.

19 февраля 1856 г. Герцен сообщал М. К. Рейхель из Лондона: «Я прошу m-selle *Gallère* ⟨!⟩, которая едет в Лондон к Мильнер-Гибсон детей воспитывать, привезти мне от Фогта мои пистолеты, стихотворения Кольцова и Leopardi» (XXV, 333). Как видно из письма К. Фогта к Герцену, публикуемого выше в настоящем томе, разыскать «девицу Галер» ему тогда не удалось, так как она давно уже покинула Женеву и жила не то в Веймаре, не то на польской границе. В том же 1856 г. она приехала в Лондон и несколько лет провела в доме Мильнер-Гибсонов в качестве воспитательницы их детей. Об этой «бедной швейцарской учительнице м-ль Галер» Маццини упоминает в одном из своих писем 1861 г. (G. Mazzini. Scritti editi ed inediti, v. LXXI. Imola, 1936, p. 310).

17 juin ⟨1858⟩ [1]. Putney
Laurel House

Mademoiselle,

Permettez-moi de m'adresser à vous avec une petite prière — cela m'a été tellement pénible que j'ai renversé en plaisanterie la glace de «Master» Milner-Gibson — que j'ai voulu éffacer le mauvais effet de la gaucherie en lui offrant un petit volume de nouvelles charmantes [2]. Voulez-vous avoir la bonté de les lui remettre — je les ai expédié avec le *Put⟨ney⟩ Dil⟨igence⟩*.

Une migraine atroce m'a empêché de venir aujourd'hui au Bazaar [3].

Recevez mes salutations empressées. Al. Herzen

Перевод *: 17 июня ⟨1858 г.⟩ [1]. Путней
Laurel House

Мадемуазель,

Позвольте обратиться к вам с маленькой просьбой — мне до такой степени неприятно было, что я в шутку опрокинул мороженое «Master'а» Мильнера-Гибсона, что мне захотелось сгладить дурное впечатление от своей неловкости, предложив ему томик очаровательных рассказов [2]. Не будете ли вы столь добры передать их ему? — я отправил их с Put⟨ney⟩ Dil⟨igence⟩.

Жестокая мигрень помешала мне прийти сегодня на Базар [3].

Примите мой усердный поклон. Ал. Герцен

[1] Год устанавливается по адресу Герцена.

[2] Какую книгу (вероятно, детскую) послал Герцен тринадцатилетнему «master'у» (т. е. «молодому господину») Дадли Мильнеру-Гибсону, не установлено.

[3] 9 июня Герцен сообщил Мальвиде Мейзенбуг, что получил от Гокс и Мильнер-Гибсон билеты на благотворительный «итальянский базар» (XXVI, 184). Он собирался пожертвовать для распродажи (или разыгрывания) на этом базаре пятьдесят экземпляров литографированных портретов С. Ворцеля и сто экземпляров своей французской брошюры, незадолго до того вышедшей в Лондоне: «La France ou l'Angleterre?» (XXVI, 184).

* Перевод Л. К. Лео.

ГЕРЦЕН И АМЕРИКАНСКИЙ ПУБЛИЦИСТ Ч. Г. ЛИЛЕНД

Публикация С. Стеллинга-Мишо (Женева)*

Первые размышления Герцена о России и Америке, первое сопоставление их исторических судеб и предвидимого будущего относятся к годам его молодости. В 1833 г., после чтения нашумевшего двухтомного труда А. де Токвиля «La démocratie en Amérique», Герцен писал: «„Об Америке" соч. Токвиля нагнало скорбь и грусть на меня. Он в заключении говорит: „Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия" [1]. Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъятно — о, я верую в ее прогрессивность» (XXI, 386).

Через десять лет, во время Июньских дней, Герцен был арестован в Париже, у церкви св. Магдалины национальными гвардейцами, которые, приняв его за шпиона, повели в полицейский участок, несмотря на все его протесты. Герцен рассказывает, как он случайно столкнулся лицом к лицу с «представителем народа». «...Это был Токвиль, писавший об Америке. Я обратился к нему и рассказал, в чем дело; шутить было нечего: они без всякого суда держали людей в тюрьме, бросали в тюльерийские подвалы, расстреливали. Токвиль даже не спросил, кто мы; он весьма учтиво раскланялся и отпустил нижеследующую пошлость: „Законодательная власть не имеет никакого права вступать в распоряжения исполнительной"». И Герцен добавляет: «Как же ему было не быть министром при Бонапарте?» (X, 30).

Несмотря на антипатию, которую внушила Герцену личность Токвиля, он сохранил в памяти его знаменитое пророчество, которому суждено было приобрести новый смысл с той поры, как Герцен покинул Россию и открыл для себя Западную Европу.

Вот это пророчество: «Есть теперь два великих народа, которые, отправляясь от двух различных точек, кажется, движутся к одной и той же цели: это русские и англо-американцы. Оба выросли во мраке; и в то время как людские взгляды устремлены были в иных направлениях, они внезапно встали в первом ряду наций, и мир в почти одно и то же время узнал о их рождении и о их величии. Все другие народы, по-видимому, уже почти достигли границ, намеченных природой, и им остается только сохранить их; эти же продолжают расти; все другие остановились или движутся вперед лишь с огромными усилиями; только эти отмеривают легким и быстрым шагом поприще, границы которого взгляд еще не может различить» [2].

После революции 1848 г. Герцен будет развивать, хоть и в иной перспективе, ту же идею, назначая Соединенным Штатам Америки и России (но России, освободившейся от тирании и от крепостного права, духовно возрожденной социализмом) решающую роль в движении человечества. Он писал в статье 1849 г. «La Russie»: «Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна, я говорю о Северо-Американских Штатах. Другую же, полную сил, но вместе и дикости,— знают мало или плохо» (VI, 190) [3].

В «Письме русского к Маццини» того же 1849 г. Герцен обличает абсолютизм, который, «желая все поглотить и всего боясь, стесняет движение России» (VI, 234) [4].

---

* Настоящая работа впервые появилась в сборнике «Autour d'Alexandre Herzen». Для публикации в «Литературном наследстве» она заново пересмотрена и дополнена с учетом новых сведений, в частности тех, которые напечатаны в работах советского исследователя В. А. Черных.

Кроме того, в приложении к настоящей публикации печатается, в русском переводе с английского, неизвестная ранее статья Лиленда «Герцен о Франции и России» из газеты «Philadelphia Daily Evening Bulletin» от 23 апреля 1858 г. Эта статья была разыскана по просьбе редакции «Литературного наследства» г-жой Кристиной Блендей при посредничестве г. Р. Т. Уэра, за что редакция выражает им глубокую благодарность.

Публикацию Стеллинга-Мишо перевел с французского и английского Л. Р. Ланский.

При Второй империи, в то время как в древней и дряхлой Европе «старые *Монтекки* и *Капулетти*» продолжали свою «наследственную вражду» (XII, 176), Герцен занял позицию, враждебную Крымской войне, которая, как он предсказывал, «окончится в пользу Николая или Луи Бонапарта, т. е. в обоих случаях в пользу *деспотизма*...» (XII, 181). Герцен заключал из этого, что расправа над работниками будет «еще свирепее, еще страшнее», чем в Июньские дни. «Тогда гибель старого мира придет иным путем, и социальная идея может осуществиться в других странах» (XII, 169). Западная Европа, уже не способная преодолеть свой прогнивший капитализм, увидит, как ее будущее воплощается в ином месте. И Герцен уточнял в открытом письме к В. Линтону, озаглавленном «Россия и старый мир»: «Взгляните, например, на эти две огромные равнины, которые соприкасаются затылками, обогнув Европу. Зачем они так пространны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности, к расширению? Эти два мира, столь противоположные и все же в чем-то схожие,— это Соединенные Штаты и Россия» (XII, 169). Эти две державы унаследовали от Европы — одна свои достоинства, другая — свои недостатки: «Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до *чудовищной* крайности начала монархизма и европейской бюрократии» (XII, 172).

Только после смерти Николая I и окончания Крымской войны русские устремления в сторону Тихого океана сделали актуальной проблему Россия—Америка, и с той поры Герцен стал придавать особую важность сближению России и США, которое вскоре сделалось для обеих стран исключительно плодотворным.

Во втором «Письме к Джузеппе Маццини о современном положении России», написанном в феврале 1857 г. и опубликованном в «Italia del Popolo» 10 марта, Герцен констатирует мрачный застой, царящий на Западе, и утверждает, что «вне Европы в настоящее время есть только две страны, которые живут деятельной жизнью,— это Соединенные Штаты и Россия. Остальные страны спят тяжелым сном или корчатся в судорогах, но нас это не затрагивает» (XII, 349). Герцен проводит параллель между политикой территориального расширения России и аналогичной политикой Соединенных Штатов, видя в развитии Сибири и в заселении русскими устья Амура «один из самых важных шагов цивилизации», источник богатства не только для России, но и для американской торговли: гавани Сибири готовы принять «пароходы с флагами в звездах» (XII, 350).

Сравнивая психологию народов обеих стран и их различную общественную структуру, Герцен, однако, вынужден был спросить себя: «Каково будет отношение Соединенных Штатов к социалистическим тенденциям, т. е. к будущему» — и отвечал: «Сказать трудно, так как Америка при всех своих недостатках тоже представляет собой *буржуазную демократию*» (XII, 351).

В начале того же 1857 г. в статье, озаглавленной «Еще вариация на старую тему», Герцен высказал подобные же сомнения: «Как Америка будет относиться к социальным стремлениям — трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообща чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость» (XII, 429).

Именно в это время, в 1857 и 1858 гг., Герцен вступает в прямые сношения с американскими литераторами — политиками и экономистами, и в нем укореняется надежда на возможность для Америки эволюционировать в сторону политических и социальных форм, имеющих подлинно демократический характер. В 1857 г. Герцен познакомился в Лондоне с филадельфийским социологом Г. Ч. Кэри, основателем американской школы политической экономии [5]. По возвращении из путешествия по России Кэри поделился с Герценом своими впечатлениями и особенно похвалил «мирское начало» русских «коммун» (т. е. крестьянских общин), в которых «лежит великая основа самоуправления» (XIV, 182, 520) [6].

Оба деятеля вскоре обменялись письмами и статьями.

В своем первом труде «Essay on the Rate of Wages» (1835) Кэри исследовал положение рабочих в разных странах. Он принадлежал к числу сторонников «свободной торговли» (см. его трехтомное сочинение «The Principles of Political Economy», 1839—1840); затем его увлекла протекционистская доктрина, и он вступил в борьбу с видными английскими сторонниками свободного обмена. В последнем своем труде «The Principles of Social Science» (начало его было выпущено в 1858 г. Н. Трюбнером) Кэри применил к науке об обществе принципы естествознания. Этот труд превосходно выразил, по мнению Герцена, характер американской мысли. «Вас поразят ⟨. . .⟩ — писал он,— эта свежесть и простота, которую вносит в схоластический храм политических вопросов американский ум». «Для примера,— добавлял Герцен в примечании,— очень

рекомендуем „The Science of Society“ Кэри» (XIII, 400).

Надежда, которую Герцен питал по отношению к Соединенным Штатам и их политической роли, привела его к некоторой идеализации американской буржуазной демократии, основанной на self-government * и индивидуальной свободе. Герцен рассматривал тогда Соединенные Штаты как представителя юных народов, от которых можно было ждать обновления старого мира.

В 1858 г. Герцен вступил в переписку с другим видным американским публицистом — Ч. Г. Лилендом, одним из лучших специалистов по русскому вопросу и горячим поклонником издателя «Полярной звезды», чьи произведения он популяризировал в Соединенных Штатах. Об отношениях Герцена с Лилендом до недавнего времени ничего известно не было, и его имя совсем не упоминается в собраниях сочинений Герцена.

Наряду с О. Грили и Ч. Даном, Лиленд был одним из немногих североамериканских публицистов, которые в годы политического кризиса, приведшего к Гражданской войне, уделяли международным проблемам столь же большое внимание, как и внутренней политике молодого федеративного государства.

ЧАРЛЗ ЛИЛЕНД
Фотография, 1860-е гг.
Из книги: El. Pennell. Charles Godfrey Leland. A biography. Vol. 1. London, 1906

Чарлз Годфрид *Лиленд*, сын коммерсанта, родился в 1824 г. в Филадельфии. Среднее образование он получил в колледже Нью-Джерси, где, как он сообщает в своих мемуарах, «теология и математика ценились чрезвычайно высоко». Хотя у Лиленда в обоих этих предметах были серьезные пробелы, он поразил своими способностями некоторых своих учителей и был отправлен в Европу, где провел два года в университетах Гейдельберга и Мюнхена, питая привязанность к Германии как к своей второй родине. В 1848 г. Лиленд записался в Сорбонну и во время революции целых три дня был «капитаном» на одной из парижских баррикад. Он входил в состав того Американского комитета, который поздравил французских революционеров с их борьбой против монархии.

Возвратившись в Филадельфию, Лиленд изучил право и вступил на адвокатское поприще, которое вскоре покинул для журналистики. В течение двадцати одного года он находился в самой гуще политической жизни, участвуя в войне Северных и Южных штатов, в освоении Дальнего Запада и занимаясь литературной деятельностью. Дебютировал он статьями об искусствоведческих проблемах в «Union Magazine» Дж. Сартена, затем сотрудничал в нью-йоркском «Illustrated News» Ф. Т. Барнума и, наконец, вошел в состав редакционной коллегии филадельфийского «Evening Bulletin», где сотрудничал с 1858 г.

Его первая книга «Meister Karl's Sketch Book» (1855) представляет собой сборник очерков и эссе в жанре, созданном В. Ирвингом. С 1857 по 1861 г. он редактировал «Graham's Illustrated Magazine», а затем в 1862 г. взял на себя редактирование бостонского «Continental Monthly»— органа, боровшегося за уничтожение рабства и освобождение негров. В 1863 г. Лиленд принял участие в битве при Геттисберге в качестве артиллериста.

Лиленд переводил Г. Гейне, сочинял сатирические баллады, полные юмора и поэтического чувства; они были объединены потом под заголовком «The Breitmann Ballads» (L., 1871). По возвращении в Европу в 1869 г. Лиленд обосновался в Лондоне, где прожил до 1879 г. Именно в этом году в Нью-Йорке появился его труд «Abraham Lincoln and the Abolition of Slavery in the U. S.». Вместе с В. Безантом Лиленд основал «Раблезианский клуб», приобретший большую известность. Одаренный способностями к языкам, Лиленд говорил по-немецки, французски и итальянски; он изучал и сербскохорватский, а также язык ирландских и уэльских цыган и

* самоуправлении (*англ.*).

опубликовал наряду с другими трудами свой «Словарь сленга» («The Dictionary of Slang», 1887). Последние годы своей жизни он провел во Флоренции, где и умер 20 марта 1903 г., издав, кроме «Мемуаров» (1895), несколько трудов об античности и латинской литературе [7].

Неудивительно, что американец, столь глубоко овладевший культурой и обладающий столь обширными взглядами на проблемы Старого Света, вступил в сношения с Герценом, который, со своей стороны, питал неиссякаемый интерес к тому, что касалось Нового Света. При посредничестве своего знаменитого издателя Н. Трюбнера [8] Герцен установил в 1858 г. связь с Лилендом. Трюбнер, создавший в Лондоне крупное коммерческое предприятие по торговле американскими книгами, в 1855 г. издал первую библиографию американских изданий XIX в.— «Bibliographical Guide to American Literature» (2-е изд.— 1859). С 1852 г. он несколько раз совершал поездки в Соединенные Штаты и довольно долго пробыл там летом 1855 г., после публикации своей библиографии. Именно в этот приезд он встретился с Лилендом в Филадельфии (летом 1858 г.). Во время одной из поездок Трюбнера зашла речь о Герцене, сочинения которого Лиленд знал и к которому он испытывал живую симпатию [9].

По многим вопросам американский публицист находил в произведениях Герцена подтверждение собственным мыслям, особенно насчет развития торговли и промышленности, расширения во всем мире железнодорожной и телеграфной сети. Лиленд видел в этом лучшее средство для сближения народов, повышения благосостояния и материального прогресса, а следовательно, и свободы. Неудивительно поэтому, что, беседуя с Трюбнером о Герцене, он поручил передать выдающемуся русскому деятелю свою статью «Herzen on France and Russia», опубликованную в американской печати [10].

От Трюбнера Лиленд вскоре узнал, что его статья понравилась Герцену, и он написал ему 22 июня 1858 г. из Филадельфии первое письмо, а затем и второе, датированное 13 ноября того же года. Эти два документа позволили нам установить *подлинного* адресата того письма Герцена, которое было впервые опубликовано по черновику «пражской коллекции» в т. 61 «Литературного наследства». Высказанное автором этой публикации Л. Я. Гинзбург предположение о том, что адресатом его был Г. Ч. Кэри, теперь окончательно снимается.

В «Мемуарах», написанных Лилендом в конце его жизни, он кратко упоминает о своих отношениях с Герценом, особо отмечая свою непродолжительную, но очень значительную переписку с ним во время кризиса, приведшего Соединенные Штаты к Гражданской войне. Борьба, которую Герцен вел за уничтожение крепостного права в России, в известной мере стимулировала Лиленда в его собственной политической борьбе за уничтожение рабства. Страстный республиканец и упорный сторонник союза Севера и Юга, Лиленд боролся после выборов Линкольна (в ноябре 1860 г.) с тенденцией умеренных, «которые думали,— говорит он,— включая самого Линкольна, что если Юг потребует своего отторжения от Соединенных Штатов, то не следует силой мешать ему покинуть Союз». «В течение нескольких лет,— продолжает Лиленд в своих «Мемуарах»,— распространялась мысль о том, что наша страна стала слишком большой, чтобы оставаться единой. Я всегда отвергал эту жалкую мысль. Вот тогда-то я вступил в сношения с русским Искандером, или Александром Герценом, который на целый век опередил свое время. Он был истинным вдохновителем уничтожения крепостного права в России, как впоследствии это покажет история. Я написал в то время длинную статью, в которой предлагал русскому правительству открыть для иностранцев золотые рудники Урала ⟨. . .⟩ Герцен перевел эту статью на русский язык (я располагаю одним экземпляром); 20 000 ее экземпляров циркулировало в России. Царь прочел ее. Герцен писал мне: «Она будет отложена лет на сорок, и потом, быть может, из нее что-нибудь сделают. Тихий океан станет Средиземным морем будущего». При таких мыслях,— замечал Лиленд,— я не мог согласиться с расчленением Соединенных Штатов». И Лиленд указывает в примечаниях: «Герцен прислал мне полный комплект всех своих трудов» [11].

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BPJG*. Впервые опубликованы на языке оригинала С. Стеллингом-Мишо в *AAH*, 316—317, 321—322.

[1] Ср.: A. de Toqueville. La démocratie en Amérique, v. II. P., 1835, p. 449—450.
[2] Ibid.
[3] Герцен воспроизвел это место в своей французской брошюре «О развитии революционных идей в России» (1851) — VII, 19—20, 148—149.
[4] Статья появилась впервые в немецком издании «С того берега».
[5] См. «Dictionary of American Biography», v. III, p. 487—489. См. также интересную статью Л. Гинзбург в «Лит. наследстве» (т. 61, с. 242—244).
[6] Другое упоминание о Кэри мы находим у Герцена в его «Prolegomena» (1867) также в связи с проблемой самоуправления русской сельской общины (XX, 66).

[7] См.: Elisabeth R. P e n n e l. Ch. G. Leland. Boston, 1906, v. I—II; Joseph J a c k s o n. A Bibliography of the Works of Charles Godfrey Leland, 1927: перепечатка из «Pennsylvania Magazine of History and Biography»; «Dictionary of American Biography», v. XI, p. 157—160 (ст. G. H. Gentzmer).

[8] О Н. Трюбнере см. в «Allgemeine deutsche Biographie» (Bd. XXXVI, S. 674—677). Среди бумаг Трюбнера, хранящихся в университетской библиотеке Гейдельберга — города, в котором он родился, насколько нам известно, нет писем Герцена и Лиленда. Об отношениях Герцена и Трюбнера см.: В. А. Ч е р н ы х. Из истории вольной русской печати (А. И. Герцен и Н. Трюбнер. Первый период сотрудничества).— Сб. «Эпоха Чернышевского.— Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1978, с. 61—77.

[9] Бумаги Лиленда частично сохранились в Принстонской университетской библиотеке и в Пенсильванском историческом обществе (в Филадельфии). В этом архиве нет, по-видимому, ни одного письма Герцена и Трюбнера к Лиленду. Однако по разъяснениям, полученным из Филадельфии, весьма большое число писем, адресованных Лиленду, еще полностью не разобрано. Что касается его литературных и публицистических трудов, то их в архиве сохранилось пятнадцать пачек.

[10] Эта статья Лиленда не фигурирует ни в библиографии Дж. Джексона, ни в «Index to Periodical Literature» (1802—1881) Пуля. Поиски, предпринятые по моей просьбе в Библиографическом отделе Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, также оказались безуспешными.

Первоначально я считал, что Лиленд посвятил свою статью брошюре Герцена «La conspiration russe de 1825...» и опубликовал ее в журнале «Graham's Illustrated Magazine» (см. *AAH*, 314—315). Московский исследователь В. А. Черных, возражая мне, высказал предположение, что статья Лиленда была опубликована не в названном журнале, а в газете «Evening Bulletin» и посвящена брошюре Герцена «La France ou l'Angleterre?» (см.: «Проблемы истории общественной мысли и историографии», с. 190). В настоящее время его предположение подтвердилось. В газете «Philadelphia Daily Evening Bulletin» от 23 апреля 1858 г. обнаружена статья без подписи, озаглавленная «Herzen on France and Russia» («Герцен о Франции и России»). Это, без сомнения, именно та статья Лиленда, которую он послал через Трюбнера Герцену. См. ее перевод ниже, в Приложении.

[11] Ch. G. L e l a n d. Memories. N.Y., 1893, p. 237. Лиленд имел в виду здесь листовку, озаглавленную «Господам директорам Общества колонизации берегов Амура в С.-Петербурге» за подписью *Чарлз Г. Лиленд (издатель «Evening Bulletin»)*. Она, вероятно, рассылалась как приложение к «Объявлению» Трюбнера при «Колоколе»» (см.: «Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, 1853—1865», сост. П. Н. Берков). Герцен оказал содействие переводу этого обращения Лиленда и его публикации (см. ниже письмо Лиленда к Герцену от 13 ноября и *ЛЖГ* II, 458, 460). Автор листовки приветствовал усилия, предпринятые для освоения земель по берегам Амура, как залог сближения России и США. «Мы — две огромнейшие страны в мире, населенные народами, предназначенными достигнуть великого могущества, мы становимся, движимые быстрыми событиями немногих годов, лицом друг к другу, между нами Тихий океан, это «Средиземное море будущего», как сказал один русский» (выражение Герцена из статьи «Крещеная собственность» — XII, 110).

Ч. Г. ЛИЛЕНД — ГЕРЦЕНУ

1

Перевод с английского:

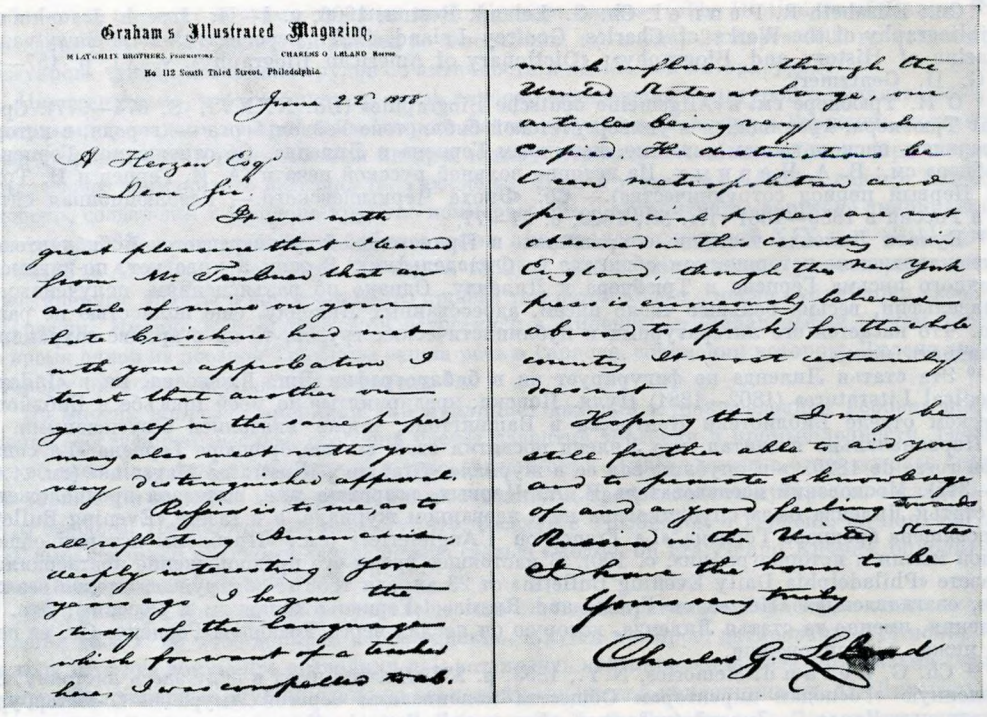
А. Герцену, эсквайру

〈Филадельфия.〉 22 июня 1858 г.

Любезный сэр,

С большим удовольствием узнал я от г. Трюбнера, что вы с одобрением отнеслись к моей статье о вашей последней *брошюре* [1]. Надеюсь, что и другая статья о вас в той же газете также сможет встретить ваше высокоценимое одобрение [2].

Россия для меня, как и для каждого мыслящего американца, представляет глубокий интерес. Несколько лет тому назад я начал изучать ее язык, который из-за отсутствия здесь учителя принужден был оставить в пользу более легких южнославянских наречий, но и их снова забросил, взяв на себя обязанности редактора ежедневной газеты [3]. Однако внимание, которое я уделял русским предметам, описаниям путешествий и пр., оказалось для меня небесполезным. Я полагаю, что, за исключением нашего коллеги из «N〈ew〉 Y〈ork〉 Tribune» [4], ни один редактор у меня на родине не трудился более усердно над формированием сочувствия общественности великому, продолжающему расти славянскому гиганту, и *я знаю*, что мои усилия дали хороший результат. Правда, сведения мои покажутся вам весьма ограниченными, но все же, располагая книгой



Graham's Illustrated Magazine,
M'LAUGHLIN BROTHERS, Proprietors. CHARLES G. LELAND, Editor.
No. 112 South Third Street, Philadelphia.

June 22 1858

A. Herzen Esq.
Dear Sir.

It was with great pleasure that I learned from Mr. Trubner that an article of mine on your late brochure had met with your approbation. I trust that another on yourself in the same paper may also meet with your very distinguished approval.

Russia is to me, as to all speculating Americans, deeply interesting. Some years ago I began the study of the language which for want of a teacher here, I was compelled to ab-

much influence through the United States at large, our articles being very much copied. The dailies of our metropolitan and provincial papers are not classed in this country as in England, though the New York press is immensely believed about to speak for the whole country it most certainly does not.

Hoping that I may be still further able to aid you and to promote a knowledge of and a good feeling towards Russia in the United States I have the honor to be

Yours very truly

Charles G. Leland

ПИСЬМО ЧАРЛЗА ЛИЛЕНДА ГЕРЦЕНУ

Автограф. Филадельфия, 22 июня 1858 г.

Международный институт социальной истории, Амстердам

Тегеборского [5] и другими источниками, мыслящий человек, и тем более редактор ежедневной газеты, привыкший думать за других, должен кое-чему научиться.

Я с удовлетворением обнаружил в вашем труде о Франции и Англии [6] взгляды, удивительно совпадающие с моими собственными. Промышленное развитие, свобода, достигнутая путем активного использования и перемещения капитала, и нелепость всяческих театральных лохмотьев de la grande armée * и «последнего из Абенсерагов» [7] — истины нашего века. Железные дороги — это настоящие жизненные кровеносные сосуды нации, а телеграфы — ее нервы, передающие жизненные электрические токи [8].

Наша ежедневная газета широко распространена и имеет большое влияние во всех Соединенных Штатах, статьи наши очень часто перепечатываются. Столичные и провинциальные газеты в нашей стране не так отличаются друг от друга, как в Англии, хотя за границей нью-йоркскую прессу *ошибочно* принимают за глашатая всей страны. Конечно, это не так.

Питая надежду, что буду иметь и в дальнейшем возможность помогать вам и способствовать познанию и пробуждению добрых чувств к России в Соединенных Штатах, имею честь быть

истинно преданным вам Чарлз Г. Лиленд [9]

Письмо написано на бланке: «„Graham's Illustrated Magazine". Владельцы — г-да братья М. Лафлины. Издатель Чарлз Г. Лиленд. South Third Street, № 112. Филадельфия».

[1] Речь идет о большой анонимной рецензии Лиленда на брошюру «La France ou l'Angleterre?», напечатанной под названием «Герцен о Франции и России» 23 апреля в газете «Philadelphia Daily Evening Bulletin». См. ниже в приложении к наст. публикации русский перевод статьи Лиленда.

[2] Разыскать эту статью до сих пор не удалось.

* великой армии (*франц.*).

[3] Вероятно, «Philadelphia Daily Evening Bulletin», в которой Лиленд печатал редакционные статьи.

[4] Без сомнения, это О. Грили, один из виднейших фурьеристов США, в 1842 г. основавший «New York Tribune» (в ней некоторое время сотрудничали К. Маркс и Г. Ч. Кэри).

[5] Людвиг Валерьянович *Тегеборский* (Тенгоборский, 1793—1857) — дипломат, экономист и статистик. С 1848 г.— член Государственного совета. Его четырехтомный труд «Etudes sur les forces productives de la Russie» вышел в Париже в 1852—1855 гг. В то время это было лучшее пособие по экономической статистике России. Русский перевод книги появился в 1854—1858 гг., английский — в 1855—1856.

[6] Брошюра Герцена «La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du janvier 1858» (L., 1858). Оригинальный французский текст (см. XIII, 209—253) был переведен на английский, немецкий и русский языки.

[7] Это высказывание Лиленда вызвано следующим местом из брошюры Герцена: «Да, люди, предпочитающие военную славу своей родины свободе,— не любят свободы. Это римляне древнего Рима, храбрецы Великой армии; это последние Абенсераги, последние могикане... все, что хотите, но только не люди нового мира» (XIII, 250). Романы «Приключения последнего из Абенсерагов» А. де Шатобриана и «Последний из могикан» Ф. Купера вышли в свет в 1826 г.

[8] Проблема железных дорог особенно интересовала Лиленда. См. его труд: «The Union Pacific Railway, Eastern Division, or Tree Thousand Miles in a Railway Car». Philadelphia, 1867.

[9] Герцен ответил Лиленду тем письмом от июля 1858 г., которое было впервые воспроизведено в «Лит. наследстве» (т. 61) с предположением, что оно адресовано Г. Ч. Кэри (XXVI, 196—197), а на самом деле, как теперь устанавливается,— Лиленду.

2

Филадельфия, ноября 13-го [1] 1858 г.

Александру Герцену, эсквайру

Любезный сэр,

Позвольте мне послать вам мою сердечнейшую благодарность за подаренные вами немецкие труды ваши [2]. Они существенно помогли мне оценить чудодейственную и многообразную мощь, которой обладает великий представитель русского ума и прогресса. Я буду говорить в печати более подробно через несколько дней о их достоинствах [3].

Мои разнообразные занятия и постоянный деловой водоворот, хотя и не помешали мне писать о России и о вас лично, привели тем не менее к тому, что я вследствие некоторой небрежности не послал вам всего написанного мною. Приложенные выписки из влиятельной на Западе немецкой газеты [4], хотя они софистичны и фальшивы, уже показывают, что имя ваше здесь известно. Однако я уверен, что мой ответ на это будет прочтен еще несколькими тысячами именно тех читателей, на которых вам хотелось бы оказывать влияние.

Я очень обязан вам за проявленную вами любезность в переводе и публикации моей памятной записки об Амурском крае, а также редакционной статьи [5]. Для меня это большая награда.

Каждый день я все более убеждаюсь в том, что мои выступления в пользу России произвели *должный эффект*. Недавно я выступил в защиту позиции нашего посланника в Китае, поддержавшего Россию в тот момент, когда она в этом весьма нуждалась. Защита этой позиции «Union» (правительственного органа) была *весьма* слабой. Она не учитывала практических преимуществ, которые мы могли бы ожидать от оккупации Россией Маньгжурии [6].

С уверением в прежнем моем уважении
имею честь быть весьма преданным вам Чарлзом Г. Лилендом

[1] Не исключено, что в дате этого письма Лиленд сделал описку и оно должно быть отнесено к 13 декабря того же 1858 г. См. *ЛЖГ* II, 461.

[2] Трюбнер, по-видимому, послал Лиленду по указанию Герцена следующие его произведения, вышедшие до конца 1858 г. на немецком языке: «Russlands soziale Zustände». Hamburg, 1854; «Die russische Verschwörung und der Aufstand vom 14 Dezember 1825». Hamburg, 1858.

[3] Написал ли Лиленд статьи об этих сочинениях Герцена, пока установить не удалось.

[4] Приложенные Лилендом выписки из газеты «Illinois Staats Zeitung» до нас не дошли и восстановить их не представляется возможным, так как комплекты этой газеты за 1850-е годы погибли во время чикагского пожара 1871 г. О немецких периодических изданиях западного полушария см. в кн.: Karl Wittke. The German Language Press in America. Lington, University of Kentucky Press, 1857.

[5] Памятная записка Лиленда об Амурском крае была напечатана в русском переводе в виде приложения к «Объявлениям о русских книгах Н. Трюбнера и К°», № 11 от 1 декабря 1858 г.

Текст записки воспроизведен в статье В. А. Черных «А. И. Герцен и американский публицист Чарлз Г. Лиленд» (упом. изд., с. 192—194).

[6] Имеется в виду Айгунский договор между Россией и Китаем, подписанный в мае 1858 г. генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым. Этим договором юридически устанавливалась принадлежность России левого берега Амура от реки Айгунь и до устья. Лиленд посвятил Айгунскому договору редакционную статью в «Philadelphia Daily Evening Bulletin» от 8 октября «Наш западный сосед». Герцен упомянул об этом выступлении в статье «Америка и Сибирь», воспроизведя из него несколько фраз, тем более интересных, что они выражали идеи, близкие идеям самого издателя «Колокола». Вот отдельные выдержки из статьи Лиленда (выделенные нами курсивом выражения переведены и процитированы Герценом):

«В последних сообщениях из С.-Петербурга говорится, что трактат, заключенный Муравьевым, *вызвал большую радость в Сибири, а в Иркутске он стал причиной официальных празднеств*, благодарственных молебнов в церквах и артиллерийских салютов. Если реальное влияние, которое муравьевский трактат в конечном счете будет оказывать на весь мир, приведет к тому, что американские интересы будут должным образом приняты во внимание, то *у нас будет отличный повод для того, чтобы радоваться здесь тоже* по той причине, которую история ближайшей половины столетия неизбежно покажет. Россия напрягает все силы своей могучей воли и посвящает свои лучшие ресурсы тому, чтобы превратить Восточную Сибирь в торговый и промышленный край. А так как Соединенные Штаты являются ее соседом с противоположной стороны и в действительности единственным цивилизованным соседом, скоро можно будет увидеть, какое мы придаем этому важное значение. Для наших интересов также важно иметь соседей, с которыми мы могли бы торговать, и чем скорее разовьется Калифорния, тем скорее поднимется наш Запад и тем раньше будет чувствоваться потребность завершения нашей Тихоокеанской железной дороги. Пусть Амурская компания продолжает так же серьезно и быстро действовать, как она действовала в прошлом году, и это к концу следующего десятилетия продвинет нашу страну на целых полвека вперед. Это утверждение очень смело, но факты доказывают его справедливость.

Теперь век быстрых действий, крупных событий, новых империй, возникающих на берегах неведомых морей, и, набрасывая подобные могучие планы и *постепенно* воплощая их в жизнь, США и Россия находятся неизмеримо впереди всего остального мира ‹...› Шаг за шагом Россия заселила обширные края со скоростью, не имеющей равных вне Америки. Языки, религия и обычаи — все растворилось в русском, и новые провинции, если они разовьются, будут свободны — свободны от крепостного права ‹. . .› Когда Тихоокеанская железная дорога будет закончена и Россия приобретет открытый морской берег, американцы и московиты смогут позволить себе смотреть друг на друга — один на запад, другой на восток — через Тихий океан, название которого служит хорошим знамением — и повернутся спинами к Европе ‹. . .› Русские знают значение Америки и уважают ее, Джон Булль относится к нам пренебрежительно, а Франция нас презирает. Но неотвратимые законы промышленного прогресса, поскольку они обусловлены географией и климатом, будут навязывать свои пути. В них заключается явная судьба народов».

Герцен заимствовал из этой статьи Лиленда не только аргументы, но и некоторые выражения. См., например, начало статьи Герцена «Америка и Сибирь»:

«Когда окончится железная дорога к Тихому океану и Россия со своей стороны будет иметь открытый берег на нем, тогда русские и американцы могут, спокойно обращаясь спиной к Европе, протянуть друг другу руку через него, и да будет самое имя океана (Pacific *) добрым знамением будущего союза!

...Наш век — век быстро совершающихся событий; новые государства возникают на берегах неведомых морей, едва сбыточные планы не только замышляются, но и приводятся в исполнение. Россия и Америка далеко оставляют за собой другие государства в выполнении их. Если управление русской колонией на Амуре еще лет десять пойдет тем быстрым шагом к развитию, как в прошлом году, то мы двинемся на полстолетия вперед. Трактат, заключенный Муравьевым, со временем будет иметь мировое значение» (XIII, 398).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАТЬЯ Ч. Г. ЛИЛЕНДА ИЗ ГАЗЕТЫ «PHILADELPHIA DAILY EVENING BULLETIN» от 23 апреля 1858 г.**

ГЕРЦЕН О ФРАНЦИИ И РОССИИ

Крупный недостаток убежденных сторонников революционного либерализма в Европе — это что среди них так мало политиков универсального, всеобъемлющего ума — людей, которые понимают вещи так, как они есть, которые видят повсюду не только политическую экономию, железные дороги и промышленность, но сознают и угнетающую их тиранию, или таких людей, которые ищут пути улучшения общества не только в гильотинах. «Сперва революция, а затем...» —

* Тихий, Мирный (*англ.*).

** Перевод с английского М. П. Мироненко.

вот, кажется, и вся их программа. Те, кто был в Париже в 1848 г., могут припомнить, как каждый заявлял о своем безоговорочном желании видеть «вещи как они есть» и понимать открывающиеся возможности. Республика должна была стать лучше американской, установления — благороднее; когда же дошло до дела, то обнаружилось, к несчастью, что ужасное национальное невежество и провинциальная узость взглядов воспрепятствовали сколько-нибудь единодушным преобразованиям.

Однако мы недавно получили брошюру, изданную в Лондоне Трюбнером (ему Америка столь глубоко обязана за его настойчивые усилия ознакомить Европу с нашей литературой); она достаточно ясно показывает нам, что по крайней мере один свободомыслящий человек, Герцен, русский, горячо стремясь к делу свободы, не настолько слеп, чтобы не видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Он понимает, что каждый народ стал тем, что он есть, не сразу, а постепенно развиваясь в течение столетий; что одно событие должно еще продолжаться, чтобы привести к другому, и что «Луи Наполеон — это следствие, а не причина» *. Он — наказание, если хотите, но *вина* лежит в другом направлении.

Принимая во внимание эти свободолюбивые и обнадеживающие идеи и зная факты в целом как они есть, свою надежду на прогресс Герцен основывает на том развитии промышленных интересов, которое столь точно отождествляется с прогрессом личной свободы и свобод политических. Главный вопрос, который он ставит, это: выгоднее ли Англии заключить союз с Францией или же с Россией и есть ли какой-нибудь логический здравый смысл в идее коалиции России и Франции? Другие правительства на континенте могут находить это выгодным, но для России единение с Францией было бы нелепостью. Было время, когда Россия шла тем же путем, что и остальная Европа,— шла под нажимом силы и вопреки своей натуре. Теперь она возвратилась на свою естественную дорогу: в своем развитии промышленного процветания она идет тем же великим путем, что и Англия, и Соединенные Штаты; и у нее нет больше ничего общего с Францией, которая до сих пор всенародно руководствуется, сплачивается, воодушевляется и управляется одной идеей — надеждой на военную славу и глубоко скрытой верой в нее как в summum bonum ** нации.

В этом своем взгляде г. Герцен прав. Империя Бонапарта не просуществовала бы двух дней, не найди она отклика в характере французского народа. Этот народ живет в éclat ***. Это «страна воинственная, солдатская. Она любит выставку власти, чрезвычайные меры, приносящие личность в жертву государству, человека — идее 〈. . .〉 Можно ли 〈. . .〉 вообразить себе Англию, например, бонапартистской?»**** «Люди, предпочитающие военную славу своей родины свободе 〈то есть свободе других народов.—*Ч. Л.*〉, не любят свободы»*****. В этом есть высокая правда — величие космополитического сердца. «Это римляне древнего Рима, храбрецы Великой армии; это последние Абенсераги, последние могикане... все, что хотите, но только не люди нового мира» ******.

И здесь г. Герцен высказывает высшую истину. Существует новый порядок вещей и новый круг идей, крайне отличный от всех старомодных и смехотворных представлений о войне и рыцарстве, и эти новые идеи завоевывают почву в англосаксонском мире и в России с огромной быстротой, бесконечно быстрее, чем в остальном мире, и прямым следствием этого является освобождение личности и свобода действий. В этих поистине передовых странах прогресс процветания и свободы составляет часть политической жизни и правительственных мер, тогда как во всей остальной Европе задача правительства — замедлить его. Напрасно было бы отрицать это. Громадные усилия предпринимаются теперь русским императором для освобождения крепостных — пред лицом почти неисчислимых трудностей отвечать на каждое возражение. Россия, подобно Америке, движется вперед гигантскими шагами. Наполеон 〈III〉 — «замечательный парень», человек потрясающей энергии, крупный талант — человек, чьей силой и личным успехом можно восхищаться, но он — последний из могикан, последний великий представитель старого порядка вещей, поддержанный народным чувством штыковой романтики, время которой прошло. Бонапартизм живет — или жил — смертью. «Его слава,— говорит Герцен,— вся из крови, вся из трупов. В нем нет созидательной силы, нет производительной деятельности: он совершенно бес-

---

* XIII, 240.— *Ред.*
** высшее благо (*лат.*).
*** блеске славы (*франц.*).
**** XIII, 249.— *Ред.*
***** Там же, 250.— *Ред.*
****** Там же.— *Ред.*

плоден» *. *Убивать и быть блестящим* — какой печальный контраст с огромным социальным прогрессом Англии и России.

И все же лишь глупец может осуждать Луи Наполеона, и тот, кто не способен восхищаться им, должно быть, слеп. Последний представитель умирающего принципа, находящего отклик на Востоке и в Алжире, но отнюдь не на ткацких фабриках, железных дорогах или в литературе, он до конца верен наполеоновским идеям. Утверждения, будто Франция процветает, лучше всего опровергаются тем фактом, что ее население не возрастает в числе. Страна, где население не растет, и не растет быстро, в настоящее время идет назад.

Россия долго пренебрегала реальным, очевидным путем к процветанию и пыталась европеизироваться при помощи смехотворного вмешательства в европейскую политику и содержания огромной постоянной армии. Петр I и Екатерина (II) «пожертвовали всем, и прежде всего счастьем народа, чтоб основать Российскую империю, чтоб организовать сильное государство и сделать его государством европейским»**. Выскочки, они желали пробить себе путь в европейскую аристократию. Преступление увеличивало это влечение. Павел продолжил эту ошибку. Александр I начал новую эпоху, но Николай возобновил прежнее безумие и с бешенством умалишенного принес в жертву огромные таланты. Вся его личность целиком принадлежала старому порядку вещей — абсурдному, смехотворному феодализму, покоящемуся на постоянных армиях и на аристократической власти,— и в течение тридцати лет его царствования великая Россия, способная к такому гигантскому прогрессу, изнывала под игом тирании; то было огромное приостановленное развитие.

А затем явился Александр II и увидел перед собой два пути на выбор: путь быстро устаревающего прежнего порядка вещей, на котором он еще некоторое время мог бы оставаться тираном, преследователем, а также сторонником постоянных армий, или же путь развития — реформы и освобождения. Он выбрал последний, и вследствие этого, как заявляет г. Герцен, успехи России за три года его царствования были огромны. «Все приходит в движение; мышцы (. . .) расправляются. Ставятся на очередь самые жизненные вопросы. Россия спокойно вступает на путь экономической революции» ***.

Александр — а вместе с ним все те русские, которые выступают в защиту промышленного развития,— понял, что личная свобода должна развиваться вместе с развитием капитала и что земля, где есть железные дороги, должна быть свободной. И весьма естественный результат всего этого проявился в том исключительном факте, что в настоящий момент Россия — единственная (?) в Европе страна, где люди могут приезжать и уезжать или же прибывать в нее и покидать ее свободно! Три года тому назад Россия была так же недоступна, как Китай. Но промышленность и прогресс изменили все это, и пока Франция во всех отношениях двигалась вспять, Россия, великая деспотическая Россия, продвинулась вперед, и теперь живущий в русском городе иностранец не более стеснен полицейскими правилами и не в большей степени преодолевает постоянно угнетающее сознание вездесущего и во все вмешивающегося правительства, чем в Лондоне или Нью-Йорке (...)

Неистовейшая революция побуждает француза почтительнее, чем когда-либо, относиться к властям — какими бы они ни были,— обхаживать их; и в 1848 г. Революция или Республика не была установлена до тех пор, пока не получила в свои руки скипетр, полицейских шпиков и паспорта, как встарь; и подлинное, пылкое «Vive la liberté!»**** в честь господина Ламартина могло прозвучать лишь тогда, когда Ламартин занял *королевскую* ложу в Опере и она была убрана по-королевски, со всеми соответствующими драпировками,— король-пустышка! Англия обладает обычным правом, глубоко укоренившимся в умах людей, Америка — конституцией, но Франция, говорит Герцен, после каждой революции начинает снова с того, «каковы нерушимые права человека? — Является ли свобода печати нерушимым правом? — Должно ли быть гарантировано право собрания?» Все эти вопросы, невозможные в Англии со времен Кромвеля, в Америке со времен Вашингтона, ставятся во Франции при каждой перемене правительства»*****.

Америка, Англия и Россия — три великие державы современности, и пока они следуют своей нынешней политике, до тех пор будущее мира принадлежит им — ибо только в них троих решительно признаны права промышленного развития, личной энергии и прогресса.

---

* Там же, 241.— *Ред.*
** XIII, 237.— *Ред.*
*** XIII, 240.— *Ред.*
**** Да здравствует свобода!» (*франц.*).
***** XIII, 251.— *Ред.*

ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОГО ПОСЕТИТЕЛЯ ГЕРЦЕНА

Сообщение В. А. Черных

Сохранилось немало мемуарных свидетельств современников о их встречах и беседах с Герценом. Дневниковыми же записями посетителей Герцена мы почти не располагаем. Это обстоятельство должно было бы привлечь особое внимание исследователей к одному интересному документу из «Собрания воспоминаний и дневников» в *ЦГАЛИ* * — дневнику неизвестного лица, подробно, день за днем рассказывающего о своей поездке из Одессы к Герцену в Лондон, а затем во Францию и Италию (конец 1858 г.). Однако этого не случилось, и дневник пролежал в архивах почти полвека, всеми забытый. Именно забытый, поскольку назвать его совсем неизвестным нельзя.

В том же архиве ** сохранилась переписка, проливающая некоторый свет на историю дневника. Он был приобретен Литературным музеем в январе 1934 г. у ленинградца С. Г. Романова. Из переписки директора музея В. Д. Бонч-Бруевича с Романовым видно, что Бонч-Бруевичу сообщил об этом дневнике известный ленинградский литературовед Д. П. Якубович. Видно также, что Бонч-Бруевич намеревался опубликовать дневник в «Летописях» Литературного музея с комментариями Романова, который снял для себя копию с дневника и пытался установить личность его автора.

В книге поступлений Литературного музея имеется краткая запись от 17 января 1934 г. под № 1601: «Приобретен дневник неизвестного со сведениями о Герцене. 1858 год. у С. Г. Романова». Однако в каталоге «Герцен, Огарев и их окружение», изданном Литературным музеем в 1940 г., этот дневник упомянут не был и затерялся среди массы неатрибутированных материалов, переданных в 1941 г. из музея в созданный тогда Центральный государственный литературный архив.

При описании «Собрания воспоминаний и дневников» в первые послевоенные годы дневник был охарактеризован очень глухо, без раскрытия его содержания. Имя Герцена в описи упомянуто не было. В результате дневник на долгие годы выпал из поля зрения исследователей-герценоведов. Лишь в 1977 г., при усовершенствовании описи «Собрания воспоминаний и дневников», Е. И. Лямкина обратила внимание на этот дневник и отметила в описи, что в нем говорится о Герцене.

Дневник представляет собой тетрадь обычного формата в черном картонном тисненом переплете. Посредине первого листа написано: «Дневник». Остальные шестьдесят восемь листов исписаны полностью с обеих сторон мелким и беглым, но довольно разборчивым почерком, чернилами, почти без помарок и исправлений. По-видимому, это перебеленный автором текст путевых записок.

На обоих форзацах переплета одинаковая помета выцветшими чернилами: *Р4ч*. Можно полагать, что это шифр какой-то, скорее всего личной, библиотеки.

* * *

Дневник начинается записью:

«*1858 года* 15/27 октября, продолжение.— Стамбул с своим мильоном жителей за нами. Два часа еще после снятия с якоря Константинополь рисовался перед нами, наконец скрылся за Принцевы острова и только показывал нам Сераскир-башню».

Эта запись свидетельствует, в частности, о том, что дошедшей до нас тетради дневника предшествовала по меньшей мере еще одна тетрадь, нам не известная.

---

* Ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 339.

** Фонд Государственного литературного музея, № 612, оп. 1, ед. хр. 1933.

Из дальнейших записей, которые велись аккуратно каждый день, становится ясно, что автор дневника плывет на пароходе «Колхида» из Одессы в Марсель. Упоминается капитан парохода Григорий Антонович Кутитонский (автор называет его по-военному «командиром»), члены экипажа и пассажиры. Эти сведения легко поддаются проверке. В газете «Одесский вестник», № 114, от 11 октября 1858 г. помещено следующее объявление: «11-го сего октября пароход Русского общества пароходства и торговли «Колхида», капитан Кутитонский, отойдет в Марсель». В следующем номере газеты, от 14 октября, сообщается: «Отправились: пароход Русского общества «Колхида», капитан Кутитонский, в Марсель с грузом хлеба и 55 пассажирами».

Автор путешествует с сестрой Сашей, вместе с ними едут Дмитрий Степанович Акимов с женой (урожденной Кумани), Дмитрий Степанович Витвицкий, доктор Савичевский и агент Русского общества пароходства и торговли в Триесте Павлов.

27 октября * «Колхида» бросает якорь в Никомидии, на следующий день проходит Дарданеллы, 31 октября останавливается в Смирне (Измире), 4 ноября прибывает в Пирей. Автор подробно описывает достопримечательности турецких и греческих портовых городов, быт населения. Особенно подробно, со знанием дела, описываются крепости и пушки. Невольно возникает мысль — не артиллерист ли он? Мельком касается автор и политических событий. В Смирне «кирпичные казармы в стиле Николá» напоминают ему «матушку Россию, стенающую под казарменным гнетом ныне царствующего дома». «Захотелось мне вернуться на родину,— записывает он дальше,— захотелось увидеть всех близких моему сердцу, и увидеть именно в церкви,— какое странное желание во мне, неверующем?!»

В тот же вечер 31 октября автор делает знаменательную запись: «Акимовы предлагают нам съездить из Марселя вместе в Париж, я поблагодарил. Я-таки непременно хотел побывать в Париже, но теперь у меня созрел план обширнее. Теперь я могу очень легко оставить Сашу на руках Акимовых, а сам поеду в Лондон, познакомлюсь с бойцом за свободу, с милым А. Герценым, куплю его книги и возвращусь обратно в Париж, откуда уже вместе поеду в Марсель».

Запись 2 ноября заканчивается словами: «В 9 часов разошлись мы по каютам, а я писать кое-что для Герцена».

Перед прибытием в Пирей на «Колхиде» сломался винт. Капитан Кутитонский предложил всем пассажирам пересесть на французский пароход, но автор дневника упросил капитана оставить его с Шурой на «Колхиде». Остались и супруги Акимовы.

В день прибытия «Колхиды» в Пирей ее посетил русский посол в Афинах А. П. Озеров вместе со старшим секретарем посольства А. Г. Кумани — братом Акимовой. На следующий день (5 ноября) на борту «Колхиды» был дан торжественный обед, на котором наряду с русским послом присутствовали греческий министр иностранных дел и другие официальные лица **. Подробно описав этот обед, автор дневника замечает: «Как уехали все эти орангутанги, так и легче стало».

В тот же вечер «Колхида» отправилась дальше. На следующий день в дневнике появилась тревожная запись: «Вчера вечером я узнал, что Нелидов, второй секретарь, говорил о моей поездке в Лондон и о том, что я хочу видеть Герцена; я узнал также, что ему сказала m-me Акимов, при которой я говорил о моем плане. Я ужасно взбесился и сказал ей, что я прошу забывать о мне, когда она говорит с кем-нибудь. За жену вступился муж, но я ему объявил, чтобы он посоветовал жене быть осторожней».

По-видимому, Нелидов не донес об этом по начальству, что позволило автору дневника благополучно съездить в Лондон, а нас лишило возможности установить его имя по документам III Отделения.

9 ноября «Колхида» пришла в Мессину. Автор описывает встречу с офицерами русского военного фрегата «Полкан», незадолго до того прибывшего в Мессину с рейда Рагузы (Дубровника), где он простоял около трех месяцев с орудиями, наведенными на город, демонстративно поддерживая восставших черногорцев.

10—13 ноября «Колхида» при жестоком шторме проходила вдоль побережья Италии. Автор записал в дневнике: «Акимовы давно помирились со мной, но я не хочу оставлять с ними Сашу мою, пусть и она увидит Лондон с его Хрустальным дворцом и прочими чудесами. К тому же Акимовы еще не решили наверное, едут или нет, а я решил уже тотчас по приезде в Марсель поехать в Париж, а оттоль в Лондон».

---

* Даты здесь и далее приводятся по новому стилю.— *Ред.*

** Это событие нашло отражение в официальном «Отчете Русского общества пароходства и торговли за 1858 г.» (СПб., 1859, с. 7).

ГЕРЦЕН С ДОЧЕРЬМИ НАТАЛЬЕЙ И ОЛЬГОЙ
Фотография. Лондон, конец 1850-х гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

14 ноября «Колхида» пришла в Марсель. Не теряя ни минуты, автор собирается в дальнейший путь. «Жалко офицеров,— записывает он,— но пора сказать «Колхиде» прости 〈. . .〉 Перед отъездом моим с «Колхиды» приехал туда наш генеральный консул Бухарин, я его попросил визировать мне паспорт в Лондон, просил, боясь затруднений, ибо паспорт мне дан в Германию и Италию. Бухарин обещал сделать все, что нужно».

Два дня в Марселе ушли на визирование паспорта, получение денег в банке, осмотр города, посещение театра и казино. Внимательно присматривается автор к быту простого народа и приходит к такому выводу: «Нет, долго и очень долго придется ждать нашему бедному труженику, долго еще он не сравняется с своим западным братом!»

16 ноября автор вместе с сестрой выезжает в Париж и пересаживается там с поезда на поезд; 19 ноября он прибывает в Лондон. На пароходе при переезде через Па-де-Кале у него открылось кровохарканье. На следующий день он записывает: «В 10 часов поехал я к Трюбнеру, отобрал книги, взял адрес Герцена и, взяв с собой комиссионера, поехал в Патне. В Патне надо ехать по железной дороге, оно в трех милях от Лондона; это очень живописное маленькое местечко. Герцена не было дома, и я видел только его дочерей, одной около тринадцати, другой около пяти лет. М-me Огарева вышла ко мне и, подтвердив слова старшей дочери Герцена, сказала, что Герцена теперь нет, но что завтра около трех часов он будет дома и будет крайне досадовать, если не увидится со мной. Я обещал быть завтра».

Название небольшого городка в окрестностях Лондона, где с сентября 1856 г. до конца ноября 1858 г. жил Герцен,— Putney; автор со слуха транскрибировал *Пáтне*. Герцен называл и писал *Путней*. Это написание принято и в современной советской литературе о Герцене.

Возраст старшей дочери Герцена — Таты — автор определил довольно точно, а в отношении младшей — Ольги — сильно ошибся: как раз в день его визита ей исполнилось восемь лет.

Н. А. Огарева предложила автору встретиться с Герценом в обычные приемные часы. 18 сентября 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Количество русских таково, что я, наконец, должен был назначить два дня в неделю: *середу* и *воскр⟨есенье⟩* в три часа — для любезных незнакомцев» (XXVI, 208). 20 ноября 1858 г. была суббота.

Все эти мелкие подробности свидетельствуют, с одной стороны, о достоверности сведений, сообщаемых автором дневника, с другой — о их непосредственности, неоткорректированности данными, которые можно было бы почерпнуть из позднейшей литературы о Герцене.

Вечером 20 ноября автор посещает музей восковых фигур, оставляя в дневнике подробное его описание. На следующее утро он осматривает Сити, храм св. Павла, стоящий на приколе огромный пароход «Левиафан». «„Левиафан“,— записывает он,— может вместить десять тысяч войска с артиллерией и кавалерией; замечательно, что строитель его, не зная, что́ с ним делать, предлагал русской компании пароходства и торговли купить его. Хорошо бы ходил „Левиафан“ между Одессой и Херсоном!» Затем он посещает в Гринвиче инвалидный дом для моряков.

«Около трех часов вернулись мы в Лондон, и я поскакал на железную дорогу, спеша в Патне. Герцен встретил меня с распростертыми объятиями, долго говорили мы о России, о Александре II.

Лондонские либералы наши в восторге от государя и говорят, что дозволь он вольное книгопечатание, то просили бы позволения возвратиться на родину и прекратили бы пропаганду.

Огарев премилый и любезный человек, Чернецкий — секретарь Герцена, я с ним мало говорил.

Между прочим, я советовал Герцену завести отдельную типографию в Генуе либо где-нибудь на линии нашего пароходного сообщения, дабы легче снабжать Россию книгами.

Я доказал, что если цель Герцена — успех пропаганды, то типография или хотя склад книг вблизи границы крайне полезен.

Герцен ухватился за мою мысль, хочет завтра же переговорить с Трюбнером и устроить сначала склад в Генуе, подвинуть его еще ближе, устроить впоследствии отделение «Колокола» в Константинополе и на берегах Финляндии либо в Швеции, если в Финляндии запретят. Это будет очень умно, ибо главный приток книг в Россию идет через пароходы.

Около семи часов я начал прощаться, ибо хотел сегодня же ехать; климат Лондона мне ужасно вреден. Герцен упросил остаться еще хоть на час, и я уступил.

Россия, Америка, Франция, Англия — все были на сцене, обо всем мы переговорили.

Вдруг звонок, входит доктор королевы, он зашел к Герцену на полчаса, и добрый хозяин просил его осмотреть меня. Долго слушал врач мою грудь, долго смотрел и сказал прямо и решительно: «У вас чахотки нет, но, однако, за весну нельзя ручаться, вы можете и умереть и уцелеть. Одно средство есть жить вам, это остаться навсегда в Италии, доктора же не помогут!»

— Браво! спасибо, доктор,— закричал Герцен,— мы устроим больного в Италии.

Доктор ушел, и Герцен начал просить меня остаться в Генуе заведовать отделением «Колокола» с жалованием три тысячи рублей серебром. Я от души благодарил его, удивлялся, как он предлагает мне такой пост, почти не зная.

— Как не зная? — перебил меня Герцен.— Мы знакомы уже пять часов, а в эти пять часов переговорили столько, сколько и в пять лет трудно переговорить,— это раз; во-вторых, статьи ваши, оставленные вчера, будут служить украшением «Колокола».

— Ну, это слишком! — сказал я.— Благодарю вас, но о предложении надо подумать... Впрочем, нет, решительно отказываюсь, решительно и положительно.

— И слушать не хотим,— ответили Герцен и Огарев,— лучше подумайте. Мы будем ждать хоть год. А как надумаетесь, известите нас, а сами прямо поезжайте в Геную, мы же всегда будем вам рады.

Я оставил свой адрес, Герцен — три своих, и мы простились, сильно обнявшись и прослезившись даже.

Славные люди! Особенно Герцен, я влюблен в него.

Герцен провожал до ворот, еще раз крепко поцеловал и сказал:

— Пишите же к нам, чужим мы вас не считаем, даже и хорошим знакомым нет, вы наш родной по всему.

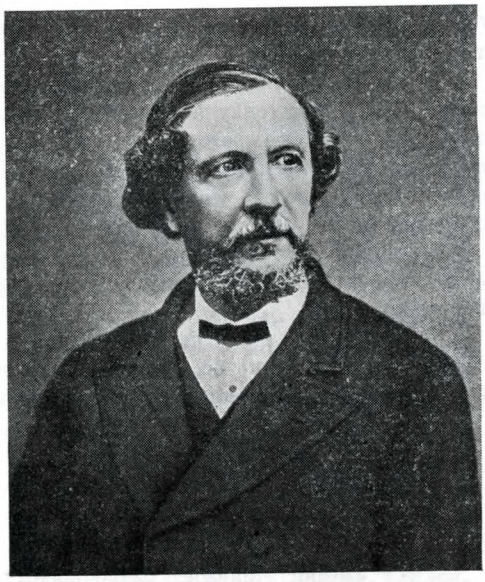
Не поеду сегодня, мне досадно, что не сказал Герцену, что, может, останусь. Он хотел приехать ко мне в Лондон — впрочем, завтра Хрустальный дворец».

Эта дневниковая запись о посещении автором Герцена 21 ноября нуждается в комментарии. Осень 1858 г., когда автор дневника встретился с Герценом, была периодом «апогея» в деятельности Вольной русской типографии и вместе с тем временем значительных либеральных колебаний Герцена, надежд на Александра II как освободителя крестьян в ближайшем будущем.

В л. 27 «Колокола» от 1 ноября 1858 г. Герцен поместил свое «Письмо к императрице Марии Александровне». В том же листе «Колокола» была напечатана статья «Нас упрекают», в которой Герцен писал:

«Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно.

Нас упрекают свирепо красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян» (XIII, 361).



НИКОЛАУС ТРЮБНЕР
Фотография
Из книги: «Trubner's American, European and Oriental Library Record. New Series», v. 5, N 3-4. London, 1884

Мысль о распространении «Колокола» и других своих изданий через итальянские портовые города возникла у Герцена задолго до посещения его автором дневника. Так, 15 февраля 1857 г. Герцен писал в Геную итальянскому революционеру Л. Пьянчани: «Вы могли бы оказать истинно дружескую услугу *мне и услугу делу*. Моему книгопродавцу сообщают, что в Ницце большой спрос на русские книги, однако Висконти ничего мне не написал; нельзя ли заинтересовать редакцию какой-либо дружественной газеты для содействия продаже книг? 〈...〉 Я говорил об этом здесь с нашими общими друзьями и готов отправить один ящик, предоставив в распоряжение редакции, то есть в пользу дела, доход. Для второго ящика я сделаю скидку в 40%, однако не возьму на себя дорожных расходов» (XXVI, 73—74) *. Насколько известно, Генуя ни в то время, ни позже не стала значительным пунктом транспортировки изданий Герцена в Россию.

Упомянутый в дневнике «доктор королевы», по всей вероятности, не кто иной, как французский политический эмигрант А. Девиль, домашний врач Герцена, имевший большую практику в Лондоне (см. о нем в разделе «Герцен и Франция»). Может быть, Герцен в разговоре с автором дневника назвал его в шутку «лейб-медиком», т. е. *своим* «лейб-медиком», а тот счел его лейб-медиком королевы Виктории.

Существенный интерес представляет вопрос о том, какие статьи автора дневника могли, по мнению Герцена, «служить украшением «Колокола»». Учитывая, что постоянным местом жительства (или местом службы) автора был Херсон (это становится ясно из дальнейшего текста дневника), а незадолго до того он, вероятно, был офицером-артиллеристом, можно высказать предположение, что речь здесь идет о трех небольших заметках: «Предостережение», «Правда ли, что в инкерманском сражении...» (XIII, 449) и «Еще раз корнелевское „qu'il mourût!"» (XIV, 60), напечатанных в л. 29 и 32-33 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. и 1 января 1859 г. Судя по стилю, все эти три заметки написаны (или по крайней мере отредактированы) Герценом, но в основу их положены сообщения лица, которым вполне мог быть автор цитируемого дневника.

Осматривая на следующий день после визита к Герцену Хрустальный дворец и памятник участникам сражения под Инкерманом, автор записал: «Памятник Инкерманского сражения, где на пьедестале пушки, бомбы и ядра, красуется на видном месте. Должно полагать, что гордый Альбион забыл первый период боя, до подкрепления, приведенного Боске!» Возможно, автор сам

* Перевод цитируется здесь с необходимыми уточнениями.— *Ред.*

был участником этого боя 5 ноября 1854 г., начавшегося успешно для русских, но окончившегося тяжелым поражением.

Вечером 22 ноября 1858 г. автор дневника выехал из Лондона в Париж, записав на прощание: «Пора, холод гонит да боль груди не дает и любоваться спокойно ⟨...⟩ В Лондоне вольнее дышишь, чувствуешь, что заехал в страну цивилизованную и свободную, никто не спросит ни паспорта, ни кто вы, ни зачем приехали. Лондон есть столица и резиденция либералов, он гостеприимно собирает все уцелевшие осколки революций и не боится волнений. Народ свободен, пока ему ничего больше не надо!»

23 ноября автор вместе с сестрой Сашей приезжает в Париж и с удовлетворением отмечает в дневнике: «Книги все, благодаря холоду, провезли благополучно, а везу я много и себе, и колхидским».

Ночью, при переезде через Па-де-Кале, автор сочинил стихи и записал их в своем дневнике. Стихи эти совершенно беспомощны в поэтическом отношении, однако в них содержатся автобиографические сведения, поэтому придется их здесь частично воспроизвести:

Чрез окошечко каюты
Смотрит месяц на меня.
Не теряя ни минуты,
Спрошу, Настя, про тебя:

«Месяц дивный, месяц ясный,
Что ты видишь с высоты?
На восток ли сладострастный
Иль в Россию смотришь ты?»
. . . . . .

Сильно верил в теток, в деда,
Думал: «Эти за меня!»
Чуть коснулося до дела,
Не поверили в меня.

Киев бросил я родимый,
С тем, чтоб больше не видать,
И на юг, судьбой гонимый,
Поскакал «прости» сказать.

Здесь с улыбкою прелестной
Катя встретила меня,
Звали все ее невестой,
Но... другого! Счастлив я?!
⟨. . . . . .⟩

Как лавина, с гор скатившись,
Говорит: «Пути конец!»,
Так и Настенька, явившись,
Отняла из рук венец.
⟨. . . . . .⟩

Пистолеты я забросил,
Порох, пули — в стороне;
Но мне жаль, что свет не бросил,
Скучно, грустно, тяжко мне!

Мне жениться невозможно.
Средства малы. Нечем жить.
Бросив родину, жить можно,
Но в изгнанье жизнь влачить

Для нее бы было тяжко...
Нет! Довольно мне страдать!
Погрустит она, бедняжка,
Да и влюбится опять!

В Париже автор на этот раз прожил пять дней. Осмотрев в Версальском дворце картины, изображающие события Крымской войны, он записывает: «Сердце обливается кровью, и желчь приливает, видя позор наш увековеченным».

«В Париже везде чувствуешь чисто самодержавье,— пишет он два дня спустя.— Всюду жандармы, полисмены, аресты, запрещенье журналов, ссылки. Ох, уж эти владыки, владыки! Доживут они до великой беды. Мне мнится, что не один из них последует за Людовиком XVI, и как им уроки впрок не идут?!

Целью своей жизни Наполеон III сделал упрочить свою династию на престоле, лишить французов возможности предпринять третью революцию; бывший шулер забыл, что троном своим он обязан второй революции!»

«...Прекрасные мостовые Наполеон III заменил прескверными шоссе, из чистого Парижа сделал он грязный город, по которому невозможно ходить, как в наших уездных городишках: отчего же он сделал это? Все от того же! Из больших камней прежних мостовых друзья свободы очень скоро воздвигали батареи, разбирая мостовые» (л. 46).

«Воздвигали батареи» — это, возможно, описка. Автор, по всей видимости, хотел сказать «баррикады». Причем описка характерная, возможно вновь обличающая в авторе артиллериста.

Далее автор отмечает, что при постройке новых бульваров, пересекающих Париж, «ничего не щадили, ни национальных памятников, ни седин старины, ни права собственности, ни неприкосновенности гробов. Все топчет Бонапарт, и французы молчат!

„Передняя нашла своего барина“ *,— сказал Герцен; это как нельзя больше идет к Франции».

Подводя итог парижским впечатлениям, автор пишет: «Николай был благороднее Наполеона III, он прямо говорил то, что делает, а этот делает вопиющие вещи, поражает самовластием и пишет: „Свобода!“ — потеха просто».

28 ноября автор покинул Париж и к вечеру следующего дня вернулся в Марсель. «Я поскакал в порт. Колхидским очень обрадовался. Акимовы спят по обыкновению. Кутитонский в восторге, что я благополучно провез лондонские книги».

1 декабря он записывает: «Обедали на „Колхиде“. Там же обедал русский путешественник доктор Бажановский; он говорит, что слышал от кого‹-то› из русских во Флоренции, что я там проведу зиму,— странно! Кто бы это мог знать там?»

Вместе с Бажановским автор осматривает Марсель и его окрестности, а затем отправляется в Ниццу. «Еще раз простился с колхидскими,— пишет он 5 декабря,— вручил Витвицкому книги мои и Сашины платья; хорошо, если он доставит все это в Херсон благополучно, как обещает».

Проведя две ночи в дилижансе, автор вместе с сестрой рано утром 7 декабря приехал в Ниццу, принадлежавшую в то время Пьемонту (Сардинскому королевству). В дороге один из спутников настойчиво упрашивал автора... перевести его в русскую армию!

«Просьбы его смешили меня, но он со слезами на глазах просил, чтобы я не смеялся, клялся, что он не шутит. При прощании, давая мне свой адрес, обещал писать мне во Флоренцию, напоминая о своей просьбе,— чудак».

Кем же был или кем представлялся наш путешественник, если к нему могли обращаться с подобными просьбами?

В Ницце было жарко. Автор записывает, что ему пришлось снять фуфайку, «неизменную спутницу мою с самого дня отъезда из Херсона». Очередное упоминание о Херсоне вновь убеждает нас, что постоянным местом жительства (или службы) автора был, по всей вероятности, именно этот губернский город. Однако изучение состава губернских служащих (по «Адрес-календарю»), а также просмотр объявлений о «выезжающих за границу», публиковавшихся в «Херсонских губернских ведомостях» и в «Одесском вестнике», не помогли установить личность автора дневника.

8 декабря он посетил в Ницце оперу и записал в дневнике: «Константин с хорошенькой женкой приехал в театр поздно, и его встретили народным гимном, что ему очень не понравилось, ибо он живет здесь как частный человек, занимая этаж в отеле „Виктория“ ‹...› Адмирал наш живет в отеле, а виллу „Александровка“ занимает Строганов с Марьей Николаевной».

Генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич в это время инспектировал русскую военную флотилию, стоявшую в Виллафранке, неподалеку от Ниццы. Граф Г. А. Строганов (сын новороссийского генерал-губернатора) со своей женой — великой княгиней Марией Николаевной (президентом Академии художеств, дочерью Николая I) — проводили зимний сезон в Ницце.

Порядки в Пьемонте нравятся автору значительно больше, чем в наполеоновской Франции. «Король Пьемонта умный и справедливый,— записывает он.— Он понял потребность века, увидел неестественное положение угнетенных народов и дал свободу своему народу. Здесь ни цензуры, ни тайной полиции, ни жандармов, ни ‹крепостных› крестьян, ни управителей с их бичами и батогами, ни воров-чиновников, ни дураков-сенаторов — ничего нет!»

12 декабря автор встретил в театре знакомых офицеров с фрегата «Полкан», стоящего в Виллафранке. В тот же вечер он побывал на «Полкане»: «Моряки угощали нас чаем, ржаным хлебом русским и истощались в любезности».

«Виллафранка,— записывает он далее,— хороший порт в одном часе езды от Ниццы, там пять наших военных судов. Цель покупки этого порта неизвестна, официально говорят, что для русской компании, но на самом деле, кажется, что-то затевают против Австрии с Сардинией и Францией заодно».

Сардиния (Пьемонт) и Франция в это время действительно готовились к войне с Австрией. Война вспыхнула четыре месяца спустя, однако Россия ни в этой войне, ни в подготовке к ней участия не принимала.

* X, 236.— *Ред.*

«Русских собралось много,— читаем мы дальше.— Знать поехала на корабль, представляться великому князю, а наш брат — на фрегат. На „Полкане", кроме меня и Саши, было до двадцати русских, между ними Мафусаил ⟨18⟩ 25 г. князь Волконский, проживший тридцать один год в снегах Сибири. Я с умилением смотрел на этого интересного старца.

Заботливость князя о маленьком внуке своем показывает, что холод Сибири не охладил его нежного сердца.

Вчера я один пошел смотреть „Риголетто". Волконский вошел после меня и, попросив своего соседа переменить места, уселся рядом со мной ⟨...⟩ Я все время говорил с князем о Сибири, Николае, нынешних реформах etc. Беседуя, коснулись мы Англии, и я сказал, что был в Лондоне.

— Аааа! значит видели? — сказал лаконически Волконский.

— Еще бы! — ответил я, и мы, засмеявшись, пожали друг другу руки, увидя, что одного поля ягоды.

Видно, тридцать один год в Сибири не мог переменить взгляды на вещи князя Волконского, и он в моих глазах еще более выиграл. Волконский сказал мне, что письмо в 29-м номере „Колокола", написанное против Герцена, принадлежит ⟨Б. Н.⟩ Чичерину, другу Константина. Между прочим, Волконский пенял на несоединение русских за границей, и я ему объявил, что если бы не уезжать скоро, то постарался бы вместе с ним устроить клуб русских, это было бы оригинально и мило. А в Ницце подобная мысль очень осуществима, здесь около ста русских семейств, выключая свиту великого князя. Хотелось бы пожить еще здесь, но надо осмотреть Италию, пользуясь тишиною моря, а там, может, и вернусь сюда, кто знает?!

Написал своим, Оресту и Герцену».

Эта запись о встрече автора дневника в Ницце со старым декабристом князем С. Г. Волконским, пожалуй, не менее интересна, чем запись о беседе с Герценом. Мы узнаем, что Волконский, вернувшийся в 1855 г. из Сибири по амнистии и впервые в конце 1858 г. приехавший в Европу, уже в этот период внимательно и благожелательно следил за деятельностью Герцена и даже был осведомлен о том, кто является автором статьи в л. 29 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. Известные до настоящего времени сведения о контактах Герцена и Огарева с Волконским относятся к значительно более позднему времени — весне 1861 г. (см.: «Лит. наследство», т. 63, с. 102—106).

Прожив в Ницце десять дней, автор дневника 16 декабря уехал в Геную. Через два дня туда же пришла «Колхида», и он снова перебрался на пароход. «Кутитонский с братией обрадовался нам,— записывает он 18 декабря.— Рассказам и расспросам не было конца. С негодованием я выслушал рассказ об осмотре „Колхиды" Константином. Вчера утром на раззолоченном ялике он подъехал к пароходу. Кутитонский и строитель „Колхиды" капитан-лейтенант Вейс встретили его.

— У тебя погончики должны быть желтые,— сказал сын Николая (обращаясь к Кутитонскому), а у тебя (обращаясь к Вейсу) — белые!

Озадаченный Кутитонский хотел сказать, что более занимался службой, чем погончиками, но осторожный Вейс, перебив его, сказал: „Живя за границей, мы не имеем, ваше высочество, возможности получать своевременно приказы".

— Ну, циркуляры мои давно вышли об этих изменениях,— сказал Константин.— А это что? — отнесся он к командиру парохода, показывая на выстроенную команду, которая ждала приветствия, ибо привыкла к нему и при Николае!

— Это команда парохода, ваше высочество,— ответил Кутитонский.

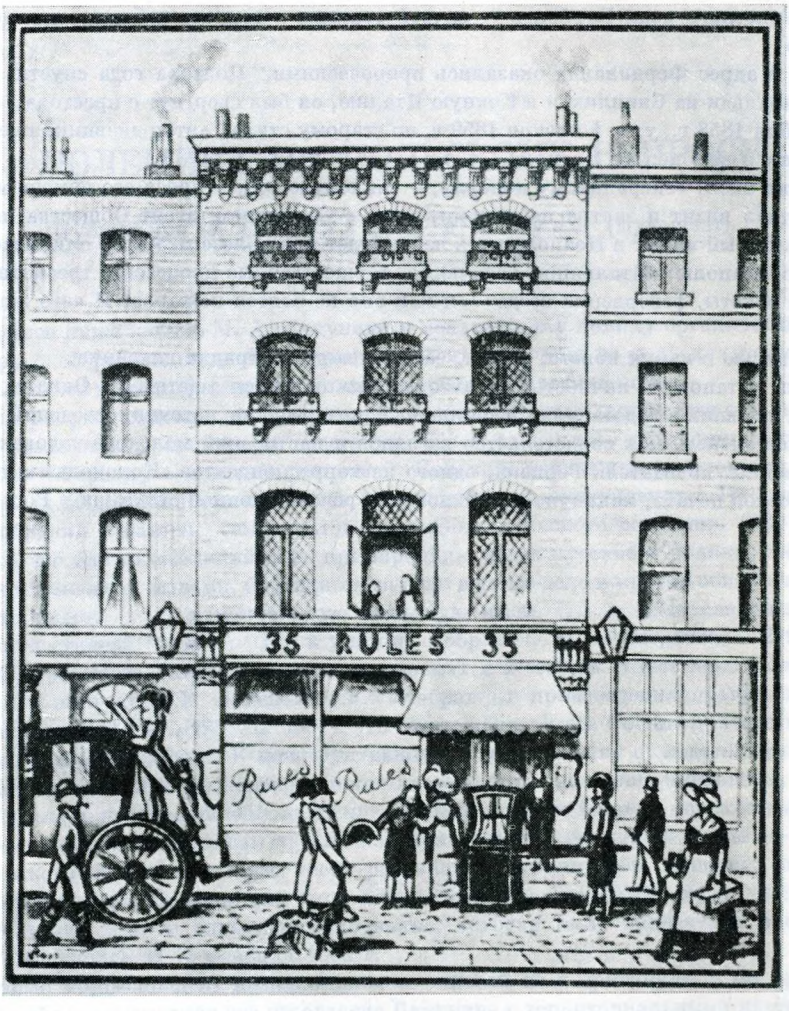
— Как?! Что же это такое? — сказал внук Павла, показывая на синие штаны.

— Это форма Компании, ваше высочество,— сказал, чуть не рассмеявшись, умный Кутитонский.

— Эээ! Штаны должны быть серые, да и кушаков красных не должно быть; мы им наклеим этакой нос! вот этакой! — показал генерал-адмирал, пристав⟨ив⟩ две руки к царственному носу!»

«По-моему, Константин более всех братьев сын Николая,— заключает эту красочную сцену автор дневника,— а либерализм его подделан, и подделан с целью; этот человек — самый опасный враг Александра, самый опасный враг России!»

Этот рассказ об осмотре «Колхиды» великим князем Константином Николаевичем почти текстуально совпадает с заметкой, напечатанной в л. 37 «Колокола» от 1 марта 1858 г. (XIV, 74). По всей вероятности, материалом для заметки послужило сообщение, присланное Герцену автором дневника.



ЛОНДОНСКИЙ РЕСТОРАН «RULES»
В списке почетных посетителей ресторана значится Герцен
Репродукция со старинной гравюры
Архив «Литературного наследства». Москва

19 декабря он отплыл из Генуи на борту «Колхиды» и 23 декабря записал в дневнике: «Вот тебе и на! Ехал в Ливорно, а попал в Мессину, ну что я буду делать здесь? Дело скверное. По выходе из Генуи я слег, на другой день был без чувств. Савичевский остановил начинавшуюся горячку, но на берег в Ливорно меня не хотели отпустить. Кутитонский, Акимовы и Саша пристали, как с ножом к горлу: „Да останьтесь на „Колхиде“! Да поезжайте в Мессину, да оттуда же ближе в Неаполь, да вам нельзя съехать! Да будет хуже!“

„Да отстаньте! — сказал я.— Ну, останусь, коли хотите все“,— и остался на свою пагубу. „Колхида“, бросив меня в Мессине, ушла на родину, и я остался одинок, без возможности скоро достичь Неаполя, ибо пароход идет только через четыре дня...».

В Мессине автор провел целую неделю, познакомился там с агентом Русского общества пароходства и торговли Сотовым и капитаном парохода «Дон» Гайсом.

«Население Неаполитанского королевства,— пишет он 25 декабря,— состоит из трех четвертей духовенства и нищих, т. е. из трех четвертей дармоедов 〈...〉 Буря собирается и разразится страшным взрывом, в котором, наверное, ни один из Фердинандов не уцелеет!!!»

«Ах уж этот Фердинанд, Фердинанд! — записывает он на следующий день.— Доживет он до плохого! Все вооружены против него, и народ, и правительство, и народы! 〈...〉 Как не унич-

тожить ненавистного рода Бурбонов — друзей реакции и врагов свободы, прогресса, счастья подданных!»

Угрозы в адрес Фердинанда оказались пророческими. Полтора года спустя, в результате похода Гарибальди на Сицилию и в Южную Италию, он был свергнут с престола.

20 декабря 1858 г., т. е. 1 января 1859 г. по старому стилю, автор дневника вместе с сестрой Сашей добрался наконец до Неаполя.

«Я сделал визит генеральному консулу,— записывает он,— прося его помочь мне советами, он тотчас отдал визит и завтра познакомит меня с Соломоном (агент Общества пароходства и торговли), который живет в Неаполе пять лет и будет мне полезен». Автор описывает далее свои прогулки по Неаполю: «Итальянцы беснуются, торжественные процессии, трескотня, выстрелы, взлетающие ракеты, фейерверки везде — и как они не боятся пожаров? И чего ждут от Нового года?»

Этой записью в канун нового, 1859 г. заканчивается тетрадка дневника.

Попытки установить личность его автора пока остаются тщетными. Однако, и оставаясь анонимным, дневник представляет несомненный интерес как источник сведений о Герцене и кн. С. Г. Волконском, как свидетельство взглядов и настроений молодого человека, участника Крымской войны, почитателя Герцена, одного из корреспондентов «Колокола» в период апогея Вольной русской печати, накануне возникновения революционной ситуации в России.

ПОЛЕМИКА ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ

Публикация И. С. Миллера и М. Куна (Будапешт)

Публикуемое ниже письмо М. А. Бакунина к неизвестному поляку органически примыкает к полемике русской революционной эмиграции в Лондоне с теми из польских политиков, которые не разделяли ее принципиальных взглядов на русско-польский союз.

Несмотря на расхождение по ряду вопросов, большинство эмигрантов-поляков, принадлежавших к различным фракциям, до восстания 1863 г. относилось к русским изгнанникам — и прежде всего к Герцену — с явной симпатией. Большим уважением пользовался и М. А. Бакунин. Польская общественность не забыла его знаменитого выступления в Париже 29 ноября 1847 г. на собрании в память семнадцатой годовщины польского восстания 1830 г. Тогда он предсказывал, что близок «великий день примирения», когда русские и поляки, «объединенные 〈. . .〉 одними и теми же чувствами, борющиеся за одно и то же дело и против общего врага, будут вправе запеть вместе 〈. . .〉 национальную польскую песнь 〈. . .〉, гимн славянской свободы „Еще польска не сгинела!“» (М. А. Бакунин. Собр. соч., т. III. М., 1935, с. 279). Неудивительно, что в годы, когда Бакунин томился в тюрьмах и в ссылке, о нем тепло вспоминал патриарх польской эмиграции И. Лелевель (см.: «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III. М., 1958, с. 606) и что газета «Demokrata Polski» приветствовала удачный побег Бакунина из Сибири. К конструктивному сотрудничеству с издателями «Колокола» и Бакуниным призывали даже консервативно настроенные польские эмигранты, в большинстве случаев не ставя под сомнение их искреннее желание помочь Польше обрести независимость.

Вот почему резким диссонансом прозвучало присланное в «Колокол» открытое письмо анонимного польского политика в адрес «всех российских публицистов, пишущих о Польше, и прежде всего Бакунина». Поводом для этого полемического выступления была статья Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», которая была напечатана в прибавлении к л. 122-123 «Колокола» от 15 февраля 1862 г.

Неизвестный корреспондент познакомился со статьей не в оригинале, а по французскому переводу *. Особенно возмутило его несогласие Бакунина с территориальными претензиями сторонников восстановления «великой Польши». «Они не удовольствуются одним Царством Польским,— предсказывал Бакунин,— изъявят исторические притязания на Литву, Белоруссию, даже включая Смоленск, на Лифляндию, Курляндию и на всю Украйну, включая Киев...— Я думаю, что поляки делают большую ошибку, ставя вопрос таким образом»,— заключал он.

Бакунин навлек на себя гнев автора письма и советом руководителям польского национально-освободительного движения разрешить не только национальный, но и социальный вопрос путем отказа от «исторического права» и шляхетских привилегий. Автор письма — вольно или невольно — придал противоположный смысл следующему высказыванию Бакунина: «...между Россиею и Польшею должна существовать отныне только одна борьба, борьба притягательной силы той и другой, на живущие между ними народы. Чье духовное обаяние возьмет верх, где народам будет жить привольнее, туда они и пойдут. Итак, весь вопрос о границах возвращается к тому ж: что́ прежде осуществится: *Хлопская Польша* или *Крестьянская Россия*? Дай бог, чтоб они осуществились вместе и чтоб между нами было не Апеллесово и не Павлово, а Христово, т. е. *Общеславянское дело*».

В последних словах — один из основных тезисов не только Бакунина, но и Герцена и Огарева: русско-польский революционный союз, по их мнению, должен был стать основой «вольного единения» всех славянских народов или даже всех наций, живущих на территории Восточной Европы.

* Эта статья Бакунина была издана в виде брошюры в том же 1862 г. под названием «A mes amis russes et polonais». Возможно, однако, что «неизвестный поляк» пользовался не этой брошюрой, а каким-то другим, искаженным переводом — быть может, даже рукописным.

Статья Бакунина обрывается на середине. Вторая часть ее не была напечатана (а может быть, и вообще осталась ненаписанной вследствие несогласия Герцена с ее содержанием). Но о возникших между Герценом и Бакуниным трениях, которые закончились разумным компромиссом и определили их дальнейшие отношения как «дружеское и союзное возле», польский оппонент Бакунина не знал да и не мог знать. Не соглашаясь с выдвинутой Бакуниным на передний план славянской федералистской концепцией, Герцен не заявил об этом печатно, а, получив публикуемое ниже письмо «г. поляка», уже самым отказом напечатать его продемонстрировал своего рода солидарность с Бакуниным. Через несколько дней Бакунин узнал о присылке в редакцию «открытого письма» и попытался урегулировать этот острый спор путем личной переписки, разъясняя попутно свой взгляд на принципиальные вопросы русского революционного движения.

Письмо Бакунина, воспроизводимое нами в русском переводе, отражает его взгляды, сложившиеся к этому времени. В нем особенно обращает на себя внимание реалистическая оценка еще ограниченных возможностей русского революционного движения, так же как сил царизма. Следовательно, перед нами не только «увлекающийся» Бакунин, столь пластично обрисованный в «Былом и думах» (XI, 353—374), но и трезво мыслящий политик. Укажем и на большое сходство между федералистской концепцией Бакунина в его предложении о преобразовании Российской империи и плана, который был разработан Огаревым и пропагандировался им во время первой русской революционной ситуации (1859—1861).

Дошло ли это письмо Бакунина до адресата? Вопрос остается невыясненным. Во всяком случае, пропольская позиция русской революционной эмиграции, о которой «г. поляк» мог судить даже при незнании русского языка по статьям франкоязычной и эмигрантской польской прессы, не изменила его взглядов. Получив от него новое письмо, датированное 28 августа, издатели «Колокола» сочли уже нужным придать полемике публичный характер. Их ответ, написанный в весьма резком тоне («Ответ «г. поляку» на статью и письмо» — «Колокол», л. 144 от 8 сентября 1862 г.), свидетельствует о том, что, хотя Герцен, Огарев и в неменьшей мере Бакунин, с одной стороны, прилагали все старания и усилия для заключения союза с поляками, основанного на равноправии, «на совокупном, братском действии против петербургского деспотизма», они в то же время исключали из рядов своих потенциальных союзников-политиков, раздувающих «чувства племенной ненависти и родственной вражды» (XVI, 243—244).

Письмо печатается впервые по автографу *ГИМ*, ф. 282, ед. хр. 344, л. 53—54 об.

Перевод с французского*:

1 июня 1862 г. Лондон
10, Paddington Green

Милостивый государь,

Произошло явное недоразумение. Герцен, позабывший показать мне письмо, о котором идет речь, был единственной причиной... Впрочем, я на это не сетую, поскольку это предоставило мне возможность возобновить знакомство с вами [1]. Пользуюсь этим, чтоб объясниться по поводу другого недоразумения, более существенного, чем первое, и которое, по-видимому, изрядно пустило корни в отношениях между вашими соотечественниками и мной. С чего вы взяли, будто я хочу свести Польшу к границам королевства 1815 г.? Неужели из моей единственной статьи в «Колоколе»? Но соблаговолите, милостивый государь, перечитать ее, и я ручаюсь, что вы не сможете указать мне ни единого слова в подтверждение вашего обвинения, которое я позволю себе расценить как несправедливое, поскольку твердо уверен в том, что там мною ясно выражено нечто прямо противоположное. В этой статье я лишь оспаривал так называемое историческое право и сделал это из двух важных соображений: признав его, я должен был бы признать прежде всего право Германской империи, или, если вам угодно, Германского союза, на Чешское королевство, так же как право венгров на венгерских славян. Затем я был бы вынужден отказаться от высшего принципа свободы народов, который никогда не должен зависеть от превратностей истории. Свобода во всех

* Перевела Т. Л. Гутман.

ее проявлениях и со всеми ее суровыми последствиями — вот мой и, надеюсь, также ваш лозунг, милостивый государь. То, что области некогда польские, а теперь включенные в состав Российской империи стремятся вновь раствориться в польской централизации, что они возвратятся в нее одна за другой в результате стихийного и свободного волеизъявления населения, как только будет дана свобода действий, мы находим вполне справедливым. Но если они будут принуждены к этому только по той причине, что некогда составляли часть польской короны, — было бы несправедливо, да и не может быть сделано. Таким образом, весь вопрос сводится к следующему: пожелают они или не пожелают? — Для того чтоб они пожелали, отнюдь не достаточно польских чувств (в которых никто не сомневается) мелкого и крупного дворянства, представляющего собою ничтожное меньшинство, едва ли десятую часть всего населения. Нужно еще, чтобы эти чувства разделял народ, хлоп, а на Украине это по меньшей мере весьма сомнительно. Все, следовательно, зависит от того, насколько *шляхта* полна решимости, ценою *больших жертв*, отвоевать симпатии и доверие народа, утраченные ею из-за ее собственных ошибок, от ее *исторических* преступлений. По моему мнению, так же как в России, надо, чтобы польское дворянство стало народом для того, чтобы народ за ним последовал, — это будет, без сомнения, огромная жертва с его стороны, жертва блестящим прошлым, но это явится и началом блестящего будущего. Такова, милостивый государь, единственная в полном смысле слова «chlopska Polska»*, за которую вы меня упрекаете. Но, употребляя этот термин, я не имел в виду ничего другого. Знаете ли вы, милостивый государь, что, если бы мы были врагами вашей родины, как вам это кажется, мы были бы в восторге, видя, как огромное большинство вашего дворянства убаюкивает себя гибельными иллюзиями. Но именно потому, что мы являемся искренними друзьями Польши и хотим видеть ее великой, свободной, могучей, счастливой, мы испытываем еще потребность воскликнуть, подобно императору Александру, но с совершенно иным намерением: «Никаких мечтаний!» [2]

Знаете ли вы, милостивый государь, что поляки и русские, мы находимся в положении не просто различном, но диаметрально противоположном: ваше существование как нации подавляется чудовищным насилием трех иностранных держав, и вы стремитесь, естественно, к восстановлению могучего централизованного Польского государства. Мы же, напротив, в течение полутора веков представляем собою могущественное государство, рабами которого являемся, и мы ненавидим эту централизацию, которая для нас означает рабство. Мы являемся социалистическими жирондистами [3]. Отнюдь не прославляя это чудовищное величие Российской империи, мы стремимся к его радикальному и полному уничтожению. Мы столь же страстно желаем его падения, как и вы сами, настолько мы убеждены, что там, где есть централизация, нет никакой возможности для свободы. Поэтому мы не только с легким сердцем отказываемся от претензий на Литву и Украину, но еще и надеемся, что сама Великороссия преобразуется в федерацию автономных областей. Вы, милостивый государь, впали бы в заблуждение, смешивая нас то с кн. ⟨П. В.⟩ Долгоруким, то с кн. Трубецким, который, по слухам, недавно выпустил брошюру по польскому вопросу [4] и который, впрочем, не что иное, как аристократическое ничтожество без корней и без будущего в нашей стране, тогда как мы, милостивый государь, сознаем, что имеем за собой всю сильную и живую Россию.

И мы обращаемся к вам с чистой совестью, без задних мыслей и без мелочности, и, как я сказал уже, с глубокой симпатией к вашей достойной родине. Мы говорим вам: еще не приспело время созидать будущее, сначала нужно заняться разрушением. Наш общий враг — а это не только император, но и Российская империя — еще не повержен. Он силен, а мы относительно слабы. Объединив наши усилия, мы станем сильнее. И это будет обоюдной ошибкой, если мы не подадим друг другу руки. Но ошибка эта по крайней мере будет совершена не нами,

* «крестьянская Польша» (*польск.*).

А теперь, милостивый государь, еще раз умоляю вас перечитать наши статьи в «Колоколе». Невозможно, чтоб вы не нашли там те же мысли... Мне говорили, что статью перевели на французский язык и что этот перевод находится в Париже [5]. Я был бы вам весьма обязан, милостивый государь, если бы вы соблаговолили прислать мне один экземпляр.

Примите в то же время уверения в моем чувстве симпатии к вам.

М. Бакунин

[1] Упоминание о *возобновлении* знакомства дает основание предполагать, что анонимный польский корреспондент ссылался на свое знакомство с Бакуниным в 1840-х годах.

[2] Бакунин цитирует получившее широкую известность выражение Александра II на приеме представителей польского дворянства в Варшаве, которым он дал понять, что пресечет все попытки поляков осуществить свою национальную независимость (см. XIII, 564).

[3] Имеется в виду противоцентрализаторская позиция жирондистов в годы нарастания Великой французской революции.

[4] Брошюра кн. А. В. Трубецкого «La Pologne n'est pas morte» (P., 1862).

[5] Французский перевод статьи Бакунина был издан в том же 1862 г. в Лейпциге под названием «Моим русским и польским друзьям».

ГЕРЦЕН
И СТАРООБРЯДЦЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПИСЬМО ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА К А. В. НИКИТИНУ

Публикация Л. Ф. Ч а щ и н о й

Публикуя в т. 62 «Литературного наследства» письма В. И. Кельсиева к Герцену и Огареву, П. Г. Рындзюнский отметил, что до нас не дошли письма Кельсиева, посланные в Лондон в конце 1862 и в первой половине 1863 г., а также ответные письма Герцена и Огарева. Публикатор справедливо предположил, что это были письма, наиболее ценные для изучения деятельности революционной эмиграции. Новые материалы, публикуемые ниже, дают возможность в некоторой мере восполнить этот пробел.

25 июля 1864 г. * в Тульче было учреждено русское императорское консульство. Это было предпринято главным образом для пресечения «крамольных» действий в этом районе не только польской эмиграции (как считалось ранее), но и русских революционных деятелей, а также местного старообрядческого и сектантского населения. Об этом свидетельствует сохранившийся проект инструкции, подготовленный Министерством иностранных дел для А. Н. Кудрявцева, назначенного на должность вице-консула в Тульче. Необходимость создания русского консульства объяснялась в этом документе сосредоточением в Добрудже «революционного элемента» в лице польских эмигрантов и русских революционеров, пытавшихся, как отмечается в инструкции, возбудить ненависть добруджанских старообрядцев к царскому правительству и с помощью связей между русскими и заграничными старообрядцами поднять их на восстание. В инструкции отмечалось также, что лондонские революционеры не раз пытались распространять свои воззвания к различным сословиям среди добруджанских старообрядцев и пересылать через их посредство в глубину России. Меры, указанные в инструкции, были направлены на «противодействие учению революционеров» среди старообрядческого населения (см.: *АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. IV-А2, 1864—1868 гг., ед. хр. 10, л. 1—2). Кудрявцев писал в своем донесении от 20 июня 1865 г.: «Со времени учреждения здесь вице-консульства сие последнее преследует мысль вытеснения из Добруджи революционного элемента, в особенности же религиозной пропаганды между раскольниками, кои подстрекаются Герценом, Огаревым и Кельсиевым к заявлению открытым путем гласности перед императорским правительством о даровании России свободы веры и об отделении старообрядческой иерархии от иерархии господствующей церкви» (V-А2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 14).

В 1862—1865 гг. В. И. Кельсиев (в 1863 г. вместе с братом Иваном) занимался активной революционной пропагандой среди старообрядцев. Она включала в себя прежде всего проповедь социального переустройства общества, распространение революционных изданий Вольной русской типографии, устную агитацию, просветительскую работу среди юношества. Кельсиевы намеревались также создать в Добрудже при помощи старообрядцев типографию для печатания агитационной литературы, которая помогала бы «производить волнение в массах» и связала бы старообрядцев с обществом «Земля и воля».

Это входило органичным звеном в общую революционную деятельность Лондонского центра. Не только Огарев (что давно уже известно), но и Герцен оказывал значительное влияние на революционную деятельность братьев Кельсиевых среди старообрядческого населения. Именно это не раз подчеркивает в своих донесениях русский консул в Тульче, сыгравший немалую роль в ликвидации там революционного «агентства». Об этом говорят и факты, сообщавшиеся им в Министерство иностранных дел с места событий.

18 декабря 1865 г. Кудрявцев писал в министерство и русскому посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву, что его тайным агентом после отъезда В. И. Кельсиева из Тульчи было обнаружено *двадцать одно письмо Герцена и Огарева к Кельсиеву*. Эти письма, по словам Кудрявцева, были наполнены инструкциями касательно его деятельности в Константинополе и

---

* Все даты приводятся по старому стилю.— *Ред.*

Тульче (там же, V-А2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 37—38 об.). Кудрявцев сообщал также, что эти письма Герцена и Огарева отосланы им в Константинополь Игнатьеву для отправления в министерство. Однако до сих пор разыскать их не удалось.

Как известно, в Константинополь В. И. Кельсиев прибыл в октябре 1862 г. и жил здесь до декабря 1863 г. В начале декабря он вслед за своим братом Иваном переехал в Тульчу. Письма Герцена и Огарева, судя по донесению Кудрявцева, относились и к константинопольскому, и к тульчинскому периодам жизни братьев Кельсиевых.

Из переписки М. А. Бакунина с польским эмигрантом И. Коссиловским мы узнаем, что уже в октябре 1862 г. (время прибытия В. И. Кельсиева в Константинополь), т. е., по-видимому, еще до получения от него известий, Герцен писал ему в Константинополь. Судя по сообщениям Бакунина, лондонские эмигранты с октября 1862 г. по январь 1863 г. не раз посылали Кельсиеву через Коссиловского письма и пакеты с прокламациями и «Колоколом» для распространения в пограничных районах и внутри России. Посылки отправлялись аккуратно в каждый понедельник и четверг, а письма — почти каждую неделю, но, как видно из последующей переписки с В. И. Кельсиевым, не все из них доходили по назначению («Летописи марксизма», 1928, № 5, с. 59—60).

Кудрявцев утверждал (мы это отмечали выше), что почти все письма Герцена и Огарева к В. И. Кельсиеву содержали инструкции глав «русской заграничной революционной партии». Конечно, нельзя до конца полагаться на свидетельства Кудрявцева относительно этих «инструкций», которые подчеркивают руководящую роль Лондонского центра в деятельности братьев Кельсиевых на территории Европейской Турции. Однако самый факт существования столь обширной переписки в известной мере подтверждает активный интерес Герцена и Огарева к революционно-пропагандистской деятельности Кельсиевых в этом районе Османской империи, и прежде всего среди старообрядческого населения. То же можно сказать и о некоторых конкретных указаниях, данных «лондонскими демократами» В. И. Кельсиеву, на чем останавливается в своем донесении Кудрявцев, сообщающий, что в одном из писем содержатся возражения Огарева на намерения Кельсиева сделаться монахом или поступить в число поклонников одной из сект. «Равно советовалось сему эмигранту,— пишет Кудрявцев,— ехать в Яссы в Мануиловский монастырь и проч.». «Из писем видно,— писал здесь же консул,— что планы были громадны, что действия пропаганды могли разлиться по широкому полю» (*АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. V-А2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 38 об.—39).

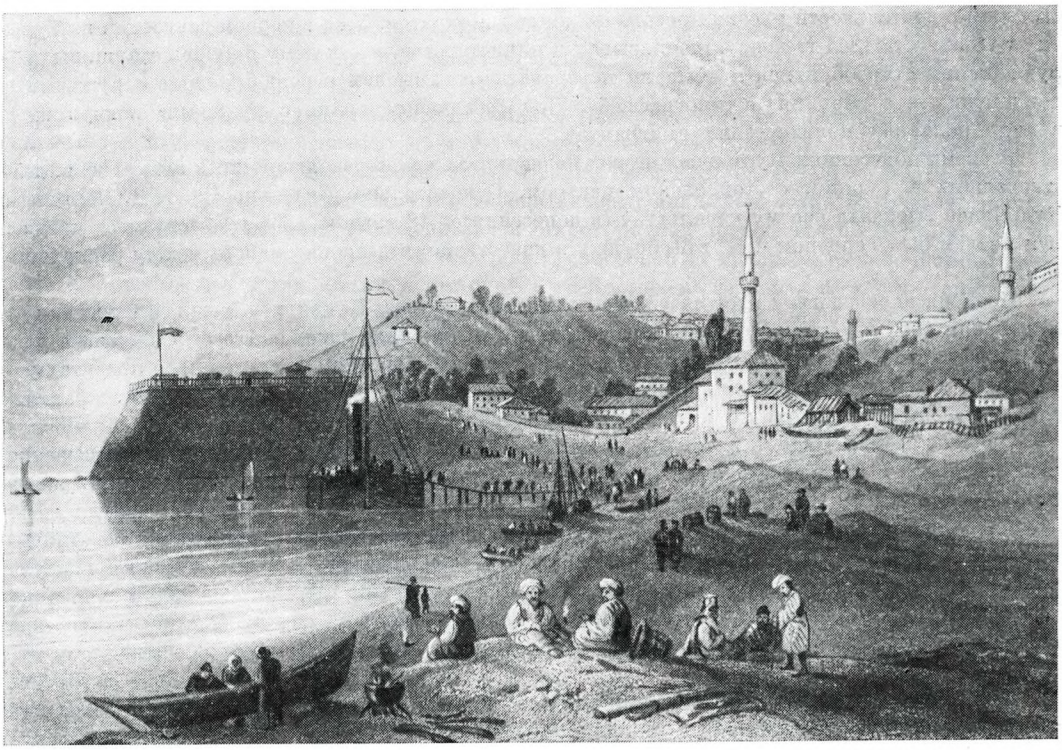
На указании Огарева В. И. Кельсиеву относительно поездки в Яссы следует остановиться особо. Оно связано с устройством в Добрудже типографии. Во второй половине 1863 и в 1864 г. братья Кельсиевы прилагали немало усилий, чтобы создать здесь типографию для печатания как старообрядческой, так и не связанной со старообрядчеством агитационной литературы. С этой целью и, как следует из донесения Кудрявцева, по совету Лондонского центра, В. И. Кельсиев и М. С. Васильев в сентябре 1864 г. выезжали в Яссы. Целью этой поездки, по словам Кудрявцева, должна была стать закупка типографских принадлежностей.

С ясскими старообрядцами «лондонские демократы» завязали переписку еще в 1862 г. Целью этого сближения было получение сведений о притеснительной политике, проводившейся царским правительством по отношению к старообрядцам. Контакты поддерживались главным образом через ясского купца-старообрядца В. В. Фомина. В дальнейшем контакты эти углубились. Фомин принимал участие в распространении лондонской нелегальной литературы. В декабре 1865 г. им были переправлены в Россию экземпляры «Колокола», «Общего веча» и др. издания (см.: Н. И. Субботин. Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1866, с. 154—156).

Об участии Герцена в пропагандистской кампании среди старообрядческого и сектантского населения Добруджи свидетельствует публикуемое ниже письмо от 29 июня 1863 г., подписанное Герценом и Огаревым, к купцу из Тульчи и руководителю местной секты молокан А. В. Никитину.

Из донесения Кудрявцева от 18 декабря 1865 г. мы узнаем, что купцу Никитину через французское агентство «присылались неоднократно от Герцена пакеты с прокламациями» (*АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. V-А2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 41—41 об.). При этом Кудрявцев указывал, что, по сведениям, собранным его тайными агентами, и по свидетельству самого Никитина, последний не согласился на предложение Герцена и Огарева и в дальнейшем присылаемые на его имя прокламации не принимал. Насколько это соответствовало фактическому положению дел, установить нам не удалось.

На основании письма И. И. Кельсиева к Герцену и Огареву из Тульчи, датированного нояб-



В ДОБРУДЖЕ

Гравюра по рисунку У. Бартлета. 1840-е гг.

Из книги: W. Beattie. Danube illustré, Paris, s. a.

рем — началом декабря 1863 г. (т. е. написанному через полгода после публикуемого письма), можно предположить, что лондонские эмигранты просили его сообщить им сведения о Никитине. Для чего им понадобилась эта справка, неясно. В ответном письме И. И. Кельсиев дал подробную характеристику Никитину, указывая, что «он искренно сочувствует нашему делу, особенно нашему учению о нераздельности и неотчуждаемости земли». В то же время Кельсиев предупреждал, что для них «он мало может быть полезен» и что он, Кельсиев, «почти ничего не сделал с ним». В том же письме Кельсиев, впрочем, сообщал, что Никитин рекомендовал ему одного старообрядца, который, судя по характеристике тульчинского купца, «очень интересуется нашей пропагандой» («Лит. наследство», т. 62, с. 240, 246).

Кудрявцев контролировал все действия революционных демократов, связанные с их пропагандой среди местного населения. Попытка эмигрантов устроить в Добрудже типографию вызвала следующее донесение в Министерство иностранных дел от 24 сентября 1864 г.: «Кельсиев и К° в Тульче — все равно что Герцен и К° в Лондоне. Императорскому правительству известно, сколько причинено зла пером и желчью Лондона. Подобному злу начинают строить фундамент в Тульче. Лондон далеко от России, Тульча близка. Зло здесь в будущем может пустить самые длинные, громадные, самые вредные корни среди невежественного и суеверного народа. Пресечь его в его возрождении, не дать пути и времени его развитию — вот задача, долженствующая в настоящем быть рассмотрена, обсуждена и решена. При учении Кельсиева и К°, при введении в действие типографии, что же случится? Здешнее бюро, подобно лондонскому, будет с каждою почтою получать пакеты с документами, с кривыми показаниями и доносами, с описанием вымышленных притеснений, гонений. В свою очередь, оно найдет средство перевозить различными путями отпечатанные листки и распространять даже словесно свое учение» (*АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. V-А2, 1864 г., ед. хр. 947, л. 39—40а).

Сразу же после образования в Тульче русского вице-консульства Кудрявцев установил контакты с верхушкой местных старообрядцев. Одной из главных целей этих контактов был сбор

сведений о деятельности русских революционных демократов. Уже в первом донесении из Тульчи от 18 августа 1864 г. консул докладывал в министерство, что к нему явились старшины добруджанских старообрядцев и обещали передавать «о замыслах революционеров с ружьями и лондонских — с перьями и типографией». Под «революционерами с ружьями» консул имел в виду польских политических эмигрантов.

В своих донесениях Кудрявцев не раз подчеркивал связь революционных эмигрантов, действовавших в Турции, с Лондонским центром. Относительно деятельности В. И. Кельсиева Кудрявцев высказал своему начальству (в донесении от 18 августа 1864 г.) следующее мнение: «Он послан был Герценом и К° в Добруджу в качестве агента-пропагандиста между раскольниками».

Подводя впоследствии итог своей деятельности в Тульче, Кудрявцев писал в донесении от 18 декабря 1865 г., что со времени образования русского вице-консульства он «доносил о русском эмигранте Кельсиеве, о проектах и сообществе его с Герценом и Огаревым, о проектах учреждения в Тульче типографии, учреждения русской колонии, установления тайного правильного сообщения сей колонии с нашей империей» (1865 г., ед. хр. 948, л. 38).

С целью дезинформации властей Кельсиев оставил у Кудрявцева при очередном посещении свой «журнал» с биографическими данными живших в Добрудже революционных эмигрантов М. С. Васильева, П. И. Краснопевцева, П. Ф. Сливовского *. В нем, как писал Кудрявцев, Кельсиев специально «представил себя и товарищей своих врагами революционной пропаганды» (там же, л. 56—56 об.). С помощью «журнала» Кельсиев пытался убедить русского консула в том, что задача приехавших сюда революционных эмигрантов «состоит исключительно в добыче себе средств существования, во взаимном застраховании на случай болезни или потери работы и во взаимной помощи к дальнейшему умственному и нравственному развитию» (там же, л. 62).

Однако, несмотря на составление эмигрантами формального акта, в котором они отрекались от всяких политических действий и уверяли русского консула, что они отошли от политической борьбы, Кудрявцев высказал перед правительством опасения по поводу создающейся в Тульче гимназии. В очередном донесении от 25 ноября 1864 г., он писал, что «типография и гимназия равно не могут быть терпимы императорским правительством». По мнению Кудрявцева, программа обучения, которую предлагали использовать тульчинские эмигранты в своей преподавательской деятельности, составлена была Герценом и Огаревым. Перед местными властями Кудрявцев высказал мнение, что учреждение здесь гимназии такими лицами, как Кельсиев и его сообщники, было бы вредно для здешнего юношества. Профессора, заявлял он, проповедующие с кафедры свободу, независимость, необузданную волю и полное равенство, приготовят учеников к неповиновению закону и порядку и разовьют у них революционные начала, которые всегда имеют последствием открытый мятеж и возмущение (там же, л. 47—49 об.). Русскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву Кудрявцев писал о необходимости добиться у Порты «самого строгого и неуклонного предписания здешнему начальству о запрещении Василию Кельсиеву и прочим агитаторам открыть в Тульче гимназию» (там же, л. 50). В свою очередь, министерство в ответ на донесения Кудрявцева предписывало Игнатьеву принять меры, препятствующие учреждению гимназии (там же, л. 47).

В результате гимназия так и не была создана. Нищета и эпидемия тифа, как видно, были не главными причинами неудачи. Деятельность в Тульче русского консула, добившегося распоряжения местных турецких властей о «недозволении образования гимназии», сделала эту идею неосуществимой. В донесении от 21 декабря 1864 г. Кудрявцев сообщал: «Проект учреждения здешними эмигрантами гимназии и самая артель уже более не существуют. Безденежность, с одной стороны, и недозволение губернатора — с другой, воспрепятствовали осуществлению проекта гимназии» (там же, л. 63).

В дальнейшем русская и местная администрация продолжали препятствовать деятельности в Добрудже революционных эмигрантов, лишая их всякой возможности что-нибудь заработать, не говоря уже о занятии общественной деятельностью. В апреле 1865 г. Кельсиев покидает Тульчу. «Из донесений моих видно,— сообщал Кудрявцев в министерство 25 июля 1865 г.,— какую долю принимало вверенное управлению моему вице-консульство в разрушении всех действий, планов и предположений Василия Кельсиева. Обессиленный борьбой, побежденный,

* «Журнал» В. И. Кельсиева пока не обнаружен исследователями. В донесении Кудрявцева от 17 декабря 1864 г. имеются подробные выписки, сделанные его рукой (*АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. V-А2, 1864 г., ед. хр. 947, л. 57—62 об.).

ненавидимый всеми без исключения, он оставил Тульчу 27 апреля 1865 г. и поехал вместе с семейством своим в Галац, а оттуда, как кажется, в Прагу или в другую часть Европы» (там же, 1865 г., ед. хр. 948, л. 23).

Спад революционного движения, репрессивные меры русского и турецкого правительств в значительной степени определили неуспех пропагандистской деятельности революционных демократов среди старообрядческого населения Европейской Турции. Не могла иметь успеха и попытка Лондонского центра привлечь к освободительному движению старообрядческие массы.

Революционные демократы выделяли среди старообрядцев прежде всего крестьян, считая их наиболее активной частью русского населения, способной поддержать революционное движение. Старообрядцев пограничных территорий Юго-Восточной Европы, имевших тесные контакты с единоверцами в России, зарубежный центр русских революционных демократов пытался использовать для пропаганды среди русского населения идей вооруженного военно-крестьянского восстания, а также для транспортировки и распространения нелегальной литературы. Однако к середине XIX в. старообрядческое движение постепенно утрачивает характер социального протеста. В прилегающих же к границе зарубежных территориях — австрийской Буковине, Дунайских княжествах, Османской империи — старообрядцы были наделены более значительными привилегиями. Поэтому их классовое сопротивление было еще слабее, чем в России, и усиливалось лишь тогда, когда возникала угроза утраты этих политических и экономических привилегий. В этом случае зарубежные старообрядцы оказывали сопротивление не только административным мерам своих правительств, но и буржуазно-демократическим преобразованиям (революции 1848 г. в Австрии) или даже революционным мероприятиям, если они лишали их прежних льгот и привилегий и не приносили им никаких выгод. К тому же зарубежные старообрядцы-крестьяне не испытывали на себе тяжести крепостничества, как крестьянское население России. Религиозный фанатизм также притуплял их социальное самосознание.

Далее приводится текст письма Герцена и Огарева к А. В. Никитину:

〈Лондон.〉 29 июня 1863 г.

Милостивый государь Алексей Васильевич,

по совету Осипа Семеновича [1] обращаюсь к вам с предложением о книжной торговле лондонскими изданиями. Если вы имеете в России людей, способных вести торговлю эту, дайте, тем будет лучше, ибо тем больше будет сбыту.

Условия же наши таковы:

1. С книг, изданных Трюбнером, уступки против означенной на книгах цены 33 процента.
2. С книг, изданных собственно нами, уступки 40%.
3. С «Колокола» и «Общего веча» уступки 45%.
4. Провоз на ваш счет.
5. Деньги за книги и «Колокол» вы нам будете высылать сроками от получения через три месяца, если возможно, и не далее как через шесть месяцев.
6. Роспись книгам при сем прилагаю, и какие книги и по сколько экземпляров вам будет угодно — мы немедленно по вашему требованию и вышлем. Если вы эту торговлю, для общего дела полезную, найдете для себя выгодной, благоволите дать знать, с какими пароходами высылать требуемые книги, чтобы и провоз был дешев и верен. Будем ожидать вашего ответа.

Надеясь на ваше дружеское расположение с истинным почтением честь имеем быть

А. Герцен
Н. Огарев *

Адрес: London, S. Thorzewskj, esq〈uire〉, Mansfield Shore, Soho.
Для передачи А. Г〈ерцену〉 [2]

АВПР, ф. СПб. Гл. арх. V-А2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 40—40 об.

---

* Обе подписи сделаны рукой Герцена.— *Ред.*

[1] *О. С. Гончаров*, о котором см. подробно в «Лит. наследстве», т. 62, с. 70—78.

[2] 25 июля 1865 г. Кудрявцев сообщал в Министерство иностранных дел: «Агент тульчинской конторы „Messagerie impériale" принес мне на днях для прочтения письмецо, полученное им из Женевы от Огарева с приложенным к нему письмом на имя Василия Кельсиева».

Далее Кудрявцев приводит скопированный им текст записки Огарева, адресованной агенту Messagerie impériale (Императорской конторы дилижансов), и текст его письма к В. И. Кельсиеву и его жене от 3 июля 1865 г. с припиской Герцена (XXVIII, 87). Вот текст записки Огарева, до сих пор остававшейся неизвестной (*АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. V-А2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 848, л. 18—18 об.):

Genève. Route de Chêne
Château Boissière, le 3 juillet ‹1865›

Monsieur,

De grâce, remettez cette lettre à m-r ou m-me Kelsieff ou bien s'il lui est arrivé quelque chose, informez-moi à l'adresse ci-dessus mentionnée. Vous me rendrez un bien grand service. Agréez la haute estime de votre tout devoué

N. Ogareff

Перевод:

Женева. Route de Chêne.
Замок Буасьер, 3 июля ‹1865 г.›

Милостивый государь,

Пожалуйста, передайте это письмо г-ну или г-же Кельсиевой или же, если с ним что-нибудь случилось, сообщите мне об этом по вышеназванному адресу. Вы мне окажете очень большую услугу. Примите выражение высочайшего почтения от всецело преданного вам

Н. Огарева*

* Перевод Л. Р. Ланского.

«КОЛОКОЛ» В ЖЕНЕВЕ

Сообщение И. И. Сиволап-Кафтановой

Весной 1865 г. издание газеты Герцена и Огарева было, как известно, перенесено из Лондона на континент. Герцен поселился в Женеве 17 апреля 1865 г. и сразу же возбудил ходатайство перед городской администрацией о разрешении печатать там «Колокол». Оказалось, что такого рода разрешения давались далеко не всем и не всегда. Возникали сложности политического характера — Франция, Австрия, Пруссия и другие монархические государства зорко следили за деятельностью «беглецов» на территории Швейцарии и время от времени предъявляли этой маленькой республиканской стране грозные ультиматумы. И федеральное правительство, и правительства кантонов часто и не без основания трепетали, опасаясь французских полицейских и пограничных властей. О том, как беспокойно чувствовали себя революционные эмигранты в Женеве даже в дни правления Дж. Фази и как грубо нарушались «старинные права убежища», впечатляюще рассказано в «Былом и думах» (X, 94—110). Швейцарские власти, кроме того, при формальной легкости выдачи разрешений на издание печатного органа очень осторожно взвешивали не только политические, но и финансово-деловые возможности издателей будущих органов печати. Герцен, близкий знакомый Фази и друг К. Фогта, не нуждался в рекомендациях — он был широко известен в Женеве еще с 1849 г. как политический деятель и как человек, бесспорно платежеспособный. Швейцарский гражданин с 1851 г., Герцен не должен был представлять поручительства от местных жителей и имел право возглавлять свою газету и быть ее «ответственным издателем». Но и Герцену пришлось приложить немало усилий, чтоб «освежить» свои женевские связи и получить согласие администрации на издание «Колокола». Не все необходимые документы находились у него на руках. 27 апреля он сообщал в письме к Фогту, что швейцарские власти настойчиво требуют от него свидетельства о его натурализации, а также рекомендации для полицейских органов. Швейцарской «свободе» здесь снова досталось от Герцена (XXVIII, 69—70).

Таким образом, у гражданина Швейцарии получение формального права проживать в Женевском кантоне и заниматься издательской деятельностью отняло достаточно времени. 12 мая Герцен отмечал в одном из своих писем: «Типография наша устанавливается очень медленно» (XXVIII, 73). Только в 20-х числах мая все было окончательно улажено.

В Городском архиве Женевы (здание Ратуши) (Archives d'Etat de Genève. «Chancellerie. B.1-bis, Régistre de la presse») сохранилась скромная тетрадь, в которой фиксировались все выданные администрацией города разрешения на издание органов печати *. Среди них и следующая стереотипная запись чиновника, узаконившая право на издание «Колокола» и завершающаяся стремительной подписью Герцена (перевод с французского):

«Сегодня 26 мая 1865 г. явившийся г. Александр Герцен, гражданин Фрибурга, проживающий в Женеве, с разрешением на жительство № 13460, объявил себя ответственным издателем политической газеты на русском языке «Колокол» (*«Cloche»*), которая будет появляться два раза в месяц и два экземпляра которой, согласно закону от 2 мая 1827 г., будет представляться в канцелярию до публикации всего тиража.

Вышеназванная газета будет печататься на частных станках *Герцена*.

В удостоверение чего г. Герцен подписал данное заявление с нами — канцлером Республики и Женевского кантона числа, месяца и года, обозначенного выше.

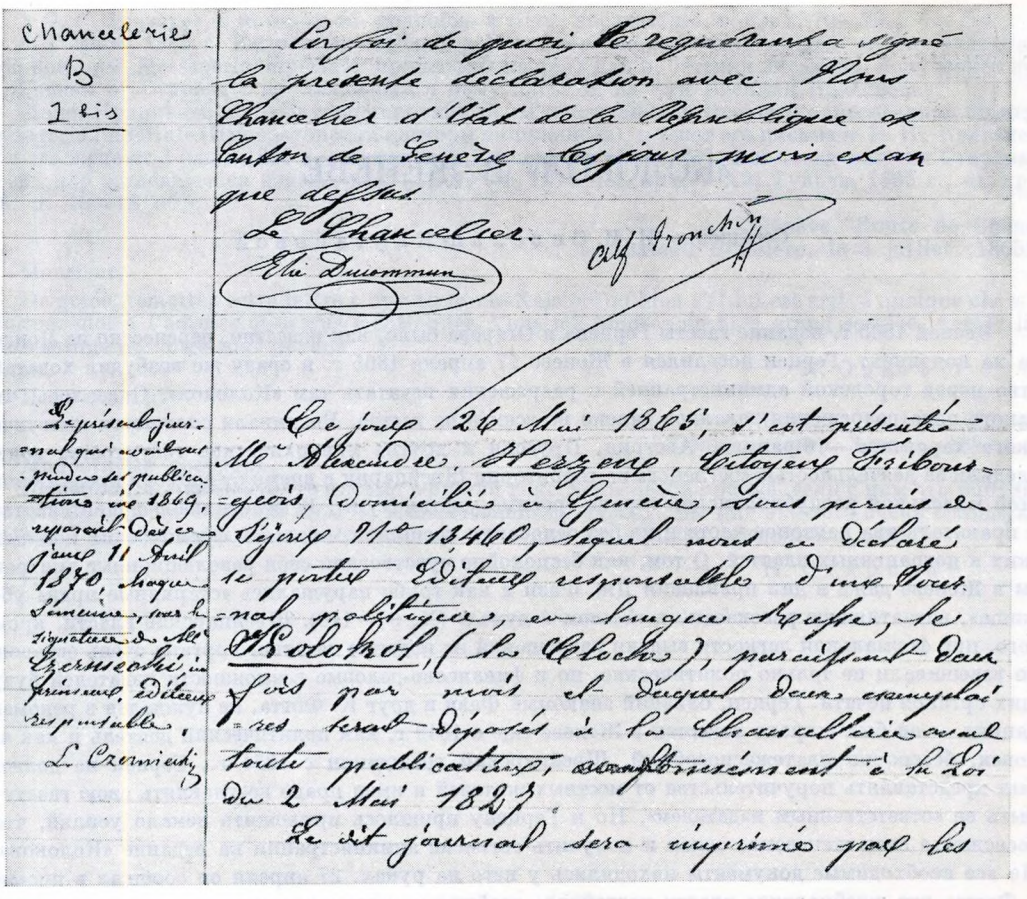
Канцлер Эли Дюкоман Александр Герцен **»

---

* Приношу живейшую благодарность бывшему директору Женевского муниципального архива г. В. Цурбухену за предоставленную мне возможность ознакомиться с этим документом.

** Привожу текст этой записи в подлиннике:

«Ce jour 26 mai 1865, s'est présenté m-r Alexandre *Herzen*, citoyen Fribourgeois, domicilié à Genève, sous permis de séjours N 13460, lequel nous a déclaré se porter éditeur responsable d'un



ЗАПИСЬ ОБ ИЗДАНИИ «КОЛОКОЛА» 26 МАЯ 1865 г.
Регистрационная книга Женевского муниципалитета
Архив Женевского муниципалитета

Подписавший этот документ Э. Дюкоман и тогда, и позднее был широко известен в радикальных кругах не только Женевы, но всей Швейцарии. В 1862 г. он был избран депутатом Большого совета Женевы, в котором оставался до конца 1865 г. В Женевском муниципалитете на него как на государственного канцлера были возложены дела, связанные с юстицией. Интересно отметить, что в августе 1864 г., за восемь месяцев до переезда Герцена в Женеву, Дюкоман сблизился с Ф. Лассалем и даже безотлучно находился при нем после смертельного ранения на дуэли. Вместе с И. Ф. Беккером, близким другом К. Маркса, Дюкоман выступил на панихиде Лассаля. Вероятно, и с Герценом у него установились более или менее тесные дружеские отношения. Его брат, Ж. С. Дюкоман, также был популярен в Швейцарии. Вместе с Г. Оттингером он являлся владельцем типографии, в которой в 1866 г. были напечатаны протоколы Женевского конгресса I Интернационала *.

---

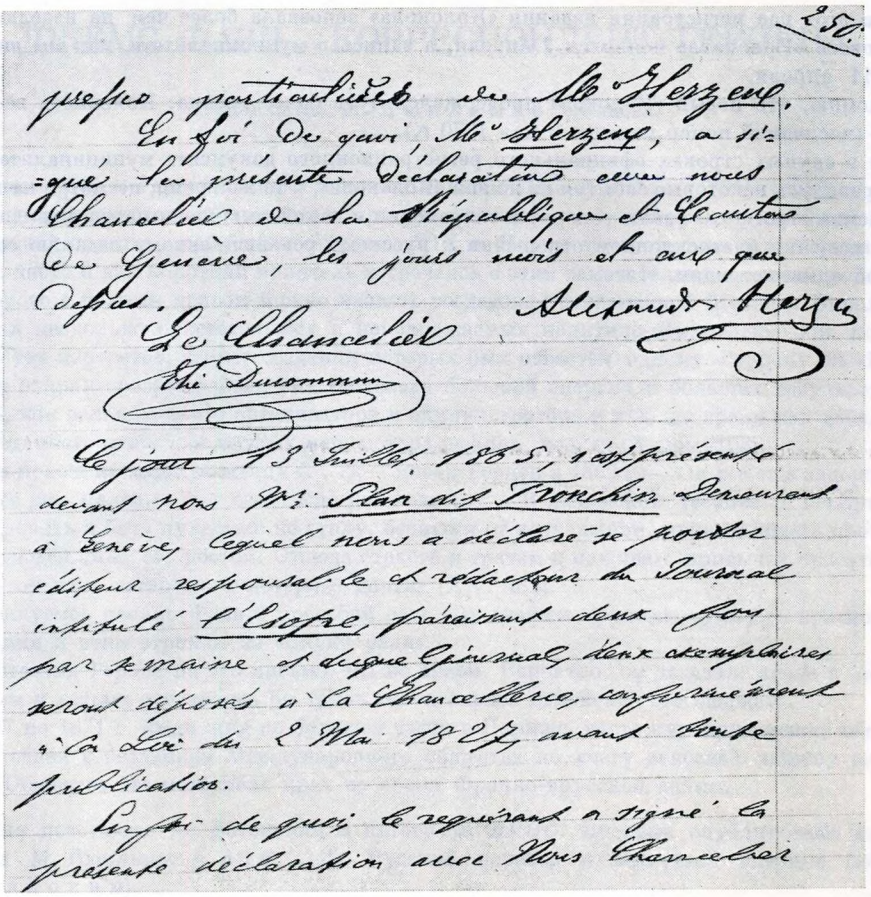
journal politique, en langue russe le *Kolokol* (la *Cloche*), paraitrant deux fois par mois et duquel deux exemplaires seront déposés a la Chancellerie avant toute publication, conformément à la Loi du 2 mai 1827.

Le dit journal sera imprimé par les presses particulières de m-r *Herzen*.

En foi de quoi, m-r *Herzen*, a signé la présente déclaration avec nous, chancelier de la République et Canton de Genève, les jours, mois et an que dessus.

Le Chancelier Elie Ducommun Alexandre Herzen»

* См.: M. E. Compagnon. Le duel et la mort de F. Lassalle («Revue d'Histoire Suisse», t. XXI, 1941, p. 93, 105); James Guillaume. L'Internationale, t. I (1864—1872). Genève, 1980, p. 4.



ЗАПИСЬ ОБ ИЗДАНИИ «КОЛОКОЛА» (продолжение)
Регистрационная книга Женевского муниципалитета. Подпись — автограф Герцена.
Архив Женевского муниципалитета

Итак, получив все необходимые разрешения, Герцен смог приступить к изданию «Колокола». Первый отпечатанный в Женеве лист датирован 25 мая 1865 г. Значит, либо формальности в муниципалитете были завершены уже после выхода номера, либо — что более вероятно — газета была набрана и отпечатана еще до 25 мая. В № 197 есть обращение редакции, озаглавленное «К нашим читателям», где сказано: «Мы перевезли станок наш в Швейцарию, „Колокол" с 25 мая будет выходить в Женеве». Значит, число было запланировано заранее, но регистрация издания почему-то задержалась. Лист 198 вышел 15 июня. Потом газету начали выпускать по два раза в месяц — 1 и 15 числа, уже без нарушения сроков, до полного прекращения издания на листе 244-245.

Как известно, весной 1870 г., после смерти Герцена, издание «Колокола» возобновилось уже при новом составе редакции, где заметную роль стал играть С. Г. Нечаев.

Это отмечено в той же тетради муниципалитета. На полях приведенного выше текста рукой другого чиновника в апреле 1870 г. была сделана следующая запись: «Настоящая газета, прекратившая издание в 1869 г., возобновляет издание с сегодняшнего дня 11 апреля 1870 г. еженедельно за подписью г. Чернецкого, типографа, ответственного издателя. Л. Чернецкий» *.

* Вот текст этой записи в подлиннике:
«Le présent journal qui avait suspendu ses publications en 1869 paraît dès ce jour 11 avril 1870 chaque semaine sous la signature de m-r Czerniecki, imprimeur, éditeur responsable.
L. Czerniecki».

И на этот раз регистрация издания «Колокола» запоздала более чем на неделю. Первый номер нового «Колокола» появился 2 апреля, а запись в муниципалитете, как мы видели, помечена 11 апреля.

Напомню, что новый «Колокол» продержался чуть более месяца. Появилось всего шесть номеров (последний номер помечен 9 мая 1870 г.).

Так в скупых строках официального регистрационного документа муниципалитета г. Женевы отразились некоторые события из жизни «Колокола»; в то же время, несмотря на известные полицейские строгости, факты говорят о сохранении в какой-то степени патриархальности нравов и о все-таки благосклонном отношении к русскому революционному изданию со стороны городской администрации.

ДЖЕМС ФАЗИ — КОРРЕСПОНДЕНТ ГЕРЦЕНА

Публикация М. В ю и л ь м ь е (Женева)

В начале 1849 г. Герцен познакомился в Париже с Джемсом *Фази* (1794—1878), главой женевского кантонального правительства, оригинальнейшей и, бесспорно, крупнейшей фигурой в швейцарской политической жизни середины XIX в. Лето и осень того же года Герцен прожил в Женеве, часто и как короткий приятель встречаясь с этим замечательным в своем роде человеком, которого с полным правом можно назвать создателем современной Женевы. Впоследствии он написал несколько блистательных и неподражаемых политико-психологических портретов с Фази — тех портретов, секрет создания которых был известен одному Герцену. В «Былом и думах» он охарактеризовал Фази как «человека большой энергии и больших государственных талантов», как великолепного организатора и администратора и в то же время как взбалмошного, необузданного любителя крутых мер, централизации, власти (X, 99—108).

«Фази похож на хищную птицу 〈. . .〉,— писал Герцен в 1869 г.— Он все еще задорен и дерзок, он все еще молод, а ему семьдесят два года 〈. . .〉 В женевской тесноте он испортился — привык кричать и бить кулаками по столу, беситься от возражений, привык видеть против себя и за себя людей ниже его ростом. Отсюда страсть к тратам и наживам, привычка бросать деньги и недостаток их... ажиотаж... потери... долги» (XX, 482).

Публикуемое письмо Фази с просьбой дать ему взаймы крупную сумму — красноречивая иллюстрация к этим строкам из «Скуки ради».

Что ответил Герцен на это письмо, мы не знаем. Вероятно, он отказал: иначе в переписке с Огаревым и детьми отразилось бы такое значительное изменение его бюджета.

С 1867 по 1871 г. Фази жил по большей части в Париже, часто курсируя между обоими городами в связи с созданием Международного общества по учету векселей, обмену валюты и кредиту. Общество это потерпело крах во время Франко-прусской войны.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано на языке оригинала М. Вюильмье в *AAH*, 245. Русский перевод публикуется впервые (выполнен Л. Р. Л а н с к и м).

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

Женева. 10 декабря 1866 г.

Дорогой мой господин Герцен,

В настоящий момент я нахожусь — правда, недолговременно — в серьезном затруднении, истощив свои средства на то, чтобы противостоять преследованиям, замышленным против меня и направляемым партией, которая находится в оппозиции к моей партии; теперь я в безвыходном положении вследствие необходимости уплатить в ближайшие дни шесть тысяч франков — во избежание огромных неприятностей. В такой-то момент приходится думать о своих друзьях, но бедные радикалы бедны; я нахожу среди них только тех, кому небольшими суммами удается набрать для меня три тысячи; мне же надо достать еще 3 тысячи, и я подумал, что вы, быть может, смогли бы оказать мне услугу, ссудив мне столько же на три месяца — тогда-то я окажусь уже в безбедном положении. В этой-то надежде и посылаю я вам при сем письме свой вексель на 3000 фр., со сроком уплаты 15 марта будущего года, по моему парижскому месту жительства. Вы смогли бы передать его вашему банкиру или какому-нибудь дельцу в Париже, ибо оплата будет произведена точно и в срок. Если в данный момент вам показалось бы стеснительным выделить эту сумму, вы могли бы выдать мне просто вексель, а я нашел бы средство его учесть.

Извините мне, дорогой мой господин Герцен, мою нескромность; однако в таком затруднительном положении обращаться можно лишь к своим друзьям, а таковыми мы давно уже являемся.

Благоволите принять выражение моих наилучших чувств.

Джемс Ф а з и

ИЗ «ВЕЧНОГО ИЗГНАНИЯ»

О ПЕРЕНЕСЕНИИ ПРАХА ОГАРЕВА НА РОДИНУ. СТРАНИЦЫ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА 1966 г.

Сообщение С. А. Макашина

...Итак, мы едем в Англию. Мы — это писатель В. Г. Лидин и автор этих строк. Наша миссия — она осуществляется по поручению Союза писателей СССР — принять в Лондоне и Гринвиче участие в церемониях, связанных с перенесением в Советский Союз, в Москву праха Николая Платоновича Огарева. Приговоренный императором Александром II к «вечному изгнанию», он долго жил и умер на чужбине.

Подготовка к этому событию большой исторической поучительности и общественного значения велась долго и в Москве, и в Лондоне. И все же по ряду причин мы опаздывали к последнему из назначенных английскими властями сроков эксгумации. Этим последним сроком было 17 февраля. Но нелетная погода, сильная метель, на двое с половиной суток задерживает нас в Шереметьевском аэропорте.

Мы вылетаем лишь 19 февраля днем. Часа через три наш ТУ-124 проходит над Копенгагеном, пересекает Северное море и, еще находясь над ним, начинает снижение... «Пробиты» один, другой, третий слой облаков, и под нами открывается английская земля. Первое, что сквозь иллюминатор схватывает глаз,— яркая зелень лугов, красные скопления домов, белые полосы морского прибоя — контуры юго-восточной части британского острова...

Вот и бетон лондонского аэродрома Хитроу, говорят, крупнейшего в мире. Выходим. Здесь еще ранний вечер — разница с Москвой во времени три часа. Влажный морской воздух, весеннее небо, тепло, 15°. Нас встречает первый секретарь посольства В. И. Кузнецов. На его машине едем — длинным тоннелем, проложенным подо всем аэродромом,— в город. Останавливаемся в небольшом старинном, очень уютном «Embassy Hotel». Это № 150 по длиннейшей Bayswater Road. Напротив Кенсингтонский сад, сливающийся в единый зеленый массив с Гайд-парком. Наискосок — наше консульство. За первым поворотом — знаменитая Private Road — Частная улица, въезд в которую охраняется привратником в длинном сюртуке и цилиндре. На Private Road находятся посольство СССР и посольства еще доброго десятка стран. Совсем близко от нашего отеля улица Westbourne Terrace. На ней — старинная готическая церковь св. Троицы, а рядом отлично сохранившийся двухэтажный дом с «аттиком». Это Orsett House — один из наиболее известных лондонских адресов Герцена и Огарева. В «Орсетовке» — как на московский лад звал этот дом Герцен — он и Огарев жили в 1860—1863 гг.

На утро следующего, воскресного дня — 20 февраля, хотя это и был нерабочий день, нас приглашает к себе временный поверенный в делах СССР в Великобритании В. М. Васев (посол тов. Смирновский в связи с визитом в нашу страну английского премьер-министра Г. Вильсона только что вылетел в Москву). У него происходит совещание, на котором обсуждается программа предстоящих церемоний. Всеми делами, связанными с выполнением миссии нашей поездки, уже давно занимается второй секретарь посольства, заведующий Консульским отделом С. К. Рощин. Занимается он ими и теперь.

Кроме него, разнообразную помощь и содействие оказывают нам также советник посольства В. Н. Софинский, секретари посольства В. М. Чубаров, В. И. Вощанкин и упомянутый уже В. И. Кузнецов, а также представители советской печати в Лондоне — О. Орестов («Правда»), С. Иванов (ТАСС), Л. Костенко и Н. Яковлева (АПН).

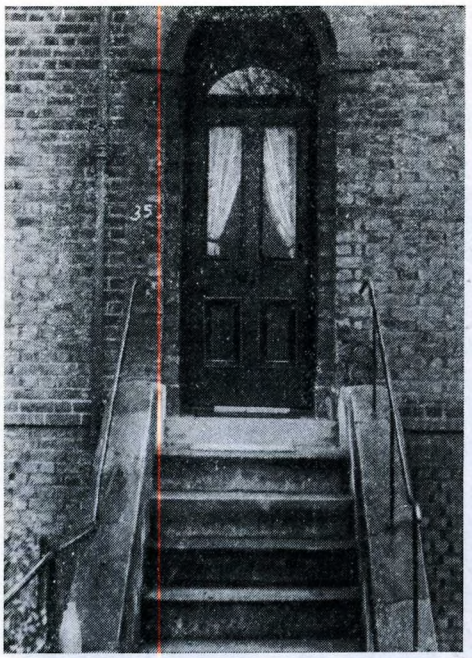
ДОМ, В КОТОРОМ ОГАРЕВ ПРОВЕЛ ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
Гринвич, Ашбёрнем-роуд (плэйс), № 35
Фотография, февраль 1966 г.
Архив «Литературного наследства», Москва

Главная наша забота в первые часы и дни пребывания в Лондоне — удовлетворить поступившие и поступающие от английской прессы, радио и телевидения просьбы снабдить их необходимыми справочными и фотоиллюстративными материалами об Огареве. Пишем небольшие статьи, заметки, тексты информаций. Они тут же переводятся на английский и рассылаются по назначению.

Четверг 24 февраля... День эксгумации и кремации останков Огарева. Все работы и церемонии осуществляются с высокой торжественностью и замечательной организованностью фирмой «Royal Arsenal Co-operative Society», возглавляемой г. Хокинсом. В $9^1/_2$ часа утра на четырех машинах едем в Гринвич. Машину нашей делегации сопровождает представитель фирмы, ее сотрудник по связям г. Хэлливелл. В нашей же машине едет д-р Моника Партридж — английская специалистка по Герцену и Огареву. Она читает в Ноттингемском университете курсы истории русской литературы и русской общественной мысли.

Гринвич, или Гринич по английскому произношению,— один из столичных округов в восточной части Лондона, на правом берегу Темзы. Мы едем через Ист-Энд — район рабочих, докеров, район лондонских «кокни», мимо мест, где жил Диккенс и его герои. По пути проезжаем Вулвич (Вулич). Одна из улиц здесь называется «Царская». Это в память о посещении знаменитого местного арсенала Петром I.

На кладбище Shouter's Hill нас уже ждут, и не только представители администрации и фирмы «Royal Arsenal...» Хотя нам говорили, что церемония эксгумации будет закрытой, нас встречает довольно много корреспондентов и фоторепортеров. Они берут у нас несколько коротких интервью. В тот же день вечером и на другой день они появятся в лондонских газетах и будут переданы по радио и телевидению.



ВХОД В ПОСЛЕДНЮЮ КВАРТИРУ ОГАРЕВА
Гринвич
Фотография, февраль 1966 г.
Архив «Литературного наследства», Москва

Могила Огарева находится недалеко от входа, по левой стороне главной аллеи, у самого края ее.

В 1877 г. после похорон Огарева старшая дочь Герцена, Наталья Александровна, приезжавшая в Гринвич, писала в Россию: «Место я сама выбрала... Гора и свободный хороший вид на все стороны». Сейчас, почти через девяносто лет, это описание уже не очень верно передает то, что видишь. Кладбище сильно «заселилось». Но «гора» — высокий холм — осталась. Сохранился и «хороший вид», хотя и не очень-то «свободный» теперь.

По английскому закону или обычаю эксгумация производилась ночью. К нашему приезду могила уже была вскрыта. Деревянный гроб Огарева (из вяза) был совершенно цел. Лишь тонкая серебряная пластина надгробия с именем и датами жизни и смерти Огарева местами проржавела, и выпавшие куски затерялись в земле. По нашей просьбе пластина была снята. Она будет передана нами в московский Музей Герцена. Мы берем с могилы несколько горстей земли, чтобы смешать их с пеплом останков Огарева.

Гроб поднимают из неглубокой могилы цепями и краном, вкладывают в новый гроб бóльших размеров и переносят его в машину-катафалк. Процессия направляется к местному крематорию. Машину с гробом и цветами, доставленными накануне самолетом из Ниццы, провожает эскорт из четырех служителей.

Они идут в торжественно-траурном параде своих длинных черных сюртуков и цилиндров...

После начала кремации, сопровождавшейся органной музыкой Генделя, все официально присутствовавшие на церемонии лица приглашаются на ленч к мэру Гринвича г. У. Бруксу. Нас предупреждают, что мэр очень занят и прием продлится не более получаса. В действительности ленч затягивается до двух с половиной часов. И это отнюдь не по вине гостей. И сам мэр, и члены Городского совета Гринвича проявляют большой интерес к событию и задают нам много вопросов об Огареве — когда-то жителе их города, о котором они ничего не знают. Мэр сообщает о решении администрации кладбища Shouter's Hill удовлетворить нашу просьбу и сохранить навечно могилу Огарева как знак связи его биографии с Гринвичем, с Англией. Он добавляет, что надгробие из белого камня, поставленное в 1878 г. старшей дочерью Герцена, будет реставрировано и на нем будет высечена дополнительная надпись о состоявшемся в 1966 г. перенесении праха русского поэта, революционера и публициста на его родину *. Нам показывают регистрационные книги Гринвича 1877 и 1878 гг. с записями о смерти и похоронах Огарева и об установлении надгробия на его могиле. Записи эти — нам тут же вручают фотокопии с них — представляют определенный интерес для биографии Огарева. В свою очередь мы преподносим мэру старинную фотографию

* Обещание выполнено. Через два месяца после нашей поездки из Гринвича пришло официальное известие, что могила Огарева реставрирована и на плите-памятнике в дополнение к прежней надписи высечен следующий текст (на английском языке): «В четверг 24 февраля 1966 г. останки Николая Огарева были эксгумированы и кремированы. После гражданской панихиды в Посольстве СССР прах Н. Огарева 1 марта 1966 г. был торжественно доставлен на его родную землю».

1878 г., на которой изображена Мери Сатерленд, сидящая у могилы Огарева. Нам обещают произвести в Гринвиче и Лондоне поиски материалов об этой женщине, с которой долго (с 1859 г.) была связана личная жизнь Огарева, образ которой отразился в его поэзии, на руках у которой он умер, но о которой мы очень мало что знаем. Прием заканчивается речами представителя советского посольства С. Рощина, мэра У. Брукса и отвечающего ему С. А. Макашина.

После приема мы вновь направляемся в крематорий. Здесь нам вручают отлитую из бронзы урну с пеплом только что кремированных останков Огарева. Урна вместе с цветами устанавливается в нашей машине на специальной подставке...

На обратном пути в Лондон мы заезжаем на улицу в Гринвиче, на которой жил Огарев. Это бывшая Ashburnham Road, а теперь Ashburnham Place. Первоначальная информация, полученная в Лондоне, о том, что все старинные дома на этой улице уничтожены гитлеровскими бомбами, оказалась неверной. Напротив того, как нам сообщает сопровождающая нас по поручению мэра сотрудница архива Городского совета Гринвича и местная жительница, улица почти полностью сохранила тот вид, какой она имела в 70-е годы прошлого века. Сохранилась и тогдашняя нумерация домов. Мы сразу же находим и фотографируем дом № 35, в котором прожил свои последние годы и умер Огарев. Посещаем мы и Greenwich Park (через него «проходит» нулевой Гринвичский меридиан) — любимое место прогулок Огарева. Он находится всего в 5—7 минутах ходьбы от его дома. «Парк бесподобный,— писал Огарев П. Л. Лаврову,— и уединением моим я совершенно доволен...»

...Из Гринвича возвращаемся в Лондон. Едем долго — часы пик. Город уже весь в вечерних огнях. В самом большом зале посольства, освобожденном от мебели, сооружен постамент с большим портретом Огарева. На постамент мы поставили урну, а внизу — ящичек с гринвичской землей. Кругом цветы. Почетный караул несут В. Лидин, С. Макашин, сотрудники посольства, члены советской колонии в Лондоне. В зале звучит музыка Баха, Бетховена и Шуберта — любимых композиторов Огарева.

Пятница 25 февраля. Днем, в 3 часа, в посольстве специальный прием — reception — по случаю «огаревских дней» в Лондоне. На приеме присутствуют представители английской общественности, литературы и науки, корреспонденты английской печати, радио и телевидения, сотрудники посольства, члены советской колонии в Лондоне. Митинг открывает временный поверенный в делах СССР в Великобритании В. М. Васев. Затем выступает С. А. Макашин. Он произносит Слово об Огареве:

«Уважаемые дамы и господа!
Дорогие товарищи!

Сегодня здесь, в посольстве Советского Союза в Великобритании, продолжаются начавшиеся вчера в Гринвиче церемонии необычного характера, исполненные большого общественного значения и глубокой исторической поучительности.

На землю своей Родины возвращается из Англии прах Николая Платоновича Огарева, выдающегося русского революционного демократа, поэта и публициста, друга и соратника великого Герцена.

Имя Огарева несомненно мало что говорит англичанину. Да и у нас в России, в Советском Союзе, оно не принадлежит к ряду громко известных. И все же это одно из наиболее славных и благородных имен русского прошлого.

Позвольте, по необходимости кратко, познакомить вас с этим человеком, дать общее представление о его личности, жизни, деятельности.

Николай Платонович Огарев родился 6 декабря 1813 г. в Петербурге. (Здесь уместно заметить, что надпись, высеченная на могильной плите Огарева в Гринвиче, сообщает неправильные сведения о месте и годе его рождения.)

Сын знатного вельможи и одного из богатейших помещиков России, Огарев порвал с родным ему по крови дворянским классом и стал одним из тех замечательных людей нашей демократии XIX в., которые отдавали все силы борьбе с тем ужасным злом, которым со всех сторон была объята тогдашняя русская дей-

22 The Mercury, February 25, 1966.

. . . more eloquent than words!

Flowers by Aubrey always please!

HIT 2246 HIT 8631

FLOWERS by AUBREY, 119 RUSHEY GREEN, CATFORD

BIRTLS, MARRIAGES,

RETURN THANKS

To Russia—with honour

Nikolai, the poet and hero, is . . .

Vote of confidence for Chris

DAILY MAIL Friday, February 25, 1966

News in Pictures | PAGE 7

To Russia with love...

VISION

AND A SOMBRE ESCORT OF GENTLEMEN FROM THE ROYAL ARSENAL CO-OP

PICTURE BY ARTHUR LOOSLEY

'AN impeccable hearse, four impeccable undertaker's men, and 3 coffins . . . LEAVING Greenwich Cemetery. This is the start of a revolutionary's last journey from his exile's grave to a place of honour in his own country.

Nikolai Ogarev, the poet whose dream was to free Russia of the Czars' oppression, wrote and thought himself into exile. He died 84 years ago.

Now, his triumphant heirs are to reunite his remains in a tomb built for him and his friend Alexander Herzen on the spot near Moscow where they swore to overthrow the Czar.

Four grave-diggers lifted six coffin from English soil behind screens watched by the Russian Consul, Mr. Stanislav Rochin, three Russian reporters and two leading lights of the Society for Cultural Relations with the USSR.

Two other men were there—Vladimir Lidden and Sergei Makachin, Russian authors whose "honoured duty" it is to see that Ogarev's remains arrive home safely.

Ogarev's coffin was packed in another coffin then loaded into the hearse (hired with the four top-hatted lackeys from the Royal Arsenal Co-operative Society) to be taken to Eltham Crematorium.

The ashes will lie in state at the Soviet Embassy until Tuesday, when they will be flown to Moscow. Today the Embassy will hold a reception in Ogarev's honour.

According to Mr. Lidden, Ogarev will get a hero's welcome when he returns to Russia—a Russia freed, at he wished, from Czarist oppression.

JYN 288D

«В РОССИЮ — С ПОЧЕТОМ», «В РОССИЮ С ЛЮБОВЬЮ...»

Сообщения лондонских газет «Mercury» и «Daily Mail» от 25 февраля 1966 г. о возвращении праха Огарева на родину

Архив «Литературного наследства», Москва

ствительность,— со злом крепостного строя и его государственного стража — самодержавия.

Помещичья жизнь с детства открылась Огареву не с ее парадной, пышной стороны, а со стороны ее „ужасной подкладки", хорошо известной крепостным рабам, потом и кровью которых скреплялось дворянское благополучие. Впоследствии Огарев говорил, что он „вырос на чувстве ненависти крепостного человека к барству".

Необычайно раннее возникновение настроений протеста против мира крепостнического насилия, воздействие идеологии и подвига декабристов на первые ростки социально-нравственного самосознания Огарева определили дальнейшее направление его жизненного пути. Важнейшими этапами идейного движения юного Огарева явилась встреча с Герценом, возникновение их изумительной дружбы и особенно их клятва 1827 г. на Воробьевых — ныне Ленинских — горах в Москве. О том, чем стала в духовной жизни Герцена и Огарева эта знаменитая клятва, удивительные, незабываемые слова сказаны обоими ее участниками — первым в „Былом и думах", вторым в стихотворении в прозе „Три мгновения". Воспоминания Герцена о том, как „мы ⟨. . .⟩ присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу", общеизвестны. Но мало кто знает не менее замечательное свидетельство Огарева. Вот оно:

„Солнце уходило на Запад и лучами прощальными купалось в светлых водах реки величаво-спокойной... На высоком берегу стояли два юноши. Оба на заре

жизни смотрели на умирающий день и верили его будущему восходу. Оба, пророки будущего, смотрели, как гаснет свет проходящего дня, и верили, что земля ненадолго останется во мраке. И сознание грядущего искрой пробежало по душам их, и сердца их забились с одинаковой силой. И они бросились в объятия друг другу и сказали: вместе идем, вместе идем!"

Так „на заре жизни" начался совместный путь Огарева и Герцена в русскую революцию, путь, который был нелегок, но который они никогда не покидали, с которого никуда не сворачивали.

Насыщенная революционным, политическим содержанием, исполненная пафоса служения общечеловеческим интересам, тема клятвы на Воробьевых горах стала лейтмотивом всей жизни необыкновенных юношей.

Верность обету

...посвятить всю жизнь
Народу и его освобожденью

и Огареву и Герцену пришлось вскоре доказывать непосредственно своими политическими биографиями, в испытаниях обрушившихся на них арестов, допросов, тюрем, ссылок, изгнания.

Огареву обстоятельства дали возможность подтвердить верность клятве и в другой сфере — материально-имущественной. Став после смерти отца обладателем нескольких тысяч крепостных душ и огромных пространств земли, Огарев первым делом поспешил избавиться от этой „тяжести наследного состояния". Он отпустил на волю крестьян своего крупнейшего имения — села Белоомут Рязанской губернии — и передал им за ничтожный оброк все помещичьи земли. Столь необычный для эпохи, для ее политического быта поступок явился смелым вызовом всему крепостническому строю и привлек к Огареву враждебное внимание не только помещиков-крепостников, но и самого императора Николая I.

Революционно-патриотическая тема клятвы на Воробьевых горах звучала не только в политической биографии Огарева. Она во многом определила строй его поэтического творчества. Все оно проникнуто тоскующей любовью к своей стране и ее народу — многострадальному русскому крестьянству — и вместе с тем исполнено, по собственному определению поэта, „злобы Робеспьера" к угнетателям народа.

Лирика Огарева — лирика глубоких душевных диссонансов. В этом отношении она продолжала поэзию Лермонтова. В то же время это лирика обнаженных социальных противоречий и прямых политических обличений. И в этом отношении она была „мостом", соединявшим поэзию декабристов и некрасовскую „музу мести и печали".

Чернышевский отводил Огареву-поэту „одну из самых блестящих и чистых страниц в истории русской литературы". Столь высокая оценка, исходящая от вождя нараставшей в России народной крестьянской революции, учитывала, разумеется, такую важную особенность поэзии Огарева, как сращенность ее эстетической системы с элементами непосредственных публицистических суждений и оценок, исполненных прямых революционных призывов. Такой подход к огаревской поэзии совпадал с позднейшими характеристиками ее самим поэтом. В полуиронической автоэпитафии для своего будущего „надгробия" Огарев говорит о себе:

Был я добрым человеком
И писал свои стихи.
И писал их в духе бунта
Из стремленья люд менять,
Находя в стихах отраду,
В бунтах видя благодать.

А в жизни он говорил: „Если у нас явится новый Пугачев — я пойду к нему в адъютанты".

Жизнь, события „общего“ и „личного“ надолго географически разъединяли Герцена и Огарева и в 1830-е, и в 1840-е годы и тем препятствовали выполнению их клятвенного „вместе идем!“.

Но вот в 1847 г., вырвавшись из тисков жандармского надзора, уезжает за границу Герцен; уезжает, чтобы высоко поднять там факел русской демократической мысли. А весной 1856 г. в Лондоне к нему присоединяется Огарев. Их встреча на „чужбине вольной“, как называл Огарев Англию, была не только событием в их личной жизни. Она знаменовала начало нового и важнейшего этапа в деятельности уже созданной Герценом к тому времени (1853) Вольной русской типографии — начало славного этапа „Колокола“.

Взволнованно, свежо, мажорно рассказывал Герцен в „Былом и думах“ об этой встрече и ее последствиях:

„...Наставало утро того дня, к которому стремился я с тринадцати лет ⟨...⟩ стремился везде и всегда, в том числе и разбитый, потерянный на английском берегу с моим печатным монологом. Солнце, садившееся, освещая Москву под Воробьевыми горами, и уносившее с собой отроческую клятву, выходило после двадцатилетней ночи... Какой же тут покой и сон... За дело!..“ Весной 1856 года приехал Огарев; год спустя (1 июля 1857 г.) вышел первый лист „Колокола“».

Известны ленинские слова: «„Колокол“ ⟨...⟩ встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» *. В этих словах — и характеристика и оценка Лениным выдающегося значения первой русской революционной газеты. Но лишь специалистам известно, что „Колокол“ был создан по замыслу не Герцена, а Огарева, хотя душу и силу „Колоколу“ дал, конечно, Герцен. По инициативе Огарева же, а не Герцена возникла и первая вольная газета для народа — „Общее вече“.

Блеск литературного таланта и самой личности Герцена ослеплял и долго мешал рассмотреть как следует стоявшую рядом более скромную фигуру Огарева.

Лишь в наши дни опубликование (в „Литературном наследстве“) ранее недоступных материалов из заграничного архива издателей „Колокола“ и новейшие исследования советских историков и литературоведов ярко осветили фигуру Огарева и позволили *исторически* осмыслить величину и значение вклада, внесенного им в дело подготовки русской революции.

Высочайшей вершиной на жизненном пути Огарева круто вздымаются знаменитые „шестидесятые годы“ — годы падения крепостного права, годы перехода освободительного движения от дворянского этапа к разночинскому, годы исторического перелома в жизни России, когда в обстановке небывалого обострения классовых противоречий в стране складывалась и сложилась революционная ситуация. Это тревожное и вместе с тем оптимистическое время «пролога» к ожидавшемуся „повсюдному“, т. е. всеобщему, крестьянскому восстанию Огарев провел вместе с Герценом в Лондоне. Глубоко проникнутый сознанием назревающей, хотя так и не совершившейся крестьянской революции, Огарев полностью отдается делу ее подготовки и организации. Он не только работает в „Колоколе“ — „работает, как вол“, по отзыву Герцена. Он широко разворачивает революционную агитацию и пропаганду во многих других изданиях Вольной русской типографии, а также в сфере непосредственного воздействия на многих из тех русских людей, которые „толпами“ устремлялись в те годы в Лондон. „Разве кто-нибудь знает,— говорил об этой стороне деятельности Огарева Герцен,— чем мы обязаны речам и личному влиянию этого человека?“ Он участвует вместе с Герценом и приезжавшими из России революционерами в создании тайного общества „Земля и воля“ (само название это взято из огаревской статьи „Что нужно народу?“) и принимает руководящее участие на всех этапах его деятельности.

За периодом мощного общественного подъема в России конца 1850-х — начала 1860-х годов следует срыв в реакцию середины 1860-х годов, когда оконча-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 12.— *Ред.*

тельно выяснилось, что на данном историческом этапе победила „реформа", а не революция.

В 1867 г. прекращается издание „Колокола", выходившего с 1865 г. в Швейцарии, куда переехал и Огарев. В 1870 г. умирает Герцен. Это были тяжелые испытания для Огарева. Они ускорили естественное угасание его физических и творческих сил. Но вера в русскую революцию, хотя и отодвинутую историей в будущее, сохранялась, и Огарев продолжал работать для нее до конца своих дней.

Последние три года жизни Огарева прошли вновь в Англии. Отклонив предложения детей Герцена о переезде в Италию или Францию, он вернулся из Швейцарии туда, где протекли годы его работы с Герценом у станка Вольного русского слова. Он поселился сначала в Ньюкасле, а потом в тихом тогда Гринвиче — предместье Лондона — вместе с Мери Сатерленд — английской женщиной из народа, с которой уже многие годы была связана его личная жизнь и которую он любил удивительно высокой и чистой любовью. На руках у своей „преданной Мери" Огарев и умер 12 июня 1877 г. При его кончине присутствовала вызванная из Парижа старшая дочь Герцена — Наталья Александровна. К ней — его любимой „Тате" — были обращены последние слова Огарева. Это были слова о Герцене, и сказал их Огарев, перейдя с английского на русский язык. Похоронили его на небольшом тогда кладбище Шутерс Хилл, расположенном на возвышенности, господствующей над Гринвичем.

Двадцать один год — треть своего века — провел Огарев в эмиграции. Жизнь на чужбине была высочайшим революционно-патриотическим подвигом Огарева. Он пошел на этот подвиг ради борьбы за кровные интересы русского народа, ради его политического и социального освобождения. В стихотворении 1858 г. „Свобода" Огарев писал:

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

Конечно, борьба, которую вели Герцен и Огарев, давала и удовлетворение, но заграничное житье все же всегда ощущалось ими как горькая необходимость и приравнивалась к ссылке.

Образ родины, России неотступно и до конца сопровождал Огарева в его жизни на чужбине. Незадолго до смерти в своей последней записке он рассказал, что ему приснилось, будто он „вернулся в Россию и приехал домой в свою деревню" и как его „совершенно дружелюбно приняли крестьяне". „Я проснулся,— закончил Огарев запись,— совершенно довольный моим сном... а Гринвич увидел озаренным блестящим солнцем и под ясным небом, как их давно не припомню".

Не во сне, а наяву, в реальной действительности Огареву не дано было увидеть родину. Так же как и Герцен, он был подвергнут волею царя и его правительства „вечному изгнанию" из пределов русского государства.

Духовно Огарев всегда жил в своей стране. Но лишь сегодня, почти через девяносто лет после смерти, пятьдесят лет после свержения самодержавия, он возвращается на Родину и „физически" — возвращается пеплом своих останков, вчера кремированных в Гринвиче. Прах Огарева будет отныне вечно покоиться вот в этой бронзовой урне, отлитой здесь, в Англии.

Вместе с урной мы увозим с собой немного земли с могилы Огарева в Гринвиче. Пусть это будет материальным знаком связи Огарева с Англией и вместе с тем вещественным символом глубокой благодарности русского народа к земле и народу страны, где Герценом и Огаревым была создана первая русская революционная газета, знаменитый „Колокол", чей набат, чье вольное слово сделали так много в деле борьбы русского общества с самодержавно-крепостным строем».

После С. А. Макашина выступает д-р Моника Партридж. Она говорит от имени английской общественности. Вот ее речь в переводе с английского:

«Уважаемый г-н Васев! Уважаемые дамы и господа! Я хорошо сознаю, что для меня это большая честь держать здесь речь от имени Англии. Но я выступаю не только потому, что это очень почетное для меня выступление. Мне думается, что Огарев сам бы радовался тому, что англичане, в стране которых он жил, работал и умер, вспомнили о нем в дни, когда его останки навсегда покидают Англию. Я верю, что и советские люди будут рады тому, что мы, англичане, вместе с вами выразим сегодня свое глубокое уважение одному из выдающихся деятелей русской культуры.

Современники, близко знавшие Огарева, были единодушны в признании удивительной чистоты и этики его личности. Он всегда глубоко сочувствовал всем страдающим людям. И мне кажется, что он стал революционером не только потому, что ненавидел царизм, но и потому, что любил человека. Он хотел прежде всего помочь своему народу, русскому народу,— и в самом деле помог ему. Но его отношение к Мери Сатерленд — простой, необразованной английской женщине из народа — показывает великую нежность и сострадание, которые он так искренне проявлял по отношению к человеку и людям любой национальности...

Огарев всегда и страстно хотел вернуться на Родину, в свою Россию. За несколько месяцев до смерти он писал П. Лаврову: „Заграничное житье, сколько ни сладостно, я все же считаю ссылкой и сам не знаю, как и почему, хотелось бы на Русь".

Нам же ясно, „как" и „почему" Владимир Лидин и д-р Сергей Макашин приехали в Англию, чтобы сопровождать прах Огарева при его возвращении на родину.

Мы гордимся тем, что Огарев приехал сюда, к нам. Мы гордимся тем, что мы можем добровольно и дружески передать Вам его прах, столь драгоценный для вас, который мы так долго и верно сторожили.

От имени Англии, от имени Мери Сатерленд желаю вам и Огареву счастливого пути».

Речи и выступления слушают с большим вниманием, а затем корреспонденты и другие присутствующие задают вопросы, на которые и мы, и сотрудники посольства даем ответы.

«Огаревский прием» в советском посольстве дважды и довольно подробно передавался в тот же день по английскому телевидению.

Ряд газет, в том числе «Times», «Guardian», «Daily Mail», «Mercury» и др., поместили информацию о церемониях в Гринвиче и Лондоне и снимки этих церемоний. Газетные «шапки» к огаревским материалам отражали понимание английской печатью и общественностью смысла событий. Они гласили: «To Russia—with Love» («В Россию — с любовью»), «To Russia with Honour» («В Россию — с почетом»).

В субботу 26 февраля мы выступаем в лондонском Литературном институте (The City Institute) по его приглашению. Здесь мы вновь даем информацию о цели нашей поездки и отвечаем на обращенные к нам вопросы. Они относятся как к общим, так и частным аспектам жизни и деятельности Огарева. Больше всего аудиторию интересует (это было и в Гринвиче, и на приеме в посольстве), почему «богатый помещик и дворянин» Огарев «пошел в революцию», т. е. пошел против «своих» интересов. Группа участников беседы польского происхождения специально интересуется отношением Огарева к польскому вопросу вообще и к восстанию 1863 г. в частности.

В понедельник 28 февраля происходит церемония преподнесения Лондонскому университету привезенной нами из Москвы «огаревианы» — собрания поэтических, социально-философских и публицистических сочинений Огарева и трудов о нем советских ученых — Я. О. Линкова, М. В. Нечкиной, В. А. Путинцева, Е. Л. Рудницкой, Н. Г. Тараканова и Я. З. Черняка. Среди переданных книг были также двенадцать выпусков факсимильного издания «Колокола» и три герцено-огаревских тома «Литературного наследства». Книги преподносятся от имени Союза писателей СССР и общества «СССР — Великобритания». Нашу

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. УРНА С ПРАХОМ ОГАРЕВА НА ШЕРЕМЕТЬЕВСКОМ АЭРОДРОМЕ
Советская делегация — С. А. Макашин и В. А. Лидин — спускается с трапа самолета
Фотография, 1 марта 1966 г.
«Огонек», 1966, № 10

делегацию принимают вице-канцлер Лондонского университета и главный библиотекарь. Дар принят с глубокой благодарностью и с выражением надежды, что он будет содействовать расширению знаний об Огареве среди английских славистов.

Значительное время было уделено поездкам по Лондону и его пригородам — с целью разыскать и сфотографировать дома и другие памятные места, связанные с деятельностью Герцена и Огарева в английской столице и с работой созданной ими здесь Вольной русской типографии. В этих поездках и в этих поисках приняла участие д-р Моника Партридж.

Вторник 1 марта был последним днем нашего пребывания в Лондоне. На аэродром урну Огарева провожают ответственные сотрудники советского посольства и представители фирмы «Royal Arsenal...». Министерство авиации Великобритании и администрация лондонского аэропорта, со своей стороны, выражают уважение к церемонии «прощания Огарева» с Англией. Машина с урной и сопровождающими ее лицами пропускается на аэродром, минуя паспортный контроль и таможенный досмотр, через особый, почетный въезд. По бетонным плитам аэродрома мы подъезжаем прямо к трапу самолета. Здесь нас вновь ждут представители печати и радио; здесь и даже в салоне лайнера делаются последние фотоснимки, даются и записываются последние интервью. Здесь же мы прощаемся с администрацией и работниками фирмы «Royal Arsenal...» и сотрудниками нашего посольства. И те и другие сделали многое для того, чтобы возвращение праха Огарева на Родину приобрело и в Англии подобающие этому событию значительность и торжественность.

В 12 часов дня по лондонскому времени, в 15 часов по московскому, наш ТУ-124 поднимается в воздух и всего через несколько минут пересекает государст-

венную границу Великобритании. Командир самолета В. Д. Гладилин, 2-й пилот В. М. Дунаев, штурман В. М. Кулик и другие члены экипажа проявляют большой интерес и внимание к миссии, которую выполняла наша делегация. Мы везем урну в специально предоставленном для нас переднем салоне лайнера. Члены экипажа подходят к нам, просят рассказать об Огареве.

Через три с половиной часа мы в Москве.

«Вечное изгнание» Огарева оканчивается. Наступает момент его возвращения с чужбины на Родину, в Россию.

Урну с пеплом останков Огарева встречают в Шереметьевском аэропорту писатели, ученые, представители общественности столицы.

Делегация профессоров, преподавателей и студентов Московского университета, воспитанником которого был Огарев, доставляют урну в старое здание университета на бывшей Моховой. Сразу же, вечером, в Доме культуры гуманитарных факультетов МГУ начинается торжественное собрание памяти Огарева. Собрание открывает проректор профессор Н. И. Мохов. С речами выступают профессора Н. Г. Тараканов и Н. М. Гайденков, от делегации, ездившей в Лондон,— С. А. Макашин, с чтением стихов — Д. Кугультинов.

В среду 2 марта во дворе старого здания Московского университета, там, где сооружены памятники Герцену и Огареву, происходит массовый митинг. На нем присутствуют ректор Московского университета академик П. С. Александров, первый секретарь Правления Союза писателей СССР К. А. Федин и многие другие. С речами выступают Н. И. Мохов, С. А. Макашин и аспирант филологического факультета А. А. Смирнов.

...Машина с урной и сопровождающая ее процессия следуют по улицам, носящим имена Огарева и Герцена, к угловому дому у Никитских ворот, к дому, где жил Огарев.

К 12 часам дня процессия прибывает на Новодевичье кладбище. Вокруг того места, где устанавливается бронзовая урна на постаменте,— сотни людей. Среди собравшихся писателей — К. Федин, А. Твардовский, Г. Марков, А. Сурков, А. Безыменский. Присутствует первый секретарь посольства Великобритании в СССР Дж. А. Л. Морган.

Начинается митинг. Его открывает представитель Моссовета, директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина И. И. Кондаков, писатели Вл. Лидин и А. Сурков.

Под звуки Государственного гимна Советского Союза урна с прахом Огарева опускается в небольшое углубление в земле и замуровывается. Сверху вырастает насыпь из свежей земли. На нее возлагаются цветы и устанавливается мраморная доска. На ней надпись:

Выдающийся русский революционер-демократ,
поэт Николай Платонович Огарев
1813—1877

Новая, теперь уже постоянная, на родной земле могила одного из издателей «Колокола» находится напротив бывших Воробьевых, ныне Ленинских, гор. Она находится почти напротив того места, тех «святых холмов Москвы», где на заре своих дней Огарев и Герцен поклялись «посвятить всю жизнь народу и его освобождению...».

В 1970 г. над могилой Огарева поставлен памятник.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Римская и арабская цифры в скобках представляют собой ссылки на тома и страницы 30-томного Собрания сочинений Герцена изд. АН СССР. М., 1953—1966.

АВПР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел (Москва).

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Л — 22-томное Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке. Пг.— Л., 1919—1925.

ЛЖГ I, II, III, IV, V (последние два готовятся к печати).— «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена», М., 1973, 1976 и 1983.

МГ — Музей А. И. Герцена (Москва).

Отчет М. П. — Отчет Московского публичного музея.

Отчет Р. М. — Отчет Московского Румянцевского музея.

ПД («Пушкинский дом») — Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Ленинград).

Письма Бакунина — «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).

ЦПА — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

AAH — сб. «Autour d'Alexandre Herzen». Genève, 1973.

BN — Département des manuscrits de la Bibliothèque nationale (Paris).

BPUG — Département des manuscrits de la Bibliothèque publique et universitaire (Genève).

CMRS — Журнал «Cahiers du monde russe et soviétique» (Paris).

IISG — Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (Amsterdam).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

I. ПОРТРЕТЫ ГЕРЦЕНА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, СКУЛЬПТУРА

Герцен. Бюст работы А. Грасса (гипс), 1858. *МГ* (дар г-на Сержа Герцена) — с. 65

Герцен. Барельеф работы К. Винера (бронза), 1863 — см. Разд. III, Медаль в память первого десятилетия Вольной русской печати ‹...›

Герцен. Портрет работы Н. А. Герцен (масло), 1865. Собрание г-на Ноэля Риста, Париж — с. 401

Герцен. Рисунок Н. А. Герцен (перо), 1860-е гг. *BN*. Воспроизводится по кн.: «Herzen — Ogarev — Bakounine. Lettres inédites. Introduction, traductions et notes par M. Mervaud. Paris, 1975 — с. 553

ФОТОГРАФИИ

Герцен. Дагерротип. Париж, 1847. Фотокопия с дарственной надписью А. А. Герцена «дорогим друзьям Скребицким» от 6 августа 1888 г. *МГ* — с. 259

Герцен. Фотография. Лондон, 1852—1853. Принадлежала Герцену. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — вклейка между с. 4—5

Герцен с дочерьми Татой и Ольгой. Фотография. Лондон, конец 1850-х гг. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград — с. 681

II. АВТОГРАФЫ ГЕРЦЕНА

Записная тетрадь Герцена, 1835—1836. В 1872 г. приобретена Е. С. Некрасовой на Сухаревском рынке (Москва); в 1882 г. передана ею в Румянцевский музей. Внутренняя сторона обложки и лист первый: начало повести «Легенда». *ГБЛ* — с. 575

Надпись на конверте письма К. Фогту, январь 1857 г. *BPUG*. Воспроизводится по журналу: «Musées de Genève», № 147, июль—август 1974 г.— с. 130

Письмо к П. Ж. Прудону от 21 августа ‹1860 г.›, Библиотека г. Безансона (Франция) — с. 319

Письмо к Т. Олсопу от 7 апреля 1861 г. *ГЛМ* — с. 62

Письмо к Виктору Гюго от 11 февраля 1863 г. *BN* — с. 341

Письмо к Э. Квантену от 10 апреля 1863 г. Шведская королевская библиотека, Стокгольм — с. 377

III. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГЕРЦЕНА

Медаль в память первого десятилетия Вольной русской печати в Лондоне. Барельеф работы К. Винера (бронза), 1863. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 221

Меню завтрака, который дал Герцен в честь Гарибальди 17 апреля 1864 г. *ГБЛ* — с. 173

Запись об издании «Колокола» в Женеве. Сделана в Регистрационной книге Женевского муниципалитета 26 мая 1865 г.; подпись — автограф Герцена. Архив Женевского муниципалитета — с. 700, 701

Объявление об издании «Полярной звезды на 1869 год». «Kolokol», 1 апреля 1868 г., Женева — с. 29

Мемориальная доска на стене дома, где в 1860—1863 гг. жил Герцен (Лондон, Orsett House, Westbourne Terrace). Установлена Советом Большого Лондона 23 сентября 1970 г. Фото, 23 сентября 1970 г. Архив «Лит. наследства» — с. 39

IV. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier. Londres, 1858. Обложка с дарственной надписью Герцена Л. Чернецкому от 4 апреля ‹1858 г.›. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 168

Le Monde russe et la révolution, v. I, Paris, 1860. Французское издание «Былого и дум»; появилось под измененным названием («Русский мир и революция»). Шмуцтитул с дарственной над-

---

* Указатель составила Т. Г. Динесман.

писью Герцена П. Ж. Прудону от 9 марта 1860 г. Библиотека г. Безансона, Франция — с. 318
«Стихотворения Н. Огарева». Лондон, 1858. Титульный лист с дарственной надписью Огарева дочери Герцена Лизе от 15 сентября 1858 г. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 565

V. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА. ИЗДАНИЯ, ИМ ВЫПУСКАВШИЕСЯ. СТАТЬИ О ГЕРЦЕНЕ

Берлинский журнал «Magasin für die Literatur des Auslandes», № 43 от 10 апреля 1847 г. Со статьей К. Липперта «Blicke auf die russische Literatur im Jahre 1846 und 1847». Статья содержит оценку творчества Герцена — с. 71

Vom anderen Ufer. Hamburg, 1850. Немецкое издание «С того берега». Первая изданная на Западе книга Герцена. Титульный лист — с. 21

Wer ist schuld? Leipzig, 1851. Немецкое издание романа «Кто виноват?». Третий выпуск серии «Русские прозаики» (издатель серии, переводчик и автор критико-биографического очерка о Герцене — В. Вольфзон). Титульный лист и шмуцтитул — с. 79

«Russlands sociale Zustände». Hamburg, 1854. Первое отдельное немецкое издание книги «О развитии революционных идей в России»; появилось под измененным названием («Социальное положение России»). Титульный лист. *МГ* — с. 83

С того берега. Лондон, 1855. С дарственными надписями: Л. Чернецкого А. А. Герцену, б. д.; А. А. Герцена сыну Николаю, Рождество 1888 г. *BPUG* — с. 373

The Russian People and their Socialism. London, 1855. Английское издание книги «Русский народ и социализм». Титульный лист. *МГ* — с. 55

Aus den Memoiren eines Russen. Hamburg, 1856. Первое немецкое издание «Былого и дум»; появилось под измененным названием («Из воспоминаний русского»). Перевод М. Мейзенбуг. Титульный лист и шмуцтитул с надписью Леонарда Риста, правнука Герцена. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 158

«Kolokol» («La Cloche»), № 1. Женева, 1 января 1868 г. Страница первая (фрагмент) — с. 299
«Колокол», № 1. Женева, 2 апреля 1870. Страница первая (фрагмент) — с. 429

Passé et méditations, t. I. Lausanne, 1971. Французское издание «Былого и дум». Из серии «Славянские классики». Перевод и комментарии Д. Оливье. Титульный лист и контртитул с дарственной надписью переводчицы Музею Герцена в Москве (Париж, июнь 1974 г.). *МГ* — с. 41

VI. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА

Бакунин М. А. Фото Надара. ‹1863›. Из альбома: «Nadar». Torino, 1965 — с. 393

Бакунин М. А. Портрет работы неизв. художника (масло). 1870-е гг. *МГ* — с. 425

Бамбергер Людвиг. Портрет работы Г. Рикара (масло). Воспроизводится по книге: L. Bamberger. Bismarcks grosses Spiel. Frankfurt am Main, 1932—с. 180

Барбес Арман. Гравюра по рисунку Т. Жоанно, 1848. Из книги: Louis Reybaud. Gérôme Paturot à la recherche de la meilleure des républiques. Paris, 1849 — с. 285

Блан Луи. Фото Надара. Из альбома. «Nadar», Torino, 1966 — с. 348

Гарибальди Джузеппе. Барельеф работы неизв. художника, 1859. Принадлежал Герцену. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 248

Герцен А. А. Рисунок его матери Н. А. Герцен (карандаш), ‹1850—1851›. *МГ* — с. 105

Герцен А. А. Фото, 1858. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 385

Герцен А. А. Фото, 1870-е гг. *МГ* — с. 559

Герцен В. А. — внук Герцена. Фото, 1888. *МГ* — с. 619

Герцен Н. А.— дочь Герцена. Фото. Париж, 1869. С дарственной надписью Н. А. Герцен Н. А. Тучковой-Огаревой, 1869. *ГБЛ* — с. 415

Герцен Н. А. и Герцен-Моно О. А.— дочери Герцена. Фото. Лозанна, 1930-е гг. Собрание Н. П. Герцен, Москва — с. 613

Герцен Н. А.— внук Герцена. Фото, Лозанна, 1925. С автографической подписью Н. А. Герцена. *МГ* — с. 607

Герцен Н. П. и Рист Леонард — правнуки Герцена. Фото. Москва, 1976. *МГ* — с. 625

Герцен Серж — правнук Герцена. Фото. Блоне (Швейцария), 1974. *МГ* — с. 627

Гесс Мозес. Фото, 1850-е гг. Из книги: M. Hess. Briefwechsel. 'S.-Gravenhage, 1959 — с. 651

Грегоровиус Фердинанд. Гравюра Г. Кронера. Из книги: F. Gregorovius. Römische Tagebücher. Stuttgart, 1893 — с. 197

Гюго Виктор. Гравюра Ж. Робера с фотографии, сделанной по заказу журнала «Illustration». «Illustration», 29 июня 1867 г. — с. 344

Карлейль Томас. Гравюра неизв. художника. «Illustrierte Zeitung», 13 ноября 1858 г.— с. 53

Квадрио Маурицио. Портрет работы Коста (масло). Институт Маццини, Генуя. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia, v. 7. Milano, 1961 — с. 237

Квантен Эмиль. Гравюра неизв. художника, 1860-е гг. Из книги: C. Bååth-Holmberg. Skaldedrömmar och skaldepolitik. Emil von Qvanten och Hans Tid. Stockholm, 1906 — с. 367

Кине Эдгар. Фото, 1850-е гг. Из книги: E. Quinet. Le Livre de l'exile. 1851—1870. Paris, 1875— с. 359

Кинкель Готфрид. Гравюра неизв. художника. «Illustrierte Zeitung», 22 сентября 1849 г. — с. 187

Лавров П. Л. Фото Т. Бернара. Париж, нач. 1880-х гг. *ГЛМ* — с. 541

Лапинский Теофил. Фото, 1860-е гг. Из книги: A. Lewak. Dzieje emigracji polskiej w Turcji, 1935 — с. 370

Лиленд Чарлз. Фото, 1860-е гг. Из книги: El. Pennell. Charles Godfrey Leland. A biography, v. I. London, 1906 — с. 671

Лопатин Г. А. Фото. Петербург, 1862. *ГЛМ* — с. 484

Маццини Джузеппе. Фотокопия с портрета работы неизв. художника (масло), 1848 г. На обороте — надпись Л. Риста, свидетельствующая, что Маццини подарил эту фотографию М. Мейзенбуг, от которой она перешла в собственность О. А. Моно — дочери Герцена. *МГ* (дар г-на Леонарда Риста и Н. П. Герцен) — с. 242

Мишле Жюль. Портрет работы Т. Кутюра (масло). Музей «Carnavalet», Париж. Воспроизводится по альбому: G. Bourgin et M. Terrier. 1848. Paris, 1948 — с. 325

Мордини Антонио. Литография с рисунка Кассано. Гос. собрание эстампов, Милан. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell 'Unità d'Italia, v. 6. Milano, 1959 — с. 234

Некрасова Е. С. Фото, 1890-е гг. *ГБЛ* — с. 582

Нечаев С. Г. Фото, 1869. *ГЛМ* — с. 444

Огарев Н. П. Фото, 1870-е гг. Пересъемка О. Ренара, Москва. *МГ* — с. 434

Оуэн Роберт. Рисунок неизв. художника (перо), конец 1830-х гг. Из книги: J. F. Harrison. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. London, 1969 — с. 52

Пизакане Карло. Литография неизв. художника, ⟨1857⟩. Институт Маццини, Генуя. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia, v. 7. Milano, 1961 — с. 208

Прудон Пьер Жозеф. Портрет работы Г. Курбе (масло), 1865. Музей «Petit-Palais», Париж. Воспроизводится по альбому: G. Bourgin et M. Terrier. 1848. Paris, 1948 — с. 309

Рист Жермен — внучка Герцена — с сыновьями Леонардом и Ноэлем Рист. Фото. Версаль, 1930-е гг. Собрание Н. П. Герцен, Москва — с. 621

Сен-Симон Анри. Портрет работы А. Лабиль-Гиар (пастель), 1796. Копия, 1848. Bibliothèque de l'Arsenal, Париж. Воспроизводится по альбому: G. Bourgin et M. Terrier. 1848. Paris, 1948 — с. 15

Трюбнер Николаус. Фото. Из книги: «Trubner's American, European and Oriental Library Record». New Series, v. 5, N 3-4. London, 1884 — с. 683

Фогт Карл. Литография Ф. Винтерберга, 1850-е гг. *BPUG.* Воспроизводится по журналу: «Musées de Genève», № 147, июль—август 1974 г.— с. 89

Фогт Карл. Гравюра неизв. художника, 1863. С автографической надписью Фогта. *BPUG.* Воспроизводится по журналу: «Musées de Genève», № 136, июнь 1973 г. — с. 137

Фрейлиграт Фердинанд. Гравюра неизв. художника с фотографии Э. Сильви (Лондон, 1862). «Illustrierte Zeitung», 13 сентября 1862 г. — с. 196

Фурье Шарль. Портрет работы Э. Жигу (масло), 1836. Лувр, Париж. Воспроизводится по альбому: G. Bourgin et M. Terrier. 1848. Paris, 1948 — с. 17

VII. АВТОГРАФЫ И ДОКУМЕНТЫ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА

Бакунин М. А. Письмо к Н. А. Герцен от 28 июня 1870 г. *BN* — с. 537

Герцен А. А. Письмо к Эмилю Квантену от 7 июля 1863 г. Шведская королевская библиотека, Стокгольм — с. 387

Герцен Н. А. Письмо к С. Г. Нечаеву от 12 февраля 1870 г. *BN* — с. 465

Герцен Н. А. Запись расходов по изданию и рассылке «Колокола». Женева, апрель 1870 г. *BN* — с. 457

Герцен Н. А. Страница из дневника. Запись от 28 мая 1870 г. *BN* — с. 456

Лиленд Чарлз. Письмо к Герцену от 22 июня 1858 г. *BPUG* — с. 674

Лопатин Г. А. Письмо к Н. А. Герцен от 1 августа 1870 г. *BN* — с. 545

Нечаев С. Г. Фальшивый паспорт Нечаева, выданный на имя Стефана Грозданова. Бухарест, 19 ноября 1869 г. Из книги: «Archives Bakounine», v. IV. Leiden, 1971 — с. 516

Нечаев С. Г. Письмо к Н. А. Герцен от 26 мая 1870 г. *BN* — с. 679

Неизвестная. Письмо к Герцену. ‹1855—1856›. *BPUG* — с. 666

VIII. КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ ГЕРЦЕНУ

Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Оттиск из журнала «Время», 1861. С дарственной надписью автора — с. 593

Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности. СПб., 1855. Титульный лист с дарственной надписью автора. *МГ* — с. 35

IX. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА

Blanc Louis. Histoire de dix ans. 1830—1840, v. I. Paris, 1843. Титульный лист — с. 271

Marx Karl. Misère de la philosophie. Reponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847. Титульный лист — с. 657

Michelet Jules. Légendes démocratiques du Nord. Paris, 1854. Обложка — с. 328

Sand George. Oeuvres illustrées, v. II. Paris, 1853. Обложка — с. 267

‹Серебренников С. И.› «L'Arrestation de S. Sérébrénnikoff par la police de Genève». Genève, 1870. Титульный лист — с. 495

X. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

АНГЛИЯ

Гринвич. Ашбёрнем-роуд (плэйс), 35. Дом, в котором Огарев провел последние годы жизни: общий вид; вход в квартиру Огарева. Фото, февраль 1966 г. Архив «Лит. наследства» — с. 705, 706

Лондон. Дом, где в 1860—1863 гг. жил Герцен (Orsett House, Westbourne Terrace); на стене дома — мемориальная доска, установленная Советом Большого Лондона 23 сентября 1970 г. Фото, 23 сентября 1970 г. Архив «Лит. наследства» — с. 38—39

Лондон. Риджент-сквер, 38. Дом, где в июне 1853 г. начала свою работу Вольная русская типография. Фото, 1960. Архив «Лит. наследства» — с. 252

Лондон. Ресторан «Rules»; в списке почетных гостей этого ресторана значится Герцен. Репродукция со старинной гравюры. Архив «Лит. наследства» — с. 687

Лондон. Флит-стрит. Гравюра Т. Шеперда. Из альбома: «London and its Environs in the Nineteenth Century». London, 1829 — с. 49

Лондон. Флит-стрит. Гравюра Дж. Уорчера. «Illustrated London News», 8 января 1848 г.— с. 125

Лондон: Трафальгарская площадь и Риджент-стрит. Гравюры Т. Шеперда. Из альбома: «Views of Mighty London, of its Public Buildings, Streets, Parks etc.». London, ‹1850-е гг.› — с. 59, 109

Панорама Темзы в окрестностях Лондона. Гравюра неизв. художника. «Illustrated London News», 26 мая 1849 г. — с. 336

Ричмонд (в окрестностях Лондона). Гравюра с рисунка Дж. Фулвуда. Из книги: R. Garnett. Richmond on the Thames. London, 1896 — с. 123

ГЕРМАНИЯ

Берлин. Университет. Гравюра неизв. художника. Из альбома: «Berlin», ‹1855› — с. 75

ДОБРУДЖА

В Добрудже. Гравюра по рисунку У. Бартлета, 1840-е гг. Из книги: W. Beattie. Le Danube illustré. Paris, s. a. — с. 695

ИТАЛИЯ

Неаполь. Набережная Позиллипо. Рисунок неизвестного художника (гуашь), 1840-е гг. *ГЛМ* — с. 219

ФРАНЦИЯ

Париж: бульвар Сент-Мадлен; бульвар Сен-Дени. Гравюры неизв. художника, 1845. Из книги: «Journées illustrées de la Révolution de 1848». Paris, 1849 — с. 276, 277

Париж. Застава Сен-Дени. Гравюра О. Пюжена, 1830. Из книги: «Paris und seine Umgebungen». Berlin, s. a.— с. 645

Париж. Улица Риволи. Гравюра неизв. художника. «Illustration», 28 октября 1854 г.— с. 301

РОССИЯ

Москва. Комната сороковых годов в Румянцевском музее. Фото К. Фишера, 1906. Архив *ГБЛ* — с. 601

ШВЕЙЦАРИЯ

Женева. Общий вид. Гравюра братьев Руаргов, 1860. Из альбома: Xavier de Marmier. Voyage en Suisse. Paris, 1862 — с. 99

Женева. Вид с набережной Паки. Картина К. Коро (масло), 1860-е гг. Музей искусства и истории, Женева. Воспроизводится по альбому: C. Corot. Works. Milano — Firenze, 1952 — с. 419

Лозанна. Гравюра В. Гехта по рисунку Э. Кирхнера, 1870-е гг. Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881,— с. 569

Лозанна. Blanc-Castel. Дом, где жила Н. А. Герцен и где до 1936 г. хранилась значительная часть архива Герцена. Фотооткрытка, 1937 — с. 587

Локарно. Гравюра Р. Брандамура по рисунку Э. Комптона, 1870-е гг. Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881 — с. 505

Невшатель. Гравюра В. Трамбауэра по рисунку Ю. Циммермана, 1870-е гг. Из книги: «Switzerland, its Scenery and People». London, 1881 — с. 449

Фрибург. Гравюра Г. Цшокке. Из альбома: Heinrich Zschokke. Die Schweiz in ihren klassischen Stellen und Hauptorten. Stuttgart, 1858 — с. 95

Швейцарская деревня. Гравюра братьев Руаргов, 1860. Из альбома: Xavier de Marmier. Voyage en Suisse. Paris, 1862 — с. 490

ШВЕЦИЯ

Стокгольм. Гравюра неизвестного художника. Из книги: «Stockholm. Historia och topografi». Stockholm, 1855 — с. 365

XI. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Гравюра И. Эльмана по рисунку Ш. Монне. Лист из альбома: «Description abrégée des quinze estampes sur les principales journées de la Révolution». Paris, ‹1790-е гг.›. *МГ* (дар г-на Сержа Герцена) — с. 11

Манифестация в честь провозглашения конституции в Неаполе 11 февраля 1848 г. Рисунок неизв. художника, ‹1848›. Музей Сен-Мартино, Неаполь. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell 'Unità d'Italia, v. 3, Milano, 1936—с. 203

Восстание в Милане. Строительство баррикад 18 марта 1848 г. Литография неизв. художника, 1848. Гос. собрание эстампов, Милан. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia, v. 3. Milano, 1936 — с. 205

«Вон иноземцев!» Аллегория, символизирующая борьбу итальянского народа против владычества Австрии. Литография неизв. художника, 1848. Из книги: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia, v. 3, Milano, 1936 — с. 223

У Национального собрания в Париже. Гравюра К. Смита. «Illustrated London News», 13 мая 1848 г.— с. 289

Баррикады на площади Мобер в Париже. 23 июня 1848 г. «Illustrated London News», 1 июля 1848 г.— с. 287

Восстание (июнь 1848 года в Париже). Картина О. Домье (масло), 1848. Duncan Philipps Memorial, Вашингтон. Воспроизводится по альбому: G. Bourgin et M. Terrier. 1848. Paris, 1948— с. 25

В Лондоне объявляют об окончании Крымской войны. Гравюра по рисунку Ч. Виргмана. «Illustration», 10 мая 1856 г.— с. 145

Эпизод «Невштательского дела». 3 сентября 1856 г. (республиканцы осаждают здание ратуши в Локле). Гравюра неизв. художника. «Illustrierte Zeitung», 18 октября 1856 г.— с. 151

Покушение Ф. Орсини на Наполеона III. Париж, 14 января 1858 г. Гравюра неизв. художника. «Illustration», 23 января 1858 г.— с. 231

Восстание в Сицилии. Гарибальди в Палермо 6 июля 1860 г. Гравюра по рисунку Г. Блейбтрея. «Illustrierte Zeitung», 21 июля 1860 г.— с. 211

Прибытие Гарибальди в Венецию 27 февраля 1867 г. Гравюра Ф. Бланшара по рисунку Мартино дель Дона. «Ilustration», 16 марта 1867 г.— с. 215

Сообщения лондонских газет о возвращении праха Огарева на родину: газеты «Mercury» и «Daily Mail» от 23 февраля 1966 г. Архив «Лит. наследства» — с. 708

Возвращение праха Огарева на Родину. Советская делегация (С. А. Макашин и В. А. Лидин) на Шереметьевском аэродроме в Москве. Фото, 1 марта 1966 г. «Огонек», 1966, № 10 — с. 713

XII. КАРИКАТУРЫ

«Политический курятник». Карикатура на короля Луи Филиппа. Литография О. Домье. «Caricature», 27 ноября 1834 г. — с. 171

Робер Макэр и его сообщник Бертран. Литография О. Домье. Из альбома: H. Daumier. Les cent et un Robert Macaire. Paris, 1839 — с. 271

«Единственный способ уничтожить собственность». Шарж на П. Ж. Прудона. Литография неизв. художника, 1848. *BN*. Воспроизводится по альбому: G. Bourgin et M. Terrier. 1848. Paris, 1948 — с. 312

«Нить Пенелопы». Карикатура, высмеивающая попытки европейской реакции и итальянских клерикалов подавить освободительное движение в Италии. Сатирический журнал «Don Pirlone». Рим, 1849. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia, v. 7, Milano, 1961 — с. 226

Карикатура на президента Франции Луи Наполеона Бонапарта. Сатирический журнал «Don Pirlone», Рим, 1849. Воспроизводится по книге: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell Unità d'Italia, v. 7. Milano, 1961 — с. 227.

«Политические мошки». Карикатура на реакцию, наступившую во Франции после революции 1848-го года. Литография О. Домье. «Charivari», 3 июня 1850 г.— с. 291

Ратапуль заигрывает с Республикой (Ратапуль — один из постоянных персонажей карикатур Домье, олицетворяющий тип бонапартистского агента). Литография О. Домье. «Charivari», 25 сентября 1851 г.— с. 119

Карикатура на «банкетное» направление в подготовке Славянского съезда. Гравюра неизв. художника. «Искра», 23 апреля 1867 г.— с. 411

«Урок анатомии». Карикатура на реакцию во Франции. Литография О. Домье. «Charivari», 21 августа 1869 г.— с. 295

Карикатура, высмеивающая материалистические взгляды К. Фогта. Журнал «Falot», 24 апреля 1875 г. *BPUG*. Воспроизводится по журналу: «Musées de Genève», № 136, июнь 1973 г. — с. 133

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абердин Гордон Джордж Гамильтон (Эбердин; Aberdeen G. G. G.) 112, 113
Абиньенте Филиппо (Abignente F.) 217, 229, 230
Авигдор Юлиус (Avigdor J.) 180, 181
Адамс У. (Adams W.) 54
Адлерберг Владимир Федорович 354
Акимов Дмитрий Степанович 680, 685, 687
Акимова (урожд. Кумани), жена Д. С. Акимова 680, 685, 687
Аколла Эмиль (Acollas E.) 306, 357, 358
Аксаков Иван Сергеевич 251, 399, 411, 412, 562, 569, 612, 635
Аксаков Константин Сергеевич — 390, 412
Аксберг Эмилия Михайловна 582
Аксенфельд Израиль 305, 306
Александр I 152, 318, 576, 678
Александр II 28, 80, 132, 134, 187, 238, 242, 296, 347, 353, 356, 365, 367, 379, 380, 391, 396, 409, 410, 412, 470, 476, 559, 560, 566, 595, 614, 678, 682, 683, 686, 691, 692, 704
Александр III 583
Александр Македонский 163
Александра Федоровна, императрица, жена Николая I 156
Александров Павел Сергеевич 714
Алексеев Михаил Павлович 59
Алексей Михайлович, царь 380, 381
Алкивиад 281
Алмазов Борис Николаевич 412
Альмера Александр Феликс (Альмерас; Almeras A. F.) 102, 103, 173, 174
Альтман Моисей Семенович 523
Альфтан Юзеф (Alftan J.) 374
Анненков Павел Васильевич 43, 75, 87, 202, 216, 275—277, 284, 304, 305, 545, 563—565, 569, 580, 599, 625, 632, 634, 643, 658
Антонелли Джакомо (Antonelli G.) 243
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович 612
Антушев Владимир Васильевич 578, 633
Антушев, сын В. В. Антушева 633
Анфантен Бартелеми Проспер (Enfantin B. P.) 213, 263
Анфу Андре (Amphoux A.) 624
Анфу (урожд. Моно) Жанна (Amphoux J., Monod) 7, 356, 557, 624
Анциферов Николай Павлович 357, 557, 609, 620, 628, 629, 633, 638
Арабажин Константин Иванович 581
Араго Этьен (Arago E.) 127, 128
Арефьева Елена Павловна 640
Аристотель 262
Армеллини Карло (Armellini C.) 239
Арналь Этьен (Arnal E.) 278, 305
Арндт Эрнст Мориц (Arndt E. M.) 132, 134
Арну Оноре (Arnould H.) 274
Арну-Плесси Сильвена (Arnould-Plessy S.) 304
Астраков Николай Иванович 623, 624, 628, 629, 640
Астракова Татьяна Алексеевна 551, 557, 576, 578, 582, 623, 624, 628, 629, 633, 670
Астраковы 582, 634
Аугустенбергский герцог, Фридрих (Augustenberg F.) 174
Ашерст Уильям Генри (Ashurst W. H.) 50, 241, 243
Ашерст-младший Уильям (Ashurst W.) 241, 247
Ашерсты (Ashurst) 240

Бабёф Гракх (наст. имя Франсуа Ноэль; Babeuf G. F. N.; Noël) 23, 32, 39, 221, 258, 502, 523
Бажановский Степан Иванович 685
Базар Сент Аман (Bazard S. A.) 243
Байрон Джордж Ноэл Гордон (Byron G. N. G.) 47
Бакунин Алексей Александрович 347
Бакунин Михаил Александрович (псевд.: Анри Суле, Лиза, Лорер, Магнус, Беринг, Шали) 6, 7, 19, 36, 37, 40, 43, 48, 53, 73, 84, 86, 88, 152, 153, 159, 184, 247, 251, 255, 258, 302, 306, 320, 324—342, 346, 347, 363, 364, 366—379, 383—386, 388, 389, 391—406, 413, 414, 416—440, 447, 451—456, 459—464, 467, 468, 470, 471, 474—478, 481, 483—485, 487—489, 493—495, 497—499, 520, 522—525, 527, 530, 531, 535—540, 543, 545, 546, 558, 562, 566, 569, 573, 580, 591, 595, 601, 612, 623, 630, 632, 638, 639, 643, 662, 689—692
Бакунин Николай Александрович 347
Бакунин Павел Александрович 584
Бакунина (урожд. Квятковская) Антония Ксаверьевна (Antonia, Antonietta) 464, 468, 477, 546, 566
Бакунина Т. А.— см. Осоргина Т. А.
Балабанов Марко 466
Балланш Пьер Симон (Ballanche P. S.) 271
Бальзак Оноре (Balzac H.) 261, 265, 266, 275, 287, 304, 354
Бамбергер Людвиг (Bamberger L.) 28, 77, 175, 177—180
Бандиера Аттилио (Bandiera A.) 52
Бандиера Эмилио (Bandiera E.) 52
Бараль дини Константино (Baraldini C.) 479, 487, 489, 491
Барбес Арман (Barbès A.) 29, 56, 284, 285
Барбье Огюст Анри (Barbier Aug. H.) 259, 265, 283, 303, 304
Барнум Финеас Тейлор (Barnum Ph. T.) 671
Барош Пьер Жюль (Baroche P. J.) 321, 322
Бартелеми Эмманюэль (Barthélémy E.) 292
Бартенев Владимир Иванович 487
Бартлет Уильям (Bartlett W.) 695

* Указатель составила Ю. Г. Кондратьева.

Барша (Баршу) Пенхоен Огюст Теодор Илер (Barchou de Penhoën A. T. H.) 73
Баршев Сергей Иванович 410, 412
Барятинский Александр Иванович 557
Батиани, г-жа (Batiani) 139
Бах Александр (Bach A.) 141
Бах Иоганн Себастиан (Bach J. S.) 707
Бахметев (Бахметьев) Павел Александрович 419—421, 423, 434, 440, 457, 473, 498, 521, 528
Безант Вальтер (Besant W.) 671
Безыменский Александр Ильич 714
Бейар Жан Франсуа Альфред (Bayar J. F. A.) 278
Бейер Эжен (Bayer E.) 92—94
Бейер (Beyer), адвокат, брат Э. Бейера 94
Бейль Пьер (Bayle P.) 257
Беккер Иоганн Филипп (Becker, J. Ph.) 118, 127, 128, 420, 422, 423, 463, 467, 700
Белинский Виссарион Григорьевич 10, 16, 43, 68, 69, 73, 256, 263, 267, 532, 551, 577, 580, 582, 632
Белявская Ирина Михайловна 182, 397
Бенедиктов Владимир Григорьевич 286
Бенкендорф Александр Христофорович 622
Бенни Артур Уильям (Benni A. W.) 398
Бентам Джереми (Bentham J.) 57
Беранже Пьер Жан (Béranger P. J.) 262—264, 275, 278, 283, 290, 294, 354, 678
Берберова (Николаевская) Инна Николаевна 719
Берг Филипп (Berg Ph.) 246
Бергер (Berger), книготорговец из Гаммерфеста 397, 398
Березовский Иосиф Николаевич 37
Берков Павел Наумович 673
Берлин Исайя (Berlin I.) 13, 25
Бернар Симон Франсуа (Bernard S. F.) 47, 53, 54, 61, 306, 342, 346, 351
Бернар Т. (Bernard T.), фотограф 541
Бернацкий Алоизий Проспер (Bernacki A. P.) 327
Бёрне Людвиг (Börne L.) 152, 153, 269
Бернштейн Б. (Bernstein B.) 644
Беррю Камиль (Berru C.) 326, 665
Берти Джузеппе (Berti G.) 208
Бессон Александр (Besson A.) 54
Бессонов Петр Алексеевич 412
Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович 261
Бетховен Людвиг (Beethoven L.) 707
Биггс (урожд. Ашерст) Матильда (Biggs M., Ashurst) 48—50, 241, 243
Биггс (Biggs), муж М. Биггс 243
Билибин Иван Иванович 462, 463
Бильдт Дитрих Андрес (Bildt D. A.) 371, 372
Бискамп Эхард (Biskamp E.) 91
Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (Bismarck von Schönhausen O.) 84, 180, 182, 411, 468
Бишопсгейм (Bischopsheim), банкир 180, 181
Благоволина Юлия Павловна 638
Блан Луи Жозеф Жан (Blanc L. J. J.) 8, 15, 23, 29, 48, 51, 53, 57, 59, 143, 238, 257, 268, 270, 271, 292, 306, 317, 318, 345—349, 356, 357, 556, 557, 618, 652, 654, 668
Бланки Луи Огюст (Blanqui L. Aug.) 28, 31, 284, 425, 427, 652, 654
Бланшар Фарамон (Blanchard Ph.) 215
Бланше Карл Аксель Теодор (Blanché C. A. Th.) 366, 368
Блейбтрей Георг (Bleibtreu G.) 211
Блендей Кристина (Blanday C.) 669
Блёш Эдуард Эуген (Bloesch E. E.) 119, 121
Блинд Карл (Blind K.) 77, 84, 90, 168, 169, 246
Блок Александр Александрович 552, 628
Блюм Роберт (Blum R.) 172
Блюменфельд (Blumenfeld), знакомый Ф. Григоровиуса 197
Боборыкин Петр Дмитриевич 42, 44, 295, 305, 306
Боборыкина Александра Александровна 582
Богданович Ангел Иванович 588
Боголюбов Алексей Петрович 626
Бодлер Шарль (Baudelaire Ch.) 332, 354
Боке Жан Батист (Bocquet J. B., Боске) 25, 26, 292, 683
Боке Камилл (Bocquet C.) 47
Бокль Генри Томас (Buckle H. Th.) 47
Бомарше Пьер Огюстен Карон (Beaumarchais P. Aug. C.) 254, 260, 267, 290, 303
Бомпьяни Луиджи (Bompiani L.) 245
Бомпьяни (Bompiani), жена Л. Бомпьяни 245
Бон (Beaune), эмигрант 360
Бонапарт — см. Наполеон I
Бонапарт Жером Жозеф (прозвище Плон-Плон, Наполеон; Bonaparte J. J., Plon-Plon) 52, 91, 92, 136, 140, 147, 148, 150, 152, 165
Бонапарт Пьер Наполеон (Bonaparte P. N.) 464
Боннер Гипатиа (Bonner H.) 57
Боннье Альбер (Bonnier A.) 356, 367, 371, 373, 375, 376
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 437, 600, 612, 615—617, 620, 621, 637, 639, 679
Боот-Холмберг Сесилия Ульрика Лаура Ловиза (Bääth-Holmberg C.U.L.L.) 367, 373, 395
Боргстрём Хенрик (Borgström H.) 374
Борель Юлиус (Borel J.) 461
Борис Годунов, царь 262, 303, 610
Боркгейм Сигизмунд Людвиг (Borkheim S. L.) 439, 498
Борнштедт Адальберт (Bornstedt A.) 659
Боткин Василий Петрович — 16, 256, 278, 580, 582, 583, 587
Боткина (в замуж. Пикулина) Анна Петровна 583
Боткина (урожд. Рульяр) Арманс Александровна 278
Боткины 576
Брандамур Рихард (Brendamour R.) 505
Браницкий Ксаверий 250
Брасс Аугуст (Brass A.) 91, 122, 124
Браун Джеймс (Braun J.) 59
Браунинг Роберт (Browning R.) 57
Брисбейн Альбер (Брейсбен, Brisban A.) 31
Брокгауз Ф. А. (Brockhaus F. A.) 79
Брукс Уильям (Brooks W.) 706, 707
Брукфилд Джейн Октавия (Brockfield J. O.) 50, 56
Брукфилд Уильям Генри (Brockfield W. H.) 50, 56
Бруннов Филипп Иванович 144, 145, 612
Брэдлаф Чарлз (Bradlaugh Ch.) 48, 51—57
Буало-Депрео Никола (Boileau-Despréaux N.) 261, 262
Бубнов Андрей Сергеевич 617
Будберг Андрей Федорович 611
Будковский Густав Яковлевич 550
Бузе Шарль (Bouzet Ch.) 30
Булгаков Сергей Николаевич 11, 25

Булич Николай Николаевич 551, 628
Буоль-Шаунштейн Карл Фердинанд (Buol-Schaunstein K. F.) 144, 145
Бурбоны (Bourbons) 208, 212, 224, 262, 282, 600, 688
Бурже Эрнест (Bourget E.) 304
Буржуа А. (Анисе Огюст; Bourgeois A.; Anicet Aug.) 305
Бурков, крест. 397
Буслаев Федор Иванович 412
Бутенев Аполлинарий Петрович 610
Буффе Мари (Bouffé M.) 277, 278, 305
Бухарин, дипломат 681
Бухгейм Лев Эдуардович 605, 609, 638
Бухгейм Э. Л. (Buchgeim E. L.) 190
Бухер Лотар (Bucher L.) 246
Бушо (Bouchot), домашний учитель Герцена 257, 261, 300
Быстров 460, 462
Бычков Афанасий Федорович 632
Бычков Иван Афанасьевич 598
Бьёрк Альберт Вильгельм (Björck A. W.) 366, 371, 372
Бэкон Фрэнсис (Bacon F.) 14, 47, 274
Бюлоз Франсуа («Бюлоц», Buloz F.) 306, 354—356
Бюргер Готфрид Август (Bürger G. A.) 147
Бюффон Жорж Луи Леклерк (Buffon G. L. L.) 256, 270
Бюхнер Людвиг (Büchner L.) 89, 131
Бюше Филипп Жозеф Бенжамен (Buchez Ph. J. B.) 264

Вавилов Сергей Иванович 620
Вагнер Рихард (Wagner R.) 96, 98, 100, 137
Вагнер Рудольф (Wagner R.) 102, 103, 119, 129, 130, 132, 133, 157
Вакери Огюст (Vacquerie Aug.) 340
Ваксель Платон Львович 176
Валентин Габриэль Густав (Valentin G. G.) 161, 163
Валерио Джоакино (Valerio G.) 92, 94
Валерио Лоренцо (Valerio L.) 92, 93, 206, 207
Валленштейн (Вальдштейн) Альбрехт (Wallenstein, Valdštejn A.) 66
Валлот Вильгельм (Vallot W.) 115—117
Вальдегамас Хуан Франциско Донозо Кортес (Valdegamas Juan Francisco Donoso Cortes) 646, 655, 659, 660
Вандалковская Маргарита Георгиевна 603—605, 628, 637, 638
Ван-Дейк (Ван-Дик) Антонис (Van Diek, Van Dijek A.) 282
Ваней (Vaney) Марк 135
Ван-Россум Лео (Rossum L. van) 7, 622, 629
Ванновский Петр Семенович 403
Варенн Шарль (La Varenne Ch.) 163, 304
Варлен Луи Эжен (Varlin L. E.) 297
Варнгаген фон Энзе Карл Август (Varnhagen von Ense K. A.) 587
Васев Владимлен Михайлович 704, 707
Васильев Михаил Семенович 694, 696
Вашингтон Джордж (Washington G.) 678
Вейдемейер Иосиф (Иозеф, Weydemeyer J.) 84, 655
Вейс, капитан-лейтенант 686
Вейтлинг Вильгельм (Weitling W.) 15, 17, 76
Великсин Димитр 466
Велланский Данило Михайлович 72
Веллингтон Артур Уэлсли (Wellington A. W.) 177, 178
Венгеров Семен Афанасьевич 588, 597
Веневитинов Михаил Алексеевич 581, 582, 634
Веневитиновы 303, 581
Вентури Карло (Venturi C.) 50
Вентури Франко (Venturi Fr.) 208, 216, 240
Вердер Карл (Werder K.) 81
Вермон Поль (наст. имя Guinot Eugène; Vermond P.) 278
Верморель Огюст Жан Мари (Vermorel Aug. J. M.) 306
Верне Ш. Э. (Vernet Ch. E.) 278, 305
Вернер Густав (Werner G.) 625
Вернер Захарий (Цахариас; Werner Z.) 66
Веселовский Александр Николаевич 251
Веселовский Алексей Николаевич 634
Вестман Владимир Ильич 558
Веттергофф Карл Густав (Wetterhoff K. G.) 386
Виардо (урожд. Гарсиа) Полина (Viardot P., Garcia) 680
Виктория (Victoria), королева 57, 60, 139, 683
Викторов Алексей Егорович 576, 632
Виктор Эммануил II (Vittorio Emmanuele II) 210, 212, 213, 236
Вилле Франц (Wille F.) 96, 98, 100, 119
Виллих Аугуст (Willich Aug.) 81, 127, 128, 183, 184, 643, 645, 650, 655
Вильмен Абель Франсуа (Villemain A. F.) 160, 270
Вильсон Гарольд (Wilson G.) 704
Вимей (Viemey), книгоиздатель 131
Винер Карл (Чарлз; Wiener Ch.) 221
Винклер, Клеменс Александр (Winkler K. A.) 171, 172
Виноградов Виктор Владимирович 640
Виноградов Павел Гаврилович 586, 588
Винтерберг Филипп (Winterberg Ph.) 89
Винтерсберг Э. (Wintersberg E.) 189—194
Виньи Альфред Виктор (Vigny A. V.) 261, 265, 354
Виргман Чарлз (Wirgmann Ch.) 145
Вирхов Рудольф (Virchow R.) 161, 163
Висконти (Visconti), книгопродавец 683
Витберг Александр Лаврентьевич 199, 578, 633
Витвер (Witwer), отец Марианны Фогт (Мишель) 113
Витвицкий Дмитрий Степанович 680, 685
Волк Степан Степанович 658
Волкова Наталья Борисовна 7
Волконские 589
Волконский Петр Михайлович 622
Волконский Сергей Григорьевич 612, 686, 688
Володин Александр Иванович 9—44, 439
Вольтер (наст. имя Анри Мари Франсуа Аруэ; Voltaire, Arouet A. M. F. A.) 13, 66, 160, 254, 255, 267, 270, 274, 275, 278, 302, 303, 360
Вольфзон Вильгельм (Wolfsohn W.) 79
Вордсворт Уильям (Wordsworth W.) 57
Ворцель Станислав Габриэль (Worcell S. G.) 29, 57, 59, 118, 244, 404, 668
Вощанкин Василий Иванович 704
Вырлина Александра (Саша) 551, 582
Вырубов Григорий Николаевич 250, 298, 302, 355, 417, 550, 561—566, 574, 577, 582, 608, 610, 611, 631

Вьельгорские 581
Вюильмье Марк (Vuilleumier M.) 87—175, 219, 230, 234, 306, 383, 388, 741
Вяземский Петр Андреевич 9, 590

Гааг Луиза Ивановна 54, 64, 88, 207, 229, 230, 312, 330, 331, 550, 580, 628
Габриэль (наст. имя Габриэль де Люрье Жюль Жозеф, Gabriel J. G. de Lurier) 278
Габсбурги (Habsburger) 251, 467, 664
Гаварни Поль (наст. имя Шевалье Сюльпис Гийом; Gavarni P., Chevalier S. G.) 282, 283
Гайденков Николай Матвеевич 714
Гаймбергер (Heimberger), адресат Винтерсберга 190
Гайс, капитан 687
Гакстгаузен Август Франц Людвиг (Haxthausen A. F. L.) 18, 182—184, 237, 238
Галахов Иван Павлович 569
Галеви Эли (Halévy E.) 304
Галер Альбер (Galeer A.) 668
Галер Луиза (Galeer L.) 143, 668
Галилей Галилео (Galilei G.) 332
Галич Александр Иванович 72
Гальваньо Джованни Филиппо (Galvagno G. F.) 206
Гамбуцци Карло (Gambuzzi C.) 404, 405
Ганауэр Генрих (Hanauer H.) 163
Ганнушкин Михаил Борисович 585
Гарибальди (урожд. Ривейре де Сильва) Анита (Garibaldi A., Riveire de Silva) 210, 567, 568
Гарибальди Джузеппе (Garibaldi G.) 29, 53, 57, 92, 118, 170, 173, 174, 195, 204, 205, 210—215, 234, 235, 242, 243, 247—249, 251—253, 321, 340, 343, 344, 360, 398, 406, 576, 601, 618
Гарибальди Роза (Garibaldi R.) 210
Гарибальди (Garibaldi), дети 210
Гарнье Ипполит (Garnier H.) 329, 330
Гарнье Огюст (Garnier Aug.) 329, 330
Гартман Мориц (Маврикий; Hartmann M.) 28, 110, 171, 172, 175—178, 180—182
Гаскелл Элизабет (Gaskell E.) 56
Гассенди Пьер (Gassendi P.) 257
Гауг Эрнст (Haug E.) 44, 48—50, 96, 101, 103—107, 110, 113, 116, 117, 137, 139, 182—184, 190—194, 330, 549
Гафиз (Хафиз) 137, 138
Гверцони Джузеппе (Guerzoni G.) 247—249
Ге Николай Николаевич 251, 577, 618
Гёгг Арман (Гох, Goegg A.) 155—157, 163, 550
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel G. W. F.) 14, 18, 43, 72—75, 304, 305, 394
Гейн (Hein), друг Г. Гервега 137
Гейне Генрих (Heine H.) 67, 69, 70, 72, 81, 83, 86, 87, 125, 199, 269, 275, 302, 304, 671
Гейнцен Карл (Heinzen K.) 30
Геккер Фридрих (Hecker Fr.) 127, 128
Гельвеций Клод Адриан (Helvétius C. A.) 256
Гендель Георг Фридрих (Händel G. F.) 706
Георгиевский Григорий Петрович 592, 593, 597, 598, 607, 636, 637
Гёпель Карл (Göpel K.) 122
Гервег Георг (Herwegh G.) 28, 48, 77, 81, 88, 96, 98—102, 119, 124, 137—139, 153, 169, 175, 180, 207, 231—233, 238, 304, 310—313, 549, 550, 556, 557, 563, 564, 579, 590, 609, 610, 622, 624, 638, 640
Гервег Горас (Herwegh H.) 96, 98, 100
Гервег (урожд. Зигмунд) Эмма (Herwegh E.) 88, 96, 98—100, 108, 119, 121, 134, 138, 139, 180, 231, 556, 563, 564, 570
Герман (Hermann), девица 183
Герриери, лицо неустановленное 115
Герцен Александр Александрович (Саша, Шушка, Юниор) 41, 48, 50, 57, 81, 82, 88, 93, 105—107, 110, 115, 117, 119, 124, 126, 132, 135, 139—142, 144, 148, 149, 155, 157, 158, 160—167, 169, 170, 175, 180, 181, 185, 207, 210—212, 215—217, 259, 292, 303, 304, 326, 333, 337, 338, 341, 345, 348, 355—357, 369—378, 384—392, 394—396, 398, 415—417, 421, 422, 438, 447—450, 452—454, 461, 465, 466, 469, 480, 549, 550, 554—565, 567—593, 596, 597, 599, 601, 604, 605, 607, 608, 611, 612, 615—618, 620—622, 625—627, 629—636, 639, 645
Герцен Алексей Александрович (Лёля-бой) 242, 346, 354, 566, 601
Герцен Владимир Александрович 553, 579, 615—619, 621
Герцен Егор Иванович 559, 575, 584
Герцен Елена Александровна (Лёля-герл) 242, 346, 354, 566, 601
Герцен Елизавета Александровна (Лиза) 339, 353, 354, 443, 466, 552, 558—560, 563, 566—568, 600, 601
Герцен (урожд. Вилле) Ида 615, 624, 625
Герцен (урожд. Захарьина) Наталья Александровна (Natalie) 18, 68, 88, 93, 96—101, 105, 199, 203, 207, 210, 217, 218, 226, 229, 230, 233, 240, 243, 304, 330, 331, 549—551, 557, 563—565, 577—582, 584, 585, 593, 600—602, 609, 613, 620, 622—624, 632—636, 639
Герцен Наталья Александровна (Наталина, Наташа, Тата, Natalie, R. Wilson) 5, 6, 50, 56, 81, 82, 103, 104, 117, 126, 151, 172, 175, 177, 178, 184, 197, 198, 215, 228, 231, 232, 246, 249, 253, 300, 334, 335, 337, 401, 413—419, 421—423, 428, 430, 431, 433—461, 464—467, 469, 471—475, 478, 479, 481, 482, 486—492, 494, 499, 507, 516, 518, 520—525, 527, 528, 530, 531, 535—542, 554—556, 561—565, 567, 568, 570, 574, 576, 577, 579, 580, 582 — 589, 591, 592, 596—605, 607—617, 620—630, 633—638, 640, 681, 682, 706, 711
Герцен Наталья Петровна 7, 92, 565, 625, 626, 631
Герцен (в замуж. Корназ) Нелла (Cornaz N.) 579, 616, 618, 639
Герцен Николай Александрович (Коля), сын 88, 144, 146, 207, 230, 240, 330, 331, 579, 620, 633, 652
Герцен Николай Александрович (внук) 373, 574, 579, 590, 591, 596—598, 603—605, 607—611, 615, 616, 619, 621, 624, 625, 627, 636
Герцен (в замуж. Моно, Monod) Ольга Александровна (Магна) 50, 103, 104, 152, 172, 184, 197, 198, 205, 215, 217, 231, 232, 242, 246, 253, 356, 357, 417, 442, 469, 554, 560, 563, 570, 576, 579, 581—584, 588, 589, 591, 603, 608, 609, 613, 616, 621—624, 626, 627, 633, 634, 637, 639, 681, 682
Герцен Петр Александрович 616
Герцен Серж 7, 626, 627, 634
Герцен (урожд. Феличе) Терезина (Felice T.) 215, 333, 446, 579, 598, 613, 615, 616, 618, 625, 627
Герцен, вдова Н. А. Герцена (внука) 62

Герцены 556, 558, 563, 578, 584, 586, 587, 598—600, 603—605, 609, 611, 613, 614
Гершензон Абрам Осипович 586—590, 594, 595, 600, 635—637
Гершензон Мария Борисовна 600—602
Гершензон Михаил Осипович 11, 44, 217, 244, 364, 413, 437, 556, 561, 568, 586—600, 602—606, 608, 609, 629, 635—638
Герье Владимир Иванович 599
Герье (урожд. Станкевич) Евдокия Ивановна 599
Герье Елена Владимировна 599
Гесиод 136
Геслер Герман (Gessler H.) 467
Гесс Мозес (Hess M.) 77, 643—662
Гёте Иоганн Вольфганг (Goethe J. W.) 64, 66, 68—76, 82, 83, 86
Гехт Вильгельм (Hecht W.) 569
Гизо Франсуа Пьер Гийом (Guizot Fr. P. G.) 15, 103, 261, 264, 270, 271
Гиллельсон Максим Исаакович 628
Гильдебранд Бруно (Hildebrand B.) 137—139
Гильмен А. (Guillemin A.) 307, 311—313
Гильом (Гийом) Джеймс (Guillaume J.) 416, 422, 433, 436, 438, 440, 448, 449, 461, 462, 464, 467, 475, 477, 489, 525, 543, 700
Гинар Огюст Жан (Guinard Aug. J.) 21
Гинзбург Лидия Яковлевна 672
Гирс Николай Карлович 558—560
Гладилин Василий Дмитриевич 714
Глинка (урожд. Голенищева-Кутузова) Авдотья Павловна 612
Глинка Михаил Иванович 359
Гоббс Томас (Hobbes Th.) 47
Гогенемзер Софи (Hohenemser S.) 102, 103, 105, 110, 115, 135
Гогенемзер, семья 115
Гоголь Николай Васильевич 10, 13, 149, 269, 288, 294, 326, 332, 625
Гойтен Ирма (Гойтейн, Goitein I.) 659
Голицын Василий Дмитриевич 607
Голицын Дмитрий Владимирович 622
Головин Иван Гаврилович (кн. Ховра) 84, 92, 93, 96, 98, 99, 115, 133, 134, 139, 150, 152, 177, 178, 206
Голохвастов Дмитрий Павлович 303
Голохвастова (урожд. Андреевская) Ольга Андреевна 633
Гольбах (Ольбах) Поль Анри (Holbach P. H.) 256, 270, 274
Гольденвейзер Александр Борисович 550, 628
Гольдсмит (Goldsmith), банкир 180, 182
Гольцев Виктор Александрович 572, 577—579
Гомер 136, 138, 331
Гонзалес Э. Л. (Gonzales E. L.) 204
Гонкур Жюль (Goncourt J.) 295, 305
Гонкур Эдмон (Goncourt E.) 295, 305
Гончаров Осип Семенович 697, 698
Горбунов Кирилл Антонович 580, 634
Горлов, полиц. агент 494
Горчаков Александр Михайлович 412, 461
Готье Теофиль (Gauthier Th.) 330, 354
Готье Юрий Владимирович 585
Гоукс Сидней (Hawkes S.) 50, 103, 668
Гоукс-Вентури (урожд. Ашерст) Эмилия (Hawkes-Venturi; Ashurst) 5, 6, 236, 238, 241, 242, 244, 245
Гофман Август Вильгельм (Hoffmann A. W.) 142, 143
Гофман Эрнст Теодор Амадей (Hoffmann E. Th. A.) 67—69, 265, 302
Гофман (Hoffmann), издатель. См. Кампе Ю
Гох — см. Гёгг А. 156
Гош Лазар Луп (Hoche L. L.) 257
Гранжар Анри (Granjard H.) 7
Грановская (урожд. Мюльгаузен) Елизавета Богдановна 551, 580, 582
Грановский Тимофей Николаевич 13, 70, 255, 269, 352, 551, 571, 577, 578, 580, 582, 587, 599
Грант Роберт Эдвард (Grant R. E.) 57
Грант-Дафф Монстюарт (Grant-Duff M.) 51—53
Грасс Андреас Филипп (Grass A. Ph.) 65, 195, 626
Грассо Поль Луи Огюст (Grossot P. L. Aug.) 304
Граф Карл (Graf K.) 138
Грблев (Грыблев) Г. (P.) 466
Грегоровиус Фердинанд Адольф (Gregorovius F. A.) 175, 197, 198
Грегсон Томас (Gregson Th.) 60
Грей Джордж (Grey G.) 59
Грибоедов Александр Сергеевич 9, 13, 590, 625
Грив Александр Иванович 180—182
Григорьева Ирина Владимировна 400, 405
Григорьева Ирина Федоровна 7
Грили Орас (Greeley H.) 671, 675
Грильпарцер Франц (Grillparzer F.) 177, 178
Гринан Жан Батист (Grinan J. B.) 652, 661
Грингмут Владимир Андреевич 598
Гритли (Gritli) 112
Громека Степан Степанович 566, 569, 612
Громор А. (Gromort A.), перев. и изд. 322, 323
Гросул Владислав Якимович 428, 466
Грузенберг Оскар Осипович 605
Груссе Паскаль (Grousset P.) 464
Гуасталла Марио (Марко; Guastalla M.) 218, 249, 250
Гурвич-Лищинер С. Д.— см. Лищинер С. Д.
Гурко Мария Андреевна 581, 585
Гутман Т. Л. 690
Гуттри Александр (Guttry A.) 369
Гфрёрер Август Фридрих (Gfrörer A. F.) 17
Гюго Виктор Мари (Hugo V. M.) 8, 30, 52, 53, 58, 59, 139, 254, 261, 262, 265, 266, 275, 277, 279, 296—298, 303, 304, 306, 339—345, 349, 350, 354, 358, 557, 590, 618, 668

Давид Жак Луп (David J. L.) 264
Давыдовы 589
Д'Агу (псевд. Даниель Стерн) Мари Катрин (Dagoult M. C. D. Stern) 180, 182
Д'Аламбер Жан Лерон (D'Alembert J. L.) 256
Дамет Клод Мари Анри (Dameth C. M. H.) 110, 142
Дан Ч. Г. (Dan Ch. G.), 671
Даниельсон (Николай -он) Николай Францевич 436, 463, 481—485, 487, 494, 521, 526
Даниил, игумен 634
Данте Алигьери (Dante Alighieri) 13, 199, 216, 404
Дантон Жорж Жак (Danton G. J.) 257, 275
Дантю Эдуард Анри Жюстен (Dentu E. H. J.) 294
Дараш Альберт (Darasz A.) 154, 156
Дараш Павел (Darasz P.) 154, 156, 157, 244
Дарвин Чарлз Роберт (Darwin Ch. R.) 50, 90, 133
Дашкова Екатерина Романовна 80
Девиль Амедей Франс (Deville A. F.) 292, 306, 333—335, 337—339, 683

Девис Р. А. (Davis R. A.) 61
Дежазе Виргиния Полина (Déjazet V. P.) 278
Декан (Deken), знакомая Э. Кинэ 359
Декарт Рене (Descartes R.) 121, 265
Делавинь Жермен (Delavigne J.) 342
Делаво Анри (Ипполит; Delaveau H.) 304, 340, 342, 343, 351, 352
Демонтович Юзеф Блажей (Demontowicz J. B.) 369, 387, 395
Демосфен 174, 410
Деннери Адольф Филипп (Dennery, D'Ennery A. Ph.) 279
Деннигес Елена (Dönniges H.) 543
Депеньи (Dépégny), франц. драматург 278
Дефор (Defort), сотрудник газеты «Marseillaise» 464
Джексон Джозеф (Jackson J.) 673
Дженцано (Genzano), знакомый Ф. Грегоровиуса 197
Джонс Эрнест Чарлз (Jones E. Ch.) 29, 30, 55—57
Джордан Уильям (Jordan W.) 59
Джунковский Степан Степанович 398
Дзагурова Юлия Павловна 620
Дидро Дени (Diderot D.) 254—256, 265, 267, 270, 275, 303
Дизраэли Бенджамин, Биконсфилд (Disraeli B., Beaconsfield) 57
Диккенс Чарлз (Dickens Ch.) 47, 56, 57, 199, 318, 705
Диксон Хепворт (Dixon H.) 51
Дилк Чарлз Уэнворс (Dilke Ch. W.) 51, 52, 57, 266, 349
Дилк Чарлз (Dilke Ch.), отец Ч. У. Дилка 51
Динесман Татьяна Георгиевна 8, 716
Дитцель Густав (Dietzel G.) 122, 124
Добролюбов Николай Александрович 256
Доброхотов Дмитрий Николаевич 585
Дове Генрих Вильям (Dove H. W.) 174
Долгоруков Василий Андреевич 412
Долгоруков Петр Владимирович 352, 354, 610, 622, 626, 660, 691
Дольфи (Долфи) Джузеппе (Dolfi G.) 217, 251, 252
Домагальский Михаил (Domagalski M.) 211
Доманже Жозеф Жан Мари (Domengé J. J. M.) 29, 141, 142, 155, 159, 161, 163, 292
Домициан Тит Флавий 223
Домье Оноре (Daumier H.) 25, 119, 171, 275, 279, 281—283, 291, 295
Достоевский Федор Михайлович 10, 12, 416, 428, 435, 437, 440, 552, 593, 625, 628
Драгоманов Михаил Петрович 413, 417, 437, 438, 556, 569. 570, 572—574, 580, 610—612, 620, 632, 638
Драмис Аттанасио (Dramis A.) 404
Дрейфус Альфред (Dreyfus A.) 356
Дронке Эрнст (Dronke E.) 655, 661
Дрыжакова Елена Николаевна 628
Дрюэ Анри Шарль (Druey H. Ch.) 127, 128, 131, 134
Дубовиков Алексей Николаевич 570, 571, 628, 631, 632
Дунаев Вадим Михайлович 714
Дурандо Джакомо (Durando J.) 225
Дурново Иван Николаевич 583
Дьяков Валентин Анатольевич 384, 395, 396, 398, 439
Дюбуа-Довен Шарль Ипполит (Dubois d'Ovesnes Ch. H.) 305
Дювейрие Шарль (Duveyrie Ch.) 304
Дювер Феликс Огюст (Duvert F. Aug.) 304, 305
Дювернуа Александр Львович 572
Дюкомен Ели (Ducommun E.) 699, 701
Дюкре-Дюменильь Франсуа Гийом (Ducray-Dumesnil Fr. G.) 260, 303
Дюлу (Duloup) 352, 354
Дюма Александр—отец (Dumas A.— père) 277, 280, 610
Дюма Александр—сын (Dumas A.— fils) 266, 277
Дюма Жан Батист (Dumas J. B.) 270
Дюмануар Филипп Франсуа (Dumanoir Ph. F.) 279, 304, 305
Дюменильь (Dumesnil), дочь Ж. Мишле 331, 332
Дюменильь Эмиль Себастиан (Dumesnil E. S.) 332
Дюмерсан Теофиль Марион (Dumersan Th. M.) 163, 304
Дюнуайе (Du Noyer E.) 305
Дюпон де л'Эр Жак Шарль (Dupont de l'Eure J. Ch.) 14, 262
Дюшатель Шарль Мари (Duchatel Ch. M.) 282, 305, 644
Дюшозаль Жан Анри (Duchosal J. H.) 101, 103, 115, 149

Егоров Борис Федорович 658
Екатерина II 59, 61, 626, 678
Ермолов Алексей Петрович 132, 134
Ерта Ларс Юхан (Hierta L. J.) 371, 372

Жан-Поль (наст. имя — Рихтер Иоганн Пауль Фридрих, Richter J. P. F.) 66
Жанен А. Ф. (Janin A. F.) 111
Жанен Жюль (Janin J.) 265, 277
Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 68
Жарделль Германия (Ерминия; Эрминия; Jardell H.) 460, 472
Желвакова Ирина Александровна 175, 179—182, 628, 629, 633, 634, 640, 671, 672, 678
Жемчужников Алексей Михайлович 566
Жемчужников Владимир Михайлович 566
Жеребцов, домовладелец 147
Жеребцова (урожд. Гофрихтер) Мария Амалия 126, 127, 135, 146, 147
Жеребцова (урожд. Зубова) Ольга Александровна 269
Жигу де Грандр Э. (Gigoux de Grandre E.), художник 17
Жирарден Эмиль (Girardin E.) 280, 281, 300, 451, 524
Жирмунский Виктор Максимович 87
Житомирская Сарра Владимировна 7, 8, 412—640
Жоанно Тони (Johannot T.) 285
Жордан г-жа (Jordan) 352, 354
Жоффруа Сент-Илер Этьен (Geoffroy Saint-Hillaire E.) 270
Жуковская (Зиновьева) Аделаида Степановна 462, 518
Жуковский Николай Иванович 418, 432, 437, 456, 462, 463, 482, 486, 487, 517, 518, 525, 546, 573, 612
Журден Гюстав (Jourdain G.) 47

Забелло Пармен Петрович 251
Зайцев Варфоломей Александрович 489
Замойский Анджей (Zamoyski A.) 250
Занд Карл Людвиг (Sand K. L.) 64, 77, 87
Запасник Александр 320

Засулич Вера Ивановна 37, 428
Захарьин Петр Александрович 580, 582
Збышевский Вл. (Карпь; Zbyszewski W.) 392, 398
Зверев Николай Андреевич 594—596
Звигильский Александр (Zviguilski A.) 306, 356, 624, 640
Зейлер Себастиан (Seiler S.) 644, 655, 656, 659, 661, 662
Зенкович Леон (Zienkowicz L.) 244
Зенкович Феликс (Zienkowicz F.) 384, 386, 395
Зигель Федор Федорович 661
Зигмунд (Siegmund), отец Э. Гервег 96, 98, 100, 132, 134
Зигмунд Густав (Siegmund G.) 96, 98, 100
Зигмунды (Siegmund), семья 146
Зильбернер Эдмунд (Silberner E.) 183, 333, 659, 660
Зильберштейн Илья Самойлович 620, 640
Зильберштейн Яков Аркадьевич («смирновец») 603, 637
Злоцисти Т. (Zlocisti Th.) 659
Зольгер Рейнгольд (Solger R.) 77, 78, 652
Зольман — см. Сульман А.
Золя Эмиль (Zola E.) 356

Иванов Иван Иванович 414—416, 420—422, 476, 540, 542, 544, 545
Иванов Сергей Владимирович 704
Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов) Разумник Васильевич 637
Иванюков Иван Иванович 578
Ивашев Василий Петрович 634
Игнатьев Николай Павлович 693, 694, 696
Извольская Елена (Iswolska H.) 413
Изюмов А. Ф. 612, 620, 639
Имандт Петр (Imandt P.) 661
Имбер (Imbert), дворецкий в Зимнем дворце 352—354
Ингрехэм Дункан Натаниэл (Ingraham D. N.) 113, 114
Ирвинг Уошингтон (Вашингтон, Irving W.) 671
Итенберг Борис Самойлович 8
Ихас Даниель (Ihasz D.) 663
Ишутин Николай Андреевич 474

Йордан Зыгмунт (Jordan S.) 363—369, 373, 394—396

Кабе Этьен (Cabet E.) 23, 268, 284, 349, 652, 660
Кавелин Константин Дмитриевич 573, 584, 587, 612, 622, 632, 635
Кавелина (урожд. Корш) Антонина Федоровна 611
Кавур Камилло Бенсо (Cavour C. B.) 210, 214, 217, 222, 411
Кадо Мишель (Cadot M.) 306, 326, 352
Калачов Николай Васильевич 412, 581, 626
Калинка Валериан (Kalinka W.) 396
Калишевский Антон Иеронимович 591, 592, 598, 632
Каллиостро Алессандро (наст. имя Бальзамо Джузеппе; Balsamo G., Cagliostro) 317, 318
Кальвин Жан (Calvin J., Calvinus) 116, 135, 173, 174
Кампе Юлиус (Campe J.), руководитель фирмы «Hoffmann und Campe» 21, 80, 141—143, 156, 157, 167, 643, 650, 653
Камперио Филиппо (Camperio Ph.) 423, 471, 477
Кандоль (Де Кандоль) Огюстен Пирам (de Candolle Aug. P.) 304
Каневский Борис Петрович 7
Канробер Франсуа (Canrobert Fr.) 335
Кант Иммануил (Kant I.) 64, 70, 630
Кантор Рувим Моисеевич 440
Капп Фридрих (Kapp F.) 28, 77, 78, 645
Капп Эрнст (Kapp E.) 543
Каппель Андрей Федорович 69
Капран Михаил Яковлевич 7
Каравелов Любен 466
Каракозов Дмитрий Владимирович 37
Карамзин Николай Михайлович 13, 172
Каренский, крест. 397
Карл X (Charles X), фр. король 262
Карл XV (Karl XV), шведск. король 372, 373, 395, 396
Карл Альберт (Carlo Alberto), сард. король 200, 202, 203, 218, 220, 222, 224, 225, 412
Карлейль Джейн (Carlyle J.) 48—50
Карлейль Томас (Carlyle Th.) 29, 47, 49, 50, 53, 56, 57, 59, 60, 177, 178, 257
Кармуш Пьер Франсуа Адольф (Carmouche P. F. A.) 304
Карольи Гиула (Karolyi G.) 139
Карольи Д. (Karolyi D.) 139
Карольи (урожд. Зичи) Каролина (Karolyi K.) 135, 136, 139
Карпинский Александр Петрович 437, 615
Карр Эдуард (Carr E.) 439, 609
Каррель Арман (Carrel A.) 4, 15, 262, 270
Карху Эйно Генрихович 364, 374, 395—397
Карякин Юрий Федорович 44, 439
Касаткин Виктор Иванович 174, 175, 374, 375, 462
Касаткина Елизавета Васильевна 174, 175, 456, 562
Кассано (Cassano), художник 234
Кассо Лев Аристидович 607
Кастольди Ж.-Ж. (Castoldi J. J.) 127, 128
Катилина Луций Сергий (Catilina L. S.) 272
Катков Михаил Никифорович 355, 399, 412, 572
Катто Жак (Catteau J.) 417
Каченовский Михаил Трофимович 349
Кашперов Владимир Никитич 206
Квадрио Маурицио (Quadrio M.) 30, 212, 217, 235—238, 242, 244, 245
Квантен Эмиль (Qvanten E.) 363—375, 378, 384—390, 394—398
Квантен (Qvanten), жена Э. Квантена 388
Квист Карл (Kvist K.) 364, 374, 389
Кёлликер Рудольф Альберт (Koelliker R. A.) 158, 159, 161, 163—165
Кельсиев Василий Иванович 349, 351, 364, 395, 397, 398, 577, 611, 622, 632, 693—696, 698
Кельсиев Иван Иванович 693—699
Кельсиева (урожд. Щербакова) Варвара Тимофеевна 349, 622, 698
Кеменова Зинаида Васильевна 397
Кемпбелл Джон (Кембель; Campbell J.) 54
Кеневич Стефан (Kieniewicz S.) 398
Кёниг Генрих Иосиф (König H. J.) 371
Кенэ Франсуа (Quesnay F.) 33
Кёрдеруа Эрнест (Coeurderoy E.) 293
Керн Иоганн Конрад (Koern J. K.) 133, 134, 155, 156
Кетчер Николай Христофорович 199, 264, 551, 571, 578, 580—582, 586, 587, 633, 634

Кетчер Серафима Николаевна 580
Кизеветтер Александр Александрович 598, 615, 616
Кине Эдгар (Quinet E.) 14, 30, 34, 254, 272, 298, 306, 354, 358—360
Кине (урожд. Ассаки) Эрминия (Quinet E., Asaky) 256, 358—360
Кинкель Готфрид (Kinkel G.) 8, 50, 107, 175, 182—189
Кинкель Йоганна (Kinkel J.) 50, 182, 183, 186, 188, 195
Кинкели 183
Киреевская Мария Васильевна 600
Киреевские 637
Киреевский Иван Васильевич 600
Кирхнер Эмиль (Kirchner E.) 569
Клапка Дьердь (Klapka G.) 88, 92, 114, 115, 129, 144, 166, 167, 169, 195, 196
Кларендон Георг Вилиерс (Clarendon G. W.) 59
Кларти Жюль (Claretie J.) 257, 295
Клеман (Clément), хозяйка квартиры Нечаева в Париже 417
Клервиль Луи Франсуа (Clairville L. F.) 304, 305
Клиентова (в замуж. Лаврова) Александра Григорьевна 576, 577, 582, 632
Клинге Матти (Klinge M.) 395
Ключевский Василий Осипович 578
Клячко Юлиан (Клачко; Klaczko J.) 355
Книжник-Ветров Иван Сергеевич 496
Ковалевский Владимир Осипович 370, 396
Ковалевский Максим Максимович 11, 43
Ковальская Марианна Ильинична 174, 199—248
Козенц Энрико (Cosenz E.) 208, 216, 234, 235
Козьмин Борис Павлович 392, 418, 438, 439, 463, 487, 545, 553, 619, 620, 628
Кок Поль де (Kock P. de) 290
Кокс У. (Cox W.) 59
Кола ди Риенцо (наст. имя Никола ди Лоренцо, Cola di Rienzo, Nicola di Lorenzo) 404, 406
Колачек Адольф (Kolatshek A.) 77—79, 180—183, 652, 655
Колладон Жан Даниэль (Colladon J. D.) 161, 163
Колпинский Никита Юрьевич 87—92, 175
Колридж Самюэл Томас (Coleridge S. Th.) 57
Колумб Христофор (лат. Columbus, итал. Colombo, исп. Colon) 332
Кольцов Алексей Васильевич 145, 625, 668
Комаров Т. (псевд. Чаплия), укр. публицист и общ. деятель 612
Комптон Эдвард (Compton Ed.) 555
Кондаков Иван Петрович 714
Кондильяк Этьенн Бонно (Condillac E. B.) 256
Кони Анатолий Федорович 595
Конрад (Konrad), император Священной Римской империи 147
Консидеран Виктор (Considérant V.) 15, 17, 271
Констант де Ребек Бенжамен Анри (Constant de Rebecque B. H.) 14, 262
Константин Николаевич, вел. кн. 154, 155, 342, 685, 686
Конт Огюст (Comte Aug.) 626
Конфино Майкл (Confino M.) 417, 427, 428, 439
Конюшая Раиса Павловна 658
Коперник Николай (Kopernik N.) 72, 265, 332
Корде Шарлотта (Corday Ch.) 258, 287, 309
Корнель Пьер (Corneille P.) 261, 303
Корнюэль г-жа (Cornwall) 178
Коро Камиль (Corot C.) 419
Короленко Владимир Галактионович 606
Коростин Алексей Федорович 633
Корренти Амброджо (Correnti A.) 232, 233
Корса Филипп, прозвище Пипо (Corsat Ph., Pipo) 164, 165
Корсаков Дмитрий Александрович 573
Корсаков Сергей Сергеевич 578
Корф Модест Андреевич 237, 238
Корш Евгений Федорович 577, 578, 585, 633
Корш Евгений Федорович (внук) 585, 633
Корш Мария Евгеньевна 578, 585, 633
Корш Мария Федоровна 218, 221, 222, 228, 284, 551, 578, 585, 628, 633
Корш Федор Евгеньевич 585
Корши 551, 576, 585, 599, 633
Коссидьер Марк (Caussidière M.) 320
Коссиловский И. (Kossilowski J.) 694
Коссович Смарагд Игнатьевич 583
Коста (Costa), художник 237
Коста (Kosta), венг. полит. эмигрант 114
Костенко Лев Васильевич 704
Костюшко Тадеуш (Kosciuszko T.) 324, 326, 327, 329, 333
Коуэн Джозеф (Cowen J.) 48, 51—54, 56—58
Коуэн Джозеф—отец (Cowen J.) 57
Коцебу Август Фридрих Фердинанд (Kotzebue A. F. F.) 64
Кочрэн Стивен (Cochran S.) 437
Кошелев Алексей Иванович 412, 612, 635
Кошут Лайош (Kossuth L.) 26, 29, 57, 59, 129, 187, 195, 663
Краевский Андрей Александрович 354
Краснопевцев Петр Иванович 696
Крауфорд-Саффи Джорджина (Crawford-Saffi G.) 50
Кребийон Проспер Жолио (Crebillon P. J.) 303
Кремер Йозеф (Kremer J.), полиц. клички: Ньюджент, Шерваль Жюльен 116—118
Кроликовский Луи (Krolikowski L.) 652, 655, 659
Кромвель Оливер (Cromwell O.) 300, 678
Кронер Г. (Kroner G.) 197
Кропоткин Петр Алексеевич 48
Крусиус-Аренберг Лоло (Елена Шарлотта, Иоганна, Krusius-Arenberg H. Ch.J.) 395
Ксанф 75
Кугультинов Давид Никитич 714
Кудлих Ганс (Kudlich H.) 106, 108, 112—114
Кудрявцев Александр Николаевич 693—696, 698
Кузен Виктор (Cousin V.) 14, 67, 73, 264, 265
Кузнецов Владимир Иванович 704
Кулешов Василий Иванович 574, 604, 613, 614, 628, 636—638
Кулик Владимир 714
Кумани Алексей Михайлович 680
Куманин, племянник М. Ф. Корш 351
Кун Миклош (Кип М.) 88, 217, 249—253, 396, 398, 663, 664, 688, 690—692
Купер Джеймс Фенимор (Cooper J. F.) 675
Курбе Гюстав (Courbet G.) 309
Курута Владимир Иванович 573
Курута Иван Эммануилович 583
Курута Юлия Федоровна 583
Курье де Мере Поль Луи (Courier de Méré P. L.) 259, 262

Кутитонский Григорий Антонович 680, 685—687
Куттико Ренато (Cuttico R.) 233
Кутюр Тома (Couture Th.) 277, 325
Куцинский Андрей Александрович 594
Кэри Генри Чарлз (Carey H. Ch.) 670—672, 675
Кювье Жорж (Cuvier G.) 270, 304
Кюстин Адольф (Custine A.) 273, 310

Лабзин Александр Федорович 303
Лабиль-Гиар А. (Labille-Guiard A.) 15
Лабри Рауль (Labry R.) 6, 557, 629
Лабрусс Фабрис (Labrousse F.) 280
Ла Варенн — см. Варенн Ш.
Ла Велья Пьетро (La Veglia P.) 400
Лавирон Габриэль Ипполит (Laviron G. H.) 292
Лавров Петр Лаврович (Миртов, Paul Sidoroff) 30, 302, 416—418, 431—433, 463, 487, 527, 537—539, 541, 707, 712
Ла Героньер Луис Этьен (La Guéronnière L. E.) 172
Лаллерстедт Свен Густав (Lallerstädt S. G.) 366, 371, 372
Ламанский Владимир Иванович 399
Ламарк Максимилиан (Lamarck M.) 14, 263
Ламартин Альфонс (Lamartine A.) 21, 43, 257, 286, 354, 678
Ламенне Фелисите Робер (Lamennais F. R.) 268
Ланн Альфред, герцог де Монтебелло (Lannes A., Montebello) 282, 305
Ланн Жан, герцог де Монтебелло (Lannes J., Montebello) 305
Ланский Леонид Рафаилович 8, 57, 60, 85, 87, 92—175, 179, 183, 186, 190, 197, 198, 216, 217, 254—360, 395, 620, 624, 636, 639, 658, 659, 665—668, 672, 698, 703
Лапинский Теофил (Феофил; Lapinski Th.) 369, 370, 376—378, 383, 387, 392, 396
Ларусс Пьер (Larousse P.) 305
Лассаль Фердинанд (Lassalle F.) 42, 543, 700
Лаубер (Lauber), швейц. баптист 173, 174
Лауфер Марк (Laufer M.) 122, 135
Лафайет Мари Жозеф (La Fayette M. J.) 14, 262, 263
Лафлины (Lafflin), братья, издатели журнала «Grahams Ill. Magazine» 674
Лафонтен Аугуст (Lafontaine Aug.) 6
Лафонтен Жан (La Fontaine J.) 261
Лебр Адольф (Lèbre A.) 304
Левассор Пьер (Levassor P.) 278, 304, 305
Левашева Ольга Степановна 459, 460, 462
Леве (Кольбе) Вильгельм (Löve W., Kolbe) 102, 103
Леви Арман (Lévy A.) 562
Левицкий Сергей Львович 577, 578
Левье Эмиль (Levier E.) 217
Легран (Legrand), содержатель ресторана в Петербурге 352, 354
Ледрю-Роллен Александр Огюст (Ledru-Rollin A. Aug.) 21, 26, 53, 57, 59, 118, 247—249, 284, 292
Лейа Александр (Laya A.), франц. республиканец 118
Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz G. W.) 14, 76
Лейхтенбергский Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон 154
Лелевель Иоахим (Lelewel J.) 29, 688
Леметр Фредерик (наст. имя Антуан Луи Проспер; Lemaître Fr. A. L. P.) 277, 279
Лемке Михаил Константинович 12, 310, 326, 498, 551—553, 556, 557, 560, 561, 565, 571, 573, 574, 591, 592, 596—616, 622, 624, 628, 634, 636—638, 640
Лемке, дочери М. К. Лемке 603
Ленау Николаус (Lenau N.) 176, 177, 179
Ленин Владимир Ильич 6, 9, 11, 14, 20, 22, 23, 33, 40, 42—44, 85—90, 298, 403, 406, 613, 662, 710
Ленинг Артур (Lehning A.) 417, 437
Лео Л. К. —см. Ланский Л. Р.
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 215, 706
Леонтина (Léontine), парижская гризетка 177, 178
Леонтьев Павел Михайлович 450
Леопарди Джакомо (Leopardi G.) 145, 199, 209, 668
Леопольд (Leopold), англ. принц, герцог Олбани (Albany) 57
Леопольд II (Leopoldo II), герцог Тосканский 200, 226
Леопольд III (Leopoldo III), герцог Тосканский 202
Лерминье Жан Луи Эжен (Lerminier J. L. E.) 14
Лермонтов Михаил Юрьевич 185, 186, 265, 709
Леру Пьер (Leroux P.) 15, 254, 267, 268, 274, 297, 305
Лесаж Ален Рене (Lesage A. R.) 303, 535
Лессинг Готхольд Эфраим (Lessing G. E.) 76
Лжедмитрий 544
Либих (Либиг) Юстус (Liebig J.) 143, 144, 146, 147, 159
Либкнехт Вильгельм (Liebknecht W.) 524
Ливчак Иосиф Николаевич 410, 412
Лидин Владимир Германович 704, 707, 712, 713
Лиленд Чарлз Годфрид (Leland Ch. G.) 669—677
Линдстрем Карл Адам (Lindström K. A.) 384
Линков Яков Иосифович 712
Линкольн Авраам (Lincoln A.) 671, 672
Линниченко Иван Андреевич 551, 628
Линтон Уильям Джеймс (Linton W. J.) 29, 48, 53—57, 113—115, 121, 175, 177, 188, 670
Липперт Карл (Lippert K.) 71
Лист Ференц (Liszt F.) 182
Литтре Поль Максимилиан Эмиль (Littré P. M. E.) 296, 305, 626
Лифарь Сергей Михайлович 618
Лихутин Владимир Никитич 481, 487
Лихутин Иван Никитич 481, 487
Лищинер (Гурвич-Лищинер) Софья Давыдовна 399—412, 450, 628
Лозанн Огюстен Теодор (Lauzanne de Vaux-Roussel Aug. Th.) 304, 305
Лозинский Мелентий Платонович 612
Лойола Игнатий (Loyola I.) 516
Лонгмен (Longman), корреспондент Бакунина 375, 376
Лонже Франсуа Ашиль (Longé F. A.) 299
Лонжпен (Longepin) 335
Лооне Лейда Александровна 395—398
Лопатин Герман Александрович 7, 414, 416, 418, 420, 424, 425, 430, 432, 436—439, 463, 478, 481—487, 494—496, 498, 508, 519—521, 525, 527, 528, 531, 537, 539—542, 546, 585

Лосседа Луи (Laussedat L.) 360
Луве де Кувре Жан Батист (Louvet de Couvray J. B.) 289, 290
Лугинин Владимир Федорович 564, 577, 581, 588, 625
Луи Наполеон — см. Наполеон III
Луи Филипп (Людовик Филипп; Louis Philippe) 103, 171, 202, 222, 268, 270, 271, 274, 276, 281—283, 340
Лукач Георг (Lukács G.) 660
Лукка П. В. (Lucca P. V.) 404
Луцио Алессандро (Luzio A.) 233
Львов Федор Николаевич 500, 523
Льюис Джордж Генри (Lewes G. H.) 48
Любавин Николай Николаевич 421, 424, 436, 462, 463, 481, 483, 485—487, 495—498, 519, 528, 540, 542, 543, 662
Любанский Гржимала (Lubànski G.) 626
Людвиг X (Ludwig X), гессенский курфюрст 152
Людовик XIV (Louis XIV) 259, 528
Людовик XV (Louis XV) 80
Людовик XVI (Louis XVI) 257, 684
Лютер Мартин (Luther M.) 70, 147
Лямкина Елена Ивановна 679
Ляцкий Евгений Александрович 599, 608

Мажанди Франсуа (Magendie F.) 270
Мазад Шарль (Mazade Ch.) 296, 297, 347, 355, 356
Мазини П. К. (Masini P. C.) 400
Майков Аполлон Николаевич 412
Майкова Ксения Александровна 632
Майор Исаак Франсуа (Mayor I. Fr.) 116, 117
Майский Иван Михайлович 639
Макашин Сергей Александрович 7, 8, 43, 397, 619—626, 628, 629, 639, 640, 704—714
Макиавелли Николо (Machiavelli N.) 516
Маклаков Василий Алексеевич 623
Маклаковы 585
Маколей Томас Бабингтон (Macaulay Th. B.) 636
Маллиан Жюльен (Mallian J.) 280
Мальман Август (Mahlmann A.) 157
Малярдье Пьер (Malardier P.) 256
Мамиани Теренцио (Mamiani T.) 218, 220, 222, 224, 227
Мандзони Алессандро (Manzoni A.) 199, 215
Мандт Мартьян Мартьянович (Mandt M.) 363, 364
Манин Даниэле (Manin D.) 230
Манкель Ю. (Mankell J.) 368
Мантейфель Отто Теодор (Manteufel O. Th.) 156
Манюэль Жак Антуан (Manuel J. A.) 14, 262
Марат Жан Поль (Marat J. P.) 258, 502, 523
Мариво Пьер (Marivaux P.) 303
Марилле Э. (Marilley E.) 144, 145
Мария Александровна, императрица, жена Александра II 412, 683
Мария Николаевна, в замужестве герцогиня Лейхтенбергская, затем Строганова, вел. кн. 154, 156, 685
Марков Георгий Мокеевич 714
Маркович Светозар (Marcović S.) 423, 438, 471, 492, 494
Маркс Адольф Федорович 605, 613
Маркс Карл (Marx K.) 12, 20, 23, 27, 33, 36—40, 43, 55, 80, 84—88, 90—92, 103, 116, 118, 170, 172, 182, 195, 211, 217, 247, 272, 273, 284, 286, 291, 305, 350, 396, 404—406, 421, 423, 428, 436, 439, 440, 463, 481, 486, 487, 497, 520, 528, 540, 591, 643—662, 700
Марраст Арман (Marrast A.) 300
Марс Анна Франсуаза (Mars A. F.) 277
Марсо Франсуа Северен (Marceau Fr. S.) 257
Мартино дель Дон, художник 215
Мартино Харриэт (Martineau H.) 48
Маршаль Жозеф (Marechall J.) 261, 303
Матвей Савельевич, лакей Герцена 580
Маторина Раиса Павловна 632
Матури Вальтер (Maturi W.) 208
Матьё Жак (Mattieu J.) 104, 105, 129, 142
Матюшенко Людмила Ивановна 640
Маццини Джузеппе (Мадзини, Осип Иванович; Mazzini G.) 16, 26, 28—30, 43, 48—51, 57, 59, 62, 77, 92, 108, 114, 118, 129, 148, 164, 165, 187, 195, 199, 204—210, 212—253, 310, 321, 340, 343, 360, 404, 466, 550, 562, 588, 618, 661, 663, 664, 668—670
Маццолени Перикл (Mazzoleni P.) 664
Медведева Прасковья Петровна 582
Медичи Джакомо (Medici G.) 204, 207, 208, 216, 234, 235, 618
Медичи (Medici), правнук Д. Медичи 618
Меенен ван (Meenen van), брюссельский книготорговец 360
Мейербер Джакомо (наст. имя Бер Яков Либман, Meyerbeer G., Beer J. L.) 304
Мейзенбуг Мальвида (Meysenbug M.) 50, 80—82, 87, 141, 142, 157, 158, 182, 183, 187—189, 195, 197, 198, 209, 215, 216, 231, 242, 261, 339, 356, 397, 446, 603, 623, 624, 626, 631, 668
Мелесвиль (наст. имя Дюверье Анн Оноре Жозеф, Duveyrier A. H. J.; Mélesville) 304
Мельгунов Николай Александрович 569, 612
Менар (Ménard), фр. издатель 303
Менделеев Дмитрий Иванович 90
Мендельсон Николаи Михайлович 437, 553, 571, 628, 629, 631, 637
Менотти Чиро (Menotti C.) 241
Менцель Вольфганг (Menzel W.) 68
Меншиков (Меньшиков) Александр Сергеевич 663
Мерво Мишель (Mervaud M.) 311, 341, 358, 360, 557, 629, 630
Мериме Проспер (Marimée P.) 261, 266, 354
Мерис Франсуа Поль (Meurice Fr. P.) 340
Меровинги (Merovingi) 269
Месмер Фридрих (Mesmer F.) 317, 318
Меццакапо Карло (Mezzacapo C.) 216, 235
Мечников Лев Ильич 251, 392, 398, 456, 462
Мечникова Варвара Евграфовна 566
Мещерский Александр Николаевич 557, 580, 581, 634
Мидас, фригийский царь 133, 134, 165, 166
Мизиано Каролина Франческовна 217
Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) 201
Милетти Рафаэле (Milletti R.) 404
Миллер Федор Богданович 412
Милль Стюарт Джон (Mill S. J.) 41, 47, 51, 52, 57, 626
Мильнер-Гибсон Каллум Дадли (Milner-Gibson C. D.) 668
Мильнер-Гибсон Каллум Джерри (Milner-Gibson C. D.) 668
Мильнер-Гибсон (урожд. Каллум) Сюзан Аретуза (Milner-Gibson S. A.) 50—52, 145, 148, 150, 668

Мильнер-Гибсон Томас (Milner-Gibson Th.) 50—52, 56, 145, 148, 150, 668
Милюков Александр Петрович 305, 632
Милютин Дмитрий Александрович 411
Минангуа г-жа (Minangoy) 352, 354
Минс (Mins), врач 371
Минье Франсуа Огюст (Mignet F. Aug.) 257
Мирабо Виктор Рикети (Mirabeau V. R.) 257, 275
Мириманы 585
Мироненко Мария Павловна 47, 58, 676
Михаил Николаевич, вел. кн. 154, 156
Михайловский Николай Константинович 243
Мицкевич Адам (Mickiewicz A.) 124, 254, 263, 275, 333
Мицкевич Владислав (Mickiewicz W.) 263
Мишель Каролина (Michel C.) 221, 222, 622
Мишле Жюль (Michelet J.) 29, 30, 52, 76, 175, 206, 214, 235, 254, 257, 268, 275, 293, 294, 296, 298, 302, 306, 323—333, 356, 358, 359, 549, 557, 558, 562, 590, 596, 618, 622, 626, 630, 640, 652, 655, 658, 661, 665
Мишле (Michelet), вдова Ж. Мишле 630
Миятев Петр 620
Модена Густаво (Modena G.) 215
Молешотт Якоб (Moleschott J.) 88, 131
Мольер Жан Батист (Molière J. B., наст. фам. Поклен; Poquelin) 228, 261, 303, 304
Монне Шарль (Monnet Ch.) 11
Моно Бернар (Monod B.) 356
Моно Габриель (Monod G.) 303, 306, 326, 348, 356, 357, 563, 570, 594, 596, 603, 608, 609, 630, 632
Моно-Герцен Эдуард (Monod-Herzen E.) 7, 356, 614, 616, 621, 624, 639
Моно (Monod), сестра Г. Моно 603
Монпансье (Антуан Мари Филипп Людовик Орлеанский; Montpensier A. M. Ph. Louis d'Orléans) 282
Монталамбер Шарль (Montalembert Ch.) 160
Монтень Мишель (Montaigne M.) 178, 254, 257, 265
Монтескьё Шарль Луи (Montesquieu Ch. L.) 256, 274
Монье Ф. (Monnier Ph.) 7, 625
Монье, г-жа, знакомая Козенца и Мордини 235
Мордини Антонио (Mordini A.) 207, 208, 210, 217, 233—235
Море (Moré), г-жа 163
Моретти Андреа (Moretti A.) 244
Моро де ла Мельтьер Шарлотта (Moreau de la Meltière Ch.) 303
Морозов Николай Александрович 606
Морозова (урожд. Хлудова) Варвара Алексеевна 609
Мороховец Евгений Андреевич 439
Моршкин Федор Лукич 72
Мохов Николай Иванович 714
Мрочковский Валериан (Mroczkowski W.) 431, 433, 437, 487, 543, 546
Муар Дж. М. (Moir G. M.) 247
Муравьев Михаил Николаевич 390, 610
Муравьев (Амурский) Николай Николаевич 676
Муханов Павел Александрович 321, 322
Мыльников Александр Сергеевич 7
Мэтрон Жан (Maitron Jean) 333
Мюллер Генрих (Müller H.) 158, 159
Мюллер-Штрюбинг Герман (Müller-Strubing H.) 29, 77, 81
Мюссе Альфред (Musset A.) 302, 354
Нагель Этель (Nagel E.) 625
Надар (Nadar, наст. имя Фурнашон Феликс, Fournachon F.) 393
Надо Мартин (Nadaud M.) 49
Наполеон I Бонапарт (Napoléon I Bonaparte) 13, 40, 67, 68, 70, 101, 103, 140, 141, 227, 258, 259, 261, 264, 265, 275, 278, 288, 294, 305, 350, 409
Наполеон III Бонапарт (Луи Наполеон; Napoléon III; Napoléon Louis Bonaparte) 39, 47, 52, 54, 56, 61, 66, 90, 91, 101, 103, 118, 119, 132, 139—141, 165, 169, 172, 210, 211, 227, 231, 232, 242, 259, 260, 269, 288, 294, 297, 300, 318, 322, 331, 332, 350, 355, 359, 378, 412, 434, 644, 645, 669, 670, 677, 678, 684, 685
Нарбонн-Лара Луи (Narbonn-Lara L.) 274
Науверк Карл (Nauwerck K.) 652
Неведенский С. (наст. имя Щегловитов Семен Григорьевич) 572
Невлер Владимир Ефимович 217, 238, 243
Неголевский Владислав Мауриций (Niegolewski W. M.) 622
Негрескул Михаил Федорович 462, 463
Негро (Negro) 106, 107
Нейман Вильгельм (Neumann W.) 157
Некрасов Николай Алексеевич 582, 586, 587
Некрасов Павел Алексеевич 584, 625
Некрасова Екатерина Степановна 306, 414—416, 437, 489—551, 558, 561, 562, 568, 571—589, 591, 593—595, 599—601, 628, 631—635, 637
Нелидов, дипломат 680
Нельсон Горацио (Nelson Horatio) 59
Непир Чарлз Джемс (Napier Ch. J., Naper) 120, 121
Нерон Клавдий Цезарь (Nero C. C.) 223
Неттлау Максим (Nettlau M.) 400, 405
Неупокоев Валентин Иванович 397
Нефтцер Огюст (Nefftzer Aug.) 305
Нефф Вильгельм (Näff W.) 163
Нечаев Сергей Геннадиевич, псевд.: Барон, Барсов, Бой, Волков, Грозданов С., друг С., Лендли (Laendlay M.), Невиль (Nevile), Pierre, Тигр Медведьевич 7, 40, 44, 413—452, 454—462, 464—479, 482—499, 516, 519, 520, 523—536, 539, 540, 542—546, 554, 555, 559, 561, 622, 624, 701
Нечаева Вера Степановна 658
Нечкина Милица Васильевна 396, 620, 712
Нидергубер (Niederguber), австр. эмигрант 44, 189—193
Никитин Алексей Васильевич 693, 694, 697
Никитин Сергей Александрович 405, 406
Николадзе Николай Яковлевич 347, 348
Николаевская, мать Б. Н. Николаевского 619
Николаевская, вдова Б. Н. Николаевского — см. Берберова И. Н.
Николаевский Борис Николаевич 618, 619
Николай I 26, 30, 80, 101, 103, 116—118, 124, 132, 154, 156, 180—182, 238, 327, 328, 352—354, 379—381, 390, 406, 551, 583, 589, 594, 595, 611, 663, 670, 678, 680, 685, 686, 709
Николай II 617, 622
Николай Николаевич, вел. кн. 154, 156
Новиков Владимир Васильевич 605
Ножин Николай Дмитриевич 398
Норденшёльд Адольф Эрик (Nordenskjold A. E.) 369, 371—374
Нордстрём Ю. (Nordström J.) 384, 385
Нордстрём Якоб (Нордштрём; Nordström J.) 366, 371, 372, 384, 385, 387, 388

Ноэль Альфонс Леон (Noël A. L.) 329—331, 633, 634
Нуар Виктор (Noir V.) 464
Ньютон Исаак (Newton I.) 274
Ньютон Уильям (Newton W.) 47, 59

Обер Франсуа (Auber F.) 304
Оболенская (урожд. Сумарокова) Зоя Сергеевна 243, 433, 449, 461, 467, 468, 470, 471
Оболенский Алексей Васильевич 461
Обручев Николай Николаевич 577
Огарев Богдан (Георгий) Ильич 581
Огарев Николай Платонович 5—7, 16, 51, 52, 57, 65—67, 73, 75, 77, 86, 87, 117, 155, 159, 169, 172, 174, 175, 182, 184, 197, 198, 211, 212, 216, 222, 236, 238, 242—247, 275, 298, 301, 317, 333, 337—341, 346—349, 354, 363, 366—369, 374—376, 378, 379, 381, 383, 385—392, 394, 395, 397—400, 403, 406, 413, 414, 416—423, 427—444, 446, 447, 450—453, 455, 456, 459—461, 463, 464, 467, 469, 471—474, 476—479, 481, 482, 486, 489, 493, 495, 496, 498, 500, 501, 519, 521—525, 528—531, 543, 547, 552, 554—557, 559, 561, 563, 565—575, 577—590, 592—604, 607—609, 611, 615, 616, 619—624, 626—637, 658, 662, 679, 682, 686, 688, 690, 693, 697, 698, 704—714
Огарев Платон Богданович 581
Огарева (урожд. Баскакова) Елизавета Ивановна 581, 634
Огарева (урожд. Рославлева) Мария Львовна 561, 580—583, 600, 638
Огаревы 217, 437, 438, 551, 586, 600
О'Доннель Леопольдо (O'Donnell L.) 172
Озеров Александр Петрович 680
Озеров Владимир Михайлович (Александрович) 413, 418, 422, 423, 431—433, 438, 440, 474, 478, 479, 482—487, 492—496, 519, 521—528, 531, 540—542, 546
Озерова Александра, жена В. М. Озерова 482, 485—487, 494, 538—542
Окен (наст. фам. Оккенфус) Лоренц (Oken L., Okkenfus) 72
О'Коннель (урожд. Мате) Фредерика (O'Connel Fr.) 581
О'Коннор Артур (O'Connor A.) 654
Оксенбейн Иоганн Ульрих (Oxenbein J. U.) 127, 128
Оливье Дария (Olivier D.) 42
Олсоп Томас (Allsop Th.) 47, 48, 56, 57, 61, 62
Ольга Николаевна, вел. кн. 154, 156
Оля, воспитанница Н. А. Тучковой-Огаревой 580, 600
Орденга Юзеф (Ordenga J.) 250
Орест 686
Орестов Олег Леонидович 704
Орлов Алексей Федорович 145, 147, 353, 582
Орлов Михаил Федорович 589
Орлова Екатерина Николаевна 589, 590
Орси Карло (Orsi C.) 404
Орсини Ида (Orsini I.) 231
Орсини Феличе (Orsini F.) 28, 47, 61, 165, 205, 207, 209, 215, 217, 230—233, 243, 340, 350, 596, 622, 663, 664
Орсини Эрнестина (Orsini E.) 231
Оскар (Oskar), принц, впоследствии Оскар II, король Швеции 371—373
Осоргина (урожд. Бакунина) Татьяна Алексеевна 7, 417, 623
Островский Кристиан Юзеф (Ostrowski K. J.) 612
Оттингер Георг (Ottinger G.) 701
Оттон I Баварский (Otton I), король Цезии 16
Оуэн Роберт (Owen R.) 29, 31, 47—49, 56, 61, 241

Павел I 678, 686
Павел Прусский (в миру Леднев Петр Иванович) 612
Павленков Флорентий Федорович 583, 589, 594, 604, 605, 609, 636
Павлов Михаил Григорьевич 72
Павлов Платон Васильевич 338, 339
Павлов, агент Общества пароходства и торговли 680
Палацкий Франтишек (Palacký F.) 412
Пальмерстон Генри Джон Темпль (Palmerston H. J. T.; Pam) 59, 112, 113, 175, 177, 178, 350
Панаев Иван Иванович 645
Панаева (урожд. Брянская, во втором браке Головачева) Авдотья Яковлевна 269, 304
Пантелеев Лонгин Федорович 577, 583, 634
Пантин Игорь Константинович 44
Папо Александр (Papo A.) 385, 397
Парви Ежи (Parvi J.) 340, 345
Парис Гастон (Paris G.) 356
Партридж Моника (Partridge M.) 47—61, 306, 345, 668, 705, 712, 713
Паскаль Блез (Pascal B.) 254, 257
Пассек Людмила Васильевна 565
Пассек (урожд. Кучина) Татьяна Петровна («кузина») 64, 87, 303, 304, 551, 560, 561, 565, 568, 570, 572, 574, 582, 622
Паттон Оскар Петрович 565
Педди Роберт (Peddie R.) 59
Педраццини Терезина (Pedrazzini T.) 468, 477, 546
Пеллико Сильвио (Pellico S.) 199
Пенизи (Penisi), флорентинский знакомый Герценов 215, 458, 460
Пеньковский Лев Минаевич 156
Пепе Гульельмо (Pepe G.) 225
Переселенков Степан Александрович 463, 583, 585, 587, 588, 593—595, 636
Переселенкова, мать С. А. Переселенкова 583
Переселенкова, сестра С. А. Переселенкова 583
Перкаль Марк Константинович 562, 567, 594, 628, 630, 632, 634, 636
Перпер Мирра Иосифовна 406
Перрон Шарль (Perron Ch.) 422, 460, 462, 463, 467
Пестель Павел Иванович 9, 241, 327, 367, 396
Петр I 25, 379—381, 678, 705
Петрарка Франческо (Petrarca F.) 404, 406
Петрашевский Михаил Васильевич (Буташевич-Петрашевский, Petrachevsky) 94, 330, 500, 523, 558, 630
Печерин Владимир Сергеевич 31, 304, 596, 600, 612, 637
Пиа Феликс (Pyat F.) 47, 52—54, 59, 139, 279
Пигот Ричард Эдуард (Pigott R. E.) 48
Пизакане Карло (Pisacane C.) 29, 205, 207, 216, 236, 340
Пий IX (Pie IX) 170, 200, 202, 203, 217—222, 224, 225, 227, 228, 239
Пикулин Павел Лукич 551
Пиль Роберт (Peel R.) 28
Пинто Микеланджело (Pinto M.) 92, 93, 148, 204, 206, 216, 221, 222, 224, 227, 229

Пиотровский Руфин (Piotrowski R.) 370
Пирожкова Вера 13
Пирсон Чарлз Генри (Pearson Ch. H.) 56
Пирумова Наталья Михайловна 413, 439—546, 628, 632
Писарев Дмитрий Иванович 10, 610, 636
Писовская, русская знакомая Герцена в Лондоне 148—150
Писовский, муж Писовской 148—150
Плеве Вячеслав Константинович 595
Плеханов Георгий Валентинович 6, 11, 643, 658
Плешаков Сергей Тимофеевич 7
Плимак Евгений Григорьевич 44, 439
Плон-Плон — см. Бонапарт Ж. Ж.
Плутарх 163
Погодин Михаил Петрович 399, 412
Подуляк А., эмигрант, знакомый Герцена 44
Полевой Николай Алексеевич 13, 551
Полежаев Александр Иванович 625
Полиевктов Михаил Александрович 327, 354
Полонский Вячеслав Павлович (наст. фам. Гусин) 437, 620
Полонский Яков Петрович 590
Поляков Николай Петрович 463, 466, 495, 496
Понсар Франсуа (Ponsard F.) 287
Попов В. 179
Попов Нил Александрович 412
Попова Ольга Николаевна 588, 593
Порох Игорь Васильевич 44
Портье Шарль (Portier Ch.) 305
Порше Жан (Porcher J.) 7, 623, 624, 640
Поспелова Велта Николаевна 182—196
Постумус Н. В. (Postumus N. W.) 618
Потапов Александр Львович 566
Потебня Андрей Афанасьевич 342, 368, 384, 386, 500, 523
Потемкин Владимир Петрович 617
Прево (Prevost), учитель фехтования 335, 337
Прево д'Экзиль Антуан Франсуа (Prévost d'Exiles A. F.) 260, 267
Прео Антуан Огюст (Préault A. Aug) 331
Прессе Анри Бенжамен (Presset H. B.) 94, 96, 97, 100
Прово Елизавета Ивановна 64
Прокопенко Николай Романович 620
Прокофьев Николай Иванович 634
Протопопов Иван Евдокимович 303
Прудон Пьер Жозеф (Proudhon P. J.) 8, 15, 21, 28—31, 44, 72, 102, 103, 111, 206, 263, 268, 271—273, 275, 286, 293, 296, 305—323, 359, 556, 557, 562, 626, 629, 643, 647—651, 654, 656, 657, 659
Прыжов Иван Гаврилович 519, 544
Птушкина Инна Григорьевна 628, 637
Пугачев Емельян Иванович 367, 396, 419, 506, 507, 709
Пуль В. (Poole W.) 763
Пульская Тереза (Pulska T.) 186, 251, 663
Пульский Ференц (Pulski F.) 48, 118, 251, 393, 663
Пурталес-Штайгер Фредерик (Фридрих; Purtalès-Steiger F.) 152, 153
Путинцев Владимир Александрович 620, 628, 712
Пушкин Александр Сергеевич 9, 13, 30, 87, 199, 241, 269, 303, 439, 576, 580, 589, 625
Пушкина (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Наталья Николаевна 632
Пчелин Сергей Викторович 182—195
Пыпин Александр Николаевич 576, 580, 599, 634
Пьерар Луи (Piérard L.) 639
Пьянчани Луиджи (Пианчани, Pianciani L.) 29, 59, 121, 139, 143, 209, 216, 217, 247, 683
Пюжен Огюст (Pugin Aug.) 645

Рабле Франсуа (Rabelais F.) 174, 254, 270, 332
Равель Пьер Альфред (Ravel P. A.) 278, 305
Раглан Фицрой Джеймс Генри Сомерсет (Raglan F. J. H. S.) 335
Радецкий Йозеф (Radetzki J.) 225, 239
Радовиц Йозеф Мария (Radowitz J. M.) 130, 131
Раевские 589
Раевский Михаил Федорович 399
Разин Степан Тимофеевич 506, 507
Райнов Тимофей Иванович 466
Ралле Альфонс (Rallet A.) 352
Ралле Селестен Эжен (Rallet C. E.) 306, 352—354
Ралли-Арборе Земфирий Константинович (Ralli-Arbore Z.) 417, 424, 437, 439
Рапопорт Юрий Михайлович 494, 540
Расин Жан Батист (Racine J. B.) 156, 261, 262, 278, 279, 303
Распайль Франсуа Вежан (Распаль, Raspail F. V.) 268, 270
Рассел Джон (Russel J.) 175, 177, 178
Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 199
Раш Густав (Rasch G.) 44
Рашель (Rachel, наст. имя Элиза Рашель Феликс; Felix E. R.) 261, 275, 277—279, 284
Ревийо Гюстав (Revillod G.) 359, 360
Ревицкая (урожд. Шумлянская) Сидония (Revitzka S.; Szumlanska) 360
Редигер Анри Ашиль (Генрих Ахилл; Rödiger H. A.) 105, 106, 136, 550, 628
Резен Пьер (Raisin P.) 101, 103, 173, 174
Рейбо Луи (Reybaud L.) 150, 285
Реймон (Raymond), франц. издатель 303
Рейнгарт (Рентгартен) Лев Андреевич 369
Рейхели 558
Рейхель Адольф (Reichel A.) 189, 191, 192, 422, 463, 464, 622, 634
Рейхель Карл Александр (Reichel K. A.) 452, 460, 462, 468
Рейхель (урожд. Эрн) Мария Каспаровна (Маша) 10, 103—105, 124, 145, 176, 189, 203, 204, 207, 214, 216, 221, 222, 228, 229, 240, 327, 334, 335, 414, 416, 434, 452, 463, 468, 550, 551, 556—560, 564, 565, 576, 578, 582—585, 591, 592, 599, 613, 615, 622, 628, 629, 633, 635, 668, 682
Рейхенбах Оскар (Reichenbach O.) 50, 56
Рейхенбах (Reichenbach), жена О. Рейхенбаха 50, 56
Рекамье Жюли Аделаида (Récamier J. A.) 269
Реклю Элизе Жан (Reclus E. J.) 48, 357
Рембрандт Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmenz van Rijn) 282
Ренар Огюст (Renard Aug.) 434
Реньяр Жан Франсуа (Regnard J. F.) 303
Репингтон (Repington), г-н 163
Рётшер Генрих Теодор (Ротшер, Rötscher H. Th.) 71
Рибейроль (Рибероль) Шарль (Ribeyrolles Ch.) 59, 139, 306, 349, 350, 663
Рив Эмилия (Reeve E.) 56, 63

Ригер Франтишек Ладислав (Rieger Fr. L.) 411, 412
Рид Р. Б. (Reed R. B.) 59
Ридольфи Козимо (Ridolfi C.) 200
Ризе Адам (Riese, Ryse, Ries A.) 163, 165
Рикар Гюстав (Ricard G.) 180
Рикардо Давид (Ricardo D.) 649
Римская-Корсакова, жена С. А. Римского-Корсакова 589, 590
Римские-Корсаковы 600
Римский-Корсаков Григорий Александрович 589, 590, 637
Римский-Корсаков Сергей Александрович 589
Рист (урожд. Моно) Жермен (Rist G., Monod) 7, 356, 417, 554, 608, 614—617, 621—624, 626, 627, 639, 640
Рист Леонар (Леонард, Rist L.) 7, 158, 242, 435, 565, 619, 621, 624—626, 628, 631
Рист Марио (Rist M.) 624
Рист Ноэль (Rist N.) 7, 401, 621, 624, 626
Рист Шарль (Rist Ch.) 623
Рист Эва (Rist E.) 565, 631
Рист (Rist), дочь Н. Риста 626
Ристы (Rist) 623, 624
Робер Жан (Robert J.) 344
Робеспьер Максимилиан (Robespierre M.) 257, 279, 323, 409, 709
Рогова Н. С. 437, 567, 584, 608, 628—631, 638, 639
Родбертус-Ягецов Карл Йоганн (Rodbertus-Jagetzow K. J.) 246
Родичев Федор Измайлович 413, 612, 614, 615
Родичева Александра Федоровна (Александрина) 614—617, 622, 623, 627, 639
Ройе-Коллар Пьер Поль (Royer-Collard P. P.) 262
Романн Карл-Арвид Иоганнович (полиц. кличка Постников Николай Васильевич) 431, 432
Романов С. Г. 679
Рор Жан Жоффруа (Rohr J. G.) 352
Роскина Наталья Александровна 567, 630, 639
Росселли Нелло (Rosselli N.) 208
Россети Константин (Розетти, Rossetti K.) 44
Росси Пелегрино Луиджи (Rossi P. L.) 114, 115, 228
Россини Джоаккино (Rossini J.) 178
Россум Лео (Rossum L.) 7, 622, 629
Рот (Ротт, Roth), нотариус в Берне 155, 156
Ротшильд Джемс (Rothchild J.) 54, 221, 282, 287, 312, 622
Ротшильд Лионель Натан (Rothschild L. N.) 54, 96, 157
Рош С. (Roche S.) 330
Рошфор Виктор Анри (Rochefort V. H.) 302, 464
Рощин Станислав Константинович 704, 707
Руарг Адольф (Rouargue A.) 99, 490
Руарг Эмиль (Rouargue E.) 99, 490
Рубакин Николай Александрович 615, 616, 626, 627, 639, 640
Руге Арнольд (Ruge A.) 29, 31, 77, 81, 113, 132, 134, 180, 181, 182
Рудницкая Евгения Львовна 363—398, 418, 438, 439, 620, 712
Рудой Инна Матвеевна 8
Руже де Лиль Клод Жозеф (Rouget de Lisle Cl. J.) 284
Рулье Карл Францевич 13, 270
Румер Исидор Борисович 660
Румянцева Нинель Семеновна 658
Русанов Николай Сергеевич 11
Руссо Жан-Жак (Rousseau J. J.) 13, 65, 67, 255, 256, 260, 261; 263, 267, 268, 275
Руст (Rust), купец из Гаммерфеста 397
Руффо Фабрицио (Ruffo F.) 225
Рыбинский Михаил Ильич 620
Рылеев Кондратий Федорович 9, 13, 327
Рюккерт Фридрих (Rückert Fr.) 177, 178
Рюрик 421
Рютер Адольф Иоганн (Rüter A. J.) 7, 622

Саади 138
Сабашников Михаил Васильевич 589, 593—596
Сабашниковы 588, 589
Сави Франческо Бартоломео (Savi F. B.) 244, 245
Савич Иван Иванович 264
Савичевский Сигизмунд Флорентьевич 680, 687
Савонарола Джироламо (Savonarola J.) 502
Сажин Михаил Петрович (псевд. Арман Росс) 414, 417, 427, 432, 436, 437, 439, 440, 479, 487, 497, 498, 525
Сазонов Николай Иванович 85, 199, 256, 262, 264—266, 304, 306, 308, 311, 312, 340, 352, 622, 643
Сазонов Сергей Дмитриевич 150
Салиас-де-Турнемир Евгений Андреевич 585
Салиас-де-Турнемир Елизавета Васильевна (Сальяс; Salias de Tournemir, псевд.: Евгения Тур) 349, 585, 612
Салиньяк-Фенелон Жан Раймон Сигизмон Альфред (Salignac-Fénélon J. R. S. A.) 164, 165
Салтыков-Щедрин (наст. фам. Салтыков) Михаил Евграфович 10, 16, 267, 304, 392, 631
Самарин Юрий Федорович 30, 243, 280, 322, 323, 412, 562, 569, 570, 612, 635
Санд Жорж (наст. имя Дюпен Аврора; в замуж. Дюдеван; Dudevan, Sand G., Dupin A.) 267, 268, 274, 275, 289, 304, 343, 354
Санд Морис (Sand M.) 267
Сапир Борис Моисеевич 449
Сарду Викторьен (Sardou V.) 586
Сартен Дж. (Sartin G.) 671
Сатерленд (Сетерленд) Генри (Генрих, Sutherland H.) 433, 458, 462, 517, 523
Сатерленд (Сетерленд) Мери (Sutherland M.) 437, 456, 462, 562, 590, 707, 711, 712
Сатин Алексей Николаевич 566
Сатин Николай Михайлович 556, 581—583, 587, 600, 622, 634, 635, 637
Сатина (урожд. Тучкова) Елена Алексеевна 203, 222, 303, 559—561, 582, 622
Сатина Наталья Николаевна 587, 599—601
Сатины 587, 600, 638
Сафо 177
Саффи Аурелио (Saffi A.) 28, 48—50, 61, 204, 209, 211, 216, 239, 241, 242, 246, 556
Саша (Шура), сестра неизв. посетителя Герцена 680, 684, 685, 687, 688
Святополк-Мирский Петр Данилович 595
Северская Людмила Петровна 58, 61—63
Секст Эмпирик (Sextus Empiricus) 21
Селина (урожд. Захарьина) Екатерина Александровна 551, 578, 582, 628
Семевская, вдова М. И. Семевского 637
Семевский Михаил Иванович 561, 570, 571, 577, 637
Семидалов Вениамин Иванович 578, 585

Сен-Жорж (Saint-Georges), содержатель ресторана в СПб. 352, 354
Сен-Жюст Луи (Saint-Just L.) 257, 267, 409
Сен-Симон Анри Клод (Saint-Simon H. Cl.) 14, 15, 27, 31, 258, 263—265, 268, 274
Сент-Арно Арман Жак (Saint-Arnaud A. J.) 119, 121
Сент-Бёв Шарль Огюстен (Sainte-Beuve Ch. Aug.) 354
Сераковский Зигмунт (Сигизмунд; Sierakowski S.) 378
Сервантес Сааведра Мигель (Cervantes Saavedra M.) 270
Сервет (Серве) Мигель (Servet M.) 116
Серебренников Владимир Иванович (псевд. Sallier) 417, 431, 433, 434, 457—460, 462, 479, 540
Серебренников Семен Иванович 418, 423, 431, 438, 460, 477, 478, 487, 489, 493, 494, 496—499, 504, 508, 516, 518, 521—525, 527, 528, 531, 536, 537, 540, 541, 546
Серезоль П. (Cérésole P.) 470
Сержан-Марсо Антуан Франсуа (Sergent-Marceau A. F.) 300
Серно-Соловьевич Александр Александрович 85, 458, 462
Серно-Соловьевич Николай Александрович 29, 30, 212, 217
Сиволап-Кафтанова Инна Ивановна 699—702
Сидоров Поль — см. Лавров П. Л.
Сильви Э. (Silvy E.) 196
Симон Генрих Аугуст (Simon H. A.) 119, 121
Симон Людвиг (Simon L.) 102, 103, 110, 115, 644, 652—657, 661, 662
Синягин Дмитрий Андреевич 589
Сиркур Адольф (Circourt A.) 587
Сисмонди Жан Шарль Леонар Симон де (Sismondi J. Ch. L. S.) 261
Сканцони (Лихтенфельс) Фридрих Вильгельм (Scanzoni, Lichtenfels Fr. W.) 164, 165
Скарпа (Scarpa), супруги 92, 93
Скворцов Андрей Ефимович 551
Скворцова (урожд. Тромпетер) Полина 68
Скирмунт Сергей Аполлонович 585
Скоропадский Павел Петрович 612
Скребицкие, семья А. И. Скребицкого 259
Скребицкий Александр Ильич 585
Скриб Эжен (Scribe E.) 277—280, 304
Славятинский Николай Андреевич 146
Слепцов (Провансов) Александр Александрович 30, 212, 368—370, 392, 397
Сливовский Пшемыслав Феликсович 696
Смирнов А. А. 714
Смирнов Валериан Николаевич 440
Смирнов Петр Арсеньевич 603, 637
Смирнова Валентина Акимовна 87, 103, 643—662
Смирнова Зинаида Васильевна 8, 43, 64—87
Смирновский Михаил Николаевич 704
Смит Адам (Smith A.) 12
Смит К. (Smyth C.) 289
Смит Питер (Smith P.) 359
Соколов Николай Васильевич 30, 318—320
Солдатенков Козьма Терентьевич 578, 588, 593, 625
Соловьев Сергей Михайлович 412
Соломон, агент Русского о-ва пароходства и торговли 688
Сондерс Дж. Т. (Saunders G. T.) 118, 663
Сотов, агент о-ва пароходства и торговли 725
Софинский Всеволод Николаевич 704
Спаньер Берта (Spanier B.) 345
Сперанский Михаил Михайлович 150, 152
Сперанский Николай Васильевич 586, 587
Спешнев Николай Александрович 500, 523
Спини Леопольдо (Spini L.) 202, 204, 205, 217—219, 221, 226, 228, 229, 239
Спиноза Бенедикт (Spinoza B., d'Espinoza) 14, 73
Срезневский Измаил Иванович 632
Сталь Анна Луиза Жермена (Staël A. L. G.) 103
Станкевич Александр Владимирович 578, 585, 599, 637
Станкевич Николай Владимирович 263
Стасюлевич Михаил Матвеевич 349, 573, 577, 587, 597, 598, 632, 633, 637
Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович 11, 274, 393, 428, 435, 436, 439, 440, 477, 545
Стеллинг-Мишо Сван (Stelling-Michaud S.) 7, 60, 625, 669—678
Стендаль (наст. имя Бейль Анри Мари, Stendhal, Beyle H. M.) 266, 354
Стерн Даниель — см. Д'Агу М. К.
Стерн Лоренс (Sterne L.) 180, 182
Стефанони Луиджи (Stefanoni L.) 85
Стороженко Николай Ильич 586
Страхов Николай Николаевич 28
Стрельцов Павел Павлович 585
Строганов Григорий Александрович 156, 685
Струве Густав (Struve G.) 23, 127, 128, 360
Струве Петр Бернгардович 11, 25, 549
Струйские 594
Стэнсфилд Джемс (Stansfield J.) 51, 53, 56, 246
Стэнсфилд (урожд. Ашерст) Каролина (Stansfield C.; Ashurst) 50, 51, 241, 245
Субботин Николай Иванович 694
Суворов Александр Васильевич 517
Сулье Фредерик (Soulié Fr.) 279
Сульман Август (Зольман; Sohlman A.) 363, 366, 371, 372, 384, 389, 391, 394—396
Суни Лев Вальтерович 398
Сурков Алексей Александрович 714
Сытин Иван Дмитриевич 613
Сэндерс Томас Коллет (Sanders Th. C.) 56, 663
Сю Эжен (Sue E.) 127, 128, 177, 178, 261, 265, 266, 276, 277, 283
Сюзанна, знакомая А. А. Герцена 134

Таландье Альфред (Talandier A.) 47, 54, 292, 294, 302, 431—433, 437, 563
Талейран-Перигор Шарль Морис (Talleyrand-Périgord Ch. M.) 210
Тальма Франсуа Жорж (Talma F. G.) 278
Танарки Дюла (Tanarky D.) 663, 664
Танчиони (Tancioni), женевская домовладелица 156, 550
Тараканов Николай Григорьевич 712
Таузенау Карл (Tausenau K.) 44, 190—192
Тафри Франсуа (Taferi F.) 351
Твардовский Александр Трифонович 714
Тегеборский (Тенгеборский) Людвиг Валерьянович 675
Теккерей Уильям Мейкпис (Thackeray W. M.) 47, 56, 57, 318
Телеки Шандор (Téléki S.) 290, 663
Телль Вильгельм (Tell W.) 107, 113, 131, 146, 467, 468
Теннисон Альфред (Tennyson A.) 56
Теренций Публий (Terentius P.) 180, 181

Тест Жан Батист (Test J. B.) 281, 305
Тесье дю Моте Мари Эдмон (Tessié du Motay M. E.) 92—95, 123, 166, 167, 292
Тесье дю Моте (Tessié du Motay), жена М. Э. Тесье дю Моте 123
Тиволи Джузеппе (Tivoli G.) 404
Тимашев Александр Егорович 566
Тиме Карл Иванович 159
Тимолеон (Timoleon) 193
Тимофан (Timophan) 194
Тихомиров Лев Александрович 573, 574
Тихонравов Николай Саввич 585
Ткачев Петр Никитич 420
Токаржевич Юзеф (Tokarzewicz J., Токажевич) 394, 406
Токвиль Алексис (Tocqueville A.) 268, 269, 669
Толстой Дмитрий Андреевич 412
Толстой Лев Николаевич 12, 29, 43, 44, 322, 323, 550, 577, 580, 585, 618, 620, 628, 629
Толь (Толль) Феликс Густавович 500, 523
Тома Марсель (Thomas M.) 7, 623, 624
Томас Джозиа (Thomas J.) 53, 57
Торе Теофиль (Thoré Th.) 293
Торсмеден Пер Рейнхольд (Torsmeden P. R.) 391
Трамбауэр (Trambauer), художник 449
Трегенза Дж. М. (Tregenza J. M.) 55
Трубецкая (урожд. Белосельская-Белозерская) Елизавета Эсперовна 410, 412
Трубецкая, подруга Е. В. Салиас (см.) 349
Трубецкой Александр Васильевич 691, 692
Трубникова (урожд. Ивашева) Мария Васильевна 634
Трувеллер Владимир Васильевич 610
Трулов Эдвард (Truelove E.) 54
Трусов Антон Данилович 418, 423, 438, 471, 487, 492—494
Трюбнер Николаус (Николай; Trübner N.) 65, 186, 195, 351, 563, 670, 672, 673, 675, 677, 681, 682, 697
Тукалевский Владимир Николаевич 620
Тургенев Александр Иванович 16, 269, 304
Тургенев Иван Сергеевич 204, 282, 305, 354, 417, 439, 556, 562—566, 573, 580, 612, 625, 631, 632
Тургенев Николай Иванович 9, 269
Турт Абраам Луи (Tourte A. L.) 101, 103, 132—134, 143, 151, 155
Турт, г-жа (Tourte) 105
Туфринори (Tufrinori) 250
Тучков Алексей Алексеевич 220—222, 559—561, 565, 566, 580, 588, 600, 635, 637
Тучкова (урожд. Жемчужникова) Наталья Аполлоновна 559, 560, 566, 600
Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна 203, 212, 218, 222, 229, 242, 246, 254, 303, 304, 333, 337, 339, 346, 353, 354, 413—415, 421—423, 425, 437, 443, 445—447, 469, 472, 475, 480, 488, 489, 491, 492, 518, 551, 552, 554—571, 576—595, 597, 599—602, 604, 622, 626, 628—631, 633—637, 681, 682
Тучковы 363, 588
Туччи Альберто (Tucci A.) 400, 404
Тхоржевский Станислав (Thorzewski S.) 54, 57, 323, 393, 394, 418, 440, 441, 445—447, 466, 473, 518, 554, 557, 558, 563, 566, 567, 569, 611, 612, 622, 631, 634
Тьер Адольф (Thiers A.) 257, 260, 261, 651, 660
Тьерри Огюстен (Thierry Aug.) 261, 264, 269
Тэн Ипполит (Taine H.) 266, 304
Тюрго Анн Робер Жак (Turgot A. R. J.) 285, 286
Тюри Марк (Thury M.) 161, 163
Тюрр Иштван (Turr I.) 92, 93
Тютчев Федор Иванович 10, 412

Уланд Людвиг (Uhland L.) 137, 138
Уллоа Джироламо (Ulloa G.) 235
Уолтерс Ралф (Walters R.) 59
Уорчер Дж. (Ворчер, Worcher G.) 125
Уотсон Джеймс (Watson J.) 60
Урих Эмма (Urich E.) 163
Урих, шурин К. Фогта (Urich) 163
Уркарт Дэвид (Уркуарт, Urquhart D.) 247, 347
Урусов Александр Иванович 570
Усов Степан Александрович 577
Успенский Петр Гаврилович 544, 545
Утин Борис Исаакович 349
Утин Евгений Исаакович 349, 398
Утин Исаак Осипович 349
Утин Николай Исаакович 172, 174, 349, 391, 420, 435, 436, 440, 459, 462, 486, 487, 500, 504, 508, 517, 518, 521, 525, 528, 529, 612
Уэр Р. Т. (Ware R. T.) 669

Фабрицци Николо (Fabrizzi N.) 229
Фабрицци Паоло (Fabrizzi P.) 217, 229, 230
Фази Джемс (Fazy J.) 87, 101, 103, 104, 109, 110, 113—118, 120, 129, 131, 140, 143—147, 155, 164, 165, 172—175, 308, 309, 699, 703
Файф Джон (Fife J.) 59
Фалькович Светлана Михайловна 395, 396
Фальмерайер Якоб Филипп (Fallmerayer J. Ph.) 77, 78, 112—114, 652
Фанелли Джузеппе (Fanelli G.) 404, 405
Фатрелл Майкл (Futrell M.) 395
Федин Константин Александрович 714
Федоров (наст. фам. Москвитин) Иван Федорович 628, 631
Федосова Тамара Федоровна 262
Фейербах Людвиг (Feuerbach L.) 14, 31, 74—76, 650
Фейн Георг (Fein G.) 137, 139
Феллер Фридрих Эрнст (Feller F. E.) 627
Фелькнер Павел Иванович 616
Феоктистов Евгений Михайлович 583
Фердинанд I (Ferdinand I), австр. император 202, 687, 688
Фердинанд II (Ferdinando II), король обеих Сицилий 202, 218, 225, 235
Фигнер Вера Николаевна 413
Фиески Джузеппе (Fieschi G.) 220, 222
Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович) 414
Филипон Шарль (Philipon Ch.) 279
Филипп II, царь Македонии 162, 163
Финк Г. (Остяк) 122, 124
Фихте Иоганн Готлиб (Fichte J. G.) 73, 75
Фишер Адам Андреевич 610
Фишер Карл Андреевич 601
Флобер Гюстав (Flaubert G.) 332
Флоке Франсуа (Floquet Fr.) 461
Флокон Фердинанд (Flocon F.) 127, 128
Флуранс Жан Пьер (Flourens J. P.) 270
Фогт Август Вильям (Vogt A. W.) 160
Фогт Адольф (Vogt A.) 96, 98, 100, 163, 166, 422, 423, 434, 464, 468, 470, 471, 555
Фогт Густав (Vogt G.) 106, 108, 132, 162, 249, 547

Фогт Карл (Фохт, Vogt C., K.) 28, 81, 82, 87—175, 178, 185, 192, 313, 332, 453, 461, 468, 550, 562, 596, 622, 643, 661, 699
Фогт Луиза (Vogt L.), мать К. Фогта 108, 110, 113, 125, 126, 467, 558
Фогт Луиза (Vogt L.), сестра К. Фогта 96, 98, 100, 106, 108, 110, 113, 119
Фогт (урожд. Витвер) Марианна (Vogt M.) 112, 121, 124, 126, 129, 133, 138, 145, 147, 155, 159, 164
Фогт Филипп Вильгельм (Vogt Ph. W.) 102, 103, 106, 107, 110, 114, 126, 166, 167, 169
Фогт Эмиль (Vogt E.), сын Г. Фогта 100, 162
Фогт Эмиль (Vogt E.), сын К. Фогта 121, 129, 132, 136, 138, 143, 144
Фогты (Vogt) 87, 136, 146, 147, 166, 167, 171, 174
Фоллен (Фоллениус) Август Адольф (Follen A. A., Follenius) 162, 163
Фолькгауз (Фолькгаузен) Карл (Volkhaus K., Volkhausen) 142
Фолькструэ Е. (Folkstrue E.) 394, 399
Фомин Василий В. 694
Фомичев Валерий Николаевич 175—179, 195
Фонтен Леон (Fontaine L.) 296, 346, 351
Форстер Георг (Forster G.) 76
Фосколо Уго (наст. имя Никколо; Foscolo U.) 214, 217, 304
Франк Альбер (Franck A.) 328—330, 659, 661
Франки Алессандро (Franchi A.) 207
Франц Иосиф II (Franz Joseph II) 101, 231
Франциск I (François I) 132, 134
Фраполли Лодовико (Frapolli L.) 102, 103
Фрёбель Юлиус (Fröbel J.) 28, 77, 78, 140—142, 184, 185
Фредерик VII (Frederik VII), дат. король 174
Фрейлигрmaт Фердинанд (Freiligrath F.) 8, 29, 174, 175, 182, 183, 195, 196
Фридлендер Георгий Михайлович 658
Фридрих Великий II (Friedrich II, der Grosse) 49, 59, 134
Фридрих Вильгельм IV (Friedrich Wilhelm IV) 132, 134, 152, 155
Фрике, петерб. домовладелец 372
Фрикен Алексей Федорович 249, 251
Фриша Саверино (Friscia S.) 404
Фулвуд Джон (Fullwood J.) 123
Фурлани Сильвио (Furlani S.) 394—396, 398
Фурнье Луи Пьер Нарсисс (Fournier L. P. N.) 274
Фурье Шарль (Fourrier Ch.) 14, 17, 23, 27, 31, 263, 264, 271, 292
Фюррер Жонас (Фуррер; Furrer J.) 127, 128, 152

Хант Торнтон Лей (Hunt Thornton Leigh) 48
Харни Дж. Джулиан (Harney J. J.) 59
Хегетшвайлер Иоганнес (Hegetschweiler J.) 133, 134
Хедин Адольф (Hedin A.) 394
Ховра С. В. 92, 93
Хоецкий Карл Эдмунд (псевд. Шарль Эдмон; Chojecki, Charles Edmond) 92, 94, 95, 101, 102, 104, 105, 124, 147, 148, 165, 182, 189, 249, 250, 306, 308, 310—313, 355, 557
Хокинс (Hawkins), представитель фирмы «Royal Arsenal» 705
Холиоук Джон Джордж (Holyoake J. G.) 47, 48, 56
Хольдм Н. Ф. (Holdm N. F.) 396
Хомяков Алексей Степанович 10, 49
Хотинский Матвей Степанович 299
Христиан IX (Christian IX), дат. король 174

Цамперини Фердинанд (Zamperini F.) 442, 448, 461, 475, 479, 481, 489, 490, 492, 524
Цанетти Алессандро (Zanetti A.) 217, 229, 230
Цверцякевич Юзеф (Сверцякевич; Цверчакевич J.; Czwierzakiewicz) 377
Цветаев Иван Владимирович 581, 584, 591, 592, 596—599, 607, 608, 637
Цезарь Гай Юлий (Caesar G. J.) 288
Цертелев Дмитрий Николаевич 412
Цехановский Роберт (Ciechanowski R.) 612
Циммерман Юлиус (Zimmermann J.) 443
Цицерон Марк Туллий (Cicero M. T.) 410
Цурбухен Вальтер (Zurbuchen W.) 699
Цшокке Генрих (Zschokke H.) 95
Цыпкина Зинаида Михайловна 216, 217, 234
Цявловский Мстислав Александрович 600, 635

Чаадаев Петр Яковлевич 9, 10, 13, 292, 293, 324, 425, 439, 587, 590, 596, 600, 637
Чарторыские (Czartoryscy) 363, 364
Чарторыский Владислав (Czartoryscy W.) 363, 365, 622
Чащина Лариса Федоровна 693—698
Черкасский Владимир Александрович 399, 411, 412
Черкесов Александр Александрович 566
Чернецкий Людвиг (Czerniecki L.) 168, 335, 336, 373, 423, 452, 461, 471, 474, 523, 566, 611, 634, 702
Чернов Виктор Михайлович 11
Черноуцан Игорь Сергеевич 8
Черных Вадим Алексеевич 639, 669, 676, 679—688
Чернышевский Николай Гаврилович 10, 30, 34—36, 85, 256, 259, 269, 304, 398, 439, 601, 673, 707
Черняк Яков Захарович 263, 348, 432, 437, 571, 574, 608, 620, 628, 632, 712
Чехов Антон Павлович 12
Чичерин Борис Николаевич 10, 569, 612, 635, 686
Чичероваккио (наст. имя Брунетти Анджело; Ciceruacchio; Brunetti A.) 200, 202, 216
Чубаров Владимир Михайлович 704
Чумиков Александр Александрович 23, 657, 658

Шабелиц (Schabelitz), печатник в Базеле 135
Шаллер Урбан (Schaller U.) 453, 462
Шаллер Юлиан (Schaller J.) 94, 95, 148, 149, 151, 153
Шаппер Карл (Schapper K.) 37, 645, 650, 655
Шатобриан Франсуа Рене (Chateaubriand Fr. R.) 269, 675
Шахматов Александр Александрович 606
Шаховской Николай Владимирович 594
Шевченко Тарас Григорьевич 625, 640
Шедо-Ферроти Д. К. (наст. имя Фиркс Федор Иванович; Shedo-Ferroty) 80, 611
Шекспир Уильям (Shakespeare W.) 13, 47, 343
Шеллинг Фридрих Вильгельм (Schelling Fr. W.) 72, 73
Шен Уильям (Shaen W.) 247
Шеперд Т. (Schepherd Th.) 49, 59, 109
Шереметев Дмитрий Николаевич (Cheremeteff) 611

Шереметев, в 1901 г. предводитель дворянства Звенигородского уезда Московской губернии 585
Шеррер Иоганн Иозеф (Scherer J. J.) 158, 159
Шиллер Фридрих (Schiller Fr.) 13, 64—70, 72, 76, 83, 87, 121, 146, 169, 172, 195, 255, 261
Шифф (Шиф) Мориц (Schiff M.) 197, 215, 421
Шишманов Иван Дмитриевич 610—612
Шишманова (урожд. Драгоманова) Людмила Михайловна 610—612, 620
Шишманова, внучка М. П. Драгоманова 620
Шишмановы 612, 639
Шлегель Август Вильгельм (Schlegel A. W.) 262
Шлоссер Фридрих Кристоф (Schlosser Fr. Chr.) 15, 76
Шмаков Марк Александрович 714
Шницлер Иоганн Генрих (Schnitzler J. H.) 327, 328
Шопен Фредерик (Chopin Fr.) 275
Шопенгауэр Артур (Schopenhauer A.) 84
Шпильман Иоганн (Spielmann J.) 321
Шпишигер Огюст (Spischiger Aug.) 433
Шроппы (Schropp), семья 119
Штемфли Якоб (Staempfli J.) 119, 121, 134, 152, 153
Штефен Александр (Stefen A.) 372
Штраубе Е. (Straube E.) 394, 398
Штраубе (Straube), швед. переводчица 345
Штраус Давид Фридрих (Strauss D. Fr.) 133, 134
Шуберт Франц (Schubert F.) 707
Шувалов Петр Андреевич 410, 559, 560
Шуваловы 594
Шульгин Владимир Сергеевич 658
Шульц А. Ф. 559
Шульц Вильгельм (Schulz W.) 137, 139
Шумахер (урожд. Мюльгаузен) Юлия Богдановна 578
Шумахер, родственник К. Фогта 130
Шумигорский Евгений Севастьянович 598
Шумлянский А. (Szumlanski A.) 360
Шурц Карл (Schurz K.) 29, 81, 143, 145, 147

Щебальский Петр Карлович 412
Щеголев Павел Елисеевич 439, 598
Щедрин — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щепкин Митрофан Павлович 588, 625
Щепкин Михаил Семенович 274, 280
Щепкин Николай Михайлович 633, 635
Щепкина Александра Владимировна 578
Щербань Николай Васильевич 471
Щербатов Александр Алексеевич 412
Щукин Петр Иванович 606
Щуровский Григорий Ефимович 412

Эвербек Август (Ewerbeck A.) 643
Элпидин Михаил Константинович 482, 487, 540
Эльман Изидор (Helmann I.) 11
Эльсберг Яков Ефимович 658
Энгельгардт (урожд. Новосильцева, псевд. Ольга N.) Софья Владимировна 268
Энгельс Фридрих (Engles Fr.) 20, 27, 38, 43, 44, 84, 85, 90, 91, 103, 118, 119, 121, 182, 195, 217, 247, 274, 277, 305, 350, 374, 396, 402, 404—406, 440, 463, 487, 643, 644, 646
Энгельсон Адам 123
Энгельсон Александра Христофоровна 88, 123, 124, 126, 133, 135, 144, 146, 550, 585, 594
Энгельсон Владимир Аристович («Полковник») 88, 94, 96, 97, 100, 101, 120, 121, 124, 126, 127, 130, 133, 135, 144, 231—233, 330, 550, 558, 585, 594
Энгельсон Исаак Владимирович 129
Эннеги (урожд. Прудон) Катрин (Henneguy C.) 556, 557
Эркман-Шатриан (Erkmann-Chatrian), совместный псевдоним Эмиля Эркмана и Шарля Луи Гратьена Александра Шатриана 257, 297
Этвуд Чарлз (Attwood Ch.) 59
Эфрос Наталья Давыдовна 557, 620

Южакова Елизавета Николаевна 417
Юм Дэвид (Hume D.) 21
Юрье-Коскинен Юрье Захариас (Vrjo-Koskinen Vrjo Sakari) 364, 389
Юсупов Николай Борисович 264

Языков Александр Петрович 610
Языков Михаил Александрович 569
Якоби Иоганн (Jacoby J.) 77
Якоби Павел Иванович 370, 414
Яков II (Jacob II), англ. король 15
Яковенко Валентин Иванович 583, 589, 594, 605, 636
Яковлев Алексей Александрович 304, 622
Яковлев Василий Иванович 603
Яковлев Иван Алексеевич 258, 260, 261, 277, 303, 580, 582, 622, 634
Яковлев Лев Алексеевич 260, 303, 304
Яковлева Наталья Александровна 704
Яковлевы 575, 614, 633
Якубович Дмитрий Петрович 679
Якушкин Вячеслав Евгеньевич 589, 598

Baumgarten Sandor 663
Beattie W. 695
Bölsterli m-me 546
Charles I, англ. король 270
Charles II, англ. король 270
Clarke, адресат писем Г. А. Лопатина 540
Compagnon M. E. 700
Garnett R. 123
Gentzmer G. H. 673
Gerber Rafal 262, 277
Harrison John Fletcher 52
Jong Fr. 7
Koszyk Kurt 661
Leeuw J. B. van 7
Leti Giuseppe 217
Lewak Adam 370
Lindley Dwight 57
MacCabe Joseph 56
Marmier Xavier 99
Meijer Jan Marinus 494
Mineka 57
Morelli Emilia 216
Obermann Karl 661
Pennell Elisabeth Robin 671, 673
Pierre 479
Philips Duncan 25
Quazza Gvido 234
Reissner Eberhard 87
Reverdin 460
Spellanzon Cesare 223
Stasik Florian 274
Vandermeulen A. 189
Wittke Karl 675
Wolfgramm E. 661
Ziegengeist Gerhart 182

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ГЕРЦЕН И ЗАПАД
Идейное творчество русского мыслителя
и социально-политический опыт Западной Европы
Статья А. И. Володина 9

ГЕРЦЕН И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
ПЕРЕПИСКА С ИНОСТРАННЫМИ ДЕМОКРАТАМИ

ГЕРЦЕН И АНГЛИЯ
Статья Моники Партридж (Ноттингем) 47

ПЕРЕПИСКА С АНГЛИЙСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ
Письмо Герцена к Т. Олсопу.— Письма к Герцену Т. Карлейля и Дж. Коуэна
Публикация Моники Партридж и Л. П. Северской . . . 57

ДЖ. КОУЭН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Моники Партридж 57

Т. КАРЛЕЙЛЬ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Моники Партридж 60

ГЕРЦЕН — Т. ОЛСОПУ
Публикация Л. П. Северской 62

ГЕРЦЕН И ГЕРМАНИЯ
Статья З. В. Смирновой 64

ПЕРЕПИСКА С К. ФОГТОМ
Статья Н. Ю. Колпинского. Публикация Л. Р. Ланского.
Комментарии М. Вюильмье (Женева) и Л. Р. Ланского 87

ПЕРЕПИСКА С НЕМЕЦКИМИ ДЕМОКРАТАМИ
Письма Герцена к Л. Бамбергеру и Ф. Грегоровиусу.— Переписка с Г. Кинкелем.—
Письма к Герцену Э. Винтерсберга, М. Гартмана и Ф. Фрейлиграта.
Публикация и комментарии И. А. Желваковой, Л. Р. Ланского, В. Н. Поспеловой и В. Н. Фомичева 175

М. ГАРТМАН — ГЕРЦЕНУ
Публикация В. Н. Фомичева 175

ГЕРЦЕН — Л. БАМБЕРГЕРУ
Публикация И. А. Желваковой 179

ПЕРЕПИСКА С Г. КИНКЕЛЕМ
Публикация В. Н. Поспеловой 182

Э. ВИНТЕРСБЕРГ — ГЕРЦЕНУ
Публикация В. Н. Поспеловой 189

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ — ГЕРЦЕНУ
Публикация В. Н. Поспеловой при участии С. В. Пчелина 195

ГЕРЦЕН — Ф. ГРЕГОРОВИУСУ
Публикация Л. Р. Ланского 197

ГЕРЦЕН И ИТАЛИЯ

Статья М. И. Ковальской 199

ПЕРЕПИСКА С ИТАЛЬЯНСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

Письма Герцена к М. Гуасталле и Дж. Дольфи. — Письма к Герцену Ф. Абиньенте, М. Квадрио, Дж. Маццини, А. Мордини, Ф. Орсини, Л. Спини, П. Фабрицци и А. Цанетти
Публикация и комментарии М. И. Ковальской, М. Куна (Будапешт) и В. Е. Невлера 217

Л. СПИНИ — ГЕРЦЕНУ И Н. А. ГЕРЦЕН
Публикация М. И. Ковальской 217

П. ФАБРИЦЦИ, Ф. АБИНЬЕНТЕ И А. ЦАНЕТТИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Ковальской 229

Ф. ОРСИНИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Ковальской 230

А. МОРДИНИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Ковальской 233

М. КВАДРИО — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Ковальской 235

ДЖ. МАЦЦИНИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Ковальской 238

ГЕРЦЕН — М. ГУАСТАЛЛЕ
Публикация М. Куна. 249

ГЕРЦЕН — ДЖ. ДОЛЬФИ
Публикация М. Куна 251

ГЕРЦЕН И ФРАНЦИЯ

Статья Л. Р. Ланского 254

ПЕРЕПИСКА С ФРАНЦУЗСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

Письма Герцена к А. Девилю, Э. Кине и Г. Моно.— Переписка с Л. Бланом, В. Гюго и П. Ж. Прудоном.— Письма к Герцену Э. Аколла, С. Бернара, Ф. Бюлоза, Ж. Мишле, С. Э. Ралле и Ш. Рибейроля
Публикация и комментарии Л. Р. Ланского при участии М. Вюильмье (Женева), А. Звигильского (Париж), М. Кадо (Клермон-Ферран) и Моники Партридж (Ноттингем) 306

ПЕРЕПИСКА С П. Ж. ПРУДОНОМ
Публикация Л. Р. Ланского 306

Ж. МИШЛЕ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 323

ПРИЛОЖЕНИЕ: Ж. МИШЛЕ—А. А. ГЕРЦЕНУ 333

ГЕРЦЕН — А. ДЕВИЛЮ
Публикация Л. Р. Ланского 333

ПРИЛОЖЕНИЕ: Н. П. ОГАРЕВ — ДЕВИЛЮ 338

ПЕРЕПИСКА С В. ГЮГО
Публикация Л. Р. Ланского 339

ПРИЛОЖЕНИЕ: А. А. ГЕРЦЕН—В. ГЮГО 345

ПЕРЕПИСКА С Л. БЛАНОМ
Публикация М. Вюильмье и Моники Партридж 345

Ш. РИБЕЙРОЛЬ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 349

С. БЕРНАР — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. Вюильмье 350

С. РАЛЛЕ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. Кадо и Л. Р. Ланского 352

Ф. БЮЛОЗ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 354

ГЕРЦЕН — Г. МОНО
Публикация А. Звигильского 356

Э. АКОЛЛА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 357

ПРИЛОЖЕНИЕ: ГЕРЦЕН — Э. КИНЕ
Публикация Л. Р. Ланского 358

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ

ГЕРЦЕН, ОГАРЕВ, БАКУНИН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.
Статья и публикация Е. Л. Рудницкой 363

БАКУНИН И ГЕРЦЕН В ПОЛЕМИКЕ ПО СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ
Открытое письмо М. А. Бакунина к Герцену
Статья и публикация С. Д. Лищинер 399

ОГАРЕВ, БАКУНИН И Н. А. ГЕРЦЕН-ДОЧЬ В «НЕЧАЕВСКОЙ» ИСТОРИИ (1870 г.)
Статья и публикация С. В. Житомирской и Н. М. Пирумовой 413

АРХИВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

СУДЬБА АРХИВА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
Статья С. В. Житомирской 549

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ ГЕРЦЕНА О К. МАРКСЕ И Ф. ЭНГЕЛЬСЕ (1850—1851 гг.).
Сообщение В. А. Смирновой 643

О КОНСПИРАТИВНЫХ СВЯЗЯХ ГЕРЦЕНА С УЧАСТНИКАМИ РИСОРДЖИМЕНТО
Сообщение М. Куна (Будапешт) 663

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ К ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского 665

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНТКА ГЕРЦЕНА
Неизвестное письмо Герцена к Луизе Галер
Публикация Моники Партридж (Ноттингем) 668

ГЕРЦЕН И АМЕРИКАНСКИЙ ПУБЛИЦИСТ Ч. Г. ЛИЛЕНД
Публикация С. Стеллинга-Мишо (Женева) 669
ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОГО ПОСЕТИТЕЛЯ ГЕРЦЕНА
Сообщение В. А. Черных 679
ПОЛЕМИКА ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ
Публикация И. С. Миллера и М. Куна (Будапешт) 689
ГЕРЦЕН И СТАРООБРЯДЦЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
Письмо Герцена и Огарева к А. В. Никитину
Публикация Л. Ф. Чащиной 693
«КОЛОКОЛ» В ЖЕНЕВЕ
Сообщение И. И. Сиволап-Кафтановой 699
ДЖЕМС ФАЗИ — КОРРЕСПОНДЕНТ ГЕРЦЕНА
Публикация М. Вюильмье (Женева) 703
«ИЗ ВЕЧНОГО ИЗГНАНИЯ»
О перенесении праха Огарева на родину. Страницы путевого дневника 1966 г.
Сообщение С. А. Макашина 704
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 715
УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Т. Г. Динесман 716
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Ю. Г. Кондратьева 722

В томе 140 иллюстраций

Литературное наследство

Том 96

ГЕРЦЕН И ЗАПАД

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Ч. Воровская*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, М. В. Борткова*

ИБ № 28449

Сдано в набор 14.06.84
Подписано к печати 16.07.85
А-10392. Формат 70×108¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 65,27. Усл. кр.-отт. 66,67. Уч.-изд. л. 80,9
Тираж 11000 экз. Тип. зак. 441
Цена 10 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

10р.20к.

10 р. 20 к.

